НАШИ КОЛОНІИ

ОПЫТЫ И МАТЕРІАЛЫ ПО ИСТОРІИ И СТАТИСТИКѢ

ИНОСТРАННОЙ КОЛОНИЗАЦІИ ВЪ РОССІИ

ВЫПУСКЪ I

А. Клауса.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ В. В. НУСВАЛЬТА, ЛИТЕЙНАЯ, № 13.
1869

АШИ КОЛОНІИ

ЕРІАЛЫ ПО ИСТОРІИ И СТАТИСТИКѢ

ИНОСТРАННОЙ КОЛОНИЗАЦІИ ВЪ РОССІИ

ВЫПУСКЪ I

А. Клауса.

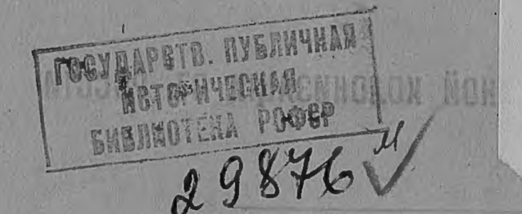
Gewöhnlich wird die Frage so gestellt: «Entweder Individualismus oder Socialismus?... Individuelle Freiheit oder Staatsmacht?» — Da liegt aber unsers Erachtens der Irrthum schon in der Frage, welche immer nur eine Seite vorkehrt und die andere ausschliesst. Die ganze logische und praktische Gefahr ist die *Einseitigkeit* der beiden Prinzipien, auf deren *Verbindung* das wahre Recht ruht.

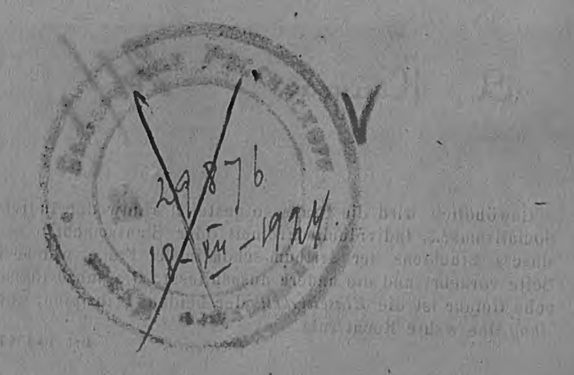
D-r BLUNTSCHLI.

Обыкновенно ставятъ вопросъ такъ: «индивидуализмъ или соціализмъ; индивидуальная свобода или централизованная власть?» Но, по нашему убѣжденію, ошибка кроется уже въ самой постановкѣ вопроса, который всегда выдвигаетъ только одну сторону, скрывая другую. Вся логическая и практическая опасность заключается здѣсь въ *односторонности* обоихъ принциповъ, на *взаимной связи* которыхъ зиждится истинное право.

Д-ръ Блюнчли.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ В. В. НУСВАЛЬТА, ЛИТЕЙНАЯ, № 13.
1869


ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА РСФСР
29876


29876
18-XII-1924

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Настоящую книгу мы предположили издать двумя выпусками. Въ предлагаемый нынѣ первый выпускъ вошли, по преимуществу, очерки нашей иностранной колонизаціи, уже болѣе или менѣе извѣстные публикѣ [1]). Очерки эти нами исправлены и во многомъ дополнены; впервые же являются въ печати статьи: «Порядки наслѣдованія», «Страхованіе строеній и пожарная часть», «Волостные банки», «Задунайскіе переселенцы» и приложенія. Слѣдующій выпускъ, говоря вообще, будетъ имѣть предметомъ болѣе или менѣе обстоятельный обзоръ бытовыхъ условій нашихъ «нѣмецкихъ» (протестантскихъ и католическихъ) колоній южной Россіи и Поволжья; сопоставленіе ихъ, отдѣльными группами, между собою и съ меннонитами; возможно наглядное описаніе дачъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ колоній по подворно-наслѣдственному распредѣленію полей и угодій, съ объясненіемъ системы хозяйства; попытки въ Поволжьѣ перейти отъ періодически повторяющихся, подушно-уравнительныхъ передѣловъ земель къ подворно-участковой системѣ; общіе выводы объ относительныхъ достоинствахъ и недостаткахъ разсмотрѣнныхъ нами различныхъ общинныхъ распорядковъ; и наконецъ, соображенія о возможности примѣненія опыта колоній въ дѣлѣ колонизаціи и экономическаго устройства нашего сельскаго состоянія.

Большая или меньшая извѣстность содержанія перваго выпуска—съ одной стороны, а съ другой—спеціальность самаго предмета, два условія, въ виду которыхъ авторъ не льститъ себя надеждою на обширный кругъ читателей. Слѣдовательно, съ коммерческой точки зрѣнія, настоящее изданіе принадлежитъ едва-ли не къ разряду «неблагодарныхъ» предпріятій. Еще менѣе авторъ вправѣ претендовать на извѣстность и заслуги литератора; самую скромность его въ этомъ отношеніи — нельзя признать заслугою. Наконецъ, единственная среда, любопытство которой затрогивается непосредственно, масса нашихъ колонистовъ, еще слишкомъ мало ознакомилась съ русскимъ языкомъ, и на столько хорошо *знаетъ* свои собственные распорядки, нужды и чаянія, что писать и печатать *по-русски* собственно для нея равнялось бы едва-ли не толченію воды. Итакъ, чему же именно обязана книга сво-

---

[1]) «Вѣстникъ Европы» 1868 г., т. I, II, III и IV «Сектаторы-колонисты». Тамъ же 1869 г. т. I и II «Духовенство и школа въ нашихъ нѣмецкихъ колоніяхъ».

имъ появленіемъ?. вотъ вопросъ, на который признаемъ не лишнимъ дать отвѣтъ.

Поселенія у насъ иностранцевъ-земледѣльцевъ, въ массѣ, предпринимались не съ одностороннею цѣлью — занять осѣдло «пустующія» земли и окраины имперіи. Поселенія эти, какъ впрочемъ впервые высказано правительствомъ только въ 1804 г., имѣли еще *культурно-образовательное* назначеніе. Что первая цѣль вполнѣ достигнута, въ томъ нагляднымъ доказательствомъ служатъ сами же колоніи и болѣе или менѣе цвѣтущее положеніе ихъ. Не можетъ быть разнорѣчія и въ томъ, что примѣръ колоній мало оказалъ вліянія на ихъ туземныхъ сосѣдей, хотя, всматриваясь ближе въ дѣло, слѣды *обоюднаго* воздѣйствія неоспоримы, особенно въ мѣстностяхъ, колонизированныхъ и раньше, и при болѣе или менѣе общихъ съ русскимъ крестьяниномъ бытовыхъ условіяхъ; какъ напр. въ Поволжьѣ. Однако во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что правительство ожидало въ этомъ направленіи несравненно большаго; и русское общество конечно не ошибается, положительно высказывая эту мысль съ того недавняго, впрочемъ, времени, какъ изъ безгласнаго—оно сдѣлалось полугласнымъ. Но крѣпко заблуждаются иные, ставя колонистамъ въ вину малое вліяніе ихъ на культурный бытъ сосѣдей и приписывая такой неуспѣхъ исключительно изолированному или, что тоже, привилегированному положенію колоній. Такія разсужденія на столько же логичны и справедливы, какъ еслибъ кому вздумалось обвинять солнце, что оно, освѣщая и согрѣвая нашу планету, не содѣйствуетъ однако произрастанію и въ нашемъ поясѣ апельсиновъ и лимоновъ. И въ самомъ дѣлѣ, сколько потребовалось бы перемѣнъ въ физическихъ условіяхъ нашей планеты, а съ тѣмъ вмѣстѣ, и въ цѣломъ строѣ нашей солнечней системы, для того только, чтобы произрастаніе апельсиновъ и лимоновъ въ Россіи сдѣлалось также удобнымъ и естественнымъ, какъ въ Малой Азіи!.. Отвѣтомъ на возгласы подобныхъ ревнителей-патріотовъ могутъ быть, съ одной стороны, наши коренные реформы, альфою и омегою которыхъ служитъ политико-соціальное и экономическое *устройство нашихъ сельскихъ состояній*, а съ другой — внутренній бытъ колоній, ихъ общественные и поземельные распорядки, въ основѣ которыхъ всегда лежали коренныя начала, сдѣлавшіяся *только въ послѣднее время* общимъ достояніемъ всего сельскаго состоянія имперіи. Еслибы наши колоніи нынѣ обратить въ барскія вотчины, въ крѣпость, то, само собою, онѣ оказались бы вновь «изолированными», новымъ status in statu, и, конечно, не вслѣдствіе какихъ либо тенденціозныхъ, сепаративныхъ стремленій самаго населенія, а единственно только въ силу рѣзкихъ противорѣчій ихъ политико-гражданскаго и вотчинно-экономическаго быта съ свободнымъ, раціонально осмысленнымъ и разумно организованнымъ строемъ окружающей жизни. Пора

же, кажется, честно и откровенно сознаться, а сознавши, и признать тотъ неоспоримый фактъ, что нельзя ожидать прочныхъ политическихъ, соціальныхъ и экономическихъ успѣховъ тамъ, гдѣ, въ глазахъ распорядителей и руководителей народнаго труда, рабочій людъ de jure и de facto представляется лишь чѣмъ-то въ родѣ механической рабочей силы, нуждающейся въ нашей заботѣ едва-ли не меньше рабочаго скота. «Мы, южные хозяева, говоритъ г. Палимпсестовъ [1])—съ каждымъ поколѣніемъ низводимъ нашъ скотъ въ худшее и худшее положеніе. И не мудрено: зимой — солома и безпріютность отъ разрушительныхъ вліяній климата; лѣтомъ, при тяжолыхъ трудахъ обработки земли или передвиженія тяжестей,—подножный кормъ, не рѣдко состоящій изъ сухихъ, мелкихъ, даже трудно-съѣдобныхъ травъ и пыли. Этого мало: посмотрите на наши водопои — въ запрудахъ, гдѣ вмѣсто воды скотъ пьетъ тинистую прогнившую влагу. И какъ будто бы нѣтъ средствъ сдѣлать изъ этой же воды — здоровое питье! А вѣдь это тотъ скотъ, выя котораго дала намъ все, что мы имѣемъ. Правда, были и есть у насъ хозяева, которые желали обзавестись какими нибудь лучшими породами скота; но эти улучшенныя породы, кое-гдѣ сохранивши лучшія свои типическія черты, при худыхъ кормахъ, при небрежномъ уходѣ, при грубомъ обращеніи съ ними, скоро сравнивались съ туземнымъ скотомъ, представляющимся намъ въ самомъ жалкомъ положеніи. Грустно и т. д.». Конечно грустно, скажемъ и мы; но какія же чувства должны волновать насъ при сознаніи, что небольшой перифразъ приведенной тирады далъ бы намъ вѣрную и во всякомъ случаѣ еще болѣе безотрадную картину политико-соціальнаго и экономическаго положенія массы нашего рабочаго люда, сельскаго и городскаго, за цѣлый рядъ вѣковъ?..

Не колонисты, не сознательное будто бы стремленіе ихъ къ изолированію, и не какъ бы тенденціозное нерасположеніе ихъ къ общенію съ туземнымъ населеніемъ — причиною тому, что интеллигентные и хозяйственные успѣхи колоній не обнаружили доселѣ тѣхъ культурно-образовательныхъ результатовъ, которыхъ надѣялись отъ нихъ и правительство, и общество. Виноваты... но стоитъ ли говорить дальше?..

По нашему мнѣнію, если признать за нашими колоніями культурно-образовательную миссію, въ смыслѣ практически приложимыхъ у насъ результатовъ, то эта миссія наступила только недавно. И она не замедлитъ оказать свое вліяніе, какъ скоро *мы сами*, изучивъ причины и условія успѣха колонистскихъ водвореній, въ дѣлѣ сельскаго устроенія воспользуемся ихъ примѣромъ, ихъ опытами, которые въ то же время наши собственные опыты, купленные притомъ весьма не дешево.

---

[1]) «Сборникъ статей о сел. хоз. юга Россіи». Одесса, 1868 г., стр. 53.

Зная бытовыя условія, въ которыхъ цѣлые вѣка вращался, а отчасти и теперь еще купается нашъ крестьянинъ, никто не обвинитъ его въ неумѣлости и нежеланіи перенять отъ сосѣдей-колонистовъ то, что у нихъ хорошо и что было бы желательно встрѣтить повсюду въ нашихъ селахъ и деревняхъ. Будь нашъ крестьянинъ геніяленъ во всевозможныхъ отношеніяхъ; будь онъ гигантъ по энергіи, настойчивости и силѣ, но связанный, опутанный по рукамъ и ногамъ, онъ могъ думать объ усвоеніи иныхъ, лучшихъ порядковъ, только порвавши эти путы. Гдѣ же тутъ было время вдумываться въ колонистскіе порядки?.. И какая же могла быть у него возможность перенимать, усвоивать эти порядки даже при самомъ усердномъ желаніи съ его стороны?..

Но, спросили бы мы господъ, выступающихъ обвинителями колонистовъ, сами ли они серьезно подумали о томъ, что иностранная наша колонизація есть фактическій, вѣковой опытъ русскаго же правительства, опытъ практическаго примѣненія, какъ сказано, тѣхъ самыхъ коренныхъ началъ, которыя съ недавняго времени ложатся въ основу крестьянскаго устройства?.. Приходила ли нашимъ ревнителямъ, хотя разъ, на умъ серьозная мысль о полезности убѣдиться — при какихъ условіяхъ, какіе именно получены результаты, гласящіе въ колоніяхъ о неустройствахъ, или же о богатствѣ и благоустройствѣ?.. И въ чемъ же причина, что и до сего времени именно эти послѣдніе результаты, именно эти логическія послѣдствія болѣе или менѣе неуклоннаго приложенія къ жизни общихъ нынѣ началъ сельскаго устроенія возбуждаютъ во многихъ не любознательность, не пытливый анализъ, а почти одну лишь непріязнь и нерасположеніе?.. Или для насъ было бы утѣшительнѣе встрѣтить въ нашихъ колоніяхъ и теперь еще ту же нищету, ту же распущенность, какими онѣ отличались въ первые годы текущаго столѣтія, состоя даже *на полной льготѣ въ податяхъ и повинностяхъ*?.. И на сколько же могла бы считаться основательною вѣра *въ дѣйствительность* улучшенія быта нашего крестьянина, еслибъ основныя начала его нынѣшняго устройства, даже при наиболѣе льготномъ примѣненіи ихъ въ колоніяхъ, не дали здѣсь именно того, что дали?..

А русское общество и представители его экономическихъ интересовъ?.. Какія же *они* дѣлали попытки къ толковому, всестороннему ознакомленію себя съ бытомъ нашихъ колонистовъ; съ условіями, или вѣрнѣе, *системою первоначальнаго водворенія и дальнѣйшаго развитія колоній*?.. Не говоря о диллетантахъ, даже спеціалисты-хозяева, политико-экономы, императорское вольно-экономическое общество и т. д., и т. д.,—развѣ пытались они завязать и поддерживать правильныя сношенія съ колоніями; иначе, развѣ содѣйствовали они сближенію съ русскимъ обществомъ, съ его нуждами и интересами, нашихъ колонистовъ?.. А между тѣмъ, уже годы и годы почти

въ каждой колонистской волости дѣйствуютъ правильно организованныя «общества сельскаго хозяйства», дѣлаются разнаго рода опыты, наблюденія, изслѣдованія по хозяйству, и т. д.

Ставя этотъ упрекъ, мы должны однако оговориться въ пользу нѣкоторыхъ дѣятелей «Импер общ. сел. хоз. южной Россіи». Въ «Сборникѣ» г. Палимпсестова, многія страницы свидѣтельствуютъ о вниманіи къ хозяйственному положенію колоній, дѣлая указанія между прочимъ и на ихъ примѣръ. Тѣмъ не менѣе, изъ того же сборника мы вполнѣ убѣждаемся, что эти примѣры и указанія мало повліяли, какъ на владѣльческія хозяйства, такъ еще менѣе на хозяйство крестьянъ. Но развѣ виноваты въ этомъ колонисты, а не наше собственное невѣжество, наши же недавнія безобразныя отношенія къ рабочей массѣ, лишонной политической свободы и гражданской полноправности при полнѣйшемъ экономическомъ хаосѣ?..

Къ сожалѣнію, замѣченныя нами отношенія къ колоніямъ огромнаго большинства интеллигентнаго русскаго общества, въ смыслѣ его *самодѣятельности*, остаются пока прежнія. А потому одна изъ цѣлей нашего труда — пошатнуть эту апатію, возбудивъ интересъ въ обществѣ къ его собственному вѣковому опыту, къ способамъ практическаго примѣненія его же собственныхъ началъ, тѣхъ началъ, на которыхъ базируется вся будущность Россіи.

Этого однако мало. Реформы нынѣшняго царствованія, переустроивая законодательнымъ путемъ весь государственный организмъ, не привели еще къ изданію особаго «сельско-судебнаго устава», столь необходимаго въ видахъ правильнаго теченія дѣлъ общественнаго самоуправленія въ нашихъ сельскихъ и волостныхъ обществахъ. Такое замедленіе объясняется однако тѣмъ, что сельско-судебный уставъ долженъ содержать исключительно одни постановленія нормальныя, а не временныя, переходныя. Но переходное время близится къ концу; необходимо подвести итоги, которые составятъ содержаніе ожидаемаго устава. Поэтому желательно придти къ полному уясненію нѣкоторыхъ, спорныхъ до сего времени, коренныхъ вопросовъ сельскаго устроенія; а однимъ, и едва ли не важнѣйшимъ, изъ этихъ вопросовъ представляется *форма крестьянскаго землевладѣнія*, вопросъ о превосходствѣ общиннаго принципа предъ личнымъ. Преобразовательное законодательство только робко, нерѣшительно коснулось *поземельныхъ* распорядковъ крестьянъ. Земля, правда, дана крестьянамъ, но нѣтъ пока *положительной организаціи внутреннихъ поземельныхъ распорядковъ* нашихъ селъ и деревень. *Обычай*, это во многихъ отношеніяхъ вполнѣ почтенное наслѣдіе отцовъ, не можетъ и не долженъ оставаться *единственнымъ* регуляторомъ въ такомъ дѣлѣ, къ которому приводятся и отъ котораго исходятъ всѣ ткани общественнаго организма; въ дѣлѣ, какимъ являются въ земледѣльческой общинѣ ея внутреннія распорядки по

землѣ. Обычай, какъ несомнѣнный остатокъ стихійной жизни, по мѣрѣ поступательнаго движенія общества долженъ подвергнуться анализу законодателя. Служа отчасти прецедентомъ для нормированія семейно-экономическихъ основъ общества, онъ уступаетъ наконецъ мѣсто *положительному закону* тамъ, гдѣ народъ и, во главѣ его, законодательство стремятся къ жизни сознательной, къ подчиненію себѣ ея агентовъ физическихъ и нравственныхъ. Знаменитое laisser faire, laisser passer, примѣняемое слишкомъ долгое время даже и тогда еще, когда вопросъ рѣзко поставленъ и наукою и жизнью, искупается народомъ обыкновенно вѣковыми страданіями. Вотъ почему *окончательное устройство по землѣ* нашего сельскаго состоянія, а въ тѣсной связи съ нимъ, и *организацію поселянскаго выборнаго суда* примѣнительно къ общимъ началамъ и формамъ новаго судоустройства, мы не переставали считать и теперь еще считаемъ за вопросъ открытый, очередной, каковымъ у насъ пока остается еще вопросъ объ установлеціи *раціональной колонизаціонной системы*. Эти вопросы, наряду съ вопросами о *народномъ образованіи, волостныхъ банкахъ, продовольствіи, страхованіи, опекахъ* и т. д., болѣе или менѣе солидарны. На запросы по всѣмъ этимъ предметамъ опытъ нашихъ колоній, можетъ дать отвѣты, если, быть можетъ, и не вполнѣ удовлетворительные, то во всякомъ случаѣ весьма и весьма поучительные. Съумѣли же мы эту разнородную смѣсь заграничныхъ пришельцевъ, эти во многихъ случаяхъ буйные, безпутные и всегда почти обнищалые подонки всякихъ національностей и культуръ, организовать въ самомъ началѣ ихъ поселенія такъ, что подчиняясь *установленной закономъ системѣ*, они, путемъ нормальнаго хода жизни и мірского самоуправленія, выработали изъ себя цвѣтущія общины трудолюбивыхъ земледѣльцевъ и промышленниковъ. Неужели и почему же именно только съ нашимъ собственнымъ крестьяниномъ, даже при нынѣшнихъ, несравненно болѣе благопріятныхъ условіяхъ, нельзя бы намъ достигнуть того же, хотя бы приблизительно того, чего добились у иностранныхъ поселенцевъ?

Необходимо твердо помнить, что однородныя явленія вызываются исключительно однородными же, основными причинами и условіями. Слѣдовательно, чего достигли въ колоніяхъ, то самое можно, даже слѣдуетъ поставить себѣ цѣлью и при устройствѣ и колонизаціи русскихъ крестьянъ. Исключительныхъ, вѣчныхъ привилегій тутъ уже не требуется; нужны временныя лишь *льготы, разумная фискальная система, удобопонятно и обстоятельно кодифицированный сельско-судебный уставъ*, а въ новыхъ водвореніяхъ болѣе щедрый, болѣе *предусмотрительный и дальновидный первоначальный* земельный надѣлъ, но *главное* — систематическое веденіе колонизаціоннаго дѣла, т. е. правильная, закономъ установ-

ленная, вполнѣ согласованная съ хозяйственными условіями колонизируемой мѣстности, *организація общинъ въ самомъ началѣ поселенія.*

И все это потребуется едва-ли не въ ближайшемъ будущемъ, вслѣдъ за 19 февраля 1870 г. Было бы слишкомъ рисковано успокаивать себя мыслью, что «нечего хлопотать о принятіи какихъ либо мѣръ для уменьшенія переселенія, такъ какъ законъ все предусмотрѣлъ», ставя крестьянина въ такое положеніе, что «послѣ 1870 г. ему невозможно будетъ подняться съ своего мѣста — такъ трудно для него удовлетворить всѣмъ условіямъ, выполненія которыхъ законъ требуетъ отъ желающихъ переселиться — прежде переселенія». «Дворяне, прибавляютъ оптимисты, могутъ быть спокойны: крестьянинъ крѣпко привязанъ къ землѣ закономъ». Все это такъ, по крайней мѣрѣ съ легальной точки зрѣнія, въ смыслѣ буквы закона. Но здѣсь упускаютъ изъ виду самую жизнь, «темную» массу, главнѣйшимъ руководителемъ которой въ вопросахъ, подобныхъ вопросу о переселеніи, является не буква закона, а инстинктъ исканія «лучшей доли», желѣзная неумолимая нужда. Этотъ инстинктъ, изощренный и поддерживаемый несомнѣнно непомѣрною тягою надъ крестьянствомъ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ и повинностей, весьма легко можетъ стать выше указываемыхъ законодательныхъ гарантій и на очереди будутъ «волненія, экзекуціи, насильственныя водворенія, и т. д.» Какъ-то странно читать приведенныя оптимистскія увѣренія въ отчетахъ дворянскаго собранія, того собранія, которое въ то же время высказывало столько заботъ о предоставленіи ему «завѣдыванія опеками», и представители котораго, во главѣ земства, не нашли даже возможнымъ *остаться* при прежнемъ постановленіи земства о обращеніи уѣздныхъ и губернскихъ, нынѣ крестьянскихъ натуральныхъ повинностей — въ повинность *обще-земскую, денежную.* По нашему убѣжденію, не крестьянинъ долженъ быть привязанъ къ землѣ, а напротивъ, данную крестьянству землю слѣдуетъ безповоротно закрѣпить за цѣлымъ состояніемъ сельско-рабочаго люда имперіи — выгодностью для него ея хозяйственной обработки. Тогда уже сами-собою родятся въ нашихъ сельчанахъ и любовь къ собственному очагу и привязанность къ своему полю. При нынѣшнемъ же положеніи дѣла слѣдуетъ помнить, что помимо всякихъ ограничительныхъ условій, законъ призналъ однако принципъ *свободнаго* переселенія послѣ 19-го февраля 1870 года, принципъ, искони вошедшій въ плоть и кровь русскаго человѣка, какъ главнѣйшій въ его глазахъ признакъ личной свободы и гражданской полноправности поселянъ. И если неминуемо предстоящая намъ при такихъ условіяхъ колонизація русскихъ людей на свободныхъ земляхъ и территоріяхъ поведется по прежнему; если внутренніе распорядки по землѣ и въ новыхъ, и въ старыхъ водвореніяхъ по прежнему будутъ предоставлены *обычаю,* то кого же станемъ винить — ко-

лонистовъ *ли*, которыхъ иные упрекаютъ въ неисполненіи какихъ-то quasi-наставническихъ обязанностей, или самихъ себя, что для насъ не имѣютъ силы даже наши же собственные, наиболѣе удачные опыты *сознательно-разумнаго* сельскаго устроенія?!..

Теперь, читатель, появленіе настоящаго изданія сдѣлалось, быть можетъ, понятнымъ; а если бы оно, хотя въ малой долѣ, оказало содѣйствіе удовлетворительному разрѣшенію вопросовъ объ окончательномъ, и прежде всего *экономическомъ* устройствѣ нашихъ крестьянъ, то мы сочли бы себя и вполнѣ вознагражденнымъ за нашъ трудъ.

Въ заключеніе просимъ смотрѣть на этотъ трудъ именно только, какъ на «опыты и матеріалы», не требуя ни строгой системы, ни полной разработки частностей,—этихъ необходимыхъ условій вполнѣ научнаго, историко-статистическаго сочиненія. Не принадлежа къ числу корифеевъ науки, мы взялись за изслѣдованіе миніатюрной лишь страницы нашей бытовой исторіи исключительно въ тѣсной рамкѣ иностранной колонизаціи. Тѣмъ не менѣе мы нашли здѣсь груду сырого, еще почти никѣмъ не тронутаго матеріала. Разбросанный въ пол. собр. законовъ, по архивамъ, канцеляріямъ и мало извѣстнымъ брошюрамъ и органамъ періодической печати, такой матеріалъ не легко и не сразу поддается вполнѣ систематической обработкѣ, тѣмъ болѣе, что во многихъ случаяхъ намъ приходилось или остается еще дополнять его мѣстными свѣдѣніями и изслѣдованіями. Къ тому же наши труды хотя и совпадали съ занятіями ex officio, но только отчасти и притомъ въ одномъ извѣстномъ направленіи. И до сего времени для насъ открыты еще не всѣ архивы и канцеляріи; не всѣ желательныя мѣстныя изслѣдованія для насъ доступны, а самыя занятія наши, по необходимости, отличались урывочностью. Такимъ образомъ не мало, крайне интереснаго матеріала мы, волей неволею, оставили или нерозысканнымъ, или не тронутымъ, или же коснулись его только слегка, мимоходомъ. Но положивши *первое основаніе* всестороннему анализу нашего иностранно-колонизаціоннаго дѣла и разсчитывая продолжать занятія въ принятомъ направленіи, быть можетъ, даже при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, мы надѣемся не только повѣрять себя и наши собственные выводы, но дать полнѣйшую къ тому возможность и читателю, интересующемуся обсуждаемыми нами вопросами объ истинномъ значеніи политически-самостоятельнаго, гражданско-полноправнаго и экономически-организованнаго, обезпеченнаго промысло-земледѣльческаго состоянія, какъ главнѣйшей, само существенной основы всякаго нормально-развивающагося государства.

ВВЕДЕНІЕ.

Мы, русскіе, обыкновенно не находимъ у себя дома ничего такого, что̀ заслуживало бы ближайшаго изслѣдованія. По всѣмъ вопросамъ гражданскаго и экономическаго развитія нашего, мы большею частью и прежде всего обращаемся къ изученію не того, что̀ создано жизнью у насъ; напротивъ, разрѣшенія предлежащихъ намъ задачъ мы ищемъ почти исключительно въ учрежденіяхъ и примѣрахъ западной Европы, забывая, что тамъ сложилась жизнь на иныхъ основаніяхъ, при дѣйствіи иныхъ историческихъ факторовъ. Къ счастью, упрекъ этотъ можетъ относиться болѣе къ нашему прошедшему; настоящее и, особенно, будущее сулятъ намъ, повидимому, иные задатки и пріемы.

Такъ, между прочимъ, только въ Россіи, при ея громадности, при отсутствіи въ ней до послѣдняго десятилѣтія всякой самодѣятельности и самосознанія общества, при безгласности печати, менѣе всего касавшейся нашего собственнаго быта, — только у насъ, повторяемъ мы, могъ оставаться вовсе, или слишкомъ мало замѣченнымъ столь крупный фактъ, какимъ представляется въ исторіи экономическаго нашего развитія колонизація иностранныхъ выходцевъ, давшая Россіи, преимущественно на бывшихъ окраинахъ ея, въ степяхъ Саратовско-Самарскаго поволжья, Новороссіи и Бессарабіи, полумилліонное, дѣятельное и богатое сельское населеніе.

Многимъ, конечно, извѣстно о существованіи нашихъ колоній какъ въ указанныхъ, такъ и въ другихъ мѣстностяхъ. Но едва ли не десятками только считаются люди, ближе знакомые съ условіями внутренняго устройства и бытоваго развитія той или другой группы колоній; еще менѣе найдется такихъ, которые задавались бы серьезно вопросомъ: въ чемъ именно заключаются дѣйствительныя причины экономическаго и гражданскаго преуспѣянія нашихъ иностранныхъ поселеній, преуспѣянія, отличающаго ихъ во всемъ отъ огромнаго большинства крестьянъ, живущихъ рядомъ съ колонистами, въ болѣе или менѣе одинаковыхъ съ ними хозяйственныхъ условіяхъ. Если же и случалось кому обращать вниманіе нашихъ экономистовъ и сельскихъ устроителей на успѣхи колоній, то это давало обыкновенно только поводъ къ отвѣту: «развѣ въ вопросахъ о благоустройствѣ нашихъ крестьянъ можно принимать въ соображеніе бытъ колонистовъ, пользующихся исключительными привилегіями; одна

свобода отъ рекрутства» и т. д. Но мало этого; иные, повидимому съ доброю совѣстью, и не встрѣчая возраженій, даже печатно увѣряютъ, что иностранная колонизація «на 100% зла едва ли принесла намъ 10% добра» [1]), и что вообще колонисты воспользовались только привилегіями, не принявъ на себя никакихъ обязательствъ къ государству. Подобными замѣчаніями и въ силу такихъ-то quasi-убѣжденій, раздѣляемыхъ едва ли не громаднымъ большинствомъ нашего общества, всегда отклонялся вопросъ объ изслѣдованіи и соображеніи истинныхъ причинъ успѣховъ колонистскихъ хозяйства и общественнаго благоустройства. А между тѣмъ изъ ближайшаго знакомства со всѣми подробностями быта нашихъ колоній мы вынесли и, по мнѣнію нашему, не могли не вынести то глубокое убѣжденіе, что привилегіи колонистовъ имѣли и могли имѣть въ дѣлѣ упроченія ихъ благосостоянія только *весьма условное* значеніе. Въ настоящее же время, когда права общественнаго самоуправленія, собственнаго суда и расправы въ дѣлахъ повседневнаго поселянскаго быта сдѣлались достояніемъ не однѣхъ только колоній, но вообще и всего сельскаго состоянія; когда населеніе колоній, скучиваясь все болѣе въ предѣлахъ отведенныхъ ему земель, ищетъ и, подъ давленіемъ хозяйственныхъ и торгово-промышленныхъ потребностей, повсюду должно искать выхода изъ изолированнаго положенія, добиваясь болѣе тѣснаго слитія съ общимъ государственнымъ строемъ, — въ то время, говоримъ мы, присвоенныя колонистамъ исключительныя предъ остальнымъ сельскимъ состояніемъ преимущества могутъ служить имъ только во вредъ, особенно среди земства, сущность котораго чужда всякой привилегіи. Не вдаваясь въ ближайшее развитіе только что высказанной мысли, ограничимся указаніемъ на бѣлопашцевъ села Домнина, Костромской губерніи, которые, какъ потомство Сусанина, пользуются несравненно болѣе обширными преимуществами, нежели наиболѣе привилегированные изъ нашихъ колонистовъ; а между тѣмъ, общеизвѣстно крайне безотрадное положеніе домнинскихъ бѣлопашцевъ и въ хозяйственномъ, и въ общественномъ, и въ нравственномъ отношеніяхъ. Слѣдовательно, не привилегіи, а совершенно иныя условія способствуютъ сельскому благосостоянію и благоустройству.

Колоніи наши, въ началѣ ихъ поселенія, исходили отъ однихъ и тѣхъ же основныхъ началъ, какъ по поземельному устройству, такъ и по общественному самоуправленію. Различіе между ними заключалось въ то время только въ нѣкоторыхъ преимуществахъ по состоянію и земельному надѣлу, предоставленныхъ разнымъ поселенческимъ водвореніямъ не въ одинаковомъ размѣрѣ. Но въ настоящее время, за послѣдовательнымъ, въ теченіе около 100 лѣтъ, развитіемъ этихъ основныхъ началъ въ различныхъ комбинаціяхъ по внутреннимъ поземельнымъ и общественнымъ распорядкамъ, разныя группы колоній, соотвѣтственно симъ комбинаціямъ, пришли каждая и къ совершенно своеобразнымъ конечнымъ результатамъ, изслѣдованіе которыхъ не можетъ, по нашему мнѣнію, не интересовать всякаго мыслящаго человѣка. Это изслѣдованіе на столько

---

[1]) «Бесѣды о Сѣверѣ Россіи въ III отд. И. В. Э. Общества». С.-Петерб. 1867 г., стр. 239.

же полно живаго, современнаго интереса, на сколько благоустройство колоній рѣжетъ, если не совѣсть, то глаза всякому русскому. Оно и понятно; смотря на картины сельскаго благосостоянія въ колоніяхъ, невольно навязывается горькій вопросъ: и почему бы не жить точно также и нашему русскому мужичку; почему же именно онъ, а не пришлый иностранецъ, долженъ нести участь пасынка?..

Нигдѣ въ иномъ мѣстѣ не представляется столько удобства для всесторонняго анализа хода развитія различныхъ комбинацій сельскаго устроенія, какъ именно въ колоніяхъ. Каждая группа ихъ, въ отдѣльности, составляетъ нѣчто цѣльное, status in statu, нараждающее населеніе процентъ на процентъ. Къ тому же онѣ, за малыми лишь исключеніями, во все время своего существованія еще не подвергались никакимъ существеннымъ внутреннимъ преобразованіямъ, ни въ условіяхъ общественнаго хозяйства, ни по управленію.

Намъ извѣстно, что нынѣ подготовляется передача въ вѣдѣніе общихъ учрежденій всѣхъ безъ изъятія колоній и, какъ прямое послѣдствіе сего, совершенное упраздненіе главныхъ мѣстныхъ колонистскихъ управленій, въ Саратовѣ и Одессѣ. Поэтому, для многихъ можетъ быть не безъинтереснымъ, хотя теперь, правда нѣсколько поздно, ознакомиться подробнѣе съ дѣломъ колонизаціи и узнать, что же выработали колоніи, и какіе онѣ дали практическіе результаты. Въ болѣе или менѣе серьезномъ смыслѣ, о нашихъ колонистахъ писали почти одни только иностранцы-нѣмцы. Такъ мы находимъ много любопытныхъ свѣдѣній о колоніяхъ у Гакстгаузена, Гамма, Петцольда, Маттеи и др.; но ни одинъ изъ этихъ писателей не даетъ, по нашему мнѣнію, вполнѣ вѣрнаго отвѣта на вопросъ объ истинныхъ причинахъ успѣха или неуспѣха названныхъ водвореній. Всѣ они болѣе или менѣе согласны съ Маттеи, что «нѣмецкія колоніи принадлежатъ къ наиболѣе богатымъ и наилучше *организованнымъ* поселеніямъ въ Россіи, да *не въ одной только Россіи, но и въ цѣломъ мірѣ*». Въ чемъ однако здѣсь сущность дѣла; на какихъ главнѣйшихъ началахъ построена эта организація; чѣмъ и какъ именно она держится, все это для иностранца pia disideria. Причиною то, что въ основаніе общественнаго и поземельно—имущественнаго быта нашихъ колонистовъ положены, какъ убѣдимся впослѣдствіи, *чисто русскія* соціальныя начала, чуждыя, нерѣдко даже ненавистныя для феодальной и буржуазной интелигенціи запада. И именно въ этомъ обстоятельствѣ заключается для насъ важнѣйшее побужденіе къ изслѣдованію колоній *съ русской точки зрѣнія*, въ надеждѣ, что, быть можетъ, успѣхи и неудачи нашихъ колонистовъ помогутъ намъ уразумѣть истинныя причины неустройства нашихъ крестьянъ, указывая въ тоже время на средства къ поправленію ихъ быта.

I.

ОБЩІЙ ОБЗОРЪ ИНОСТРАННОЙ КОЛОНИЗАЦІИ.

Наплывъ въ Россію иностранцевъ съ запада былъ всегда болѣе или менѣе великъ. Жителя европейскаго запада привлекало однако не столько намѣреніе окончательно водвориться въ Россіи, сколько почти исключительное желаніе нажиться здѣсь и съ нажитымъ капиталомъ уѣхать обратно на родину. Конечно, далеко не всѣмъ удавалось осуществить эту мысль; множество такихъ выходцевъ, обжившись и освоившись вполнѣ въ Россіи, оставались въ ней навсегда и сливались съ природными жителями. Но не эту колонизацію мы имѣемъ въ виду; такая колонизація ограничивалась большею частью отдѣльными личностями и семьями, прибывавшими либо въ качествѣ искателей счастья—на удачу, либо по приглашенію правительства, руководившагося въ этомъ случаѣ желаніемъ пріобрѣсти въ иностранцахъ разнаго рода техниковъ и спеціалистовъ по всякимъ другимъ, но не земледѣльческимъ отраслямъ государственнаго хозяйства.

Первый примѣръ *земледѣльческаго* водворенія у насъ иностранцевъ относится ко времени императрицы Елисаветы; онъ находится въ прямой связи съ тогдашней политикой нашей въ отношеніи Польши и Турціи. Извѣстно, что въ то время юговостокъ, югъ и югозападъ нынѣшней европейской Россіи состояли изъ степей, образовывавшихъ какъ-бы посредствующій поясъ между нами и постояннымъ кочевьемъ ордъ башкиръ, киргизъ-кайсаковъ и калмыковъ въ нынѣшнихъ губерніяхъ: Оренбургской, Уфимской, Самарской и Астраханской; ногаевъ и вообще татаръ въ Кубанской области, по побережью морей Чернаго и Азовскаго, и въ Крыму. На юго-западѣ, съ Турціею и Польшею, границею служилъ, по преимуществу, Днѣпръ. Нынѣшняя Харьковская и южная часть Воронежской губерніи входили въ составъ особаго намѣстничества, переименованнаго въ 1796 году въ Слободскую-Украйну. Здѣсь въ слободахъ, по системѣ Дона и Донца, водворялись казаки—выходцы изъ Заднѣпровской, въ то время польской Украйны. Русское осѣдлое населеніе было весьма рѣдкое даже въ большей части нынѣшней Саратовской губерніи.

Оно ограничивалось главнѣйше правымъ берегомъ Волги и отчасти линіями побочныхъ рѣкъ, впадающихъ въ нее и въ Донъ. Вообще колонизація русскихъ крестьянъ напирала и прежде, еще въ періодъ царей, и около описываемаго нами времени не столько на юговостокъ и Заволжье, сколько прямо на югъ и юго-западъ. По Воронежской, Курской и другимъ, въ одной параллели, губерніямъ и до настоящей поры сохранились остатки большаго вала, по обѣ стороны котораго шла колонизація служилыхъ людей и крестьянъ. Для привлеченія сюда русскихъ переселенцевъ, правительство жаловало имъ въ вотчину, или въ помѣстье, земли по сю и по ту сторону вала, съ обязательствомъ нести пограничную, ратную службу противъ хищническихъ набѣговъ ордынцевъ. Потомки этихъ пограничныхъ стражей, смотря по сословнымъ правамъ, образовали частью вотчинниковъ-дворянъ, частью же вошли въ составъ такъ называемыхъ нынѣ четвертныхъ или однодворческихъ крестьянъ. Но главнѣйшую часть русскихъ колонизаторовъ издавна, и особенно въ теченіи прошлаго вѣка, составляли толпы бѣглыхъ, искавшихъ простора, разгула и свободы. На Яикъ, низовое Поволжье и Донъ, въ Малороссію и нынѣшнюю Новороссію являлись дворяне, убѣгавшіе отъ царской службы; попы, монахи и сектаторы, изгоняемые давленіемъ Москвы; крестьяне, которымъ крѣпостная кабала становилась не въ-моготу. Весь этотъ сбродъ или сливался съ вольнымъ казачествомъ, или селился особыми слободами, хуторами и уметами, въ мѣстахъ возможно глухихъ и отдаленныхъ отъ враждебной Москвы. Но тутъ же колонизаторы эти сталкивались съ кочевыми хозяевами степей, уступавшими свои привольныя пастбища только силѣ и конечно не даромъ; а слѣдомъ Москва, шагъ за шагомъ раздвигая свои рубежи, вновь захватывала въ передѣлку своихъ бѣглецовъ и «нещадно» гнула ихъ, по прежнему, подъ свое желѣзное ярмо. О томъ, чтобы воспользоваться собиравшимися въ краѣ колонизаціонными силами, организовать этотъ матеріалъ гражданственно, и, упрочивъ благосостояніе населенія, помирить его съ собою, объ этомъ правительство не думало; подобная задача была свыше его силъ. Гражданскій бытъ тогдашняго русскаго общества былъ преисполненъ противорѣчій, находясь въ хаотическомъ броженіи. Вдвинутая могучимъ геніемъ и желѣзною волею Петра В. въ семью европейскихъ первоклассныхъ державъ, Россія тратила всѣ свои силы на упроченіе своего политическаго значенія и расширеніе территоріальное. Народъ стоналъ подъ тягостью податей и повинностей, отъ чиновничьихъ произвола, грабительствъ, розысковъ и казней. Шла усиленная работа надъ окончательнымъ закабаленіемъ податныхъ классовъ. И при такихъ-то условіяхъ потребность въ подкрѣпленіи нашихъ пограничныхъ силъ на юго-западѣ и невозможность достигнуть этого переселеніемъ изъ самой Россіи, побудили императрицу Елисавету поручить [1]) австрійской службы полковнику Хорвату навербовать за границею полки «изъ сербовъ». Онъ дѣйствительно не замедлилъ привести въ

[1]) Указъ 29 декабря 1751 г; Жалов. Грамота генералъ маіору Хорвату, 11 января 1752, и послѣдующіе указы 1752—1798 гг.

Россію два полка: гусарскій и пандурскій, состоявшіе изъ сербовъ, грековъ, венгерцевъ, черногорцевъ, болгаръ, молдаванъ и валаховъ. Ихъ поселили «на Украйнѣ за Днѣпромъ», около бывшей польской границы, особыми округами, называвшимися «ротами». Самая мѣстность, ими занятая, часть нынѣшней Екатеринославской губерніи, получила наименованіе «Новой Сербіи». Людей другихъ націй и не военнаго званія строго запрещалось селить между ними. Впослѣдствіи сформировалось такихъ полковъ четыре: два гусарскихъ и два пандурскихъ, каждый изъ 20 ротъ, а рота въ 200 человѣкъ рядовыхъ. Земли были имъ надѣлены по-ротно: на капитана по 100, на поручика по 80, на подпоручика по 70, на прапорщика по 50 и на рядовыхъ отъ 20 до 30 четвертей [1]) на каждаго. Поселенія эти назывались «шанцами» и жители каждой шанцы подраздѣлялись на три категоріи: одни, служилые, защищали границы имперіи; другіе составляли резервъ, отправлявшій мѣстную службу, въ случаяхъ выступленія первыхъ въ дальній походъ; наконецъ третьи, такъ называемые «фамиліаты», обработывали какъ свои земли, такъ и поля первыхъ двухъ разрядовъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда послѣдніе были отвлечены отъ домовъ службою. Въ 1764 г., по изданіи новаго штата симъ поселеніямъ, «Новая Сербія» переименована въ Новороссійскую губернію; изъ нѣсколькихъ полковыхъ мѣстечекъ образованы города, а шанцы названы военными поселеніями. Въ 1783 г. полки эти обращены въ легкоконные, а въ 1798 г. они совершенно преобразованы въ регулярное войско. Военныя поселенія уступили здѣсь мѣсто иной колонизаціи.

Временамъ императрицы Екатерины II и императора Александра I выпало на долю окончательно утвердить наше владычество, съ одной стороны до Яика или Урала, а съ другой до Кавказа, Чернаго моря, Прута и Дуная. По Кучуккайнарджискому миру (1774 г.), мы пріобрѣли между прочимъ Крымъ; но только въ 1783 г., воспослѣдовало уничтоженіе автономіи крымскаго ханства и полное присоединеніе его владѣній къ Россіи, подъ наименованіемъ Таврической губерніи. По миру Ясскому (1792 г.), границею нашею съ Турціею сдѣлался Днѣстръ, оставаясь ею до Бухарестскаго мира (1812 г.), передвинувшаго границы на Прутъ и Дунай.

Всѣ вновь пріобрѣтенныя, громадныя степныя пространства предстояло оживить осѣдлымъ земледѣльческимъ населеніемъ и, водворивъ тамъ гражданственность, сдѣлать ихъ пріобрѣтеніемъ выгоднымъ, прочнымъ, безопаснымъ. Для осуществленія этого не доставало у насъ ни людей вообще, ни собственно надежныхъ колонизаторовъ. Грустное положеніе въ то время нашихъ крестьянъ вообще, и крѣпостныхъ въ особенности, слишкомъ общеизвѣстно; коснувшись его выше, мы считаемъ излишнимъ входить здѣсь въ ближайшія подробности. Рисовать хотя-бы давно минувшія картины варварскаго угнетенія, произвола личнаго и начальствен-

---

[1]) «Четверть»—древняя мѣра, равняющаяся полдесятинѣ, а выраженіе «столько-то четвертей въ полѣ, въ дву по тому жъ» означало $1^1/_2$ десятины. Здѣсь слѣдуетъ разумѣть именно четверть $= 1^1/_2$ дес. Ст. 567, ч. 3, т. X, Зак. гражд.

наго, лихоимства, истязаній, плетей и ссылокъ—задача слишкомъ тяжелая, чтобы безъ особенной нужды останавливаться на ней. Если еще въ 1804 году [1]) совѣтники Губернскихъ Правленій наказывали «приказныхъ служителей (т. е. такихъ же чиновныхъ лицъ) непристойно и безчинно: сажали подъ стражу въ тюрьму, заковывали въ цѣпи, таскали за волосы и били по щекамъ»—въ присутственныхъ камерахъ, понуждая даже «самыхъ больныхъ» къ отправленію должности, то какую же защиту могли найти себѣ у такихъ попечителей — крестьянинъ, его личность и имущественные интересы? «Въ нашей имперіи переселенія совершаются весьма дурно, по причинѣ худыхъ чиновниковъ, которымъ вынуждены повѣрять подобнаго рода предпріятія, и потому кончаются дурно... Это значило-бы предать переселенцевъ на вѣрную погибель» [2]). Таково было убѣжденіе, завѣщанное опытомъ XVIII вѣка лучшимъ государственнымъ дѣятелямъ начала царствованія императора Александра I. И несомнѣнно, крестьянство наше въ то время было слишкомъ принижено и обезсилено, чтобы представить достаточные элементы для успѣшной колонизаціи въ тѣхъ размѣрахъ, какъ того требовали насущные государственные интересы. Во всякомъ случаѣ, колонизація исключительно русскими силами тогдашнихъ окраинъ имперіи потребовала-бы такого періода времени, выждать который казалось правительству несовмѣстнымъ съ пользами и потребностями государства. И вотъ гдѣ начало колонизаціи изъ-за границы.

Еще манифестомъ 4 декабря 1762 г., Екатерина II призывала изъ Европы всѣхъ желающихъ, исключая евреевъ, свободно поселиться въ новыхъ степныхъ владѣніяхъ нашихъ. Призывъ этотъ не оказалъ ожидаемаго дѣйствія; по крайней мѣрѣ, въ 1763 г., не было отклика на него. Оно впрочемъ и понятно. Манифестъ, кромѣ призыва къ поселенію, не заключалъ въ себѣ никакихъ положительныхъ гарантій въ пользу будущаго гражданскаго положенія новыхъ переселенцевъ. Съ другой стороны, Европа смотрѣла на Россію, и въ извѣстномъ смыслѣ не безъ основанія, почти тѣми же глазами, какъ древніе греки и римляне на Скиѳію. Нужно было восполнить недостатокъ перваго манифеста и дѣйствовать противъ предубѣжденія Европы. Задачу эту выполнилъ манифестъ 22 іюля 1763 г., послужившій краеугольнымъ камнемъ всей нашей колонизаціи. Въ немъ говорилось:

«Мы, вѣдая пространство земель нашей имперіи, между прочаго усматриваемъ наивыгоднѣйшихъ къ населенію и обитанію рода человѣческаго полезнѣйшихъ мѣстъ, до сего еще праздно остающихся, не малое число, изъ которыхъ многія въ нѣдрахъ своихъ скрываютъ неисчерпаемое богатство разныхъ металловъ; а какъ лѣсовъ, рѣкъ, озеръ и къ коммерціи подлежащихъ морей довольно, то и къ размноженію многихъ мануфактуръ, фабрикъ и прочихъ заводовъ способность великая. Сіе подало намъ причину въ пользу всѣхъ нашихъ вѣрноподданныхъ издать манифестъ 1762 г. декабря 4 дня; но какъ въ ономъ мы о желающихъ изъ иностранныхъ въ имперіи нашей селиться, соизволеніе наше вкратцѣ объявили, то, въ пополненіе онаго, повелѣваемъ всѣмъ объявить слѣдующее учрежденіе, которое мы

[1]) Пол. собр. закон. 1804 г., № 21398.

[2]) Вѣстн. Евр. 1866 г., т. I, стр. 185. «Первая эпоха преобразованій импер. Александра I», М. Богдановича.

наиторжественнѣйше учреждаемъ и исполнять повелѣваемъ. 1) Всѣмъ иностраннымъ дозволяемъ въ имперію нашу въѣзжать и селиться, гдѣ только пожелаютъ, во всѣхъ нашихъ губерніяхъ. 2) Такіе иностранные могутъ пріѣзжать и являться не только въ резиденціи нашей въ учрежденной на то канцеляріи опекунства иностранныхъ, но и въ прочихъ имперіи нашей пограничныхъ городахъ, гдѣ кому способнѣе у губернаторовъ, а гдѣ оныхъ нѣтъ, то и у главныхъ городскихъ начальниковъ. 3) Если въ числѣ иностранныхъ, желающихъ въ Россію на поселеніе, случатся и такіе, которые для проѣзда своего не будутъ имѣть довольнаго достатку, то оные могутъ являться у министровъ и резидентовъ нашихъ, находящихся при иностранныхъ дворахъ, отъ коихъ не только на иждивеніи нашемъ немедленно въ Россію отправлены, но и путевыми деньгами удовольствованы будутъ. 4) Коль скоро прибудутъ иностранные въ резиденцію нашу, и явятся въ канцелярію опекунства, или въ другой какой пограничный нашъ городъ, то имѣютъ объявить рѣшительное свое намѣреніе, въ чемъ ихъ желаніе состоитъ, записаться-ль въ купечество или въ цѣхи, и быть мѣщаниномъ, и въ которомъ городѣ, или поселиться колоніями и мѣстечками на свободныхъ и выгодныхъ земляхъ для хлѣбопашества и другихъ многихъ выгодностей? то всѣ таковые, по ихъ желаніямъ, немедленное о себѣ опредѣленіе получатъ; гдѣ-жъ и въ которыхъ именно мѣстахъ въ имперіи нашей, свободныя и удобныя къ населенію земли находятся, изъ послѣдующаго реэстра видимо, хотя еще и несравненно болѣе объявленнаго числа пространныхъ земель и всякихъ угодій есть, на коихъ также позволяемъ селиться, кто только и гдѣ изъ оныхъ для пользы своей самъ изберетъ. 5) Какъ скоро кто изъ иностранныхъ прибудетъ въ имперію нашу на поселеніе, и явится въ учрежденной для оныхъ канцеляріи опекунства, или въ прочихъ нашихъ пограничныхъ городахъ, то во первыхъ объявя, какъ выше сего въ 4 пун. предписано, о желаніи своемъ, имѣетъ потомъ всякой учинить по вѣрѣ своей и обрядамъ обыкновенную о подданствѣ намъ въ вѣрности присягу. 6) Но чтобъ всѣ желающіе въ имперіи нашей поселиться иностранные видѣли, сколь есть велико для пользы и выгодностей ихъ наше благоволеніе, то мы соизволяемъ: а) всѣмъ прибывшимъ въ имперію нашу на поселеніе, имѣть свободное отправленіе вѣры по ихъ уставамъ и обрядамъ безпрепятственно, а желающимъ не въ городахъ, но особыми на порожнихъ земляхъ поселиться колоніями и мѣстечками, строить церкви и колокольни, имѣя потребное число при томъ пасторовъ и прочихъ церковно-служителей, исключая одно построеніе монастырей: напоминая однакожъ при семъ, чтобъ изъ живущихъ въ Россіи въ христіанскихъ законахъ, никто и никого въ согласіе своей вѣры или сообщества ни подъ какимъ видомъ не склонялъ и не привлекалъ, подъ страхомъ всей строгости нашихъ законовъ, изъемля изъ сего разнаго званія находящихся въ магометанскомъ законѣ, прилежащихъ къ границамъ нашей имперіи народовъ, коихъ не только благопристойнымъ образомъ склонять въ христіанскіе законы, но и всякому крѣпостными себѣ учинить позволяемъ; б) не должны таковые прибывшіе изъ иностранныхъ на поселеніе въ Россію, никакихъ въ казну нашу податей платить, и никакихъ обыкновенныхъ ниже чрезвычайныхъ службъ служить, равно постоевъ содержать, и словомъ заключить, отъ всякихъ налоговъ и тягостей свободны слѣдующимъ образомъ, а именно: поселившіеся многими фамиліями и цѣлыми колоніями на праздныхъ мѣстахъ тридцать лѣтъ, а желающіе жительствовать въ городахъ, тожъ въ цѣхи и купечество записываться въ резиденціи нашей въ С.-Петербургѣ, или близъ оной въ лежащихъ мѣстахъ Лифляндскихъ и Эстляндскихъ, Ингерманландскихъ, Корельскихъ и Финляндскихъ городахъ, также въ столичномъ г. Москвѣ—пять лѣтъ; въ прочихъ губернскихъ, провинціальныхъ и другихъ городахъ десять лѣтъ, но сверхъ того, еще каждому прибывшему въ Россію не для временнаго пребыванія, но и на поселеніе, свободную квартиру на полгода; в) всѣмъ иностраннымъ, прибывшимъ на поселеніе въ Россію, учинено будетъ всякое вспоможеніе и удовольствіе; склоннымъ къ хлѣбопашеству или другому какому рукодѣлію, и къ заведенію мануфактуръ, фабрикъ и заводовъ, не только достаточное число отведено способныхъ и выгодныхъ къ тому земель, но и всякое потребное сдѣлано будетъ вспоможеніе по мѣрѣ каждаго состоянія, усматривая особливо надобность и пользу вновь заводимыхъ фабрикъ и заводовъ, а наипаче такихъ, коихъ до нынѣ въ Россіи еще не учреждено; г) на построеніе домовъ, на заведеніе къ домостроительству разнаго скота, на потребные къ хлѣбопашеству и къ рукодѣлію всякіе инструменты, припасы и матеріалы выдавано будетъ изъ казны нашей потребное число денегъ безъ всякихъ процентовъ, но съ единою заплатою, и то по прошествіи десяти лѣтъ, въ три года по равнымъ частямъ; д) поселившимся особыми

колоніями и мѣстечками, внутреннюю ихъ юрисдикцію оставляемъ въ ихъ благоучрежденіе, съ тѣмъ, что наши начальники во внутреннихъ ихъ распорядкахъ никакого участія имѣть не будутъ, а впрочемъ обязаны они повиноваться нашему праву гражданскому. Если же иногда сами пожелаютъ отъ насъ имѣть особую персону для опекунства, или для безопасности своей и охраненія, пока съ сосѣдственными жителями опознаются, съ доброю дисциплиною воинской салвогвардіи, то имъ дано будетъ; е) всякому желающему иностранному въ Россію на поселеніе, позволяемъ имѣніе свое ввозить, въ чемъ бы оное ни состояло, безъ всякаго платежа пошлинъ, съ тѣмъ однакожъ, что оное для его собственнаго употребленія и надобности, а не на продажу. А если-жъ таковой, сверхъ своего употребленія, привезетъ что либо въ товарахъ и на продажу, то не болѣе безпошлинно ввезть позволяемъ, какъ по цѣнѣ до трехъ сотъ рублей каждой фамиліи, съ тѣмъ, когда они въ Россіи не меньше десяти лѣтъ пробудутъ; въ противномъ же случаѣ за тѣ при возвратномъ проѣздѣ взыскивать ввозныя и вывозныя настоящія пошлины; ж) поселившіеся въ Россіи иностранные, во все время пребыванія своего, ни въ военную, ниже въ гражданскую службу противу воли ихъ опредѣлены не будутъ, кромѣ обыкновенной земской, и то по прошествіи предписанныхъ льготныхъ лѣтъ; а буде кто пожелаетъ самоизвольно вступить въ военную службу, въ солдаты, такому дастся, при опредѣленіи въ полкъ, тридцать рублевъ въ награжденіе, сверхъ обыкновеннаго жалованья; з) явившіеся иностранные въ учрежденной для ихъ канцеляріи опекунства, или въ прочихъ пограничныхъ нашихъ городахъ, коль скоро объявятъ желаніе свое ѣхать на поселеніе внутрь Россіи, то даны имъ будутъ какъ кормовыя деньги, такъ и подводы, безденежно до намѣреннаго имъ мѣста; и) кто изъ поселившихся въ Россіи иностранныхъ заведетъ такія фабрики, мануфактуры или заводы, и станетъ на оныхъ дѣлать товары, какихъ до нынѣ въ Россіи не было, то позволяемъ оные продавать и отпускать изъ нашей Имперіи десять лѣтъ безъ всякаго платежа внутренней, портовой и пограничной пошлины; і) если же кто изъ иностранныхъ капиталистовъ, собственнымъ своимъ иждивеніемъ, заведетъ въ Россіи фабрики, мануфактуры и заводы, таковому позволяемъ покупать надлежащее число къ тѣмъ мануфактурамъ, фабрикамъ и заводамъ крѣпостныхъ людей и крестьянъ; к) поселившимся въ имперіи нашей иностраннымъ колоніями и мѣстечками, позволяемъ установлять, по собственному ихъ благоразсужденію, торги и ярмарки, безъ всякаго побора и платежа пошлинъ въ казну нашу. 7) Всѣми предписанными выгодами и учрежденіемъ пользоваться имѣютъ не только пріѣхавшіе въ имперію нашу на поселеніе, но и оставшіе дѣти и потомки ихъ, хотябъ оные и въ Россіи рождены были, считая число лѣтъ со дня пріѣзда ихъ предковъ въ Россію. 8) По прошествіи вышеписанныхъ льготныхъ лѣтъ, повинны будутъ всѣ поселившіеся въ Россіи чужестранные платить обыкновенныя безъ всякой тягости подати, и службы земскія нести, какъ и прочіе наши подданные. 9) Напослѣдокъ, будебъ которые изъ поселившихся и вступившихъ въ наше подданство иностранныхъ, пожелали выѣхать изъ Имперіи нашей, таковымъ всегда свободу даемъ, съ такимъ однакожъ притомъ изъясненіемъ, что они повинны, изо всего благонажитаго въ имперіи нашей имѣнія, отдать въ казну нашу, а именно: живущіе отъ одного года и до пяти лѣтъ—пятую часть, а отъ пяти и до десяти и далѣе—десятую, и потомъ отъѣхать, кто куда пожелаетъ, безпрепятственно. 10) Ежели же нѣкоторые изъ чужестранныхъ, желающихъ на поселеніе въ Россію, по какимъ особливымъ причинамъ, еще другихъ, сверхъ предписанныхъ, кондицій и привилегій востребуютъ, то о томъ могутъ они въ учрежденную нашу канцелярію опекунства иностранныхъ, письменно или персонально, адресоваться, отъ коей намъ обо всемъ съ подробностью донесено будетъ, и мы тогда, по обращенію обстоятельствъ, толь склоннѣе рѣшеніе учинимъ, какого они отъ нашего праводушія надѣяться могутъ. Данъ въ Петергофѣ 1763 г. іюля 22-го дня, государствованія нашего во второе лѣто».

Этотъ манифестъ, сообщенный всѣмъ «резидентамъ» нашимъ за границею, не замедлилъ оказать желаемое дѣйствіе, особенно въ Германіи, куда правительствомъ были отправлены особые коммисары для пріема переселенцевъ, составленія изъ нихъ партій, и доставленія ихъ въ Россію. Уже начиная съ 1764 вплоть до 1770 г., явились изъ разныхъ мѣстъ Германіи партія за партіей, которыя водворялись преимущественно

въ низовомъ Поволжьѣ, и частію въ губерніяхъ Слободско-украинской (нынѣ Воронежской), Черниговской, Лифляндской и С.-Петербургской. Манифестъ указывалъ колонизируемыя мѣстности въ общихъ чертахъ «во всѣхъ нашихъ губерніяхъ»; главнѣйшія же гражданскія права всельниковъ, какъ временныя (льготы), такъ равно постоянныя (личныя и по состоянію), были опредѣлены тоже только въ болѣе или менѣе общихъ выраженіяхъ. Поэтому, какъ увидимъ впослѣдствіи, правительство слишкомъ часто видѣло себя въ необходимости входить въ особыя соглашенія съ отдѣльными категоріями переселенцевъ; и хотя основою, исходнымъ пунктомъ для этихъ соглашеній всегда служили манифестъ 1763 года и колонизаціонный законъ 1764 года (съ нимъ читатель сейчасъ познакомится), но различія этихъ частныхъ договоровъ на столько существенны, что и въ настоящее время, говоря о нашихъ колонистахъ, необходимо разсматривать ихъ *по категоріямъ*. На первыхъ порахъ, главная масса всельниковъ, направленная въ Поволжье, водворялась на указанныхъ ей мѣстахъ, довольствуясь постановленными самимъ правительствомъ условіями. Въ этомъ одна изъ главнѣйшихъ причинъ, что поволжскіе колонисты, среди остальныхъ иностранныхъ поселеній, составляютъ особую категорію, которой права личныя и по состоянію, равно какъ всѣ бытовыя условія, ближе другихъ подходятъ къ нашимъ крестьянскимъ порядкамъ, хотя конечно только въ современномъ смыслѣ, а не въ понятіяхъ прошлаго. Напротивъ, всѣ водворившіеся въ остальныхъ изъ выше названныхъ мѣстностей колонисты, незначительные правда числомъ, заключали съ правительствомъ особыя дополнительныя условія, образовавшія изъ нихъ опять таки особую категорію, отличную отъ всѣхъ послѣдующихъ колонистскихъ поселеній. Такимъ же образомъ, совершенно исключительное поселеніе образовали евангелическія братья, основавшіе въ 1766 году, на границѣ Калмыцкаго кочевья—колонію Сарепту.

Но какъ-бы то ни было, т. е. существовали ли особыя условія со всельниками, или нѣтъ, въ обоихъ случаяхъ правительству представились общіе вопросы: 1) какія именно мѣста «за лучшія и полезнѣйшія для поселенія выѣзжающихъ иностранцевъ признаваются, и какими округами сдѣлать тѣмъ мѣстамъ, чрезъ нарочно-посылаемыхъ, *подробное описаніе и произвесть межеваніе?* 2) По скольку тѣмъ выходцамъ *каждой фамиліи* пашенной земли и прочихъ угодій отмѣривать, и на какомъ основаніи ту землю имъ во владѣніе отдавать? 3) Какимъ образомъ учредить законъ наслѣдства въ сихъ раздаваемыхъ каждому семейству участкахъ земли, и о сочиненіи различныхъ узаконеній, на которыхъ нынѣ выѣхавшіе, или впредь выѣзжающіе, согласиться или отъ нихъ предложенныя приняты быть могли? 4) Сколько, за опредѣленіемъ такимъ образомъ на каждую фамилію пашенной земли и прочихъ угодій, оставлять при каждой колоніи, въ селахъ и деревняхъ, пустыхъ дворовыхъ мѣстъ для рукомесленниковъ и для размножающихся *впредь жителей того же селенія*, и чтобъ ярмонкамъ и торгамъ, дозволеннымъ по манифесту, быть только въ главныхъ селеніяхъ каждаго округа? 5) Коликому чину при томъ дѣлѣ быть межевщикамъ и геодезистамъ, также и приказнымъ служителямъ

и военной командѣ, съ полною аммуниціею, да для исправленія работъ, изъ инвалидовъ или гарнизонныхъ солдатъ? и, наконецъ, 6) Откуда всѣхъ тѣхъ чиновъ набрать и какое имъ и будущимъ при томъ рядовымъ жалованье и изъ какихъ мѣстъ производить, и о выборѣ надзирателей надъ межевщиками по способности, которые при томъ стараться будутъ о заготовленіи матеріаловъ и опекунами иностранныхъ на нѣкоторое время быть должны ?» [1]). Вникая въ сущность этихъ вопросовъ и разсматривая ихъ въ тѣсной связи съ манифестомъ 1763 года, мы убѣждаемся, что здѣсь шло дѣло объ установленіи *цѣлой законченной системы* сельско-колонизаціоннаго устроенія. Мы невольно отдаемъ дань удивленія и сочувствія тѣмъ людямъ, которые, во мракѣ бытоваго неустройства тогдашнихъ крестьянства и общества, съумѣли обнять такъ широко предстоявшую имъ задачу. Наше сочувственное удивленіе возрастетъ неизмѣримо, когда, знакомясь съ теоретическимъ и практическимъ разрѣшеніемъ вышепоставленныхъ вопросовъ, мы убѣдимся, на сколько дѣятели, двигавшіе дѣломъ иностранной колонизаціи, съумѣли стать выше своей среды, пропитанной съ основанія до верху крѣпостничествомъ: началами личнаго и имущественнаго безправія массъ, съ одной стороны, безграничнымъ произволомъ, безпутствомъ, грабительствомъ служилыхъ классовъ, съ другой. Но, въ виду «той пользы, которая умноженіемъ выхода въ Россію иностранныхъ народовъ государству пріобрѣтена будетъ,» было признано необходимымъ дать ближайшее развитіе манифесту 22 іюля 1763 г., установивъ для прибывшихъ уже иностранцевъ «такія узаконенія, которыя, будучи вездѣ извѣстны, могли бы служить возбужденіемъ и въ другихъ лучшей охоты къ выходу въ Россію и къ поселенію въ оной». Такимъ образомъ, 19-го марта 1764 года, было постановлено: 1) обратить подъ поселеніе иностранцевъ всю мѣстность, начиная «отъ острова Чердынскаго до г. Царицына; отъ Царицына до крѣпостцы Донской и далѣе до Безъимянной рѣки, впадающей въ Донъ; потомъ до р. Медвѣдицы и далѣе до Хопра; а отъ Хопра вверхъ Дономъ до р. Битюга, и вверхъ оною рѣкою до самой ея верщины; а отъ вершины до Новохоперской; и оттуда вверхъ по Хопру до селъ Знаменскаго и Долгорукова; а потомъ подлѣ земель Пензенской провинціи до Саратовскаго уѣзда и чрезъ оный по малымъ рѣкамъ до Безъимянной рѣки, впадающей въ Волгу противъ острова Гордынскаго, а тою рѣкою внизъ до помянутаго острова»; 2) переселенцевъ водворять округами «прежде подлѣ обитаемыхъ мѣстъ, простирая потомъ къ центрамъ». Округи занимать «на подобіе циркуля» такимъ образомъ, чтобы, для примѣра, окружность округа составляла не менѣе 60 ти и не болѣе 70-ти верстъ и заключала въ себѣ достаточно удобныхъ угодій для надѣла до 1,000 семействъ, потому уваженію, что «по округамъ можно будетъ впредь, по умноженіи поселянъ, способнѣе сдѣлать всякое потребное по обстоятельствамъ учрежденіе, а въ разсужденіе различныхъ вѣръ, населяя каждой религіи

---

[1]) Полн. Собр. Зак. Т. XVI, № 12095.

людей въ особый округъ, отвратить всякую вражду и ненависть», и что сверхъ того, «по округамъ способнѣе располагать всякаго званія селенія и сдѣлать въ угодьяхъ такое уравненіе, чтобы неоставалось въ оныхъ праздныхъ мѣстъ, и селенія одной округи имѣли другъ отъ друга взаимную нужду»; 3) въ случаѣ колонизаціи другихъ мѣстностей, «занятіе округи производить на томъ же основаніи»; 4) дать земли «каждой семьѣ особо», *независимо отъ числа состоящихъ въ ней душъ*, по 30 дес., полагая 15 дес. пашенной, 5 дес. сѣнокосной, 5 дес. лѣсныхъ угодій и 5 дес. усадебной, огуменной, огородной и выгонной; 5) избранныя въ округахъ удобныя къ поселенію мѣста располагать такъ, «чтобы нѣкоторую часть какъ изъ пашенной земли, такъ и изъ прочихъ угодій, оставлять впустѣ для *будущихъ дѣтей*, дабы оныя, пришедши въ возрастъ и женясь, сами хозяевами быть могли»; сверхъ того, «при всякомъ селеніи оставлять пустыхъ дворовыхъ и огородныхъ мѣстъ: для рукомесленниковъ шестую часть противъ общаго числа всѣхъ крестьянскихъ дворовъ, да такую же часть, съ пашенною землею и прочими угодьями, для размножающихся впредь жителей того же селенія; ярмаркамъ же и торгамъ быть только въ главныхъ селеніяхъ каждой округи»; 6) отдавать земельные участки семьямъ, съ условіемъ соблюдать слѣдующій законъ: а) наслѣдуютъ меньшіе сыновья (миноратство) «въ такомъ разсужденіи, что каждый отецъ, зная сіе узаконеніе, принужденъ будетъ стараться дѣтей своихъ, съ самаго ихъ малолѣтства, учить разнымъ рукодѣліямъ»; б) если меньшій сынъ владѣть участкомъ съ надлежащимъ успѣхомъ не можетъ, «за малолѣтствомъ или какою либо неспособностью, то оставить на волю отцовскую: кого онъ изъ большихъ своихъ сыновей или родственниковъ въ наслѣдники или опекуны изберетъ и письменно утвердитъ»; если же отецъ при жизни своей этого сдѣлать не успѣетъ, то «начальство той округи обязано выбрать, изъ большихъ братьевъ или родственниковъ, на время наслѣдникова малолѣтства опекуна; а когда наслѣдникъ ко владѣнію явится вовсе неспособенъ, то отдать тотъ участокъ изъ ближайшихъ родственниковъ *тѣмъ, которые собственныхъ участковъ не имѣютъ* [1]), при равенствѣ правъ нѣсколькихъ—по жребію»; в) «если

---

[1]) Обществами на практикѣ, въ силу ст. 159, 171 и 173 уст. о кол., дано этому правилу весьма широкое значеніе. Они безусловно придерживаются того, что *хозяйственный земельный участокъ* можетъ быть во владѣніи исключительно только одной *самостоятельной семьи;* если же владѣлецъ участка желаетъ пріобрѣсти еще одинъ или болѣе подобныхъ участковъ, то это дозволяется ему наравнѣ съ другими, но лишь подъ *непремѣннымъ условіемъ*, чтобы онъ лично не владѣлъ *одновременно* нѣсколькими участками, а устроилъ на каждомъ совершенно самостоятельную семью или хозяйство, раздѣлившись *окончательно* со своими сыновьями и домочадцами на столько же семействъ, сколько онъ пріобрѣлъ хозяйственныхъ участковъ. Результатъ тотъ, что богатые колонисты хотя и владѣютъ, какъ увидимъ впослѣдствіи, огромнымъ количествомъ земель на сторонѣ и вообще капиталами, но въ самой колоніи, или вообще въ колоніяхъ, т. е. на земляхъ казеннаго надѣла, имѣютъ и могутъ имѣть въ единоличномъ владѣніи не болѣе *одного* хозяйственнаго участка или земледѣльческаго двора. — Но да не подумаетъ читатель, что каждый хозяйственный участокъ состоитъ съ усадьбой въ одномъ обрубѣ. Владѣнія каждой семьи, или двора, *во всѣхъ колоніяхъ*, сохранившихъ по сіе время участковую систему, расположены такъ: усадьба съ садомъ, а иногда и съ огородомъ; общіе для всѣхъ хозяевъ колоніи выгонъ, лѣсъ, луговые покосы и т. д.; пахатныя поля, коихъ полосы разбросаны въ 4, 5, 6 и мѣстами, напр. въ Петербургскихъ колоніяхъ, даже въ 30—40 мѣстахъ, смотря по удобствамъ почвы и т. п. условіямъ.

братья или родственники сами согласятся жить въ одномъ домѣ, то сего не воспрещать, только-бы одинъ изъ нихъ хозяиномъ слылъ, а не всѣ»; г) распоряженіе *движимымъ* имуществомъ оставить вовсе на волю родителей; «въ случаѣ же неоставленія колонистомъ завѣщанія», оставить четвертую долю матери и такую же долю всѣмъ дочерямъ *на приданое*, а остальное дѣлить по равнымъ частямъ между братьями, обязывая наслѣдника участка «содержать и кормить мать по смерть, а сестеръ до замужества»; д) если послѣ колониста останется одна вдова съ дочерьми, то «владѣть имъ тѣмъ участкомъ вообще до тѣхъ поръ, пока сама мать, или которая либо изъ дочерей, выдутъ за-мужъ, и первый мужчина, вошедшій посредствомъ брака въ такой домъ, имѣетъ право владѣть онымъ участкомъ навсегда»; е) ни сами хозяева, ни наслѣдники ихъ, тѣхъ своихъ участковъ ни продать, ни заложить, ниже въ дробныя части раздѣлить не имѣютъ власти, а остаются оные нераздѣльно во владѣніи жителей той деревни»; и ж) на томъ же основаніи, т. е. во владѣніе цѣлой колоніи, отводить и земли подъ церкви, фабрики, заводы, виноградные сады и т. п., а также болота, рѣки, озера, глинистыя и песчаныя мѣста, известь и тому подобное. 7) «Заблаговременно сочинить нѣсколько различныхъ учрежденій по внутренней юрисдикціи, и на которыя изъ оныхъ выѣхавшіе уже, или впредь выѣзжающіе, согласятся, или отъ нихъ предложенныя приняты быть могутъ, тѣ, утвердя письменно, учинить всегдашнимъ той колоніи и всѣхъ поселянъ одной округи закономъ, а объ исполненіи сего узаконенія, при вступленіи во владѣніе земли, обязывать каждаго поселянина подпискою» [1]).

Однимъ изъ важнѣйшихъ затрудненій при предпринятой колонизаціи являлось совершенное отсутствіе вѣрныхъ плановъ на пустующія земли и полнѣйшее невѣдѣніе о хозяйственныхъ условіяхъ этихъ земель. Правительство сознавало, что успѣхъ дѣла требуетъ «распространенія иностранныхъ поселеній съ извѣстнымъ намѣреніемъ, а не на удачу»; что необходима опредѣленная *система*, основанная на полномъ знаніи условій колонизируемой мѣстности. Поэтому, не жалѣя издержекъ, были приняты рѣшительныя мѣры къ изслѣдованію и снятію на планы территоріи низового поволжья. Правительство видѣло въ этой мѣрѣ, какъ и вообще въ успѣхѣ колонизаціи, вѣрнѣйшее средство къ тому, что «Россія столь странною и дикою, какъ до нынѣ, иностранцамъ казаться уже не будетъ и затвердѣлое объ ней предубѣжденіе нечувствительно исчезнетъ»... Однако на этотъ разъ всѣ усилія не привели къ желаннымъ результатамъ; установленныя закономъ 1764 года поземельные распорядки остались въ поволжскихъ колоніяхъ мертвою буквою; никакого положенія о «внутренней юрисдикціи» не состоялось, – и вообще все дѣло иностранной колонизаціи приняло въ скоромъ времени довольно жалкій оборотъ. Причины

---

[1]) Всѣ эти законы остаются въ дѣйствіи по сіе время. Сравни уст. о колон. ч. 2, т. XII, Св. Зак. изд. 1857 г. ст. 113, 120—126, 149—161, 169—178 и др. Изъ нихъ одинъ только законъ наслѣдованія, какъ несогласный съ обычаями поселенцевъ, остался безъ полнаго примѣненія. Мы возвратимся къ этому обстоятельству въ отдѣльныхъ очеркахъ.

тому были весьма многосложны; объ нихъ мы подробнѣе скажемъ впослѣдствіи; теперь же замѣтимъ только, что въ тѣ времена само правительство не допускало еще возможности колонизировать Заволжье, оспориваемое старинными его хозяевами — киргизъ-кайсаками, башкирами и калмыками. Тѣмъ не менѣе, одна половина переселенческихъ партій, хотя не безнаказанно, заняла лѣвое побережье Волги, въ нынѣшней Самарской губерніи, на протяженіи около 100 верстъ вверхъ, и столько же внизъ отъ слободы Покровской, противъ г. Саратова. Другая половина водворилась въ Саратовской губерніи. Всего же образовалось 102 поволжскихъ колоніи. И хотя оставалась незанятою большая часть территоріи, которую предназначалось заселить иностранцами, но правительство убѣдилось, что на принятыхъ основаніяхъ продолжать переселеніе и крайне разорительно, и не соотвѣтствуетъ ожиданіямъ. Принятіе коммисарами въ число переселенцевъ, безъ разбора, всѣхъ «желающихъ» на полное иждивеніе казны съ мѣста и со дня зачисленія въ партію — привлекло массу народа негоднаго, который положительно не соотвѣтствовалъ условіямъ успѣшной колонизаціи ни по физическому навыку, ни тѣмъ менѣе по нравственному складу. Какого полета колонизаторовъ поставляли коммисары, объ этомъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ сохранившаяся до нашихъ дней поэма одного изъ первыхъ переселенцевъ — промотавшагося офицера Платена [1]). «Гостепріимнымъ призывомъ Императрицы—говоритъ онъ—могли равно воспользоваться великій и малый, старъ и младъ; всякій тотчасъ зачислялся въ списки и съ того же дня получалъ по 8 шиллинговъ въ день». Только рѣдкій изъ переселенцевъ, отдаваясь въ распоряженіе коммисара, не имѣлъ въ виду лишь одно—обезпечить себѣ дневное пропитаніе. Такая система не могла, конечно, дать тѣхъ результатовъ, какихъ ожидало наше правительство. Поэтому, а также вслѣдствіе турецкихъ и польскихъ войнъ, съ 1770 г., вызовъ и пріемъ переселенцевъ изъ-за границы былъ временно пріостановленъ. Только 12-ть лѣтъ спустя, мы видимъ новыя колонизаціонныя попытки, вызванныя успѣхами нашего оружія противъ Турціи и Польши. Но съ этого времени колонизація направилась почти исключительно въ Новороссійскій край, Крымъ и Бессарабію. Еще въ 1764 году былъ составленъ и Высочайше конфирмованъ общій «планъ о заселеніи Новороссійскаго края». На основаніи его, частнымъ лицамъ раздавались земли «для заселенія, скотоводства и насажденій» въ нынѣшнихъ губерніяхъ: Екатеринославской, Херсонской и въ уѣздахъ Днѣпровскомъ и Мелитопольскомъ Таврической губерніи. Срокъ для заселенія былъ назначенъ 10-ти-лѣтній, по истеченіи котораго взыскивалось: а) за земли, оставшіяся незаселенными сверхъ 30-ти десятинъ на ревизскую душу мужескаго пола, — ежегодно по $^3/_4$ коп. за десятину; б) за участки, на которыхъ разведено скотоводство, полагая на голову рогатаго скота и лошадей по двѣ десятины, а на овцу по одной—также по $^3/_4$ коп. съ десятины; в) за «земли пустопорожнія» —

---

1) Прилож. № 1.

по 3 коп. съ десятины; г) за земли «нагорной части» Крыма отъ $^3/_4$ до $7^1/_2$ коп. съ десятины; д) за земли, розданныя для заселенія и скотоводства въ Херсонской губ., между Бугомъ и Днѣпромъ, не требовалось никакой подати, если впрочемъ поселенные на нихъ жители были надѣлены «не сверхъ 30-ти десятинъ на душу». По мѣрѣ заселенія земель, взиманіе поземельной подати предполагалось замѣнить подушными окладами «съ поселенныхъ» крестьянъ на общемъ основаніи.

При такихъ условіяхъ, въ 1782 году, князь Потемкинъ водворилъ въ Херсонской губерніи партію шведовъ съ острова Даго, положившую начало нынѣшнему шведскому колонистскому округу. Къ нимъ, вслѣдъ за тѣмъ, присоединилась небольшая партія плѣнныхъ шведовъ. Съ 1787 г., началось переселеніе въ Новороссію меннонитовъ изъ окрестностей Данцига, въ западной Пруссіи, продолжавшееся въ теченіи около 30 лѣтъ безостановочно, а также другихъ нѣмецкихъ колонистовъ изъ-за границы и частью изъ С.-Петербургской губерніи. Въ 1784 и 1787 годахъ, были направлены въ Крымъ партіи выходцевъ изъ Корсики, Ливорно, Пизы, Генуи и разныхъ мѣстъ Германіи, всего въ числѣ 160 обоего пола душъ; но люди эти разбрелись неизвѣстно куда.

На основаніи манифеста 1763 г., для высшаго управленія дѣломъ переселенія и водворенія иностранцевъ и устроенными ими колоніями, въ томъ же году была учреждена въ Петербургѣ «Канцелярія опекунства иностранныхъ». Канцеляріи этой были присвоены «власть и преимущества, равныя противъ государственныхъ коллегій», т. е. права особаго министерства. Канцелярія обязывалась «удовлетворять всѣмъ справедливымъ требованіямъ» приходившихъ въ наши предѣлы иностранцевъ и «пещись, дабы они, при самомъ началѣ ихъ прихода въ Россію, не были подвергаемы никакому изнуренію, и дабы на первый случай отведены имъ были покои для жительства до тѣхъ поръ, пока каждый, по желанію своему, опредѣленъ будетъ». Канцелярія должна была «особливо уговаривать иностранцевъ, но безъ принужденія, къ поселенію на праздныхъ мѣстахъ». Для доставленія иностранцамъ квартиръ, а также на вспоможеніе имъ при поселеніи на покупку сѣмяннаго хлѣба, скота, лошадей, земледѣльческихъ орудій и проч., въ распоряженіе Канцеляріи отпускалось изъ «камеръ-коллегіи» ежегодно по 200,000 р., «пока впослѣдствіи не понадобится больше». Она обязывалась: а) давать надлежащія наставленія пограничнымъ губернаторамъ и начальникамъ, «дабы они чинили являющимся къ намъ иностранцамъ вспоможеніе на томъ же основаніи, какъ и въ Петербургѣ»; б) имѣть «вѣрную записку» о томъ, сколько каждымъ иностранцемъ, и на какую сумму, привезено будетъ собственнаго имѣнія и товаровъ, «дабы въ таможняхъ имъ не было отягощенія и можно было знать, сколько кѣмъ пріобрѣтено будетъ въ Россіи имѣнія, а въ случаѣ выѣзда кого либо обратно за границу, — взять съ него въ казну опредѣленную часть съ благопріобрѣтеннаго имѣнія»; и в) имѣть вѣрные планы, съ подробнымъ описаніемъ «всѣхъ порожнихъ земель», удобныхъ къ населенію.

Подъ руководствомъ Канцеляріи опекунства производилось первоначаль-

ное водвореніе иностранцевъ, въ извѣстныхъ читателю мѣстностяхъ, чрезъ особыхъ коммисаровъ, на которыхъ лежали, слѣдовательно, обязанности главнаго мѣстнаго управленія. О томъ, были ли эти коммисары снабжены инструкціями относительно устройства внутренняго управленія въ колоніяхъ, а также были ли «заблаговременно сочинены нѣсколько различныхъ учрежденій по внутренней юрисдикціи», какъ это указано въ 1764 г., и было ли гдѣ введено въ дѣйствіе подобное учрежденіе, обо всемъ этомъ нѣтъ никакихъ слѣдовъ. По ходу дѣла вѣроятнѣе предположить, что внутреннія дѣла колоній были предоставляемы ближайшему усмотрѣнію самихъ поселенцевъ и завѣдывавшихъ ими коммисаровъ.

Въ 1782 г. [1]), по образованіи губерній, Канцелярія опекунства была упразднена, и колонисты, вмѣстѣ съ казенными крестьянами, отошли въ завѣдываніе бывшихъ «директоровъ домоводства». Подъ этимъ управленіемъ они оставались до 1797 г., когда, при правительствующемъ сенатѣ [2]), была учреждена особая «Экспедиція государственнаго хозяйства, опекунства иностранныхъ и сельскаго домоводства». Съ учрежденіемъ министерствъ [3]), эта экспедиція вошла въ составъ министерства внутреннихъ дѣлъ и оставалась при немъ до учрежденія (1837 г.) министерства государственныхъ имуществъ, въ вѣдѣніе коего, вмѣстѣ съ государственными крестьянами, отошли и поселенные на казенныхъ земляхъ колонисты.

Завѣдываніе колоніями чрезъ мѣстныхъ коммисаровъ обнаружило свои неудобства, особенно въ приволжскомъ водвореніи. Поэтому, уже въ 1766 г. было открыто [4]) въ Саратовѣ, въ видѣ отдѣленія Канцеляріи опекунства, особое мѣстное для колонистовъ управленіе, подъ наименованіемъ: «Контора канцеляріи опекунства иностранныхъ», но лишь «на то время, пока сіе иностранное населеніе, вошедъ во всѣ россійскіе обычаи, можетъ уже препоручено быть подъ общее обыкновенно учрежденныхъ мѣстъ россійское правленіе». Предѣлъ власти конторы опредѣлялся «съ равнымъ преимуществомъ противъ прочихъ коллежскихъ конторъ; а случающіяся между россійскими и чужестранными ссоры и происходящія отъ нихъ жалобы разсматривать ей обще съ тамошнею воеводскою канцеляріею». Конторѣ подчинялись мѣстные коммисары. Но и въ этомъ случаѣ, законодательство вовсе не касалось внутренняго общественнаго управленія поселенцевъ. Въ такомъ положеніи, съ упраздненіемъ Канцеляріи опекунства, а съ нею и конторы въ Саратовѣ, и мѣстныхъ коммисаровъ, колонисты перешли, съ 1782 г., въ вѣдѣніе общаго съ государственными крестьянами управленія, т. е. казенныхъ палатъ, земскихъ исправниковъ или коммисаровъ, земскихъ и уѣздныхъ судовъ.

Но уже въ 1797 г., въ виду крайняго упадка колоній и всеобщихъ

[1]) Указъ 30 апрѣля 1782 г., п. 3 и 5.
[2]) Указъ 4 марта 1797 г.
[3]) Манифестъ 8 сентября 1802 г., ст. IV и выс. утв. 17 октября того же года докладъ министра внутр. дѣлъ.
[4]) Выс. утв. 28 (30) апрѣля 1766 г. докладъ прав. сената.

жалобъ поселенцевъ на злоупотребленія и всякаго рода стѣсненія, жалобъ, вполнѣ подтвердившихся произведенными чрезвычайными ревизіями, правительство признало необходимымъ возвратиться къ прежнему порядку управленія колонистами и приступить къ устройству «внутренней ихъ юрисдикціи», съ изъятіемъ ихъ изъ вѣдѣнія общихъ полицейскихъ, судебныхъ и правительственныхъ учрежденій. Съ этого времени, управленію колоніями дано прочное и соотвѣтственное условіямъ каждой отдѣльной мѣстности устройство, какъ по первоначальнымъ порядкамъ его, такъ и въ дальнѣйшемъ его развитіи. Особенность различныхъ комбинацій этого устройства касается, главнымъ образомъ, только высшаго *мѣстнаго* управленія и отношеній, въ какія послѣднее становилось, съ одной стороны, къ управленію выборному или общественному самихъ поселенцевъ, а съ другой—къ высшимъ и мѣстнымъ общимъ властямъ и учрежденіямъ. Мы коснемся этихъ условій въ частныхъ очеркахъ.

Начиная съ 1797 г., были установляемы постепенно отдѣльныя главныя мѣстныя управленія: а) для колоній приволжскихъ; б) для колоній сѣверныхъ, т. е. С.-Петербургской губерніи, и в) для колоній южнаго края Россіи, т. е. губерній Херсонской, Екатеринославской и Таврической, а также Бессарабской области. Главное же мѣстное управленіе остальными колоніями, въ губерніяхъ Воронежской, Черниговской и др., до 1838 г., оставалось на обязанности мѣстныхъ губернаторовъ; за тѣмъ оно перешло въ палаты государственныхъ имуществъ. Во все предшествовавшее время, въ такъ называемый Екатерининскій періодъ, колонисты состояли на льготѣ. Тѣмъ не менѣе они дошли, или, выражаясь точнѣе, были доведены до полнаго «несостоянія и изнеможенія». Очевидно ихъ опутывало и втягивало въ свой кругъ всеобщее крѣпостничество, если не по праву, то фактически,—на дѣлѣ. Только страстная энергія Императора Павла и принятыя, по его неуклоннымъ настояніямъ, органическія мѣры въ пользу колоній могли вызвать изъ забытья права колонистовъ и дать жизненную силу тѣмъ законодательнымъ актамъ, которыми гарантировались эти права. Только теперь колонизаціонные законы 1763 и 1764 гг., будучи дополнены инструкціями о внутреннемъ самоуправленіи колоній, получили ту полноту и стройное развитіе, которыми обусловливается цѣлостность и сущность всякой системы.

Но, на рубежѣ двухъ послѣднихъ столѣтій лежитъ ось гражданственнаго поворота не одной нашей иностранной колонизаціи. Приведенные нами колонизаціонные законы Екатерининскаго царствованія несомнѣнно выражаютъ завѣтныя стремленія той, въ то время конечно очень не многочисленной части нашихъ государственныхъ дѣятелей, которая не мирилась съ ненавистными кабальными порядками, царившими почти безусловно во всемъ русскомъ обществѣ, въ частной и государственной его жизни. И если эти законы, какъ краснорѣчивый протестъ права, гуманности и политико-экономической разумности противъ режима крѣпостничества, къ исходу Екатерининскаго періода были заброшены, почти забыты въ административной сферѣ и, повидимому, даже самою Государынею, то все же, они имѣли за собою юридическую и реальную дѣй-

ствительность, ихъ стали повторять на всѣ лады «изнемогавшіе» колонисты, находя себѣ поддержку въ лучшей части высшей администраціи, въ выбивавшемся изъ-подъ кабалы сознаніи о настоятельной необходимости измѣнить къ лучшему, упрочить гражданскій и общественно-экономическій бытъ нашихъ сельчанъ вообще и въ частности. Успѣхъ колонистовъ, добивавшихся гражданскихъ свободы и полноправія, общественнаго самоуправленія, вѣротерпимости и вообще возможныхъ гарантій въ пользу самобытнаго развитія своего экономическаго и нравственнаго благосостоянія, многіе изъ насъ готовы приписать преобладанію въ высшихъ правительственныхъ сферахъ началъ, чуждыхъ будто-бы интересамъ и бытовымъ условіямъ русскаго народа. Но ближайшее знакомство съ дѣломъ приводитъ къ положительному убѣжденію совершено противоположнаго свойства, къ убѣжденію, отъ котораго мы отрѣшились бы, быть можетъ, только въ томъ случаѣ, если-бъ намъ могли доказать, что истинные интересы русскаго народа и общества только и удовлетворяются вполнѣ крѣпостною кабалою; что если не непосредственно личная кабала, то кабала экономическая, и уже чрезъ ея посредство таже кабала лично-гражданская,—есть тотъ фатальный идеалъ, на который осужденъ нашъ народъ по волѣ судебъ, въ силу присущихъ ему племенныхъ инстинктовъ; что исключительно на этомъ фундаментѣ зиждятся могущество, благоденствіе и слава русскаго государства. Но доказывать подобный абсурдъ немыслимо; а потому, по нашему глубокому убѣжденію, въ устроеніи нашихъ колоній дѣйствовали и дѣйствуютъ элементы ни исключительно западно-европейскіе, ни исключительно русскіе, а напротивъ, начала общечеловѣческія, міровыя, счастливо комбинированныя изъ вѣковаго опыта Европы и русской жизни. Если руководители нашей иностранной колонизаціи соображались съ опытомъ Европы при опредѣленіи гражданскихъ правъ колонистовъ лично и по состоянію; если льготы и пособія вынуждались необходимостью, силою обстоятельствъ; то, въ свою очередь, при установленіи поземельныхъ порядковъ, по праву владѣнія и пользованія, сохранили свое воздѣйствіе начала, западу Европы совершенно неизвѣстныя и не вполнѣ уясненныя даже по сіе время. Спрашивается: та, ни для кого невѣдомая поземельная комбинація, какая представляется намъ въ законѣ 1764 года, есть ли созданіе генія, или безсодержательная фантазія?.. Прототипы этой комбинаціи мы должны искать не на западѣ Европы и даже не въ Россіи XVIII вѣка; первые слѣды ея мы найдемъ только въ древней Руси, во времена ея докрѣпостнаго періода: въ Псковской судебной грамотѣ XV вѣка. По нашему мнѣнію, здѣсь же, а не на западѣ Европы, коренится мысль Петра I о введеніи въ Россіи прежняго экономическаго начала единонаслѣдія (указъ 23 марта 1714 г.), начала, послѣдовательнымъ примѣненіемъ котораго не только къ вотчинно-помѣстному, но и къ крестьянскому «тягловому» землевладѣнію, съ установленіемъ для того и другаго maximum'a и minimum'a «единоличнаго» владѣнія, должно было и могло-бы дѣйствительно подготовить и гарантировать вотчинно-помѣстныхъ владѣльцевъ и крестьянъ для нестѣснительнаго несенія повинныхъ службъ и подушныхъ окладовъ,

ведя въ тоже время къ нормальному специализированію народнаго труда во всѣхъ его видоизмѣненіяхъ. Но Петру не было суждено довести это дѣло до конца, а въ основномъ правилѣ колонизаціи (ст. 248 и слѣд. уст. о кол.)—избавить колонистовъ отъ общаго *подушнаго* оклада, облагая ихъ «одною поземельною податью за одну только удобную землю», состоящую «въ дѣйствительномъ» пользованіи ихъ, видно уже господство финансистовъ-физіократовъ, не устоявшихъ однако, какъ увидимъ въ свое время, противъ напора финансовыхъ началъ Петра В. Мысль эту мы моглибы развить болѣе положительно и показать притомъ, какъ закабаленіе нашихъ сельчанъ дѣлалось возможнымъ *только по мѣрѣ* ломки ихъ обычныхъ поземельно-экономическихъ порядковъ, т. е. ломкою тѣхъ самыхъ началъ, которыя, въ современномъ гражданскомъ смыслѣ, получили болѣе или менѣе полное примѣненіе въ нашихъ колонистскихъ общинахъ. Но объ этомъ поговоримъ въ другой разъ. До времени достаточно сказать, что наша иностранная колонизація была и остается хранительницею тѣхъ общинно-поземельныхъ распорядковъ, которые развивала древняя Русь, но не съумѣла ни привести въ систему, ни сохранить. Однако память о древне-крестьянскомъ дворѣ и свободномъ сельчанинѣ, преемственно передаваясь отъ поколѣнія къ поколѣнію, не переставала сказываться въ болѣе свѣтлыхъ личностяхъ нашей бытовой исторіи, пока наконецъ, съ 19 Февраля 1861 года, не наступилъ рѣшительный и, надо надѣяться, окончательный поворотъ. Короткое царствованіе Павла, въ отношеніи колоній, прошло въ подробнѣйшемъ изслѣдованіи мѣстныхъ условій существовавшихъ водвореній и въ мѣрахъ къ лучшему ихъ устройству. За тѣмъ правительство, съ самаго начала текущаго столѣтія усердно занявшись гражданскою организаціею Новороссійскаго края, снова обратилось къ помощи иностранной колонизаціи, какъ къ одной изъ главнѣйшихъ мѣръ для успѣха въ этомъ дѣлѣ. И опытъ прошлаго не пропалъ даромъ. «Вызовъ колонистовъ, докладывалъ министръ внутреннихъ дѣлъ въ 1804 году [1]), былъ и продолжается по нынѣ на основаніи манифеста 1763 года [2]). Какихъ именно людей принимать не ограничено, но распространено то вообще на всякое званіе и состояніе; оттого первоначально и вышло много дурныхъ хозяевъ и большею частью самыхъ бѣдныхъ, кои мало по сіе время принесли пользы государству. Саратовскія и нѣкоторыя изъ новороссійскихъ колоній доказываютъ сію истину. Сколько судить можно, то и нынѣшніе вызовы Циглеромъ и Ешеромъ также безъ разбора произведены были. По описаніямъ о приведенныхъ первымъ колонистахъ видно, что есть между ними много ненужныхъ ремесленниковъ, дряхлыхъ, слабыхъ, одинокихъ и даже съ застарѣлыми болѣзнями, къ чему присоединить должно, что большая часть

---

[1]) Пол. Собр. Зак. Т. XXVIII № 21163 и 21177.

[2]) Манифестъ не помѣшалъ однако тысячамъ иностранныхъ выходцевъ (преимущественно молдаванъ) попасть въ крѣпость къ разнымъ помѣщикамъ. (Тамъ же № 21458). Фактъ этотъ служитъ новымъ доказательствомъ, на сколько были необходимы *специальные* договоры колонистовъ съ правительствомъ въ странѣ, гдѣ процвѣталъ еще торгъ невольниками (тамъ же № 21246).

изъ нихъ крайне бѣдны. Императрица Екатерина II рѣшилась на вызовъ иностранцевъ, *желая населять пустыя степи*. Но когда размноженіе во внутреннихъ губерніяхъ народа и тѣснота могутъ требовать разселенія собственныхъ подданныхъ, а земель удобныхъ къ водворенію въ полуденномъ краю остается не такъ изобильно, то и должно уже искать менѣе заселенія оныхъ иностранцами, нежели водворенія на нихъ развѣ ограниченнаго числа таковыхъ пришельцевъ, кои бы *въ крестьянскихъ упражненіяхъ или въ рукодѣльяхъ примѣромъ служить могли*. А потому нужно ограничить принятіе изъ чужихъ краевъ людей на самой необходимости и единственно на хорошихъ и достаточныхъ хозяевахъ». Съ другой стороны, «неудобства, открытыя въ колонизаціонныхъ мѣрахъ при основаніи первыхъ въ Саратовской губерніи колоній», привели къ убѣжденію, что прежде нежели дозволить выходъ въ Россію новыхъ переселенцевъ, необходимо опредѣлить, гдѣ имъ селиться, «ибо отъ неблаговременнаго назначенія земли и не скораго водворенія, они должны жить около двухъ лѣтъ на счетъ казны и будутъ стоить немаловажныхъ издержекъ; *опредѣливъ же земли, нужно предохранить ихъ отъ всякихъ другихъ употребленій*».

Соотвѣтственно этимъ соображеніямъ, въ дополненіе къ «плану» 1764 года, были изданы общія правила поселенія въ Новороссійскихъ губерніяхъ русскихъ крестьянъ; въ отношеніи же собственно заграничныхъ выходцевъ было постановлено: 1) допускать къ переселенію въ Россію и къ водворенію на казенныхъ земляхъ исключительно хорошихъ земледѣльцевъ и людей, пріобрѣвшихъ навыкъ къ воздѣлыванію винограда, въ разведеніи шелковичныхъ деревъ и другихъ полезныхъ растеній, а также свѣдущихъ въ скотоводствѣ, особенно въ содержаніи и разведеніи улучшенныхъ породъ овецъ; 2) равнымъ образомъ допускать мастеровыхъ, полезныхъ собственно въ сельскомъ быту; 3) къ переселенію въ Россію никого не подговаривать и не склонять, а также не назначать для этого, какъ было прежде, особыхъ коммисаровъ; напротивъ, предоставить желающимъ изъ иностранцевъ являться въ наши миссіи и агентства за границею съ надлежащими свидѣтельствами и вѣрными поруками въ томъ, что они добрые хозяева и могутъ, каждый изъ нихъ, вывезти съ собой въ наличномъ капиталѣ или товарѣ не менѣе 300 гульденовъ; 4) изъ желающихъ выдти въ Россію образовывать партіи отъ 20 до 30 семей, назначая изъ ихъ среды на время переѣзда старшину; 5) миссіямъ выдавать въ одинъ годъ паспортовъ не болѣе, какъ на 200 семействъ и, не дѣлая переселенцамъ никакихъ ссудъ, платить только за суда или подводы, на коихъ будетъ отправленъ транспортъ; вообще же принимать только людей семейныхъ; 6) всѣхъ прибывающихъ на этихъ основаніяхъ иностранцевъ направлять къ поселенію въ Новороссійскій край, располагая ихъ колоніи, по возможности, ближе къ портовымъ городамъ—Одессѣ и Ѳеодосіи; по мѣрѣ же увеличенія числа колоній, вдаваться во внутрь страны; 7) даровать льготу въ податяхъ и всѣхъ повинностяхъ только на 10 лѣтъ; по прошествіи же сего срока, облагать поселенцевъ поземельною податью, на дальнѣйшіе 10 лѣтъ, отъ 15 до 20 коп. за деся-

тину, а затѣмъ, уравнять съ тою, какую вообще въ томъ мѣстѣ платятъ другіе поселяне, на казенныхъ земляхъ водворенные; повинности же земскія обязать ихъ нести тотчасъ по истеченіи льготы, на равнѣ съ тѣми россійскими подданными, между коими они поселены, исключая повинности рекрутской и воинскихъ постоевъ, отъ которыхъ они свободны по манифесту 1763 г. [1]); 8) производить переселенцамъ: *кормовыхъ*, со дня прибытія на границу по 10 коп. взрослой и по 6 коп. малолѣтней душѣ, со дня же прибытія на мѣсто, до перваго собственнаго урожая, отъ 5 до 10 коп. каждой душѣ, судя по цѣнѣ жизненныхъ припасовъ; на *постройку домовъ, покупку скота* и вообще хозяйственное обзаведеніе—до 300 руб. на семью; уплату же этихъ «ссудныхъ отъ казны» денегъ, по прошествіи льготныхъ лѣтъ, располагать на послѣдующія 10 лѣтъ; и 9) для доставленія «вящшихъ удобствъ и покровительства иностранцамъ, на земляхъ казенныхъ поселеннымъ, препоручить ихъ собственному начальству, подъ наименованіемъ: «Конторы опекунства иностранныхъ». Во всемъ прочемъ оставались въ полной силѣ манифестъ 1763 года и аграрный законъ 1764 года.

Такимъ образомъ въ Новороссійскій край должны были являться уже не бродяги, какъ въ Приволжье, а люди болѣе или менѣе испытанные, и при томъ семейные, владѣющіе извѣстными средствами.

Для водворенія прибывавшихъ и ожидаемыхъ изъ-за границы переселенцевъ, были переданы въ распоряженіе колоніальнаго начальства, сплошными участками, въ губерніяхъ: Екатеринославской—52,000, Херсонской—263,000 и Таврической—214,000 дес. Впослѣдствіи и въ Бессарабіи были отведены особые участки подъ поселеніе колонистовъ. Эти пространства распредѣлялись, согласно указаніямъ закона 1764 г., на округи и т. д., а доходы съ нихъ обращались исключительно на издержки по колонизаціи. Въ надѣлъ эти земли поступали также на основаніи закона 1764 года, но уже въ размѣрѣ 50, 60 и 65-ти десятинъ на семейство.

На этихъ основаніяхъ, колонизація «нѣмецкихъ» [2]) колонистовъ на югѣ шла съ полнымъ успѣхомъ, хотя, конечно, не безъ временныхъ въ началѣ затрудненій. Такъ, еще въ 1806 г., дюкъ Ришелье, военный губернаторъ херсонскій, писалъ министру внутреннихъ дѣлъ: «что сказать вамъ о нашихъ колонистахъ?... меннониты удивительны; болгары безподобны; но нѣмцы несносны. Жатва послѣднихъ была хуже посредственной; имъ нечѣмъ будетъ жить, по крайней мѣрѣ тѣмъ, которые около Одессы.» Но «несносные» нѣмцы успѣли въ скоромъ времени поправить свое состояніе и даже далеко опередить «безподобныхъ» болгаръ.

Съ 1810 г., прекращены со стороны миссій всякія пособія на переселеніе, а съ 1819 г. и самый вызовъ иностранцевъ, съ воспрещеніемъ

---

[1]) Пол. Собр. Зак. 1806 г. (22,293).

[2]) Терминъ «нѣмецкій» не относится до *меннонитовъ*, которые составляютъ совершенно отдѣльную категорію поселенцевъ. Это замѣчаніе просимъ имѣть въ виду и впередъ, такъ какъ настоящее различіе между нѣмецкими колонистами и меннонитами усвоено и оффиціальными актами, и нами.

миссіямъ выдавать паспорты желавшимъ поселиться въ Россіи. Тѣмъ не менѣе колонизація свободныхъ казенныхъ и частныхъ земель безостановочно подвигалась впередъ уже собственными силами колоній.

Льготы, обязательства и преимущества колонистовъ, на точномъ основаніи манифестовъ, грамотъ и договоровъ, вошли впервые въ Св. Зак. изд. 1842 г., въ видѣ особаго устава о колоніяхъ (ч. 2, т. XII, Св. Зак. 1857 г.). По сему уставу, колонистамъ и ихъ потомству предоставляются права гражданства не только въ ихъ колоніяхъ, но и во всей имперіи; они пользуются полною свободою и властію распоряжаться собственнымъ своимъ имѣніемъ внутри государства, «по ихъ произволу»; безпрепятственно торговать; вступать въ гильдіи и цехи; заводить въ селеніяхъ «по собственному благоразсужденію» торги и ярмарки (ст. 124, 125, 373, и 376). Для распространенія и улучшенія своего хозяйства, колонистамъ дозволяется покупать и вообще пріобрѣтать въ полную собственность частныя земли, причемъ они пользуются всѣми правами, присвоенными прочимъ сельскимъ обывателямъ въ отношеніи частной ихъ собственности (ст. 166 и 167). Собственное свое имущество каждый колонистъ можетъ завѣщать «по своему произволу, безъ всякаго ограниченія» (ст. 176). Колонисты заключаютъ письменныя обязательства «контракты, договоры» и выдаютъ «векселя, вѣрющія письма, счеты и прочіе акты», но неиначе, какъ съ согласія своего начальства (ст. 180—186). Общество не вправѣ удерживать колониста, желающаго уволиться въ другое званіе; получившій увольненіе, по вступленіи въ другое званіе, пользуется наравнѣ съ прочими, всѣми правами и преимуществами, тому званію предоставленными». Кромѣ того, «уволенные въ другое званіе могутъ вмѣстѣ оставаться и въ званіи колонистовъ, съ исправленіемъ повинностей по обѣимъ состояніямъ», и на этомъ основаніи, т. е. съ исправленіемъ повинностей по обоимъ состояніямъ, разрѣшается колонистамъ записка въ другія состояніи «и цѣлыми селеніями, и во всякомъ числѣ, неограниченно» (ст. 136, 137, 139, и 140). Права гражданскаго состоянія колонистовъ прекращаются: 1) окончательнымъ переходомъ въ другія званія; 2) отъѣздомъ за границу; и 3) преступленіемъ, влекущимъ за собою лишеніе всѣхъ правъ состоянія (ст. 131), или удаленіемъ изъ общества, за развратное поведеніе, по мірскому приговору (ст. 468).

Вотъ то, что мы сочли нужнымъ предпослать нашимъ частнымъ очеркамъ колонизаціи. Въ дополненіе же этого краткаго обзора прилагаемъ историко-статистическую вѣдомость о всѣхъ состоящихъ въ вѣдѣніи министерства государственныхъ имуществъ колоніяхъ иностранныхъ поселянъ (прилож. № 2).

Уже настоящій краткій обзоръ доказываетъ, а ближайшее знакомство съ порядками общественнаго управленія и поземельнаго устройства колоній убѣдитъ насъ окончательно, что въ основу колонистскаго быта положены тѣ самыя коренныя начала, которыя, начиная съ 19 февраля 1861 года, сдѣлались болѣе или менѣе достояніемъ всего сельскаго состоянія имперіи. Но, въ тоже время, мы увидимъ впослѣдствіи, что, благодаря почти столѣтнему примѣненію этихъ началъ, обществен-

ная жизнь колоній уже теперь выдвинула на очередь такіе вопросы сельскаго устроенія, возникновеніе которыхъ у нашихъ крестьянъ неминуемо, если только дѣла ихъ пойдутъ *нормальнымъ* порядкомъ. Именно поэтому мы полагаемъ, что историческій ходъ развитія и нынѣшній бытъ колоній могли бы служить важнымъ пособіемъ при разрѣшеніи вопросовъ крестьянскаго устроенія, какъ наглядный примѣръ того, что слѣдуетъ дѣлать и чего должно избѣгать.

Содержаніе послѣдующихъ очерковъ подтвердитъ, какъ надѣемся, справедливость нашей мысли.

II.

КОЛОНІЯ РАДИЧЕВЪ.

Поселенцы, основавшіе эту колонію въ Кролевецкомъ уѣздѣ, Черниговской губерніи, оффиціально всегда были причисляемы къ меннонитскому братству; въ дѣйствительности же, происхожденіе, догматы вѣры и правила общиннаго устройства этихъ людей имѣютъ слишкомъ мало общаго съ происхожденіемъ и религіозно-соціальными воззрѣніями меннонитовъ, вѣтви которыхъ, какъ извѣстно, перешли къ намъ въ Новороссію изъ западной Пруссіи, а съ 1855 г. стали водворяться и въ Самарской губерніи.

Радичевское поселеніе возбуждало особенный интересъ современниковъ по исключительнымъ условіямъ своего внутренняго устройства, и о судьбахъ его мы имѣемъ подробныя оффиціальныя свѣдѣнія. По преимуществу, этими источниками мы и воспользовались для настоящаго очерка. Такъ, въ маѣ 1806 г., «главный судья конторы опекунства» южныхъ колоній, статскій совѣтникъ Контеніусъ, доносилъ министру внутреннихъ дѣлъ: «Въ первый разъ увидѣлъ я семейство, изъ двухъ-сотъ душъ состоящее, которое живетъ въ согласіи, подъ церковнымъ управленіемъ и въ одномъ дворѣ, въ которомъ рѣдко показываются люди, спокойствіе нарушающіе, и въ коемъ трудолюбіе, преданность провидѣнію, спокойствіе духа и терпѣливость отличаютъ большую часть между ихъ собратами. Ихъ догматы происходятъ (по устнымъ преданіямъ) отъ древнихъ *вальдензеровъ*, а поучительныя книги и молитвенники у нихъ большею частью рукописныя. Они даютъ своимъ пропитаніе и одежду, и смотрятъ за больными подобно тому, какъ сіе заведено у *братьевъ евангелическаго общества*. Одежда ихъ весьма проста и единообразна».

Указанія Контеніуса на вальдензовъ и евангелическихъ братьевъ, а затѣмъ и домашняя хроника самихъ радичевцевъ, восходящая до 1529 года, прямо переносятъ насъ въ глубь средневѣковой жизни европейскаго запада, къ тѣмъ фазисамъ ея, въ которые обезличенная, порабощенная

масса низшихъ слоевъ общества, съ постоянно возраставшею энергіею, заявляла свои права на свободу и гражданственность; къ ряду болѣе или менѣе свѣтлыхъ, геніальныхъ личностей, не мирившихся съ безобразіями дѣйствительности и запечатлѣвавшихъ, мученическою смертью, опередившія вѣка убѣжденія свои; къ ряду личностей, вносившихъ въ міръ сѣмена, всходами и плодами которыхъ еще не вполнѣ воспользовалось даже современное намъ человѣчество, при всемъ научномъ и гражданственномъ прогрессѣ его. Всѣ эти протесты, болѣе или менѣе сильные и кровавые, составляютъ ту сторону бытоваго развитія человѣчества, гдѣ свободномыслящему, безкорыстному меньшинству, и огромному, лишенному почти всякой мысли, большинству приходилось одинаково не по силамъ терпѣть тяготѣніе надъ ними разныхъ, окаменѣвшихъ авторитетныхъ порядковъ и системъ, губившихъ нравственныя силы общества, эксплоатировавшихъ его экономически и глумившихся всячески надо всѣмъ, что было, есть и всегда будетъ дорого и свято для человѣка. Но таковъ поступательный ходъ историческаго развитія человѣчества; движимые міровыми законами, люди еще нигдѣ и ни въ какія времена не съумѣли создать себѣ порядковъ общежитія, которые, уравновѣшивая кроющіяся въ этихъ законахъ и человѣческой личности противорѣчія, давали бы нравственному и матеріальному бытію индивидуума нормальный просторъ для свободнаго развитія—частнаго и общественнаго. До сихъ поръ въ области вѣры, политики и соціальнаго устройства не было и нѣтъ еще ни одной системы, которая, путемъ практическаго приложенія ея къ жизни, не оказывалась бы въ конечныхъ выводахъ или вовсе несостоятельною, или, по меньшей мѣрѣ, одностороннею. И вотъ источникъ сектаторскихъ и революціонныхъ движеній, дающихъ обыкновенно первый толчокъ повороту впередъ по пути прогресса.

Евангелическіе братья, имѣющіе въ Россіи своимъ представителемъ колонію Сарепту; наши меннониты, корень которыхъ равнымъ образомъ восходитъ до реформаціи Лютера; наконецъ вальдензы, прямыми послѣдователями которыхъ признаютъ себя наши радичевцы,—всѣ они равно обязаны своимъ происхожденіемъ не нормальному ходу бытоваго развитія человѣчества вообще и европейскаго запада, въ особенности; всѣ они являются практиками, занятыми вѣковою попыткою основать человѣческое общежитіе на иныхъ началахъ, на началахъ болѣе или менѣе противоположныхъ тѣмъ, которыя усвоены западно-европейскою гражданственностью. Но обусловленные одними и тѣми же историческими факторами, весьма нерѣдко взаимно соприкасаясь и переплетаясь въ своихъ судьбахъ, названные три толка имѣютъ каждый свою спеціальную исторію.

По мѣрѣ достиженія престоломъ св. Петра зенита своего полновластія надъ западно-европейскимъ міромъ, усиливалась и порча его органовъ и представителей—духовенства бѣлаго и монашествующаго. Поэтому, уже съ начала XI вѣка, въ сѣверной Италіи, а затѣмъ и въ южной Франціи и въ западной Германіи, стали являться враждебныя церкви партіи, извѣстныя въ исторіи подъ различными названіями. Таковы

секты болгарскихъ павликіянъ [1]), патаранъ, публикановъ или попелитановъ, альбигойцевъ, вальдензовъ и т. д. Всѣ онѣ, возникая постепенно и распространяясь пропагандою въ различныхъ мѣстностяхъ, получали каждая свое мѣстное наименованіе; но чаще всего онѣ упоминаются подъ общимъ названіемъ *кáтаровъ* (по ломбардски Gazzari — *чистый*; отсюда нѣмецкое Ketzer). Такъ адепты этихъ толковъ именовали себя сами, какъ бы въ противоположность послѣдователямъ господствующей церкви. Въ религіозномъ смыслѣ, сектанты придерживались одни манихейскаго направленія, другіе старогностическаго, третьи, наконецъ, монтанистскаго [2]).

---

[1]) Павликіяне или богомилы — дуалистическая ересь, заимствованная изъ Арменіи попомъ Богомиломъ, который въ X вѣкѣ распространилъ ее между болгарами и остальнымъ населеніемъ балканскаго полуострова. Собр. соч. А. Гильфердинга. Т. I, 131, 132, 134, 228, 233.

[2]) *Манихеизмомъ* называется религіозная система, созданная около 270 года въ Персіи — Манесомъ или Мани. Пытаясь согласить христіанство съ ученіемъ Зороастра, система эта принимаетъ два равно вѣчныхъ, основныхъ и взаимно враждебныхъ существа: доброе или Бога — въ царствѣ свѣта, и злое или дьявола—во тьмѣ матеріи. Два тока божественнаго свѣта, сынъ и духъ, падая во тьму, заняты спасеніемъ разумной человѣческой души изъ-подъ власти злаго духа и чувственности. Оба начала, будучи окружены безчисленными, имъ подначальными и одного съ ними свойства, элементарными силами, занимаютъ каждое по пяти концентрическихъ сферъ, именно: *въ царствѣ добра* — сферы свѣта, чистой воды, увеселяющаго воздуха, умѣреннаго огня и чистаго эфира; *въ царствѣ же зла*—сферы тьмы или земли, мутной воды, бурнаго воздуха, пожирающаго огня и дыма. Все повѣствуемое новымъ завѣтомъ о жизни Іисуса Христа—было лишь явленіемъ призрачнымъ, не исключая его смерти и воскресенія: сынъ вѣчнаго свѣта, Христосъ, долженъ былъ явиться въ міръ для спасенія человѣка, созданнаго злымъ началомъ изъ свѣтовой матеріи (разумной души) и злой тѣлесной души; но человѣкомъ Спаситель никогда не бывалъ и не дѣлался; спасеніе совершается ученіемъ Христа. Такимъ образомъ система Манеса отвергаетъ старый завѣтъ совершенно, а новымъ пользуется лишь въ смыслѣ своеобразнаго его толкованія; послѣ смерти она признаетъ очищеніе душъ чрезъ огонь и воду, но отвергаетъ воскресеніе тѣлъ усопшихъ; добродѣтельныя души въ скоромъ времени достигаютъ блаженства въ царствѣ свѣта, грѣховныя же только послѣ предварительнаго странствованія чрезъ иныя человѣческія и животныя тѣла; неисправимо грѣшныя души обречены на вѣчныя муки ада. Борьба двухъ началъ окончится всеобщимъ міровымъ пожаромъ; добро побѣдитъ зло; спасенныя души возвратятся въ царство свѣта, а злой духъ будетъ скованъ на вѣки. Церковное устройство манихѣевъ было демократическое. Они подраздѣлялись: *на избранныхъ и слушателей или несовершенныхъ*. Первые отличались тремя значками—Signaculum sinus, oris и manus; они воздерживались отъ вина, мясной и вообще животной пищи; отъ брака, плотской связи, музыки, роскоши и вообще вещественной и мірской собственности; отъ войны, работы и повреждения растительнаго царства, даже отъ срыванія съ деревьевъ плода и убіенія животныхъ, исключая паразитовъ; вся жизнь ихъ посвящалась всецѣло благочестивому самосозерцанію. Вторые обязывались трудомъ своимъ содержать и себя и избранныхъ, въ бракѣ избѣгать рожденія дѣтей и искать счастья въ нищетѣ, бѣдности. Во главѣ манихейскихъ общинъ стояли епископы, которыхъ самъ Мани посвятилъ 72, старшины и дьяконы; всѣ они назначались изъ среды избранныхъ, къ которымъ принадлежали и дѣвы; но чины эти, при началахъ демократическаго общиннаго управленія, имѣли значеніе лишь наставниковъ. Храмовъ, алтарей, образовъ, жертвоприношеній и иныхъ вещественныхъ символическихъ знаковъ, манихеи не имѣли; богослуженіе ихъ заключалось въ пѣніи гимновъ, въ молитвѣ, чтеніи священныхъ книгъ и поучительныхъ бесѣдахъ. Св. причастіе совершалось безъ вина, а крещеніе откладывалось нерѣдко до болѣе зрѣлаго возраста. Они праздновали только: дни воскресные, день смерти Христа Спасителя, въ мартѣ, день смерти Мани (Бема). Строгость и чистоту нравовъ признавали за манихеями даже ихъ враги; тѣмъ не менѣе, съ IV вѣка, секта эта, болѣе другихъ диссидентовъ подвергалась самымъ ожесточеннымъ преслѣдованіямъ, такъ какъ къ этому времени она изъ Персіи быстро распространилась въ Сиріи, Малой Азіи, Сѣверной Африкѣ, Балканскомъ полуостровѣ и даже Италіи. Въ Сѣверной Африкѣ, гдѣ манихеи имѣли многочисленныя, но не многолюдныя общины, съ епископами во главѣ, они въ V и VI столѣтіяхъ были совершенно истреблены вандалами; таже участь постигла ихъ въ Римской Имперіи, и особенно въ Италіи. Подавленные, наконецъ, и въ Персіи, манихеи скрылись частью въ Восточной Азіи, гдѣ повидимому вліяли на развитіе ламаизма, частью въ тайныхъ общинахъ, являясь въ теченіе послѣдующихъ столѣтій уже подъ другими наименованіями. Такъ, богомильство болгарское носитъ на себѣ несомнѣнные слѣды манихеизма.

Гностицизмъ, въ общемъ смыслѣ, означаетъ стремленіе достигнуть высшаго познаванія въ дѣлахъ вѣры путемъ сравненія собственной системы съ иными, чуждыми вѣроученіями. Въ христіанской церкви

Общія гоненія и безпощадныя преслѣдованія со стороны римскаго престола приводили диссидентовъ сперва къ совершенному выдѣленію изъ церкви, нерѣдко даже вопреки ихъ собственному желанію, а затѣмъ и ко взаимному сближенію, невзирая на существовавшую между отдѣльными партіями рознь въ религіозныхъ воззрѣніяхъ.

Подъ *вальдензами*, въ тѣсномъ смыслѣ, разумѣютъ послѣдователей Петра Вальда, богатаго гражданина г. Ліона. Вальдъ (Waldus) былъ собственно не столько сектаторомъ, сколько однимъ изъ вліятельнѣйшихъ представителей и двигателей того, въ его время (около 1170 года), весьма распространеннаго стремленія, которое ставило себѣ цѣлью—*среди* всеобщаго упадка церкви, возстановить первоначальную простоту и апостольскую чистоту ея, въ составѣ эзотерическихъ (тайныхъ) союзовъ. Вальдъ, не отвергая ни ученія, ни каноновъ церкви, обратился однако къ библіи; но въ этомъ направленіи іерархія видѣла главнѣйшую опасность, такъ какъ библейская проповѣдь частныхъ лицъ открыла-бы вопіющее противорѣчіе сущности христіанства съ крайнимъ невѣжествомъ и нравственною распущенностью большинства духовенства, а съ тѣмъ вмѣстѣ былъ-бы подорванъ и авторитетъ церкви, которымъ такъ дорожила іерархія ради корыстныхъ, честолюбивыхъ цѣлей своихъ. Послѣдствія эти папа Люцій III поспѣшилъ предупредить буллою 1184 года, изрекшею проклятіе надъ ученіями вальдензовъ и иныхъ диссидентовъ. Начались страшныя гоненія: инквизиція и доминиканцы выступили во всеоружіи своего могущества; пытки, костры и плаха должны были доказать диссидентамъ ихъ заблужденія, обративъ ихъ къ признанію авторитета папы, вопреки божественному слову. Такой оборотъ дѣла не могъ не вызвать усиленной реакціи и со стороны преслѣдуемыхъ. Выдѣлившись изъ церкви окончательно, они стали къ ней въ болѣе или менѣе враждебныя отношенія, въ нѣкоторыхъ случаяхъ рѣшаясь даже на открытый вооруженный отпоръ, разразившійся наконецъ извѣстнымъ крестовымъ походомъ папы Инокентія III и Людвига IX (1209—1229) противъ еретиковъ южной Франціи. Обѣ стороны потеряли въ эту варварскую войну сотни тысячъ своихъ сторонниковъ; лучшія, богатѣйшія мѣстности Прованса и Верхняго

подобныя стремленія обнаружились уже во времена апостолическія. Впослѣдствіи обозначились два главныхъ направленія: каѳолическое или православное и еретическое. *Первое*, признавая общее ученіе церкви за неизмѣнную основу вѣры, доискивалось лишь причинной разумности, тогда какъ *второе* превращало евангеліе въ фантастическую метафизику, съ цѣлью, космологическимъ путемъ опредѣлить: въ какихъ именно соотношеніяхъ находится христіанство ко всѣмъ прежде установившимся религіямъ и какое оно имѣетъ значеніе въ выполненія божественнаго плана міозданія.

Монтанистами именуется секта, отличавшаяся своимъ фанатично-аскетическимъ направленіемъ. Праучителемъ ея былъ Монтанусъ, выдававшій себя, около 160 года, за пророка (въ Мизіи, а затѣмъ во Фригіи); цѣлью его было совершенствовать ученіе Христа не теоретически, а путемъ осуществленія этого ученія во внутренней и внѣшней жизни христіанъ. Въ отношеніи обычаевъ и нравовъ, Монтанусъ надѣялся вывести церковь изъ юношескаго въ зрѣлый возрастъ. Догмѣ и культу онъ давалъ лишь второстепенное значеніе, требуя въ тоже время проявленія внутренней чистоты путемъ строжайшаго воздержанія. Въ этомъ отношеніи, сверхъ обыкновенныхъ постовъ, онъ установлялъ новые, годичные и недѣльные; а вторичный бракъ и бѣгство отъ преслѣдователей называлъ грѣхомъ. За собою и своими послѣдователями онъ признавалъ способность пророчествовать и имѣть видѣнія; онъ ожидалъ наступленія 1000 лѣтняго царства. Послѣдователи Монтана, и въ томъ числѣ не мало пророчицъ, называли себя пневматиками, т. е. преисполненными духомъ.

Лангедока обратились въ пустыню; но іерархія торжествовала и скудные остатки диссидентовъ спасались бѣгствомъ во всѣ стороны, укрываясь преимущественно въ суровыхъ, малодоступныхъ долинахъ альпійскихъ горъ. Такимъ образомъ вальдензы, именуемые еще *ліонистами, бѣдняками изъ Ліона*, *сабатати* (по поводу носимыхъ ими деревянныхъ башмаковъ или сандалій) и *гумиліатами* (по ихъ смиренной кротости), распространились почти по всей Европѣ, находя повсюду новыхъ приверженцевъ и послѣдователей. Между ними существовало извѣстное убѣжденіе, что всякій членъ братства, по пути изъ Англіи или Антверпена въ Римъ, можетъ каждую ночь провести подъ кровомъ брата. Главнѣйшія вѣтви секты направились въ Піемонтъ, Тироль, Штирію, Боснію и наконецъ въ Чехо-Моравскія владѣнія, гдѣ, какъ увидимъ ниже, сближеніе съ гусситизмомъ и сильная ассимиляція съ славянскимъ элементомъ—совершенно преобразовали сущность ученія вальдензовъ.

Мы сказали, что выдѣленіе изъ церкви и враждебныя къ ней отношенія романскихъ сектаторовъ были послѣдствіемъ не столько догматической и даже не канонической розни, сколько ультрамонтанскаго, дикаго терроризма и безпощадной жестокости римскаго престола и его усердныхъ слугъ. Поэтому вальдензы, до прихода своего въ Чехію и Моравію, въ религіозномъ отношеніи представляются, если можно такъ выразиться, двоеличными: въ одно и тоже время они смотрѣли *назадъ*, будучи не въ силахъ вполнѣ отрѣшиться отъ традиціоннаго авторитета, и *впередъ*, какъ-бы стремясь на встрѣчу грядущей въ будущемъ истинѣ, познаваніе которой ускользало отъ ихъ сознанія. Въ смыслѣ соціальнаго устройства, они, по имѣющимся о нихъ извѣстіямъ, тоже не придерживались никакой положительной системы. Внѣшнія условія, въ которыхъ жили вальдензы, слишкомъ мало нуждались въ какихъ либо исключительныхъ порядкахъ. Живя въ крайней бѣдности уже вслѣдствіе совершенной невозможности пріобрѣсти хотя-бы какой нибудь излишекъ противъ самыхъ насущныхъ потребностей своего жалкаго существованія, вальдензы, въ силу своего принципа взаимной помощи, не наталкивались на искушенія: когда дѣло идетъ о жизни и смерти, своекорыстіе умолкаетъ само собою. Такимъ образомъ, альпійскія общины вальдензовъ оставались, по видимому, мало или даже вовсе нетронутыми великою религіозно-соціальною драмою, разигравшеюся, въ 1525—1527 годахъ, во всей юго-западной Германіи: по Рейну, Некару, Майну, въ Тюрингіи, Виртембергѣ, Зальцбургѣ, Тиролѣ, Крайнѣ, Штиріи и т. д., драмою, къ которой возвратимся въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь замѣтимъ только, что великая крестьянская война, въ Германіи, была вызвана и поддерживалась сколько духомъ церковной реформы, столько же, если не болѣе, требованіями чисто политико-соціальнаго свойства. Повсюду тезизы крестьянскіе касались догматовъ вѣры менѣе, нежели правъ общественнаго и приходскаго самоуправленія, гражданской и экономической свободы. Игравшій здѣсь такую видную роль—анабаптизмъ не успѣлъ однако привить массѣ одно изъ своихъ главныхъ въ то время началъ—общности имуществъ; требованія огромнаго большинства бунтующихъ крестьянъ не шли далѣе установленія лишь болѣе спра-

ведливыхъ фискальныхъ и гражданскихъ отношеній. Не трогая основныхъ началъ, на которыхъ искони покоился поземельный и вообще имущественный строй запада, сущность домогательствъ крестьянства заключалась главнымъ образомъ въ возстановленіи «древнихъ правъ» его, въ дарованіи положительныхъ гарантій противъ произвола аристократіи свѣтской и духовной, и въ замѣнѣ римскаго гражданскаго права—имперскимъ. Всѣ эти вопросы мало имѣли практическаго значенія для вальдензовъ, лучшею гарантіею которыхъ были ихъ нищенская бѣдность и малодоступность занятыхъ ими горныхъ ущелій и долинъ.

Въ 1529 году, какъ повѣствуетъ радичевская хроника, въ одну изъ такихъ общинъ вальдензовъ явился тиролецъ Яковъ Гуттеръ, урожденецъ дер. Массъ, въ полумили отъ Браунэккена (Брунэккенъ?), въ Пустерталѣ. Принадлежа къ огромному числу народныхъ проповѣдниковъ, агитировавшихъ въ предшествовавшую крестьянскую войну, Гуттеръ скрывался отъ рукъ осилившей движеніе реакціи и разсчитывалъ найти у вальдензовъ безопасное убѣжище. И дѣйствительно; община, оцѣнивъ «высокія дарованія и честность убѣжденій» бѣглеца, не только приняла его въ свою среду, но признала его даже своимъ старшиною-наставникомъ. Вскорѣ однако агенты инквизиціи стали добираться и до долинъ и ущелій верхнихъ альпъ, что побудило Гуттера и его паству бѣжать въ Моравію, къ тамошнимъ единомышленнымъ общинамъ, съ которыми и прежде поддерживались ими постоянныя сношенія.

Чехо-Моравскія общины вальдензскаго толка въ то время (около 1533 года) были довольно многочисленны. Воспользовавшись въ теченіи предшествовавшаго періода полною политико-гражданскою и религіозною свободою, онѣ упрочили свой имущественный бытъ, усвоили себѣ отъ гусситовъ-таборитовъ догматъ безусловной имущественной общности и соотвѣтственное тому патріархально-коммунальное устройство, равно какъ и догматъ причащенія въ обоихъ видахъ; но онѣ отвергали войну и всякаго рода насилія, а къ воспріятію св. таинствъ (крещенія и причастія) допускали однихъ только взрослыхъ. Приходъ Гуттера совпалъ съ тѣмъ роковымъ для чехо-моравскаго государства временемъ, когда аристократы-олигархи и городскія, полуонѣмеченныя муниципіи, сосредоточивъ въ своихъ рукахъ управленіе страною, своимъ своеволіемъ, взаимными кровавыми распрями и грабительствомъ довели чехо-моравапъ до полнаго безсилія, до нравственнаго и экономическаго разстройства, готовясь къ роковому самозакланію своего славнаго отечества отдачею его во власть австрійскихъ габсбурговъ.

Гуттеръ, вступивъ съ своими приверженцами въ вальдензскую общину г. Аустерлица, не замедлилъ пріобрѣсти и здѣсь первенствующее вліяніе. По словамъ радичевской хроники, общины вальдензовъ пользовались, какъ сказано, значительнымъ благосостояніемъ; но «врагу человѣчества удалось (ибо люди спали) посѣять плевела въ общинахъ, особенно чрезъ ихъ старшинъ». Гуттеръ, ратуя за истину, выдерживалъ постоянныя столкновенія со многими старшинами, обнаруживая ихъ недобросовѣстное завѣдываніе общиннымъ имуществомъ. Подобныя злоупотребле-

нія оказывались въ большинствѣ общинъ; на торжественномъ общемъ сходѣ старшины были учитаны и фактически обличены въ своекорыстіи. «Одинъ только Гуттеръ оказался чистымъ; остальные старшины найдены виновными, какъ Ананія». Съ этого времени авторитетъ Гуттера выросъ до того, что общины стали именоваться: *Гуттерскимъ братствомъ*.

Но пора религіозной и гражданской свободы миновала и для чехо-морававъ. Уже въ 1535 году противъ братскихъ общинъ поднялась та же реакція, свирѣпствовавшая послѣ крестьянской войны во всей Германіи. Гуттеръ попалъ въ тюрьму и, быть можетъ вслѣдствіе прежней агитаціи, былъ доставленъ въ Инспрукъ. Здѣсь «пытали его, вливая въ раны его спиртъ и сжигая этотъ спиртъ; но страдалецъ остался непоколебимъ въ своей вѣрѣ» и въ 1536 году твердо взошелъ на костеръ. «Призываю моихъ супостатовъ—испробовать истинность вѣры въ огнѣ, говорилъ Гуттеръ съ пылавшаго костра; огонь этотъ столь же безвреденъ для моей души, какъ была безвредна пылающая печь для Садраха, Мелеха и Абеднеха». О судьбѣ за это время Мораво-Гуттерскаго братства Радичевская хроника ограничивается общимъ замѣчаніемъ, что «большинство общинъ погибло отъ преслѣдованій со стороны католиковъ; главные же приверженцы Гуттера, и въ томъ числѣ его Тирольская паства, удалились въ Крайну и Венгрію». Но инквизиція и здѣсь не давала имъ покоя; въ теченіе более двухъ столѣтій (1535 — 1757) исторія братства представляетъ однообразный рядъ всевозможныхъ гоненій, скорби и ужасовъ. Въ исходѣ этого періода, въ царствованіе Маріи Терезіи, мы встрѣчаемъ часть братства на дорогѣ въ Трансильванію, куда препровождаютъ братьевъ по распоряженію правительства, намѣреваясь поселить ихъ около Германштадта. Имъ обѣщались предоставить свободу вѣры и землю, построить дома и дать иныя пособія; но отъ нихъ требовали присяги на вѣрноподданство. Гуттерцы отказались исполнить требованіе, ссылаясь на евангеліе (Матѳ. 5, 34—37, Посл. Яков. 5, 12); а потому ихъ отпустили на волю, безъ всякихъ пособій. Не долго задумываясь, они отыскали въ той же Трансильваніи вѣтвь своего братства, вышедшую сюда гораздо раньше. Въ Альвинцѣ (такъ называлось это поселеніе) «братья были не въ полномъ порядкѣ: они отступились отъ общности имуществъ и жили при личной собственности; тѣмъ не менѣе, оставшись вѣрными ученію о присягѣ, военной службѣ и крещеніи дѣтей», они тотчасъ изъявили согласіе соединиться съ пришельцами, по прежнему, въ одну общину. Противъ такого намѣренія рѣшительно возстали мѣстныя власти и владѣлецъ имѣнія Альвинца (католическій епископъ). По этому правительство, согласно первоначальному плану, водворило братьевъ въ селеніи Гросполенъ, въ особо выстроенныхъ для каждой семьи домахъ. Имъ вновь обѣщались отвести необходимыя для хозяйства пахатныя, сѣнокосныя и иныя угодья, но подъ условіемъ, чтобы они присоединились къ лютеранской церкви, которой слѣдовали остальные обыватели. Когда же и это предложеніе осталось безъ послѣдствій, то Гуттерцевъ посемейно развезли въ разныя стороны, водворяя ихъ въ отдаленныхъ одно отъ другого селеніяхъ, а нѣкоторыхъ братьевъ заключили въ тюрьму и упо-

требляли въ работы на казенныхъ фабрикахъ [1]. Наконецъ, въ 1763 году, Императрица Марія Терезія, снова рѣшившисъ очиститъ свои владѣнія отъ раскола, дала соотвѣтственныя тому повелѣнія, тяжесть которыхъ обрушилась прежде всего на Гуттерскія общины въ Венгріи: Саббатишъ и Лебаръ, а вслѣдъ за тѣмъ и на Альвинцъ. Многіе изъ братьевъ не устояли; остальныхъ же правительство пыталось размѣстить въ различныхъ тюрьмахъ, раздавъ малолѣтнихъ дѣтей ихъ въ руки католиковъ на воспитаніе. Въ ожиданіи этой мѣры наступилъ 1767 годъ и братство, собравшееся тѣмъ временемъ изъ Венгріи и разныхъ мѣстъ Трансильваніи—около мѣстечка Крейцъ, близь Кронштадта, находилось въ полной нерѣшительности и безнадежномъ уныніи. Но въ октябрѣ неожидано явились двое братьевъ Куръ и Шталь, съ годъ предъ тѣмъ высланные Австрійскимъ правительствомъ за границу—въ Валахію. Слѣдуя ихъ совѣту, все братство двинулось въ путь и уже 16 ноября приступило къ устройству жилыхъ землянокъ въ имѣніи нѣмца Вёльфля, близь Бухареста. Вскорѣ было окончено 5 или 6 такихъ помѣщеній и братья бодро взялись за свои ремесла, дававшія хорошій прибытокъ. Послѣ вѣковыхъ страданій, Гуттерцы впервые вздохнули свободно: правительство, обложивъ ихъ сообща ежегодною податью (вмѣстѣ съ арендною платою землевладѣльцу, всего 40 талеровъ), гарантировала имъ свободу вѣры и права гражданскія, на основаніи мѣстныхъ положеній объ иностранцахъ. Всѣмъ казалось, что пора бѣдствій и гоненій миновала; но слишкомъ скоро явились напасти иного рода. Въ первые же лѣтніе мѣсяцы братство подверглось мѣстной эпидемической лихорадкѣ; иные дни число больныхъ доходило до 16—18 человѣкъ; многіе умирали, и въ томъ числѣ «вѣрные свидѣтели истины, честнѣйшіе опоры общины». Война Россіи съ Турціею, начавшаяся въ 1768 году, довершила бѣдствіе; 24 ноября 1769 года, на общинный дворъ напала толпа валаховъ; они требовали денегъ, грабили и всячески мучили братьевъ, особенно больнаго, въ то время, общиннаго старшину, Іогана Клейнфассера. Оставивъ общину не ранѣе вечера, они разорили и разломали все, что не могло быть унесено. Съ этого времени шайки мародеровъ и разной сволочи не давали братству покоя,

[1]) Изъ числа этихъ заключенныхъ, Матіасъ Гоферъ, освободился изъ заключенія только чрезъ 16 лѣтъ и тотчасъ поспѣшилъ присоединиться къ братству въ Вишенкахъ, въ Россіи. Вотъ стихотворный опытъ этого Гофера, въ которомъ описывается жизнь братьевъ въ заключеніи:

1. Man hat uns genommen von der christlichen Gemein;
Gebunden und geführet in die Herrmannstadt ein;
Da haben wir gelitten viel Schmachwort und Spott;
Das thun wir Dir klagen, o Herr unser Gott.

2. Man hat uns gesperrt ins Zuchthauss, wie ich sag'
Da haben wir gemüsst arbeiten ein Jahr und viel Tag'
Man gab uns ein Gröschl und Brodt auf ein Tag'
Gott hat uns gesegnet; wir haben kein Klag'.

3. Wir haben müss'n arbeiten in der Wolle und Decken,
In der Woche 70 Pfund reissen, oder 100 Pfund flecken;
Sonst hat man uns geben für ein Pfund einen Streich,
Man hat uns gescholten für faul und für weich.

такъ что, въ началѣ января 1770 г., оно бросило свой общинный дворъ и поголовно удалилось въ лѣса. Тамъ, подъ открытымъ небомъ, съ женами, дѣтьми и больными, скрывались братья до половины апрѣля, терпя крайній недостатокъ даже въ одеждѣ и продовольствіи. Въ этомъ безъисходномъ положеніи, общество, кинувъ жребій и *слѣдуя его указанію*, рѣшилось переселиться въ Россію. 10-го апрѣля, гуттерцы пустились въ путь. Случайно встрѣтилъ ихъ на дорогѣ одинъ изъ адъютантовъ фельдмаршала графа Петра Румянцова-Задунайскаго и, освѣдомившись о цѣли ихъ путешесвія, вручилъ имъ письмо къ графу. Странники наши выхлопотали себѣ, въ лицѣ депутатовъ, аудіенцію у графа, были имъ приняты очень милостиво и приглашены къ поселенію въ его помѣстьѣ Вишенкахъ, Кролевецкаго уѣзда, Черниговской губерніи. Братство не упустило, конечно, случая тотчасъ воспользоваться этимъ милостивымъ предложеніемъ, тѣмъ болѣе, что при мистицизмѣ своемъ, оно видѣло въ такомъ счастливомъ совпаденіи случайныхъ обстоятельствъ — перстъ божій, руководившій и жребіемъ, подвинувшимъ братьевъ къ переселенію въ Россію. Съ графомъ Румянцовымъ былъ заключенъ контрактъ, первый пунктъ котораго обезпечивалъ за братствомъ полную свободу въ дѣлахъ вѣры, по принципу общинной собственности. Изъ лагеря нашей арміи, около Хотина, переселенцамъ былъ отпущенъ, ссудою, провіантъ, и они, въ сопровожденіи конвойнаго унтеръ-офицера и 10 казаковъ, 1-го августа 1770 года прибыли къ мѣсту своего поселенія. Въ Вишенкахъ, по распоряженію фельдмаршала, обществу дали необходимый лѣсъ для первоначальныхъ построекъ, и вообще, какъ выражается Радичевская хроника, графъ заботился о братьяхъ какъ отецъ.

Послѣдователямъ Гуттера повелѣвается жить безусловно «одной семьей, подобно христіанамъ первыхъ вѣковъ церкви». По клятвенному обѣту, они обязаны торжественно отрекаться «отъ всякой личной собственности и вполнѣ предаваться своей общинѣ». Община, въ свою очередь, обезпечиваетъ своихъ членовъ полнымъ содержаніемъ. Всѣ заработки братьевъ и всякое пріобрѣтеніе ихъ, какого-бы рода оно ни было, должны непремѣнно быть обращаемы въ достояніе общины. Но исполненіе этого оставляется безусловно на совѣсть каждаго члена, въ томъ предположеніи, что «при строгой нравственности братьевъ—нарушенія не мыслимы». Изъ среды общества избирается пожизненно старшина, который управляетъ всѣми церковными и хозяйственными дѣлами. Приговоры и рѣшенія старшины священны; онъ распоряжается всѣми священнодѣйствіями; по его же назначенію, совершаются брачные союзы, хотя бы даже помимо воли брачущихся [1]). Въ помощь старшинѣ избираются, смотря по надобности, особые помощники—одни по церковнымъ дѣламъ, другіе (хозяева) для непосредственнаго завѣдыванія хозяйственною частью. Св. крещеніе совершается, какъ у меннонитовъ, только по достиженіи 15-лѣтняго возраста и по предварительномъ испытаніи предъ цѣлымъ обществомъ

[1]) Впослѣдствіи братство устранило всякое принужденіе въ отношеніи брака, предоставивъ полную свободу личному выбору брачущихся.

въ правилахъ вѣры. Всякій, пріемлющій крещеніе, впервые произноситъ торжественный обѣтъ: строго и неуклонно слѣдовать правиламъ братства. Обѣтъ этотъ возобновляется впослѣдствіи, всякій разъ, при совершеніи таинства св. причащенія. Кромѣ увѣщаній и внушеній словесныхъ, никакихъ иныхъ взысканій или наказаній въ общинѣ не допускается.

Въ духѣ этихъ основныхъ положеній, гуттерцы устроили себѣ въ Вишенкахъ общее жилое помѣщеніе, подъ одной крышею и съ особыми отдѣленіями для общинниковъ по поламъ и возрастамъ, для молитвы, ремесленныхъ и другихъ хозяйственныхъ работъ, для отдохновенія, трапезы и т. д. Равнымъ образомъ, всѣ полевыя работы производились сообща, общиною. «Въ теченіе 1772—1779 годовъ—говоритъ хроникеръ—благосостояніе общины значительно улучшилось; съ самаго начала, особенно успѣшно пошло тканье, а также горшечный промыселъ; постепенно были устроены и пущены въ ходъ сапожное и кузнечное мастерства, кожевенное производство, выдѣлка шляпъ и т. д. Въ 1776 году, выстроена водяная мукомольная мельница, а въ 1787 году—вѣтрянка. Всѣ эти промыслы и ремесла давали хорошую выгоду, такъ что община достигала все бо̀льшаго процвѣтанія. Каждый членъ общины велъ жизнь богоугодную — въ трудѣ, а Богъ не отказывалъ въ своемъ благословеніи». Въ 1784 г., въ составъ общества были приняты еще 16 семействъ, или 47 душъ, послѣдователей Гуттера, пришедшихъ изъ Венгріи и Богеміи. Такимъ образомъ община жила спокойно до исхода прошлаго столѣтія, заслуживъ вниманіе и расположеніе окрестныхъ жителей. «Помѣщики, князья и графы—свидѣтельствуетъ хроника—интересовались устройствомъ и порядками общины; нерѣдко во дворѣ братьевъ можно было встрѣтить 5—6 каретъ такихъ гостей». Одежда братьевъ и сестеръ была однообразная и простая; мужчины носили короткіе черные панталоны, бѣлые чулки, башмаки, бѣлую куртку, черный жилетъ и широкополую шляпу; въ одѣяніи же женщинъ преобладали платья синяго цвѣта и бѣлый платокъ на головѣ.

Въ 1780—1787 годахъ, узнавъ о смерти Маріи-Терезіи и реформахъ Іосифа II, вишенскіе поселяне возобновили свои сношенія съ Крайною, Трансильваніею и Венгріею—сперва письменно, а за тѣмъ чрезъ особыя депутаціи. Послѣдствіемъ этихъ попытокъ было то, что къ общинѣ присоединились новые члены, и въ томъ числѣ Яковъ Вальтеръ, съ семьей, изъ Саббатиша. Кромѣ того, вишенцы въ тѣ же годы вошли въ непосредственныя сношенія съ меннонитами, въ Пруссіи.

Въ 1785 году, спокойствіе общины было нарушено требованіемъ съ нея дополнительнаго сбора, деньгами и мукой, «на военныя потребности». Братья нашли такое требованіе нарушающимъ какъ совѣсть, такъ и контрактъ ихъ съ умершимъ тѣмъ временемъ старымъ графомъ. Къ тому же, по разнымъ причинамъ, имъ казалось, что сынъ и наслѣдникъ умершаго фельдмаршала, графъ Сергій Петровичъ, намѣренъ обратить ихъ въ крѣпостное состояніе и, именно въ этихъ видахъ, дѣлаетъ общинѣ разныя стѣсненія и притязанія. Основываясь на своемъ контрактѣ, предоставлявшемъ имъ полную свободу во всякое время оставить владѣнія

графа, съ уплатою лишь $^1/_{10}$ части всего благопріобрѣтеннаго имущества, вишенскіе поселенцы вознамѣрились было, путемъ судебнымъ, искать защиты своихъ правъ и свободы; но контрактъ оказался затеряннымъ. Въ этой крайности, общество отправило въ С.-Петербургъ двухъ депутатовъ—старшину Вальднера и его помощника Гофера. По ходатайству ихъ, воспослѣдовалъ 22 мая 1801 г. именной указъ, разрѣшавшій братству переселиться на свободный казенный участокъ, въ 12 верстахъ отъ Вишенокъ. Тѣмъ же указомъ дарованы обществу всѣ права и привилегіи, присвоенныя грамотою 6-го сентября 1800 г. поселеннымъ въ Новороссійскомъ краѣ меннонитамъ, а именно: 1) свобода вѣроисповѣданія по догматамъ братства; 2) земельный надѣлъ, въ размѣрѣ 65 дес. на каждое семейство и съ обязательствомъ уплачивать подати: поземельную по $4^1/_2$ к. с. съ удобной дес. надѣла и, впослѣдствіи, подушную по 14 к. с. съ души; 3) вѣчная свобода отъ рекрутства и военнаго постоя, за исключеніемъ «ночлега или расттага», во время прохода войскъ; 4) «по праву владѣнія» курить вино и варить пиво, уксусъ и т. д., и продавать эти напитки и издѣлія въ предѣлахъ отведенныхъ обществу земель; и 5) право собственной внутренней полиціи и «юрисдикціи» по проступкамъ и искамъ между собою.

Въ отношеніи главнаго мѣстнаго управленія, община подчинялась вѣдѣнію новороссійской конторы опекунства иностранныхъ, въ Екатеринославѣ, и приняла наименованіе *радичевской колоніи*. Въ ней числилось въ то время 44 семейства, въ составѣ 99 муж. и 103 жен. пола душъ. Имъ приходилось надѣлить 2,860 дес. Но въ дѣйствительности было отведено не болѣе 753 дес., такъ какъ братство само признавало этотъ надѣлъ для себя достаточнымъ «по его плодородію и привольному положенію въ 25 верстахъ отъ уѣзднаго города», по обѣ стороны р. Десны. На правомъ берегу, при помощи полученныхъ ссудою отъ правительства 4,000 р. асс., общество возвело свой общинный дворъ. На этой же сторонѣ рѣки находились 463 дес., по преимуществу, пахатныхъ полей, немного лѣсу и луговыхъ сѣнныхъ покосовъ. Остальное пространство надѣла — 312 дес., большею частію лѣсъ и луга, лежало по лѣвому берегу Десны.

Здѣсь-то статскій совѣтникъ Контеніусъ «въ первый разъ увидѣлъ семью изъ 200 душъ», помѣщавшуюся «въ одномъ дворѣ подъ церковнымъ управленіемъ». По свидѣтельству его, братство, сверхъ хлѣбопашества, занималось дѣланіемъ горшковъ; сбывало большое количество муравленой посуды и производило мастерства: кожевенное, слесарное, столярное, токарное, кузнечное, шляпное и ткацкое. Тонкія полотна, выдѣлывавшіяся братствомъ, продавались по 1 р. 10 к. за аршинъ и «ни въ чемъ не уступали голландскимъ». Въ то время община была занята увеличеніемъ своихъ фруктовыхъ садовъ и, насадивъ уже «до 1000 двухъ- и трехъ-годовалыхъ шелковицъ», имѣла въ виду завести «регулярную шелковичную плантацію» до пяти тысячъ деревъ.

Итакъ несчастные послѣдователи Гуттера, вмѣсто преслѣдовавшихъ ихъ на Западѣ огня и меча, нашли въ Россіи не только всѣ матеріаль-

ные способы къ спокойной жизни по догматамъ своего ученія, но еще и особенныя льготы, обезпечивавшія братству вполнѣ самостоятельное гражданское положеніе по внутреннему устройству общины. Сами члены братства, путемъ вѣковыхъ страданій и мученическихъ испытаній за свои убѣжденія, не могли, конечно, не отличаться и, по общему свидѣтельству, дѣйствительно отличались «всѣми христіанскими добродѣтелями» и безукоризненною во всѣхъ отношеніяхъ нравственностью. Еще въ 1841 г., черниговскій губернаторъ [1]) свидѣтельствовалъ, что радичевскіе «меннониты, когда жили въ братствѣ, одной семьей, вели свои дѣла благоразумно, честно и были въ полномъ довольствіи». Многіе купцы, съ которыми онъ, губернаторъ, говорилъ лично, имѣли съ ними тогда дѣла и «еще теперь не могутъ нахвалиться ихъ вѣрностью въ словѣ и точностью въ исполненіи обѣщаннаго.» Слѣдовательно, и нравственный закалъ братьевъ, и матеріальная ихъ обстановка одинаково соотвѣтствовали всѣмъ условіямъ преуспѣянія. Но на дѣлѣ вышло иначе. Во времена нищеты и гоненій, имущественная общность выражалась у гуттерцевъ исключительно только въ равномѣрномъ для всѣхъ общинниковъ несеніи всякаго рода лишеній, и въ томъ, что никто изъ нихъ не могъ уклоняться отъ участія въ общихъ всѣмъ трудахъ и заботахъ о насущномъ хлѣбѣ. Люди, взросшіе въ такой школѣ, не могли не внести тотъ же общинно-братскій духъ и въ условія новой общежительной коммуны. Выше мы видѣли, что оно дѣйствительно такъ и было, и что дружныя усилія братства сильно подвинули хозяйственное преуспѣяніе общины, даже въ первые годы по водвореніи. Но, чтобы еще ближе ознакомиться съ внутреннимъ устройствомъ радичевской колоніи, позволимъ себѣ привести выписку наиболѣе интересныхъ мѣстъ изъ донесенія министру внутреннихъ дѣлъ смотрителя с.-петербургскихъ колоній, коллежскаго совѣтника Бунина, обозрѣвавшаго эту колонію 28 и 29 января 1818 года, по случаю командированія его въ Черниговскую и другія губерніи для переговоровъ съ мѣстнымъ дворянствомъ о поселеніи на земляхъ его иностранныхъ колонистовъ.

«Братство—сообщаетъ Бунинъ—помѣщается на одномъ дворѣ, въ 70 квадр. саженей, обнесенномъ плетневымъ заборомъ и имѣющемъ одни ворота. Оно считаетъ себя однимъ семействомъ. Строеніе, въ которомъ живетъ братство и производитъ разныя ремесла, состоитъ изъ шести каменныхъ и двухъ деревянныхъ корпусовъ малой высоты, въ одинъ этажъ. Сверхъ того, есть во дворѣ еще нѣсколько небольшихъ домиковъ. Крыши надъ корпусами очень высокія, такъ что по длинѣ чердаковъ устроены корридоры, а по обѣимъ сторонамъ корридоровъ, небольшія кельи или комнаты; въ каждую изъ нихъ особый входъ изъ корридора и тамъ помѣщаются меннониты, каждая пара особо. Комнаты сіи безъ печей, каждая съ кроватью, столомъ и двумя стульями; онѣ сдѣланы только для спанья или временнаго пребыванія женатыхъ. Въ таковыхъ же, но устроенныхъ по обширнѣе, комнатахъ помѣщаются, для ночлега и отдохно-

[1]) Дѣло П. Д. Г. И. IV. отд. ст. 1 № 524, 1836 г., стр. 36.

венія, холостые мужчины отъ 15-ти-лѣтняго возраста, т. е. когда кончатъ ученіе и получатъ крещеніе. Ихъ помѣщается отъ 12 до 16 человѣкъ въ каждой комнатѣ, и на каждыхъ двухъ назначается по одной кровати. Точно также и дѣвицы старшаго возраста живутъ въ особомъ отдѣленіи. Сверхъ этихъ комнатъ, остается на чердакахъ еще довольно мѣста для просушиванія бѣлья—и т. п. Извѣтно уже правительству, что меннониты эти имѣютъ вѣроисповѣданіе особенное, которое называютъ апостольскимъ. Для моленія назначена у нихъ особенная комната, безъ всякихъ иконъ и крестоизображеній. Туда они собираются на молитву по всѣмъ воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, а также ежедневно, по вечерамъ, предъ ужиномъ. Богослуженіе отправляетъ старшина Вальднеръ и его два помощника; во время служенія поютъ приличные стихи, и пѣнію обучается преимущественно женскій полъ. Образъ жизни братьевъ, повидимому, скромный въ обращеніи; они благонравны, ласковы, услужливы, гостепріимны и готовы на всякую помощь. Коль скоро въ семьѣ случится новорожденный, то родильница переводится въ особую общую теплую комнату, гдѣ рожаетъ и, совокупно съ другими, выкармливаетъ младенца до $1^1/_2$ лѣтъ. Во все это время она уклонена отъ брачнаго ложа. Для воспріятія дѣтей, у общества есть искусныя, хотя и неученыя бабки. По воспитаніи младенца, родильница соединяется съ мужемъ, а дитя переводится въ особую комнату, гдѣ, съ прочими дѣтьми, воспитывается до 4-хъ-лѣтняго возраста, подъ присмотромъ нянекъ, избираемыхъ изъ пожилыхъ вдовъ общества. Въ сей комнатѣ устроены кровати и колыбели; тамъ же и кормятъ дѣтей, для чего устроена особая дѣтская кухня. Четырехъ-лѣтняго возраста дѣти обоего пола переводятся въ другую комнату, подъ присмотръ таковыхъ же надзирательницъ. Затѣмъ, семи-лѣтнія дѣти раздѣляются, мальчики отъ дѣвочекъ особо, и отдаются: послѣднія подъ руководство воспитательницъ, а мальчики подъ надзоръ учителя. Съ этого времени оба возраста начинаютъ учиться грамотѣ и закону, а когда обучатъ ихъ, и они придутъ въ порядочный возрастъ, то ихъ окрестятъ и переводятъ на чердаки. Матерямъ и отцамъ не воспрещается въ свободное время приходить къ дѣтямъ, или брать ихъ въ свои комнаты. Всѣ вообще одѣты бѣдно. Всѣмъ дѣтямъ прислуживаютъ старушки, а въ спальняхъ постели приготовляютъ взрослыя дѣвицы тогда, когда мальчики на работѣ или въ ученіи. Для сего учреждено между дѣвицами дежурство. Къ обѣду и ужину собираются какъ женатые, такъ и холостые, а также малолѣтніе, кои окрещены, въ одну комнату, въ которой каждый полъ садится за столъ особо. Предъ трапезою бываетъ моленіе. Обѣденное время—въ $11^1/_2$ часовъ; послѣ обѣда одинъ часъ отдохновенія, а ужинаютъ — когда смеркнется. Зимой ложатся спать въ 9 часовъ вечера, а на работу выходятъ въ 5 час. утра; и въ томъ, и въ другомъ случаѣ наряжаются особые дежурные, по очереди, для возвѣщенія времени ко сну или къ работѣ. Лѣтомъ, по случаю усиленныхъ работъ, встаютъ раньше и ложатся позже. Посѣтители сего общества не могутъ быть чьи либо лично, но вообще къ братству, именемъ коего угощаетъ пріѣхавшаго старшина».

Такимъ образомъ, продолжаетъ Бунинъ, братство жило спокойно съ самаго водворенія своего до 1817 г., «благоденствуя въ житіи, прославляя Бога и государя, и заслуживъ удивленіе сосѣдей». Хлѣбопашественное и луговое хозяйство было въ цвѣтущемъ положеніи; но велось оно братствомъ, по преимуществу, чрезъ наемныхъ рабочихъ изъ сосѣднихъ малороссіянъ, получавшихъ отъ 100 до 200 р. годичнаго содержанія. Скотоводство содержалось «обильно, въ порядкѣ и хорошей венгерской породы». Поддерживали братья и пчеловодство; но главнѣйшими, личными ихъ занятіями были промыслы и ремесла, а затѣмъ, садоводство и шелководство. Они имѣли двѣ винокурни, — одну на правомъ, другую на лѣвомъ берегу р. Десны, съ необходимыми при нихъ жилыми и хозяйственными постройками. Заводы эти выкуривали въ годъ до 5 тыс. ведеръ вина. На рѣчкѣ Эсмани, въ 15-ти верстахъ отъ усадьбы, братство имѣло мукомольную мельницу о трехъ поставахъ. Въ самой общинѣ выдѣлывались поярковыя простыя и частью пуховыя шляпы, и производились мастерства: столярное, токарное, швальное, ткаческое, гончарное, кузнечное и слесарное, издѣлія коихъ расходились въ не маломъ количествѣ въ продажу. Кромѣ того имѣлись: одно заведеніе, приготовлявшее зимнія и лѣтнія повозки, бороны, плуги, вѣялки, самопрялки и т. п. и кожевенный заводъ, выдѣлывавшій подошвенныя и юфтяныя кожи.

Все это доказываетъ, что братство не сидѣло сложа руки; что оно жило, хотя и просто, безъ всякой роскоши, но въ довольствѣ. Къ несчастію, не доставало одного—первоначальнаго внутренняго согласія. Повидимому, тѣ же плевела, съ которыми боролся Гуттеръ въ моравскихъ общинахъ три столѣтія назадъ, не были искоренены окончательно: они незамедлили обнаружиться вновь и, благодаря болѣе благопріятной обстановкѣ, дать даже зрѣлый плодъ. Мы замѣтили уже, что отреченіе отъ всякой личной собственности въ пользу общины — было для гуттерцевъ принципомъ, легко осуществимымъ во время скитальческой, нищенской жизни, когда, среди гоненій, личность каждаго общинника всецѣло была поглощаема повседневною заботою о пропитаніи и спасеніи жизни. Но какъ скоро дѣло дошло до дѣйствительнаго владѣнія вещественнымъ имуществомъ, и когда община увидѣла себя огражденною отъ всякихъ случайныхъ и систематическихъ насилій со стороны, тогда скорѣе, чѣмъ можно было ожидать, среди общинниковъ стало зарождаться постепенно и, по нашему мнѣнію, не могло не зародиться сознаніе, что личной собственности, и вообще земнымъ, преходящимъ благамъ, братья придавали такъ мало значенія вовсе не во имя вѣчныхъ, небесныхъ благъ, какъ они прежде убѣждали себя, что общинная собственность, въ смыслѣ догмата ихъ вѣрованія, есть только подражаніе внѣшней формѣ первыхъ христіанскихъ общинъ, безъ внутренней духовной силы, обусловливавшей жизненность и крѣпость этихъ общеній. Радичевская община, поглотивъ всецѣло и безусловно личность общинниковъ и въ экономическомъ и въ нравственномъ отношеніяхъ, лишало ее главнаго побужденія къ труду и сбереженію лично для себя и для своего семейства, убивая личную предпріимчивость и энергію. При обезпеченности насущныхъ по-

требностей, находились въ средѣ общины люди, которые стали уклоняться по возможности отъ общихъ работъ, заявляя въ то же время притязаніе на болѣе удобную жизнь; они предавались наслажденіямъ, въ сущности, быть можетъ, вовсе не предосудительнымъ, но несоотвѣтствовавшимъ ни простотѣ и воздержности, ни вообще духу общинныхъ правилъ. Не малое время подобныя стремленія сдерживались, конечно, унаслѣдованнымъ навыкомъ большинства и строгостью общественнаго, такъ сказать, мнѣнія и суда, выражаясь въ началѣ только въ видѣ рѣдкихъ исключеній, маскируемыхъ разными благовидными способами. Но сѣмя было брошено, соблазнъ на лицо, и искренные, добросовѣстные общинники не могли не возмущаться имъ, а болѣе развитые и энергичные изъ нихъ видѣли въ такихъ явленіяхъ зловѣщія знаменія для будущаго преуспѣянія общества. Къ тому же распущенность общинниковъ видимо росла. «Старики, жалуется хроника, постепенно уходили въ могилу, а вмѣстѣ съ ними все болѣе исчезала и старинная добродѣтель; молодыя поколѣнія, не цѣня кроваваго подвижничества своихъ предковъ, жаждали — каждая личность—своей собственой воли, что въ общинѣ невозможно. Мастера, завѣдывавшіе отдѣльными частями общиннаго хозяйства, пожелали быть самостоятельными; каждый изъ нихъ, отставъ отъ общинной кассы, завелъ свою собственную, покупалъ матеріалы и продавалъ издѣлія своего производства, а старшинѣ представлялъ уже не деньги, какъ прежде, а одни счеты. При этомъ иные позволяли себѣ большія злоупотребленія: пользуясь случаемъ, они старались лучше другихъ ѣсть, пить, одѣваться и т. д.» Такимъ образомъ, по мѣрѣ улучшенія общаго матеріальнаго благосостоянія, въ средѣ общины укоренялась болѣе и болѣе наклонность къ тунеядству, къ наслажденію на счетъ общиннаго достоянія; наклонность эта парализовала дѣятельность всѣхъ и каждаго, наводила на всю общину апатію, развивала вражду, зависть, недовольство и мало-по-малу привела братство къ полному внутреннему разладу. Къ этому присоединилось еще и то, что старшина Вальднеръ, человѣкъ «благонравный, но слѣпо приверженный къ правиламъ своего общества», сдѣлался дряхлымъ старикомъ. «Если», отзывается Бунинъ, «онъ въ чемъ либо могъ причинить неудовольствіе общинникамъ, то скорѣе по слабости и престарѣлости своей, нежели по злому намѣренію». Съ другой стороны, помощникъ старшины, Яковъ Вальтеръ, человѣкъ не менѣе честный, сознавалъ, повидимому яснѣе другихъ, корень зла, грозившаго подорвать благосостояніе общины. Здравый смыслъ его, если не вполнѣ сознательно, то инстинктивно, угадалъ всю безнадежность, въ данныхъ условіяхъ, борьбы противъ этого зла. Это ставило Вальтера, естественнымъ образомъ, во главѣ недовольныхъ, и ему первому пришлось бросить перчатку общинѣ.

Еще до пріѣзда Бунина, именно въ исходѣ 1817 г., въ контору опекунства новороссійскихъ иностранныхъ поселенцевъ поступила жалоба радичевскаго старшины Вальднера. Онъ заявлялъ, что «второй наставникъ братства», Яковъ Вальтеръ, вмѣстѣ съ братомъ и двумя женатыми сыновьями своими, «оставя должность свою, совершенно удалился» изъ

общины, началъ строить отдѣльный домъ на общинной землѣ, въ верстѣ отъ общаго двора, и присвоилъ себѣ нѣкоторую часть общиннаго имущества.—«Съ сего времени—говоритъ Бунинъ—поколебалось спокойсвіе братства. Вальтеръ съ братомъ и сыновьями, безъ всякихъ причинъ, взявъ самовольно часть общественнаго имущества и лошадей, живетъ уже въ особомъ домѣ; однако не рѣдко навѣщаетъ братство». Между тѣмъ, жены и дѣти отщепенцевъ продолжали жить, по прежнему, въ общинѣ. «Уклоненіе сихъ людей», продолжаетъ Бунинъ, «привело въ соблазнъ нѣсколько женатыхъ фамилій, которыя готовы также разрушить братскую связь, чрезъ что нынѣ живущихъ въ братствѣ повергло въ совершенное уныніе. Хотя для убѣжденія первыхъ, (т. е. отщепенцевъ), употребляли всевозможные способы дружескаго увѣщанія, но ничто не подѣйствовало». Тѣмъ временемъ, на жалобу старшины, со стороны конторы опекунства было предписано «обратиться уклонившимся въ прежнее жилище, возвратить все ими взятое и примириться съ обществомъ, или, въ противномъ случаѣ, избрать родъ жизни, не касаясь собственности общественной». Но Яковъ Вальтеръ лично отправился въ Екатеринославъ и подалъ тамъ въ контору опекунства прошеніе уже за подписомъ 24 радичевскихъ общинниковъ. Описывая скудость и нужду, претерпѣваемыя будто братьями въ содержаніи, и пристрастіе старшины Вальднера, «расположеннаго болѣе къ частной пользѣ своихъ родственниковъ, нежели къ поддержанію общественнаго равенства во всѣхъ выгодахъ, какъ о томъ постановлено въ правилахъ братства«, просители ходатайствовали о дозволеніи имъ «устроить каждому отдѣльное хозяйство, и для сего получить такой участокъ земли, какой причтется, по раздѣленіи всего количества оной на число наличныхъ въ братствѣ семействъ». Контора опекунства, убѣдившисъ въ необходимости ближайщаго изслѣдованія этихъ взаимныхъ жалобъ, поручила это дѣло одному изъ членовъ своихъ [1]), а радичевскому старшинѣ предписала, чтобы тѣмъ временемъ, «Вальтеру, съ товарищами, особо жить воспрещено не было, и не дѣлать имъ никакихъ обидъ и притѣсненій».

Обстоятельство это побудило Бунина сдѣлать попытку къ примиренію враждующихъ. Прежде всего онъ убѣждалъ старшину. Получивъ его согласіе, Бунинъ поѣхалъ и къ Вальтеру, въ домѣ котораго нашелъ собравшимися всѣхъ его сообщниковъ. «Они приняли меня съ кротостью», говоритъ Бунинъ. Склоняя и ихъ къ примиренію, онъ выставлялъ имъ между прочимъ на видъ, что «правительство, имѣя о людяхъ сихъ хорошее мнѣніе, можетъ оное перемѣнить, когда узнаетъ, что они между собою враждуютъ, и что такое обстоятельство повлечетъ за собою, можетъ быть, много непріятнаго». Но всѣ увѣщанія Бунина, основанныя имъ «на любви къ ближнему», были тщетны. Вальтеръ и его товарищи, сведенные съ противной стороной, доказывали, «что они угнетены; не соблюдается справедливости въ обществѣ; попускаются слабости большія, а малыя наказываются по пристрастію; пищу имѣютъ самую умѣ-

---

[1]) Товарищу главнаго судьи конторы, А. Фадѣеву.

ренную и худую; больные безъ призрѣнія, а дѣти въ рубищѣ, и гораздо лучше раздѣлиться, нежели жить въ такомъ обществѣ, которое совершенно уронило и не соблюдаетъ закона своихъ праотцевъ». Въ тоже время Вальтеръ, съ товарищами, убѣждали Бунина, чтобы онъ не обманывался наружнымъ порядкомъ и благочиніемъ, говоря, что еслибъ онъ «пожилъ между ними хотя одинъ мѣсяцъ, то бѣжалъ бы изъ общины и никогда не оглянулся-бы съ раскаяніемъ; что хлѣбопашество ихъ ослабѣло, земли отдаются въ оброкъ постороннимъ людямъ и т. д.». Такимъ образомъ всѣ попытки къ соглашенію братьевъ, возобновленныя Бунинымъ на вторичной сходкѣ въ братскомъ домѣ, не имѣли успѣха. Вальтеръ и его товарищи не переставали утверждать и уличать своихъ противниковъ, что «братство въ такомъ дурномъ положеніи, что ни одинъ благомыслящій человѣкъ не только не можетъ въ ономъ остаться, но невозможно, безъ содроганія, и смотрѣть на внутреннее распоряженіе его: въ средѣ общины водворились всякаго рода пороки и даже воровство; неустройство это уже нѣсколько лѣтъ скрывалось подъ разными личинами, и угнетенные сколько ни терпѣли, однакожъ безпорядки вынудили ихъ открыть правительству (истину?) и просить о раздѣленіи общества въ подобіе тому, какъ многіе изъ меннонитовъ, поселившихся въ Россіи, живутъ раздѣльно».

Самъ Бунинъ, не входя въ ближайшее изслѣдованіе и обсужденіе причинъ раздора, ограничивается общимъ замѣчаніемъ, что хозяйственныя строенія братства, содержавшіяся до вражды въ порядкѣ, выказывали уже нѣкоторые слѣды упадка, и что для предупрежденія бо̀льшаго разстройства ихъ, необходимо употребить всѣ средства, чтобы «наклонить общину къ миролюбію и постановить такія правила, которыя бы строго соблюдаемы были старшинами, безъ послабленія и пристрастія.»

Прибывшій въ Радичевъ, въ мартѣ того же 1818 года, товарищъ судьи конторы опекунства, Фадѣевъ, вошелъ глубже въ дѣло. «При самомъ началѣ изслѣдованія—говоритъ онъ—я усмотрѣлъ, что корень зла, воспламенившій духъ раздора между тамошними меннонитами, находится въ несообразности правилъ сего общества съ настоящими обстоятельствами и въ испорченности братьевъ». Послѣ краткой характеристики въ пользу старшины Вальднера и помощника его Вальтера, и очерка исторіи братства, его религіозно-общиннаго устройства и хозяйства, подтверждающихъ все выше сообщенное, Фадѣевъ продолжаетъ: «Вникнувъ въ показанія Вальтера о неудобствахъ и невыгодахъ общинной жизни братства, я нашолъ, что правила строгой нравственности и неразрывнаго единодушія, предписываемыя основателемъ общества, нынѣ вообще ослабѣли. Правила эти, по преданіямъ, существовали во всей силѣ и подавали рѣдкій примѣръ согласія между нѣсколькими десятками семействъ, во время принужденія предковъ братства къ обращенію къ римской церкви, во время краткаго ихъ пребыванія въ Валлахіи, и даже во время жительства ихъ на землѣ графа Румянцова, когда они находились въ меньшемъ числѣ, не имѣли собственной земли и должны были обращать часть пріобрѣтенія своего на уплату повинностей помѣщику. Но когда

сіи братья переселились на настоящее мѣсто, получили во владѣніе 775 дес. плодородной земли, при многихъ мѣстныхъ выгодахъ и при платежѣ ничтожныхъ податей [1]), и чрезъ то увидѣли себя въ изобиліи, тогда, съ умноженіемъ населенія, начали оказываться нѣкоторые, понявшіе возможность, въ числѣ 50 семействъ, жить на счетъ трудолюбія другихъ, избѣгая подъ разными предлогами исполненія своихъ обязанностей; тогда возродилась во многихъ наклонность къ пріобрѣтенію частной собственности и побужденіе—обращать плоды трудовъ своихъ къ выгодамъ собственныхъ семействъ, устраняя отъ соучастія въ оныхъ нѣкоторыхъ тунеядцевъ, безъ связи кровной почитаемыхъ ими чуждыми». Въ подтвержденіе этого, Фадѣевъ указываетъ на то, что, въ 1817 г., доходъ свой показали: семь ткачей полотенъ въ 729 р. 6 к., семь горшечниковъ въ 969 р. 8 к., четыре кузнеца въ 711 р. 20 к., четыре столяра въ 404 р. 90 к. и трое шляпочниковъ въ 586 р. 25 к. Слѣдовательно, каждый изъ этихъ мастеровъ выработалъ не болѣе 100 — 196 руб. Въ виду хорошихъ цѣнъ и сбыта на издѣлія братства, Фадѣевъ признавалъ такой заработокъ не соотвѣтствующимъ дѣйствительности, тѣмъ болѣе, что такую же плату, включая сюда содержаніе, получали въ томъ самомъ братствѣ наемные сторожа и работники изъ крестьянъ. Стремленію жить раздѣльно, особымъ семействомъ и хозяйствомъ, содѣйствовали, какъ удостовѣряетъ Фадѣевъ, сколько примѣръ прочихъ меннонитовъ, съ которыми братство поддерживало сношенія, столько же и самыя условія повседневной жизни общины и допущенное тамъ въ нѣкоторыхъ частяхъ неустройство. Такъ, напр., въ общихъ столовой и кухнѣ, особенно же въ 3-хъ дѣтскихъ комнатахъ или «школахъ», въ коихъ помѣщалось 106 душъ, допущена была чрезвычайная неопрятность; воздухъ былъ «нестерпимо тяжелый, отъ чего дѣти подвергались тяжелымъ болѣзнямъ». Жалобу на скудость пищи, Фадѣевъ нашолъ неосновательною, такъ какъ обѣденный столъ состоялъ въ хлѣбѣ, похлебкахъ изъ огородныхъ овощей, два или три раза въ недѣлю съ говядиной или свининой. Для больныхъ изготовлялась пища особая, но «для всѣхъ больныхъ общая, а не по роду болѣзни.» Мужчины и женщины получали ежегодно по двѣ рубашки и по двѣ пары башмаковъ, а прочее одѣяніе изъ общинныхъ суконъ и шерстяныхъ издѣлій «по мѣрѣ надобности.» Въ такъ называвшейся малой школѣ, Фадѣевъ нашолъ, подъ надзоромъ трехъ женщинъ, 18 дѣтей отъ $1^1/_2$ до $3^1/_2$ лѣтъ, которыя спали «по 5 и 6 душъ на одной кровати, безъ различія пола». Въ большой школѣ (для возраста отъ 7 лѣтъ и старше) оказалось 88 человѣкъ, обучавшихся чтенію и письму, а по склонности, также ремесламъ и рукодѣліямъ.

«Такимъ образомъ — продолжаетъ Фадѣевъ — сіе общество, благонравное и полезное, когда оно было твердо соединено узами братства, потеряло нынѣ не только нѣкотораго рода удивленіе къ его строгому житію отъ окрестныхъ жителей, но сдѣлалось даже соблазнительнымъ и

---

[1]) Братство уплачивало ежегодно въ казну: поземельныхъ 164 р. 52 к. и около 90 р. на содержаніе присутственныхъ мѣстъ и почтъ, а всего около 255 р. асс. въ годъ.

противнымъ правиламъ гражданскаго устройства, по коему каждое частное семейство должно быть, колико возможно, устранено отъ покушенія къ разврату въ нравственности и отъ золъ физическихъ. Здѣсь отецъ семейства долженъ быть въ непремѣнной борьбѣ съ совѣстью своей; влеченіе природы внушаетъ ему желаніе улучшить жребій жены и дѣтей своихъ и доставить имъ нѣкоторыя выгоды, тогда какъ священный обѣтъ грозитъ ему какъ злодѣю, нарушителю закона и клятвы; здѣсь матери лишены священной обязанности попеченія надъ своими дѣтьми, кои устраняются отъ родителей и содѣлываются имъ нѣкоторымъ образомъ чуждыми, безъ всякой къ тому необходимости; здѣсь народоумноженіе идетъ весьма медленно, поелику надзоръ и призрѣніе за дѣтьми, престарѣлыми, больными, родильницами, и общія средства къ сохраненію здоровья недостаточны, или слишкомъ пренебрежены. Нынѣ, въ числѣ 50 семействъ, находятся только два человѣка, имѣющіе свыше 50 лѣтъ, а народоумноженіе, по сдѣланному извлеченію изъ метрической книги со времени поселенія ихъ въ настоящемъ мѣстѣ, съ 1802 г., состоитъ всего въ 58 душахъ, а общество, по послѣдней ревизіи, въ 242 душахъ. Слѣдовательно, оно можетъ удвоиться не прежде, какъ въ 60 или 70 лѣтъ, тогда какъ, по примѣрному исчисленію, въ новороссійскихъ меннонитскихъ колоніяхъ, такое удвоеніе должно послѣдовать не далѣе, какъ въ 30 лѣтъ». Но эти неудобства сознавались далеко не всѣми братьями. Напротивъ, многіе приверженцы общинныхъ правилъ были большею частію фанатики, которые согласились бы скорѣе подвергнуться мученической смерти, нежели оставить общинную жизнь. Даже четверо изъ братьевъ, согласившихся на убѣжденія Фадѣева подѣлиться, явились къ нему на другой день съ просьбою вычеркнуть ихъ изъ списка, такъ какъ они «всю ночь были терзаемы ужасными сновидѣніями и мученіями совѣсти».

Съ другой стороны, фанатической привязанности къ общинѣ однихъ не уступало нисколько ожесточеніе противъ нея отщепенцевъ. Старшина Вальднеръ, сознавая свою старческую немощь и желая добиться примиренія, предложилъ было уступить своему противнику Вальтеру должность общиннаго начальника, въ надеждѣ, что его благоразумію и дѣятельности удастся исправить вкравшіяся неурядицы, улучшить содержаніе братьевъ и измѣнить, хотя бы исподоволь, нѣкоторыя вредныя постановленія братства, «освященныя болѣе временемъ и навыкомъ, нежели закономъ». Но Вальтеръ отвѣтилъ, что скорѣе разстанется съ жизнію, нежели возвратится въ общину, и такимъ образомъ предстала необходимость окончательно раздѣлиться. Однако, на попытку склонить братство къ добровольному выдѣлу отщепенцамъ части земли и имущества, старшина и сообщники его возразили Фадѣеву, что такой раздѣлъ воспрещается ихъ уставомъ и они приступятъ къ нему только въ такомъ случаѣ, если это повелѣно будетъ высочайшею властью.

Представляя объ этомъ на разрѣшеніе министра внутреннихъ дѣлъ, Фадѣевъ предлагалъ два исхода для устройства радичевскихъ поселенцевъ: или переселить Вальтера съ товарищами въ Новороссійскій край и водворить ихъ тамъ на меннонитскихъ запасныхъ земляхъ отдѣльными дво-

рами, или же дозволить имъ принять въ свое пользованіе часть радичевской земельной дачи, по лѣвому берегу Десны. Но, не дождавшись разрѣшенія, повѣренный приверженцевъ общины, Самуилъ Виппъ, и тотъ же Яковъ Вальтеръ, послѣдній въ качествѣ уполномоченнаго отъ 24 семействъ, выдѣлявшихся изъ нея, заключили 5 іюля 1818 г. условіе, которымъ было постановлено: 1) Вальтеръ, съ товарищами, оставляютъ братство непремѣнно въ тотъ же 1818 г. и переселятся въ Новороссійскій край; тѣмъ же изъ отдѣляющихся семействъ, которыя пожелаютъ остаться въ Малороссіи, предоставляется избрать родъ жизни внѣ общины; и 2) радичевское братство должно выдать каждому выдѣляющемуся семейству по 400 руб. наличными деньгами, всего на 24 семейства 9,600 р.; сверхъ того, 250 р. на покупку барки, три ткацкихъ станка и половину всего имѣвшагося въ братствѣ скота, «исключая того количества свиней, которое обществомъ куплено весною 1818 года—въ долгъ». Наконецъ, каждое выдѣлявшееся семейство сохраняло право взять съ собою имѣвшееся у него отъ общества одѣяніе и всѣ инструменты своего ремесла, за исключеніемъ земледѣльческихъ орудій.

Въ сентябрѣ 1818 г., когда Вальтеръ съ товарищами совсѣмъ изготовились къ переселенію, къ нимъ присоединились еще 6 семействъ радичевскихъ общинниковъ, такъ что они двинулись въ путь частью водою по Деснѣ, частью сухимъ путемъ, въ числѣ 30 семействъ или 69 муж. и 74 жен. душъ. Но въ братствѣ оставались 5 женъ, съ 4 дѣтьми, и одинъ мужчина, которые отказались слѣдовать — первыя за мужьями, а послѣдній за своей женой, отправлявшейся въ Новороссію вмѣстѣ съ отцомъ. Никакія убѣжденія не въ состояніи были измѣнить рѣшимость ни тѣхъ, ни другихъ.

Въ Радичевѣ оставалось 20 семействъ. Они выражали надежду поправить свое состояніе, несмотря на то, что въ числѣ выдѣлившихся изъ общины находились всѣ ихъ лучшіе мастера. «За всѣмъ тѣмъ — говоритъ Фадѣевъ, вновь навѣстившій общину въ исходѣ сентября 1818 г.,— остается у нихъ всякаго мастерства людей столько, что въ хозяйственныхъ заведеніяхъ и вообще въ домашнихъ работахъ не можетъ послѣдовать никакой остановки. Съ добрымъ и единодушнымъ согласіемъ въ братствѣ; съ надлежащимъ присмотромъ старшины онаго за нравственностью своихъ собратій, и съ хорошимъ наблюденіемъ ихъ хозяевъ за производствомъ работъ, безъ сомнѣнія, можно бы ожидать сего, еслибъ только своекорыстіе, содѣлавшееся началомъ настоящаго ихъ разстройства, навсегда удалено было отъ сего общества. Но неумѣстная скромность и слабость старшины Вальднера едва-ли въ состояніи отвратить отъ общества сего порока. Всѣ остающіеся въ Радичевѣ меннониты находятся въ довольно примѣтномъ уныніи, хотя впрочемъ считаютъ себя переселеніемъ отдѣлившихся избавленными, какъ бы, отъ тѣхъ пороковъ, кои, видимымъ образомъ, нарушали ихъ покой и благоустройство».

Вальтеръ и товарищи его прибыли тою же осенью къ мѣсту поселенія, въ хортицкія меннонитскія колоніи, Екатеринославской губерніи. Но, за позднимъ временемъ года, къ водворенію они приступить не могли. Во-

обще они не могли придти къ окончательному рѣшенію: поселиться ли имъ особою колоніею, или же присоединиться къ существовавшимъ уже меннонитскимъ селеніямъ. Въ мартѣ 1819 г., часть переселенцевъ заявила даже о намѣреніи своемъ возвратиться въ Радичевъ и устроиться тамъ посемейно, отдѣльными дворами. Тѣмъ временемъ, радичевскій коммунальный дворъ сгорѣлъ со всѣми обзаведеніями и значительною частью общиннаго имущества: братья остались безъ крова и способовъ къ пропитанію. Въ такой крайности, старшина Вальднеръ донесъ конторѣ опекунства, что оставшіеся на мѣстѣ братья, съ согласія его, раздѣлили между собою, въ ноябрѣ 1819 г., общественный скотъ и прочее оставшееся послѣ пожара имущество. Вслѣдствіе того, было разрѣшено: 1) дозволить желающимъ возвратиться изъ Екатеринославской губерніи въ радичевскую колонію, но съ тѣмъ, чтобы они водворялись не иначе, какъ посемейно, отдѣльными дворами, и устроили колонію по даннымъ въ руководство правиламъ; тѣхъ же, которые пожелаютъ остаться въ Екатеринославской губ., приписать, съ согласія обществъ, къ хортицкимъ колоніямъ; 2) учредить для радичевской колоніи, по примѣру прочихъ колонистскихъ обществъ, особый сельскій приказъ, въ который опредѣлить шульцемъ меннонита Якова Вальтера, «извѣстнаго по благоразумію и опытности въ хозяйственныхъ дѣлахъ», а въ бейзицеры (сельскіе засѣдатели) предоставить обществу избрать изъ своей среды двухъ способныхъ къ тому хозяевъ; 3) прежняго старшину, Іогана Вальднера, оставить старшиною духовнымъ, «не лишая его, по престарѣлости и одиночеству, ни призрѣнія, ни надлежащаго къ нему уваженія»; и 4) сельскому приказу поставить «въ первую обязанность», по соединеніи всѣхъ, принадлежащихъ къ радичевскому братству семействъ, произвести между ними безобидный и уравнительный раздѣлъ земли, скота и движимости; но лѣсъ, винокурни, мельницу, плантацію и общественныя строенія оставить во владѣніи общественномъ, распоряжаясь ими «по согласію всѣхъ къ пользѣ общей». Послѣ этого, всѣ бывшіе въ Екатеринославской губ. радичевскіе братья не замедлили возвратиться на прежнее мѣсто жительства.

Такимъ образомъ, радичевская община распалась окончательно, и послѣ раздѣла земли и имущества, образовались двѣ колоніи—одна, въ 25 хозяйствъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ братскій дворъ и садъ, — а другая, въ 24 хозяйства, на лѣвомъ берегу Десны. Обозрѣвавшій эти колоніи, осенью 1821 г., членъ конторы опекунства Бабіевскій удостовѣрялъ, что не смотря ни на непривычность братьевъ жить отдѣльными хозяйствами, ни на бывшій въ томъ году въ означенной мѣстности полный неурожай, устройство колоній шло довольно успѣшно: фасадъ и внутреннее расположеніе домовъ и хозяйственныхъ строеній соотвѣтствовали правиламъ инструкціи. Хотя скотоводство у нихъ было не велико, и «по причинѣ стѣсненныхъ и чрезполосныхъ земель» не представлялось возможности увеличить его, но всякій хозяинъ имѣлъ «нужный домашній скотъ и по малому числу овецъ». Общественный лѣсъ найденъ былъ нѣсколько вырубленнымъ, что̀, впрочемъ, объяснялось необходимостью

новыхъ построекъ. Посему радичевскій приказъ получилъ наставленіе какъ о сохраненіи, такъ и о пользованіи лѣсомъ на будущее время. Въ отношеніи обезпеченія продовольствія, оказалось излишнимъ распространять на поселенцевъ принятыя въ то время по всей губерніи общія мѣры, такъ какъ «меннониты, употребивъ всѣ возможныя средства, хотя съ крайнимъ для себя отягощеніемъ, на покупку хлѣба дорогою цѣною, отъ вспоможенія начальства совершенно отказались».

Старшина Вальднеръ не выдержалъ ломки общины и, вслѣдъ за ея распаденіемъ, сошелъ въ могилу. Что же касается до его сообщниковъ, то они были полны надеждъ на лучшее будущее. Они обстраивались, обзаводились въ новыхъ условіяхъ, и отклонили, какъ мы видѣли, даже предложенное имъ по случаю неурожая правительственное пособіе. Но тщетны были эти надежды; не здѣсь суждено было осуществиться имъ, и вотъ почему.

Мы замѣтили, что всей земли въ радичевской дачѣ было не болѣе 775 дес. Слѣдовательно, на каждую семью приходилось всѣхъ угодій около 15 дес. Если этого надѣла было достаточно при прежнемъ общинномъ хозяйствѣ, то, послѣ раздѣла на отдѣльныя хозяйства, онъ могъ удовлетворять, по нуждѣ, потребностямъ поселенцевъ только при удобномъ въ хозяйственномъ отношеніи расположеніи угодій надѣла, и то лишь на первое время, пока населеніе колоній не увеличилось. Но въ обзорѣ Бабіевскаго обращаютъ на себя вниманіе два зловѣщихъ обстоятельства. Онъ говоритъ, что скотоводство у поселенцевъ было не только не велико, но не представлялось и возможнымъ увеличивать его, по причинѣ стѣсненности и чрезполосности участковъ подворнаго пользованія. Всякому извѣстно, что не рѣдко одного изъ этихъ двухъ условій, т. е. чрезполосности владѣнія, или стѣсненности по землѣ, и, прямого послѣдствія сего, ничтожности скотоводства, совершенно достаточно для того, чтобы парализовать всякій хозяйственный успѣхъ, особенно въ такихъ дробныхъ частяхъ, въ какихъ представляется надѣлъ двухъ радичевскихъ колоній. Здѣсь, ни усердное трудолюбіе, ни хозяйственное знаніе не помогутъ поселянину, а увеличивающееся населеніе довершаетъ затрудненія. Такъ случилось и съ нашимъ братствомъ.

Въ 1834 г., въ попечительный комитетъ объ иностранныхъ поселенцахъ [1]), въ Одессѣ, поступило отъ радичевскихъ обществъ ходатайство о дозволеніи имъ переселиться въ Новороссійскій край. Въ подтвержденіе своего ходатайства, они приводили, что отведенной имъ земли совершенно недостаточно и по количеству, и по удобствамъ «устроеннаго хозяйства»; и что они затруднены какъ въ сбытѣ ремесленныхъ своихъ произведеній, такъ «еще болѣе въ образованіи и утвержденіи въ доброй нравственности» подраставшаго молодого поколѣнія.

Итакъ, снова настала для братьевъ критическая минута. Но замѣчательно, что настоящее *заявленіе* общества, по формѣ и сущности, носитъ уже совершенно иной характеръ, нежели первый кризисъ въ 1818

---

[1]) Комитетъ замѣнилъ прежнюю контору опекунства.

г. Тогда дѣло имѣло форму внутренняго среди общины раздора и, въ сущности, касалось почти исключительно религіозно-соціальныхъ вѣрованій и убѣжденій. Теперь о догматическихъ разногласіяхъ нѣтъ и слѣда, хотя, какъ убѣдимся ниже, поселенцы и въ хозяйственномъ и въ нравственномъ отношеніяхъ дошли до такого бѣдственнаго положенія, въ какомъ прежняя коммуна никогда не бывала. На сколько, въ 1818 г., взаимныя жалобы общинниковъ, сами-по-себѣ и по фактическимъ ихъ основаніямъ, казались мелочными, приводя въ недоумѣніе всякаго, не вглядывавшагося ближе и глубже въ условія общины, на столько же настоящее ходатайство было чуждо всякихъ мелочныхъ обстоятельствъ, заявляя о такихъ крупныхъ фактахъ, для удостовѣренія въ справедливости которыхъ не настояло бы даже надобности въ ближайшемъ мѣстномъ изслѣдованіи. Неудобства, указанныя Бабіевскимъ еще въ 1821 г. и обратившія уже на себя наше вниманіе, а затѣмъ естественное увеличеніе численности населенія,—вотъ тѣ доказательства, которыхъ было-бы совершенно достаточно, для убѣжденія въ основательности и несомнѣнной справедливости заявленія обществъ о невозможности для нихъ существовать въ данныхъ условіяхъ надѣла. Отсюда, какъ прямой логическій выводъ изъ предъидущаго, являлись сами собою обѣдненіе поселенцевъ, невозможность для нихъ образовывать свою молодежь, утверждать ее въ доброй нравственности и т. д.

Но начальство колоній не ограничилось подобными соображеніями. Оно командировало на мѣсто особаго чиновника, выслушало прибывшихъ въ Одессу уполномоченныхъ отъ обществъ и только на основаніи такихъ положительныхъ свѣдѣній, въ декабрѣ 1835 г., донесло министерству, что причины, побуждающія радичевскихъ меннонитовъ къ переселенію, вполнѣ уважительны, и что «земля, имъ надѣленная, могла быть достаточна къ ихъ безбѣдному существованію только въ то время, когда они состояли въ небольшомъ числѣ семействъ, соединенно братствомъ жившихъ». Оказалось по дознанію, что по 8-й ревизіи (1834 г.) въ обѣихъ колоніяхъ состояло уже 153 муж. пола душъ, а въ числѣ 775 дес. ихъ надѣла имѣлось пахатной не болѣе 270 дес.; но и та состояла въ 43 чрезполосныхъ участкахъ, частію чрезполосно за двумя, тремя русскими селеніями, въ разстояніи 10 — 15 верстъ отъ усадебъ. Оттого даже въ урожайные годы поселенцы не получали достаточно хлѣба для своего пропитанія, а сѣно, при самомъ ограниченномъ скотоводствѣ, постоянно прикупали. Ремесленники ихъ, пріумножившись значительно, также затруднялись въ сбытѣ своихъ издѣлій; раздоры же съ русскими крестьянами, вслѣдствіе чрезполосности владѣній, вредили благосостоянію и «*даже доброй нравственности*» поселенцевъ. Эти вредныя послѣдствія стали особенно замѣтны по смерти прежнихъ старшинъ, которыхъ въ школѣ замѣнить было некому. Попечительный комитетъ испрашивалъ разрѣшеніе на переселеніе радичевскихъ меннонитовъ въ Таврическую губернію. Онъ полагалъ возможнымъ надѣлить ихъ тамъ по 65 дес. на семейство, изъ запасныхъ земель при молочанскомъ меннонитскомъ округѣ.

Представленіе комитета пришло въ Петербургъ въ то время, когда под-

готовлялось здѣсь образованіе министерства государственныхъ имуществъ. Вѣроятно по этому случаю, представленіе это обратило на себя вниманіе только по окончательномъ открытіи сего министерства, въ вѣдѣніе котораго отошли, въ числѣ другихъ, и черниговскіе колонисты. Тѣмъ временемъ, обстоятельства нашихъ радичевскихъ поселенцевъ ухудшались изъ года въ годъ. Ожидая со дня на день разрѣшенія на переселеніе, они отправляли въ своихъ хозяйствахъ только самыя насущныя работы; численность же ихъ стала возрастать значительнѣе прежняго, и къ 1841 г., они составляли уже наличныхъ 69 семействъ, въ составѣ 185 муж. и 199 жен. пола душъ. При такихъ условіяхъ дѣлаются вполнѣ понятными отзывы мѣстныхъ властей, съ которыми производилась переписка по ходатайству радичевскихъ поселенцевъ. Такъ, черниговскіе губернаторъ и палата имуществъ удостовѣряли единогласно, что поселенцы эти въ то время уже перестали пользоваться «добрымъ о себѣ мнѣніемъ въ околодкѣ, хотя окрестные жители и обязаны имъ нѣкоторымъ улучшеніемъ скотоводства». Самъ духовный старшина братьевъ жаловался, что «они уклоняются даже отъ своихъ религіозныхъ правилъ и не походятъ на нѣмцевъ»; по отзыву же палаты, меннониты эти, имѣя въ своемъ распоряженіи болѣе 2½ дес. усадебной, сѣнокосной и пахатной земли на ревизскую душу, и, сверхъ того, 375 дес. лѣсу, двѣ мельницы на р. Есманѣ, рыболовное озеро при Деснѣ и, въ видѣ оброчной статьи, паромъ на той же рѣкѣ, могли бы, наравнѣ съ прочими поселянами уѣзда, «не столь обильно надѣленными землею и угодьями», содержать себя безбѣдно и исправно нести лежавшія на нихъ ничтожныя повинности и подати.

Но съ другой стороны — присовокупляетъ палата — чрезполосность земель, отдаленность отъ пунктовъ, доставляющихъ выгодный сбытъ промышленникамъ и ремесленникамъ, и наконецъ нерадѣніе поселенцевъ къ ремесламъ, «отъ коихъ они еще недавно получали значительныя выгоды», оплошность въ хозяйствѣ, «ежедневно» увеличивавшаяся, и упадокъ прежней доброй нравственности, «чѣмъ они славились» — вотъ истинныя причины того, что поселенцы изъ года въ годъ приходили въ худшее положеніе и не приносили уже краю прежней пользы.

Наконецъ, въ февралѣ 1842 года, переселеніе радичевскихъ братьевъ было разрѣшено, съ тѣмъ, чтобы они совершили его разомъ — въ полномъ составѣ обществъ, и на свой счетъ, а на мѣстѣ оставили повѣренныхъ, для распродажи того имущества, которое имъ нельзя было забрать съ собой.

Изъ имѣющейся предъ нами подворной описи видно, что каждое переселенческое общество, за исключеніемъ двухъ совершенно обѣднѣвшихъ хозяевъ, имѣло въ своемъ распоряженіи отъ 20 до 300 руб., не болѣе. Сюда не входила, впрочемъ, цѣнность скота и строеній [1]), которыя приходилось распродать на мѣстѣ почти за-даромъ. Хотя недоимокъ на нихъ

[1]) Всего не болѣе 19 лошадей, 137 головъ рогатаго скота и 137 простыхъ овецъ; 49 жилыхъ домовъ, молитвенный домъ, 2 школьныхъ дома и хлѣбозапасный амбаръ.

никакихъ не числилось, но, тѣмъ не менѣе, эти средства были едва-едва достаточны для покрытія расходовъ на путевое слѣдованіе за 500 верстъ—въ Таврическую губернію. Собственно въ виду этого обстоятельства, правительство, опасаясь вовлечь себя въ значительные расходы, дало разрѣшеніе на переселеніе только послѣ того, какъ молочанскіе меннониты, и въ особенности представитель ихъ, меннонитъ Корнисъ, пользовавшійся личною извѣстностью и полнымъ довѣріемъ бывшаго министра, графа Киселева, дали положительное завѣреніе, что черниговскимъ колонистамъ, по причисленіи ихъ къ молочанскому округу, будетъ достаточно 4-хъ или 5-ти лѣтъ, чтобы совершенно преобразоваться и придти въ цвѣтущее положеніе; что ближайшее руководство дѣломъ водворенія принимаетъ на себя лично Корнисъ, въ сосѣдствѣ съ образцовымъ имѣніемъ его Тащенакѣ, и что необходимость въ пособіи переселенцамъ на первоначальное обзаведеніе будетъ удовлетворена мѣстными средствами, безъ отягощенія казны.

Осенью 1842 г., радичевскіе колонисты прибыли къ мѣсту назначенія. Дорогою они не только издержали свои скудныя средства, но и вошли въ долги. Имъ отвели участокъ земли, въ количествѣ 65 десят. на земледѣльческую семью, а всего на 50 семействъ до 3,300 дес. Участокъ этотъ, расположенный въ 18 верстахъ отъ г. Мелитополя, на рѣчкѣ Тащенакѣ, состоялъ изъ безводной степи, на которой усадебная осѣдлость обусловливалась устройствомъ колодцевъ; лѣсу не имѣлось ни куста, и камень добывался изъ-за 60 верстъ—въ чужихъ дачахъ. Казалосъ бы труднымъ основаться съ успѣхомъ при такихъ условіяхъ. Но трудъ, терпѣніе, разумное руководство и пособіе преодолѣли всѣ препятствія. Нашимъ бѣднякамъ выдали, безпроцентною ссудою, изъ общественныхъ суммъ 15 т. руб. асс.; взрослую молодежь Корнисъ временно размѣстилъ, въ качествѣ наемныхъ работниковъ, къ наиболѣе благонадежнымъ мѣстнымъ хозяевамъ и ремесленникамъ. На полученную ссуду и при помощи заработной платы, переселенцы, съ весны 1843 г., приступили къ устройству въ каждой усадьбѣ по колодцу, для чего нашлось, къ счастію, удобное мѣсто. Съ тѣмъ вмѣстѣ устранилось важнѣйшее препятствіе къ водворенію; а потому, безъ замедленія, было приступлено и къ постройкѣ жилыхъ и хозяйственныхъ заведеній. Пахатныя, сѣнокосныя и выгонныя угодія были распредѣлены по системѣ меннонитскаго хозяйства [1]); озимыя поля засѣяны еще съ осени, при помощи молочанскаго меннонитскаго братства, яровые же посѣвы новые переселенцы производили уже собственными средствами. Въ іюлѣ 1843 г., Корнисъ свидѣтельствовалъ предъ министромъ государственныхъ имуществъ, что ввѣренные его ближайшему попеченію радичевцы, какъ люди трудолюбивые, «ведущіе себя добропорядочно, опрятно, миролюбиво и послушно», могутъ достигнуть, «при хорошемъ управленіи, цвѣтущаго положенія». Въ томъ же удостовѣряло и главное мѣстное начальство, и увѣренія эти не замедлили оправ-

---

[1]) Съ этой системой мы ознакомимъ читателя при описаніи быта нашихъ меннонитовъ.

даться вполнѣ. Колонія Гуттерталь [1]) (такъ наименовалось поселеніе радичевцевъ) не замедлила уплатить всѣ долги свои по водворенію и переселенію и видимо стала богатѣть, а съ тѣмъ вмѣстѣ, увеличеніе населенія пошло до того быстро, что уже къ 1852 г., представилась надобность выселить на тѣ же запасныя при округѣ земли 17 молодыхъ семействъ, которыя образовали особую колонію Іоганесру. Теперь, по 10 ревизіи (1857 г.), числится въ Гуттерталѣ 50 семействъ, въ составѣ 255 ревизскихъ муж. пола душъ, а въ Іоганесру 21 семья, 72 души. Обѣ колоніи отлично обстроены; каждая усадьба скрывается въ зелени садовъ и плантацій; повсюду видно какъ бы полное довольство и благосостояніе. Особеннымъ богатствомъ отличается колонія Іоганесру, въ которой 40 хозяйствъ. Всѣ постройки тамъ кирпичныя и крыты черепицею. Вообще въ настоящее время, какъ свидѣтельствуетъ кореспондентъ газеты «Süddeutsche Warte»[2]), каждый изъ хозяевъ этихъ двухъ колоній, въ отдѣльности, имѣетъ больше наличныхъ средствъ и имущества, нежели имѣло сообща все радичевское общество при выходѣ его изъ Черниговской губерніи.

Такой отзывъ о благосостояніи двухъ колоній Гуттерталя и Іоганесру, не вполнѣ точенъ, будучи основанъ на обзорѣ одного лишь наружнаго вида ихъ. На самомъ дѣлѣ, полученныя нами изъ частнаго же, но вполнѣ достовѣрнаго источника свѣдѣнія доказываютъ, что по сіе время ни одно изъ названныхъ поселеній не достигло еще той степени благосостоянія, которою отличаются остальныя молочанскія колоніи. Причины тому различны; но отчасти онѣ кроются въ томъ самомъ обстоятельствѣ, которымъ, по преимуществу, могло быть вызвано приведенное выше, нѣсколько преувеличенное свидѣтельство въ пользу цвѣтущаго положенія Гуттерцевъ, именно: въ обширности, солидности и цѣнности ихъ построекъ.

Каменные дома образцовой сельской постройки, съ соотвѣтственными хозяйственными заведеніями, требовались безусловно той системою, по которой заселялись особыми колоніями запасныя земли, состоявшія при молочанскихъ колонистскихъ водвореніяхъ. Такіе расходы на первоначальное обзаведеніе приходились далеко не по силамъ раззоренныхъ радичевскихъ братьевъ. Ко времени устройства колоніи Іоганесру, они только что успѣли обезпечить собственный бытъ и расплатиться съ прежними долгами; свободныхъ же капиталовъ почти ни у кого не было. Поэтому, возведеніе построекъ во вновь устраиваемой колоніи, въ размѣрахъ еще болѣе обширныхъ и дорогихъ, нежели въ Гуттерталѣ, вновь ввело отдѣльныхъ хозяевъ въ такія долговыя обязательства, погашеніемъ которыхъ иные были заняты много лѣтъ. Другіе не вполнѣ освободились отъ этихъ долговъ и по сіе время, а третьи нашлись даже вынужденными отступиться отъ своихъ хозяйствъ, переходившихъ такимъ образомъ въ руки болѣе состоятельныхъ поселянъ.

Колоніи Гуттерталь и Іоганесру обстроены по общему образцу всѣхъ

---

[1]) Мѣстное названіе этой колоніи — «Бородатый нумеръ» оттого, что Радичевцы не брѣютъ бороды по религіозному обычаю.

[2]) «Süddeutsche Warte, religiöses und politisches Wochenblatt». 1867, №№ 19, 20 и 21.

меннонитскихъ колоній, на ровныхъ мѣстностяхъ, въ два прямолинейныхъ ряда домовъ, отстоящихъ одинъ отъ другаго на одинаковомъ разстояніи. Между домами тянется широкая улица. Главнымъ фасадомъ дома обращены во дворъ, къ улицѣ же — боковою стороною въ два окна, съ полисадникомъ предъ каждымъ дворомъ, площадью до 10 кв. саженей. Такимъ образомъ, во всю длину улицъ тянутся, съ обѣихъ сторонъ непрерывною каймою, цвѣтники и лѣсныя насажденія, за листвою которыхъ скрываются дома обывателей. Главный входъ со двора вводитъ посѣтителя въ обширную прихожую, въ концѣ которой помѣщается не менѣе обширная кухня; эти двѣ комнаты, занимая середину дома, раздѣляютъ внутреннее помѣщеніе его на двѣ равныя половины. Половина къ улицѣ, раздѣленная въ свою очередь деревянною перегородкою, образуетъ такимъ образомъ одну чистую жилую комнату и другую спальную; въ противоположной половинѣ, замѣняющей обыкновенно кладовую или амбаръ, складываются на храненіе различныя принадлежности. Въ комнатахъ не всегда настилаются деревянные полы; нерѣдко ихъ замѣняетъ полъ глинобитный. Крыши домовъ относительно очень высокія, такъ что подъ ними, на чердакахъ, можно помѣщать огромное количество всякаго рода припасовъ. Бокъ-о-бокъ и подъ одною крышею съ домомъ, слѣдуетъ конюшня, имѣющая непосредственныя сообщенія съ жилыми помѣщеніями и съ заднимъ дворомъ. Въ конюшнѣ же, или же въ кухнѣ, обыкновенно устроенъ и колодезь. Въ самой глубинѣ двора, подъ прямымъ угломъ съ домомъ и конюшнею, возвышается обширная «клуня» (молотильный сарай), въ которой вымолачивается хлѣбъ. Постройка эта, съ огромными сквозными воротами по серединѣ, въ которые свободно входитъ громадный фургонъ съ нагруженнымъ хлѣбомъ въ снопахъ, дѣлается обыкновенно деревянная, съ соломенною или камышевою крышею. Позади «клуни» складываются стога сѣна, соломы; затѣмъ слѣдуютъ огороды, лѣсная плантація, поля и т. д.

Жилыя и хозяйственныя помѣщенія Гуттерцевъ не отличаются ни тою чистотою, ни тѣмъ безукоризненнымъ порядкомъ, которыми щеголяютъ меннонитскіе и вообще нѣмецкіе хозяева колоній. Мебель и вся домашняя утварь, не говоря уже о незатѣйливости и крайней простотѣ, не всегда можно найти въ должной опрятности. Кромѣ однихъ хозяевъ (мужа и жены), у которыхъ есть своя постель, всѣ остальные чада и домочадцы спятъ на полу; лишнихъ скамеекъ и стульевъ не имѣется. Словомъ, на сколько благопріятнымъ представляется внѣшній видъ колоній и домовъ, на столько поражаетъ скудность и даже неопрятность внутренней обстановки ихъ обитателей. Отсутствіе неустанной, дѣятельной колонистской хозяйки замѣчается здѣсь на каждомъ шагу; нѣтъ здѣсь пока, привычныхъ въ нашихъ колоніяхъ, земледѣльческой комфортабельности и домовитости.

Одежда Гуттерцевъ по прежнему проста, но прилична и довольно опрятна. У мужчинъ она состоитъ изъ однобортнаго сюртука, съ отложнымъ воротомъ; сюртукъ этотъ застегивается на груди крючками, а полы его доходятъ почти до колѣнъ. Шляпа, брюки и жилетъ остались

прежніе, но башмаки, историческія сандаліи, уступили мѣсто сапогамъ, съ голенищами выше колѣнъ. Послѣдователь Гуттера и до сей поры не брѣетъ и не стрыжетъ ни усовъ, ни бороды, на головѣ же носитъ длинные волосы. Въ нарядѣ женщинъ не произошло особенной перемѣны; только кромѣ синяго, въ платьяхъ встрѣчаются теперь и иные темные цвѣта.

Въ пищѣ играютъ главную роль молоко, картофель и плоды. По буднямъ употребляется преимущественно одинъ ржаной хлѣбъ; бѣлый же хлѣбъ и мясныя кушанья—обыкновенно только по праздникамъ. Горячительныхъ напитковъ, а также кофе, Гуттерцы почти не знаютъ; последній они замѣняютъ напиткомъ «прибсъ» (взваръ изъ пережженыхъ ячменя или ржи). Никакія игры или общественныя увеселенія у нихъ не существуютъ и не допускаются; праздники они проводятъ въ молитвенномъ домѣ, въ тѣсномъ кругу своихъ домашнихъ и ближайшихъ друзей, и въ прогулкахъ. Браки и другія семейныя торжества совершаются тихо, съ возможною простотою; придавая этимъ актамъ весьма серьозное значеніе, Гуттерцы по совершеніи религіознаго обряда, ограничиваются кратковременною сходкою и простою трапезою.

По удостовѣренію очевидца, со словъ котораго мы записали вышеприведенныя подробности, особеннаго вниманія заслуживаютъ однообразіе и безотвѣтная кротость, рѣзко отличающія каждаго члена этой секты. Въ этомъ явленіи сказывается, повидимому, сущность ихъ церковно-общиннаго устава, требующаго, чтобы они, ничѣмъ другъ отъ друга не отличаясь, стремились къ полнѣйшему равенству. Это мертвящее начало присуще вообще меннонитскому толку; но никто не подчиняется ему такъ строго, какъ Гуттерцы, у которыхъ дѣйствительно не существуетъ различія ни въ образѣ жизни, ни вообще во всякой внѣшности. Какъ у одного, точно также и у другого, оказываются какъ-бы одни и тѣже привычки и потребности, тотъ же нарядъ, таже пища; словомъ одинъ и тотъ же складъ жизни и воззрѣній, наконецъ даже почти одинаковое выраженіе лица. Отличаясь чрезвычайною скромностью и широкою гуманностью; готовые во всякое время дѣлиться, чѣмъ могутъ, со своимъ ближнимъ, безъ различія національности и вѣры, Гуттерцы въ тоже время замѣчательны по своей совершенно безропотной покорности судьбѣ. Эти-то свойства и дѣлаютъ ихъ весьма часто жертвою самаго безсовѣстнаго обмана со стороны сосѣдей, употребляющихъ во зло ихъ простоту и добродушіе. И въ этомъ-то отношеніи братья сознаютъ вполнѣ свое безсиліе такъ что здѣсь отчасти слѣдуетъ искать причину того, что память о прежней общинной жизни не умерла и до послѣдняго времени.

«Такимъ образомъ,» писали въ 1848 году Гуттерстальскіе сельскіе начальники, кончая повѣствованіе о Радичевѣ, «рушилась общинная жизнь братства навсегда; но стоитъ только навести на нее разговоръ, и всякій изъ нашихъ стариковъ съ одушевленіемъ вспомянетъ о прежней, благодатной жизни въ общинѣ; всякій потужитъ и погорюетъ, что это прекрасное дѣло погибло (so ganz und gar vergangen ist). Къ несчастью, духъ полной взаимности, братства, которымъ были столь сильны наши предки, покинулъ нашъ народъ, а потому нельзя и надѣяться, чтобы

когда либо намъ удалось возстановить порядки, за которые отцы и дѣды наши охотно жертвовали жизнью и достояніемъ».

Послѣ этихъ словъ и приведеннаго нами свидѣтельства очевидца едва-ли кого удивитъ, если скажемъ, что идеалъ общинно-имущественнаго устройства, не взирая на горькій опытъ цѣлаго ряда поколѣній, не давалъ Гуттерцамъ покоя даже до новѣйшаго времени. «Болѣе разумная часть поселенцевъ и скряги,» сообщала въ 1867 году таже «Süddeutsche Warte», «совершенно удовлетворялись жизнью отдѣльными семьями. Первые находили этотъ порядокъ освященнымъ самимъ евангеліемъ; послѣдніе видѣли въ новыхъ условіяхъ болѣе гарантій для своихъ личныхъ интересовъ. Наконецъ третьи, замѣчая, что одни изъ сообщественниковъ дѣлались состоятельнѣе другихъ, рѣшились возвратиться къ прежнимъ условіямъ общежительства». Обстоятельство это возбудило въ обществѣ сильное броженіе: постепенно 40 семействъ сложили свое имущество въ одну массу, и, распродавъ свои хозяйства въ колоніи, пріобрѣли, въ 1856 г., отъ помѣщицы Кушевой, близь города Орѣхова въ Екатеринославской губерніи, участокъ земли въ 1500 десят., за 21,000 руб. Здѣсь они водворились общиннымъ дворомъ, назвавъ его Гуттердорфъ. Вскорѣ однако возникли внутренніе раздоры, и мало-по-малу стали происходить раздѣлы и выдѣлы общинниковъ, такъ что теперь въ Гуттендорфѣ остается не болѣе 4-хъ семействъ».

Года два тому назадъ (въ 1866 году), подобное же движеніе охватило было вновь обѣ колоніи — Гуттерталь и Іоганесру. Это движеніе заслуживаетъ особеннаго вниманія. Наиболѣе развитые, зажиточные и положительные изъ хозяевъ, и во главѣ ихъ тирольцы Гоферъ, Клейнфассеръ и другіе, пришли къ заключенію, что «не взирая на видимое матеріальное довольство, все же замѣчается постепенное ослабленіе въ обществѣ благочинія, христіанскаго благочестія и стремленія къ пріобрѣтенію истинныхъ, невещественныхъ благъ». При этомъ они руководились рукописными книгами своими, которыя, и въ числѣ ихъ не мало историческихъ рукописей временъ реформаціи, считаются у нихъ цѣлыми сотнями. Во многихъ изъ этихъ книгъ указывается на имущественную общность, какъ на единственный путь къ спасенію. Поэтому понятно, что лучшіе изъ поселенцевъ чаяли въ этомъ принципѣ обрѣсти единственное средство для успѣшнаго противодѣйствія общественнымъ ихъ недугамъ. Мало-по-малу 23 хозяйства соединились въ одно цѣлое; взаимныя долговыя претензіи, если онѣ существовали, были сквитованы, а долги внѣшніе— погашены на счетъ общинной экономіи. Одинъ изъ домовъ своихъ общинники обратили въ молитвенный, другой въ трапезный для мужчинъ, третій—въ такой же для женскаго пола, четвертый въ дѣтскій, и т. д. Точно также были устроены общія мастерскія: для столяровъ, кузнецовъ и т. д., для каждаго рода мастерства особо. Каждый вечеръ вся община собиралась на молитву. Всякій изъ мужчинъ, каждая женщина и дѣвица получили опредѣленныя положенія и занятія; во главѣ же каждой отрасли общиннаго хозяйства стали надзиратели и надзирательницы. Разбросанность домовъ и хозяйственныхъ заведеній на довольно значительныхъ

разстояніяхъ и устройство каждаго отдѣльнаго хозяйства, соотвѣтственно данному ему спеціальному назначенію, — представляли общинникамъ весьма существенныя затрудненія и повели къ потерямъ. Одни дома оставались безъ всякаго употребленія; при другихъ оказывались равнымъ образомъ излишнія помѣщенія; при третьихъ, наконецъ, не доставало этихъ помѣщеній и приходилось или возводить ихъ заново, или взяться за перестройки. Но здѣсь, по убѣжденію общинниковъ, дѣло шло о душевномъ спасеніи, а «въ такихъ случаяхъ», замѣчаетъ авторъ статьи, которою мы пользуемся въ настоящемъ случаѣ, «даже невозможное при другихъ условіяхъ, совершается и осуществляется, лишь бы исполнителями руководили чувства искренности и честности». Въ числѣ новыхъ общинниковъ не мало было такихъ, которые сознавали всю неловкость своего новаго положенія и, тѣмъ не менѣе, безропотно подчинялись ему. Въ глазахъ другихъ, имущественный переворотъ былъ только средствомъ, наружною формою, имѣвшею цѣлью возстановить и укрѣпить въ общинникахъ истинное, по ихъ воззрѣніямъ, христіанство; они-то обратили особенное вниманіе на воспитаніе дѣтей. Но, несмотря на всевозможныя предложенія и совѣщанія, община не могла придти къ окончательному соглашенію ни по одному предмету болѣе существенной важности. Особенно мало способности къ общинной жизни обнаруживали женщины; противъ нихъ приходилось прибѣгать на каждомъ шагу къ принудительнымъ мѣрамъ. Это лишало всѣ учрежденія общины всякаго удобства и практичности. Одно имущественное переустройство, само по-себѣ, недавало, конечно, ожидаемыхъ для душевной жизни благихъ послѣдствій. Слѣдовательно, и многіе изъ наиболѣе серьезныхъ общинниковъ-мужчинъ не находили соотвѣтственнаго нравственнаго воздаянія ни за личныя права, которыми пожертвовали, ни за имущественныя потери, которыя они понесли ради осуществленія общины. Такимъ образомъ, постепенно брало верхъ убѣжденіе, что общностью вещественнаго имущества ничего не достигается, и что, «за непроникновеніемъ общинниковъ силою Святого Духа,»—правильная, истинная общность до времени не осуществима. Многіе, наконецъ, предавались полной безнадежности въ отношеній вообще возможности нравственнаго возрожденія ихъ братства. Все это привело братьевъ къ добровольному разрушенію общины, возвративъ ихъ къ прежней жизни, отдѣльными семьями и хозяйствами. Лѣтомъ 1867 г., непосредственно за днемъ св. Троицы, когда въ первые годы нашей эры сложилась и, силою Духа Святого, сплотилась первая христіанская община, наши общинники совершали раздѣлъ своего имущества. Впрочемъ, достойно всякой похвалы и не можетъ не свидѣтельствовать въ пользу этихъ людей то, что раздѣлъ между ними состоялся безъ ссоръ и раздоровъ, хотя многіе хозяева потеряли невозвратно значительную часть своего достоянія.

Что будетъ далѣе: явятся-ли среди Гуттерцевъ новыя попытки осуществить утопію, идеалъ ихъ отцовъ?—вопросъ этотъ не беремся рѣшить. Но какой же практическій выводъ настоящаго очерка?.. Непорядки, или даже пороки, служившіе въ 1817 г. поводомъ распаденія радичев-

ской общины, можно встрѣтить въ любомъ изъ нашихъ сельскихъ обществъ, не исключая колонистскихъ, и при томъ въ несравненно болѣе рѣзкихъ и широкихъ условіяхъ, нежели непорядки и пороки эти проявлялись въ Радичевѣ. Однако, далеко не вездѣ найдется столько нравственныхъ силъ, честныхъ, безкорыстныхъ стремленій и христіанскаго смиренія, способности жертвовать собою и своими личными интересами на пользу общаго блага, — какъ именно среди описанной нами горсти людей. Много ли окажется между нами личностей, которыя были бы способны отстаивать изъ рода-въ-родъ чистоту и неприкосновенность своихъ убѣжденій среди вѣковыхъ гоненій, въ упорной борьбѣ съ насущными, но враждебными ихъ принципу, условіями дѣйствительной жизни? Такой, по мнѣнію Гуттерцевъ, крайній упадокъ нравственности нигдѣ не приводитъ у насъ къ распаденію сельско-общественнаго строя. Напротивъ того, всякое общество, будучи приблизительно въ тѣхъ экономическихъ условіяхъ, въ какихъ была радичевская община предъ ея паденіемъ, представляется всюду организмомъ, тѣмъ крѣпче сплоченнымъ и сплачивающимся внутри себя, чѣмъ экономическій бытъ его обезпеченнѣе и богаче. Такимъ образомъ не можетъ, кажется, подлежать сомнѣнію, что главнѣйшая, если не единственная, причина распаденія радичевской общины заключается въ неестественности отрицанія братствомъ всякой личной собственности. Практическое приложеніе къ жизни этого начала, въ неразрывной связи съ началомъ равноправности, не могло не привести общинниковъ къ полному обезличенію и безусловному общинному гнету, выразившимся въ основныхъ положеніяхъ братства: «приговоры и рѣшенія старшины священны», и «посѣтители сего общества не могутъ быть чьи-либо лично, а лишь вообще къ братству». Человѣкъ, по природѣ своей, не можетъ жить и развиваться всецѣло тамъ, гдѣ для его личной самодѣятельности и вообще индивидуальности нѣтъ извѣстнаго простора, гдѣ вся жизнь составляетъ рядъ самоотрицаній и мелочныхъ, повседневныхъ регламентацій, опутывающихъ каждый шагъ, каждое помышленіе его. Человѣкъ не можетъ помириться, не можетъ сжиться съ подобными условіями, и, при первомъ благопріятномъ случаѣ, порветъ эти путы. Поэтому, истинныя причины, разрушившія общину, нужно искать въ самой глубинѣ человѣческой природы. Но Радичевцы были и, повидимому, остались плохими психіатрами. Самъ Вальтеръ и товарищи его чувствовали весь гнетъ, всю несообразность ихъ общинной жизни, но сознательно высказать — въ чемъ именно лежала причина тому — они не съумѣли. Только примѣръ иной жизни родственныхъ людей могъ навести ихъ на правильный исходъ изъ угнетавшаго ихъ положенія. Не будь этого примѣра, — они сами, собственнымъ мышленіемъ, едва-ли бы добились того пути, который избавилъ ихъ отъ прежняго общиннаго гнета. Иначе, если бы Радичевцы сознательно приступили къ жизни посемейной, отдѣльными хозяйствами, мыслимо-ли, чтобы ближайшіе потомки ихъ, изъ которыхъ нѣкоторые были, быть можетъ, очевидцами перваго общиннаго кризиса, могли придти снова къ рѣшимости возстановить общежительство?.. Только совершенное непониманіе дѣйствитель-

ныхъ причинъ паденія радичевской общины могло поддерживать въ нынѣшнихъ ревнителяхъ братства увѣренность, что общежительное устройство можетъ противодѣйствовать нравственному упадку и вообще тѣмъ недугамъ, которые, по мнѣнію ихъ, препятствуютъ полному осуществленію ихъ религіозно-соціальнаго идеала.

Далѣе, изъ опыта Гуттерцевъ мы убѣждаемся, что имущественно-поземельное устройство нигдѣ не имѣетъ и не можетъ имѣть такого всесильнаго, воспитательнаго значенія и вліянія, какъ именно въ средѣ сельско-земледѣльческаго состоянія. Вникая въ сущность радичевской общинной жизни, для насъ дѣлается несомнѣннымъ, что общими началами и всею обстановкою сельско-общественнаго строя обусловливаются не только общественное и частное преуспѣяніе поселянъ вообще, но даже нравственный складъ и характеристическія свойства поселянской личности. При томъ, само собою разумѣется, чѣмъ ниже личное развитіе поселянина, тѣмъ экономическій бытъ его — въ семьѣ и обществѣ — сильнѣе вліяетъ на нравственность и характеръ. Тѣ же радичевскіе братья, проживши всего только десятки лѣтъ при иныхъ поземельно-имущественныхъ распорядкахъ, дѣлаютъ, правда, попытки, въ смыслѣ догмата ихъ отцовъ; но вскорѣ, съ понятною грустью и отчаяніемъ въ душѣ, они приходятъ къ сознанію полной несостоятельности ихъ начинанія. Далеко не всѣ принимали участіе въ попыткѣ; многіе послѣдовали примѣру другихъ только нехотя и какъ бы не довѣряя дѣлу въ самомъ началѣ; наконецъ, только третьи поддерживая святость и непогрѣшимость принципа, нашли возможнымъ сваливать всю вину неудачи на то, что общинники «не прониклись силою святого духа». Но аргументъ этотъ едва-ли можетъ поддержать значеніе принципа въ глазахъ значительнаго большинства Гуттерцевъ. А изъ всего этого слѣдуетъ, что нравственный складъ этихъ людей и личныя ихъ воззрѣнія весьма замѣтно измѣнились, благодаря, конечно, прежде всего инымъ хозяйственнымъ условіямъ, въ которыхъ сложились ихъ настоящій бытъ и характеръ.

Наконецъ, по нашему мнѣнію, настоящій очеркъ вполнѣ указываетъ совершенную ложность понятія нѣкоторыхъ изъ нашихъ публицистовъ, доказывающихъ, будто сельско-общинное устройство нашихъ крестьянъ тождественно съ началами коммунизма и соціализма; что каждое изъ нашихъ сельскихъ обществъ, едва-ли не черезъ край, переполнено этими теоріями и т. д. Примѣръ радичевской коммуны слишкомъ осязателенъ; онъ можетъ убѣдить каждаго въ глубокомъ различіи между коммуною и сельско-общиннымъ началомъ, преобладающимъ въ нашемъ крестьянскомъ хозяйствѣ.

III.

КОЛОНІЯ САРЕПТА.

Колонія Радичевъ, какъ достояніе исторіи, вовсе неизвѣстное современному русскому обществу, не могла возбудить ни чьихъ личныхъ воспоминаній. Иное дѣло колонія, о который мы намѣрены говорить теперь. При одномъ имени Сарепты, многіе навѣрное вспомнятъ о кратковременномъ пребываніи своемъ, проѣздомъ, въ интересномъ мѣстечкѣ дальняго низоваго поволжья, мѣстечкѣ, съумѣвшемъ, среди болѣе или менѣе безотрадной мѣстности, создать крошечный оазисъ, предлагающій усталому путнику, особенно состоятельному или почетному, такія удобства жизни, какія трудно найти въ любомъ изъ нашихъ губернскихъ городовъ, не говоря уже о городахъ уѣздныхъ и селеніяхъ. Лица, бывавшія за-границею, при взглядѣ на наружную обстановку Сарепты и ея жителей, невольно сопоставляли, конечно, колонію съ тѣмъ или другимъ уютнымъ уголкомъ Германіи, гдѣ повседневная жизнь совершается какъ сегодня, такъ и завтра, по неизмѣнно, однажды навсегда установившемуся порядку, тихо, повидимому безмятежно, въ матеріальномъ довольствѣ, и даже съ извѣстнаго рода роскошью. Бунинъ навѣрное и о Сарептѣ, какъ въ свое время о Радичевѣ, не задумался бы сказать, что «братство живетъ и благоденствуетъ въ житіи, прославляя Бога и Государя». Картины изъ сарептскаго быта давно вошли и въ наши школьныя христоматіи прежняго времени. По одному этому, и по поводу подобныхъ же отзывовъ о Сарептѣ нашихъ туристовъ, въ памяти нѣкоторыхъ читателей, не бывавшихъ даже на мѣстѣ, возникнутъ, быть можетъ, мечты давно минувшаго дѣтства, когда воспріимчивая фантазія пыталась дорисовать себѣ идиллическое мѣстечко, бытъ котораго вызывалъ такія восторженныя изліянія даже у серьозныхъ лицъ, какими въ глазахъ школьника являются обыкновенно всѣ пишущіе печатно. Но, безъ всякаго сомнѣнія, найдется не мало и такихъ личностей, которыя имѣютъ совершенно иной взглядъ на Сарепту, едва-ли не съ ненавистью относясь къ ея существованію въ данныхъ условіяхъ. Правда, такіе взгляды и чувства нигдѣ еще не выражались печатно; они высказывались только въ частныхъ бесѣдахъ, но

преимущественно въ оффиціальныхъ бумагахъ, такъ какъ представителемъ такихъ отношеній къ Сарептѣ долгое время являлось мѣстное чиновничество.

Противоположность взглядовъ на Сарепту, безъ всякаго сомнѣнія, имѣетъ свои причины. Если восторженный отзывъ иного туриста доказываетъ только поверхностность, съ которою мы часто относились къ явленіямъ своей жизни, способность удовлетворяться наружными фактами, схваченными на-лету, и отсутствіе наблюдательности и глубины серьознаго анализа, — то противоположное мнѣніе указываетъ, съ одной стороны, на нѣкоторую нетерпимость чиновъ мѣстной власти къ проявленіямъ самостоятельной, самобытной жизни подначальнаго населенія, а съ другой—и на условія, которыя дѣйствительно трудно согласовать съ потребностями и воззрѣніями окружающей Сарепту среды. Исключительныя условія Сарепты стали особенно осязательны со времени введенія у насъ земскихъ учрежденій; они выступятъ еще рѣзче съ повсемѣстнымъ открытіемъ дѣйствія новыхъ судебныхъ установленій. Поэтому, болѣе или менѣе близкое знакомство съ устройствомъ этой колоніи не лишено, по нашему мнѣнію, живаго современнаго интереса.

Колонія Сарепта, въ Царицынскомъ уѣздѣ Саратовской губ., есть не иное что, какъ крайній, на востокѣ, форпостъ религіозно-экономической ассоціаціи, извѣстной подъ наименованіемъ «Общества Евангелическихъ братьевъ», Brüderunität. Общество это, въ современной намъ организаціи его, сформировалось впервые подъ непосредственнымъ руководствомъ и покровительствомъ графа Николая Людвига Цинцендорфа [1]), въ имѣніи его—Бертельсдорфѣ, въ верхней саксонской Лузаціи. Здѣсь, въ 1722 г., по приглашенію графа, небольшое общество бѣжавшихъ съ родины мораво-богемскихъ братьевъ основало колонію *Гернгутъ*. Мало-по-малу стали собираться сюда изъ Богеміи и Моравіи послѣдователи различныхъ сектаторскихъ толковъ, укрываясь отъ преслѣдованій, которымъ они подвергались на родинѣ.

Такимъ образомъ, мы снова встрѣчаемся съ Чехіею и Моравіею, служившими издавна, въ теченіе значительнаго періода средневѣковой жизни Запада, главнѣйшимъ центромъ тяготѣнія всѣхъ реформаціонныхъ движеній въ сферахъ религіозной, общественно-экономической и политической. Здѣсь, чехи и мораване, на крайнемъ западномъ рубежѣ славянской семьи, вели вѣковую, отчаянную борьбу противъ латинства съ его папою, и противъ союзниковъ папы—нѣмцевъ, съ ихъ мадьяро-нѣмецкими королями и императорами во главѣ; здѣсь они, какъ самобытная славянская народность, отстаивали свою автономію политическую, безъ которой не мыслимо вполнѣ свободное народное развитіе; свое устройство общественное, основанное частью на религіозныхъ вѣрованіяхъ, частью же,

---

[1]) Графъ Н. Л. Цинцендорфъ (род. въ 1700 г. и умеръ въ Гернгутѣ, въ 1760 г.), всю свою жизнь посвятилъ интересамъ общества евангелическихъ братьевъ. Въ этихъ видахъ, онъ не только отдалъ въ пользу общества свое имѣніе, Бертельсдорфъ, но и предпринималъ продолжительныя путешествія по всей Европѣ, пріобрѣлъ степень кандидата богословія и былъ посвященъ въ проповѣдническій санъ. Графъ издалъ въ свѣтъ болѣе 100 своихъ сочиненій.

если не по преимуществу, на унаслѣдованныхъ отъ отцовъ обычныхъ понятіяхъ; и наконецъ, свою свободу совѣсти и вѣры, несовмѣстную съ духомъ и сущностью ученія латинской церкви о верховномъ главенствѣ папы. Здѣсь же, въ борьбѣ двухъ національныхъ элементовъ — славянскаго и германскаго — и въ коренныхъ различіяхъ этихъ элементовъ по воззрѣніямъ религіозно-соціальнымъ и политическимъ,—слѣдуетъ искать, по нашему мнѣнію, главнѣйшій корень тѣхъ общинно-экономическихъ комбинацій, представителями которыхъ являются извѣстная уже намъ радичевская община, евангелическое братство и т. д. Въ продолженіе многихъ вѣковъ, начиная съ вальдензовъ и альбигойцевъ, всѣ недовольные на Западѣ находили въ Чехіи и Моравіи не только вѣрное убѣжище отъ преслѣдованій за вѣру, но вообще и самое горячее сочувствіе. Только здѣсь слагалась окончательно ихъ программа и ученія сектаторовъ развивались въ болѣе или менѣе законченныя системы, обнимавшія уже весь строй человѣческаго общежитія. Только здѣсь именно, а не среди нѣмецкихъ или романскихъ народностей, тиролецъ Гуттеръ могъ основать свою общину; отсюда же горсть бѣглецовъ, скрываясь въ подобную, уже въ то время полуонѣмеченную славянскую землю — Лузацію, могла осуществить ту общинную комбинацію, какую мы находимъ въ обществѣ евангелическихъ братьевъ. Ниже мы увидимъ, что подобное же общинно-религіозное устройство отстаивали самые усердные защитники славянской народности въ Чехіи и Моравіи, и что окончательная кодификація устава евангелическаго братскаго общества состоялась только по смерти графа Цинцендорфа. Вообще же дѣятельность Цинцендорфа въ дѣлѣ общинно-имущественнаго устройства общества была, повидимому, лишь страдательная: онъ смотрѣлъ на это дѣло исключительно съ абстрактной, богослово-христіанской точки зрѣнія, а по духу и плоти своей народности, онъ былъ чуждъ общинному принципу.

Вникнувъ глубже въ смыслъ всего западнаго сектаторства, невольно родятся передъ нами вопросы: не существуютъ ли здѣсь прямыя связи съ сельско-общиннымъ землевладѣніемъ, какъ основнымъ принципомъ общеславянскаго государственнаго и соціальнаго устроенія? Не суть-ли общины таборитовъ, Гуттера и евангелическаго братства болѣзненные протесты славянской народности противъ осилившаго лужичанъ, чеховъ и моравянъ, въ лицѣ нѣмцевъ, иного имущественно-поземельнаго и государственнаго начала? Не руководило ли въ этомъ случаѣ сектаторами преемственное, хотя и смутное, воспоминаніе о давно минувшихъ для нихъ дняхъ болѣе родственнаго общественнаго устройства, и не надѣялись ли они, возвращеніемъ къ утраченнымъ порядкамъ, избавиться отъ тяготѣвшихъ надъ ними результатовъ чуждаго имъ принципа? Мы обратили вниманіе на эти вопросы именно потому, что настоящій очеркъ Сарепты представляетъ, по нашему мнѣнію, наглядный примѣръ того, какъ дитя борьбы двухъ народныхъ элементовъ, будучи пересажено къ намъ, на родственную свою почву, преобразовывается постепенно, и даже, вопреки основнымъ принципамъ общества, возвращается мало-по-малу къ своему прототипу—общинному устройству нашихъ крестьянъ и горожанъ.

Связь ученія Гуттера и др. съ духомъ славянства—объясняется исторіею мораво-богемскихъ братьевъ, которой потому и коснемся здѣсь въ главнѣйшихъ чертахъ. Извѣстно, что послѣдователи Гуса и Іеронима пражскаго распадались на двѣ партіи: одна—партія каликстинцевъ (чашниковъ) или умѣренныхъ; другая — партія таборитовъ или радикаловъ. Послѣдняя, во время высшаго ея развитія, покрывала страну сѣтью общинъ, главнымъ центромъ которыхъ служила крѣпость на горѣ Таборѣ или Ѳаворѣ. Эта крѣпость, состоя въ органической связи, въ полной солидарности со всѣми остальными, менѣе значительными таборитскими общинами, имѣла базисомъ безусловную имущественную общность и патріархально-коммунальное устройство. Еслибъ придать извѣстной уже читателю радичевской общинѣ несравненно болѣе широкіе размѣры; еслибъ примкнуть къ ней извѣстное число второстепенныхъ, подначальныхъ селеній, и весь этотъ общинный союзъ поставить на военное положеніе, то мы получили бы нѣчто весьма близкое къ крѣпости таборитовъ.

Въ началѣ гуситскихъ войнъ, главнѣйшія чехо-моравскія партіи, каликстинцы и табориты, – обѣ, не смотря на религіозно-соціальныя разногласія между ними, стояли дружно противъ общаго врага—римскихъ папъ и римско-нѣмецкихъ императоровъ: борьба велась одновременно не только за свободу вѣры, но и за славянскую народность, за ея политическую автономію. И едва ли бы удалось латинству и нѣмцамъ одолѣть своихъ противниковъ, еслибъ они не успѣли уловить коренную рознь въ нѣдрахъ чехо-моравскаго народа, которою и воспользовались для своихъ цѣлей. Съ одной стороны, нѣмцы болѣе или менѣе удачно маскировали свои притязанія на германизацію славянъ щитомъ церковнаго раздора; съ другой — такъ называемые пражскіе компактаты 30 ноября 1433 г., дѣлали нѣкоторыя уступки гусситамъ по вопросамъ вѣры, а главное—давали послѣднимъ обманчивую надежду на возможность, путемъ мирныхъ переговоровъ съ папскимъ престоломъ, достигнуть полнаго признанія новаго ученія. Послѣдствія показали, что эти уступки не были искренни и имѣли скорѣе значеніе искусной ловушки. Такъ понимали дѣло и табориты, и потому они отвергли компактаты. Но каликстинцы, т. е. большинство наиболѣе вліятельныхъ, утомленныхъ вѣковой борьбою чехо-мораванъ, жаждали успокоенія; расходясь съ таборитами діаметрально по воззрѣніямъ соціальнымъ, въ отношеніи имущественныхъ порядковъ, они приняли сдѣлку, порвали окончательно всѣ связи съ таборитами, и, наконецъ, соединившись съ католиками, даже помогли послѣднимъ уничтожить своихъ прежнихъ союзниковъ въ битвѣ при Бёмишбродѣ, 30 мая 1434 г.

Остатки этихъ-то гуситовъ-таборитовъ, главнѣйшихъ и ревностнѣйшихъ защитниковъ славянскаго элемента, удалились къ границамъ Силезіи и Моравіи. Тамъ, преимущественно въ помѣстьяхъ извѣстнаго въ исторіи Георга Подѣбрада, они около 1457 г., образовали особыя общества, именуя себя братствомъ закона Христова, братьями или братскимъ обществомъ. Сначала Георгъ Подѣбрадъ, бывшій прежде, до ком-

пактатовъ, въ довольно близкихъ сношеніяхъ съ таборитами, оказывалъ покровительство и послѣдователямъ ихъ, спасшимся послѣ бёмишбродской катастрофы. Но видя, что политическая роль таборитовъ кончена, и будучи избранъ земскими чинами въ 1451 г. намѣстникомъ Богеміи, Подѣбрадъ присоединился окончательно къ партіи каликстинцевъ, а въ 1461 г., по жалобамъ католиковъ и въ угоду папѣ, издалъ даже повелѣніе объ окончательномъ изгнаніи изъ предѣловъ королевства какъ таборитовъ, такъ и иныхъ мелкихъ сектъ.

Народный характеръ въ стремленіяхъ чеховъ-таборитовъ проявлялся сколько въ сферѣ соціальныхъ воззрѣній, — въ чемъ, какъ уже замѣчено, они положительно расходились съ чехами-каликстинцами, вполнѣ усвоившими себѣ римско-нѣмецкое гражданское право,—столько же и въ религіозномъ ученіи ихъ. «Протестантизмъ, говоритъ г. Гильфердингъ [1]), былъ раціоналистическимъ преобразованіемъ церкви; гуситство — стремленіемъ возсоздать въ ней то, что̀ существовало въ народѣ, какъ *дѣйствительное преданіе минувшаго*. Все предыдущее развитіе чешской исторіи указываетъ на этотъ источникъ гуситскаго движенія, и всякое сомнѣніе, собственно съ богословской точки зрѣнія, устранено учеными изслѣдованіями одного нашего соотечественника (г. Новикова: «Гусъ и Лютеръ»). Между прочими упреками церкви латинской, гуситы всегда выставляли то, что она не допускаетъ причащенія младенцевъ; какъ скоро чехи свергли съ себя власть Рима, они тотчасъ приносили младенцевъ къ причастію, и когда впослѣдствіи начались переговоры о примиреніи гуситскаго исповѣданія съ католицизмомъ, то они постоянно требовали, чтобы за ихъ церковью признано было право причащенія младенцевъ. И съ такою настойчивостью повторяли чехи это требованіе, что очевидно причащеніе младенцевъ было у нихъ обычаемъ дорогимъ народу и съ которымъ онъ уже не хотѣлъ разстаться. Римская церковь, вѣрная юридическому раціонализму древняго Рима, весьма естественно отвергла причащеніе въ возрастѣ безсознательномъ, а протестантскія секты, чтобы быть вполнѣ последовательными, еще болѣе ограничили доступъ къ евхаристіи, требуя для него не только возраста способнато къ сознанію, какъ Римъ, но дѣйствительнаго сознанія, доказаннаго испытаніемъ, которое составляетъ сущность конфирмаціи. Одна только церковь восточная сохранила обычай первобытнаго христіанства, которое, съ своею непосредственною вѣрою въ завѣщанное Христомъ таинство, допускало къ нему и младенцевъ. И когда мы знаемъ, что чехи-гуситы XV столѣтія стояли грудью за этотъ обычай, что причащеніе младенцевъ было однимъ изъ тѣхъ предметовъ вѣры, за которые цѣлый народъ проливалъ потоками кровь свою, то можно ли не признавать древняго, пришедшаго съ востока, религіознаго преданія, ожившаго въ гуситствѣ, и позволительно-ли толковать о

---

[1]) Собраніе сочиненій А. Гильфердинга. Т. I. стр. 358—359. С.-Петерб. 1868. Изданіе это появилось уже послѣ нашего очерка: «Колонія Сарепта» («Вѣстн. Европы». Мартъ 1868); но тѣмъ пріятнѣе намъ было сойтись съ ученымъ славистомъ во взглядѣ на истинные характеръ и значеніе гуситства.

немъ, какъ о проявленіи личнаго раціонализма и нововводительства въ церкви? Чешскіе историки, писавшіе о гуситствѣ, слишкомъ мало обращали вниманіе и на слѣдующій, весьма знаменательный фактъ. Вѣрнѣйшій другъ и ученикъ Гуса, его товарищъ въ жизни и на мученическомъ кострѣ, Іеронимъ пражскій, не задолго до своей смерти, совершилъ путешествіе въ Литву и Русь. Положимъ, что его влекло на востокъ не преданіе народное, а личное желаніе познакомиться съ тамошнимъ христіанствомъ (чего, надобно замѣтить, мы не видимъ ни въ комъ изъ основателей собственно протестантскихъ сектъ). Однако путешествіе Іеронима не ограничилось наблюденіями иновѣрца надъ восточною церковью: въ Витебскѣ и Псковѣ онъ открыто сталъ въ общину православныхъ, вмѣстѣ съ ними принималъ участіе въ спорахъ съ католиками, защищалъ восточную церковь, какъ истинную, — чѣмъ и причинилъ такой соблазнъ въ Литвѣ, что эти поступки были поставлены констанскимъ соборомъ въ число важнѣйшихъ обвиненій, на основаніи которыхъ соборъ приговорилъ его къ смертной казни».

Во всякомъ случаѣ не можетъ подлежать сомнѣнію, что не политическая, и даже не религіозная рознь раздѣляла чеховъ-гуситовъ на два лагеря; главный корень этой розни лежалъ преимущественно, если не исключительно, въ одномъ различіи *соціальныхъ* воззрѣній. Этимъ только объясняется то, что каликстинцы или чашники, *преимущественно привилегированные классы — дворяне и горожане*, добившись отъ нѣмцевъ-католиковъ уступокъ политическихъ и религіозныхъ, нашли возможнымъ подать имъ руку къ истребленію чеховъ-таборитовъ, т. е. представителей интересовъ крестьянства и городскаго пролетаріата, экономически и граждански угнетеннаго простаго народа, соціальныя ученія котораго шли въ разрѣзъ съ римско-нѣмецкимъ гражданскимъ кодексомъ и были одинаково ненавистны представителямъ этого кодекса: нѣмцамъ-католикамъ и чехамъ-каликстинцамъ. Такимъ образомъ бёмингбродская катастрофа означаетъ въ сущности торжество высшихъ привилегированныхъ классовъ надъ народною массою, добивавшеюся иного *соціальнаго* устройства, того устройства, воспоминаніе о которомъ шло рядомъ и въ тѣсной связи съ преданіями религіозными.

Не смотря однако на гоненія, скромныя общины братьевъ-таборитовъ не ослабѣвали: по мѣрѣ усиленія внѣшняго гнёта, онѣ все болѣе пріобрѣтали внутренней стойкости и силы; безукоризненная же нравственность братьевъ привлекала на ихъ сторону большое число послѣдователей. Вскорѣ братскія общины, волей неволею допуская въ своей средѣ и своемъ ученіи весьма существенныя отступленія отъ таборитскаго народно-соціальнаго раціонализма, находили себѣ новые центры соединенія и опоры въ Моравіи, даже среди помѣстнаго дворянства. Отличительная особенность вѣрованій братства заключалась, по преимуществу, въ томъ, что, отвергая пресуществленіе въ таинствѣ св. причастія, оно признавало лишь духовно-мистическое присутствіе Спасителя при совершеніи самаго таинства. Вообще догматическое ученіе свое мораво-чешскіе братья основывали исключительно на ветхозавѣтныхъ пророкахъ и буквѣ новаго завѣта.

Удаляя изъ среды общины неисправимо порочныхъ членовъ; примѣняя, въ видѣ исправительной мѣры, церковное отлученіе въ трехъ степеняхъ; признавая принципъ безусловной имущественной общности; поддерживая въ общежительности строгое раздѣленіе половъ и подраздѣляя своихъ членовъ на «начинающихъ, успѣвающихъ и совершенныхъ», братство имѣло цѣлью—возстановить въ своей средѣ «истинное христіанство въ первоначальной чистотѣ и простотѣ его». Но эта цѣль вызывала необходимость самаго бдительнаго надзора за частною, даже за домашнею жизнью каждаго изъ членовъ. Отсюда, въ свою очередь, истекала необходимость во множествѣ различныхъ общинныхъ чиновъ, какъ-то: епископовъ, сеньоровъ и кон-сеньоровъ, пресбитеровъ или проповѣдниковъ, діаконовъ, эдилей, аколутовъ и т. д. Между этими лицами распредѣлялось веденіе общинныхъ дѣлъ—церковныхъ и гражданскихъ. Первый епископъ братства посвященъ въ этотъ санъ епископомъ мораво-чешскихъ общинъ вальдензовъ. Тѣмъ не менѣе, прямаго и полнаго слитія этихъ двухъ братствъ не послѣдовало. Въ 1535—1548 г., вслѣдствіе стѣсненій и преслѣдованій, до 1,000 братьевъ эмигрировали въ Польшу и Пруссію, гдѣ, на основаніи сандомірскаго договора 1570 г. и постановленія польскаго сейма 1572 г., они слились постепенно съ мѣстными лютеранами и реформатами. Другая часть братьевъ, въ началѣ XVII столѣтія, ушла въ Венгрію и обратилась въ католичество. Въ такомъ положеніи застала братьевъ 30-тилѣтняя война. Несчастный для чехо-моравскихъ протестантовъ исходъ этой войны повелъ въ Моравіи и Чехіи, между прочимъ, почти къ полному истребленію братскихъ общинъ. Съ этого времени скудные остатки послѣднихъ продолжали тамъ свое существованіе только тайно; но мало-по-малу выселяясь въ другія государства, послѣдователи братства, сколько извѣстно, здѣсь вовсе исчезли. Даже епископъ ихъ, Іоганъ-Амосъ Коменіусъ (т. е. Коменскій, мораванинъ, род. 1592, ум. 1671 г.), былъ вынужденъ бѣжать въ Польшу, ставъ въ Лиссѣ во главѣ мѣстнаго братскаго общества. Такіе же бѣглецы, какъ сказано, основали Гернгутъ, въ имѣніи графа Цинцендорфа.

Около того же времени заглохла народная жизнь чехо-мораванъ, и только текущему столѣтію суждено было вызвать ее на новыя заявленія въ пользу попранныхъ правъ своихъ.

Епископъ Коменскій былъ однимъ изъ послѣднихъ ветерановъ чехоморавской народности. Во всей Европѣ онъ пользовался ученою славою и особеннымъ авторитетомъ въ дѣлахъ воспитанія и народнаго образованія. Всѣ лучшія его сочиненія писаны на народномъ чешскомъ языкѣ. Въ виду тогдашняго обыкновенія ученыхъ писать исключительно по-латыни, употребленіе Коменскимъ своего роднаго языка уже само-по-себѣ изобличаетъ основный складъ и задушевныя стремленія автора [1]). Въ его исторіи евангелическаго Общества сохранились свѣдѣнія о вторичной попыткѣ братства проникнуть въ Россію. Онъ повѣтсвуетъ, что въ 1474

---

[1]) Подробныя свѣдѣнія объ этой замѣчательной личности можно найти: «Monatsschrift der Gesellschaft des vaterländischen Museums in Böhmen». 1829. Palazky.

году, «старая братская церковь» отрядила въ разныя стороны четырехъ депутатовъ, съ цѣлью убѣдиться «о состояніи христіанства вообще» и въ томъ именно: существуетъ ли гдѣ свободная отъ ложныхъ ученій церковь, основанная и устроенная строго по ученію Христа и проникнутая жизненностью, дабы можно было братству соединиться съ нею». Но всѣ депутаты, и въ томъ числѣ Маврусъ Гаконецъ, бывшій въ Москвѣ и другихъ славянскихъ земляхъ, возвратились съ отрицательнымъ отвѣтомъ.

Сто лѣтъ спустя, мы въ Россіи снова встрѣчаемъ одного изъ братьевъ, именно: консеньора богемскихъ братьевъ въ Польшѣ, Іогана Рокиту. Въ качествѣ проповѣдника, онъ сопровождалъ посольство короля Сигизмунда-Августа II къ царю Ивану Васильевичу IV. Но попытки Рокиты, найти въ Россіи пріютъ для братства, были тщетны. Наконецъ, въ преданіяхъ сохранились свѣдѣнія о потомкахъ моравскихъ братьевъ, изгнанныхъ около 1481 г. изъ Венгріи и ушедшихъ будто бы чрезъ Трансильванію, Молдавію и Турцію въ Кавказскія горы [1]).

Дальнѣйшія сношенія братства съ Россіею, окончательно установившіяся съ основаніемъ колоніи Сарепты, возвращаютъ насъ въ Гернгутъ. Сюда стали стекаться не только мораво-богемскіе братья, но и послѣдователи другихъ сектъ, подвергавшихся одинаковому съ ними преслѣдованію. Всѣ они равно пользовались покровительствомъ графа Цинцендорфа, и такое безразличіе само-по-себѣ доказываетъ, что церковно-догматическія убѣжденія графа выросли на иной почвѣ, имѣли иной индивидуальный складъ и источникъ. Гернгутская колонія усилилась вскорѣ до того, что наступила надобность организовать ея внутреннее управленіе. Прежде всего предстояло придти къ соглашенію между послѣдователями различныхъ толковъ по дѣламъ вѣры. Подъ непосредственнымъ руководствомъ графа, такое соглашеніе состоялось относительно основныхъ существеннѣйшихъ положеній Христова ученія. Въ тоже время было принято за правило вовсе не касаться тѣхъ «частныхъ» вопросовъ, по которымъ расходились мнѣнія послѣдователей разныхъ толковъ. Но въ числѣ этихъ «частныхъ» вопросовъ былъ и принципъ имущественной общности, т. е. вопросъ, по которому нельзя было бы согласить гернгутеровъ. Сознавая такую невозможность, они оставили этотъ вопросъ нетронутымъ и, такъ сказать, молча ввели у себя порядокъ общинно-церковнаго управленія, примѣняясь къ порядку, который существовалъ у мораво-чешскихъ братьевъ, и какой находимъ въ Сарептѣ.

12 мая 1727 г. всѣ жители Гернгута, и каждый изъ нихъ за себя лично, дали торжественный обѣтъ подчиняться новымъ статутамъ. Та-

---

[1]) Впослѣдствіи, со стороны Сарепты дважды (въ 1768 и 1797 годахъ) были снаряжаемы на Кавказъ особыя экспедиціи для розысканія этихъ братьевъ; но попытки эти кончились ничѣмъ. Равнымъ образомъ Сарепта, съ 1794 г., поддерживала оживленную переписку съ радичевскою общиною. Въ 1811 году Сарептскій старшина Вигандъ даже лично навѣстилъ Радичевъ, а въ 1814 г. старшины послѣдняго, Вальднеръ и Гоферъ, пріѣзжали въ Сарепту. Это сближеніе и теперь не привело къ объединенію обоихъ братствъ, вслѣдствіе того же догматическаго несогласія, воспрепятствовавшаго тому еще въ Чехіи и Моравіи; главнымъ же предметомъ розни оставалось крещеніе младенцевъ, отъ котораго Сарептяне не отступались.

кимъ образомъ было положено начало новаго братскаго Общества, наименовавшагося евангелическимъ. Это Общество допускаетъ въ свою среду послѣдователей трехъ толковъ: моравскаго, лютеранскаго и реформатскаго. Дѣти слѣдуютъ толку своихъ родителей, и вообще переходъ отъ одного изъ этихъ толковъ къ другому ни въ какомъ случаѣ не обязателенъ для членовъ братства, такъ какъ «сущность христіанства заключается вовсе не въ тѣхъ или другихъ церковныхъ и догматическихъ опредѣленіяхъ». Вообще же, братское Общество вовсе не желаетъ считать себя религіозною партіею, въ конфессіональномъ смыслѣ: исключительно, оно не придерживается ни одного изъ существующихъ толковъ или исповѣданій. Особенность свою Общество находитъ въ стремленіи «осуществить истинно-благочестивую жизнь по ученію Спасителя и его апостоловъ».

Новое братство, какъ уже замѣчено, въ отношеніи своего внутренняго общиннаго устройства примѣнилось къ порядкамъ бывшихъ мораво-чешскихъ общинъ. Но имущественная общность, какъ догматъ или принципъ безусловный, была обойдена; коммунальная собственность поставлена въ совершенную независимость отъ личности. Взаимныя имущественныя отношеніи общинной экономіи къ членамъ общины приняты приблизительно тѣ же, какія существуютъ между человѣколюбивымъ капиталистомъ-заводчикомъ и его рабочими. Эти отношенія, ставя повсюду на первый планъ интересы хозяина-капиталиста, въ принципѣ не отрицаютъ однако ни личной собственности вообще, ни возможности различныхъ, по обстоятельствамъ, экономическихъ комбинацій. Но, для полноты и ясности сравненія, необходимо добавить, что братья связаны съ общинною экономіею принципомъ круговой поруки, чего нѣтъ во взаимныхъ отношеніяхъ капиталиста и его рабочихъ. На такихъ основаніяхъ населеніе Гернгута было раздѣлено по поламъ, возрастамъ и другимъ условіямъ, на отдѣльныя корпораціи (Chor), такъ что образовались корпораціи: дѣтская, мальчиковъ, дѣвочекъ, холостыхъ братьевъ, незамужнихъ сестеръ, вдовцовъ и вдовъ. Каждая отдѣльная корпорація получила свое общежительное помѣщеніе и особую экономію (Diaconie), своего попечителя (Chorpfleger), обязаннаго духовнымъ призрѣніемъ и надзоромъ за нравственностью, и старшину (Chorvorsteher), вѣдующаго внѣшними дѣлами и экономіею корпораціи. Въ женскихъ корпораціяхъ эти двѣ послѣднія должности замѣщаются лицами женскаго пола, но въ засѣданіяхъ общинныхъ совѣтовъ мѣсто ихъ заступаютъ лица изъ братьевъ, назначаемыя имъ на этотъ случай въ помощь. Только семейные братья проживаютъ въ частныхъ домахъ; они называются «приватными» (die Privaten) и подчиняются непосредственному надзору главныхъ общинныхъ начальниковъ (Arbeiter). Высшее общинное управленіе (Aeltestenconferenz) составляютъ: 1) общинный попечитель (Gemeinhelfer), который, какъ глава или старшина общества, предсѣдательствуетъ въ засѣданіяхъ конференціи; 2) проповѣдникъ; 3) общинный старшина (Gemeinvorsteher) и 4) корпораціонные попечители и старшины. При конференціи состоитъ коллегія надзирателей (Aufsehercollegium). Къ вѣдѣнію ея отнесены главный надзоръ за продовольственною частью и наружная полиція, а также раз-

бирательство и разрѣшеніе мелочныхъ ссоръ между обывателями. Для совѣщаній по чрезвычайнымъ дѣламъ, коллегія надзирателей, усиливаясь по выбору общины новыми членами, составляетъ общинный совѣтъ.

Въ церковно-іерархическомъ отношеніи, Общество признаетъ: 1) епископовъ; преемственное посвященіе ихъ въ санъ ведется въ неразрывной связи отъ епископовъ прежнихъ мораво-чешскихъ братствъ; только епископъ можетъ совершать посвященіе въ епископскій или другой духовный санъ, но никакой другой власти ему не предоставлено, развѣ онъ сдѣлается членомъ одного изъ учрежденій общественнаго управленія; 2) пресвитеровъ или проповѣдниковъ, состоящихъ при общинахъ, или внѣ ихъ, въ качествѣ миссіонеровъ; и 3) діаконовъ, служащихъ помощниками у проповѣдниковъ, если посвященіемъ уполномочены на совершеніе св. таинствъ.

Не смотря на обстоятельность этого устава, онъ во всемъ объемѣ вступилъ въ дѣйствіе только по смерти графа Цинцендорфа, т. е. послѣ 1760 года. Графу гернгутская община была обязана всѣмъ—и первоначальнымъ матеріальнымъ пособіемъ, и постояннымъ покровительствомъ, и защитою отъ непріязненныхъ дѣйствій извнѣ. Облеченный чрезвычайнымъ званіемъ «ординаріуса», онъ сосредоточивалъ въ своемъ лицѣ высшую власть по всѣмъ частямъ общественнаго управленія. Только на синодальныхъ собраніяхъ 1764 и 1769 годовъ, когда братство считало въ своемъ составѣ, кромѣ Гернгута, уже не мало другихъ подобныхъ общинъ, уставъ былъ пересмотрѣнъ, дополненъ и окончательно введенъ въ дѣйствіе.

Главнѣйшія дополненія устава состояли въ томъ, что для высшаго центральнаго управленія дѣлами всѣхъ общинъ братства установлена особая Дирекція (Unitätsältestenconferenz, Directorium), пребывающая, съ 1789 г., въ Бертельсдорфѣ. Дирекція эта раздѣляется на департаменты: а) попечительства и воспитанія, б) финансовъ и инспекціи, и в) миссіонерства. Во главѣ каждаго департамента стоятъ епископъ, какъ директоръ, и четыре члена-проповѣдника. Члены всѣхъ департаментовъ, подъ предсѣдательствомъ особаго президента-епископа, соединяясь въ общія засѣданія, образуютъ Дирекцію. По всѣмъ важнѣйшимъ дѣламъ братскія общины обязаны испрашивать разрѣшенія центральной Дирекціи. Она же замѣщаетъ должности проповѣдниковъ и главныхъ общинныхъ начальниковъ. Какъ ни обширны полномочія Дирекціи, но и она, какъ власть по преимуществу исполнительная, отвѣтственна предъ Синодальнымъ Собраніемъ, которое и есть высшая представительная власть всего братства. Синоды собираются по мѣрѣ надобности, обыкновенно одинъ разъ въ каждыя 7—12 лѣтъ, состоя изъ членовъ центральной Дирекціи и депутатовъ отъ общинъ и ихъ мѣстныхъ управленій. Синодальные протоколы (Synodalverlass) сообщаются, для свѣдѣнія, всѣмъ общинамъ; предъ закрытіемъ засѣданій, Синодъ производитъ всегда новый выборъ президента и членовъ центральной дирекціи.

Центральная Дирекція заботится о поддержаніи взаимной связи и солидарности между всѣми общинами. Съ этой цѣлью, она издаетъ еженe-

дѣльный журналъ, ежемѣсячные отчеты (Memorabilien) о положеніи дѣлъ всего братства, и годичныя росписанія текстовъ св. писанія (Losungen), для каждодневнаго, въ теченіи года, назиданія въ общинахъ. Эти назиданія совершаются вечеромъ, въ молитвенномъ домѣ, и заключаются въ объясненіи текстовъ св. писанія, въ чтеніи жизнеописанія знаменитыхъ дѣятелей церкви, а равно миссіонерскихъ отчетовъ, въ молитвѣ и пѣніи псалмовъ и гимновъ. По воскреснымъ днямъ, сверхъ того, совершается литургія и произносится проповѣдь. Кромѣ общихъ назиданій и молебствій, совершаются иногда еще частныя молебствія, по корпораціямъ. Общество празднуетъ память разныхъ историческихъ событій, какъ-то: день основанія старыхъ братскихъ обществъ (1-го марта); тотъ же день новаго братства (13-го августа), и день смерти Гуса (6-го іюля). Каждая корпорація имѣетъ свой корпоративный праздникъ. Ежемѣсячно совершается св. таинство причащенія, которому, въ видѣ пріуготовленія, предшествуютъ душеспасительныя бесѣды съ попечителями и, такъ называемая, исповѣдная рѣчь. За нѣсколько часовъ до причащенія св. таинъ, община, по примѣру агаповъ древнеапостольской церкви [1]), совершаетъ такъ называемую, трапезу любви (Liebesmahl), причемъ, съ молебствіемъ и пѣніемъ, разносятъ чай и печеніе. Вновь наступающій годъ встрѣчается въ молитвенномъ домѣ полуночнымъ бдѣніемъ, молитвою и чтеніемъ отчетовъ центральной Дирекціи. Смерть каждаго члена оповѣщается общинѣ съ колокольни трубачами, исполняющими гимнъ, напѣвъ котораго обусловленъ на этотъ случай для каждой корпораціи особо. Траура не бываетъ. Подъ звуки трубъ, тѣло усопшаго, въ свѣтло-выкрашенномъ гробѣ, переносится на кладбище, т. е. въ садъ или паркъ, съ отличными аллеями, клумбами цвѣтовъ и т. д. Утромъ, на зарѣ, въ день Свѣтлаго Воскресенья, вся община, съ хоромъ музыки, отправляется на кладбище и, выражая здѣсь радость и вѣру свою въ воскресеніе Спасителя, молитъ о воспріятіи Имъ въ лоно свое всѣхъ усопшихъ членовъ братства.

Вотъ краткій очеркъ того, что̀, въ главныхъ чертахъ, можно найти во всякой общинѣ евангелическаго братства, не исключая Сарепты. Впрочемъ, въ частности, нѣкоторыя общины имѣютъ свои, несущественныя особенности, вызванныя мѣстными условіями. Поселенія братства раскинуты по всей сѣверной и средней Германіи, во многихъ столичныхъ и другихъ важнѣйшихъ городахъ континентальной Европы. По числу и торговопромышленной дѣятельности своей, особенно значительны колоніи братства въ Англіи (Фульнекъ, Ферфильдъ, Окброкъ и др.); въ Ирландіи (Грацечиль и др.), и въ сѣверной Америкѣ. Въ послѣдней, колоніи братства отличаются наибольшимъ богатствомъ и развитіемъ (Виѳлеемъ, Назаретъ, Литицъ, Салемъ и многіе др.). Въ 1850 г., братство содержало 286 миссіонеровъ въ 70 различныхъ пунктахъ земнаго шара:

---

[1]) «Агапы» назывались въ древнеапостольской церкви вечерняя трапеза христіанской общины по примѣру тайной вечери (1 посл. къ Коринѳ. 11, 20—33). На эти трапезы болѣе состоятельные члены общины, движимые любовью къ ближнему (ἀγάπη), дѣлали приношенія въ пользу нуждавшихся христіанъ.

среди негровъ Западной Индіи, на островахъ св. Өомы, св. Креста, св. Іоанна, Ямайкѣ и многихъ другихъ; среди дикихъ племенъ Канады, Георгіи, Гвіаны, Гренландіи и Лабрадора; среди кафровъ и готтентотовъ мыса Доброй Надежды и т. д. Миссіи братства отличаются отъ миссій другихъ исповѣданій главнымъ образомъ въ томъ, что онѣ допускаютъ къ св. крещенію исключительно такихъ только новообращенныхъ, которые, перемѣною образа жизни и примѣрнымъ поведеніемъ, осязательно заявляютъ объ искреннемъ воспріятіи ученія Христа. Воспріявшихъ св. крещеніе язычниковъ при означенныхъ миссіяхъ считалось, въ 1850 г., болѣе 68,000 человѣкъ; само же братство имѣло въ своемъ составѣ до 11,000 человѣкъ въ Европѣ, и до 7,000 въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ.

Повсюду братья упрочили за собою славу мирныхъ и полезныхъ гражданъ; торгово-промышленныя фирмы братскихъ общинъ пользуются довѣріемъ и кредитомъ, такъ какъ всѣ эти поселенія и миссіонерства обезпечены взаимною, по имуществу, круговою порукою во всѣхъ условіяхъ ихъ существованія, не исключая и тѣхъ торгово-промышленныхъ дѣлъ, которыя ведутся на собственный счетъ общинныхъ экономій.

Вотъ та ассоціація, однимъ изъ членовъ которой представляется намъ наша Сарепта.

Еще въ царствованіе императрицы Елисаветы, графъ Иванъ Чернышевъ приглашалъ братьевъ, въ Гернгутѣ, устроить колонію въ его подмосковномъ имѣніи. Но предложеніе это, по особому синодальному рѣшенію, было отклонено на томъ основаніи, что «не въ обычаѣ братьевъ водворяться на чужбинѣ безъ прямаго согласія, или, даже вопреки прямой воли законнаго правительства». По восшествіи на престолъ Екатерины II, графъ Чернышевъ возобновилъ свое приглашеніе. Но братство, руководясь во всѣхъ своихъ колонизаціонныхъ предпріятіяхъ преимущественно миссіонерскими цѣлями, и на этотъ разъ отклонило предложеніе графа, какъ несовмѣщавшее въ себѣ этого условія. Въ тоже время, Дирекція братства обратила вниманіе на степи низоваго Поволжья. Тамъ, въ губерніяхъ Саратовской и Астраханской, кочевали въ то время, какъ частью и нынѣ, языческія орды киргизъ-кайсаковъ и калмыковъ. Зажечь среди этихъ племенъ свѣточъ христіанства, лучи котораго могли бы проникнуть постепенно на Кавказъ и въ среднюю Азію, — эта цѣль несравненно болѣе, или даже вполнѣ, совпадала съ видами братства, тѣмъ болѣе, что оно справедливо могло надѣяться принести тамъ и себѣ, и краю, существенную пользу, въ качествѣ представителя гражданственности и хозяйственно-промышленной дѣятельности.

Въ октябрѣ 1763 г., двое уполномоченныхъ Дирекціи, епископъ Лайрицъ и братъ Лорецъ, прибыли въ Петербургъ для предварительныхъ переговоровъ о колонизаціи. Они представили императрицѣ, на аудіенціи, подробный отчетъ о положеніи Общества, его установленіяхъ и т. д. Особая коммисія, состоявшая изъ графа Орлова и члена св. синода, новгородскаго митрополита Димитрія, разсмотрѣла этотъ отчетъ во всей подробности, и особенно уставъ братства, въ догматическомъ отношеніи. На основаніи заключенія коммисіи, вполнѣ благопріятнаго для братства,

св. синодъ призналъ, что уставъ и церковное устройство евангелическаго Общества, въ догматическомъ и дисциплинарномъ отношеніяхъ, примѣняются болѣе или менѣе къ порядкамъ первоначальныхъ христіанскихъ общинъ. Такимъ образомъ устранилось главное препятствіе для переговоровъ, и успѣхъ ихъ казался несомнѣннымъ, тѣмъ болѣе, что правительство безъ затрудненія высказывало готовность даровать братству всевозможныя политическія и гражданскія гарантіи. Но уполномоченные, опираясь на § 6 п. 1-й всемилостивѣйшаго манифеста 1763 г., стали указывать на миссіонерскую дѣятельность среди калмыковъ, кавказскихъ горцевъ и среднеазіатскихъ народовъ, какъ на главнѣйшую колонизаціонную цѣль Общества. Они выговаривали себѣ положительное право на такую дѣятельность, со включеніемъ о томъ въ условія договора. Это требованіе возбудило новое затрудненіе: святѣйшій синодъ настаивалъ на томъ, чтобы братьямъ положительно была воспрещена всякая миссія, даже среди инородцевъ. Съ другой стороны, уполномоченные Лайрицъ и Лорецъ, руководствуясь своей инструкціею, заявили не менѣе рѣшительно, что безъ послѣдняго права они не могутъ принять и предложенныхъ имъ политическихъ и гражданскихъ льготъ и привилегій.

Это разногласіе едва не привело къ перерыву дальнѣйшихъ переговоровъ. Но получивъ словесное увѣреніе, что «братьямъ нечего опасаться препятствій къ обращенію язычниковъ, такъ какъ ея величеству весьма желательно просвѣтить ученіемъ Христовымъ всѣхъ языческихъ подданныхъ своихъ», уполномоченные убѣдились, что въ договоръ съ Обществомъ не будетъ включено ни дозволенія, ни прямаго воспрещенія миссіонерской дѣятельности. Въ этомъ они увѣрились окончательно изъ именнаго указа 11-го февраля 1764 г., въ которомъ сообщалось во всеобщее свѣдѣніе заключеніе св. синода о догматическомъ ученіи Общества и его уставахъ и разрѣшалось братьямъ поселеніе во всей имперіи, съ правомъ свободно отправлять свою вѣру и принимать присягу по своимъ обычаямъ.

Однако ни уполномоченные, ни сама Дирекція Общества не находили себя въ правѣ заключить окончательный договоръ съ правительствомъ, и потому предварительныя условія были предложены на разрѣшеніе состоявшагося, въ томъ же 1764 г., синодальнаго собранія. Послѣднее, одобривъ мысль объ учрежденіи между Астраханью и Царицынымъ центральнаго, для язычниковъ того края, миссіонерскаго поста, для заключенія съ нашимъ правительствомъ окончательнаго договора, назначило брата-магистра Петра Конрада Фриса, снабдивъ его инструкціею и полною довѣренностью, а гражданскимъ и духовнымъ старшиною новаго поселенія опредѣлило брата-пресвитера Даніэля Генриха Фика.

Переговоры агента Фриса чрезвычайно интересны какъ по сущности дѣла, такъ, въ особенности, и по дипломатической ловкости, съ которой онъ велъ ихъ. Исходною точкою переговоровъ служили указъ 11 февраля 1764 г. и прошеніе Фриса, поданное на высочайшее имя. Во-первыхъ, агентъ ходатайствовалъ [1]), чтобы по землѣ, которая имѣла быть пожа-

---

[1]) Полн. Собр. Зак. Т. XVII, 1765 г., № 12411.

лована братскому Обществу, оно пользовалось «всѣми правами, вольностями и преимуществами въ равномъ совершенствѣ, какъ пользуются своими землями другіе свободные владѣльцы имперіи»; именно, чтобы никто другой, кромѣ «братьевъ евангелическаго Общества»; владѣть его землею не могъ, само же Общество было въ правѣ: а) дѣлить и дробить свою землю «по собственному его учрежденію», съ однимъ лишь обязательствомъ — платить казнѣ «поземельныя или поголовныя деньги»; б) строить на своей землѣ города, села и деревни, «какъ братья сами, для наилучшей для себя пользы, заблагоразсудятъ, а также церкви съ колокольнями и колоколами, публичныя училища», и «такіе домы, гдѣ по духовному ихъ обряду чинить имъ пристойныя распоряженія и содержать не только молодыхъ дѣтей, но и взрослыхъ мужескаго и женскаго пола мѣщанъ (Bürger — гражданинъ)—каждый полъ особо—въ общемъ домостроительствѣ, до времени вступленія ихъ въ бракъ»; в) пользоваться гражданскими правами «безъ всякаго изъятія и съ полною свободою», именно: производить «мѣщанскіе промыслы, торговлю, всякое ремесло и художество»; заводить фабрики и мануфактуры; варить пиво и курить вино для своего употребленія; строить мельницы, пользоваться рыболовными водами и охотою на звѣрей и птицъ, рубить лѣсъ» и т. д. За всѣ эти права агентъ, именемъ своего Общества, обязывался «платить всѣ, по справедливости, налагаемыя подати, только бы оныя назначены были нынѣ, ибо ни на что неизвѣстное братья поступить не памѣрены». Всѣ изложенныя права правительство утвердило за братствомъ, съ условіемъ, чтобы оно «ни малѣйшей части» данной ему земли, никому изъ постороннихъ, не принадлежащихъ къ Обществу людей, не продавало и ни подъ какимъ видомъ не уступало, и чтобы братья платили подати, «изображенныя въ 12-мъ артикулѣ» [1]), употребляли хлѣбное вино «единствен-

---

[1]) 12-й артикулъ: § 1) въ разсужденіе того, что братья евангелическаго общества намѣрены поселиться особыми мѣстечками, или колоніями, то, по силѣ публикованнаго о иностранныхъ манифеста 6 артикула 2 пункта, отъ всѣхъ податей, какъ поселянскихъ, такъ и мѣщанскихъ, увольняются 30 лѣтъ, считая отъ времени пріѣзда ихъ на мѣсто поселенія; а какъ люди сіи назначиваютъ только извѣстное количество земли для всѣхъ своихъ поселянъ вообще, не объявляя числа оныхъ, и просятъ притомъ, чтобъ все взыскиваемо было отъ начальниковъ колоніи, а не отъ каждаго порознь, то и слѣдуетъ счислять льготные годы отъ построенія перваго ихъ поселенія, а время сіе опредѣляется, по ихъ прошеніямъ, остатокъ нынѣ текущаго и весь будущій 1766 г., слѣдовательно льготные годы начнутся съ 1767 г. января 1 числа; подати же въ Россіи поселянскія, общія съ гражданскими, и гражданскія особливо суть слѣдующія: 1) Подушныхъ съ каждаго мужскаго пола человѣка въ годъ по 70 к.; 2) оброчныхъ по 1 р. 50 к. съ души; но отъ сей подати братья евангелическаго общества, яко граждане, въ разсужденіе платимыхъ по купечеству и фабрикамъ пошлинъ и происходящей отъ того пользы, увольняются; 3) за поставку рекрутъ деньгами, полагая поборъ сей какъ съ посредственнаго числа и времени со 120 душъ чрезъ пять лѣтъ, за каждаго рекрута 150 руб., за драгунскую лошадь 45 руб.. а за подъемную 30 руб., да вмѣсто платья рекрутскаго, обуви, провіанта, фуража и соли, съ души по 20 коп въ. годъ, а всего сихъ общихъ податей учинить съ каждой мужскаго пола души на годъ по 1 р. $27^1/_2$ к.; какъ высочайшимъ указомъ единожды уже повелѣно иностранцамъ удобной земли давать на каждую семью противъ однодворцевъ по 30 дес.; въ каждомъ же однодворческомъ дворѣ считается мужскаго пола 4 души, *слѣдовательно*, съ такого участка, т. е. съ каждыхъ 30 дес. земли, по прошествіи льготныхъ лѣтъ, *должна будетъ колонія* братскаго евангелическаго общества *платить въ казну* по 5 р. 10 к. въ годъ, а со всей имъ въ дачу произведенной удобной земли, что по исчисленію причтется; 4) всѣ россійскіе купцы платятъ въ казну подушныхъ денегъ по 1 р. 20 к. съ души въ годъ, поселяне же только по 70 к.; слѣдовательно, излишнія 50 к. берутся съ нихъ за право гражданское; а какъ въ каждую фамилію, по посредственной пропорціи, для избѣжанія многихъ

но въ своихъ селеніяхъ, не вывозя ничего и ни подъ какимъ видомъ изъ-за границъ дачной земли своей; виноградныя же вины, вишневые и прочіе сему подобные напитки, неналивные хлѣбнымъ виномъ, но перегонные въ клейменый кубъ, могутъ брать и съ собою въ дорогу, для собственнаго же своего только употребленія». Во-вторыхъ, Фрисъ просилъ присвоить каждому городу, селу и деревни братства право «учреждать внутреннюю свою полицію и правленіе по ихъ благоизобрѣтенію, съ тѣмъ, чтобы воинскимъ и гражданскимъ управленіямъ отнюдь не вступаться ни въ какія ихъ распоряженія, договоры, наслѣдства, завѣщанія, опекунскія и прочія, сему подобныя дѣла; но они сами имѣютъ избирать

трудностей, 4 души полагать опредѣлено, о чемъ и выше сказано, *то*, по содержанію извѣстнаго о иностранныхъ манифеста 8 артикула, *повинны будутъ братья* евангелическаго общества, по прошествіи льготныхъ лѣтъ, *платить въ казну*—съ каждыхъ 30 дес. по 2 р. въ годъ за право гражданское; но какъ агентъ Фрисъ, въ канцеляріи опекунства иностранныхъ, прося объ убавкѣ сихъ податей, словесно въ резонъ представилъ, коимъ образомъ не малая часть жителей заводимаго селенія по главному ихъ намѣренію работать будутъ на фабрикахъ, не пользуясь въ самомъ дѣлѣ правомъ гражданскимъ, и что по сему обстоятельству оказана имъ будетъ справедливость, когда работники ихъ фабричные освобождены будутъ отъ податей за такое преимущество, коимъ они пользоваться не могутъ; *въ разсужденіе чего платить имъ за право гражданское съ каждаго участка* вмѣсто 2 р., *по 1 р. 40 к. въ годъ, да сверхъ того*, послѣ льготныхъ же лѣтъ, *платить они должны* по рублю съ каждыхъ 30 дес. *за увольненіе ихъ отъ всѣхъ* земскихъ службъ, постоевъ, дачи, вмѣсто ямскихъ, уѣздныхъ лошадей и всякихъ случайныхъ поставокъ и чрезвычайныхъ подмогъ; *и такъ обоего рода податей обязана* будетъ *колонія* братскаго евангелическаго общества *платить*, по прошествіи 30 льготныхъ лѣтъ, *ежегодно за каждыя 30 дес. удобной земли по 7 р. 50 к., а за одну десятину причтется 25 к;* что же принадлежитъ до портовой и пограничной съ товаровъ пошлины, то оное оставляется на основаніи манифеста; ибо сіи доходы совсѣмъ другаго рода, нежели помянутыя подати.

§ 2. Прошлаго 1763 г. декабря 15 дня, именнымъ указомъ повелѣно: со всѣхъ вѣдомства мануфактуръ-коллегіи на фабрикахъ登 становъ съ каждаго брать по 1 р., а съ прочихъ фабрикъ, на которыхъ становъ нѣтъ, положить съ употребляемаго капитала по одному проценту; *вслѣдствіе сего обязана* и будущая *колонія* братскаго евангелическаго общества *платить въ казну*, по прошествіи льготныхъ лѣтъ, *съ каждаго стану по рублю въ годъ, а за такія фабрики, на которыхъ становъ нѣтъ, съ употребляемаго на оные капитала по одному проценту, а объявленіе объ употребляемомъ капиталѣ оставляется на ихъ вѣру.*

§ 3. *Со всѣхъ мельницъ, кромѣ пильныхъ, которыя отъ всякихъ оброковъ освобождаются, платить въ казну*, по прошествіи льготныхъ лѣтъ, *точно такіе оброки, какіе берутся съ мельницъ прочихъ россійскихъ подданныхъ.*

§ 4. За рыбныя ловли въ такихъ водахъ, которыя отдаются на откупъ, или состоятъ на оброкахъ, напередъ ничего подлиннаго назначить не можно; но *братья евангелическаго общества*, какъ скоро поселятся въ Россіи, то, *яко вѣрноподданные Императорскаго Величества, получатъ и право пользоваться рыбными ловлями на такомъ же точно основаніи, какъ и прочіе вѣрноподданные, но безъ льготныхъ лѣтъ.*

§ 5 Извѣстно, что винная продажа составляетъ знатную часть государственныхъ доходовъ; то, кажется, справедливо, чтобъ и отъ выѣзжающихъ въ Россію на поселеніе иностранцевъ, чрезъ употребленіе ими вина, приносима была также казнѣ прибыль, какъ и отъ прочихъ россійскихъ подданныхъ; а хотя селеніямъ евангелическаго общества, *въ разсужденіе чаямой отъ нихъ особливой пользы въ приращеніи мануфактуръ, фабрикъ и коммерціи*, и дается дозволеніе курить вино для собственнаго своего употребленія, однакожъ не вовсе исключительно отъ умноженія сихъ государственныхъ доходовъ, но съ посредственною между дворянствомъ и прочими нижняго состоянія людьми льготою, а именно: *кубовъ имѣть имъ можно сколько похотятъ, но дѣлать ихъ одинакою мѣрою въ 6 ведеръ, а казаны въ 12 ведеръ*, которые ежегодно, или конечно чрезъ 2 года, клеймить въ Астраханской губернской канцеляріи, *а въ казну платить за сію привиллегію съ того времени, какъ заклеймены будутъ кубы и казаны, каждый годъ за кубъ по 75, а за казаны по 175 р.*

§ 6. По указу Императорскаго Величества 1763 г., должны всѣ, живущіе въ городахъ, отъ мала до велика платить въ казну за вареніе пива съ каждой четверти хлѣба по 20 к.; *слѣдовательно, и братья евангелическаго общества обязаны платить по стольку же, объявляя о числѣ употребленнаго на вареніе пива и полпива хлѣба*, по прошествіи каждаго года, въ Астраханской губернской канцеляріи, *что также оставляется на ихъ совѣсть.*

между собою такихъ людей, которымъ поручено будетъ учредить полицію, содержать добрый порядокъ и чинить судъ и расправу по гражданскимъ россійскаго государства узаконеніямъ, подъ единственнымъ надзираніемъ мѣстнаго губернатора». Это условіе было равнымъ образомъ узаконено, и постановлено, что выморочныя имѣнія умершихъ братьевъ «оставляются въ общую пользу всей колоніи», но съ тѣмъ, что начальникъ общества обязанъ уплатить изъ общественныхъ суммъ всѣ долги умершаго. Втретьихъ, наконецъ, правительство узаконило еще слѣдующія заявленія агента: а) на земляхъ братства никому изъ стороннихъ не возводить какихъ бы то ни было строеній, «не исключая ни харчевень, ни кабаковъ, ни соляныхъ анбаровъ, и ничего не заводить, ниже селиться тамо и жительствовать»; только общество имѣетъ право: россійскихъ подданныхъ допускать для работъ въ колоніи по паспортамъ, а изъ «такихъ вольныхъ людей, кои какъ по рожденію своему, такъ и отъ всякихъ обязательствъ свободны, принимать къ себѣ кого похотятъ и отпускать отъ себя—кого заблагоразсудятъ, не давая въ томъ отчета никому; всѣмъ же поселянамъ, наслѣдникамъ и дальнему потомству ихъ имѣть всегда свободу и власть имѣніе свое употреблять по своей волѣ и выѣзжать изъ областей россійскихъ, когда пожелаютъ, и брать съ собою, куда бы они не поѣхали, все свое имѣніе, отдавая въ казну изъ нажитаго въ Россіи: кто жилъ отъ 1 до 5 лѣтъ—пятую, отъ 5 до 10 и далѣе лѣтъ—десятую часть»; б) братьямъ всегда, когда ни пожелаютъ, выдавать паспорты какъ для проѣздовъ внутри имперіи, такъ и для выѣзда за границу; в) «никого изъ братьевъ, кои поселятся нынѣ и впредь въ областяхъ россійскихъ, ниже дѣтей ихъ и потомковъ, не брать никогда противъ воли ихъ ни въ военную, ни въ гражданскую службу; также отъ городовъ ихъ, отъ селъ и отъ деревень и всякаго ихъ жительства не требовать никогда ни квартиръ для солдатъ, ни рекрутъ, ни подводъ, ниже иной какой поставки»; при чемъ Фрисъ пояснялъ, что уставъ Общества ни подъ какимъ видомъ не дозволяетъ братьямъ содержать какіе либо постои, «отъ чего они отъ всѣхъ державъ, подъ защищеніемъ которыхъ находятся, освобождены и въ прошлую тяжкую войну отъ воюющихъ государей отъ того уволены были; содержаніе же ямовъ вовсе на себя принять не намѣрены»; г) всѣмъ поселяющимся въ Россіи братьямъ даровать 30-ти-лѣтнюю льготу отъ податей; вообще же «не требовать ничего и ни отъ кого изъ братьевъ ихъ Общества особо, а единственно отъ всегдашнихъ начальниковъ ихъ, а они уже будутъ всѣ подати платить въ свое время и гдѣ надлежитъ»; д) на первоначальное устройство и обзаведеніе колоніи отпустить потребные матеріалы, мастеровыхъ людей для постройки домовъ и денежную безпроцентную ссуду, съ обязательствомъ уплаты этой ссуды, по прошествіи со дня полученія ея 10-ти лѣтъ, въ три года по равнымъ частямъ; и е) содержать въ С.-Петербургѣ одного изъ братьевъ «въ чинѣ агента», который имѣлъ бы попеченіе обо всемъ, касающемся пользъ колоніи, и право представительства Общества какъ предъ канцеляріею опекунства иностранныхъ, такъ и «персонально», предъ Императорскимъ Величествомъ; дому же, въ которомъ будетъ жить агентъ, пре-

доставить всѣ преимущества, присвоенныя церковнымъ домамъ протестантскаго исповѣданія.

Всѣ изложенныя условія вошли въ выданную Обществу 27-го марта 1767 г. [1]) особую всемилостивѣйшую грамоту. Но законъ этотъ сохранялъ полную силу только въ теченіи 30-ти льготныхъ лѣтъ, т. е. за то только время, когда статьи его, касавшіяся фискальныхъ обязательствъ поселенцевъ, были парализованы льготою и не могли имѣть практическаго значенія. Данная, въ 1797 г., колоніи Сарептѣ новая грамота, дѣйствующая и по настоящее время, измѣнила весьма существенно вышеприведенный договоръ 1765 г. Поэтому, отлагая до времени ближайшее сопоставленіе этихъ двухъ актовъ, ознакомимся предварительно съ ходомъ колонизаціоннаго дѣла, предпринятаго евангелическимъ братствомъ при такихъ благопріятныхъ для него условіяхъ.

Еще въ томъ же іюнѣ 1765 г., прибылъ въ С.-Петербургъ, а затѣмъ, въ августѣ, и въ Саратовскую губернію, первый транспортъ братьевъ, подъ руководствомъ брата Вестмана. Ему дано было порученіе окончательно избрать мѣсто для поселенія и исполнить первоначальныя работы по учрежденію новой колоніи. Ни женщинъ, ни дѣтей въ составѣ этого транспорта не имѣлось. Изъ Саратова мѣстный воевода откомандировалъ съ братьями землемѣровъ и казачій конвой, и въ такомъ сообществѣ они прибыли въ Царицынъ. На югъ отъ этого города, по указаніямъ Дирекціи, слѣдовало избрать пожалованную Обществу землю.

Осматривая край, братья пришли было въ уныніе. Особенно смутило ихъ его безлѣсіе и маловодность. Они ожидали встрѣтить, какъ въ Америкѣ, дѣвственные лѣса, вырубка которыхъ доставляла бы строительный матеріалъ и топливо; рѣку и проточныя воды, способныя для ирригаціи и другихъ хозяйственныхъ цѣлей. Наконецъ, послѣ нѣкотораго колебанія, мѣсто поселенія было избрано въ 28-ти верстахъ ниже гор. Царицына, при впаденіи въ Волгу р. Сарпы или Сарефы, по обѣ стороны которой и побережью р. Волги нарѣзана земельная дача колоніи Сарепты, въ количествѣ 4,443 удобныхъ и 11,378 неудобн. десят. Въ отводъ этотъ вошелъ островъ при устьѣ Сарпы, пространствомъ въ 1,000 дес. съ сѣнными покосами и лѣсомъ. Мѣсто колоніи состоитъ подъ 48° 31′ сѣверной широты и 62° 13′ восточной долготы, на большой почтовой дорогѣ въ г. Астрахань, въ верстѣ отъ устья Сарпы, при подошвѣ Эргеней, горнаго кряжа, достигающаго около Сарепты до 400 фут. высоты и образующаго водораздѣлъ между Дономъ и Волгою, съ ихъ притоками. Начинаясь выше г. Царицына, Эргени слѣдуютъ сперва по берегу Волги до самой Сарепты, поворачиваютъ отсюда на западъ и тянутся далѣе на югъ почти подъ прямымъ угломъ, окамляя такимъ образомъ «калмыцкую степь» [2]), свойства которой вполнѣ раздѣляетъ сарептская земельная дача въ отношеніи климата, почвы и вообще культурныхъ условій.

---

[1]) Пол. Собр. Зак. 1767 г. № 12,852.

[2]) Подробное описаніе этой степи читатель найдетъ въ изданіи министерства государственныхъ имуществъ: «Калмыцкая степь» и т. д. 1868 г.

Наименованіе «Сарпа» привела нашимъ колонистамъ на память третью кн. царей, гл. XVII, ст. 9, о томъ, какъ пророкъ Илія былъ посланъ Богомъ «чрезъ пустыню въ мѣстечко Сарепту» увѣрить сидонскую вдовицу, что «мука въ ея водоносѣ не оскудѣетъ и чванецъ элея ея не умалится». Мысль эта оказала не малое вліяніе на рѣшимость братьевъ при избраніи мѣста поселенія; она выразилась и на печати сарептскаго общества, въ полѣ которой изображены сосудъ и колосья съ одной стороны, а съ другой — масличное дерево и, подъ тѣнью его, элейная кружка.

Въ исходѣ августа, прибылъ по Волгѣ плотъ казеннаго лѣса, отпущенный на первоначальное устройство колоніи, и, не теряя времени, братья приступили къ постройкѣ временныхъ жилыхъ и хозяйственныхъ помѣщеній, распланировали усадьбу колоніи, устроили запруду на Сарпѣ, огородъ и въѣздъ съ Волги, сдѣлали засѣвъ озимой ржи, и подняли часть степи для яровыхъ посѣвовъ. Дальнѣйшія работы пріостановила зима, которую провели на мѣстѣ только 6 братьевъ, подъ охраною 6 солдатъ и 2 казаковъ.

Тѣмъ временемъ, центральная Дирекція, устроивъ оффиціальное агентство въ Петербургѣ, пріобрѣла и въ Москвѣ домъ для подобной же, но частной, агентуры братства. Въ Сарепту былъ отправленъ новый транспортъ братьевъ и сестеръ, который, въ числѣ 51 человѣка, прибылъ туда въ сентябрѣ 1766 г.

Всѣ члены поселенія, считаясь какъ-бы въ услуженіи братства, получали за свои работы опредѣленную плату, и за плату же, по таксѣ, пользовались всѣми жизненными потребностями изъ общинныхъ заготовленій. Въ 1768 г., когда возведены были необходимые общежительные и частные дома, все населеніе размѣстилось въ нихъ корпоративно; по правиламъ общества, каждая корпорація получила свое особое хозяйство и опредѣленныя занятія. Такимъ образомъ, на первыхъ же порахъ, устроились въ корпораціяхъ мастерства: портняжное, сапожное, башмачное, столярное, плотничное, кузнечное, горшечное и пекарное. За счетъ общинной экономіи былъ открытъ магазинъ; въ связи съ нимъ состояли зачатки табачной фабрики, гостинницы, съ постоялымъ дворомъ, и кандитерской, съ пряничнымъ печеньемъ. Осенью того же 1768 г., въ январѣ и ноябрѣ 1769 г., прибыли еще три транспорта, въ числѣ до 160 братьевъ и сестеръ, такъ что все населеніе колоніи образовало уже болѣе 200 обоего пола душъ.

Съ этого времени община начала видимо упрочивать и улучшать свой матеріальный бытъ. Къ упомянутымъ мастерствамъ и промысламъ присоединились заводы свѣчной и кожевенный, красильня и бойня. Табачная фабрика устроилась вполнѣ, и всѣ издѣлія и производства Сарепты находили удобный сбытъ, возраставшій изъ года въ годъ, въ особенности на мѣстѣ, среди калмыцкихъ ордъ. Далѣе, подъ фирмою и за счетъ общинной экономіи, постепенно были учреждены торговые склады и магазины въ главныхъ городахъ и мѣстечкахъ низоваго Поволжья, а также въ Москвѣ и Петербургѣ. Напротивъ того, хлѣбопашественное хозяйство, какъ равно скотоводство въ большихъ размѣрахъ, оказались убы-

точными: первое, по случаю частыхъ засухъ и слабосилія почвы, а второе—по невозможности выдержать конкурренцію съ калмыками. Поэтому, обѣ эти отрасли были ограничены въ размѣрахъ одного фольварковаго хозяйства. Болѣе успѣшными оказались табаководство и садоводство—плодовое и виноградное, которыми братья и занялись усердно.

По мѣрѣ улучшенія общиннаго хозяйства, прежнія деревянныя строенія замѣнялись каменными изъ жженаго кирпича. Первыми такими зданіями были корпуса, возведенные въ 1769 г. для гостинницы, съ номерами, и въ 1771 г. женскіе корпораціонные корпуса и зданія винокуреннаго завода, съ конюшнями для откармливанія скота. Кромѣ того, общество выстроило деревянный молитвенный домъ, и изъ-за нѣсколькихъ верстъ провело въ колонію родниковую воду, съ устройствомъ на церковной площади фонтана. Вездѣ, около домовъ, на площади и особенно на кладбищѣ, разводились во множествѣ всякихъ породъ деревья, кустарники и цвѣтники.

Но не безъ тревогъ и серьозныхъ опасностей упрочивалась и развивалась Сарепта. Правда, сношенія ея съ калмыками были самыя оживленныя; послѣднихъ можно было встрѣтить здѣсь повседневно, особенно въ лѣтніе мѣсяцы, когда Орда прикочевывала и становилась въ сосѣднихъ степяхъ. Въ самой колоніи, или же въ собственныхъ становищахъ, дикари эти вели себя дружески, надоѣдая только выпрашиваніемъ разныхъ подарковъ. Но другое дѣло въ степи; тамъ нельзя было встрѣтиться съ ними безнаказанно. Равнымъ образомъ не признавали калмыки границъ владѣнія, и, нисколько не стѣсняясь, травили сарептскія хлѣбныя поля и сѣнные покосы, истребляли лѣсъ и т. п. Вслѣдствіе жалобъ общества и по настояніямъ правительства, Сарепта получила отъ хана особую охранительную грамоту. Но мало помогла эта грамота. Только благодаря благосклонности одного изъ калмыцкихъ зайсанговъ, Сарепта достигла болѣе дѣйствительной защиты отъ вторженій въ ея владѣнія. Тохмутъ—такъ именовался этотъ зайсангъ—принадлежалъ къ Дербетской или Малой Ордѣ, кочевавшей въ то время по правому берегу Волги, тогда какъ Ханская, или Большая Орда пребывала на той сторонѣ рѣки и переходила ее только изрѣдка. Тохмутъ полюбилъ Сарепту со времени излеченія его однимъ изъ братьевъ отъ тяжкой болѣзни; онъ постоянно ограждалъ колонію отъ разныхъ злоумышленій своихъ соплеменниковъ, дѣлавшихъ хищническіе набѣги даже на лежащія далеко къ сѣверу нѣмецкія колоніи. Отсюда калмыки угоняли скотъ, а въ 1768 г. похитили даже нѣсколько человѣкъ колонистскихъ дѣтей. Въ слѣдующемъ году, послѣ возвращенія ордынцевъ изъ похода противъ кубанскихъ татаръ, между ними обнаружилось сильное броженіе, особенно среди главнѣйшаго потребителя сарептскихъ произведеній—Большой Орды, проходившей въ теченіи безъ малаго цѣлой недѣли чрезъ Сарепту, переправляясь обратно за Волгу. Въ январѣ 1771 г. Тохмутъ прискакалъ предупредить братьевъ, что Большая Орда рѣшилась бѣжать изъ Россіи въ Азію, приглашала съ собою и Дербетскую и ждетъ только замерзанія Волги, чтобы предъ уходомъ своимъ раззорить и разграбить города и селенія по обѣ стороны рѣки. Братство тотчасъ донесло объ этомъ, по эстафетѣ, въ Царицынъ

и Астрахань; но едва-ли бы правое побережье, и въ томъ числѣ Сарепта, избѣгли грозившей опасности, еслибъ, къ счастію, Волга не оставалась въ тотъ годъ вскрытою долѣе обыкновеннаго, а Орда, провѣдавъ о распоряженіяхъ къ пріостановленію ея, не поднялась ранѣе предположеннаго срока. Раззоривъ одинъ лѣвый берегъ, Орда еще въ томъ же январѣ поспѣшила удалиться за Яикъ.

Такимъ образомъ прежняя жизнь низоваго Поволжья неожиданно и сразу пришла въ параличное состояніе. Обстоятельство это отразилось, конечно, и на процвѣтаніи Сарепты, торговля которой только съ трудомъ могла оправиться отъ этого удара. Оставалась, правда, Дербетская Орда; но она была малочисленна и бѣдна. Ко всему этому *присоединились набѣги кавказскихъ племенъ*, большіе отряды которыхъ, особенно во время нашихъ войнъ съ Турціею, *доходили не одинъ разъ* (въ 1769 и 1771 годахъ) даже до окрестностей Сарепты. Въ тоже время образовывались по Волгѣ вооруженныя шайки рѣчныхъ разбойниковъ въ 100 и болѣе человѣкъ [1]), а по лѣвому берегу Волги стали набѣгать киргизъ-кайсацкіе барантовщики.

При такихъ условіяхъ, общество, еще съ осени 1768, приступило на свой счетъ къ укрѣпленію мѣстечка. Подъ руководствомъ даннаго отъ правительства инженера, оно окопалось съ трехъ открытыхъ сторонъ глубокими рвами и обнеслось валомъ, съ палисадами и 6-ю батареями. Изъ Царицына, подъ начальство мѣстнаго старшины, прибыли *12 орудій* съ прислугою, и прежній гарнизонъ былъ усиленъ еще 20-ю строевыми нижними чинами.

Такимъ образомъ Сарепта обратилась въ маленькую крѣпость, что легло однако не малымъ бременемъ на общинную экономію. Среди такихъ тревожныхъ внѣшнихъ условій, внутренняя организація Сарептскаго общества не могла, конечно, установиться безусловно по образцу заграничныхъ общинъ братства. Необходимость отступленій должна была отразиться прежде всего на общинной экономіи. Одна изъ важнѣйшихъ заботъ общиннаго начальства состояла, между прочимъ, въ томъ, чтобы обезпечить казнѣ возвратъ въ свое время ссуднаго, по водворенію, долга. Еще до наступленія времени срочныхъ платежей, было постановлено образовать особый фондъ, съ тѣмъ, чтобы можно было погасить этотъ долгъ, по желанію правительства, или сразу — внесеніемъ капитальной суммы долга, или процентами съ фонда, въ видѣ установленныхъ срочныхъ уплатъ. Въ этихъ видахъ, часть ремесленныхъ производствъ, производившихся до того времени за счетъ общинной экономіи, была передана въ собственность отдѣльныхъ личностей изъ «приватныхъ», съ отчисленіемъ на нихъ, соотвѣтственно оцѣночной стоимости каждаго промысла или ремесла, части казеннаго долга, и съ обязательствомъ вносить въ общинную кассу по 6% съ этой суммы на составленіе фонда пога-

---

[1]) Въ 1773 г. была взята около Царицына шайка въ 60 человѣкъ; но еще въ томъ же году образовалась новая, болѣе 100 человѣкъ, имѣвшая свой станъ въ 10 верстахъ ниже Сарепты, на одномъ изъ волжскихъ острововъ; она владѣла между прочимъ шлюпками съ пушками и т. д.

шенія. Корпораціи братьевъ и сестеръ, по ихъ производствамъ, были поставлены въ такія же отношенія къ общинной экономіи. Такимъ образомъ, къ 1769 г. оставались собственностью общины: фольварковое хозяйство, торговый магазинъ, табачная фабрика, свѣчной и кирпичный заводы, лѣсопильная и мукомольная мельницы на Сарпѣ. Сюда же, какъ увидимъ ниже, присоединились впослѣдствіи еще нѣкоторые другіе промыслы. Во главѣ каждаго общиннаго производства стояли мастера изъ братьевъ, на жалованьѣ; доходы же обращались, съ одной стороны, на образованіе вышеупомянутаго фонда погашенія по извѣстному уже разсчету, а съ другой, на покрытіе общиннаго бюджета, въ пользу котораго поступала еще *личная со всѣхъ взрослыхъ работниковъ подать, соразмѣрявшаяся съ потребностями* общины, т. е. съ балансомъ приходо-расходной общинной сметы.

Во главѣ общиннаго управленія стояли: епископъ Ничманъ, съ 1766 года соединявшій въ своемъ лицѣ высшую власть по всѣмъ дѣламъ внутреннимъ и внѣшнимъ, а также духовное попечительство о «приватныхъ» т. е. семейныхъ членахъ; и братъ Даніилъ Фикъ, въ качествѣ «форштегера» или старшины, являвшійся представителемъ общины собственно во внѣшнихъ дѣлахъ, въ сношеніяхъ съ властями и правительствомъ; онъ же завѣдывалъ внутреннею юрисдикціею и полиціею, а братья Гассе и Вестманъ, въ качествѣ помощниковъ, общинною экономіею — каждый отдѣльною частію. Въ томъ же родѣ были организованы управленія корпоративныя. И вообще засѣданіе этихъ должностныхъ лицъ, подъ предсѣдательствомъ епископа, составляло совѣтъ старшинъ (Aeltestenconferenz). Въ болѣе важныхъ случаяхъ приглашались въ совѣтъ, по экономическимъ вопросамъ, до 25 выборныхъ отъ общины, а по вопросамъ церковнаго и нравственнаго благочинія — корпораціонные духовные попечители. Для ближайшаго завѣдыванія дѣлами по надзору за частною жизнію братьевъ и по контролю корпоративныхъ экономій, состояла особая коллегія надзирателей, приговоры которой приводились въ исполненіе неиначе, какъ съ разрѣшенія общиннаго совѣта. Она же объявляла новые законы, указы и предписанія правительства. По званію члена коллегіи, никакого вознагражденія или жалованья не производилось.

Юрисдикціею въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, особенно по спорамъ и искамъ между братьями и лицами сторонними, вѣдало и вѣдаетъ до настоящаго времени правленіе общества, состоящее изъ форштегера или старшины, юстиціаріуса и двухъ (впослѣдствіи трехъ) засѣдателей.

Всѣ эти должности и управленія снабжались спеціальными инструкціями, утвержденными всей общиною и центральною дирекціею, а копіи съ нихъ были сообщаемы, для свѣдѣнія, правительству.

Въ 1772 и 1773 годахъ, для народившагося уже въ Россіи поколѣнія, были открыты первыя два училища — одно для мальчиковъ, другое для дѣвочекъ. Въ 1774 году, состоялась первая формальная визитація или ревизія общины со стороны Гернгута. Послѣдній поддерживалъ самую оживленную связь съ Сарептою при посредствѣ столичныхъ агентовъ, визитацій со стороны центральной Дирекціи, постоянныхъ прі-

ѣздовъ въ Россію новыхъ братьевъ и возвращенія другихъ обратно за границу.

Существованіе общества могло считаться вполнѣ обезпеченнымъ; оставалось только ожидать внѣшней безопасности и спокойствія. Къ несчастію, именно ихъ недоставало. Противъ хищническихъ попытокъ со стороны калмыковъ и набѣговъ кавказцевъ колонія была, правда, защищена своими укрѣпленіями и гарнизономъ. Но съ 1771 г. начались бунты среди яицкихъ казаковъ, и вскорѣ во всей силѣ разразилась пугачевщина, наполнившая, какъ извѣстно, убійствами, грабежами и пожарами весь Заволжскій край, а затѣмъ и все правое побережье Волги. 17 августа 1773 г., прибыли въ Сарепту первые бѣглецы изъ Царицына, а съ ними и наказъ царицынскаго коменданта, чтобы братство позаботилось укрыться заблаговременно отъ приближавшихся шаекъ Пугачева. Оставался одинъ исходъ—бѣжать въ Астрахань. 110 женщинъ и дѣтей, подъ защитою нѣкотораго числа братьевъ и епископа, были посажены на дощаники и поплыли по Волгѣ. Болѣе никакихъ судовъ не было, и негдѣ было ихъ набрать. Другой транспортъ братьевъ, вооружившись и собравъ болѣе цѣнную движимость, отправился по тому же направленію, сухимъ путемъ. Въ самой Сарептѣ оставались старшина Фикъ и остальные братья, съ цѣлью, скрыть въ землѣ и подвалахъ имущества, и до послѣдней возможности оградить колонію отъ грабежа и раззоренія. Гарнизонные солдаты и русскіе работники, равнымъ образомъ остававшіеся на мѣстѣ, вскорѣ отказали старшинѣ въ дальнѣйшемъ повиновеніи. Сосѣдніе калмыки захватили было весь общественный скотъ, и только часть его удалось отбить у нихъ силою. 19-го августа, гарнизонъ, по требованію коменданта, ушелъ въ Царицынъ, зарывъ предварительно 12-ть казенныхъ крѣпостныхъ орудій въ землѣ. Мѣсто гарнизона заняли сами братья съ 9-ю общинными орудіями малаго калибра. Фольваркъ и его имущество охраняли работники изъ колонистовъ сѣверо-приволжскихъ колоній, которые, при помощи крѣпостныхъ орудій, отбили 20-го августа нападеніе калмыцкой шайки, около 100 всадниковъ. На другой день шайка эта снова возвратилась, но, къ счастію для Сарепты, наткнулась на казачій патруль, съ которымъ и перестрѣливалась до поздней ночи. Вечеромъ того же дня одинъ изъ братьевъ, ѣздившій для развѣдокъ къ Царицыну, доставилъ извѣстіе, что Пугачевъ обстрѣливалъ этотъ городъ, но, неуспѣвъ взять его, подвигается къ Сарептѣ. Пришло время окончательно бросить колонію, и 65 братьевъ, съ работниками и уцѣлѣвшимъ скотомъ, отправились наудачу въ степь. Въ мѣстечкѣ оставались старшина Фикъ и двое братьевъ. Но и они, увидавъ бивачные огни пугачевскихъ шаекъ въ 4-хъ верстахъ отъ колоніи, въ ту же ночь послѣдовали за остальными братьями. Впрочемъ, здѣсь уже судьба настигала Пугачева; въ 40 верстахъ ниже Сарепты шайки его были окончательно разбиты нашими войсками. Уже къ 14 сентября все сарептское общество собралось обратно въ колонію, которая, къ счастію, не была подожжена. Повсюду виднѣлись однако слѣды грабежа и насилія: всѣ двери, мебель, печи, полы и окна въ домахъ были разрушены и разломаны; подполья

разрыты и комнаты наполнены кучами обломковъ и земли. Вся посуда и съѣстные припасы исчезли; фабричныя и заводскія машины, а также промысловые и ремесленные инструменты были частью разломаны, частью разбросаны въ кучахъ разнаго хлама; погреба взломаны, а склады торговаго магазина, запасы гостинницы и свѣчнаго завода — расхищены и перепорчены. Отъ аптеки оставались одни черепки разбитыхъ стклянокъ; хлѣбъ въ зернѣ, мука и пухъ изъ перинъ и подушекъ покрывали землю по всей колоніи. Въ церкви оказались сорванными канделябры и драпировки; органъ и фортепьяно были разбиты въ дребезги, а церковная утварь и другія принадлежности похищены; довольно значительная библіотека раскидана и т. д.

Изъ Царицына были присланы двое офицеровъ для освидѣтельствованія колоніи. Но, еще до ихъ прибытія, братья принялись за возстановленіе порядка, и тѣмъ съ большимъ усердіемъ, что осень была на дворѣ. Задача предстояла не легкая. Убытокъ общества былъ оцѣненъ при освидѣтельствованіи въ 70,000 р., въ томъ числѣ приходилось на долю «приватныхъ» 32,500 р., и они оказались въ наиболѣе затруднительномъ положеніи. Что же касается до общинной экономіи, ее озабочивало только приближеніе срока уплаты казеннаго долга, а въ этихъ обстоятельствахъ община была лишена всякой возможности къ тому. Впрочемъ, это затрудненіе устранило вскорѣ само правительство, отсрочивъ уплату долга на 10 лѣтъ, съ обязательствомъ вносить до того времени одни проценты на капитальную сумму, по 6 на сто, а затѣмъ проценты и части капитала, всего по 3,000 р. въ годъ. На этомъ основаніи, весь долгъ имѣлъ быть погашенъ въ 17 лѣтъ. Правительство не ограничилось этимъ: впослѣдствіи, уже при императорѣ Павлѣ, оно даровало Сарептѣ продолженіе льготы, сверхъ 30-ти, еще на 9 лѣтъ, т. е. по 1806 г. Около 12,000 р. добровольныхъ пожертвованій поступили изъ заграничныхъ братскихъ общинъ; эти деньги были розданы «приватнымъ» безвозвратно. Вмѣстѣ съ тѣмъ, общинная экономія возвратила приватнымъ всѣ взносы ихъ на погашеніе казеннаго долга; но, за право жительства въ общинно-семейныхъ дворахъ, была установлена особая подворная подать или оброкъ.

Въ 1776 году, вслѣдствіе синодальнаго постановленія, происходила новая визитація Сарепты со стороны центральной Дирекціи. Результатомъ ея были важныя перемѣны въ порядкѣ внутренняго управленія. Высшая гражданская власть, принадлежавшая до того времени епископу, ввѣрена правленію и старшинѣ, какъ его предсѣдателю и главному представителю общества. Личный составъ правленія увеличенъ еще однимъ засѣдателемъ, а въ кассу правленія стали поступать всѣ казенныя подати, оброкъ съ усадебъ, судебныя пошлины и взносы на уплату казеннаго долга. Къ вѣдомству правленія отошли: выдача паспортовъ, дѣла опекунскія и наслѣдственныя; разбирательство споровъ и исковъ между братьями, если дѣло не получало окончанія въ коллегіи надзирателей, какъ первой инстанціи, и всѣ дѣла съ посторонними лицами. Общинная экономія получила особаго старшину, въ вѣдѣніе котораго

поступили: табачная фабрика, гостинница съ постоялымъ дворомъ, винокуренный и пивоваренный заводы, а также заводы свѣчной и мыловаренный; 3 водяныя и 1 вѣтряная мельницы, рыболовныя воды по Волгѣ и Сарпѣ, мучной складъ, фольваркъ, плантаціи виноградная и фруктовая, лѣсное хозяйство и аптека. Всѣ ремесла и остальныя производства оставались въ рукахъ корпорацій и «приватныхъ». Однако указанные правленію ресурсы оказались недостаточными, особенно для содержанія гарнизона [1]), который, возвратившись въ Сарепту, оставался здѣсь до 1799 г. Для покрытія дефицита, въ 1785 г. перешли еще въ вѣдѣніе правленія: винокуренный и пивоваренный заводы, мельницы и фольварковое хозяйство.

Въ средѣ «приватныхъ», къ прежнимъ ремесламъ и промысламъ, постоянно распространявшимъ свою дѣятельность, присоединялись новые. Такъ стало производиться тканье сарпинки [2]), чулковъ и колпаковъ, достигшее вскорѣ весьма значительныхъ размѣровъ; явились золотыхъ дѣлъ мастерство, красильное заведеніе, суконное производство и выдѣлка горчицы и горчичнаго масла. Въ отношеніи послѣдняго производства, Сарепта и до сего времени удерживаетъ за собою первенство, нѣкоторымъ образомъ даже монополію. Соотвѣтственно развитію частной и общинной дѣятельности, постоянно воздвигались новыя каменныя зданія, въ томъ числѣ не мало двухъ-этажныхъ. Самое видное мѣсто занимали, конечно, корпуса корпораціонные и вообще общинныя постройки. Но къ 1800 г. прибавились и 21 домъ для жительства семейныхъ братьевъ или приватныхъ.

Изъ этого видно, что если уходъ въ Среднюю Азію большой калмыцкой Орды и пугачевскій погромъ ставили Сарепту въ затрудненія, то эти затрудненія были только временныя и сами-по-себѣ не могли воспрепятствовать постепенному развитію и успѣхамъ колоніи. Особенно съ 1788 г., всѣ отрасли торгово-промышленной и ремесленной дѣятельности братства достигли полнаго развитія. Издѣлія колоніи находили, по прежнему, безостановочный сбытъ на мѣстѣ и при посредствѣ внѣшнихъ коммисіонерствъ. Къ тому же времени степи болѣе и болѣе стали заселяться осѣдло; спокойствіе въ краѣ и безопасность путей сообщенія упрочивались. Въ самой колоніи, въ садахъ, на кладбищѣ и плантаціяхъ всѣ лѣсныя насажденія развились самымъ роскошнымъ образомъ. Около 1800 г., Сарепта, залитая зеленью и цвѣтами, представляла своего рода оазисъ среди пустыни, приводившій въ невольный восторгъ всякаго проѣзжаго. Контрастъ чистенькой, уютной, свѣжей Сарепты, съ безотрадными, въ лѣтнее время до тла выжженными степями между Царицынымъ и Астраханью, слишкомъ разителенъ, чтобы не оставить по себѣ самое отрадное впечатлѣніе. Обстоятельство это, уже само-по-себѣ, пріобрѣтало Сарептѣ всегда особенное расположеніе со стороны навѣщавшихъ край

---

[1]) 16 чел. пѣхоты, 6 артиллеристовъ и 6 казаковъ.

[2]) Бумажная матерія, получившая свое наименованіе отъ Сарепты, какъ мѣста перваго ея производства въ Россіи.

правительственныхъ лицъ и путешественниковъ. Слава колоніи росла и многимъ случалось дѣлать крюкъ въ нѣсколько сотъ верстъ только затѣмъ, чтобы имѣть возможность утвердительно отвѣтить на вопросъ: «А были вы въ Сарептѣ?»

Училищное дѣло постоянно обращало на себя особенное вниманіе общества какъ въ учебномъ, такъ и въ воспитательномъ отношеніи. Въ 1780 г., школа для мальчиковъ была раздѣлена на два класса. Въ высшемъ классѣ преподавались, между прочимъ, языки латинскій и русскій, исторія и географія. Съ 1793 г. открытъ и третій классъ, со введеніемъ въ программу преподаванія математическихъ и естественныхъ наукъ, какъ-то: физики, механики, химіи, ботаники и т. д. Учебными пособіями служили: аптечная лабораторія, библіотека, гербарій, а также мѣстные заводы и промышленныя производства.

Около того же времени учреждены еще двѣ элементарныя школы — одна для взрослыхъ работниковъ изъ приволжскихъ колоній, другая — для дѣтей тѣхъ изъ нихъ, которые проживали въ Сарептѣ съ семействами. Число этихъ работниковъ доходило около этого времени постоянно до 300—400 человѣкъ. Многіе изъ нихъ проживали тамъ десятки лѣтъ, находя хорошій заработокъ и обучаясь ремесламъ и промысловымъ производствамъ. Долгое время приволжское колонистское водвореніе только отсюда заимствовалось и учителями, и ремесленно-промысловыми знаніями; только здѣсь и изъ иногородныхъ сарептскихъ магазиновъ огромный край снабжался безъ обмана, «prix fixe», солидными товарами, предметами домашняго обихода и прихоти. Особеннымъ довѣріемъ и извѣстностью пользовались врачи и аптека въ Сарептѣ. Ко всему этому присоединился родникъ минеральныхъ водъ, открытый въ 1775 г. въ 8 верстахъ отъ Сарепты, внѣ ея земельнаго владѣнія. Главныя составныя части этой воды составляютъ соли: глауберовая и поваренная. Отсюда Сарепта добывала глауберовую соль и магнезію, составлявшія нѣкоторое время одинъ изъ предметовъ ея торговли; но водами родника стали пользоваться и отъ разныхъ болѣзней.

Въ 1776 году, бывшій оренбургскій генералъ-губернаторъ Якоби и его жена пользовались здѣсь курсомъ водолеченія, и хроника Сарепты увѣряетъ, что они получили облегченіе — одинъ отъ 5-ти-лѣтней лихорадки, другая — отъ хроническаго разслабленія. Съ этого времени число больныхъ, или посѣтителей на лѣтній водный сезонъ, стало быстро возрастать. Въ 1796 г., оно доходило даже до 300 человѣкъ, такъ что въ самой Сарептѣ не доставало квартиръ, и многіе изъ гостей, по необходимости, размѣщались въ сосѣднемъ русскомъ селѣ Отрадѣ. Въ числѣ своихъ гостей за это время Сарепта насчитываетъ не мало именитыхъ фамилій: князей Григорія Орлова—брата канцлера, Вяземскаго—генералъ-прокурора, Голицына и Гагарина, графа Воронцова и многихъ другихъ.

Такіе успѣхи и истекавшія отсюда выгоды навели общество на мысль— родникъ минеральныхъ водъ, съ окружающей его мѣстностію, присоединить къ своимъ владѣніямъ. Къ тому же мѣстность эта представляла лишь ничтожный клочекъ огромной, бездоходной для казны степи, тогда

какъ, для поддержанія водолечебнаго заведенія, представлялось необходимымъ возвести при родникѣ соотвѣтственныя его назначенію постройки. Въ этомъ отношеніи планы общества, какъ видно изъ сохранившагося проекта, успѣли принять обширные размѣры. Предполагалось развести въ окружности родника, и вплоть до берега р. Волги, паркъ съ аллеями, фонтанами, прудами и павильонами, и выстроить молитвенные дома— православный и протестантскій, а также лѣтнія и даже зимнія помѣщенія для гостей пользующихся водами. Въ этихъ видахъ общество стало ходатайствовать объ уступкѣ означеннаго участка въ его владѣніе, на что, при содѣйствіи вліятельныхъ Kurgäste, незамедлило послѣдовать всемилостивѣйшее соизволеніе. Переговоры объ этомъ, въ С.-Петербургѣ, велъ уполномоченный отъ общества, товарищъ старшины Іоганъ Яковъ Лорецъ, посланный туда, тотчасъ по восшествіи на престолъ императора Павла, съ порученіемъ исходатайствовать новую конфирмацію правъ и привилегій общества. При содѣйствіи генералъ-прокурора Вяземскаго, старанія уполномоченнаго увѣнчались такимъ успѣхомъ, какой едва ли ожидало даже само общество: испрошенная Лорецомъ новая всемилостивѣйшая грамота 4-го августа 1797 г. [1]), подтвержденная впослѣдствіи императорами Александромъ I и Николаемъ I [2]), и вошедшая отдѣльными статьями въ Св. Зак. (Уст. о кол. ч. 2. Т. XII), есть нынѣшняя Magna Charta сарептскаго общества. Въ актѣ этомъ говорится между прочимъ: «Снисходя на просьбу колоніи Сарепты, населенной братьями евангелическаго общества, отличившимися отмѣннымъ трудолюбіемъ, тщательнымъ домостроительствомъ, благонравіемъ и примѣрнымъ своимъ поведеніемъ, всемилостивѣйше благоволили мы сею императорскою нашею жалованною грамотою нетокмо утвердить всѣ ихъ прежнія права и преимущества, но, для возбужденія въ нихъ вящшей ревности къ трудолюбію и продолженію начатыхъ ими полезныхъ заведеній, и для внушенія охоты къ подражанію и въ прочихъ иностранныхъ поселенцахъ, *даровать еще и новыя выгоды*». Далѣе въ настоящемъ актѣ повторяются условія договора 1765 года въ самыхъ точныхъ и обстоятельныхъ выраженіяхъ; колонія изъята изъ вѣдѣнія губернатора и поручена «въ опеку токмо главному судьѣ саратовской конторы опекунства иностранныхъ», вновь учрежденной въ 1797 г. «Правленію же евангелическаго общества дозволяется имѣть особую свою печать, а въ разсужденіе отношенія къ прочимъ присутственнымъ мѣстамъ почитать оное наравнѣ съ городовыми магистратами, только съ тѣмъ различіемъ, что оно не подчиняется никакому мѣсту присутственному по мѣстоположенію своему, да никто изъ военныхъ и гражданскихъ начальниковъ не долженъ и не можетъ присвоить себѣ какой либо личной власти надъ онымъ и вмѣшиваться въ его дѣла».

Независимо отъ того, Сарептѣ дарованы «новыя выгоды»; но прежде чѣмъ разсматривать сущность этихъ выгодъ, мы желали бы уяснить себѣ

---

[1]) Полн. Собр. Зак., Т. XXIV, № 18,011.

[2]) Въ томъ и другомъ случаѣ, особыми грамотами 1801 и 1826 гг.

вопросы: какое юридическое значеніе имѣютъ права и преимущества Сарепты?... Существуетъ ли, въ юридическомъ же смыслѣ, разница между привилегіями 1765 г. и «новыми выгодами», дарованными грамотой 1797 г.? Въ чемъ именно сущность «новыхъ выгодъ»?... Полное уясненіе этихъ вопросовъ, по нашему мнѣнію, особенно желательно потому, что они имѣютъ непосредственное соотношеніе къ современному положенію колоніи; ими сильно занято мѣстное земство, среди котораго Сарепта есть явленіе ненормальное и, при данныхъ условіяхъ, даже не совсѣмъ удобное.

Прежде всего приходитъ на мысль, что дарованныя Сарептѣ *исключительныя привилегіи вовсе не имѣютъ безусловнаго, безотносительнаго значенія.* Несомнѣнно, что правительство, даруя эти привилегіи, имѣло въ виду—развить ремесленную и промышленно-торговую дѣятельность низоваго Поволжья. Само братство, въ лицѣ своихъ агентовъ, всячески старалось поддерживать эту надежду правительства. Не напрасно же оно выговаривало себѣ право «заводить города, мѣстечки и всякаго званія селенія; прокладывать дороги» даже чрезъ смежныя владѣнія—казенныя и частныя. Правда, агентъ пояснялъ словесно, что «онъ не знаетъ: будутъ ли братья въ состояніи строить города, и обѣщать сего не можетъ»; тѣмъ не менѣе надежда подавалась, если и не въ видѣ прямого, положительнаго обязательства, то все же какъ весьма вѣроятная возможность. Это обстоятельство, при тогдашнемъ положеніи дѣлъ, весьма существенно вліяло на уступчивость правительства въ пользу братства. Вообще же, нисколько не сомнѣваясь въ добросовѣстности агентовъ Общества, мы однако не откажемъ имъ и въ замѣчательной дипломатической ловкости, съ какою они, не обязываясь почти ни чѣмъ, пріобрѣтали право за правомъ, привилегію за привилегіею. Основныя мысли, руководившія правительствомъ, а также характеръ заявленій агента, выражаются наглядно и ясно во вступительныхъ словахъ всеподданнѣйшаго доклада по переговорамъ 1765 года.

«Пріемля во уваженіе», сказано тамъ, «будущую пользу для государства отъ мануфактуръ и фабрикъ, *которыя братское* евангелическое *общество, поселясь въ Россіи, завести намѣрено*; не меньше того и чаямое отъ сихъ искусныхъ людей *поправленіе коммерціи чрезъ Каспійское море*, по той причинѣ, что избираютъ они для поселенія своего способное къ тому мѣсто, *упоминая въ одномъ мѣстѣ* (просьбы?) *о поѣздкахъ въ Персію*; равнымъ образомъ и то, что ссудныхъ денегъ просятъ только на строеніе и покупку немногихъ инструментовъ, обѣщая словесно большей частію привозить оные съ собою, что̀ и самымъ дѣломъ уже исполнять начали, канцелярія опекунства и т. д.»

Таже мысль сказалась и въ словахъ грамоты 1797 г. «Отличившимся отмѣннымъ трудолюбіемъ, тщательнымъ домостроительствомъ, благонравіемъ и примѣрнымъ своимъ поведеніемъ». Правительство, въ виду разныхъ неблагопріятныхъ условій, затруднявшихъ успѣхъ Сарепты, было совершенно удовлетворено тѣми результатами, которые колонія предъявляла къ исходу прошлаго вѣка. Но этого было мало, и итогъ достигну-

тыхъ обществомъ успѣховъ былъ далекъ отъ того, что оно само подавало поводъ ожидать. И вотъ въ надеждѣ, что будущія условія края будутъ благопріянѣе для осуществленія плановъ Общества, правительство предоставляетъ сарептянамъ, такъ сказать, отсрочку для оправданія данныхъ обѣщаній; оно не только сохраняетъ за ними прежнія права и привилегіи, но, для «возбужденія въ нихъ вящшей ревности», даруетъ и «новыя еще выгоды».

Изъ всего этого нельзя, по нашему мнѣнію, не вывести заключенія, что Сарепта только въ такомъ случаѣ *добросовѣстно* пользуется данными преимуществами, если она оправдала возложенныя на нее надежды, вызванныя заявленіями ея полномочныхъ агентовъ.

Далѣе; если условія 1765 г. были установлены въ порядкѣ добровольнаго соглашенія правительства съ евангелическимъ Обществомъ, и если эти условія, пока были въ силѣ, имѣли болѣе или менѣе значеніе договора обоюдо-обязательнаго, то совершенно въ иныя отношеніи вступили правительство и Сарепта на основаніи грамоты 1797 г. Этотъ актъ, по формѣ и сущности своей, не имѣетъ ничего общаго съ частнымъ обоюдо-обязательнымъ договоромъ. Онъ есть выраженіе самодержавной, законодательной власти, которое, какъ и всякій отжившій свое время законъ, можетъ быть измѣняемо, или даже вовсе отмѣнено, силою той же самодержавной власти. Такъ понимаютъ значеніе грамоты и сами сарептяне; иначе они не возбуждали бы ходатайства о подтвержденіи ихъ правъ въ 1801, 1826 и 1856 годахъ, т. е. въ каждое новое царствованіе.

Первое измѣненіе, встрѣчаемое въ грамотѣ 1797 г. противъ прежнихъ условій съ Обществомъ, состоитъ въ томъ, что братья, сохраняя за собою право приносить въ судебныхъ дѣлахъ присягу, согласно ихъ правиламъ, произнесеніемъ слова «да», обязываются однако присягу на подданство «*чинить единообразно со всѣми вѣрноподданными*». Затѣмъ, изъ вѣдѣнія сарептскаго начальства изъяты всѣ дѣла уголовныя, о которыхъ въ прежнихъ условіяхъ вовсе не упоминалось. Но оба эти пункта могли казаться братству скорѣе стѣсненіемъ, нежели «новою выгодою». Выгоды, вновь присвоенныя Сарептѣ, состоятъ въ отводѣ во владѣніе общества новаго земельнаго участка съ «цѣлительнымъ колодцемъ», въ разсрочкѣ уплаты казеннаго долга, въ дарованіи допольнительной льготы отъ платежа поземельной подати, а главное—въ п. 5 новой грамоты, въ которомъ сказано: «Какъ всѣмъ нынѣ въ колоніи живущимъ братьямъ, такъ и впредь на поселеніе пріѣзжающимъ, всемилостивѣйше жалуемъ всѣ права гражданства не только въ ихъ колоніи, но и во всей имперіи нашей, дозволяя имъ вообще, или каждому особенно, производить внутреннюю и внѣшнюю торговлю, съ платежемъ пошлинъ по тарифу, и не принуждать братьевъ записываться въ россійское купечество, яко уволенныхъ отъ податей и службы онаго и имѣющихъ свободу: производить всякія ремеслы, художества и промыслы; заводить и содержать у себя всякія фабрики, мануфактуры и заводы; строить всякаго рода мельницы, и, по праву владѣнія, свободно и безпрятственно пользоваться въ дачахъ своихъ всѣми угодьями, рыбною, звѣриною и птичьею ловлею; ва-

рить пиво и курить хлѣбное вино какъ для собственнаго употребленія, такъ и на продажу проѣзжающимъ и временно въ ихъ колоніи живущимъ, съ тѣмъ, чтобы внѣ земель, братству принадлежащихъ, ни вина, ни пива не вывозить и не продавать, но виноградныя вины, дѣлаемую изъ нихъ водку и всякіе виноградным, а не хлѣбнымъ виномъ налитые фрукты и напитки дозволяется развозить изъ колоніи для вольной продажи по всѣмъ россійскимъ городамъ». Одинъ этотъ пунктъ далъ Сарептѣ такія широкія права по торговлѣ и промысламъ, что всякая конкуренція съ обществомъ въ этомъ отношеніи казалась бы невозможною.

Въ условіяхъ 1765 г. проводится послѣдовательно и неуклонно мысль правительства: *освобождая братьевъ отъ всякихъ натуральныхъ повинностей, не избавлять ихъ однако отъ равномѣрнаго участія въ нихъ и во всѣхъ сборахъ въ пользу казны и земства—деньгами.* Оставаясь вѣрнымъ этому началу и смотря на евангелическихъ братьевъ, по роду ихъ занятій, какъ на горожанъ или мѣщанъ (Bürger), правительство, «въ разсужденіе платимыхъ ими по купечеству и фабрикамъ пошлинъ», признало ихъ неподлежащими общему крестьянскому податному окладу, ни подушному, ни оброчному за землю. Оно сочло сарептянъ обязанными: 1-е, платить ту подушную подать «за право гражданское», какую вносило купечество; 2-е, нести деньгами повинность рекрутскую со всѣми принадлежащими къ ней дополнительными сборами; и 3-е, отбывать деньгами же всѣ «земскія службы, постои и ямы», а равно «всѣ случайныя поставки и чрезвычайныя подмоги». По переложеніи всѣхъ этихъ повинностей, соотвѣтственно тогдашней стоимости ихъ, сперва на деньги, а затѣмъ, полученнаго оклада повинностей, вмѣстѣ съ существовавшимъ для купечества подушнымъ окладомъ,—на землю, опредѣлился нормальный окладъ «поземельной подати» для Сарепты въ 7 р. 50 к. съ каждыхъ 30 дес., или по 25 к. съ дес. надѣла. Но ни въ первоначальныхъ условіяхъ съ Сарептою, ни въ данной ей затѣмъ грамотѣ, нигдѣ положительно не оговорено, что исчисленный на этихъ основаніяхъ окладъ поземельной подати долженъ оставаться неизмѣнно и навсегда одинъ и тотъ же. Изъ этого и изъ самаго существа общихъ податей и повинностей, замѣненныхъ для сарептянъ поземельною податью, слѣдуетъ, что окладъ этой подати подлежалъ и подлежитъ увеличенію въ томъ же размѣрѣ, въ какомъ возрастали и возрастаютъ, съ одной стороны, мѣщанскій подушный окладъ, нынѣ впрочемъ отмѣненный, а съ другой—стоимость отбываемыхъ городскимъ населеніемъ повинностей.

Независимо отъ поземельной подати, сарептское общество по первоначальнымъ условіямъ обязывалось платить въ казну, на общемъ основаніи, установленные сборы, пошлины и акцизы—съ фабрикъ, мануфактуръ и заводовъ, за торговлю и промыслы, съ мельницъ, за рыболовныя воды, за право курить вино, варить пиво и продавать эти напитки, и наконецъ, за производство внутренней и внѣшней торговли. Отъ всѣхъ этихъ налоговъ Сарептѣ даже не было дано льготы, такъ какъ «сверхъ гражданскихъ правъ, дарованы братьямъ еще такія выгоды и преимущества, съ которыхъ собираемые государственные доходы въ число по-

датей не включаются». Поэтому братья освобождались на 30 лѣтъ «единственно отъ податей, а не отъ платежа акцизовъ и пошлинъ».

Отъ всѣхъ только-что исчисленныхъ нами «акцизовъ и пошлинъ» пунк. 5 всемилостивѣйшей грамоты 1797 г. вовсе освободилъ сарептянъ, сохранивъ однако, и по настоящее время сохраняя за обществомъ и лично за каждымъ членомъ его всѣ «гражданскія» права по торговлѣ, промысламъ и т. д. Только недавно впервые допущено исключеніе; именно: высочайше утверж. 7 января 1863 г. мнѣніемъ государст. совѣта хотя и сохраняется за сарептскимъ обществомъ и его членами прежнее право курить вино и варить пиво, но уже не иначе, какъ на основаніи общихъ правилъ положенія 4 іюля 1861 г. о пит. сборѣ.

Ознакомившись съ дарованными Сарептѣ правами, преимуществами и матеріальными способами, посмотримъ теперь, какъ она ими воспользовалась, и осуществила ли она, наконецъ, широкій планъ, который обществомъ дважды былъ развиваемъ предъ глазами правительства.

Чтобы не возвращаться болѣе къ проекту о водолечебныхъ заведеніяхъ при извѣстномъ родникѣ, названномъ Екатерининскимъ, скажемъ теперь же, что изъ этого дѣла ничего не вышло. Послѣ 1797 г. число посѣтителей стало быстро уменьшаться, а въ 1801 г. явился уже всего только одинъ, и при томъ *послѣдній* больной, пользовавшійся водами. «Въ чемъ именно заключалась причина столь быстраго упадка—говоритъ г. Гличь въ своей исторіи Сарепты—въ перемѣнахъ ли врачей, въ измѣненіи ли вешнею водою свойствъ родника; въ конкуренціи ли входившихъ въ славу кавказскихъ водъ—опредѣлить трудно». Мы же спросимъ: не кроется ли, хотя отчасти, причина такого результата въ томъ, что наплывъ въ Сарепту массы стороннихъ людей, вносившихъ конечно свои понятія, свои нравы и обычаи, никакъ не совпадалъ съ стремленіемъ братства къ изолированію?.. Таковы по крайней мѣрѣ сущность и духъ установленій общества, которыя никакимъ образомъ не выдерживаютъ прямыхъ, непосредственныхъ соприкосновеній съ «свѣтской» жизнью, какая только и мыслима на водахъ и вообще тамъ, гдѣ собирается обыкновенное человѣчество отдохнуть, повеселиться, а между прочимъ — и полечиться.

Но не въ одномъ этомъ дѣлѣ Сарепта потерпѣла неудачу. Въ концѣ прошлаго вѣка колонія достигла наиболѣе блестящаго развитія всѣхъ отраслей ея дѣятельности. Съ этого же времени намъ приходится слѣдить за постепеннымъ паденіемъ общественнаго хозяйства братьевъ.

Послѣ ухода большой калмыцкой Орды въ Азію, главный сбытъ сарептскихъ произведеній направился на сѣверъ. Но здѣсь возникла конкуренція со стороны сѣверо-приволжскихъ колонистовъ, въ которыхъ Сарепта воспитала себѣ опасныхъ соперниковъ. Мало-по-малу колонисты эти, возвращаясь изъ Сарепты въ свои колоніи, стали устраивать у себя дома тѣже промысловыя и ремесленныя производства, въ которыхъ сарептское братство пользовалось до того времени какъ-бы монополіею. Конкуренція эта становилась изъ года въ годъ сильнѣе; въ то же время англійская машинная пряжа дѣлалась дешевле и доступнѣе сарептской. Такимъ образомъ пришло время, что издѣлія приволжскихъ коло-

нистовъ стѣсняли, а во многихъ отросляхъ и вовсе вытѣснили съ рынковъ произведенія сарептянъ. Сколько послѣдніе ни расширяли своихъ производствъ, но удовлетворять возраставшей потребности и устоять противъ конкуренціи, они не были въ силахъ уже потому, что большинство производствъ и ремеслъ были пріобрѣтены «приватными» въ однѣ руки, въ видѣ личнаго права, въ самой колоніи носившаго монопольный характеръ. Открытіе здѣсь, рядомъ съ существующимъ, новаго, въ томъ же родѣ, ремесленнаго и промышленнаго заведенія или вовсе не допускалось, или разрѣшалось только въ видѣ рѣдкаго исключенія. Другимъ послѣдствіемъ такого порядка была дороговизна сарептскихъ издѣлій и обнаруживавшаяся постепенно отсталость ихъ: мастера и производители, увѣровавъ въ безусловное достоинство своихъ работъ и издѣлій, не обращали вниманія на новѣйшія усовершенствованія и не прилагали старанія ни къ удешевленію своихъ издѣлій, ни къ приспособленію ихъ къ современнымъ требованіямъ потребителей.

При такихъ условіяхъ Сарепта, въ періодъ 1802—1823 г., т. е. до постигшаго колонію большаго пожара, поддерживала всѣ свои ремесла и производства въ болѣе или менѣе одинаковыхъ размѣрахъ. Но изъ года въ годъ дѣла шли хуже, а нѣкоторыя отрасли, особенно съ 1820 г., стали приносить даже убытокъ. Въ той же степени, какъ росли затрудненія Сарепты, развивались шире и шире убыточныя для братства производства въ приволжскихъ колоніяхъ, преимущественно на нагорной сторонѣ Волги. Здѣсь, при полной свободѣ частной предпріимчивости, на нѣкоторыя отрасли, какъ напр. на тканье сарпинки, чулковъ, колпаковъ и т. д., обращались весьма значительные капиталы, свободная же конкуренція удешевляла товары и издѣлія до такихъ цѣнъ, за которыя сарептяне дѣйствительно работать не могли. Съ 1820 г. чулочное и суконное производства въ Сарептѣ вовсе прекратились, а сарпиночное находилось въ крайнемъ упадкѣ. И хотя общество пыталось поддержать послѣднее производство устройствомъ ткацкихъ заведеній въ центрахъ саратовскихъ колоній [1]), т. е. среди главныхъ конкурентовъ своихъ; но напрасно.

Отрадное исключеніе представляетъ одно лишь горчичное производство, о развитіи котораго скажемъ нѣсколько подробнѣе. Лощины Калмыцкой степи, а также Царевскаго уѣзда, благопріятствуютъ произрастенію горчичнаго сѣмени. Это обстоятельство обратило на себя впервые вниманіе члена общества, Конрада Нейтца, который съ 1801 года завелъ ручную, а въ 1810 году топчатную (лошадиную) мельницу и сталъ

[1]) Центръ саратовскихъ колоній — Сосновскій округъ, Камышинскаго уѣзда, 3234 сем. въ составѣ 15,054 рев. муж. пола душъ. Здѣсь, рядомъ съ земледѣліемъ, скотоводствомъ, огородничествомъ и т. д., какъ главными занятіями, въ 1866 коммерческомъ году (отъ Макарья до Макарья) въ числѣ всякаго рода ремеслъ и промысловъ существовали: а) 69 сарпиночныхъ фабрикантовъ; для нихъ работало до 6,000 становъ; переработано пряжи до 8 тыс пуд. красной на 472,000 р., до 20,300 пуд. бѣлой—на 62,000 руб. и 13½ пуд. шелку на 7,560 р.: всего изготовлено разнаго рода платковъ, матерій и т. д. на 1,156,000 р.: б) 42 красильныхъ фабрикъ, окрасившія въ 1866—67 г. одной бумажной пряжи на сумму до 486,000 р.: в) 52 кожевенныхъ, завода, выдѣлавшіе въ 1866 г. кожъ на сумму до 120,000 р. и т. д.

каждогодно переработывать въ горчицу до 800 — 1,000 пудовъ сѣмени. Съ 1815 года, заводъ достался по наслѣдству зятю Нейтца, брату Ивану Гличь, стараніями котораго горчичное производство улучшилось и начало принимать все болѣе широкіе размѣры, обработывая каждогодно среднимъ числомъ: по 1840 годъ до 6,000 пудовъ, по 1850 г.—до 15,000, а съ этого времен, по обращеніи завода въ паровой и приложеніи разныхъ техническихъ усовершенствованій, годичная переработка сѣмени въ горчицу и масла разныхъ сортовъ установилась уже въ 25—30,000 пудовъ. Посѣвомъ горчицы занимаются крестьяне Черноярскаго и Царевскаго уѣздовъ, а частью и калмыки. Сѣменами, по 20-ти фунтовъ на десятину, они снабжаются обыкновенно въ Сарептѣ, куда большею частью сбываютъ и урожаи по цѣнѣ отъ 80 коп. до 1 р. 50 коп. за пудъ. Въ настоящее время дѣйствуютъ уже, кромѣ Гличевскаго, еще заводы: Кноблоха, въ Сарептѣ, и другихъ лицъ, въ посадѣ Дубовкѣ и селѣ Чапурникахъ, первый тоже паромъ, а послѣдніе лошадьми. Одинъ Гличь каждую весну раздаетъ отъ 500 до 1000 пудовъ посѣвнаго сѣмени, хорошій урожай котораго до 80 пудовъ, а средній въ послѣдніе 10-ть лѣтъ 10—15 пудовъ съ десятины.

Къ упомянутымъ выше затрудненіямъ Сарепты присоединились случайныя несчастія. Такъ пожаромъ 1803 г. были истреблены лѣсопильный заводъ и двѣ мукомольныя мельницы на Сарпѣ, съ ихъ жилыми и хозяйственными постройками, по оцѣнкѣ на 30,000 р. Въ 1812 г. сгорѣли: дальняя мельница на Сарпѣ, и въ самой колоніи семь «приватныхъ» усадебъ, горшечный заводъ, общинныя пекарня и ткацкая. Съ 1806 по 1823 г. содержался въ Сарептѣ карантинъ противъ появившейся въ Астрахани чумы; нѣкоторое время были прекращены даже всякія сношенія между городами и селеніями. Въ 1805, 1808 и 1812 гг. свирѣпствовалъ скотскій падежъ. Упадокъ денежнаго курса тоже отзывался особенно сильно на Сарептѣ, поддерживавшей постоянныя торговыя сношенія съ заграничными общинами братства. Во время пожара 1812 г., въ Москвѣ, общество потерпѣло убытокъ до 400,000 р.

Вслѣдствіе такихъ затрудненій и несчастій, общество накопило къ 1815 г. болѣе 600,000 р. долгу, къ погашенію котораго ежегодныя пособія со стороны центральной Дирекціи были недостаточны. Сарептѣ грозила несостоятельность; но дѣла успѣли принять другой оборотъ. Изъ центральной Дирекціи разомъ было получено 120,000 р. безвозвратнымъ пособіемъ. Въ тоже время Дирекція разсрочила уплату состоявшаго, по ея счетамъ, на Сарептѣ долга и, сверхъ того, выдала ей 100,000 р. въ видѣ возвратной ссуды. Торговые дома въ Петербургѣ, Москвѣ и самой Сарептѣ, съ 1815 г., снова начали давать значительныя выгоды. При помощи такихъ средствъ и крайней экономіи по внутреннему управленію, Сарептѣ удалось, наконецъ, возстановить къ 1820 г. равновѣсіе въ своемъ бюджетѣ; но не надолго. Уже въ 1821 г. общество постигло новое несчастіе. Саратовское коммисіонерство оказалось несостоятельнымъ на сумму, разомъ поглотившую всѣ денежныя средства, полученныя изъ-за границы. Наконецъ, большой пожаръ 9-го августа 1823 г.,

истребившій почти всю Сарепту, довершилъ разстройство общиннаго хозяйства: 37 жилыхъ и фабричныхъ домовъ, въ томъ числѣ всѣ лучшія зданія и церковь, и около 160 надворныхъ и хозяйственныхъ строеній—обратились въ кучу пепла и развалинъ; 350 человѣкъ лишились работы и пристанища; всѣ ремесленныя и промышленныя производства разомъ прекратились.

Убытокъ, понесенный отъ пожара, достигалъ громадныхъ цифръ. Такъ напр., экономіи общинная и холостыхъ братьевъ понесли уронъ—первая на 400,000, вторая — на 200,000 р. Вообще положеніе общества было самое отчаянное; но главное затрудненіе состояло въ невозможности произвести срочные платежи ни казнѣ и центральной Дирекціи на погашеніе ссудъ, ни по торговымъ обязательствамъ общества въ Россіи и особенно за границею. Отъ этихъ главныхъ кредиторовъ, и прежде всего отъ центральной Дирекціи, зависѣло рѣшить—быть или не быть Сарептѣ.

Вскорѣ послѣ пожара начали поступать отъ Дирекціи денежныя пособія. При помощи ихъ оказалось возможнымъ обезпечить дневное содержаніе погорѣльцевъ, возстановивъ на скорую руку до 20 жилыхъ помѣщеній и аптеку съ принадлежностями, и пустивъ въ ходъ столярную мастерскую и кирпичный заводъ. Вопросъ — возстановить ли Сарепту — со стороны Дирекціи и состоявшагося синодальнаго собранія былъ разрѣшенъ въ пользу возстановленія. Прежде всего Дирекція, снабженная отъ синодольнаго собранія неограниченнымъ кредитомъ, озаботилась войти въ соглашеніе съ заграничными кредиторами Сарепты. Дѣло это уладилось къ обоюдному удовольствію, и тѣмъ легче, что вся просимая обществомъ уступка заключалась въ разсрочкѣ долговыхъ обязательствъ. Собственныя требованія центральнаго управленія, считавшіяся въ долгу на Сарептѣ по водворенію и ссудамъ, Дирекція обратила въ долгъ отвержденный, обязавъ колонію ежегодною уплатою однихъ процентовъ на капиталъ. Изъ собранныхъ, съ 1823 по 1848 годъ, по заграничнымъ общинамъ добровольныхъ пожертвованій, на долю Сарепты пришлось, въ видѣ безвозвратнаго пособія, до 163,000 р. Наконецъ, само правительство выдало Сарептѣ 100,000 р., съ тѣмъ, чтобы уплата этой ссуды производилась по истеченіи 6 лѣтъ, въ послѣдующія десять лѣтъ, по равнымъ частямъ.

Но эти пособія сами-по-себѣ еще не могли обезпечить существованіе Сарепты. Представилась необходимость и въ преобразованіи всѣхъ частей ея внутренняго управленія.

Въ мартѣ 1824 года, Сарепта получила изъ центральнаго управленія указаніе—принять при возобновленіи колоніи въ руководство: 1) чтобы общество вполнѣ обезпечивало свой бюджетъ текущихъ расходовъ собственными средствами, разсчитывая на пособіе со стороны центральнаго управленія единственно лишь въ той суммѣ, какая требовалась на уплату процентовъ по внѣшнимъ долгамъ, и чтобы, сверхъ того, бюджетъ собственныхъ доходовъ общества давалъ, по возможности, нѣкоторый излишекъ на погашеніе капитальнаго долга; 2) централизовать, по возможности, общинную и корпоративныя экономіи и, въ этихъ видахъ, произ-

вести ликвидацію экономіи холостыхъ братьевъ, сливъ ее съ общинною; 3) своевременную уплату казеннаго долга обезпечить, по преимуществу, нѣкоторымъ возвышеніемъ поземельной подати; содержаніе полиціи и пожарной части отнести на счетъ сбора за производство ремеслъ и промысловъ, а расходы на правленіе покрывать преимущественно судебными пошлинами; на всѣ же остальныя статьи расхода по общественному управленію обратить на сборъ съ работниковъ и на доходы съ земель и тѣхъ заведеній, которыя будутъ работать за счетъ общинной экономіи; 4) поступающія доброхотныя пожертвованія обращать безусловно на погашеніе капитальнаго долга, полученную же отъ казны ссуду—исключительно на постройку общинныхъ зданій и заведеній; 5) предоставить «приватнымъ» обзаводиться жилыми и усадебными постройками на собственныя средства, въ личную ихъ собственность; а изъ промышленныхъ производствъ оставлять за общинной экономіею только тѣ, которыя представляютъ самые положительные задатки своей выгодности; 6) при постройкахъ не выходить изъ предѣловъ крайне необходимаго, устраняя всякую роскошь; 7) торговые магазины и склады преобразовать, совершенно отдѣливъ отъ нихъ ткацкое, табачное и др. производства; сократить соотвѣтственно тому личный составъ и жалованье мастеровъ и прикащиковъ, обративъ означенные магазины и склады или въ частную собственность, или въ отвѣтственныя коммисіонерства, за счетъ и подъ фирмою общины, смотря по мѣстнымъ условіямъ; и 8) личный составъ управленія, а также служебное содержаніе сократить, соединяя разныя должности, по крайней возможности, въ однихъ лицахъ.

Всѣ полученныя указанія общество въ точности выполнило, и уже 1825-й годъ доказалъ ихъ практичность. Долги мало-по-малу уплачивались, а къ 1862 г. общинная экономія успѣла не только окончательно очиститься отъ долговъ, но, сверхъ того, сберечь и запасные фонды, обезпечившіе общину на будущее время отъ разныхъ случайностей.

По виду построекъ, условіямъ жизни и дѣятельности населенія, Сарепта носитъ характеръ скорѣе города или мѣстечка, нежели селенія. Дома выстроены здѣсь одинъ отъ другаго въ 5 — 10 саж.; средину колоніи образуетъ площадь, кругомъ обсаженная высокими тополями, съ церковью и резервуаромъ прекрасной ключевой воды — въ центрѣ. Кругомъ, за тополями по краямъ площади, возвышаются дома правленія, пастората и врача, аптека, гостинница, торговые магазины, корпораціонные корпуса: братьевъ, сестеръ и вдовъ, а также дома наиболѣе зажиточныхъ «приватныхъ». Всѣ эти строенія каменныя и, по преимуществу, двух-этажныя. Главная часть колоніи, 9-ть кварталовъ, окружена прежнимъ крѣпостнымъ валомъ, за чертой котораго образовались новые кварталы, въ видѣ предмѣстій. Въ чертѣ вала, кромѣ каменныхъ, иныхъ построекъ возводить не дозволяется. Всѣ улицы, по примѣру площади, обсажены тополями и другими породами тѣнистыхъ деревъ; предъ каждымъ домомъ и въ промежуткахъ разведены сады и цвѣтники. Всего въ колоніи имѣется 85 каменныхъ и 221 деревянныхъ дома и хозяйствен-

ныхъ строеній. Колокольня снабжена общественными часами, а церковь — отличнымъ органомъ.

Къ 1 января 1865 г. состояло въ Сарептѣ 231 муж. и 239 жен. пола душъ. Сверхъ того, въ предмѣстьяхъ проживаетъ постоянно отъ 500 до 550 лицъ рабочихъ, преимущественно изъ приволжскихъ колонистовъ.

Сарпа запружена большою съ шлюзами плотиною, лежащей на большомъ Саратовско-Астраханскомъ почтовомъ трактѣ. Вверхъ по берегамъ рѣчки тянутся сады, огороды и табачныя плантаціи, для полива которыхъ устроены водоподъемныя машины. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ колоніи, въ такъ называемомъ Чапурникѣ, разведены плодовые и виноградные сады, плантаціи и т. д. На берегу Волги—пароходная пристань.

Главное занятіе населенія составляютъ какъ прежде, такъ и нынѣ: ремесла, промыслы, фабрики и торговля [1]). Въ Сарептѣ имѣются:

1) Два паровыхъ горчичныхъ завода: одинъ братьевъ Гличь, другой—брата Кноблоха; послѣдній хотя меньшихъ размѣровъ, но произведенія его получили на Парижской всемірной выставкѣ 1867 г. медали.

2) Заводы свѣчной и мыловаренный; обороты ихъ довольно ограничены.

3) Пекарня, съ пряничнымъ и кандитерскимъ производствами; сбытъ ея болѣе и болѣе ограничивается, тогда какъ прежде сарептскіе пряники и печенья расходились въ огромной массѣ на мѣстѣ и на сторонѣ, во всѣхъ магазинахъ общества.

4) Аптека, пользовавшаяся въ прежнее время заслуженнымъ довѣріемъ. При ней производятся въ небольшихъ количествахъ масла: касторовое, мятное и кипарисное, паровой шеколадъ, помада и тому подобные предметы.

5) Паровая химическая лабораторія брата Лангерфельда, занятая производствомъ извѣстнаго сарептскаго бальзама, эѳирнаго горчичнаго масла и т. п. Владѣлецъ, принявъ участіе въ Парижской всемірной выставкѣ 1867 г., получилъ за свои издѣлія медаль.

6) Заводы: кожевенный, горшечный и кирпичный, и мастерства: 2 часовенныхъ, 2 столярныхъ, 2 телѣжныхъ, 1 слесарное, 1 кузнечное, 2 мѣдно-жестяныхъ, 2 башмачно-сапожныхъ, 1 портняжное, 1 ткацкое, 1 чулочное и 1 бойня;—и

7) Одинъ большой и два меньшаго размѣра торговыхъ магазина, обороты которыхъ поддерживаются проѣзжающими, жителями ближайшихъ мѣстъ и, особенно, ордынцами.

Всѣ эти производства и заведенія, за исключеніемъ табачной фабрики, составляютъ личную собственность «приватныхъ», и «приватнымъ» же

---

[1]) Крайне сожалѣемъ, что у насъ нѣтъ возможно подробныхъ свѣдѣній объ оборотахъ существующихъ въ Сарептѣ производствъ и ремесленныхъ заведеній. Едва-ли подлежитъ сомнѣнію, что, за исключеніемъ одного лишь горчичнаго, всѣ остальныя производства совершенно ничтожны. Мы съ благодарностью приняли бы всякія ближайшія въ этомъ отношеніи заявленія съ мѣста, но, конечно, съ условіемъ, чтобы эти заявленія были подкрѣпляемы фактическими, числовыми данными.

принадлежатъ торговые магазины въ гг. Самарѣ, Саратовѣ, Дубовкѣ, Царицынѣ и Астрахани.

Изъ состоящихъ во владѣніи общинной экономіи производствъ — табачное и винокуреное предполагается упразднить; первое, по невозможности выдерживать съ успѣхомъ конкуренцію стороннихъ производителей, а второе, вслѣдствіе новаго акцизнаго положенія. Затѣмъ, за общинною экономіею оставались бы только гостинница съ постоялымъ дворомъ, мельница на Сарпѣ, хозяйство фольварковое, и два торговыхъ магазина въ Москвѣ и Петербургѣ. Но если принять во вниманіе, что въ двухъ послѣднихъ магазинахъ, подъ фирмою и гарантіею общества, поступаютъ въ продажу почти одни издѣлія собственно сарептскихъ приватныхъ и заграничныхъ производствъ, то общинная экономія является здѣсь только отвѣтственнымъ коммисіонеромъ, солидный кредитъ котораго поддерживаетъ частную дѣятельность личную предпріимчивость и производительность.

Ежегодный бюджетъ расходовъ сарептской общинной экономіи на содержаніе общественныхъ управленія и учрежденій простирается отъ 8 до 10 тысячъ рублей, т. е. до 40 руб. на каждую муж. пола душу. Изъ этого огромнаго расхода въ пользу казны поступаетъ всего только 325 руб. (по $7^1/_4$ коп. съ удобной дес. надѣла) или, около 1 р. 40 к. съ наличной муж. пола души. Другихъ издержекъ ни въ пользу казны, ни въ пользу земства, Сарепта не знаетъ, а между тѣмъ причитается въ ней на душу пожалованной земли: удобной болѣе 19, всего же удобной и неудобной—свыше 68 дес.

Но, спроситъ читатель, что же сталось съ главною цѣлью евангелическаго братства—съ миссіонерствомъ? Постановка этого вопроса уже извѣстна намъ изъ первоначальныхъ переговоровъ Общества съ правительствомъ. Во всякомъ случаѣ, положеніе братьевъ въ этомъ отношеніи было слишкомъ сомнительное, чтобы не навести ихъ на раздумье. Съ другой стороны, дарованныя Сарептѣ политическія и гражданскія преимущества представлялись на столько цѣнными, что рисковать ими казалось всякому, по меньшей мѣрѣ, неразумнымъ. Но работа въ пользу миссіи — являлась дѣломъ совѣсти, и потому совершенное отреченіе, или хотя бы только болѣе или менѣе сознательное уклоненіе отъ этой цѣли, — признавались тяжкимъ грѣхомъ, измѣною христіанскому долгу и главнѣйшей задачѣ братства. Впрочемъ, по нашему мнѣнію, единственная причина, вызывавшая временныя въ этомъ отношеніи угрызенія совѣсти въ сарептянахъ, заключалась только въ отсутствіи положительнаго запрета на миссіонерскую дѣятельность. Будь этотъ запретъ, религіозное рвеніе братьевъ успокоилось бы въ самомъ началѣ ихъ поселенія также легко, какъ легко и почти безслѣдно оно исчезло у нихъ впослѣдствіи. Дѣло въ томъ, что если Сарепта, изъ видовъ благоразумія и по политическимъ соображеніямъ, всегда воздерживалась отъ такихъ мѣръ, которыя клонились бы исключительно въ пользу миссіи, *какъ главной цѣли Общества*, то все же въ средѣ его постоянно находились отдѣльныя личности, посвящавшія себя миссіонерскому призванію.

Правда, не смотря на бурныя обстоятельства Поволжья во вторую половину прошлаго столѣтія, сарептское общество не упускало ни одного случая для болѣе тѣснаго сближенія съ калмыцкими ордами. Но такое сближеніе совпадало столько же съ видами экономическими, сколько и съ миссіонерскими интересами. Поэтому трудно рѣшить — какими, по преимуществу, соображеніями руководилось въ этомъ случаѣ общество. Мы склонны думать, что не будь прямого, политическаго и коммерческаго интереса, однѣ миссіонерскія цѣли не привели бы начальство колоніи къ сближенію съ ордынцами. Но въ данныхъ условіяхъ понятно, что ордынскіе ханы, зайсанги, и даже простые калмыки всегда находили въ колоніи самый радушный пріемъ. Они снабжались здѣсь всѣми потребностями жизни и предметами роскоши, лечили своихъ больныхъ и т. д. Въ свою очередь и депутаціи братства, иногда весьма не малочисленныя, гостили въ ханскихъ ставкахъ. Такимъ образомъ, взаимныя связи устанавливались, повидимому, на прочныхъ началахъ; но удаленіе большой Орды въ Азію, а малой—далѣе къ югу отъ Сарепты и частью за Волгу, къ Астрахани, разомъ подорвало прежнія торговыя связи, а съ тѣмъ вмѣстѣ и миссіонерскія. Къ тому же братья нашли въ калмыкахъ далеко не такихъ грубыхъ язычниковъ, какими являются африканскіе негры, готтентоты и кафры, или американскіе индѣйцы. Напротивъ, племя это исповѣдуетъ вѣру, основанную на философскихъ началахъ, возведенныхъ въ правильную систему и обусловленныхъ, въ смыслѣ практическаго приложенія къ жизни, твердыми, соотвѣтствующими народному духу порядками и обрядностью.

Съ 1769 г. двое братьевъ—миссіонеровъ, изучивъ калмыцкій языкъ, поселились среди малой Дербетской Орды, подъ покровительствомъ благопріятеля ихъ, зайсанга Тохмута; но попытка эта не имѣла успѣха. Калмыки, и даже гелунги или духовенство ихъ, съ удовольствіемъ бесѣдовали о религіи; но въ отвѣтъ на разсказы изъ евангелія и о вѣчныхъ истинахъ, они всегда имѣли въ запасѣ подобныя же повѣствованія изъ собственныхъ религіозныхъ книгъ. На вопросъ нѣсколькихъ знатныхъ калмыковъ, гдѣ христіане сохраняютъ своего Бога, братья объяснили, разумѣется, что Богъ христіанъ не отъ рукъ человѣческихъ, а исповѣдываютъ они единаго, животворящаго, невидимаго Бога, создавшаго небо, землю и людей.—«Вы правы, отвѣтили калмыки, нѣтъ иного Творца, какъ только указываемаго вами». Въ такомъ родѣ оканчивались обыкновенно всѣ религіозныя бесѣды. Подобныя попытки со стороны отдѣльныхъ братьевъ возобновлялись довольно не рѣдко, и особенно настойчиво послѣ учрежденія, въ 1813 году, «россійскаго библейскаго Общества.» Общество это, обративъ особенное вниманіе на калмыцкій народъ, поручило въ 1814 г. члену Сарептскаго братства, впослѣдствіи академику, Шмидту, переводъ Новаго Завѣта на калмыцкій языкъ. Уже въ слѣдующемъ году, въ Сарептѣ было получено значительное число экземпляровъ евангелія св. Матѳея «для раздачи желающимъ изъ калмыковъ.» За нимъ послѣдовали безостановочно дальнѣйшія изданія библейскаго общества, такъ что миссіонерскія работы сарептянъ въ Ордѣ дѣ-

лались изъ года въ годъ оживленнѣе. Въ началѣ 20-хъ годовъ казалось даже, что труды ихъ дадутъ положительные результаты. Такъ, въ 1822 г., на принадлежащемъ обществу островѣ на Волгѣ, образовалась маленькая миссіонерская колонія. Нѣсколько калмыцкихъ семействъ привыкали здѣсь къ осѣдлой, земледѣльческой жизни и обучались закону вѣры. Въ виду этихъ успѣховъ, обнаруживавшихся отчасти даже въ средѣ Орды, сарептское общество поспѣшило обратиться къ правительству съ просьбою разрѣшить братству: 1-е, учредить среди калмыковъ христіанскую миссію; 2-е, вновь обращаемыхъ допускать къ св. крещенію и соединять общинами по правиламъ братства; 3-е учреждать въ этихъ общинахъ школы; 4-е, продать обществу участокъ земли для новыхъ общинъ калмыковъ-христіанъ; 5-е, оказывать послѣднимъ, чрезъ посредство мѣстныхъ властей, защиту и покровительство; и 6-е, оставлять обращенныхъ въ прежнихъ подданническихъ отношеніяхъ къ хану, принявъ, однако, мѣры къ огражденію ихъ отъ преслѣдованія калмыцкихъ гелунговъ. Въ ожиданіи послѣдствій этого ходатайства, братья-миссіонеры продолжали начатое дѣло. Но успѣхи ихъ не замедлили вызвать противодѣйствіе калмыцкихъ начальниковъ и духовенства. Послѣднее успѣло даже подвинуть толпу фанатиковъ-калмыковъ на открытыя насилія противъ миссіонерскаго поселенія на островѣ. Наконецъ предписаніе правительства — обратить воспитанниковъ-калмыковъ въ христіанство по догматамъ православной церкви, прекратило всякія дальнѣйшія въ этомъ направленіи попытки братскаго общества, тѣмъ болѣе, что возобновленныя имъ впослѣдствіи, по настояніямъ Дирекціи, ходатайства о дарованіи права миссіонерства остались, по прежнему безъ послѣдствій.

Миссіонерскіе труды Сарепты касались не однихъ калмыковъ; не мало и усердно заботилась она еще о духовномъ призрѣніи поволжскихъ колонистовъ. Дѣятельность братства въ этомъ направленіи имѣла цѣлью не прозелитизмъ, а лишь «розысканіе пробужденныхъ душъ и взаимное сближеніе ихъ въ частныхъ кружкахъ, не отрывая ихъ отъ церкви». Въ періодъ съ 1774 по 1802 годъ, Сарепта пользовалась въ этихъ трудахъ полнымъ сочувствіемъ, отчасти даже поддержкою мѣстныхъ пасторовъ, свободно допускавшихъ сарептскихъ проповѣдниковъ до церковныхъ каѳедръ. Въ колоніяхъ обоихъ береговъ Волги устроились мало-по-малу небольшіе кружки, имѣвшіе свои частныя молитвенныя собранія, примѣняясь по возможности къ порядкамъ евангелическаго братства. Такъ члены этихъ союзовъ дѣлились по полу и возрастамъ на «хоры»; соблюдалась спеціальная «душеспасительная или частная исповѣдь,» предшествовавшая св. причащенію; исполнялась также «трапеза любви» и т. п. Многіе заявляли даже желаніе, поселившись особо, образовать отдѣльную братскую общину, по образцу Сарепты; другіе просили о причисленіи ихъ къ самой Сарептѣ, съ отводомъ имъ нужныхъ угодій изъ земельной дачи колоніи—въ Чапурникѣ. Но все это не входило въ разсчеты сарептскаго общества, такъ какъ этимъ путемъ «не достигалась-бы цѣль союзовъ — быть духовно и матеріально полезными своимъ сообщественникамъ, дѣйствуя среди ихъ какъ добрая соль». Кромѣ того, Сарепта опа-

салась и поводовъ къ обвиненію въ прозелитизмѣ и сектаторствѣ. Но отклоняя всякія попытки въ этомъ смыслѣ, братство продолжало содержать въ поволжскихъ колоніяхъ особыхъ агентовъ, которые, завѣдывая учрежденными здѣсь коммисіонерствами, въ тоже время работали и въ качествѣ миссіонеровъ. Сколько однако агенты-миссіонеры ни старались сдерживать неумѣстные порывы своихъ адептовъ, сущность пропаганды все же заключалась ни въ чемъ иномъ, какъ въ привитіи крайняго піетизма, духъ котораго, при низкомъ уровнѣ развитія и образованія, нерѣдко фанатизировалъ поволжскаго колониста. Въ братскихъ кружкахъ-говоритъ Гличь—молодыя дрожжи нерѣдко бродили, проявляясь въ эксцентричностяхъ, востановляя противъ піетистическихъ кружковъ и ихъ старшинъ массу населенія. На долю братствъ доставались презрѣніе, насмѣшки и чувствительныя обиды; нерѣдко приносились на нихъ и жалобы начальству, которое, смотря по личнымъ взглядамъ начальственныхъ лицъ, то разрѣшало, то строго воспрещало частныя молитвенныя сходки. Таковы были дѣла сарептской миссіи въ поволжскихъ колоніяхъ въ началѣ текущаго столѣтія, т. е. за время лучшаго процвѣтанія Сарепты. Послѣдующій періодъ (1802—1822), какъ періодъ постепеннаго упадка колоніи въ экономическомъ отношеніи, отличается тѣмъ же характеромъ и въ отношеніи миссіи. Въ массѣ поволжскихъ колонистовъ враждебность противъ піетистовъ усиливалась; даже пасторы стали иначе относиться къ сарептской пропагандѣ; коммисіонерства въ колоніяхъ одно за другимъ закрывались; піетистическіе кружки чахли, и такимъ образомъ, уже въ двадцатыхъ годахъ, Сарепта оказалась совершенно отстраненною отъ всякаго непосредственнаго вліянія на нравственный и экономическій бытъ поволжскихъ колонистовъ. По нашему мнѣнію, въ этомъ фактѣ нельзя не видѣть новое доказательство духовнаго и промышленно-торговаго безсилія системы братства.

Какъ Сарепта мечтала, а иногда дѣлала и слабыя попытки, найти себѣ новые пункты миссіонерской дѣятельности на Украйнѣ, въ Малороссіи и Новороссіи, на Волыни и т. д.—объ этомъ распространяться не станемъ: въ сущности всѣ подобныя предпріятія не иное что, какъ судорожные проблески идеи, для осуществленія которой благопріятная пора давно миновала; идеи, правда, всегда жизненной, но требующей современнаго развитія и приложенія къ ней не тѣхъ узкихъ, устарѣлыхъ пріемовъ, отъ которыхъ Сарептѣ такъ трудно отрѣшиться. Давно уже и поневолѣ она сосредоточилась въ самой себѣ и, конечно, къ лучшему. Занятое судьбами другихъ, братство у себя дома, незамѣтнымъ образомъ, отставало во многомъ отъ остальнаго человѣчества, идя во всякомъ случаѣ не впередъ, а назадъ. Теперь Сарепта дошла до распутья и будущее покажетъ куда она повернетъ: на встрѣчу-ли грядущему, или назадъ — въ средніе вѣка, въ могилу.

Но во всякомъ случаѣ мы не можемъ отказать въ нашемъ искреннемъ сочувствіи тѣмъ силамъ, которыми обусловлена вѣковая дѣятельность братства, не смотря на ея безплодность. И если Сарептѣ не удалось осуществить свою главную цѣль, то самое живое участіе къ ея будущности на-

водитъ на вопросы: имѣетъ ли она нынѣ, и какое именно, значеніе въ гражданственномъ и экономическомъ отношеніяхъ?.. Соотвѣтствуютъ ли результаты дѣятельности Сарепты тѣмъ значительнымъ преимуществамъ, которыми она пользовалась постоянно и продолжала пользоваться до послѣдняго времени?

Нѣтъ сомнѣнія, что до исхода первой четверти текущаго столѣтія Сарепта играла весьма видную роль въ ремесленной, промысловой и торговой жизни всего низоваго Поволжья. Можно положительно признать, что первыми зачатками и послѣдующими успѣхами въ ремеслахъ и промыслахъ сѣверо-волжскія колоніи обязаны прежде всего Сарептѣ. Здѣсь обучались ихъ первые мастера и промышленники; отсюда онѣ долгое время заимствовали своихъ сельскихъ учителей и вообще всякія улучшенія, и здѣсь же остается имъ еще поучиться горчичному производству. Но едва ли судьба горчичнаго производства неразрывно связана съ существованіемъ самой Сарепты въ ея нынѣшнихъ условіяхъ. Если же забыть это дѣло и нѣкоторое значеніе Сарепты для степнаго, ближайшаго крестьянскаго населенія, то, во всемъ остальномъ, общество это представляется намъ пенсіонеромъ, которому, какъ-бы въ вознагражденіе за прежнія заслуги, обезпечивается почетная старость.

Насколько соотвѣтствуютъ льготы колоніи оказаннымъ ею краю услугамъ—это другой вопросъ, въ разсмотрѣніе котораго мы не вдаемся; но намъ кажется не лишнимъ высказать здѣсь нѣсколько мыслей о настоящемъ положеніи и условіяхъ будущаго преуспѣянія Сарепты.

Бросивши взглядъ на весь ходъ внутренняго развитія этой колоніи, наше вниманіе останавливаютъ на себѣ два факта. Вопервыхъ, Сарепта, устроившись первоначально по образцу заграничныхъ братскихъ общинъ, т. е. въ строгомъ смыслѣ братскаго религіозно-соціальнаго устава, убѣждалась мало-по-малу въ несостоятельности этого устройства и, какъ замѣчено уже въ началѣ очерка, нашлась въ необходимости, путемъ внутреннихъ преобразованій, сблизиться съ общинными порядками нашихъ мѣстечекъ и городовъ. Въ началѣ поселенія, сарептская община, или общинная экономія, являлась, какъ мы видѣли, безусловнымъ владѣльцемъ и распорядителемъ всякаго рода собственности, ремеслъ, промысловъ и т. д. Исключеніе допускалось развѣ только въ отношеніи движимости, которую, какъ личную собственность, никогда еще не воспрещалось имѣть членамъ братства. Общинная экономія, если и пользовалась и распоряжалась услугами своихъ членовъ, то не иначе, какъ за опредѣленную плату. Равнымъ образомъ, «приватные», снабжаясь всѣми потребностями изъ запасовъ общинной экономіи, ничего не получали даромъ. Корпораціи находились въ подобныхъ же отношеніяхъ къ общинной экономіи. Поэтому, постепенная уступка и запродажа въ личную собственность отдѣльныхъ членовъ братства права на производство ремеслъ и промысловъ, а въ заключеніе и большей части торговыхъ магазиновъ внутри и внѣ колоніи,—являются весьма важнымъ уклоненіемъ отъ основнаго принципа братскаго Общества. Вѣрность этого заключенія подтверждается тѣмъ, что уступки эти въ пользу личной собственности осуществлялись только

вынужденно, въ силу крайней невозможности спасти общину инымъ путемъ отъ несостоятельности. Съ одной стороны, въ неотрицаніи уставомъ братства правъ личной собственности, хотя бы только въ движимомъ имуществѣ, а съ другой,—въ возможности расширенія этого личнаго права на ремесла, промыслы и торговлю, лежитъ отчасти та существенная разница между двумя общинами—радичевскою и сарептскою, которая между прочимъ тоже служила препятствіемъ къ слитію послѣдователей этихъ двухъ религіозныхъ толковъ. Здѣсь же, по нашему мнѣнію, вновь обнаруживается полная, въ практическомъ смыслѣ, несостоятельность не только радичевскаго имущественно-поземельнаго устройства, но даже и той комбинаціи сельскаго устроенія, которую евангелическое братское Общество пыталось осуществить въ Сарептѣ. Радичевцы кончили внутреннимъ разладомъ и совершеннымъ раззореніемъ. Сарепта не погибла, только благодаря привилегіямъ въ податяхъ и повинностяхъ, неистощимой поддержкѣ изъ-за границы, а прежде и главнѣе всего — уклоненіямъ отъ принципа безусловной имущественной общности. Насколько раціональна нынѣшняя постановка въ Сарептѣ правъ личной собственности по отношенію къ общинѣ-землевладѣльцу, объ этомъ не будемъ распространяться; но нельзя не замѣтить, что въ настоящихъ условіяхъ существованіе Сарепты вполнѣ обезпечено. Какъ владѣлецъ весьма значительнаго и, по закону, не отчуждаемаго земельнаго участка, община имѣетъ столько довѣрія, что кредитъ ея, обращенный въ видѣ торговыхъ коммисіонерствъ на подспорье торгово-промышленныхъ оборотовъ членовъ ея, т. е. въ пользу личнаго, частнаго труда и предпріимчивости, обезпечиваетъ за послѣдними возможность полнѣйшаго и прочнаго развитія и преуспѣянія въ экономическомъ отношеніи.

Другое обстоятельство, обращающее на себя наше вниманіе,—это то, что въ Сарептѣ, за 100-лѣтній періодъ ея существованія, мы находимъ тотъ же застой въ нарожденіи населенія, какой обнаружился и въ Радичевѣ. По среднему выводу, за весь этотъ періодъ, число рожденій относится къ смертности, какъ 50:49, тогда какъ всякій сарептянинъ, въ похвалу гигіеническихъ условій колоніи, съ особеннымъ удовольствіемъ и во всякое время готовъ подтвердить, что тамъ, кромѣ обыкновенныхъ болѣзней, не знаютъ ни объ одной эпидеміи. Ни въ 30-хъ, ни въ 40-хъ годахъ, между сарептскимъ братствомъ не было даже холернаго случая. Въ теченіе того же періода изъ-за границы прибыло братьевъ и сестеръ 1,145 человѣкъ; выѣхало же обратно только 677. Слѣдовательно, на долю мѣстнаго нарожденія приходится крайне ничтожный процентъ; но и этотъ процентъ полученъ лишь за періодъ времени (1844—1864), когда Сарепта, отказавшись окончательно отъ миссіонерскихъ поползновеній, сосредоточила свое вниманіе на самой себѣ и дала болѣе свободы естественному ходу своего внутренняго быта, менѣе прежняго насилуя другихъ и себя. (Приложеніе № 2).

Ничтожность нарожденія населенія въ Сарептѣ дѣлается тѣмъ разительнѣе, что колонисты, поселившіеся одновременно въ томъ же Поволжьѣ, но на 250—400 верстъ сѣвернѣе, въ теченіе около 92 лѣтъ

удесятерились, и росли они въ такой прогрессіи исключительно собственными силами, такъ какъ уже съ 1770 г. всякія приселенія со стороны и даже всякія съ заграницею сношенія у нихъ прекратились. Только послѣ пугачевскаго погрома, населеніе этого водворенія успокоилось вполнѣ; но изъ первоначально водворенныхъ (до 8,000 семействъ, въ числѣ до 27,000 душъ обоего пола) къ 1775 году оставалось на лицо не болѣе 5,502 сем., 11,986 муж. и 11,168 жен. пола душъ. Затѣмъ изъ первой, состоявшейся въ 1783 г. народной переписи (5-й по имперіи) и изъ послѣдующихъ ревизій видно, что число поволжскихъ колонистовъ (не считая новѣйшихъ поселеній Самарскаго уѣзда) возрастало:

Отъ	5-й	до	6-й	ревизіи,	въ 1798	году,	за 10	лѣтъ,	на	$26,_{67}$ °/o,	съ надѣломъ	$15,_{5}$	дес.	на душу.
»	6-й	»	7-й	»	1816	»	18	»		$54,_{89}$	»	$10,_{4}$	»	
»	7-й	»	8-й	»	1834	»	18	»		$78,_{20}$	»	$5,_{6}$	»	
»	8-й	»	9-й	»	1850	»	16	»		$50,_{97}$	»	$3,_{8}$	»	
»	9-й	»	10-й	»	1857	»	7	»		$20,_{78}$	»	$3,_{2}$	»	

т. е. въ періодъ 92-хъ лѣтъ, изъ 23,154 душъ этихъ колонистовъ, образовалось къ 1857 г.—19,214 сем., 100,948 муж. и 97,655 жен. пола душъ; а къ 1868 году считается уже болѣе 250,000 душъ (Приложеніе 3), надѣлъ которыхъ по отдѣльнымъ старымъ колоніямъ Саратовской губерніи достигаетъ едва до $1\frac{1}{2}$ десят. на муж. пола душу. Сверхъ того, выходцы изъ этого водворенія образовали въ теченіе того же періода нѣсколько новыхъ колоній на Кавказѣ; эти выселенцы въ приведенный разсчетъ не входятъ. Въ тоже время поволжское водвореніе еще съ 1809 г. вполнѣ уравнено въ податяхъ и повинностяхъ съ мѣстными крестьянами, за исключеніемъ повинностей рекрутской и военно-постойной. На этомъ основаніи, съ саратовско-самарскихъ колонистовъ поступило, напримѣръ, въ 1864 году до 11 р. 40 к. съ души податей, земскихъ и мірскихъ сборовъ, а въ 1866 году одныхъ подушныхъ и оброчныхъ по 4 руб. $50\frac{1}{4}$ коп. *съ души.* И тѣмъ не менѣе, водвореніе это всегда бывало вполнѣ исправнымъ плательщикомъ. Никогда и ни въ какія, даже самыя затруднительныя времена, оно еще ни разу не обращалось къ правительству ни за пособіемъ, ни за разсрочкою или иными льготами, а всегда обходилось своими собственными средствами.

Спрашивается, гдѣ же причина такого крайне неуспѣшнаго нарожденія населенія въ Сарептѣ?.. Ни въ климатическихъ, ни въ экономическихъ условіяхъ причинъ этихъ не существуетъ и существовать не можетъ. Остаются причины физіологическія и соціальныя. Въ физіологическомъ отношеніи одно изъ главнѣйшихъ условій успѣшнаго воспроизведенія есть правильное смѣшеніе и освѣженіе крови. Еслибъ Сарепта не пользовалась постояннымъ наплывомъ свѣжихъ силъ изъ-за границы, то можно бы допустить, что причины неуспѣха ея въ народоумноженіи составляютъ замкнутость, браки между близкими по крови и вообще неосвѣженіе расы. Но безпрерывный и болѣе или менѣе значительный наплывъ новыхъ членовъ изъ Германіи, какъ равно выѣздъ другихъ обратно изъ Россіи, лишаютъ насъ всякой возможности остановиться на этомъ заключеніи.

Такимъ образомъ остается одно соціальное устройство Сарепты: общинно-церковный уставъ и неразрывно связанная съ нимъ общественная и частная жизнь ея.

И дѣйствительно: выше мы указали, какъ отрадно дѣйствуетъ Сарепта, съ ея зеленью, цвѣтами, солидностью построекъ, опрятностью и чистотою улицъ и жилищъ, даже на самаго прихотливаго человѣка. Слѣдуя по полудикимъ и безлѣснымъ степямъ стараго калмыцкаго кочевья и вообще царицынскаго уѣзда, при первомъ шагѣ въ колонію убѣждаешся въ возможности здѣсь отдохнуть и тѣломъ и душею. Но эта, такъ сказать, лицевая сторона для самаго сарептянина не существуетъ. Жизнь мѣстная, при ближайшемъ знакомствѣ съ нею, является до безконечности монотонною, щепетильною, подавленною. Вогнать индивидуальность человѣка въ рамку, какую Сарепта ставитъ ей на каждомъ шагу, въ каждомъ словѣ, да еслибъ было возможно, даже въ каждомъ помышленіи, такое полное пренебреженіе къ самымъ естественнымъ потребностямъ свободы для человѣческой природы не можетъ не сказываться.

Нѣтъ факта безъ причины, и чѣмъ уродливѣе фактъ, тѣмъ уродливѣе, ненормальнѣе причина, его породившая. Изъ настоящаго очерка мы имѣли уже возможность убѣдиться, что весь религіозно-общественный строй братскаго Общества проникнутъ тенденціею—охватить всего человѣка, какъ дѣятеля не только общественнаго, но и частнаго. Вся жизнь Сарепты за 100 лѣтъ есть болѣе или менѣе явный протестъ человѣческой личности противъ преобладанія общиннаго начала, доведеннаго до крайнихъ предѣловъ, если не въ матеріальной, то хоть въ нравственной сферѣ. Протестъ этотъ наглядно проявлялся, по преимуществу, только въ сферѣ матеріальныхъ, имущественныхъ интересовъ; здѣсь благопріятствовали тому случайныя общественныя несчастія, и была до извѣстной степени даже легальная возможность къ заявленію личностью своихъ правъ. Мало-по-малу личное начало брало верхъ. Но, упрочивая имущественную самобытность личности, послѣдняя и по настоящее время не успѣла достигнуть того же въ сферѣ религіозно-соціальной, хотя успѣхъ въ одномъ, не могъ, конечно, не привести къ успѣху и въ другомъ отношеніи. Было время, что браки въ Сарептѣ зависѣли безусловно отъ усмотрѣнія общиннаго начальства; самый выборъ невѣсты опредѣлялся по жребію. Разрѣшая браки только тѣмъ изъ братьевъ, которые сдѣлались самостоятельными мастерами или хозяевами, и дозволяя, въ свою очередь, только въ рѣдкихъ исключительныхъ случаяхъ устройство, рядомъ съ существующимъ, новаго подобнаго же ремесленнаго и промышленнаго заведенія, начальники колоніи, или вѣрнѣе, уставъ общества, стѣсняли до крайности заключеніе брачныхъ союзовъ. Съ другой стороны, жребій сводилъ лицъ разныхъ возрастовъ, вопреки ихъ личнымъ наклонностямъ. И сколько старыхъ холостяковъ и отцвѣтшихъ сестеръ сошли въ могилу, не получивъ права даже мечтать о бракѣ! Не мудрено, что изъ частной, закулисной жизни корпораціонныхъ домовъ намъ самимъ удавалось слышать не мало мелодраматическихъ разсказовъ о «томленіяхъ любви, сердечныхъ страданіяхъ и перепискахъ, тайныхъ

свиданіяхъ и похожденіяхъ», которыя не всегда оканчивались благополучно. Не удивительно, что сарептская молодежь, каждый шагъ которой долженъ бы состоять подъ строжайшимъ контролемъ, находитъ, тѣмъ не менѣе, возможнымъ давать себѣ просторъ въ секретныхъ попойкахъ среди тѣнистыхъ садовъ и рощь Чапурника, въ случаяхъ же весьма не рѣдкихъ кончаетъ пьянствомъ, изгоняется изъ колоніи и т. д. Все это дѣлается весьма понятнымъ, если сообразить, что въ самой колоніи — а гласно, и нигдѣ въ другомъ мѣстѣ,—членъ общества не долженъ позволить себѣ ни музыки, танцевъ, или театра, ни какой-либо игры и развлеченій, не имѣющихъ прямого религіознаго характера; ни наконецъ лишняго шага, смѣха или шутки. Все это подобаетъ лишь «мірянину», а не доброму брату или сестрѣ, которыхъ весь интересъ, всѣ помыслы должны быть сосредоточены на одномъ «славословіи Творца».

По мѣрѣ эманципаціи личности въ сферѣ экономической, появлялись въ Сарептѣ, сами собою, и задатки освобожденія ея отъ религіозно-нравственнаго гнета. Какъ причины политическія и экономическія по отношенію къ правительству удерживали общество отъ усиленной миссіонерской дѣятельности, такъ давно уже, и съ каждымъ годомъ все болѣе, подобныя же соображенія вынуждаютъ снисхожденіе общины къ «приватнымъ» — собственникамъ. И въ самомъ дѣлѣ; — не выгонять же изъ общества какого нибудь Глича, и ему подобныхъ, за кое-какія нарушенія дисциплинарныхъ правилъ, если вмѣстѣ съ такими мѣрами должны бы покинуть колонію сотеннотысячные, если не милліонные капиталы. Ну и выходитъ, что Гличь и подобные ему члены общины подчиняются требованіямъ церковно-общинной дисциплины лишь въ той мѣрѣ, на сколько они сами признаютъ это разумнымъ и справедливымъ. Примѣры подобнаго снисхожденія дѣлаются, какъ само собою разумѣется, болѣе и болѣе нормальными, ограждая до извѣстной степени отъ деспотическаго попечительнаго гнета и остальное, менѣе состоятельное населеніе колоніи. Такимъ образомъ, мало-по-малу, готовится и кризисъ религіозно-соціальный. Но какъ переживетъ его Сарепта?... Это вопросъ весьма гадательный, особенно, если правительство признаетъ необходимымъ привлечь братство, на общемъ основаніи, къ платежу всѣхъ повинностей, какъ о томъ настаиваетъ мѣстное земство.

По нашему убѣжденію, обложеніе Сарепты въ пользу земства и казны сборами на общемъ основаніи съ населеніемъ нашихъ городовъ, могло бы прежде всего повести къ болѣе нормальной постановкѣ внутреннихъ общественныхъ и частныхъ отношеній братства, вынуждая общину къ подобнымъ же въ пользу эманципаціи личности уступкамъ въ сферѣ церковнаго благочинія, какія она допустила уже въ дѣлахъ имущественныхъ подъ давленіемъ случайныхъ экономическихъ затрудненій. Одно лишеніе общества возможности содержать такую дорогую администрацію должно-бы повести къ ослабленію неумѣстнаго попечительства, которое душитъ и давитъ личность; все же остальное довершила бы сама жизнь. Много-ли, мало-ли времени, но Сарепта имѣла свой періодъ, когда нельзя было не признавать ее за свѣточъ среди мрака мѣстной жизни.

Но то время миновало навсегда. На почвѣ торговой, промышленной и мануфактурной—звѣзда Сарепты, постепенно блѣднѣя, не могла устоять и склонилась къ горизонту, во многихъ отношеніяхъ даже ниже его. Тоже самое грозитъ ей теперь на аренѣ гражданственности. И напрасно общество стало бы прятаться за привилегіи; стѣна эта едва-ли надежнѣе прежнихъ крѣпостныхъ сооруженій ея. Вглядываясь внимательно въ вѣяніе окружающей колонію новой жизни, общество не можетъ не убѣдиться, что ему предстоитъ теперь дилемма: или войти въ общій строй мѣстной жизни и, оставивъ свою изолированность, пріобрѣсти этой цѣною вновь «всѣ права гражданскія»; или, замкнувшись до послѣдней крайности въ своихъ стѣнахъ, сдѣлаться окончательно темною точкою на свѣтломъ фонѣ грядущаго бѣлаго дня, провозвѣстники котораго—уничтоженіе крѣпостной зависимости, земское самоуправленіе и гласный судъ—уже начали освѣщать русскую землю.

Только въ этихъ ненормальностяхъ внутренняго и внѣшняго быта Сарепты; въ прямомъ разладѣ его съ природою человѣка и со всею окружающею колонію средой слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, искать истинныя причины, подсѣкавшія до сего времени въ самомъ корнѣ нравственныя и физическія силы сарептянъ. Но тѣже причины убѣждаютъ насъ, что радичевская и сарептская комбинаціи сельскаго устроенія, какъ болѣзненные плоды средневѣковаго хаоса и борьбы на смерть двухъ началъ—личнаго и ассоціаціоннаго, или, по-русски, мірского—общиннаго, не соотвѣтствуютъ ни результатамъ вѣкового опыта, ни конечнымъ требованіямъ и условіямъ соціально-политическаго строя современнаго общества; а потому комбинаціи эти, даже при самыхъ льготныхъ законодательныхъ гарантіяхъ, будущности не имѣютъ и имѣть не могутъ.

Нельзя не сознать и самому братству, что положеніе дѣлъ въ Россіи совершенно измѣнилось; что настала пора сведенію итоговъ взаимныхъ услугъ и обязательствъ; и что непроницаемый покровъ, за которымъ скрывается колонія, можетъ при этихъ разсчетахъ вредить прежде всего ей самой, вводя русское общество лишь въ ошибочныя, быть можетъ, заключенія.

IV.

МЕННОНИТЫ.

До сихъ поръ шла у насъ рѣчь о поселеніяхъ, которыхъ послѣдовательное развитіе при самыхъ льготныхъ условіяхъ не дало практически примѣнимыхъ у насъ результатовъ, хотя и Радичевъ и Сарепта стремились приложить къ жизни, развить и утвердить окончательно нормы человѣческаго общежитія, составляющія, по мнѣнію этихъ братствъ, сущность истиннаго христіанства.

Попытки въ томъ же родѣ, но несравненно болѣе крайнія, во множествѣ встрѣчаются теперь въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ [1]). Тамъ, на территоріальномъ просторѣ столь же широкомъ, какъ и индивидуальная свобода американскаго гражданина, болѣе или менѣе сильныя, цвѣтущія общины разныхъ сектъ отрѣшились не только отъ господствующихъ гражданскихъ кодексовъ, но нерѣдко и отъ догматики христіанства. Каждая секта, создавъ себѣ свой собственный соціальный уставъ, одинъ оригинальнѣе другаго, всѣми силами старается осуществить его практически, возвести свое ученіе въ строгую систему и пропагандировать его въ «языческой» средѣ.

Такъ мормоны признаютъ три міра: одинъ вещественный и два невидимыхъ, безплотныхъ; именно: 1) *небесный* или *загробный*, куда переселяются души обитателей 2) *вещественнаго міра*—земли, *и* 3) *доземной*, населенный душами, ожидающими воплощенія чрезъ человѣка. Вмѣняя человѣку въ особую заслугу и обязанность—возможно большее воплощеніе душъ послѣдняго міра, мормоны возвели полигамическій бракъ въ догматъ вѣры и практикуютъ его въ самыхъ странныхъ примѣненіяхъ, идущихъ въ разрѣзъ съ нашими нравственными нормами брачныхъ отношеній. Вмѣстѣ съ тѣмъ мормоны признаютъ семейное начало, въ смыслѣ патріархальной семьи, и личную собственность, не включая сюда земли, которая остается собственностью коммунальною.

---

[1]) «Новая Америка» В. Диксона. Спб. 1867.

Шэкеры и библейскіе коммунисты, или перфекціонисты, живутъ и хозяйничаютъ въ родѣ радичевцевъ—коммунально, придерживаясь догмата безусловной общности имуществъ; но во всемъ остальномъ обѣ секты расходятся діаметрально.

«Царство небесное — учатъ шэкеры — настало; Христосъ явился вторично на землю; личное управленіе земли Богомъ возстановлено». За этими главными принципами, какъ необходимое ихъ слѣдствіе, идутъ многіе другіе: «древній законъ уничтоженъ; повелѣніе рости и множиться отмѣнено; грѣхъ Адама искупленъ; единеніе неба и земли возстановлено; проклятіе, наложенное на трудъ, снято; земля и все, что на ней, будетъ искуплено; ангелы и безплотные духи, какъ во время оно, стали друзьями и слугами людей. Но только избранникамъ извѣстно, что эти великія перемѣны совершились на землѣ, ибо большинство людей слѣпы, глухи и, какъ въ былыя времена, не вѣдаютъ Бога въ ту самую минуту, когда Онъ призываетъ ихъ къ единенію съ собою. Немногіе, очень немногіе избраны благостью Божіею; но въ сердцахъ своихъ избранныхъ Онъ царитъ и творитъ свою волю. Призванные Имъ люди умираютъ для міра и забываютъ въ своемъ новомъ небесномъ бытіи самое существованіе міра, его страстей, борьбы, грѣховъ. Каждый изъ этихъ избранныхъ твердо вѣритъ, что его новое бытіе не есть только перемѣна образа жизни, но совершенно новая жизнь души, въ которой міръ не имѣетъ ни малѣйшаго участія. Рожденіе дѣтей и бракъ для нихъ болѣе не существуютъ; самая смерть—лишь перемѣна одежды, лишь обмѣнъ видимой, тѣлесной оболочки, на невидимый, духовный нарядъ славы небесной». Вотъ — по словамъ В. Диксона — основныя идеи, которыми руководятся шэкеры въ ихъ коммунальной жизни—внутренней и внѣшней.

«Въ истинной организаціи семьи—утверждаютъ въ свою очередь библейскіе коммунисты — есть четыре степени: 1) примиреніе съ Богомъ; 2) спасеніе отъ грѣха; 3) братство мужчинъ и женщинъ,—и 4) общность въ трудѣ и его результатахъ. Но общность имуществъ подразумѣваетъ и общность женъ. Совершенно ошибочно мнѣніе, что человѣкъ можетъ любить только разъ въ жизни и что онъ можетъ любить одинъ только предметъ въ данное время. Напротивъ, тайная исторія человѣческаго сердца вполнѣ ясно докажетъ, что оно способно любить сколько бы то ни было разъ и сколько бы то ни было лицъ; что чѣмъ болѣе оно любитъ, тѣмъ болѣе оно можетъ любить. Это законъ природы. Но вполнѣ ошибочна мысль, что любовь — неизбѣжный рокъ, которому должно предоставить свое теченіе; напротивъ, все дѣло любви и ея выраженія должны быть подвергнуты просвѣщенному контролю самого человѣка и должны быть направлены къ достиженію наибольшей пользы.» На этомъ основаніи, каждая община перфекціонистовъ составляетъ одинъ брачный, пантагамическій циклъ, въ которомъ «каждый мужчина—братъ и мужъ каждой женщины, а каждая женщина — жена и сестра каждаго мужчины.» И подобные циклы, какъ напр. «Онеидскій Ручей» доходятъ до 300 членовъ! «Бракъ, какъ обрядъ и какъ фактъ—говоритъ В. Диксонъ—уничтоженъ библейскими коммунистами на вѣки во имя истинной вѣры; они

громко заявляютъ свое убѣжденіе, что такое исключительное и эгоистическое учрежденіе, какъ бракъ, будетъ отвергнуто всѣми честными церквами съ той минуты, когда міръ освободится отъ ложной идеи, что любовь — грѣхъ.»

И приведенные примѣры взяты нами на выдержку изъ цѣлаго ряда другихъ, почти не менѣе своеобразныхъ явленій американской жизни! Современная постановка тамъ одного, такъ называемаго «женскаго вопроса» такова, что серьезнѣйшимъ образомъ грозитъ подрыть самыя существенныя основы господствующаго соціальнаго устройства. И гдѣ же ключъ къ правильному анализу этихъ явленій?... Съ своей стороны, мы видимъ въ нихъ ни болѣе, ни менѣе какъ болѣзненные отпрыски усиливающагося въ американскомъ обществѣ реакціоннаго движенія противъ всесильнаго преобладанія въ немъ индивидуальнаго, личнаго принципа, готоваго на развалинахъ моногамической семьи и существующаго соціальнаго строя водрузить знамя личнаго произвола, какъ видимую эмблему своего безусловнаго главенства надъ началомъ ассоціаціоннымъ, въ смыслѣ гражданско-общественнаго режима. Пока въ Америкѣ будетъ гдѣ разойтись различнымъ партіямъ — существованіе каждой изъ нихъ, какъ самостоятельнаго, цѣльнаго организма, не встрѣтитъ особенныхъ внѣшнихъ затрудненій; каждая секта легко можетъ болѣе или менѣе развиться и окрѣпнуть. Но настанетъ и тамъ пора, когда территоріальный просторъ съузится и всѣ партіи, секты, системы и общины подвергнутся ближайшему взаимодѣйствію. Тогда въ полной силѣ скажется взаимное противорѣчіе началъ и міросозерцаній; тогда представители ихъ придутъ къ окончательному взаимному учету, къ послѣдней повѣркѣ обоюдныхъ нравственныхъ и матеріальныхъ силъ. По всей вѣроятности, въ этихъ конечныхъ разсчетахъ примутъ не маловажное участіе представители всѣхъ расъ человѣчества и всѣхъ своебытныхъ цивилизацій древняго и новаго міра. И кто̀ же рѣшится предсказать конечный исходъ этого хаотическаго броженія и попытается предуга́дать тѣ средніе выводы, которые въ концѣ концовъ явятся общими нормами вновь успокоившагося общества?... Кто̀, въ виду предусматриваемаго нами столкновенія, скажетъ намъ утвердительно, что историческій ходъ развитія американскаго общества не подвергнется вновь, и быть можетъ, еще не одинъ разъ, подобнымъ же кровавымъ эпизодамъ, какой оно пережило недавно, на нашихъ глазахъ, и раны котораго еще далеко не залечены?...

Наши религіозно-соціальныя братства далеки отъ американскихъ утопій. Признавая обязательнымъ для себя одну только библію съ новымъ завѣтомъ, радичевское и сарептское братства исходятъ отъ того положенія, что исключительно этотъ кодексъ долженъ служить для христіанскаго общества руководствомъ и въ вопросахъ совѣсти, и въ дѣлахъ гражданской жизни. Вслѣдствіе того, братства позаботились оградить себя отъ непосредственнаго вмѣшательства и вліянія на ихъ внутреннія порядки общихъ гражданскаго права и административно-полицейскихъ властей. Они доказываютъ, что наше общественное право выросло всецѣло на языческой почвѣ; что оно чуждо началамъ полнаго равенства и

взаимной братской любви, заповѣданныхъ евангеліемъ «обществу во Христѣ.» Не станемъ доискиваться—насколько наше русское право солидарно съ правомъ римско-германскимъ, вызвавшимъ противъ себя этотъ протестъ; оставляемъ въ сторонѣ и вопросъ — насколько оба эти кодексы соотвѣтствуютъ началамъ истиннаго христіанства. Скажемъ только, что прародитель нашей современной юридической науки —кодексъ Юстиніана не могъ отрѣшиться отъ права грековъ и римлянъ, проникавшаго и обусловливавшаго весь бытъ и строй древняго цивилизованнаго міра. Положительное законодательство какъ теперь, такъ и во всѣ времена, нормируя условія гражданскаго быта, имѣетъ предметомъ прежде всего болѣе или менѣе крѣпко сложившіяся формы во всѣхъ отрасляхъ человѣческой дѣятельности; самая наука права есть, въ свою очередь, не иное что̀, какъ логическій выводъ изъ вѣковой жизни человѣчества. Поэтому, если переворотъ, вызванный христіанствомъ, не легко давался языческому міру въ сферѣ отвлеченной—въ умахъ, вѣрованіяхъ и обычаяхъ, то само собою понятно, что въ сферѣ матеріальныхъ интересовъ онъ могъ совершиться только путемъ несравненно болѣе медленнымъ. Соціальныя революціи ни въ какія времена не входили и положительно не могутъ входить въ разсчетъ людей практическихъ, и тѣмъ болѣе законодателя, допускающаго въ принципѣ лишь прогрессивное, но отнюдь не революціонное движеніе.

Съ этой точки зрѣнія, Радичевъ и Сарепта получаютъ особенный интересъ, какъ живой, фактическій протестъ противъ современныхъ имъ золъ въ семьѣ, обществѣ, церкви и государствѣ. Но если и признать, что протестъ этотъ не лишенъ до извѣстной степени справедливаго основанія, то, съ другой стороны, и опыты названныхъ двухъ братствъ представляются вполнѣ неудачными.

Радичевъ, порвавъ всѣ нити, связывавшія это братство съ общимъ порядкомъ вещей, и пытаясь воплотить въ объективную дѣйствительность свою собственную систему, жертвовалъ всѣмъ для своего идеала. Исходя отъ принциповъ общности имущества и полнаго равенства въ личныхъ правахъ индивидуума, и придавъ этимъ началамъ значеніе догмата вѣры, гуттерская община низвела семью, мужа и жену, до «пары» въ смыслѣ самца-самки, племеннаго приплода. Это ставило общину въ прямое противорѣчіе, съ тѣмъ высокимъ значеніемъ, какое она, по сущности своей теоріи, признавала за семейнымъ началомъ. Другое послѣдствіе, логически вытекавшее изъ основныхъ началъ, было соединеніе церковной и гражданской власти надъ общиною въ одномъ лицѣ, приговоры котораго «священны»; вотъ новое, коренное противорѣчіе съ основнымъ принципомъ равноправности, такъ какъ, въ сущности, члены братства оказались *равно безправными* предъ абсолютною властью своего старшины. Результаты такой комбинаціи читателю извѣстны. Радичевская коммуна, въ силу догматическаго значенія усвоенныхъ ею основныхъ началъ, не допускала и не могла допустить никакихъ уступокъ въ пользу гражданскаго положенія индивидуума; ей оставалось, или окончательно застыть въ первоначально сложившихся условіяхъ, или разрушиться. И судьба

Радичева разрѣшилась гораздо скорѣе, чѣмъ можно было ожидать при благопріятной обстановкѣ, данной братству правительствомъ. Ни пособія, ни привилегіи не могли остановить разложенія коммуны, такъ какъ единственная способная на это сила — прогрессивно возрастающій деспотическій терроръ — была здѣсь немыслима, хотя почти только вслѣдствіе окружавшей общину внѣшней среды, т. е. того «языческаго» кодекса, несостоятельность котораго требовалось доказать.

Сарепта, по крайней мѣрѣ въ періодъ своего процвѣтанія, стремилась неуклонно къ осуществленію того же идеала. Вся разница въ устройствѣ евангелическаго братскаго общества отъ радичевской коммуны касалась не столько сущности основныхъ принциповъ, сколько способа практическаго ихъ примѣненія. Старшину-деспота замѣнили центральныя коллегіальныя учрежденія: синодальное собраніе и дирекція — одно какъ законодательная, другая—какъ исполнительная власть. Власти эти, выходя изъ среды братства по срочнымъ выборамъ, всегда стояли выше статута церковно-общиннаго благочинія и благоустройства, безусловно обязательнаго для мѣстнаго управленія въ общинахъ до отмѣны, или измѣненія его, въ законодательномъ порядкѣ. Кромѣ того, братское Общество, исходя отъ тѣхъ же основныхъ началъ — общности имущества и полной равноправности—не прикрѣпило однако никого изъ своихъ членовъ *лично* ни къ общинному имуществу, ни вообще къ общинному союзу: всякій членъ его сохраняетъ за собою личное право во всякое время оставить братскій союзъ, какъ въ свою очередь и община можетъ удалить изъ своей среды каждаго, «не отдавая никому отчета». Такимъ образомъ, приведенныя нами основныя начала получили здѣсь, по преимуществу, экономически-гражданское значеніе, вмѣсто прежняго догматическаго; а такая условность, въ свою очередь, давала возможность, рядомъ съ корпоративно-коммунальною жизнью, допустить и жизнь семьями, въ отдѣльныхъ домахъ и хозяйствахъ, личную собственность, болѣе или менѣе опредѣленныя юридическія отношенія индивидуума къ общинѣ и т. д. Читатель знаетъ, къ чему пришла Сарепта въ теченіи столѣтняго своего существованія: вся исторія ея есть рядъ палліативныхъ сдѣлокъ общиннаго начала съ личнымъ,—сдѣлокъ, окончательный результатъ которыхъ еще впереди, хотя и обозначилось уже довольно осязательно, что братство, путемъ тяжелаго опыта, болѣе и болѣе сближается съ отвергнутымъ имъ «языческимъ» кодексомъ. И едва ли потребуется новаго столѣтія, чтобы окончательно придти Сарептѣ къ сознанію превосходства гражданскаго права «грѣшнаго міра» предъ ея собственнымъ, уже значительно поблекшимъ идеаломъ, благодаря, конечно, *обоюднымъ уступкамъ и усовершенствованіямъ*.

Меннониты, съ которыми мы намѣрены теперь ознакомить читателя, именуютъ себя также братствомъ; также, какъ Сарепта и Радичевъ, они связываютъ довольно тѣсно церковно-общинное благочиніе съ гражданскимъ устройствомъ, основывая и то и другое предпочтительно на текстахъ св. писанія. Но у нихъ власть духовная положительно отдѣлена отъ власти гражданской, и притомъ въ такой комбинаціи, что послѣд-

няя вполнѣ подчиняется общимъ порядкамъ управленія, а семейно-гражданское право ихъ, имѣя въ основаніи своемъ все тотъ же принципъ равноправности, весьма близко, если не совершенно, совпадаетъ съ идеаломъ, къ которому стремится наше сельское состояніе. По крайней мѣрѣ, на всю нашу иностранную колонизацію, общинно-имущественное и семейное устройство меннонитовъ оказало весьма существенное, и притомъ благотворное вліяніе, тѣмъ болѣе, что правительство, убѣждаясь изумительно быстрыми успѣхами меннонитскаго хозяйства, руководилось до извѣстной степени ихъ распорядками при устройствѣ большинства остальныхъ колоній.

I.

Исторія меннонитскаго братства восходитъ равнымъ образомъ до временъ реформаціонныхъ. Братство это составляетъ преобразовавшуюся отрасль анабаптистовъ или перекрещенцевъ, появившихся, въ видѣ особой секты, въ Германіи, одновременно съ Лютеромъ. Анабаптисты возставали противъ крещенія младенцевъ и нѣкоторыхъ другихъ догматическихъ и обрядовыхъ ученій католичества, лютеранства и кальвинизма. Изъ числа послѣдователей секты анабаптистовъ отличались особеннымъ фанатизмомъ извѣстные «цвикаускіе пророки» въ Саксоніи, и, во главѣ ихъ, не менѣе извѣстные въ исторіи того времени Ѳома Мюнцеръ, Никласъ Шторхъ, Мартынъ Целларіусъ и др.

Юный протестантизмъ, выставивъ на знамени своемъ свободу совѣсти и убѣжденія, держался однако этого великаго начала только въ собственныхъ, исключительныхъ интересахъ. «Цвикаускіе пророки», осмѣлившіеся имѣть свое сужденіе, подверглись въ Саксоніи жестокимъ преслѣдованіямъ со стороны главныхъ религіозныхъ партій.

Ѳома Мюнцеръ, современникъ и конкурентъ Лютера, является въ бытовой исторіи человѣчества личностью въ высшей степени замѣчательною; дѣятелемъ, по идеямъ своимъ опередившимъ тогдашнее общество на многіе вѣка. Могучее слово этого реформатора подняло на защиту своихъ правъ народныя массы тѣхъ именно мѣстностей Германіи, изъ которыхъ впослѣдствіи вышелъ главный контингентъ нашихъ нѣмецкихъ колонистовъ, и гдѣ, по словамъ Циммермана (исторіографа великой крестьянской войны), спустя долго послѣ смерти Мюнцера, его идеи сохранили много тайныхъ приверженцевъ, живя и до сихъ поръ въ хижинѣ поселянина, посѣщая мыслителя въ полуночный часъ и звуча повсюду въ устахъ справедливаго заступника народа. «Планы Мюнцера (продолжаетъ Циммерманъ), стремившіеся пересоздать церковь и государство, были плодами генія, задачею всей жизни котораго было довести идею свою до общественнаго сознанія, сдѣлать ее понятною, доступною человѣчеству и доставить ей господствующее вліяніе. Для достиженія этой цѣли, Мюнцеръ жертвовалъ всѣмъ, даже жизнью; но этого самоотверженія не могли понять обыденные люди, узкость взглядовъ которыхъ, не исключая и самаго Лютера, мѣшала имъ допытаться истины. Нѣкоторыя изъ идей Мюн-

цера приведены въ исполненіе, и этимъ положено основаніе счастью народа и величію страны. Еще и теперь всякое движеніе, религіозное или политическое, бродящее въ обществѣ, опирается на идеи Мюнцера, какъ на свою исходную точку; время очистило нѣкоторыя изъ нихъ; другія не достигли еще зрѣлости, и потому кажутся намъ скорѣе заблужденіемъ, нежели истиной».

Реформація застигла Германію во всѣхъ отношеніяхъ въ самомъ безотрадномъ положеніи, чѣмъ, впрочемъ, она сама и была обусловлена, какъ всѣ подобные ей перевороты. Уже въ то время слово «отечество» было для нѣмца только отвлеченнымъ понятіемъ, неимѣвшимъ живаго, реальнаго смысла. Императоръ считалъ своими только династическіе интересы габсбургскаго дома, а не выгоды государства. Князья точно также знали только свои собственныя, династическія цѣли. Города долго жили мѣстною, особенною жизнью, неуступая князьямъ и рыцарству въ экономической и нравственной эксплоатаціи низшихъ слоевъ, порабощеннаго класса. Только притѣсненія князей и самоуправіе рыцарства, подкапывавшихся подъ муниципальное самоуправленіе въ надеждѣ утвердить такимъ образомъ свое безусловное полновластіе, вынуждали городскія муниципіи отъ времен до времени взывать къ единому, великому нѣмецкому отечеству. Но эти крики были слабы, нерѣшительны, а призываемое отечество уже не существовало: каждая народность, каждое самое незначительное княжество думало только о себѣ и ничего не хотѣло знать о нѣмецкой землѣ. Болѣе рѣшительный и мощный протестъ слышался съ другой стороны. По временамъ, начиная съ конца среднихъ вѣковъ, изъ среды порабощеннаго народа стали раздаваться вопли отчаянія и мольбы о защитѣ, обращенныя къ общей родинѣ; но и эти конвульсіи обыкновенно затирались въ потокахъ крови. Тѣмъ не менѣе, безмолвныя массы поселянъ, придавленныя de facto самодурнымъ, развращеннымъ высшимъ классомъ — духовною и свѣтскою аристократіею, de jure римскимъ правомъ, подоспѣвшимъ на помощь крѣпостничеству, — однѣ массы низшихъ слоевъ населенія таили и лелѣяли тѣ завѣтныя стремленіи Германіи, которыя въ наше время сказались на поляхъ Кёниггреца, но уже въ формѣ, не вполнѣ соотвѣтствующей идеалу демократической партіи нѣмецкаго народа.

И все то, что̀ смутно бродило въ этомъ народѣ; что̀ вѣками поддерживало въ немъ надежду на лучшую будущность, — все это нашло себѣ талантливаго, преданнаго защитника и толкователя въ Ѳомѣ Мюнцерѣ. Проповѣдь его врѣзывалась прямо въ сердца обездоленныхъ, освѣщая яркимъ свѣтомъ все безобразіе ихъ бытовой обстановки; уясняя органическія причины ихъ страданій и, въ тоже время, указывая и средства выдти на путь свободы и гражданственности.

Появленіе Лютера дало первый, рѣшительный толчокъ пробужденію массъ; но онъ не шелъ далѣе религіозной реформы, тогда какъ народъ жаждалъ свободы сколько въ церкви, столько же, если не болѣе, и въ своемъ гражданскомъ быту. Этому-то двойному ожиданію, несравненно болѣе чѣмъ Лютеръ, удовлетворяли живое слово странствующихъ проповѣдни-

ковъ и множество воззваній, появлявшихся въ 1521—1524 годахъ, настраивая народъ въ революціонномъ смыслѣ. Возобновились времена гуситизма; недоставало пока только новаго Гуса, и имъ-то не замедлилъ сдѣлаться Мюнцеръ.

Родившись между 1490 и 1493 годами въ Штольбергѣ, у подножія Гарца, и окончивъ свое образованіе въ Витенбергѣ и Лейпцигѣ, Томасъ Мюнцеръ выступилъ въ роли реформатора гораздо раньше Лютера, и притомъ такъ рѣшительно, что сразу отдѣлился отъ государственной церкви, вступивъ съ нею въ борьбу. Еще до Лютера, онъ считалъ библію единственнымъ источникомъ познаванія и религіознаго ученія; онъ полагалъ, что существованіе верховнаго главы видимой церкви, его высшихъ и низшихъ служителей, противорѣчитъ тому идеалу Христовой церкви, который указанъ въ библіи. Въ этомъ смыслѣ Мюнцеръ проповѣдовалъ: съ 1515 года въ Фрозѣ близь Ашерслебенѣ; въ 1519 году въ Бейтицкомъ женскомъ монастырѣ близь Вейсенфельза, а съ 1520 года въ Цвикауской церкви Богоматери. Въ то время онъ былъ въ восторгѣ отъ Лютера; но убѣдясь, что послѣдній не сдѣлаетъ ни шагу къ полному преобразованію государства на новыхъ началахъ, Мюнцеръ тѣмъ усерднѣе сталъ подготовлять себя къ самостоятельной дѣятельности, увлекаясь въ своихъ проповѣдяхъ все далѣе. Онъ понималъ, что церковная реформація должна обратиться въ національную революцію, хотя публично этого пока не высказывалъ, быть можетъ потому, что еще самъ не вполнѣ уяснилъ себѣ многаго. Но съ Лютеромъ, Мюнцеръ разошелся окончательно уже въ это время. Онъ называлъ Лютера человѣкомъ изнѣженнымъ, любящимъ тѣшить плоть на пуховикахъ, и упрекалъ его въ томъ, что для него вѣра все, а дѣла ничего; что онъ оставляетъ народъ въ его прежнихъ грѣхахъ. Мюнцеръ утверждалъ, что нужно чаще помышлять о Богѣ, который и теперь, какъ прежде, дѣйствуетъ на людей откровеніемъ.

Вскорѣ явились и люди, утверждавшіе, что обладаютъ откровеніемъ духа: то были цвикаускіе мистики. Эти мистики, какъ и мораво-чешскіе братья, отрицали въ евхаристіи Христа во плоти, отвергали церковный культъ, священство и крещеніе младенцевъ. Они похвалялись непосредственнымъ откровеніемъ, небесными восхищеніями и видѣніями, твердо вѣруя этому, равно какъ и учрежденію ими «тысячелѣтняго царства». Глава цвикаускихъ пророковъ, ткачь Никласъ Шторхъ, окруживъ себя двѣнадцатью апостолами и семидесятью учениками, проповѣдовалъ о скоромъ разрушеніи міра, о приближеніи страшнаго суда, который истребитъ нечестивыхъ и безбожныхъ, и о наступленіи затѣмъ царства Бога на землѣ, однаго крещенія, одной вѣры. Въ первые три года своего существованія, братство цвикаускихъ пророковъ или анабаптистовъ старалось о безупречной жизни своихъ членовъ; отъ нихъ требовались умѣренность въ пищѣ и питьѣ, простота въ одеждѣ, взаимная дружба и кротость. Все это исполнялось строго и анабаптисты предпочитали лучше умереть, чѣмъ отступиться отъ своего ученія. Всѣхъ недостойныхъ они удаляли изъ своего кружка, уча серьозно вѣрить, любить, терпѣть му-

ченія и даже смерть. Кафтанъ изъ грубѣйшей матеріи и широкая войлочная шляпа составляли принадлежность каждаго анабаптиста.

Мюнцеръ, какъ сказано, тоже вѣрилъ въ возможность пророческаго дара, но не повѣрилъ пророческому призванію цвикауцевъ. Тѣмъ не менѣе онъ вступилъ съ ними въ сношеніе, видя въ нихъ отличныхъ агентовъ для воздѣйствія на низшіе слои общества. Мюнцеръ ненавидѣлъ угнетателей народа, свѣтскихъ и духовныхъ владѣтелей; онъ считалъ ихъ развратителями міра, врагами божественнаго порядка. Въ христіанскомъ духовенствѣ онъ видѣлъ продолженіе «древней тираніи, которая мучитъ людей». Онъ ненавидѣлъ высшіе классы «враговъ царства Божія на землѣ, вѣчнаго евангелія и спасенія, какъ людей, притѣсняющихъ человѣчество въ жертву своему эгоизму, сластолюбію и капризамъ, всячески злоупотребляющихъ имъ и припятствующихъ ему развивать свои силы и наслаждаться жизнью». Въ душѣ Мюнцера было много мрачнаго, дикаго; но въ этомъ мракѣ горѣло яркое чувство любви къ народу, къ человѣчеству: честолюбецъ и отчасти мечтатель, онъ былъ честный и притомъ разсчетливый человѣкъ. Онъ полагалъ, что государство должно быть одушевлено духомъ христіанства, а общество и его порядки слѣдуетъ организовать по ученію Христа; онъ ожидалъ основанія «новаго Іерусалима» не за гробомъ, не въ будущей жизни, а на землѣ, на германской почвѣ; царство свободы и радости должно было возникнуть, по его желанію, немедленно, быстро и, если нужно, насильственно [1]).

Противъ такого радикализма всѣми силами возстали и власти и Лютеръ. Въ концѣ 1521 года, цвикаускіе пророки и Мюнцеръ были изгнаны изъ Саксоніи; одни отправились въ Виртембергъ, другіе въ Богемію. Въ числѣ послѣднихъ былъ и Мюнцеръ, издавшій въ Прагѣ извѣстный свой «протестъ». «Я хочу, говорилъ онъ между прочимъ, вмѣстѣ съ великимъ поборникомъ Христа, Іоганомъ Гусомъ, огласить своды храма новымъ гимномъ.» Вращаясь въ колыбели ученія таборитовъ около года, Мюнцеръ и явившіеся съ нимъ цвикаускіе пророки успѣли, повидимому, не столько пріобрѣсти сочувствіе чешскихъ диссидентовъ, сколько проникнуться началами общности имуществъ и Подѣбрадова конституціонализма, началами, сказавшимися въ послѣдующихъ проповѣдяхъ анабаптистовъ и самого Мюнцера, хотя и въ извращенномъ видѣ.

Въ концѣ 1522 года Мюнцеръ сдѣлался проповѣдникомъ въ Альтштедтѣ, въ Тюрингіи; но изгнанный отсюда по настояніямъ Лютера, онъ осенью 1524 года перешелъ въ сосѣдній, имперскій городъ Мюльгаузенъ, въ которомъ незамедлилъ разъиграться прологъ великой крестьянской войны. По прибытіи въ Альтштедтъ, Мюнцеръ все еще не покидалъ надежды расположить въ пользу своихъ идей владѣтельныхъ князей; въ особен-

[1]) Въ настоящее время «царство новаго Іерусалима» (или «храмъ Соломоновъ»), по мнѣнію мистиковъ юго-западной Германіи, должно возникнуть въ предѣлахъ обѣтованной земли. Лѣтомъ 1868 года, какъ сообщали газеты, являлась въ Константинополь депутація этихъ мистиковъ, съ цѣлью пріобрѣсти у Порты, покупкою, участокъ земли въ Палестинѣ, который, по всей вѣроятности, долженъ служить первою основою новому Іерусалиму.

ности онъ разсчитывалъ на саксонскаго курфирста Фридриха Мудраго, которому, въ планахъ реформатора, предназначалась императорская корона «единой Германіи». Но увидѣвъ тщету этихъ надеждъ, Мюнцеръ всецѣло обратилъ свою пропаганду на народъ, убѣждая его пособить самому себѣ и требуя, чтобы библію понимали и толковали по духовному разумѣнію. Библейскому авторитету Мюнцеръ даже прямо противопоставлялъ Святой Духъ, дѣйствующій въ человѣческой душѣ, даже просто разумъ человѣческій, какъ чистѣйшій, непосредственнѣйшій источникъ истины для человѣчества. По иниціативѣ Мюнцера и его ревностныхъ сотрудниковъ-анабаптистовъ, учреждались общества, члены которыхъ торжественною клятвою обязывались дѣйствовать за одно, общими силами, съ цѣлью основать новое царство Божіе, царство равенства, свободы и радости, возвративъ христіанскую церковь къ ея первоначальному характеру и устройству. Для осуществленія этой цѣли, агитаторы признавали необходимымъ уничтожить все, «губящее правленіе Христово», все то̀, что повергаетъ народъ въ бѣдствіе и держитъ его въ нищетѣ: господъ, священниковъ и деспотію буквы. Всѣ германскіе народы, училъ Мюнцеръ, всѣ христіане должны вступить въ общій союзъ, предпринять общими силами борьбу для освобожденія всего христіанства, самихъ себя и всего міра. Государей и господъ слѣдуетъ также приглашать вступить въ этотъ союзъ; должно братски вспоминать о нихъ. Изгонять ихъ слѣдуетъ только въ томъ случаѣ, если-бы они отказались вступить въ союзъ, сдѣлаться гражданами новаго царства Господня. *Все должно быть общимъ, — работа и имущества; каждому слѣдуетъ давать по нуждамъ и потребностямъ его.*

Эти огненныя слова разносились и повторялись на всѣ лады фанатизированными анабаптистами и иными экзалтированными проповѣдниками по всей юго-западной Германіи, отъ прибрежьевъ Рейна, Майна и Некара до вершинъ и ущелій альповъ; повсюду они падали на почву, подрытую во всѣхъ направленіяхъ пороховыми минами. Взрывы незамедлили: знамя «башмака» поднялось повсюду, а за нимъ всѣ ужасы крестьянской войны.

Далѣе не будемъ слѣдовать за этой драмой; исходъ ея извѣстенъ. Но, для окончательной характеристики Мюнцера, приводимъ сущность тезизовъ, служившихъ программою стремленій возставшаго крестьянства. Программа эта, составленная если не непосредственно самимъ Мюнцеромъ, то несомнѣнно подъ его вліяніемъ, гласила: 1) евангеліе должно проповѣдовать въ точномъ его смыслѣ, потому что прежде его перетолковывали и проповѣдовали въ духѣ корыстолюбія и личной выгоды, отчего бѣдные крестьяне много терпѣли; 2) большая и малая десятины должны быть уничтожены; 3) слѣдуетъ уничтожить процентный ростъ; занявшій двадцать гульденовъ подъ залогъ имущества на годъ, долженъ платить по одному гульдену въ годъ процентовъ и то только до тѣхъ поръ, пока эти проценты не погасятъ долга; 4) всѣ воды, 5) строевой и дровяной лѣсъ и 6) дичь одинаково доступны для всѣхъ; 7) никакая крѣпостная зависимость не допускается; 8) государемъ и владѣтелемъ

можетъ быть только тотъ, кого народъ самъ пожелаетъ, а именно: императоръ; 9) судъ и законы остаются тѣ, какіе были встарину; 10) поселянскимъ общинамъ предоставляется право смѣщать приходскихъ и гражданскихъ чиновъ, которыми онѣ недовольны, и замѣщать ихъ другими, по своему усмотрѣнію; 11) крестьяне освобождаются отъ обязанности извѣщать церковь о всѣхъ смертныхъ случаяхъ; и 12) общинныя земли, пашни и луга, издавна захваченныя въ собственность дворянствомъ, духовенствомъ и монастырями, снова возвращаются общинамъ. Таковы, или почти таковы, были знаменитые 12-ть тезизовъ крестьянъ въ Тюрингіи, Франконіи, Швабіи, Эльзасѣ и т. д.

Элементы, двигавшіе крестьянскимъ возстаніемъ, были чрезвычайно разнообразны. Рядомъ, взаимно поддерживая и въ тоже время ограничивая другъ друга, дѣйствовали три главнѣйшихъ направленія. Всѣ партіи одинаково добивались церковно-соціальныхъ реформъ; сущность требованій имѣла предметомъ: *у однихъ* преимущественно церковь; *у другихъ* главнѣйше политико-гражданскій строй; *у третьихъ* наконецъ, и во главѣ ихъ у Мюнцера, въ одинаковой степени и церковь, и государство. Такимъ образомъ въ революціонныхъ ратяхъ стояли другъ возлѣ друга: консерваторы, присоединявшіеся къ возстанію иногда по необходимости; умѣренные либералы, не переходившіе за извѣстные предѣлы и требовавшіе только того, что имъ казалось болѣе всего возможнымъ; и радикалы, которые хотѣли передѣлать все существующее, сначала до конца перестроить все заново. Собственно въ религіозномъ смыслѣ были здѣсь представители *всѣхъ* оттѣнковъ, отъ фанатика-анабаптиста, имѣвшаго личныя откровенія и непосредственныя связи съ безтѣлеснымъ міромъ, до фанатика-раціоналиста, отвергавшаго и даръ пророчества, и загробный міръ, наконецъ даже церковь и самое бытіе Бога. Среди этихъ двухъ крайнихъ оттѣнковъ находились личности, проповѣдовавшія систему терроризма и всегда готовыя пускать въ ходъ крайнія насильственныя мѣры, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, убѣжденіи и проповѣди, неподкрѣпляемыя мѣрами устрашенія, были безсильны противъ невѣжества массъ и развращенности высшихъ классовъ общества. Тѣмъ не менѣе террористическая партія была вообще слаба; былъ не богатъ послѣдователями и коммунизмъ, какъ религіозная доктрина. Этимъ объясняется относительная умѣренность приведенныхъ нами крестьянскихъ тезисовъ, атакже составленный 9-го мая 1525 года, на общемъ съѣздѣ крестьянскихъ депутатовъ въ имперскомъ городѣ Гейльбронѣ при Некарѣ, проектъ о томъ: «какими мѣрами достигнуть устройства и преобразованія къ пользѣ, благу и счастью всѣхъ христіанскихъ странъ». Въ проектѣ этомъ сказано: 1) всѣ духовные высшаго и нисшаго званія и состоянія будутъ подвергнуты реформѣ и получатъ достаточное вспоможеніе; ихъ имѣнія обращаются въ общую пользу; 2) всѣ свѣтскіе владѣтели ставятся въ такія условіи, при коихъ они не будутъ въ состояніи отнимать у простого человѣка его христіанской свободы; одинаковое и быстрое правосудіе какъ высшему, такъ и нисшему; князья и дворяне должны защищать бѣдняковъ и держать себя съ ними побратски, за достаточное вознагражденіе; 3) всѣ города и общины пре-

образовываются по божескому и естественному праву и по христіанской свободѣ; всѣ поземельные оброки отмѣняются; 4) никакой докторъ *римскаго права* не можетъ быть допущенъ въ судъ или въ княжескій совѣтъ; при каждомъ университетѣ должно быть только по три доктора *имперскаго права*, къ которымъ слѣдуетъ при случаѣ обращаться за совѣтами; 5) никакое духовное лицо, высшее или нисшее, не можетъ быть допущено въ государственный совѣтъ, или въ совѣтники другихъ князей или общинъ; никто изъ нихъ не можетъ занимать свѣтской должности; 6) всѣ свѣтскіе законы государства отмѣняются и уничтожаются, а вводится законъ божескій и естественный, чтобы бѣднякъ имѣлъ равныя права съ высшими и богатыми лицами. Въ государствѣ учреждаются: 64 *свободныхъ* суда, съ депутатами отъ всѣхъ сословій, а также отъ крестьянскаго; 16 земскихъ судовъ, 4 придворныхъ суда, 1 императорскій камеральный судъ германской націи, тоже съ выборными членами отъ всѣхъ сословій, но такъ чтобы въ каждомъ судѣ у народа было *четыре лишнихъ* голоса противъ другихъ сословій; на каждый судъ можно аппелировать въ другой; 7) всѣ мыты (Zölle) и поборы прекращаются, кромѣ податей, необходимыхъ для мостовъ, дорогъ и плотинъ; 8) всѣ дороги объявляются вольными; всѣ пошлины за проѣздъ отмѣняются; 9) всѣ налоги отмѣняются, исключая императорскаго налога, вносимаго разъ въ десять лѣтъ (Матѳ. 22, 17—21); 10) единство монеты для всей германской націи; 11) единство мѣры и вѣса вездѣ; 12) ограниченіе процентовъ большихъ банкирскихъ домовъ, которые собираютъ въ свои руки всѣ деньги, обременяя и обирая, по своему благоусмотрѣнію, и богатыхъ и бѣдныхъ; 13) освобожденіе дворянства отъ всякихъ ленныхъ обязательствъ какому-бы то ни было духовному лицу; и наконецъ 14) отмѣна всякихъ союзовъ князей, владѣтелей и городовъ: вездѣ только защита и законъ императора.

Если-бы на сторону этой программы стали Лютеръ и Саксонскій домъ, какъ того домогались Мюнцеръ и возставшіе крестьяне, то, по всей вѣроятности, объединеніе Германіи осуществилось-бы тогда же и нѣмецкій народъ избѣжалъ-бы ужасовъ послѣдовавшей за крестьянской войной реакціи; не было-бы тридцатилѣтней войны, обратившей благодатныя поля Германіи въ пустыню и стоившей милліоновъ жизней, а современный политико-государственный строй Европы имѣлъ-бы болѣе нормальныя основы. Но Мюнцеръ былъ разбитъ близь Франкенгаузена (въ половину мая 1525 года) и вслѣдъ за тѣмъ сложилъ голову на плахѣ; остальные же ратники «башмака», лишенные правильной, связующей организаціи и способныхъ вождей, также погибли въ потокахъ крови, раздѣляя общую участь своихъ предшественниковъ. Въ тоже время на долго должны были замолкнуть и всякія требованія о преобразованіяхъ.

Противъ осилившей движеніе реакціи упорнѣе другихъ стояли анабаптисты. Они распались на множество толковъ, изъ которыхъ валдьсгутскій, Якоба Гросса, утверждалъ, что никто не имѣетъ права убивать человѣка или подстрекать къ убійству. Но большинство анабаптистовъ оставались въ тайномъ религіозно-политическомъ союзѣ, имѣвшемъ цѣлью—

насильственный переворотъ. Союзъ этотъ, усвоивъ себѣ догматъ общности имуществъ и крѣпкую организацію, не поддавался усиліямъ реакціи и привелъ вскорѣ къ учрежденію «царства новаго Сіона», въ Мюнстерѣ, пророкомъ-королемъ котораго былъ провозглашенъ извѣстный Бокгольдъ или Іоганъ Лейденскій.

Извѣстно, что принципы личной равноправности и имущественной общности были доведены въ царствѣ «новаго Сіона» даже до разрушенія семьи, до многоженства. И не здѣсь ли слѣдуетъ искать первый зародышъ мормонизма, достигшаго въ Америкѣ уже теперь такихъ значительныхъ размѣровъ, что во всякое время можетъ выставить на свою защиту до 20,000 войновъ?.. Нѣтъ сомнѣнія, что въ сущности соціальныхъ воззрѣній первыхъ анабаптистовъ лежитъ главная причина той непримиримой ненависти, которую одинаково питали къ нимъ католики, лютеране и реформаты. И не вправѣ ли мы предполагать, что соціальная часть ученія Мюнцера, особенно принципъ имущественной общности, возведенный въ догматъ вѣры, были заимствованы изъ того же источника, откуда черпали тиролецъ Гуттеръ и другіе?.. Но тѣмъ интереснѣе становится для насъ крайняя уродливость, до которой дошло начало общности имуществъ на чуждой ему почвѣ, среди кровныхъ нѣмцевъ въ Мюнстерѣ. Неудивительно, что на сыновъ «новаго Сіона» ополчилась вся Германія, и что противъ догмата имущественной общности и католики, и протестанты дѣйствовали также дружно, какъ въ свое время гуситы-каликстинцы и католики противъ гуситовъ-таборитовъ.

Въ 1535 г., городъ Мюнстеръ, общими усиліями католиковъ и протестантовъ, былъ взятъ приступомъ; сыны «новаго Сіона» погибли почти поголовно. Но, еще до настоящей катастрофы, отсюда были отправлены въ разныя стороны «апостолы-проповѣдники». Благодаря этому обстоятельству, ученіе анабаптизма не погибло; въ теченіе времени оно подвергалось только существеннымъ измѣненіямъ. Устрашенное судьбой царства «новаго Сіона», большинство мюнстерскихъ апостоловъ-проповѣдниковъ нашло возможнымъ возвратиться къ ученію о святости моногамическаго брака и семьи, и, съ тѣмъ вмѣстѣ, вовсе отступиться отъ принципа имущественной общности. Такая уступка ставила ихъ сразу въ прежнія солидарныя отношенія какъ къ умѣреннымъ приверженцамъ анабаптизма, такъ и вообще къ массѣ тогдашняго общества; но она же доказываетъ, что означенное начало было элементомъ напускнымъ, по сущности своей совершенно чуждымъ духу и воззрѣніямъ этихъ людей. Иначе они едва ли такъ легко отрѣшились бы отъ него. Не забудемъ, что собравшіеся въ Гернгутѣ мораво-чешскіе братья, не смотря на авторитетъ графа Цинцендорфа, ни вообще на значительное число присоединившихся къ нимъ нѣмцевъ, согласились только обойти молчаніемъ вопросъ объ имущественной общности, а на дѣлѣ пытались удержать этотъ принципъ почти всецѣло. Вспомнимъ нашихъ радичевцевъ, которые, среди вѣковыхъ гоненій, выражали постоянную готовность жертвовать въ защиту своего знамени и жизнью, и достояніемъ; вспомнимъ, наконецъ, потомство этихъ утопистовъ, стремящееся и по сіе время къ осуществленію идеала

отцовъ. Не зная даже личности мюнстерскихъ «апостоловъ-проповѣдниковъ», отказавшихся такъ легко отъ начала имущественной общности, мы тѣмъ не менѣе вполнѣ увѣрены, что они вышли не изъ среды славянской народности, и вообще не принадлежали къ числу людей, бывшихъ въ болѣе или менѣе близкихъ соотношеніяхъ съ религіозно-соціальными движеніями въ Чехіи и Моравіи.

Ограничиваясь одной религіозной пропагандою, апостолы анабаптистовъ стали вновь пріобрѣтать послѣдователей по Рейну, въ сѣверной Германіи и Нидерландахъ. Ученіе ихъ почти совершенно освободилось отъ прежняго фанатизма, когда явились между ними, въ качествѣ реформаторовъ, братья Уббо и Диркъ Филипсы и Менно Симонсъ, толку котораго слѣдуютъ всѣ меннониты, названные его именемъ.

Менно Симонсъ родился въ Витмарзумѣ, въ Фрисландіи. Съ 1524 г., онъ состоялъ на родинѣ своей приходскимъ священникомъ. Въ 1536 г., Менно формально отрекся отъ католицизма, окрестился по обряду анабаптистовъ и сдѣлался духовнымъ старшиною ихъ, въ Грёнингенѣ. Поставивъ себѣ задачею склонить, по возможности, всѣхъ новыхъ единовѣрцевъ своихъ на такую внутреннюю организацію, которая доставила бы имъ если не покровительство, то терпимость со стороны правительственныхъ властей, Менно Симонсъ объѣзжалъ для этой цѣли Нидерланды, прирейнскія земли, ганзейскіе города и Пруссію. Неутомимой пропагандѣ его удалось собрать разбросанныхъ въ этихъ мѣстностяхъ анабаптистовъ въ особыя общины, которыя стали именоваться: «общины Божьи, нищее беззащитное братство». Менно умеръ въ 1561 г., въ Ольдеслоэ, въ Голштиніи.

Ученіе свое Менно Симонсъ изложилъ въ «Fundamente der seligmachenden Lehre unsers Herrn Jesu Christi, aus Gottes Wort kurz zusammengefasst von Simons Menno». Онъ отвергаетъ духовную іерархію и вообще священство, присягу, войну и всякаго рода возмездіе. Брачный разводъ допускается только въ случаѣ нарушенія супругами взаимной вѣрности. Требуя крещенія не младенцевъ, а исключительно однихъ взрослыхъ, и положительно запрещая своимъ послѣдователямъ отправленіе какихъ бы то ни было правительственныхъ должностей и военной службы, Менно признаетъ вообще правительство учрежденіемъ до времени необходимымъ, но, тѣмъ не менѣе, чуждымъ царству Христа Спасителя. Далѣе Менно наказываетъ, что церковь, какъ общество святыхъ, слѣдуетъ поддерживать въ соотвѣтственной тому чистотѣ. Вообще же, отождествляя вполнѣ понятіи «церковь», «общество святыхъ» и «приходскую общину», праучитель меннонитовъ требуетъ и практическаго примѣненія весьма строгихъ правилъ церковно-общиннаго благочинія. Въ тоже время онъ не только сохраняетъ лично за каждымъ меннонитомъ право, но и обязываетъ его, придерживаться исключительно того прихода, который болѣе всего соотвѣтствуетъ собственному, личному убѣжденію каждаго. Крайнимъ дисциплинарнымъ средствомъ благочинія указывается—церковное отлученіе, и при томъ въ такой формѣ, что, примѣненное строго, отлученіе это влечетъ за собою ограниченіе, или даже временное лишеніе отлученнаго,

косвеннымъ путемъ, немаловажныхъ гражданскихъ правъ. Мѣра эта состоитъ не только въ устраненіи отлученнаго собственно отъ церкви и церковнаго общенія, но и въ запрещеніи всякому другому меннониту имѣть съ такимъ лицомъ какое бы то ни было сношеніе и соприкосновеніе даже въ частной гражданской жизни. По принципу, отлученнаго оставляютъ его слуги, даже семейные; отъ него отворачиваются сосѣди и не удостоиваютъ ни отвѣта, ни привѣта лучшіе друзья его; онъ—личность безусловно всѣми отверженная, «пока не принесетъ должнаго покаянія». Такой характеръ церковнаго отлученія приводилъ меннонитовъ нерѣдко въ весьма неловкія отношенія къ законамъ страны — у насъ и за границею, такъ какъ нигдѣ, кромѣ развѣ въ мѣстахъ преобладанія католическаго ультрамонтанства, карательная власть церкви не должна касаться личныхъ правъ гражданина. Подобнаго рода неудобства породили у самихъ меннонитовъ, еще при жизни ихъ праучителя, внутреннія несогласія и раздоры: явились двѣ партіи, отстаивавшія одна—болѣе, другая — менѣе суровыя правила церковнаго отлученія. Самъ Менно склонялся впрочемъ на сторону терпимости, снисхожденія и взаимнаго согласія. Тѣмь не менѣе, только около 1800 г. между враждующими состоялось соглашеніе, которымъ положено — не дѣлать настоящій вопросъ поводомъ раздора, а предоставить практическое разрѣшеніе его каждому приходу, сообразно убѣжденію большинства прихожанъ и соотвѣтственно даннымъ внѣшнимъ условіямъ. Отсюда понятно, что и по настоящее время церковное отлученіе, и вообще общинно-церковное благочиніе играютъ весьма важную роль какъ у заграничныхъ, такъ и у нашихъ меннонитовъ.

Еще во время польскихъ королей, преимущественно около 1540 года, во время Сигизмунда I, значительное число меннонитовъ перешло изъ Нидерландовъ въ окрестности города Данцига, въ западной Пруссіи. Здѣсь, въ устьяхъ Вислы, они заняли такъ-называемую Маріенвердерскую низменность, состоявшую въ то время изъ болотъ, песковъ и солончаковъ, заливаемыхъ то рѣкою, то моремъ. Эту безплодную низменность братство оградило отъ рѣки и моря грандіозными искусственными сооруженіями и земляными плотинами, осушило болота, вывело пески и солончаки, и обратило такимъ образомъ всю эту мѣстность въ цвѣтущій садъ, богатыя нивы и т. д. До 1780 года, меннониты западной Пруссіи, пользуясь правами собственниковъ данной имъ земли, не были принуждаемы къ военной службѣ; но съ этого времени, взамѣнъ рекрутской повинности, на нихъ наложили сборъ въ 5,000 талеровъ на содержаніе кульмскаго кадетскаго корпуса. Девять лѣтъ спустя, прусское правительство лишило ихъ права пріобрѣтать поземельную собственность; право это возвращалось лишь тѣмъ изъ нихъ, которые обязывались подчиниться рекрутской повинности. Настоящимъ распоряженіемъ братство было приведено вскорѣ въ стѣсненное положеніе. Правда, указанные выше, хозяйственные успѣхи достигнуты меннонитами еще въ то время, когда и въ самой Пруссіи поселянское хозяйство стояло на сравнительно весьма низкой степени, такъ что культура

братьевъ давно уже утвердила за ними славу лучшихъ хозяевъ. При такихъ условіяхъ, для прусскаго правительства была не со всѣмъ пріятною неожиданностью, когда самые образцовые и зажиточные хозяева королевства—меннониты, стали готовиться къ выселенію въ Россію: оно сознало необходимость быть уступчивѣе и не слишкомъ настаивать на своемъ распоряженіи, клонившемся къ подчиненію послѣдователей Менно, вопреки ихъ религіозному убѣжденію, лично-обязательной военной службѣ. Такимъ образомъ даже еще недавно, на нашихъ глазахъ, прусское правительство отстаивало противъ народнаго представительства личную свободу меннонитовъ отъ этой повинности. Оно дѣйствовало въ настоящемъ случаѣ, конечно, въ томъ сознаніи, что лишеніе меннонитовъ указаннаго права вынудитъ ихъ покинуть Пруссію. Наконецъ, только въ 1868 году прошолъ законъ, по которому меннониты въ Пруссіи обязываются нести воинскую службу, но только въ фурштатахъ, лазаретахъ и подобныхъ, не дѣйствующихъ оружіемъ командахъ.

II.

На первыя колонизаціонныя попытки нашего правительства, мы указывали уже въ «Общемъ обзорѣ». Въ то время Маріенвердерская низменность была переполнена меннонитами, а пріобрѣтеніе новыхъ земель въ Пруссіи, въ тѣхъ условіяхъ, какихъ требуетъ меннонитская культурная система, изъ года въ годъ дѣлалось затруднительнѣе. Съ другой стороны, правительство наше давно желало подвинуть братство къ колонизаціи Новороссіи. Наконецъ, польскія смуты, повлекшія за собою первый раздѣлъ царства; неопредѣленныя, шаткія условія, въ которыя по этому раздѣлу былъ поставленъ городъ Данцигъ съ его окрестностью, и стѣснительныя мѣры прусскаго правительства, привели маріенвердерское меннонитское братство къ тому, что оно охотно послѣдовало приглашенію нашего правительства, и въ 1787 г. выслало въ Петербургъ своихъ уполномоченныхъ для переговоровъ о колонизаціи. Но братство, какъ въ свое время и евангелическое братское Общество, не удовольствовалось правами, дарованными манифестомъ 1763 г. всѣмъ иностраннымъ колонистамъ; само же правительство, вынесшее горькій опытъ изъ предшествовавшихъ колонизаціонныхъ предпріятій, разсчитывало, конечно не безъ основанія, что поселеніе въ Россіи такихъ испытанныхъ хозяевъ, каковы меннониты, должно будетъ сопровождаться болѣе благопріятными послѣдствіями. Поэтому немудрено, если маріенвердерскому братству было дано разрѣшеніе на переселеніе къ намъ, въ неограниченномъ числѣ, на слѣдующихъ условіяхъ [1]): 1) имъ отводится земля близь Берислава, въ Новороссійской (нынѣ Херсонской) губ., по 65 дес. на семейство, независимо отъ числа душъ въ семьѣ; 2) принявъ подданство Россіи, они и ихъ потомство пользуются свободою вѣроисповѣданія и правомъ приносить присягу «по ихъ правиламъ» изустнымъ «да»;

---

[1]) Полн. Собр. Зак., т. XXVI (19372).

они навсегда свободны отъ воинской и гражданской службы, отъ подводъ, работъ и постоевъ; 3) имъ предоставляется льгота «отъ всякихъ податей» на 10 лѣтъ и право заводить фабрики и заводы, торговать и записываться въ гильдіи и цехи; 4) на переѣздъ и первоначальное обзаведеніе имъ даются: а) подводы «отъ границы до Берислава»; б) кормовыя деньги посуточно, именно: во время пути отъ 12 до 25 к., а затѣмъ, до перваго урожая, по 10 коп. на душу обоего пола; в) сѣмянной хлѣбъ «съ возвращеніемъ его по времени»; ссудою на каждое семейство по 500 руб. «чрезъ 5 мѣсяцевъ по прибытіи въ Ригу» и по 120 четырех-саженныхъ бревенъ, а на все общество перваго транспорта—еще 6 жерновыхъ камней и нужный на выстройку двухъ мельницъ лѣсъ. Съ своей стороны, меннониты обязывались: давать, на общемъ основаніи, квартиры и подводы для проходящихъ чрезъ ихъ селеніи войскъ; содержать въ исправности дороги и мосты въ предѣлахъ отведенныхъ имъ земель; а по истеченіи льготныхъ лѣтъ, возвратить казнѣ ссудный долгъ въ три года и уплачивать поземельную подать «навсегда» по 15 коп. съ удобной десятины надѣла. Наконецъ, депутатамъ было дано обѣщаніе, что «если общество ихъ удовольствуется льготами и пособіями, изображенными въ рѣшеніи на представленные отъ нихъ пункты, то получатъ и жалованную грамату, за подписаніемъ Императорскаго Величества и съ приложеніемъ государственной печати».

На основаніи этихъ условій, въ началѣ 1789 г. прибылъ изъ-за границы первый транспортъ меннонитовъ, въ числѣ 228 семействъ. Онѣ поселились, 8-ю отдѣльными колоніями, не около Берислава, а въ Екатеринославской губерніи и уѣздѣ, по правому берегу Днѣпра, въ Хортицкомъ урочищѣ, съ островомъ того же названія. Въ 1793—1796 гг. явились новыя 118 семействъ; изъ нихъ 86 сем. разселились въ существовавшихъ уже колоніяхъ, а остальныя 32 сем. образовали двѣ новыя колоніи: Шёнвизе—въ Александровскомъ, и Кронсгартенъ—въ Новомосковскомъ уѣздѣ. Всѣ эти колоніи вошли въ составъ особаго округа (волости), названнаго Хортицкимъ.

Несмотря однако на огромныя выгоды, предоставленныя меннонитамъ; не взирая даже на испытанную ихъ славу, какъ образцовыхъ хозяевъ,—предпринятая ими колонизація шла далеко не вполнѣ удовлетворительно. Причины тому были весьма разнородны; но всѣ онѣ состояли внѣ власти самихъ поселенцевъ. По свидѣтельству извѣстнаго уже читателю статскаго совѣтника, впослѣдствіи сенатора Контеніуса, ревизовавшаго южныя колоніи въ 1798—1800 гг., меннониты были «почти всѣ вообще въ домашнемъ быту порядочны и опрятны, въ нравственной жизни—трезвы и чисты, а въ домостроительствѣ прилежны и старательны». Но за всѣмъ тѣмъ, Контеніусъ выражалъ сомнѣніе, чтобы поселенцы эти когда-либо могли достигнуть «хорошаго состоянія». Хортицкое урочище состоитъ изъ маловодной, каменистой возвышенности. По словамъ Контеніуса, «по сухости земли, по недостатку влажности и по безводію»—травы здѣсь выгорали, хлѣбъ росъ худо и часто «пахарь обработывалъ и засѣвалъ поля напрасно»; только «рѣдкій изъ поселянъ» могъ продо-

вольствоваться собственнымъ хлѣбомъ. Одно скотоводство приносило «нѣкоторую» выгоду, а потому поселенцы «сею частью сельскаго хозяйства весьма» занимались. Они привели съ собой изъ-за границы «достаточное число иностранной породы» лошадей и скота; но, по недостатку въ пастьбахъ и сѣнѣ, нельзя было дать скотоводству тѣ размѣры, какъ того желали поселенцы и какъ то было у нихъ въ «обычаѣ». Особенно вредили въ этомъ отношеніи «жестокія зимы», къ которымъ не привыкли ни сами поселенцы, ни приведенный ими скотъ. Къ тому же, 86 семействъ послѣднихъ транспортовъ, «прождавъ слишкомъ два года назначенія имъ мѣстъ подъ водвореніе» и не дождавшись-таки надѣла, принуждены были размѣститься въ средѣ устроившихся уже обществъ, и тѣмъ стѣснили послѣднихъ. «Тѣснота помѣщенія меннонитовъ — заключаетъ Контеніусъ — на такомъ мѣстѣ, которое не приноситъ надлежащихъ выгодъ, главною причиною сихъ крайностей, а при томъ и со стороны казны чрезмѣрно медленное и мелочное, не въ сходство привилегій и кондицій ихъ, удовольствіе; ибо суммы, весьма раздробительно и малыми частями выданныя, по долгому неводворенію послужили имъ только къ одному прокормленію и донынѣ отнимали отъ нихъ способы къ прочному устроенію себя, такъ что многіе домы доселѣ или отстроены худо, или не окончены, 38-же семействъ и совсѣмъ не имѣютъ оныхъ». При такихъ условіяхъ, Контеніусъ не предвидѣлъ даже возможности для меннонитовъ платить въ свое время положенную съ нихъ подать и возвратить казнѣ ссудный долгъ; вообще же положеніе дѣлъ было таково, что сами меннониты упали духомъ, а маріенвердерское братство даже вовсе пріостановило дальнѣйшее переселеніе.

Такое недовѣріе къ будущимъ успѣхамъ колонизаціи не можетъ, конечно, не вызвать невольную улыбку у современнаго читателя, болѣе или менѣе знакомаго съ положеніемъ нашихъ колонистовъ. Но, въ данное время и при данныхъ обстоятельствахъ, недовѣріе это имѣло весьма существенныя и дѣйствительныя основанія. Нѣтъ сомнѣнія, что не малую роль играли здѣсь рѣзкія противоположности климатическихъ, почвенныхъ и вообще хозяйственныхъ условій, существующія между маріенвердерскою низменностью съ одной, и Новороссіею съ другой стороны. Само собой разумѣется, что меннониты могли пріобрѣсти близкое знакомство съ культурою колонизируемой мѣстности только цѣною немаловажныхъ пожертвованій, упорнаго и осмысленнаго труда. Но изъ имѣющихся въ виду данныхъ, мы убѣждаемся, что матеріальныя жертвы не пугали поселенцевъ, а въ нравственныхъ силахъ недостатка у нихъ не было. Чтобы еще болѣе убѣдиться, что дѣйствительныя причины «крайняго» положенія меннонитской колонизаціи слѣдуетъ искать не въ этомъ направленіи, мы позволимъ себѣ сдѣлать отступленіе и бросить взглядъ на одновременное положеніе остальныхъ колонистскихъ водвореній.

III.

Мы указали уже на характеръ «нѣмецкихъ» колонистовъ, привлеченныхъ въ Россію, на основаніи манифеста 1763 г., нарочно посланными

отъ насъ коммисарами. Огромное большинство этого люда представляло не иное что, какъ самый разнохарактерный, обнищалый и нравственно распущенный сбродъ, по типическому выраженію самихъ колонистовъ: der Abschaum Deutschlands (накипь, или, какъ у насъ говорятъ, «подонки» Германіи). Здѣсь находились и промотавшіеся офицеры, художники, студенты, купцы, ремесленники, и даже бѣжавшіе отъ правосудія преступники; всего менѣе было сколько-нибудь благонадежныхъ земледѣльцевъ. Весь этотъ сбродъ, въ теченіи 3—4 лѣтъ, былъ перемѣщенъ, какъ извѣстно, въ низовое Поволжье. Только небольшая, и при томъ лучшая часть переселенцевъ была водворена въ колоніяхъ: Средней Рогаткѣ, Ново-Саратовской, Ямбургской и Ижорской, С.-Петербургской губерніи, въ кол. Рибенсдорфѣ, на Слободской украинѣ; въ кол. Бѣловѣжскихъ, Черниговской губерніи, и въ лифляндской колоніи Гиршенгофъ-Гельфрейхсгофъ.

Благодаря мотовству, праздности и разврату поселенцевъ, но не менѣе того и корысти управлявшихъ дѣломъ колонизаціи мѣстныхъ властей, одно поволжское водвореніе обошлось казнѣ до 5 милліоновъ рублей, въ счетъ которыхъ подлежали возврату безъ малаго только 3 милл. Нѣтъ конечно сомнѣнія, что крупная, и даже весьма крупная сумма этого долга ушла, помимо колонистовъ, въ карманы завѣдывавшихъ колонизаціею чиновниковъ; извѣстно также изъ положительныхъ преданій, что во многихъ случаяхъ сами поселенцы способствовали такому воровству тѣмъ, что проигравъ или промотавъ полученную ссуду, они добивались новыхъ пособій и, получивъ нѣкоторую сумму, расписывались въ суммахъ вдвое, втрое большихъ. Но для правительства сущность дѣла не измѣнялась отъ этого.—Къ довершенію бѣды, колонизація Поволжья была предпринята вообще не въ добрый часъ. Тогдашняго состоянія края мы отчасти коснулись уже въ исторіи Сарепты; а кто нуждается въ болѣе близкомъ поясненіи, того отсылаемъ къ статьѣ г. Мордовцева: «Пугачевщина» [1]). Разоренные огнемъ, убійствами и грабежемъ города и селенія; розыски, казни и ссылки; не вспаханныя и не засѣянныя поля, голодъ и нищета,—вотъ страшная картина того положенія, въ какомъ очутились мѣстности, непосредственно пострадавшія отъ пугачевскаго мятежа; но не однѣ эти мѣстности, даже весь русскій народъ, вся Россія долго не могли оправиться послѣ этого кроваваго пира.

Мятежническія шайки разрушительнымъ ураганомъ прошли черезъ всѣ колоніи обоихъ береговъ Волги. Кромѣ того, поселенія луговаго берега неоднократно подвергались еще хищническимъ набѣгамъ со стороны киргизъ-кайсаковъ, которые рѣзали, или уводили въ рабство населеніе, грабили его скотъ и имущество, а нѣкоторыя колоніи уничтожили окончательно.

Наконецъ, послѣ повозможнаго въ то время успокоенія края, были устроены: 46 колоній, въ составѣ 5 округовъ, по нагорной сторонѣ р. Волги, т. е. въ Саратовской губ., и 56 колоній, въ составѣ 5-ти же

---

[1]) «Вѣстникъ Европы». Томъ I, 1866 г.

округовъ, по луговой сторонѣ, въ нынѣшней Самарской губ. Съ 1770 года прекращено всякое новое приселеніе къ этому водворенію, а въ 1775 г. числилось въ немъ всего 11,986 муж. пола душъ. Слѣдовательно, одного возвратнаго долга приходилось здѣсь болѣе 250 руб. на душу.

Изъ предъидущаго видно, что поселеніе колонистовъ, по отдѣльнымъ округамъ и колоніямъ, или сельскимъ обществамъ, вполнѣ соотвѣтствовало порядку, установленному основнымъ колонизаціоннымъ закономъ 19-го марта 1764 г. Но ни въ актахъ того и послѣдующаго времени, ни въ памяти самихъ поселенцевъ, намъ не удалось найти ни малѣйшаго указанія, чтобы означенный законъ былъ примѣненъ къ колонизаціи поволжья во всѣхъ подробностяхъ. Напротивъ, архивныя дѣла единогласно указываютъ на вполнѣ хаотическое состояніе какъ поземельнаго устройства и счетовъ о казенныхъ долгахъ поселенцевъ, такъ и порядковъ мѣстнаго управленія ими. Правда, по аграрному закону 1764 г., было между прочимъ предположено «заблаговременно сочинить нѣсколько различныхъ учрежденій (о внутренней юрисдикціи колоній), и на которыя изъ оныхъ выѣхавшіе и впредь выѣзжающіе согласятся, тѣ утвердя письменно, учинить всегдашнимъ той колоніи и всѣхъ поселянъ одной округи закономъ». Но это благое дѣло такъ и осталось въ предположеніи; «внутренняя юрисдикція» была предоставлена обычаю и произволу мѣстныхъ властей какъ въ поволжьѣ, такъ и во всѣхъ остальныхъ колонистскихъ водвореніяхъ, не исключая меннонитскихъ. Причину тому слѣдуетъ искать, по нашему мнѣнію, въ полнѣйшей неудачѣ, которую потерпѣли главные дѣятели, двигавшіе колонизаціоннымъ дѣломъ. Канцелярія опекунства иностранныхъ поселенцевъ, еще въ 1765 г., успѣла подчинить поволжскія колоніи и завѣдывавшихъ ими коммисаровъ особой конторѣ, въ Саратовѣ, облеченной весьма обширной властью. Но изъ высочайше утвержденнаго доклада по этому предмету правительствующаго сената видно, что контора эта утверждалась «на то лишь время, пока сіе иностранное поселеніе, вошедъ во всѣ россійскіе обычаи, препоручено быть можетъ» общему порядку мѣстнаго управленія. Слѣдовательно, голоса, болѣе или менѣе враждебные исключительному положенію колонистовъ среди сельскаго состоянія уже тогда заявляли о себѣ; они очевидно шли въ разрѣзъ съ тою системою, которая была усвоена руководителями колонизаціи. Къ довершенію всего, саратовская контора оказалась безсильною какъ противъ всеобщаго неустройства въ краѣ, такъ и противъ безпутности самихъ поселенцевъ. И вотъ, съ учрежденіемъ въ 1782 г. губерній, упомянутые нами голоса взяли верхъ: всѣ колоніи подчинились на общемъ основаніи вѣдѣнію казенныхъ палатъ, земскихъ исправниковъ и общихъ судебныхъ мѣстъ. О послѣдствіяхъ этой мѣры слишкомъ краснорѣчиво распространяются законодательные акты и архивы; въ памяти же самихъ поселенцевъ время это считается періодомъ народныхъ бѣдствій, въ сравненіи съ которыми самая пугачевщина представляется совершенно ничтожною.

Къ исходу XVIII столѣтія, однѣ только колоніи петербургскія и мен-

нонитскія въ Новороссіи представляли болѣе или менѣе прочные задатки правильнаго общественнаго устройства — первыя, благодаря ближайшей заботѣ объ нихъ центральнаго правительства, а вторыя — вслѣдствіе извѣстныхъ колонизаторскихъ свойствъ меннонитовъ и выработанной ими культурной системы. Всѣ остальные колонисты наши оказались въ полнѣйшемъ разстройствѣ. Такъ, поволжскіе колонисты, согласно манифесту 1763 года, были обязаны «заплатою, по прошествіи 10-ти лѣтъ, въ три года по равнымъ частямъ» всего возвратнаго долга по водворенію. Бурными обстоятельствами края объясняется, что взысканіе долга началось не ранѣе 1786 года [1]): колонисты были обложены годичнымъ платежемъ въ три рубля съ каждаго работника отъ 16-ти до 60-ти лѣтняго возраста; но и этотъ сборъ оказался имъ не по силамъ и поступалъ крайне неисправно, не смотря на льготы въ податяхъ и повинностяхъ. Поэтому, по истеченіи льготнаго срока, правительство нашло нужнымъ нарядить повсемѣстныя чрезвычайныя ревизіи для изслѣдованія причинъ безпрестанныхъ жалобъ и всеобщаго «изнеможенія и несостоянія иностранныхъ поселенцевъ». Собранныя этими ревизіями фактическія свѣдѣнія окончательно убѣдили правительство въ необходимости возвратиться къ основнымъ началамъ колонизаціи, предпринять заново устройство колоній и ихъ управленія снизу до верху, и изъять ихъ совершенно изъ вѣдѣнія общихъ мѣстныхъ учрежденій, «дабы поселенные иностранцы съ уѣзднымъ казначеемъ и съ земскимъ исправникомъ или коммисаромъ, никакаго дѣла имѣть не могли» [2]).

Вслѣдствіе того, въ 1797—1801 гг. были вновь учреждены конторы опекунства иностранныхъ — Саратовская и Новороссійская, и особое инспекторство для с.-петербургскихъ колонистовъ. Къ вѣдѣнію сихъ учрежденій отошли всѣ дѣла колонистовъ, за исключеніемъ уголовныхъ и, изъ числа гражданскихъ, дѣлъ общихъ колонистовъ «съ россійскими обывателями». Но и эти дѣла разрѣшались не иначе, какъ въ общемъ присутствіи колоніальнаго начальства съ подлежащими мѣстами.

Одно изъятіе колоній изъ вѣдѣнія общихъ властей и учрежденій еще не ограждало поселенцевъ отъ произвола ихъ собственнаго попечительства. Эта цѣль могла быть достигнута только окончательною, по закону, организаціею внутреннихъ и внѣшнихъ, общественныхъ и поземельныхъ условій колонистскихъ обществъ; а потому въ 1800—1803 гг. [3]) законодательнымъ порядкомъ были изданы и повсемѣстно по колоніямъ преподаны къ руководству однообразныя «инструкціи внутренняго распорядка и управленія», дѣйствующія и по настоящее время.

Сущность этихъ инструкцій, на сколько онѣ касаются порядковъ общественнаго управленія, заключается въ слѣдующемъ:

По мірскому или сельскому управленію, колонисты каждой колоніи составляютъ мірское, сельское общество, которымъ управляютъ: а) сельскій

---

[1]) Полн. Собр. Зак., Т. XXX, № 23408.
[2]) Полн. Собр. Зак., указъ 1797 г. іюля 30.
[3]) Полн. Собр. 1800 (19562), 1801 (19873) и 1803 (20841).

мірской сходъ, составляющійся созывомъ «не менѣе одного колониста съ каждаго двора»; и б) сельскій приказъ, состоящій изъ шульца и двухъ или болѣе бейзицеровъ, назначаемыхъ по выбору схода на два года, и изъ писаря, по найму. Предметы вѣдѣнія сельскаго схода суть: выборы лицъ сельскаго и окружнаго управленія; увольненіе колонистовъ въ другія званія; утвержденіе условій на вызовъ священниковъ; разсмотрѣніе просьбъ и жалобъ объ общественныхъ нуждахъ; раскладка податей и повинностей; учетъ должностныхъ выборныхъ лицъ по окончаніи каждаго года и при оставленіи должности; исключеніе и удаленіе изъ колоній поселенцевъ развратнаго поведенія; установленіе мірскихъ сборовъ и расходовъ и т. п. При выборахъ на общественную службу, каждый колонистъ на сходѣ подаетъ свой голосъ по очереди «кто, кого, къ чему избираетъ»; на кого падетъ большее число голосовъ, «тѣ и утверждаются общею всѣхъ подпискою и представляются на окончательное утвержденіе начальства». Сельскій приказъ завѣдываетъ, каждый, тѣмъ селеніемъ, въ которомъ онъ учрежденъ; онъ долженъ имѣть засѣданія не менѣе одного раза въ недѣлю, по назначенію шульца, и вести особыя книги: для записки начальственныхъ приказаній и распоряженій; о приходѣ и расходѣ суммъ и сборовъ; для внесенія частныхъ жалобъ, исковъ и споровъ и состоявшихся по нимъ постановленій. Но «никакое положеніе приказа не должно быть признано за законное, если по немъ дѣло не было слушано, суждено и рѣшено всѣми членами вообще». Шульцъ отвѣтствуетъ за благоустройство и благочиніе въ колоніи, а также за исправное поступленіе всѣхъ сборовъ; онъ ведетъ счеты какъ этимъ сборамъ, такъ и всѣмъ общественнымъ суммамъ, печется вообще о нуждахъ общества и предлагаетъ ихъ на обсужденіе схода, котораго онъ предсѣдатель. Виновные въ проступкахъ поселяне подвергаются взысканіямъ по приговору шульца, но не иначе, какъ съ согласія «лучшихъ людей» въ обществѣ, или же съ разрѣшенія окружнаго приказа. Внѣ закона, или безъ особаго мірскаго приговора, не допускаются никакіе сборы или поборы съ колонистовъ.

По окружному управленію, колоніи соединены въ округи и въ каждомъ округѣ состоитъ особый окружный приказъ. Сельскій приказъ такой колоніи, которая, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, не могла войти въ составъ округа, дѣйствуетъ во всемъ на правахъ приказа окружнаго. Въ обоихъ случаяхъ приказъ составляютъ: окружный голова и два или болѣе бейзицеровъ, избираемыхъ окружнымъ обществомъ—первый на три, а послѣдніе на два года. При каждомъ окружномъ приказѣ состоитъ писарь, большею частью съ помощниками. Писаря опредѣляются попечительствомъ, по соглашенію съ окружнымъ головою. Предметы занятія и порядки дѣлопроизводства и счетоводства въ окружныхъ приказахъ тѣ же, какіе установлены для приказовъ сельскихъ, съ тою только разницею, что вѣдомство первыхъ, какъ высшей по всѣмъ дѣламъ инстанціи, обнимаетъ всѣ причисленныя къ округу селенія. На этомъ основаніи, головѣ подчиняются шульцы; но и онъ, подобно шульцу, обязанъ отчетомъ предъ избравшими его обществами. Голова имѣетъ власть наказы-

вать виновныхъ поселянъ денежными штрафами, арестомъ и публичною работою, но только съ согласія шульца; наказаніе же тѣлесное допускается не иначе, какъ по особому, въ каждомъ данномъ случаѣ, разрѣшенію главнаго мѣстнаго начальства. Ссоры и иски, не оконченные въ сельскомъ приказѣ, по жалобѣ одной изъ сторонъ, переносятся въ приказъ окружный, а отсюда уже, въ случаѣ неудовольствія которой либо изъ сторонъ, дѣла поступаютъ на окончательное рѣшеніе главнаго мѣстнаго начальства, съ которымъ окружный приказъ сносится непосредственно.

Наконецъ, были опредѣлены особые смотрители колоній. Проживая на мѣстахъ, каждый въ своей дистанціи, они должны содѣйствовать главному мѣстному попечительству «къ вящшему улучшенію благосостоянія колонистовъ и, не вводя произвольно никакихъ распоряженій», сохранять между поселенцами «надлежащую подчиненность къ начальству всегдашнимъ наблюденіемъ, чтобы учрежденный въ колоніяхъ порядокъ неизмѣнно былъ сохраняемъ», о всякомъ же нарушеніи этого порядка доносить начальству. По мѣрѣ развитія колоній, сверхъ обязанности надзора за правильнымъ ходомъ общественнаго самоуправленія, производства мѣстныхъ дознаній, слѣдствій и т. п., къ вѣдомству смотрителей колоній отошли всѣ тѣ обязанности попечительства, которыя истекали изъ соприкосновенія дѣлъ колонистовъ съ общими властями—полицейскими, административными и судебными; какъ-то: депутатствованіе при рѣшеніи дѣлъ въ общихъ судебныхъ мѣстахъ и т. д. Такимъ образомъ, какъ видитъ читатель, для полнаго развитія сельско-волостнаго строя недоставало только одного, но совершенно необходимаго фактора—волостнаго схода. Но пробѣлъ этотъ восполнили на практикѣ—«волостныя собранія» (Kreis- или Gebiets-Versammlung). Они составляются въ колоніяхъ на основаніи безусловнаго *равноправія* между собою сельскихъ общинъ, изъ которыхъ каждая посылаетъ въ собраніе своего старосту, или заступающаго его мѣсто, и двухъ или трехъ уполномоченныхъ. Приговоры собранія, состоявшіеся при участіи волостнаго старшины въ качествѣ предсѣдателя собранія, обязательны для цѣлой волости. На томъ же основаніи, для обсужденія и разрѣшенія общихъ дѣлъ, въ колоніяхъ всегда составлялись *съѣзды* волостныхъ старшинъ и уполномоченныхъ отъ нѣсколькихъ волостей, цѣлыхъ водвореній и даже цѣлыхъ вѣдомствъ.

По точному смыслу приведенныхъ инструкцій, цензомъ по участію въ сходѣ и выбору лицъ колонистскаго общественнаго управленія, является «дворъ, хозяйство». Но что же разумѣетъ законъ подъ этими терминами?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ и выяснить важное значеніе второго отдѣла инструкцій 1800—1803 гг., установившихъ и систему хозяйства въ колоніяхъ, намъ необходимо возвратиться къ закону 19 марта 1764 г.

До новѣйшаго времени, законодательство наше вовсе не касалось частнаго, внутренняго между крестьянами распредѣленія данныхъ имъ въ надѣлъ земель; оно предоставляло это дѣло обычаю, усмотрѣнію самихъ обществъ. Иная постановка дана этому вопросу вышеприведеннымъ коло-

низаціоннымъ закономъ, съ содержаніемъ котораго читатель уже знакомъ. Сущность этого закона заключается въ томъ, что онъ приурочилъ угодья посемейнаго надѣла колонистовъ не къ «семьѣ» или «душѣ», а ко «двору» или «хозяйству», разумѣя подъ послѣдними терминами посемейный надѣлъ нормальнаго размѣра, съ хозяйственнымъ обзаведеніемъ на немъ. Прочитавъ со вниманіемъ указываемый нами законъ, всякій легко убѣдится, что основная мысль законодателя состояла въ томъ, чтобы каждая семья получила всѣ угодья нормальнаго надѣла въ одномъ обрубѣ; чтобы въ этомъ видѣ участокъ, образуя съ хозяйственными обзаведеніями «дворъ», «хозяйство», оставался изъ рода въ родъ въ нераздробленномъ и единоличномъ распоряженіи одной только семьи или главы ея, и чтобы распорядитель двора былъ, по возможности, полнымъ хозяиномъ по эксплоатаціи участка, не лишая однако общества правъ владѣнія на землю и рѣшительнаго голоса во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда личный произволъ участковаго хозяина могъ бы быть несовмѣстнымъ съ интересами общины-землевладѣльца. Выражаясь иначе, законъ 19 марта 1764 года вводитъ въ тѣсные предѣлы поселянскаго «двора-хозяйства» начало единоличнаго потомственнаго пользованія, какъ лучшій, болѣе энергическій двигатель хозяйственнаго успѣха. Подчинивъ это начало принципу общиннаго землевладѣнія, тотъ же законъ гарантируетъ какъ цѣлостность и самобытность каждаго отдѣльнаго хозяйства, такъ и всегдашнее преобладаніе общиннаго принципа надъ произвольными поползновеніями личнаго начала, которое «не имѣетъ власти участковъ своихъ ни продать, ни заложить, ни въ дробныя части раздѣлить,» съ тѣмъ, чтобы участки эти оставались «нераздѣльно во власти той деревни»..

Мы позволимъ себѣ называть эту комбинацію поселянскаго землевладѣнія—*лично-общинною*, или просто *мірскою*, въ отличіе отъ господствующихъ двухъ системъ: *обычно-общинной*, которой держится огромное большинство нашихъ крестьянъ, — и *личной*, основанной на правѣ полнаго частнаго владѣнія. Такимъ образомъ, каждая изъ нашихъ колоній есть поземельный собственникъ; отдѣльные же члены общины — хозяева владѣютъ подворными участками лишь на правѣ потомственнаго пользованія.

Посмотримъ же, какъ эта, вновь созданная сельско-поземельная комбинація примѣнялась на практикѣ.

Привести ее въ дѣйствіе въ поволжскихъ колоніяхъ правительство, повидимому, и не пыталось. Почему?—это понятно. Прошло не мало времени, пока общія неустройства низоваго поволжья уступили мѣсто болѣе нормальному состоянію дѣлъ; пока насущная нужда успѣла вынудить наши «подонки» Германіи серьёзно взяться за земледѣльческій трудъ и прочное устройство своего быта и пока выработались здѣсь элементы здороваго земледѣльческаго сословія, сложившагося при томъ въ болѣе или менѣе органически сплоченныя сельскія общества. Когда же, наконецъ, должна была наступить эта, давно желанная пора, тогда оказалось, что прежняя неурядица стерла всѣ слѣды первоначальнаго распредѣленія населенія и его земельнаго надѣла. Не досчитывались цѣлыхъ сельскихъ обществъ или колоній; наличное населеніе, рядомъ переходовъ

изъ мѣста въ мѣсто, основало свою осѣдлость по своему, такъ что если колонія и существовала подъ прежнимъ названіемъ, то первоначальнаго населенія тамъ уже почти не было: оно или исчезло неизвѣстно куда, или вымерло, или перешло въ иныя колоніи, уступивъ свое мѣсто другимъ колонистамъ. Вслѣдствіе того, перепутались и поземельныя условія. Въ колоніяхъ, гдѣ почему-либо накопилось большее число поселенцевъ, имъ недоставало земли; вообще же образовались колоніи, по большей части, очень многолюдныя, такъ что въ настоящее время численность населенія отдѣльныхъ колоній доходитъ даже до 6,000 душъ обоего пола. Напротивъ, въ опустѣлыхъ селеніяхъ оказывался значительный избытокъ земли. Отсюда возникали споры, драки и тяжбы изъ-за границъ общественнаго землевладѣнія, которыми, какъ равно и хаотическимъ состояніемъ счетовъ казеннаго долга и незнаніемъ поселенцами русскаго языка, съумѣла воспользоваться корысть мѣстныхъ чиновниковъ. Въ довершеніе всего этого, общее число поселенцевъ успѣло значительно увеличиться, такъ что, по тогдашнимъ экономическимъ условіямъ края, земельный надѣлъ и въ общемъ итогѣ оказывался далеко недостаточнымъ. Колонисты уже въ 80-хъ годахъ начали постоянно снимать изъ оброка смежные казенные участки. Къ тому же сами колонистскія общества усвоили себѣ окончательно крестьянскій общинный порядокъ пользованія землями, съ его срочными передѣлами угодій на наличное число душъ.

Въ виду всего сказаннаго, правительство признало невозможнымъ возвратиться здѣсь къ лично-общинному или мірскому распредѣленію угодій надѣла. Оно предпочло приравнять поволжскія колоніи вполнѣ къ порядкамъ крестьянскаго землевладѣнія, и всѣ дополнительные надѣлы давало этому водворенію уже не на семейство, а на число ревизскихъ душъ. Такимъ образомъ, нормальный надѣлъ поволжскихъ колонистовъ былъ установленъ: въ 1797 г., при предпринятомъ въ то время генеральномъ межеваніи, въ 20 дес. на душу 5-й ревизіи, а въ 1840 г. въ 15 дес. на душу 8-й народной переписи [1]). Соотвѣтственно этому, въ 1799 году указано: «изъ платимыхъ саратовскими колонистами на погашеніе казеннаго долга трехъ рублей съ работника—двѣ части обращать въ государственную подать, а третью, по прежнему, на уплату долга, и продолжать это до того времени, пока всѣ колоніи, при происходящемъ въ Саратовской губ. генеральномъ межеваніи, довольствованы будутъ землею». Но, подъ вліяніемъ новыхъ порядковъ мѣстнаго и общественнаго управленія, благосостояніе поселенцевъ стало быстро возрастать. Уже къ 1808 году [2]), большая часть домовъ первоначальной, казенной постройки уступила мѣсто новымъ домамъ «стоимостью каждый до 700—1,000 рублей»; каждый хозяинъ имѣлъ отъ 3 до 15 упряжныхъ лошадей, отъ 2 до 8, и даже до 12-ти дойныхъ коровъ, кромѣ воловъ и телятъ, и отъ 5 до 15—40 овецъ. Вообще колонисты поволжья работали уже 8,776-ю плугами, имѣя подъ пашней 87,457 десятинъ, и не было ни одного

---

[1]) Полн. Собр. Зак. 1802 (25,556) и 1840 (13,255).
[2]) Полн. Собр. Зак. Т. XXX, (23,408).

семейства, которое не работало бы однимъ плугомъ. Въ тоже время трехрублевый сборъ поступалъ вполнѣ исправно. Поэтому, и не смотря на то, что 20-ти десятинная пропорція земли была додана только частью, а межеваніе тянулось крайне медленно и скораго конца ему не предвидѣлось, правительство нашло возможнымъ, согласно манифесту 1763 года, уравнять поволжскихъ поселенцевъ по окладнымъ сборамъ съ мѣстными государственными крестьянами. Такимъ образомъ, если не считать привилегіею ни особаго попечительства, съ властью суда, расправы и полиціи, ни правъ гражданскихъ и общественнаго самоуправленія, за поволжскими колоніями оставалась одна свобода отъ повинностей рекрутской и военно-постойной, отличающая это водвореніе и по сіе время отъ остальнаго сельскаго состоянія. Но положивши сравнять поволжскихъ колонистовъ съ крестьянами въ фискальномъ отношеніи, правительство вполнѣ примѣнило къ нимъ *подушную* податную систему только съ 1813 года (Пол. Собр. Зак. Т. XXXII, № 25,031). Въ четырехлѣтіе, съ 1809 по 1813 годъ, продолжало дѣйствовать основное колонизаціонное правило: необлагая колонистовъ *подушно*, взыскивать съ нихъ одну *подесятинную, поземельную подать*. Поэтому уравненіе поволжскихъ колонистовъ и крестьянъ въ податяхъ состоялось первоначально (съ 1809 г.) лишь *количественно*, и при томъ на основаній болѣе или менѣе произвольнаго кадастра. Мѣстные государственные крестьяне, въ 1808 году, вносили сборы по числу душъ 6-й ревизіи, именно: подушныхъ по 1 руб., оброчныхъ по 5 р., накладныхъ по 2 коп., на подъемныхъ лошадей для воинскихъ командъ по 26 коп., всего по 6 р. 28 коп. съ души. По сему окладу, съ 19,785 рев. душъ поволжскихъ колонистовъ подлежало къ поступленію въ казну 124,249 р. 80 коп. (съ каждаго изъ 11,461 работника 16—60-ти лѣтняго возраста по 10 р. 85 коп.); эту-то сумму мѣстное начальство разверстывало «на распаханную въ колоніяхъ землю соотвѣтственно ея количеству и выгодамъ» по округамъ и сельскимъ обществамъ, предоставляя послѣднимъ дальнѣйшую за тѣмъ внутреннюю раскладку. Такимъ образомъ, по разверсткѣ администраціи, на долю колонистовъ луговой стороны р. Волги (Самарской губ.) приходилось 74,549 р. 88 коп. или по 8 р. 72½ коп. съ души, а съ колонистовъ нагорной стороны (Саратовской губ.) 49,699 р. 95 коп., или по 4 р. 17½ коп. съ души; съ распаханной же десятины причиталось: у первыхъ по 1 р. 68½ коп., у послѣднихъ по 1 р. 15 коп. Хотя опредѣленная такимъ способомъ «поземельная подать» поступала бездоимочно, но разверстка ея между водвореніями и округами, основанная на соображеніяхъ объ относительныхъ «хозяйственныхъ выгодахъ», возбудила неудовольствіе и жалобы плательщиковъ, требовавшихъ «болѣе справедливаго, уравнительнаго обложенія». Жалобы эти совпали со всеобщимъ возвышеніемъ, въ 1812 году, податей и были разрѣшены примѣненіемъ ко всему поволжскому водворенію общей системы подушныхъ окладовъ.

Выше, въ исторіи Сарепты (стр. 97), мы привели цифры прогрессивнаго возрастанія численности населенія поволжскихъ колоній и соотвѣтственнаго пониженія здѣсь средняго на душу надѣла землей, которая къ

тому же отводилась чрезвычайно медленно. Такъ полный 15-ти десятинный надѣлъ на душу 8 ревизіи, данный колонистамъ Самарской губ. въ 1841 году, для колонистовъ Саратовской губ. состоялся только въ исходѣ 1859 года (съ недодачею впрочемъ и до сего времени до 24,000 дес.). При такихъ условіяхъ, подушно-фискальная система ложилась, по видимому, особенно тяжело на колонистовъ Саратовскихъ, тѣмъ болѣе, что независимо отъ быстраго прироста окладныхъ душъ, росла, какъ извѣстно, и самая норма душевыхъ окладовъ (см. ниже сравнительные оклады). Кромѣ того, къ 1809 году, на поволжскомъ водвореніи оставалось возвратнаго казеннаго долга все еще 2.765,356 руб., въ уплату котораго поселенцы вносили въ годъ по одному рублю съ работника. На самомъ дѣлѣ—de jure и de facto — отвѣтственнымъ предъ казною плательщикомъ долга былъ *самъ должникъ*, т. е. родоначальная семья, съ ея последующими развѣтвленіями; община же отвѣтствовала круговою порукою толька за долги вымершихъ или несостоятельныхъ семей. Но суммы долга, лежавшія на отдѣльныхъ семьяхъ, были различны, какъ по первоначальнымъ счетамъ, такъ особенно еще вслѣдствіе семейныхъ раздѣловъ и развѣтвленій. Поэтому рублевый окладъ работниковъ давалъ только общій итогъ годичнаго поступленія съ каждаго сельскаго общества, которое уже само, по усмотрѣнію, раскладывало эту сумму на должниковъ, пропорціонально долгу и средствамъ каждаго. Начиная съ 20-хъ, но особенно въ 30-хъ годахъ (слѣдовательно, еще до дополнительнаго надѣленія землей) валовые годичные платежи на погашеніе долга были увеличиваемы въ такомъ размѣрѣ, что къ 1846 году казна получила полное удовлетвореніе, хотя конечно пришлось расплачиваться при такомъ усиленномъ взысканіи—преимущественно самимъ общинамъ. Тѣмъ не менѣе уплата долга во что-бъ ни стало явилась и для общинъ истиннымъ благодѣяніемъ. Не слѣдуетъ забывать, что счеты и разсчеты по сему долгу, съ самаго пугачевскаго погрома, не были и не могли быть приведены въ ясность; слѣдовательно, и самая раскладка взысканія, падавшаго въ концѣ концовъ все таки на семью и ея послѣдующія развѣтвленія, вызывала нескончаемыя жалобы, повѣрки, перевѣрки и изслѣдованія, вводившія общины въ неизбѣжные хлопоты и издержки на чиновничьи наѣзды и питавшіе при томъ коренное наше зло—чиновничье обирательство. Во всякомъ случаѣ мы будемъ умѣрены, если скажемъ, что «разборъ долговой суммы» между плательщиками обошолся водворенію гораздо дороже самаго долга. Наконецъ, важно еще и то обстоятельство, что дополнительные надѣлы 1855 и 1859 годовъ отведены Саратовскимъ колонистамъ (до 250,000 дес.) въ южной части Новоузенскаго уѣзда, Самарской губ., въ мѣстности безлѣсной, маловодной и съ слабосильною почвою. Предпринятое заселеніе этихъ отводовъ особыми колоніями обошлось кореннымъ 46-ти обществамъ уже къ 1867 году — *одними наличными* выплатами переселенцамъ — до 350,000 руб.; а между тѣмъ операція эта доведена едва до одной трети. Напротивъ, Самарскіе колонисты, получивъ весь дополнительный надѣлъ смежно съ своими коренными дачами, ограничились колонизаціею, особыми поселеніями, лишь самой отдаленной,

меньшей части его, избѣжавъ такимъ образомъ чрезвычайныхъ расходовъ, выпавшихъ на долю Саратовскаго водворенія.

Если при такихъ, относителъно невыгодныхъ условіяхъ, и не смотря на періодически повторяющіеся неурожаи, цѣлое поволжское водвореніе—Самарское и Саратовское—*всегда* вносило свои окладные, земскіе и мірскіе сборы *одинаково* исправно, бездоимочно и въ срокъ, обезпечивъ въ тоже время и собственное, частное и общественное благосостояніе, то явленіе это должно-бы, кажется, обратить на себя особенное вниманіе нашихъ экономистовъ-финансистовъ, видящихъ корень главнаго зла подъѣдающаго бытъ нашихъ крестьянъ, въ ихъ общинныхъ поземельныхъ распорядкахъ, въ подушныхъ окладахъ и круговой порукѣ, т. е. въ тѣхъ самыхъ распорядкахъ и началахъ, усвоеніе которыхъ не помѣшало, а быть можетъ даже одно только и посодѣйствовало въ поволжьѣ саморазвитію и благоустройству нашихъ «подонокъ Германіи». Но къ этому вопросу мы возвратимся не одинъ разъ, такъ какъ анализъ нашей колонизаціи представитъ еще другіе, не менѣе вѣскіе факты, подтверждающіе, по нашему мнѣнію, вполнѣ несостоятельность теоретическихъ воззрѣній на настоящій предметъ большинства нашихъ финансистовъ и политико-экономовъ.

Иначе, чѣмъ въ поволжьѣ, сложились поземельныя и фискальныя условія колонистовъ с.-петербургскихъ, рибенсдорфскихъ и бѣловѣжскихъ. У нихъ правительство стремилось дать возможное примѣненіе закону 19 марта 1764 г., особенно въ петербургскихъ колоніяхъ, которыя должны были «служить примѣромъ въ благоустройствѣ и сельскомъ домоводствѣ» для колонизаціи прочихъ мѣстностей имперіи [1]). Но и здѣсь отводъ всѣхъ угодій надѣла каждой семьѣ «особо», т. е. въ одномъ обрубѣ, встрѣтилъ непреодолимыя препятствія, съ одной стороны въ разнообразіи мѣстныхъ почвенныхъ условій, а съ другой—въ разныхъ весьма существенныхъ неудобствахъ по вопросамъ внѣшней безопасности, общественнаго благочинія, школы, церкви и т. д. Ни одно поселенческое общество не согласилось основать свою усадебную осѣдлость въ разбивку, каждому двору на своемъ обрубномъ участкѣ. Противъ такого порядка поселенцы приводили массу возраженій, и, между прочимъ, неодинаковость почвенныхъ условій, отсутствіе или дальность воды, неудобства посѣщенія школы и церкви; затруднительность взаимной защиты и огражденія полей отъ потравъ; рискованность для хозяина терять разомъ весь урожай отъ градобитія и др. случайныхъ бѣдствій. Наконецъ, надѣлъ собственно петербургскихъ колонистовъ, получившихъ по 30—35 дес. на семейство, состоялъ, по преимуществу, изъ угодій, требовавшихъ такихъ трудовъ и пожертвованій, которыя не были по плечу отдѣльнымъ хозяевамъ, уступая только дружнымъ усиліямъ цѣлаго общества, и то не сразу. Приходилось вырубать сплошные лѣса, очищать поля отъ пней, высушивать болота и т. д. При такихъ условіяхъ, всѣ общества петербургскихъ колоній распорядились своимъ надѣломъ такимъ образомъ: изъ общаго

[1]) Полн. Собр. Зак. 1802 г., Т. XXIV (18,006).

пространства были вырѣзаны: а) сплошная усадьба для цѣлаго поселенія, изъ которой каждая семья получила свое дворовое мѣсто съ огородомъ, садомъ и т. д., по уравнительному раздѣлу; б) общій выгонъ, съ присоединеніемъ сюда, по возможности, всѣхъ «неудобныхъ» угодій, и в) лѣсныя угодья въ общее же пользованіе цѣлой колоніи. Затѣмъ оставались сѣнокосы и пахатныя поля. Эти угодья, соображаясь съ доброкачественностью почвы, разстояніемъ полей отъ усадьбы и съ другими мѣстными условіями, были разбиты на болѣе или менѣе значительное число полей; въ каждомъ полѣ, а также изъ сѣнокоса, всякій отдѣльный дворъ получалъ свой пай по уравнительному передѣлу. Самая система хозяйствованія установлялась по усмотрѣнію не отдѣльныхъ хозяевъ, а общества или схода. Значеніе здѣсь двора-хозяйства или номера, какъ единицы нормальной, недѣлимой, наглядно выражается въ самыхъ наименованіяхъ колоній. Такъ колонисты между собою почти не употребляютъ оффиціальныхъ наименованій: Новая Саратовка называется — Sechziger-Kolonie, Средняя Рогатка—Zwei-und-zwanziger-Kolonie и т. д.

Да тутъ нѣтъ ничего новаго, скажетъ иной читатель; все это существуетъ точно также и въ нашей крестьянской общинѣ!

Съ перваго взгляда такое замѣчаніе не лишено, повидимому, справедливаго основанія, тѣмъ болѣе, что и въ наилучше устроенныхъ колоніяхъ, не исключая даже меннонитскихъ, паи каждаго колонистскаго двора разбросаны нерѣдко въ 20—30 различныхъ поляхъ. Но, всматриваясь въ дѣло ближе, мы найдемъ слѣдующія, весьма существенныя различія въ двухъ системахъ, мірской и общинной. *Во-первыхъ*, обычная община дѣлитъ и передѣляетъ свои угодія на паи по числу душъ; здѣсь, по мѣрѣ увеличенія населенія, паи эти становятся меньше и меньше, такъ что поселянскій дворъ не представляетъ ничего нормальнаго даже въ томъ случаѣ, еслибъ не существовало вовсе раздѣловъ семьи и колебаній въ числѣ душъ. Напротивъ, мірская система, не обращая никакого вниманія на численность душъ и семействъ, по отношенію къ угодьямъ надѣла знаетъ только дворъ-хозяйство, и притомъ на данное количество угодій только одно, однажды навсегда опредѣленное число дворовъ или номеровъ нормальнаго размѣра; она выдѣляетъ паи двору-хозяйству «независимо отъ числа душъ въ семьѣ», такъ что количественный и качественный итогъ этихъ паевъ всегда одинъ и тотъ же, а если и встрѣчается измѣненіе собственно въ размѣрахъ отдѣльнаго пая, то только вслѣдствіе такого измѣненія всей системы мірскаго хозяйства, которая требуетъ иного распредѣленія пахатныхъ полей; такъ, передѣлы полевыхъ угодій имѣютъ здѣсь мѣсто, по приговору большинства хозяевъ, когда сходъ признаетъ, напримѣръ, полезнымъ перейти отъ 3 къ 4, 5 и болѣе польной системѣ хозяйства; словомъ, когда передѣлъ требуется въ видахъ *улучшенія* хозяйственной системы. *Во-вторыхъ*, въ порядкѣ наслѣдованія, семейныхъ раздѣловъ и т. д., обычная община дѣлитъ не только движимость, но и землю, строенія, земледѣльческія орудія, скотъ, однимъ словомъ всѣ орудія производства, все хозяйственное обзаведеніе, соображаясь исключительно съ числомъ и личными правами наслѣдни-

ковъ, какъ бы исходя отъ того положенія, что въ быту крестьянъ и крестьянскихъ общинъ, *кромѣ земледѣлія*, немыслима *иная* спеціальность, и что крестьянинъ, какъ членъ общины, есть своего рода парія, обреченный на *одинъ только*, и *именно земледѣльческій трудъ*, обычная община признаетъ за каждымъ членомъ семьи безусловное право *на непосредственно-личное пользованіе* какъ земельнымъ душевымъ паемъ общественныхъ угодій, такъ равно и соотвѣтственною частью хозяйственныхъ обзаведеній и инвентарнаго имущества поселянскаго двора. Обычной общинѣ чужда идея, что земледѣльческое хозяйство, дворъ крестьянина-хозяина, тоже своего рода промысловое заведеніе, успѣхъ котораго подчиненъ чисто *экономическимъ законамъ*, и притомъ законамъ несравненно болѣе сложнымъ, нежели всякое иное производство [1]). Напротивъ, мірская система, по точному смыслу закона 19 марта 1764 г., допускаетъ къ раздѣлу между наслѣдниками или членами семьи одну лишь движимость; поселянскій же «дворъ-хозяйство» она сохраняетъ, изъ рода въ родъ, нераздѣльно въ единоличномъ распоряженіи кого-либо одного изъ семьи, и съ тѣмъ притомъ, чтобы дворъ-хозяйство, сдѣлавшійся почему либо вакантнымъ, переходилъ исключительно только къ одному изъ тѣхъ ближайшихъ родственниковъ умершаго хозяина, «которые собственныхъ участковъ не имѣютъ». *Въ третьихъ*, въ обычной общинѣ, вмѣстѣ съ возрастаніемъ населенія, ростетъ и число поселянскихъ дворовъ, а съ ними и численность представительства на мірской сходкѣ. Напротивъ, при мірской системѣ собираются на сходѣ «колонисты не менѣе одного съ каждаго двора» и выбираются на должности общественной службы исключительно одни колонисты, «имѣющіе свое собственное хозяйство». Слѣдовательно, здѣсь численный составъ сельскаго схода и число правоспособныхъ поселянъ для выборной службы, ограничены опредѣленнымъ цензомъ, не подлежащимъ никакимъ колебаніямъ и перемѣнамъ, не смотря даже на возрастаніе численности населенія сельскаго общества.

Но эти, указанныя нами, правила лично-общинной системы правительству удалось въ теченіе прошлаго вѣка поддержать у однихъ только с.-петербургскихъ колонистовъ, у которыхъ они съ того времени и вошли въ обычай, за исключеніемъ, впрочемъ, права миноратства, безусловно отвергнутаго всѣми поселенцами [2]). Что же касается до колонистовъ ри-

---

[1]) Тверской корреспондентъ одной изъ нашихъ газетъ, говоря о ходѣ, въ 1867 г., дѣлъ въ волостныхъ и общественныхъ управленіяхъ, сообщаетъ слѣдующій фактъ: «мужа дѣлятъ съ женою; три брата, *во избѣжаніе грѣха,* также раздѣляются, хотя у всѣхъ ихъ одна изба, одна плохая житница, одинъ худой сарай, одна лошадь, часто одна корова и т. д. По приговору общества, съ разрѣшенія волостнаго правленія, даютъ одному брату избу и овецъ, другому — житницу и лошадь, третьему — сарай и корову, и оказывается, что у каждаго брата по кухаркѣ съ ребятами, нѣтъ ни у котораго свободной работницы, и одному не на чемъ работать, другому негдѣ жить, а третьему—и негдѣ жить, и не на чемъ работать».

[2]) Миноратскій законъ отвергнутъ всѣми колонистами, какъ начало *лично-гражданское;* въ смыслѣ же *экономическаго принципа* «миноратство» и «маіоратство» совершенно тождественны и приводятся у колонистовъ къ «единоличному владѣнію». Дворъ-хозяйство переходитъ поэтому къ старшему сыну въ семьѣ не столько по праву первородства или маіоратства, сколько потому, что старшій членъ семьи признается и «способнѣйшимъ» къ продолженію хозяйства; въ случаѣ неспособности старшаго, хозяиномъ дѣлается «способнѣйшій» изъ младшихъ сыновей и т. д.

бенсдорфскихъ и бѣловѣжскихъ, то они, принявъ земельный надѣлъ посемейно—первые въ размѣрѣ 65, а вторые 30 дес., были предоставлены затѣмъ вполнѣ дѣйствію ихъ «мѣстнаго обычая».

Объ экономическомъ положеніи меннонитовъ въ Хортицкомъ урочищѣ мы выше привели отзывъ Контеніуса. Прибавимъ только, что меннонитскія общества, основываясь въ степяхъ, имѣющихъ слишкомъ мало общаго съ угодьями петербургской губерніи, распредѣляли тѣмъ не менѣе свой надѣлъ совершенно въ томъ же порядкѣ, какъ и петербургскіе колонисты. Здѣсь и тамъ уже въ исходѣ прошлаго столѣтія существовалъ одинъ и тотъ же порядокъ внутренняго распредѣленія всѣхъ угодій надѣла, а поселянскій дворъ-хозяйство имѣлъ совершенно одинаковое значеніе какъ въ хозяйственномъ, такъ и въ семейно-общественномъ быту. Принципъ мірскаго землевладѣнія, de jure, неизвѣстный меннонитамъ за границею, оказался, однако, вполнѣ солидарнымъ съ ихъ общинно-религіозными воззрѣніями и порядками церковнаго благочинія. Съ другой стороны, начало единоличнаго пользованія поселянскимъ дворомъ-хозяйствомъ вполнѣ соотвѣтствовало требованіямъ меннонитской культуры. Потому начало это, будучи приведено въ неразрывную связь съ господствующимъ общиннымъ принципомъ, доставило меннонитскимъ обществамъ полную возможность выработать окончательно ту систему лично-общиннаго хозяйства, существеннѣйшія положенія которой установилъ уже законъ 19-го марта 1764 г.

Въ несомнѣнности преимуществъ лично-общинной системы поселянскаго землевладѣнія и хозяйства правительство не могло не убѣдиться изъ анализа тѣхъ результатовъ, до которыхъ дошли колонисты с.-петербургскіе, особенно же рибенсдорфскіе и бѣловѣжскіе. Никакихъ земельныхъ запасовъ при этихъ водвореніяхъ не было оставлено; а между тѣмъ численность населенія, путемъ естественнаго нарожденія, возрастала быстро. Жалобы на недостаточность надѣла стали поступать прежде всего отъ петербургскихъ и бѣловѣжскихъ поселенцевъ. Оно и понятно: они, какъ сказано, получили въ обрѣзъ по 30—35 дес.

Еще указомъ 17 августа 1793 г., 57 семьямъ с.-петербургскихъ колонистовъ ямбургскаго уѣзда, въ числѣ 273 обоего пола душъ, было разрѣшено переселеніе въ Екатеринославскую губ. Вслѣдъ за тѣмъ, признано было полезнымъ и возможнымъ допустить раздѣлъ двора нормальнаго размѣра, но «неиначе, какъ съ дозволенія начальства, при чемъ головы и шульцы должны смотрѣть, чтобы таковые дѣлежи служили въ прямую пользу поселянъ, а не къ разстройству ихъ хозяйства; и для того, представляя о желающихъ дѣлиться, они должны именно объяснять добрую волю на то родителей или родственниковъ, также достаточно ли отдѣляемому будетъ на составленіе хозяйства земли, орудій и скота; и словомъ, должно при семъ случаѣ непремѣнно наблюдать, чтобъ у перваго хозяйство удержано, а у послѣдняго заведено было съ успѣхомъ» [1]).

[1]) Ст. 173 уст. о кол. Хотя законъ упоминаетъ здѣсь о разрѣшеніи «начальства» и ставитъ раздѣлъ въ зависимость отъ усмотрѣнія «головъ и шульцевъ», но на практикѣ дѣло это безусловно подчинено, съ одной стороны, усмотрѣнію сельскаго схода, а съ другой—разрѣшенію окружнаго приказа.

Уже къ 1806 г. почти всѣ дворы четырехъ петербургскихъ колоній были раздѣлены—каждый на два самостоятельныхъ хозяйства. На этомъ однако дробленіе остановилось; половинный дворъ первоначальнаго надѣла сдѣлался здѣсь нормальнымъ, и такимъ онъ остается до настоящаго времени, такъ какъ дальнѣйшій раздѣлъ общества признаютъ положительно вреднымъ въ хозяйственномъ отношеніи. Но въ то время, какъ у меннонитовъ раздѣлы *личнаго* состава семьи (безъ раздѣла двора-хозяйства) не встрѣчаютъ никакихъ препятствій и предоставлены усмотрѣнію каждаго, общества петербургскихъ колоній тотъ-же раздѣлъ семействъ по ревизіи допускаютъ только въ двухъ случаяхъ; а) когда семья пріобрѣтаетъ въ чертѣ общественнаго владѣнія, сверхъ собственнаго, еще другой дворъ; но въ этомъ случаѣ раздѣлъ для семьи даже *обязателенъ*, такъ какъ соотвѣтствующее закону 19 марта 1764 г. обычное право поселенцевъ вполнѣ усвоило себѣ правило, въ силу котораго одна и таже семья, нераздѣлившись, ни въ какомъ случаѣ не должна владѣть одновременно двумя или болѣе дворами-хозяйствами въ чертѣ общественнаго землевладѣнія; и б) когда часть семьи, излишняя во дворѣ, пожелаетъ совершенно выдти изъ состава сельскаго общества — переходомъ въ другія состоянія, другія общества и т. д. Дворъ умершаго хозяина, по праву наслѣдованія, переходитъ въ общее пользованіе его вдовы съ сыновьями, внуками и т. д., а если нѣтъ въ живыхъ матери, то къ старшему или, по особымъ соглашеніямъ, къ способнѣйшему представителю семьи, который исключительно и признается полноправнымъ хозяиномъ. Всѣ дѣла по имуществу и опекамъ на землямъ, какъ казеннаго надѣла, такъ и принадлежащихъ семьѣ въ полную собственность—внѣ этого надѣла, разрѣшаетъ, въ смыслѣ обычнаго права, мѣстный приказъ колоніи обще съ сельскимъ сходомъ. И хотя, по закону, на приговоры схода и приказа могутъ быть приносимы жалобы, но намъ не удалось найти ни одного дѣлопроизводства, похожаго на тяжбу о наслѣдственномъ хозяйствѣ. Однако, къ исходу прошлаго столѣтія, когда истекла 30-ти лѣтняя льгота с.-петербургскихъ колонистовъ, хозяйственное положеніе ихъ еще не было вполнѣ упрочено, благодаря все тѣмъ же общимъ причинамъ, о которыхъ мы уже упомянули. Вредное вліяніе «земскихъ коммисаровъ и уѣздныхъ казначеевъ» было и здѣсь положительно доказано; это повело къ учрежденію особаго инспекторства. Вмѣстѣ съ тѣмъ было постановлено [1]: а) «при удобнѣйшемъ для сихъ колонистовъ времени и ощутительномъ поправленіи ихъ состоянія, доводить *поземельный* съ нихъ окладъ, по правиламъ удѣльныхъ имѣній, сначала до трети, а потомъ до половины дохода *съ каждой десятины пашенной земли*, полагая обыкновенный засѣвъ, обыкновенный урожай и обыкновенныя цѣны на хлѣбъ; б) разсмотрѣть счеты, «по какимъ исчислены казенные долги, и силою высочайшей конфирмаціи отыскать и потребовать, гдѣ слѣды оныхъ находятся»; и в) отвести на каждое семейство не менѣе 30 дес. земли.

Бѣловѣжское водвореніе устроилось въ 1765—1766 г. изъ 7 колоній,

---

[1]) Полн. Собр. Зак. т. XXIV (18,006).

соединенныхъ въ особый округъ. Въ томъ числѣ, колонія «бѣловѣжскій городокъ» была заселена по преимуществу ремесленниками (23 сем.); всего же въ округѣ водворились 147 сем. Имъ были отведены 3,664 дес., т. е. на 746 дес. менѣе нормальнаго 30-ти десятиннаго надѣла. Руководствуясь обычаемъ выдѣлять женатыхъ сыновей въ особыя хозяйства, каждая семья этихъ колонистовъ дробила свой участокъ по мѣрѣ образованія изъ ея среды молодыхъ семействъ. При всемъ томъ не прошло и 30 лѣтъ, какъ нужда въ землѣ для народившагося населенія побудила правительство отвести бѣловѣжскимъ колоніямъ еще 821 дес. въ 70 верстахъ отъ нихъ, изъ хрещатинской степи. Въ 1802 г. выселились сюда 36 молодыхъ семействъ кореннаго водворенія, образовавшихъ колонію Хрещатикъ, Роменскаго уѣзда Полтавской губ. Тѣмъ временемъ, обычное въ порядкѣ наслѣдованія и раздѣловъ измельченіе хозяйственныхъ земельныхъ участковъ, перепродажа и переуступка изъ рукъ въ руки дробныхъ частей нормальнаго двора, и т. д., привели бѣловѣжское коренное водвореніе, съ одной стороны, къ крайне неравномѣрному распредѣленію угодій между хозяевами, а съ другой—къ тяжбамъ, ссорамъ и искамъ «для всѣхъ вообще раззорительнымъ». Для устраненія этихъ неудобствъ, въ 1800 г. [1] послѣдовало распоряженіе: 1) довольствовать бѣловѣжскихъ колонистовъ землей по 30 дес. на каждое семейство, полагая по 4 души муж. пола въ семьѣ, а всего 160 сем., и соотвѣтственно тому прирѣзать имъ удобной земли еще 1805 дес.» и 2) подчинить эти колоніи вѣдѣнію новороссійской конторы опекунства иностранныхъ. Означенный дополнительный надѣлъ, въ количествѣ не болѣе 1,216 десятинъ, состоялся въ слѣдующемъ 1801 года, но послужилъ только поводомъ къ новымъ, еще бо̀льшимъ раздорамъ. Неравномѣрное распредѣленіе первоначальнаго надѣла дошло до того, что дѣйствительное владѣніе двора колебалось между ½ и 35 десятинами во всѣхъ дробныхъ степеняхъ, и, сверхъ того, имѣлось до 13 семействъ вовсе безъ земли. Слѣдовательно, здѣсь шли рядомъ мельченіе участковъ и обезземеленіе поселянъ стягиваніемъ въ однѣ руки, свыше нормальнаго на семью размѣра, подворныхъ надѣловъ на правахъ потомственнаго пользованія, что̀ въ сущности (не по римскому праву) равносильно *полному владѣнію*, особенно въ быту пахаря-поселянина, нерасположеннаго рисковать своимъ земельнымъ клочкомъ, пуская его въ закладъ и т. д. Къ тому же, въ 1806 г., числилось здѣсь уже не 160, а 194 семейства. Главы тѣхъ семействъ, которыя являлись представителями старшихъ линій въ потомствѣ первоначально поселенныхъ въ бѣловѣжскихъ колоніяхъ 147 семействъ, доказывали преимущественное право свое на полный 30 дес. надѣлъ и требовали дополненія ихъ участковъ до этого размѣра, предоставляя остатокъ дополнительнаго надѣла къ уравнительному распредѣленію между младшими семьями. Послѣднія же, отвергая это домогательство, настаивали на уравнительномъ передѣлѣ на наличное число семействъ всего надѣла—стараго и новаго. Обѣ партіи были

---

[1]) Выс. конф. 21 авг. докладъ прав. сената.

болѣе или менѣе равны по силамъ и упорству; а потому, всѣ попытки со стороны конторы опекунства—покончить дѣло путемъ миролюбиваго соглашенія, были тщетны [1]). Наконецъ, высшее правительство, вынужденное полнѣйшимъ разстройствомъ всего водворенія и обременяемое нескончаемыми жалобами и дрязгами, разрѣшило въ 1830 г. переселеніе отсюда 131 семейства въ Екатеринославскую губ. Онѣ образовали тамъ пять особыхъ колоній, съ надѣломъ въ 60 дес. на семейство, вошедшія въ составъ маріупольскаго колонистскаго округа. Остававшіяся на мѣстѣ семьи, образуя по прежнему семь колоній, должны были принять къ руководству тѣ же порядки, какіе установились во всѣхъ нѣмецкихъ колоніяхъ, надѣленныхъ землей посемейно.

Съ этого времени внутренняя вражда въ коренномъ бѣловѣжскомъ водвореніи прекратилась совершенно и болѣе уже не возобновлялась, хотя по 10 ревизіи (1857 г.) имѣется здѣсь уже 205 сем., въ составѣ 1,133 муж. пола душъ, въ пользованіи которыхъ числится 3,667 дес. удобн. и 1,802 дес. неуд., всего до 4, 8 дес. на душу.

Совершенно тѣ же результаты, при дѣйствіи однородныхъ распорядковъ, мы позже встрѣчаемъ и у рибенсдорфскихъ колонистовъ, надѣлъ которыхъ (на 65 семействъ 3,420,¼ дес. удобн. и до 800 дес. неуд.), былъ нарѣзанъ имъ въ два срока. Здѣсь угодія каждаго двора, по обоимъ начальнымъ надѣламъ, лежали въ двухъ смежныхъ участкахъ, образовавшихъ, какъ и въ остальныхъ колоніяхъ, «неоспоримое, вѣчно-потомственное владѣніе» не лично чье либо, а «цѣлаго общества». Собственность эта, какъ повсюду въ колоніяхъ, такъ и здѣсь, не можетъ быть ни продаваема, ни закладываема, ни какимъ бы то ни было инымъ образомъ отчуждаема изъ рукъ рибенсдорфскихъ поселянъ. Сверхъ общественныхъ выгона, лѣса и нѣсколькихъ иныхъ статей (каменоломни и т. п.), оставшихся въ общемъ пользованіи цѣлаго общества, всѣ остальныя угодія надѣла были распредѣлены въ *потомственное пользованіе дворовъ уравнительно*. На дворъ этихъ угодій (усадебныхъ, пашни и сѣнокосовъ) приходилось: въ первомъ отводѣ по 39½, во второмъ—по 18½, всего же по 58 десятинъ. Такое распредѣленіе угодій сохранилось бы *неизмѣнно*, еслибъ рибенсдорфцы усвоили себѣ порядокъ наслѣдованія по колонизаціонному закону; но они, какъ въ свое время и бѣловѣжцы, стали руководствоваться своимъ обычнымъ правомъ. Послѣдствіемъ были неустройства, на которыя горько жалуется извѣстный читателю инспекторъ петербургскихъ колоній Бунинъ, навѣщавшій Рибенсдорфъ въ 1817 году. «Семейные земляные участки, говоритъ онъ между прочимъ, дѣлятся хозяевами

---

1) Въ приложеніяхъ (№ 5) читатель найдетъ два донесенія Ст. Сов. Контеніуса о разстроенномъ положеніи бѣловѣжскихъ колоній. Акты эти ярко рисуютъ характеръ отношеній *колонистскаго* попечительства къ населенію и его правамъ *общественнаго самоуправленія*. Таковы-ли бывали отношенія попечителей къ нашимъ крестьянскимъ общинамъ; и правы-ли тѣ, которые утверждаютъ, что попечительство и поселянское самоуправленіе двѣ вещи розныя, исключающія одна другую?.. Мы думаемъ, что при нормированіи *закономъ* взаимныхъ правъ и обязанностей такимъ образомъ, чтобы ни съ чьей стороны не могло быть произвола, твердое попечительство, т. е. строгое наблюденіе за неуклоннымъ исполненіемъ закона, положительно необходимо.

на два, на три и даже на четыре хозяйства, безъ согласія общества и разрѣшенія начальства, отчего произошли уже многіе споры и образовались судебныя дѣла». Но этого мало; рибенсдорфское общество еще не было снабжено даже инструкціею о внутреннемъ общественномъ самоуправленіи; а потому и административно-полицейская часть находилась здѣсь въ самомъ жалкомъ положеніи, обнаруживъ во многомъ личный произволъ, своекорыстіе и самоуправство сельскихъ начальниковъ, земской полиціи и другихъ мѣстныхъ органовъ власти. И этотъ характеръ общественнаго управленія, находя пищу во враждѣ партій, привился всему населенію до такой степени, что ни снабженіе колоніи (по распоряженію министерства внутреннихъ дѣлъ) извѣстною инструкціею, ни перемѣны въ личномъ составѣ сельскаго управленія, не оказывали замѣтнаго вліянія на улучшеніе дѣлъ общества. Къ тому же инструкція оказалась вполнѣ примѣнимою въ отношеніи одного только административно-полицейскаго порядка; въ отношеніи же собственно поземельнаго устройства указанія ея могли бы получить здѣсь практическое примѣненіе только какъ дополненіе къ основнымъ положеніямъ закона 19 марта 1764 года. Но о существованіи этого закона не вѣдали ни общество, ни мѣстныя власти; повидимому, онъ былъ забытъ даже высшею администраціею. Такимъ образомъ главнѣйшій корень зла, подтачивавшаго благосостояніе богато одаренныхъ правительствомъ рибенсдорфцевъ, остался нетронутымъ: самовольные раздѣлы, продажи, уступки и промѣны участковъ потомственнаго пользованія продолжались между однообщественниками по прежнему; мѣстныя же власти видѣли свою прямую пользу не въ прекращеніи, а напротивъ, въ поддержаніи возникавшихъ отсюда споровъ, тяжебъ и вражды въ обществѣ.

Приводимъ примѣръ [1]. Въ числѣ первоначальныхъ поселенцевъ колоніи Рибенсдорфа находился колонистъ Бекеръ, съ семьей, получившій, наравнѣ съ остальными однообщественниками, подворный надѣлъ въ 58 десятинъ. Впослѣдствіи изъ этого надѣла перешло во владѣніе колонистовъ: а) Андрея Дреера, по неявленному нигдѣ купчему письму отъ 14 января 1803 года, половина надѣла изъ перваго отвода—$19^3/_4$ дес.; б) Габріэля Шмидта, по такому же письму отъ 22 ноября 1823 года, половина надѣла изъ второго отвода—$9^1/_4$ дес.; в) того же Дреера, уже безъ всякой письменной сдѣлки, остальныя $9^1/_4$ дес. втораго отвода; и наконецъ г) Фридриха Семка, по явленному въ мѣстномъ приказѣ условію отъ 24 февраля 1826 года, остальныя $19^3/_4$ дес. перваго отвода. Сынъ и наслѣдникъ умершаго тѣмъ временемъ старика Бекера, взамѣнъ послѣдней земли, получилъ отъ Семка — нѣсколько денегъ, жилой домикъ съ сараемъ, пару лошадей и пятую часть надѣла Семка въ обоихъ отводахъ. Тѣмъ не менѣе Бекеръ-сынъ умеръ въ нищетѣ. Опекуны его сиротъ начали формальный искъ, домогаясь возвращенія во владѣніе опекаемыхъ дѣдовскаго ихъ двора; и дѣло это, промытаривъ десятки лѣтъ по всѣмъ административно-полицейскимъ и судебнымъ инстанціямъ, дошло

---

[1]) Дѣла Отд. колоній М-ства Госуд. Имущ. 17 апрѣля и 22 мая 1847 г. №№ $^{54}/_{3208}$ и $^{68}/_{3221}$.

въ 1847 году до министерства имуществъ и правительствующаго сената, въ порядкѣ *вотчиннаго* производства.

Такихъ примѣровъ можно бы привести по рибенсдорфской колоніи еще не малое число, такъ какъ всѣ споры и ссоры о хозяйствахъ возникали изъ подобныхъ обстоятельствъ и производились тѣмъ же вотчиннымъ порядкомъ. Спрашивается: таковы ли условія, благопріятствующія крестьянину-собственнику, т. е. мелкому землевладѣльцу, совершенствовать свое хозяйство и устроить прочнымъ образомъ свой общественный бытъ? А между тѣмъ извѣстно, что свободный доступъ въ Рибенсдорфъ чуждыхъ ему элементовъ, не имѣвшій здѣсь мѣста въ силу привилегированнаго состоянія колонистовъ, могъ только еще больше осложнить поземельныя, а въ тѣсной связи съ ними, и всѣ остальныя условія преуспѣянія колоніи, какъ самобытнаго, сельско-общественнаго организма. Къ переходу колонистовъ въ вѣдомство министерства государственныхъ имуществъ, неурядица въ Рибенсдорфѣ достигла крайняго предѣла и безъ вторженія стороннихъ элементовъ. Около этого времени вся бытовая жизнь общества поглощалась взаимною ненавистью и враждою двухъ разбогатѣвшихъ, вліятельнѣйшихъ семействъ — Вегнеровъ и Штоль, державшихъ остальныхъ однообщественниковъ въ болѣе или менѣе батрацкой зависимости отъ себя. Андрей Вегнеръ, кумъ и пріятель мѣстнаго исправника, въ 1846 году былъ удаленъ отъ должности старшины, съ преданіемъ его суду, а мѣсто его заступилъ Вильгельмъ Штоль, глава противниковъ Вегнера. Эпизодъ этотъ есть только одинъ изъ фазисовъ многолѣтняго родового соперничества названныхъ двухъ семействъ, препятствовавшихъ другъ другу забрать всю власть надъ обществомъ безапеляціонно въ однѣ руки. Преданіе суду Вегнера и послѣдующій ходъ этого дѣла доказали, что прежняя частная вражда перешла уже на общественную арену, раздѣливъ все общество на два враждебныхъ лагеря; съ обѣихъ сторонъ сыпались, больше прежняго, жалобы и доносы во всѣ административныя и судебныя инстанціи, а старшина Штоль провелъ (незаконнымъ путемъ, какъ доказывали противники) мірской приговоръ 1-го апрѣля 1847 года. Въ этомъ приговорѣ сходъ, признавъ 10-ти лѣтнюю давность владѣнія за основаніе къ прекращенію всякихъ споровъ колонистовъ о земляхъ надѣла, обвинялъ Вегнера, что «онъ имѣетъ сильное мщеніе на все общество за непринятіе на жительство въ колоніи родной сестры его, Евгеніи Кель, присужденной къ церковному покаянію за знаніе про убійство неизвѣстнаго бродяги»; что увлекаемый этимъ чувствомъ, Вегнеръ, бывши старшиною колоніи, «очернилъ нѣкоторыхъ колонистовъ безвинно, самопроизвольно, безъ согласія общества и безъ составленія приговора, какъ-то: опредѣлялъ въ общественную и даже помѣщичью работу, налагалъ разные штрафы и тому подобное; а между тѣмъ, *по неспокойному характеру въ общежитіи*, возмущаетъ нѣкоторыхъ колонистовъ производить между собою во владѣніи земель разные споры, дабы чрезъ то извлекать ему свои корыстолюбивые выгоды; дѣлаетъ ложныя разглашенія, распространяетъ слухи и толки къ нарушенію общественной тишины и спокойствія, научая колонистовъ къ сему

и внушая, что будто бы нѣкоторые неправильно владѣютъ землями, которыя слѣдуютъ другимъ фамиліямъ, чрезъ что производятся тяжбы въ судебныхъ мѣстахъ весьма съ большими издержками до такой степени, что многіе, имѣя хорошее состояніе, пріобрѣтенное собственными ихъ трудами, пришли въ крайнее раззореніе» и т. д. Въ свою очередь Вегнеръ, опровергая всѣ взводимыя на него обвиненія, доказывалъ между прочимъ, что приговоръ 1-го апрѣля «не заслуживаетъ никакого вѣроятія, ибо онъ не только обществомъ никогда составленъ не былъ, но еще и тайно, одними его недоброжелателями написанъ въ г. Острогожскѣ», а чтобы доставить этому акту форму и значеніе мірскаго приговора, форштегеръ Штоль призывалъ колонистовъ по одиночкѣ и заставлялъ ихъ подписаться, «хотя многіе даже и содержанія приговора не знаютъ».

Независимо отъ приведенныхъ дѣлъ и другихъ подобныхъ имъ, происходила еще особая переписка объ устройствѣ безземельнаго населенія колоніи Рибенсдорфа. Эта переписка возникла по Высочайшему повелѣнію, вызванному отчетомъ губернатора Воронежской губерніи за 1832 годъ. «Состояніе рибенсдорфскихъ колонистовъ, писалъ онъ, не цвѣтущее. Земля въ колоніи первоначально была раздѣлена на равные семейственные участки, числомъ 65. Хотя семейства сіи впослѣдствіи времени увеличились до 140, но количество владѣемой ими земли остается одно и тоже, и земля, какъ наслѣдственная, передается въ каждомъ семействѣ своему потомству, дѣлясь на 2, 3, 4 и болѣе участковъ. Иные изъ сихъ участковъ перешли съ давняго времени, посредствомъ продажи, въ другія руки (т. е. отчуждены отъ потомства родоначальной семьи); нѣкоторыми владѣютъ вдовы (бездѣтныя?) по смерти мужей своихъ и потомъ передаютъ своимъ, а не мужнинымъ родственникамъ. Слѣдовательно, иныя семейства, кои не такъ еще размножились, избыточнѣе по своему состоянію и владѣютъ землею въ бо̀льшемъ количествѣ, а другія напротивъ, раздѣлясь на 5 — 6 новыхъ семействъ и оставаясь на одномъ наслѣдственномъ первоначальномъ участкѣ, терпятъ крайній въ землѣ недостатокъ. Таковыхъ семействъ во всей колоніи находится до 30-ти, не могущихъ безъ отягощенія оплачивать слѣдующія съ нихъ повинности. Поровнять же ихъ въ количествѣ земли не предстоитъ возможности, ибо однимъ земля сія принадлежитъ по праву наслѣдства, другимъ—по праву пріобрѣтенія покупкою; у иныхъ она занята садами и огородами; другіе обратили оную подъ разныя заведенія или сѣнокосы. Отсюда возникло и возникаетъ множество споровъ, несогласій и судныхъ дѣлъ». Несмотря на положительность этихъ заявленій; не взирая даже на особое Высочайшее повелѣніе, время проходило въ безплодной перепискѣ, а на мѣстѣ, въ колоніи, дѣла усложнялись, какъ мы видѣли, изъ года въ годъ все болѣе. Не могло однако подлежать сомнѣнію, что зло лежитъ въ поземельныхъ распорядкахъ, и что здѣсь настоятельно необходимы скорыя, рѣшительныя мѣры. Но какія? Гдѣ и въ чемъ именно заключался якорь спасенія для погибавшей колоніи?... Тутъ-то вспомнили [1]) наконецъ, что, по за-

[1]) Изданіе въ 1842 году «свода постановленій о колоніяхъ» помогло дѣлу, вызвавъ изъ забытья основныя положенія 1764 года.

кону, земли отведены колонистамъ не въ личную, а въ общественную собственность; что «по сему недѣйствительны всякаго рода сдѣлки, клонящіяся къ обращенію подворныхъ участковъ потомственнаго лишь пользованія въ полную личную собственность; что порядокъ пользованія сими участками, дробленіе и передача ихъ изъ рукъ въ руки не могутъ быть допускаемы безъ мірскаго приговора общества-собственника; и что къ оставленію спорныхъ участковъ у нынѣшнихъ хозяевъ (но только не на правѣ личной собственности, а въ пользованіе) не предстоитъ препятствія, если мѣра эта согласна съ принятымъ вообще въ колоніяхъ порядкомъ, т. е. если они исправно исполняютъ сопряженныя съ званіемъ хозяина обязанности и въ пользованіи своемъ не имѣютъ свыше того количества земли, какое причитается на семейство по первоначальному надѣлу». Такова была сущность указа сената (8-го декабря 1848 года) и предложенія министерства государственныхъ имуществъ (15-го января 1849 года), положившихъ конецъ въ колоніи Рибенсдорфѣ всякимъ спорамъ и тяжбамъ по землѣ. При этомъ министерство указывало еще мѣстному начальству, что «производство слѣдствій, а также суда по гражданскимъ спорамъ между колонистами, есть дѣло палаты имуществъ, а не общихъ полиціи и суда» (уст. о кол. ст. 6, 38 и др.). Наконецъ, въ 1852 году, состоялось и выселеніе изъ колоніи Рибенсдорфъ 30-ти бѣднѣйшихъ семействъ, которыя устроились особою колоніею близь г. Ейска (ст. 101 и слѣд.).

Благодаря этимъ мѣрамъ, въ колоніи Рибенсдорфѣ постепенно сталъ ослабѣвать и наконецъ исчезъ почти вовсе прежній духъ партій, а вражда двухъ семействъ—Вегнеровъ и Штолевъ, лишенная поддержки, тоже замолкла. Теперь по 10-й ревизіи снова числится здѣсь 150 сем., 771 муж. пола душъ, дворовъ же, или самостоятельныхъ хозяйствъ — 264. И хотя въ сложности надѣлъ на душу все еще составляетъ до $4^1/_2$ дес. уд. земли; хотя нѣтъ прежнихъ ссоръ, раздоровъ и тяжебъ, но испорченная разъ нравственность и разстроенный однажды хозяйственный бытъ крестьянина исправляются не легко: и до нашихъ дней рибенсдорфскіе колонисты далеки отъ того благоустройства частнаго и общественнаго, которымъ отличаются остальныя нѣмецкія колоніи, воспользовавшіяся, въ большинствѣ, и меньшимъ надѣломъ и меньшими льготами и преимуществами. Быть можетъ (и даже весьма вѣроятно), одна изъ причинъ, препятствующихъ полному устройству рибенсдорфцевъ, естъ, съ одной стороны, несовмѣстное съ условіями успѣшнаго хозяйства измельченіе подворныхъ участковъ. Уже въ 1832 году встрѣчались примѣры существованія 5 — 6 дворовъ на 58-ми десятинахъ; указъ же сената 1848 года, указывая maximum подворнаго участка, не счелъ нужнымъ установить и minimum его, а потому теперь такое измельченіе участковъ сдѣлалось почти всеобщимъ (по 4 двора на каждыя 58 десятинъ). Съ другой стороны, ни правительствомъ, ни самимъ обществомъ, не было принято никакихъ мѣръ для своевременнаго предупрежденія въ будущемъ тѣхъ неудобствъ, которыми неминуемо сопровождается излишнее накопленіе въ земледѣльческомъ обществѣ чисто земледѣльческаго класса.

Первому и непремѣнному послѣдствію такого накопленія — излишнему дробленію хозяйствъ — не положено, какъ мы сказали, нормальнаго предѣла; а другой исходъ изъ затрудненій — пріобрѣтеніе обществомъ для своего прибылого населенія земель на сторонѣ—остался непредусмотрѣннымъ. Если бы въ 1848 году, одновременно съ возстановленіемъ въ Рибенсдорфѣ принципа общиннаго землевладѣнія, начало это получило ближайшее развитіе въ видахъ предупрежденія новыхъ кризисовъ; словомъ, если бы тогда же были установлены въ обществѣ умѣренные, но постоянные сборы: а) общій поголовный *со взрослаго работника*; б) *подесятинный*, съ полевыхъ угодій; и в) *посаженный съ усадебъ*, съ тѣмъ, чтобы сборы эти образовали особый фондъ исключительно на устройство внѣ колоніи *избытка* ея населенія, то рибенсдорфское общество имѣло-бы теперь возможность не допускать раззорительнаго измельченія двора, а выводило-бы свои молодыя семьи отъ времени до времени на покупныя земли— въ составѣ такихъ же земледѣльческихъ ассоціацій. Но ничего подобнаго не было сдѣлано; общественныхъ капиталовъ нѣтъ; оставалось одно — дробить подворные участки, а съ тѣмъ вмѣстѣ бѣднѣть въ цѣломъ и въ частности, идя вѣрнымъ шагомъ на встрѣчу несостоятельности. Конечно, процессъ этотъ совершается весьма медленно, такъ какъ, и кромѣ выселенія на покупныя земли, существуютъ для *отдѣльныхъ* личностей выходы изъ колоніи; но подобные выходцы оставляютъ свое общество только отъ крайней нужды, обезсиленные экономически и нравственно, тогда какъ выведенные отсюда своевременно, при пособіи самаго общества, они представляли-бы здоровую культурную силу для успѣшной колонизаціи пустующихъ мѣстъ. Если древняя Русь не съумѣла *систематически* вести колонизацію и не поняла великой культурной силы свободныхъ крестьянскихъ волостей, выселявшихъ своихъ «молодшихъ, гулящихъ людишекъ» на свободныя земли такими же тягло-волостными общинами, то дорого и кроваво расплачивалась она за эту неумѣлость впослѣдствіи: казачество, одновременно выражающее собою и избытокъ силъ, и степень внутреннихъ неустройствъ Москвы, сдѣлалось для слагавшагося русскаго государства—элементомъ не силы и здороваго роста, а напротивъ, источникомъ вѣковой борьбы, горя и тревогъ.

Въ фискальномъ отношеніи, петербургскіе, бѣловѣжскіе и рибенсдорфскіе колонисты принадлежатъ къ числу той, относительно небольшой категоріи поселенцевъ, которая почти совершенно избѣжала подушной системы. По основному колонизаціонному закону, они, взамѣнъ общихъ податей: подушной и подушно-оброчной, всегда платили «поземельную подать» по числу удобныхъ десятинъ надѣла (ст. 245, слѣд. уст. о кол.). Единственными подушными сборами, введенными сюда какъ-бы контрабандою, были а) на содержаніе присутственныхъ мѣстъ, съ 1808 года, по 18 коп.; (налогъ первоначально исключительно — на *дворянъ*; пол. собр. зак. т. XXIV № 18,278); и б) на содержаніе сухопутныхъ и водяныхъ сообщеній, съ 1816 года, по 30 коп. асс. Сборы эти (ст. 245 и 247 уст. о кол.), составившіе съ 1840 года, по переложеніи на серебро, 14 коп. съ души, съ 1862 года постепенно были увеличиваемы—сперва до 15 коп.,

за тѣмъ до 40 коп., и наконецъ, со 2-й половины 1868 года, до 90 к. съ души. Такимъ образомъ названные поселенцы, противъ огромнаго большинства остальныхъ, подчинявшихся вполнѣ подушной системѣ колонистовъ, и по фиску находились въ наиболѣе благопріятныхъ условіяхъ; но, чтобы это преимущество сдѣлать вполнѣ нагляднымъ, мы приводимъ слѣдующіе сравнительные оклады:

Оклады поземельной подати и подушнаго сбора.

		У Меннонитовъ.		Въ Рибенсдорфѣ.	
Съ 1812 г. со 100 душъ при 1000 дес. надѣла.	поземел.	1000 × 15 к.	= 150 р.	1000 × 75 к.	= 750 р.
	подушн.	100 × 49 —	= 49 —	100 × 49 —	= 49 —
		Итого асс.	199 р.	— —	799 р.
Съ 1840 г. съ 200 душъ [1] при томъ же надѣлѣ.	поземел.	1000 × 4½ к.	= 45 р.	1000 × 21½ к.	= 216 р.
	подушн.	200 × 14 —	= 28 —	200 × 14 —	= 28 —
		Итого сер.	73 р.	— —	244 р.
Съ 1868 г. съ 400 душъ при томъ же надѣлѣ.	поземел.	1000 × 4½ + 25%	= 56 р. 25 к.	1000 × 21½ + 25%	= 270 р.
	подушн.	400 × 90 коп.	= 360 —	400 × 90 коп.	= 360 —
		Итого сер.	416 р. 25 к.	— —	630 р.

Оклады подушной системы.

		У молочанскихъ нѣмцевъ-колонистовъ и крестьянъ.	
Съ 1812 г. со 100 душъ при 1000 дес. надѣла.	оброчныхъ	100 × 5	= 500 р.
	подушныхъ	100 × 1 р. 28 к.	= 128 —
		Итого на асс.	628 р.
Съ 1840 г. съ 200 душъ при томъ же надѣлѣ.	оброчныхъ	200 × 2 р. 58 к.	= 516 р.
	подушныхъ	200 × 1 р. 52 к.	= 504 —
		Итого сер.	820 р.
Съ 1868 г. съ 400 душъ при томъ же надѣлѣ.	оброчныхъ	400 × 3 р. 28 к.	= 1312 р.
	подушныхъ	400 × 1 р. 93 к.	= 772 —
		Итого сер.	2084 р.

Очевидно, что если мы найдемъ поселенія колонистовъ, которыя на перекоръ такой фатальной прогрессивности подушныхъ окладовъ, при меньшемъ надѣлѣ и меньшихъ преимуществахъ противъ рибенсдорфцевъ [2], съумѣли не только упрочить и развить свое благосостояніе до замѣчательной степени, но установить въ своихъ общинахъ и не менѣе замѣчательное благоустройство, то это обстоятельство должно убѣдить всякаго, какую важную роль въ быту сельскаго общества играютъ его внутренніе, организованные законамъ, распорядки по землѣ. Въ тоже время нельзя однако не сознать, что такой фискальной системы, какая имѣла мѣсто въ

[1]) Число душъ обыкновенно удвоивалось у колонистовъ въ 25—30 лѣтъ; слѣдовательно, если въ 1812 году на 1000 дес. надѣла было 100 душъ, то къ 1840 г. на тѣхъ же 1000 дес. числилосъ уже 200 душъ и т. д.

[2]) Рибенсдорфскіе колонисты, на равнѣ съ Меннонитами и Сарептскими братьями, всегда пользовались весьма выгодными преимуществами—курить вино, варить пиво и т. п., и напитки эти продавать въ предѣлахъ своего надѣла. Теперь, при акцизной системѣ, привилегія эта отмѣнена, или, сказать вѣрнѣе, слилась съ *общимъ правомъ* всѣхъ состояній на производство торговли питьями.

примѣненіи подушныхъ окладовъ до нынѣ, въ концѣ концовъ не можетъ выдержать ни одно общество: она, какъ и всякое иное *непомѣрное* обложеніе, выносима только до *извѣстнаго предѣла*, переступивъ который (а у многихъ изъ нашихъ крестьянъ это случилось уже слишкомъ давно) податная тяга должна сломить и окончательно разстроить всякое благосостояніе. Подобная податная прогрессія должна наконецъ лишить плательщиковъ всякихъ способовъ къ очисткѣ окладовъ и успѣшному веденію земледѣльческаго хозяйства, какъ спеціальнаго промысла; а при такихъ условіяхъ и благодѣтельное, при болѣе умѣренномъ обложеніи, ассоціаціонное начало — круговая порука, не можетъ не сдѣлаться вопіющимъ зломъ, тяготѣющимъ надъ сообщественниками также фатально, какъ первородный грѣхъ надъ человѣчествомъ. Но, спросимъ мы, развѣ виновата здѣсь *система* подушныхъ окладовъ? и самыйпринципъ *круговой поруки*?.. Или напротивъ, зло не въ системѣ, а въ безобразномъ ея *примѣненіи*, т. е. въ тѣхъ финансистахъ и сборщикахъ, которыхъ политико-экономическая и финансовая сообразительность не идетъ далѣе постояннаго «увеличенія подушныхъ окладовъ» и «бездоимочнаго» взысканія ихъ, независимо отъ прироста окладныхъ душъ и доходныхъ источниковъ?.. Пусть отвѣтятъ на этотъ вопросъ тѣ изъ нашихъ финансистовъ, которые, повидимому, даже по сіе время полагаютъ возможнымъ выжать сокъ изъ булыжника, напоминая извѣстнаго крестьянина, вздумавшаго приучить своего коня—обходиться вовсе безъ корма, жить и работать въ силу навыка—привычки. Въ ожиданіи же этого отвѣта, мы пойдемъ далѣе, спѣша кончить обзоръ нѣмецкой колонизаціи за истекшее столѣтіе.

Для полноты этого обзора, намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о водворенныхъ въ Новороссійскомъ краѣ колонистахъ—*іозефстальскихъ*, *данцигскихъ*, *шведскихъ* и *ямбургскихъ*.

Іозефстальскіе колонисты выѣхали изъ окрестностей г. Данцига одновременно съ первымъ меннонитскимъ транспортомъ, т. е. въ 1789 г. Они, въ числѣ 90 семействъ лютеранскаго исповѣданія, были поселены въ Новомосковскомъ уѣздѣ, особою колоніею, названною Іозефсталь. Въ высочайшемъ рескриптѣ 2 іюня 1792 г., на имя генерал-маіора Кохановскаго, было только указано «удовольствовать этихъ людей ссудою вполы противъ меннонитовъ». Вотъ что писалъ въ 1799 г. извѣстный намъ Контеніусъ: «Были-ли съ іозефстальскими колонистами заключены какія либо предварительныя условія — о томъ слѣдовъ не имѣется. Мѣстоположеніе колоніи весьма хорошее; земля подъ оною плодороднѣйшая, пастьбы тучныя; словомъ, колонисты имѣютъ всѣ средства, чтобы быть въ избыткѣ. Но, къ сожалѣнію, только часть ихъ или въ хорошемъ, или въ посредственномъ состояніи; прочіе же, бывъ прежде въ отечествѣ своемъ ремесленниками и поденщиками, и не зная обращаться въ хлѣбопашествѣ, мало имъ занимаются, къ хозяйству не радѣютъ и остаются въ бѣдности и дурно устроенными».

Данцигскіе колонисты въ 1787—1788 гг. были вызваны нарочно посланнымъ коммисаромъ, коллежскимъ совѣтникомъ Траппе, равнымъ образомъ изъ Пруссіи, въ числѣ 510 муж. и 400 жен. пола душъ. Контеніусъ нашелъ

изъ нихъ «разсѣянными въ шведской и нѣмецкой колоніяхъ, въ Крыму и Херсони» уже всего только 111 муж. и 97 жен. пола душъ. Въ вышеприведенномъ рескриптѣ 1792 г. объ этихъ поселенцахъ сказано, что «въ разсужденіи льготы, они должны пользоваться пожалованною въ губ. Екатеринославской десятилѣтнею [1]); а изъ денегъ, употребленныхъ на нихъ, уплачивать ту только сумму, которая на наличныхъ причитается». Находившіяся въ Крыму 10 и въ Херсонѣ 27 душъ снискивали себѣ пропитаніе ремесломъ, или поденною работою. 21 семья, въ числѣ 41 муж. души, были поселены въ Елисаветградскомъ уѣздѣ особою колоніею, названною «Нѣмецкою». Эти поселенцы, за исключеніемъ семи хозяевъ, бывшихъ прежде ремесленниками, матросами и батраками, занимались хлѣбопашествомъ прилежно. «Въ дождливые годы, говоритъ Контеніусъ, они собирали хлѣба достаточно, при обыкновенно же случающихся тамъ засухахъ лишаются даже сѣмянъ. Вообще положеніе сихъ колонистовъ таково, что они съ нуждою одно только бѣдное пропитаніе получаютъ; а нѣкоторые, по нерадѣнію своему, и насущнаго хлѣба не имѣютъ». Къ тому же «отъ худой воды въ запрудахъ, которая наполняется лѣтомъ червями и получаетъ худой запахъ, поселенцевъ этихъ ежегодно однимъ или двумя человѣками болѣе умирало, нежели рожалось». Остальныя 14 сем. данцигскихъ колонистовъ пребывали въ кол. шведской, пользуясь одинаковыми правами съ коренным населеніемъ. Но изъ числа ихъ, только два семейства отличались достаткомъ и прилежаніемъ; остальныя были «лѣнивы, къ хозяйству нерадивы и въ худомъ состояніи».

Шведскіе колонисты переведены сюда въ 1787 г. съ острова Даго, въ числѣ 904 обоего пола душъ. Къ 1799 г., Контеніусъ нашелъ въ ихъ колоніи уже не болѣе 74 муж. и столько же жен. душъ, въ числѣ 22 семействъ. Всѣ остальные «въ дорогѣ и въ колоніи померли отъ болѣзней, происшедшихъ частью отъ перемѣны климата и худой необыкновенной пищи, а частью отъ неимѣнія домовъ и отъ недостатка въ другихъ необходимо нужныхъ потребностяхъ». Сюда же, по распоряженію князя Потемкина, была приселена партія плѣнныхъ шведовъ въ 31 чел. Но къ ревизіи Контеніуса изъ нихъ оказалось на мѣстѣ не болѣе двухъ семействъ; прочіе «или вымерли, или ушли».

«Шведскіе колонисты и плѣнные шведы, отзывается Контеніусъ, къ земледѣлію и вообще хозяйству прилежны и рачительны; но мѣсто ихъ поселенія высоко, отъ чего хлѣбъ выгораетъ и получаются нерѣдко одни сѣмяна, иногда же и ихъ лишаются. Къ тому же суслики (овражки) причиняютъ полямъ великій вредъ. Напротивъ, пастьбы тамошнія весьма хороши. Колонисты съ успѣхомъ упражняются въ рыбной ловлѣ, отъ чего получаютъ посредственный доходъ. На какомъ основаніи они поселены—казенная палата у себя ничего не нашла».

Наконецъ, *ямбургскіе* колонисты, прибывшіе въ 1793 году изъ С.-Петербургской губ., были размѣщены сначала между жителями казеннаго

---

[1]) Т. е. общею льготою, дарованною въ то время всѣмъ переселенцамъ, не исключая русскихъ крестьянъ.

селенія Кайдана. Здѣсь они оставались безъ малаго два года «при совершенномъ недостаткѣ во всемъ потребномъ, отъ чего случившимися болѣзнями число ихъ умалилось съ 273 до 239 душъ». Контеніусъ нашелъ ихъ поселенными особою колоніею, подъ именемъ Ямбургской, въ 17 верстахъ отъ Новороссійска. «Часть земли колоніи хороша и удобна, говоритъ Контеніусъ, другая же песчана и камениста. Состояніе колонистовъ весьма худое; самая одежда ихъ изъявляетъ бѣдность и недостатокъ. Земледѣліемъ занимаются не всѣ, ибо нѣкоторые отъ покражи и падежа лишились купленнаго для нихъ скота; другіе, болѣзнію пришедъ въ нищиту, скотъ свой продали, такъ что 11 сем., за неимѣніемъ онаго, въ земледѣліи упражняться не могутъ. Много и такихъ находится хозяевъ, кои, сыскивая прежде себѣ пропитаніе работою на суконной ямбургской фабрикѣ и не пріобыкнувъ къ хлѣбопашеству, остаются донынѣ дурными земледѣльцами».

IV.

Порывшись въ разныхъ захолустьяхъ обширнаго нашего отечества и насмотрѣвшись на далеко не радостныя картины хозяйственнаго быта той части нашего сельскаго состоянія, которой льготы, права и преимущества составляютъ предметъ справедливой зависти русскаго крестьянина, мы невольно спрашиваемъ себя: каково же, во второй половинѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтій, было положеніе этого крестьянина, если онъ не безъ основанія бросалъ завистливые взгляды на своего сосѣда-колониста?...

Понятно, что о крестьянахъ крѣпостныхъ упоминать нечего; они, по тогдашнимъ понятіямъ огромнаго большинства нашего образованнаго общества, въ полномъ смыслѣ слова были не иное что̀, какъ безотвѣтные «подлые рабы-холопи». Съ потрясающей душу судьбою «холопей», въ параллель съ положеніемъ «государевыхъ черныхъ людей», любознательный читатель знакомъ, или легко можетъ ознакомиться по историческимъ изслѣдованіямъ о древней Руси гг. Чичерина, Бѣляева и другихъ. Поэтому мы коснемся нѣсколькими словами только сословія государственныхъ крестьянъ, или прежнихъ «государевыхъ черныхъ людей» за послѣднее столѣтіе.

Императрица Екатерина II, въ 1763 г., обратила 910,866 крестьянъ, принадлежавшихъ въ крѣпость монастырямъ, въ число государственныхъ [1]), подъ наименованіемъ «экономическихъ» и не задумываясь, мѣру эту всякій назоветъ весьма существеннымъ улучшеніемъ быта этихъ людей. Посмотримъ же, что̀ въ данныхъ обстоятельствахъ приходится признавать иногда за лучшій жребій.

По изданіи учрежденія о губерніяхъ, государственные крестьяне, какъ и иностранные колонисты, въ хозяйственномъ и финансовомъ отноше-

---

[1]) Обозрѣніе дѣятельности М-ва Г. И. съ 1836 по 1866 г. Спб. 1867. Отсюда заимствованы нами всѣ сообщаемыя о государств. крестьянахъ свѣдѣнія.

ніяхъ были поставлены въ зависимость отъ казенныхъ палатъ, а въ полицейскомъ—отъ земскихъ судовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, имъ было даровано право имѣть собственные свои суды, подъ именемъ нижней и верхней расправъ, въ которыхъ предсѣдатели назначались отъ правительства, а засѣдатели отъ сельскихъ обществъ, по ихъ выборамъ. При заселеніи Новороссійскаго края былъ сдѣланъ даже опытъ учрежденія общественнаго сельскаго управленія, котораго въ прочихъ мѣстностяхъ имперіи нигдѣ въ то время не существовало. Съ этою цѣлью, въ 1787 г., было издано особое учрежденіе сельскаго порядка въ казенныхъ селеніяхъ Екатеринославскаго намѣстничества. Въ учрежденіи этомъ съ замѣчательною послѣдовательностью проведено начало раздѣленія властей: наблюдательной, исполнительной и судебной; начало же финансовое занимало здѣсь второстепенное мѣсто. Въ тоже время переселенцамъ дарованы были льготы въ податяхъ и повинностяхъ и предоставлены въ ихъ пользу доходы съ продажи питей. Екатерина II лично занималась даже проектомъ общаго устройства государственныхъ крестьянъ и намѣревалась дать этому сословію особую грамоту, подобно тому, какъ дарованы были грамоты дворянству и городамъ. Но императрица скончалась и намѣреніе это не осуществилось.

Между тѣмъ необходимость устройства государственныхъ крестьянъ съ каждымъ годомъ становилась болѣе настоятельною. Императоръ Павелъ, по восшествіи на престолъ, желая немедленно приступить къ устройству государственныхъ крестьянъ и улучшенію сельскаго хозяйства вообще, учредилъ для этой цѣли, подъ начальствомъ генералъ-прокурора, извѣстную уже нашимъ читателямъ «Экспедицію государственнаго хозяйства, опекунства иностранныхъ и сельскаго домоводства.» Подъ ея наблюденіемъ производились упомянутыя нами выше ревизіи колоній и, по преимуществу, ея же трудамъ колонисты обязаны прочнымъ устройствомъ ихъ быта. Что же касается общаго вопроса, то экспедиція успѣла только составить предположеніе объ учрежденіи волостей. Какъ ни полезно было это учрежденіе для водворенія порядка въ селеніяхъ, но отсутствіе высшаго хозяйственнаго управленія поставило волостныя учрежденія въ зависимость отъ земской полиціи и сдѣлало изъ нихъ новое орудіе притѣсненія крестьянъ. Императоръ Александръ I, въ манифестѣ 1810 г., объявляя о притѣсненіяхъ, терпимыхъ государственными крестьянами отъ чиновниковъ земской полиціи, торжественно обѣщалъ принять мѣры къ устройству и огражденію ихъ. Но, вскорѣ за тѣмъ, дѣла внѣшней политики отвлекли къ себѣ все вниманіе правительства.

Однако не одни политическія дѣла постоянно тормозили благія и самыя искреннія намѣренія монарховъ въ отношеніи улучшенія быта крестьянъ. Главнѣйшимъ тормозомъ являлось повсюду и во всемъ крѣпостное право, ревниво слѣдившее за всякими попытками и упорно предупреждавшее всякія мѣры даже въ пользу государственныхъ крестьянъ, изъ опасенія конечно, что улучшеніе быта послѣднихъ неминуемо усилитъ неудовольствіе и ропотъ крестьянина крѣпостного. Къ тому же крѣпостное начало, охвативъ всю Русь, стремилось въ то время къ окон-

чательному утвержденію своего владычества, и потому, какъ само собою разумѣется, взирало на жалкіе остатки правъ свободнаго сельскаго состоянія не иначе, какъ на свою будущую добычу, для поглощенія которой ожидались лишь удобный случай и нѣкоторая подготовка.

Сельское управленіе основывалось на общественномъ началѣ, сохранявшемся искони; но, разными частными постановленіями, составъ сельскихъ обществъ былъ поколебленъ и селенія раздроблены въ административномъ отношеніи на различные участки. Управленіе состояло: изъ старосты, или «сборщика податей», смотрителя магазина или «сборщика запасовъ», рекрутскаго отдатчика, обязаннаго «сборомъ и сдачею рекрутъ», и сотскихъ, распоряжавшихся «нарядомъ подводъ и людей»; но сельскаго начальства не было.

Такимъ образомъ «сборщики» составляли внутреннюю сельскую администрацію многихъ милліоновъ народа. При такой системѣ общественнаго управленія, крестьяне повсемѣстно подвергались притѣсненіямъ и поборамъ, ибо переходя отъ одного сборщика къ другому, они, въ цѣломъ составѣ сельскаго управленія, не имѣли никого, кто бы, по праву и обязанности, могъ оградить ихъ отъ неправильнаго и безотчетнаго требованія сборщиковъ. О гражданскихъ правахъ крестьянина, лично и по имуществу, не было и не могло быть рѣчи; въ отношеніи правъ владѣнія, наслѣдованія и т. д., законодательство наше имѣло въ виду не поселянъ, а одни только привилегированныя сословія.

Таковы были въ главныхъ чертахъ управленіе и гражданскій бытъ крестьянъ. Хозяйственное ихъ устройство находилось не въ лучшемъ положеніи.

Не было ни плановъ, ни вѣрныхъ свѣдѣній о количествѣ владѣемыхъ крестьянами земель: правительство не знало о ихъ нуждахъ, не могло имъ помочь, да и мало заботилось объ этомъ. Если и принимались мѣры въ пользу сельчанъ, то обыкновенно апріорически, безъ ближайшаго изслѣдованія истинныхъ причинъ народныхъ бѣдствій и, слѣдовательно, при полномъ отсутствіи сознательнаго образа дѣйствія — на угадъ, въ видѣ частныхъ, одностороннихъ мѣропріятій, имѣвшихъ обыкновенно почти исключительно фискальный характеръ.

Еще въ 1812 г., обратило на себя вниманіе правительства крайнее во многихъ мѣстностяхъ малоземеліе крестьянъ; и хотя переселеніе ихъ, мѣрами правительства, продолжалось безостановочно съ 1787 г., но тѣмъ не менѣе, къ 1837 г., болѣе 275 т. душъ имѣли земли по 2 дес. на душу, 212 тыс. — по 1 дес., до 60 тыс. менѣе 1 дес. и до 63 тыс. душъ не имѣли ни земли, ни обзаведенія.

Нуждающіеся поселяне нанимали землю у помѣщиковъ; другіе нашлись въ необходимости переселиться вовсе на владѣльческія земли, уплачивая двойную подать — и владѣльцамъ и казнѣ. Наконецъ, массы народа оставляли свои селенія самовольно и шли по произволу въ другія губерніи искать свободныхъ земель; одни захватывали земли гдѣ могли; другіе безъ успѣха возвращались на прежнія мѣста и должны были снова обзаводиться.

Съ другой стороны, на новыхъ мѣстахъ о самовольныхъ переселенцахъ не было никакого свѣдѣнія, а на старыхъ—продолжали показывать ихъ на лицо, насчитывая на общества огромныя недоимки. Такъ въ одной Курской губерніи было открыто недоимокъ 402,568 рублей на переселенцахъ, давно уже вышедшихъ въ другія мѣста. Наконецъ, и переселившіеся, по распоряженію правительства, крестьяне иногда весьма долго должны были ожидать на новыхъ мѣстахъ отмежеванія и отвода земли, оставаясь въ это время безъ пріюта и способовъ содержанія. Иногда медленность въ назначеніи и отводѣ участковъ бывала такъ значительна, что истощала терпѣніе крестьянъ и принуждала ихъ возвращаться на прежнія мѣста жительства. Такіе примѣры невниманія къ устройству переселенцевъ со стороны мѣстныхъ властей мы видѣли выше и на иностранныхъ колонистахъ, цѣлыми годами выжидавшихъ отвода имъ земель.

Крестьяне коренныхъ мѣстъ поселенія находились не въ лучшемъ положеніи. Удобнѣйшимъ мѣриломъ крестьянскаго благосостоянія можетъ всегда служить большая или меньшая успѣшность поступленія съ нихъ сборовъ. Но эта часть издавна отличалась крайнею неисправностью. «Вслѣдствіе злоупотребительныхъ поборовъ земскихъ полицій, — сказано во всеподданнѣйшемъ отчетѣ, которымъ мы пользуемся, говоря о крестьянахъ—всѣ средства сельскихъ обывателей были поглощаемы этими поборами, а на долю казны оставались однѣ недоимки». Такъ, въ 1814 году, было сложено 30 милл. руб. асс. податей, а въ 1818 году, т. е. черезъ 4 года послѣ сложенія, накопилось вновь недоимокъ до 96 милл. руб. [1]). Съ 1826 по 1836 годъ, съ государственныхъ крестьянъ было сложено, по высочайшимъ манифестамъ и особымъ высочайшимъ повелѣніямъ, 17 милл. руб. сер., и не смотря на то, въ вѣдомство министерства имуществъ крестьяне эти, въ 1839 году, были переданы съ податною недоимкою болѣе 18-ти милл. руб. сер.

Изъ представленной, въ декабрѣ 1841 года, управлявшему министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, графу Строганову, записки бывшаго губернскаго предводителя дворянства Полтавской губерніи, впослѣдствіи сенатора Капниста, видно, что недоимка съ государственныхъ крестьянъ и казаковъ одной Полтавской губерніи возрасла съ 1812 г., когда она составляла только 61,565 руб., къ 1817 году до 6.879,122 руб. Хотя съ 1815 по 1831 г. въ разное время было сложено съ государственныхъ крестьянъ и казаковъ Полтавской губерніи около 16½ милл. руб. податной недоимки, однако къ 1839 году, на нихъ все еще числилось ея болѣе 5½ милл. руб. Относительно мѣръ къ взысканію податей и недоимокъ—Капнистъ говоритъ слѣдующее: «Движимость, скотъ и овцы, одежда и рубища поселянъ были продаваемы съ публичнаго торга на базарахъ и ярмаркахъ; сами же поселяне были подвергаемы жестокимъ тѣлеснымъ истязаніямъ. Въ теченіе этого несчастнаго времени, бѣдность казаковъ достигла до такой степени, что на девять хозяевъ считалась одна пара

---

[1]) Полн. Собр. Зак., 7 ноября 1818 года (27,572).

воловъ, а земли оставалось не болѣе $2^1/_2$ дес. на душу. Въ продолженіе этого времени возникло и постепенно увеличилось число казаковъ совершенно безземельныхъ, которые составили впослѣдствіи большую тягость обществу, обязанному за нихъ уплатою податей. Поселяне здѣшняго края, такъ сказать, боролись съ угнетавшими ихъ обстоятельствами, сохраняя нравственность, трудолюбіе и безкорыстіе своихъ предковъ; но когда всѣ вспомогательныя средства ихъ истощились; когда, наконецъ, они вынуждены были крайностью сорвать съ женъ и дочерей своихъ служившіе имъ, вмѣсто ожерельевъ, серебрянные рубли и имперіалы и отдать оные въ уплату податей и недоимокъ, тогда веселость народная, трудолюбіе и безкорыстіе естественно замѣнились уныніемъ, бездѣйствіемъ и другими пороками, имѣвшими самое пагубное вліяніе на нравственность народную. Если принять въ соображеніе совершенный произволъ въ распредѣленіи податей, отсутствіе всякаго порядка во взысканіи оныхъ и полную безотчетность во взысканныхъ суммахъ, тогда съ ясностью откроется степень безобразнаго положенія въ это время сихъ важнѣйшихъ установленій государственнаго хозяйства. Съ утвердительностью сказать можно, что въ то время каждый поселянинъ находился въ совершенной неизвѣстности, сколько онъ уплатилъ податей и сколько за нимъ числится недоимки. Всякій учетъ по этому предмету теряется въ хаосѣ безотчетности и безпорядка». Но можемъ-ли мы, положа руку на сердце, сказать, что набросанная Капнистомъ страшная картина была явленіемъ *лишь* мѣстнымъ и при томъ явленіемъ, принадлежащимъ исключительно минувшему, по выраженію нѣмцевъ, къ числу überstandener Standpunkt? Не должны-ли мы сознаться, что и до сего времени, не смотря на безсмертные реформы нынѣшняго царствованія, экономическій, нравственный и политическій бытъ нашего крестьянства все еще страдаетъ тѣми же недугами, хотя и въ значительно видоизмѣненныхъ формахъ?.. Любой номеръ газеты; книга каждаго изъ нашихъ журналовъ; наконецъ каждое вѣдомство управленія, — не свидѣтельствуютъ-ли всѣ они, что благоустройство и благосостояніе нашего сельскаго состоянія все еще дѣло *будущаго*, вопросъ, требующій самой внимательной разработки, самыхъ неуклонныхъ, безустанныхъ и дружныхъ усилій всего государства — общества и правительства?.. Стоитъ прочесть, напримѣръ, «Въ захолустьи и въ столицѣ» г. Скалдина («Отеч. Зап. 1868 г.»), чтобы получить понятіе о массѣ и сложности различныхъ золъ, давящихъ, губящихъ и растлѣвающихъ наше крестьянство, ставя ему почти непреодолимыя для него преграды выбраться даже и въ ближайшемъ будущемъ на нормальный путь гражданственности и благосостоянія.

Но если таково было положеніе государственныхъ крестьянъ еще въ 30-хъ годахъ; если болѣе или менѣе оно таково даже до послѣдняго времени, то лучшаго невозможно требовать и отъ предшествовавшаго періода.

И въ такихъ-то условіяхъ колонизація нашихъ окраинъ, особенно возможно быстрая колонизація Новороссіи, уже въ исходѣ прошлаго вѣка представлялась насущною государственною потребностью. Поэтому не-

удивительно, что правительство, въ лицѣ лучшихъ своихъ дѣятелей, снова ухватилось за призывъ иностранцевъ. По крайней мѣрѣ въ отношеніи ихъ оно не было связано крѣпостническими путами и соображеніями; въ ихъ водвореніяхъ оно хотя мѣстами видѣло нѣкоторые утѣшительные задатки, дававшіе право разсчитывать, что съ устраненіемъ причинъ и вліяній, вредившихъ лучшему устройству колоній, послѣднія оправятся быстро и получится возможность продолжать дѣло съ бо̀льшимъ успѣхомъ противъ прежняго.

Такими, какъ замѣчено выше, задатками отличались однако только Сарептяне — въ отношеніи промысловъ и по торговлѣ, хортицкіе менно-титы и отчасти с.-петербургскіе колонисты, какъ земледѣльцы по преимуществу. Поэтому опытъ этихъ поселенцевъ, и особенно меннонисовъ, въ дѣлѣ общинно-земледѣльческаго устройства получилъ особенное значеніе въ предстоявшихъ колонизаціонныхъ предпріятіяхъ. И нужно познаться, что правительство съумѣло воспользоваться этими опытами если не вполнѣ, то, по крайней мѣрѣ, въ существеннѣйшихъ проявленіяхъ поселянскаго быта. Такимъ образомъ, изъявъ всѣ колоніи изъ вѣдѣнія общихъ учрежденій и подчинивъ ихъ особымъ управленіямъ съ властію административнаго попечительства, «земской» полиціи, расправы и суда, а также съ правами нотаріальными, правительство въ тоже время устроило, какъ мы знаемъ, на прочныхъ началахъ общественное самоуправленіе поселенцевъ, крайними полюсами котораго являются, съ одной стороны, главное мѣстное попечительство, какъ высшая, регулирующая и контролирующая власть, а съ другой — община, и въ ней поселянскій «дворъ-хозяйство», какъ краеугольный камень хозяйственнаго успѣха. Значеніе «двора-хозяйства» въ быту колоній извѣстно. Но, въ нашихъ глазахъ, представляется особенною заслугою тогдашняго правительства, что оно, среди окружавшаго его хаоса, съумѣло по достоинству оцѣнить ту лично-общинную поземельную комбинацію, которая, опираясь въ основныхъ началахъ на законъ 19-го марта 1764 года, была практически развита и до извѣстной степени уже провѣрена меннонитами и петербургскими колонистами. Во второй части «инструкціи внутренняго распорядка и управленія» [1]), правительство попыталось развить эту комбинацію подробно и примѣнить ее ко всѣмъ колоніямъ. Оно предписывало: «дабы вездѣ по колоніямъ земли раздѣляемы были на три поля и производились испытанія о раздѣленіи оныхъ на шесть, или на семь полей»; оно даетъ самыя обстоятельныя наставленія во всѣхъ подробностяхъ поселянскаго, или, вѣрнѣе, меннонитскаго хозяйства; наблюденіе же за точнымъ исполненіемъ всего предписаннаго, какъ и ближайшее руководство въ этомъ дѣлѣ поселянъ, оно вмѣняетъ въ обязанность выборныхъ шульцевъ и головъ. Мы употребили выраженіе «попыталось» потому, что инструкція увлеклась излишними въ законодательномъ актѣ, несущественными подробностями. И хотя законъ 19-го марта 1764 года, въ связи съ инструкціями, успѣлъ охватить всецѣло сущность главнѣйшихъ

1) Уст. о кол., раздѣлъ V, глава II.

пружинъ, обусловливающихъ силу и цѣлостность системы, но законодателю не вполнѣ удалось выразить эти начала въ наипростѣйшей формѣ, а одинъ изъ важнѣйшихъ въ этомъ случаѣ факторовъ—порядокъ наслѣдованія — по прежнему остался несогласованнымъ съ обычнымъ кодексомъ населенія. Послѣдняго вопроса мы коснемся подробнѣе въ своемъ мѣстѣ; а теперь возвратимся къ дальнѣйшимъ судьбамъ собственно меннонитской колонизаціи.

V.

Мы оставили хортицкихъ меннонитовъ въ состояніи горькаго раздумья объ успѣхѣ предпринятаго ими дѣла. Раздумье это было не далеко отъ безнадежнаго отчаянія. До времени, братство не могло, конечно, знать: какъ и чѣмъ высшее правительство признаетъ возможнымъ упрочить дѣло колонизаціи. Со стороны же мѣстной власти добра нечего было ожидать въ то время, когда, не говоря уже объ окраинахъ, даже въ центральныхъ губерніяхъ бывали примѣры, что весь составъ мѣстной судебно-административной іерархіи, съ губернатора до послѣдняго полицейскаго чина, обличался въ систематическомъ злоупотребленіи власти, притѣсненіяхъ и грабительствахъ; и когда подобные примѣры являлись только малой долею зла, творившагося властями безнаказанно среди всеобщаго молчанія и холопства.

Но вотъ власть эту у колонистовъ вполнѣ замѣняетъ особое попечительство, входящее самымъ заботливымъ образомъ во всѣ потребности населенія; является инструкція, окончательно узаконившая меннонитскій общинно-хозяйственный порядокъ и общественное самоуправленіе; инструкція, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ превосходящая широтою взгляда даже положеніе 19-го февраля 1861 года и ограждавшая сельское самоуправленіе отъ всякаго, хотя бы даже доброжелательнаго произвола попечительной власти. 150 семействъ хортицкихъ меннонитовъ переводятся на Молочныя воды, и тамъ вырѣзывается цѣлая территорія, до 120 тыс. дес., исключительно подъ меннонитскую колонизацію; все же хортицкое урочище—до 35 тыс. дес.—предоставляется въ распоряженіе остающихся на мѣстѣ поселенцевъ, частью на правахъ надѣла, частью же въ видѣ запаса на прибылое населеніе, изъ уплаты въ казну по $2^1/_2$ коп. за дес. Частное землевладѣніе отдѣльныхъ сельскихъ обществъ регулируется окончательно, съ установленіемъ твердыхъ границъ каждой дачи; казенный долгъ приводится въ положительную ясность и неправильно начтенныя суммы (до 23 тыс. руб.) слагаются со счетовъ. «Для лучшаго сохраненія между поселянами благоправія, порядка и попечительности о хозяйствѣ» воспрещается «навсегда» имѣть въ меннонитскихъ колоніяхъ, какъ и въ петербургскихъ, «ни откупщицскихъ питейныхъ домовъ или шинковъ, ни вообще чарочной откупной продажи вина», которая, впрочемъ, и до этого времени не была допущена меннонитами, какъ не подчинявшаяся правиламъ ихъ общинно церковнаго благочинія. Наконецъ, согласно данному меннонитскому братству, еще въ 1787 году, обѣщанію, правитель-

ство выдало ему особую грамоту [1]). Но рядомъ съ этими мѣрами шли и такія постановленія (ст. 391—481 уст. о кол.), характеръ которыхъ ясно выражается въ словахъ: «употреблять въ общественныя работы въ колодкѣ или рогаткѣ, а по окончаніи работы сажать иногда на ночь и въ тюрьму, которую, такъ какъ колодки и рогатки со столбомъ, построить изъ штрафныхъ денегъ, въ случаѣ же недостатка оныхъ, изъ общественныхъ доходовъ». Эти страсти, примѣненіе которыхъ предоставлено *исключительно* выборному начальству обще съ «лучшими хозяевами колоніи», были дѣйствительно страшны только для нерадивыхъ, пьяницъ, лѣнтяевъ и развратниковъ. Вообще же всѣ указанныя мѣропріятія не могли не убѣдить и иностранцевъ, и нашихъ колонистовъ въ искренности заявленій правительства и прочности дарованныхъ имъ правъ и преимуществъ. Повсюду въ колоніяхъ сразу обнаружилось вѣяніе иной жизни, иного духа,—духа справедливости, порядка и благоустройства. Прежній кошмаръ, прежнее уныніе уступили мѣсто бодрой дѣятельности и полной увѣренности въ свѣтлую будущность. Наконецъ, такой оборотъ дѣла, не смотря на суровость дисциплинарной власти мірскаго самоуправленія, далъ толчекъ новымъ, въ обширнѣйшихъ размѣрахъ, переселеніямъ къ намъ изъ-за границы.

Интересуясь, по преимуществу, конечными результатами, до которыхъ дошли меннониты, мы, въ отношеніи постепеннаго хода ихъ колонизаціи, будемъ кратки. Это тѣмъ удобнѣе для насъ, что меннонитская система устройства новыхъ колоній, порядки общественнаго и попечительнаго ихъ управленія и т. д., все это со стороны законодательной власти осталось доселѣ нетронутымъ: на свободѣ и на извѣстныхъ уже намъ основаніяхъ работали сама жизнь, практическій смыслъ населенія и его обычныя правовыя понятія.

Не смотря ни на совершенное отсутствіе на Молочнѣ лѣсовъ, ни вообще на маловодность всей означенной мѣстности, сюда по преимуществу направилась вся дальнѣйшая иностранная колонизація меннонитовъ. Къ тому же изъ Пруссіи стали выѣзжать къ намъ уже не одни только несостоятельные люди, но не въ маломъ числѣ и хозяева весьма зажиточные, даже капитальные. Благодаря этому обстоятельству, Молочанскій округъ сдѣлался главнымъ центромъ хозяйственной и умственной интеллигенціи меннонитовъ, гордостью и баловнемъ колонистскаго попечительства.

Въ обоихъ округахъ—Хортицкомъ и Молочанскомъ—всѣ земли «излишнія» при сельскихъ обществахъ, и «запасныя» въ предѣлахъ окружной территоріи, оставались въ хозяйственномъ распоряженіи самихъ обществъ, изъ-за уплаты казнѣ опредѣленнаго оброка. Въ началѣ поселенія земли эти давали только ничтожную выгоду. На Молочнѣ праздной земли во всѣ стороны было вволю; одни ногайскія владѣнія свободно могли кормить многіе десятки, если не сотни тысячъ земледѣльческаго населенія; но его тамъ не было, и во всей окружности молочанскихъ меннонитовъ

---

[1]) Полн. Собр. зак. т. XXVI, 6 сентября 1800 года № 19,549.

оно имѣло своими представителями только разбросанныя кое-гдѣ русскія селенія и сосѣдній молочанскій *колонистскій* округъ, къ которому, какъ къ достойному сопернику меннонитовъ, мы возвратимся еще не разъ.

Свободно распоряжаясь колонизаціею своихъ «излишнихъ» и «запасныхъ» земель, меннониты имѣли ту существенную выгоду, что близко знакомились съ нею. Знакомство это давало имъ при устройствѣ новыхъ поселеній полную возможность вести дѣло колонизаціи по общему плану, систематически; располагать угодья каждаго отдѣльнаго селенія, соображаясь съ хозяйственными выгодами мѣстности и избѣгая всякой неуравнительности и черезполосности. До 1824 года, колонизація эта подвигалась почти исключительно заграничными силами. За это время число колоній увеличилось: въ Молочанскомъ округѣ — до 40, а въ Хортицкомъ—до 18. Къ послѣднимъ отошла въ надѣлъ вся площадь хортицкаго урочища, за исключеніемъ лишь 2,908 дес., оставшихся подъ окружною овчарнею. Съ этого времени приселеніе со стороны здѣсь прекратилось и началось сплачиваніе, внутри округа, населенія путемъ естественнаго нарожденія.

Съ 1820 года, впускъ въ Россію иностранныхъ поселенцевъ былъ вовсе пріостановленъ, такъ что дальнѣйшая колонизація меннонитовъ производилась уже однѣми собственными силами нашихъ коренныхъ водвореній. Спустя 15-ть лѣтъ, Хортицкій округъ, вслѣдствіе увеличившагося населенія, сталъ нуждаться въ землѣ. Ему дополнительно отвели, въ Александровскомъ уѣздѣ, участокъ въ 9,492 дес., на которомъ 145 молодыхъ хортицкихъ семействъ устроили, въ 1836—1852 годахъ, пять новыхъ колоній; къ нимъ отошелъ въ надѣлъ весь участокъ по 65 дес. на семейство, но только съ 1852 года послѣдовало окончательное отдѣленіе этого водворенія изъ вѣдѣнія Хортицкаго окружнаго управленія. Такимъ образомъ образовался третій меннонитскій округъ, названный *Маріупольскимъ*, и съ этого времени внутреннее сплачиваніе населенія началось и здѣсь.

Молочанское общество тоже не сидѣло сложа руки. На запасныхъ земляхъ безостановочно возникали новыя колоніи: въ 1828 — 1839 годахъ — пять; въ 1842 — 1848 годахъ — двѣ, и въ томъ числѣ колонія Гуттерталь нашихъ радичевскихъ знакомцевъ; въ 1851—1857 годахъ—семь, и наконецъ, послѣднія три въ 1862 — 1866 годахъ. Затѣмъ изъ прежнихъ запасовъ оставались при округѣ до 31 тыс. дес. Изъ нихъ до 15-ти тыс. дес. частью состояли подъ окружною овчарнею и разными другими заведеніями, частью оставались свободными, а около 16-ти тыс. дес. отошли подъ пролегающія черезъ округъ два солевозныхъ тракта.

Меннонитскія колоніи вообще не велики. Обыкновенно онѣ основывались, каждая, въ числѣ 13—50-ти земледѣльческихъ, 65-ти десятинныхъ хозяйствъ. Многія изъ новыхъ колоній, по отсутствію проточныхъ водъ и неудобству запрудъ, устроились на колодцахъ. Отдаленнѣйшія поля отстоятъ здѣсь отъ усадебъ не далѣе 4 — 5 верстъ; нарѣзка же колоніальныхъ дачъ съ меньшимъ средоточеніемъ угодій встрѣчается только въ немногихъ старыхъ колоніяхъ, основанныхъ въ то время, когда мен-

нониты еще не признавали возможнымъ добывать воду среди голой, возвышенной степи, довольствуя цѣлую колонію одной колодезной водою и запрудами. Нечего кажется упоминать, что всякая колонія распланирована самымъ правильнымъ и просторнымъ образомъ, и что усадьба каждаго двора, какъ равно расположеніе жилыхъ и хозяйственныхъ строеній, ихъ наружный фасадъ и внутреннее устройство—повсюду одни и тѣже, отличаясь въ частности только большею или меньшею солидностью и обширностью, а также различіемъ строительнаго матеріала. Усадьбу каждой колоніи обвиваютъ лентой лѣсныя плантаціи; вдоль улицъ, по обѣ стороны, тянутся тѣнистые садики и цвѣтники.

Въ описанныхъ нами условіяхъ «дворы-хозяйства» первоначальнаго водворенія, какъ прежде, такъ и по сіе время, *образуютъ въ каждой колоніи земледѣльческое ядро, неразрывно сплоченное лично-общиннымъ землевладѣніемъ и пользованіемъ*. Выдѣлявшееся мало-по-малу изъ среды двора молодое поколѣніе обращалось къ промысламъ, ремесламъ, торговлѣ и т. д.; образовывало такія же новыя колоніи на запасныхъ участкахъ, или занималось хозяйствомъ на собственныхъ покупныхъ и арендныхъ земляхъ, по преимуществу у сосѣднихъ ногаевъ. Быстро меннонитскія колоніи достигли невиданнаго у насъ благосостоянія и благоустройства. Въ степяхъ, гдѣ прежде не было ни воды, ни куста лѣсной поросли, точно волшебствомъ являлись одно за другимъ цвѣтущія поселенія, здоровая и изобильная колодезная вода, цѣлыя рощи плодовыхъ, тутовыхъ и лѣсныхъ деревъ; богатыя, отлично обработанныя нивы, цѣлыя стада овецъ и отличной породы разнаго скота и лошадей [1]).

Въ настоящее время въ одномъ Молочанскомъ округѣ ростетъ болѣе 6 милл. разнаго рода деревъ и кустарниковъ. Каждая колонія имѣетъ свою школу, школьный домъ и хлѣбозапасные магазины. Сверхъ того, меннониты содержатъ высшія училища — два русскихъ въ Хортицѣ и Гальбштадтѣ, и два реальныхъ въ Гальбштадтѣ же и Орловѣ на Молочнѣ. У нихъ имѣются два вольнонаемныхъ врача, фельдшеры и бабки.

Всѣ три округа, или иначе «Новороссійское меннонитское братство», давно уже составляютъ страховое отъ огня общество, въ которомъ обязательно застрахованы строенія братства въ суммѣ болѣе трехъ милл. руб. сер. Страховыя правила установлены самимъ братствомъ, безъ всякаго участія попечительства. Основаніемъ ихъ служитъ оцѣнка строеній по такъ называемымъ «прусскимъ Brandhube» = около 15-ти десятинъ=200 руб. асс. Погорѣльцу выплачиваются а) *наличными деньгами*: $^2/_3$ страховой стоимости сгорѣвшихъ строеній и, сверхъ того, за лошадь $31^1/_2$ р. асс., за корову 24 р. асс., за фургонъ 60 р., за плугъ 35 р. и т. д. (въ 1851 году); и б) *натурою*: сгорѣвшіе хлѣбные и кормовые запасы по ихъ дѣйствительнымъ мѣрѣ и вѣсу. Въ 1851 году, страхованіе братства считало 27,409 Brandhube на сумму 5.481,800 руб. асс. Такимъ образомъ, при пожарномъ убыткѣ въ 1,000 р., страховая премія составляла бы по $3^2/_3$ коп. съ каждой Brandhube, и по этому раз-

---

[1]) Приложеніе № 7.

счету каждый страховой участокъ или пай участвуетъ въ вознагражденіи не только погорѣльцевъ, но и за убытки отъ скотскихъ падежей, градобитія и т. п.

Въ настоящее время меннонитская Brandhube обусловлена во 100 руб. сер. На удовлетвореніе погорѣльцевъ было взыскиваемо по раскладкѣ съ каждыхъ ста руб. оцѣночной стоимости страховыхъ строеній по ипотечнымъ книгамъ: въ 1861 году по 20 коп., въ 1862 году—по 1 руб. 21 коп.; въ 1863 году по 1 руб. 40 к.; въ 1864 году по 24 коп.; въ 1865 году—по 23 коп., а въ 1868 году, вслѣдствіе большаго пожара, съ 37,367 Brandhube *одного только Молочанскаго округа*, поступило 59,106 р. 73¾ коп. сер., т. е. по 1 р. 58 коп. съ Brandhube или 100 руб. оцѣночной стоимости страховаго имущества (3.736,684 руб. сер.).

Теперь, какъ показываетъ таблица I, населеніе меннонитскихъ колоній распадается: 1) *на хозяевъ*—полныхъ, половинныхъ и четвертныхъ, т. е. владѣющихъ дворомъ полнымъ, половиннымъ и т. д.; 2) *на малоусадебниковъ*, Anwohner, Freiwirthe, владѣющихъ усадьбою въ размѣрѣ до ½ десят., безъ полеваго надѣла, или же съ надѣломъ до 12 дес. на дворъ, обратившимъ ихъ въ разрядъ хозяевъ; Anwohner ведетъ хозяйство полуземледѣльческое, полупромысловое; и 3) *на безземельныхъ*, не владѣющихъ, въ предѣлахъ общественнаго надѣла, ни усадебной осѣдлостью, ни полевою землею; поселенцы этого класса—либо собственники и арендаторы, проживающіе на своихъ и арендныхъ земляхъ; либо ремесленники, промышленники и купцы; либо, наконецъ, батраки, проживающіе и работающіе у хозяевъ по найму. De jure—права этихъ разрядовъ населенія одни и тѣже, такъ какъ даже податные оклады спеціально объ нихъ вовсе не упоминаютъ, касаясь ихъ только въ общемъ числѣ «душъ» или «семействъ».

Въ 1867 году, отведенныя показаннымъ въ таблицѣ I меннонитамъ земли были распредѣлены по угодьямъ:

	По Хортицкой волости.		По Маріупольской волости.		По Молочанской волости.	
	удобн. дес.	неуд. дес.	удобн. дес.	неуд. дес.	удобн. дес.	неуд. дес.
Подъ усадьбами съ лѣсными плантаціями	494½	—	220¾	—	2,461	—
» пашнями	8,991	—	2,749¼	—	34,633	—
» выгонами	14,235	5,138	4,997¼	167	41,293½	7,694
» обществен. овчарнями и проч.	2,908	16½	—	—	5,994	196
» лѣсами	445	—	—	—	—	—
» сѣнокосами	664½	—	1,483	—	11,716½	—
Итого	26,738	5,154½	9,450¼	167	96,098	7,890

Изъ этихъ угодій: усадьбы, пашни и сѣнокосы состоятъ исключительно въ потомственномъ *пользованіи* подворныхъ хозяевъ каждаго сельскаго общества, всѣ же остальныя въ общемъ — цѣлаго общества (колоніи); за цѣлымъ же обществомъ законъ сохраняетъ, какъ извѣстно, право *собственности* на всю земельную дачу колоніи, независимо отъ порядковъ пользованія ею.

ТАБЛИЦА I.

№№ по порядку.	НАИМЕНОВАНІЕ ВОЛОСТЕЙ.	Число колоній или сельскихъ обществъ.	Состоитъ земель въ пользованіи. Подворномъ и подъ общественными выгонами и плантаціями. Десят. удобн.	Состоитъ земель въ пользованіи. Общинномъ, въ видѣ мірскихъ оброчныхъ статей. Десят. удобн.	Наличное къ 1867 году населеніе. Хозяевъ. Съ полнымъ надѣломъ въ 65 д. на дворъ. Двор. или семействъ.	Хозяевъ. Съ половиннымъ надѣломъ—32½ дес. Двор. или семействъ.	Хозяевъ. Съ надѣломъ болѣе дробнымъ до ¼ нормальнаго—16¼ дес. Двор. или семействъ.	Хозяевъ. Итого. Сем.	Хозяевъ. Итого. м. п. душъ.	Безземельныхъ. Anwohner'овъ. Съ усадьбою изъ надѣла до ½ д., и 12 дес. полевымъ надѣломъ изъ запасныхъ земель. Сем.	Съ усадьбою изъ надѣла до ½ д., и 12 дес. полевымъ надѣломъ изъ запасныхъ земель. м. п. душъ.	Съ одной усадьбою изъ надѣла безъ полевой земли. Сем.	Съ одной усадьбою изъ надѣла безъ полевой земли. м. п. душъ.	Anwohner'овъ. Итого. Сем.	Anwohner'овъ. Итого. м. п. душъ.	Невладѣющ. ни усадьбою, ни полевымъ надѣломъ: ремесленниковъ и батраковъ. Семей.	Невладѣющ. Работниковъ мужского пола 16—60 лѣтъ.
1	Хортицкая.	18	29776	2908	320	257	46	623	2149	—	—	681	1633	681	1633	147	136
2	Маріупольская меннонитская	5	9492	—	105	39	5	149	579	—	—	126	295	126	295	92	122
3	Молочанская меннонитская	58	103901	—	1290	322	—	1612	5307	1304 [1]	3375	189	412	1493	3787	1124	1304
	Всего. . .	81	143169	2908	1715	681	51	2384	8035	1304	3375	996	2340	2300	5715	1363	1562

[1]) Этотъ разрядъ поселянъ образовался только съ 1866 года, т. е. со времени предоставленія 12-ти-десятиннаго надѣла. Ближайшія свѣдѣнія по этому предмету сообщаются ниже.

По сборамъ и повинностямъ, различныя категоріи поселенцевъ по каждой отдѣльной колоніи находятся въ слѣдующихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Подушные сборы раскладываются сходомъ уравнительно на *рабочихъ обоего пола* отъ 14 до 60-ти лѣтняго возраста. Поземельная подать, сборы на губернскія и уѣздныя повинности, всѣ натуральныя повинности, сборы на покупку и содержаніе племенного скота, на постройку и содержаніе общественныхъ строеній и учрежденій, мостовъ, заборовъ и плотинъ, а также взносы общественнаго запаснаго хлѣба — хозяева несутъ соразмѣрно владѣемому каждымъ изъ нихъ земельному надѣлу, т. е. половинный хозяинъ на половину, а четвертной—въ четвѣртой части противъ полнаго хозяина.

Право выпаса на общественномъ выгонѣ соразмѣряется для хозяевъ, равнымъ образомъ, съ величиною подворнаго участка. Такъ, владѣлецъ полнаго участка имѣетъ право выпасать отъ 20 до 25-ти, а въ иныхъ колоніяхъ даже до 34-хъ штукъ крупнаго скота, при чемъ каждыя пять овецъ и вообще мелкаго скота принимаются за голову. Половинный хозяинъ выпасаетъ половину, а четвертной—четвертую часть головъ скота противъ полнаго хозяина.

Малоусадебные владѣльцы, Anwohner, вносятъ, по мірскимъ приговорамъ, въ общественную кассу, собственно за усадьбу, особую ежегодную плату. Размѣръ этого платежа не вездѣ одинаковъ; по отдѣльнымъ колоніямъ онъ колеблется между 30 к. и 3 руб. съ усадьбы. По мірскимъ же приговорамъ, опредѣляется право этой категоріи поселянъ на выпасъ скота за извѣстную плату съ каждой головы. Въ 1867 году, малоусадебные владѣльцы пользовались правомъ выпаса отъ 2 до 4 и 5 штукъ скота, съ платою въ общественныя кассы, по принадлежности, отъ 14 до 50-ти коп. и даже до 1 руб. съ головы. Въ платежѣ подушной подати, государственной земской повинности и сбора на управленіе, они участвуютъ наравнѣ съ хозяевами по числу рабочихъ душъ; мірскаго же сбора взыскивается у нихъ съ рабочей обоего пола души: на содержаніе сельскаго старосты отъ 8 до 20 коп.; на содержаніе пастуховъ—сколько приходится по уравнительной раскладкѣ этой статьи на число выпасаемаго скота; и на содержаніе сельскаго учителя—сколько изъ его денежнаго жалованья падаетъ по уравнительному разсчету на ученика. Что же касается до отопленія и освѣщенія школьнаго дома и продуктовъ, выдаваемыхъ учителю натурою, то эти статьи въ иныхъ колоніяхъ лежатъ на обязанности однихъ участковыхъ хозяевъ, но въ другихъ — привлекаются къ поставкѣ продуктовъ въ пользу учителя и малоусадебные владѣльцы, по уравнительной раскладкѣ этой повинности на число учениковъ. Въ сборѣ на содержаніе врачей, фельдшеровъ, оспопрививателей и бабокъ, малоусадебные владѣльцы участвуютъ наравнѣ съ прочими поселенцами округа.

Наконецъ, наличные въ колоніи безземельные, будучи свободны только отъ сбора за усадьбу, которой у нихъ нѣтъ, платятъ во всѣхъ отношеніяхъ тоже самое, что и малоусадебные владѣльцы; безземельные же, проживающіе на сторонѣ, платя лишь подушные оклады по разверсткѣ

ихъ на взрослыхъ рабочихъ, никакихъ иныхъ платежей и повинностей не несутъ.

Часть показанныхъ выше поселенцевъ-меннонитовъ, въ 1866 году, проживала внѣ округовъ, на земляхъ собственныхъ и арендныхъ Новороссійскаго Края, преимущественно въ губерніяхъ Таврической и Екатеринославской (табл. II).

ТАБЛИЦА II.

	Семействъ.	Душъ.		На собств. земляхъ.	На арендныхъ земляхъ.
		Муж.	Жен.	Десятинъ.	
1. *Хортицкой волости:*					
а) на земляхъ 12 хортицкихъ меннонитовъ	41	119	113	10,957	—
б) на земляхъ казенно-оброчныхъ и помѣщичьихъ.	289	838	835	—	15.666
Итого хортицкихъ.	330	957	948	10,957	15,666
2. *Маріупольской меннонитской волости:*					
а) на земляхъ одного маріупольскаго меннонита	2	5	6	245	—
б) на помѣщичьихъ	38	75	101	—	253
Итого маріупольскихъ	40	80	107	245	253
3. *Молочанской меннонитской волости:*					
а) на земляхъ семи товариществъ-сообщественниковъ	110	325	295	11,079	—
б) на земляхъ 32 меннонитовъ-владѣльцевъ. . .	32	87	98	99,682	—
в) на земляхъ, арендованныхъ отъ казны и помѣщиковъ	81	255	227	—	7,960
Итого молочанскихъ.	223	667	620	110,761	7,960
А всего трехъ волостей	593	1,704	1,675	121,963	23,879

Итакъ, все Новороссійское меннонитское братство, т. е. 15,213 рев. муж. пола душъ, сверхъ 143,000 дес. казеннаго надѣла, владѣло къ 1866 г., въ лицѣ отдѣльныхъ членовъ своихъ, еще до 122,000 дес. земли на правахъ частной собственности.

Церковное устройство меннонитовъ основано на пресвитеріальныхъ (не консисторіальныхъ) порядкахъ. Въ дѣлахъ духовнаго призрѣнія и церковнаго благочинія, они вѣдаются духовными старшинами и проповѣдниками или наставниками, избираемыми каждымъ приходскимъ обществомъ пожизненно. Духовные старшины и проповѣдники исполняютъ свои обязанности или безвозмездно, или за ничтожное вознагражденіе. Иной церковной власти меннониты не признаютъ и не подчиняются. Колоніи ихъ раздѣлены на приходы, каждый со своимъ старшиною и болѣе или менѣе значительнымъ числомъ проповѣдниковъ. Но приходское дѣленіе не имѣетъ и не можетъ имѣть опредѣленныхъ границъ, такъ какъ каждый меннонитъ лично, по собственному усмотрѣнію, вступаетъ въ тотъ приходъ, къ которому онъ желаетъ принадлежать. При такихъ условіяхъ Хортицкій округъ составляетъ два прихода и имѣетъ двухъ старшинъ, а Маріупольскій—одинъ приходъ, съ старшиною. Молочанскій округъ составлялъ прежде 9 приходовъ со столькими же старшинами; но, съ 1865 или 1866 года, онъ преобразовался въ семь приходовъ. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ ближайшихъ свѣдѣній для объясненія такой перемѣны; полагаемъ однако, что это обстоятельство есть послѣдствіе религіознаго движенія, котораго коснемся ниже.

Спокойный, религіозный характеръ меннонитовъ; ихъ безупречное трудолюбіе и рачительность къ хозяйству, обезпечивали за ними свободу вѣры какъ у насъ, такъ и за границею. «Нигдѣ—говоритъ Гакстгаузенъ—основанное на религіозныхъ началахъ равенство людей не проявляется такъ наглядно, какъ у меннонитовъ». Основываясь на текстѣ библіи: «въ потѣ лица твоего» и т. д., меннонитъ можетъ быть только *крестьяниномъ*; ни медалей, ни мундира, ни вообще какихъ бы то ни было знаковъ *наружнаго* отличія онъ не приметъ. Всякій промыселъ, ремесло, родъ торговли подчиняются этому основному понятію; они неразрывно связаны съ *земледѣліемъ*, какъ главнѣйшимъ призваніемъ меннонита, и состоятъ въ зависимыхъ отношеніяхъ отъ требованій скотоводно-хлѣбопашественнаго хозяйства. Даже духовные старшины и проповѣдники братства никто иные, какъ тѣ же крестьяне-хозяева.

Храмомъ, церковью, по мнѣнію меннонитовъ, именуется «общество святыхъ, вѣрующихъ», но не богослужебное зданіе, называемое у нихъ «молитвеннымъ домомъ». Дома эти ничто иное, какъ болѣе или менѣе обширныя залы, безъ всякаго убранства. Съ каѳедры проповѣдникъ говоритъ свое слово общинѣ, сидящей предъ нимъ на скамьяхъ. Отвергая крещеніе младенцевъ, меннониты считаютъ всѣхъ послѣдователей другихъ исповѣданій «не крещеными», и потому обѣгаютъ брачныхъ союзовъ съ ними. Таковы воззрѣнія и порядки церковные; посмотримъ же теперь на правовый гражданскій бытъ братства.

VI.

Въ числѣ главныхъ факторовъ, содѣйствующихъ сельскому устроенію, состоитъ безъ сомнѣнія порядокъ наслѣдованія въ земляхъ и имуществѣ;

по преимуществу на немъ отражаются семейныя и имущественныя отношенія частной и общественной жизни, а также обычныя понятія и вообще нравственный кодексъ населенія.

Высочайшею грамотою 1800 года, меннонитамъ предоставлено устанавлять опеки «по собственнымъ ихъ правиламъ» и распоряжаться своимъ имуществомъ, кромѣ земли казеннаго надѣла, по собственному усмотрѣнію (ст. 124, 125 и 154 уст. о кол.). На этомъ основаніи, они не подчинялись установленному, въ 1764 году, вообще для колонистовъ минoратскому порядку наслѣдованія (ст. 169—178 того же уст.), а составили свое особое положеніе. На это рукописное положеніе, которымъ меннониты руководствуются даже въ отношеніи имуществъ, принадлежащихъ имъ въ частную собственность внѣ казеннаго надѣла, слѣдуетъ однако смотрѣть неиначе, какъ на дополненіе ст. 159, 160, 170, 171, 174 и 176—177 уст. о кол., остающіяся и здѣсь въ силѣ въ той мѣрѣ, въ какой онѣ не противорѣчатъ обычному положенію. Такимъ образомъ, дворъ-хозяйство меннонита (то есть: усадебная осѣдлость, необходимый для веденія хозяйства рабочій инвентарь, право выпаса и полевой надѣлъ) по праву наслѣдованія, въ дѣйствительности никогда не дѣлится; онъ, какъ нѣчто цѣлое, переходитъ въ единоличное потомственное пользованіе или того изъ прямыхъ наслѣдниковъ, который признанъ благонадежнымъ для успѣшнаго продолженія хозяйства, т. е. обяжется и въ состояніи выплатить остальнымъ сонаслѣдникамъ ихъ части деньгами, *или же* посторонняго сообщественника, наддавшаго на торгахъ высшую за хозяйство цѣну. Во всякомъ случаѣ дѣйствительнымъ владѣльцемъ можетъ сдѣлаться только лицо, *не имѣющее* еще собственнаго хозяйства и принадлежащее или принятое при томъ въ составъ общества, въ дачѣ котораго состоитъ пріобрѣтаемый дворъ-хозяйство.

Не входя въ ближайшую критическую оцѣнку правилъ наслѣдованія у меннонитовъ, мы обращаемъ однако особенное вниманіе читателя на сущность этого акта, (прил. № 8), какъ на наглядное доказательство полной возможности согласовать, по наслѣдованію въ имуществѣ, личное право по степенямъ родства съ хозяйственными интересами двора и общины. Но съ другой стороны, содержаніе того же акта не менѣе краснорѣчиво свидѣтельствуетъ, что примѣненіе къ *лично-общинному* поземельному устройству поселянъ общедѣйствующаго порядка наслѣдованія (ч. I, X т. зак. гражд. изд. 1857 г.) положительно не мыслимо безъ полнѣйшаго разстройства основныхъ условій ихъ хозяйственнаго успѣха.

Наше право наслѣдованія, руководствуясь соображеніями болѣе политическими относительно *крупной* личной поземельной собственности, имѣетъ тенденціей — безконечную, дѣйствительную дробимость наслѣдственнаго имущества, такъ-какъ тенденція эта, чуждая всякихъ экономическихъ соображеній, приводится исключительно къ началамъ личному и кровнаго родства. Непримѣнимость этихъ порядковъ къ быту, къ насущнымъ потребностямъ поселянъ, мелкихъ собственниковъ, подтвердилась, какъ мы видѣли, на примѣрѣ петербургскихъ, рибенсдорфскихъ и бѣловѣжскихъ колонистовъ. Въ первыхъ, какъ и вообще въ нашихъ наиболѣе благо-

устроенныхъ, богатыхъ колоніяхъ, личное право на наслѣдованіе въ хозяйствѣ, истекающее изъ кровнаго родства, ограничивается чисто экономическими соображеніями, исходная точка которыхъ—цѣлостность земледѣльческаго хозяйства или двора. Напротивъ, у рибенсфорфцевъ и бѣловѣжцевъ, при господствѣ въ наслѣдственныхъ дѣлахъ личнаго принципа въ связи съ неограниченною дробимостью имуществъ, послѣдствія были весьма нерадостны [1]).

Молочанскіе меннониты, опасаясь вмѣшательства въ ихъ наслѣдственныя дѣла законодательной власти, высказывались такъ: «Мы не можемъ поступиться нашими правилами наслѣдованія даже въ малѣйшихъ частностяхъ. Съ одной стороны, правила эти самымъ тѣснымъ образомъ связаны съ нашими религіозными воззрѣніями и порядками, и даже основываются на нихъ. Съ другой стороны, правила эти содѣйствуютъ нашему хозяйственному преуспѣянію, упрочивая нашъ семейно-имущественный бытъ. Въ силу всемилостивѣйшей грамоты, намъ дарованной, мы взираемъ на наше право наслѣдованія, какъ *на право положительное*, желаемъ сохранить его и впредь, и не намѣрены отступать отъ него ни въ малѣйшей частности, такъ какъ всякое уклоненіе отъ нашихъ наслѣдственныхъ порядковъ, хотя бы только отъ правилъ имущественнаго раздѣла, происходящаго между *лицами обоего пола* на началахъ полной равноправности, подорвало бы въ самомъ корнѣ внутреннее и внѣшнее наше согласіе и спокойствіе, лишило бы наше общество нравственной, братской связи, и положительно разстроило бы матеріальное и нравственное благосостояніе, а съ нимъ и бытіе наше».

Въ томъ же смыслѣ отозвались и всѣ остальныя колонистскія общества южной Россіи, почти повсемѣстно усвоившія себѣ меннонитскія же правила наслѣдованія, вопреки прежнимъ обычаямъ и на перекоръ обязательному для нихъ *минoратскому* закону, уступившему повсюду началу *маіоратскому*, или вѣрнѣе «единоличному владѣнію *способнѣйшаго*». Поэтому, какъ и въ виду горькаго опыта рибенсдорфскихъ и бѣловѣжскихъ колонистовъ, едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что матеріальное и нравственное благо сельскихъ земледѣльческихъ состояній вообще, будучи основано на общинной автономіи или на началѣ общественнаго самоуправленія, сосредоточивается въ двухъ главнѣйшихъ фокусахъ. *Одинъ* фокусъ—это порядокъ и условія внутренняго распредѣленія земельныхъ угодій общества; *другой*—полное соотвѣтствіе этому устройству порядковъ самоуправленія и наслѣдованія въ земляхъ и имуществѣ. Касаясь одного, нельзя не коснуться и другого; нельзя оставлять одну часть на обычаѣ

---

[1]) Другой примѣръ пагубы отъ безпредѣльной дробимости поземельнаго владѣнія представляетъ намъ, не говоря уже объ однодворцахъ,—Малороссія. О разстроенномъ положеніи тамошнихъ сельчанъ-казаковъ мы выше привели слова Капниста; но измельченіе и чрезполосность земельной собственности по праву наслѣдованія, вслѣдствіе продажи, раздѣловъ и т. д. губятъ не однихъ сельчанъ: помѣстные владѣльцы жалуются не менѣе горько на роковую безвыходность ихъ имущественныхъ условій, препятствующихъ *всякому прогресивному шагу* по пути хозяйственнаго успѣха и грозящихъ въ ближайшемъ будущемъ полнымъ подрывомъ всему тому, что достигается обязательнымъ размежеваніемъ, съ затратою огромныхъ средствъ и усилій. Любопытныя, и въ тоже время весьма поучительныя свѣдѣнія по этому вопросу помѣщены въ сводѣ сужд. и пост. зем. собр. С. А. Ольхина изд. 1868 г. стр. 870 и слѣд.

поселянъ, а другую — регламентировать законодательнымъ порядкомъ. Здѣсь, чтобы избѣжать полнѣйшаго разстройства въ поселянскомъ быту, безусловно необходимо: либо вовсе не касаться ни внутреннихъ порядковъ землевладѣнія, ни обычнаго права наслѣдованія, предоставляя и то и другое безусловно обычаю; либо, устроивая одно законодательнымъ путемъ, устроить разомъ и другое, тѣмъ же путемъ. Но понятно, что первый пріемъ свойственъ лишь обществамъ, государствамъ, живущимъ стихійною жизнью; общества, государства, выступившія на путь гражданственности, обращаются къ другому способу.

Что касается до административно-полицейскаго и хозяйственнаго управленія, то, въ этомъ отношеніи, меннониты никогда не составляли исключенія изъ тѣхъ общихъ порядковъ, съ которыми, въ главныхъ чертахъ, читатель уже знакомъ. Такая податливость братства объясняется очень просто тѣмъ, что инструкція общественнаго управленія и вообще уставъ о колоніяхъ если въ настоящее время и страдаютъ крайнею отсталостью по отношенію къ быту колонистовъ, то замѣчаніе это касается только частностей. Напротивъ, по основнымъ началамъ, законоположенія эти, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, давали колонистамъ несравненно болѣе широкій просторъ по общественному самоуправленію, нежели предоставлено крестьянамъ положеніемъ 19-го февраля 1861 г. Не входя въ подробности, замѣтимъ только, что колонистскіе приказы, сельскій и окружный, какъ первая и вторая инстанціи суда и расправы, всегда рѣшали дѣла колонистовъ, не стѣсняясь суммою иска или спора, тогда какъ волостной крестьянскій судъ ограниченъ цѣною 100 руб. и состоитъ лишь *изъ одной инстанціи*, что противорѣчитъ основнымъ началамъ правильнаго судоустройства, въ ущербъ правосудію [1]). Колонистскія общества пользовались всегда *неограниченнымъ правомъ сходокъ*, тогда какъ

---

[1]) Какими именно соображеніями руководилось законодательство, принявъ для компетенціи волостного суда предѣльную цифру 100 рублей, мы не знаемъ; но едвали подлежитъ сомнѣнію, что огромное большинство крестьянскихъ споровъ и исковъ не выходитъ изъ этой нормы. Слѣдовательно, компетенція волостного суда, по крайней мѣрѣ впредь до улучшенія матеріальнаго быта крестьянъ, будетъ обнимать почти всѣ ихъ дѣла, тѣсно связанныя съ *обычаями*. Иное дѣло у колонистовъ; здѣсь норма 100 рублей съузитъ вѣдомство волостныхъ судовъ противъ компетенціи тѣхъ же судовъ у крестьянъ въ той же пропорціи, въ какой состоятельность послѣднихъ ниже матеріальнаго благосостоянія колонистовъ. Эта разница опредѣляется довольно вѣрно существующими отношеніями между капиталами и имуществомъ сиротъ тѣхъ и другихъ. Такъ, въ 1866 году, приходилось на *одну* опеку въ губерніяхъ:

Саратовской	у госуд. крестьянъ по	29 рублей,	у колонистовъ по	111 рублей
Самарской	« » »	133 »	» »	201 »
Таврической	« » »	110 »		
Екатеринославской . . .	« » »	113 »	» »	511 »
Херсонской.	« » »	71 »		
Бессарабской области. .	« » »	131 »		

И такъ, къ мировымъ судьямъ поступитъ по спорамъ и искамъ почти въ *пять* разъ болѣе дѣлъ отъ колонистовъ, нежели отъ равнаго числа крестьянъ, тогда какъ именно первые давно уже пріобрѣли и вполнѣ доказали свою опытность въ отправленіи суда и расправы. Возникающій отсюда вопросъ имѣетъ, по нашему мнѣнію, весьма важное *общее* значеніе: организація волостного суда изъ *двухъ* судебныхъ и *одной* кассаціонной инстанцій, по примѣру судебно-мироваго института, и соотвѣтственное *состоятельности* поселянъ расширеніе компетенціи крестьянскаго суда по гражданскимъ спорамъ обусловливаютъ, по нашему мнѣнію, успѣхъ въ провинціяхъ волостного и мироваго институтовъ.

на созваніе, внѣ опредѣленныхъ сроковъ, волостного схода крестьяне обязаны испрашивать каждый разъ согласіе мирового посредника. Мировой же посредникъ, своею властью, можетъ подвергать волостныхъ и сельскихъ начальниковъ денежнымъ штрафамъ и даже аресту до семи дней. О подобныхъ взысканіяхъ съ выборныхъ начальниковъ, внѣ приговора коллегіальнаго суда, колонисты не имѣютъ понятія, и, считая арестъ равносильнымъ съ тѣлеснымъ наказаніемъ, выборныхъ же начальниковъ своихъ какъ-бы олицетвореніемъ юридической общины—избирателей, ея правъ, чести и обязанностей, они положительно не помирились бы съ необходимостью подчиняться головѣ или шульцу, подвергшемуся—почему бы то ни было—аресту. Съ переходомъ колоній въ вѣдѣніе общихъ учрежденій, одно это обстоятельство можетъ отшатнуть лучшихъ поселянъ отъ общественной службы.

И при такихъ льготныхъ условіяхъ, меннонитскія общества всегда являлись еще какъ бы баловнемъ управленія. Нигдѣ въ иномъ мѣстѣ административное попечительство не вмѣшивалось такъ мало во внутреннія дѣла обществъ, какъ именно у меннонитовъ. Такое послабленіе имѣло только одно, впрочемъ не совсѣмъ благопріятное для меннонитскихъ водвореній послѣдствіе; именно: они не составили себѣ тѣхъ общественныхъ капиталовъ, которые, при несравненно меньшихъ матеріальныхъ способахъ и преимуществахъ, накопили большая часть остальныхъ колонистовъ, во многихъ случаяхъ недалеко отставшихъ отъ меннонитовъ и по хозяйству, и по общественному благоустройству.

VII.

Обращаясь къ описанію экономическихъ результатовъ, достигнутыхъ меннонитами, мы ограничиваемся, по преимуществу, однимъ Молочанскимъ округомъ, какъ самымъ значительнымъ и наиболѣе интереснымъ по вопросамъ внутренняго общественнаго развитія.

Предъ нами отчеты Молочанско-Меннонитской сельско-хозяйственной коммисіи [1]) о состояніи округа. Изъ нихъ мы беремъ отчеты за 1851 и 1865 годы; хозяйственные результаты перваго, меннониты относятъ къ числу удовлетворительныхъ, а второго—къ разряду ниже-посредственныхъ урожаевъ. Слѣдовательно, оба года, въ сложности, наиболѣе близки къ среднему выводу о состоятельности и производительной силѣ водворенія.

Въ 1851 году, Молочанскій-Меннонитскій округъ состоялъ изъ 47 колоній или сельскихъ обществъ; въ немъ числилось: 1,636 *ревизкихъ* семействъ; въ томъ числѣ хозяевъ 1,191, ремесленниковъ и промышленниковъ 254, торгующихъ на купеческомъ правѣ 25 и батраковъ 166. *Наличнаго* населенія состояло: 2,953 семейства, 8,362 муж. и 7,995

---

[1]) Сельско-Хозяйственныя коммисіи существуютъ по вѣдомствамъ саратовской конторы и попечительнаго комитета въ каждой, сколько нибудь значительной волости. Въ приложеніяхъ подъ № II, мы помѣщаемъ положеніе этихъ коммисій въ поволжьѣ; оно же дѣйствуетъ и въ южныхъ колоніяхъ. Но собственно у меннонитовъ, къ вѣдомству коммисій отнесена, сверхъ хозяйственной, еще учебная часть—школы.

жен. душъ; изъ этого числа 2,109 семействъ владѣли собственной усадебной осѣдлостью, а остальныя 844 сем., не имѣя ни усадьбы, ни полеваго надѣла, проживали на наемныхъ квартирахъ. Взрослыхъ работниковъ и работницъ отъ 14 до 60 лѣтняго возраста состояло 7,988. Строеній по округу было застраховано въ мѣстномъ страховомъ обществѣ на 1.435,151 руб., что составляетъ на наличную семью по 486 руб., а на наличную муж. пола душу по 172 рубля.

По лѣсонасажденію, не считая масличныхъ деревъ, акацій и живыхъ изгородей, состояло 4.949,872 дерева, въ томъ числѣ тутовыхъ 2.332,589, а остальныя фруктовыя и разныхъ лѣсныхъ породъ. Получено дохода: за фрукты 1,795 р., продажею 271,117 деревъ разсады—2,366 р.; и отъ шелководства, которымъ занимались 1,188 сем., 30,687 р. Было собрано всего 8,206 четвериковъ коконовъ, изъ которыхъ 7,506 четв. дали 200 пуд. 7 фунт. 2 лота смотаннаго шелка, т. е. съ небольшимъ 34 лота съ каждаго четверика. Кромѣ того, вдоль дорогъ, по краямъ пашень и въ разныхъ низменностяхъ росло лѣсныхъ насажденій до 105,000 деревъ и 981 виноградныхъ лозъ.

Табаководствомъ занимались не болѣе 199 поселенцевъ, и при томъ въ незначительныхъ размѣрахъ. Они собрали табаку до 364 пудовъ.

Уродилось хлѣба:	озимаго	самъ	$15^1/_5$	26,403	четверти
	пшеницы	»	9	71,580	»
	ячменя	»	12	54,921	»
	овса	»	$10^1/_5$	31,530	»
	картофеля	»	$7^7/_{10}$	23,847	»

Въ 65-ти десятинномъ хозяйствѣ подъ пашнею состояло около $21^5/_8$ десят.; повсюду была уже введена 4-хъ польная система съ чернымъ паромъ, усилившимъ весьма значительно хлѣбное производство. «Осенью, замѣчаетъ коммисія, почти всѣ поля вспаханы и приготовлены для яровыхъ посѣвовъ, что подаетъ надежду на большія выгоды. Какое важное условіе для благопріятнаго роста хлѣбовъ представляетъ возможно *глубокая* распашка, объ этомъ можно судить по сдѣланнымъ опытамъ, доказавшимъ, что корень ржи проникаетъ въ почву на глубину до двухъ аршинъ».

Производство льна незначительное; уродилось его не болѣе $127^1/_2$ пудовъ. Пряденіемъ льна занимались 2,152 человѣка, а тканьемъ льняной пряжи—114 крановъ.

Для улучшенія и распространенія поливныхъ сѣнокосовъ существовало 109 запрудъ, одновременно служащихъ еще для водопоя и проѣзда. На каждаго хозяина приходилось лугового покоса 6 дес. 1,099 кв. саж.; всего было собрано 1.457,063 пуда сѣна и 1.579,364 пуда соломы. Соломорѣзальныхъ конныхъ машинъ имѣлось 220. Дѣлались опыты посѣва люцерны и другихъ кормовыхъ травъ.

Въ сложности, каждый хозяинъ имѣлъ $20^4/_5$ головъ скота (считая каждыя двѣ штуки молодого скота и каждыя 5 овецъ—за голову); скотъ этотъ выпасался на общественномъ выгонѣ безплатно. Всего на наличную муж. пола душу приходилось: лошадей $1_{,2}$; рогатаго скота $1_{,3}$; овецъ шлёнскихъ $7_{,0}$. Въ теченіи отчетнаго года поступили въ продажу:

коровьяго масла и сыровъ 8,045 пуд., 426 лошадей, 656 головъ рогатаго скота и 7,677 овецъ.

Постоянныхъ годичныхъ работниковъ обоего пола состояло въ услуженіи: меннонитовъ 727, другихъ колонистовъ 217 и русскихъ 430, всего 1,374 человѣка. Правильные приходо-расходные счеты вели въ округѣ 315 хозяевъ.

На 18 кирпичныхъ и 7 черепичныхъ заводахъ было выжжено: кирпича 1.994,526 и черепицъ 272,226. Въ дѣйствіи находились: 103 молотилки и 46 топчатныхъ мельницъ.

Мастеровыми округа изготовлено разныхъ машинъ, плуговъ, фуръ и всякаго рода другихъ земледѣльческихъ принадлежностей на 34,638 руб. Изъ этихъ машинъ и орудій пріобрѣли: а) *русскіе крестьяне*—118 фуръ, 24 плуга, 10 боронъ, 10 буггеровъ и 1 Gartenreiniger (?) на 7,782 руб.; б) *ногайцы*—18 фуръ, 1 плугъ и 5 боронъ на 1,085 руб.; в) *нѣмецкіе колонисты*—28 фуръ, 18 плуговъ, 4 буггера, 10 вагъ, 2 шелкомотальни и 1 маслобойный снарядъ на 2,185 руб.; и г) казенныя заведенія, помѣщики, купцы и т. д.—31 фуру, 1 молотилку, 2 плуга, 1 шелкомотальню и 6 Gartenreiniger (?) на 2,547 рублей. Независимо отъ этого, продано на сторону не малое количество *подержаныхъ* машинъ и орудій.

Валовой доходъ округа, не считая значительныхъ, оставшихся непроданными хлѣбныхъ запасовъ, составлялъ въ 1851 году:

1) 31,583 четв. пшеницы à 4 р. 25 коп. . . .	134,276	руб.	44	коп.
2) 5,073 пуда шерсти à 8 р. $31^3/_4$ коп.	42,198	»	$93^1/_4$	»
3) за 436 лошадей, 656 гол. скота, 7,677 овецъ.	34,139	»	33	»
4) съ разныхъ хлѣбовъ и сельск. произрастеній.	97,938	»	$45^3/_4$	»
5) за шелкъ—фунтъ à $15^1/_2$ рублей	30,687	»	15	»
6) за масло и сыры	23,181	»	82	»
7) за фрукты и древесную разсаду	4,161	»	—	»
8) съ ремеслъ	36,638	»	—	»
Итого . . .	401,221	руб.	13	коп.

Въ общей сложности, изъ этого дохода приходится: на наличную семью 136 руб.; на наличную обоего пола душу 24 руб. 50 коп., на рабочую душу 50 руб. 22 коп.

Къ 1866 году, въ томъ же Молочанскомъ округѣ состояло:

1) Домовъ жилыхъ: изъ жженаго кирпича . . . . . . 1,263 } 3,154
изъ другихъ матеріаловъ . . . . 1,891 }
изъ нихъ были покрыты черепицею. 849

2) Сиротъ обоего пола 2,406; имъ принадлежало:
капитала. . . 278,646 р. } 662,796 р., т. е. болѣе 275 р. на каж-
имущества на 384,150 » } дую сироту, или до 660 р. на опеку.

3) Плуговъ 3,287; боронъ 4,240; нѣмецкихъ двуконныхъ фуръ 4,563; орудій для очистки полей отъ сорныхъ растеній (Akkerhaken, Bugger) 1,090; плуговъ для садки картофеля 369; молотилокъ 22 и машинъ: сѣяль-

ныхъ 31, косильныхъ 10; для просѣва зерна—1,200 и для рѣзки соломы 181 ручныхъ и 348 конныхъ.

4) На ревизскую муж. пола душу приходилось: лошадей—1,2; головъ рогатаго скота 1,3; овецъ испанской породы и мериносовъ 4,7.

5) Мельницъ: водяныхъ мукомольныхъ 5; вѣтрянокъ 54, для выдѣлки крупы 17, и конныхъ 105; маслобоенъ 42; заводовъ: кирпичныхъ 29, черепичныхъ 11, сукновальныхъ 2, пивоваренныхъ 2, гончарныхъ 2, винокуренныхъ 1, красильныхъ 14, уксусныхъ 4, для выжиганія извести 5, желѣзолитейныхъ 1, кожевенныхъ 2, и шелко-мотальныхъ 37; произведенія и издѣлія этихъ заведеній простирались въ 1866 г. на сумму болѣе 50,000 рублей.

6) Мастеровыхъ: каменьщиковъ 16; ткачей 27; кузнецовъ 166; строительныхъ мастеровъ 50; столяровъ 58; токарей 11; телѣжниковъ 80; часовыхъ дѣлъ мастеровъ 2; портныхъ 46; красильщиковъ 15; мѣдниковъ 2; шорниковъ 11; машинистовъ 7; обручниковъ 7; переплетчиковъ 1; стекольщиковъ 18; слесарей 2; маляровъ 18; кожевниковъ 2; сапожниковъ 45. Ими занято было 820 рабочихъ обоего пола и произведено: а) на 51,751 р. разныхъ работъ, и б) на 99,227 разныхъ земледѣльческихъ орудій, какъ-то: плуговъ, боронъ, фуръ и т. д., изъ числа которыхъ продано на сторону, внѣ округа, на 61,862 рубля.

Въ 1865 г. урожай хлѣбовъ и травъ по тому же Молочанскому округу былъ посредственный, именно:

	десятинъ.	посѣяно четв.	урожай самъ.	собрано урож. четв.
Ржи озимой	6,426	2,264	$14,_9$	33,935
» яровой	23	10	$3,_{0}$	31
Пшеницы яровой	21,254	10,230	$7,_1$	73,474
» арнаутки	30	23	$3,_2$	75
Овса	8,391	8,252	$4,_9$	38,879
Ячменя	9,847	7,271	$9,_3$	68,251
Проса	443	57	$6,_9$	394
Картофеля	1,135	3,221	$4,_3$	14,121
Гороху и чечевицы	105	52	$1,_3$	99
Льна	68	10	»	4
Итого	47,725	31,394	»	229,267

Въ этомъ же году собрано сѣна до 867,785 и соломы до 1.372,107 пудовъ; смотаннаго шелку $24\frac{1}{4}$ пуда [1].

Въ 1867 году, при урожаѣ озимыхъ самъ 4.0, а яровыхъ самъ 10.3, было получено четвертей 9,584 озим. и 296,265 яров., изъ которыхъ до 130,000 четвертей поступили въ продажу по цѣнѣ 10—13 р. четв.; сѣна же было собрано 376,181 и соломы—2.543,675 пудовъ.

---

[1]) Въ 1865 и предъидущихъ годахъ шелководство пришло въ крайній упадокъ, по случаю эпидеміи на червя; но съ 1866 г. меннониты пріобрѣли свѣжія сѣмена изъ Японіи, и отрасль эта снова стала улучшаться.

От продажи сельских произведений хозяева выручили в 1865 году:

а) От скотоводства и овцеводства до	154,234 р.	452,126 р.
б) » земледѣлія и покосов	273,176 »	
в) » лѣсных, садовых и огородных произведений	16,796 »	
г) От шелководства	7,920 »	

У них состояло годичных работников:

	муж.	жен.	
Из мѣстных обывателей	464	444	1,658
» иностранцев	145	92	
» русских	306	207	
Итого	915	743	

Расходы молочанскаго окружнаго общества составляли в том же 1865 году:

1) Жалованье и содержаніе годичных слуг	62,785 р.	403,364 р.
2) Поденщиков	31,281 »	
3) Содержаніе окружнаго управленія, врача и фельдшера	3,529 »	
4) Вознагражденіе погорѣльцев	7,455 »	
5) Содержаніе сельских управлений	8,104 »	
6) » учителей	5,979 »	
7) » пастухов	10,683 »	
8) На покупку корма для скота	5,572 »	
9) На содержаніе хозяйств	242,666 »	
10) Подати и повинности	25,310 »	

Цифры эти, конечно, только приблизительно вѣрны; к тому же онѣ дают понятіе только о болѣе крупных и потому доступных для статистики статьях хозяйства. Для болѣе вѣрнаго в этом отношеніи заключенія нужно принять еще в соображеніе земли и заведенія, принадлежащія в полную собственность разным молочанским меннонитам внѣ предѣлов округа, а также торговые их капиталы и т. д. Но и приведенных цифр достаточно, чтобы убѣдиться в богатствѣ, обезпеченности и благоустроенности описываемаго нами водворенія. Казалось бы, что меннонитам нечего желать болѣе: их дворы—зажиточныя фермы или дачи, утопающія в зелени садов и плантаций; повсюду мы находим у них, если не роскошь, то порядок, изобиліе и довольство. Но вездѣ есть пятна, и потому было бы неестественно не быть им и здѣсь. Чтобы отыскать эти пятна и рисовать оборотную сторону медали, нам необходимо войти глубже в дѣло и даже начать нѣсколько издалека.

Данный меннонитам в началѣ колонизаціи «независимо от числа душ» 65 дес. надѣл на семейство, равнялся подушному надѣлу в 35—40 дес. Никто из поселенцев, кромѣ одной Сарепты и рибенсдорфских колонистов, подобнаго надѣла не получил. Нѣкоторым ко-

лоніямъ, въ одной съ меннонитами мѣстности, было дано всего только по 15 дес. на душу. Точно также не всѣмъ колонистскимъ водвореніямъ были нарѣзаны запасныя земли на прибылое населеніе; если же таковые были отведены, то далеко не въ тѣхъ размѣрахъ, какъ меннонитамъ. Слѣдовательно, не всѣ изъ колонистовъ имѣли столько возможности, какъ именно меннониты, образовывать постоянно новыя колоніи изъ молодыхъ семействъ, и при посредствѣ выселенія, поддерживать въ коренномъ водвореніи первоначальный значительный размѣръ надѣла, или, другими словами, предупреждать излишнее и отяготительное скучиваніе тамъ населенія. Платя подушный окладъ по 15 к., возвышенный только съ 1862 г. до 40, а со 2-й половины 1867 г. до 90 к. съ души; внося постоянную поземельную подать по $4^1/_2$ к. [1]) съ дес. надѣла, и такую же, или даже меньшую, съ запасной десятины, и обращая на свои нужды всѣ доходы отъ запасныхъ земель, продажи питей и другихъ общественныхъ статей, меннониты снова являются въ несравненно болѣе выгодныхъ условіяхъ, нежели всѣ остальные поселенцы, которые или обложены высшею поземельною податью, по оцѣнкѣ, или уравнены по платежу податей и повинностей съ мѣстными крестьянами.

Такія огромныя преимущества, въ соединеніи съ энергическимъ трудомъ и знаніемъ дѣла, имѣли послѣдствіемъ блестящій успѣхъ меннонитскаго хозяйства. Но ни выгоды, ни успѣхи эти не были въ состояніи предупредить распаденіе населенія каждой сельской общины на два разряда—хозяевъ и безземельныхъ, на взаимныхъ отношеніяхъ которыхъ сосредоточивается весь интересъ внутренняго быта колоній.

Уже законъ 19-го марта 1764 г. предусматривалъ эти послѣдствія лично-общинной системы. Безусловно не допуская дробленія подворныхъ участковъ ни по праву наслѣдованія, ни вообще по произволу хозяина или общества, законоположеніе это стремилось противодѣйствовать несоразмѣрному накопленію безземельнаго населенія прирѣзкою къ каждой колоніи «пустыхъ дворовыхъ и огородныхъ мѣстъ для рукомесленниковъ одну шестую часть противъ общаго числа всѣхъ крестьянскихъ дворовъ, *да такую же часть съ пашенною землею и прочими угодьями для будущихъ дѣтей, дабы оныя, пришедши въ возрастъ и женясь, сами хозяевами быть могли*». Но нигдѣ при колонистскихъ водвореніяхъ прошлаго столѣтія такихъ запасныхъ угодій не было оставлено, что, какъ мы выше видѣли, привело къ затрудненіямъ. Поэтому, законодательство 1801—1803 г. пошло далѣе. *Во-первыхъ*, къ водвореніямъ иностранныхъ поселенцевъ, происходившимъ по 1820 г., были прирѣзываемы болѣе или менѣе значительные участки запасныхъ земель «на прибылое населеніе»; *во-вторыхъ*, былъ разрѣшенъ, какъ выше замѣчено, раздѣлъ нормальнаго двора или хозяйства. На этомъ основаніи, по мѣрѣ раздачи въ надѣлъ имѣвшихся при округахъ земельныхъ запасовъ, началось въ колоніяхъ, гдѣ ранѣе, гдѣ позже, дробленіе подворныхъ хозяйственныхъ участковъ. Но мѣра эта слишкомъ тѣсно связана съ условіями хозяй-

---

[1]) Съ 1862 г. поземельная подать возвышена на 25%, т. е. до $5^2/_3$ коп. съ дес.

ственнаго успѣха, и потому обычай, опираясь на законъ, поставилъ раздѣлъ хозяйства почти повсемѣстно въ безусловную зависимость отъ согласія «лучшихъ хозяевъ», т. е. схода. Пользуясь этимъ правомъ, меннонитскія общества допускаютъ раздѣлъ земледѣльческаго двора крайне туго: въ 1841 г. Молочанскій округъ накопилъ уже болѣе 1,700 безземельныхъ семействъ на 1,033 хозяина; но ни одинъ изъ дворовъ еще не былъ раздѣленъ. Даже на 1867 г. мы находимъ здѣсь не болѣе 322 половинныхъ хозяйствъ, а всего 1,612 хозяевъ на 2,617 Anwohner'овъ и безземельныхъ семействъ. Понятно, что эти послѣдніе ни въ какомъ случаѣ не могли находить необходимыя для ихъ существованія средства въ однихъ промыслахъ, ремеслахъ, торговлѣ и заработкахъ по округу. Отсюда, какъ увидимъ ниже, возникли весьма существенныя затрудненія.

При послѣдовательномъ развитіи лично-общинной системы обнаружились еще неудобства иного рода. Законодательство, установляя порядокъ общественнаго управленія колоній, говоритъ, что на сельскій мірской сходъ созываются колонисты «не менѣе одного съ каждаго двора», и что выборы должностныхъ лицъ сельскаго и окружнаго управленія производятся изъ «совершеннолѣтнихъ колонистовъ, имѣющихъ собственное свое хозяйство». 70 лѣтъ тому назадъ термины «дворъ, хозяйство» не устраняли отъ участія въ сходахъ никого изъ представителей наличнаго числа колонистскихъ семействъ: каждая семья владѣла въ то время «дворомъ или хозяйствомъ»; слѣдовательно, она посылала на сходъ и своего представителя, какъ полноправнаго члена общества. Благодаря запаснымъ землямъ, у меннонитовъ такой правомѣрный составъ сходовъ и выборнаго ихъ начальства могъ удержаться довольно долгое время. Но увеличеніе меннонитскаго населенія шло такъ быстро, а сходы противились дробленію подворныхъ 65 дес. участковъ такъ упорно, что уже въ исходѣ 30-хъ годовъ масса накопившагося у нихъ безземельнаго населенія приводила въ раздумье наиболѣе опытные и проницательные умы. Основываясь на томъ, что употребляемые закономъ термины «дворъ, хозяйство» должны неизмѣнно сохранять свое первоначальное значеніе, хозяева допускали въ составъ сходовъ только распорядителя полнаго 65 десятиннаго двора и исключительно за такими же «хозяевами» признавали право занимать должности по общественной выборной службѣ. Такимъ образомъ, при посредствѣ сходовъ и выборнаго начальства, эти хозяева сосредоточили въ своихъ рукахъ всю власть общественнаго самоуправленія, и распоряжались, по собственному усмотрѣнію, средствами обществъ, привлекая нараждавшееся безземельное населеніе, по внутренней раскладкѣ, къ участію въ платежѣ сборовъ и отбыванію повинностей.

Съ другой стороны, хозяева постоянно выставляли знаменемъ своимъ: «образцовое 65-ти дес. хозяйство» и, соотвѣтственно тому, позволяли заселеніе запасныхъ участковъ неиначе, какъ на условіяхъ, требовавшихъ единовременной затраты на первоначальное обзаведеніе каждаго отдѣльнаго двора не менѣе 2—3 тысячъ руб. Подобную сумму могъ отдѣлить только зажиточный хозяинъ; слѣдовательно, на запасныхъ земляхъ водворялись одни братья, сыновья и т. д. такихъ именно хозяевъ; без-

земельные же и вообще потомство менѣе состоятельныхъ хозяевъ оставались и въ этомъ отношеніи не при чемъ. Въ руки потомства зажиточныхъ хозяевъ переходили мало-по-малу даже дворы хозяевъ, менѣе состоятельныхъ и обремененныхъ не въ мѣру народившимся составомъ семьи. Но обстоятельства эти мало кого заботили въ прежнее время, такъ какъ не-хозяевамъ жилось едва-ли не лучше подворныхъ владѣльцевъ. Справедливость этой мысли подтверждается закономъ, постановившимъ, что «общество не въ правѣ удерживать» колониста отъ перехода въ другія состоянія, если онъ «изберетъ другой родъ жизни, уплатитъ лежащую на немъ часть казеннаго долга и *представитъ вмѣсто себя другаго для продолженія его хозяйства*» (ст. 134 — 139 уст. о кол.). Впрочемъ, обстоятельство это вполнѣ понятно. Даже въ тридцатыхъ годахъ, при Молочанскомъ меннонитскомъ округѣ все еще оставалось свободныхъ запасныхъ земель около 35,000 десятинъ, которыя, впредь до заселенія, отдавались безземельнымъ подъ пашню изъ опредѣленнаго платежа; излишекъ же сбора, за уплатою казнѣ оброка, поступалъ въ окружную кассу и употреблялся на разныя общественныя нужды. Сосѣдніе съ округомъ ногайцы предоставляли желающимъ огромное количество своихъ земель за сравнительно ничтожную плату. Эти рессурсы долгое время вполнѣ обезпечивали безземельныхъ меннонитовъ, такъ что они, при помощи всякаго рода ремеслъ и промысловъ, не затруднялись въ средствахъ къ жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ безземельные не тяготились особенно и личнымъ безучастіемъ своимъ въ дѣлахъ общественнаго самоуправленія. Но такое положеніе, во всякомъ случаѣ, было ненормальное. Въ составъ безземельнаго класса уже около 1840 года входилъ почти весь процентъ нараждавшагося населенія. Возрастая въ числѣ, безземельные въ той же мѣрѣ стали затрудняться, изъ года въ годъ замѣтнѣе, въ удобствѣ заработковъ и снисканіи средствъ къ жизни. Затрудненіи эти въ свою очередь отражались и на самихъ хозяевахъ, связанныхъ съ безземельными общиннымъ принципомъ — круговою порукою.

Въ это время во главѣ Молочанскаго округа, или, лучше сказать, всего Новороссійскаго меннонитскаго братства, стояла личность, въ высшей степени замѣчательная по безкорыстной энергіи, твердости характера, практически ясному уму и нравственной своей силѣ. Личность эта, посвятившая всю жизнь свою служенію общественному благу, никто другой, какъ меннонитъ Іоаннъ Корнисъ, съ которымъ читатель встрѣчался уже въ очеркѣ о Радичевѣ, и подъ попеченіемъ котораго гуттерцы на новомъ мѣстѣ водворенія сдѣлали такіе быстрые успѣхи въ своемъ хозяйственномъ устройствѣ. Значеніе Корниса не обусловливалось оффиціальнымъ его званіемъ; онъ состоялъ лишь въ должности предсѣдателя Молочанской Коммисіи Сельскаго Хозяйства. Нравственное вліяніе Корниса отражалось даже на сосѣднихъ ногайцахъ и русскихъ крестьянахъ, нѣкоторое число которыхъ образовало особыя поселенія подъ его непосредственнымъ руководствомъ. Среди же самыхъ меннонитовъ слово Корниса чтилось едва ли не выше закона; къ тому же онъ пользовался и полнымъ довѣріемъ со стороны главнаго мѣстнаго начальства и высшаго

центральнаго управленія. Отъ такого ума не могли укрыться конечные результаты, на встрѣчу которымъ шло меннонитское братство, достигшее около 1840 года апогея своего благосостоянія. А сознать—значило для Корниса дѣйствовать. И замѣчательны крайняя осторожность, съ которою онъ взялся за дѣло, и вообще его пріемы, какъ доказательство, что даже при огромномъ авторитетѣ его, онъ не находилъ удобнымъ прямо и откровенно приступить къ дѣлу, за которое впослѣдствіи, понуждаемые крайностію, взялись нѣсколько безвѣстныхъ вожаковъ во главѣ массы безземельныхъ. Но Корнисъ лучше всякаго другого зналъ свой народъ. Хозяева, ослѣпленные достигнутыми ими успѣхами, богатствомъ и властью, вполнѣ увѣровали въ полную непогрѣшимость ихъ системы; они забыли и не хотѣли въ этомъ случаѣ даже признать начала общиннаго землевладѣнія, со времени поселенія ихъ въ Россіи впервые напоминавшаго имъ о себѣ. Напротивъ, вопросы, занимавшіе Корниса, клонились къ устройству участи безземельныхъ на болѣе прочныхъ основаніяхъ и приводились прежде всего къ необходимости нѣкоторыхъ пожертвованій со стороны хозяевъ. Обращаться къ послѣднимъ съ подобными предложеніями значило по-пусту тратить время, и, поднявъ бурю, кончить ничѣмъ. Подобный результатъ представлялся Корнису тѣмъ несомнѣннѣе, что само безземельное населеніе, еще мало затрудненное въ своемъ матеріальномъ быту, относилось слишкомъ легкомысленно къ заботамъ о своей будущности. Къ тому же, Корнисъ не могъ не знать, съ какимъ упорствомъ хозяева готовы отстаивать свои исключительныя права по общественному управленію, и всѣ вытекавшія для нихъ отсюда выгоды. Онъ обратился, поэтому, не къ сходамъ, а къ ревизовавшему колоніи, въ 1837 г., академику Кеппену, доказывая ему, во-первыхъ, необходимость, при дальнѣйшемъ заселеніи запасныхъ при округѣ земель, ограничиваться менѣе стѣснительными условіями по первоначальному обзаведенію хозяйства, и отводомъ на дворъ не болѣе 35—40 дес.; а во-вторыхъ—пользу и настоятельную нужду въ образованіи центра, гдѣ торговцы, ремесленники и промышленники изъ безземельныхъ меннонитовъ, скучиваясь, могли бы стянуть постепенно всѣ соотвѣтствующіе ихъ потребностямъ интересы цѣлаго края, т. е. образовать нѣчто въ родѣ города. Самый выгодный для осуществленія этой мысли пунктъ составляла, по мѣстнымъ условіямъ, земледѣльческая колонія Гальбштадтъ, въ которой узломъ сходятся всѣ главные почтовые и торговые пути края [1]. Академикъ Кеппенъ вполнѣ убѣдился доводами Корниса. Затрудненіе заключалось только въ томъ, какимъ образомъ согласить гальбштадтскихъ земледѣльцевъ на уступку нужнаго для новаго поселенія количества земли. Но въ этомъ случаѣ авторитетъ Корниса помогъ дѣлу. Благодаря его стараніямъ, сами гальбштадтцы представили Кеппену приговоръ, подписанный 16-ю хо-

[1]) Въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» за іюль и августъ 1867 г. корреспондентъ (кажется изъ Бердянска) указываетъ на возникшее на мѣстѣ предположеніе устроить желѣзную дорогу между Гальбштадтомъ и г. Бердянскомъ. Слѣдовательно, Гальбштадтъ и по сіе время сохранилъ то значеніе, какое приписывалъ ему Корнисъ.

зяевами общества (всего тамъ 21 хозяинъ) о томъ, что они согласны уступить изъ своихъ общественныхъ земель 600 дес. подъ устройство торгово-ремесленной колоніи, «если имъ такое же количество будетъ прирѣзано изъ смежныхъ съ ихъ дачею пастбищныхъ мѣстъ общественной овчарни», т. е. изъ запасныхъ при округѣ земель. На этомъ основаніи, предполагалось водворить въ новой колоніи 200 ремесленно-промысловыхъ семействъ, надѣляя каждое по три дес. подъ усадьбу и выгонъ. Въ тоже время 23 такихъ семейства заявили Кеппену о готовности водвориться въ новой колоніи немедленно по отводѣ участка, если прирѣзано будетъ еще нѣкоторое количество земли для выпаса чумацкаго упряжного скота, такъ какъ съ развитіемъ торгово-промышленной дѣятельности новаго поселенія, ожидали усиленнаго наплыва сюда фурщиковъ.

Оба предположенія были представлены Кеппеномъ въ министерство по принадлежности; но здѣсь вниманіе обратилъ на себя только проектъ торгово-ремесленной колоніи. 2 іюля 1841 года воспослѣдовало высочайшее повелѣніе—учредить вновь предположенную колонію согласно проекту и, для этой цѣли, вырѣзать 800 дес. изъ дачи колоніи Гальбштадтъ, съ возмѣщеніемъ этой отрѣзки такою же прирѣзкою изъ смежныхъ запасныхъ участковъ.

Тѣмъ временемъ гальбштадтскіе земледѣльцы пришли къ иному заключенію. Видя, что усадебное мѣсто для новаго поселенія предназначалось подлѣ самой ихъ колоніи, и что Корнисъ настаивалъ сохранить за новой колоніей наименованіе «Гальбштадтъ», они поняли, что эта послѣдняя, будучи учреждена на 200 сем., разовьется такъ быстро, что неминуемо поглотитъ ихъ собственную осѣдлость. Они увѣрились въ этомъ окончательно, когда Корнисъ, вынужденный начальствомъ, прямо высказалъ, что ремесленная колонія въ скоромъ времени заставитъ гальбштадтскихъ хозяевъ или слиться съ нею, или переселиться на другое мѣсто. Ни то, ни другое не соотвѣтствовало желаніямъ послѣднихъ; такая жертва, въ пользу общаго блага, казалась имъ свыше силъ, хотя, конечно, они могли быть вполнѣ увѣрены, что въ случаѣ той или другой крайности, имъ будетъ оказана всевозможная помощь. Съ этого времени сдѣлалось задачею гальбштадтскаго земледѣльческаго общества — препятствовать всѣми силами осуществленію новой колоніи. Оно начало съ того, что пользуясь своимъ вліяніемъ на прочихъ хозяевъ округа, при помощи ихъ вводило въ составъ мѣстнаго, руководившаго дѣломъ устройства новаго поселенія, окружнаго приказа, непремѣнно, хотя одного члена изъ своей среды. Съ этого времени постоянно можно встрѣтить гальбштадтскихъ хозяевъ, если не въ должности окружнаго головы, то въ званіи окружнаго засѣдателя, членовъ сельско-хозяйственной коммисіи и т. д. Гальбштадтское земледѣльческое общество успѣло, повидимому, склонить на свою сторону и главное мѣстное начальство. Впрочемъ, и самый проектъ колоніи былъ окончательно составленъ тѣмъ же мѣстнымъ начальствомъ, «по предварительномъ соглашеніи съ гальбштадтскимъ земледѣльческимъ обществомъ» и ни въ проектѣ, ни въ распоряженіяхъ о приведеніи его въ

исполненіе не было ближайшихъ, опредѣленныхъ указаній: въ какомъ порядкѣ производить отводъ земель подъ новую колонію, возмѣщеніе земледѣльцевъ за отходящія отъ нихъ угодья и т. д. И вотъ, вмѣсто того, чтобы согласно основной системѣ колонизаціи, сразу вырѣзать въ особую дачу всѣ 800 дес., предназначенныя для новой колоніи, а доходы съ этихъ угодій обращать въ пользу новаго поселенія, крайне нуждавшагося въ такомъ подспорьѣ, мѣстное начальство распорядилось (1842 г.) отвести въ безотчетное пользованіе гальбштадтскаго земледѣльческаго общества 800 дес. изъ запасныхъ земель, а послѣднее обязало выдѣлять подъ новую колонію землю лишь по мѣрѣ явки поселенцевъ, по 3 десятины на каждую семью, на первый же разъ отвести до 70 дес. возвышенной, негодной для хозяйственной обработки мѣстности. Составленныя окружнымъ приказомъ, обще съ сельско-хозяйственною коммисіею, правила образцоваго заселенія новой колоніи получили равнымъ образомъ утвержденіе главнаго мѣстнаго начальства; ими завершилась невозможность успѣха колоніи. Корнисъ уже состарѣлся; идти на перекоръ такой всеобщей со стороны хозяевъ непріязни—было, повидимому, свыше его силъ; онъ ограничивался уже одними матеріальными пожертвованіями изъ собственныхъ средствъ, давшими до 30 семьямъ возможность устроиться въ новой колоніи согласно требованіямъ мѣстныхъ приказа и коммисіи. Но Корнисъ сошелъ въ могилу и дальнѣйшее развитіе его созданія совершенно пріостановилось, подавъ лишь поводъ къ безпрерывнымъ столкновеніямъ между двумя смежными поселеніями. Гальбштадтскіе земледѣльцы, извлекая значительныя выгоды изъ доставшихся имъ, взамѣнъ негодныхъ 70 дес., 800 десятинъ отличной земли, устроили тамъ общественную овчарню, производили запашки и т. д., видимо богатѣя изъ года въ годъ. Напротивъ, горсть несчастныхъ сосѣдей ихъ билась какъ рыба объ ледъ, добиваясь развитія своего поселенія до нормальныхъ размѣровъ. Они не переставали требовать прежде всего уступки въ ихъ распоряженіе всѣхъ предназначенныхъ въ пользу новаго поселенія 800 дес. Но напрасно; противодѣйствіе хозяевъ неослабѣвало, а результатъ былъ тотъ, что само правительство распорядилось въ 1866 г.: 1-е) Прекратить дальнѣйшую, на основаніи высочайшаго повелѣнія 2-го іюля 1841 г., приписку ремесленниковъ въ составъ гальбштадтскаго ремесленнаго общества и предоставить собственному усмотрѣнію послѣдняго дальнѣйшій пріемъ въ свою среду, а равно и удаленіе по мірскимъ приговорамъ за неисправимое порочное поведеніе членовъ своихъ, на одинаковомъ основаніи съ другими сельскими обществами; 2-е) состоящія въ пользованіи ремесленной колоніи 12 дес. подъ общественными зданіями и 16 дес. сѣнокоса, съ правомъ пользованія водою изъ р. Молочной, а также на каждое приписанное къ колоніи семейство по 3 дес. усадебной, огородной и выгонной земли, оставить во всегдашнемъ пользованіи сего общества на правахъ казеннаго надѣла, и, сверхъ того, прирѣзать ремесленной колоніи еще до 100 дес.; и 3-е) взамѣнъ отчуждаемыхъ изъ надѣла гальбштадтскихъ земледѣльцевъ угодій, прирѣзать имъ а) за каждую десятину земли, состоящую собственно подъ постройками, огоро-

дами и сѣнокосами ремесленной колоніи, по три дес.; и б) за остальныя, отводимыя ремесленной колоніи выгонныя угодья—десятину за десятину изъ переданныхъ земледѣльцамъ, въ 1842 г., 800 дес. овчаренныхъ земель; остатокъ же этихъ послѣднихъ обратить въ пользованіе безземельныхъ молочанскаго меннонитскаго округа.

Такимъ образомъ и предположенія Корниса не принесли безземельнымъ ожидаемой пользы, благодаря, конечно, близорукимъ и небезупречнымъ дѣйствіямъ хозяевъ. Но масса безземельныхъ росла; запасныя земли, такъ или иначе, отходили въ надѣлъ, по прежнему, въ размѣрѣ 65 дес. на семейство. Наконецъ, совершенно неожиданное выселеніе въ Турцію ногайскихъ татаръ; водвореніе на ихъ земляхъ въ 1861 — 1863 гг., частью крестьянъ изъ внутреннихъ губерній, частью же болгаро-славянъ изъ Турціи и Молдавіи, и, какъ прямое послѣдствіе этого переворота, неимовѣрное возрастаніе въ Таврической губерніи съемныхъ цѣнъ земель,—все это привело къ тому, что масса безземельныхъ колонистовъ сразу потеряла возможность продолжать хлѣбопашество на сторонѣ, вдали отъ мѣстъ постояннаго жительства. Если же кто продолжалъ этотъ промыселъ, тотъ кончалъ разореніемъ, тѣмъ болѣе, что съ указанными нами затрудненіями совпадали нѣсколько лѣтъ къ ряду неурожаи хлѣбовъ и травъ.

Но затрудненія молочанскаго меннонитскаго водворенія касались не однихъ безземельныхъ; они ложились болѣе или менѣе тяжелымъ гнетомъ и на хозяевъ. По учетамъ за 1855—1865 гг., средній годичный чистый доходъ молочанскаго 65 десятиннаго хозяйства исчисленъ въ 55 р. 25 к., а у сосѣднихъ колонистовъ—при 60 дес., только въ 8 р. $16^1/_4$ к. [1]).

---

[1]) Вотъ разсчетъ, сдѣланный въ 1865 г. по молочанскому колонистскому округу, гдѣ хозяева надѣлены участками въ 60 дес. Въ теченіе $18^{55}/_{65}$ гг., каждое хозяйство, по среднему выводу, собирало въ годъ: ржи $8^1/_8$ четв., пшеницы 43 четв., ячменя $32^3/_8$ четв., овса $13^5/_8$ четв., проса $3^1/_2$ мѣры, кукурузы 2 мѣры, бобовъ $1^1/_2$ м.; чечевицы 2 гарн., гороху 4 гарнца, льнянаго сѣмени 5 мѣръ коноплей $1^1/_2$ гарн., и картофеля $14^1/_2$ четв. Изъ этого количества употреблено самимъ хозяйствомъ, состоящимъ изъ 6 душъ и одного постояннаго работника: а) *на продовольствіе*—ржи $6^5/_8$ четв., пшеницы 7 четв., картофеля 8 четв., проса 3 мѣры; кукурузы $1^6/_8$ мѣр.; бобовъ $1^1/_8$ м., чечевицы $1^1/_2$ гарн. и гороху 3 гарн; б) *на посѣвъ*—ржи на 3 дес. $1^1/_2$ четв., пшеницы на 15 дес. $7^1/_2$ чет.; ячменя на 5 дес. 3 чет., овса на 1 дес 1 чет., проса на 1 дес. 4 гарн., кукурузы 2 гарн., бобовъ 2 гарн.; чечевицы $^1/_2$ гарн.; гороху 1 гарн., льнянаго сѣмени 4 гарн. на $^1/_2$ дес. коноплей 4 четв. в) *на прокормъ скота*—ячменя $29^3/_8$ четв., овса $12^3/_8$ четв.; сѣна обыкновенно недостаточно; соломы $603^1/_2$ п. г) *на продажу*:

пшеницы	$28^1/_2$ ч.	по 6 р. —	171 р.
льнянаго сѣм.	$4^1/_2$ м	— 9 р. ч.	5 — $6^1/_4$ к.
картофеля	$2^1/_8$ ч.	— 2 — —	4 — 50 —
соломы	360 п.	— 5 к. —	18 —
		итого на	198 р. $56^1/_4$ к.

При 60 дес. хозяйствѣ можно содержать 6 лошадей, 4 головы рогатаго скота, 80 овецъ, и предположить дохода отъ продажи: излишняго скота 35 р., овецъ—25 р., шерсти—60 р.; масла и сыровъ 20 р.; плодовъ и овощей—20 р., отъ извоза и заработковъ 10 р.; итого 170 р., а всего доходъ съ хозяйства равняется 368 р. $56^1/_4$ к.

Счетъ обыкновенныхъ расходовъ по такому хозяйству слѣдующій: на платье 6 душамъ 115 р.; на ремонтъ хозяйственныхъ строеній, заборовъ и т. д. 30 р., на исправленіе старыхъ и покупку новыхъ земледѣльческихъ орудій—30 р., на домашнюю утварь и посуду—10 р., на годоваго работника 80 р., на поденщиковъ во время сѣнокоса (4 челов. на 2 дня по 75 к.) 6 р. и на время жатвы (4 челов.

Къ сожалѣнію, выводы эти сдѣланы съ предвзятою цѣлью — доказать невыгодность дробленія, хотя бы пополамъ, 65 и 60-десятиннаго двора; поэтому, они заслуживаютъ только весьма условнаго довѣрія. Иначе, приведенные выводы доказывали бы, что образцовость колонистскаго хо-

---

8 дней по 1 р. 20 к.) 38 р. 40 к.; на казенные сборы и уплату казеннаго долга—30 р., мірского сбора на содержаніе духовенства, учителя, врача, шульца, караульныхъ, пастуховъ и т. д. 11 р.; на содержаніе общественныхъ зданій—4 р., на пріобрѣтеніе племенного скота 2 р., пожарныхъ страховывъ платежей 4 р. Всего 360 р. 40 к., за вычетомъ коихъ изъ 368 р. 56¹/₄ к. остается чистаго дохода 8 р. 16¹/₄ к.

Къ сожалѣнію, у насъ неимѣется подобнаго же разсчета по меннонитскому округу; но еще болѣе жаль, что оба разсчета сдѣланы съ предвзятой цѣлью—доказать невыгодность дробленія участковъ. Вслѣдствіе того, счетчикъ нашъ по молочанскому колонистскому округу продолжаетъ: «Если же на участкѣ въ 60 дес. существуетъ два хозяйства, то при меньшемъ доходѣ, статьи расходныя возрастаютъ. Каждый изъ половинныхъ хозяевъ будетъ содержать по крайней мѣрѣ по 4 лошади и по 4 головы рогатаго скота; слѣдовательно, имъ вмѣстѣ нельзя имѣтъ болѣе 60 овецъ. Доходъ ихъ будетъ отъ продажи: излишняго скота 25 р; шерсти 45 р; овецъ 20 р.; масла и сыровъ 15 р.; плодовъ и овощей 15 р; а какъ для двухъ семействъ потребуется и двойное продовольствіе, то въ продажу можетъ быть обращено не болѣе: пшеницы 21¹/₂ четв. на 129 р.; льнянаго сѣмени 4¹/₂ мѣры—5 р. 6¹/₄ к., и наконецъ доходъ отъ извоза и заработковъ 10 р.; всего доходу 264 р. 6¹/₄ к. От остальныхъ произрастеній не можетъ быть доходу, такъ какъ ихъ едвали достанетъ на продовольствіе семьи и во многихъ случаяхъ потребуется дополнительный съемъ земель для усиленія хозяйственныхъ средствъ. *Расходы* двухъ такихъ хозяйствъ слѣдующіе: одежда на 12 душъ—150 р.; ремонтъ хозяйственныхъ зданій, заборовъ и т. д.—30 р., ремонтъ хозяйственныхъ орудій—40 р., на домашнюю утварь и посуду 15 р., на жалованье работника 80 р.; на поденщиковъ во время сѣнокоса 6 р. и жатвы 38 р. 40 к.; на казенные сборы и уплату казеннаго долга 36 р., на мірской сборъ 11 р., на общественныя зданія 4 р.; на покупку племенного скота 2 р.; страховыхъ платежей 4 р., итого расходовъ 416 р. 40 к., т. е. дефицитъ противъ доходовъ на 152 р. 33³/₄ к.» Не имѣя намѣренія входить въ критическій разборъ разсчета, мы не можемъ однако не замѣтить, что здѣсь нѣкоторыя статьи дохода, какъ напр. съ извоза и заработковъ, отъ излишняго скота, съ масла, сыровъ и т. д., при 8 лошадяхъ, 8 головахъ рогатаго скота и 12 душахъ, не могутъ оставаться тѣми, какими эти статьи дохода приняты въ предъидущемъ разсчетѣ при 6 лошадяхъ, 4 гол. скота и 6 душахъ, а должны быть несравнено выше. Напротивъ, статьи расхода на наемъ работника и поденьщиковъ, если не совершенно лишніе при 12 душ., то во всякомъ случаѣ крайне преувеличены. Наконецъ, здѣсь вовсе нѣтъ дохода съ ремесла или промысла, что для двухъ семействъ, въ 12 душъ, возможный прибытокъ. Но, повторяемъ, составителю разсчета требовалось доказать невыгодность раздѣла 60-дес. хозяйства на два;—ну, и доказалъ. Очевидно, что въ этомъ разсчетѣ безземельные не принимали участія. Если бы хозяйство съ половиннымъ надѣломъ приносило убытокъ, то таковыхъ не существовало бы ни у молочанскихъ колонистовъ, ни у сосѣднихъ меннонитовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что вопросъ о дробленіи двора безъ разоренія хозяйства зависитъ сколько отъ экономическаго положенія края вообще, столько же, въ частности, и отъ мѣстныхъ условій каждаго общества и даже отдѣльнаго участка; но не менѣе несомнѣнно и то, что скученіе населенія, развитіе новыхъ промысловъ и источниковъ дохода и т. д., приводятъ во всякой данной мѣстности къ *возможности и даже къ полезности* дробленія первоначальныхъ участковъ—на меньшіе дворы, размѣръ которыхъ дѣлается въ свою очередь нормальнымъ. Иначе, хортицкіе меннониты, находящіеся по землевладѣнію въ болѣе тѣсныхъ условіяхъ, нежели молочанскіе поселенцы, едва ли бы признали своевременнымъ и возможнымъ дробить у себя 65-дес. дворъ на три хозяйства: на одно съ 32¹/₂ дес. и два—каждое съ 16¹/₄ дес.

Намъ представился случай спросить по поводу этихъ разсчетовъ мнѣніе одного весьма почтеннаго, хорошо образованнаго и вполнѣ знакомаго съ мѣстными условіями молочанскаго меннонита. «Колонисты—отвѣтилъ онъ—ратующіе противъ раздѣла хозяйствъ, обыкновенно указываютъ, какъ на важнѣйшее, истекающее изъ раздѣла, неудобство, на то, что въ такомъ случаѣ хозяйственныя постройки предадутся разоренію, тогда какъ требуются «хозяйства образцовыя». Но, во 1-хъ, молокане молочанскіе, которые не только не пользуются привилегіями, но, напротивъ, находятся на правахъ ссыльно-поселенцевъ, имѣютъ несравненно болѣе обширныя и болѣе изящныя зданія, нежели большинство меннонитовъ, хотя земля надѣлена молоканамъ и они пользуются ею подушно, на общинномъ правѣ; и, во 2-хъ, нельзя утверждать, что образцовое хозяйство дѣлается образцовымъ лишь въ силу большихъ и обширныхъ построекъ; напротивъ, образцовымъ можетъ быть справедливо названъ только тотъ способъ хозяйствованія, помощью котораго извлекается изъ земли *наибольшій доходъ при наименьшей затратѣ.* Средняя доходность хозяйствъ различна по каждой отдѣльной колоніи; вслѣдствіе чего для каждой же колоніи неодинакова и самая стоимость или цѣнность отдѣльнаго хозяйства. На Молочнѣ

зяйства слѣдуетъ искать не въ приходо-расходномъ балансѣ, а исключительно только въ условіяхъ наружной обстановки, въ богатствѣ построекъ и т. п.

VIII.

Хозяйственно-общественныя затрудненія меннонитовъ выразились прежде всего въ религіозныхъ движеніяхъ. Явленіе не новое; уже не одинъ разъ оно повторялось въ исторіи, особенно среди сельскихъ состояній, легкообманывающихся относительно сущности причинъ гнетущаго ихъ недуга. Наружнымъ поводомъ къ внутреннимъ религіознымъ раздорамъ послужило у меннонитовъ то обстоятельство, что и до сего времени обрядная сторона ихъ богослуженія установилась не окончательно. Въ каждомъ приходѣ можно найти въ этомъ отношеніи болѣе или менѣе существенныя различія. Такъ напр., таинство св. причащенія сопровождается во многихъ приходахъ обрядомъ омовенія ногъ, предшествующимъ таинству, или слѣдующимъ тотчасъ за совершеніемъ его; въ другихъ приходахъ омовеніе ногъ вовсе не исполняется. Подобныя разнорѣчія не подавали повода къ раздорамъ въ то время, когда масса населенія была до-

---

вообще, хорошое хозяйство стоитъ 6—7,000 р., въ частности же въ колоніи Гнаденфельдѣ (молочанскаго меннонитскаго округа) не болѣе 4—5,000 р., а въ маріупольскихъ меннонитскихъ колоніяхъ только 3—3,500 р.

Урожай самъ—10 молочанцы называютъ посредственнымъ. Такой урожай на 60-дес. хозяйственномъ участкѣ даетъ:

	посѣвъ.	урожай.	цѣна.	итого.
ржи	$1^1/_2$ четв.	15 четв.	4 р. —	60 р.
пшеницы	$7^1/_2$ —	75 —	6 — —	450 —
		(въ 1866 — 1867 годовъ цѣна была 10 — 15 р.)		
ячменя	3 — —	30 —	2 — 50 к.	75 —
овса	— —	13 —	2 — 50 —	32 — 50 к.
проса	— —	5 мѣръ	3 —	1 — 80 —
маисъ	— —	$2^1/_2$ —	4 — 80 —	1 — 50 —
бобовъ	— —	$2^1/_2$ —	—	1 — 50 —
чечевицы	— —	—	—	1 —
гороху	— —	—	—	1 —
льнянаго сѣмени	—	5 мѣръ цѣна	9 — за чет.	5 — 60 —
конопляннаго	— —	2 — —	8 — —	2 —
картофеля	— —	40 четв. —	2 — —	80 —
соломы 600 пудовъ	—	— —	5 к. п. —	30 —
коноплей и льну	—	— —		25 —

Всего запашка въ $23^1/_2$ дес., какъ обыкновенно бываетъ въ 60-дес. колонистскомъ хозяйствѣ, приноситъ при среднемъ урожаѣ на . . . . 806 р. 90 к.
Принимается расходъ счетчика . . . . 360 — 40 —

Остается чистаго дохода отъ одной запашки . . . . 446 р. 50 к.

Болѣе легкій способъ хозяйничанья—это овцеводство и скотоводство. Поэтому хозяева, высоко цѣня выгонныя и сѣнокосныя угодья, изъ 60 — 65 дес. берутъ подъ пашню не болѣе $23^1/_2$ д. «Разсчетъ мой—заключилъ нашъ меннонитъ—по всей справедливости, можетъ быть названъ среднимъ выводомъ; но изъ него видно, что хозяйственная запашка въ южныхъ колоніяхъ весьма выгодна. Въ видахъ общей пользы желательно имѣть возможно больше земли подъ плугомъ, а этотъ результатъ явится непосредственно за передѣломъ земли, сохраняемой нынѣ хозяевами для своихъ овецъ и скотинъ».

вольна своимъ экономическимъ бытомъ. Но, по мѣрѣ ухудшенія послѣдняго и накопленія разныхъ въ отношеніи его затрудненій, росло число *недовольныхъ*. Не находя поддержки хозяевъ по вопросамъ экономическимъ, недовольные бросились въ другую сторону и стали агитировать въ области церкви. Выше мы сказали, что меннониты почти въ самомъ началѣ появленія секты, распались на двѣ партіи, между которыми только около 1800 г. состоялось извѣстное соглашеніе. Но соглашеніе это касалось однихъ формальныхъ отношеній, другъ къ другу, отдѣльныхъ приходскихъ общинъ: сущность спора осталась и каждая партія имѣла своихъ послѣдователей какъ въ западной Пруссіи, такъ за тѣмъ и въ Россіи. Такъ, съ самаго водворенія у насъ меннонитовъ, рѣзко обозначились у нихъ два толка: *Фламандскій*, котораго держалось большинство выходцевъ и послѣдователи котораго сосредоточились преимущественно въ Хортицкихъ колоніяхъ; и *Фрисландскій*, господствовавшій впослѣдствіи въ колоніи Кронсвейде. По ученію, оба толка мало отличались одинъ отъ другого; послѣдователи ихъ вступали между собою даже въ брачные союзы; но все же, для перехода отъ одного толка къ другому, требовались особые «аттесты» отъ старшинъ. Фрисландцы отличаются меньшимъ піетизмомъ и меньшею строгостью въ соблюденіи преемственныхъ обычаевъ; почему Фламандцы именуютъ себя «die Feinen», противную же сторону «die Groben». Такимъ образомъ не доставало только искры, способной разжечь страсти. Этой-то искрой послужили экономическія затрудненія безземельнаго класса, и пожаръ сталъ разливаться съ невѣроятною силою. Это обстоятельство навело хозяевъ на мысль укрѣпить за собою такую же духовную власть, какую, въ силу закона, приказъ имѣетъ въ гражданскомъ быту. Достиженіе этой цѣли казалось нетруднымъ, такъ какъ духовные старшины и проповѣдники меннонитовъ принадлежатъ равнымъ образомъ къ разряду хозяевъ. Задача заключалась въ томъ, чтобы создать для дѣлъ вѣры и церковнаго благочинія такую же центральную власть, какою является окружной приказъ въ сферѣ административно-полицейской и судебной. Въ этомъ смыслѣ, съѣздъ духовныхъ старшинъ молочанскихъ меннонитовъ, большинствомъ голосовъ, 7 апрѣля 1851 года постановилъ—впредь именовать себя «церковнымъ конвентомъ», съ тѣмъ, чтобы всѣ, возникающіе по округу спорные вопросы въ дѣлахъ церкви и церковнаго благочинія представлялись ему на окончательное разсмотрѣніе и разрѣшеніе. Приговоръ этотъ, состоявшійся по инициативѣ и съ согласія окружнаго приказа, былъ доведенъ до свѣдѣнія главнаго мѣстнаго попечительства, которое и съ своей стороны признало совершившійся фактъ. Тѣмъ не менѣе ни приказъ, ни самъ конвентъ не рѣшились опубликовать это постановленіе и предложить его братству къ всеобщему руководству: повидимому, они сознавали невозможность оправдать, по ученію Менно, установленіе центральной церковной власти. Такимъ образомъ coup-d'état этотъ, по всей вѣроятности, остался бы втунѣ, если-бъ религіозно-нравственное положеніе братства не обнаруживало изо дня въ день постоянно усиливавшіеся признаки разномыслія.

Въ 1855 году, въ кол. Эйнлаге, Хортицкаго округа, впервые обна-

ружилась рѣзкая оппозиція, послѣдователи которой были названы впослѣдствіи Нüрſеr'ами. Уже къ 1859 году число послѣднихъ значительно возрасло, особенно на Молочнѣ. Цѣлью ихъ было—соединиться въ особое приходское общество. Рядомъ съ Нüрſеr'ами явились такъ называемые «Іерусалимскіе друзья», добивавшіеся той же цѣли; но въ то время, какъ первые, держась буквы св. писанія, обнаруживали наклонности ультрапіетизма, послѣднія заявляли себя носителями прогрессивныхъ началъ, хотя съ обѣихъ сторонъ, въ борьбѣ съ мѣстными духовными и выборными старшинами, не обошлось конечно безъ увлеченій.

Особенно замѣчательна характеристика состоянія за это время братства, въ поданномъ въ 1863 г. церковному конвенту заявленіи меннонитовъ, братьевъ Ланге съ товарищами, о выдѣленіи ихъ въ особый приходъ. «При такомъ сомнительномъ положеніи — говорятъ они — въ какомъ находится, въ настоящее время, наша меннонитская колонизація, мы обязаны не только строго анализировать самихъ себя, но и высказать наши убѣжденія предъ конвентомъ. Благость и долготерпѣніе Божьи даровали народамъ во всѣ времена періоды спокойствія и милосердія, осыпая ихъ избыткомъ вещественныхъ богатствъ, съ цѣлью, подвинуть къ покаянію (Посл. къ Римл. гл. 2 ст. 4). Точно также Онъ даровалъ и нашему братству въ колоніяхъ — въ теченіи послѣднихъ 50 лѣтъ — благосостояніе и миръ, въ надеждѣ сдѣлать изъ насъ истинный народъ Божій, народъ святой, обитель Святаго Духа. На обязанности старшинъ и учителей лежало, сознавъ эту благодать, прилагать всѣ силы къ тому, чтобы стараго вести по истинному пути, а молодежь воспитывать правильно, вселяя въ сердца страхъ Божій, познаніе Его святой воли, и такимъ образомъ въ новыхъ поколѣніяхъ возсоздать храмъ Всевышняго. Отъ старшинъ и ихъ совѣта вполнѣ зависѣло подвинуть все наше братство къ достиженію этой благой цѣли, такъ какъ ихъ поддерживали въ этомъ не только Слово Божіе, которое само-по-себѣ уже въ состояніи покорить міръ и его суетность, но также общины и начальство, почитавшія и любившія въ нихъ руководителей и отцовъ народа. Какое общество и кто изъ его отдѣльныхъ членовъ могъ-бы въ это время противостоять всесильному вліянію старшинъ и совѣта?»

«И слово Божіе и императорская воля—продолжаютъ бр. Ланге—вмѣняли старшинамъ въ обязанность пещись о томъ, чтобы въ общинахъ были найдены и воспитываемы вѣрные пастыри и добросовѣстные старшины, и чтобы нравственный уровень цѣлаго братства поднимался выше и выше. Но, вмѣсто того, чтобы сознать эту святую обязанность и въ такомъ сознаніи работать безустанно день и ночь, наши старшины и учители ограничивались еженедѣльнымъ чтеніемъ проповѣди, а во всемъ остальномъ они предоставляли каждаго самому себѣ и его собственной заботѣ о суетныхъ благахъ. Они именовались и допускали титуловать себя «духовными и достопочтенными», но въ тоже время они ничѣмъ не отличались отъ общей среды ни въ своихъ стремленіяхъ къ суетнымъ богатствамъ, ни по невѣжеству и совершенному равнодушію въ дѣлахъ вѣры; да, нерѣдко они бывали хуже другихъ. Въ то время, какъ совершен-

ная неспособность нашихъ проповѣдниковъ вошла уже почти во всеобщее сознаніе; когда само собою уже ясно, что проповѣдники, лишенные наитія Святаго Духа и серьознаго образованія, вообще совершенно безполезны, *наши* проповѣдники не только не сознаютъ собственной несостоятельности, но находятъ и совершенно излишнимъ всякое стремленіе, имѣющее цѣлью измѣнить къ лучшему такіе грустные порядки. Дошло, наконецъ, до того, что большинство именующихъ себя «священствомъ Божьимъ», неспособны даже произнести собственной молитвы и сказать свое собственное толковое слово, не прибѣгая къ печатнымъ молитвенникамъ и проповѣдямъ, или, по словамъ апостола (1 посл. къ Тимоѳ. гл. 1, ст. 7): «Желая быть законоучителями, они не разумѣютъ ни того, о чемъ говорятъ, ни того, что утверждаютъ». Юношество допускается къ крещенію и св. причастію безъ предварительнаго, достаточнаго поученія, ради формальности и обычая; оно остается въ полнѣйшемъ невѣжествѣ даже относительно существеннѣйшихъ истинъ сего и будущаго міра. Въ довершеніе всего, къ совершенной бездѣятельности нашихъ церковныхъ старшинъ присоединилось еще властолюбіе. Особымъ актомъ, они, безъ согласія и полномочія общинъ, заявили себя предъ начальствомъ въ качествѣ высшаго духовнаго учрежденія, съ властью руководить, управлять и судить цѣлое братство. До этого времени къ вѣдѣнію совѣта старшинъ, конечно, относились совѣщанія объ общихъ нуждахъ; но постановленія его приводились въ исполненіе отнюдь не иначе, какъ съ предварительнаго согласія самихъ общинъ. Ни одинъ старшина, въ качествѣ полномочнаго представителя своей паствы, не имѣлъ права дать свое согласіе, или подпись, на мѣру, которая не была предварительно одобрена самимъ приходскимъ обществомъ. Напротивъ, послѣ переименованія себя въ «церковный конвентъ», совѣтъ старшинъ занялъ положеніе независимой отъ общинъ высшей власти и, въ силу этого, дозволилъ себѣ даже произвольно исключать изъ меннонитскаго братства такихъ людей, на удаленіе которыхъ изъ своей среды гражданское ихъ общество вовсе не соглашалось, вопреки обращеннымъ къ нему требованіямъ конвента», и т. д. и т. д.

Къ упоминаемымъ здѣсь личностямъ, подвергавшимся преслѣдованіямъ конвента, принадлежатъ прежде всего послѣдователи секты Hüpfer'овъ [1]) (скакуновъ), которые, какъ сказано, выдѣлились *первые* изъ среды старыхъ приходовъ. Офиціальныя источники, которыми мы пользовались, не даютъ положительныхъ указаній о догматическихъ различіяхъ, существующихъ между Hüpfer'ами и прочими меннонитами. Обѣ партіи, какъ увидимъ ниже, именуютъ себя истинными послѣдователями Менно; но, кромѣ общихъ бездоказательныхъ фразъ, ни та, ни другая въ подтвержденіе своей правовѣрности не представила доказательствъ. А потому, желая разъяснить это обстоятельство, мы обращались къ одному молочанскому меннониту, отвѣтъ котораго, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ довѣрія.

---

[1]) Сектѣ дано это названіе потому, что послѣдователи ея, по примѣру царя Давида, допускаютъ въ своихъ молитвенныхъ собраніяхъ музыку, и особымъ родомъ пляски, или скачковъ, выражаютъ свою «радость и блаженство въ благодати Духа».

«До настоящаго времени—отвѣчалъ онъ въ февралѣ 1867 года—никто изъ Hüpfer'овъ еще не пытался привести догматическое ученіе секты въ систему, изложивъ ее письменно. Молитвенныя собранія ихъ заняты, по преимуществу, наставительными бесѣдами, темою которыхъ служатъ разныя тексты св. писанія, и пѣніемъ гимновъ, возбуждающихъ религіозное настроеніе. Такимъ образомъ, для сторонняго наблюдателя, довольно не легко составить себѣ вполнѣ отчетливое понятіе о сущности догматовъ секты. Вѣрнѣе всего то, что почти никакой существенной догматической розни между послѣднею и большинствомъ меннонитовъ не существуетъ, за исключеніемъ развѣ догмата искупленія человѣческаго рода, который, какъ фокусъ и краеугольный камень ученія Hüpfer'овъ, понимаютъ они въ томъ смыслѣ, что примиреніе человѣка съ Богомъ, какъ *совершившійся фактъ*, имѣетъ мѣсто, не требуя со стороны человѣка ни нравственнаго возрожденія, ни особенной благодати, освящающей всѣ его помышленія и поступки. Hüpfer'ы всѣ положенія своего ученія подкрѣпляютъ текстами стараго и новаго завѣтовъ, а также толкованіемъ ихъ въ сочиненіи Менно: «Fundamentallehre des christlichen Glaubens». Въ этомъ отношеніи трудно обличить Hüpfer'овъ въ отступленіяхъ отъ меннонитскаго толка. Искреннее увлеченіе, обнаруживаемое ими на словахъ и на дѣлѣ въ преданности своему ученію, не разъ уже приводило стороннихъ очевидцевъ къ замѣчанію: «не Hüpfer'ы, а остальные меннониты измѣнили своему праучителю». Тѣмъ не менѣе замѣтное различіе между обѣими партіями все же существуетъ, но пока еще только въ обрядахъ, что впрочемъ само собою указываетъ какъ бы на не вполнѣ еще выяснившуюся рознь въ догматическихъ воззрѣніяхъ. Дѣло въ томъ, что новороссійское меннонитское братство, со времени поселенія своего въ Россіи, дѣйствительно допустило нѣкоторыя отступленія отъ основного ученія Менно. Такъ, духовные старшины братства, стремясь къ усиленію своего вліянія, вопреки Менно, стали доказывать преемственную святость своего сана, перешедшую будто бы къ нимъ, путемъ рукоположенія, непосредственно отъ апостоловъ. Однако противъ этой тенденціи возстали не одни Hüpfer'ы, но и многіе изъ остальныхъ меннонитовъ. Другой спорный пунктъ—это обрядъ крещенія. Hüpfer'ы совершаютъ крещеніе не иначе, какъ на открытомъ воздухѣ, погруженіемъ окрещаемаго въ рѣку и вообще текучую воду; прочіе же меннониты давно уже ограничиваются обливаніемъ водою головы окрещаемаго въ молитвенномъ домѣ. Подобныхъ обрядовыхъ различій можно бы привести еще нѣсколько, но всѣ они не существенны и едва ли заслуживаютъ вниманія. Важно однако, по своимъ послѣдствіямъ, обстоятельство, что меннонитскіе старшины, отвергая правильность совершаемыхъ Hüpfer'ами браковъ, обрядъ которыхъ ограничивается благословеніемъ молодой четы родителями жениха и невѣсты, вносятъ дѣтей отъ такихъ браковъ въ число незаконнорожденныхъ, что впослѣдствіи неминуемо поведетъ къ спорамъ и тяжбамъ по наслѣдственнымъ дѣламъ».

Таковы были отношенія партій еще и въ 1868 году; въ началѣ же выдѣленія Hüpfer'овъ въ особый приходъ духовные старшины дѣйствовали

несравненно рѣшительнѣе. Стремясь къ возможному стѣсненію новаго общества и нуждаясь для этого въ опорѣ, нѣкоторые изъ болѣе рѣшительныхъ духовныхъ старшинъ стали ссылаться на приговоръ конвента 1851 г., обнаруживъ такимъ образомъ существованіе этого акта. Большинство меннонитскаго братства не мало было смущено неожиданнымъ подчиненіемъ его церковному конвенту; но въ это время переходилъ уже въ открытую вражду и антагонизмъ между хозяевами и безземельными. Одни, и въ числѣ ихъ даже одинъ или двое изъ старшинъ, находили церковный конвентъ учрежденіемъ, несогласнымъ съ духомъ и сущностью ученія Менно Симонса; но, подчиняясь большинству, люди эти молчали. Другіе, не разсуждая, признали совершившійся фактъ, въ надеждѣ, что при помощи конвента возстановится прежняя тишина въ округѣ. Но не смолчали и не покорились тѣ, противъ которыхъ собственно была направлена централизація церковной власти. Въ рукахъ этой части населенія, актъ 7 апрѣля 1851 г. сдѣлался только новымъ и притомъ весьма дѣйствительнымъ орудіемъ для усиленной агитаціи. Съ этого времени гюпферы получили возможность выставлять себя ратующими за свободу совѣсти меннонитовъ, стѣсняемую «самозванною, незаконною консисторіею». При такихъ условіяхъ пропаганда болѣе прежняго находила себѣ послѣдователей даже въ средѣ хозяевъ; когда же церковные старшины, поддерживаемые выборнымъ начальствомъ, стали выступать противъ скакуновъ все рѣшительнѣе, то послѣдніе открыто бросили перчатку конвенту. Соединившись, по приговору 6-го января 1860 г., въ особую приходскую общину, Hüpfer'ы сообщили о томъ конвенту и окружному приказу. Въ силу этого акта, 50 семействъ разныхъ колоній выдѣлились окончательно изъ состава существовавшихъ меннонитскихъ приходовъ; власть конвента они признали незаконною и, подъ руководствомъ собственныхъ старшины и проповѣдниковъ, заявляли своею цѣлью—отстаивать истинное ученіе Менно Симонса во всей строгости и простотѣ его. Конвентъ, въ постановленіи 18 января того же 1860 года, отвѣтилъ отлученіемъ членовъ новой общины отъ церкви. Соотвѣтственно сему, со стороны приказовъ начались полицейскія преслѣдованія: штрафы, аресты, наказанія общественною работою. Но тщетно; всѣ эти мѣры не оказали желаемаго дѣйствія и привели только къ тому, что Hüpfer'ы впадали болѣе и болѣе въ фанатизмъ, а главные вожаки ихъ, скрываясь отъ преслѣдованій въ другихъ колоніяхъ, вносили пропаганду и туда, даже въ поволжскія колоніи. Наконецъ, отлученіе членовъ новаго прихода отъ церкви привело ихъ вскорѣ въ крайне стѣсненное положеніе какъ по хозяйству, такъ и въ общественномъ быту.

Нехотя, скрѣпя сердце, Hüpfer'ы обратились за защитою къ правительству. Мы говоримъ нехотя—потому, что меннониты, какъ всѣ сектаторы, всячески стараются обойтись безъ административнаго вмѣшательства, особенно по вопросамъ вѣры. Не утруждать правительства жалобами и дрязгами — было до того времени однимъ изъ руководящихъ правилъ меннонитскаго братства и нарушеніе этого правила, особенно частое со стороны безземельныхъ, служило приказамъ даже оффиціальнымъ моти-

вомъ для присужденія взысканій и штрафовъ, на томъ основаніи, что подобныя жалобы, роняя «вѣковую, унаслѣдованную отъ отцовъ славу мирныхъ, примѣрныхъ гражданъ», вредятъ доброму имени и интересамъ всего братства.

Почти всякая частная жалоба со стороны безземельныхъ меннонитовъ начинается оговорками: «къ крайнему прискорбію, къ стыду братства» и т. п. Уполномоченный же Hüpfer'овъ, явившись въ Петербургъ, даже болѣе года хлопоталъ объ отводѣ земли на Кавказѣ, прежде чѣмъ высказалъ откровенно истинное положеніе дѣлъ на мѣстѣ. Только крайность— отказъ въ высылкѣ паспорта—вынудила его, наконецъ, повѣдать начальству суть распри.

IX.

Рядомъ съ религіозной неурядицей шелъ, тѣмъ временемъ, crescendo и раздоръ въ сферѣ общественно-экономической. Въ теченіи 50-хъ годовъ казна воспользовалась не малымъ доходомъ отъ множества просьбъ, отправлявшихся со стороны колонистскихъ обществъ южнаго края въ Петербургъ, съ ходатайствомъ объ отводѣ имъ новыхъ земель. Еще многочисленнѣе стали эти ходатайства, когда, по выходѣ татаръ и ногайцевъ въ Турцію, сдѣлались свободными огромныя территоріи въ Таврической губерніи и Кубанской области.

Но взглядъ правительства на дѣло колонизаціи совершенно измѣнился. Привилегіи, которыми пользуются колонисты, оказываются болѣе и болѣе неудобными, особенно въ виду происходящаго сліянія сельскихъ состояній, открытія земскихъ учрежденій и т. д. Давать колонистамъ дополнительно земли въ прежнемъ порядкѣ — значило бы содѣйствовать распространенію ихъ въ качествѣ привилегированнаго состоянія. Поэтому меннонитамъ, водворяющимся, съ 1855 года, въ Самарской губ., никакихъ исключительныхъ привилегій не дано, кромѣ кратковременныхъ льготъ и свободы отъ лично-обязательной рекрутской повинности; земли имъ отводятся не иначе какъ со взносомъ обезпеченія отъ 350 до 700 прусскихъ талеровъ на каждаго хозяина и съ обязательствомъ, по истеченіи льготнаго времени, нести всѣ общіе податные сборы и повинности, а въ томъ числѣ, деньгами, и рекрутскую повинность. Къ тому же поселенцы южнаго края, заявлявшіе такъ настоятельно о своихъ нуждахъ, на первый взглядъ вовсе не терпятъ особеннаго стѣсненія по землевладѣнію. По крайней мѣрѣ въ общей сложности, они почти повсюду владѣютъ большимъ надѣломъ, нежели ихъ сосѣди изъ русскихъ крестьянъ. Въ виду сего, всѣ ходатайства колонистовъ были отклоняемы. Правительство указывало имъ, чтобы они довольствовались тѣми угодьями, которыя имъ даны. Общества замолчали, но заговорили безземельные поселенцы, для которыхъ собственно общества и испрашивали дополнительные надѣлы. Получивъ равнымъ образомъ отказъ, безземельное населеніе обратилось уже прямо къ своимъ обществамъ, т. е. къ хозяевамъ, требуя отъ нихъ

помощи. Вмѣсто сочувствія, оно на первыхъ порахъ встрѣтило здѣсь или холодное равнодушіе, или даже явную непріязнь. Но безземельные не отступали, и вотъ снова начались штрафы, аресты, общественныя въ видѣ наказанія работы и т. д. Взаимная непріязнь между хозяевами и безземельными привела мѣстами къ явному разрыву въ сферѣ общественно-экономической. Кризисъ этотъ выразился во всѣхъ колоніяхъ южнаго края, но нигдѣ не сопровождался онъ такимъ ожесточеніемъ партій, какъ именно у молочанскихъ меннонитовъ. Замѣна татарскаго населенія Таврической губерніи переселенцами-земледѣльцами, неуступавшими за безцѣнокъ своихъ угодій, произвела здѣсь слишкомъ неожиданный и рѣзкій переворотъ въ хозяйственныхъ условіяхъ цѣлаго края. Къ тому же съ экономическимъ кризисомъ шло рука объ руку движеніе религіозное; даже смиренные гуттерцы вздумали-было возвратиться къ коммунальному устройству своихъ праотцевъ. Въ рукахъ хозяевъ—богатство, власть; на сторонѣ ихъ противниковъ — масса, нужда и юридическое право. Не будучи въ состояніи ни одолѣть хозяевъ путемъ легальнымъ, ни склонить ихъ на добровольныя уступки въ общественно-экономическомъ быту и на терпимость въ церковномъ отношеніи, безземельные, какъ прежде и гюпферы, обратились къ правительству. Они стали ходатайствовать во-1-хъ, о допущеніи ихъ въ составъ сельскихъ сходовъ на общемъ съ хозяевами основаніи; и во-2-хъ, о понужденіи обществъ къ устройству ихъ участи или пріобрѣтеніемъ для нихъ земель на счетъ общественныхъ средствъ, или же при помощи уравнительнаго передѣла угодій общественнаго земельнаго владѣнія, какъ собственности не лично кого-либо, а цѣлаго общества.

Изъ множества прошеній, отправленныхъ со стороны безземельныхъ въ Петербургъ, приводимъ для примѣра выписки лишь изъ одного [1]. Этими выписками достаточно уяснится для читателя содержаніе всѣхъ остальныхъ подобныхъ бумагъ.

Тамъ говорится между прочимъ: «безземельный, хоть бы онъ былъ отцемъ 8—10 душъ, не имѣетъ въ своемъ пользованіи ни клочка земли, гдѣ бы онъ могъ взрости, для пропитанія семьи, мѣры картофеля или хлѣба; хозяева не уступаютъ нисколько земли даже за арендную плату, а если гдѣ и случится снять, то за $1/4$ дес. залежей берутъ 3 — 4 руб. Безземельному дозволяется имѣть на общественномъ выгонѣ не болѣе двухъ головъ скота, и то не иначе, какъ съ уплатою по 1 р. съ головы за подножный кормъ и опредѣленной части содержанія для пастуха— хлѣбомъ и деньгами. Безземельные обязаны, наравнѣ съ хозяевами, дѣлать душевую ссыпку хлѣба въ общественный магазинъ, хотя у нихъ нѣтъ ни клочка пашни. Въ тоже время они, какъ неполноправные члены общества, устранены отъ участія въ сельскомъ сходѣ и въ выборѣ должностныхъ лицъ. Сборы казенные и общественные взыскиваются по уравнительной раскладкѣ на число душъ, и случается, что безземельный

[1]) Просьба уполномоченныхъ отъ безземельнаго населенія колоній Вейнау и Костгеймъ, молочанскаго колонистскаго округа, Таврической губерніи.

отецъ большого семейства обязанъ бо̀льшею уплатою, нежели малосемейный хозяинъ. Правда, безземельному предоставляется свобода участвовать ежегодно въ торгахъ на отдачу подъ пашню нѣкоторой части, такъ называемой, негодной общественной земли (Schaadrud); но и здѣсь конкуренція хозяевъ доводитъ цѣну за десятину до 10—15 руб. годичной платы. А какъ сборы уплачиваются уравнительно по числу душъ, то мы просимъ распорядиться и уравнительнымъ на число душъ передѣломъ всѣхъ общественныхъ земельныхъ угодій. Случаи, что младшій сынъ не можетъ управлять хозяйствомъ по несовершеннолѣтію, встрѣчаются слишкомъ часто и необходимость вынуждаетъ продавать такія хозяйства въ чужія руки за 3—4 тысячи руб. Такимъ образомъ, родныя дѣти умершаго владѣльца навсегда устраняются отъ родного отцовскаго очага и вступаютъ въ составъ безземельнаго класса».

«Безземельные обращались въ окружной приказъ съ просьбою войти въ ихъ стѣсненное положеніе и довести о томъ до свѣдѣнія высшаго начальства. Но приказъ далекъ отъ исполненія почтительнаго ихъ желанія. Напротивъ, онъ облекъ въ форму общественныхъ приговоровъ превратную и несоотвѣтствующую нуждамъ безземельныхъ предположеніе свое: раздать остатки запасныхъ земель, до 4,000 дес., въ надѣлъ по 60 дес. на семейство. Раздача эта составляла бы незаслуженное преимущество, даваемое малому числу семействъ, въ ущербъ всѣхъ остальныхъ. Но это дѣлается въ угоду хозяевамъ, съ которыми приказъ только и совѣтуется, признавая исключительно за ними право представительства за все наше общество. Около 70 сем. сдѣлаются счастливыми, а остальныя лишатся даже той выгоды, какую они находили до сего времени въ возможности брать малыя паи, изъ запасныхъ земель, въ свое пользованіе изъ оброка», и такъ далѣе.

Другой примѣръ олигархически-деспотическаго отношенія хозяевъ къ Anwohner'амъ и безземельнымъ сообщаетъ меннонитъ Д. Вибе, въ № 2 «Unterhaltungsblatt'а» за 1863 годъ. Обсуждая въ отношеніи колоніи Шенвизе, Хортицкаго округа, вопросы: достигли-ли успѣховъ въ хлѣбопашествѣ Anwohner'ы и безземельные; пострадали-ли отъ этого, какъ увѣряли хозяева, ремесла?—онъ говоритъ между прочимъ: «Съ давняго времени сельскій приказъ кол. Шенвизе каждогодно снималъ изъ оброка сосѣднюю церковную землю, разверстывая ее между обывателями по жребію. Но въ 1855 году, оскорбленные своекорыстными происками хозяевъ по распредѣленію аренднаго участка, Freiwirthe (Anwohner'ы) сняли этотъ участокъ для однихъ себя, независимо отъ хозяевъ. Обстоятельство это побудило сельскій приказъ обратиться въ хортицкій окружной приказъ съ просьбою *воспретить Freiwirthe означенную аренду*; но ходатайство это осталось безъ послѣдствій. Въ 1858 году, Freiwirthe дополнительно сняли еще 210 дес. владѣльческой земли. Въ виду этого, хозяева выражали свои сомнѣнія о томъ, будутъ ли Freiwirthe въ состояніи, при недостаточности ихъ земледѣльческихъ орудій и рабочаго скота (хозяева допускаютъ на общественный выпасъ не болѣе 2-хъ головъ на Freiwirth'а, сами же выпасаютъ каждый до 30 головъ) обработать снятую

землю, и уплатить, по ихъ мнѣнію, *безумно* высокій оброкъ по 2 руб. 50 коп. за десятину, такъ какъ пашня, обработанная двуконнымъ плугомъ (каковымъ обзавелись всѣ Freiwirthe), ни въ какомъ случаѣ не можетъ будто-бы дать такой урожай, какой даетъ поле, вспаханное ихъ четырехконнымъ плугомъ. Въ такомъ родѣ слышались злорадные голоса хозяевъ. Но Freiwirthe не дали смутить себя; бодро они приступили къ работѣ и, благодаря Бога, получили такіе урожаи, что 14 пророковъ (хозяевъ), предсказывавшіе имъ погибель, должны были замолкнуть».

«Большинство Freiwirthe — продолжаетъ Вибе — занимается профессіею; нѣкоторые владѣютъ мельницами и т. д.; не многіе только обращаются къ торговлѣ; въ недавнее время они стали заниматься и хлѣбопашествомъ на арендныхъ земляхъ. Тѣмъ не менѣе остаются семьи, которыя принадлежатъ къ разряду батраковъ и ведутъ бѣдственную жизнь (kümmervolles Leben), такъ какъ для отца семейства, не изучившаго ремесла и не владѣющаго вовсе землею, даже при здоровьѣ и въ урожайные годы не легко прокормить свою, нерѣдко многолюдную семью однимъ поденнымъ заработкомъ. Здѣсь, по всей вѣроятности, иные хозяева возразятъ намъ, что въ числѣ Freiwirthe имѣются и такіе, которые, избѣгая работы, должны быть причтены къ числу лѣнтяевъ. Твое замѣчаніе, любезный хозяинъ, не лишено нѣкоторой доли правды. Лѣнтяевъ можно найти во всѣхъ классахъ человѣчества. Но откуда же взялась въ насъ неохота къ поденному заработку? Развѣ за нами менѣе права — быть хозяевами, кормясь отъ нашего поля также честно, какъ и ты? Ты, нашъ младшій братъ, по закону единоличный наслѣдникъ нашего отцовскаго хозяйства; и теперь ты ожидаешь, чтобы мы, старшіе твои братья, были твоими батраками? Мы охотно и безропотно подчинились бы этой роковой необходимости, если бы ты, какъ сельскій староста или окружный старшина, разумно управлялъ нами — Freiwirthe, не угнетая насъ. Для насъ твои дороги закрыты; ни въ качествѣ прилежныхъ хозяевъ-земледѣльцевъ, ни въ званіи выборныхъ должностныхъ лицъ, мы государству служить не можемъ, такъ какъ стоимъ внѣ выборнаго права, и это потому только, что мы Freiwirthe».

Въ подкрѣпленіе этой жалобы, Вибе приводитъ слѣдующіе факты. «Если хозяева какой либо колоніи—говоритъ онъ— согласятся подчинить Freiwirthe какимъ нибудь новымъ распорядкамъ, какъ-то: сократить ихъ право выпаса съ 3-хъ до 2-хъ головъ скота, или возвысить сборъ съ ученика съ рубля, какъ было прежде, до 2-хъ рублей, какъ установлено теперь, то мы *безусловно* должны подчиниться такому приговору подъ опасеніемъ быть признанными за «бунтовщиковъ». Насъ, Freiwirthe, считаютъ членами общества и приглашаютъ на сходъ только въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда, какъ напр. при сдачѣ корчемъ и т. п., безъ нашей подписи нельзя обойтись. Есть колоніи, въ которыхъ хозяева составляютъ только $^1/_3$ всего населенія, и если-бы случилось подвергнуть Freiwirth'а исключенію изъ общества, то $^2/_3$ населенія послѣдняго могутъ и не вѣдать объ этомъ. Что касается до совѣщаній по дѣламъ церкви, то Freiwirthe признаются полноправными членами прихода. Какъ

скоро духовный старшина найдетъ необходимымъ ввести новое учрежденіе, напримѣръ—установить сборъ въ пользу бѣдныхъ, каковой въ хортицкихъ приходахъ существуетъ уже издавна (въ годъ по 20 коп. съ муж., по 10 коп. съ жен. души и по 50 коп. съ семейства), то онъ, старшина, дѣлаетъ предложеніе общему сходу прихожанъ, *требуя, чтобы согласные съ его предложеніемъ отвѣтили молчаніемъ.* Но горе тому, кто бы вздумалъ нарушить всеобщее молчаніе, или потребовалъ-бы отчетности въ расходованіи собранныхъ суммъ, или же въ сознаніи, что всякіе, неутвержденные начальствомъ общественные сборы воспрещены, рѣшился-бы уклониться отъ требуемаго взноса; какъ поступаютъ съ такими лицами, тому примѣромъ можетъ служить одинъ изъ обывателей хортицкой колоніи Нейендорфъ» и т. д.

Сверхъ подобныхъ же жалобъ по молочанскому меннонитскому округу, безземельные обнаружили здѣсь еще другія обстоятельства, указывающія на характеръ той системы управленія, которой держались хозяева, въ ущербъ интересамъ безземельнаго населенія. Не говоря уже о томъ, что запасныя земли, заселяясь не иначе, какъ образцовыми 65 дес. хозяйствами, отходили въ надѣлъ сыновей и ближайшихъ родственниковъ однихъ зажиточныхъ хозяевъ, нѣкоторыя отдѣльныя личности изъ числа послѣднихъ съумѣли забрать въ свое личное пользованіе болѣе или менѣе значительные участки тѣхъ же запасныхъ земель. Хотя эти лица не всегда удовлетворяли, или даже вовсе не исполняли условій, на которыхъ такіе участки поступили въ ихъ пользованіе, но, тѣмъ не менѣе, ни сходы изъ хозяевъ, ни выборное начальство изъ тѣхъ же хозяевъ не находили, повидимому, ничего несправедливаго въ подобномъ захватѣ поземельной собственности, данной на «прибылое населеніе», т. е. въ пользу безземельныхъ. Такъ, напримѣръ, въ 1820-хъ годахъ, меннонитъ Яковъ Реймеръ устроилъ на запасныхъ земляхъ водяную мельницу, съ жилыми и усадебными строеніями, и завелъ возлѣ мельницы фруктовый садъ, подъ который, съ разрѣшенія бывшаго главнаго попечителя, занялъ безвозмездно 4 десятины. Впослѣдствіи, взявъ въ арендное содержаніе еще нѣсколько десятинъ, Реймеръ развелъ на нихъ лѣсныя школы и плантаціи. Въ 1843 году, заведеніе Реймера представляло, по выраженію мѣстнаго начальства, «прекраснѣйшій оазисъ среди степей», названный фольваркомъ Фельзенталь. «Оазисъ» этотъ приносилъ значительную пользу самому хозяину и окружающей мѣстности, но не безземельнымъ, батрачившимъ на того же Реймера. Наконецъ возникло даже ходатайство объ оставленіи за послѣднимъ фольварка, если не на правахъ собственности, то на правахъ надѣла. Ходатайство это одинаково подкрѣпляли и выборные, и главное мѣстное начальства, полагавшія окончательно прирѣзать къ фольварку 260 десятинъ. Но правительство, въ томъ же 1843 году, распорядилось: «Землю, на которой сдѣланы заведенія и учреждены плантаціи, оставить Реймеру, а прочую землю отдавать по оброку до того времени, пока она не понадобится обществу». Въ настоящее время, вслѣдствіе жалобъ безземельныхъ, мѣстное дознаніе обнаружило, что при фольваркѣ Фельзенталѣ состояло: до 57 деся-

тинъ, утвержденныхъ за Реймеромъ взамѣнъ надѣла въ колоніяхъ, и 120½ дес. изъ оброка по 4½ к. за дес., да сверхъ того 136½ дес. степи, за которыя Реймеръ вносилъ въ окружную кассу оброкъ отъ 30 до 43½ к. за десятину. Поэтому, въ 1866 году, послѣдовало разрѣшеніе: 1) 177 десятинъ, занятыя заведеніями, садомъ, лѣсными школами и плантаціею, признать неотъемлемою принадлежностью фольварка и, оставивъ ихъ на прежнихъ условіяхъ во владѣніи наслѣдниковъ умершаго тѣмъ временемъ Реймера, вмѣнить молочанскому окружному приказу въ обязанность наблюсти, чтобы фольваркъ, не раздробляясь по наслѣдованію и т. д., содѣйствовалъ и впредь развитію садоводства и лѣсоразведенія въ краѣ; и 2) остальныя 136½ десятины, какъ не занятыя плантаціями, передать въ пользованіе безземельныхъ.

Вотъ еще примѣръ. Въ 1824 году, меннонитъ Класенъ исходатайствовалъ себѣ въ исключительное пользованіе 3,000 дес. изъ тѣхъ же запасныхъ при округѣ земель, обязываясь устроить на нихъ суконную фабрику и тонкорунное овцеводство. Правительство согласилось, но съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы земля эта была отведена собственно «изъ пространствъ, негодныхъ для хлѣбопашества», и чтобы фабрика пользовалась ею «подъ выпасъ мериносовъ лишь до тѣхъ поръ, пока она будетъ дѣйствовать». Фабрика была дѣйствительно устроена, но или вовсе не дѣйствовала, или дѣйствіе ея оказывалось совершенно ничтожнымъ. Невольно рождается мысль, не служило ли это заведеніе лишь благовиднымъ предлогомъ для захвата 3,000 дес., тѣмъ болѣе, что главный доходъ изъ участка владѣлецъ извлекалъ не при посредствѣ фабрики и овцеводства, а отдачею земли, вопреки условію, подъ распашку безземельнымъ. Въ 1866 году, правительство прекратило и это зло, давъ означеннымъ землямъ употребленіе согласно ихъ прямому назначенію. Но замѣчательно, что дѣло это обнаружилось только спустя 40 лѣтъ и то не по инициативѣ хозяевъ или выборнаго ихъ начальства, на прямой обязанности котораго лежалъ надзоръ за точнымъ исполненіемъ Класеномъ своихъ обязательствъ.

Равнымъ образомъ изъ запасныхъ земель состояли еще 3,595 десятинъ, при дачѣ Юшанле, и 3,257 дес., при дачѣ Штейнбахѣ, въ безпереоброчномъ пользованіи двухъ отдѣльныхъ меннонитовъ, владѣльцевъ этихъ дачъ.

Безземельные обвиняли меннонитскихъ хозяевъ еще въ слѣдующихъ стѣсненіяхъ. Пользуясь самовольно, т. е. безплатно, подножнымъ кормомъ на пролегающихъ черезъ округъ солевозныхъ трактахъ двухъ-верстной ширины, хозяева берутъ съ безземельныхъ за выпасъ отъ 50 к. до 1 рубля съ головы скота, котораго притомъ допускаютъ на выгонъ не болѣе 2—3 штукъ на семью. Они сберегаютъ этимъ путемъ выгонныя угодья своего надѣла, а траву на послѣднихъ продаютъ на скосъ тѣмъ же безземельнымъ. Кромѣ того, въ общественное владѣніе округа, сверхъ надѣла по 65 десятинъ на семейство, отведено до 7,950 дес. такъ называемой неудобной земли. Этими угодьями, изъ которыхъ наберется дѣйствительно неудобныхъ не болѣе 2,500 дес., равнымъ образомъ поль-

зовались исключительно одни хозяева, даже вопреки положительному закону [1]). Наконецъ всѣ доходы, извлекаемые по преимуществу изъ запасныхъ земель, составляющихъ принадлежность безземельныхъ, а не хозяевъ, обращались послѣдними на такія общественныя нужды, которыя надлежало бы удовлетворять изъ суммъ мірского сбора, по внутренней раскладкѣ, т. е. главнѣйше изъ собственныхъ средствъ хозяевъ.

Совокупность всѣхъ этихъ обстоятельствъ возбуждало всеобщее среди безземельнаго класса неудовольствіе, которое не могло, конечно, не подѣйствовать и на меннонитскихъ хозяевъ. Казалось бы, что жалобы безземельныхъ должны были привести хозяевъ прежде всего къ устраненію тѣхъ несправедливостей, которыя допускались въ ущербъ интересовъ безземельныхъ по раздачѣ запасныхъ земель. Но на дѣлѣ вышло иначе. Сознавая, что исключительная власть ихъ приближается къ концу, хозяева попытались только извлечь изъ своего положенія возможную выгоду. Въ этихъ видахъ они предположили окончательно раздать въ надѣлъ безземельнымъ весь остатокъ запасныхъ угодій, въ размѣрѣ $32^1/_2$ дес. на семью, разсчитывая, конечно, надѣлить этой землею своихъ ближнихъ родичей.

Правительство обратило тѣмъ временемъ самое серьозное вниманіе на вопросъ объ устройствѣ безземельнаго населенія южныхъ колоній. Собранныя по этому предмету, въ 1862 и 1863 гг., подробныя свѣдѣнія привели его къ убѣжденію, что здѣсь настоятельно необходимы неотложныя и коренныя мѣропріятія. Правительство поставило себѣ задачею, направить настоящее дѣло такимъ образомъ. чтобы, не насилуя и не нарушая существующихъ въ колоніяхъ поземельныхъ отношеній, достигнуть разрѣшенія вопроса безъ новыхъ со стороны казны пожертвованій въ пользу колонистовъ, дополнительный же земельный отводъ отъ казны допускать только въ видѣ исключительной, крайней мѣры тамъ, гдѣ сами общества будутъ положительно лишены всякой возможности иначе пристроить избытокъ своего населенія. Исходя изъ этихъ основныхъ соображеній, правительству оставалось мѣрами законодательными и административными содѣйствовать обществамъ въ устройствѣ ихъ быта на основаніяхъ, соотвѣтствующихъ современнымъ ихъ потребностямъ.

Прежде всего представилось необходимымъ приступить къ пересмотру законовъ о наслѣдованіи колонистовъ въ земляхъ и имуществѣ (ст. 169—179 уст. о кол.). Главная цѣль этой работы та, чтобы уничтожить несоотвѣтствующій обычаямъ поселенцевъ миноратъ въ наслѣдованіи хозяйствомъ, съ земельнымъ участкомъ, и допустить дробимость двора путемъ наслѣдованія, раздѣловъ и т. д., въ той мѣрѣ, въ какой измельченіе двора опытъ призналъ соотвѣтственнымъ мѣстнымъ хозяйственнымъ условіямъ. Вообще же предстоитъ согласовать, по возможности, эти законоположенія съ обычнымъ правомъ поселенцевъ. Проектъ предположенныхъ измѣненій былъ сообщенъ на предварительное обсужденіе и заключеніе главныхъ мѣстныхъ попечительствъ колоній, выборнаго ихъ

---

[1]) Ст. 156 уст. о кол., ч. 2, т. XII св. зак., изд. 1857 года.

начальства и самихъ обществъ. Населеніе повсюду встрѣтило проектъ съ полнымъ сочувствіемъ, какъ мѣру, необходимость которой давно уже сознавалась на мѣстахъ. Въ настоящее же время вопросъ этотъ разсматривается, сколько намъ извѣстно, путемъ законодательнымъ.

Далѣе настояла надобность достигнуть болѣе правомѣрнаго состава сельскихъ сходовъ. Настоящій вопросъ, сколько знаемъ, получитъ въ скоромъ времени окончательное разрѣшеніе въ законодательномъ же порядкѣ; а между тѣмъ, въ силу особаго высочайшаго повелѣнія 14 февраля 1866 г., допущены въ составъ сходовъ всѣ владѣльцы *двора*, независимо отъ того, имѣютъ-ли они полевой надѣлъ, или нѣтъ. На этомъ основаніи, по Молочанскому меннонитскому округу къ 1,612 хозяевамъ разомъ присоединились на сходахъ еще 1,493 малоусадебныхъ владѣльца (Anwohner'а).

Въ 1864 г. разрѣшено: тѣмъ изъ меннонитовъ и колонистовъ южнаго края Россіи, кои пожелаютъ, на основаніи общихъ правилъ [1]), водвориться въ областяхъ Амурской и Приморской, и на увольненіе коихъ изъ колонистскаго званія подлежащія общества, въ особо составленныхъ мірскихъ приговорахъ, изъявятъ согласіе, съ принятіемъ на себя до новой народной переписи всѣхъ подлежащихъ съ такихъ лицъ податей и повинностей, выдавать надлежащіе для проѣзда въ Восточную Сибирь виды, но не иначе, какъ обязавъ предварительно такихъ переселенцевъ подписками въ томъ, что, съ оставленіемъ колоній, они за себя и за своихъ потомковъ навсегда отказываются отъ присвоенныхъ имъ по нынѣшнему званію привилегій, и потому, въ случаѣ невыѣзда въ Сибирь, обязаны будутъ избрать родъ жизни на общемъ для податныхъ состояній основаніи [2]).

Въ январѣ 1865 г. утверждены и переданы мѣстному начальству особыя правила о выдачѣ колонистскимъ обществамъ и товариществамъ, а также отдѣльнымъ поселенцамъ южнаго края Россіи, долгосрочныхъ 6% ссудъ изъ принадлежащаго ихъ водворенію общественнаго капитала («капиталъ виннаго откупа» до 230 тыс. руб.), въ видахъ содѣйствія къ пріобрѣтенію и упроченію ими за собою земель въ Новороссійскомъ краѣ и Бессарабской области. (Приложеніе № 6).

Въ августѣ 1866 г. сдѣлано распоряженіе, чтобы при происходящей повѣркѣ земельнаго владѣнія южныхъ колоній принято было за правило не измѣнять границъ первоначальнаго надѣла; а если обнаружится въ составѣ данной колонистской дачи излишекъ земли противъ нормальнаго надѣла, то, не отбирая сего излишка, обязывать общества отводить изъ него болѣе состоятельнымъ изъ безземельныхъ семействъ усадебныя мѣста, въ размѣрѣ до одной дес. на каждое.

Независимо отъ выше приведенныхъ мѣропріятій, еще въ іюнѣ 1864 года, послѣдовало распоряженіе: обратить подъ водвореніе безземельныхъ

---

[1]) Высоч. утв. въ мартѣ 1861 г. правила о поселеніи въ Восточной Сибири русскихъ и иностранцевъ.

[2]) Высоч. утв. 21 іюля 1864 г. положеніе бывшаго сибирскаго комитета.

колонистовъ всѣ имѣющіяся при Молочанскомъ меннонитскомъ округѣ запасныя и овчаренныя земли, надѣляя каждую семью, согласно заключенію мѣстныхъ главнаго и выборнаго начальствъ и общества хозяевъ, по $32^1/_2$ дес., съ тѣмъ, чтобы общества вновь имѣющихъ образоваться поселенческихъ колоній не были стѣсняемы въ избраніи ими того или другого способа внутренняго между отдѣльными членами распредѣленія угодій; и б) объявить всѣмъ колонистскимъ обществамъ, что могутъ быть отведены подъ поселеніе желающихъ изъ колонистовъ свободные казенные участки, но не иначе, какъ на основаніи дѣйствующихъ для крестьянъ общихъ правилъ и на тѣхъ условіяхъ, въ зависимость отъ которыхъ поставленъ выпускъ колонистовъ изъ общества для водворенія въ Восточной Сибири.

Общій смыслъ всѣхъ этихъ мѣръ и распоряженій не могъ не убѣдить колонистовъ, что прошло время, когда имъ щедрою рукою давались и земли, и льготы, и различнаго рода преимущества, и что имъ слѣдуетъ искать разумнаго сближенія съ общимъ государственнымъ строемъ, разсчитывая только на свои собственныя матеріальныя средства и ожидая отъ правительства полной готовности содѣйствовать имъ лишь въ разумномъ обращеніи этихъ средствъ на общую и частную пользу поселенцевъ. Такая постановка вопроса возлагаетъ заботу объ устройствѣ безземельнаго населенія прежде всего на средства самихъ обществъ; и думаемъ, что мѣра эта вполнѣ справедлива. Извѣстная уже читателю ст. 159 уст. о кол. обезпечиваетъ за всѣми членами колонистскаго общества полную равноправность по землевладѣнію. Если же, въ силу личнообщинной системы, часть населенія не можетъ осуществить свое право на непосредственное пользованіе общественными угодьями, то тѣмъ не менѣе *право это остается за безземельнымъ населеніемъ колоніи въ принципѣ.* Отсюда истекаетъ прямая обязанность для хозяевъ, преимущественно владѣющихъ общественнымъ надѣломъ, изыскивать необходимые способы и средства для вознагражденія безземельныхъ за неосуществимое право ихъ на равномѣрное участіе въ пользованіи общественнымъ надѣломъ. Въ этомъ случаѣ, какъ сказано, существуютъ только два способа: или устроить безземельныхъ на сторонѣ, или произвести уравнительный передѣлъ угодій общественнаго владѣнія. Но послѣдній исходъ желателенъ и удобенъ только весьма условно и притомъ въ строго ограниченномъ размѣрѣ.

Съ своей стороны, безземельные Молочанскаго меннонитскаго округа не удовольствовались распоряженіемъ о заселеніи запасныхъ земель особыми колоніями. По настояніямъ ихъ, состоялось подробное на мѣстѣ дознаніе объ истинномъ положеніи дѣла, чрезъ особо командированнаго изъ Петербурга чиновника. Здѣсь, молочанскіе хозяева, будучи поставлены лицомъ къ лицу съ представителями безземельныхъ, положительно обнаружили, какъ трудно личные, своекорыстные интересы подчиняются насущнымъ, безусловно справедливымъ требованіямъ общаго благосостоянія. Здѣсь хозяева на нѣкоторое время забыли братскія отношенія и связи свои съ безземельными, нужды которыхъ при другихъ случаяхъ

выдвигаются ими всегда на первый планъ; здѣсь снова подтвердилось, что слово еще не дѣло, что можно трактовать безъ конца о любви къ ближнему, но въ то же время стремиться къ лишенію его даже тѣхъ правъ и выгодъ, которыя хотя и основаны на положительномъ законѣ, но стѣсняютъ до извѣстной степени наши ближайшія личныя выгоды.

Представители Anwohner'овъ и безземельныхъ, убѣждаясь въ недостаточности запасныхъ при округѣ земель (15 т. дес.) для уравнительнаго надѣла всѣхъ вѣрителей своихъ, признавали необходимымъ ограничиться, на первый разъ, надѣленіемъ только Anwohner'овъ, на томъ основаніи, что Anwohner'ы, ведя полуземледѣльческое, полупромысловое или ремесленное хозяйство, постоянно арендовывали тѣ самыя запасныя земли, объ отводѣ которыхъ въ надѣлъ шла рѣчь. Отдачею этихъ земель въ надѣлъ по $32^1/_2$ дес. на семейство устроилась бы судьба не болѣе 470 безземельныхъ или Anwohner'скихъ семействъ, а большинство остальныхъ сразу лишились бы всякой возможности удержать за собою свои усадьбы въ колоніяхъ. Отыскивая арендныя земли, по необходимости, вдали отъ мѣстъ жительства, имъ пришлось бы бросить свои дома въ колоніяхъ за безцѣнокъ и окончательно разориться. Напротивъ, передачу этихъ земель въ общее изъ мѣстъ водворенія пользованіе всѣмъ Anwohner'амъ (что составляло до 12 дес. на семью), представители безземельныхъ признали достаточнымъ обезпеченіемъ для того, чтобы рядомъ съ какимъ либо ремесломъ или промысломъ, добывать нужныя для семейства потребности и содержать необходимый для такого хозяйства скотъ. Въ подтвержденіе этихъ предположеній представители безземельныхъ приводили, что за усадебное мѣсто въ $^1/_2$ дес., еще не застроенное, Anwohner уплатилъ среднимъ числомъ около 100 руб. хозяину, отдѣлившему такое мѣсто изъ своей $1^1/_2$ десятинной усадьбы. Какъ владѣлецъ малаго двора, Anwohner обязанъ вносить, по внутренней раскладкѣ, поземельную ренту отъ одного до трехъ рублей ежегодно или въ пользу участковаго хозяина, или въ мірскую кассу. Сверхъ того, на семейство Anwohner'а, состоящее изъ трехъ рабочихъ [1]) и двухъ малолѣтнихъ душъ, упадаетъ податей и другихъ повинностей безъ малаго такая же сумма, какую уплачиваетъ половинный хозяинъ при $32^1/_2$ дес. надѣла, а именно: отъ 12 до 14 руб. въ годъ. Представители безземельныхъ предлагали: а) внутреннюю раскладку податей и повинностей установить не на число работниковъ, а на землю, такъ какъ, по ихъ убѣжденію, за всѣ сборы должна отвѣтствовать прежде всего земля; б) допустить Anwohner'овъ и вообще безземельныхъ къ непосредственному участію въ сходахъ, выборахъ на общественную службу, раскладкѣ податей, сборовъ и повинностей и т. д.; и в) для устройства участи тѣхъ безземельныхъ, которые не получатъ надѣла изъ запасныхъ земель, установить постоянный подесятинный сборъ на пріобрѣтеніе земель внѣ округа.

Выборное начальство и представители хозяевъ, съ своей стороны, признавали эти предположенія безземельныхъ не только неудобоисполни-

---

[1]) Напоминаемъ, что здѣсь рабочая душа означаетъ лицъ обоего пола отъ 14 до 60 лѣтъ.

мыми, но даже и вредными для интересовъ всего окружнаго общества. По объясненію ихъ, значительная часть Anwohner'скихъ усадебъ составляетъ собственность хозяевъ; слѣдовательно, заключали представители послѣднихъ, пріурочивая распредѣленіе запасной земли къ усадьбамъ согласно проекту безземельныхъ, надлежало бы надѣлить ею и хозяевъ. Между безземельными есть не мало значительныхъ купцовъ, изъ числа которыхъ нѣкоторые владѣютъ даже болѣе одной Anwohner'ской усадьбою; согласно проекту безземельныхъ, не малое количество земли должно было-бъ выпасть на долю этихъ, по мнѣнію представителей хозяевъ, безъ того достаточно обезпеченныхъ семействъ. Есть немалое число Anwohner'овъ, которые владѣли 65 дес. надѣломъ, но, продавъ свои хозяйства, доживаютъ свой вѣкъ въ Anwohner'скихъ домахъ на счетъ своихъ капиталовъ. Почему же и имъ не удѣлить земли наравнѣ съ прочими Anwohner'ами?.. иронически спрашивали представители хозяевъ. Семействъ до 300 Anwohner'овъ имѣлось на Молочнѣ такихъ, которые лишились своихъ 65 дес. хозяйствъ отъ несчастныхъ случаевъ, болѣе же по лѣни и нерадѣнію. «Эти-то люди—увѣряли представители хозяевъ—наиболѣе настаиваютъ на надѣлѣ безземельныхъ землей». Сюда же хозяева относили Anwohner'овъ, самовольно оставившихъ отцовское хозяйство, въ составѣ котораго они числятся по ревизіи и «могли бы имѣть полное обезпеченіе».

Достаточно приведеннаго, чтобы угадать сущность и тонъ дальнѣйшихъ возраженій хозяевъ. Доводы эти приводятся къ тому, что надѣлъ Anwohner'овъ въ предположенномъ размѣрѣ недостаточенъ для устройства и веденія «образцоваго» хозяйства; что общее стремленіе безземельныхъ къ владѣнію хотя какимъ нибудь клочкомъ земли—искусственно можетъ вовлечь въ земледѣліе и тѣхъ, которые занимаются ремеслами и промыслами, требующимися равнымъ образомъ «въ образцовомъ видѣ»; и что послѣдствіемъ удовлетворенія требованій безземельныхъ былъ бы упадокъ хозяйства, ремеслъ и промысловъ. Посему, для удовлетворительнаго разрѣшенія вопроса, хозяева видѣли одинъ только путь, а именно: «все братство молочанскихъ меннонитовъ, посредствомъ ежегодныхъ взносовъ, должно образовать особый капиталъ для покупки земель и устройства на нихъ избытка населенія—въ составѣ новыхъ колоній».

Хозяева основывались въ своемъ отзывѣ на вступительныхъ словахъ всемилостивѣйшей грамоты 1800 г. Отсюда они выводили, что дарованныя меннонитамъ права и преимущества положительно обязываютъ ихъ къ «домоводству образцовому», которое могло бы служить примѣромъ для другихъ сельскихъ состояній. Домогательства безземельныхъ шли, по увѣренію хозяевъ, въ разрѣзъ съ этимъ обязательствомъ братства. Что же касается допущенія безземельныхъ въ составъ сходовъ и болѣе справедливой раскладки сборовъ и повинностей, то представители хозяевъ предпочли вовсе не касаться этихъ вопросовъ. Мало того, весь отзывъ ихъ проникнутъ такимъ явнымъ раздраженіемъ и нерасположеніемъ къ нуждамъ безземельныхъ, что при такомъ настроеніи отъ нихъ нельзя было ожидать справедливаго и нелицепріятнаго содѣйствія въ этомъ дѣлѣ. Такъ на вопросъ, въ какомъ размѣрѣ хозяева готовы дѣлать взносы на состав-

леніе капитала для покупки земель, они предложили не болѣе 10 к. съ десятины ежегодно. Ограничиваясь этимъ сборомъ, округу потребовалось бы до 80-ти лѣтъ на пріобрѣтеніе для 2,000 сем. по 30 дес. на каждое. Наконецъ, по сущности всего дѣла казалось, что хозяева противились уравнительной раздачѣ Anwohner'амъ запасныхъ земель и настаивали на заселеніи этихъ земель самобытными колоніями еще и въ тѣхъ видахъ, чтобы вовсе удалить изъ округа всѣхъ или большинство Anwohner'овъ, однихъ при посредствѣ водворенія въ новыхъ поселеніяхъ, а другихъ лишеніемъ ихъ всякой возможности поддерживать свои хозяйства въ колоніяхъ, и такимъ путемъ сдѣлать невозможнымъ участіе этихъ людей въ сходахъ. Но правительство имѣло другой взглядъ на это дѣло. Оно не могло не убѣдиться, что безземельное населеніе колоній требуетъ устройства сколько само-по-себѣ, столько же и въ видахъ сохраненія собственно за хозяевами кореннаго водворенія возможности, впредь поддерживать свои хозяйства въ образцовомъ видѣ. Къ тому же вопросъ объ образцовомъ хозяйствѣ, въ смыслѣ обязательности его для меннонитовъ, можетъ имѣть значеніе развѣ только для хозяевъ; задаваться же имъ при устройствѣ быта безземельныхъ, едва ли умѣстно, тѣмъ болѣе, что настала пора для «образцовыхъ» по сіе время хозяевъ доказать на дѣлѣ, насколько они, а съ ними и самая система подворнаго пользованія землею, соотвѣтствуютъ конечнымъ результатамъ сельскаго устроенія. Настоящій выводъ прямо истекаетъ изъ послѣдующихъ правительственныхъ распоряженій.

Высочайшимъ повелѣніемъ 14-го февраля 1866 года было указано: 1) состоящія при Молочанскомъ меннонитскомъ округѣ запасныя земли, всего около 15 т. дес., отдать въ надѣлъ безземельнымъ семействамъ, по уравнительному распредѣленію между ними; 2) преимущества на таковой надѣлъ предоставить Anwohner'амъ, съ тѣмъ, чтобы какъ Anwohner'ы, такъ и вообще всѣ находящіеся нынѣ въ колоніяхъ владѣльцы половинныхъ или, если есть, болѣе дробныхъ участковъ допущены были, на точномъ основаніи закона (ст. 20 уст. о кол.), къ участію во всѣхъ дѣлахъ мірского схода; 3) для опредѣленія, кому изъ анвонеровъ слѣдуетъ отводить земляной надѣлъ, учредить временную коммисію изъ мѣстныхъ властей и представителей отъ хозяевъ и безземельныхъ, и 4) установленіе порядка пользованія запасными землями предоставить собственному усмотрѣнію и соглашенію тѣхъ семействъ, коимъ они поступятъ въ надѣлъ.

Передавая попечительному комитету, въ Одессѣ, настоящее высочайшее повелѣніе для исполненія, министерство государственныхъ имуществъ предписывало между прочимъ: а) излишнія земли, могущія оказаться въ надѣлѣ старыхъ колоній подъ наименованіемъ неудобныхъ, причислить къ общему каждой колоніи выгону; б) по вопросу объ установленіи въ молочанскомъ округѣ постояннаго съ земли сбора на покупку земель для безземельныхъ, внушить на мѣстѣ обществамъ, что дополнительнаго отъ казны надѣла они не получатъ; что поэтому, на обязанности самихъ обществъ лежитъ изысканіе тѣхъ денежныхъ средствъ, которыя необхо-

димы для окончательнаго устройства безземельнаго ихъ населенія, и что предположенный на этотъ предметъ сборъ, по 10 к. съ дес., не соотвѣтствуетъ ни степени состоятельности хозяевъ, ни существующей настоятельной потребности, въ особенности въ виду значительныхъ затратъ, дѣлаемыхъ на разселеніе менѣе состоятельными колонистскими обществами Саратовской губ.; в) пригласить за тѣмъ общества Молочанскаго меннонитскаго округа, мірскими приговорами, установить выше упомянутый сборъ въ большемъ, по возможности, размѣрѣ; и г) Высочайшее повелѣніе 14-го февраля 1866 г. и настоящія указанія примѣнять, если не встрѣтится особыхъ мѣстныхъ препятствій, при передачѣ безземельнымъ въ пользованіе запасныхъ участковъ въ другихъ округахъ. Такимъ образомъ, по Молочанско-меннонитскому округу, уже съ 1866 г., запасныя земли поступили въ надѣлъ, по 12 дес. на семью, къ 1,304 малоусадебникамъ и безземельнымъ семействамъ.

Наконецъ, въ 1868 году, рѣшено — съузить пролегающіе чрезъ Молочанскій меннонитскій округъ солевозные тракты съ 700 до 300 саж. ширины, а освобождающуюся, вслѣдствіе того, землю (до 6,000 десятинъ) передать меннонитамъ. Послѣдніе, сколько знаемъ, предполагаютъ воспользоваться этими угодьями для сближенія съ усадьбами 12-ти десятиннаго надѣла анвонеровъ, а участки, имѣющіе образоваться по окончаніи этого обмѣна, обратить однажды на всегда въ мірскія статьи окружного общества, съ тѣмъ, чтобы доходы съ нихъ были употребляемы исключительно и безусловно на устройство, внѣ округа, избытка его населенія.

X.

Тѣмъ временемъ религіозная распря шла своимъ чередомъ. Мы сказали, что первый зачатокъ и корень подобныхъ движеній въ массахъ, въ какой бы формѣ они не выражались, нужно прежде всего искать въ недовольствѣ массъ своимъ экономическимъ бытомъ. Всѣ религіозныя движенія всегда будутъ шире и сильнѣе тамъ, гдѣ распредѣленіе въ частности наличныхъ матеріальныхъ средствъ и способовъ общества (т. е. въ сельскомъ быту — земель), достигло наибольшей неуравнительности. Исключенія въ этомъ отношеніи составляютъ отдѣльныя личности, но массы — никогда.

Съ появившимся среди меннонитовъ новымъ религіознымъ братствомъ мы разстались въ моментъ, когда оно обращалось за защитою къ правительству. Это было въ 1862 году. Въ то время, какъ намъ извѣстно, безземельное населеніе напрасно толкалось за помощью во всѣ стороны; но оно приходило уже къ болѣе или менѣе ясному сознанію своей программы.

Ходатай Нüрſеr'овъ, въ поданной въ маѣ 1862 г. на высочайшее имя запискѣ, говоритъ между прочимъ, что право каждаго меннонита оставлять несоотвѣтствующее его религіознымъ убѣжденіямъ приходское общество и присоединиться къ другому, или образовать даже новое, не можетъ подлежать сомнѣнію. Русское законодательство этого предмета, какъ отно-

сящагося до внутренняго церковнаго благочинія, вовсе не касается; а Евангеліе, и основанное на немъ ученіе Менно Симонса, поставляютъ подобное выдѣленіе, при данныхъ условіяхъ, даже въ непремѣнную обязанность каждаго истинно вѣрующаго. На томъ же началѣ основанъ и долгъ, или право, самой церкви отлучать отъ *духовнаго общенія* своихъ нечестивыхъ членовъ. Подтвердивъ это обстоятельство примѣромъ выдѣленія, на Молочнѣ, изъ состава существовавшихъ приходовъ—братствъ: Лихтенаускаго (изъ Орловскаго прихода) и Малаго (еще до 20-хъ годовъ изъ разныхъ приходовъ), которые равнымъ образомъ подвергались долгое время преслѣдованіямъ, но отстояли свою самобытность, уполномоченный Гюнферовъ объясняетъ образованіе своего братства слѣдующимъ образомъ: «Въ послѣдніе годы, дѣйствіемъ Духа Божія, проявилась среди меннонитовъ потребность — съ полнымъ усердіемъ искать душевнаго спасенія. Прилежнѣе прежняго, многіе стали читать священное писаніе; это чтеніе подкрѣпляло ихъ въ твердомъ намѣреніи—и въ вѣрѣ и въ жизни неуклонно слѣдовать ученію Евангелія. Съ тѣмъ вмѣстѣ, обнаружился настоящій нравственно-религіозный упадокъ нашихъ обществъ; истиннаго евангельскаго помысла, которому меннонитское имя единственно обязано своею старинною славою, тамъ уже мало оказывается. Кромѣ того, къ сожалѣнію и удивленію нашему, мы сознали, что церковное благочиніе, будучи низведено до пустого, мертваго формализма, оказываетъ явно порочной жизни такое снисхожденіе, которое, по ученію церкви, не должно быть терпимо. Все это дѣлалось предметомъ разговоровъ и размышленій, особенно со стороны болѣе серьезныхъ людей. Они признали ясно и положительно, что такое состояніе нашихъ обществъ не соотвѣтствуетъ ни Евангелію, ни постановленіямъ Менно Симонса. Естественнымъ послѣдствіемъ сего было образованіе нами отдѣльнаго прихода, съ цѣлью, собственнымъ примѣромъ возстановить среди остальныхъ единовѣрцевъ нашихъ прежнее, потраченное благочестіе и благочиніе какъ въ церкви, такъ и въ частной жизни. Но большинство духовныхъ старшинъ усмотрѣли въ настоящемъ фактѣ лишь прямое себѣ оскорбленіе и подрывъ ихъ личнаго авторитета. Они рѣшились всѣми силами воспротивиться самобытности новаго прихода, который, тѣмъ временемъ, какъ выраженіе глубоко сознанной многими нравственно-религіозной потребности, пріобрѣтаетъ все болѣе сочувствія и послѣдователей».

Еще въ мартѣ 1860 г. духовные старшины старыхъ приходовъ, на предложенные со стороны мѣстнаго колоніальнаго начальства вопросы касательно Пürger'овъ, дали различные отзывы. «Направленіе этихъ людей—говорилъ орловскій старшина Іоганъ Гардеръ — выражается въ стремленіи и желаніи, на общихъ всѣмъ меннонитамъ догматахъ и вѣрованіяхъ, образовать отдѣльное общество, и, во имя высочайше дарованной меннонитамъ свободы совѣсти, жить сообразно ихъ вѣрованіямъ, среди остальныхъ меннонитскихъ обществъ, въ надеждѣ возстановить собою лучшее благоустройство. Оставаясь неуклонно вѣрными этой цѣли, они никакими дурными послѣдствіями для цѣлаго братства не угрожаютъ. Средствомъ же къ отклоненію этихъ людей отъ намѣренія образовать от-

дѣльный приходъ—представляется одно: мы всѣ, съ полною рѣшимостью, должны жить по закону Божію; церковное благочиніе наше должно быть возстановлено, а братству нашему слѣдуетъ исправиться; къ чему да подастъ намъ Господь, по благости своей, крѣпкую волю и достаточную силу. Если же кто окажется достойнымъ наказанія, то братству во Христѣ должно служить правиломъ и руководствомъ ученіе Евангелія: отлучать отъ братства и не имѣть съ отлученпымъ соотношенія, пока не раскается (bis er schamroth werde)».

Совершенно противноположное мнѣніе высказывали остальные старшины, по постановленію которыхъ Hüpfer'ы были уже отлучены отъ церкви. По объясненію ихъ, направленіе «этихъ заблудшихъ членовъ» существенно слѣдующее: «Они понимаютъ, объясняютъ и примѣняютъ Св. Писаніе одностороннимъ образомъ, утверждая, что ихъ пониманіе и примѣненіе отдѣльныхъ текстовъ исключительно вѣрны, вслѣдствіе чего не внимаютъ ни чьему руководству и поученію. Не почитая установленнаго церковнаго благочинія и устройства, они признаютъ ихъ за учрежденія человѣческія и утверждаютъ, что въ этомъ отношеніи должно повиноваться Богу больше, нежели людямъ, чему и послѣдовали, пріобщившись въ частномъ домѣ св. Таинъ. Однихъ себя они почитаютъ за истинныхъ христіанъ, объявляя цѣлое меннонитское братство дошедшимъ до окончательнаго упадка и служенія духу тьмы». Изъ этого главнаго направленія Hüpfer'овъ, а также изъ способа отреченія ихъ отъ существующихъ приходовъ, старшины заключали, что «о спокойномъ съ ними сожительствѣ и думать нельзя», и что, «въ случаѣ признанія за ними права на существованіе среди колоній въ видѣ свободнаго церковнаго общества, должно ожидать одни раздоры и безпорядки, тѣмъ болѣе, что нельзя надѣяться, чтобы они остановились на настоящей точкѣ ихъ фанатическихъ лжеубѣжденій. Напротивъ, будучи предоставлены самимъ себѣ, они сдѣлаютъ, вѣроятно, еще большіе успѣхи въ своемъ фанатизмѣ». Смотря на этихъ людей не иначе, какъ на отщепенцевъ, и предвидя возможность брачныхъ союзовъ между ними и другими меннонитами, старшины опасались въ будущемъ «самаго прискорбнаго раздора въ семейномъ быту» и, сверхъ того, неутомимой пропаганды, которая, «дѣйствуя подъ личиною истиннаго христіанскаго благочестія, можетъ совратить съ пути многихъ невинныхъ и благомыслящихъ меннонитовъ». По такимъ соображеніямъ, большинство старшинъ отказали въ своемъ согласіи на существованіе Hüpfer'овъ въ составѣ особаго прихода.

Между тѣмъ, окружной приказъ, получивъ приговоръ церковнаго конвента объ отлученіи Hüpfer'овъ отъ церкви, далъ сельскимъ управленіямъ всего Молочанскаго округа слѣдующее циркулярное предписаніе: «По поводу того, что нѣкоторые члены молочанскихъ меннонитскихъ обществъ, возъимѣли дерзость пріобщиться св. Таинъ, въ колоніи Елизаветсталѣ, въ частномъ собраніи, и, не взирая на сдѣланныя имъ увѣщанія, не оставляютъ своихъ ошибочныхъ убѣжденій, а, напротивъ, отказались письменно отъ подлежащихъ церковныхъ обществъ своихъ, съ цѣлью образовать отдѣльный приходъ, и принимая во вниманіе, что они имѣютъ

частныя сходбища, окружной приказъ, руководствуясь ст. 362 улож. о нак. изд. 1857, въ силу которой: учредители и главы тайныхъ обществъ, которыя хотя бы не имѣли вредной цѣли, но особыми постановленіями и распоряженіями воспрещены, подвергаются заключенію въ крѣпости на время отъ 6 мѣсяцевъ до одного года, а члены подобныхъ обществъ, въ случаѣ, что запретъ имъ былъ извѣстенъ, подлежатъ аресту на время отъ 7 дней до 3 недѣль, — строжайше предписываетъ сельскимъ приказамъ, имѣть бдительнѣйшее наблюденіе, чтобы упомянутыя и другія лица вновь не имѣли въ колоніяхъ, по частнымъ домамъ, какихъ-либо въ религіозномъ смыслѣ сборищъ. Сельскіе приказы обязываются доводить объ изложенномъ до всеобщаго свѣдѣнія, а ослушниковъ, равно и дозволившихъ въ своихъ домахъ подобныя сборища хозяевъ, хотя бы послѣдніе и не принадлежали къ новому братству, представлять, безъ замедленія и подъ личною отвѣтственностью приказовъ, на дальнѣйшее распоряженіе окружнаго приказа».

О послѣдствіяхъ этихъ мѣръ не будемъ распространяться. Характеръ ихъ очевиденъ: онѣ, какъ сказано въ просьбѣ уполномоченаго Hüpfer'овъ, были до того стѣснительны для членовъ новаго прихода, что должны были повести къ полному разоренію ихъ хозяйственнаго быта. Теперь понятно, если Hüpfer'ы ожидали защиты только отъ правительства. И дѣйствительно; послѣднее не замедлило распорядиться въ томъ смыслѣ, что церковное отлученіе ни въ какомъ случаѣ не должно сопровождаться стѣсненіемъ гражданскихъ правъ и преслѣдованіями полицейской власти. Въ отношеніи же признанія новаго прихода встрѣтились затрудненія, такъ какъ наше законодательство вовсе не касается догматической стороны меннонитскаго ученія. Представился вопросъ: которую изъ обѣихъ партій должно считать сектою, уклонившеюся отъ гарантированнаго закономъ меннонитскаго толка? Но вдаваться въ обсужденіе этого вопроса — не въ духѣ нашего законодательства, требующаго отъ иновѣрческихъ религіозныхъ обществъ въ догматическомъ отношеніи только одного, чтобы въ извѣстномъ ученіи не заключалось ничего противнаго основнымъ началамъ христіанства, нравственности и гражданскаго благоустройства. При такой постановкѣ дѣла, сами Hüpfer'ы указали лучшій исходъ изъ затрудненія. Видя, что имъ, какъ меньшинству, трудно выдержать борьбу съ противниками, они, еще до начала ходатайства предъ высшимъ правительствомъ о терпимости ихъ прихода, обращались на Кавказъ о надѣлѣ ихъ тамъ участкомъ земли. Къ счастію, кавказское намѣстничество признало возможнымъ отвести имъ на 100 сем. 6,500 дес. на р. Зеленчукѣ въ Кубанской области, а за тѣмъ и министерство государств. имуществъ поспѣшило дать свое согласіе на переходъ туда этихъ людей. Выселеніе ихъ состоялось въ 1864—1866 г.; но, какъ слышно, водвореніе на новомъ мѣстѣ затрудняется, съ одной стороны, крайне неблагопріятнымъ вліяніемъ на поселенцевъ климатическихъ условій края, а съ другой, незнакомствомъ ихъ съ мѣстною культурою. Не подлежитъ однако сомнѣнію, что для такихъ колонизаторовъ, каковы меннониты, означенныя затрудненія лишь временныя.

Настоящее выселеніе, удаливъ изъ среды меннонитовъ главнѣйшихъ ревнителей Hüpfer'скаго толка, значительно умѣрило здѣсь религіозную распрю. Въ послѣднее время обнаруживались однако снова факты, доказывающіе, что секта, по прежнему продолжаетъ существовать, и даже распространяется не только у меннонитовъ, но и въ протестанскихъ колоніяхъ, находя особенно легко приверженцевъ среди безземельнаго населенія. Между тѣмъ правительство окончательно убѣдилось, что возводимыя на Hüpfer'овъ обвиненія въ безнравственности, неповиновеніи властямъ и т. п. не подтверждаются фактами, и что, въ догматическомъ отношеніи, сектанты эти принадлежатъ къ толку анабаптистовъ, коихъ ученіе имѣетъ съ меннонитскимъ общее начало и не заключаетъ въ себѣ ничего вреднаго или противнаго нравственности и гражданскому порядку. Но если такимъ образомъ не было и нѣтъ причины преслѣдовать этихъ людей за ихъ вѣрованія, то тѣмъ не менѣе пребываніе ихъ въ колоніяхъ продолжаетъ мѣстами вызывать болѣе или менѣе ожесточенныя распри, вліяющія неблагопріятно на хозяйственный успѣхъ и спокойствіе населенія. Вслѣдствіе того, и по поводу ходатайства многихъ изъ поселенцевъ южнаго края Россіи о дозволеніи и имъ переселиться на Кавказъ, тамошнее намѣстническое управленіе признало возможнымъ принять къ поселенію въ Ставропольской губерніи до 2,000 колонистскихъ семействъ. Выселеніе этихъ людей не замедлитъ разомъ оживить значительную часть Ставропольскихъ степей, а южнымъ колоніямъ оно принесетъ осязательное облегченіе, тѣмъ болѣе, что, по всей вѣроятности, правомъ переселенія воспользуютя, въ числѣ другихъ, особенно сектаторы.

Наконецъ, какъ сказано рядомъ съ Hüpfer'ами явился въ молочанскихъ меннонитскихъ колоніяхъ еще другой толкъ: «Іерусалимскихъ друзей», котораго главными руководителями признаются упомянутые уже меннониты, братья Іоганъ и Фридрихъ Ланге. Оба Ланге, принадлежа къ разряду безземельныхъ, посвятили себя народному обученію и имѣютъ дипломы на званіе домашняго учителя. Старшій, Іоганъ, года три провелъ въ Виртембергскомъ королевствѣ, въ одной изъ тамошнихъ учительскихъ семинарій. Это послѣднее обстоятельство, и особенно женитьба Іогана Ланге на лютеранкѣ изъ Виртемберга, подали поводъ къ неудовольствіямъ со стороны прочихъ меннонитовъ, по убѣжденію которыхъ смѣшанный бракъ долженъ сопровождаться совершеннымъ выходомъ сочетавшагося изъ состава меннонитскаго братства и его обществъ [1]). Къ тому же, братья Ланге, какъ люди замѣчательныхъ способностей, съ весьма удовлетворительнымъ образованіемъ и развитіемъ, не могли не пріобрѣсти значительнаго вліянія на людей своей партіи, т. е. на безземельныхъ. Обстоятельство это окончательно возстановило противъ нихъ большинство хозяевъ и ихъ представителя—выборное начальство. Нако-

---

[1]) Отецъ Ланге—владѣлецъ 65 дес. хозяйства—продалъ-было сыну изъ своего участка анвонерскую усадьбу; но общество не утвердило этой сдѣлки, на томъ основаніи, что «Іоганъ Ланге, какъ женившійся на лютеранкѣ и посему не принадлежащій къ меннонитскому братству, не можетъ владѣть землею въ колоніи».

нецъ, когда Ланге, съ своими приверженцами, тоже возстали противъ «самозванной консисторіи» и, выдѣлившись въ особый приходъ, были избраны послѣднимъ въ должности: одинъ—проповѣдника, а другой—учителя; когда новое братство учредило свою особую школу, пріобрѣвшую вскорѣ всеобщую извѣстность и довѣріе, тогда озлобленіе противъ нихъ достигло крайнихъ предѣловъ. Выборное начальстно не затруднилось даже всячески выставлять предъ правительствомъ дѣятельность бр. Ланге въ самомъ неблагопріятномъ свѣтѣ. Церковный конвентъ и окружный приказъ доказывали, что секта «Іерусалимскихъ друзей», которыхъ центръ въ Виртембергѣ, имѣетъ конечною цѣлью—совершенное переустройство не только существующихъ христіанскихъ церквей, но и всего соціальнаго быта; что, вслѣдствіе того, послѣдователи этого ученія относятся враждебно къ установленнымъ властямъ; что подобныя тенденціи Ланге проводятъ и въ учрежденной ими школѣ, развращая ввѣряемое имъ юношество и т. д. Они требовали совершеннаго удаленія бр. Ланге, если не изъ Россіи, то изъ среды меннонитскихъ колоній, для спокойствія которыхъ дальнѣйшее пребываніе этихъ людей, будто бы, не безопасно. Всѣ эти тяжкія обвиненія не подкрѣплялись и, по видимому, не могли быть подтверждены фактическими доказательствами. Къ тому же меннонитское общество, еслибъ признало бр. Ланге дѣйствительно вредными для себя, имѣло возможность удалить ихъ изъ своей среды по общественному приговору (ст. 468 уст. о кол. ч. 2 т. XII св. зак.), что имъ однако не сдѣлано. Наконецъ, представленныя самими Ланге объясненія и письменное изложеніе догматовъ ихъ ученія ставятъ внѣ сомнѣнія, что и въ этомъ случаѣ выборное начальство меннонитовъ руководилось, по преимуществу, побужденіями религіозной нетерпимости и вообще духомъ партіи.

Какъ ни интересны всѣ подробности борьбы между церковнымъ конвентомъ и сектантами, но изложеніе ихъ завлекло бы насъ слишкомъ далеко. Для полной характеристики общества «Іерусалимскихъ друзей» и его стремленій, обратимся еще разъ къ запискѣ бр. Ланге и ихъ товарищей, поданной ими 6 апрѣля 1863 года, съ одной стороны, конвенту, а съ другой — своему прежнему приходскому обществу. «Цѣлью пребыванія на землѣ Іисуса Христа—сказано въ этой запискѣ—было творить волю Того, кѣмъ онъ былъ присланъ, и завершить Его дѣло. Это великое дѣло могъ выполнить только Сынъ; оно состоитъ въ возстановленіи на землѣ царства Божія, или, по собственнымъ словамъ Христа, въ томъ, чтобы человѣчество соединить въ единое стадо съ единымъ пастухомъ. Со своей стороны, Онъ совершилъ все для достиженія этой цѣли и, побѣдивъ всѣ препятствія Своею смертью, подчинилъ себѣ царство Божіе и на небѣ, и на землѣ, а ученикамъ своимъ оставилъ наказъ — призывать въ это царство всѣ народы и поучать ихъ исполненію его законовъ. Слѣдуя сему наказу неуклонно, апостолы и всѣ послѣдователи Спасителя и духомъ, ихъ воодушевлявшимъ, и дѣлами, которыя они творили, дали наглядные примѣры тому, чѣмъ долженъ быть истинный гражданинъ царства Божія, вѣрный подданный Христа. Проповѣдь первыхъ христіанъ звучала во всѣхъ извѣстныхъ въ то время земляхъ; но постепенно тьма снова

стала усиливаться, и съ того времени чрезъ всю исторію церкви проходитъ непримиримая борьба тьмы со свѣтомъ. Побѣда клонилась то въ одну, то въ другую сторону. Однако Господь Богъ не отступился отъ цѣли—утвердить на землѣ Свое царствіе. Доказательствомъ тому слова: «да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли». Слѣдовательно, и на насъ, нынѣ живущихъ, лежитъ святая обязанность: «ищите прежде царства Божія и правды Его». Само собою понятно, что нашими вѣрнѣйшими руководителями могутъ и должны служить апостолы и пророки. «Подражайте, братья, мнѣ, говоритъ апостолъ Павелъ, и смотрите на тѣхъ, которые поступаютъ по образу, какой имѣете въ насъ» (къ Филип. 3, 17). Вотъ почему мы не можемъ, не вправѣ ограничивать честную богоугодную жизнь лишь тѣснымъ кругомъ нашихъ семействъ. Уступая высшему призванію, мы стремимся осуществить слова Спасителя и ревнуемъ о сліяніи въ единое стадо *всѣхъ* вѣрующихъ, жаждущихъ подчиненія единому пастырю—Іисусу Христу». Дальше не будемъ слѣдовать ни крайне пространному развитію тѣхъ же, только что высказанныхъ мыслей, ни разсказу о несправедливостяхъ конвента, имѣвшихъ послѣдствіемъ образованіе новыхъ приходовъ. Остановимся только на слѣдующихъ четырехъ тезисахъ, объясняющихъ сущность стремленій іерусалимскихъ друзей, и понятіе ихъ о компетенціи церковнаго конвента.

«Всякій вѣрующій во Христа, *гласитъ первый тезисъ*, путемъ исканія и молитвы, можетъ и долженъ обрѣсти тѣ силы духа, которыми были одарены апостолы и пророки. Необходимо признать, что всѣмъ временамъ, неисключая и нынѣшнихъ, дана возможность, вѣрою во Спасителя, обрѣтать въ средѣ общинъ апостоловъ и пророковъ, съ властью творить чудеса и исцѣлять больныхъ, ибо Іисусъ Христосъ и сегодня, и завтра—во вѣки неизмѣненъ. Сущность христіанства такова, что, постоянно развиваясь, оно содѣйствуетъ личному и общественному успѣху до той поры, когда мы всѣ, безъ исключенія, сольемся въ единой вѣрѣ, въ одномъ общемъ познаваніи сына Божія; когда мы возмужаемъ и станемъ въ уровень съ идеаломъ послѣдователя Христа». *Вовторыхъ*, «по благому божественному помыслу, это славное, блаженное состояніе на землѣ должно охватить не отдѣльныя лишь личности, но все человѣчество; особенно ясно выражено это (Ерем. 31, 34 и посл. къ колосіянамъ 1, 28—29)». *Втретьихъ*, для того, чтобы «все человѣчество выступило на этотъ путь развитія, необходимо возстановить истинное богослуженіе по духу и истинѣ, создавъ для всего міра центральное святилище, въ которомъ получались бы непосредственныя откровенія Божества. Возстановленіе такого святилища было задачею Христа, что доказываютъ Марк. 11,17 и Исаія 56, 7». *Вчетвертыхъ*, «по словамъ пророковъ, мѣстомъ этого святилища является Іерусалимъ, какъ видно изъ приведенныхъ уже текстовъ, а также у пророка Есекіила главы 40 по 48».

Нѣтъ сомнѣнія, что такія вѣрованія, чѣмъ они искреннѣе, тѣмъ легче могутъ увлечь своихъ адептовъ на скользкій путь религіознаго фанатизма. Преслѣдованія и насилія—вотъ вѣрнѣйшія средства довести настроенныхъ такимъ образомъ людей до экзальтаціи, до состоянія, подъ

вліяніемъ котораго человѣкъ спокойно и весело восходитъ на костеръ, склоняется подъ плаху и безропотно выноситъ жесточайшія пытки. И зная братьевъ Ланге лично; убѣдившись въ ихъ разностороннемъ развитіи и здравомъ сужденіи о всевозможныхъ вопросахъ практической жизни, намъ рѣшительно не вѣрилось, чтобы такіе люди, не будучи мономанами, могли серьозно быть заняты созданіемъ изъ себя пророковъ, апостоловъ, одаренныхъ силою творить чудеса, исцѣлять больныхъ, сооружать для міра новый храмъ въ Іерусалимѣ и сплотить человѣчество въ единое стадо, въ гражданъ царства Божія на землѣ. Правда, эти идеи высказывались ими еще въ 1863 году; мы же встрѣтились съ представителями ихъ около четырехъ лѣтъ спустя, когда борьба съ конвентомъ успѣла уже значительно отрезвить іерусалимскихъ друзей и братья Ланге обнаруживали уже такое убѣжденіе, что «храмъ въ Іерусалимѣ» не слѣдуетъ принимать буквально, такъ какъ ихъ заявленіе 1863 года есть не иное что, какъ «продуктъ броженія молодого вина, не успѣвшаго еще ни перебродить, ни устояться». Тѣмъ не менѣе отношенія секты къ остальнымъ меннонитскимъ старшинамъ мало измѣнились. «Какъ церковный конвентъ, *въ настоящемъ значеніи его,* — заканчиваютъ братья Ланге свое заявленіе 1863 г.—есть учрежденіе, противорѣчащее порядкамъ и установленіямъ меннонитскаго братства; какъ къ тому же онъ слѣдуетъ по пути, который поведетъ нашъ народъ все къ бо̀льшимъ раздорамъ и разстройству, бросая на него тѣнь предъ правительствомъ; и какъ конвентъ, самъ обуреваемый внутренними несогласіями, долженъ распасться (Матѳ. гл. 12, ст. 26), то, не признавая себя обязанными впредь подчиняться его власти, мы рѣшились пользоваться гарантированною намъ закономъ свободою вѣры, какъ добрые христіане, и жить въ мирѣ и покоѣ. Нашъ церковный конвентъ есть слово Божіе и основанное на немъ приходское устройство, съ правилами и порядками по духовному разумѣнію. Пріемъ въ наше общество иновѣрной иностранки (жены Ланге) мы совершили съ полнымъ сознаніемъ нашего права, не противорѣчащаго общимъ законамъ имперіи. Крещеніе младенцевъ мы не можемъ отвергнуть, такъ какъ въ нашихъ меннонитскихъ общинахъ таинство это совершается превратно надъ непокаявшимися и богохульствующими невѣждами, которые нерѣдко въ тотъ же день топчутъ эту благодать ногами. Мы неуклонно держимся того правила, что человѣкъ прежде всего долженъ быть воспитанъ въ помыслахъ и путяхъ Всевышняго, и за тѣмъ только, если въ немъ обнаружится сознательно-серьозное стремленіе къ пріобрѣтенію небеснаго блаженства, только въ такомъ случаѣ мы удостоиваемъ его окрещенія во имя св. Троицы, по повелѣнію Іисуса Христа. Но кто однажды окрещенъ, для того воды достаточно; тутъ требуется уже окрещеніе не водой, а огнемъ»; и т. д.

«Мы основываемъ наше ученіе и устройство нашего общества—поясняли братья Ланге правительству въ 1867 году — на священномъ писаніи стараго и новаго завѣта, которое признаемъ за откровеніе Божіе и источникомъ всего святого. Символъ вѣры, установленный на Никейскомъ соборѣ, служитъ основаніемъ нашего ученія. Мы обращаемъ осо-

бенное вниманіе на 2-е посланіе Петра гл. 1, ст. 19, въ которомъ апостолъ указываетъ на опасность отъ антихриста и на средства противъ него, заключающіяся въ бдѣніи, молитвѣ и неуклонномъ исполненіи заповѣдей Спасителя. За образецъ устройства нашего общества мы принимаемъ первую христіанскую общину, какъ она описана въ главахъ 12, 13 и 14, 1 посл. къ кориноянамъ. По примѣру этой общины, мы избираемъ себѣ старшину и наставника изъ способнѣйшихъ и наиболѣе добродѣтельныхъ мужей, а эти послѣдніе, согласно дѣяніямъ Апост. 14, 23, выбираютъ сами старѣйшинъ и учителей. Наше богослуженіе состоитъ въ подражаніи примѣру Спасителя и основано на посл. къ римл. гл. 12, ст. 1: «Итакъ, умоляю васъ, братія, милосердіемъ Божіимъ, предоставьте тѣла ваши въ жертву живую, святую, благоугодную Богу», и т. д. Мы жертвуемъ наше тѣло и всѣ наши помышленія на исполненіе воли Всевышняго. Для возбужденія насъ къ такому настроенію, мы имѣемъ публичныя собранія, въ которыхъ избранныя обществомъ и освященныя духомъ лица произносятъ проповѣди... «И пророки пусть говорятъ двое или трое, а прочіе пусть разсуждаютъ; если же другому изъ сидящихъ будетъ откровеніе, то первый молчи. Ибо всѣ одинъ за другимъ можете пророчествовать, чтобы всѣмъ поучаться и всѣмъ получить утѣшеніе». (1 посл. къ коринѳ. 14, 29—31). Браки совершаются въ присутствіи общества предъ Богомъ; дѣти, согласно посл. къ коринѳ. 7, 14, по рожденію принадлежатъ къ обществу и представляются въ собраніи Господу Богу, получая при этомъ благословеніе. Въ виду споровъ о томъ, кого слѣдуетъ крестить: дѣтей или взрослыхъ, и не вполнѣ яснаго разрѣшенія этого сомнѣнія со стороны св. Писанія, мы предоставляемъ на волю родителей избрать тотъ или другой путь. Но мы убѣждены, что крещеніе должно сопровождаться полнымъ освященіемъ духомъ Христовымъ, что безъ этого окрещеніе и дѣтей, и взрослыхъ не достигаетъ цѣли. Пріобщеніе св. тайнъ совершаетъ въ общихъ собраніяхъ наставникъ. Впрочемъ, согласно дѣян. Апост. 2, 26, причастіе допускается и въ малыхъ собраніяхъ, если въ томъ встрѣтится надобность. Уходъ за больными, согласно дѣян. Апост. 5, 14—18, лежитъ на особенной обязанности старѣйшинъ общества. О свѣтской власти мы убѣждены, что нѣтъ власти, которая не была бы отъ Бога, и что гдѣ власть, тамъ она установлена Богомъ (къ Римл. 13, 42). На этомъ основаніи мы повинуемся власти во всемъ, что не противорѣчитъ ясному и откровенному слову Божію. Присягу мы, по словамъ еванг. Матѳ .5, 34, 37 и Іоанна 5, 12, считаемъ воспрещенною, но обязуемся во всѣхъ случаяхъ говорить по чистой совѣсти и ничего не утаивать. Воспитаніе дѣтей составляетъ, по нашему убѣжденію, важнѣйшую потребность общества. Для того существуетъ при нашемъ обществѣ учебное заведеніе, имѣющее цѣлью не только обогатить умъ дѣтей разными свѣдѣніями и познаніями, но и сдѣлать ихъ нравственными, набожными и дѣльными членами общества, съ здоровымъ тѣломъ и чистою душою. Изъ училища дѣти должны вынести убѣжденіе, что ихъ назначеніе вести жизнь справедливую, Богу угодную и людямъ полезную».

Приведенное оффиціальное изложеніе догматовъ нашихъ «Іерусалимскихъ друзей», какъ само собою разумѣется, еще не вполнѣ исчерпываетъ совокупность современнаго міровоззрѣнія секты. Болѣе точное понятіе объ этомъ предметѣ мы найдемъ въ «письмѣ одного изъ меннонитовъ южной Россіи», появившемся въ № 39 нѣмецкаго «с.-петербургскаго недѣльнаго листка» за 1867 годъ [1]. «Меннониты—объясняетъ авторъ письма—и до сего времени именуются этимъ именемъ *только* потому, что общины ихъ исторически происходятъ отъ Менно Симонса, имя котораго присвоили себѣ ихъ отцы. На самомъ дѣлѣ, *почти всѣ* меннониты (у насъ и за границею) въ догматическомъ отношеніи сблизились съ другими конфессіями на столько, что за *чисто* меннонитскій элементъ стоитъ только ничтожное меньшинство. У нихъ почти нельзя найти ни слѣда основного ученія нашего реформатора, ни признаковъ общепринятой и однообразно примѣняемой системы вѣроученія. Меннониты въ Америкѣ давно уже вышли изъ тѣсныхъ рамокъ замкнутости. Издаваемая ими газета «христіанскій всемірный вѣстникъ» (Christlicher Weltbote), одною фирмою своею, ставитъ внѣ сомнѣнія, что направленіе тѣхъ умовъ ведетъ братьевъ отъ прежней изолированности къ слитію съ общимъ ходомъ вещей. *Учительскія семинаріи, теологически образованные и содержимые на жалованьѣ проповѣдники,* получившіе доступъ не только въ американскія, но и въ западно-европейскія, меннонитскія общины, — такія и подобныя имъ явленія среди меннонитовъ далеко уходятъ отъ прежняго уровня братства. Къ тому же многія меннонитскія общины, въ Германіи, добровольно подчинились даже отбыванію военной службы, находя ее непротивною совѣсти и согласною съ ихъ политико-гражданскими интересами. Факты эти не походятъ на дѣйствія и образъ мышленія нашихъ предковъ, предпочитавшихъ плаху—солдатчинѣ. Здѣсь, въ Россіи, меннониты во многомъ сохранили прежнюю простоту; они остались вѣрны, конечно, для нихъ *небезвыгодному* отрицанію военной повинности; но, тѣмъ не менѣе, и они далеко сошли съ меннонитской почвы. Съ меннонитскихъ каѳедръ читаются проповѣди лютеранскихъ, реформатскихъ, баптистскихъ и др. проповѣдниковъ; напротивъ, сочиненія Менно Симонса остаются почти въ совершенной безвѣстности. Но если меннониты отказались болѣе или менѣе отъ догматики своей секты, то что̀ же они теперь? — Какую картину представляютъ они въ своей совокупности?»

«Меннонитская секта—отвѣчаетъ авторъ письма—состоитъ изъ множества изолированныхъ общинъ, болѣе или менѣе значительнаго размѣра. Каждая община (приходская, конечно) управляетъ собою, своими внѣшними и внутренними дѣлами, вполнѣ самостоятельно. Никакой оффиціальной связи, или организованнаго уставами союза, между ними не существуетъ. Образованіе и составъ приходской общины — дѣло случая. Община можетъ образоваться такимъ образомъ, что нѣсколько меннонитскихъ семействъ, поселясь гдѣ нибудь особнякомъ, изберутъ себѣ духов-

---

[1]) По замѣчанію редакціи, письмо это было доставлено однимъ изъ меннонитовъ, «пребывавшихъ въ то время (въ сентябрѣ 1867) въ Петербургѣ».

наго старшину, удовлетворяющаго ихъ религіознымъ потребностямъ; но она можетъ устроиться и путемъ выхода изъ существующей общины, въ новую, нѣкотораго числа единомыслящихъ членовъ, недовольныхъ ея направленіемъ и нравственнымъ положеніемъ. Когда-то, при учрежденіи новой общины, было въ обычаѣ—избраннаго ею старшину вводить въ должность чрезъ старшину иной, старой общины; и только при соблюденіи этого условія, новая община считала свою самобытность законно обезпеченною, а прочія общины признавали въ ней полноправнаго сочлена братства. Но уже болѣе ста лѣтъ назадъ это обыкновеніе почти совершенно оставлено и существеннаго значенія не имѣетъ. Давно уже есть не мало меннонитскихъ старшинъ, утвержденныхъ въ этомъ званіи и введенныхъ въ должность исключительно самой общиною, при содѣйствіи одной лишь общественной молитвы. У меннонитовъ встрѣчаются: *старшины, проповѣдники и дьяконы.* «Старшины», они-же и проповѣдники, вѣдаютъ совершеніемъ таинствъ; «проповѣдники» служатъ въ качествѣ помощниковъ старшинъ, заступая, по обстоятельствамъ, ихъ должность; «дьяконы» обязаны попечительствомъ о бѣдныхъ и больныхъ, завѣдывая церковными имуществами. На приходско-общинныхъ совѣщаніяхъ всѣ члены общины вполнѣ равноправны; каждый пользуется только *однимъ* голосомъ, не исключая старшины, проповѣдниковъ и дьяконовъ. Въ случаяхъ разномыслія рѣшаетъ абсолютное большинство, а меньшинству предоставляется подчиниться приговору, либо выступить изъ общины, образовавъ новую, или присоединившись къ другой, уже существующей».

Развивъ за тѣмъ въ подробности принципъ полной свободы приходскаго общенія, принципъ, лежащій въ основѣ церковнаго устройства меннонитовъ, авторъ ставитъ себѣ вопросы: «что-же именно связываетъ братство?.. Чѣмъ предохраняется оно отъ мельченія общинъ и отъ полнаго распаденія»?..

«Отвѣтъ не труденъ, говоритъ авторъ; онъ гораздо легче, чѣмъ думаютъ иные. Изъ всѣхъ силъ, дѣйствующихъ въ мірѣ, величайшая — *сила истины.* Правда, есть и другая связь: *рутинный навыкъ*; но не имъ оберегается сплоченность братства противъ разлагающаго воздѣйствія вѣковъ. Только личное, индивидуальное убѣжденіе о непогрѣшимости того пути, по которому кто слѣдуетъ, даетъ дѣйствительную крѣпость, истинную связь и солидарность. И чтобы вѣрно руководить убѣжденіемъ каждаго, или, говоря иначе, чтобы истина могла восторжествоватъ, необходима *полная свобода обученія*, это исконное достояніе меннонитскихъ общинъ. Благодаря свободѣ обученія, всякій нравственно одаренный членъ братства дѣлается извѣстнымъ въ кругу общины; община получаетъ возможность отличатъ пустыхъ болтуновъ отъ людей серьозныхъ и здравомыслящихъ. Такимъ образомъ, не смотря на временный упадокъ общаго нравственнаго уровня, постоянно во главѣ общинъ вновь являются даровитыя личности, способныя увлечь за собою массу силою слова и примѣра. Правда, поверхность нерѣдко принимаетъ иные формы; иначе группируются общины: однѣ умаляются, чахнутъ; другія, сперва ничтожныя, достигаютъ значительныхъ размѣровъ, притягивая въ свой сос-

тавъ всѣхъ жаждущихъ духовной пищи. Но общій результатъ нисколько не страдаетъ отъ подобныхъ движеній. *Мы не говоримъ о тѣхъ болѣзненныхъ проявленіяхъ*, о которыхъ сообщаетъ вашъ листокъ; мы имѣемъ въ виду спокойный ходъ поступательнаго развитія, совершающагося въ средѣ нашего братства то быстрѣе, то медленнѣе, но неуклонно и безостановочно. *Тѣ движенія* не нормальны; ихъ слѣдуетъ причислить къ разряду конвульсій, эррупцій и насилій надъ жизнью. Но не правы и тѣ, которые въ подобныхъ явленіяхъ желали-бы видѣть логическій выводъ изъ нашихъ основныхъ началъ и установленій. Выше указано значеніе меннонитскаго церковнаго конвента [1]). Повсюду, въ цѣломъ мірѣ, первою обязанностью меннонитскихъ духовныхъ лицъ является необходимость пріобрѣсти и сохранить себѣ любовь, уваженіе, довѣріе и подчиненіе общинъ путемъ безупречной жизни, личными достоинствами и дѣятельностью. Но не таково положеніе дѣлъ у меннонитовъ въ Россіи, гдѣ они управляютъ собою и граждански. Здѣсь, имѣя на своей сторонѣ гражданскую власть, явилась возможность къ осуществленію нечестивыхъ домогательствъ людей, лишенныхъ благороднѣйшихъ побужденій; домогательствъ, противныхъ словамъ евангелія (Мат. 23, 6—10) и строгому ученію Менно. Послѣдствіемъ было постепенно усиливавшееся стремленіе—съ духовнымъ званіемъ соединить извѣстную *власть*, не въ силу нравственныхъ достоинствъ лица, а какъ аттрибутъ должности или званія. Дошло до того, что церковный конвентъ сталъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла отдѣльныхъ общинъ, насильственно, рука объ руку съ мѣстными окружными приказомъ и сельско-хозяйственною коммисіею, ниспровергая все то, что выказывало признаки самобытности. Наконецъ конвентъ провозгласилъ себя высшею духовною инстанціею цѣлаго молочанскаго братства. Общины конечно не были спрошены по этому предмету; обстоятельства, о которыхъ распространяться здѣсь не у мѣста, содѣйствовали тому, что сдѣланный конвентомъ шагъ долгое время оставался неизвѣстнымъ, а за тѣмъ и не сразу понятнымъ, даже для благомыслящихъ старшинъ. Въ этотъ переходный періодъ, грозившій полнымъ упадкомъ нашего устройства, явилось новое духовное движеніе *извнѣ*». Изъ послѣдующихъ словъ корреспондента видно, что этой новой силою были «Іерусалимскіе друзья». Сжато очертивъ столкновенія этой секты и Hüpfer'овъ съ конвентомъ и выборнымъ начальствомъ, авторъ письма говоритъ въ заключеніе:

«Такимъ образомъ, нѣкоторое время казалось все потеряннымъ. Однако, среди бурь, сила истины вновь пролагала себѣ путь; часть духовныхъ лицъ и цѣлыя общины, мало-по-малу сознавъ скользкость избраннаго конвентомъ пути, рѣшительно отказывались слѣдовать по немъ. Очистилось мѣсто для третьяго лагеря. И сюда уже стали переходить всѣ тѣ, которые не удовлетворялись ученіемъ и порядками старыхъ общинъ. Попытка конвента, въ собственныхъ честолюбивыхъ видахъ, преобразовать

---

[1]) Мы не привели этого мѣста письма потому, что оно совершенно согласно съ объясненіями бр. Ланге, которымъ, по всей вѣроятности, принадлежитъ и настоящее письмо.

наше церковное устройство — обратилась въ ничто; установленія наши были спасены и древо братства вновь вступило въ періодъ спокойнаго роста. Съ этого времени даже Hüpfer'ы перестали скакать, уступивъ болѣе спокойному, трезвому размышленію, для котораго не было мѣста среди гоненій и борьбы. Для обезпеченія за цѣлымъ братствомъ меннонитовъ чувствъ взаимной любви, спокойнаго сожительства и безостановочнаго матеріальнаго успѣха—необходимо, чтобы не было дано поддержки властолюбію духовныхъ старшинъ и впредь сохранялась за нами прежняя свобода обученія и нравственнаго развитія. Рядомъ должно идти строгое примѣненіе гражданскихъ законовъ тамъ, гдѣ того потребуютъ *дѣйствительные* безпорядки, преступленіе, развратъ и т. п. И кто же, при соблюденіи этихъ условій, рѣшится сказать намъ, что дерево негодно, если оно пускаетъ новыя вѣтви»?.. Таковы объясненія представителей «Іерусалимскихъ друзей», обращаемыя ими къ трибуналу общественному. Вотъ что говорятъ люди, глубоко, почти до фанатизма убѣжденные, что «всѣ завѣты Божескіе, относимые пятикнижіемъ и пророками къ одному Израилю, искупительною жертвою Бога-Сына обращены въ достояніе *всего* человѣчества, конечная задача котораго — осуществить эти завѣты, утвердивъ на землѣ Царство Божіе».

Казалось-бы, что теперь, когда и молодое вино, перебродивши, устоялось, люди, съ стремленіями бр. Ланге, едва ли существенно могли вредить благосостоянію меннонитскаго братства, утратившаго конечно не мало изъ прежнихъ добродѣтелей праотцевъ; но, при существовавшемъ возбужденіи страстей, и братья Ланге, съ ихъ послѣдователями, предпочли уклониться отъ дальнѣйшихъ дрязгъ и преслѣдованій. Арендовавъ себѣ, около Пятигорска на Кавказѣ, участокъ земли въ 10,000 дес. на 30 лѣтъ, они рѣшились водвориться тамъ особымъ обществомъ, на что и получили разрѣшеніе правительства.

XI.

Но изъ области метафизическихъ, индивидуальныхъ мечтаній возвратимся къ дѣйствительной, холодно реальной жизни.

Несмотря на благопріятный исходъ религіозныхъ волненій на Молочнѣ, попытка меннонитскихъ старшинъ централизовать церковную власть дѣйствительно потерпѣла окончательную неудачу: отъ конвента или «самозванной консисторіи» не осталось теперь никакихъ слѣдовъ. Но сознаютъ ли, наконецъ, меннонитскіе хозяева, что общественный ихъ недугъ можетъ и долженъ быть искореняемъ не религіозными препирательствами, а мѣрами экономическими, скорѣйшимъ устройствомъ возможно большаго числа безземельныхъ семействъ? Пусть хозяева не забываютъ справляться почаще объ обязанностяхъ, налагаемыхъ на нихъ ученіемъ Менно въ отношеніи меньшей братіи. Не мѣшало бы имъ также приводить себѣ въ этомъ случаѣ на память: какой капиталъ образовалъ бы излишекъ дохода съ запасныхъ при округѣ земель, еслибъ этотъ излишекъ, въ теченіи десятковъ лѣтъ, не былъ обращаемъ ими на общественныя потреб-

ности, которыя въ другихъ колонистскихъ водвореніяхъ, при окладныхъ казенныхъ податяхъ несравненно бо̀льшаго размѣра, всегда покрывались и покрываются на счетъ общественнаго сбора и иныхъ источниковъ общественнаго дохода. Запасныя земли, а слѣдовательно и доходы съ нихъ, если были даны въ распоряженіе обществъ, то не въ пользу хозяевъ, надѣленныхъ уже землей, а исключительно на «пріумножающееся населеніе», т. е. на устройство безземельныхъ. Спрашивается: при болѣе благоразумномъ и справедливомъ завѣдываніи означенными доходами за прежнее время развѣ не было уже давно у округа возможности устроить участь большинства своихъ безземельныхъ и предупредить излишнее накопленіе ихъ? Намъ это кажется тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что на югѣ Россіи земли значительно вздорожали только въ весьма недавнее время; лѣтъ 10-15 тому назадъ можно было пріобрѣсти ихъ еще вволю, едва ли не за безцѣнокъ. Если же хозяева воспользовались этою возможностью только въ интересахъ личныхъ, а не цѣлаго водворенія, и если они не накопили даже тѣхъ капиталовъ, которые населенію другихъ колонистскихъ округовъ въ настоящее время приходятся какъ нельзя болѣе кстати, то винить имъ остается, конечно, только самихъ себя, свою собственную непредусмотрительность и близорукое своекорыстіе, а отнюдь не безземельныхъ, которымъ, по упорству хозяевъ же, не было предоставлено голоса въ общественныхъ дѣлахъ ни прямого, ни даже совѣщательнаго. Правда, вопросъ о безземельныхъ возникъ на Молочнѣ неожиданно, слишкомъ круто, такъ какъ никто не предвидѣлъ ни выселенія татаръ и ногаевъ въ Турцію, ни столь быстраго занятія ихъ мѣста поселянами-земледѣльцами со стороны. Но это обстоятельство можетъ служить лишь къ объясненію, а ни какъ не къ оправданію упорства хозяевъ.

Ожидать, или, какъ желали бы молочанскіе меннонитскіе хозяева, даже требовать, чтобы огромная масса безземельныхъ, пріумножающаяся почти полнымъ процентомъ нараждающагося населенія, и при круто измѣнившихся экономическихъ условіяхъ края находила свое обезпеченіе въ однихъ промыслахъ, торговлѣ и ремеслахъ — это, по меньшей мѣрѣ, нелѣпость, очевидная для всякаго, и тѣмъ болѣе для самихъ хозяевъ. Они не могутъ не знать, что только выселеніемъ на покупныя земли вопросъ о безземельныхъ разрѣшится къ обоюдной выгодѣ, какъ въ томъ сознались и представители хозяевъ. Съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что право на земельный надѣлъ есть одно изъ основныхъ, самыхъ существенныхъ преимуществъ земледѣльческаго состоянія. За это право хозяева готовы ратовать едва ли не больше насъ; оно признано и за бывшими крѣпостными крестьянами, базисомъ хозяйственнаго устройства которыхъ послужилъ надѣлъ землею, несмотря даже на кажущееся противорѣчіе этой мѣры съ правами собственниковъ-помѣщиковъ. Спрашивается: въ силу чего же меннонитскіе хозяева могли бы отказать въ этомъ правѣ своимъ младшимъ сообщественникамъ, которые, по закону, должны пользоваться безусловно одинаковыми съ ними преимуществами, теряя эти преимущества только при увольненіи въ другое званіе, при выѣздѣ за

границу, или, вслѣдствіе преступленія, по судебному приговору. Развѣ, по мнѣнію хозяевъ, общій для колонистовъ основной законъ: всѣ отведенныя отъ казны земли даны *не лично кому либо, а въ общественную каждой колоніи собственность*, не распространяется на нарадившееся и впредь имѣющее нарадиться населеніе колоній?.. Если же правительство не настаиваетъ на *безусловномъ* примѣненіи этого закона, то, какъ ясно видно изъ всѣхъ распоряженій по устройству безземельныхъ, это дѣлается вовсе не потому, чтобы оно не признавало обязательности его для всѣхъ безъ изъятія сообщественниковъ. Напротивъ, въ этихъ распоряженіяхъ прямо высказано, что *забота объ устройствѣ безземельнаго населенія*, на сколько оно требуетъ *матеріальныхъ средствъ*, *лежитъ на прямой обязанности обществъ*. Изъ этого слѣдуетъ, что правительство, признавая въ принципѣ право безземельныхъ на земельный надѣлъ, желало бы осуществить это право, «не насилуя и не ломая» установившейся въ колоніяхъ подворной системы пользованія землями. Но избѣгнуть внутренняго передѣла угодій возможно только выводомъ изъ коренныхъ мѣстъ водворенія значительной части безземельныхъ на земли покупныя или арендныя. И пока въ Россіи—нынѣшней и будущей—останутся незанятыми осѣдло цѣлыя территоріи; пока покупка и аренда земель возможны, хотя-бы только на Кавказѣ, въ средней Азіи, Сибири, на Амурѣ и т. д., до тѣхъ поръ нѣтъ ни надобности, ни выгоды прибѣгать къ *уравнительнымъ передѣламъ* внутри обществъ. Правильно, предусмотрительно организовавъ свои средства при помощи волостныхъ банковъ, общества всегда найдутъ возможность устроить своихъ безземельныхъ, въ случаѣ крайности, даже помимо земельнаго надѣла.

Обсуживая печатно [1]) вопросъ: какая судьба ожидаетъ безземельныхъ колонистовъ и какими мѣрами со стороны обществъ должно быть обезпечено ихъ матеріальное положеніе, сельскіе начальники колоніи Нейгофнунгсталя [2]), признали прежде всего жизненность и своевременность этого вопроса. «Уходъ въ Турцію татаръ и замѣна ихъ болгарскими переселенцами изъ-за границы — говорятъ они — сразу произвели совершенный переворотъ въ условіяхъ экономическаго быта колоній Таврической губ. Одно это обстоятельство, не говоря уже о другихъ причинахъ, сдѣлало для безземельныхъ невозможнымъ слѣдовать тѣмъ путемъ, которымъ они прежде снискивали себѣ пропитаніе. *Имъ остаются только два исхода: долгосрочная аренда и покупка земель*». На третье средство: одиночную, краткосрочную аренду, или хуторское хозяйство, лица эти не указываютъ, такъ какъ отъ этого способа имъ извѣстно болѣе неблагопріятныхъ, нежели хорошихъ послѣдствій. Если отъ хуторского хозяйства отдѣльныя личности иногда выигрывали въ денежномъ отношеніи, то эта выгода совершенно ничтожна въ сравненіи съ сопровождавшими ее неблагопріятными для нихъ, нравственными послѣдствіями. Уже одно отсутствіе школы и церкви приводило и приводитъ хуторянъ къ нравственной рас-

---

[1]) Unterhaltungsblatt für die ausländ. Ansiedler Süd-Russlands. Odessa № 4—1865.
[2]) Кол. Нейгофнунгсталь, бердянскаго колонистскаго округа, Бердянскаго уѣзда Таврической губ.

пущенности, несовмѣстной съ условіями хозяйственнаго успѣха и сельскаго благоустройства. Если отдѣльный колонистъ — хуторянинъ и находитъ возможнымъ давать своимъ дѣтямъ необходимое религіозно-нравственное воспитаніе, то это только исключеніе изъ общаго правила. Къ инымъ результатамъ приходитъ большинство хуторянъ, состоящее изъ людей менѣе заботливыхъ и бѣдныхъ. Вырванные изъ среды общиннаго союза, поддерживающаго порядокъ и благочиніе, они будутъ предоставлены самимъ себѣ. «Но—продолжаетъ Нейгофнунгстальское сельское начальство—мы спокойно желаемъ обсудить наши обстоятельства и смотримъ на дѣло не чрезъ тусклое стекло. Если третій путь нежелателенъ, то, само собою разумѣется, слѣдуетъ воспользоваться двумя первыми: помощь необходима; бытовыя условія коренныхъ водвореній, сдѣлавшись для хозяина и безземельнаго одинаково неудобными, привели уже къ взаимнымъ пререканіямъ и столкновеніямъ». По словамъ авторовъ, до исхода 1864 г., на общественномъ выгонѣ ихъ колоніи имѣли право содержать: полный хозяинъ по 24, а безземельная семья по 4 штуки крупнаго скота. Но съ этого времени общество, по недостатку подножнаго корма и вслѣдствіе пріумножившагося населенія, нашлось вынужденнымъ ограничить число выпасаемаго скота: для хозяина 18-ю, а для остальныхъ 3-мя головами. «Для нѣкоторыхъ это было весьма тяжелое, но, тѣмъ не менѣе, безусловно необходимое стѣсненіе». Многіе хозяйства, по волѣ отцевъ, раздѣлены на два двора, съ передачею ихъ во владѣніе сыновей и съ оставленіемъ за отцемъ лишь анвонерской усадьбы. Такіе половинные хозяева обыкновенно обязаны въ пользу отца-анвонера выпасать на общественномъ выгонѣ, за свой счетъ, 4 штуки скота; слѣдовательно, ихъ право выпаса на себя низводится до 7 головъ. По мнѣнію Нейгофнунгстальскихъ начальниковъ, не слѣдовало бы уменьшать и овцеводства, а между тѣмъ 4 овцы принимаются за голову скота, и половинный хозяинъ, содержа 12 овецъ, сохраняетъ право выпаса только на 4 головы крупнаго скота.

Далѣе тѣже сельскіе начальники свидѣтельствуютъ, что въ прежнее время можно было въ ихъ мѣстности дешево арендовать земли у татаръ; теперь же оброчная плата возвысилась, такъ что для малосостоятельнаго колониста аренда на сторонѣ затруднительна. «Но — прибавляютъ они—безъ засѣва нѣтъ и урожая; чѣмъ далѣе станемъ медлить дѣйствительною помощью, тѣмъ затруднительнѣе для насъ сложатся обстоятельства и тѣмъ бо́льшихъ жертвъ потребуетъ это дѣло въ будущемъ. Справедливость этого заключенія до очевидности ясна для всякаго, принимающаго въ разсчетъ постоянное увеличеніе числа семействъ. «Нужно, должно помочь»;—вотъ убѣжденіе всѣхъ благомыслящихъ хозяевъ и, тѣмъ болѣе, безземельныхъ. Но какъ?

Авторы склоняются исключительно въ пользу покупки или долгосрочнаго арендованія земли; но они обусловливаютъ подобныя операціи такими размѣрами, чтобы водворяющіеся на покупномъ или арендованномъ участкѣ колонисты, по числу душъ и средствамъ, были всегда достаточно сильны для устройства и содержанія, на свой счетъ, *особаго сель-*

скаго управленія и школы, или, хотя бы одной послѣдней. Только разселеніе въ такихъ условіяхъ окажется, по мнѣнію авторовъ, благопріятнымъ для матеріальнаго и нравственнаго преуспѣянія поселенцевъ. Для достиженія этой цѣли, они предлагаютъ образовать кассы, съ тѣмъ, чтобы каждый отдѣльный округъ озаботился составленіемъ особаго капитала, привлекая къ участію не только выселяющихся, но и остающихся на мѣстѣ колонистовъ. Размѣръ и сроки уплаты сбора, по мнѣнію авторовъ, могли бы быть установлены приказами. Впредь до накопленія капитала, слѣдовало бы приращать его процентами, а по достиженіи имъ соотвѣтственнаго размѣра, пріобрѣтать на счетъ его участокъ за участкомъ, заселяя каждый особою колоніею и обязывая поселенцевъ постепенною, въ опредѣленные сроки, выплатою капитала, употребленнаго на покупку участка.

Настоящій призывъ заканчивается патетичными, но, безъ сомнѣнія, вполнѣ искренними словами: «Оказывать взаимную другъ о другѣ заботу, помогать ближнему — вотъ священная обязанность христіанина. Видѣть страданія брата и хладнокровно пройти мимо—ниже человѣческаго достоинства. Спасать, помочь—вотъ чѣмъ прочно созидается наше собственное благополучіе; и Господь Богъ, радующійся подобной братской любви, не оставитъ нашихъ честныхъ стремленій своею благодатью, а потомки добромъ вспомянутъ прахъ своихъ отцовъ. Безучастнымъ «нечего дѣлать», нельзя помочь въ то время, когда помочь нужно, должно»!

Призывъ этотъ не остался голосомъ вопіющаго въ пустынѣ. Повсюду въ колоніяхъ взялись если не за самое дѣло, то за серьозное обсужденіе его.

Маріупольское меннонитское окружное общество, опасаясь «грозящей безземельнымъ въ близкомъ времени безвыходной бѣдности», предположило пріобрѣсти для 145 таковыхъ семействъ участокъ земли въ 12,250 дес. По примѣрному разсчету, на эту операцію потребуется около 245,000 руб., которыхъ у общества въ наличности не имѣется. Поэтому, въ особыхъ мірскихъ приговорахъ, оно обязалось установить ежегодный, въ теченіи 35 лѣтъ, общественный сборъ, въ количествѣ 7,000 руб. [1]). Размѣръ и сроки этого сбора разсчитаны, между прочимъ, на основаніи предположенія, что казна найдетъ возможнымъ продать обществу нужный ему участокъ изъ свободныхъ казенныхъ земель, съ разсрочкою выкупныхъ платежей. Къ сожалѣнію, общество ошибается въ этомъ отношеніи. По принятому порядку, казенно-оброчныя статьи продаются только въ видѣ исключенія, когда являются желающіе купить ту или другую статью, либо когда управленіе статьею представляется неудобнымъ по незначительности приносимаго ею дохода или слишкомъ большой отдаленности отъ другихъ статей, и при томъ не иначе, какъ съ публичныхъ торговъ. Цѣнность продаваемыхъ статей опредѣляется по капитализаціи выручаемаго отъ нихъ дохода изъ 5%, если доходъ этотъ выше оцѣнки; въ противномъ случаѣ, торги начинаются съ оцѣночной суммы.

---

[1]) Сборъ этотъ составляетъ по 74 к. съ дес., или по 8 р. 65 к. съ рев. муж. пола души, или по 19 руб. съ наличной семьи.

Продажа статьи безъ торговъ допускается лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, по какимъ либо особо уважительнымъ причинамъ, съ уплатою всей покупной суммы, исчисляемой на изложенныхъ выше основаніяхъ и съ прибавленіемъ къ капитальной цѣнѣ 10% единовременно. Разсрочка платежей дозволяется только на самое непродолжительное время, не далѣе 2 — 3 лѣтъ, съ платежемъ въ послѣднемъ случаѣ на всю ту сумму, которая остается въ долгу, установленныхъ процентовъ.

Очевидно, что продажа маріупольскимъ меннонитамъ казеннаго участка не могла состояться какъ потому, что у нихъ не собрано еще нисколько капитальной суммы, такъ и потому, что они не указали участка, который желали бы пріобрѣсти. Но, установивши однажды указанный выше сборъ, они найдутъ, быть можетъ, средства еще усилить его, хоть бы на первые годы или единовременно. Такимъ образомъ, ограничиваясь на первый разъ покупкою участка въ 6—7 тысячь дес., общество уже черезъ нѣсколько лѣтъ будетъ въ состояніи пріобрѣсть эту землю, если не отъ казны, то отъ частныхъ владѣльцевъ. Продолжая по прежнему сборъ и обязывая поселенцевъ, водворенныхъ на купленномъ участкѣ, возвратомъ капитальной суммы, въ скоромъ времени получатся необходимыя средства для покупки новаго участка, и безземельное населеніе округа будетъ устроено, а коренное водвореніе составитъ себѣ общественный капиталъ. Этотъ капиталъ легко можетъ и впредь удовлетворять данному ему назначенію, тѣмъ болѣе, что съѣздъ депутатовъ отъ всѣхъ окружныхъ обществъ южныхъ колоній опредѣлилъ: повсемѣстно въ колоніяхъ, и на однообразныхъ основаніяхъ, открыть окружные или волостные банки [1]. По составленному съѣздомъ проекту, представленному на утвержденіе начальства, одна изъ главныхъ обязанностей банковъ будетъ содѣйствовать покупкѣ, за счетъ волостныхъ обществъ, земель для устройства безземельнаго населенія. Въ банки, немедленно по открытіи ихъ, обратятся до 700 тыс. руб. однихъ училищныхъ фондовъ, и постепенно до 2-хъ милл. иныхъ общественныхъ и сиротскихъ капиталовъ. Слѣдовательно, въ средствахъ для устройства безземельнаго населенія едва-ли будетъ затрудненіе.

Здѣсь потребуется прежде всего только добрая воля обществъ, которыя по закону, при посредствѣ волостныхъ сходовъ и банковыхъ управленій, сами будутъ распоряжаться своими общественными суммами и, какъ само собою разумѣется, могутъ дать оборотамъ кассъ то или другое направленіе.

По Хортицкому округу, общество также занялось обсужденіемъ способовъ помочь своимъ безземельнымъ. Тамъ предполагали достигнуть

---

[1]) Въ болѣе значительныхъ округахъ южныхъ колоній подобные банки существуютъ уже издавна подъ наименованіемъ кассъ ссудо-сберегательныхъ или сиротскихъ. Такъ, напр., касса Либентальскаго округа учреждена еще въ 30-хъ годахъ, и имѣетъ даже въ настоящее время, т. е. безъ помѣщенія въ нее общественныхъ и училищныхъ капиталовъ округа, ежегодный оборотъ до 240 тысячъ руб. Съ 1860 г. открыты подобныя кассы въ 15-ти округахъ приволжскихъ колоній и годичный оборотъ ихъ дошелъ уже до 1½ милл. руб.

цѣли, во 1-хъ, раздачею безземельнымъ въ надѣлъ угодій, состоящихъ подъ общественной овчарнею; во 2-хъ, допущеніемъ дробленія хозяйственныхъ участковъ; и въ 3-хъ, покупкою земель на сторонѣ.

Вообще оба округа, Маріупольскій и Хортицкій, съ самаго начала отнеслись сочувственнѣе Молочанцевъ и къ проекту измѣненія закона о наслѣдованіи колонистовъ въ земляхъ и имуществѣ. Оба общества, «внимательно обсудивъ проектъ» во всѣхъ подробностяхъ и одобривъ его вполнѣ, нашли нужнымъ выразить свою благодарность «за сохраненіе меннонитамъ и впредь обычныхъ правилъ наслѣдованія, тѣсно связанныхъ съ правовыми понятіями и религіозными убѣжденіями братства». «При настоящемъ положеніи округа, продолжаетъ общество, каждый хозяйственный земельный участокъ, съ пользою для хозяина и для цѣлаго водворенія, можетъ быть раздробленъ на три, но не болѣе, самостоятельныхъ хозяйства; а именно: на *одно половинное* въ $32^1/_2$ дес., и *на два четвертныхъ*, каждое по $16^1/_4$ д. удобной земли, какъ это отчасти уже допущено. При такомъ надѣлѣ — удостовѣряетъ общество — семья можетъ существовать, хотя и будетъ лишена возможности возводить и содержать такія обширныя и цѣнныя постройки, какими до сего времени обзаводились хозяева 65 дес. двора. Но подобныхъ заведеній и не потребуется; для сохраненія существующихъ старыхъ построекъ половинный надѣлъ оказывается вполнѣ достаточнымъ а потому — *раздѣлъ каждаго 65 десятиннаго двора, на указанныхъ основаніяхъ, на три, или же, по усмотрѣнію каждаго хозяина, только на два половинныхъ двора, желательно допустить по закону*». Наконецъ (писали намъ изъ Одессы осенью 1868 года), Хортицкое окружное общество пріобрѣло покупкою земли для своихъ безземельныхъ на 240,000 рублей; не знаемъ только, гдѣ именно и въ какомъ количествѣ сдѣлана эта покупка, хотя фактъ ея не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Одни молочанскіе меннонитскіе хозяева упорствуютъ по прежнему. «Если бы единственная доходная статья, окружная овчарня, не была уничтожена, то покупка для безземельныхъ участка земли состоялась бы безпрепятственно. Теперь же требуютъ, чтобы денежныя средства на эту операцію были собраны, по преимуществу, съ хозяевъ. Но отвѣтъ хозяевъ одинъ: безземельные получили то, чего домогались; 1,304 семейства надѣлены землею согласно ихъ желанію; уничтоженіемъ же статей общественнаго дохода наши подати, и безъ новаго налога, значительно возвысились». Вотъ что писалъ въ исходѣ зимы 1867 года одинъ изъ вліятельнѣйшихъ представителей молочанскихъ хозяевъ-меннонитовъ. Но корреспондентъ, по видимому забылъ, что, вмѣстѣ съ Anwohner'ами, въ составъ сходовъ вошла новая сила, которая держится иного мнѣнія, сила, высоко поднявшая знамя общинной поземельной собственности, готовясь уже по осени того же года торжествовать побѣду этого принципа надъ началомъ личнымъ, представляемымъ хозяевами. Тотъ же корреспондентъ еще осенью того же года сообщалъ, что молочанское меннонитское братство намѣрено пріобрѣсти для своихъ безземельныхъ до 30—40 тыс. десятинъ и, для составленія нужнаго капитала, установ-

ляетъ сборъ по 50 коп. съ десятины надѣла и по стольку же съ рабочей души обоего пола, всего до 60 тыс. рублей въ годъ.

Къ сожалѣнію, извѣстіе это оказалось преждевременнымъ и благое намѣреніе образовать капиталъ на покупку земли отодвинулось на неопредѣленное время. Дѣло это могло бы состояться только по приговору $^2/_3$ членовъ схода, но выше мы видѣли, что здѣсь на 2,384 хозяина приходится не болѣе 2,300 Anwohner'овъ. Слѣдовательно, для большинства въ двѣ трети необходимо, чтобы значительная доля одной партіи схода согласилась съ единогласнымъ почти мнѣніемъ другой, а этого-то до сего времени и не случалось. Между Anwohner'ами было, есть и всегда будетъ болѣе или менѣе значительное число хозяевъ, передавшихъ свои хозяйства и доживающихъ свой вѣкъ въ качествѣ rentiér, и спеціалистовъ-торговцевъ, промышленниковъ, и отчасти даже ремесленниковъ. Эти лица, будучи по понятіямъ и экономическимъ разсчетамъ тѣсно связаны съ хозяевами, во всѣхъ рѣшительныхъ вопросахъ станутъ преимущественно на сторонѣ послѣднихъ; впрочемъ, въ свою очередь, и между хозяевами найдутся люди, которые съумѣютъ стать выше эгоистическихъ притязаній партіи. Въ этомъ смыслѣ, Anwohner'ы ближайшіе кандидаты по званію хозяина на покупныхъ земляхъ; ихъ поддерживаетъ притомъ толпа стоящихъ за ними, правда безгласныхъ до времени, безземельныхъ, съ нетерпѣніемъ поджидающихъ для себя того же улучшенія своего быта, или, по крайней мѣрѣ, возможности — съ выселеніемъ Anwohner'овъ сдѣлаться владѣльцами оставляемыхъ ими усадебъ. Независимо отъ поземельнаго, Anwohner'ы подняли еще вопросы: о регулированіи права выпаса на общественномъ выгонѣ; о порядкѣ отправленія мірскихъ натуральныхъ повинностей; о раскладкѣ казенныхъ окладныхъ, земскихъ и мірскихъ денежныхъ сборовъ; объ отмѣнѣ мірского оброка, платимаго до сего времени съ анвонерскихъ усадебъ, и т. д. По всѣмъ этимъ вопросамъ Anwohner'ы расходятся съ хозяевами весьма существенно; и пока не явится регулирующій эти разнорѣчія положительный законъ (ожидаемыя *новыя* положенія о общественномъ управленіи и поземельномъ устройствѣ колоній), до тѣхъ поръ едва-ли состоится соглашеніе и по предположенной покупкѣ земли.

Въ виду проектируемыхъ для колоній новыхъ законоположеній, а также для полнаго выясненія мѣстной постановки общинныхъ соотношеній хозяевъ, Anwohner'овъ и безземельныхъ (Einwohner'овъ), установившихся вслѣдствіе допущенія Anwohner'овъ въ составъ сходовъ, въ качествѣ *домовладѣльцевъ*, главное мѣстное попечительство распорядилось разсмотрѣть всѣ спорные вопросы на мѣстѣ, въ особой коммисіи, президентомъ которой былъ мѣстный смотритель колоній, вице-президентомъ мѣстный же волостной старшина, а членами—депутаты отъ хозяевъ и Anwohner'овъ каждаго сельскаго общества, въ равномъ числѣ какъ отъ каждаго общества, такъ и отъ каждаго изъ обоихъ полноправныхъ нынѣ классовъ населенія. Коммисія эта, засѣдавшая въ ноябрѣ 1868 года, *большинствомъ голосовъ* пришла къ заключеніямъ, заслуживающимъ полнаго вниманія. «По закону, сказано въ протоколѣ большинства, всѣ отведенныя колонис-

тамъ земли составляютъ не личную, а общественную каждой колоніи собственность. Соотвѣтственно сему, безразлично *все* населеніе каждой *отдѣльной* колоніи, будучи связано взаимною круговою порукою, солидарно отвѣтствуетъ, лично и по имуществу, за исправность общины въ уплатѣ сборовъ, исполненіи повинностей и поддержаніи всѣхъ общественныхъ учрежденій. Anwohner'амъ данъ полевой надѣлъ изъ «запасныхъ» при округѣ земель, т. е. внѣ границъ коренныхъ земельныхъ дачь отдѣльныхъ сельскихъ обществъ; тѣмъ не менѣе, владѣя общею съ хозяевами усадебною осѣдлостью, они, совокупно съ послѣдними, составляютъ въ каждой колоніи не только административно-полицейскую, но и одну общую экономическую единицу (хозяйственную общину). До сего времени сельскія общества (сходы хозяевъ) ограничивали свои заботы объ устройствѣ вновь нараставшихъ поколѣній лишь предоставленіемъ нѣкоторой части молодыхъ семей, съ одной стороны, весьма ничтожнаго участія въ пользованіи общественнымъ выпускомъ, а съ другой—малой усадьбы. Но и эти выгоды давались не безвозмездно; за анвонерскую усадьбу приходилось платить единовременно отъ 100 до 200 рублей, да сверхъ того постоянный годичный оброкъ, по назначенію схода хозяевъ».

Руководствуясь этими общими соображеніями, коммисія, по большинству голосовъ, по каждому отдѣльному предмету спора, сдѣлала свои постановленія, вызвавшія протесты президента и вице-президента ея (смотрителя колоній и старшины) и меньшинства членовъ, преимущественно хозяевъ. Кромѣ того, поступили протесты даже отъ нѣкоторыхъ Anwohner'овъ, но главнымъ образомъ отъ *особыхъ* повѣренныхъ хозяевъ 42-хъ сельскихъ обществъ и мѣстной сельско-хозяйственной коммисіи. Протесты нечленовъ спеціальной коммисіи были отвѣтомъ на вызовъ ея—высказаться гласно о постановленіяхъ протокола большинства. Кто правъ, кто виноватъ въ этой разноголосицѣ, мы постараемся разобрать по вопросамъ, хотя, къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ пока въ рукахъ мнѣній смотрителя колоній и старшины.

По вопросу *о выпасѣ скота*, большинство членовъ коммисіи признало за Anwohner'омъ, и даже за безземельной семьей, положительное право на участіе въ пользованіи общественнымъ выпускомъ, въ размѣрѣ до *трехъ десятинъ на анвонерскую усадьбу*. Въ тоже время протоколъ признаетъ нынѣшніе выпуски при колоніяхъ какъ бы не достояніемъ всей общины, а лишь сервитутомъ первоначальныхъ 65-ти десятинныхъ дворовъ (или частей ихъ, по послѣдующимъ раздѣламъ). Поэтому, большинство коммисіи полагаетъ справедливымъ, взамѣнъ уступаемаго Anwohner'амъ и Einwohner'амъ выпаса по три десятины на анвонерскій дворъ, отвести хозяевамъ равное количество десятинъ или изъ угодій, оказавшихся по послѣдней повѣркѣ въ дачахъ нѣкоторыхъ колоній сверхъ первоначальнаго нормальнаго надѣла, или гдѣ нѣтъ такихъ излишковъ, или же они по числу десятинъ не вполнѣ вознаграждаютъ хозяевъ,—дополнительною нарѣзкою изъ предоставляемыхъ братству земель солевозныхъ трактовъ. «Такое право выпаса, поясняетъ протоколъ, дастъ Anwohner'у возможность содержать двѣ головы скота при 11-ти десятинахъ пашни;

онъ явится на столько обезпеченнымъ, что по всей справедливости долженъ быть исключенъ изъ разряда безземельныхъ и обязанъ принять на себя соразмѣрное участіе въ покупкѣ на сторонѣ для послѣднихъ земель. Но впредь, до устройства безземельныхъ, этотъ классъ, вынужденный кормиться заработкомъ, равнымъ образомъ не можетъ быть лишонъ права на безплатный выпасъ по *одной скотинѣ* (коровѣ) на каждую самостоятельную семью».

Меньшинство членовъ коммисіи и представители хозяевъ 42-хъ сельскихъ обществъ, основываясь на спеціальномъ законѣ о наслѣдованіи у колонистовъ (ст. 169 и слѣд. уст. о кол.), положительно отвергаютъ *юридическое* право Anwohner'овъ и Einwohner'овъ на пользованіе общественнымъ выгономъ, который, какъ вошедшій въ счетъ первоначальнаго посемейнаго надѣла, есть сервитутъ однихъ 65-ти десятинныхъ хозяйствъ (или ихъ дробныхъ частей). По мнѣнію протестующихъ, хозяйственную единицу колоніи составляютъ одни дворы-хозяйства и ихъ владѣльцы (Wirthe), связанные съ Anwohner'ами и Einwohner'ами въ одно сельское общество лишь въ административно, полицейскомъ отношеніи, тѣмъ болѣе, что данный Anwohner'амъ полевой надѣлъ лежитъ въ 10—20 в. отъ усадебъ, внѣ земельныхъ дачъ сельскихъ обществъ; а анвонерскіе дворы, по частнымъ условіямъ ихъ владѣльцевъ съ хозяевами, уступлены изъ усадебъ послѣднихъ, т. е. изъ того же первоначальнаго надѣла. Но, говорятъ протестующіе, участь Einwohner'овъ, какъ неимѣющихъ ни двора, ни полевого надѣла, и снабженіе ихъ выпасомъ для скота «были и остаются» ближайшею заботою хозяевъ. «Всѣ наши хозяйства, по постройкамъ, инвентарю и т. д., разсчитаны на одно, однажды навсегда неизмѣнное количество угодій. Спросимъ же коммисію по совѣсти: до чего дойдетъ хозяинъ 65-ти десятиннаго двора, если онъ будетъ вынужденъ дѣлать постоянно новыя уступки изъ своихъ угодій, принимать на хозяйскій выпускъ неограниченное число головъ анвонерскаго и эйнвонерскаго скота, нести бо́льшую часть окладныхъ сборовъ, всѣ повинности и т. д.?.. Тѣмъ не менѣе, заключаютъ хозяева, ограждая наше сервитутное право, мы, *въ настоящее время,* готовы принять на хозяйскій выпускъ отъ каждаго An-й Einwohner'а до *двухъ* головъ скота *за умѣренную плату*».

Совершенно въ томъ же смыслѣ высказалась и сельско-хозяйственная коммисія, полагая предоставить свободное регулированіе права выпаса сходу хозяевъ каждой колоніи, въ той увѣренности, что хозяева отнесутся къ нуждамъ своихъ однообщественниковъ съ полнымъ вниманіемъ и безпристрастіемъ.

Членъ спеціальной коммисіи, Anwohner Класъ Дикъ и нѣкоторые товарищи его, въ особомъ мнѣніи, отрицаютъ справедливость возмѣщенія хозяевамъ тѣхъ трехъ десятинъ выпуска, которыя протоколомъ большинства предоставляются изъ общественнаго выпуска въ пользу Anwohner'овъ и Einwohner'овъ. Они отвергаютъ эту мѣру, какъ противорѣчащую приведеннымъ въ протоколѣ же основнымъ положеніямъ, а также съ той точки зрѣнія, что Anwohner'ы и безъ того крайне стѣснены, въ сравненіи съ хозяевами, какъ незначительностью и отдаленностью отъ усадебъ ихъ полевого на-

дѣла, такъ и совершенною недостаточностью, по ихъ хозяйственнымъ условіямъ, только двухъ головъ скота на выпасѣ. Дикъ и его товарищи указываютъ на иной, по ихъ мнѣнію, болѣе простой и справедливый способъ разомъ разрѣшить всѣ затрудненія и возстановить въ братствѣ прежнія спокойствіе и согласіе.

«Обѣщанный намъ дополнительный отводъ трактовыхъ земель, говорятъ они, и состоящія во многихъ сельскихъ дачахъ излишнія угодія, будучи присоеденены къ 12-ти десятинному надѣлу Anwohner'овъ, даютъ возможность увеличить этотъ надѣлъ до $16^1/_4$ дес., т. е. обратить каждаго Anwohner'а въ хозяина четвертнаго нормальнаго двора. Присоединивъ этотъ надѣлъ къ сельскимъ поземельнымъ дачамъ кореннаго владѣнія и объединивши, гдѣ только возможно, оба надѣла въ однѣхъ межахъ, мы неразрывно сольемъ интересы хозяевъ и Anwohner'овъ; взаимныя отношенія ихъ сдѣлаются вполнѣ ясными во всѣхъ, нынѣ спорныхъ вопросахъ, выражаясь отношеніемъ $^1/_4:1$. Въ противномъ случаѣ, какой-бы иной путь регулированія ни былъ избранъ, оба класса населенія всегда останутся во взаимномъ антагонизмѣ, ко вреду цѣлаго братства; ибо только общинное землевладѣніе, только общинные передѣлъ и пользованіе создаютъ и поддерживаютъ общественные интересы, сплачивая и спаивая населеніе въ одно неразрывное цѣлое. Такимъ образомъ, если-бы соединенные, какъ мы сказали, надѣлы хозяевъ и Anwohner'овъ, въ одномъ или двухъ участкахъ, были предоставлены въ уравнительный передѣлъ между домовладѣльцами (хозяевами и Anwohner'ами) каждой колоніи, то, для прочнаго возстановленія спокойствія и согласія, не было бы надобности ни въ особыхъ правительственныхъ распоряженіяхъ, ни въ новыхъ законодательныхъ мѣрахъ».

Здѣсь, какъ видитъ читатель, затронутъ сельско-поземельный вопросъ въ самомъ корнѣ. Но именно этотъ вопросъ и есть та проблемма, удовлетворительное разрѣшеніе которой мы поставили себѣ главною цѣлью. За разрѣшеніе этой задачи мы взялись въ надеждѣ и даже увѣренности, что всесторонній анализъ быта нашихъ колонистовъ доставитъ, если не намъ, то умамъ болѣе компетентнымъ, полную возможность, наглядно и неопровержимо доказать и указать распорядки вполнѣ нормальной сельско-земледѣльческой ассоціаціи, распорядки такого поселянскаго общества, которое, удовлетворяя во всѣхъ отношеніяхъ требованіямъ раціональнаго крестьянскаго хозяйства, составляло-бы въ тоже время болѣе или менѣе раціональный же прототипъ того общественнаго строя, идеалъ, котораго быть можетъ, смутно носился въ мысляхъ Прудона, когда онъ писалъ: «Представляется проблемма — отыскать такое выраженіе общественнаго равенства, которое не было бы ни общиною, ни искуственнымъ сплоченіемъ (enrégimentation), ни разъединеніемъ, ни анархіей, но свободою въ порядкѣ и независимостью въ единствѣ. И если-бы разрѣшеніе этого было отыскано, оставалось-бы только одно: указать лучшій способъ перехода. Въ этомъ вся задача человѣчества». Правда, большинство политико-экономовъ сомнѣвались, да и донынѣ не пришли еще къ положительному убѣжденію, что ассоціаціонныя

начала должны получить свое примѣненіе и въ быту сельскаго населенія. Только въ недавнее время стали раздаваться иные голоса даже на западѣ Европы. Генри Фавцеттъ («Manual of Political Economi». London, 1863, pag. 292), Фердинандъ Лассаль («Kapital und Arbeit». Berlin, 1864, pag. 223—224), Эрнестъ Бехеръ и другіе высказываются въ пользу сельско-рабочихъ ассоціацій, а по иниціативѣ профессоровъ Губера и Эрленмейера дѣлаются, въ Нассау и Гессенѣ, даже слабые опыты въ этомъ направленіи. Но если на западѣ рабочій вопросъ коснулся пока только городскаго населенія, то это понятно само собою. Иное дѣло у насъ, въ Россіи. Здѣсь едва-ли кто будетъ оспаривать, что правильная организація *по землѣ, въ экономическомъ смыслѣ*, сельчанина-работника нигдѣ въ другомъ мѣстѣ не играетъ такой преобладающей роли, какъ именно въ Россіи, вся будущность которой можетъ и до времени должна быть базирована преимущественно на этомъ вопросѣ. Было время, когда съ полнымъ убѣжденіемъ и не задумываясь, мы согласились-бы съ мнѣніемъ Дика и его товарищей. Въ нашей памяти еще свѣжо негодованіе, накипавшее въ насъ при первыхъ встрѣчахъ съ поземельно-общественнымъ строемъ южныхъ колоній. Въ вопросѣ о безземельномъ населеніи, мы долгое время видѣли одно только безвыходное батрачество, имущественное и гражданское безправіе и т. д., какъ *логическій выводъ* установленной закономъ, какъ-бы на перекоръ жизни, общинно-поземельной комбинаціи. Но, работая надъ вопросомъ вотъ уже до семи лѣтъ, мы невольно, шагъ за шагомъ, отступались отъ прежнихъ воззрѣній, становясь все ближе, все рѣшительнѣе на сторону южныхъ колоній и основныхъ положеній ихъ поземельнаго устройства. Наконецъ, озираясь кругомъ, мы находимъ себя теперь въ болѣе или менѣе изолированномъ положеніи, въ самой серединѣ между двумя политико-экономическими лагерями, отстаивающими: одинъ—безусловно нашу *обычную* общину, другой — безусловно *личную* поземельную собственность крестьянъ. Но...

Но объ этомъ послѣ. Теперь замѣтимъ только, что, по нашему мнѣнію, Anwohner'ы совершенно правы, отвергая стремленіе хозяевъ октроировать изъ *однихъ* себя экономическую общину колоніи и домогаясь весьма умѣреннаго участія въ пользованіи выпускомъ какъ для себя, такъ и для Einwohner'овъ, живущихъ самостоятельной семьей (не въ услуженіи по найму). Выказывая такую умѣренность, протоколъ коммисіи подкрѣпляетъ юридическое право An-и Einwohner'овъ еще вполнѣ практическимъ смысломъ. Коммисія видимо сознаетъ, что право выпаса, обусловливаясь для хозяевъ и Anwohner'овъ, какъ земледѣльцевъ, *преимущественно хозяйственными* соображеніями, составляетъ для безземельной семьи уже вопросъ *о насущномъ хлѣбѣ*, вопросъ соціальнаго характера, такъ какъ имъ и правомъ на усадебное мѣсто обусловливается возможность для безземельной семьи выдти изъ разряда полныхъ батраковъ и жить самостоятельно, хотя бы на наемной квартирѣ. И почему право выпаса до двухъ головъ, предоставляемое хозяевами безразлично An-и Einwohner'амъ за плату и на «настоящее» только время, т. е. условно и какъ-бы изъ милости, почему же это право нельзя-бы признать за право положительное и безплатное, не

подлежащее при томъ произволу хозяевъ? Правда, хозяева отвергаютъ и въ этомъ случаѣ законъ общинной поземельной собственности. Но право выпаса имѣетъ, для батрака, какъ объяснено, слишкомъ важное соціальное значеніе; оно поддерживаетъ его стремленіе къ самостоятельности, указываетъ ему возможность сдѣлаться изъ батрака—отцемъ самостоятельной семьи, за тѣмъ Anwohner'омъ, а при благопріятныхъ условіяхъ—и хозяиномъ. Поэтому, общинный законъ прежде всего примѣнимъ въ вопросѣ о правѣ на непосредственное пользованіе выпускомъ. Очевидно однако для всякаго, что это примѣненіе можетъ и должно быть нормировано—установленіемъ особаго maximum'а *безплатнаго* выпаса для каждаго разряда населенія: хозяевъ, An-и Einwohner'овъ. Юридически, а быть можетъ и практически, было-бы всего справедливѣе и цѣлесообразнѣе за общій maximum *безплатнаго* выпаса на семью принять двѣ головы скота безразлично для всѣхъ трехъ разрядовъ населенія, съ тѣмъ, чтобы головы, выпасаемыя свыше этой нормы, оплачивались установленнымъ сборомъ въ пользу мірской кассы. Это правило, какъ нормальное, слѣдовало-бы установить *по закону*, предоставляя за тѣмъ каждому сельскому обществу, по приговорамъ схода, опредѣлять какъ размѣръ сбора, такъ и, въ предупрежденіе чрезмѣрнаго переполненія выпуска скотомъ, установлять по разрядамъ населенія и то число головъ скота, свыше котораго семьѣ не дозволяется выпасъ даже за плату. Здѣсь уже, главнѣйшимъ регуляторомъ слѣдовало-бы принять размѣръ подворнаго надѣла, т. е. соображенія безусловно хозяйственныя. Но далѣе мы яснѣе увидимъ цѣль и сущность стремленій хозяевъ; мы убѣдимся, что и теперь еще они отстаиваютъ свои мнимыя права не менѣе упорно, какъ и въ 1865 году.

Въ отношеніи *повинностей*, отправляемыхъ натурою, коммисія формулировала вопросъ такъ: «въ какой соразмѣрности съ хозяиномъ Anwohner долженъ быть привлекаемъ къ отбыванію натуральныхъ повинностей, т. е. должна-ли десятина анвонерскаго надѣла нести равную тягость съ хозяйскою десятиною»?.. По издавна существующему въ меннонитскихъ колоніяхъ порядку, натуральныя повинности отбываются исключительно отъ земли или надѣла. Признавъ этотъ порядокъ вполнѣ справедливымъ и наименѣе обременительнымъ, большинство коммисіи пришло къ заключенію, что анвонерскій надѣлъ, вслѣдствіе отдаленности его отъ усадебъ, по хозяйственной эксплоатаціи менѣе выгоденъ, чѣмъ хозяйскій надѣлъ, относясь къ послѣднему, въ общей сложности, какъ 2 : 3. Въ той же, по заключенію протокола, соразмѣрности Anwohner'ами и хозяевами должны быть отправляемы и *мірскія* натуральныя повинности.

Подъ этими повинностями (Zechen) слѣдуетъ разумѣть: дачу подводъ по разнымъ мірскимъ надобностямъ; работы при возведеніи и ремонтированіи общественныхъ зданій, запрудъ, дамбъ и проч.; ссыпку окладного продовольственнаго хлѣба въ общественные магазины; хлѣбную зерновую дачу сельскому учителю, и т. п.

«Запасы общественныхъ магазиновъ, сказано далѣе въ протоколѣ, обезпечиваютъ, въ потребныхъ случаяхъ, продовольственныя нужды *цѣлаго*

общества; слѣдовательно, право на пособіе изъ этихъ запасовъ есть сервитутъ *лица*, которымъ оно пользуется въ случаѣ дѣйствительной, неотвратимой инымъ способомъ нужды. На томъ же основаніи, окладная ссыпка зерна въ магазины опредѣляется съ души, а количественный maximum запасовъ соразмѣряется съ валовымъ числомъ душъ обоего пола цѣлаго общества. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы *каждая* душа сама вносила за себя окладной зерновой налогъ: обязанность доставить магазину этотъ налогъ, равно какъ пополненіе, въ данныхъ случаяхъ, тѣхъ хлѣбныхъ пособій, которыя могутъ оставаться въ недоимкѣ по бѣдности и нуждѣ должниковъ, или же *безвозвратно* выданы Einwohner'амъ, какъ иначе и быть не должно, остаются на солидарной отвѣтственности однихъ хозяевъ и Anwohner'овъ, въ соразмѣрности съ землевладѣніемъ каждаго и въ вышеуказанной пропорціи».

Раскладка казенныхъ податей, земскихъ волостныхъ и сельскихъ (мірскихъ) денежныхъ сборовъ, по мнѣнію большинства коммисіи, равнымъ образомъ подлежитъ измѣненію. «Обычная у насъ, свидѣтельствуетъ протоколъ, раскладка валовой суммы всѣхъ этихъ податей и сборовъ дѣлается, по преимуществу, не соразмѣрно землевладѣнію, а уравнительно на взрослыхъ работниковъ обоего пола. Такой порядокъ нарушаетъ интересы не только An- и Einwohner'овъ, но нерѣдко даже платежныя средства отдѣльныхъ хозяевъ (?), что возбуждаетъ недовольство и ропотъ. Справедливою и уравнительною мы признаемъ только подесятинную раскладку сборовъ, съ соблюденіемъ все той же пропорціи по обложенію надѣла хозяевъ и Anwohner'овъ, какая указана выше. И это потому, что платежную способность слѣдуетъ искать не въ рабочихъ рукахъ, а въ наличныхъ доходныхъ источникахъ, т. е. при господствующемъ у колонистовъ земледѣльческомъ промыслѣ — въ земляхъ надѣла. Привлеченіе здѣсь къ податной тягѣ иныхъ промысловъ, ремеслъ и торговли могло бы казаться справедливымъ и даже нужнымъ; но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что торговля, а частью и промыслы, уже теперь привлечены къ *особымъ* налогамъ въ пользу казны и земства. Со временемъ едва-ли избѣгнутъ того же и ремесленники, требующіе, наравнѣ съ промышленниками, особеннаго попечительнаго вниманія со стороны общества, какъ необходимые факторы въ дальнѣйшемъ преуспѣяніи его хлѣбопашественнаго хозяйства».

Единственныя изъятія, допускаемыя изъ этого основного правила большинствомъ коммисіи, заключаются въ томъ, что, сверхъ опредѣленныхъ сельскому учителю жалованья и дачи продуктами, оно полагало бы ввести особый сборъ, по одному рублю въ годъ, съ ученика или ученицы, съ обращеніемъ этого налога въ пользу училищнаго дѣла, а содержаніе пастуховъ и ночныхъ караульныхъ отнести: первыхъ—на сборъ съ головъ выпасаемаго скота, вторыхъ—на страховое имущество, соразмѣрно ипотечной оцѣнкѣ.

«Всѣ мірскія натуральныя повинности (Zechen)», возражаютъ меньшенство коммисіи и единомысленные съ нимъ хозяева; «возведеніе и ремонтированіе общественныхъ зданій и учрежденій, — все это лежало до сего времени исключительно на однихъ только хозяевахъ. Имъ еще ни разу

не приходило на мысль привлечь къ этимъ повинностямъ Anwohner'овъ. Для насъ возникаетъ вопросъ: какую тенденцію преслѣдуютъ послѣдніе, предлагая свое непрошенное участіе въ несеніи этихъ тягостей, и должны ли мы принять ихъ предложеніе?.. Мы того убѣжденія, что ни прежде, ни нынѣ при 12-ти десятинномъ надѣлѣ, Anwohner не въ силахъ исправно нести ту часть повинностей, которую онъ предполагаетъ принять на себя, согласно протоколу большинства. Анвонерскій надѣлъ, по необходимости, отведенъ въ слишкомъ дальнихъ разстояніяхъ отъ усадебъ; поэтому и рабочая сила Anwohner'a не можетъ быть приложена съ той выгодою, какъ хозяйская: онъ самъ и скотъ его, бо́льшую часть лѣта, должны проводить внѣ дома, на своихъ поляхъ и въ разъѣздахъ. Въ это время, объ отбываніи Anwohner'омъ подводной или иной повинности натурою нельзя и помышлять, безъ раззорительнаго для него стѣсненія. Слѣдовательно, повинности эти, по необходимости и во всякомъ случаѣ, падутъ на хозяевъ. Въ виду этихъ соображеній, мы предпочитаемъ отклонить предлагаемое участіе въ этомъ дѣлѣ Anwohner'овъ».

Точно также хозяева отклоняютъ всякое участіе Anwohner'овъ въ составленіи и храненіи продовольственныхъ запасовъ въ установленномъ размѣрѣ. Но, въ то же время, они обезпечиваютъ за ними и Einwohner'ами *личное* право на помощь въ нуждѣ и обязываются «настаивать на возвратѣ ссудъ съ величайшею снисходительностью, а въ данномъ случаѣ зачитывать такія выдачи въ *безвозвратное* пособіе», принимая пополненіе магазиновъ на собственный счетъ. «Мы, говорятъ хозяева, положительно протестуемъ только противъ всякаго притязанія An- и Einwohner'овъ на магазинныя, школьныя и другія общественныя постройки, которыя, какъ возведенныя и поддерживаемыя одними хозяевами, должны остаться и впредь только ихъ исключительною собственностью».

Обращаясь къ вопросу объ измѣненіи способовъ внутренней раскладки денежныхъ сборовъ, меньшинство коммисіи (хозяева) задалось вопросомъ: «на сколько соотвѣтствуетъ требованіямъ справедливости и благоразумія предположеніе Anwohner'овъ — освободить отъ тяги денежныхъ сборовъ Einwohner'овъ, и въ томъ числѣ торговцевъ, ремесленниковъ, учителей, наемныхъ работниковъ и работницъ, словомъ, людей, доходы и заработокъ которыхъ весьма нерѣдко превышаютъ выгоды менѣе состоятельныхъ хозяевъ»?.. Рѣчь идетъ здѣсь о раскладкѣ казенныхъ податей и сборовъ земскихъ, а также мірскихъ на содержаніе волостного и сельскихъ управленій, врачей, фельдшеровъ, писарей, учителей, школъ и т. д. Итогъ этихъ сборовъ такъ значителенъ, что, будучи переложенъ на одни надѣлы Anwohner'овъ и хозяевъ въ предлагаемой пропорціи 2 : 3, они должны бы, по мнѣнію хозяевъ, сдѣлаться для земледѣльцевъ невыполнимымъ бременемъ. «Земскіе налоги, говорятъ хозяева, въ соразмѣрности, падаютъ одинаково, какъ на торговцевъ и промышленниковъ, такъ и на земледѣльцевъ. Поэтому, мы не видимъ надобности, ни возможности и справедливаго основанія измѣнять издавна установившіеся у насъ порядки внутренней раскладки, полагая, что это дѣло, по прежнему, слѣдуетъ предоставить усмотрѣнію схода каждаго отдѣльнаго общества».

Сельско-хозяйственная коммисія, вполнѣ соглашаясь съ хозяевами по вопросамъ о раскладкѣ сборовъ, полагаетъ однако, что содержаніе и улучшеніе училищнаго дѣла лежатъ на прямой обязанности цѣлой общины, а не тѣхъ лишь родителей, которыхъ Богъ наградилъ дѣтьми, но, быть можетъ, не имущественнымъ достаткомъ. По мнѣнію этой коммисіи, высказанному намъ и лично ея предсѣдателемъ, школьное обученіе, какъ непремѣнный факторъ гражданскаго и экономическаго преуспѣянія, слѣдуетъ давать отъ общества *даромъ*, безъ особаго сбора съ учениковъ.

Далѣе протоколъ большинства специальной коммисіи указываетъ на существующій мѣстами въ колоніяхъ оброкъ съ анвонерскихъ усадебъ, какъ на явленіе лишь частное, и потому возбуждающее ропотъ и неудовольствіе, тѣмъ болѣе справедливые, что сборъ этотъ, въ размѣрѣ отъ 50 коп. до 1 рубля 50 коп. съ двора, несовмѣстенъ съ понятіемъ о гражданской независимости и полноправности Anwohner'а, ставя его какъ бы въ обязанныя отношенія къ хозяину, получившему уже единовременную уплату за уступленную изъ своего надѣла анвонерскую усадьбу. Однако хозяева и въ этомъ случаѣ возражаютъ противъ предположенія — воспретить дальнѣйшее взиманіе подобныхъ оброковъ. По ихъ мнѣнію, оброки эти, будучи обусловлены частными договорами хозяевъ и Anwohner'овъ, могутъ быть устранены исключительно только путемъ частнаго же взаимнаго соглашенія договорившихся сторонъ, а не общимъ административнымъ распоряженіемъ.

Наконецъ, коммисія обсуждала еще вопросы объ участіи въ сходахъ членовъ сельскаго общества и о правоспособности ихъ на занятіе выборныхъ должностей, а также объ устройствѣ избытка населенія на покупныхъ земляхъ.

Какъ Anwohner'ы допущены уже въ составъ сходовъ, въ качествѣ полноправныхъ членовъ общества, способныхъ занять и должности по выборной службѣ, то большинство коммисіи не находило надобности въ какихъ-либо новыхъ постановленіяхъ. Но иного мнѣнія хозяева, которые и до сего времени остаются при прежнемъ убѣжденіи, что цензомъ, опредѣляющимъ личное право на участіе въ сходахъ и занятіе должности, долженъ быть признанъ 65-ти-десятинный дворъ, дающій своему хозяину, или же хозяевамъ его дробныхъ частей сообща, только *одинъ* голосъ на сходѣ. Единственную уступку, которую хозяева признаютъ справедливою и цѣлесообразною, состоитъ въ томъ, что, по ихъ мнѣнію, въ составъ сходовъ (по одному представителю отъ каждаго 65-ти-десятиннаго участка) слѣдовало-бы допустить еще не болѣе, какъ по одному представителю отъ каждыхъ пяти Anwohner'овъ, получившихъ 12-ти-десятинный надѣлъ.

И такъ, представительство на сходѣ и служебная правоспособность, обусловленныя крупнымъ поземельнымъ цензомъ, съ одной стороны; съ другой — внутренняя, по усмотрѣнію схода крупныхъ хозяевъ-землевладѣльцевъ, раскладка податей и мірскихъ денежныхъ сборовъ уравнительно на взрослыхъ работниковъ *всѣхъ трехъ классовъ* населенія—вотъ идеалъ общественнаго самоуправленія нашихъ меннонитскихъ хозяевъ.

Но не отзывается-ли этотъ идеалъ сильнѣйшею примѣсью крѣпостническихъ, властолюбивыхъ поползновеній?.. Какъ-же согласовать такой порядокъ съ началами общественной и имущественной равноправности, личной свободы и гражданской полноправности, съ началами, составляющими въ настоящее время, по закону и фактически, достояніе не однихъ колонистовъ, но и всего поселянскаго состоянія тамъ, гдѣ невѣжество, или, еще болѣе, экономическая разрозненность по закону, не препятствуютъ населенію нашихъ мірскихъ и волостныхъ обществъ пользоваться своимъ правомъ?.. И по какому же уваженію хозяева такъ положительно и смѣло завѣряютъ, будто всѣ общественныя зданія въ ихъ колоніяхъ возведены и поддерживаются безъ всякаго участія An-и Einwohner'овъ? Развѣ «мірскіе сборы», а слѣдовательно и *всѣ* суммы на такія постройки, и прежде, и теперь еще, не взыскивались уравнительно съ работниковъ обоего пола цѣлаго общества, не исключая ни An-, ни Einwohner'овъ?.. Если же такія зданія были возводимы на счетъ такъ называемыхъ «мірскихъ доходовъ», т. е. помощью дохода съ «запасныхъ и излишнихъ» земель и окружной овчарни, то объ истинномъ значеніи этихъ источниковъ мы говорили выше. И развѣ въ этомъ случаѣ столь ревниво ограждаемое хозяевами право собственности ихъ на общественныя сооруженія не является еще болѣе сомнительнымъ, до того непрочнымъ, что два, три прежнихъ нашихъ аргумента обращаютъ эту quasi-хозяйскую собственность — почти въ безусловную собственность одного лишь безземельнаго класса?..

По всей вѣроятности, всѣ изложенные спорные вопросы разрѣшатся законодательствомъ далеко не въ смыслѣ домогательства хозяевъ. Объ ограниченіи права участія въ сходахъ Anwohner'овъ, какъ владѣльцевъ «двора» (хотя-бы вовсе безъ полевого надѣла), не можетъ быть и рѣчи. Но этого мало; масса Einwohner'овъ тоже не можетъ оставаться безъ всякаго представительства на сходахъ. Въ этомъ отношеніи, если не ошибаемся, предположено допустить на сельскій сходъ по одному представителю отъ каждыхъ десяти, а на волостной, по одному представителю отъ каждыхъ двадцати взрослыхъ работниковъ. Затѣмъ, по всей же вѣроятности, меннонитскія земли надѣла будутъ обложены государственною оброчною податью въ одинаковомъ размѣрѣ съ землями сосѣднихъ государственныхъ крестьянъ. Наконецъ пришло, кажется, время, что привиллегіи колонистовъ (свобода отъ повинностей рекрутской и военнопостойной) обратятся, изъ преимуществъ «вѣчныхъ», *въ льготы срочныя*. Если-бы всѣ эти мѣры осуществились (что, повторяемъ еще разъ, весьма вѣроятно); да если-бы къ тому же состоялось еще переложеніе подушныхъ сборовъ въ налогъ подворный, какъ это предположила извѣстная податная коммисія, въ такомъ случаѣ, мы вполнѣ увѣрены, Anwohner'ы сразу отказались-бы отъ рекомендуемаго ими обложенія, по внутренней раскладкѣ, *однѣхъ земель*, а хозяева не стали-бы, какъ нынѣ, уклоняться отъ принятія такихъ же рѣшительныхъ мѣръ въ пользу безземельнаго класса, къ какимъ прибѣгли сосѣди ихъ—молочанскіе нѣмецкіе колонисты) 7,209 муж. душъ 10 рев.), хортицкіе меннониты и дру-

гіе, купившіе въ послѣдніе два года земель: *первые*, безъ малаго на милліонъ р. (до 43 тыс. десятинъ), а хортицкое общество, какъ уже извѣстно, на 240,000 руб., водворяя на этихъ земляхъ своихъ выселенцевъ общинами — колонію за колоніею.

При существующей между молочанскими меннонитами розни нельзя ожидать скораго обращенія братства къ подобной же мѣрѣ, хотя едва-ли найдется иное водвореніе, которое могло-бы сравняться съ ними по интеллигентнымъ и матеріальнымъ средствамъ. Остается одна надежда подвинуть это дѣло, именно: надежда на ожидаемое нами допущеніе въ составъ сходовъ представителей безземельнаго класса и уравненіе меннонитовъ, въ податномъ отношеніи, съ прочими колонистами и крестьянами. Въ этомъ окончательно убѣждаютъ насъ разсужденія молочанской же спеціальной коммисіи и вызванные этими разсужденіями протесты.

«Покупка земель для устройства на нихъ избытка населенія, разсуждаетъ большинство коммисіи въ своемъ протоколѣ, есть *прямая* обязанность всѣхъ владѣющихъ надѣломъ, и *косвенная* — тѣхъ сообщественниковъ, которые, не имѣя надѣла, владѣютъ капиталомъ. Для составленія нужнаго колонизаціоннаго капитала, братство должно сдѣлать заемъ, по преимуществу въ своей же средѣ, въ размѣрѣ пяти рублей на десятину надѣла, а всего на 120,000 десятинъ въ суммѣ 600,000 руб. Уплата займа съ процентами обезпечивается солидарно всѣмъ надѣломъ землевладѣльцевъ, независимо отъ ихъ личности, и, въ этомъ смыслѣ, заемъ расписывается по дворамъ въ ипотечныхъ книгахъ. На эти средства пріобрѣтаются не менѣе 30 десятинъ на безземельную семью. Принимая отъ братства этотъ надѣлъ въ собственность, выселенцы обязываются выплатить покупную сумму, съ процентами, въ теченіи 13-ти лѣтъ, опредѣленными ратами. Для веденія этой операціи учреждается особая коммисія изъ шести членовъ (по два выборныхъ отъ каждаго класса населенія). Коммисія эта изъ среды себя избираетъ своего предсѣдателя и снабжается отъ сельскихъ обществъ нужными полномочіями. По обороту суммъ и въ счетоводствѣ, коммисія обязана принять къ руководству проектъ волостного банка, представленный въ 1866 году на разсмотрѣніе начальства».

Хозяева и съ своей стороны признаютъ устройство на покупныхъ земляхъ безземельныхъ дѣломъ настоятельной важности, и не отвергаютъ, что указываемымъ въ протоколѣ коммисіи способомъ до 1,000 бѣдныхъ семействъ могли-бы сдѣлаться земельными собственниками. Но они сомнѣваются, чтобы семья выселенца, будучи обременена долгомъ за свой участокъ въ 600 рублей, а при 13-ти-лѣтнемъ погашеніи и 6% ростѣ — въ 1,068 р., нашлась въ возможности уплатить этотъ долгъ, и въ то же время устроиться хозяйственно. Лучшій способъ хозяева усматриваютъ въ томъ, если ожидаемый отводъ трактовыхъ земель, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ окажется свободнымъ послѣ регулированія нынѣшняго анвонерскаго надѣла, съ цѣлью сближенія послѣдняго съ усадьбами, такъ и имѣющіеся въ дачахъ сельскихъ обществъ излишки земли сверхъ нормы первоначальнаго надѣла, будутъ обращены въ постоянныя мірскія статьи, а

доходы съ нихъ исключительно на составленіе колонизаціоннаго фонда. Усиливая этотъ фондъ безсрочными, но каждогодными сборами: а) по 10 коп. съ хозяйской и по $6^2/_3$ коп. съ анвонерской десятины надѣла, что въ годъ составитъ до 11,000 руб.; и б) по 10 коп. съ рабочей души обоего пола (нынѣ 12,876 такихъ душъ); а также в) добровольными пожертвованіями капитальныхъ собственниковъ, хозяева полагаютъ возможнымъ удовлетворить потребности въ покупныхъ земляхъ и безъ болѣе или менѣе рискованнаго займа. Затѣмъ, по пріобрѣтеніи за счетъ фонда нужныхъ участковъ, раздача ихъ въ собственность по 30-ти десятинъ на семью, или самую колонизацію пріобрѣтенныхъ земель, по мнѣнію хозяевъ, слѣдовало-бы возложить не на особую коммисію, а на волостное правленіе, совмѣстно съ членами сельско-хозяйственной коммисіи, съ тѣмъ, чтобы они раздавали участки преимущественно наиболѣе состоятельнымъ изъ безземельныхъ, по жребію, обязывая пріобрѣтателей, вопервыхъ, выплатить колонизаціонному фонду покупную сумму въ 15 лѣтъ по равнымъ частямъ и безъ процентовъ; во-вторыхъ, по истеченіи 10-ти-льготныхъ лѣтъ, вносить въ тотъ же колонизаціонный фондъ, наравнѣ съ кореннымъ водвореніемъ, по 10 коп. съ десятины предоставленнной имъ поземельной собственности.

Что же касается отдачи въ оброкъ вышеупомянутыхъ мірскихъ статей, взысканія оброковъ, завѣдыванія суммами колонизаціоннаго фонда, осмотра и покупки участковъ, то, по мнѣнію хозяевъ, эти обязанности можно бы возложить на предложенную, смѣшанную коммисію.

Мы не имѣли бы ничего возразить противъ этихъ, только что высказанныхъ предложеній хозяевъ, еслибъ трактовыя земли были уже въ рукахъ братства. Но дѣло это еще не рѣшено окончательно, и скоро-ли придетъ къ концу—неизвѣстно. Вѣроятнѣе всего, что отводъ этотъ состоится только подъ условіемъ платежа казнѣ оцѣночнаго оброка; а много-ли за тѣмъ очистится дохода въ пользу колонизаціоннаго фонда—тоже вопросъ. Слѣдовательно, при настоящихъ условіяхъ сущность возраженій хозяевъ сводится просто-на-просто на благовидную оттяжку, тѣмъ болѣе, что предположенія большинства коммисіи вовсе не заключаютъ въ себѣ особеннаго риска, да и самыя возраженія хозяевъ блѣдны и безсодержательны. Для волостного общества не составляло бы ни риска, ни даже особенной тягости, принять на себя уплату процентовъ по займу, вновь же надѣленныхъ выселенцевъ обязать возвратомъ одной лишь капитальной суммы; а между тѣмъ, *только въ этомъ* обстоятельствѣ заключается сущность опасенія хозяевъ относительно рискованности будто бы проекта коммисіи. Или хозяева не понимаютъ, что купленныя земли уже сами-по-себѣ послужатъ обезпеченіемъ сдѣланнаго займа?..

Нерѣдко, повидимому, недостижимое дѣлается возможнымъ, лишь-бы въ руководителяхъ и исполнителяхъ была сильна *добрая* воля. Къ сожалѣнію, ея-то, кажется, и нѣтъ у хозяевъ. А жаль; рано или поздно братство горько и горько пожалѣетъ о настоящемъ неразуміи нѣкоторыхъ изъ его главныхъ руководителей и вспомянетъ прахъ ихъ, конечно, не благословеніями.

XII.

Ознакомившись съ результатами, достигнутыми меннонитскою колонизаціею, намъ оставалось бы обратиться къ вопросу: въ чемъ же, по преимуществу, заключается причина хозяйственнаго успѣха и благоустройства меннонитскихъ водвореній, болѣе или менѣе колеблемыхъ только въ послѣдніе годы?.. Намъ желательно знать, обязаны ли меннониты своими успѣхами исключительно только предоставленнымъ братству правамъ на общественное самоуправленіе, преимуществамъ по состоянію и матеріальнымъ, а также интеллигентнымъ своимъ средствамъ; или же замѣтную роль играетъ здѣсь, въ чисто механическомъ смыслѣ, установившаяся хозяйственная система, основанная на лично-общинныхъ поземельныхъ распорядкахъ, и если такъ, то въ какой степени эти распорядки сами-по-себѣ вліяютъ на преуспѣяніе колоній?..

Ставя этотъ вопросъ, мы имѣемъ въ виду какъ замѣчательный примѣръ быстраго устройства приселенныхъ къ Молочанскому округу раззорившихся радичевцевъ, такъ главнѣйшіе и происходившіе у насъ споры о превосходствѣ обычныхъ распорядковъ по землѣ нашихъ крестьянъ предъ западно-европейскимъ крестьяниномъ-собственникомъ, споры, не приведшіе и до сего времени ни къ какому положительному результату ни общество, ни представителей литературы и науки. Наконецъ, мы не могли не принять во вниманіе ту же двойственность началъ по владѣнію и порядкамъ пользованія землею, выразившуюся и во всѣхъ новѣйшихъ законоположеніяхъ нашихъ по поземельному устройству разнаго наименованія сельчанъ. Въ каждомъ изъ этихъ актовъ явственно слышны голоса какъ представителей поземельно-общиннаго принципа, такъ и антагонистовъ ихъ, требующихъ обращенія каждаго отдѣльнаго крестьянина въ полнаго поземельно-участковаго собственника. И особенно любопытно прослѣдить тѣ уступки, которыя въ мѣстныхъ положеніяхъ вытребовала себѣ дѣйствительная жизнь, какъ-бы въ доказательство того, что практика нашихъ крестьянъ по землевладѣнію не довольствуется ни исключительно общиннымъ, ни исключительно личнымъ принципомъ. Общинно-поземельное устройство нашихъ меннонитскихъ колоній, отличаясь отъ поземельныхъ порядковъ, установившихся у крестьянъ русскихъ и Западной Европы по двумъ противоположнымъ началамъ, представляетъ собою нѣчто среднее между обѣими системами. Меннонитская земледѣльческая община никѣмъ еще не анализирована всесторонне; всѣ споры и трактаты о крестьянской общинѣ вполнѣ игнорировали этотъ, по нашему мнѣнію, весьма крупный фактъ; содѣйствовать восполненію этого пробѣла, а также установленію болѣе правильнаго взгляда на наше колонистское населеніе вообще, вотъ главная мысль, лежащая въ основаніи всего нашего труда. Но зная предубѣжденіе, господствующее у весьма многихъ изъ насъ противъ колонистовъ, какъ привилегированнаго состоянія, и будучи того мнѣнія, что не въ привилегіяхъ лежитъ истинная причина хозяйственнаго и общественнаго успѣха колоній, мы видѣли необходимость подкрѣпить себя возможно бо́льшимъ количествомъ

фактическаго матеріала, статистическихъ данныхъ. Такой баластъ нѣсколько тяжолъ; но не имѣя никакого права требовать себѣ вѣры на-слово, мы не задумывались надъ этимъ неудобствомъ, въ полной увѣренности, что люди, серьозно интересующіеся крестьянскимъ бытомъ, оцѣнятъ этотъ баластъ и воспользуются имъ для провѣрки нашихъ же выводовъ.

Спеціализируя вопросъ въ этомъ смыслѣ, мы не скрываемъ отъ себя всей затруднительности его положительнаго разрѣшенія; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не признать, что только въ этомъ направленіи анализъ нашихъ колонистскихъ земледѣльческихъ ассоціацій можетъ имѣть вполнѣ современное и практическое значеніе, въ особенности для насъ, русскихъ, занятыхъ закладкою фундамента нашего государственнаго строя— вопросомъ крестьянскимъ.

Что права общественнаго самоуправленія и вообще преимущества гражданскія, а также матеріальныя средства, составляютъ такіе факторы, безъ которыхъ никакая система поземельнаго устройства не могла-бы дать такихъ благопріятныхъ результатовъ, какія встрѣчаются у нашихъ меннонитовъ какъ нормальное явленіе — это, конечно, фактъ несомнѣнный, усвоенный и законодательствомъ. Но если болѣе или менѣе всѣ согласны въ томъ, что въ быту земледѣльческаго общества внутренній распорядокъ по землѣ есть одинъ изъ главнѣйшихъ факторовъ успѣха или упадка, то, въ свою очередь, безнадежное, въ началѣ нынѣшняго столѣтія, положеніе меннонитскихъ и другихъ нашихъ колоній, исторія Радичева и Сарепты, а также судьбы рибенсдорфскихъ и бѣловѣжскихъ колонистовъ, вполнѣ подтверждаютъ ту не новую, правда, истину, что одни и тѣже права, даже особыя преимущества и матеріальныя средства, могутъ и *не вести* къ общественному благосостоянію; что сельское общество можетъ быть богато всякаго рода силами наилучшаго качества, и, тѣмъ не менѣе, результатъ взаимодѣйствія этихъ силъ будетъ не тотъ, который требуется; что, наконецъ, общество начинаетъ ближе подходить къ осуществленію своихъ завѣтныхъ желаній только въ такомъ случаѣ, коль скоро оно проникается системою, болѣе или менѣе соотвѣтствующею его цѣлямъ, и система эта, ложась въ основаніе частнаго и общественнаго, нравственнаго и матеріальнаго быта населенія, преобразовываетъ прежнее *обычное* общество—въ цѣльный, осмысленно работающій организмъ, въ организмъ юридическій, всѣ функціи котораго, исходя отъ ясно-сознаннаго общаго положенія и сохраняя каждая, въ частности, свою естественную, уже *легально обусловленную* самостоятельность, направляютъ жизнь солидарно по тому или другому пути, но всегда къ одному логическому выводу. Конечный результатъ, достигаемый общественнымъ организмомъ, зависитъ не столько отъ *доброкачественности* отдѣльныхъ, дѣйствующихъ въ немъ силъ, сколько отъ правильнаго, солидарнаго ихъ *взаимодѣйствія*, обусловливаемаго раціональностью положенныхъ въ основу общества главныхъ началъ. Естественнымъ путемъ сложившееся общество, неуклонно сохраняющее возможную свободу всѣхъ частныхъ своихъ дѣятелей и руководствуемое стоящимъ во главѣ его развитія, удо-

влетворительнымъ начальнымъ образованіемъ, само и легко исправляетъ встрѣчаемыя имъ въ своей средѣ частныя ненормальности, лишь-бы были вполнѣ здравы его главнѣйшія основныя положенія.

Намъ извѣстно, какимъ путемъ законодательство повело наши колоніи съ начала текущаго столѣтія и на сколько передовые представители ихъ, меннониты, съумѣли воспользоваться данными имъ средствами и гарантіями, восполняя недомолвки и обходя ошибки законодателя въ разныхъ частностяхъ. И только раціональности главныхъ основаній принятыхъ въ то время мѣръ, а также сохраненной за колоніями возможности самостоятельно разработывать частности своего быта въ согласіи съ указанными закономъ общими началами, мы обязаны всѣми успѣхами, какіе находимъ теперь въ быту меннонитовъ. Но ограничиваясь этимъ выводомъ, мы все еще далеки отъ безошибочнаго заключенія о степени превосходства системы собственно *поземельно-общиннаго* устройства меннонитовъ предъ поземельными же порядками на иныхъ основаніяхъ. Въ этомъ случаѣ мало для насъ знать, что меннонитское земледѣльческое общество имѣетъ исходною точкою, базисомъ своимъ, извѣстную комбинацію *по землѣ* двухъ началъ: *общиннаго*, или мірского, какъ фактора консервативнаго, господствующаго и регулирующаго въ смыслѣ общественнаго благосостоянія, и *личнаго* или единоличнаго подворно-наслѣдственнаго пользованія (не владѣнія), какъ фактора прогрессивнаго, но подначальнаго, ограниченнаго въ тѣхъ предѣлахъ, нарушеніе которыхъ со стороны личнаго начала должно-бы повести къ разложенію общины, къ лишенію ея значенія цѣльнаго, самобытнаго организма. Мы не можемъ довольствоваться и тѣмъ, что при болѣе или менѣе стройно-легальномъ взаимодѣйствіи названныхъ двухъ началъ, въ каждой меннонитской колоніи постановка общественно-семейныхъ и экономическихъ правовыхъ условій нормальнѣе, чѣмъ въ иныхъ мѣстахъ; что выходъ изъ общиннаго союза всегда открытъ для всякаго изъ его членовъ, если же этимъ правомъ, на свой рискъ, мало кто пользуется, то, стало быть, и такъ называемая «батрачья жизнь» нашего безземельнаго колониста еще не очень дурна; что правила общинно-церковной дисциплины меннонитовъ хотя и строги, но въ сущности ограничиваются, или должны-бы ограничиваться, совѣтомъ, увѣщаніемъ, убѣжденіемъ, устраненіемъ сообщинниковъ отъ порочнаго индивидуума, а въ крайнемъ случаѣ, удаленіемъ послѣдняго изъ среды общества по приговору двухъ третей его членовъ; и что, наконецъ, порукою за дальнѣйшее преуспѣяніе этихъ обществъ служатъ, съ одной стороны, разнообразіе въ нихъ, сверхъ главнаго земледѣльческаго, *разнаго рода иного спеціальнаго* труда, въ основаніи котораго лежитъ правильное экономическое начало — разумное раздѣленіе труда, его спеціализированіе, а съ другой—присущія общественному строю меннонитовъ основныя начала, и въ томъ числѣ *свобода приходскаго общенія* и *равноправіе обоихъ половъ по имуществу*—факторы слишкомъ разумные, чтобы не имѣть на своей сторонѣ и законодателя, и большинство современнаго общества.

Всѣмъ этимъ мы удовлетворяемся не вполнѣ, такъ какъ отсюда все еще

нельзя убѣдиться, что именно поземельные распорядки меннонитскаго общества играютъ здѣсь, по меньшей мѣрѣ, такую же важную роль, какая безспорно принадлежитъ другимъ главнымъ факторамъ: правамъ самоуправленія, гражданства, и т. д.

Если стать на экономическую почву, въ тѣсномъ смыслѣ слова, меннонитскій дворъ-хозяйство, какъ нѣчто безотносительное, не можетъ не казаться хотя-бы только весьма удовлетворительнымъ даже въ глазахъ самаго требовательнаго фермера. Но намъ вправѣ возразить, что такой взглядъ одностороненъ; что истинная цѣнность вещи, промысла, заведенія, личности и т. д. обусловливается достоинствами сколько реальными, столько же и относительными. И дѣйствительно; въ настоящемъ случаѣ весь вопросъ въ томъ, съ точки зрѣнія чьихъ интересовъ смотрѣть на предметъ. Такъ хозяйство меннонита N, взятое само-по-себѣ, образцово, прежде всего, съ общей точки зрѣнія фермерства, за тѣмъ въ глазахъ самаго хозяина и вообще тѣхъ лицъ и учрежденій, которыя не имѣютъ съ N и его хозяйствомъ никакихъ непосредственно-обязательныхъ соотношеній. Но изъ этого, какъ само собою разумѣется, вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы за N и его дворомъ признавали ту же образцовость: общество, членомъ котораго состоитъ N съ своимъ хозяйствомъ; казна, имѣющая къ нему фискальныя требованія; и, наконецъ, *земство*, въ интересахъ котораго можетъ быть признано образцовымъ исключительно хозяйство, поддерживающее собственное благосостояніе при одновременномъ, относительно равномѣрномъ и исправномъ отбываніи по крайней мѣрѣ тѣхъ же личныхъ и по имуществу тягостей, какія выпадаютъ на долю менѣе состоятельнаго сосѣда меннонита N. Такимъ образомъ, указавъ безспорное превосходство меннонитскаго хозяйства предъ хозяйствомъ, напримѣръ, нашего крестьянина, мы еще не доказали бы въ сущности ничего положительнаго, или же, по крайней мѣрѣ, не то̀, что̀ требовалось доказать.

Ближайшее сопоставленіе съ меннонитами Радичева и Сарепты тоже не повело бы къ цѣли, такъ какъ эти общины обращали свою дѣятельность преимущественно на ремесла, промыслы и торговлю, а Сарепта, сверхъ того, еще и на миссіонерство. Меннониты, какъ земледѣльцы по призванію, въ принципѣ чуждые фанатической религіозной пропагандѣ, неуклонно слѣдуютъ своему девизу: «культивировать праздныя мѣста», и развиваютъ ремесла, промыслы и торговлю неиначе, какъ въ неразрывно тѣсной связи съ хлѣбопашественно-скотоводнымъ хозяйствомъ, сообразовываясь при этомъ прежде всего съ потребностями послѣдняго. Примѣры рибенсдорфцевъ и бѣловѣжцевъ, конечно, болѣе соотвѣтствуютъ, и до извѣстной степени даже вполнѣ удовлетворяютъ нашей цѣли; на нихъ мы видѣли печальные результаты неразумнаго примѣненія къ поселянскому землевладѣнію личнаго начала, какъ элемента преобладающаго надъ началомъ общиннымъ. Но такимъ образомъ мы получили аргументъ лишь отрицательнаго свойства.

Ближе мы подойдемъ къ занимающему насъ вопросу, знакомясь съ отношеніями къ поземельной общинѣ меннонитовъ-Hüpfer'овъ и «Іеруса-

лимскихъ друзей», съ представителями которыхъ мы лично бесѣдовали. Они, правда, никакъ не хотѣли допустить, что ихъ религіознымъ движеніямъ, хотя отчасти, причастны «мірскіе» разсчеты; но, въ тоже время, они вполнѣ подтверждали, что, при своевременномъ устройствѣ сельскаго схода и выборнаго управленія, на основаніяхъ, ограничивающихъ до извѣстной степени самовластіе хозяевъ, введеніемъ въ составъ схода Anwohner'овъ и нѣкотораго процента отъ класса безземельныхъ, — оба вопроса, религіозный и поземельный, не привели бы къ такому глубокому разладу, какой существуетъ теперь среди меннонитскаго братства на Молочнѣ. Наши собесѣдники не отрицали при этомъ, что въ числѣ послѣдователей вновь образовавшихся приходовъ едва-ли не большинство состоитъ изъ безземельныхъ, одинаково недовольныхъ, сколько религіозно-нравственнымъ упадкомъ своихъ единовѣрцевъ, столько же и небреженіемъ, съ которымъ хозяева относятся къ устройству избытка колонистскаго населенія, и что одна изъ главнѣйшихъ цѣлей новыхъ приходовъ—пріобрѣтеніе, тѣмъ или другимъ законнымъ путемъ, земельнаго владѣнія, для устройства на немъ самостоятельнаго гражданскаго общества, «для жизни въ мирѣ и трудѣ». На вопросъ нашъ: какой, въ случаѣ пріобрѣтенія земли, братства установятъ у себя распорядокъ владѣнія и пользованія? намъ безъ затрудненія отвѣчали, что существующая у меннонитовъ система — своего рода идеалъ сельско-земледѣльческаго устройства, лучше котораго они (наши собесѣдники) ничего не находили, ни у насъ въ Россіи, ни за границею; что благосостояніемъ, вызываемымъ этой системою, обусловливается отчасти эгоистическое увлеченіе большинства меннонитовъ «стяжаніемъ мірскихъ благъ, въ ущербъ благамъ душевнымъ и нравственнымъ», тогда какъ послѣдователи новыхъ толковъ твердо убѣждены, что «прочными и преуспѣвающими могутъ быть признаны только гражданское благоустройство и матеріальное благосостояніе, идущія рука объ руку съ основательнымъ религіозно-нравственнымъ воспитаніемъ и руководимыя болѣе или менѣе научными знаніями и образованіемъ». «Никто изъ безземельныхъ—присовокупляли наши собесѣдники— не думаетъ серьезно объ уравнительномъ передѣлѣ земель по душамъ, или даже по семействамъ; всякій изъ насъ вполнѣ убѣжденъ, что такая ломка повела бы къ полному раззоренію навсегда не только нынѣшнихъ «хозяйствъ», но и благосостоянія всего братства. Поэтому, безземельные поставили себѣ цѣлью, не ломая существующихъ поземельныхъ распорядковъ, ввести въ составъ сельскаго схода своихъ представителей, и, чрезъ ихъ посредство добившись пріобрѣтенія за счетъ общества нужной земли, устроиться на ней въ составѣ такихъ же общинъ.» Если-бы это говорили люди «темные», забитые рутиною, то, конечно, для многихъ голосъ ихъ могъ бы казаться незаслуживающимъ никакого вниманія; но кругозоръ и реальныя знанія нашихъ собесѣдниковъ, осмысленные наглядным многостороннимъ опытомъ, довольно солиднымъ образованіемъ и критически анализирующимъ умомъ, не таковы, чтобы можно было относиться къ нимъ свысока и небрежно. Тѣмъ не менѣе, мы далеки отъ мысли навязывать читателю приведенное свидѣтельство, какъ

аксіому. Напротивъ, удовлетворительное разрѣшеніе нашего вопроса, мы думаемъ, находится въ сопоставленіи быта меннонитовъ съ современнымъ положеніемъ такихъ же, чисто-земледѣльческихъ поселеній, т. е. съ остальными нѣмецкими колоніями, и особенно съ тѣми, которыя по времени, мѣстности и условіямъ поселенія стоятъ ближе къ меннонитамъ. При этомъ мы увидимъ, что почти одинаково привилегированное положеніе и тождество гражданскихъ условій всего колонистскаго состоянія сводятъ, въ концѣ концовъ, успѣхъ или неуспѣхъ каждаго отдѣльнаго водворенія къ одному и тому же фактору—ко внутреннимъ распорядкамъ колоній по землевладѣнію.

Но эти сопоставленія вызвали бы насъ далеко за предѣлы настоящаго изслѣдованія, и потому мы, въ заключеніе, обратимъ вниманіе нашихъ читателей только на то обстоятельство, что въ концѣ прошлаго вѣка положеніе поселеній нѣмцевъ и шведовъ, въ Поволжьѣ и Новороссіи, было весьма жалкое, до того жалкое, что даже Контеніусъ, несомнѣнно сочувствовавшій дѣлу иностранной колонизаціи и ставшій съ начала текущаго столѣтія во главѣ южныхъ колоній, отчаявался, повидимому, въ успѣхѣ даже меннонитскихъ водвореній, не говоря уже о попыткахъ остальныхъ поселянъ. Но, вопреки всему этому, коренныя мѣропріятія правительства, двинувшія впередъ съ такою силою меннонитскія водворенія, вдохнули жизнь и въ колонизацію остальныхъ нашихъ заграничныхъ всельниковъ.

V.

ПОРЯДКИ НАСЛѢДОВАНІЯ.

Порядки наслѣдованія въ землѣ и имуществахъ у иностранныхъ поселенцевъ, водворенныхъ на земляхъ по надѣлу отъ казны, приводятъ насъ къ той области русскаго права, которая, въ отношеніи собственно нашихъ сельскихъ состояній, представляется сферою вполнѣ стихійною, сферою, гдѣ и до сего времени законодательство, въ сознаніи своего полнаго безсилія, отступаетъ предъ «обычаемъ». Уже много вѣковъ тому назадъ, наше гражданское право положительно разошлось съ бытовыми, семейно-имущественными понятіями и распорядками сельчанина въ семьѣ и общинѣ. Во все послѣдующее время, по мѣрѣ закабаленія крестьянской личности, не могло быть конечно и рѣчи о ея гражданскихъ правахъ, такъ какъ граждански свободная, полноправная личность и кабальный холопъ—два понятія, одно другое исключающія и вообще несовмѣстимыя. Только съ 19 февраля 1861 года эти отношенія къ крестьянину законодательства измѣнились, а съ тѣмъ вмѣстѣ выяснилась и совершенная несостоятельность нашего гражданскаго права (ч. I, Т. X. св. зак. граж.) для разрѣшенія споровъ и недоразумѣній, вытекающихъ изъ бытовыхъ условій сельскаго состоянія; вопросовъ, имѣющихъ предметомъ имущественное и хозяйственное положеніе крестьянъ, своеобразныя отношенія между собою членовъ крестьянской семьи, порядки наслѣдованія и раздѣловъ крестьянскаго имущества, опеки и попечительства надъ малолѣтними, нерадивыми и т. д.

Нашъ гражданскій кодексъ писанъ не для крестьянъ, а исключительно для однихъ только привилегированныхъ классовъ. Тѣмъ не менѣе, онъ страдаетъ существенными недостатками, такою неполнотою и такими рѣзкими противорѣчіями, что къ числу самыхъ неясныхъ и шаткихъ вопросовъ принадлежитъ даже понятіе *о правѣ владѣнія и связанныхъ съ нимъ правовыхъ отношеніяхъ*. Такъ, обращаясь къ 1-й части X т., мы положительно лишены всякой возможности объяснить себѣ, напримѣръ, то, встрѣчаемое въ практической жизни на каждомъ шагу, весьма

существенное различіе, которое дѣлаютъ и наука и практика между *правомъ владѣть* (jus possidendi), какъ составною частью нѣкоторыхъ вещныхъ правъ, и *правомъ владѣнія* (jus possessionis), какъ права совершенно самостоятельнаго. И такіе недостатки нашего свода дѣлаются особенно осязательными тамъ, гдѣ, какъ въ нашихъ колоніяхъ, по землѣ и имуществу, существуютъ спеціальныя постановленія, о которыхъ мы намѣрены говорить подробнѣе.

Конечно, едва ли кто рѣшится спорить, если скажемъ, что невниманіе законодателя къ *обычаямъ*, установившимся въ крестьянской семьѣ, въ ея отношеніяхъ къ земельному владѣнію, имуществамъ, поселянской общинѣ и т. д., не можетъ содѣйствовать ни экономическому, ни нравственному преуспѣянію сельскаго состоянія. Но едва ли несравненно худшія послѣдствія обнаружила бы мѣра, которая *разомъ* отмѣнила бы тѣ частныя постановленія положительнаго закона, на основаніи которыхъ развился и окрѣпъ семейно-имущественный юридическій бытъ извѣстнаго класса людей и цѣлыхъ поколѣній. Такимъ образомъ, у нашихъ колонистовъ, по закону *владѣющихъ* своими землями общинно, но пользующихся ими подворно и до извѣстной степени наслѣдственно, замѣна всѣхъ гарантирующихъ эти порядки *законоположеній* постановленіемъ о томъ, что впредь колонисты, какъ и крестьяне-собственники, «въ порядкѣ наслѣдованія имуществомъ», руководствуются «мѣстными своими обычаями» (ст. 38 общ. пол. 19 февраля 1861 года), привела бы неминуемо къ тѣмъ самымъ результатамъ, примѣры которыхъ мы привели, говоря о колоніяхъ бѣловѣжскихъ и рибенсдорфскихъ (стр. 133 и слѣд.), и которые представляются крайне печальными въ однодворческихъ (четвертныхъ) водвореніяхъ и у малороссійскихъ казаковъ. Тѣ же результаты обнаружились бы у колонистовъ еще несомнѣннѣе и быстрѣе, еслибъ на нихъ распространить дѣйствіе общаго гражданскаго кодекса, которому они еще никогда не подчинялись (ст. 1187 ч. 1, т. X зак. граж).

Спеціальныя постановленія въ отношеніи права наслѣдованія у колонистовъ, основанныя на извѣстныхъ уже читателю законодательныхъ актахъ императрицы Екатерины II и императора Павла, были вызваны именно недостатками общаго свода. Соображая эти правила съ другими постановленіями устава о колоніяхъ (ч. 2, т. XII св. зак.), мы находимъ, что въ основаніе поземельно-имущественнаго и вообще гражданскаго состоянія колонистовъ положены слѣдующія главнѣйшія начала:

1) «*Всѣ отведенныя подъ поселеніе колонистовъ земли присвоены имъ въ неоспоримое и вѣчно-потомственное владѣніе, но не въ личную кого либо, а въ общественную каждой колоніи собственность*», *безъ права отчуждать эту собственность въ* «*постороннія руки*» *и съ обязательствомъ* «*платить поземельную подать*», *опредѣляемую* «*по числу* (десятинъ) *дѣйствительно состоящихъ въ ихъ владѣніи удобныхъ земель*».

Это общее начало, вошедши въ сводъ законовъ (ст. 159, 160, 248—251 уст. о кол. и ст. 737 уст. о под.), вмѣстѣ съ планами, межами и межевыми документами, замѣнило для колонистовъ тѣ «владѣнныя записи и люстраціонные акты», выдачей которыхъ крестьянскимъ обществамъ

занято правительство въ настоящее время. Опредѣляя право фиска на обложеніе колонистскихъ земель, приведенныя законоположенія безповоротно отграничили эти земли и въ территоріальномъ смыслѣ, и по праву владѣнія, отъ поземельной собственности казны и прочихъ сословій имперіи. Въ то же время, колонистское поземельное владѣніе, какъ *собственность общественная*, т. е. юридическаго лица — общины, а не индивидуума, и въ болѣе широкомъ смыслѣ, какъ принадлежность *особаго класса сельскаго населенія*, которому лично и по состоянію присвоены извѣстныя преимущества предъ остальными сельскими обывателями (податнымъ классомъ), всегда имѣло вполнѣ *сословное* значеніе, обративъ самое населеніе колоній въ *особое сельское сословіе*. Этотъ характеръ колонистскаго землевладѣнія и состоянія не измѣнили до сего времени и реформы нынѣшняго царствованія. Колонисты и крестьяне-собственники (въ современномъ смыслѣ), принадлежа къ одному и тому же сельскому состоянію, по владѣнію своею поселянскою земельною собственностью и по мірскому самоуправленію, вполнѣ равноправны. Но, въ силу сословныхъ преимуществъ колонистовъ и того общаго и вполнѣ необходимаго правила, по которому приписка къ сельскому обществу дозволяется только по пріемному мірскому приговору и при томъ исключительно лицамъ, пользующимся лично и по состоянію *одинаковыми* правами съ населеніемъ даннаго общества, выходитъ то, что для колониста, пріобрѣвшаго требуемые пріемный и увольнительный приговоры, во всякое время открытъ свободный доступъ въ любое крестьянское общество, въ качествѣ его полноправнаго члена, тогда какъ, напротивъ, доступъ въ колонистское общество для крестьянина закрытъ.

Для устраненія этой сословной исключительности колонистскаго землевладѣнія представляются *только два пути*: нужно *или* уничтожить исключительныя привилегіи колонистскаго состоянія, *или* же, хотя-бы съ сохраненіемъ за колонистами ихъ привилегій, разбить общинное устройство колоній, обративъ колонистскую *общинно-поземельную собственность — въ полную собственность отдѣльныхъ подворныхъ хозяевъ*. И та и другая мѣра имѣютъ свои неудобства, хотя, безъ сомнѣнія, найдутся и такіе ревнители, которые, незадумываясь, скажутъ: «зачѣмъ тутъ эти *или*? Нужно разомъ сдѣлать и то, и другое». Но эти ревнители совершенно забываютъ, что въ подобныхъ пріемахъ вовсе не нуждается цивилизованное правительство, государственныя цѣли котораго всегда солидарны съ благосостояніемъ населенія. Если уничтоженіе колонистскихъ привилегій, какъ противорѣчащее манифестамъ, грамотамъ и договорамъ, можетъ имѣть характеръ политическаго неприличія, то, въ свою очередь, вторая мѣра встрѣтитъ самое упорное противодѣйствіе въ населеніи колоній и могла бы быть проведена только путемъ *юридическаго насилія*, такъ какъ опытъ положительно убѣдилъ колонистовъ, что ихъ общинно-поземельное устройство есть «идеалъ сельско-земледѣльческаго устроенія», требующій дальнѣйшаго, всесторонняго развитія, но отнюдь не ломки, которая, какъ выразились бр. Ланге и иные передовые колонисты, неминуемо должна бы привести ихъ цвѣтущія, богатыя и благоустроенныя общины къ полному.

экономическому разстройству. Но, по видимому, *дѣйствительное* сліяніе колонистовъ съ остальнымъ сельскимъ состояніемъ уже не можетъ быть отложено; иначе новѣйшее законодательство стало бы въ противорѣчіе съ самимъ собою. Слѣдовательно, остается только избрать тотъ путь, которымъ въ настоящемъ случаѣ должна быть достигнута общая цѣль нашихъ крестьянскихъ реформъ — сліяніе всѣхъ сельчанъ въ *одно сельское состояніе*. По нашему мнѣнію, вторая изъ указанныхъ нами двухъ мѣръ лишена всякой разумности, всякаго политико-экономическаго и государственнаго смысла, и мы упомянули о ней только потому, что ни въ нашемъ обществѣ, ни даже въ законодательствѣ, и до сего времени не выяснилась окончательно та форма крестьянско-поземельнаго устройства, въ безусловномъ превосходствѣ которой и общество, и наука, и законодатель, покрайней мѣрѣ въ своихъ лучшихъ, наиболѣе компетентныхъ представителяхъ, были-бы убѣждены также сознательно-твердо, какъ колонисты въ достоинствахъ своихъ распорядковъ. Изъ такого положенія дѣла само собою объясняется осторожное отношеніе къ поселянскому землевладѣнію новаго законодательства, очевидно руководящагося двумя основными началами: а) чтобы, *не ломая законодательнымъ путемъ сложившихся, на основаніи обычнаго права, внутреннихъ распорядковъ по землѣ и имуществу нашихъ селъ и деревень, дать самимъ обществамъ возможность, по ихъ собственному усмотрѣнію, усвоить себѣ ту или другую систему поземельнаго пользованія и хозяйства*; и б) *чтобы земля, состоящая въ надѣлѣ поселянъ, оставаясь, подъ наименованіемъ мірской земли, за установленныя повинности или подать, въ постоянномъ владѣніи сельскаго общества, образовала неприкосновенную собственность поселянскаго надѣла, предназначенную для постояннаго обезпеченія быта всего земледѣльческаго сословія»* (ст. 35 Царанскаго Положенія). И если законодательство не измѣнило этимъ началамъ даже въ отношеніи нашей великорусской *обычной общины*, неудовлетворяющей современнымъ требованіямъ практики и экономической науки, то, конечно, для колонистовъ нѣтъ ни малѣйшаго основанія опасаться отмѣны ихъ общинно-поземельныхъ распорядковъ, которые составляютъ фактъ юридическій, установленный русскимъ же законодательствомъ, и дали при томъ такіе крупные результаты, достиженіе которыхъ при *иной поземельной* комбинаціи относится пока еще къ области благочестивыхъ чаяній, къ pia disideria. По всѣмъ этимъ соображеніямъ, вѣроятнѣе всего то, что колонисты—лично, по состоянію и праву распоряженія отведенными имъ въ надѣлъ землями—будутъ сравнены съ крестьянами-собственниками, и нынѣшняя *специально-колонистская* общинная поземельная собственность, сохраняя и впредь эту основную форму, обратится только въ *общую принадлежность всего сельскаго состоянія имперіи*, въ томъ смыслѣ, что и не-колонисты получатъ доступъ въ колонистскія общины на общемъ основаніи, т. е. по пріемнымъ мірскимъ приговорамъ.

2) *При самомъ основаніи колоніи, поселянское общество отведенную въ его собственность земельную дачу распредѣляетъ, по угодьямъ, частью въ общее* (выпасъ, лѣсъ и мірскія оброчныя статьи, рѣки, озера, болоты,

трясины и вообще *неудобныя* угодья), *частью же въ лично-потомственное пользованіе* (усадьбы, поля и сѣнокосы) *своихъ членовъ уравнительно, но не по числу душъ, а подворно или посемейно* (ст. 155, 156, 170 и слѣд). *Новые уравнительные передѣлы угодій подворнаго пользованія допускаются только въ видахъ улучшенія хозяйственной системы «дабы вездѣ по колоніямъ земли раздѣляемы были на три поля, и производилось испытаніе о раздѣленіи оныхъ на шесть и на семь полей»* (ст. 313).

3) *Такой, независимый отъ числа душъ въ семьѣ, подворный или посемейный надѣлъ, съ хозяйственными обзаведеніями на немъ, образуетъ самостоятельный «дворъ» или «хозяйство», угодья котораго впослѣдствіи, ни въ какомъ случаѣ, не могутъ быть уменьшаемы ни количественно, ни качественно. Однако «дворъ-хозяйство» самъ по-себѣ можетъ дробиться, по раздѣлу, въ порядкѣ наслѣдованія, по завѣщанію, семейнымъ договорамъ и соглашеніямъ, хотя во всякомъ случаѣ неиначе, какъ съ согласія сельскаго схода и выборныхъ начальниковъ* (ст. 173).

Для всякаго изъ насъ, сколько нибудь знакомаго съ условіями и потребностями сельскаго хозяйства, вполнѣ понятна *экономическая* важность этихъ правилъ. Безусловно отвергая тѣ уравнительные передѣлы полей и угодій мірского владѣнія, которыя существуютъ въ нашихъ великорусскихъ селахъ и имѣютъ исключительною цѣлью доставить каждому члену общины *лично* его пай земли; но допуская и *требуя даже* (ст. 313 «шульцы должны смотрѣть и стараться, дабы и т. д.) передѣла полей ради измѣненія сѣвооборота, перехода отъ 3-хъ польной къ многопольнымъ системамъ и т. п., колонизаціонное законодательство съумѣло отстранить отъ колоній главнѣйшіе недостатки нашихъ обычныхъ общинъ, не жертвуя въ тоже время тѣми несомнѣнными выгодами, которыя представляетъ каждая изъ этихъ общинъ сама-по-себѣ, уже какъ болѣе или менѣе обширное и *объединенное* землевладѣніе. Въ этой же возможности иного распредѣленія угодій подворнаго владѣнія, безъ количественнаго или качественнаго умаленія надѣла отдѣльнаго двора-хозяйства, заключается главное различіе колонистской подворно-наслѣдственной системы и отъ той же системы крестьянъ сѣверо-и югозападнаго края. Въ то время какъ система хозяйства (сѣвооборотъ, распредѣленіе полей и т. д.) установляется, въ каждой колоніи, по приговору *большинства хозяевъ*, крестьяне-хозяева Западнаго края хозяйничаютъ, *каждый* на своемъ надѣлѣ, *по собственному усмотрѣнію*, и veto хотя-бы *одного* изъ нихъ можетъ парализовать волю *всѣхъ остальныхъ* его сообщественниковъ, если-бъ они, напримѣръ, рѣшили перейти отъ 3-хъ—польной къ многопольной системѣ хозяйства и, соотвѣтственно тому, захотѣли предпринять необходимое въ такомъ случаѣ иное распредѣленіе полей и угодій подворнаго пользованія, даже не умаляя при этомъ надѣла каждаго отдѣльнаго двора ни количественно, ни качественно. Различіе это представляется наиболѣе яснымъ при сравненіи постановленій уст. о кол. съ мѣстнымъ положеніемъ 19-го февраля 1861 года для губ. Кіевской, Подольской и Волынской (ст. 76—78, 87—90). Отсюда видно, что, вопреки основной мысли законодателя (сельское общество *прежде всего хозяйственная единица*), въ

экономическомъ смыслѣ мірской сходъ западныхъ губерній безсиленъ, представляя нѣчто въ родѣ знаменитой «Рѣчи Посполитой», съ парализующимъ «veto» каждаго изъ ея членовъ въ отдѣльности.

4) *Первоначальный подворно—участковый надѣлъ, какъ maximum поселянскаго двора-хозяйства, а также образовавшіеся за тѣмъ, путемъ раздѣла такого двора, самостоятельные дворы-хозяйства меньшаго размѣра, остаются, изъ рода въ родъ, въ исключительно лично-потомственномъ пользованіи одного хозяина* (ст. 172—173).

5) *Всѣ члены колонистской общины гражданскі вполнѣ равноправны; но политическая полноправность есть исключительная принадлежность однихъ лишъ хозяевъ или владѣльцевъ двора-хозяйства, въ рукахъ которыхъ сосредоточены всѣ дѣла общественнаго самоуправленія* (ст. 18, 19, 20, 24, 28, 29 и 42).

Наконецъ, 6) *Населеніе каждаго сельскаго общества (колоніи), въ исправномъ платежѣ податей и въ выполненіи повинностей, а также въ отношеніи общественнаго призрѣнія, народнаго продовольствія, образованія и т. д., связано круговою порукою* (ст. 244 и др.).

Такимъ образомъ, говоря иными словами, устройство колонистскаго общества *по землѣ* основано на двухъ, повидимому, противорѣчивыхъ началахъ, именно: *на началѣ общиннаго или мірского владѣнія и на началѣ единолично-потомственнаго пользованія.* Взаимодѣйствіе въ быту нашихъ колоній этихъ двухъ началъ привело здѣсь къ правовымъ послѣдствіямъ, совершенно чуждымъ римскому праву и неизвѣстнымъ даже нашему гражданскому кодексу (ч. I. т. X зак. гражд.). Въ частности, относительно наслѣдованія и раздѣла имуществъ, уставъ о кол. дѣлаетъ различія:

а) *Въ отведенныхъ отъ казны подворныхъ участкахъ*, которые, по праву продажи, заклада и т. д., изъяты не только изъ *общиннаго*, но и изъ *личнаго произвола* колонистовъ (ст. 160, 169—175), въ томъ смыслѣ, что участокъ, съ его обзаведеніями и сервитутами (общественными: выпасами, лѣсомъ, оброчными статьями, зданіями, капиталами и т. д.), можетъ переходить только отъ хозяина къ члену-*однообщественнику*, или вообще къ лицу, принятому въ общество установленнымъ порядкомъ. Въ этихъ же предѣлахъ, которые, при благосостояніи колоній, не умаляютъ, а напротивъ, значительно возвышаютъ продажныя цѣны хозяйствъ, колонистскій дворъ можетъ служить, и дѣйствительно служитъ, даже обезпеченіемъ займовъ изъ мѣстныхъ кассъ или волостныхъ банковъ, являющихся постоянными посредниками при разсчетахъ между наслѣдниками, и вообще при переходѣ хозяйства изъ рукъ въ руки. (Ср. положеніе о волостныхъ банкахъ).

б) *Въ собственномъ «благонажитомъ» имуществѣ*, которое колонистъ можетъ завѣщать по своему произволу, безъ всякаго стѣсненія (ст. 125 и 176).

и в) *Въ движимомъ имуществѣ* колониста, умершаго безъ завѣщанія (ст. 178).

Соображеніе этихъ различій приводитъ къ тому логическому выводу,

что, по отношенію къ землямъ колоніально-общиннаго владѣнія и въ чертѣ этого владѣнія, не существуетъ ни частной *родовой недвижимой* собственности, ни вообще *отдѣльнаго отъ земли недвижимаго имущества*, такъ какъ здѣсь подъ «собственнымъ благонажитымъ» имуществомъ разумѣется одна лишь «движимость»; *постройки* же и вообще *все крѣпкое землѣ*, составляютъ только полный *сервитутъ* ея, т. е. неотъемлемую принадлежность двора—хозяйства, каковою представляется для хозяина и право его на участіе въ пользованіи общественнымъ выгономъ и т. д.

Соотвѣтственно сему постановлено, что въ отведенныхъ подворныхъ участкахъ наслѣдуетъ вообще меньшій сынъ (миноратъ), и только въ случаѣ «неспособности» его, отецъ, а за смертію отца, мѣстное начальство, вправѣ назначить другого наслѣдника «изъ старшихъ сыновей, или изъ ближнихъ, *не имѣющихъ собственныхъ участковъ*, родственниковъ». Хотя дозволяется братьямъ и родственникамъ, съ общаго согласія, жить однимъ домомъ, а послѣ не оставившаго сыновей колониста, и вдовѣ его съ дочерьми владѣть участкомъ, но лишь подъ условіемъ, чтобы, въ первомъ случаѣ, «хозяиномъ такого дома» (двора-хозяйства) былъ кто-либо одинъ, а во второмъ, чтобы полнымъ и всегдашнимъ владѣльцемъ «наслѣдственной земли (того же двора-хозяйства) сдѣлался *первый мужчина*, вошедшій въ семью посредствомъ брака съ матерью, или съ одною изъ дочерей. На волю родителей-колонистовъ предоставляется, путемъ завѣщанія или при выѣздѣ за границу, распорядиться исключительно лишь «собственнымъ своимъ», или, что тоже, «благонажитымъ въ Россіи движимымъ имуществомъ». Въ случаѣ смерти колониста, неоставившаго завѣщанія, раздѣлу между наслѣдниками должно подлежать опять-таки одно лишь «оставшееся послѣ него движимое имущество», изъ котораго надлежитъ выдать: «вдовѣ умершаго четвертую часть, и такую же часть» всѣмъ дочерямъ вмѣстѣ; остатокъ «дѣлится по равнымъ частямъ между сыновьями». Слѣдовательно, колонистскій дворъ-хозяйство, со всѣми сервитутами его, какъ нѣчто нераздѣльное, долженъ бы переходить отъ лица къ лицу исключительно *по закону*, и съ единственнымъ для его наслѣдника обязательствомъ, сверхъ выдѣла прочимъ сонаслѣдникамъ, по закону или завѣщанію, части движимости, давать еще полное содержаніе вдовѣ и дочерямъ умершаго хозяина до ихъ смерти, замужества, или оставленія, по собственному усмотрѣнію, родного крова. Въ этомъ смыслѣ, дворъ-хозяйство, съ его сервитутными правами, не крѣпокъ даже къ *семьѣ* владѣльца; онъ можетъ перейти отъ отца, помимо сыновей его, и въ томъ числѣ прямого наслѣдника (младшаго сына), въ боковыя родственныя линіи. Слѣдовательно, дворъ-хозяйство колониста, состоя только въ его условно-потомственномъ пользованіи, есть и неизмѣнно остается неотчуждаемою собственностью цѣлой общины, къ которой, въ опредѣленныхъ закономъ предѣлахъ, возвращается только право на свободное распоряженіе о передачѣ этой собственности отъ одного хозяина въ *лично-потомственное же пользованіе* другого хозяина. Женщина, вообще говоря, не можетъ наслѣдовать дворомъ-хозяйствомъ; но въ исключительномъ случаѣ, когда послѣ хозяина остались «однѣ вдова и дочери», она пе-

редаетъ «всегдашнее владѣніе» хозяйствомъ тому лицу, которое прежде другихъ вступитъ въ бракъ «съ вдовою или одною изъ дочерей». Въ этомъ смыслѣ, переходъ хозяйства изъ рукъ въ руки вполнѣ подчиняется исключительно и безусловно началу единоличнаго владѣнія мужчины. Наконецъ, на земельный участокъ и хозяйственное на немъ обзаведеніе, какъ на мірскую собственность, никакое лицо, не принадлежащее къ составу общества, не можетъ ни наслѣдовать, ни инымъ образомъ пріобрѣсти права непосредственно-личнаго владѣнія. Только въ началѣ текущаго столѣтія, инструкціями о внутреннемъ управленіи колоній (пол. собр. зак. 1800 г. № 19562, 1801 г. № 19873, 1803 г. № 20798 и 20841), колонистамъ впервые разрѣшенъ раздѣлъ двора-хозяйства, и то не иначе какъ «съ дозволенія начальства».

Этотъ послѣдній законъ, въ смыслѣ дальнѣйшаго развитія основного порядка наслѣдованія, установленнаго въ 1764 году, на практикѣ получилъ и могъ имѣть только то послѣдствіе, что тамъ, гдѣ при водвореніи имѣлись «излишнія» или «запасныя земли», хозяинъ двора выдѣлялъ односемейниковъ своихъ деньгами, орудіями, скотомъ и т. д., въ размѣрѣ, необходимомъ для устройства на означенныхъ земляхъ другого нормальнаго двора-хозяйства (въ 65, 60, 53, 50, 35 или 30 десятинъ, смотря по нормѣ надѣла въ коренномъ водвореніи), а тамъ, гдѣ ни запасныхъ, ни излишнихъ земель не было, приходилось уже, съ согласія общества и выборнаго начальства, дѣлить самый дворъ-хозяйство, т. е. самый земельный участокъ первоначальнаго надѣла. Такимъ образомъ, при выдѣлѣ на «запасныя» земли, состоявшія внѣ межъ сельскаго общества, въ границахъ территоріальнаго владѣнія цѣлаго округа (волости), или цѣлаго водворенія (нѣсколькихъ округовъ однoправныхъ поселянъ), образовывались выселенцами, въ чертѣ того же округа или водворенія, новыя, самостоятельныя сельскія общины; при выдѣлѣ же на «излишнія» земли, какъ входящія въ составъ дачи коренной колоніи, а также при раздѣлѣ кореннаго двора-хозяйства, увеличивается только число сихъ послѣднихъ, а слѣдовательно и численность полноправныхъ хозяевъ одного и того же сельскаго общества.

Ст. 177 уст. о кол., предоставляя всѣмъ дочерямъ вмѣстѣ четвертую часть движимаго имущества умершаго отца, не разъясняетъ: слѣдуетъ-ли здѣсь разумѣть всѣхъ вообще дочерей, или однѣхъ лишь состоящихъ въ семьѣ, т. е. незамужнихъ. По закону 19-го марта 1764 г. (ст. 4 пун. 3) «указная» часть движимости назначается дочерямъ «на приданое». Изъ этого какъ-бы слѣдуетъ, что еще при жизни родителя вышедшія замужъ дочери, какъ получившія приданое, отстраняются отъ дальнѣйшаго наслѣдованія даже въ движимомъ имуществѣ.

Наконецъ, уст. о кол. оставляетъ безъ прямыхъ указаній: какому, послѣ умершаго безъ завѣщанія владѣльца-колониста, порядку наслѣдованія подчиняются имущества и земли, пріобрѣтенныя имъ (ст. 124 и 166 уст. о кол.) въ полную крѣпостную собственность внѣ казеннаго надѣла. Но по ст. 167 того же устава, въ отношеніи пріобрѣтенныхъ въ собственность земель, колонистамъ предоставлены всѣ права, при-

своенныя прочимъ сельскимъ обывателямъ на частную ихъ собственность. На основаніи же общаго положенія 19-го февраля 1861 года (ст. 38), «въ порядкѣ наслѣдованія имуществомъ, крестьянамъ дозволяется руководствоваться мѣстными своими обычаями». Отсюда слѣдуетъ, что имущества и земли колонистовъ-собственниковъ, состоящія внѣ казеннаго надѣла, подчиняются равнымъ образомъ не общему порядку наслѣдованія (ч. 1 т. X зак. гражд.), а напротивъ, тѣмъ же распорядкамъ и правиламъ, который дѣйствуютъ въ мѣстѣ приписки по ревизіи владѣльца, по спеціальному закону и обычному праву. Обстоятельство это однако не можетъ и не должно стѣснять основного права поселенца-собственника распорядиться, путемъ завѣщанія, «своимъ имѣніемъ внутри государства, по своему произволу безъ всякаго ограниченія» (ст. 124, 125 и 176 уст. о кол.).

Изложенными спеціальными порядками наслѣдованія руководствуются нынѣ не всѣ колонисты. Такъ цѣлое поволжское водвореніе (вѣдомство саратовской конторы иностр. посел., за исключеніемъ меннонитовъ), еще въ концѣ прошлаго столѣтія, замѣнило у себя подворно-наслѣдственное пользованіе землями надѣла—срочно-общиннымъ передѣломъ по душамъ. Сдѣлавъ тѣмъ невозможнымъ примѣненіе спеціальнаго наслѣдственнаго закона, водвореніе это руководствуется съ того времени общедѣйствующими въ имперіи законоположеніями, но только въ той мѣрѣ, въ какой эти законоположенія не противорѣчатъ мѣстнымъ обычаямъ. Здѣсь, практикой установлены слѣдующія правила наслѣдованія и раздѣла имуществъ: а) Всякій колонистъ свободно можетъ завѣщать не только свою крѣпостную, внѣ колонистскаго надѣла, собственность, но и все свое имущество и хозяйство, находящіяся на общественной землѣ. б) Сыновья и дочери, получившіе при жизни отца: первые, согласно ст. 173 уст. о кол., *особое хозяйство*, а послѣднія, при выходѣ замужъ, *приданое*, считаются навсегда выдѣленными изъ коренного хозяйства и имущества отца. И тѣ и другія при неотдѣленныхъ, родныхъ братьяхъ, съ ихъ нисходящими, и при незамужнихъ сестрахъ, не вправѣ вступаться въ дальнѣйшее наслѣдованіе послѣ отца. Но при выдачѣ колонистскихъ дочерей замужъ, въ силу обычая съ приданымъ по назначенію родителей, никогда не совершаются ни установленныя ст. 1001 и 1002 ч. 1 т. X зак. гражд. рядныя записи и подписки, ни иного рода письменные акты. И в) если послѣ умершаго безъ завѣщанія колониста остаются малолѣтніе наслѣдники и требуется установленіе опеки, то хозяйству и всему имуществу умершаго составляется опись съ оцѣнкою. Согласно мнѣнію сельскаго начальства, лучшихъ хозяевъ колоніи и опекуновъ, наслѣдственныя хозяйство и имущество *или* передаются, по описи, въ общее управленіе совершеннолѣтнихъ наслѣдниковъ подъ ближайшимъ надзоромъ опекуновъ, *или* же, по случаю малолѣтства всѣхъ наслѣдниковъ, а также по неблагонадежности совершеннолѣтнихъ наслѣдниковъ, оныя продаются съ публичнаго торга и вырученныя деньги, по уплатѣ казенныхъ и частныхъ долговъ, дѣлятся между сонаслѣдниками на основаніи общедѣйствующихъ узаконеній. Душевые земельные паи сиротъ, впредь до совершеннолѣтія послѣднихъ бе-

рутся въ распоряженіе общества, принимающаго съ тѣмъ вмѣстѣ на себя и платежъ за сиротъ податей и отправленіе повинностей. Съ прекращеніемъ опеки, состоявшіе подъ нею колонисты вступаютъ въ свои права на душевые земельные паи со всѣми, связанными съ этимъ правомъ податными и повинными обязанностями, а съ устройствомъ собственнаго хозяйства, т. е. усадебнаго двора, дѣлаются и полноправными членами мірского схода. Наконецъ, при дальнѣйшихъ переходахъ имуществъ безъ завѣщанія по нисходящимъ, восходящимъ и боковымъ линіямъ родства, а также въ наслѣдованіи собственнымъ имуществомъ послѣ умершей жены матери и вообще лицъ женскаго пола, колонисты поволжскаго водворенія руководствуются исключительно обще-дѣйствующими по имперіи правилами.

Такимъ образомъ, въ саратовско-самарскихъ колоніяхъ земли надѣла пріурочены не къ двору-хозяйству, а къ мужской личности, ревизской душѣ, а остальное имущество крѣпко къ семьѣ и роду владѣльцевъ. Это тѣ же обычные порядки нашихъ великорусскихъ крестьянъ, съ ихъ достоинствами въ смыслѣ безусловной равно—и полноправности сообщинниковъ, съ ихъ коренными недостатками въ отношеніи хозяйственнаго и интеллигентнаго преуспѣянія личности и общины, въ цѣломъ. Здѣсь, въ порядкѣ наслѣдованія и раздѣла имуществъ, тяжбы возникаютъ только въ рѣдкихъ и исключительныхъ случаяхъ. Почти единственнымъ поводомъ къ нимъ служатъ притязанія замужнихъ дочерей, которыя; недовольствуясь приданымъ, вступаются иногда въ наслѣдство послѣ умершихъ родителей, основываясь на томъ, что при выходѣ въ замужество не даны ими рядныя записи и подписки. Кромѣ того, но уже исключительно со стороны дочерей, находящихся въ замужествѣ за лицами не-колонистскаго званія, заявляются споры о наслѣдованіи домами и другими постройками и заведеніями, въ силу того, что онѣ признаютъ эти имущества *родовыми*, тогда какъ таковыя, будучи возведены не на собственной землѣ, по смыслу ст. 399 ч. 1 т. X. Зак. Граж. свойства родовыхъ имуществъ не имѣютъ, а для лицъ, не принадлежащихъ къ обществу-собственнику земли, занятой подъ постройки, не имѣютъ даже и свойствъ *недвижимыхъ* имуществъ.

Всѣ остальныя водворенія колонистовъ-нѣмцевъ, усвоивъ подворно-наслѣдственную систему, во всѣхъ отношеніяхъ отличаются и наибольшимъ благоустройствомъ и благосостояніемъ. Сравнивая эти водворенія между собою, оказывается, что благоустройство и благосостояніе въ отдѣльныхъ группахъ этихъ колоній почти прямо пропорціональны той неуклонности, съ которою поселянскія общины придерживались подворно-наслѣдственной системы во внутреннемъ распредѣленіи своего надѣла и соотвѣтствующихъ сему правилъ наслѣдованія, раздѣловъ и т. д. Но выводъ этотъ не безусловенъ. Практика указала въ законѣ 19-го марта 1764 года такія положенія, которыя *или* идутъ положительно въ разрѣзъ съ обычнымъ правомъ населенія, какъ напр. миноратское право и вообще неравноправіе по имуществу лицъ *обоего пола*, переходъ двора-хозяйства по праву брачному, и т. д.; *или же* настоятельно требуютъ ближайшаго

развитія, согласно указаніямъ опыта и осложненію личныхъ и имущественныхъ правовыхъ отношеній въ нынѣшнемъ быту колоній. Успѣшнѣе другихъ колонистовъ отбивались отъ миноратскаго закона наслѣдованія самыя богатыя и гражданственно наиболѣе развитые поселенцы—меннониты. Общины ихъ, основываясь на высочайшей грамотѣ 1800 г., руководствуются, какъ читателю извѣстно, своимъ обычнымъ правомъ наслѣдія. У нихъ оба пола, по линіямъ и степенямъ кровнаго родства, *вполнѣ равноправны* по имуществу. На этомъ основаніи, имущество брачной четы признается принадлежностью мужа и жены по равнымъ частямъ. Со смертью одного изъ супруговъ, его половина имущества должна перейти къ наслѣдникамъ, въ порядкѣ, установленномъ рукописнымъ положеніемъ братства (прил. № 8). При меньшей, противъ меннонитовъ, выработанности подворно-наслѣдственной системы общиннаго землевладѣнія съ одной стороны, а съ другой, при крайнемъ разнообразіи привнесенныхъ въ колоніи первыми поселенцами гражданскихъ кодексовъ и обычно-семейственныхъ понятій, такъ называемые «нѣмецкіе» колонисты не получили того права по опекамъ и наслѣдованію, которое выговорило себѣ меннонитское братство. По тѣмъ же причинамъ власть попечительства примѣнялась вообще несравненно шире и неуклоннѣе къ «нѣмецкимъ» водвореніямъ, чѣмъ къ меннонитамъ. Но попечительство, какъ высшая инстанція колонистскаго суда, связано положительнымъ закономъ; при рѣшеніи тяжебъ о дворахъ-хозяйствахъ, оно не вправѣ принимать во вниманіе разнообразные обычаи поселянъ, ихъ частныя сдѣлки, соглашенія и акты, хоть-бы приведенные de facto въ исполненіе десятилѣтія назадъ. Такимъ образомъ мѣстное начальство весьма нерѣдко видитъ себя въ необходимости постановлять, по наслѣдственнымъ дѣламъ, такія рѣшенія, которыя, съ точки зрѣнія бытового права, нарушаютъ коренное понятіе населенія о справедливости.

Тяжбы изъ-за владѣнія дворомъ-хозяйствомъ казеннаго надѣла составляютъ принадлежность почти однихъ только нѣмецкихъ колонистовъ, протестантовъ и католиковъ. Здѣсь, какъ и у другихъ поселянъ, нерѣдки случаи, что, вопреки установленному миноратству, отецъ еще при жизни распредѣляетъ свой дворъ-хозяйство между двумя, иногда даже тремя сыновьями. Подобные же полюбовные раздѣлы бываютъ еще: а) между братьями-сонаслѣдниками, и, за неимѣніемъ наслѣдниковъ муж. пола, по нисходящей линіи, б) между дочерьми умершаго хозяина. Въ обоихъ случаяхъ раздѣлъ можетъ состояться только съ согласія опекуновъ, общества и выборнаго начальства, которыя каждаго владѣльца такого дробнаго двора признаютъ за самостоятельнаго полноправнаго хозяина, подъ условіемъ, удовлетворить *деньгами*, по разсчету, тѣхъ сонаслѣдниковъ, которые не получили въ свое непосредственное распоряженіе части нормальнаго двора. Мѣстами бываетъ и то, что дворъ хозяина, оставившаго послѣ себя однѣхъ вдову съ дочерьми, но не сыновей, остается въ распоряженіи вдовы, какъ полноправной хозяйки и члена сельскаго схода. Но, вступленіемъ въ новый бракъ, право это упраздняется и вдова выдѣляется вовсе изъ мужнина хозяйства по вдовьему праву, если между

нею и ея дѣтьми не состоялось особаго соглашенія, получившаго одобреніе сельскаго схода.

Всѣ эти случаи болѣе или менѣе существенно противорѣчатъ спеціальному закону о наслѣдованіи у колонистовъ, тѣмъ болѣе, что при такихъ раздѣлахъ младшій сынъ (*законный* наслѣдникъ отцовскаго двора-хозяйства), вмѣсто хозяйства, получаетъ *выдѣлъ* обыкновенно *деньгами*. Но главнѣйшая часть поселянскаго имущества, дворъ-хозяйство, подлежитъ, какъ сказано, свободному распоряженію отца-хозяина, по завѣщанію, раздѣльному акту и т. д. (или, въ данномъ случаѣ, по приговору общества) только при «неспособности» младшаго сына, тогда какъ этотъ сынъ, во время смерти отца-хозяина, слишкомъ часто еще малолѣтокъ, о будущей способности или неспособности котораго судить преждевременно и нѣтъ основаній. Слѣдовательно, всякаго рода акты, которые, обходя миноратъ, не имѣютъ основаніемъ къ тому положительную «неспособность» младшаго сына, юридически противузаконны и не могутъ получить утвержденія мѣстнаго попечительства, въ нотаріальномъ порядкѣ. Тѣмъ не менѣе подобные акты совершаются сплошь и рядомъ и, получивъ утвержденіе схода и выборнаго начальства, приводятся въ исполненіе, не возбуждая ни чьего протеста. Обыкновенно единственное лицо, которое могло бы считать себя обиженнымъ подобными распоряженіями, — младшій сынъ состоитъ еще подъ опекой, опекуны же его сами согласны на состоявшуюся сдѣлку, какъ вполнѣ удовлетворяющую ихъ понятію о правѣ и справедливости. Кромѣ того, опытъ доказалъ, что единственное средство для сохраненія двора-хозяйства въ пользу малолѣтняго сына — отдача двора во временное завѣдываніе ближайшихъ родственниковъ, ведетъ обыкновенно къ постепенному разстройству его, иначе, къ систематической растратѣ наслѣдства, а въ концѣ концовъ, особенно при продолжительности опеки, и къ продажѣ хозяйства съ торговъ, въ предупрежденіе полной его несостоятельности. Но достигшій совершеннолѣтія меньшій сынъ слишкомъ часто отказывается признать эти соображенія и распоряженія. Основываясь на буквѣ закона и подчиняясь вліянію своекорыстныхъ происковъ, онъ начинаетъ тяжбу, домогаясь ввода его во владѣніе дворомъ-хозяйствомъ, состоящимъ въ полномъ распоряженіи его ближайшаго родственника или другого лица иногда уже многіе годы, даже десятки лѣтъ. И такихъ тяжебъ по однимъ нѣмецкимъ колоніямъ южной Россіи возникаетъ ежегодно до 200, вызывая обыкновенно ожесточенную вражду кровныхъ родственниковъ и подрывая вообще прочность ихъ имущественнаго быта.

Въ настоящее время и нѣмецкіе колонисты почти безусловно придерживаются тѣхъ же общихъ правилъ наслѣдованія, какъ и меннониты. Въ раздѣлъ между наслѣдниками, по линіямъ и степенямъ родства, поступаетъ не только движимость, но и стоимость, по оцѣнкѣ, наслѣдственнаго двора-хозяйства. Дѣти, независимо отъ пола, *вполнѣ равноправны* по имуществу. Мѣстами даже отдѣленныя дѣти, по зачисленіи въ общую массу открывшагося наслѣдства полученнаго ими прежде выходнаго имущества, допускаются къ общему раздѣлу, наравнѣ съ прочими на-

слѣдниками. Вдова при раздѣлѣ получаетъ прежде всего принесенное ею въ хозяйство приданное; а за тѣмъ: или, согласно ст. 177 уст. о кол,, четвертую часть одной движимости, или туже четвертую часть всего наслѣдственнаго имущества тамъ, гдѣ населеніе не дѣлаетъ различія между имуществомъ движимымъ и недвижимымъ; или, наконецъ, половину движимости и $^1/_7$ или $^1/_4$ часть недвижимаго, или же половину всего этого имущества безъ подраздѣленія на движимое и недвижимое.

По нашему мнѣнію, предстоящія въ быту колоній реформы должны бы имѣть между прочимъ цѣлью устранить всѣ указанныя нами неудобства. Нельзя однако предвидѣть, къ какому положительному результату придетъ въ этомъ отношеніи законодательная власть.

Проще всего могло бы казаться инымъ—предоставить порядки наслѣдованія въ имуществѣ и у колонистовъ, какъ у крестьянъ, дѣйствію *обычая*. Но такая мѣра должна бы повести къ разстройству нынѣшняго экономическаго быта нашихъ богатѣйшихъ колоній; она была бы шагомъ назадъ, а не впередъ, и разомъ отбросила бы ихъ обратно изъ сознательной — въ стихійную жизнь. Но до сего времени законодательство наше всегда шло во главѣ гражданскаго развитія общества; нынѣ же оно сознало и крайнюю необходимость—выдти изъ прежней пассивной роли даже въ отношеніи общинно-поземельныхъ и вообще имущественныхъ распорядковъ массы велико-русскаго, сельско-рабочаго люда. Поэтому мы увѣрены, что новыя законодательныя мѣропріятія въ отношеніи колоній будутъ и должны имѣть цѣлью: *вопервыхъ*, устранить изъ св. зак. тѣ постановленія, которыя обращаютъ колонистовъ по землѣ, состоянію и фиску въ *особое сельское* сословіе; *вовторыхъ*, согласовать общинно-поземельное устройство колоній и ихъ порядки наслѣдованія—съ бытомъ населенія и его обычнымъ правомъ, въ томъ сознаніи, что эти порядки и устройство, какъ прошедшіе опытъ 70—100 лѣтъ, должны быть только очищены отъ ошибокъ прежняго времени и окончательно нормированы соотвѣтственно указаніямъ опыта; и *втретьихъ*, признать всѣ земли, владѣемыя и пріобрѣтаемыя колонистами въ составѣ общинъ и товариществъ, за всегдашнее достояніе сельско-рабочаго состоянія, имѣющее подчиниться слѣдующему нормальному положенію:

Въ поселянскихъ обществахъ и поселкахъ, владѣющихъ своими землями на правахъ *мірской* собственности, или на правѣ арендномъ по договору, право наслѣдованія въ имуществахъ опредѣляется на основаніи брачныхъ договоровъ, раздѣльныхъ актовъ и духовныхъ завѣщаній, установленнымъ порядкомъ явленныхъ, или же, при неоставленіи умершими владѣльцами таковыхъ актовъ, на основаніи мѣстныхъ обычаевъ. Въ обоихъ случаяхъ договаривающіяся стороны, завѣщатель и судъ обязаны соблюдать и руководствоваться нижеслѣдующими основными правилами:

1) земли, какъ составляющія мірскую собственность, такъ и отведенныя во временное лишь пользованіе поселянъ по договорамъ, вмѣстѣ съ хозяйственнымъ обзаведеніемъ на таковыхъ земляхъ, переходятъ по наслѣдованію въ пользованіе поселянъ того только общества или товарищества, которому земля принадлежитъ или отведена по условію.

2) Состоящее въ предѣлахъ мірского землевладѣнія движимое и недвижимое имущество поселянъ считается благопріобрѣтеннымъ даже и въ томъ случаѣ, если бы оно перешло къ владѣльцу путемъ наслѣдованія по закону.

3) Лица, не принадлежащія къ составу поселянскаго общества или товарищества, по наслѣдованію въ предѣлахъ его землевладѣнія, могутъ воспользоваться имуществомъ и правами умершихъ поселянъ: или припискою, установленнымъ порядкомъ, къ данному обществу, или обращеніемъ наслѣдственнаго имущества въ деньги, продажею его мѣстнымъ начальствомъ съ торговъ.

4) При системѣ подворно-наслѣдственнаго пользованія землями мірского владѣнія, раздѣлъ поселянскаго двора-хозяйства допускается нейначе, какъ съ согласія схода, и съ тѣмъ, что ни одна изъ выдѣляемыхъ частей не должна заключать въ себѣ угодій надѣла менѣе того наименьшаго размѣра, который установленъ для отдѣльнаго двора даннаго селенія мѣстнымъ положеніемъ [1]), или какой установился при самомъ введеніи подворно-участковой системы, послѣ изданія мѣстнаго положенія, по приговору схода.

5) При подворно-наслѣдственномъ пользованіи землями мірского владѣнія, одинъ домохозяинъ, въ предѣлахъ одного сельскаго общества, можетъ содержать не болѣе *одного* двора наибольшаго, или не болѣе *двухъ* дворовъ наименьшаго размѣровъ, установленныхъ либо мѣстнымъ положеніемъ, либо приговоромъ схода тамъ, гдѣ подворно-наслѣдственная система введена послѣ изданія означеннаго положенія.

6) Въ предѣлахъ указанныхъ въ пунктахъ 1 — 4 ограниченій, поселяне обоего пола, по линіямъ и степенямъ кровнаго родства (ст. 197 — 211 и 1114—1125 ч. I, т. X. зак. гражд. изд. 1857 года), вполнѣ равноправны между собою по наслѣдованію въ имуществахъ. На томъ же основаніи, домохозяева (мужъ—отецъ и жена—мать) могутъ, по произволу, распорядиться своимъ имуществомъ путемъ завѣщанія или брачнаго договора; въ случаѣ же смерти одного изъ супруговъ безъ завѣщанія и безъ особаго условія съ оставшимся въ живыхъ супругомъ, въ права по имуществу покойнаго вступаютъ его ближайшіе наслѣдники.

7) Въ случаѣ нежеланія или неспособности наслѣдниковъ хозяйствовать сообща, а также по несогласію ихъ и сельскаго схода, или же, по невозможности дробить наслѣдственный дворъ-хозяйство на части узаконеннаго размѣра (ст. 4-я), дворъ этотъ, путемъ публичнаго торга, обращается въ деньги, которыя дѣлятся между наслѣдниками. Но если кто изъ наслѣдниковъ, не владѣющій собственнымъ хозяйствомъ, пожелаетъ принять наслѣдственный дворъ-хозяйство, съ обязательствомъ выплатить части своихъ сонаслѣдниковъ деньгами, то, съ согласія схода, дворъ-

---

[1]) Думаемъ, что minimum и maximum колонистскаго двора-хозяйства будутъ сохранены ожидаемымъ новымъ положеніемъ о поземельномъ устройствѣ колоній, примѣнительно къ мѣстному положенію 19-го февраля 1861 года юго-западныхъ губерній (ст. 88 — 90) и согласно *указаніямъ опыта* самихъ колонистовъ.

хозяйство передается такому наслѣднику по описи и оцѣнкѣ, безъ торговъ, и по оцѣнкѣ же имъ разсчитываются прочіе наслѣдники. Точно также слѣдуетъ поступать и въ томъ случаѣ, когда послѣ смерти одного изъ супруговъ, оставшійся въ живыхъ супругъ не пожелаетъ или окажется не въ силахъ удержать за собою долю покойнаго и удовлетворить наслѣдниковъ по оцѣнкѣ или добровольному съ ними соглашенію, гдѣ слѣдуетъ явленному.

8) Вдовецъ-хозяинъ (или вдова-хозяйка), владѣя сообща съ своими дѣтьми или родственниками дворомъ-хозяйствомъ, принадлежащимъ ему (или ей) лишь на половину, или лишь на правѣ потомственнаго пользованія по условію съ умершимъ супругомъ, предварительно вступленія въ новое супружество, обязанъ: или совершенно выдѣлиться, установленнымъ порядкомъ, изъ общаго двора-хозяйства, или же войти въ особое по сему предмету соглашеніе съ своими односемейными, а буде они несовершеннолѣтни, съ ихъ опекунами, попечителями и сельскимъ сходомъ.

9) Въ случаѣ смерти обоихъ хозяевъ-супруговъ и малолѣтства наслѣдниковъ, дворъ-хозяйство, по усмотрѣнію опекунскаго управленія и съ согласія сельскаго схода, можетъ быть отдаваемъ въ арендное содержаніе, но на сроки не далѣе достиженія совершенныхъ лѣтъ ближайшими наслѣдниками; при чемъ на опекунахъ, сельскомъ и волостномъ начальствахъ остается наблюденіе за выгодностью для наслѣдниковъ и за точнымъ исполненіемъ условій аренды.

10) Всѣ недоразумѣнія по наслѣдованію поселянъ, прямо не разрѣшаемыя симъ положеніемъ, разрѣшаются, въ согласіи съ духомъ и общимъ смысломъ онаго, сельскимъ сходомъ по приговору двухъ третей поселянъ, имѣющихъ право быть на сходѣ, а въ случаѣ жалобы одной изъ сторонъ на приговоръ схода, мѣстнымъ волостнымъ судомъ — окончательно. Къ разсмотрѣнію подобныхъ жалобъ волостной судъ приступаетъ однако только въ томъ случаѣ, если онѣ поданы ему до истеченія двухъ недѣль со дня постановленія сходомъ приговора, на который приносится жалоба.

Самая редакція предлагаемаго нами на судъ публики проекта правилъ о наслѣдованіи въ земляхъ и имуществѣ сельскихъ обывателей, можетъ служить доказательствомъ, что наша цѣль не въ томъ только, чтобы доставить собственно однимъ колонистамъ тѣ законодательныя гарантіи, которыя *безусловно* необходимы, съ одной стороны, для огражденія отъ разстройства и юридическихъ насилованій ихъ настоящаго хозяйственнаго и семейно-имущественнаго быта, а съ другой — для сохраненія за ихъ *обычными* правовыми воззрѣніями той доли свободы и самобытности, которая не нарушитъ, а скорѣе посодѣйствуетъ благоустройству и благосостоянію населенія. Напротивъ, мы проектировали означенныя правила подъ вліяніемъ той мысли, что они могутъ, или даже должны, сдѣлаться нормальнымъ положеніемъ *повсюду*, гдѣ установилась или будетъ введена система подворно-наслѣдственнаго пользованія угодьями мірского землевладѣнія.

Во всякомъ случаѣ мы увѣрены, что законодательная власть, устроивая поземельный бытъ нашихъ колоній и найдя въ наилучше организо-

ванныхъ, въ самыхъ богатыхъ и интеллигентныхъ колонистскихъ водвореніяхъ, мірское поземельное устройство, сложившееся и окрѣпшее на основаніи положительнаго закона и подходящее несравненно ближе къ поземельнымъ распорядкамъ крестьянъ юго-западнаго края, нежели къ обычной великорусской общинѣ, не откажетъ колоніямъ и въ вышеуказанныхъ нами гарантіяхъ, находимыхъ нами частью даже въ мѣстныхъ положеніяхъ 19 февраля 1861 года для малороссійскихъ губерній и вообще западнаго края, но наиболѣе ясно формулированныхъ въ положеніи для губерній Кіевской, Подольской и Волынской (ст. 76, 77, 86, 88, 89 п. 1 и 2, и 90 п. 1—7) и 14 іюля 1868 года для царанъ Бессарабской области (ст. 35—41). Такимъ образомъ, будучи уравнены въ правахъ, лично и по состоянію, съ крестьянами-собственниками; подчиняясь общимъ для всѣхъ состояній администраціи, полиціи и суду; вошедъ, на общемъ же основаніи, въ составъ земства и усвоивъ одинаковые съ крестьянами порядки общественнаго самоуправленія, а сверхъ того, и ту систему подворно-наслѣдственнаго пользованія своею мірскою поземельною собственностью, которая протежируется нашимъ законодательствомъ, начиная съ 19 февраля 1861 года, колонисты дѣйствительно исполнятъ наконецъ свое первоначальное назначеніе «служить примѣромъ въ крестьянскихъ упражненіяхъ и въ рукодѣльяхъ».

Но съ другой стороны, чтобы примѣръ хозяйственнаго успѣха и общественнаго благоустройства колонистовъ обнаружилъ свое воздѣйствіе среди сельскаго состоянія съ тою быстротой и въ тѣхъ широкихъ размѣрахъ, какъ это желательно, и общество и законодательство должны бы *окончательно уяснить* себѣ соціальное и экономическое значеніе ассоціаціоннаго принципа, нашедшаго такое разумное примѣненіе къ землевладѣнію колонистовъ, и сознать истинный смыслъ обращенія мірской или общинной поземельной собственности, экономически и политически сплоченной этимъ принципомъ, въ мелкую, экономически разрозненную собственность подворныхъ хозяевъ. Въ нашихъ колонистскихъ общинахъ, усвоившихъ участково-наслѣдственное пользованіе, мѣра эта сразу обратила бы тысячи семействъ въ *дѣйствительныхъ* пролетаріевъ, въ классъ дѣйствительныхъ батраковъ, устройство котораго въ сѣверо-и юго-западномъ краѣ, прибалтійскихъ губерніяхъ и т. д., ложится на правительство немаловажною заботою не только въ экономическомъ, но, прежде всего, и въ политическомъ отношеніи. Сдѣлавшись *полными собственниками* подворныхъ участковъ, содержимыхъ нынѣ лишь на правѣ потомственнаго пользованія, хозяева конечно откажутся отъ всякихъ заботъ и пожертвованій въ пользу прочнаго устройства быта своихъ политически-безправныхъ сообщественниковъ, и забота эта всею своею тяжестью ляжетъ на правительство, тогда какъ при настоящемъ положеніи дѣла вопросъ этотъ разрѣшается, какъ мы видѣли, вполнѣ удовлетворительно собственными средствами поселянскихъ обществъ, требуя отъ правительства одного лишь нравственнаго содѣйствія и поддержки законодательными мѣрами.

И на Западѣ, и у насъ приходятъ и не могутъ не придти, наконецъ, все

болѣе къ сознанію необходимости политико-экономическихъ гарантій противъ развращающей и подтачивающей основы общества эксплоатаціи капиталомъ рабочей массы, которая въ Россіи состоитъ главнымъ образомъ изъ милліоновъ *земледѣльческаго* населенія. До сей поры каждое изъ нашихъ земледѣльческихъ обществъ, благодаря общинному землевладѣнію, *какъ принципу совершенно самостоятельному, независимому отъ тѣхъ или иныхъ распорядковъ пользованія*, доступно для *одной только фискальной* эксплоатаціи; поползновенія въ томъ же смыслѣ капитала безсильны [1]), такъ какъ общинная поземельная собственность, являясь de jure и de facto своего рода *неприкосновеннымъ основнымъ фондомъ* экономически ассоціированной сельской рабочей силы, не могла быть ни размѣниваема на наличныя деньги, ни дробима на разрозненные, взаимно конкурирующіе мелкіе фонды или промышленные капитальцы. Разбивая этотъ народный фондъ изъ *крупной мірской* на *мелкую подворную собственность* и предоставляя, въ свою очередь, каждому отдѣльному владѣльцу-крестьянину *неограниченно* дробить эту собственность «посредствомъ продажи, даренія, перехода по наслѣдству и по другимъ случаямъ» (ст. 4, п. 4 указа 24 ноября 1866 г. о позем. устр. госуд. крестьянъ 36 губерній), мы выдвигаемъ *прежній неприкосновенный* земельный фондъ сельскихъ состояній, какъ *товаръ*, на биржу съ ея ажіотажами, конкуренціею и случайностями, а рабочій людъ, его мозгъ и мускулы, его радости и печали, его гражданскую и политическую полноправность, безповоротно предаемъ на произволъ капитала, который незамедлитъ всласть упиваться изъ этого источника. Но развѣ не именно въ этомъ порядкѣ вещей на Западѣ лежитъ главнѣйшій корень революціонныхъ движеній? И развѣ не въ немъ именно зарождаются тѣ мрачныя тучи, которыя, изъ года въ годъ все чернѣе и грознѣе, заволакиваютъ политико-соціальный горизонтъ цивилизованной Европы, не исключая даже образцовой до сего времени Англіи?..

Ничего подобнаго нѣтъ и быть не можетъ въ нашихъ колонистскихъ общинахъ-собственникахъ, съ ихъ системою подворно-наслѣдственнаго пользованія; но, слѣдуя принятой программѣ, послѣднее наше слово еще впереди, и потому отсылаемъ читателя къ нашимъ окончательнымъ выводамъ.

---

[1]) Мы имѣемъ здѣсь въ виду не «міроѣдство» или «кулачество»—этотъ плодъ *неорганизованнаго* положенія собственныхъ силъ и средствъ общины, а исключительно эксплоатацію общинниковъ *сторонними* капиталистами.

VI.

СТРАХОВАНІЕ СТРОЕНІЙ И ПОЖАРНАЯ ЧАСТЬ.

Взаимное отъ огня застрахованіе строеній давно уже существуетъ во многихъ изъ нашихъ южныхъ колоній, на ряду съ «сиротскими кассами». Оно введено здѣсь, по постановленіямъ самихъ обществъ, еще въ то время, когда попечительство ни въ чемъ не обнаруживало своего сознанія о пользѣ и необходимости этого учрежденія, относясь совершенно безучастно къ подобнаго рода предпріятіямъ. За тѣмъ, когда явилось это сознаніе, но иныя колонистскія водворенія, и въ томъ числѣ поволжское, болѣе или менѣе рѣшительно отклоняли отъ себя попытки попечительства къ введенію у нихъ страховаго института, старыя колонистскія страховыя общества, какъ мы видѣли у меннонитовъ, дѣлали уже попытки, сверхъ строеній, страховать и всякаго рода движимость отъ огня, падежа, градобитія и т. д. Этимъ объясняется отчасти то, повидимому, странное явленіе, что страхованіе сдѣлалось общимъ достояніемъ *всѣхъ* колоній южнаго края Россіи только съ 1868 года, тогда какъ въ Поволжьѣ оно вошло въ силу уже съ 1865 года, и при томъ на основаніи правилъ, выработанныхъ южными поселянами.

Слѣдующія свѣдѣнія о состояніи этого дѣла въ нашихъ поволжскихъ колоніяхъ, а также помѣщаемыя ниже страховыя и пожарныя правила южныхъ колоній, дадутъ читателю ближайшее понятіе о простотѣ, удобствѣ и цѣлесообразности этихъ учрежденій.

Въ губерніяхъ Саратовской и Самарской, подъ вѣдѣніемъ саратовской конторы и. п., къ 1865 году состояло 170 колоній (сельскихъ обществъ) или 16 округовъ (волостей). Въ нихъ числилось: а) наличныхъ 120,453 муж. 117,446 жен. пола душъ; и б) жилыхъ домовъ:

каменныхъ	5,101
деревянныхъ	18,305
Всего	23,406

кромѣ надворныхъ, хозяйственныхъ, промышленныхъ и другихъ строеній.

Во всѣхъ этихъ колоніяхъ, на общественный счетъ, издавна заведены въ

достаточномъ числѣ пожарные инструменты, какъ то: багры, щиты, крючья, лѣстницы, бочки на телегахъ, а во многихъ, болѣе значительныхъ колоніяхъ имѣются, сверхъ того, и пожарныя трубы—общественнныя, и даже частныхъ лицъ; сдѣлано росписаніе, съ какими именно орудіями обязанъ всякій хозяинъ являться на пожаръ; въ лѣтніе мѣсяцы каждый домохозяинъ долженъ имѣть при своемъ домѣ на готовѣ бочку съ водою, и обязывается—огонь разводить не въ жиломъ домѣ, а въ нѣкоторомъ отъ него отдаленіи, въ особой, по большей части изъ землянаго кирпича или дикаго камня, лѣтней кухнѣ, тщательно содержать въ порядкѣ трубы и т. д. Наконецъ, всѣ колоніи построены по планамъ, съ широкими улицами и большими площадями, гдѣ, какъ на центральныхъ и наиболѣе безопасныхъ отъ огня мѣстахъ, помѣщаются общественныя зданія: церкви, школьные дома и т. п.; кузницы и другія, дѣйствующія огнемъ заведенія вездѣ въ колоніяхъ удалены на повозможно значительное разстояніе отъ жилыхъ и хозяйственныхъ строеній (ст. 414 — 420 уст. о кол.).

При такихъ условіяхъ и испытанной исполнительности колонистовъ въ отношеніи строгаго соблюденія всѣхъ пожарныхъ правилъ, и вообще при осторожности ихъ въ обращеніи съ огнемъ, въ саратовско-самарскихъ колоніяхъ:

	Было пожаровъ.	Сгорѣло и повреждено строеній.	На сумму убытковъ.
Въ 1850 г.	7	7	817 р. 50 к.
— 51 —	4	6	1,410 — 33 —
— 52 —	9	76	38,469 — 60 —
— 53 —	10	10	758 — 74 —
— 54 —	4	4	200 — — —
— 55 —	10	12	964 — 54 —
— 56 —	7	9	945 — 50 —
— 57 —	10	21	4,345 — 25 —
— 58 —	11	11	3,119 — 27 —
— 59 —	14	45	22,338 — 64 —
— 60 —	18	20	3,055 — 97 —
— 61 —	1	1	409 — — —
— 62 —	7	10	2,308 — 9 —
— 63 —	23	23	5,579 — 40 —
— 64 —	26	26	8,951 — 53 — [1])

Эти цифры сами-по-себѣ доказываютъ, что пожары въ колоніяхъ составляютъ бѣдствіе не общественное, а лишь частное, и притомъ, относительно общаго имущества поселенцевъ, бѣдствіе незначительное какъ по числу пожарныхъ случаевъ, такъ и по количеству причиняемаго ими ущерба въ имуществѣ. Колонисты-погорѣльцы, пользуясь пособіями отъ своихъ обществъ и добровольными частными приношеніями, никогда не нуждались

[1]) Сюда же включены какъ пожары, случающіеся на гумнахъ и въ степяхъ, такъ и причиненные ими убытки въ хлѣбѣ, соломѣ, сѣнѣ и проч.

въ содѣйствіи, въ этомъ отношеніи, правительства; нѣтъ въ виду даже примѣра подобнаго со стороны колонистовъ ходатайства.

При такихъ условіяхъ и въ виду выраженнаго колонистскими обществами положительнаго нежеланія участвовать, на одинаковыхъ съ государственными крестьянами основаніяхъ, въ общемъ ихъ страхованіи, ни даже ввести у себя на этихъ основаніяхъ самостоятельное страхованіе, министерство государственныхъ имуществъ и съ своей стороны не признало удобнымъ подчинить колонистовъ означенному обязательному страхованію крестьянъ, у которыхъ, какъ общеизвѣстно, пожары и по числу, и по размѣру своему составляютъ менѣе частное, нежели общественное бѣдствіе, раззоряя не рѣдко разомъ цѣлыя селенія, или, по крайней мѣрѣ, такое значительное число домохозяевъ, что достаточное возмѣщеніе погорѣльцамъ убытковъ дѣлается для ихъ однообщественниковъ совершенно невозможнымъ. Отсюда ясно, что при участіи въ общемъ съ крестьянами страхованіи, колонистамъ приходилось-бы расплачиваться за нерадѣніе крестьянъ въ обращеніи съ огнемъ и за всѣ причины, способствующія пожарамъ въ селеніяхъ. Кромѣ того, общественныя въ колоніяхъ зданія, которыя во многихъ случаяхъ весьма цѣнны [1]), чрезвычайно рѣдко подвергаются пожару, и со времени учрежденія министерства государственныхъ имуществъ, т. е. съ 1838 г., не было ни одного подобного примѣра. Жилые дома и вообще хозяйственныя строенія колонистовъ несравненно цѣннѣе крестьянскихъ, почему къ нимъ нельзя было примѣнить нормы страховой суммы, обязательной для государственныхъ крестьянъ. Наконецъ колонисты, гражданственно и экономически развитые болѣе государственныхъ крестьянъ, съ самаго основанія колоній пользовались и бо̀льшимъ правомъ на самоуправленіе, и потому представлялось совершенно неудобнымъ, а безъ возбужденія явнаго съ ихъ стороны ропота, даже и невозможнымъ примѣнять къ нимъ мѣропріятія, относящіяся къ внутреннему благоустройству и несогласующіяся съ естественными потребностями и прямыми выгодами колоній.

Министерство государственныхъ имуществъ, послѣ многолѣтней переписки, только въ 1863 г. потребовало отъ обществъ саратовско-самарскихъ колоній категорическій отзывъ о томъ, который изъ двухъ, имѣвшихся въ виду министерства, способовъ взаимнаго отъ огня застрахованія строеній колонисты признаютъ наиболѣе удобнымъ для себя: *способъ ли*, введенный у государственныхъ крестьянъ, съ измѣненіями въ правилахъ, которыя признавались соотвѣтственными быту колоній; *или же способъ*, безъ настоянія и даже безъ посредства попечительства, введенный большей частью колонистскихъ обществъ Новороссійскаго края? Общества избрали послѣдній способъ, который, нѣсколько видоизмѣненный на основаніи отзывовъ поселянъ, утвержденъ 18 іюля 1864 г. министерствомъ государственыхъ имуществъ и, съ 1865 года, введенъ въ дѣйствіе по всему вѣдомству саратовской конторы и. п.

По возникшему вопросу о привлеченіи колонистовъ къ земскому стра-

[1]) Кромѣ церквей, общественныя зданія, стоимостью до 20 т. и болѣе руб., не рѣдкость въ колоніяхъ.

хованію, происходила переписка, сущность которой видна изъ слѣдующаго, приводимаго нами въ оригиналѣ отношенія министра государственныхъ имуществъ къ министру внутреннихъ дѣлъ отъ 31 августа 1865 г. за № 1295.

«Предсѣдатель самарской губернской земской управы, писалъ министръ госуд. имущ., сообщилъ копію съ журнальнаго постановленія управы отъ 6 іюля 1865 г., въ коемъ значится, что согласно постановленію самарскаго губернскаго земскаго собранія, 12 прошлаго марта (пун. 6-й) и на основаніи Высочайше утвержденнаго 7 апрѣля 1864 г. положенія о взаимномъ земскомъ страхованіи, самарская губернская управа, сообщивъ уѣзднымъ земскимъ управамъ и волостнымъ правленіямъ Самарской губерніи надлежащія указанія и формы для собранія разныхъ свѣдѣній, необходимыхъ при составленіи списковъ обязательнаго взаимнаго земскаго страхованія и предварительныхъ заключеній по предметамъ взаимнаго страхованія, подлежащимъ утвержденію губернскаго земскаго собранія, просила о доставленіи тѣхъ свѣдѣній къ назначенному сроку, для представленія на усмотрѣніе губернскаго земскаго собранія въ слѣдующее его засѣданіе. При этомъ, въ отношеніи того, какія именно строенія должны подлежать обязательному взаимному земскому страхованію, губернская управа пояснила между прочимъ, что по ст. 6 полож. о взаимномъ земскомъ страхованіи, обязательному страхованію должны подлежать всѣ сельскія постройки, какъ частныя, такъ и общественныя, находящіяся въ чертѣ крестьянской усадебной осѣдлости, а потому всѣ такія постройки должны необходимо вноситься въ списки строеніямъ, подлежащимъ обязательному взаимному страхованію; что даже строенія, застрахованныя уже въ какихъ либо другихъ страховыхъ отъ огня учрежденіяхъ, не должны быть изъ этого исключаемы, если только они находятся въ чертѣ крестьянской усадебной осѣдлости, такъ какъ подобныя строенія, по 8 ст. полож. о взаимн. земск. страхов., исключаются изъ обязательнаго страхованія только въ такомъ случаѣ, когда застрахованы не ниже нормальной страховой суммы, а между тѣмъ эта послѣдняя сумма самарскимъ губернскимъ земскимъ собраніемъ еще не опредѣлена, и потому неизвѣстно, какія именно изъ подобныхъ строеній могутъ быть исключены изъ взаимнаго страхованія.

Вслѣдствіе этого новоузенская уѣздная земская управа входила въ сношеніе съ саратовскою конторою и. п. о составленіи списковъ обязательнаго взаимнаго земскаго страхованія по колоніямъ иностранныхъ поселенцевъ; но контора отказала въ исполненіи этого требованія, основываясь на томъ, что во всѣхъ подвѣдомственныхъ ей колоніяхъ Саратовской и Самарской губерній введено уже взаимное отъ огня страхованіе строеній, на основаніи же ст. 8 полож. о взаимн. земск. страхов., исключаются изъ обязательнаго страхованія тѣ строенія, которыя застрахованы въ другихъ страховыхъ отъ огня учрежденіяхъ, какъ частныхъ, такъ и общественныхъ, а также на основаніи договоровъ о взаимномъ страхованіи, заключенныхъ до изданія настоящаго положенія, доколѣ договоры сіи остаются въ своей силѣ.

Затѣмъ, новоузенская уѣздная земская управа возобновила требованіе свое отъ конторы иностр. пос. помянутыхъ свѣдѣній, съ объясненіемъ, что на основаніи 8 ст. Высочайше утвержденнаго 7 апрѣля 1864 г. полож о взаимн. земск. страхов. исключаются изъ обязательнаго страхованія тѣ изъ поименованныхъ въ ст. 6 строенія, которыя застрахованы не ниже размѣра, установленнаго въ ст. 16, въ другихъ страховыхъ отъ огня учрежденіяхъ какъ частныхъ, такъ и общественныхъ; на основаніи же ст. 16, размѣръ страховой суммы для частныхъ строеній, подлежащихъ обязательному страхованію, назначается единообразно на всю губернію или на цѣлый уѣздъ, съ раздѣленіемъ лишь строеній на разряды по свойству матеріаловъ, изъ коихъ они выстроены, и по хозяйственному ихъ назначенію, а по ст. 41 п. 6. утвержденіе размѣра страховой суммы для различныхъ строеній, подлежащихъ обязательному страхованію, и измѣненіе сего размѣра впослѣдствіи предоставляется губернскому земскому собранію. А какъ собраніемъ нормальная страховая сумма, по губерніи или уѣзду, еще не утверждена, и строенія на разряды еще не раздѣлены, то должно вносить въ списки обязательнаго земскаго страхованія и тѣ сельскія постройки, находящіяся въ чертѣ усадебной осѣдлости, которыя уже застрахованы въ настоящее время, слѣдовательно, и сельскія постройки въ колоніяхъ, подобно постройкамъ въ другихъ селеніяхъ вѣдомства государ. имуществъ, гдѣ также существуетъ взаимное страхованіе, долженствующее поступить въ завѣдываніе земскихъ учрежденій.

Принимая во вниманіе, во 1-хъ, что хотя въ положеніи о взаимномъ земскомъ страхова-

ніи, Высочайше утвержденномъ 7 апрѣля 1864 г., не упоминается именно о колоніяхъ иностран. поселенцевъ; но по точному смыслу этого положенія, оно должно замѣнить собою всѣ дѣйствующія нынѣ по разнымъ вѣдомствамъ положенія объ обязательномъ взаимномъ страхованіи отъ огня сельскихъ построекъ, и ни о какихъ исключеніяхъ въ этомъ отношеніи въ немъ не упоминается; во вторыхъ, что все сообщенное новоузенской земской управою конторѣ и. п. во вторичномъ требованіи, съ подробностью изложено въ сообщенномъ конторѣ, въ копіи, журнала губернской земской управы 6 мая; но контора, увлекшись, по убѣжденію земской управы, превратнымъ толкованіемъ положенія 7 апрѣля 1864 г., не обратила на это никакого вниманія, а потому нельзя надѣяться, чтобы и по новому требованію новоузенской земской управы послѣдовало какое либо распоряженіе съ ея стороны къ исполненію изложеннаго въ журналѣ губернской земской управы; въ 3-хъ, что подобное превратное толкованіе положенія о взаимномъ земскомъ страхованіи со стороны конторы иностр. поселенцевъ можетъ не только остановить приведеніе въ исполненіе этого положенія, но даже и произвести безпорядки между сельскимъ населеніемъ, такъ какъ въ виду губернской земской управы имѣются уже случаи сопротивленія крестьянъ волостному начальству при составленіи списковъ строеніямъ, подлежащимъ обязательному взаимному земскому страхованію, самарская губернская земская управа положила: представить объ изложенномъ министру государственныхъ имуществъ, прося сдѣлать зависящее по сему предмету распоряженіе.

Принимая въ соображеніе, что вопросъ о привлеченіи колонистовъ къ участію въ земскомъ страхованіи, возбудившій настоящую переписку между самарскою земскою управою и саратовскою конторою иностранныхъ поселенцевъ, можетъ возникнуть и по другимъ губерніямъ, я призналъ необходимымъ, не отвѣчая на настоящій запросъ предсѣдателя самарской земской управы, сообщить Вашему Превосходительству подробныя свѣдѣнія о страхованіи колонистскихъ въ Саратовской и Самарской губерніяхъ строеній, въ томъ предположеніи, что Ваше Превосходительство, убѣдившись и со своей стороны въ затруднительности привлеченія колонистовъ къ земскому страхованію, снабдите отъ себя надлежащимъ разрѣшеніемъ самарскую земскую управу, а съ другой стороны, что нижеизложенныя свѣдѣнія и соображенія могутъ послужить земству, по моему убѣжденію, небезполезнымъ матеріаломъ для всесторонняго обсужденія вопроса о взаимномъ страхованіи отъ пожаровъ строеній.

Начала самоуправленія, вполнѣ усвоенныя населеніемъ колоній иностранныхъ поселенцевъ, привели колонистовъ къ такимъ въ ихъ поселеніяхъ усовершенствованіямъ и введенію тамъ такихъ учрежденій, которыя, содѣйствуя экономическому и нравственному благосостоянію колоній, отличаютъ послѣднія отъ крестьянскихъ селеній, и по тому эти учрежденія, по мнѣнію моему, не должны бы быть оставляемы безъ вниманія со стороны земства, а тѣмъ менѣе уничтожаемы въ прямой ущербъ колонистамъ и безъ пользы для земства.

Къ подобнаго рода учрежденіямъ слѣдуетъ отнести между прочимъ и введенныя въ колоніяхъ иностранныхъ поселенцевъ, и въ томъ числѣ Саратовско-Самарскихъ, правила взаимнаго отъ огня застрахованія строеній.

Дѣйствующія у государ. крестьянъ правила взаимнаго отъ огня застрахованія заключаютъ въ себѣ слѣдующія существенныя, но, при данныхъ условіяхъ страхованія, неизбѣжныя затрудненія и неудобства: а) правила требуютъ раздѣленія страхуемыхъ строеній, по ихъ цѣнности, безопасности отъ огня и другимъ условіямъ, на опредѣленные разряды, и установленія, согласно сему, нормальной страховой преміи. Этого достигнуть на дѣлѣ нельзя съ сохраненіемъ полной справедливости для всѣхъ участниковъ страхованія, и чѣмъ обширнѣе мѣстности и разнообразнѣе хозяйственныя и нравственныя условія поселянъ, входящихъ въ составъ общаго обязательнаго страхованія, тѣмъ болѣе затрудняется сохраненіе въ этомъ отношеніи справедливости; б) страховая премія, опредѣляемая такимъ образомъ не на основаніи положительныхъ данныхъ, а болѣе или менѣе гадательно, оказывается или недостаточною для удовлетворенія погорѣльцевъ за пожарные убытки, лишая тѣмъ страхованіе основнаго условія его существованія (какъ это было до сего времени у государ. и удѣльныхъ крестьянъ); или же, въ противномъ случаѣ, накопляетъ капиталы, изъятіе коихъ изъ оборотовъ сельской промышленности ослабляетъ производительныя силы поселянъ. Кромѣ того, премія эта, обращенная по необходимости въ постоянный и общій для значительной массы сельскихъ общинъ сборъ съ страховаго имущества, получая вслѣдствіе того характеръ неизмѣнной государственной подати, теряетъ свойство побуждать поселянъ, въ видахъ возможнаго облегченія этой тягости, къ устраненію въ ближайшей средѣ своей причинъ час-

тыхъ пожаровъ болѣе безопаснымъ отъ огня строеніемъ, осторожнымъ обращеніемъ съ огнемъ и обоюднымъ надзоромъ другъ за другомъ и за точнымъ исполненіемъ существующихъ пожарныхъ постановленій; и в) сложность дѣлъ подобнаго страхованія требуетъ администраціи, несовмѣстной ни съ условіями общиннаго и вообще земскаго самоуправленія, ни съ главной цѣлью страхованія—дать погорѣльцамъ немедленно полную возможность вновь устроиться хозяйствомъ.

Исчисленныя неудобства, повторяю неизбѣжныя, равнымъ образомъ не устранены и въ Высочайше утвержденномъ 7 апрѣля 1864 г. положеніи о взаимномъ земскомъ страхованіи, сохранившемъ основныя начала дѣйствующаго страхованія у государственныхъ крестьянъ, съ тою только разницею, что чрезъ образованіе изъ земства каждой губерніи отдѣльнаго страховаго общества, условія опредѣленія размѣра нормальной страховой суммы и страховыхъ платежей дѣлаются менѣе сложными, но во всямомъ случаѣ не въ такой мѣрѣ, чтобы этотъ способъ страхованія можно было признать вполнѣ совершеннымъ. Самарское губернское земское собраніе признало первымъ необходимымъ условіемъ осуществленія и существованія взаимнаго земскаго страхованія—опредѣленіе размѣра страховыхъ платежей такъ, чтобы общая сумма этихъ платежей могла покрывать, по крайней мѣрѣ, издержки на вознагражденіе владѣльцевъ погорѣвшихъ строеній и на управленіе страхованіемъ (журналъ собранія 12 марта № 12 п. 67); а потому, въ инструкціи уѣзднымъ управамъ и волостнымъ правленіямъ, касательно собиранія необходимыхъ для разрѣшенія вопроса о введеніи земскаго страхованія свѣдѣній, управа (постановленіе губернской управы 6 мая № 69 ст. II п. г.) изъяснила между прочимъ, что имѣющіяся въ виду управы свѣдѣнія доказываютъ, какіе огромные и постоянные убытки несутъ управленія взаимнымъ страхованіемъ въ казенныхъ и удѣльныхъ селеніяхъ (2 и 3 справки тогоже постановленія); что избѣжать этихъ убытковъ совершенно необходимо,—иначе взаимное земское страхованіе не можетъ имѣть мѣста; и что нужно доискаться причинъ такого явленія, а именно: отъ чего происходятъ частые въ послѣднее время пожары; не случаются ли они, по большой части, въ однихъ и тѣхъ же селеніяхъ, и отъ чего это происходитъ, отъ особенной ли неосторожности жителей, или отъ живущихъ въ такихъ селеніяхъ злонамѣренныхъ людей; а потому, не слѣдуетъ ли въ нѣкоторыхъ изъ такихъ селеній вовсе не принимать строенія къ застрахованію, или же принимать съ платою значительно увеличеннаго страховаго процента; не слѣдуетъ ли, напротивъ того, уменьшать страховой процентъ въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ, въ теченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени, не было пожаровъ, или гдѣ, напримѣръ, заведены пожарные инструменты и т. п.

Всѣ эти, крайне сложные вопросы, вызываемые положеніемъ 7 апрѣля 1864 г., могутъ быть разрѣшены даже земствомъ только приблизительно и болѣе или менѣе гадательно; а между тѣмъ только на справедливомъ опредѣленіи размѣра страховыхъ платежей соотвѣтственно, съ одной стороны, условіямъ не только каждой отдѣльной мѣстности, но и каждаго отдѣльнаго въ составѣ страховаго общества хозяйства, а съ другой—каждогодной суммѣ пожарныхъ платежей, могъ бы быть основанъ успѣхъ всего дѣла.

Напротивъ того, правила взаимнаго застрахованія отъ огня строеній, дѣйствующія въ колоніяхъ иностранныхъ поселенцевъ, устраняютъ всѣ вызываемыя положеніемъ 7 апрѣля 1864 г. затрудненія, а именно: а) для опредѣленія страховыхъ платежей имѣются два положительныхъ данныхъ—*общая цѣнность всѣхъ застрахованныхъ строеній опредѣленнаго страховаго раіона*, и *цифра пожарнаго убытка въ каждомъ данномъ случаѣ*; б) страховой процентъ, не составляя постояннаго сбора, опредѣляется и взыскивается только въ случаѣ и по мѣрѣ представившейся *дѣйствительной* потребности вознаградить погорѣльцевъ; слѣдовательно, ни излишняго обремененія сборомъ участниковъ страхованія, ни извлеченія изъ населенія болѣе или менѣе непроизводительныхъ капиталовъ, здѣсь не можетъ быть; в) тѣмъ не менѣе погорѣльцы получаютъ немедленную и полную возможность вновь устроиться хозяйствомъ, при помощи существующихъ въ колоніяхъ ссудо-сберегательныхъ кассъ; и г) для управленія дѣлами этого страхованія совершенно достаточно наличныхъ средствъ выборнаго начальства въ колоніяхъ, чрезъ что особые на этотъ предметъ расходы дѣлаются излишними; и наконецъ д) образованіе изъ каждой отдѣльной колоніи [1]), или, что тоже, изъ

---

[1]) Страховыя правила поволжскихъ колоній отличаются отъ тѣхъ же правилъ южныхъ лишь тѣмъ, что въ первыхъ, каждая колонія, безъ участія волостного общества, сама вознаграждаетъ своихъ пого-

каждаго мірскаго общества, отдѣльнаго общества обязательнаго страхованія, съ привлеченіемъ прочихъ обществъ колоніальнаго округа или волости къ участію въ вознагражденіи погорѣльцевъ только въ исключительномъ, опредѣленномъ правилами случаѣ, оставляетъ, въ большей части пожарныхъ случаевъ, обязательство вознаградить погорѣльцевъ на ихъ однообщественникахъ, а вслѣдствіе того и по предоставленному обществамъ праву, лишать въ извѣстныхъ случаяхъ погорѣльцевъ вознагражденія, каждый хозяинъ побуждается не только къ строгому выполненію всѣхъ пожарныхъ постановленій, но и къ надзору въ томъ же отношеніи за своими однообщественниками, за нерадѣніе или неосторожность коихъ съ огнемъ, онъ сознаетъ себя въ этомъ случаѣ вполнѣ отвѣтственнымъ.

По моему мнѣнію, усвоеніе земствомъ, хотя бы и не вполнѣ, колонистскаго способа застрахованія строеній не можетъ, при надлежащемъ со стороны земства направленіи дѣла, встрѣтить препятствій со стороны крестьянъ, грозящихъ, по удостовѣренію земской управы, безпорядками по поводу одного лишь собиранія свѣдѣній, необходимыхъ для введенія въ дѣйствіе положенія 7 апрѣля 1864 г. Напротивъ того, я убѣжденъ, что замѣна этимъ положеніемъ существующаго въ колоніяхъ порядка застрахованія должна вызвать вполнѣ справедливый ропотъ и сопротивленіе колонистовъ, которые давно уже положительно отклонили отъ себя принятыя тѣмъ положеніемъ основанія застрахованія, рѣшительно отказавшись отъ подчиненія правиламъ страхованія, существующимъ у государственныхъ крестьянъ.

По изложеннымъ соображеніямъ и принимая во вниманіе: 1) что въ подвѣдомственныхъ саратовской конторѣ колоніяхъ Самарской губерніи, на основаніи дѣйствующихъ тамъ правилъ взаимнаго отъ огня застрахованія строеній, выдаются погорѣльцу $^{3}/_{4}$ суммы убытковъ, причиненныхъ пожаромъ, самыя же строенія застрахованы въ дѣйствительную ихъ стоимость, и по этому, а равно по несравненно высшей цѣнности колонистскихъ построекъ противъ крестьянскихъ, размѣръ страховой суммы для сельскихъ построекъ по Самарской губерніи, имѣющій быть опредѣленнымъ земскимъ собраніемъ, не можетъ ни въ какомъ случаѣ быть выше размѣра колонистскаго страхованія; 2) что вслѣдствіе того, для обществъ означенныхъ колоній, согласно ст. 8 пол. о зем. страх., это послѣднее положеніе вовсе необязательно; тѣмъ болѣе, что земская управа сама признаетъ возможнымъ исключать изъ общаго земскаго страхованія даже тѣ *крестьянскія* селенія, кои подвергаются почему либо частымъ пожарамъ; и 3) что при такомъ положеніи дѣла, требованіе отъ колонистскихъ приказовъ указанныхъ земскою управою свѣдѣній, *при настоящей со стороны управы постановкѣ о семъ вопроса,* можетъ подать колонистамъ дѣйствительный поводъ къ ропоту и опасеніямъ относительно возможности введенія у нихъ, взамѣнъ существующихъ правилъ, положенія 7 апрѣля 1864 г. о земскомъ страхованіи, основанія коего извѣстны имъ и отвергнуты уже прежде въ правилахъ страхованія для государственныхъ крестьянъ, имѣю честь и т. д.

Отвѣтомъ на эту бумагу послужилъ циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ (офф. приб. къ «Сѣверной Почтѣ» 1866 г. № 7) о томъ, что положеніе о зем. стр., согласно ст. 8 сего пол., для колонистовъ не обязательно и они не должны быть привлекаемы противъ ихъ желанія къ участію въ земскомъ страхованіи.

Наконецъ, 14-го іюня 1867 года, министромъ государственныхъ имуществъ, по предварительномъ соглашеніи съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, утверждены, а съ 1-го января 1868 года повсемѣстно въ южныхъ колоніяхъ введены въ дѣйствіе, взамѣнъ прежнихъ, однообразныя правила страхованія и пожарныя. Именно:

рѣльцевъ, согласно положенію, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда пожарный убытокъ не превышаетъ, въ данномъ случаѣ, одной двадцатой оцѣночной стоимости страховаго имущества колоніи. Только убытокъ свыше этой нормы обращается на волость. Кромѣ того, страхованіе общественныхъ зданій въ Поволжьѣ необязательно.

Правила взаимнаго отъ огня застрахованія строеній въ колоніяхъ иностранныхъ поселенцевъ Новороссійскихъ губерній и Бессарабской области.

I. Общія положенія.

§ 1. Каждая колонистская волость составляетъ особое страховое отъ огня общество.

§ 2. Двѣ или болѣе волости могутъ соединиться въ одно страховое общество, по взаимному между собою соглашенію. Равнымъ образомъ могутъ присоединиться къ ближайшему страховому обществу, съ согласія послѣдняго, и колонисты, поселенные не на земляхъ надѣла, а на собственныхъ или наемныхъ, поселками и обществами, или же отдѣльными усадьбами.

§ 3. На обязанности страховаго общества лежитъ вознагражденіе убытковъ, понесенныхъ обывателями, въ предѣлахъ сего общества, отъ пожара.

§ 4. Страхованіе частныхъ строеній и общественныхъ зданій, состоящихъ въ предѣлахъ страховаго общества, обязательно. Изъ сего исключаются только: а) состоящія особнякомъ, внѣ колоній, строенія и заведенія, которыя, по желанію владѣльца, принимаются не иначе, какъ по особому на то приговору; и б) церкви и молитвенные дома, страхованіе коихъ предоставляется усмотрѣнію церковныхъ попечительствъ, по соглашенію съ волостнымъ сходомъ.

§ 5. Всѣ, подлежащія по § 4, страхованію, строенія вносятся, съ обозначеніемъ стоимости по страховой оцѣнкѣ каждаго зданія, въ ипотечную книгу (прилож. IX). Но каждому владѣльцу предоставляется страховать постройки или въ полной ихъ стоимости по оцѣнкѣ, или и ниже оной, не менѣе однако же половины стоимости.

§ 6. Оцѣнка подлежащихъ страхованію строеній производится порядкомъ, указаннымъ въ § 13, при чемъ принимаются въ соображеніе не только дѣйствителвная стоимость строеній, но и вообще условія, вліяющія на большую или меньшую безопасность ихъ отъ пожара. Оцѣнка эта возобновляется черезъ каждыя пять или десять лѣтъ, по усмотрѣнію общества.

§ 7. Вновь возводимыя послѣ оцѣнки зданія подлежатъ, по ихъ окончаніи, равнымъ образомъ оцѣнкѣ и присоединенію затѣмъ къ остальному страховому имуществу; убывающія же чрезъ продажу, сломъ и т. п. строенія, по объявленіи о томъ владѣльцемъ сельскому и пожарнымъ старостамъ, должны быть, со дня сего объявленія, изъяты изъ страхованія. О всѣхъ этихъ перемѣнахъ, съ точнымъ обозначеніемъ числа, мѣсяца и года, дѣлаются отмѣтки въ ипотечной книгѣ, удостовѣренныя надлежащими, согласно § 13, подписями.

Примѣчаніе 1. Поправки и починки въ застрахованныхъ зданіяхъ, если зданія эти не перестраивались совершенно заново, ни въ какомъ случаѣ не могутъ измѣнить сдѣланной имъ до этого страховой оцѣнки.

Примѣчаніе 2. Владѣлецъ сгорѣвшаго до оцѣнки строенія не въ правѣ

требовать вознагражденія пожарныхъ убытковъ; но, съ тѣмъ вмѣстѣ, таковое строеніе не можетъ подлежать, до страховой оцѣнки, и сбору въ пользу другихъ погорѣльцевъ.

§ 8. Общественныя зданія должны быть страхуемы: приходскія на счетъ приходовъ; сельскія и волостныя—на счетъ сельскаго или волостнаго общества; центрально-училищныя—на счетъ училищныхъ суммъ.

II. Порядокъ управленія страхованіемъ.

§ 9. Управленіе страхованіемъ, подъ наблюденіемъ и руководствомъ волостнаго правленія, поручается двоимъ волостнымъ пожарнымъ старостамъ; въ каждомъ же селеніи назначается одинъ или болѣе пожарныхъ старостъ.

§ 10. Права и обязанности пожарныхъ старостъ опредѣляются, по предложенію волостнаго правленія, волостнымъ сходомъ, отъ котораго зависитъ и назначеніе имъ особаго за службу вознагражденія. Но пожарные старосты во всякомъ случаѣ обязаны имѣть надзоръ за точнымъ соблюденіемъ установленныхъ для колоній правилъ, для предупрежденія пожаровъ.

§ 11. Пожарные старосты избираются на три года, волостные — волостнымъ сходомъ, а сельскіе — сельскими сходами, по принадлежности, въ общеустановленномъ для выборовъ на общественную службу порядкѣ. Они вступаютъ въ отправленіе должности немедленно по ихъ избраніи и приводятся къ присягѣ.

§ 12. Письмоводство по страховому управленію возлагается: по сельскимъ обществамъ—на сельскихъ писарей, а по волости—на волостныхъ.

III. Порядокъ оцѣнки страхуемаго имущества.

§ 13. Оцѣнка подлежащихъ страхованію имуществъ производится по каждому сельскому обществу, подъ руководствомъ сельскаго старосты, мѣстными пожарными старостами и шестью выборными отъ общества цѣновщиками. Показанія ихъ кратко, ясно и точно, съ обозначеніемъ оцѣночной суммы, записываются въ ипотечную книгу, въ подлежащей статьѣ, и скрѣпляются подписомъ цѣновщиковъ, владѣльца имущества, пожарнаго и сельскаго старостъ. Выписка изъ ипотечной книги, за надлежащимъ подписомъ, выдается каждому владѣльцу застрахованнаго имущества.

§ 14. Владѣльцу, недовольному почему либо таковою оцѣнкою, предоставляется обжаловать оную, въ семидневный срокъ, волостному правленію, которое распоряжается въ такомъ случаѣ командированіемъ на мѣсто, для повѣрки, одного изъ членовъ своихъ обще съ волостными пожарными старостами. Приговоръ сихъ лицъ, будучи внесенъ въ ипотечную книгу и скрѣпленъ ихъ подписомъ, считается окончательнымъ.

Примѣчаніе. До совершенія установленной § 14 повѣрки и внесенія результата оной въ ипотечную книгу, первоначальная оцѣнка (§ 13) сохраняетъ свою полную силу и обязательность.

IV. Порядокъ и условія удовлетворѣнія погорѣльцевъ.

§ 15. Немедленно послѣ каждаго пожара приводятся въ извѣстность причины пожара и происшедшій отъ онаго вредъ, лицами, означенными въ § § 13 и 14; о томъ же, что по дознанію окажется, составляется актъ. Въ то же время отмѣчаются по ипотечной книгѣ тѣ перемѣны въ застрахованномъ имуществѣ, которыя произведены пожаромъ.

§ 16. Въ означенномъ актѣ (§ 15) дѣлается: а) обстоятельное разъясненіе причинъ пожара, б) подробное сличеніе инвентаря застрахованнаго имущества по ипотечной книгѣ съ имѣющимися отъ послѣдняго остатками, и оцѣнка причиненнаго пожаромъ вреда въ застрахованномъ имуществѣ, и в) опись и оцѣнка всему остальному погорѣвшему имуществу. Подлинный актъ отсылается въ волостное правленіе.

§ 17. Погорѣльцу, въ вознагражденіе убытковъ за погорѣвшее застрахованное имущество его, выплачивается, по распоряженію волостнаго правленія обще съ пожарными волостными старостами, полностью та сумма, въ которую было застраховано его имущество. Если же сгоритъ не все, взятое на страхъ строеніе, а только часть его, то погорѣлецъ, застраховавшій строеніе въ полной оцѣночной суммѣ, удовлетворяется тою суммою, въ какую оцѣнены убытки, причиненные пожаромъ; застраховавшій же ниже оцѣнки—соразмѣрно той суммѣ, въ которую застраховано его имущество.

Напримѣръ: Если зданіе, оцѣненное въ 500 руб., застраховано только въ 300 руб. и убытки, причиненные пожаромъ, исчислены въ 200 руб., то погорѣлецъ получаетъ во столько разъ менѣе 200 р., во сколько 300 менѣе 500 $\left(\frac{200 \times 300}{500}\right)$ т. е. 120 руб.

§ 18. Владѣлецъ, умышленно произведшій пожаръ, не только лишается всякаго права на вознагражденіе, но и подвергается судебному преслѣдованію по всей строгости законовъ. Равнымъ образомъ, по представленію волостнаго правленія, волостной сходъ, особо постановленнымъ приговоромъ, можетъ лишить погорѣльца слѣдующаго ему вознагражденія—частью или вполнѣ—въ случаяхъ, когда этотъ послѣдній, не взирая на напоминанія и подтвержденія сельскаго или волостнаго начальствъ и пожарныхъ старостъ, сдѣлался виновникомъ пожара, хотя бы безъ умысла, но вслѣдствіе явнаго неисполненія пожарныхъ полицейскихъ постановленій.

§ 19. Подлежащія къ выдачѣ суммы вознагражденія за пожарные убытки взыскиваются по пропорціональной раскладкѣ ихъ на все, неподвергшееся пожару страховое имущество общества, въ той стоимости, въ какой это имущество застраховано въ день пожара, по ипотечнымъ книгамъ.

Примѣчаніе. Если волость состоитъ изъ нѣсколькихъ сельскихъ обществъ, то волостное правленіе ограничивается опредѣленіемъ, какая именно часть пожарныхъ убытковъ подлежитъ ко взысканію съ страховаго имущества каждаго сельскаго общества, предоставляя сходамъ сихъ

обществъ ближайшую внутреннюю раскладку сего взысканія между отдѣльными хозяевами.

§ 20. Сборъ по раскладкѣ (§ 19) производится немедленно, и только по особо уважительнымъ причинамъ можетъ быть отсроченъ, не далѣе однако перваго полугодоваго взноса казенныхъ податей. Въ послѣднемъ случаѣ общество обязано изыскать способы къ немедленному, впредь до поступленія сбора, удовлетворенію погорѣльцевъ или изъ общественныхъ своихъ суммъ, или займомъ изъ ссудо-сберегательныхъ кассъ.

Примѣчаніе. Излишнія отъ сбора деньги, могущія образоваться во избѣжаніе мелочныхъ дробныхъ разсчетовъ, обращаются въ пожарную кассу и, по усмотрѣнію общества, могутъ быть употребляемы на улучшеніе пожарной части и на награды отличившимся при тушеніи пожаровъ.

§ 21. Всѣ могущіе возникнуть между колонистами по взаимному застрахованію споры и недоразумѣнія, для разрѣшенія которыхъ настоящія правила окажутся недостаточными, разбираются и рѣшаются третейскимъ судомъ по совѣсти, окончательно.

Положеніе о пожарной части въ колоніяхъ Екатеринославской, Херсонской и Таврической губерніи и Бессарабской области.

I. О мѣрахъ предосторожности отъ пожаровъ.

§ 1. Мѣстныя волостныя и сельскія управленія, при всякомъ удобномъ случаѣ, обязаны внушать и наблюдать за точнымъ и непремѣннымъ исполненіемъ предохранительныхъ отъ пожаровъ правилъ какъ нынѣ существующихъ, такъ и впредь установляемыхъ. Правила эти должны быть вывѣшиваемы на стѣнѣ въ каждомъ сельскомъ и волостномъ правленіи и отъ времени до времени объявляемы на сходахъ во всеобщее свѣдѣніе и руководство.

§ 2. Какъ общественныя, такъ и частныя строенія должны быть возводимы либо по данному плану, либо по ближайшему указанію мѣстнаго выборнаго начальства; при чемъ обращается особенное вниманіе на снабженіе сихъ зданій безопасными печами, очагами и дымовыми трубами. До окончательнаго устройства этихъ послѣднихъ принадлежностей, строго воспрещается разведеніе огня въ строющемся зданіи.

§ 3. Деревянные чердаки, крытыя соломою и камышомъ, должны быть плотно замазаны глиною.

§ 4. На чердакахъ ни въ какомъ случаѣ не должно ни просушивать, ни сохранять льну, пеньки, конопли и т. д. Смолу, лакъ, масло для красокъ, и т. п. легко воспламеняющіяся вещества, особенно въ значительномъ количествѣ, слѣдуетъ топить и варить внѣ жилыхъ строеній, въ мѣстахъ совершенно безопасныхъ отъ пожара.

§ 5. Деревянныя лавки и т. п. торговыя заведенія, если они внутри не оштукатурены, или не обмазаны плотно глиною, не должны содержать въ себѣ очаговъ, и вообще въ нихъ ни подъ какимъ видомъ не слѣдуетъ разводить огонь.

§ 6. Кузницы, маслобойни и др. дѣйствующія огнемъ, или при огнѣ, заведенія, а также вѣтряныя мельницы, должны быть устроиваемы на безопасныхъ отъ жилыхъ и хозяйственныхъ строеній мѣстахъ, по опредѣленію общества и указанію мѣстнаго волостнаго правленія.

§ 7. Дымовыя трубы и очаги должны быть подробно осматриваемы и очищаемы, во всякомъ случаѣ не менѣе 4-хъ разъ въ годъ, особымъ трубочистомъ; о чемъ съ нимъ заключается контрактъ.

§ 8. На каждомъ дворѣ, на мѣстѣ по указанію пожарнаго старосты, устроивается особое хранилище, куда выбрасывается зола изъ печей и очаговъ. Оно должно быть построено изъ камня или кирпича, внутри обмазано и снабжено во всякомъ случаѣ желѣзною, или обитою желѣзомъ, дверью.

§ 9. Строго воспрещается складывать вблизи жилыхъ домовъ и упомянутыхъ въ § 8 хранилищъ сѣно, солому или иные, легко воспламеняющіеся матеріалы.

§ 10. Въ хозяйственныхъ строеніяхъ огонь или свѣча употребляется не иначе, какъ въ совершенно безопасномъ и во всякомъ случаѣ не въ деревянномъ, бумажномъ и т. п. фонарѣ.

§ 11. Строго воспрещается курить табакъ во дворѣ, гдѣ устроена молотильня, въ конюшняхъ, житницахъ и хлѣбныхъ магазинахъ, а также на гумнахъ, гдѣ имѣются склады сѣна, соломы и т. п.

§ 12. Всякое нарушеніе сихъ правилъ наказывается по приговору мѣстнаго поселянскаго суда, въ предѣлахъ предоставленной сему суду власти, и налагаемые штрафы обращаются въ пожарную кассу.

II. ПОЖАРНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ.

§ 13. Каждое сельское общество обязано имѣть не менѣе одной пожарной трубы средней величины; обитыя желѣзными обручами бочки, на телегахъ; пожарные крюки, щиты и лѣстницы. Ближайшее опредѣленіе рода и числа сихъ принадлежностей, пріобрѣтеніе коихъ обязательно для общества, установляется, въ каждой волости, волостнымъ сходомъ, по представленію волостнаго правленія и пожарныхъ старостъ.

§ 14. Кромѣ того, волостной сходъ установляетъ тѣмъ же порядкомъ: кто изъ домовладѣльцевъ, съ какимъ именно орудіемъ обязанъ явиться на пожаръ; въ какой очереди домовладѣльцы поставляютъ лошадей и рабочихъ какъ для постояннаго содержанія въ общественныхъ пожарныхъ бочкахъ воды, такъ и для подвоза въ нихъ воды и явки съ прочими общественными пожарными снарядами на пожаръ и т. д.

§ 15. Для храненія поименованныхъ въ § 13 снарядовъ устраивается особый, среди селенія, общественный сарай, за постоянною исправностью коего и находящихся въономъ снарядовъ отвѣтствуютъ мѣстные пожарный и сельскій старосты.

§ 16. Въ случаѣ пожарной тревоги, обыватели обязаны спѣшить немедленно на мѣсто пожара, каждый съ назначенными ему снарядами, и тамъ исполнять безпрекословно приказанія сельскаго и пожарнаго ста-

ростъ, или заступающихъ ихъ мѣсто лицъ мѣстнаго управленія. Виновные въ неисполненіи сего подвергаются взысканіямъ въ порядкѣ, указанномъ § 12.

Примѣчаніе. Въ случаѣ явки на пожаръ волостнаго старшины или волостныхъ пожарныхъ старостъ, главная распорядительная власть переходитъ къ симъ лицамъ.

§ 17. Сосѣднія общества обязаны, по первой тревогѣ или требованію, явиться на помощъ подвергшемуся пожару селенію. За неисполненіе сего виновные могутъ быть подвергнуты взысканію по опредѣленію волостнаго суда.

§ 18. Мѣстные пожарные и сельскій старосты, обще съ нѣсколькими изъ лучшихъ хозяевъ, обязаны не менѣе двухъ разъ въ году осматривать во всей подробности, какъ въ частныхъ, такъ и въ общественныхъ зданіяхъ, хранилища для золы, трубы, очаги, тушительные инструменты, фонари и все, что относится къ дѣйствію огня. — Они принимаютъ соотвѣтственныя мѣры къ безотлагательному исправленію замѣченныхъ неисправностей.

§ 19. Лица, отличившіяся при тушеніи пожара особымъ рвеніемъ и распорядительностью, могутъ получить денежное вознагражденіе изъ пожарной кассы, по усмотрѣнію мѣстныхъ пожарнаго и сельскаго старостъ и съ разрѣшенія волостныхъ правленія и пожарныхъ старостъ.

§ 20. Волостному сходу, по представленіямъ общаго засѣданія волостнаго правленія и волостныхъ пожарныхъ старостъ, предоставляется дополнять настоящее положеніе тѣми правилами, какія могутъ быть признаны впослѣдствіи полезными и необходимыми.

VII.

ВОЛОСТНЫЕ БАНКИ.

Въ нашихъ колоніяхъ иностранныхъ поселенцевъ существуютъ двоякаго рода волостныя кассы, дѣлающія обороты на коммерческомъ правѣ. *Однѣ*, разновременно учрежденныя собственною инициативою волостныхъ обществъ, безъ участія попечительства, встрѣчаются въ нѣмецкихъ поселеніяхъ южной Россіи, большею частью подъ наименованіемъ «сиротскихъ кассъ». *Другія*, учрежденныя по инициативѣ попечительства и дѣйствующія на основаніи имъ же, по соглашенію съ обществами, установленныхъ положеній, именуются «ссудо-сберегательными кассами», если въ одной и той же кассѣ сосредоточены обороты по ссудамъ и вкладамъ, или, въ противномъ случаѣ, «кассою ссудною» и «кассою сберегательною».

Оба разряда этихъ кассъ, *но особенно* «сиротскія», всегда были тѣсно связаны съ управленіемъ опекунскою частью, капиталами которой завѣдываютъ; съ взаимнымъ отъ огня застрахованіемъ строеній (а мѣстами, какъ напр. на Молочнѣ, и съ опытами страховать, сверхъ строеній, всякаго рода движимость отъ огня, падежа, градобитія, саранчи и т. п.); съ переходомъ изъ рукъ въ руки наслѣдственныхъ дворовъ — хозяйствъ и т. д.

Но на югѣ же Россіи находится и не мало колонистскихъ поселеній, въ которыхъ кассы эти, какъ коммерческое учрежденіе, вовсе не существуютъ, или дѣлаются только опыты къ ихъ образованію. А между тѣмъ къ 1 января 1866 г. состояло здѣсь однихъ сиротскихъ *капиталовъ*, приращавшихся процентами:

а) въ кредитныхъ установленіяхъ	8,424 р.	$94\frac{1}{4}$ к.
б) у частныхъ лицъ и въ сиротскихъ кассахъ .	1.453,310 »	$15\frac{1}{2}$ »
Всего . . .	1.461,735 р.	$9\frac{3}{4}$ к.

Ревизія южныхъ колоній (1865 г.) свидѣтельствуетъ, между прочимъ, что отсутствіе или неустройство сиротскихъ кассъ, въ отношеніи завѣдыванія и приращенія процентами сиротскихъ капиталовъ, обнаружило

весьма существенныя неудобства, указывающія на необходимость преобразовать законодательнымъ путемъ опекунскую, а въ связи съ нею и кассовую часть, на болѣе прочныхъ основаніяхъ, по примѣру тому, какъ части эти организованы самимъ населеніемъ въ наилучше устроенныхъ округахъ (волостяхъ).

Нѣкоторыя изъ сиротскихъ кассъ этого водворенія, существуя до нынѣ, такъ сказать, *на основаніи обычая*, достигли тѣмъ не менѣе значительнаго развитія. Такъ, напримѣръ, годичный оборотъ старѣйшей изъ кассъ—Либентальской, открытой еще въ тридцатыхъ годахъ, доходитъ обыкновенно до 240,000 рублей. Въ кассѣ Хортицкаго меннонитскаго округа, уже въ 1851 году, обращались 213,060 рублей 50 коп., розданные въ ссуду обывателямъ изъ 6%, съ обязательствомъ вносить каждогодно проценты и $^1/_{10}$ капитальнаго долга. По мѣрѣ развитія экономическаго быта и вообще благосостоянія поселянъ, усиливался и приливъ въ кассы капиталовъ, а нужды въ кредитѣ дѣлались и дѣлаются изъ года въ годъ настоятельнѣе и разнообразнѣе, требуя для оборотовъ кассъ соотвѣтственныхъ тому законодательныхъ гарантій и простора. И въ этомъ-то отношеніи постоянно встрѣчались существенныя, до сего времени даже непреодолимыя затрудненія, съ одной стороны, въ ограниченности доступныхъ при данныхъ условіяхъ для кассъ операцій, не вполнѣ удовлетворяющихъ ни изобилію ищущихъ помѣщенія капиталовъ, ни нуждамъ кредита; а съ другой, въ неудовлетворительности, въ формальномъ отношеніи, собственно кассовой организаціи, не вполнѣ соотвѣтствующей требованіямъ подобнаго рода учрежденій, и въ отсутствіи вообще законодательныхъ гарантій, безъ которыхъ не мыслимы ни разнородность, ни обусловливаемая ею сложность кассовыхъ операцій. Неудобства эти сдѣлаются особенно чувствительными и для преуспѣянія кассъ даже вредными вслѣдъ за предстоящимъ упраздненіемъ главныхъ попечительствъ, при посредствѣ которыхъ кассы до сего времени поддерживали какъ связь между собою, такъ и совершенно необходимыя для нихъ сношенія съ государственнымъ банкомъ и его конторами.

Съ другой стороны, сохранившійся въ южныхъ колоніяхъ порядокъ раздачи опекунами сиротскихъ капиталовъ въ руки частныхъ лицъ изъ 6% существовалъ въ прежнее время и въ колоніяхъ саратовско-самарскихъ.

Здѣсь, какъ нынѣ и у южныхъ поселянъ, порядокъ этотъ во многихъ отношеніяхъ оказался равнымъ образомъ совершенно неудовлетворительнымъ. Такъ, между прочимъ, имущества сиротъ, продаваясь не за наличныя деньги, пріобрѣтались на аукціонахъ въ долгъ, нерѣдко легкомысленною наддачею непомѣрныхъ цѣнъ. Долги эти, быстро возрастая начисленіемъ изъ года въ годъ процентовъ на проценты, дѣлались для должниковъ, во многихъ случаяхъ, почти неоплатными, раззорительными, сами же сироты иногда десятки лѣтъ ожидали полнаго удовлетворенія, лишаясь возможности употребить свои капиталы съ должною при иныхъ условіяхъ пользою для себя.

Въ саратовско-самарскихъ колоніяхъ эти и иныя по учету опекуновъ

неудобства были устранены установленіемъ общаго правила, по которому поступающія въ продажу сиротскія имущества пріобрѣтаются не иначе, какъ съ аукціона и за наличныя деньги, и обязательнымъ для опекуновъ помѣщеніемъ ввѣренныхъ ихъ попеченію капиталовъ прежде въ Приказъ общественнаго призрѣнія, а нынѣ уже въ учрежденную, согласно Высочайшему повелѣнію 21 декабря 1859 года при каждомъ окружномъ приказѣ, ссудо-сберегательную кассу, срочными вкладами «впредь до достиженія сиротами совершеннолѣтія». Приливъ въ кассы и отливъ изъ нихъ сиротскихъ капиталовъ остаются въ болѣе или менѣе постоянныхъ, нормальныхъ соотношеніяхъ, такъ какъ сроки выема изъ кассъ сихъ капиталовъ обусловлены «совершеннолѣтіемъ сиротъ». Поэтому сиротскіе вклады имѣютъ здѣсь для кассъ вполнѣ значеніе основнаго капитала и для открытія кассовыхъ операцій не потребовалось никакихъ спеціальныхъ отчисленій въ основные фонды.

Обороты ссудо-сберегательныхъ кассъ поволжскихъ колоній быстро достигли весьма значительныхъ размѣровъ. Къ 1 января 1866 г. 15-ть кассъ этого водворенія:

а) имѣли: въ ссудахъ . . . . . . 687,006 р. $15^3/_4$
на лицо . . . . 61,930 » $87^1/_2$
748,937 р. $3^1/_4$ к.

и б) состояли должными вкладчикамъ капиталу . . . . . . 665,315 р. $33^1/_4$ к.

Остальные же 83,621 р. составляли частью невыданные проценты на вклады, по преимуществу же прибыль самыхъ кассъ отъ 5—6-ти лѣтнихъ оборотовъ.

Съ предстоящимъ упраздненіемъ попечительства, должна совершенно измѣниться и нынѣшняя организація кассоваго управленія. До сего времени *въ центральномъ завѣдываніи попечительствъ* остаются значительные общественные капиталы (до 1.100,000 руб.), которые, согласно Высочайше утвержденному 3 мая 1865 г. мнѣнію Государственнаго Совѣта, должны поступить къ учету, а слѣдовательно и въ непосредственное завѣдываніе и распоряженіе самихъ обществъ. Но безусловная передача въ вѣдѣніе поселянскихъ обществъ накопленныхъ, рядомъ нѣсколькихъ поколѣній, общественныхъ капиталовъ не согласуется ни съ видами правительства, ни съ пользами самихъ поселянъ. По этому министерство государственныхъ имуществъ, признавъ еще въ 1866 году необходимость преобразованія существующихъ кассъ и взаимнаго отъ огня страхованія строеній, оба эти вопроса предложило къ ближайшему обсужденію особаго съѣзда, въ Одессѣ, выборныхъ отъ всѣхъ колонистскихъ округовъ южнаго края Россіи, которыхъ предположенія и проекты банковаго, страховаго и пожарнаго положеній были представлены въ Петербургъ, въ августѣ того же 1866 года.

Новыя положенія, страховое и пожарное, какъ читателю извѣстно, вошли уже въ дѣйствіе; но дѣло собственно волостныхъ банковъ пріоста-

новилось въ виду ожидаемаго преобразованія колонистскихъ порядковъ общественнаго управленія, съ которыми необходимо согласовать и новое банковое положеніе.

Одесскій съѣздъ колонистскихъ уполномоченныхъ предположилъ, въ каждой волости (округѣ), или же на двѣ и болѣе волостей, по ихъ взаимному соглашенію, устроить волостной банкъ на слѣдующихъ главнѣйшихъ основаніяхъ:

1) Въ банкъ, по принадлежности, обязательно обращаются всѣ сиротскіе капиталы и спеціальные неприкосновенные фонды волости-учредителя (или волостей-учредителей) и входящихъ въ ея (ихъ) составъ сельскихъ обществъ и общественныхъ учрежденій. Сверхъ того, банкъ принимаетъ, срочными и безсрочными вкладами, взносы частныхъ лицъ и оборотныя суммы волостного и сельскихъ обществъ, церквей, училищъ и т. д.

2) Банкъ управляется особою Дирекціею изъ выборныхъ отъ волостного общества, подъ его круговою отвѣтственностію и подъ контролемъ волостного схода.

3) Банкъ исчисляетъ проценты на вѣчные вклады (и въ томъ числѣ на сиротскіе капиталы) не ниже 5 на сто, а по вкладамъ срочнымъ на основаніи постановленій общаго засѣданія банковой Дирекціи и волостного Правленія. Проценты на ссуды исчисляются не ниже 6 на сто; но норма эта можетъ быть увеличиваема по постановленіямъ тѣхъ же Дирекціи и Правленія.

4) Банкъ принимаетъ вклады на лицо или учрежденіе въ суммѣ не менѣе пяти рублей.

5) Выемъ вкладовъ допускается только въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, именно: въ октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ, по заявленіямъ вкладчиковъ, сдѣланнымъ банку не позже 1 сентября.

6) Банкъ выдаетъ ссуды: а) отдѣльнымъ лицамъ и товариществамъ, либо подъ залогъ, въ размѣрѣ до двухъ третей цѣны, въ какую имущество заемщиковъ (движимое и недвижимое) принято на страхъ мѣстнымъ страхованіемъ, либо подъ поручительство въ суммѣ до двухъ же третей страховой цѣны имуществъ поручителей; и б) поселянскимъ обществамъ подъ ихъ круговую поруку, либо, сверхъ поруки, подъ обезпеченіе возврата ссуды общественными запашками или опредѣленными статьями мірского дохода. Во всѣхъ этихъ случаяхъ ссуда выдается на сроки отъ одного мѣсяца до 10 лѣтъ.

7) Банкъ производитъ покупку въ собственность и за счетъ волостного общества земель и содѣйствуетъ ихъ прочному заселенію выходцами изъ среды волости. Равнымъ образомъ банкъ, смотря по состоянію его оборотныхъ капиталовъ, содѣйствуетъ пріобрѣтенію таковыхъ земель сельскими обществами, отдѣльными поселянами и поселянскими товариществами. Во всѣхъ сихъ случаяхъ банкъ обезпечиваетъ себя круговою порукою обществъ и, сверхъ того, залогомъ означенныхъ земель, съ хозяйственными на нихъ обзаведеніями.

и 8) Управленіе банка обязывается главнымъ попечительствомъ о сиротскомъ имуществѣ волости.

Болѣе или менѣе близкое знакомство съ потребностями поселянскаго быта убѣдитъ всякаго, что вкратцѣ изложенныя нами основныя положенія банковаго проекта колонистскихъ повѣренныхъ, будучи систематически развиты, должны обнять весь экономическій бытъ каждаго поселянина — *земледѣльца*, *промышленника* и *рабочаго*, и каждаго сельскаго общества въ отдѣльности, такъ равно и интересы *цѣлаго волостного общества*, или даже нѣсколькихъ, преимущественно малаго размѣра волостей. Стягивая въ одномъ финансовомъ центрѣ капиталы данной мѣстности и удовлетворяя здѣсь нуждамъ кредита частнаго и общественнаго по правиламъ коммерческаго разсчета, банки сдѣлаются для волостей-учредителей тѣмъ же естественнымъ центральнымъ органомъ, какимъ является сердце въ живомъ организмѣ; онѣ обнаружатъ самое благодѣтельное и всестороннее вліяніе на упроченіе и преуспѣяніе хозяйственнаго благосостоянія поселянъ.

Мы сказали, что правила, данныя попечительствомъ въ руководство ссудо-сберегательнымъ кассамъ приволжскихъ и бессарабско-болгарскихъ колоній, а также правила, установленныя нѣкоторыми колонистскими волостями помимо попечительства, не вполнѣ соотвѣтствуютъ ни значительности предлежащихъ нынѣ къ помѣщенію въ банкахъ капиталовъ, ни современнымъ потребностямъ населенія, ни требованіямъ правильнаго счетоводства и отчетности, которыми главнѣйше обусловливается солидность и успѣхъ подобныхъ учрежденій. Образцомъ для правительственныхъ правилъ служило положеніе ссудныхъ и сберегательныхъ кассъ бывшихъ государственныхъ и удѣльныхъ крестьянъ, съ допущеніемъ при этомъ только незначительныхъ измѣненій, какъ-то: соединенія въ одной кассѣ оборотовъ по ссудамъ и вкладамъ, увеличенія размѣра ссудъ на отдѣльное лицо-заемщика въ виду большей состоятельности колонистовъ и т. п. Во всемъ остальномъ правила колонистскихъ кассъ, открытыхъ при участіи попечительства, остались тѣ же крестьянскія. Послѣднія разсчитаны на населеніе неграмотное и гражданственно мало развитое. Быть можетъ онѣ и соотвѣтствовали въ свое время той средѣ, въ которой имъ приходилось первоначально дѣйствовать, хотя и здѣсь малое развитіе кассъ у государственныхъ крестьянъ и измѣненія, допущенныя въ кассовомъ положеніи 1859 года у крестьянъ удѣльныхъ, дѣлаютъ подобное предположеніе гадательнымъ. Но тѣ же правила, руководя полутора-милліоннымъ оборотомъ 15-ти кассъ приволжскихъ колоній, оказываются дѣтскою курткою, напяленною на взрослаго человѣка, и если прорѣхи этой куртки до сего времени мало выяснились предъ высшею администраціею (на мѣстѣ онѣ давно на виду), то причиною тому благоразумное руководство главнаго мѣстнаго попечительства. Но съ предстоящимъ упраздненіемъ попечительства, прочное и успѣшное существованіе кассъ и въ поволжьѣ сдѣлается воможнымъ единственно только подъ условіемъ реорганизаціи кассъ на правильныхъ коммерческихъ основаніяхъ. Отсюда понятно, почему одесскій съѣздъ колонистскихъ уполномоченныхъ, проектируя новое положеніе волостныхъ банковъ, принялъ въ руководство главнымъ образомъ не правительственныя

правила, а правила и опытъ кассъ, учрежденныхъ безъ участія попечительства.

При обсужденіи вопроса объ учрежденіи ссудо-сберегательныхъ кассъ въ приволжскихъ колоніяхъ, мѣстное начальство, основываясь на заявленіяхъ обществъ, настаивало, чтобы сдѣлать обязательнымъ помѣщеніе въ эти кассы всѣхъ сиротскихъ капиталовъ. Но въ то время такое постановленіе признавалось несоотвѣтствующимъ будто-бы свойству сиротскихъ капиталовъ, какъ *собственности частныхъ лицъ*. Вслѣдствіе того, правилами было *только допущено* такое помѣщеніе; но и это, какъ мы видѣли, оказалось достаточнымъ для направленія въ кассы почти всѣхъ сиротскихъ капиталовъ. Такой оборотъ дѣла, по нашему мнѣнію, не только соотвѣтствуетъ вполнѣ пользамъ сиротъ, но и не противорѣчитъ свойству сиротскихъ капиталовъ, какъ частнаго имущества. По уст. о кол. (ст. 149—154) опекуновъ надъ вдовами и сиротами, а также надъ лѣнивыми и нерадивыми, назначаютъ окружные головы и шульцы (волостные старшины и сельскіе старосты), съ согласія родственниковъ и лучшихъ хозяевъ, сами же головы и шульцы имѣютъ надъ опекой главный надзоръ. Въ наилучше устроенныхъ округахъ южныхъ колоній существуютъ, какъ читателю извѣстно, даже *особыя опекунскія управленія*, на обязанности которыхъ обыкновенно лежитъ и завѣдываніе «сиротскими кассами». Отсюда ясно, что и общества, и выборное начальство сознаютъ за собою прямую обязанность радѣть о возможно-обезпеченномъ и выгодномъ для сиротъ помѣщеніи ихъ капиталовъ, а это, въ свою очередь, достигается *обязательнымъ для опекуновъ* помѣщеніемъ этихъ капиталовъ въ волостные банки, обезпеченные гарантіею всего волостного общества-учредителя. По этимъ соображеніямъ, и одесскій съѣздъ колонистскихъ уполномоченныхъ предположилъ *обязательное* внесеніе сиротскихъ капиталовъ въ мѣстные волостные банки, тѣмъ болѣе, что однѣ изъ кассъ стянули уже эти капиталы. Въ отношеніи же другихъ, преобразовываемыхъ и вновь учреждаемыхъ банковъ, не слѣдуетъ опасаться слишкомъ быстраго наплыва сиротскихъ капиталовъ, розданныхъ преимущественно въ частныя руки. Приливъ этотъ можетъ совершиться только постепенно, по мѣрѣ поступленія капиталовъ отъ частныхъ должниковъ и образованія новыхъ опекъ. Тѣмъ не менѣе и въ южныхъ колоніяхъ, особенно богатыхъ разными общественными капиталами, и въ томъ числѣ неприкосновенными центрально-училищными фондами, обороты банковъ повсюду и сразу должны будутъ принять широкіе размѣры.

Обращеніе въ мѣстныя волостныя кассы до 800 тысячъ рублей сиротскаго капитала приволжскихъ колонистовъ дало этимъ кассамъ то мощное развитіе, на которое указано выше, препятствуя возобновиться здѣсь прежней неурядицѣ по опекунской части, видимо споспѣшествуя ходу разселенія поселенцевъ на земляхъ дополнительнаго надѣла, упрочивая и оживляя частный кредитъ и всю хозяйственную дѣятельность цѣлаго водворенія. Но самый фактъ развитія кассовыхъ оборотовъ, при несоотвѣтствующей такому развитію организаціи кассъ, возбуждаетъ относительно солидности этихъ учрежденій опасенія передовыхъ поселянъ, со-

знающихъ настоятельную необходимость, съ одной стороны, ввѣрить завѣдываніе кассами особой, отдѣльной *отъ волостного правленія администраціи*, а съ другой — согласовать условія оборотовъ и отчетности съ нормальными положеніями городскихъ и земскихъ общественныхъ банковъ. Тоже самое высказано, какъ выше объяснено, и одесскимъ съѣздомъ, по предположенію котораго одна изъ главнѣйшихъ обязанностей волостныхъ банковъ должна заключаться въ содѣйствіи успѣшному разрѣшенію важнѣйшаго вопроса о дальнѣйшемъ преуспѣяніи колоній— вопроса объ устройствѣ избытка ихъ безземельнаго населенія.

Сами-по-себѣ банки, не смотря на имѣющія поступить въ ихъ распоряженіе значительныя средства, не будутъ еще въ силахъ разрѣшить вопросъ о безземельномъ населеніи въ томъ размѣрѣ, какъ это настоятельно необходимо. Здѣсь, *по крайней мѣрѣ на первое время*, нужна еще матеріальная помощь волостного общества. Банки безъ особенныхъ затрудненій могутъ, конечно, пріобрѣтать значительные земельные участки; но, по существу ихъ оборотовъ, они не должны отсрочивать возвратъ затрачиваемыхъ ими суммъ далѣе 12 лѣтъ. Напротивъ совершенно необходимо, чтобы сроки возврата этихъ капиталовъ сокращались по крайней возможности. Нельзя однако требовать ускоренной уплаты исключительно только отъ самихъ поселянъ, водворяемыхъ на новыхъ участкахъ. Такое требованіе, какъ положительно доказываетъ вѣковой опытъ колонизаціи, лишило бы этихъ поселянъ возможности упрочить свой хозяйственный бытъ на мѣстахъ новаго водворенія. Поэтому, во всѣхъ колоніяхъ, усвоившихъ или переходящихъ отъ срочно-уравнительнаго передѣла земель по душамъ къ подворно-общинной системѣ пользованія угодьями общественнаго владѣнія, необходимо *по закону* установить minimum постоянныхъ общественныхъ сборовъ: а) *подесятиннаго*, съ полеваго надѣла; б) *посаженнаго*, съ усадебъ; и в) *поголовнаго*, съ работниковъ отъ 16 до 60 лѣтняго возраста, съ тѣмъ, чтобы эти сборы поступали въ мѣстные банки, по принадлежности, сперва на погашеніе суммъ, заимообразно употребленныхъ на устройство, на сторонѣ, избытка населенія кореннаго водворенія, а за тѣмъ на составленіе *спеціальнаго волостного фонда* въ пользу вновь имѣющаго народиться безземельнаго рабочаго класса. Въ этотъ же фондъ должны бы поступать, по мѣрѣ взноса, и выкупные платежи поселянъ, водворяемыхъ на вновь пріобрѣтенныхъ земляхъ. Только при этомъ условіи банки найдутся въ состояніи предпринимать одну операцію за другою, безъ долгосрочныхъ промежутковъ, волостныя же общества будутъ постоянно имѣть въ виду указаніе, какимъ образомъ съ ихъ стороны должно регулировать это дѣло, усиливая, соотвѣтственно дѣйствительной потребности, установленный закономъ minimum спеціальныхъ колонизаціонныхъ общественныхъ сборовъ.

Одно изъ важнѣйшихъ условій солидности и успѣха банковаго дѣла — это, безъ сомнѣнія, правильныя порядки счетоводства и отчетности. Сущность счетоводства по каждому роду оборотовъ волостного банка ближайшимъ и возможно удобопонятнымъ образомъ слѣдовало бы изложить въ особомъ наставленіи, поставивъ банкамъ *обязатель-*

ною цѣлью, при *первой возможности*, вести свои дѣла по двойной бухгалтеріи.

«Банковыя учрежденія, говоря словами г. Добролюбова, зависимыя или отъ правительства, или отъ обществъ, ихъ учредившихъ, конечно должны вести свое счетоводство до такой степени ясно и отчетливо, чтобы во всякое время имѣть данныя къ разрѣшенію всякихъ вопросовъ, касающихся производства операцій, и, вслѣдствіе этого, *должны вести свое счетоводство по двойной системѣ*».

Но, спросятъ иные, откуда взять столькихъ знающихъ дѣло и благонадежныхъ бухгалтеровъ, сколько потребуется для волостныхъ банковъ, скорѣйшее и повсемѣстное открытіе которыхъ конечно и желательно и необходимо?..

По нашему мнѣнію, этотъ недостатокъ легко и удобно можетъ быть устраненъ, *во первыхъ*, изданіемъ спеціальнаго для бухгалтеровъ волостныхъ банковъ руководства; *во вторыхъ*, введеніемъ въ программу центральныхъ и земскихъ училищъ преподаванія двойной системы счетоводства; наконецъ, *втретьихъ*, помѣщеніемъ на нѣкоторое время желающихъ изъ воспитанниковъ сихъ училищъ, для практическихъ занятій, въ существующія общественныя кредитныя учрежденія. Собственно же для нашихъ колонистовъ едва-ли ни окажется достаточнымъ одного спеціальнаго руководства. При развитости и благонадежности колонистскихъ писарей, появленіе подобнаго руководства устранитъ всякія затрудненія волостныхъ банковъ колоній.

Проэктъ положенія для волосныхъ банковъ былъ нами составленъ для колоній еще въ началѣ 1867 года. Вслѣдъ за тѣмъ, мы приступили было и къ составленію бухгалтерскаго руководства, въ примѣненіе къ нашему проэкту, согласованному, въ свою очередь, съ предположеніями одесскаго съѣзда колонистскихъ уполномоченныхъ и нормальными положеніями 6-го февраля 1862 и 16-го мая 1866 года для городскихъ общественныхъ банковъ.

Опубликованное недавно [1]) положеніе для «*сельскаго* общественнаго банка слободы Покровской» побудило насъ усвоить приводимому ниже проэкту редакцію и правила сего положенія, какъ получившаго уже законодательную сакнцію. Но, въ тоже время, самый поверхностный взглядъ на это положеніе убѣждаетъ, что Слободо-Покровскій банкъ есть тотъ же банкъ *городской*, и *сельскимъ* названъ только потому, что учредителемъ появилось не городское, а сельское общество. По нашему убѣжденію, волостные банки должны удовлетворять прежде всего *поземельно-хозяйственнымъ* интересамъ поселянъ и поселянскихъ обществъ; интересы же ремесло-промысловые и торговые занимаютъ здѣсь второй планъ. Только при соблюденіи этихъ условій, банкъ сдѣлается въ дѣйствительности сельскимъ или волостнымъ, а включая въ кругъ его вѣдѣнія опекунскую часть, путемъ обязательнаго помѣщенія въ банкъ сиротскихъ капиталовъ, и открывая доступъ *личному* кредиту, банкъ явится уже органически ассо-

---

[1]) Сборн. узаконеній и правит. расп. № 11—1869 года.

ціаціоннымъ нервомъ всей экономической жизни волостного общества, *не исключая безъимущественныхъ рабочихъ силъ* его, которыя, не имѣя имущественнаго залога, лишены всякаго кредита въ городскихъ банкахъ.

Представляя на судъ публики проэктъ положенія для волостныхъ банковъ, по нашему мнѣнію, болѣе или менѣе удовлетворяющій требованіямъ *сельско-земледѣльческаго быта* нашихъ поселянскихъ общинъ, мы однако далеки отъ мысли признавать за этимъ проэктомъ удовлетворительное развитіе частныхъ его положеній. Но будучи убѣждены въ непогрѣшимости основныхъ положеній, которыми волостные банки должны отличаться отъ банковъ городскихъ, нами руководитъ въ настоящемъ случаѣ лишь желаніе вызвать ближайшее, спеціальное обсужденіе проэкта, по преимуществу въ тѣхъ его частяхъ, которыя печатаны курсивомъ, въ отличіе отъ статей, позаимствованныхъ нами *цѣликомъ* изъ положенія Слободо-Покровскаго банка. Въ тоже время, сохраняемъ за собою право высказаться впослѣдствіи о тѣхъ измѣненіяхъ и дополненіяхъ, какія, быть можетъ, намъ самимъ представятся необходимыми при дальнѣйшемъ и всестороннемъ обсужденіи этого дѣла.

Наконецъ, было-бы весьма желательно и во всякомъ случаѣ полезно имѣть центральныя кредитныя учрежденія для всѣхъ волостныхъ банковъ поволжскихъ и южныхъ колоній. Подобныя учрежденія необходимы уже потому, что *общественные ихъ капиталы*: а) *переселенческій* — въ поволжьѣ (до 300,000 рублей), и б) *виннаго откупа* на югѣ Россіи, (прилож. № 6), по прямому назначенію и сущности ихъ оборотовъ не могутъ или не должны бы быть раздроблены по губерніямъ, уѣздамъ и волостямъ. Требуя центральнаго управленія, капиталы эти слѣдовало бы, по нашему мнѣнію, передать банкамъ: первый — саратовскому городскому, а второй — херсонскому земскому, дѣйствія котораго распространяются на весь Новороссійскій Край и Бессарабію, съ тѣмъ, чтобы каждый банкъ, поручивъ особому отдѣленію завѣдованіе оборотами ввѣреннаго ему капитала на существующихъ правилахъ, въ томъ же отдѣленіи сосредоточилъ главнымъ образомъ и всѣ сношенія свои съ мѣстными банками колонистскихъ и крестьянскихъ волостей.

Положеніе о волостныхъ банкахъ.

I. Общія положенія.

§ 1. *Въ каждой волости, по приговору не менѣе двухъ третей ея членовъ, имѣющихъ право быть на волостномъ сходѣ, и съ разрѣшенія въ каждомъ данномъ случаѣ министерствъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ, учреждается волостной банкъ. Не воспрещается двумъ и болѣе волостямъ, на томъ же основаніи, ходатайствовать объ учрежденіи для нихъ одного общаго банка, съ тѣмъ, чтобы тѣ изъ операцій банка, которыя ограничены въ настоящемъ положеніи предѣлами волости, распространялись на всю территорію волостей-учредительницъ.*

Примѣчаніе. По ходатайству подлежащихъ обществъ, кассы ихъ, су-

ществующія подъ наименованіями: «ссудныхъ и сберегательныхъ», «ссудо-сберегательныхъ» и «сиротскихъ», преобразовываются на основаніи сего положенія.

§ 2. *Банкъ можетъ открыть свои дѣйствія только въ такомъ случаѣ, если обращаемыя въ него, согласно § 3, суммы составятъ, въ итогѣ, не менѣе десяти тысячъ рубл. основнаго капитала.*

§ 3. *Взамѣнъ основнаго капитала, въ банкъ обращаются:* а) *всѣ капиталы сиротъ волостнаго общества (или волостей-учредительницъ); и* б) *собственные того-же общества капиталы, получившіе назначеніе неприкосновенныхъ фондовъ, съ обращеніемъ процентовъ на содержаніе училищъ и иныхъ учрежденій. Оба разряда сихъ суммъ приращаются процентами на правѣ вѣчныхъ вкладовъ* (§ 35).

§ 4. *Сверхъ того, банкъ принимаетъ вклады какъ отъ частныхъ лицъ всякаго сословія, такъ и отъ разнаго рода казенныхъ и общественныхъ учрежденій.*

§ 5. *Проценты по вкладамъ уплачиваются лишь за круглые годы и мѣсяцы, и на круглыя же суммы, безъ копеекъ, если при томъ эти суммы составляютъ не менѣе десяти рублей на лицо или учрежденіе (вкладъ). На томъ же основаніи исчисляются проценты и по ссудамъ, при чемъ однако пятьдесятъ коп. и свыше принимаются за полный рубль.*

§ 6. *Процентный ростъ вкладовъ считается съ перваго числа слѣдующаго послѣ взноса вклада мѣсяца и продолжается до перваго числа того мѣсяца, въ который вкладъ, сполна или частью, возвращенъ банкомъ, прекращаясь однако только на ту именно часть вклада, которая изъемлется изъ обращенія.*

§ 7. *Начотъ процентовъ по ссудамъ начинается съ перваго числа того мѣсяца, въ который выдана ссуда, и продолжается по первое число послѣдующаго, послѣ уплаты ссуднаго капитала, мѣсяца. Соотвѣтственно сему, дѣлается и разсчетъ подлежащихъ къ взысканію за просрочку и т. п. штрафовъ.*

II. Управленіе и сохраненіе капиталовъ.

§ 8 Банкъ состоитъ при волостномъ правленіи, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ волостного схода, предъ коимъ онъ и обязанъ отчетомъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Въ случаяхъ, требующихъ какого либо распоряженія со стороны губернскаго или уѣзднаго начальства, напр. побужденія присутственныхъ мѣстъ и лицъ къ охраненію банковыхъ интересовъ, банкъ вправѣ обращаться къ начальнику губерніи, а въ вопросахъ, превышающихъ власть послѣдняго — въ министерства финансовъ и внутреннихъ дѣлъ, по принадлежности.

§ 9. Вся переписка по дѣламъ банка, за исключеніемъ тяжебныхъ, производится на простой бумагѣ.

§ 10. Банку предоставляется имѣть свою печать, съ надписью, вокругъ, наименованія банка.

§ 11. Правленіе банка составляется изъ управляющаго и двухъ его

товарищей, избираемыхъ волостнымъ сходомъ установленнымъ для волостныхъ выборовъ порядкомъ. Въ первые два года существованія банка очередь выбытія управляющаго и его товарищей опредѣляется по жребію, а впослѣдствіи—по старшинству избранія. Выбывающія лица могутъ быть вновь избираемы. Волостной старшина можетъ вступить въ должность управляющаго, но не иначе какъ по особому избранію волостнаго схода. Если волостной старшина будетъ избранъ волостнымъ сходомъ управляющимъ банкомъ и пожелаетъ принять эту должность, то въ семъ случаѣ обязанъ сложить съ себя званіе волостнаго старшины.

Въ управляющіе и товарищи управляющаго могутъ быть избираемы и лица, не принадлежащія къ волостному обществу, если они пожелаютъ принять сіи мѣста и представятъ залогъ, размѣръ коего опредѣляется волостнымъ сходомъ.

§ 12. На случай необходимой отлучки членовъ правленія по торговымъ дѣламъ или инымъ обстоятельствамъ, волостной сходъ избираетъ, установленнымъ порядкомъ, по одному, для каждой должности, кандидату. Членъ правленія банка можетъ отлучаться въ отпускъ, по собственнымъ дѣламъ, съ согласія прочихъ членовъ, и въ этомъ случаѣ должность отлучающагося въ отпускъ лица замѣщается кандидатомъ но немъ. Кандидатъ, заступающій мѣсто члена правленія, получаетъ назначенное сему послѣднему содержаніе. Члены правленія, не оправдавшіе оказаннаго имъ довѣрія, могутъ быть уволены отъ должности волостнымъ сходомъ, ихъ избравшимъ, и до окончанія трехлѣтія, на которое они были избраны; въ такомъ случаѣ на мѣсто уволеннаго члена правленія избирается новое лицо, которое остается въ сей должности до истеченія означеннаго трехлѣтія.

§ 13. Ближайшее завѣдываніе кассою банка возлагается на одного изъ товарищей управляющаго, по назначенію правленія.

§ 14. При правленіи банка состоитъ бухгалтеръ и другія служащія лица, получающія содержаніе изъ доходовъ банка. Число сихъ лицъ и размѣръ ихъ содержанія, по представленію правленія, утверждаются волостнымъ сходомъ. Если кругъ дѣйствій банка будетъ ограниченъ, то должности бухгалтера, кассира и дѣлопроизводителя могутъ быть возлагаемы на самихъ членовъ правленія.

§ 15. Членамъ правленія банка предоставляются права и льготы, присвоенныя должностнымъ лицамъ, служащимъ по выбору волостныхъ обществъ, по пунк. 1 и 2 ст. 124 общаго положенія о крестьянахъ.

Размѣръ ежегоднаго денежнаго содержанія управляющему и его товарищамъ опредѣляется волостнымъ сходомъ.

§ 16. Правленіе банка обязано наблюдать за правильнымъ и быстрымъ производствомъ дѣлъ банка, заботиться о выгоднѣйшемъ и безопаснѣйшемъ помѣщеніи его капиталовъ, о возможномъ сокращеніи расходовъ по содержанію онаго, объ употребленіи капиталовъ банка не иначе, какъ на точномъ основаніи правилъ онаго, и вообще объ охраненіи банка отъ всякихъ ущербовъ, а также имѣть строгій надзоръ за цѣлостью его кассы и всего имущества.

§ 17. Управляющій банкомъ и его товарищи, при вступленіи своемъ въ должность, даютъ письменное обѣщаніе дѣйствовать во всѣхъ дѣлахъ по совѣсти и безъ лицепріятія, хранить въ тайнѣ все касающееся ввѣряемыхъ банку частныхъ коммерческихъ дѣлъ и счетовъ и неуклонно исполнять всѣ возложенныя на нихъ обязанности.

§ 18. Прочія лица, поступающія на службу въ банкъ, обязываются также, при самомъ опредѣленіи ихъ, письменнымъ обѣщаніемъ предъ правленіемъ банка, хранить коммерческія дѣла и счеты въ тайнѣ.

§ 19. За всѣ неблагопріятныя для банка послѣдствія, могущія произойти отъ неисполненія членами правленія и служащими въ банкѣ своихъ обязанностей, виновные подвергаются личной и по имуществу отвѣтственности, на основаніи общихъ узаконеній о служащихъ въ кредитныхъ установленіяхъ (Св. Зак. изд. 1857 г. Т. XV улож. о нак. ст. 1641 и слѣд.).

§ 20. Принадлежащія банку денежныя суммы, документы и залоги, кромѣ товаровъ (ст. 80) хранятся или въ собственныхъ кладовыхъ банка, или въ волостномъ правленіи (если помѣщеніе его сіе дозволитъ) въ особыхъ сундукахъ за замкомъ и печатями банка, управляющаго и его товарищей.

§ 21. Правленіе имѣетъ засѣданія въ опредѣленные дни и часы, выборъ коихъ предоставляется его усмотрѣнію и о которыхъ оно должно выставить объявленія въ пріемныхъ комнатахъ своихъ и волостнаго правленія и можетъ распубликовывать въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ.

§ 22. Правленіе производитъ дѣла свои коммерческимъ порядкомъ, удовлетворяя каждаго въ возможной скорости.

§ 23, О всѣхъ распоряженіяхъ банка составляются краткіе журналы, которые утверждаются подписью управляющаго и его товарища. Журналы эти прошнуровываются, съ приложеніемъ къ шнуру печати банка. Исходящія, посылаемыя по дѣламъ банка въ присутственныя мѣста или къ частнымъ лицамъ, подписываются управляющимъ и однимъ изъ товарищей.

§ 24. По операціямъ своимъ банкъ обязанъ содержать слѣдующія книги: 1) журнальную, 2) кассовую, и 3) главную (гросъ-бухъ). — Сверхъ того могутъ быть заводимы и другія книги, какія по ходу дѣлъ окажутся полезными. Всѣ означенныя книги должны быть выдаваемы изъ волостнаго правленія за подписаніемъ членовъ онаго, за шнуромъ и печатью сего правленія. Расходы на заготовленіе книгъ обращаются на счетъ банка.

§ 25. По истеченіи каждаго мѣсяца, члены правленія банка, вмѣстѣ съ членами волостнаго правленія, свидѣтельствуютъ всю наличность въ кладовой по книгамъ и документамъ и о послѣдствіяхъ свидѣтельства составляютъ актъ. Такія же свидѣтельства могутъ быть производимы, какъ самимъ волостнымъ правленіемъ, такъ и волостнымъ сходомъ, черезъ особо уполномоченныхъ для того лицъ, во всякое время.

§ 26. По истеченіи каждаго года, правленіе составляетъ отчетъ о дѣйствіяхъ банка въ минувшемъ году. Въ отчетѣ семъ должны заключаться подробныя свѣдѣнія о количествѣ капиталовъ банка, какъ основнаго,

такъ и запаснаго; принятыхъ и выданныхъ въ теченіе отчетнаго года вкладовъ, съ подраздѣленіемъ оныхъ по срокамъ; учетныхъ векселей и произведенныхъ ссудъ подъ залоги, съ указаніемъ рода залоговъ; о размѣрѣ и количествѣ процентовъ, уплоченныхъ и подлежащихъ уплатѣ вкладчикамъ, а также полученныхъ самимъ банкомъ и слѣдующихъ въ его пользу; о суммѣ протестованныхъ векселей и вообще просроченныхъ ссудъ, равно о мѣрахъ, принятыхъ къ возмѣщенію оныхъ; о произведенныхъ банкомъ безвозвратныхъ расходахъ и проч. Вообще отчетъ долженъ содержать подробныя выписки изъ главной книги (гросъ-буха) о состояніи счетовъ и движеніи ихъ въ теченіе года, съ точнымъ означеніемъ, какъ велики были по каждой операціи прибыли и убытки.

§ 27. Отчетъ за каждый истекшій годъ, не позже 15 февраля слѣдующаго года, представляется правленіемъ банка, чрезъ волостное правленіе, волостному сходу, который, для повѣрки отчета по всѣмъ вообще подлиннымъ книгамъ и документамъ, назначаетъ отъ себя не менѣе трехъ опытныхъ лицъ. Лица сіи обязаны кончить повѣрку въ теченіи мѣсяца и о послѣдствіяхъ оной извѣстить волостное правленіе для представленія сходу, а также увѣдомить правленіе банка. Затѣмъ отчетъ банка, для свѣдѣнія, представляется министрамъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ, съ приложеніемъ постановленій схода о послѣдствіяхъ произведенной повѣрки и печатается въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ. Сверхъ сего правленіе обязано публиковать въ тѣхъ же вѣдомостяхъ балансъ банка по прошествіи каждаго полугодія, а еженедѣльные балансы вывѣшивать въ пріемныхъ комнатахъ банка.

§ 28. Министру финансовъ предоставляется снабжать банкъ формами отчетовъ и балансовъ и вообще давать банку ближайшія указанія въ видахъ большаго единообразія въ дѣйствіяхъ, сообразно съ настоящими правилами.

III. Операціи банка.

§ 29. Волостному банку предоставляется производить слѣдующія операціи: а) пріемъ вкладовъ для обращенія изъ процентовъ; б) пріемъ на храненіе всякаго рода процентныхъ бумагъ, документовъ, золота и серебра въ монетѣ, въ слиткахъ и въ издѣліяхъ, а равно другихъ вещей; в) производство ссудъ подъ разнаго рода поименованные въ ст. 44 залоги; г) учетъ векселей и другихъ обязательствъ.

Изъ означенныхъ операцій предоставляется банку производить всѣ или лишь нѣкоторыя, признаваемыя волостнымъ сходомъ болѣе необходимыми. Сходъ можетъ опредѣлить, по представленію правленія банка, какая часть изъ имѣющихся въ распоряженія банка суммъ должна быть употребляема на каждую изъ производимыхъ банкомъ операцій.

§ 30. *Всѣ ввѣренные банку капиталы и вклады обезпечиваются: а) собственными средствами банка, и б) круговою, по имуществу, порукою поселянъ тѣхъ обществъ, которыми банкъ учрежденъ.*

а) О вкладахъ, вносимыхъ въ банкъ для обращенія изъ процентовъ.

§ 31. Вклады принимаются или на опредѣленное время, съ обязательствомъ возврата по востребованію, или на извѣстные сроки, или же на вѣчное время, съ правомъ пользоваться лишь одними процентами безъ востребованія самаго капитала.

Примѣчаніе. Всѣ постановленныя вкладчикомъ, не противныя закону, условія, относительно употребленія процентовъ съ вклада и возврата капитала, должны быть прописаны вкладчикомъ въ подаваемомъ, при взносѣ денегъ, объявленіи за его подписаніемъ; при чемъ если проценты съ вносимаго капитала и самый капиталъ назначаются въ пользу другаго лица, мѣста или учрежденія, то вкладчикъ обязанъ непремѣнно обозначить въ объявленіи: предоставляетъ ли онъ себѣ право въ теченіе своей жизни перемѣнить сдѣланное имъ назначеніе. О семъ должно всякій разъ напоминать вкладчику, объясняя, что если онъ не предоставитъ себѣ такого права, то послѣ никакое распоряженіе въ противность или въ отмѣну перваго назначенія принято не будетъ, а объявленіе, при взносѣ капитала поданное, будетъ исполнено съ буквальною точностью, выключая случая, когда лицо или учрежденіе, въ пользу коего первое назначеніе сдѣлано было, изъявитъ свое согласіе на перемѣну онаго, или когда жизнь такого лица или существованіе мѣста или учрежденія прекратятся. Для предупрежденія же всякаго спора и недоразумѣнія надлежитъ требовать отъ вкладчиковъ письменный отзывъ, что правило это имъ объявлено. За симъ всякое измѣненіе объявленныхъ при вкладѣ условій, если вкладчикъ предоставилъ себѣ на то право, допускается не иначе какъ по новому письменному объявленію, лично поданному или въ присутственномъ мѣстѣ засвидѣтельствованному. На самыхъ билетахъ слѣдуетъ непремѣнно помѣщать условія вклада вполнѣ или, въ случаѣ недостатка мѣста, существеннѣйшія изъ нихъ, съ присовокупленіемъ, если вкладъ принятъ на вѣчное время, что капиталъ не подлежитъ возврату, а проценты уплачиваются, согласно сдѣланному условію.

§ 32. Во вклады банка принимаются всякія суммы.

§ 33. При пріемѣ процентныхъ вкладовъ, банкъ соображается съ степенью надобности въ нихъ для своихъ ссудныхъ операцій, а потому какъ общее количество сихъ вкладовъ, такъ и размѣръ вкладовъ, принимаемыхъ отъ одного лица, могутъ быть ограничиваемы правленіемъ банка, по соглашенію съ волостнымъ правленіемъ.

§ 34. По принятіи капитала, банкъ выдаетъ вкладчику, въ тотъ же день, билетъ (по прилагаемой формѣ лит. А) за подписью управляющаго и одного товарища и скрѣпою бухгалтера и кассира.

Билеты на вклады, не превышающіе 300 руб., могутъ быть только именные; на сумму же свыше 300 р. дозволяется выдавать билеты какъ именные, такъ и безъименные, по желанію вкладчика. Именные билеты составляютъ исключительную принадлежность самаго вкладчика и могутъ быть передаваемы другому лицу лишь посредствомъ представленія въ банкъ передаваемаго билета для выдачи новаго, на имя пріобрѣтателя написан-

наго. Именные билеты свыше 300 р., по требованію владѣльца, могутъ быть обмѣниваемы на безъименные равно, безъименные всѣхъ достоинствъ, по требованію предъявителей ихъ, могутъ быть обмѣниваемы на именные.

Примѣчаніе 1. Бланки для билетовъ могутъ быть заказываемы, на счетъ банка, въ экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ.

Примѣчаніе 2. На вклады, вносимые казенными и общественными учрежденіями, выдаются непремѣнно именные билеты.

Примѣчаніе 3. Когда должности кассира и бухгалтера исполняютъ управляющій или его товарищи, то вкладные билеты подписываются управляющимъ и двумя его товарищами.

§ 35. Размѣръ процентовъ по вкладамъ какъ срочнымъ, такъ и безсрочнымъ, а равно прочія условія ихъ пріема, опредѣляются правленіемъ банка обще съ волостнымъ правленіемъ. Объ установленныхъ условіяхъ пріема вкладовъ объявляется во всеобщее свѣдѣніе порядкомъ, указаннымъ въ ст. 21 сихъ правилъ.

Примѣчаніе 1. Тѣмъ же порядкомъ дѣлается и публикуетстя всякое послѣдующее измѣненіе въ означенныхъ условіяхъ. Само собою разумѣется, что никакое измѣненіе въ размѣрѣ процентовъ на вклады и прочихъ условіяхъ ихъ пріема не можетъ быть примѣняемо къ тѣмъ изъ срочныхъ вкладовъ, которые приняты банкомъ до объявленія о сдѣланномъ измѣненіи.

Примѣчаніе 2. Проценты на вѣчные вклады выдаются на $^1/_2$ % болѣе, противъ процентовъ, которые установляются по вкладамъ, на самый отдаленный срокъ принимаемымъ. На этомъ основаніи, при каждомъ повышеніи или пониженіи процентовъ на сіи послѣдніе вклады, возвышаются или понижаются въ равной мѣрѣ и проценты на вѣчные вклады, съ соблюденіемъ лишь условія приплаты полупроцента.

§ 36. На вклады безсрочные проценты выдаются въ томъ только случаѣ, если капиталъ пробылъ въ банкѣ не менѣе мѣсяца, *не считая дней того мѣсяца, въ который вкладъ былъ принятъ* (§ 6). Срокъ сей можетъ быть правленіемъ банка, обще съ волостнымъ правленіемъ, увеличиваемъ, но увеличенный срокъ долженъ быть примѣняемъ лишь ко вкладамъ, принятымъ послѣ сдѣланнаго о семъ объявлянія.

§ 37. Проценты на проценты по вкладамъ безсрочнымъ, срочнымъ и вѣчнымъ банкъ ни въ какомъ случаѣ не платитъ.

§ 38. Банкъ возвращаетъ внесенные въ него капиталы сполна или частями, а также платитъ наросшіе на нихъ проценты, не иначе какъ по предъявленіи подлинныхъ на тѣ капиталы билетовъ. При чемъ выдача денегъ производится: по именнымъ билетамъ — вкладчику, или лицу, на полученіе капитала уполномоченному довѣренностью, или, въ случаѣ смерти вкладчика, утвержденнымъ по немъ наслѣдникамъ, а по билетамъ безъименнымъ—всякому предъявляющему билетъ.

Примѣчаніе. Въ случаѣ утраты именнаго билета на вкладъ, владѣльцу сего послѣдняго выдается изъ банка безотлагательно новый билетъ и о томъ публикуется, насчетъ объявившаго объ утратѣ, въ губернскихъ вѣдомостяхъ, съ объясненіемъ, что выданный прежде билетъ долженъ счи-

таться недѣйствительнымъ. Объявленія объ утратѣ безъименныхъ билетовъ не принимаются, такъ какъ капиталъ и проценты по таковымъ билетамъ выдаются ихъ предъявителю.

§ 39. Возвратъ вкладовъ производится: *срочныхъ—немедленно по наступленіи срока, а безсрочныхъ лишь начиная съ 1-го октября*, если при томъ банкъ былъ предувѣдомленъ: о капиталѣ не свыше 1000 руб. по крайней мѣрѣ за недѣлю, о капиталѣ отъ 1 до 3000 р. за мѣсяцъ, отъ 3 до 5000 р. за два мѣсяца, а свыше 5000 р. за три мѣсяца до востребованія. Со дня истеченія сихъ сроковъ ростъ процентовъ на требуемую сумму прекращается, хотя бы вкладчикъ за полученіемъ ея и не явился.

Примѣчаніе. Правленію банка, по соглашенію съ волостнымъ правленіемъ, предоставляется уменьшать означенные въ сей статьѣ сроки, если сіе, по состоянію банковыхъ оборотовъ, будетъ оказываться возможнымъ. Объ установленныхъ на семъ основаніи новыхъ срокахъ правленіе обязано объявлять порядкомъ, указаннымъ въ ст. 21 сихъ правилъ.

§ 40. Если бы вкладчикъ, внесшій въ банкъ капиталъ на срокъ, пожелалъ и по окончаніи онаго оставить свой вкладъ въ банкѣ на новый срокъ, то обязанъ заявить о томъ правленію заблаговременно. Если же онъ сего не сдѣлаетъ и по истеченіи срока, на который капиталъ былъ внесенъ въ банкъ, не возметъ онаго обратно, то вкладъ считается безсрочнымъ и проценты на оный исчисляются въ томъ размѣрѣ, въ какомъ будутъ въ то время производиться проценты по безсрочнымъ вкладамъ. Буде въ теченіе 20 лѣтъ по окончаніи срока вклада, владѣльцевъ капитала, доказавшихъ законнымъ порядкомъ свое право на оный, не явится, то такой капиталъ, съ накопившимися процентами, причисляется къ основному капиталу банка.

§ 41. *Вклады, внесенные въ обезпеченіе слѣдующихъ съ кого-либо казенныхъ или иныхъ платежей, выдаются только по требованіямъ подлежащаго сельскаго начальства.*

б) Пріемъ вкладовъ на храненіе.

§ 42. Банкъ принимаетъ отъ правительственныхъ и общественныхъ установленій и частныхъ лицъ на храненіе означенныя въ ст. 29 п. б. цѣнности, на основаніи правилъ, установляемыхъ правленіемъ банка обще съ волостнымъ правленіемъ и объявляемыхъ во всеобщее свѣдѣніе порядкомъ, указаннымъ въ ст. 21 сихъ правилъ.

§ 43. Въ пріемѣ вкладовъ на храненіе должны быть выдаваемы росписки, съ означеніемъ въ оныхъ главныхъ условій возврата вкладовъ и слѣдующей платы за храненіе, согласно размѣру, опредѣляемому правленіемъ банка обще съ волостнымъ правленіемъ.

в) О ссудахъ подъ залогъ.

§ 44. Банкъ можетъ производить ссуды подъ залогъ: 1) земель и строеній, 2) процентныхъ бумагъ, 3) товаровъ, 4) драгоцѣнныхъ и другихъ не подверженныхъ порчѣ вещей. *Независимо отъ сего, банкъ мо-*

жетъ кредитовать: а) волостныя и сельскія общества подъ круговую поруку, или, сверхъ поруки, подъ обезпеченіе займа общественными запашками или опредѣленными статьями мірскаго дохода, и б) товарищества и отдѣльныхъ лицъ исключительно своей волости, подъ надежное поручительство.

§ 45. При производствѣ ссудъ правленіе должно соображаться со средствами банка и не назначать въ выдачу значительныхъ суммъ одному лицу въ ущербъ другимъ, поступая такъ сколько для надежнѣйшаго обезпеченія капиталовъ банка, такъ и для того, чтобы доставить большую возможность пользоваться ссудами всѣмъ, имѣющимъ въ нихъ нужду. *Вообще же ссуды выдаются въ слѣдующей постепенности: прежде удовлетворяются нужды волостнаго общества; за тѣмъ тѣхъ сельскихъ обществъ, которыя представляютъ благонадежное ручательство, и наконецъ, ходатайства товариществъ и отдѣльныхъ лицъ.*

§ 46. Размѣры процентовъ по ссудамъ опредѣляются правленіемъ банка обще съ волостнымъ правленіемъ и объявляются къ свѣдѣнію порядкомъ, указаннымъ въ ст. 21 сихъ правилъ.

§ 47. Проценты взимаются банкомъ по ссудамъ на сроки менѣе года, впередъ за все время займа, а по ссудамъ срокомъ на одинъ годъ и далѣе—впередъ за каждый годъ на сумму, остающуюся въ долгу.

Примѣчаніе. Волостному сходу предоставляется право разрѣшать по ссудамъ свыше трехъ лѣтъ уплачивать проценты за каждые полгода впередъ.

§ 48. Выдача ссудъ срокомъ свыше шести мѣсяцевъ должна производиться не иначе, какъ изъ капиталовъ, принятыхъ банкомъ на опредѣленные сроки. При этомъ сроки ссудъ не должны превышать сроковъ вкладовъ, изъ коихъ оные выдаются.

§ 49. Заемщику не воспрещается внести всѣ занятыя деньги или часть оныхъ прежде срока; возвратъ въ такомъ случаѣ внесенныхъ имъ впередъ процентовъ производится на условіяхъ, кои будутъ установлены правленіемъ банка обще съ волостнымъ правленіемъ.

Примѣчаніе. На семъ основаніи дозволяется конкурсу выкупить заложенное въ банкѣ имущество несостоятельнаго должника, для поступленія съ онымъ по законамъ.

§ 50. Заложенныя въ банкѣ имущества не подвергаются секвестру по частнымъ и казеннымъ взысканіямъ, но, въ случаѣ требованія судебнаго мѣста, продажа сихъ имуществъ, для удовлетворенія другихъ исковъ, допускается съ тѣмъ, чтобы банкъ получилъ слѣдующую ему по закону сумму съ процентами сполна.

§ 51. Если продажею заложеннаго имущества неисправнаго заемщика будетъ выручено болѣе, чѣмъ причитается банку по силѣ настоящихъ правилъ и за полученіемъ денегъ заемщикъ, или заступающее его мѣсто лицо, не явится, то о семъ, на счетъ заемщика, публикуется въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ, съ объясненіемъ, что излишнія деньги имѣютъ быть выданы закладчику, или его наслѣдникамъ, либо кредиторамъ, на общемъ основаніи. Но если въ теченіе 10 лѣтъ послѣ та-

ковой публикаціи, никто для полученія тѣхъ денегъ не явится, то оныя причитаются къ запасному капиталу банка.

г) Ссуды подъ залогъ земель и строеній.

§ 52. Ссуды сіи могутъ быть производимы подъ залогъ: каменныхъ и деревянныхъ домовъ, торговыхъ лавокъ, фабрикъ, заводовъ и другихъ зданій, а равно участковъ земли, находящихся съ ссужающимъ банкомъ въ одномъ и томъ же уѣздѣ.

Примѣчаніе. Въ залогъ банка могутъ быть принимаемы лишь тѣ имущества, кои не состоятъ ни подъ запрещеніемъ, ни въ общинномъ владѣніи.

§ 53. Желающій заложить въ банкѣ недвижимое имущество долженъ представить въ банкъ при прошеніи: 1) купчую крѣпость или другой документъ на право владѣнія; 2) свидѣтельство надлежащаго присутственнаго мѣста о принадлежности заемщику имѣнія и о лежащихъ на ономъ запрещеніяхъ, взысканіяхъ, спорахъ, искахъ и проч.; 3) планъ, буде таковой имѣется; 4) подробно составленную владѣльцемъ, по установленной правленіемъ банка обще съ волостнымъ правленіемъ формѣ, опись имѣнія, засвидѣтельствованную мѣстнымъ волостнымъ правленіемъ; 5) страховой полисъ, *или выписку изъ ипотечной книги*, если ссуда испрашивается подъ залогъ строенія *или наслѣдственнаго двора—хозяйства.*

Примѣчаніе. Владѣлецъ имѣнія отвѣтствуетъ предъ судомъ за вѣрность составленной имъ описи.

§ 54. Залогодатель обязанъ содержать принятыя банкомъ въ обезпеченіе строенія, *или хозяйство*, въ исправности и своевременно перезастраховывать оныя, съ представленіемъ въ банкъ страховаго полиса не позже 7 дней до окончанія срока предъидущему полису, *или видѣтельства администраціи мѣстнаго взаимнаго страхованія.* Въ противномъ случаѣ банкъ самъ перезастраховываетъ строенія за счетъ лица, представившаго оныя въ обезпеченіе.

§ 55. По полученіи просьбы о ссудѣ подъ залогъ зданія и участка земли, находящагося въ чертѣ волости, банкъ производитъ немедленно оцѣнку посредствомъ оцѣнщиковъ, избираемыхъ для сего обществомъ, въ присутствіи одного изъ членовъ правленія. Что касается залога зданій и участковъ земли въ другой мѣстности, то описаніе и оцѣнка ихъ производится сосѣдними владѣльцами, въ числѣ не менѣе 3-хъ, также въ присутствіи одного изъ членовъ правленія или уполномоченнаго банка, причемъ опредѣляется оцѣнщиками и срокъ, на который они отвѣтствуютъ за назначенную ими цѣну. За тѣмъ на актахъ описанія и оцѣнки дѣлается удостовѣреніе: о дворянахъ—уѣзднымъ предводителемъ дворянства, о купцахъ и мѣщанахъ—городскою думою (или замѣняющимъ ея учрежденіемъ) а о поселянахъ—мѣстнымъ волостнымъ правленіемъ, что производившіе описаніе и оцѣнку суть люди, довѣрія достойные.

Производство оцѣнки закладываемыхъ земель правленіе банка можетъ поручить однимъ своимъ уполномоченнымъ въ числѣ не менѣе двухъ.

Оцѣнка утверждается правленіемъ банка обще съ волостнымъ правленіемъ.

§ 56. При оцѣнкѣ закладываемыхъ зданій принимаются въ разсчетъ степень прочности ихъ, приносимый ими доходъ и выгоды мѣстоположенія. Цѣнность земель опредѣляется по качеству ихъ и количеству получаемыхъ отъ нихъ доходовъ и по выгодамъ мѣстоположенія.

Примѣчаніе 1-е. Подъ залогъ такихъ зданій или участковъ земли, которые вовсе не приносятъ дохода, ссуды изъ банка выдаваемы быть не могутъ.

Примѣчаніе 2-е. Если ссуда испрашивается подъ залогъ фабрики или завода, то при оцѣнкѣ оныхъ, на основаніи сей статьи, стоимость машинъ, товаровъ и прочей заводской и фабричной движимости, а равно приносимый дѣйствіемъ фабрики и завода доходъ, въ оцѣночную сумму не входятъ.

§ 57. Въ ссуду выдается не болѣе половины оцѣночной суммы. Размѣръ сей можетъ быть уменьшаемъ по постановленіямъ волостнаго схода. Во всякомъ случаѣ размѣръ ссуды, съ годовыми на нее процентами, не долженъ превышать той суммы, въ которую строеніе застраховано.

§ 58. Ссуды могутъ быть выдаваемы на разные сроки, подъ залогъ: земель — не свыше 12 лѣтъ, каменныхъ строеній — не свыше 8 лѣтъ и деревянныхъ строеній—не свыше 3 лѣтъ, съ соблюденіемъ въ точности правила, по коему ссуды на сроки свыше 6 мѣсяцевъ не должны быть выдаваемы иначе, какъ изъ вкладовъ, принятыхъ срокомъ долѣе одного года или на вѣчное время (§ 48).

§ 59. По выдачѣ ссуды подъ росписку заемщика въ книгѣ, банкъ въ то же время относится въ то присутственное мѣсто, коимъ выдано залоговое свидѣтельство, о наложеніи на имѣніе запрещенія и за тѣмъ слѣдитъ за цѣлостью залога.

Примѣчаніе 1-е. Слѣдующія за наложеніе и снятіе запрещенія деньги должны быть представлены заемщикомъ или удержаны изъ причитающейся ему ссуды.

Примѣчаніе 2-е. Подъ заложенныя въ банкѣ земли и строенія могутъ быть дѣлаемы ссуды отъ частныхъ лицъ, съ сохраненіемъ только за банкомъ старшинства въ удовлетвореніи его долга сполна.

§ 60. Страховой полисъ заложеннаго въ банкѣ зданія долженъ храниться въ банкѣ, который, въ случаѣ поврежденія пожаромъ сего зданія, удерживаетъ изъ страховаго вознагражденія столько, сколько необходимо для погашенія банковаго долга, а остальную за тѣмъ часть сего вознагражденія возвращаетъ владѣльцу строенія.

§ 61. Если полученной отъ страховой компаніи *или мѣстнаго страхованія* суммы будетъ недостаточно для покрытія всего долга банку, лежащаго на потерпѣвшемъ отъ пожара строеніи, или страховыя *общества*, по силѣ своихъ уставовъ, вовсе откажутся отъ платежа пожарныхъ убытковъ, то банкъ приступаетъ къ продажѣ заложеннаго строенія, уцѣлѣвшаго отъ пожара, а если сей послѣдній произошелъ отъ злаго умысла владѣльца и о семъ состоится судебный приговоръ, то назначается въ

продажу и всякое другое свободное имущество, какое окажется у виновнаго до полнаго погашенія банковаго долга.

§ 62. Если же уцѣлѣвшая отъ пожара часть зданія по банковымъ правиламъ можетъ служить обезпеченіемъ долга банку и будетъ немедленно въ суммѣ этого долга застрахована, то банкъ не принимаетъ никакихъ мѣръ взысканія.

§ 63. Если владѣлецъ заложеннаго зданія пожелаетъ оное передѣлать, подвергнуть капитальному исправленію или распространить надстройкою этажа и т. п., то долженъ подать о томъ прошеніе въ банкъ, который разрѣшаетъ предположенныя работы въ такомъ лишь случаѣ, если онѣ не могутъ уменьшить цѣнности заложеннаго строенія и если страховое общество при этомъ не откажетъ въ продолженіи страхованія.

§ 64. Желающій продать или уступить, съ переводомъ долга, заложенное въ банкѣ имѣніе обязанъ испросить на сіе дозволеніе банка.

§ 65. По совершенной уплатѣ занятыхъ подъ залогъ недвижимаго имущества денегъ, банкъ возвращаетъ заемщику представленные имъ документы съ надписью на залоговомъ свидѣтельствѣ объ уплатѣ ссуды и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаетъ распоряженіе о снятіи съ залога запрещенія.

§ 66. Тому, кто не уплатитъ въ срокъ банковаго долга, дается десять дней льготы, если ссуда выдана подъ залогъ имущества, находящагося въ одномъ съ банкомъ уѣздѣ. Когда въ теченіе льготнаго срока занятыя деньги внесены не будутъ, банкъ относится въ мѣстную полицію объ описи просроченнаго имѣнія и о доставленіи доходовъ съ онаго въ банкъ. Опись составляется, установленнымъ въ законѣ порядкомъ, не далѣе 15 дней отъ полученія полиціею требованія о томъ банка.

При описи недвижимаго имущества можетъ присутствовать товарищъ управляющаго. Если же описывается зданіе или земля, находящіяся въ другой мѣстности, то командированіе, для присутствованія при описи, одного изъ членовъ правленія, или уполномоченнаго отъ банка, предоставляется усмотрѣнію правленія онаго.

§ 67. По полученіи отъ полиціи описи, правленіе банка дѣлаетъ распоряженіе о продажѣ заложеннаго имущества, съ публичнаго торга, въ самомъ банкѣ при членѣ волостнаго правленія, съ соблюденіемъ всѣхъ установленныхъ для таковыхъ продажъ правилъ. Въ случаѣ безуспѣшности торговъ въ банкѣ, онъ представляетъ подлежащему присутственному мѣсту о продажѣ въ ономъ имущества на общемъ основаніи.

Примѣчаніе. Если заложенное имущество находится въ отдаленныхъ отъ мѣста нахожденія банка селеніяхъ или въ городѣ, то продажа онаго можетъ производиться, въ присутствіи уполномоченнаго отъ банка, въ мѣстныхъ учрежденіяхъ, назначенныхъ для продажи имуществъ съ публичнаго торга.

§ 68. Изъ вырученныхъ продажею имѣнія денегъ удерживается должная банку сумма, съ процентами на оную за все просроченное время, издержки по продажѣ и особый въ пользу банка штрафъ, на основаніи ст. 106 настоящихъ правилъ.

§ 69. Въ случаѣ, если отъ неправильности оцѣнки, продажею просро-

ченнаго имѣнія банку сумма не будетъ выручена, то недостатокъ взыскивается установленнымъ судебнымъ порядкомъ съ цѣновщиковъ, а при несостоятельности ихъ, съ членовъ правленія банка и волостнаго правленія, утвердившихъ оцѣнку.

д) Ссуды подъ залогъ процентныхъ бумагъ.

§ 70. Банкъ выдаетъ ссуды подъ залогъ государственныхъ процентныхъ бумагъ (билетовъ государственнаго казначейства и государственной коммисіи погашенія долговъ, государственныхъ 5% и 4% банковыхъ билетовъ, 5% выкупныхъ свидѣтельствъ и пр.), гарантированныхъ правительствомъ акцій и облигацій, безъименныхъ билетовъ волостныхъ и городскихъ общественныхъ банковъ, по которымъ до срока возврата капитала осталось не болѣе 6 мѣсяцевъ.

§ 71. Представляемыя въ залогъ именныя бумаги должны быть переведены на имя банка, или снабжены передаточнымъ объявленіемъ, либо бланковою надписью, по правиламъ, какія установлены для продажи каждаго рода таковыхъ бумагъ.

Примѣчаніе. Если подпись залогодателя неизвѣстна банку, то она должна быть засвидѣтельствована двумя извѣстными банку частными лицами.

§ 72. При выдачѣ ссуды подъ залогъ процентныхъ бумагъ, банкъ беретъ отъ заемщика особое обязательство выкупить залогъ къ назначенному сроку, и въ случаѣ неисполненія сего, отвѣтствовать предъ банкомъ не только заложеннымъ, но и другимъ своимъ имуществомъ. Копія съ обязательства (которая составляется по прилагаемой формѣ лит. Б) выдается въ тоже время заемщику.

§ 73. Ссуды подъ процентныя бумаги ни въ какомъ случаѣ не должны превышать нижеслѣдующихъ размѣровъ съ цѣны ихъ по послѣднему курсу С. Петербургской или ближайшей биржи: по билетамъ государственныхъ займовъ—90%, по гарантированнымъ акціямъ и облигаціямъ — 50%. Билеты банковъ принимаются въ залогъ въ размѣрѣ 75% съ нарицательной стоимости. Правленіе банка, смотря по состоянію оборотныхъ его средствъ и по другимъ соображеніямъ, можетъ назначать ссуды и ниже сихъ размѣровъ, по своему усмотрѣнію.

§ 74. Ссуды подъ залогъ процентныхъ бумагъ выдаются на сроки отъ однаго до шести мѣсяцевъ.

§ 75. По уплатѣ занятыхъ подъ процентныя бумаги денегъ, банкъ возвращаетъ оныя заемщику вмѣстѣ съ даннымъ имъ обязательствомъ, а выданную копію съ сего послѣдняго отбираетъ отъ него обратно.

§ 76. Если заемщикъ не уплатитъ долга въ срокъ, то по истеченіи 10 дней льготы, заложенныя процентныя бумаги, кромѣ билетовъ другихъ волостныхъ и городскихъ банковъ, подвергаются продажѣ въ банкѣ, или чрезъ посредство ближайшаго отдѣленія или конторы государственнаго банка, или чрезъ маклеровъ, смотря потому, что̀ будетъ выгоднѣе для банка и самаго заемщика, а билеты другихъ волостныхъ и городскихъ

банковъ отсылаются въ эти послѣдніе, съ требованіемъ уплаты по нимъ капитала и процентовъ.

§ 77. Изъ вырученной продажею процентныхъ бумагъ, или полученной отъ волостнаго или городскаго банка суммы, удерживаются выданныя въ ссуду деньги, съ процентами за все просроченное время и издержками по продажѣ.

§ 78. Если бы случилось, что продажею бумагъ не будетъ выручена вся должная банку сумма, то недостающее взыскивается, установленнымъ порядкомъ, съ прочаго имущества закладчика.

е) Ссуды подъ залогъ товаровъ.

§ 79. Въ залогъ банка принимаются важнѣйшіе товары и сельско-хозяйственныя произведенія, имѣющія на мѣстѣ оптовый сбытъ. Какіе именно товары и произведенія могутъ быть принимаемы въ залогъ банкомъ, опредѣляется особою росписью, которая составляется правленіемъ банка по соглашенію съ волостнымъ правленіемъ, и объявляется во всеобщее свѣдѣніе порядкомъ, указаннымъ въ ст. 21 настоящихъ правилъ.

§ 80. Представляемые въ залогъ товары или произведенія должны быть сложены въ принадлежащихъ залогодателю или нанятыхъ имъ кладовыхъ, магазинахъ, либо другихъ безопасныхъ помѣщеніяхъ и за его же карауломъ.

§ 81. Закладываемые товары, кромѣ металловъ, должны быть застрахованы отъ огня въ полной ихъ стоимости.

Примѣчаніе. Если страхованіе товаровъ, по отсутствію агентовъ страховыхъ обществъ, представится невозможнымъ, то банкъ можетъ, по приговору волостнаго схода, допустить выдачу ссудъ и подъ залогъ незастрахованныхъ товаровъ, взимая, сверхъ интересовъ, страховую премію, которая должна служить для возмѣщенія убытковъ банка на случай истребленія заложенныхъ товаровъ пожаромъ и неимѣнія у закладчика другаго имущества, съ коего могли бы быть взысканы, согласно ст. 89, ссудныя деньги. Размѣръ страховой преміи назначается правленіемъ банка обще съ волостнымъ правленіемъ и объявляется къ свѣдѣнію порядкомъ, указаннымъ въ ст. 21 сихъ правилъ.

§ 82. Получивъ прошеніе о выдачѣ ссуды подъ товаръ, правленіе банка отряжаетъ двухъ своихъ членовъ для осмотра товара, и если они найдутъ оный въ томъ самомъ количествѣ и качествѣ, какъ означено въ прошеніи залогодателя, а помѣщеніе, въ которомъ онъ хранится, соотвѣтствующимъ означеннымъ въ ст. 80 условіямъ, то къ товару припечатывается печатью банка учетный билетъ, съ означеніемъ кому товаръ принадлежитъ, въ какомъ количествѣ и качествѣ оказался и на какой срокъ закладывается. Сверхъ того, если помѣщеніе товара замкнутое, то двери онаго запечатываются печатями банка и хозяина товара, а ключи берутся членами правленія банка и представляются, для храненія, въ этотъ послѣдній, вмѣстѣ съ донесеніемъ о послѣдствіяхъ сдѣланнаго ими осмотра.

§ 83. За тѣмъ правленіе банка, по соображеніи количества и качества товара и существующихъ на него цѣнъ, а также кредита залогодателя и торговыхъ обстоятельствъ вообще, опредѣляетъ размѣръ ссудъ, которыя могутъ быть менѣе, но ни въ какомъ случаѣ не должны превышать половины стоимости залога.

§ 84. Ссуды разрѣшаются на срокъ отъ трехъ до шести мѣсяцевъ, соображаясь, съ одной стороны, съ желаніемъ заемщика, а съ другой, со степенью прочности товара и постоянства въ цѣнѣ.

§ 85. При выдачѣ ссуды банкъ беретъ отъ заемщика особое обязательство (по прилагаемой формѣ лит. Б.) выкупить залогъ къ назначенному сроку и, въ случаѣ неисполненія сего, отвѣтствовать предъ банкомъ не только заложеннымъ, но и другимъ своимъ имуществомъ. Въ тоже время выдается изъ банка заемщику копія съ сего обязательства.

§ 86. Принятые въ залогъ товары и произведенія правленіе банка свидѣтельствуетъ, въ присутствіи хозяина *или его повѣреннаго*, еженедѣльно, а въ случаѣ надобности и внезапно, посредствомъ своихъ членовъ, которые о послѣдствіяхъ повѣрки доносятъ правленію банка. Если при этомъ окажется въ товарахъ поврежденіе или утрата, то хозяинъ обязывается въ теченіе 10 дней, или внесть занятую сумму, или представить въ обезпеченіе другой, соразмѣрный своему долгу, залогъ; если же ни того, ни другаго не сдѣлаетъ, то съ залогомъ поступается какъ съ просроченнымъ (ст. 66).

Примѣчаніе 1. Въ случаѣ отъѣзда хозяина залога, онъ обязывается объявить банку письменно, кому поручилъ надзоръ за залогомъ, и печать, которою запечатана кладовая или магазинъ, дабы банкъ зналъ, къ кому обратиться при производствѣ означеннаго въ сей статьѣ свидѣтельства.

Примѣчаніе 2. Расходъ на перевѣшиваніе и перемѣриваніе заложенныхъ товаровъ и произведеній, какъ при повѣркѣ ихъ на основаніи сей статьи, такъ и при самомъ пріемѣ въ залогъ, обращаются на счетъ заемщика.

§ 87. Если уплачена будетъ въ банкъ часть выданной ссуды, то соразмѣрное количество товара можетъ быть освобождено отъ залога.

§ 88. Заложенные товары и произведенія, съ согласія банка, дозволяется передавать другому лицу, съ тѣмъ, чтобы приниматель оныхъ подписался подъ обязательствомъ заемщика, что взносъ денегъ по сему обязательству онъ беретъ на себя.

§ 89. Дозволяется также продавать заложенные товары и произведенія съ тѣмъ только, чтобы вся занятая подъ залогъ оныхъ сумма была внесена въ банкъ прежде отдачи товара и произведеній покупщику.

§ 90. Банкъ не отвѣтствуетъ предъ покупателемъ за полное количество залоговъ, въ кладовой или другомъ мѣстѣ сложенныхъ.

§ 91. По уплатѣ заемщикомъ всей занятой суммы, заложенные товары и произведенія возвращаются въ распоряженіе хозяина, вмѣстѣ съ даннымъ имъ обязательствомъ, а копія съ сего обязательства отбирается отъ заемщика обратно.

§ 92. Если заемщикъ не заплатитъ въ срокъ занятой въ банкѣ подъ

залогъ товаровъ и произведеній суммы, то ему дается десять дней льготы, со взысканіемъ слѣдующихъ за оныя процентовъ по разсчету. Если же, и по минованіи льготныхъ дней, занятыя деньги внесены не будутъ, то банкъ дѣлаетъ распоряженіе о продажѣ заложеннаго товара съ публичнаго торга, который совершается безотлагательно въ банкѣ, при членѣ волостнаго правленія, и ни въ какомъ случаѣ не долѣе, какъ чрезъ два мѣсяца со дня просрочки.

§ 93. Изъ вырученныхъ за проданный товаръ денегъ банкъ удерживаетъ, сверхъ занятыхъ денегъ съ процентами за все просроченное время, еще особую пеню въ пользу банка, полагая не болѣе трехъ копѣекъ съ рубля со всей должной суммы.

§ 94. Если при продажѣ товара съ публичнаго торга не выручится вся должная банку сумма съ процентами и пенею, то недостающее взыскивается съ прочаго имущества закладчика.

Примѣчаніе. Въ случаѣ неисправности заемщика, у котораго заложенный товаръ находится не въ собственномъ, а въ наемномъ помѣщеніи, плата за сіе послѣднее, со дня просрочки займа до продажи товара съ публичнаго торга, производится изъ суммъ банка, и за тѣмъ взыскивается изъ вырученныхъ продажею денегъ, а въ случаѣ недостатка оныхъ на покрытіе всего долга закладчика, изъ прочаго его имѣнія, какое гдѣ оказаться можетъ.

§ 95. Въ случаѣ смерти закладчика, отвѣтственность въ платежѣ занятыхъ имъ денегъ переходитъ къ его наслѣдникамъ.

IV. Ссуды подъ залогъ драгоцѣнныхъ и другихъ не подверженныхъ порчѣ вещей.

§ 96. Въ залогъ могутъ быть принимаемы: драгоцѣнные камни, жемчугъ, золотыя, платинныя, серебрянныя и другія не подверженныя порчѣ вещи.

Примѣчаніе. Оклады со св. иконъ, и вообще вещи со священными изображеніями, а равно земледѣльческія орудія крестьянъ, необходимыя имъ для работъ, въ залогъ не принимаются.

§ 97. Правленіе банка обязывается наблюдать, чтобы къ залогу въ оный не были представляемы вещи краденыя, такъ какъ въ случаѣ пріема въ залогъ таковыхъ вещей банкъ, за силою ст. 1664 ч. 1 Т. X. Зак. Гражд. (изд. 1857), обязанъ возвращать оныя безъ вознагражденія.

§ 98. Оцѣнка вещей производится членами правленія банка подъ общею ихъ отвѣтственностью.

§ 99. Металическія вещи оцѣниваются по содержащемуся въ нихъ вѣсу, драгоцѣнные камни и жемчугъ—по числу, величинѣ, вѣсу и виду оныхъ, а прочія вещи — по качеству и настоящей добротѣ ихъ.

§ 100. Въ ссуду подъ залогъ вещей выдается не болѣе половины оцѣночной суммы, но можетъ быть выдано, по усмотрѣнію банка, и менѣе.

§ 101. Ссуды подъ залогъ вещей назначаются срокомъ до шести мѣсяцевъ.

§ 102. При пріемѣ въ залогъ вещей выдается заемщику изъ банка, вмѣстѣ съ деньгами, именной билетъ (по прилагаемой формѣ лит. В).

§ 103. Не запрещается заемщику заложенныя вещи продать, съ тѣмъ только, чтобы прежде отдачи ихъ покупщику, внесена была въ банкъ вся занятая сумма.

§ 104. По уплатѣ занятыхъ подъ вещи денегъ, банкъ возвращаетъ оныя заемщику, а выданный ему при залогѣ билетъ отбираетъ обратно и уничтожаетъ по отмѣткѣ въ книгѣ.

§ 105. Если заемщикъ не заплатитъ долга въ срокъ, то ему дается десять дней льготы. Когда и по минованіи льготнаго времени, уплата занятыхъ денегъ совершена не будетъ, то банкъ подвергаетъ заложенныя вещи продажѣ съ аукціона, которая производится въ банкѣ, не далѣе трехъ мѣсяцевъ со дня просрочки.

§ 106. Изъ вырученной продажею вещей суммы удерживаются выданныя въ ссуду деньги, проценты за все просроченное время, издержки по продажѣ и особый въ пользу банка штрафъ, полагая за каждый по истеченіи срока займа мѣсяцъ, не исключая и льготныхъ дней, по одному проценту со всей занятой суммы.

§ 107. Если продажею вещей долгъ банка не будетъ выученъ, то недостающее, кромѣ штрафа, взыскивается съ виновныхъ въ неправильной оцѣнкѣ залоговъ.

V. Ссуды безъ залога.

§ 108. *Ссуды безъ залога выдаются: а) отдѣльнымъ поселянамъ волости подъ поручительство, если просящій о ссудѣ представляетъ собою самостоятельную семью и имѣетъ опредѣленный родъ занятія или промысла; б) товариществамъ таковыхъ же поселянъ, равнымъ образомъ подъ поручительство, если члены товарищества связаны между собою общимъ поземельнымъ владѣніемъ или иными общими хозяйственно-промысловыми интересами; и в) поселянскимъ обществамъ, подъ круговую поруку ихъ, либо сверхъ поруки, подъ обезпеченіе общественными запашками и иными твердыми статьями мірскаго дохода.*

§ 109. *Сроки возврата, кратчайшіе по возможности, и размѣръ на одно лицо таковыхъ ссудъ, опредѣляются банкомъ, по соглашенію съ волостнымъ правленіемъ; причемъ однако размѣръ ссуды на отдѣльныя лицо или товарищество, во всякомъ случаѣ, не долженъ превышать двухъ третей той суммы, въ которую застраховано свободное отъ обязательствъ по банку, недвижимое имущество поручителей.*

§ 110. *Банкъ выплачиваетъ ссуду безъ залога не иначе, какъ въ обмѣнъ: а) на состоявшійся въ установленномъ порядкѣ приговоръ схода, если заемъ дѣлается обществомъ; а во всѣхъ другихъ случаяхъ б) на долговое обязательство, примѣняясь къ формѣ, приложенной къ § 72 сего положенія. Сверхъ подписи заемщиковъ, это послѣднее обязательство должно быть снабжено подписями поручителей, удостовѣренными подлежащимъ сельскимъ управленіемъ.*

§ 111. *Приговоръ общества (§ 110) долженъ быть подписанъ не менѣе какъ двумя третями поселянъ, имѣющихъ право быть на сходѣ. Въ немъ объясняются: а) размѣръ ссуды; б) чѣмъ обезпечивается своевременный возвратъ займа съ процентами; и в) кому именно общество довѣряетъ пріемъ изъ банка просимой ссуды. Правильность приговора свидѣтельствуется выборнымъ управленіемъ, съ обозначеніемъ въ самомъ свидѣтельствѣ, что приговоръ подъ такимъ-то № внесенъ въ книгу приговоровъ отъ слова до слова.*

§ 112. *Заемщики имѣютъ полное право вносить и болѣе назначенныхъ, по условіямъ займа, частей капитала и даже весь остающійся на нихъ долгъ, съ разсчетомъ процентовъ по время поступленія таковыхъ уплатъ; при этомъ проценты, внесенные впередъ за годъ или менѣе, заемщику не возвращаются.*

§ 113. *Непредвидѣнные несчастные случаи, какъ-то: война, пожаръ, градобитіе, наводненіе, падежъ скота, истребленіе саранчею хлѣбовъ, совершенный неурожай хлѣбовъ и травъ и другія подобныя бѣдствія, если ими произведены особенно большой вредъ и подрывъ благосостоянію заемщиковъ (§ 108), даютъ имъ право ходатайствовать предъ банкомъ о разсрочкѣ взноса просроченныхъ платежей. Таковыя разсрочки допускаются однако только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ и неиначе, какъ по соглашенію банка съ волостнымъ правленіемъ, утвержденному приговоромъ волостнаго схода.*

VI. Покупка земель за счетъ обществъ.

§ 114. *Банкъ, по соглашенію съ волостнымъ правленіемъ, содѣйствуетъ пріобрѣтенію волостнымъ обществомъ, а также входящими въ составъ волости сельскими обществами, въ собственность земель, съ цѣлью прочнаго изъ среды обществъ заселенія этихъ земель.*

§ 115. *Если представится надобность и случай къ покупкѣ для общества участка земли, банкъ и волостное правленіе, собравъ по этому предмету подробныя свѣдѣнія, входятъ въ ближайшее обсужденіе вопросовъ: а) соотвѣтствуетъ ли предлагаемый въ продажу участокъ потребностямъ общественнаго хозяйства и въ какой мѣрѣ; и б) при какихъ именно условіяхъ пріобрѣтеніе сего участка представляется выгоднымъ и возможнымъ. Соображенія эти представляются, по принадлежности, на разрѣшеніе волостнаго или сельскаго схода, отъ коего зависитъ дальнѣйшее направленіе дѣла.*

§ 116. *Если покупка земельнаго участка сходомъ рѣшена, то, по усмотрѣнію банка и волостнаго правленія, ссуды изъ банка могутъ быть допускаемы только въ крайнихъ случаяхъ и въ размѣрахъ, не стѣсняющихъ операціи по означенной покупкѣ.*

§ 117. *Суммы, выданныя банкомъ на пріобрѣтеніе для общества земель, зачитываются на оное въ ссуду, согласно его приговору* (§§ 110 и 111). *Возвратъ банку сихъ суммъ, съ процентами, въ сроки не далѣе 12 лѣтъ со дня ввода общества во владѣніе участкомъ, обезпечивается,*

съ одной стороны, залогомъ пріобрѣтенныхъ земель и доходами съ оныхъ (или выкупными платежами, имѣющими поступить съ поселянъ, водворенныхъ, по условію, на тѣхъ земляхъ), а съ другой, круговою порукою и средствами кореннаго общества-заемщика.

§ 118. *Немедленно по окончательномъ закрѣпленіи за обществомъ купленной земли, банкъ, по соглашенію съ волостнымъ правленіемъ, представляетъ на окончательное обсужденіе и разрѣшеніе схода, по принадлежности, свои предположенія: а) о порядкѣ извлеченія дохода изъ пріобрѣтеннаго участка, впредь до его заселенія; б) о порядкѣ и условіяхъ заселенія участка изъ среды общества, и в) о мѣрахъ къ погашенію займа изъ банка, по возможности, въ кратчайшій срокъ. Эти порядки и мѣры установляются окончательно приговоромъ схода.*

§ 119. *Заселеніе, согласно сему приговору, пріобрѣтенныхъ покупкою участковъ должно производиться безъ понудительныхъ мѣръ, по добровольному согласію переселяющихся, и непремѣнно на такихъ основаніяхъ, чтобы водворяющееся на участкѣ поселянское общество или товарищество получило возможность не только успѣшно устроить свой бытъ, но и пріобрѣсти занятую землю въ полную собственность.*

§ 120. *По явкѣ достаточнаго для заселенія даннаго участка числа выселенцевъ, банкъ, по соглашенію съ волостнымъ правленіемъ, заключаетъ съ ними, на основаніи постановленныхъ сходомъ условій, договоръ, который заносится волостнымъ правленіемъ въ книгу договоровъ и обязательствъ, а переселенческому обществу, или товариществу, выдается засвидѣтельствованная съ договора копія.*

§ 121. *Льгота симъ обществамъ и товариществамъ (§ 120) въ платежахъ допускается по причинамъ и въ порядкѣ, указаннымъ въ § 113.*

VII. Объ учетѣ векселей.

§ 122. Банкъ принимаетъ къ учету векселя, равно купоны по билетамъ государственныхъ займовъ и гарантированнымъ правительствомъ акціямъ и облигаціямъ, а также акціи и облигаціи, вышедшія въ тиражѣ.

§ 123. Банкъ принимаетъ къ учету векселя отъ извѣстныхъ ему по своей состоятельности лицъ: а) обезпеченные въ платежѣ не менѣе какъ двумя подписями; б) написанные въ узаконенной формѣ на гербовой бумагѣ надлежащаго достоинства; в) подлежащіе платежу не далѣе шести мѣсяцевъ или въ мѣстѣ пребыванія банка, или въ одномъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ банкъ имѣетъ своихъ уполномоченныхъ.

Примѣчаніе. Съ векселей, подлежащихъ уплатѣ не въ мѣстѣ пребыванія банка, а въ другомъ мѣстѣ, можетъ быть взыскиваема, сверхъ учетнаго процента, еще коммисіонная плата. Векселя, не основанные на торговыхъ сдѣлкахъ, не должны быть допускаемы къ учету.

§ 124. Краткосрочные векселя, при всѣхъ прочихъ одинаковыхъ условіяхъ, принимаются преимущественно предъ векселями, по коимъ срокъ платежа приходится на болѣе отдаленное время; также векселя поселянъ

мѣстнаго волостнаго общества принимаются, при всѣхъ одинаковыхъ условіяхъ, преимущественно предъ векселями другихъ лицъ.

§ 125. Незначительность суммы векселя, при благонадежности векселедателей и подписателей, не можетъ служить поводомъ для отказа въ пріемѣ векселя къ учету.

§ 126. Для опредѣленія благонадежности представляемыхъ къ учету въ банкъ векселей, предоставляется волостному сходу назначить при правленіи банка учетный комитетъ отъ трехъ до шести лицъ, избираемыхъ сходомъ. Сей учетный комитетъ, въ соединенномъ засѣданіи съ правленіемъ банка, принимаетъ, по простому большинству голосовъ, къ учету или отвергаетъ предъявляемыя векселя. Сужденія сего комитета должны быть хранимы въ тайнѣ, и о причинахъ отказа въ пріемѣ векселя комитетъ не обязанъ давать объясненія.

§ 127. Пріемъ къ учету векселей, выданныхъ самимъ членомъ правленія банка, равно такихъ, по коимъ онъ состоитъ предъявителемъ и бланко-надписателемъ и поручителемъ, не долженъ быть допускаемъ.

§ 128. Банкъ принимаетъ вексель къ учету, или въ пріемѣ онаго отказываетъ, соображаясь съ степенью довѣрія, какого заслуживаютъ участвующія въ векселѣ лица, по ихъ благонадежности и торговымъ оборотамъ. Допущеніе векселя къ учету должно быть засвидѣтельствовано подписью управляющаго банкомъ и его товарищей.

Примѣчаніе. Подъ ближайшимъ наблюденіемъ управляющаго, правленіе ведетъ списокъ кредитующихся въ банкѣ лицъ съ примѣрнымъ, по возможности, назначеніемъ размѣровъ открываемаго каждому изъ нихъ кредита.

§ 129. Учетный процентъ опредѣляется правленіемъ банка обще съ волостнымъ правленіемъ и объявляется во всеобщее свѣдѣніе порядкомъ, установленнымъ въ ст. 21 сихъ правилъ.

§ 130. Проценты взимаются впередъ по числу дней, остающихся со дня выдачи денегъ изъ банка до послѣдняго льготнаго дня, и во всякомъ случаѣ не менѣе, какъ за пятнадцать дней.

§ 131. Выданныя въ учетъ по векселю деньги банкъ записываетъ въ книгахъ своихъ на счетъ векселедателя и предъявителя. Послѣдній обязывается подпискою увѣдомить векселедателя, что его вексель учтенъ въ банкѣ, дабы векселедатель зналъ, что обязанъ заплатить банку.

§ 132. Если векселедатель окажется несостоятельнымъ до истеченія срока векселя, учтеннаго банкомъ, то банкъ извѣщаетъ о томъ предъявителя, который не далѣе двадцати дней обязанъ или выкупить вексель несостоятельнаго векселедателя, или замѣнить его благонадежнымъ залогомъ.

§ 133. Платежъ по векселю, учтенному банкомъ, можетъ быть принятъ какъ отъ векселедателя, предъявителя, поручителя, такъ и отъ всякаго посторонняго лица. По полученіи слѣдующей банку суммы, вексель выдается тому, кто деньги заплатилъ, съ надписью отъ кого оныя получены, а заплатившій самъ уже взыскиваетъ свои деньги съ векселедателя (если уплата произведена не этимъ послѣднимъ).

§ 134. Если кто въ послѣдній льготный день срока денегъ по век-

селю не заплатитъ, то вексель поступаетъ въ протестъ, и не далѣе, какъ на другой день, банкъ относится въ подлежащую полицію о взысканіи по векселю денегъ съ векселедателя, предъявителя или поручителя, смотря потому, кто на лицо и въ состояніи заплатить, въ случаѣ же неплатежа, о немедленномъ опечатаніи и осеквестрованіи ихъ имущества.

Примѣчаніе. Лица, допустившія представленные ими къ учету векселя до протеста на себя, могутъ быть, по усмотрѣнію правленія, лишены за сіе права предъявлять векселя къ учету на будущее время.

§ 135. Для наблюденія при розысканіи, осеквестрованіи, описи и продажѣ принадлежащаго неисправному плательщику имущества, правленіе отряжаетъ одного изъ своихъ членовъ, который требуетъ исполненія предписаннаго закономъ и о всѣхъ замѣчаніяхъ и дѣйствіяхъ своихъ доноситъ банку.

Примѣчаніе. Если имущество неисправнаго плательщика находится въ отдаленныхъ отъ банка селеніяхъ или городахъ, то указанныя выше обязанности члена банка исполняетъ его уполномоченный, коему и дается о томъ знать отъ правленія банка.

§ 136. Опись осеквестрованнаго имущества доставляется въ банкъ немедленно (иногородными полицейскими властями съ первою почтою), за подписаніемъ какъ составлявшихъ опись, такъ и присутствовавшаго при семъ члена банка (или его уполномоченнаго), а затѣмъ мѣстная полиція и правленіе банка (или его уполномоченный), имѣютъ бдительный надзоръ за цѣлостью описаннаго имущества.

§ 137. По осеквестрованіи и описи имущества, дается на уплату еще двѣ недѣли. Но если владѣлецъ и по истеченіи сего срока денегъ не заплатитъ, то означенное имущество или часть онаго, соразмѣрная долгу, немедленно продается съ публичнаго торга установленнымъ порядкомъ, и деньги, сколько ко взысканію слѣдуетъ, отсылаются въ банкъ.

§ 138. Дома, лавки, фабрики и вообще недвижимыя имущества, осеквестрованныя за неплатежъ долга банку по векселямъ, продаются съ публичнаго торга.

§ 139. За всякій просроченный вексель взыскиваются въ пользу банка проценты и вознагражденіе за убытки, на основаніи ст. 663 — 665 Учрежд. и Уст. Тор. т. XI св. зак. (изд. 1857 г.).

§ 140. Въ случаѣ смерти векселедателя, предъявителя и поручителя, долгъ банка обращается на наслѣдниковъ ихъ.

§ 141. При несостоятельности должника, предъявителя и поручителя или ихъ наслѣдниковъ, долгъ банка удовлетворяется на равнѣ съ частными долгами; но, при учрежденіи конкурса, весь банковый долгъ немедленно уплачивается, съ тѣмъ только, что банкъ обязанъ возвратить конкурсу всю ту сумму, которая будетъ отъ него отчуждена окончательнымъ рѣшеніемъ дѣла въ конкурсѣ, уплативъ и слѣдующіе на оную проценты со дня поступленія сей суммы въ распоряженіе банка. За тѣмъ банкъ имѣетъ право потребовать отъ конкурса къ своему разсмотрѣнію подлинное дѣлопроизводство онаго и если найдетъ постановленіе кон-

курса неправильнымъ, то поручаетъ одному изъ своихъ членовъ принесть на оное жалобу въ установленномъ судебномъ порядкѣ.

§ 142. Банкъ долженъ имѣть на своемъ замѣчаніи неисправныхъ на срокъ по векселямъ плательщиковъ, съ тѣмъ, чтобы не допускать къ учету ихъ векселей.

VIII. Распредѣленіе банковыхъ прибылей.

§ 143. Изъ чистыхъ годовыхъ прибылей банка, опредѣляемыхъ за вычетомъ изъ валоваго дохода всѣхъ расходовъ по содержанію банка и убытковъ по его операціямъ, опредѣляется ежегодно отъ десяти до двадцати пяти процентовъ (по усмотрѣнію правленія онаго) на составленіе запаснаго капитала.

§ 144. Запасный капиталъ предназначается преимущественно на покрытіе убытковъ банка по его операціямъ. Впрочемъ правленію банка предоставляется, съ разрѣшенія волостнаго общества, обращать часть запаснаго капитала на усиленіе основнаго капитала банка, если въ этомъ представится надобность по ходу банковыхъ оборотовъ. Въ случаѣ, если бы въ какомъ-либо году доходовъ банка было бы недостаточно для покрытія расходовъ по содержанію устроенныхъ, на счетъ его прибылей, учрежденій, то недостающая сумма можетъ быть пополняема изъ запаснаго капитала. При каждомъ уменьшеніи запаснаго капитала, отнесеніемъ на него какихъ-либо расходовъ, капиталъ сей пополняется вновь, на основаніи предшествующей статьи.

§ 145. Запасный капиталъ долженъ обращаться весь или въ государственномъ банкѣ, его конторахъ и отдѣленіяхъ, или въ государственныхъ процентныхъ бумагахъ, или въ гарантированныхъ правительствомъ бумагахъ.

§ 146. За отчисленіемъ изъ чистыхъ годовыхъ прибылей банка извѣстной суммы, на основаніи § 124, для составленія запаснаго капитала, дозволяется, по желанію волостнаго общества, отдѣлять часть прибылей на общественныя надобности, на устройство и содержаніе благотворительныхъ заведеній (какъ то: больницъ, богодѣленъ, школъ и проч.), а также и на всякіе другіе предметы, дѣйствующимъ законамъ не противные.

Примѣчаніе. На открытіе упоминаемыхъ въ сей статьѣ благотворительныхъ заведеній должно быть испрашиваемо каждый разъ особое разрѣшеніе, въ установленномъ порядкѣ.

§ 147. Всѣ остатки отъ чистыхъ годовыхъ прибылей, за употребленіемъ изъ нихъ потребныхъ суммъ на составленіе запаснаго капитала, на общественныя надобности, на предметы благотворительности и проч. причисляются къ основному капиталу банка.

§ 148. Если въ какой-либо годъ, или въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, убытки банка, по неисправности заемщиковъ и упадку стоимости залоговъ, были такъ велики, что онъ не только не имѣлъ бы никакой прибыли, но на платежи по обязательствамъ банка не достало бы запаснаго

капитала, и за истощеніемъ онаго потребовалось, для безостановочнаго удовлетворенія сихъ обязательствъ, употребить часть основнаго капитала банка, то при уменьшеніи его капитала на одну треть противъ размѣра, установленнаго для учрежденія банка, а также и на меньшую сумму, но при коей обязательства банка будутъ превышать собственный капиталъ его болѣе, чѣмъ установлено сіе ст. 24, волостному обществу предоставляется изыскать средства къ немедленному пополненію недостающей суммы, или же приступить къ ликвидаціи банка, доведя о семъ до свѣдѣнія министерства финансовъ и внутреннихъ дѣлъ.

§ 149. Въ случаѣ ликвидаціи дѣлъ банка, общество назначаетъ двухъ или трехъ администраторовъ и опредѣляетъ порядокъ производства ликвидаціи. Съ назначеніемъ сихъ администраторовъ прекращаются права и обязанности правленія банка. Администраторы, по окончаніи возложеннаго на нихъ порученія, представляютъ объ ономъ отчетъ, который публикуется въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ и сообщается министерствамъ внутреннихъ дѣлъ и финансовъ.

Приложеніе къ § 34-му *А*.

Форма билета на вклады.

000 руб. серебромъ.

№

БИЛЕТЪ

NN волостнаго банка, NN уѣзда, NN губерніи.

18 года, такого-то мѣсяца, дня банкъ сей принялъ отъ такого-то (или отъ неизвѣстнаго) столько-то рублей серебромъ, для приращенія процентами (или такія-то процентные бумаги и документы, золото, серебро и т. п. для храненія за такую-то плату) впредь до востребованія, или срокомъ на столько-то времени, каковую сумму съ % въ годъ банкъ имѣетъ возвратить, по предъявленіи сего билета, на точномъ основаніи своихъ правилъ. Билетъ сей (если онъ именной), не можетъ быть переданъ другому лицу по одной надписи отъ вкладчика безъ трансферта капитала по книгамъ банка.

Управляющій N.

Товарищъ Управляющаго N.

Товарищъ Управляющаго, завѣдывающій кассою N.

(печать)

книга листъ

Бухгалтеръ N.

Примѣчаніе. Если вкладъ вносится на имя другаго и вообще съ какими либо особыми условіями, то условія эти прописываются на оборотѣ билета.

Приложеніе къ §§ 72 и 85 *Б.*

Форма обязательства въ платежѣ занятой суммы.

18 года, такого-то мѣсяца, дня, я, нижеподписавшійся, получивъ въ заемъ изъ NN Волостнаго Банка подъ залогъ принадлежащихъ мнѣ процентныхъ бумагъ, означенныхъ въ прилагаемомъ при семъ реестрѣ, столько-то рублей серебромъ, срокомъ на столько-то мѣсяцевъ, обязуюсь внести сію сумму въ Банкъ въ означенный срокъ всю сполна; если же я сего не исполню, то отвѣтствую предъ Банкомъ не только заложенными бумагами, но и другимъ своимъ имуществомъ.

Подпись (званіе, имя, отчество и фамилія).

Примѣчаніе 1-е. Упоминаемый выше реестръ пишется на оборотѣ обязательства и подписывается заемщикомъ. Въ реестрѣ должны быть означены: названіе, нумеръ и стоимость каждой закладываемой бумаги.

Примѣчаніе 2-е. Примѣняясь къ настоящей формѣ, составляется также обязательство въ платежѣ ссуды подъ товаръ, съ означеніемъ въ подробности рода и количества товара, а также мѣста его храненія.

Приложеніе къ § 102-му *В.*

Форма билета на заложенныя вещи.

000 руб. серебромъ. | №

18 года, такого-то мѣсяца, дня, приняты въ NN Волостномъ Банкѣ, (NN уѣзда, NN губерніи) отъ такого-то золотыхъ, серебряныхъ, платинныхъ или другихъ вещей (прописывая число ихъ и каждую вещь порознь по названію); въ нихъ вѣсу столько-то. Выдано подъ залогъ сихъ вещей столько-то рублей серебромъ, срокомъ на столько-то мѣсяцевъ. Слѣдующіе проценты взяты впередъ.

Управляющій N.

Товарищъ Управляющаго N.

Товарищъ Управляющаго, завѣдывающій кассою N.

Бухгалтеръ N.

(печать)

№ | 000 руб. серебромъ.

Примѣчаніе. Нижняя часть билета отрѣзывается близь подписей (по примѣру билетовъ С.-Петербургской и Московской Ссудныхъ Казенъ) и по означенію на ней вѣса вещей, хранится вмѣстѣ съ оными.

VIII.

ЗАДУНАЙСКІЕ ПЕРЕСЕЛЕНЦЫ.

Мало въ Россіи мѣстностей, которыя по своимъ политико-экономическимъ задаткамъ были бы въ состояніи конкуррировать съ Новороссіею и Бессарабіею. А давно ли, какъ въ культурномъ смыслѣ край этотъ являлъ пустыню, кольцомъ сдавливавшую самыя плодородныя губерніи наши, ставя ихъ экономическому развитію почти непреодолимыя препятствія?.. Много ли времени назадъ, порты Чернаго и даже Азовскаго морей были для насъ закрыты; воды Дона, Днѣпра, Днѣстра и Буга, этихъ естественныхъ путей южной половины Россіи, видѣли на своихъ волнахъ однѣ только ладьи хищническаго сброда, дышавшаго враждою ко всему, что̀ носило на себѣ печать мирной культуры и гражданственности?... Давно ли естественныя произведенія Слободской Украйны, Малороссіи и югозападныхъ губерній, лишенныя правильнаго безостановочнаго сбыта, гибли на мѣстахъ производства? И не на нашихъ ли еще глазахъ, въ раздольныхъ степяхъ нашего юга находили вѣрное убѣжище толпы бѣглыхъ, водворялись ссыльные молокане, духоборцы и другіе сектанты; даромъ раздавались направо и налѣво громадныя земельныя пространства всякаго рода овцеводамъ и пришельцамъ?.. [1]). Правда, и теперь еще все здѣсь носитъ характеръ молодости и первобытной распущенности; все пестро, разнообразно до безконечности, словомъ im Werden, какъ говорятъ нѣмцы. Лѣтопись нашихъ Азово-Черноморскихъ портовъ едва обнимаетъ полвѣка; бокъ-о-бокъ съ поселеніями велико- и малоросса, устроились въ перемежку поселенія славянъ всѣхъ наименованій, нѣмцевъ, грековъ, евреевъ, молдаванъ, армянъ, татаръ и т. д. А между тѣмъ, несмотря на слишкомъ частое преобладаніе во всевозможныхъ отношеніяхъ чисто-стихійной жизни, политико-экономическое значеніе края ростетъ безостановочно, уже теперь, замѣтнымъ образомъ, передвинувъ центръ тяготѣнія Имперіи ближе къ югу. Уже теперь международные,

---

[1]) Полн. Собр. зак. т. XXVIII, № 21,123.

естественные рубежи нашего территоріальнаго развитія со стороны Новороссіи и Бессарабіи обозначились такъ ясно, что въ этомъ отношеніи не можетъ существовать никакихъ сомнѣній и колебаній. И у насъ, и на западѣ Европы всякій знаетъ, что окончательное установленіе этихъ рубежей играетъ важнѣйшую роль въ такъ называемомъ «восточномъ вопросѣ», разрѣшеніе котораго въ нашу пользу составляетъ одно изъ главнѣйшихъ условій въ нормальномъ ходѣ нашего будущаго бытоваго и государственнаго развитія. До разрѣшенія въ этомъ смыслѣ восточнаго вопроса, намъ нѣтъ возможности вполнѣ спокойно заняться ни внутреннимъ своимъ устройствомъ, ни выполненіемъ во всемъ объемѣ нашей исторической миссіи въ Азіи: дѣла южнаго Дуная, Балканскаго полуострова, Босфора и Дарданеловъ, какъ Дамокловъ мечь, будутъ висѣть надъ нами и Европою. И напрасно послѣдняя всѣми правдами и неправдами старается тормозить естественный ходъ событій; нѣтъ той силы, которая была бы въ состояніи отвратить здѣсь конечный выводъ исторіи, выводъ, обусловленный нашимъ географическимъ положеніемъ и истекающими отсюда политико-экономическими потребностями. Тѣмъ не менѣе думаемъ, что извѣстный русской публикѣ англо-турокъ Фридрихъ Миллингенъ (Османъ Сейфи-бей) объясняетъ нашу позицію на юго-западѣ, смотря чрезъ призму инстинктивнаго нерасположенія къ успѣхамъ Россіи и съ цѣлью наэлектризовать западныя державы, для болѣе рѣшительнаго противодѣйствія намъ. Въ тоже время нельзя однако вовсе отрицать справедливость значительной доли его выводовъ. «Россія — говоритъ онъ [1]), имѣетъ на Востокѣ прямую и рѣшительную политику. Цѣль ея — вычеркнуть Турцію изъ карты. Оттого и занимаемая ею на восточномъ полѣ битвы позиція крѣпка. Ее поддерживаетъ и укрѣпляетъ религіозное чувство и національный духъ 12 милліоновъ православныхъ христіанъ, населенія дѣвственнаго и воинственнаго. И сочувствіемъ ихъ Россія обязана не интригамъ и ухищреніямъ, а *самой природѣ вещей*, которая, благодаря историческимъ преданіямъ, религіозной связи и племенному родству, устроила для нея естественно выгодную позицію. Далѣе, великобританскою политикою на Востокѣ руководитъ желаніе спасти имперію, которой паденіе грозитъ, будто-бы, всеобщею суматохою. Сверхъ того, Великобританія показываетъ видъ, что принимаетъ къ сердцу интересы христіанскихъ населеній. Ей не чужда также приманка торговыхъ сдѣлокъ. Всѣ эти сложныя политическія побужденія, уже своею сложностью, порождаютъ въ англійской дѣятельности на Востокѣ колебанія и непослѣдовательность. Англичане, то прижимаютъ турокъ къ груди, то ихъ топятъ; сегодня крестовый походъ въ пользу христіанъ, завтра ихъ предаютъ врагамъ; неопредѣленное отношеніе къ дѣлу—естественное слѣдствіе принятой на себя Англіею роли. Будучи во главѣ западной цивилизаціи, исполненная христіанскаго чувства, Англія разбила свой лагерь и водрузила знамя посреди турецкихъ рядовъ. Иначе она не могла поступить, потому что православіе держится Россіи, латинство Британію

[1]) Выписываемъ изъ «Голоса» № 318, 1868

ненавидитъ, и ей оставался одинъ лишь мусульманскій элементъ, которымъ она должна была воспользоваться, хоть его и презираетъ. Тѣмъ не менѣе, ей приходится разрѣшать задачу искуственными пріемами. Что касается Франціи, то ея политика еще сбивчивѣе англійской; она руководится самыми противоположными принципами, такъ что безпрестанно впадаетъ въ противорѣчіе сама съ собою. Она отстаиваетъ неприкосновенность отоманской имперіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, провозглашаетъ себя защитницею христіанскихъ населеній, которыхъ судьба можетъ быть улучшена не иначе, какъ разрушеніемъ этой имперіи. При такомъ несогласіи съ самимъ собою, серьозная политика и прочное вліяніе не сбыточны. Не смотря на всѣ свои усилія, Франція встрѣчается на Востокѣ съ непреодолимыми препятствіями, и положеніе ея весьма шатко. Разсчитывать ей не на кого. Мусульманскій элементъ прибранъ къ рукамъ англичанами, православіе предано Россіи: Франціи остаются лишь выродки латинскаго племени, извѣстные подъ общимъ именемъ левантинцевъ, люди, неимѣющіе отечества и лишенные всякаго національнаго значенія. Итакъ, Россіи принадлежитъ очевидное превосходство. Думали сокрушить его крымскою войною. Но севастопольскія твердыни никогда не были основаніемъ русскаго могущества на Востокѣ. И послѣ ихъ низверженія, разсчитывать на цѣлость турецкой имперіи, больше чѣмъ утопія—это ошибка. Парижскій договоръ, гарантирующій эту цѣлость, т. е. существованіе Турціи, столь же нелѣпъ въ этомъ отношеніи, какъ былъ бы нелѣпъ человѣкъ, гарантирующій жизнь смертельно больнаго отъ естественной развязки. Договоръ гарантируетъ Турцію отъ внѣшнихъ случайностей. А внутреннія опасности?... Онъ даже не упоминаетъ о нихъ, тогда какъ онѣ-то и грозятъ Портѣ, не сегодня—завтра долженствующей скончаться своею смертью. Должно признаться—заключаетъ авторъ— мы заблуждались; и пора поправить ошибку». Исходя изъ того пункта, что главное въ восточномъ вопросѣ—обладаніе Константинополемъ, и что все равно для Европы, кто-бы не воцарился въ немъ: грекъ, славянинъ или болгаринъ, лишь бы не русскій, Сейфи-бей предлагаетъ бросить покровительствованіе турокъ и помочь возникновенію на ихъ мѣстѣ христіанскаго государства. «Торопитесь—прибавляетъ онъ—иначе эту задачу исполнитъ Россія...»

Еще разъ повторяемъ, политическое соперничество народовъ не знаетъ законовъ справедливости; эту истину еще недавно вновь доказала парижская конференція по греко-турецкой распрѣ. Но если несомнѣнно, что благопріятный исходъ для насъ восточныхъ дѣлъ можетъ быть достигнутъ нами только путемъ чрезвычайныхъ усилій, то въ умѣ каждаго рождается вопросъ: въ чемъ именно должны состоять эти усилія по преимуществу и куда ихъ направить?.. Скорѣйшее достиженіе нами своихъ естественныхъ рубежей на юго-западѣ находится прежде всего въ прямой зависимости отъ успѣховъ бытоваго устройства, какъ Россіи вообще, такъ Новороссіи и Бессарабіи въ особенности. И съ этой точки зрѣнія играютъ здѣсь немаловажную роль всѣ колонизаціонныя предпріятія прошлаго и текущаго вѣковъ, а въ томъ числѣ и колонизація «задунайскихъ переселенцевъ».

На самомъ дѣлѣ, подъ наименованіемъ «задунайскіе переселенцы» не существуетъ, какъ извѣстно, ни особаго народа, ни даже отдѣльнаго племени. Подъ этимъ терминомъ наше колонизаціонное законодательство разумѣетъ исключительно населеніе колоній, основанныхъ въ южной части Бессарабіи, начиная съ 1811 г., пестрою смѣсью разныхъ, по преимуществу южно-славянскихъ выходцевъ. Только со времени Крымской войны и Парижскаго мирнаго трактата, отграничившаго около половины этихъ колоній къ Молдавіи, наименованіе «задунайскіе переселенцы» потеряло прежнее *мѣстное* значеніе, такъ какъ значительная часть населенія отграниченныхъ колоній перешла, въ 1861 и послѣдующихъ годахъ, обратно къ намъ, въ бердянскій и мелитопольскій уѣзды Таврической губерніи. Здѣсь поселенцамъ этимъ сохранены тѣ самыя права по землѣ, фиску, управленію и состоянію, какими пользуются единоплеменники ихъ въ Бессарабіи и какія были присвоены имъ прежде, во время нахожденія въ подданствѣ Россіи. Эти права не вполнѣ тождественны ни съ правами нѣмецкихъ колонистовъ, ни, въ частности, съ правами болгаро греческихъ поселенцевъ, водворенныхъ въ началѣ текущаго столѣтія особыми колоніями въ Херсонской губерніи и въ Крыму. Но, по мѣрѣ примѣненія вообще къ колоніямъ новыхъ общихъ законоположеній объ устройствѣ сельскаго состоянія, должны исчезнуть всѣ тѣ юридическія различія, которыя вызывали необходимость отличать двѣ категоріи колоній — «болгаро-греческихъ» и «задунайскихъ» поселенцевъ. Въ сущности послѣдній терминъ приличествовалъ бы гораздо болѣе старымъ поселеніямъ болгаро-грековъ въ Крыму и Херсонской губерніи, устроители которыхъ безусловно всѣ вышли изъ-за Дуная, тогда какъ въ составъ Бессарабскаго водворенія вошло не мало элементовъ, никогда за Дунаемъ не бывавшихъ. И хотя въ оффиціальномъ мірѣ, по колоніальному вѣдомству, принято теперь именовать всѣ означенныя колоніи «болгарскими», вслѣдствіе преобладанія въ нихъ собственно болгарскаго элемента, точно также какъ именуются «нѣмецкими» всѣ поселенія на югѣ Россіи нѣмцевъ, кашубовъ, шведовъ, французовъ и т. д., но мы предпочитаемъ сохранить въ настоящемъ очеркѣ преимущественно терминъ «задунайскій», какъ въ обширномъ смыслѣ наиболѣе соотвѣтствующій, по нашему мнѣнію, общему характеру водвореній, о которыхъ намѣрены говорить.

До 1860 г., главный центръ нашей задунайской колонизаціи былъ въ Бессарабіи. Поэтому, болгаро-греческихъ водвореній въ Херсонской губерніи и Крыму мы коснемся только въ главныхъ условіяхъ, и при томъ лишь въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ ими вѣдало и вѣдаетъ общее попечительство иностранныхъ поселенцевъ южнаго края Россіи.

I.

«Пять столѣтій уже на исходѣ, какъ народъ болгарскій стонетъ подъ гнетомъ рабства. Сойдя съ того историческаго поприща, которое нѣсколько столѣтій тому назадъ составляло славу предковъ этого порабощеннаго славянскаго племени, и истощивъ свои лучшія силы подъ

ударами роковыхъ обстоятельствъ, болгарскій народъ долженъ былъ, такъ сказать, замкнуться въ самомъ себѣ, чтобы только сохранить священное достояніе своихъ предковъ: вѣру православную, имя и происхожденіе. Но та же судьба, такъ долго каравшая болгаръ, вновь открываетъ имъ возможность къ возстанію изъ ничтожества и готова, кажется, въ исходѣ XIX столѣтія улыбнуться имъ отрадною будущностью. Благодаря братской помощи Россіи» и т. д. Вотъ вступительныя слова оффиціальной записки, имѣвшей предметомъ улучшеніе училищной и другихъ частей общественнаго управленія въ колоніяхъ нашихъ задунайскихъ переселенцевъ. Слова эти, являясь болѣе или менѣе отголоскомъ завѣтной мысли болгарскаго народа во всей его совокупности, доказываютъ, что въ глазахъ нашихъ колонистовъ—болгаръ, и особенно заграничныхъ славянъ, поселеніе единоплеменниковъ ихъ въ Россіи имѣетъ значеніе едва-ли не болѣе политическое, нежели экономическое. Поэтому, благосостояніе или неустройство нашихъ колоній задунайскихъ переселенцевъ; вниманіе, или небреженіе со стороны русскаго правительства къ нуждамъ этой колонизаціи, всегда оказывали въ извѣтной мѣрѣ вліяніе на степень тяготѣнія къ намъ южно-славянскихъ племенъ. Они видятъ въ этой колонизаціи нѣкоторымъ образомъ мѣрило того фактическаго содѣйствія, котораго они постоянно чаяли и нынѣ еще ожидаютъ отъ Россіи въ борьбѣ ихъ противъ турецкаго ига.

Еще задолго до появленія нашихъ орловъ на берегахъ Дуная, убѣгавшіе отъ турецкихъ преслѣдованій Болгары, Греки, Арнауты, Сербы и т. д. блуждали въ степяхъ Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи. Здѣсь, на правахъ иноземцевъ, они пользовались свободою жительства и особою защитою Молдавскихъ господарей. Но постояннаго, прочнаго водворенія они не могли добиться—ни въ Молдавіи и Валахіи, гдѣ, по закону, иноземцевъ не причисляли въ составъ коренныхъ жителей, ни въ Бессарабіи или, такъ называемомъ, Буджакѣ, такъ какъ этотъ край всегда имѣлъ свои особыя границы и состоялъ подъ непосредственною властью самой Порты, а не господарей. Это были времена наиболѣе безотраднаго положенія грековъ и южно-славянскихъ племенъ.

Первое оффиціальное поселеніе задунайскихъ выходцевъ въ Новороссійскомъ краѣ происходило, какъ мы видѣли (стр. 5), около 1752—1754 гг. Тогда, вмѣстѣ съ полковникомъ Хорватомъ, впервые вышли изъ-за границы до 620 семействъ, которыя были поселены въ степяхъ нынѣшней Херсонской губ., въ Новоархангельскѣ, Синюхиномъ Бродѣ и другихъ «ротахъ» сербскаго гусарскаго полка, тянувшихся по рѣкѣ Синюхѣ [1]). Другая, гораздо меньшая партія задунайскихъ переселенцевъ вышла въ южную Россію, между 1764 и 1769 годами, уже вслѣдствіе извѣстныхъ манифестовъ 1762 и 1763 годовъ. Изъ этой партіи 28 душъ обоего пола от-

[1]) Не мало свѣдѣній вошло въ настоящую статью изъ брошюры А. Скальковскаго: «Болгарскія колоніи въ Бессарабіи и Новороссійскомъ краѣ» Одесса 1843 г. Брошюра эта составлена на основаніи «оффиціальныхъ актовъ и достовѣрныхъ преданій здѣшняго Края» и потому заслуживаетъ полнаго довѣрія.

правились въ Кіевъ и, по договору съ кіево-братскимъ монастыремъ, водворились на его земляхъ. Остальные же пробрались въ Черниговскую губ., къ сербамъ и грекамъ, пользовавшимся тогда въ Нѣжинѣ и другихъ малороссійскихъ городахъ весьма важными преимуществами, дарованными еще Петромъ I и его ближайшими преемниками.

Со временъ Екатерины II, рѣшительные успѣхи нашего оружія, внося лучи надежды въ сердца изнемогавшихъ подъ турецкимъ деспотизмомъ христіанъ, естественнымъ образомъ усиливали ихъ тяготѣніе къ намъ; въ тоже время татарско-мусульманскій элементъ отступалъ отъ насъ. Съ 1760 по 1791 годъ началось и почти безостановочно продолжалось болѣе или менѣе значительное переселеніе татаръ изъ Бессарабіи въ Турцію, а Болгаро-славянъ — въ Бессарабію, готовившуюся уже въ то время къ соединенію съ Россіею. «Мы имѣемъ—говоритъ Г. Скальковскій—достовѣрное свѣдѣніе, что тогда перешло ихъ до 2,000 обоего пола душъ, которыя поселились въ крѣпостяхъ Измаилѣ, Киліи, Бендерахъ и Аккерманѣ (гдѣ оставались нѣкоторое время русскіе гарнизоны), въ городахъ Кишиневѣ и Рени, на земляхъ молдавскихъ бояръ и, наконецъ, вмѣстѣ съ Ногайцами, въ кишлахъ и усадьбахъ Буджака».

Въ 1773 г., жители с. Флатарь, близь Силистріи, въ числѣ до 400 семействъ перешли въ Бобринецкій уѣздъ Херсонской губ., поселившись на р. Синюхѣ, въ с. Ослышанкѣ, близь Ольвіополя. «Въ 1818 году, замѣчаетъ г. Скальковскій, вмѣстѣ съ Бугскими казачьими селеніями, они обращены въ военное поселеніе, и составляютъ теперь (1848) 3-ю волость 12-го округа Новороссійскихъ военныхъ поселеній, имѣющую болѣе 300 домовъ и нѣсколько отдѣльныхъ хуторовъ».

Вообще со временъ императрицы Екатерины II, во всякую войну съ Турціею, въ рядахъ нашихъ армій встрѣчаются роты волонтеровъ изъ блуждавшихъ по придунайскимъ княжествамъ и заднѣстровскимъ степямъ бѣглецовъ, и послѣ каждой же войны шло водвореніе у насъ какъ этихъ волонтеровъ, такъ и иныхъ выходившихъ къ намъ славянъ, или особыми колоніями, или припискою къ существовавшимъ уже поселеніямъ ихъ единоплеменниковъ.

Такимъ образомъ, независимо отъ военныхъ поселеній, въ 1801—1806 гг., когда нашею границею съ Турціею былъ Днѣстръ, образовались болгаро-греческія колоніи 1) въ Херсонской губерніи: Большой Буялыкъ, Малый Буялыкъ и Кубанка, одесскаго уѣзда; Катаржина и Парканы, тираспольскаго уѣзда, и Терновка — уѣзда херсонскаго; и 2) въ Крыму: Балтачокракъ симферопольскаго, Старый Крымъ и Кишлавъ — ѳеодоссійскаго уѣзда. Изъ этихъ колоній, только три первыя образовали особый округъ *Буялыкскій*; всѣ остальныя принадлежатъ къ разряду «отдѣльныхъ колоній», управляющихъ собою, каждая самостоятельно, на правахъ особаго округа или волости.

Водвореніе этихъ поселенцевъ, какъ видно изъ указа 23-го октября 1801 года, происходило на одинаковыхъ основаніяхъ съ «нѣмецкими» колонистами. Воспользовавшись тѣми же льготами въ податяхъ и повинностяхъ, тѣми же преимуществами и правами по состоянію, по обществен-

ному самоуправленію и въ фискальномъ отношеніи, поселенцы названныхъ болгарскихъ колоній постоянно подчинялись и одному общему, съ нѣмецкими колонистами, главному мѣстному попечительству. При всемъ томъ водворенія эти, съ самаго основанія ихъ, всегда находились въ менѣе благопріятныхъ условіяхъ, нежели остальные наши колонисты. Правда, Дюкъ де-Ришелье, бывшій Херсонскій военный губернаторъ, одарилъ болгарскихъ колонистовъ близь Одессы эпитетомъ «безподобныхъ», въ противоположность «несноснымъ» колонистамъ нѣмцамъ; но это не помѣшало уменьшенію земельнаго надѣла съ 60 десятинъ у нѣмцевъ, до 53 дес. на семейство у болгаръ. Кромѣ того, запасныхъ участковъ на прибылое населеніе и вообще денежныхъ или иныхъ матеріальныхъ пособій на первоначальное обзаведеніе болгаро-греки или вовсе не получали, или они воспользовались ими лишь въ уменьшонномъ размѣрѣ. Земли отводились болгаро-греческимъ поселянамъ, какъ и колонистамъ-нѣмцамъ, на цѣлое сельское общество, не раздробляясь въ частности на семейные или подворные участки. Поэтому и въ силу обычая, угодія надѣла остаются у нихъ и до нынѣ, въ обычно общинномъ владѣніи и пользованіи. Въ то время какъ водворявшіеся у насъ выходцы изъ Германіи подчинялись общественному устройству, для нихъ совершенно новому, болгары-колонисты находили въ этомъ устройствѣ родственныя начала, дававшія имъ возможность остаться при обычной своей «задругѣ» и неразрывно связанныхъ съ нею обычныхъ семейственныхъ порядкахъ по землѣ и имуществу. Установленная колонизаціоннымъ законодательствомъ лично-общинная система внутреннихъ поземельныхъ распорядковъ вполнѣ усвоена одними только болгарскими обществами кишлавскимъ и старо-крымскимъ. Здѣсь примѣръ нѣмецкихъ колоній и преобладающія надъ полевымъ хозяйствомъ садоводство и винодѣліе давно уже привели къ установленію той же системы хозяйства и къ усвоенію тѣхъ же семейственно-правовыхъ порядковъ, какія существуютъ у меннонитовъ и другихъ новороссійскихъ колонистовъ. И замѣчательно, что изъ болгаро-греческихъ поселеній только Старый Крымъ и Кишлавъ развились до наиболѣе удовлетворительнаго благосостоянія, сохраняя это положеніе даже до послѣдняго времени, когда земель надѣла приходится, въ общей сложности, въ Старомъ Крыму по 2,6, а въ Кишлавѣ только по 1,7 дес. на муж. пола душу 10-й ревизіи. Ни Балточокракъ, ни болгарскія селенія Херсонской губ. не могутъ сравняться съ кишлавскими и старо-крымскими единоплеменниками своими по частной состоятельности и общественному благоустройству, хотя въ первыхъ и теперь еще причитается на ревизскую душу по 9, 5—13, 6 дес. надѣла. Всѣ эти колоніи дополнительныхъ земельныхъ надѣловъ не получали. Равнымъ образомъ ни приселеній, ни выселеній здѣсь не происходило. Слѣдовательно, значительная разница, замѣчаемая теперь по надѣлу, прямо указываетъ на болѣе или менѣе различный ходъ естественнаго прироста населенія, а съ тѣмъ вмѣстѣ, и на болѣе или менѣе неодинаковый семейно-общественный бытъ, благоустройствомъ котораго условливается успѣшное нарожденіе населенія.

Положительныхъ свѣдѣній о числѣ поселенцевъ, первоначально водворенныхъ въ указанныхъ 9-ти болгаро-греческихъ колоніяхъ, мы въ виду не имѣемъ. Но зная норму надѣла и общее количество отведенныхъ угодій, число это опредѣляется на столько вѣрно, что оно почти безошибочно можетъ служить для нашихъ выводовъ. Такъ могло быть водворено:

	Количество надѣла удобныхъ десятинъ.	Семействъ.
Въ 3-хъ Буялыкскихъ колоніяхъ на. . .	34,867	650
— Катаржинѣ, на р. Куяльникѣ, на. . .	13,225	245
— Парканахъ, на Днѣстрѣ, близь Тирасполя, на	7,418	135
— Терновкѣ, при устьѣ Терновки въ Ингулъ, на	9,917	186
— Балто-чокракѣ, на р. Чюрюкъ-Су, на .	728	13
— Кишлавѣ на	1,503	28
— Старомъ-Крыму на	1,000	19

Въ настоящее время, по 10-й народной переписи, числится:

	Семействъ.	Мужскаго пола душъ.		Нынѣшній надѣлъ на душу.
Въ 3-хъ Буялыкскихъ колоніяхъ. .	641	2,864	по	12,1 дес.
— Катаржинѣ	182	1,393	—	9,5 —
— Парканахъ	89	593	—	12,5 —
— Терновкѣ	210	821	—	12,0 —
— Балто-чокракѣ	10	57	—	13,6 —
— Кишлавѣ.	96	848	—	1,7 —
— Старомъ Крыму	52	384	—	2,6 —

Въ двухъ послѣднихъ колоніяхъ, вслѣдствіе усвоенной ими лично-общинной системы хозяйства, населеніе распадается, какъ въ меннонитскихъ и вообще нѣмецкихъ водвореніяхъ, на *хозяевъ* и *безземельныхъ*, а именно:

	Хозяевъ. Семей.	Хозяевъ. Мужскаго пола душъ.	Безземельныхъ. Семей.	Безземельныхъ. Мужскаго пола душъ.
Въ Кишлавѣ	28	250	68	598
— Старомъ Крыму	18	133	34	251

Сравнивая эти цифры съ числомъ первоначально водворенныхъ поселенцевъ, мы приходимъ къ заключенію, что только въ Кишлавѣ и Старомъ Крыму населеніе въ 65-ти лѣтній періодъ почти утроилось. Во всѣхъ остальныхъ болгарскихъ поселеніяхъ не только не замѣчается прироста населенія, но, повидимому, первоначальная численность его даже значительно убыла. Однако такой выводъ во всякомъ случаѣ нельзя принять за вполнѣ вѣрный. Необходимо допустить, что только въ Кишлавѣ и Старомъ Крыму надѣлъ соотвѣтствовалъ дѣйствительному числу первоначальныхъ поселенцевъ, и что, напротивъ, въ Балточокракѣ и хер-

сонскихъ водвореніяхъ повсюду оставались угодія излишнія за надѣломъ наличнаго числа поселянъ. Предположеніе это тѣмъ вѣроятнѣе, что заднѣстровскія владѣнія наши окончательно вошли въ составъ Имперіи только послѣ Бухарестскаго мира, т. е. съ 1812 г. Слѣдовательно, оставленіе земельныхъ запасовъ при нѣкоторыхъ болгарскихъ колоніяхъ, на случай приселенія новыхъ выходцевъ изъ за Днѣстра, является мѣрою, вполнѣ соотвѣтствовавшею общей системѣ колонизаціи. Такъ, въ 1804 году, [1]) было указано селить болгаръ «къ тѣмъ мѣстамъ, на коихъ существуютъ уже болгарскія заведенія, для чего самымъ удобнымъ признанъ участокъ, такъ называемый Платова. Впредь же, если-бы число выходцевъ изъ Болгаръ и Грековъ умножилось, водворять ихъ на земляхъ Тираспольскаго уѣзда, къ Ольвіополю подающихся». Кромѣ того, предположеніе это подверждается отчасти словами Херсонскаго военнаго губернатора Дюка де-Ришелье. «Ко мнѣ, писалъ онъ между прочимъ министру внутреннихъ дѣлъ въ октябрѣ 1806 г., прибыли чрезъ Дунай еще 25 семействъ (Болгаръ), но съ великимъ упорствомъ со стороны Турокъ и съ великими затрудненіями. Какъ-бы я желалъ переправиться чрезъ Днѣстръ съ 2,000 конницы, чтобы собрать нѣсколько тысячь семействъ, блуждающихъ въ молдавскихъ степяхъ, и переправить ихъ на нашу сторону; какое-бы это было безподобное пріобрѣтеніе для нашихъ степей и для Крыма» [2]). Мысли Дюка де-Ришелье суждено было осуществиться въ гораздо болѣе широкихъ размѣрахъ: вмѣсто предположенной имъ переправы поселенцевъ изъ-за Днѣстра, мы забрали весь край до Прута и Дуная, открывъ себѣ новую громадную территорію для колонизаціи. Какъ бы то ни было, т. е. оставались ли въ распоряженіи балточокракскаго и херсонскихъ болгаро греческихъ обществъ излишнія, сверхъ нормальнаго надѣла, земли, по случаю направленія дальнѣйшей колонизаціи задунайскихъ выходцевъ не къ нимъ, а въ Бессарабію; или, осѣвшее въ первыхъ мѣстностяхъ населеніе, по численности своей, соотвѣтствовало количеству отведенныхъ ему земель,—въ обоихъ случаяхъ нынѣшняя, относительная несоразмѣрность числа поселенцевъ къ количеству земель, состоящихъ въ ихъ владѣніи, указываетъ здѣсь на несравненно менѣе быстрое увеличеніе населенія, нежели въ Кишлавѣ, Старомъ Крыму и нѣмецкихъ колоніяхъ, отличающихся въ той же соразмѣрности и большимъ благоустройствомъ *въ семейно-общественномъ быту*, и болѣе значительною состоятельностью, общественною и частною. Такъ Буялыкскій округъ еще до послѣдняго времени постоянно затруднялся даже по взносу казенныхъ платежей, а общество колоніи Малаго Буялыка, по отзыву мѣстнаго начальства, «вслѣдствіе бѣдности, нерадѣнія поселянъ, небрежности и неблагонадежности выборнаго начальства», дошло почти до полной несостоятельности.

Спрашивается, какая же причина такихъ неутѣшительныхъ явленій въ

---

[1]) Пол. Собр. Зак. Т. XXVIII № 21,177

[2]) Дѣло арх. Министерства Госуд. Имущ. 7-го февр. 1805, по запискамъ Ст. Сов. Контеніуса о колонизаціи Новоросіи и Крыма.

виду успѣховъ не только нѣмецкой колонизаціи, но даже части колонизаціи болгарской? И вопросъ этотъ тѣмъ умѣстнѣе, что кишлавскіе и старо крымскіе поселенцы, очень скудно надѣленные землею, по изолированности и отдаленности ихъ отъ торговыхъ портовъ, не могли пользоваться ни ближайшимъ руководствомъ и попеченіемъ со стороны начальства, ни вообще тѣми мѣстными хозяйственными выгодами, какія достались на долю ихъ единоплеменниковъ близь Одессы.

За положительное разрѣшеніе поставленнаго нами вопроса мы не можемъ взяться. Ни у г. Скальковскаго, ни вообще въ имѣющихся источникахъ мы не находимъ объясненія настоящему обстоятельству; а *мѣстныя* изслѣдованія до сей поры оставались для насъ недоступными. Но, независимо отъ разныхъ случайныхъ обстоятельствъ, здѣсь несомнѣнно дѣйствовали общія причины, и о нихъ-то мы намѣрены сказать нѣсколько словъ, тѣмъ болѣе, что тѣ же причины характеризуютъ не только упомянутыя нами старыя, но отчасти даже и всѣ послѣдующія болгаро-колонистскія водворенія.

Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что въ составъ названныхъ нами болгаро-колонистскихъ обществъ, кромѣ чистыхъ болгаръ, вошли гдѣ въ большемъ, гдѣ въ меньшемъ размѣрѣ, не мало грековъ, и что вездѣ степень благосостоянія этихъ обществъ представляется въ обратномъ отношеніи къ числу грековъ и въ прямомъ—къ числу однообщественниковъ-болгаръ, т. е. чѣмъ слабѣе въ обществѣ греческій элементъ, тѣмъ его экономическое положеніе благопріятнѣе, и на оборотъ. Болгаро-греки питаютъ, какъ извѣстно, другъ къ другу исторически сложившуюся народную вражду, и если вражда эта не мѣшаетъ имъ сходиться иногда подъ общее знамя и единодушно сражаться противъ общаго врага, то это явленіе нисколько не измѣняетъ бытовыхъ отношеній этихъ двухъ народностей тамъ, гдѣ представители ихъ ближе сходятся для мирныхъ занятій повседневной жизни. Болгаринъ склоненъ по преимуществу къ земледѣлію, скотоводству и садоводству; онъ, правда, слишкомъ часто невѣжественъ, безграмотенъ, недовѣрчивъ, но честенъ и трудолюбивъ. Греки (по крайней мѣрѣ наши бывшіе волонтеры изъ Грековъ), при той же безграмотности, отличаются однако большею подвижностью и склонностью къ легкому промыслу, торгашеству, обману и интригѣ. Кромѣ того, по отношенію къ бытовымъ условіямъ, Грекъ-простолюдинъ, каковъ-бы онъ ни былъ въ частности, является однако выродкомъ иной, древнѣйшей цивилизаціи и такихъ соціальныхъ воззрѣній, корень которыхъ лежитъ въ римскомъ правѣ, идущемъ въ разрѣзъ съ бытовымъ кодексомъ Болгарина. При такихъ основныхъ различіяхъ и воспитанной вѣками взаимной непріязни обѣихъ народностей, греческіе колонисты внесли въ свои общества духъ раздора и вражды вездѣ, гдѣ они на столько сильны, чтобы заявлять о себѣ противъ Болгаръ. Справедливость указываемаго факта и дурныя послѣдствія его подтверждаются особенно наглядно на нашихъ буялыкскихъ колоніяхъ, и особенно на Маломъ Буялыкѣ, населеніе котораго составилось на половину изъ Грековъ, на половину изъ Болгаръ, которые въ свою очередь распадаются пополамъ — на чис-

тыхъ Болгаръ и Болгаръ-Кагаузовъ, почти выродившихся въ Турокъ, говорящихъ потурецки и усвоившихъ отъ Турокъ и Грековъ почти одни только худшія свойства: буйства, склонность къ обману, интригѣ и легкому заработку. При такихъ условіяхъ въ Маломъ Буялыкѣ еще никогда не прекращались внутренніе раздоры, интриги и вообще духъ партій, и вліянію этой розни нельзя, по нашему мнѣнію, не приписать, хотя частью, дурное положеніе нравственнаго и экономическаго быта водворенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ, почти всеобщая безграмотность болгаро-грековъ постоянно лишала ихъ возможности строго учитывать своихъ выборныхъ начальниковъ. Послѣдніе, даже до новѣйшаго времени, пользуясь такою безконтрольностью въ личныхъ своекорыстныхъ видахъ, или руководствуясь духомъ партіи, во многихъ случаяхъ оказываются или явно неспособными, или, что еще хуже, неблагонадежными. Одинъ буялыкскій округъ всегда вызывалъ для попечительства болѣе тревогъ и заботъ, нежели всѣ нѣмецкія колонистскія водворенія южнаго края, взятыя вмѣстѣ. И округъ этотъ по вѣдомству колоній представляетъ теперь почти единственное, безотрадное явленіе.

У колонистовъ-нѣмцевъ, чѣмъ обширнѣе округъ или волость, тѣмъ въ лучшемъ положеніи мы находимъ частную состоятельность, общественное благоустройство и т. д. У болгаро-грековъ въ Крыму и Херсонской губерніи оказывается обратный результатъ. Но, по нашему мнѣнію, обстоятельство это приводится все къ тѣмъ же, только что указаннымъ нами причинамъ. Земледѣльческій и вообще промышленно-хозяйственный успѣхъ требуетъ мирнаго, честнаго, разумно-сознательнаго и терпѣливаго труда; точно также преуспѣяніе общиннаго благоустройства обусловливается прежде всего умѣніемъ разумно подчинять свои личныя своекорыстныя стремленія требованіямъ высшаго блага, интересу общественному, а за тѣмъ — и дружнымъ направленіемъ общинныхъ средствъ къ достиженію этой высшей цѣли, подъ ближайшимъ руководствомъ умныхъ, честныхъ и вполнѣ благонадежныхъ выборныхъ начальниковъ, строго контролируемыхъ со стороны избирателей и общественнаго мнѣнія. Всѣ эти условія находились постоянно у колонистовъ—нѣмцевъ, особенно въ округахъ болѣе населенныхъ, гдѣ лучшее содержаніе, болѣе широкій и почетный кругъ дѣятельности, и менѣе ограниченное число кандидатовъ на выборныя должности, всегда привлекаютъ на общественную службу и удерживаютъ на ней лицъ наиболѣе способныхъ и достойныхъ, лицъ, большею частью правильно сознающихъ истинныя потребности предстательствуемаго ими водворенія и потому направляющихъ къ удовлетворенію этихъ потребностей отдаваемыя въ ихъ руки значительныя матеріальныя средства. Примѣръ тому мы видимъ въ вопросахъ о школѣ и устройствѣ безземельнаго класса, благопріятнымъ разрѣшеніемъ которыхъ общества обязаны, конечно, сколько собственному сознанію, столько же, если не болѣе, и иниціативѣ руководящихъ ими выборныхъ начальствъ.

Нѣтъ конечно надобности доказывать—какое пагубное вліяніе оказываютъ вообще на благосостояніе поселянъ, съ одной стороны, отсутствіе въ сельскомъ обществѣ невозможной солидарности бытовыхъ воззрѣній и

интересовъ, а съ другой—безграмотность и, какъ прямое послѣдствіе ея, малоспособность или даже недобросовѣстность выборнаго начальства. Но иные изъ нашихъ общественныхъ дѣятелей готовы утверждать, что недостатокъ грамотности и органической связи не препятствуетъ ни вообще успѣхамъ земледѣльческой производительности, ни тѣмъ менѣе благоустройству населенія, которое, какъ наши нѣмецкіе и болгарскіе колонисты, пользуется такими важными преимуществами, какова свобода отъ повинностей рекрутской и военно-постойной. По нашему мнѣнію, фактическимъ опроверженіемъ такихъ разсужденій можетъ служить слѣдующій примѣръ.

По вѣдомству нашихъ иностранныхъ колоній, бездоимочное и своевременное поступленіе всѣхъ сборовъ казенныхъ, земскихъ и мірскихъ давно уже сдѣлалось явленіемъ нормальнымъ. Но мѣстами, вслѣдствіе неурожаевъ и иныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ, результатъ этотъ достигается иногда съ немаловажными для обществъ затрудненіями, касающимися обыкновенно только отдѣльныхъ хозяевъ и плательщиковъ. Въ такихъ случаяхъ общества вносятъ, куда слѣдуетъ, всѣ сборы сполна и въ срокъ, а со своими членами-недоимщиками разсчитываются сами, *по мѣрѣ возможности*. При подобныхъ условіяхъ наличныя мірскія суммы не всегда достаточны для пополненія оклада, а приходится иногда прибѣгать къ займамъ, которые всегда дѣлаются отъ имени цѣлаго общества, съ обезпеченіемъ своевременной уплаты круговою порукою, а въ поволжьѣ—еще и общественными запашками. Бывали случаи (какъ напримѣръ въ 1864—1866 г. въ поволжскихъ колоніяхъ), что этимъ путемъ сельскія общества, а въ особенно тѣсныхъ обстоятельствахъ — уже волостныя, дѣлали десятки—даже сотеннотысячные займы, которые погашались исключительно посредствомъ добровольныхъ общественныхъ запашекъ, по приговорамъ обществъ-заемщиковъ. Не то мы видимъ въ Буялыкскихъ колоніяхъ, и особенно въ мало-буялыкскомъ сельскомъ обществѣ.

«Вслѣдствіе неурожайныхъ годовъ—сказано въ просьбѣ 96 хозяевъ сего послѣдняго [1]) — мы дѣлали денежные займы у разныхъ лицъ, но не цѣлымъ обществомъ, а отдѣльными товариществами. Такъ партіи въ 30—40 колонистовъ займутъ тысячу или больше рублей и подпишутъ общее обязательство, съ круговою другъ за друга порукою. По такимъ займамъ мы, 96 хозяевъ, состояли и частью состоимъ должными: Родоконаки 1,200, Капилетову 1,000; Максимовичу 3,500 и Энгелези по процессу 915 рублей. Другіе 60 малобуялыкскихъ хозяевъ, по подобнымъ же обязательствамъ, должны Бижевскому, Ганзену, Янишевскому, Ставрову и Анастасьеву капитальной суммы до 9,000 рублей. По требованію кредиторовъ, всѣ обязательства по этимъ займамъ облечены въ форму контрактовъ, по которымъ мы, заемщики, продали будто бы пшеницу, съ тѣмъ, что если къ опредѣленному сроку не будутъ доставлены ни пшеница, ни данная будто-бы на нее задаточная сумма, мы, безъ спора

[1]) Просьба эта была послана въ октябрѣ 1867 г. на имя министра государ. имуществъ.

и права аппеляціи, независимо отъ поставки пшеницы, обязаны за каждый просроченный день платить опредѣленный штрафъ, даже до 10 руб. въ сутки».

Когда наступали сроки, кредиторы не настаивали на уплатѣ капитала, а принявъ проценты впередъ, отсрочивали долгъ до слѣдующаго года, не дѣлая впрочемъ объ этомъ никакой надписи на контрактахъ. По случаю неурожайнаго времени, заемщики были очень рады такому благодушію ихъ кредиторовъ; послѣдніе же, продержавъ контракты кто годъ, кто два свыше опредѣленнаго въ нихъ срока, представили ихъ въ судъ для взысканія капитала и неустоекъ, но и здѣсь не настаивали на ускореніи взысканія въ виду каждодневно нароставшихъ штрафовъ. Такимъ образомъ, долгъ въ 1,000 рублей обращался въ десяткитысячное безспорное взысканіе. «Теперь-то мы очнулись—восклицаютъ несчастные заемщики—и поневолѣ поняли добродушіе ростовщика; но было поздно». Справедливость этой жалобы вполнѣ подтвердилась. По восьми контрактамъ купца Ганзена, подполковника Янишевскаго, землевладѣльца Бжозовскаго, грека Ставро и купца Анастасьева судъ присудилъ ко взысканію капитальной суммы, процентовъ и неустоекъ болѣе 250 тысячъ рублей, взамѣнъ которыхъ, вслѣдствіе вмѣшательства въ это дѣло администраціи, кредиторы удовольствовались уплатою имъ 25,360 рубл. изъ общественныхъ суммъ южныхъ колоній. Въ томъ же родѣ выплачено за малобуялыкцевъ еще около 9,000 рублей, съ зачисленіемъ этихъ суммъ на общество, согласно его приговору, возвратнымъ долгомъ, постепенная уплата котораго обезпечена общественною запашкою.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ настоящемъ случаѣ уступчивость со стороны кредиторовъ была вызвана лишь тѣмъ, вопервыхъ, что земли колонисткаго надѣла, по ст. 160 уст. о кол., не могутъ быть ни продаваемы, ни закладываемы, ни вообще отчуждаемы отъ поселянскаго общества; и вовторыхъ, что вслѣдствіе того, постройки должниковъ могли-бы быть проданы только на сносъ, что, вмѣстѣ съ движимостью поселянъ-должниковъ, давало слишкомъ ничтожную сумму въ сравненіи съ суммою взысканій. При другихъ условіяхъ, т. е. еслибъ буялыкцы были полными собственниками состоящей въ ихъ надѣлѣ земли, все общество, за исключеніемъ развѣ немногихъ предусмотрительныхъ, исправныхъ хозяевъ, было-бы стерто и на мѣсто его сѣли-бы нѣсколько человѣкъ ловкихъ спекулянтовъ, къ которымъ прежніе общинники поступили бы, конечно, въ кабалу для отработки достальнаго долга, или просто ради куска хлѣба. Въ томъ же родѣ образовались уже кабальныя отношенія вблизи Петербурга, у крестьянъ, года 3—4 тому назадъ выкупившихъ свои надѣлы [1]). И не этихъ-ли, столь желанныхъ порядковъ домогаются иные органы нашей печати и ихъ патроны?.. Не потому-ли они доказываютъ необходимость совершеннаго устраненія принципа общиннаго землевладѣнія, требуя во имя своеобразно понимаемой свободы труда, обращенія нашихъ общинниковъ въ полныхъ мелкихъ собственниковъ, которые,

[1]) Напримѣръ, въ дер. Бобыльной между Петергофомъ и Ораніенбаумомъ.

даже помимо разныхъ ростовщичьихъ продѣлокъ, неминуемо должны-бы обратиться въ безземельныхъ, кабальныхъ батраковъ уже путемъ взаимныхъ раздоровъ, дѣлежей по наслѣдованію и т. д.

Ничего подобнаго нѣтъ и быть не можетъ ни въ нѣмецкихъ, ни въ остальныхъ болгарскихъ колоніяхъ, т. е. тамъ, гдѣ солидарность населенія, поддерживаемая общиннымъ по землѣ принципомъ, не допускаетъ въ подобныхъ случаяхъ частныхъ разрозненныхъ операцій, какія производились буялыкцами. Но общинный принципъ, самъ-по-себѣ, еще безсиленъ; надобно знать нормальное его примѣненіе, иначе послѣдствія его не лучше, если не хуже, безусловнаго господства по землѣ личныхъ началъ. Изъ всего сказаннаго нельзя, повидимому, не придти къ заключенію, что общественно-хозяйственный успѣхъ Кишлава и Стараго-Крыма слѣдуетъ искать главнѣйше въ томъ, что въ составъ ихъ вошли одни болгары, вполнѣ солидарные между собою не только по вѣрѣ, но и по своимъ бытовымъ воззрѣніямъ, а за тѣмъ уже и въ усвоеніи этими обществами той же лично-общинной системы пользованія землями надѣла и приблизительно тѣхъ же семейно-наслѣдственныхъ порядковъ, на которыхъ построено благосостояніе меннонитскихъ и другихъ нѣмецкихъ колоній южной Россіи. Подтвержденіе правильности нашего заключенія мы готовы видѣть въ недавно возникшемъ ходатайствѣ болгарскихъ обществъ Херсонской губ. о дозволеніи имъ, по примѣру нѣмцевъ-колонистовъ, передѣлить свои земли уравнительно по числу ревизскихъ семействъ на *подворные участки наслѣдственнаго* въ семьѣ *пользованія*.

Но обратимся къ главному центру колонизаціи задунайскихъ переселенцевъ.

II.

По мѣрѣ распространенія на юго-западѣ владычества и вліянія Россіи, татары занимавшіе Бессарабію, и особенно южную часть ея, такъ называемый Буджакъ, уходили за Дунай. Въ 1812 г., ко времени окончательнаго присоединенія Буджака къ имперіи, Бессарабія была совершенно оставлена татарами и представляла однѣ обширныя степи, съ весьма рѣдкимъ осѣдлымъ населеніемъ. Но еще во время войны между 1806 и 1812 г. не малое число болгаро-славянъ поселились на земляхъ молдавскихъ бояръ, или на такихъ, которыя были отданы помѣщикамъ впослѣдствіи, по ихъ востребованію, нашимъ правительствомъ. Между собою переселенцы эти назывались «старыми» и «новыми» болгарами; подъ начальствомъ ротмистра Ватикіоти, они составили особую милицію. Когда же присоединеніе Бессарабіи къ Россіи сдѣлалось совершившимся фактомъ, въ Буджакъ стекались новые толпы разнаго бродячаго народа: иностранные «баженары» изъ Молдавіи, изъ-за Дуная, и изъ самой Россіи. Приливъ этотъ усилился, когда правительство даровало своимъ новымъ подданнымъ разныя льготы и преимущества, объявленныя, отъ Высочайшаго имени, въ прокламаціяхъ главнокомандующаго дунайскою арміею и начальника гражданскаго управленія области. «Данныя объ-

щанія» сказано въ Высочайше утвержденной 21 мая 1816 г. запискѣ [1]), «основывались на правилахъ благоустроенной свободы: ибо предметомъ ихъ было предоставить жителямъ всѣ права и обыкновенія, кои входятъ въ составъ народнаго ихъ существованія, дабы постепенно изгладились въ сей странѣ слѣды войны опустошительной и она возлюбила бы новое свое состояніе».

«Сія система, говорится далѣе, въ полной мѣрѣ соотвѣтсвуя той, какую Государю Императору угодно было принять въ отношеніи къ прочимъ, вновь пріобрѣтеннымъ въ царствованіе Его Величества землямъ, основана на правилѣ совершенной справедливости. Ибо дѣйствительно, можно ли надѣяться, чтобы счастіе какого бы то ни было народа устроилось чрезъ принужденіе, чтобы онъ перемѣнилъ свойство свое? А подчинить его образу правленія, совсѣмъ для него чуждому, не значитъ ли тоже самое? Къ симъ побудительнымъ причинамъ присовокупляются столь же сильныя политическія уваженія; и именно, чтобъ смежныя Турецкой имперіи области сугубо удостовѣрились въ миролюбивыхъ расположеніяхъ Императорскаго Величества, видя, что правленіе Бессарабіи утверждается на основаніяхъ твердыхъ и во всемъ соотвѣтственныхъ нравамъ ея обитателей».

Таковы были основныя мысли правилъ, по которымъ состоялось временное «образованіе» Бессарабской области при самомъ ея присоединеніи. Но послѣдствія не оправдали общихъ, принятыхъ тогда мѣръ. Высочайшій рескриптъ на имя преосвященнаго митрополита Гавріила относитъ такой неуспѣхъ «къ случайнымъ только причинамъ». По недостатку въ способныхъ чиновникахъ, въ составъ новаго управленія Бессарабіи вошло много людей, остававшихся безъ мѣстъ по упраздненіи, во время войны, господарскаго управленія въ княжествахъ. Люди эти, привыкшіе «къ формамъ, нерѣдко произвольнымъ, и къ злоупотребленіямъ, неразлучнымъ съ таковымъ порядкомъ вещей», оказались совершенно неблагонадежными. Вниманіе самаго правительства было занято болѣе важными дѣлами, и потому «нельзя было обратить онаго надлежащимъ образомъ на состояніе Бессарабіи». Послѣдствіемъ было то, что здѣсь и въ мирное время «послѣдовали тѣ же самыя неудобства, кои существовали въ продолженіе войны». Неудачный выборъ чиновниковъ произвелъ распри между «иностранцами и природными жителями»; злоупотребленія возрастали ежедневно; неудовольствіе въ народѣ обнаруживалось болѣе и болѣе чрезъ многочисленные побѣги заграницу, и около 1816 г. зло усилилось до такой степени, что правительство признало нужнымъ «немедленное исправленіе», которое оно возложило на особаго полномочнаго намѣстника.

Обязанность намѣстника состояла въ томъ, чтобы «остановить распространяющіяся злоупотребленія; успокоить новыхъ подданныхъ и образованіе сей земли на будущія времена учредить на основаніяхъ проч-

[1]) Записка, приложенная къ Высочайшему рескрипту и служащая полномочному намѣстнику руководствомъ къ образованію правленія Бессарабской области» (прилож. № 10).

ныхъ и съ благоустроенною свободою соотвѣтственныхъ». Намѣстнику было указано прежде всего возстановить управленіе на тѣхъ же «совершенно простыхъ» основаніяхъ, на коихъ учреждалось оно съ самаго начала, руководствуясь въ этомъ случаѣ «наставленіемъ, даннымъ гражданскому губернатору Стурдзе отъ адмирала Чичагова, и кореннымъ постановленіемъ, на основаніи коихъ учреждены были департаменты: распорядительный и судный». Далѣе намѣстникъ имѣлъ окружить себя такими изъ «природныхъ жителей людьми, которые могли бы ему доставить всѣ потребныя свѣдѣнія, вопервыхъ о томъ, «какое нужно дать окончательное образованіе (управленіе?) сей области, приспособивъ оное къ ея нравамъ и узаконеніямъ, а также къ преимуществамъ разнаго состоянія жителей, и вовторыхъ, о разныхъ первоначальныхъ распоряженіяхъ, къ коимъ нужно приступить, дабы нечувствительно усовершить образъ правленія и улучшить жребій сей области постепеннымъ заведеніемъ тѣхъ учрежденій, кои потребны для ея благосостоянія».

Нелегка была задача намѣстника; незавидно было и положеніе среди этого хаоса горсти нѣмецкихъ и болгарскихъ колонистовъ, дѣлавшихъ здѣсь первыя колонизаціонныя попытки. Мало-по-малу число болгарославянскихъ переселенцевъ возрасло до 3,000 семействъ, участь которыхъ вовсе не была обезпечена. Живя разсѣянно на разныхъ, вовсе имъ не принадлежавшихъ земляхъ, положеніе этихъ людей между 1812—1819 годами было весьма незавидное. «Одни изъ нихъ, говоритъ г. Скальковскій, какъ горожане, остались по завоеваннымъ, но почти разрушеннымъ крѣпостямъ: въ Измаилѣ, Киліи, Аккерманѣ и Бендерахъ, гдѣ еще многіе годы гражданскій порядокъ и тѣмъ болѣе торговля водвориться не могли. Другіе искали себѣ новыхъ убѣжищъ въ срединѣ Кодріульскаго Цинута, въ Кишиневѣ, въ предмѣстьѣ Измаильской крѣпости, основанномъ генераломъ Тучковымъ, и въ Рени (бывшемъ торговомъ молдавскомъ мѣстечкѣ Томаровѣ), на устьѣ Прута въ Дунай. Тамъ обитало ихъ до 1,200 сем., но большинство жило въ Киліи и Измаилѣ. Третьи оставались спокойно въ Буджакѣ, въ бывшихъ ногайскихъ селеніяхъ, которыхъ земли, слишкомъ 9,000 кв. верстъ нынѣшнихъ: Аккерманскаго, Бендерскаго и части Кагульскаго уѣздовъ, сдѣлались собственностью казны». Впрочемъ, число устроенныхъ здѣсь за это время колоній было не велико. Земли ихъ, какъ и вообще владѣнія частныя и казенныя, не имѣли никакихъ опредѣленныхъ границъ. Всякій селился, гдѣ и какъ ему заблагоразсудилось, и захватывалъ угодія, на сколько доставало желанія и средствъ. Дарованныя жителямъ области преимущества, вслѣдствіе полной неурядицы въ управленіи, произвола и злоупотребленія административныхъ и судебныхъ властей, существовали только на бумагѣ. До 600—700 болгаро-славянскихъ семействъ, поселившись на спорныхъ земляхъ, вмѣстѣ съ сими землями были даже закрѣплены за помѣщиками, хотя при турецкомъ и молдавскомъ владычествѣ были людьми свободными.

Но съ учрежденіемъ бессарабскаго намѣстничества, и особенно со времени вступленія на постъ полномочнаго намѣстника генералъ лейтенанта Ивана Никитича Инзова,—дѣла въ Бессарабіи приняли другой оборотъ.

Въ тоже время генералъ Инзовъ, въ качествѣ главнаго попечителя колонистовъ, сохранилъ за собою еще и управленіе *всѣми* новороссійскими колоніями. Такая солидарность колонизаціи юга Россіи съ дѣломъ общаго устройства Бессарабіи, придаетъ помѣщенной въ приложеніи (№ 10) инструкціи особенно важное значеніе по отношенію къ занимающимъ насъ спеціальнымъ изслѣдованіямъ. Но предоставляя самому читателю ознакомиться ближе съ этимъ, во всѣхъ отношеніяхъ замѣчательнымъ актомъ, мы коснемся здѣсь только той его части, которая касается непосредственно колонизаціоннаго дѣла и общаго состоянія края.

«Иностранныхъ поселенцевъ» инструкція указывала принимать по тѣмъ правиламъ, которыя дѣйствовали «во всей Россіи», причемъ поселявшіеся на частныхъ земляхъ пользовались гражданскою и личною свободою подъ защитою правительства; водворявщимся же на казенныхъ земляхъ давались нужныя къ тому способы и отводились участки земли, «пространствомъ соотвѣтствующіе принятымъ въ тѣхъ мѣстахъ для сельскаго хозяйства правиламъ, т. е. для скотоводства достаточные». Издержки на поселенцевъ зачислялись на нихъ въ возвратный казнѣ долгъ. Тѣмъ не менѣе успѣхъ колонизаціи потребовалъ чрезвычайныхъ усилій.

Во время присоединенія Бессарабской области, мѣстные жители были освобождены на три года отъ «непосредственной» подати, которая взыскивалась съ головъ скота. Правительство опредѣляло лишь общую сумму этой подати съ каждаго селенія, по предварительнымъ описямъ и оцѣнкамъ имуществъ. Раскладку внутреннюю въ обществѣ производили сами жители. Дарованная жителямъ трехлѣтняя льгота отъ платежа податей кончилась въ октябрѣ 1816 г., а потому мѣстныя власти приступили было къ описи и оцѣнкѣ имуществъ для составленія новой раскладки. Сопровождавшія эту мѣру стѣсненія и злоупотребленія произвели всеобщій ропотъ и неудовольствіе въ народѣ; обыватели почти поголовно готовились бросить свои жилища и уйти въ Молдавію. Чтобы успокоить народное волненіе, опредѣленіе налога было отсрочено до 1 января 1817 г., и объявлено, что «къ столь трудному подвигу» будетъ приступлено неиначе, какъ подъ непосредственнымъ наблюденіемъ полномочнаго намѣстника. Намѣстнику же ставилось въ обязанность «въ случаѣ, если доводы къ установленію подати будутъ признаны имъ безпрекословными», при опредѣленіи и раскладкѣ ея принять въ соображеніе обычаи Молдавіи, какъ «совершенно соотвѣтствующіе системѣ сельскаго хозяйства въ Бессарабской области и существу избытковъ ея жителей».

Бессарабія почти вся принадлежала казнѣ. Южная половина состояла въ то время изъ безлѣсныхъ и маловодныхъ равнинъ, большею частью еще незаселенныхъ и изобильныхъ хорошими пастьбищами, на которыхъ скотопромышленники окрестныхъ мѣстъ выпасали свои стада и гурты. По словамъ инструкціи, не задолго предъ учрежденіемъ намѣстничества водворились въ этомъ краѣ «нѣсколько малочисленыхъ болгарскихъ селеній, пользовавшихся разными выгодами и преимуществами. Вся остальная земля, а также «винный откупъ» состояли на оброкѣ у мѣстныхъ «подрядчиковъ». Эти обширныя угодія не были ни изслѣдованы, ни раз-

межеваны, и потому, какъ сказано въ инструкціи, «Его Величеству угодно, чтобы всѣ сіи волости ни въ раздачу, ни въ продажу не назначались доколѣ областной совѣтъ не представитъ статистической онымъ вѣдомости, съ точными и подробными планами».

Но такое ограниченіе не должно было служить «препятствіемъ въ системѣ частныхъ поселеній, такъ какъ однимъ изъ главнѣйшихъ предметовъ попечительнаго правительства должно быть привлеченіе чужеземныхъ переселенцевъ». Намѣстнику особенно поручалось водворять такихъ переселенцевъ на земляхъ казенныхъ и доставлять имъ «всякія выгоды». Для обезпеченія издержекъ на иностранную колонизацію указывались мѣстные источники, а именно: доходы съ земель, предназначенныхъ подъ колонизацію. Эти доходы, обращаясь въ особый колонизаціонный фондъ, никакому иному употребленію не подлежали. Въ отношеніи выбора мѣстъ подъ поселеніе иностранцевъ предписывалось имѣть въ виду: 1) близость воды, «которая въ сихъ странахъ рѣдка;» 2) систему сельскаго хозяйства, «которая, имѣя главнымъ основаніемъ скотоводство, требуетъ бо̀льшаго пространства земли, нежели тамъ, гдѣ хлѣбопашество есть господствующій промыселъ; и 3) постановленія Имперіи «для предоставленія Бессарабскимъ колоніямъ равныхъ выгодъ и преимуществъ».

Мелкій и рогатый скотъ, а равно лошади, составляли главный источникъ достоянія Бессарабскихъ жителей. Избытокъ скота издавна привлекалъ сюда иностранныхъ промышленниковъ, которые закупали «великое множество» быковъ, овецъ и лошадей. «И такъ, говоритъ инструкція, свободный выпускъ за границу всякаго рода скота и лошадей есть корень благосостоянія сей области, единственное средство къ оживотворенію народа и къ развитію довольства во всѣхъ состояніяхъ; единое условіе, безъ котораго тщетны будутъ всѣ надежды и усилія воспрепятствовать конечному его упадку и уврачевать раны, ему уже нанесенныя». Вслѣдствіе того, свободный выпускъ за границу скота былъ объявленъ для Бессарабіи «непреложнымъ органическимъ правиломъ», которое могло подлежать перемѣнамъ или ограниченіямъ только во время войны. Что же касается до выпуска за границу лошадей, то намѣстнику поручалось опредѣлить это право «не вовсе отступая отъ запретительныхъ узаконеній, существующихъ во всѣхъ прочихъ частяхъ Имперіи».

«Выпускъ хлѣба—говорится далѣе—есть важная и для области довольно прибыточная статься. Сія вѣтвь торговли заслуживаетъ поощренія, но должна быть и ограничиваема по соображеніямъ съ обстоятельствами времени и сношеній нашихъ съ сосѣдними землями». За тѣмъ, указавъ на торговое значеніе г. Рени и на пристань его, какъ на естественный и главнѣйшій пунктъ для сбыта сельскихъ произведеній Бессарабіи, инструкція обращаетъ вниманіе намѣстника на г. Аккерманъ, окрестности котораго «изобилуютъ грунтомъ, весьма удобнымъ для разведенія винограда, а потому надлежитъ оное поощрять и способствовать къ его усовершенствованію. Для сего, въ послѣдствіи можно-бы даже призвать изъ Венгріи и съ береговъ Рейна людей, искусныхъ въ винодѣліи»... Мысль эта существилась въ 1829 году, водвореніемъ здѣсь винодѣловъ изъ такъ

называемой «Французской» Швейцаріи, образовавшихъ колонію Шабу (Schabag).

Поручая намѣстнику пограничныя сношенія съ молдавскими господаремъ и властями «учредить какъ можно проще», инструкція поясняетъ, что главный поводъ къ распространенію этихъ сношеній происходилъ «отъ великаго множества бѣглыхъ изъ Бессарабіи, покидающихъ жилища свои, коихъ стараются отыскивать посредствомъ требованій, столь же недѣйствительныхъ, какъ и неприличныхъ». Полномочный намѣстникъ обязывался «употребить наирачительнѣйшее попеченіе о томъ, чтобы злоупотребленія и насилія по колику можно истребились». По словамъ инструкціи «извѣстно, что во всѣхъ мѣстахъ поселянинъ такъ привязанъ къ землѣ, имъ потомъ своимъ орошаемой, что *безъ самыхъ важныхъ причинъ онъ никогда не рѣшится покинуть оную*. Умножающіеся же побѣги изъ Бессарабіи, ежедневно опустошая ее, становятся столь опасными для будущаго ея благосостоянія, что Государь Императоръ, извѣстясь о семъ печальномъ признакѣ, извлекъ изъ того безошибочное заключеніе о мѣрѣ тѣхъ притѣсненій всякаго рода, коимъ подвержены сіи новые Его подданные. Искореняя сіи злоупотребленія сильными мѣрами и наказывая мздоимцевъ съ безпощадною строгостью, полномочный намѣстникъ прекратитъ чрезъ то самое всѣ распри между властями Бессарабскою и Молдавскою». Но кромѣ столкновеній съ Молдавскими властями, происходили еще «постоянныя распри» по дѣламъ суда и расправы между мѣстными военными начальниками, съ одной, и гражданскими чинами, съ другой стороны. Эти распри оканчивались обыкновенно тѣмъ, что «воинскіе начальники самовластно преступаютъ границы своихъ принадлежностей». Намѣстнику ставилось въ обязанность «исправить сіи безпорядки и поставить обѣ власти въ предѣлы по уставамъ, имъ предписаннымъ».

По городамъ существовало «особое злоупотребленіе», посягавшее на свободу и промышленность и обнаруживавшее «въ полномъ видѣ всю наглость власти, самовольно управляющей». Именно: проживавшіе въ городахъ дворяне и купцы обращались къ полиціи всякой разъ, когда «для какой нибудь домашней подѣлки» случалась имъ надобность въ рабочихъ. Зло это вкралось съ давняго времени, и полиція, вмѣсто искорененія вреднаго обычая, продолжала по прежнему забирать по такимъ просьбамъ нужное число людей, принуждая ихъ работать въ пользу частныхъ лицъ, подъ предлогомъ общественной повинности. «Таковымъ тиранскимъ способомъ, прибавляетъ инструкція, не одинъ уже частный домъ выстроился, не стоивъ хозяину никакихъ иныхъ издержекъ, кромѣ матеріаловъ».

Изъ заключительной статьи инструкціи о «разныхъ усовершеніяхъ» усматривается, что въ то время въ Бессарабіи не существовало никакихъ общественныхъ заведеній и учрежденій. Даже главный городъ области, Кишиневъ, за исключеніемъ только немногихъ зданій, былъ не иное что, какъ «громада хижинъ». Не было тамъ ни «пристойнаго мѣста для судилищъ, ни больницы, ни тюрьмы, ни училищъ». Указавъ средства для возведенія зданій и вообще для устройства этихъ заведеній,

инструкція присовокупляетъ, что «нравственное и духовное воспитаніе должно идти на ряду съ вещественнымъ благосостояніемъ всякаго народа; въ семъ заключается единственное средство, чтобы добро было прочное».

Таковы при началѣ нѣмецкой и болгарской колонизацій были состояніе и средства того края, на который въ новѣйшее время новороссійскій и бессарабскій генералъ-губернаторъ находитъ возможнымъ указать какъ на примѣръ того, что при помощи разумной колонизаціи можетъ быть достигнуто въ Крыму, опустѣвшемъ послѣ ухода въ Турцію татаръ.

Вся иностранная колонизація въ Бессарабіи была направлена на буджакскія степи. Она распалась на двѣ категоріи—нѣмецкую и задунайскихъ переселенцевъ. Касаться здѣсь условій водворенія и нынѣшняго состоянія собственно нѣмецкихъ колоній, значило бы повторять болѣе или менѣе тоже самое, что уже высказано нами по поводу меннонитовъ въ губерніяхъ Екатеринославской и Таврической. Къ тому же собственно о «нѣмецкихъ» колонистахъ намъ предстоитъ подробнѣе говорить въ другой разъ. «Возбудивъ въ безземельныхъ колонистахъ—отзывался въ 1867 году новороссійскій и бессарабскій генералъ-губернаторъ—желаніе селиться въ Крыму на собственныхъ земляхъ при матеріальномъ содѣйствіи правительства, мы пріобрѣтемъ самыхъ ревностныхъ помощниковъ въ дѣлѣ обводненія и облѣсенія сего края. Бывшія въ Бессарабіи безлѣсныя степи Буджака, при энергіи колонистовъ и умѣніи ихъ взяться за дѣло, обратились въ цвѣтущія колоніи съ прудами, хорошею колодезною водою и лѣсными плантаціями. Можно съ увѣренностью сказать, что трудъ колониста вознаградитъ и въ Крыму оказываемую ему правительствомъ временную помощь». Къ сожалѣнію это свидѣтельство относится болѣе къ нѣмецкимъ, нежели къ тѣмъ изъ задунайскихъ колонистовъ Буджака, которые остались въ предѣлахъ имперіи.

III.

Поселенія «задунайскихъ переселенцевъ» составились изъ пестрой толпы болгаръ, молдаванъ, грековъ, мало-и великороссіянъ, арнаутовъ, цыганъ, сербовъ, некрасовцевъ, запорожцевъ, турокъ и выкрестовъ изъ евреевъ; вотъ родоначальники нынѣшнихъ бессарабско-болгарскихъ колонистовъ. Весь этотъ сбродъ связывали лишь общая вѣра православная, одинаковыя бездомность и нищета. Но болгарскій элементъ имѣлъ здѣсь весьма значительный перевѣсъ предъ всѣми остальными національностями. И тѣмъ не менѣе едва ли даже въ настоящее время успѣшная колонизація считалась-бы возможною при помощи такого неблагонадежнаго матеріала. Однако предшествовавшія намъ поколѣнія сохраняли, по видимому, больше насъ вѣры въ хорошія свойства человѣческой природы; они не были ни такими пессимистами, ни такими оптимистами, какими является современное общество во взглядахъ своихъ на наше крестьянство. Никто, конечно, не рѣшится ставить нашего крестьянина

ниже указанной толпы бродягъ и бѣглецовъ ни по нравственнымъ качествамъ и развитію, ни въ экономическомъ отношеніи. И съ этой точки зрѣнія, судьбы болгарскихъ поселеній въ Буджакѣ пріобрѣтаютъ въ нашихъ глазахъ особенно важное значеніе, подтверждая вновь, что отношенія администраціи къ вопросамъ сельскаго устроенія не должны руководиться исключительно ни пессимизмомъ, ни оптимизмомъ.

Подъ поселеніе задунайскихъ переселенцевъ была отмежевана вся южная часть Буджака. Не дожидаясь полнаго заселенія, территорія эта была разбита на округи, а округи на дачи сельскихъ обществъ, соотвѣтственно хозяйственнымъ мѣстнымъ условіямъ. Такимъ образомъ образовались округи:

	Десятинъ.		
	удобныхъ.	неудобныхъ.	колоній.
1) Верхне-Буджакскій	140,050	2,535	20
2) Измаильскій	132,526	25,826	15
3) Нижне-Буджакскій	124,741	3,061	19
4) Прутскій.	54,337	4,622	10
5) Кагульскій	45,342	21,089	9
Итого . . .	496,996	57,133	73 [1])

Къ 1816 г., на всей этой территоріи, кромѣ упомянутыхъ въ инструкціи намѣстника «нѣсколькихъ малочисленныхъ болгарскихъ селеній» иныхъ осѣдлыхъ обывателей не имѣлось. Она граничила: на юго-западѣ съ р. Дунаемъ и Прутомъ; на югѣ — съ землями гг. Измаила и Рени; на западѣ — съ землями частныхъ владѣльцевъ; на востокѣ — съ надѣломъ нѣмецкихъ колонистовъ; на сѣверѣ — съ свободными казенными участками.

Въ топографическомъ отношеніи, указанная мѣстность—въ сѣверной части возвышенна и отчасти гориста, съ крутыми балками; по направленію къ югу она постепенно дѣлается отложе и балки переходятъ въ мелкія долины и прогалины. Въ восточной части росло не много мелкаго кустарника и дубняка; на западѣ же, въ округѣ Прутскомъ, имѣлось подобной же лѣсной поросли въ нѣсколько большемъ количествѣ. Все остальное пространство составляло чистую степь. Здѣсь, во времена давно минувшія, былъ крайній въ Европѣ сѣверо-восточный рубежъ римскаго владычества. Объ этомъ по сю пору свидѣтельствуютъ «Нижне-и Верхне-Трояновы валы. Начиная отъ р. Прута до протока Ялпуха, нѣсколько повыше впаденія его въ озеро Ялпухъ, Нижнетрояновъ валъ составляетъ съ сѣверо-запада естественную границу предназначенныхъ подъ водвореніе задунайскихъ переселенцевъ земель съ владѣніями сосѣднихъ помѣщиковъ; затѣмъ валъ, перерѣзавъ владѣнія колонистовъ и упираясь въ сѣверныя вершины озеръ Катлабуга и Китая, идетъ до казенныхъ участковъ и далѣе до вершины большаго озера Сазика или Кундука, прилегающаго непосред-

---

[1]) Впослѣдствіи допущено дробленіе нѣкоторыхъ сельскихъ дачъ.

ственно къ Черному морю. При озерахъ, близь Дуная и Прута, имѣются въ большомъ количествѣ камыши, которые, за отсутствіемъ лѣса, служатъ жителямъ на топливо, покрышку строеній и т. п. Изъ озеръ заслуживаютъ вниманія только Ялпухъ и Кагулъ по величинѣ, а первое—и по глубинѣ своихъ водъ. Но главное значеніе озера Ялпуха заключается въ прямомъ соединеніи его съ Дунаемъ, при посредствѣ озера Кагурлуй и рѣчки Репиды. Этимъ путемъ свободно проходятъ плоскодонныя суда, съ грузомъ до 1,000 пудовъ, и потому здѣсь, по лѣвому откосу сѣверной оконечности озера Ялпуха, устроилась колонія Болградъ, сдѣлавшаяся главнымъ торгово-промышленнымъ центромъ всего водворенія.

Кромѣ пограничныхъ рѣкъ Дуная и Прута, внутри описываемой территоріи въ нѣкоторыхъ лощинахъ имѣются проточныя воды, удостоиваемыя названія рѣчекъ, какъ то: Кагулъ и Ялпухъ (по озерамъ, въ которыя впадаютъ); но водные запасы этихъ протоковъ совершенно ничтожны и къ тому же очень непостоянны. Въ промышленно-хозяйственномъ отношеніи протоки Кагулъ, Ялпухъ и др. только въ немногихъ случаяхъ представляютъ нѣкоторыя выгоды. Напротивъ, вся мѣстность, особенно сѣверная часть ея, не вовсе лишена ключевой и родниковой воды. Воду эту, по восточному обычаю, болгары собираютъ въ каменныхъ резервуарахъ, иногда съ фонтанами, какъ дѣло общеполезное и богоугодное. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ имѣется дикій камень, годный для построекъ.

Почва земли состоитъ изъ черноземной толщи до 12 вершковъ; низменности около рѣчекъ и въ долинахъ образуютъ поемные луга, за исключеніемъ Ялпухской долины и частью долины Киргижъ-Китая, при впаденіи ея въ озеро Китай. Здѣсь преобладаютъ солончаки, способные только къ временному выпасу скота и овецъ. Откосы Ялпухской долины, покрытые черноземомъ съ примѣсью известковыхъ частицъ, и при-озерныя полосы, съ глинопесчаной почвою, благопріятствуютъ разведенію винограда. Вино и виноградъ съ лѣваго откоса Ялпуха, по крѣпости и вкусу, принадлежатъ къ лучшимъ въ краѣ. Мѣстный климатъ — лѣтомъ жаркій, но съ частыми, рѣзкими перемѣнами. Весьма холодный вечеръ, послѣ жаркаго утра и дня, здѣсь не рѣдкость. Зимы точно также мало постоянны; дожди смѣняются морозами съ сильными снѣговыми мятелями, и на оборотъ. Весна отличается туманами, особенно въ южныхъ частяхъ къ Дунаю и Пруту, гдѣ испаренія множества болотъ дѣлаютъ воздухъ нездоровымъ и производятъ весной и осенью лихорадки, горячки и скорбутныя болѣзни. Черезъ земли задунайскихъ переселенцевъ еще въ 1825 году пролегали дороги: *почтовыя*—изъ Кишинева на Рени; изъ Кишинева же—на Тучковъ и Измаилъ, а изъ послѣднихъ на Килію и Аккерманъ; и *транспортныя*—изъ Тучкова и Измаила на Кишиневъ, и изъ Тучкова на Бендеры. Вѣсъ и мѣра, какъ въ то время, такъ частью еще и нынѣ, употреблялись турецкіе. Такъ, *кантаръ* имѣетъ 40 *окъ* или три пуда; каждое око (т. е. три фунта) содержитъ 4 *литра*, а литра—100 драхмъ. *Хлѣбною мѣрою* служитъ *кило*, содержащее 20 *демерлій*, каждая же демерлія должна заключать въ себѣ 12 *окъ* или 36 фунтовъ смѣ-

шаннаго хлѣба трехъ сортовъ (пшеницы, ячменя и проса—по 12 фунтовъ). Кило существуетъ и *на вѣсъ*; въ немъ полагается 240 окъ или 18 пудовъ. *Мѣра для жидкостей* называется *ведро*; десятая часть его—*око*; четвертая часть ока—*литра*, и наконецъ сотая доля литры—*драмма*. Точно также господствовавшая въ странѣ монета была турецкая.

Всѣ естественныя условія края были, безъ сомнѣнія, на столько благопріятны для колонизаціи, что дѣйствительно только «случайныя обстоятельства» могли затруднить успѣхъ этого дѣла. Съ учрежденіемъ намѣстничества, дѣятельно занявшагося устраненіемъ этихъ затрудненій, число колоній быстро стало возрастать. Къ 1820 г. было заложено уже до 44 селеній задунайскихъ переселенцевъ. Однако, правильная распланировка на округи и на отдѣльныя колоніальныя дачи всей отведенной подъ будущее поселеніе этихъ выходцевъ территоріи обнаружила необходимость упраздненія нѣкоторыхъ изъ образовавшихся въ прежнее время поселковъ: одни изъ нихъ, избравъ неудобныя для ихъ развитія мѣста, другіе, оставшись даже за чертою территоріи,—должны были перейти на планныя, болѣе удобныя мѣста, или слиться съ прочими колоніями. Не смотря на эти препятствія, число поселенцевъ постоянно возрастало, особенно со времени пребыванія, въ 1818 г., на югѣ Императора Александра I и даннаго имъ на мѣстѣ обѣщанія — сравнять поселенцевъ, по правамъ и преимуществамъ, съ нѣмецкими колонистами.

«Болгары, говоритъ г. Скальковскій, рѣшились искать у подножія престола равнаго съ другими колонистами покровительства. Они нашли его при посредничествѣ генерала Инзова, который воспользовался самымъ благопріятнымъ случаемъ, чтобы помочь имъ съ полнымъ успѣхомъ. Императоръ Александръ, на обратномъ пути изъ Варшавы, съ принцемъ Гессенъ-Гомбургскимъ, княземъ П. М. Волконскимъ и столь извѣстнымъ графомъ Каподистрія (тогда статсъ-секретаремъ Его Величества), въ маѣ 1818 посѣтилъ новороссійскій край, съ главною цѣлію личнаго осмотра и устройства Бессарабіи, представлявшейся тогда еще чужестранной провинціею на ея сѣверѣ и безбрежной пустынею на югѣ. Графъ Каподистрія принималъ живѣйшее участіе въ этой области, столь важной въ стратегическомъ отношеніи для Имперіи, и Монархъ хотѣлъ лично посѣтить своихъ новыхъ подданныхъ. Пользуясь этимъ обстоятельствомъ, генералъ-лейтенантъ Инзовъ составилъ подробный докладъ Государю Императору о судьбахъ и участи болгарскаго населенія на югѣ Россіи и просилъ оному высокаго Его покровительства и тѣхъ же правъ, которыми пользовались уже другіе иностранные поселенцы, даже «не-единовѣрные» съ нами. Докладъ этотъ, изъ Одессы, отъ 19 марта 1819 года, представленный Его Императорскому Величеству при содѣйствіи министра внутреннихъ дѣлъ графа Кочубея, имѣлъ полный успѣхъ. Въ немъ подробно изложены и причины переселенія, и настоящая участь задунайскихъ болгаръ, ихъ право на покровительство русскаго двора и тѣ несправедливыя притязанія, которымъ подверглись они со стороны молдавскихъ бояръ и помѣщиковъ». Изъ этого доклада видно, что въ 1819 г., въ одной Бессарабіи считалось задунайскихъ переселенцевъ:

	Семействъ.		
	Старыхъ.	Новыхъ.	Всего.
1) На казенныхъ земляхъ (то есть въ Буджакѣ, оставленномъ ногайцами).	1,196	3,316	4,512
2) Въ городахъ: Измаилѣ . . .	143	261	404
— Киліи	14	4	18
— Рени.	5	189	194
— Аккерманѣ . . .	2	68	70
— Бендерахъ . . .	16	7	23
— Кишиневѣ . . .	507	14	521
3) На участкахъ: Икисаатъ и Мусаитъ (въ Кагульскомъ уѣздѣ) . . .	205	305	510
4) На земляхъ, безпорно помѣщикамъ принадлежавшихъ (въ томъ же уѣздѣ)	206	74	280
Итого.	2,294	4,238	6,532

Если считать по тогдашнему ихъ семейному быту, то эти 6,532 семейства болгаръ составляли не менѣе 24,000 душъ о. п. Чтобы упрочить участь болгаръ и въ будущемъ, генералъ Инзовъ просилъ правительство поселить ихъ на бывшихъ ногайскихъ земляхъ, сдѣлавшихся казенною собственностью, дозволивъ вмѣстѣ и городскимъ болгарамъ, если пожелаютъ, переселиться туда же, а главное—сравнить ихъ въ отношеніи «личныхъ и земскихъ правъ» съ другими иностранными колонистами южной Россіи. Всѣ предположенія генерела Инзова были одобрены Высочайшимъ указомъ, даннымъ сенату 26 декабря 1819 года. Въ немъ сказано:

«Желая устроить жребій болгаръ и другихъ задунайскихъ переселенцевъ въ Бессарабской области, сообразно правиламъ, кои въ имперіи нашей приняты для всѣхъ иностранцевъ, въ земледѣльческомъ состояніи поселенныхъ, мы, при личномъ нашемъ обозрѣніи полуденныхъ областей, повелѣли главному попечителю о колонистахъ того края, генералъ лейтенанту Инзову, собрать полныя свѣдѣнія о сихъ задунайскихъ переселенцахъ и донести намъ съ мнѣніемъ о прочномъ ихъ водвореніи. Генералъ-лейтенантъ Инзовъ представилъ намъ подробное изложеніе всѣхъ обстоятельствъ, до переселенцевъ сихъ относящихся, совокупно съ предположеніями къ лучшему ихъ устройству. Разсмотрѣвъ представленія сіи и сообразивъ оныя съ существующими узаконеніями о колонистахъ, въ Россіи обитающихъ, и съ правами, коими бессарабскіе жители пользуются, мы повелѣваемъ: 1) задунайскимъ переселенцамъ, подъ именемъ коихъ разумѣются болгары и другіе изъ-за Дуная переходящіе единовѣрные намъ иностранцы, которые уже водворены или впредь водворяемы будутъ въ Бессарабіи, даровать всѣ права и преимущества, пожалованныя иностранцамъ, подъ наименованіемъ колонистовъ, въ Новороссійскихъ губерніяхъ и Бессарабіи поселеннымъ; 2) дабы переселенцы сіи извѣстны были въ чемъ именно состоятъ даруемыя имъ права и преимущества,

выдать имъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ письменный актъ; 3) переселенцамъ изъ-за Дуная, во время турецкаго владѣнія вышедшимъ и въ разныхъ мѣстахъ Бессарабіи обитавшимъ, а нынѣ на казенныя земли перешедшимъ, дать три года льготы отъ казенныхъ податей и повинностей; 4) переселенцамъ, изъ-за Дуная въ послѣднюю войну и послѣ оной вышедшимъ, опредѣлить такой же льготы семь лѣтъ; 5) Переселенцамъ, кои, бывъ прежде на казенныхъ земляхъ водворены, спокойно на оныхъ жительствовали, равно и кореннымъ жителямъ между ими обитающимъ, льготныхъ лѣтъ не полагать; 6) на казенныя земли, для переселенцевъ сихъ отведенныя, дозволить переходить и тѣмъ изъ нихъ, кои, жительствуя въ городахъ и на земляхъ, помѣщикамъ принадлежащихъ, изъявятъ на то добровольное желаніе; таковое переселеніе производить не иначе, какъ съ вѣдома областнаго и колонистскаго начальства; 7) переселенцамъ, водворившимся на земляхъ, именуемыхъ *Икисаатъ и Мусаитъ*, прежде нежели тѣ земли отданы были частнымъ владѣльцамъ, и переходящимъ оттуда на казенныя земли, предоставить право хозяйственныя ихъ обзаведенія, постройки и пр. переносить или продовать какъ собственность, по всей справедливости имъ принадлежащую; 8) переселенцы, кои во время турецкаго правительства водворились на земляхъ помѣщичьихъ, подлежащихъ управленію и законамъ Молдавіи, при переходѣ на земли казенныя должны оставлять хозяйственныя ихъ строенія въ собственность владѣльца, если только доказано будетъ, что оныя построены были на счетъ помѣщиковъ; 9) по истеченіи льготныхъ лѣтъ, тѣ изъ переселенцевъ, коимъ по 3-й и 4-й статьямъ оныя опредѣлены, а прочіе, какъ и коренные жители между ими обитающіе, съ начала 1820 г., обязаны съ каждаго семейства вносить ежегодно по 70 левовъ [1]), и, сообразно тому какъ и нѣмецкіе колонисты, облагаются по истеченіи льготныхъ лѣтъ поземельною и другими податями, съ тѣмъ, что изъ сихъ денегъ будутъ уже удовлетворяемы земскія повинности, кои исправляются вообще жителями Бессарабской области; 10) за земли, которыя въ округахъ ихъ селеній, сверхъ положенной на каждое семейство пропорціи, будутъ заключаться, взимать по 20 паръ [2]) за каждую десятину, не исключая и льготныхъ лѣтъ; 11) переселенцамъ въ округахъ ихъ поселенія дозволить имѣть свободную продажу винограднаго и горячаго вина, и ни какимъ откупамъ въ ихъ округахъ не существовать; 12) занимаемую ими землю, казнѣ принадлежащую, раздѣлить нынѣ по удобности на четыре округа, согласно представленной генералъ-лейтенантомъ Инзовымъ вѣдомости, главное же селеніе *Табакъ*, согласно желанію переселенцевъ, наименовать *Болградомъ;* 13) старожиловъ или коренныхъ жителей, въ тѣхъ округахъ находящихся, включить въ общій составъ оныхъ, какъ по осѣдлости ихъ съ давнихъ лѣтъ въ тѣхъ мѣстахъ и разведе-

---

[1]) *Левъ* или *асланъ* — тоже, что турецкій піастръ, серебренная монета, стоилъ тогда до 20 к. с.; курсъ его доходитъ едва до 7 к. с. Съ 1831 года, при умноженіи колоній, болгары согласились получать, вмѣсто 60, только по 50 десятинъ на семью.

[2]) 40 паръ=1 піастру=5,674 коп. сер.

ніямъ виноградныхъ и фруктовыхъ садовъ, такъ и по жительству ихъ совмѣстно съ болгарами, распространяя и на нихъ колонистскія права [1]); 14) управленіе сихъ переселенцевъ учредить на общихъ правилахъ колонистскаго управленія, подчиняя ихъ бессарабской конторѣ иностранныхъ поселенцевъ; 15) въ контору опредѣлить одного чиновника въ званіи товарища старшаго члена, обязанность коего состоять будетъ, подъ руководствомъ конторы, имѣть ближайшій надъ поселенцами надзоръ и должное о нихъ попеченіе».

Замѣтимъ мимоходомъ, что важнѣйшія болгарскія колоніи: Болградъ, или Табакъ, имѣлъ тогда всего 146 семействъ, Комратъ — 136, Волканешты—175. Въ 1848 году, чрезъ 26 лѣтъ, въ первомъ жило уже 1,000, во второмъ—до 700, въ третьемъ—до 600 семействъ коренныхъ, хорошо осѣдлыхъ и зажиточныхъ семействъ.

Такъ образовалась и постепенно устраивалась въ Бессарабіи «Новая Болгарія». По рекомендаціи генерала Инзова и всеобщему выбору самыхъ болгаръ, первымъ ихъ попечителемъ былъ Высочайше назначенъ упомянутый выше ротмистръ *Ватикіоти*, а за смертію его, камчатскаго пѣхотнаго полка маіоръ *Малявинскій* (13 марта 1820 года), которому и было поручено приведеніе въ дѣйствіе всѣхъ предположеній правительства по водворенію болгаръ.

Малявинскій, по прибытіи въ Болградъ, согласно съ данною ему инструкціею, собралъ тамъ старшинъ со всѣхъ колоній и по два депутата отъ каждаго селенія, прочиталъ имъ публично въ церкви подлинный актъ на пергаментѣ, присланный по Высочайшей волѣ отъ министра внутреннихъ дѣлъ графа Кочубея, «и этотъ драгоцѣнный залогъ великихъ милостей, всеавгустѣйшимъ Государемъ Императоромъ оказанныхъ болгарамъ и другимъ задунайскимъ переселенцамъ, находящимся теперь подъ благимъ и кроткимъ владычествомъ Его Императорскаго Величества, послѣ благодарственнаго Господу Богу молебствія и молитвъ за здравіе и величіе Царя и Царскаго дома, былъ положенъ для храненія въ алтарѣ той-же церкви» [2]). Болгарское общество, желая доказать свою непритворную радость и вмѣстѣ благоговѣніе къ царской милости, положило: «на мѣсто бѣднаго храма, гдѣ оно получило свою грамату, выстроить на счетъ Болгарскаго народа, въ Бессарабіи поселеннаго, великолѣпный соборъ, въ которомъ бы они, ихъ дѣти и внуки могли всегда благодарить Бога за спасеніе ихъ отъ конечнаго раззоренія и униженія, и молиться за счастіе Россіи и ея Монарховъ». Таково было начало прекраснаго болградскаго собора, сооруженнаго впрочемъ только 11 лѣтъ спустя.

Но въ грамоту, присланную министромъ внутреннихъ дѣлъ, кромѣ перечисленныхъ выше 11-ти статей указа, внесены еще 16 другихъ, взятыхъ изъ манифеста Императрицы Екатерины II 22-го іюля 1763 года, и указа Императора Александра I 20-го февраля 1804 года, заключающихъ въ себѣ права и преимущества, дарованныя всѣмъ вообще ино-

---

[1]) Вотъ почему въ число задунайскихъ переселенцевъ вошли малороссіяне, молдаване и пр.
[2]) Такъ сказано въ донесеніи г. Малявинскаго генералу Инзову.

страннымъ колонистамъ, съ которыми болгары были сравнены. Вотъ буквальное изложеніе этихъ важныхъ личныхъ и поземельныхъ правъ:

1) Свобода вѣры по ихъ обрядамъ и установленіямъ безпрепятственно.

3) Свобода отъ платежа податей и отъ всякихъ повинностей въ продолженіе данныхъ имъ льготныхъ лѣтъ.

3) По прошествіи тѣхъ льготныхъ лѣтъ, они будутъ платить казнѣ поземельную подать: въ первые десять лѣтъ, за каждую десятину отъ 15 до 20 коп. въ годъ; по истеченіи же сего срока подать сія уравнена будетъ съ тягла, какую вообще въ томъ мѣстѣ плотятъ другіе поселяне, на казенныхъ земляхъ водворенные; повинности же земскія тотчасъ по истеченіи льготы повинны они нести наравнѣ съ тѣми россійскими подданными, между которыми поселены будутъ, исключая воинскихъ постоевъ, когда воинскія команды будутъ проходить чрезъ ихъ селенія.

4) Свобода отъ воинской и гражданской службы; но по собственному желанію записаться въ оную всякому дозволяется. Поступленіе на семъ основаніи въ службу не освобождаетъ тѣхъ, кои отъ казны могли бы получить денежное вспоможеніе, отъ уплаты своего долга [1]).

5) Уплата ссудныхъ отъ казны денегъ, если-бы какія при водвореніи ихъ были употреблены, по прошествіи льготныхъ лѣтъ, располагается на послѣдующія десять.

6) Всѣмъ колонистамъ дается безденежно земли по 60 десятинъ на каждое семейство, исключая тѣхъ мѣстъ, гдѣ, по рѣдкости земель, особенныя правила для раздачи оныхъ существуютъ.

7) Какъ скоро кто изъ иностранныхъ прибудетъ въ Россію на поселеніе, то, объявя о желаніи своемъ, имѣетъ учинить, по вѣрѣ своей и обрядамъ, обыкновенную о подданствѣ Россіи въ вѣрности присягу.

8) Позволяется ввозить имъ при поселеніи имѣніе свое, въ чемъ бы оно ни состояло, безпошлинно, и сверхъ того каждому семейству, разумѣя въ ономъ мужа и жену съ малолѣтними дѣтьми, или двухъ совершеннолѣтнихъ работниковъ, или четырехъ женщинъ, одинъ разъ, товаровъ, собственно имъ принадлежащихъ по цѣнѣ, на 300 рублей.

9) Если кто, когда бы то ни было, пожелаетъ выйти изъ государства, то въ томъ дается ему свобода, но съ тѣмъ чтобы, сверхъ уплаты всего причитающагося на немъ долга, единовременно внесъ въ казну трехгодичную, по состоянію своему, подать.

10) Позволяется заводить фабрики, производить всякія ремесла, торговать, вступать въ гильдіи и цехи, и вездѣ въ имперіи продавать свои издѣлія.

11) Позволяется иностранцамъ покупать въ новороссійскихъ губерніяхъ земли у помѣщиковъ, на основаніи правилъ, изъясненныхъ въ Высочайше конфирмованномъ докладѣ министерства внутреннихъ дѣлъ 1804 года, марта 1, и оною владѣть въ собственность безъ всякой другой подати, кромѣ той, какую прежній владѣлецъ по учрежденію того

---

[1]) Иностраннымъ колонистамъ, особенно нѣмецкимъ, выдавались въ прошедшемъ и нынѣшнемъ столѣтіяхъ значительныя денежныя пособія, на обзаведеніе. Болгары такихъ пособій почти не получали.

края платилъ; но всякій иностранецъ, купившій землю себѣ въ собственность, буде желаетъ выѣхать опять изъ Россіи, долженъ при выѣздѣ своемъ продать ее или уступить другому, въ государствѣ остающемуся.

12) Сверхъ того, если бы какіе иностранные поселенцы, по предварительному отзыву или согласію, захотѣли поселиться на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, въ какой бы то ни было губерніи, то владѣльцамъ дозволяется таковыхъ принимать на добровольныхъ условіяхъ, для чего и постановлены особыя правила, изложенныя въ Высочайшемъ указѣ, данномъ сенату въ 25 день августа 1817 года. Сіи переселенцы будутъ имѣть также свободу вѣры и избавлены будутъ отъ воинской и гражданской службы и отъ всякихъ въ казну податей, кромѣ той, которую помѣщики за нихъ вносить должны, соразмѣряя ее съ тѣмъ, что поступаетъ въ казну съ коренныхъ ихъ крестьянъ.

13) Для доставленія вящшихъ удобствъ и покровительства иностранцамъ, на земляхъ казенныхъ селящимся, имѣютъ они поручены быть особому начальству, подъ названіемъ конторы иностранныхъ колонистовъ, которой и попеченіе о водвореніи ихъ предоставится.

14) Если кто изъ прибывшихъ на поселеніе окажется ослушнымъ и непокорнымъ постановленному начальству, или пустится въ развратъ, таковой непремѣнно, по взысканіи съ него должнаго имъ казнѣ, высланъ будетъ за границу.

15) Изъ земель, колонистамъ для водворенія отводимыхъ, никто не можетъ ни малѣйшаго участка безъ воли учрежденнаго надъ ними начальства ни продавать, ни уступать, и никакихъ на то крѣпостей совершать, какъ о семъ постановлено въ граматѣ, Всемилостивѣйше пожалованной въ 6 день сентября 1800 года водвореннымъ въ новороссійскомъ краѣ меннонитамъ.

16) Колонисты имѣютъ право переходить и въ другія званія, на основаніи правилъ, изображенныхъ въ мнѣніи государственнаго совѣта Высочайше утвержденномъ 27 ноября 1812 года».

Всѣ болгарскія водворенія въ новороссійскотъ краѣ, къ концу 1821 г., представляли слѣдующія, довольно точныя статистическія цифры, изъ которыхъ видно приблизительное состояніе основанныхъ уже колоній:

	Число домовъ.	Число семействъ.	Въ нихъ душъ. Муж.	Жен.	Всего.
а) Въ Херсонской губерніи:					
1) Округъ Буялыкскій.	370	389	1,738	1,640	3,378
2) — Парканскій.	281	293	891	876	1,767
3) Отдѣл. кол. Терновка . . .	103	102	347	371	718
б) Таврической губерніи.					
4) Колоніи: Кишлавъ, Старый Крымъ и Балто-Чокракъ . . .	470	462	1,449	1,268	2,712

в) Въ Бессарабіи.

5) Округъ Прутскій .	1,220	1,462	3,626	3,235	6,881
6) — Кагульскій .	906	1,076	2,778	2,521	5,299
7) — Измаильскій	2,082	2,599	7,922	5,744	12,666
8) — Буджакскій.	2,078	2,598	7,385	5,792	13,177
Всего . .	7,510	8,891	25,136	21,467	46,598

Слѣдовательно приходилось на губернію:

	Домовъ.	Семействъ.	Душъ. Муж.	Жен.	О. П.
1) На Херсонскую .	754	784	2,976	2,887	5,863
2) На Таврическую.	470	472	1,449	1,263	2,712
2) На Бессарабію .	6,256	7,731	20,711	17,315	38,026

Въ составѣ этого народонаселенія, по самому достовѣрному счисленію, сдѣланному тогда самими колонистами, было:

Молдаванъ	до 9,000 о. п. душъ
Грековъ и Арнаутовъ . . .	— 900 —
Русскихъ: казаковъ запорожскихъ, некрасовцевъ и малороссійскихъ выходцевъ	— 4,280 —
	Всего до 14,180 о. п. душъ.

Слѣдовательно, болѣе $^1/_5$ всего народонаселенія въ этихъ колоніяхъ не принадлежало къ болгарскому народу, но пользовалось правами и выгодами, на основаніи вышеприведеннаго указа 29 декабря 1819 года. Теперь, несмотря на первоначальное разнообразіе національностей, все населеніе болгарскихъ колоній представляетъ уже почти совершенно однородное цѣлое, исключая впрочемъ буялыкцевъ.

Приведенное выше населеніе не сразу осѣлось на первоначально занятыхъ земляхъ. Такъ, въ 1820 и послѣдующихъ годахъ, до 100 сем. грековъ перешли въ г. Рени; до 100 сем. мокановъ или трансильванскихъ молдаванъ возвратились въ Австрію; некрасовцы селенія Буджака были переведены въ измаильское градоначальство и т. д.

Этимъ объясняется, что къ 1826 году, въ 60-ти колоніяхъ задунайскихъ переселенцевъ, а именно: въ 17-ти Верхне-Буджакскаго округа; въ 12-ти Измаильскаго; въ 12-ти Нижне-Буджакскаго; въ 10-ти Прутскаго, и въ 9-ти Кагульскаго, насчитывалось не болѣе:

	Семействъ.	Душъ. Муж. пола.	Жен. пола.
Болгаръ.	4,521	12,011	10,864
Молдаванъ	1,294	3,242	2,732
Грековъ	21	48	40
Мало-и Великороссіянъ . . .	21	58	50

Арнаутовъ	119	305	285
Цыганъ	4	11	13
Сербовъ	2	7	4
Некрасовцевъ	21	45	53
Запорожцевъ	43	105	74
Турокъ	1	2	1
Евреевъ	1	2	1
Итого . .	6,048	15,836	14,117

Причиною убыли населенія были еще постигшіе Бессарабію въ 1821, 1822 и 1823 гг. совершенные неуражаи: посѣвы, луговые и степные покосы были уничтожены до тла засухою и саранчею; болѣзни и безкормица «истребили много народу и еще болѣе скота». Одни виноградные сады, поддерживаемые поливою, давали нѣкоторыя средства нашимъ колонистамъ. Это подвинуло ихъ — обратить на виноградное производство особенное вниманіе. Послѣдствія неуражаевъ еще долго были замѣтны въ краѣ, но все же къ 1826 г. задунайскіе переселенцы имѣли въ своемъ распоряженіи: рогатаго скота 49,221, лошадей 14,625, ткачныхъ становъ 1,444 и до 5,000 виноградныхъ садовъ, дававшихъ по среднему выводу до 100,000 ведеръ вина ежегодно. Мѣстное начальство выражало надежду, что производство винограднаго вина, когда «насажденныя и вновь насаждаемыя лозы войдутъ въ силу», увеличится въ 6—7 лѣтъ до милліона ведеръ.

Земли надѣла, какъ и при колонизаціи Новороссіи и Бессарабіи вообще, были передаваемы въ общее пользованіе цѣлаго общества, не разбиваясь на семейные участки; но усадьбы располагались по образцу нѣмецкихъ колонистскихъ водвореній. Старыя селенія постепенно регулировались въ томъ же порядкѣ. Домы поселенцевъ, по недостатку лѣса, большею частью были или плетневые, или изъ дикаго камня, обмазанные глиною; но встрѣчались уже постройки по установленному колонистскому фасаду, особенно въ округахъ Измаильскомъ и Кагуло-Прутскомъ, сосредоточившихъ всю торгово-промышленную дѣятельность цѣлаго водворенія. Въ 33-хъ колоніяхъ, гдѣ населеніе болѣе или менѣе было укомплектовано и обжилось, имѣлись уже 15 деревянныхъ и 18 каменныхъ церквей, съ домами для причта, и собирались капиталы на выстройку въ каждомъ поселеніи домовъ для помѣщенія школы, съ учителемъ, и для сельскаго приказа. Равнымъ образомъ и во всѣхъ остальныхъ колоніяхъ было положено начало къ составленію капиталовъ на постройку церквей, домовъ для причта, приказовъ и приходской школы. Въ двухъ главныхъ колоніяхъ Болградѣ и Комратѣ существовали: двѣ школы, обучавшія по русски чтенію, письму и счету; ярмарки и недѣльные базары, съ корпусами каменныхъ лавокъ, собиравшіе на торги, особенно въ Болградъ, произведенія всей окружности на далекое разстояніе; и общественные сады съ древесными питомниками, изъ которыхъ снабжались разсадою колонисты всего водворенія. Обѣ эти колоніи, но въ особенности Болградъ, были обстроены по преимуществу каменными зданіями изъ жженаго кирпича,

обширныя же площади ихъ уже въ то время отѣнялись бѣлыми тополями, а улицы—акаціями. При всякой колоніи, 3—4 десятины земли были обращены подъ лѣсныя плантаціи, а въ совершенно безлѣсныхъ округахъ существовали, сверхъ сельскихъ, еще плантаціи окружныя: въ 120 дес. для двухъ Нижне—и Верхне-Буджакскихъ округовъ, и въ 402 дес. для Измаильскаго. На всѣхъ этихъ плантаціяхъ были посѣяны и произрастали ясень, дубъ, липа и другія лѣсныя породы.

Изъ изложеннаго и изъ отчетовъ тогдашняго колоніяльнаго начальства видно,что задунайскіе переселенцы къ описываемому нами времеми почти совершенно покинули прежній навыкъ къ бродячей жизни. Особенную похвалу заслуживали поселенцы изъ болгаръ, которые съ полнымъ рвеніемъ предались земледѣлію въ связи съ скотоводствомъ и винодѣліемъ, какъ главной отрасли ихъ хозяйства. Предпочтительно предъ остальными изъ своихъ сообщественниковъ, болгары отличались «спокойствіемъ нрава, честностью въ дѣлахъ и обязательствахъ, непоколебимостью въ вѣрѣ п рачительностью въ хозяйствѣ». Семейный бытъ ихъ имѣлъ патріархальную основу: «старшій въ семьѣ управлялъ домомъ и семействомъ, особенно женскимъ поломъ, въ твердой дисциплинѣ». Мужчины и женщины, носили одежду изъ матерій собственнаго производства. Во внутренности ихъ домовъ не имѣлись ни стулья, ни столы; мебель эта замѣнялась идущими около стѣнъ завалинами до полуаршина вышины, которыя выстилались коврами и подушками домашняго же издѣлія. Въ жилыхъ комнатахъ, въ домѣ и во дворѣ сохранялись чистота и порядокъ.

Съ 1830 по 1834 годъ, во время и послѣ войны съ Турціею, вновь перешло въ наши предѣлы до 7,000 семействъ. Но двухлѣтняя война; моровая язва, проникшая въ Бессарабію и даже въ Одессу; неуражаи 1832—1835 годовъ; ендемическія болѣзни среди людей и падежи на скотъ, эти обыкновенные спутники неуражаевъ,—привели въ то время весь югъ Россіи, и особенно Бессарабію, въ такое критическое положеніе, что прочное устройство массы задунайскихъ переселенцевъ встрѣтило почти непреодолимыя препятствія. Изъ упомянутыхъ 7,000 семействъ только 3,900 успѣли осѣсться и прочно водвориться въ Буджакѣ, остальныя до 3,000 сем. возвратились въ Болгарію. Народонаселеніе бессарабско-болгарскаго водворенія разомъ усилилось на 16,000 об. пола душъ, такъ что къ 1835 году тамъ числилось уже 83 колоніи, и въ нихъ, къ 1837 году, 10,077 семействъ или 57,960 об. пола душъ. Къ тому же, въ 1837 году, въ цѣломъ Новороссійско-Бессарабскомъ болгарскомъ водвореніи состояло 92 колоніи, 11,342 сем. до 66,916 душъ, численность которыхъ къ 1847 г. увеличилось до 13,850 сем., въ 87,864 об. пола души.

Желая представить картину хозяйственнаго состоянія этихъ поселеній, пользуемся статистическимъ очеркомъ г. Скальковскаго за 1846 годъ, основанномъ на актахъ попечительства.

Отъ Болграда, въ Буджакѣ, до Кишлава на Крымскомъ полуостровѣ—будетъ не менѣе 600 верстъ разстоянія. На этомъ пространствѣ — 3 колоніи Таврической, 6 Херсонской губерніи и 83—въ Бессарабіи занимали по надѣлу отъ казны почти 6,188$^1/_2$ квад. верстъ, а именно:

	Десятинъ. Удобныхъ.	Неудобныхъ.	Всего.
Въ губерніи Таврической.	3,171	826	3,997
— — Херсонской	61,901	2,096	63,997
— Бессарабіи.	527,282	57,873	585,156
Всего . .	592,354	60,795	653,150

Такимъ образомъ, считая по достовѣрнымъ колоніальнымъ спискамъ за 1844 годъ—13,828 семействъ, приходилось въ сложности на одну семью — до 48 десятинъ, то-есть надѣлъ весьма достаточный для хлѣбопашца. Но эта пропорція была различна не только по каждой губурніи, но и въ каждомъ округѣ. Такъ приходилось земли на семью:

въ Херсонской губерніи по . . . . . . 57 десятинъ
— Таврической . . . . 17 —
— Бессарабіи . . . . 63 —

Даже въ Бессарабіи, гдѣ было такъ много земли, находились однако же колоніи весьмо малоземельныя; это въ особенности были такъ называемыя Прутскія. Въ колоніи Главанъ (Нижне-Вудж. округа) приходилось 96, въ Комратѣ (Верхне-Буджакскаго окр.) 32, въ Болградѣ (Измаильскаго окр.) едва 27 десятинъ на одно полное хозяйство. Оттого въ Болградѣ, Комратѣ и другихъ колоніяхъ богатые колонисты покупали или нанимали чужія земли, а въ Прутскихъ колоніяхъ, вмѣсто скотоводства, занимались больше винодѣліемъ и садоводстомъ.

Въ 1846 году, Вессарабскіе и другіе болгарскіе колонисты имѣли земли:

купленной въ собственность . . . 12,592 десятннъ
нанятой . . . . 12,216 —
Итого . 24,808 десятинъ.

Для поддержки духовенства, въ каждой колоніи отведенъ особый участокъ церковной земли: въ Бессарабіи и Херсонской губерніи по 120 дес., въ губерніи Таврической — по 33 дес.; что во всѣхъ колоніяхъ составляетъ 10,200 десятинъ.

Кромѣ того, подъ садами, плантаціями и самородными лѣсами, считалось уже до 9,000 десятинъ. Въ томъ числѣ, собственно подъ лѣсомъ:

Въ Вессарабіи:

Въ Верхне-Буджакскомъ округѣ . . . . 38 десятинъ
— Кагуло-Прутскомъ. . . . . 3,357 —

Въ Херсонской губерніи:

Въ Парканахъ . . . . 222 —

Въ Таврической губерніи:

Въ Кишлавѣ . . . . 154 —
— Старомъ-Крыму . . . . 170 —
— Балта-Чокракѣ . . . . 540 —
Итого . . 4,481 десятинъ.

Замѣтимъ еще, что въ одной маленькой колоніи Таврической губерніи, именно въ Балто-Чокракѣ, изъ 733 десятинъ принадлежащей ей земли, едва 193 десятины способны къ хлѣбопашеству; оттого народонаселеніе ея занимается преимущественно разведеніемъ табаку и винодѣліемъ.

На означенномъ пространствѣ 6,188½ верстъ, были расположены, какъ мы сказали, 93 хорошо заселенныхъ колоніи, заключавшія до 13,828 семействъ: а именно:

Въ Бессарабіи	12,485	семействъ
— Херсонской губерніи	1,108	—
— Таврической	235	—
Итого	13,828	семействъ.

Въ нихъ, въ 1846, считалось:

Мужескаго пола	46,335	души
Женскаго пола	41,559	—
Итого	87,894	о. п. души.

Въ томъ числѣ:

Въ Бессарабіи	76,982	душъ
— Херсонской губерніи	9,111	—
— Таврической	1,801	—
Итого	87,894	о. п. души.

Это народонаселеніе распредѣлялось слѣдующимъ образомъ:

Въ округѣ Измаильскомъ	22,751	душъ
— — Кагуло-Прутскомъ	16,232	—
— — Верхне-Буджакскомъ	20,857	—
— — Нижне-Буджакскомъ	17,142	—
— — Буялыкскомъ	4,824	—
— отдѣльныхъ колоніяхъ губер. Херсонской	4,287	—
— трехъ колоніяхъ Таврическихъ	1,801	—
Всего	87,894	о. п. души.

«Разсматривая ближе это трудолюбивое и еще столь недавнее водвореніе, говоритъ г. Скальковскій, статистикъ не можетъ не замѣтить: вопервыхъ — постояннаго, значительнаго приращенія его народонаселенія; во вторыхъ — многолюдства его семействъ. Болгаре страстно любятъ семейное единство, такъ-что нерѣдко три или даже четыре поколѣнія живутъ вмѣстѣ, подъ однимъ кровомъ и руководствомъ старика — главы своего рода». Такимъ образомъ, въ общей служности приходилось по 7 о. п. душъ на семью, въ частности же число это колебалось между 5⅓ и 11½ душъ.

Количество рожденій въ 1848 выражалось слѣдующими цифрами:

Въ колоніяхъ Бессарабскихъ	какъ	1 : 22½	о. п. душъ
— — Херсонскихъ	—	1 : 21	—
— — Таврическихъ	—	1 : 12	—

Смертность въ болгарскихъ колоніяхъ весьма незначительна; а долговѣчность и бодрая старость, явленія самыя обыкновенныя. Въ 1846 году, по оффиціальнымъ вѣдомостямъ, умерло:

Въ колоніяхъ Таврическихъ . .	1 : 82	о. п. душъ
— — Бессарабскихъ	1 : 66	—
— — Херсонскихъ . .	1 : 48	—

т. е. самая благопріятная пропорція достается на долю Таврическихъ, а самая невыгодная на долю Херсонскихъ колоній. «Полагаемъ, говоритъ г, Скальковскій, что тутъ должна быть какая нибудь ошибка, которой разгадать до времени не можемъ» Но мы иного мнѣнія уже потому, что подобная «ошибка» не могла-бы повторяться и до настоящаго времени, какъ это замѣчено нами уже въ началѣ очерка.

Семейная жизнь и вообще семейныя добродѣтели между болгарами свято уважаются; нравственность обоихъ половъ высока. Въ 1846 году всѣхъ браковъ заключено:

Въ колоніяхъ Таврическихъ . .	1:225	об. п. душъ
— — Бессарабскихъ. .	1:122	—
— — Херсонскихъ . .	1: 83	—

«но и тутъ, замѣчаетъ г. Скальковскій, мы полагаемъ, что въ цифрѣ Таврической губерніи есть какая-нибудь несообразность, если не объяснять малое число браковъ, показанныхъ въ 1846 году, обиліемъ ихъ въ предшествовавшихъ годахъ».

Если большая или меньшая смертность населенія зависитъ отъ климатическихъ условій, по преимуществу, а за тѣмъ уже и отъ соціально-экономической обезпеченности, то, напротивъ, послѣдняя вліяетъ главнѣйшимъ образомъ на число браковъ и рожденій. У болгаръ въ Крыму наименьшій процентъ браковъ и смертныхъ случаевъ идетъ рядомъ съ наибольшимъ процентомъ рожденій; а это не можетъ не свидѣтельствовать въ пользу того, что здѣсь семейная жизнь хотя и достигается труднѣе, вслѣдствіе участковыхъ поземельныхъ распорядковъ, но за то она обстановлена лучше и въ общемъ результатѣ ведетъ къ благосостоянію, успѣшному нарожденію населенія, и т. д.

Въ отношеніи долговѣчности, скажемъ только, что въ 1846 году во всѣхъ болгарскихъ колоніяхъ считалось жителей, способныхъ къ работѣ, то-есть въ возрастѣ отъ 14 до 60 и болѣе лѣтъ 42,000; престарѣлыхъ свыше 80 и болѣе лѣтъ — 580 чел.

Въ отношеніи внѣшняго порядка и домостроительства болгарскія колоніи еще далеко отстояли отъ нѣмецкихъ, а тѣмъ болѣе отъ меннонитскихъ молочанскаго братства. Но все же и онѣ къ 1847 году сдѣлали весьма значительные успѣхи на этомъ поприщѣ. Болградъ сдѣлался настоящимъ городомъ и притомъ однимъ изъ лучшихъ въ Бессарабіи. Комратъ и другія колоніи обстроивались съ успѣхомъ; общественныя зданія, особенно храмы Божіи, запасные магазины и училища усердно воздвигались. Съ 1833 по 1845 годъ болгары соорудили 14 каменныхъ но-

выхъ церквей изящной архитектуры: въ Болградѣ двѣ, въ Бановой, Ивановой, Девлетъ-Агачѣ, Долукой, Ташбунарѣ, Курютне, Казаякли, Твардицѣ, Хаджи-Абдуллѣ, Журжулештахъ, Фонтинѣ-Дзинилорѣ и Кайракли. Кромѣ того, значительно были исправлены и украшены церкви въ колоніяхъ: Кубей, Этюліи, Бартѣ, Табакѣ, Бабели и Сатуновѣ. Открыто 79 школъ и выстроено для нихъ 18 каменныхъ домовъ. И всѣ эти зданія построены или отъ частныхъ колонистскихъ жертвъ или изъ мѣстныхъ источниковъ, безъ малѣйшаго пособія отъ казны. Наконецъ, были устроены каменные мосты, большія плотины, десятки фонтановъ и нѣсколько историческихъ памятниковъ. Внутреннее благосостояніе колоній, домашнее устройство и довольство (соотвѣтственно обычаямъ болгарскаго народа) были уже сильно развиты. Кое-гдѣ по колоніямъ находились еще сотни три настоящихъ землянокъ; кое-гдѣ держались еще полуварварскіе восточные обычаи; но въ большей части «Болгарскаго водворенія» виднѣлись каменныя или чамурныя (изъ битой глины) правильныя зданія, хозяйство велось въ изобиліи и порядкѣ; вездѣ мосты, школы, плантаціи, мельницы и, что всего драгоцѣннѣе, водоемы и фонтаны, среди самыхъ безводныхъ степей. Въ доказательство предлагаемъ здѣсь подробное обозрѣніе наружнаго быта или «домостроительства» въ болгарскихъ колоніяхъ.

Всѣ почти 92 колоніи выстроены по планамъ, и только немногія, прежнія Молдавскія селенія, напоминали турецкія времена Буджака. Въ числѣ 92 колоній, 27 были основаны съ 1830 по 1845 годъ.

Между общественными зданіями, посвященными богослуженію, считалось:

церквей	каменныхъ	30
	деревянныхъ	41
	Итого	71
молитвенныхъ домовъ или часовень, въ которыхъ призводилось постоянное богослуженіе:	каменныхъ	5
	деревянныхъ	15
	Итого	20

а всѣхъ храмовъ 91. Изъ нихъ особенно замѣчательны: болградскій трехпрестольный Соборъ во имя Преображенія Господня — по величинѣ и красотѣ архитектуры, и церковь въ колоніи Терновкѣ — потому, что передѣлана изъ турецкой мечети и представляетъ одинъ изъ остатковъ восточной архитектуры, столь рѣдкихъ уже въ Новороссійскомъ краѣ. Затѣмъ, прочихъ общественныхъ сооруженій:

для школъ	45
— священниковъ	96
— чиновниковъ и сельскихъ приказовъ	94
— садовниковъ на общественныхъ плантаціяхъ	4

хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ:	каменныхъ	87
— — —	деревянныхъ	2
— — —	анбаръ	1
мостовъ: каменныхъ		56
— деревянныхъ		62
плотинъ		121
фонтановъ		103
каменныхъ колодцевъ		2,494

Изъ нихъ замѣчательны: 1) плотина, съ мостомъ, на рѣчкѣ Ялпухѣ, близь Болграда, построенная иждивеніемъ колониста *Дмитрія Каназырскаго*. 2) Мосты, построенные на устьяхъ рѣчки Ялпуха колонистами, болградскими: *Иваномъ Камбуромъ* и *Николаемъ Бояджи*, и волканештскимъ *Тодорикомъ-Хаджи-Радовымъ*; 3) мостъ въ колоніи Комратѣ, воздвигнутый усердіемъ колонистовъ: *Іото Чеоргіевымъ* и *Михаиломъ Костевымъ*, и 4) въ колоніи Томай, колонистомъ *Парф. Савинымъ*.

Что-же касается до фонтановъ и вообще искусства проводить и отыскивать прѣсную воду, болгары славятся имъ издревле. Есть много фонтановъ въ два или три ключа, съ каменными украшеніями и бассейнами, построенныхъ частнымъ иждивеніемъ колонистовъ. Таковы фонтаны: въ Болградѣ, въ Фонтина-Дзинилорѣ и др.

Колонистскихъ частныхъ домовъ считалось:

кирпичныхъ	15
каменныхъ и чамурныхъ	5,372
деревянныхъ и плетневыхъ	4,867
Итого	10,154

Сверхъ того, 350 землянокъ. Слѣдовательно, на каждый домъ приходилось почти по $1^1/_2$ семьи; но бываетъ и гораздо больше, ибо если въ иномъ маломъ домикѣ помѣщался одинъ бурлакъ безсемейный, за то въ иномъ дворѣ, свято придерживаясь патріархальной старины, живали 3—4 семьи одного рода, подъ властью дѣда или прадѣда. Гдѣ только мѣстность позволяетъ, домы строились или изъ камня, или изъ глины съ соломою (чамура), ничѣмъ не уступающіе каменнымъ, по своей сухости и теплоемкости; но гдѣ вовсе нѣтъ камня, устроивались обыкновенныя малороссійскія избы изъ плетня и брусьевъ, вымазанныя глиною и тоже весьма прочныя и теплыя. Наконецъ 350 землянокъ, настоящихъ первобытныхъ жилищъ буджакской степи, доказываютъ большую смѣтливость и умѣніе новороссіянина-степняка бороться съ стихіями. Въ четвероугольномъ погребѣ строятъ большую печь, и трубу ея изъ плетня, обмазанную глиною, высоко подымаютъ надъ погребомъ. Сверху ямы ставятся стропилы такимъ образомъ, чтобы составить высокую крышу, въ которой прорѣзываются и окна. Крыша задѣлывается камышемъ, а сверху засыпается землею и замазывается глиною. Такіе дома очень теплы и выдерживаютъ всѣ измѣненія погоды. Иногда, засыпанные снѣжными сугробами, обращаются они въ совершенныя пещеры: тогда, для

очищенія спертаго воздуха, топятъ печь, и теплый дымъ, растопляя снѣгъ, пробиваетъ себѣ въ немъ отверстіе, черезъ которое проходитъ и воздухъ; иначе жители могли бы погибнуть отъ жару и духоты.

Число мельницъ въ колоніяхъ простиралось до 1,398, именно:

водяныхъ	25
вѣтряныхъ о двухъ поставкахъ	30
— объ одномъ поставѣ	1,212
крупичатыхъ	6
земляныхъ	135
Итого . . .	1,408

Для подачи пособія отъ пожаровъ всѣ почти колоніи были снабжены необходимыми огнегасительными инструментами; въ однихъ бессарабскихъ колоніяхъ находилось:

заливныхъ трубъ.	41
бочекъ	199
крюковъ желѣзныхъ.	294
вилъ.	139
лѣстницъ	84

Изъ сообщеннаго выше легко убѣдиться, что задунайскіе переселенцы должны были заниматься, и въ самомъ дѣлѣ занимались всѣми отраслями сельскаго хозяйства.. Обширныя тучныя и плодородныя степи ждали только рукъ усердныхъ и трудолюбивыхъ, чтобы произвесть то огромное количество хлѣба и кормить тѣ безчисленныя стада, которыми славится Буджакъ почти столько же, какъ п бывшія ногайскія степи Таврической губерніи. Хотя болгары особенно привержены къ хлѣбопашеству и огородничеству, но въ обычаяхъ своего хозяйства они сохраняютъ, съ одной стороны, перенятую отъ буджакскихъ ногайцевъ, бывшихъ сосѣдей своихъ, страсть къ скотоводству, въ первоначальной его простотѣ; съ другой—систему полеводства и хлѣбопашества, изученную между турками и греками въ при-балканскихъ земляхъ. Оттого они предпочитаютъ разведеніе волошскихъ овецъ и простого скота улучшеннымъ породамъ; оттого сѣютъ преимущественно яровые хлѣба и питаются кашицею изъ кукурузы и похлѣбкою, называемою у нихъ «чорба». Вообще, четыре отрасли сельскаго хозяйства развиты преимущественно въ ихъ колоніяхъ: 1) хлѣбопашество, 2) скотоводство во всѣхъ его отрасляхъ, 3) винодѣліе и 4) огородничество. Вотъ свѣдѣнія, сообщаемыя г. Скальковскимъ о состояніи каждой изъ нихъ.

Во всѣхъ почти болгарскихъ колоніяхъ южной Россіи хлѣбопашество производится въ огромныхъ размѣрахъ; въ нѣкоторыхъ только, по причинѣ географическаго ихъ положенія и малоземельныхъ участковъ, уже въ 1846 г. занимались имъ сравнительно менѣе, нежели другими отраслями сельскаго хозяйства. Такъ въ Прутскихъ колоніяхъ Бессарабской области—винодѣліе и садоводство, въ Крымской колоніи Балто-Чокракѣ—

табачныя плантаціи, въ Парканахъ отчасти шелководство, составляли важную основу хозяйства и промышленности. Но это небольшія только исключенія; общая масса колонистовъ были преимущественно хлѣбопашцы и скотоводы.

Въ числѣ предметовъ хлѣбопашества, главное зерно, воздѣлываемое болгарами, есть пшеница, и было время, когда рожь и озимая пшеница, гречиха и картофель не засѣвались вовсе на колонисткихъ земляхъ Буджака. Въ 1833 году, заднѣстровскими болгарами не было высѣяно и 100 четвертей озимой ржи, а въ 1844 году количество ея посѣвовъ дошло уже до 5,750 четвертей. Картофель тоже сѣяли въ колоніяхъ нѣкоторые только малороссіяне, а къ 1847 г. уже всѣ воздѣлывали его огромными полянами, засѣвая иногда въ количествѣ отъ 700 до 800 четвертей въ годъ.

Другой предметъ посѣва, особенно любимый болгарами, а теперь и весьма важный въ торговомъ отношеніи, это кукуруза, древнее зерно Буджака, которымъ славился онъ и въ турецкія времена. Съ 1830 по 1847 годъ посѣвъ кукурузы удвоился, доходя до 3,000 четвертей; причемъ обработывалась она столь хорошо и разумно, что полныхъ неурожаевъ, какъ въ 1833 году, а тѣмъ болѣе такихъ, какіе случались у татаръ и молдаванъ, теперь ужъ не бываетъ. Въ 1846 году посѣяно было кукурузы до 2,800, родилось 12,000 четвертей.

Пшеница *арнаутка* есть главное и основное зерно болгарскаго хлѣбопашества. Ея сѣютъ вездѣ несравненно болѣе чѣмъ озимей; одна только колонія Старый-Крымъ, въ Ѳеодоссійскомъ уѣздѣ, уже и въ то время составляла исключеніе: тамъ озимыхъ посѣвовъ было почти втрое больше чѣмъ яровыхъ. Всѣ почти турецко-подданные, сдѣлавшіеся русскими поселянами, немедленно по окончаніи жатвы, тотчасъ же приступаютъ къ обмолкѣ ужина, и никогда почти не оставляютъ хлѣба въ скирдахъ. Молотьба занимаетъ весь августъ и часть сентября, такъ что безъ особаго оффиціальнаго, такъ сказать, принужденія, никто не оставляетъ своего «гармана» (молотильни), для того, чтобы вспахивать и засѣвать землю, хотя теперь всѣ колонисты—и нѣмцы, и болгары, и греки—видятъ явную пользу отъ осенняго приготовленія своей нивы, даже для весенняго посѣва. Другая причина предпочтенія весенней пшеницы озимому зерну заключается въ свойствѣ мѣстной почвы и климата. Почва Новороссіи, состоящая бо́льшею частію изъ отличнаго чернозема, плотнаго и жирнаго, но съ глинистою, а весьма часто и каменистою подпочвою, требуетъ сильнаго орошенія, чтобы производить то богатое количество плодовъ, къ которому она способна. Но жаркій и сухой климатъ, часто безснѣжье зимою и сильные вѣтры въ мартѣ и апрѣлѣ бываютъ причиною, что все истребляеся отъ засухи, и только то можетъ спастись отъ конечнаго истребленія, что или рано и впору обработано, или, засѣянное весеннимъ хлѣбомъ, могло хотя немного воспользоваться увлаженною снѣгами почвою. Не имѣя возможности впору заготовить осенней нивы, колонисты охотно ввѣряютъ свое зерно весенней, къ чему способствуетъ и самый хлѣбъ — арнаутка, выдерживающая безъ вреда

сухость и сильные жары. Вотъ сравнительная таблица посѣва и урожая того и другого хлѣба, во всѣхъ 92 болгарскихъ колоніяхъ:

Въ 1845—46 году было посѣяно:

озимаго	9,799½	четвертей
яроваго	94,775	—
Итого. . .	104,574½	—

Въ 1846 году собрано:

озимаго	68,593	—
яроваго	568,650	—
Итого. . .	637,243	—

А вотъ подробности о посѣвѣ каждаго рода хлѣба порознь. Въ 1845—1846 году было посѣяно во всѣхъ описываемыхъ колоніяхъ:

Озимаго хлѣба:	пшеницы	846	четвертей
—	ржи	9,175	—
Яроваго:	ржи	18	—
—	арнаутки	65,010	—
—	ячменя	19,870	—
—	овса	6,082	—
—	проса	1,954	—
—	кукурузы	1,582½	—
—	чечевицы	322½	—
—	фасоли	218	—
—	гороху	67	—
—	картофеля	408	—
—	конопли	154	—
—	льну	356	—
	Итого. . .	104,574	четвертей.

Въ однихъ бессарабскихъ колоніяхъ посѣвъ этотъ равнялся:

въ 1833 году.	35,142	четвертямъ
— 1840 —	62,750	—
— 1844 —	55,425	—
— 1846 —	89,519	—

Взявъ за мѣру всего итога отъ хлѣбопашества упомянутую выше цифру 637,243 четверти разнаго хлѣба, по сравненію ея съ болгарскимъ народонаселеніемъ въ Новороссіи, выдетъ на всякую душу, безъ различія пола и возраста, по 7 слишкомъ четвертей, то-есть: отъ количества, нужнаго на посѣвъ, продовольствіе и запасъ, можно еще отдѣлить ежегодно на продажу до 260,000 четвертей разнаго хлѣба.

Для полноты нашихъ указаній замѣтимъ еще, что въ теченіе 1846 г. накошено было сѣна:

въ Буджакскихъ колоніяхъ . . .	771,822	пуд.
— Херсонскихъ и Таврическихъ до	293,000	—
Итого . .	1.064,822	пуд.

то-есть: тремя или четырьмя милліонами пудовъ менѣе противъ обыкновенной пропорціи, по случаю неурожая травъ. Впрочемъ, въ новороссійскихъ степяхъ овцы и лошади ходятъ 4/5 года на пастбищѣ, не нуждаясь въ сухомъ кормѣ.

Въ бессарабско-болгарскихъ колоніяхъ до 1833 года, то-есть до вступленія въ должность попечителя надворн. совѣтника М. Г. Буткова, существовали многіе молдавскіе и турецкіе сельскіе обычаи, много вредившіе хлѣбопашеству; а именно:

1) Запродажа на корнѣ будущаго урожая, когда еще нельзя было судить о немъ окончательно, и слѣдовательно по низкимъ цѣнамъ. Легко судить о возникавшихъ отсюда безконечныхъ спорахъ и затрудненіяхъ. При хорошемъ урожаѣ жаловались хозяева, при дурномъ—закупатели.

2) Продажа отъ имени общества десятой доли «дижмы» (decima—десятина) всего урожая хлѣбовъ и сѣна. Раздѣлъ выручки на колоніи, или даже на одну только общину, повергалъ колонистовъ въ ужасныя распри и затруднялъ управленіе.

3) Мѣра хлѣба на «демерліи» и счетъ его на «кило»[1])—мѣры турецкія, измѣняющіяся по областямъ, такъ что крымское кило не равно константинопольскому или смирнскому, а эти послѣднія далеки отъ молдавскихъ мѣръ, слѣдовательно и отъ болгарской. Оттого, при всякой покупкѣ, если національность мѣры или вѣса ясно не была обозначена на бумагѣ или при свидѣтеляхъ, что̀ у болгаръ бывало не рѣдко, всегда кто нибудь, или купецъ, или продавецъ, то-есть колонистъ, бывалъ обманутъ. Бутковъ, оставаясь въ должности попечителя до исхода 1844 года, употребилъ всѣ усилія, воспользовался всѣмъ уваженіемъ, которое заслужилъ у болгаръ, чтобы постепенно измѣнить столь вредные обычаи, и успѣлъ въ томъ совершенно. Запродажа урожая и дижмы были отмѣнены; вмѣсто кило стали считать хлѣбъ на четверти или на пуды, и оттого сельская торговля выиграла весьма много.

Самая система хозяйства болгаръ, по ихъ простотѣ, и еще болѣе по привычкѣ къ старымъ обычаямъ родины, находилась вообще еще въ младенчествѣ; она не выдерживала сравненія даже съ малороссійскою. Но понемногу вводились въ это дѣло нѣкоторыя улучшенія, заимствованныя отъ нѣмецкихъ колонистовъ и особенно меннонитовъ, и примѣръ хорошихъ хозяевъ—*Каназырскаго*, *Койче*, *Камбура* и другихъ — указалъ всю ихъ пользу; но кромѣ введенія озимыхъ посѣвовъ, успѣшно идущихъ, болгары и до сего времени мало еще воспользовались улучшеннымъ хлѣбопашествомъ, хотя число рабочаго скота и земледѣльческихъ орудій велико, какъ можно судить по слѣдующимъ цифрамъ. Въ 1847 году во всѣхъ новороссійскихъ и бессарабскихъ болгарскихъ колоніяхъ, считалось:

---

[1]) 7/8 константинопольскихъ кило равняется одной нашей четверти.

плуговъ	7,043
боронъ	8,818
телегъ.	17,633

Это, по приблизительному разчисленію, требовало:

более 28,000 паръ воловъ на плуги,

— 8,700 — — или 17,000 лошадей на бороны;

что составитъ более 36,000 паръ воловъ, или же приблизительно до 20,000 лошадей въ работу для одного хлебопашества. Но скотоводство вообще далеко переходило за эти пределы.

Мы уже сказали, что огромныя пространства степи, покрытыя тучными травами, и возможность водопоя, были причиною, что болгары, вообще любящіе скотоводство, развили эту промышленность до большихъ размеровъ и начали даже улучшать ее съ большимъ успехомъ. Впрочемъ, действительное улучшеніе породъ скота и овецъ началось только съ 1838—1841 годовъ, когда попечительствомъ приняты были меры къ умноженію испанскихъ и цигайскихъ овецъ, вместо простыхъ, и къ покупке хорошихъ бугаевъ венгерской породы и кровныхъ жеребцовъ.

Вотъ несколько верныхъ цифръ о состояніи скотоводства и овцеводства въ болгарскихъ колоніяхъ. Въ 1846 году считалось въ нихъ:

рогатаго скота		746,168	головъ
лошадей		33,776	—
овецъ испанскихъ		13,578	—
— цигайскихъ		542,144	—
— простыхъ		97,550	—
буйволовъ		60	—
ословъ		812	—
свиней	до	15,800	—

Въ числе рогатаго скота имелись уже 62 бугая первостепенной венгерской породы, изъ которыхъ 45 принадлежали болгарскому колонисту *Дмитрію Каназырскому*. Въ числе же лошадей были 8 отличныхъ кровныхъ жеребцовъ.

Но какъ ни прибыльна и ни верна эта часть общественной промышленности болгаръ, скотъ ихъ, подобно другимъ степнымъ стадамъ, подверженъ частымъ и почти внезапнымъ эпидеміямъ и падежамъ, иногда весьма раззорительнымъ для хозяйства. Таковъ былъ падежъ 1845 года (когда Новороссія и Бессарабія лишились $^3/_4$ своего рогатаго скота), нанесшій безчисленныя потери ихъ хозяйству и торговле скотомъ. Падежъ 1846 года, хотя не былъ столь силенъ, но также нанесъ достоянію колоній значительные убытки. Въ этомъ году, во всехъ колоніяхъ бессарабскихъ, херсонскихъ и таврическихъ пало:

лошадей	2,019	головъ
рогатаго скота.	49,409	—
овецъ	38,743	—
ословъ	34	—

Просторъ и плодородіе, равно какъ и разнокачественность почвы, дали возможность новороссійскимъ болгарамъ развить всѣ отрасли своего сельскаго хозяйства. Почти всѣ они, кромѣ хлѣбопашества и скотоводства, занимаются еще огородничествомъ, садоводствомъ, винодѣліемъ и шелководствомъ. Вотъ нѣсколько цифръ и свѣдѣній о каждой изъ этихъ отраслей хозяйства.

Огородничествомъ, которое такъ любятъ болгары, занимаются они не только для собственнаго потребленія, но и на продажу. Капуста, огурцы, фасоль и большая часть другихъ овощей, производимыхъ въ настоящее время, вошли во всеобщее употребленіе не ранѣе исхода двадцатыхъ годовъ. Около этого времени на всемъ пространствѣ отъ Буга до Одессы нельзя было пайти ни кочня капусты, ни боченка соленыхъ огурцовъ, не говоря уже о плодахъ болѣе нѣжныхъ, каковы: помедоры, баклажаны, земляныя груши и т. п. Хозяйки весьма часто приготовляли свой борщъ или щи изъ уксусу или яблоковъ, если только кислыхъ яблоковъ можно еще было достать. На базарахъ Одессы, хорошій картофель, зеленые бобы и фасоль, были столь же рѣдки, какъ теперь фазаны или земляника. Болгары, а частію и нѣмцы, были главными основателями на югѣ огородничества, и доселѣ болѣе всѣхъ другихъ поддерживаютъ его въ хорошемъ видѣ. Они первые завели въ краѣ поливальныя машины, и указали средства и мѣстности для заведенія хорошихъ огородовъ и «баштановъ».

«Осмотрѣвъ на мѣстѣ и не разъ, свидѣтельствуетъ г. Скальковскій, многія болгарскія колоніи, уединенные кишлы (хутора) и бахчи (баштаны) какъ въ Буджакѣ, такъ и въ херсонскихъ степяхъ, можемъ смѣло поручиться за справедливость слѣдующихъ оффиціальныхъ цифръ о нѣкоторыхъ вѣтвяхъ болгарскаго огородничества».

Въ 1846 году въ болгарскихъ колоніяхъ было посѣяно:

картофеля	493	четвертей
кукурузы.	2,800	—
чечевицы	313	—
гороху	97	—
фасоли	220	—
конопли и льну	673	—

Но это только въ колоніяхъ, кромѣ посѣяннаго на землѣ собственной или наемной, по кишламъ и баштанамъ, о чемъ свѣдѣній не имѣется. Равнымъ образомъ нѣтъ возможности опредѣлить огромное количество капусты, огурцевъ, арбузовъ и другихъ разводимыхъ овощей. Замѣтимъ однако, что въ бессарабско-болгарскомъ водвореніи сбытъ ихъ простирается иногда до 30,000 руб. сер. въ годъ.

Къ числу огородныхъ растеній, должно нѣкоторымъ образомъ причислить и разведеніе табаку. Этимъ промысломъ въ большихъ размѣрахъ занимается одна только колонія Балто-Чокракъ, въ Ѳеодоссійскомъ уѣздѣ Таврической губерніи. Здѣсь, въ 1846 году, продано было мѣстнаго табаку болѣе 350 пудовъ, по 3 р. 20 к. сер. за пудъ, то есть всего слишкомъ на 800 руб. сер.

Вкусъ и охота къ садоводству сильно развиты у болгаръ, воздѣлывавшихъ и въ своемъ отечествѣ, за Дунаемъ, прекрасные сады, оливковыя плантаціи и виноградники. Но отъ нихъ нельзя было ожидать особенныхъ улучшеній уже вслѣдствіе низкаго уровня ихъ развитія. Впрочемъ, глядя на искуство въ выборѣ почвы, солнечнаго ея освѣщенія, защиты отъ вьюгъ, и на смѣтливость въ отысканіи ключевой воды и проведеніи отъ нея фантановъ, слѣдовало ожидать, что, при хорошемъ руководствѣ и благопріятныхъ обстоятельствахъ, сады болгаръ достигнутъ обширности, высокой степени красоты и пользы. Около 1864 г., они были болѣе хозяйственныя заведенія, нежели сады въ собственномъ смыслѣ. Лучшіе образчики болгаро-молдавскихъ садовъ можно было видѣть въ Кагуло-Прутскомъ округѣ; въ колоніяхъ, прилегающихъ къ Пруту, гдѣ гористая и способная къ садоводству или винодѣлію почва, при достаткѣ прѣсной воды, дала возможность развить садоводство не только съ пользою, но и со вкусомъ: вся дорога между этими колоніями представляетъ рядъ безпрерывныхъ садовъ, нѣчто въ родѣ дороги между дачами южнаго берега Крыма. По округамъ Измаильскому и Буджакскому садоводство развито въ меньшихъ размѣрахъ, чѣмъ на Прутѣ, и имѣетъ совсѣмъ другой характеръ, болѣе соотвѣтственный степной ихъ мѣстности.

Кромѣ частной охоты къ садоводству, и самое начальство колоній старалось, какъ уже замѣчено, разводить общественные сады и плантаціи, чтобы примѣромъ поощрить эту часть хозяйства между болгарами. Нѣкоторые общественные сады, напримѣръ: въ Болградѣ, Хаджи-Абдуллѣ и другихъ колоніяхъ, уже къ 1846 году достигли замѣчательнаго развитія.

Вотъ нѣсколько оффиціальныхъ данныхъ о состояніи къ 1847 году садоводства въ болгарскихъ колоніяхъ. Тамъ состояло:

садовъ общественныхъ	4
— частныхъ (при домахъ и отдѣльно) .	5,372

Нѣкоторые изъ нихъ были соединены съ виноградниками, или съ тутовыми плантаціями. Въ общественныхъ садахъ имѣлись:

деревьевъ лѣсныхъ	103,919
— фруктовыхъ	35,994
Всего. . .	139,913

Изъ того числа болѣе половины были посажены только въ 1846 и началѣ 1847 года. Въ колонистскихъ частныхъ садахъ:

деревьевъ дикихъ	661,358
— фруктовыхъ	713,000
Всего. . .	1.374,358

Изъ фруктовыхъ деревьевъ, по указанію самихъ хозяевъ, болѣе 500,000 штукъ приносили уже плоды.

Лѣсоводствомъ въ частности, ни по охотѣ, ни по данному усердными колонистами примѣру, болгары не занимались, и всѣ лѣсныя плантаціи въ ихъ колоніяхъ разведены или самимъ начальствомъ, или же, по его внушенію, только нѣкоторыми богатыми хозяевами. Но такихъ ревнителей лѣсоводства мало, и всѣ вообще лѣсныя плантаціи должно считать, такъ сказать, оффиціальными разсадниками. Въ 1847 году, основанныхъ и более или менѣе цвѣтущихъ плантацій считалось 19, на пространствѣ 5,600 десятинъ, съ 500,000 деревъ, но болѣе сѣянцевъ.

Гораздо важнѣйшую отрасль садоваго хозяйства составляетъ винодѣліе, особенно въ бессарабскихъ колоніяхъ: тамъ оно развито до высокой степени и приноситъ тѣмъ бо̀льшія выгоды, что, на основаніи вышеприведенныхъ привилегій, колоніи освобождены отъ откуповъ, пьютъ и продаютъ только свое мѣстное виноградное вино. Тѣмъ не менѣе винодѣліе еще крайне далеко отъ тѣхъ размѣровъ, о которыхъ пророчествовало попечительство въ 1825 году. Виноградныя лозы бо̀льшею частію бессарабскія, то есть аккерманскія и молдавскія; но много пересажено крымскихъ, турецкихъ и французскихъ. Въ бессарабскихъ колоніяхъ заведены даже общественные виноградные сады, довольно значительные, гдѣ лозы бо̀льшею частію хорошаго качества; но качествомъ вина, ни тѣ, ни другія похвалиться еще не могутъ. Въ 1847 году, общественныхъ виноградниковъ было — 4: земли подъ ними находилось $5^1/_2$ десятинъ; лозъ на нихъ было посажено 30,436. Частныхъ виноградниковъ у колонистовъ въ томъ же 1847 году считалось—7,032; земли подъ ними болѣе 11,000 десятинъ; лозъ на нихъ 6.042,000, но въ числѣ виноградниковъ показаны здѣсь и 254 сада Буялыкскаго округа (Херсонской губерніи), гдѣ виноградники находятся вмѣстѣ съ фруктовыми садами. Вина было выдѣлано, *по оффиціальнымъ показаніямъ*, только 21,456 ведеръ, и продано изъ того количества не болѣе 10,000 ведеръ, цѣною отъ 60 коп. до 1 р. сер. за ведро. Остальное пошло для собственнаго употребленія. Но это количество слишкомъ ничтожно; ибо невѣроятно, чтобы $4^1/_2$ милліона лозъ въ бессарабскихъ колоніяхъ дали только 11,000 ведеръ вина, даже при дурномъ урожаѣ, каковъ былъ въ 1846 году, когда въ 1840 году, при гораздо меньшемъ числѣ виноградниковъ и посредственномъ урожаѣ, вина было выдѣлано, по оффиціальнымъ же свѣдѣніямъ, до 25,000 ведеръ. Къ тому же и для 13,000 слишкомъ семействъ этого количества было бы недостаточно не только на годовую, но и на трехмѣсячную пропорцію. Оттого, зная нелюбовь болгаръ ко всякому оффиціальному контролю ихъ хозяйства, полагать можно, что во всѣхъ колоніяхъ выдѣлано было вина не менѣе 40,000 или 50,000 ведеръ. Въ подтвержденіе такого разсчета можно привесть три колоніи буялыкскаго округа, гдѣ изъ 1.116,000 лозъ выдѣлано въ томъ же неурожайномъ 1846 году 5,410 ведеръ, причемъ до 200,000 лозъ были еще безъ плодовъ.

Выдѣлываемое вино самаго простого свойства, и исготовляется иногда даже безъ помощи прессовъ, въ чанахъ, среди виноградниковъ, гдѣ выдавливаютъ его ногами, и немедленно, посредствомъ крановъ, спускаютъ въ бочки. Сосуды отъ хлѣбнаго вина считаются самыми лучшими для

зарожденія хорошаго винограднаго вина, а потому они-то и употребляются для этой цѣли.

Шелководство болгарскихъ колоній, не смотря на ихъ происхожденіе изъ турецкихъ областей, гдѣ шелковица любимое дерево, еще въ совершенномъ младенчествѣ, а въ Парканахъ, извѣстныхъ нѣкогда своими тутовыми плантаціями, даже въ упадкѣ. Въ этой послѣдней, въ 1808 году, была тутовая роща въ 678 десятинъ и производились шелководство и шелкомотанье, хотя въ грубомъ видѣ, доставляя торговлѣ до 20 пудовъ сырца ежегодно; теперь же, при всемъ усиліи начальства поддержать тутовыя плантаціи, здѣсь насчитывается едва 33,000 деревьевъ и собирается всего въ годъ до 3 пудовъ шелку.

Правильное шелководство усиливается у меннонитовъ и нѣмцевъ-колонистовъ рука объ руку съ лѣсоразведеніемъ. По болгарскимъ же колоніямъ къ 1846 году было не болѣе 4-хъ правильныхъ плантацій (въ Бессарабіи) и въ нихъ посажено 4,200 деревъ; при домахъ и садахъ колонистовъ находилось тутовыхъ деревьевъ:

въ бессарабскихъ колоніяхъ.	216,440
— херсонскихъ и таврическихъ	37,000
Всего. . . .	253,440

Изъ этого числа болѣе 23,000 деревьевъ были посажены въ 1846 г.

Шелкомотаньемъ занимались до 1,000 душъ и выдѣлывалось шелку-сырца до 15 пудовъ 12 фунтовъ, цѣною, среднимъ числомъ, по 3 р. 15 к. сер. за фунтъ, а всего на 1,927 руб. въ годъ.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о важной нѣкогда въ новороссійскихъ степяхъ промышленности: о «пчеловодствѣ», теперь вообще ничтожномъ по причинѣ неохоты хозяевъ и частыхъ засухъ, отъ которыхъ цвѣты и травы слишкомъ рано засыхаютъ и не даютъ возможности пропитать заведенные пчельники. Несмотря на то, у болгаръ насчитывалось въ 1846 г., еще до 4,000 ульевъ, съ которыхъ было получено: меду—301 пудъ, воску — до 200 пудовъ; что̀, считая кругомъ по 13 р. сер. за пудъ того и другого, составляло до 3,600 р. сер. ежегоднаго дохода для колоній.

Говоря о торговлѣ болгарскихъ колонистовъ, г. Скальковскій замѣчаетъ, что «въ сущности каждый колонистъ есть торговецъ; ибо онъ не довольствуется упроченіемъ своего только продовольствія, а старается производить иногда вдесятеро и даже во сто разъ больше хлѣба, сѣна, овощей, вина, нежели ему нужно, и разводитъ и кормитъ скотъ для продажи на базарахъ, ярмаркахъ и въ большихъ торговыхъ городахъ, каковы: Одесса, Измаилъ, или Бѣльцы. Оттого многіе колонисты, кромѣ своего казеннаго участка, нанимаютъ земли у сосѣднихъ помѣщиковъ или поселянъ, даже покупаютъ оныя въ собственность». Но кромѣ такой, такъ сказать сельской торговли, многіе болгарскіе колонисты занимаются настоящею, постоянною торговлею, будучи записаны въ гильдію. Такъ въ колоніи Болградѣ, въ 1846 г., были записаны въ гильдію 13 коло-

нистовъ, въ Комратѣ — 12 и въ Слободзеѣ — 1. Кромѣ того, торгующихъ безъ записки въ гильдію насчитывалось 435 человѣкъ. Въ другихъ колоніяхъ болгарскихъ, не было записанныхъ въ купечество, но торговали по свидѣтельствамъ:

Въ Большомъ-Буялыкѣ	11	хозяевъ
— Маломъ-Буялыкѣ	5	—
— Кубанкѣ.	6	—
— Старомъ-Крыму	1	—

Многіе колонисты имѣли свои лавки при домахъ: такихъ въ Бессарабскихъ колоніяхъ считались 223, да въ Буялыкскомъ округѣ — 1.

Болгары-колонисты, записанные въ гильдіи, производятъ торговлю отчасти и мануфактурными товарами, которые они выписываютъ изъ Константинополя, ѣздя туда сами, или получая ихъ оттуда чрезъ своихъ соотечественниковъ, въ Одессѣ. Также имѣютъ они связи и съ русскими торговцами на ярмаркахъ, преимущественно Харьковскихъ и Одесской. Но самые главные и капитальные предметы ихъ торговли суть: 1) рогатый скотъ, собираемый большими гуртами и отправляемый для продажи въ Бѣльцы (Ясскаго уѣзда Бессарабской области), или для прогона въ Австрію, чрезъ сухопутную границу; 2) закупка и продажа зерноваго хлѣба, въ особенности пшеницы арнаутки, ржи, льнянаго сѣмени и кукурузы, для заграничной торговли, непосредственно чрезъ Одесскихъ или Измаильскихъ купцовъ; 3) закупка кожъ воловьихъ и овечьихъ, овечьяго сыру и т. д., что̀ все отправляютъ они за границу, болѣе всего въ Константинополь. Нѣкоторые изъ богатыхъ болгарскихъ купцовъ въ 1846 году завели прямыя торговыя сношенія съ Требизонтомъ.

Болгарскими колонистами, въ 1846 году, было продано:

лошадей	1,357	головъ
рогатаго скота	4,957	—
овецъ разныхъ породъ . . .	37,978	—
овечьей шерсти: испанской до .	500	пудовъ
— — цигайской. . . .	58,800	—
— — простой	10,000	—
масла коровьяго до	400	—
сыру коровьяго.	700	—
— овечьяго	4,950	—
сала говяжьяго	649	—
— бараньяго	14,500	—
шкуръ сухихъ невыдѣланныхъ:		
бараньихъ съ шерстью. .	38,660	—
лошадиныхъ	900	—
воловьихъ	3,200	—
коровьихъ	3,850	—

На какую сумму простиралась эта оптовая только торговля, сказать трудно; но взявъ во вниманіе одну гильдейскую повинность и

другія издержки, несомыя купцами и лавочниками, и сравнивъ ихъ съ цѣнностію нѣкоторыхъ товаровъ, г. Скальковскій опредѣляетъ ее свыше 300,000 руб. сер. Присоединивъ же къ этому продажу пшеницы, ржи, кукурузы и льна, которыхъ было продано въ 1846 году до 61,000 четвертей, на сумму 184,000 руб. сер., и положивъ сбытъ капусты, овощей, шолку и пр. въ 50,000 руб. сер., можно смѣло считать ежегодный оборотъ болгарскихъ колонистовъ въ 600,000 руб. сер.

Для мелкой и посреднической торговли, болгары, до отграниченія части водворенія къ Молдавіи, имѣли по своимъ колоніямъ много «базаровъ», на которыхъ шли покупка и продажа товаровъ и сельскихъ произведеній. Главнѣйшіе базары были въ то время, какъ и теперь, въ Болградѣ, Комратѣ, Слободзеѣ, Маломъ-Буялыкѣ и другихъ.

Фабричная промышленность почти не существуетъ въ колоніяхъ болгарскихъ. Есть заведенія полотняныя, суконныя, маслобойныя; но, по существу ихъ производства и слабости употребляемыхъ на то капиталовъ, должно причислить ихъ скорѣе къ заведеніямъ ремесленнымъ. Въ 1846 году считалось у болгаръ:

красилень	12
сукновалень	11
самопрядокъ (особенно шерсти)	423
заводовъ кирпичныхъ	5
— черепичныхъ	6
— мыльныхъ	2
— свѣчныхъ	13
— горшечныхъ	1
маслабоень	1
салотопень	2

Кромѣ того: 1) частныхъ ткацкихъ станковъ для выдѣлки «суровыхъ», то-есть грубыхъ суконъ, употребляемыхъ самими колонистами — 5,562; на нихъ выдѣлывалось сукна до 485,881 аршина; 2) станковъ ткацкихъ для выдѣлки полотна—5,600; на нихъ производилось полотна до 408,378 аршинъ. Но здѣсь поименованы не всѣ заведенія этого рода; ибо въ нѣкоторыхъ херсонскихъ колоніяхъ, напримѣръ, имѣются по возможности всѣ рукодѣлія, но въ такомъ маломъ видѣ, что совершенно ускользаютъ отъ статистики.

Относительно ремесленности въ 83 бессарабскихъ и одной таврической (кишлавской) колоніи, въ 1846 году, считалось всѣхъ мастеровыхъ 7,963 человѣка. Въ томъ числѣ:

ткачихъ, то-есть женщинъ, занимавшихся выдѣлкою полотна	6,604
портныхъ	384
сапожниковъ	186
красильщиковъ	33
бондарей	184
серебрянниковъ	13

мѣдниковъ	11
кузнецовъ	64
кожевниковъ	178
плотниковъ	182
каменьщиковъ	82
черепичниковъ	5
ружейниковъ	2
лудильщиковъ	5
иконописецъ	1
кирпичниковъ (въ кирпичныхъ заведеніяхъ)	6
горшечниковъ	9
фонтанныхъ мастеровъ	14
Итого	7,963 человѣка.

Если положить хотя 300 ремесленниковъ на тѣ колоніи, которыя имъ особаго счету не ведутъ, нуждаясь однакожъ ежедневно въ обуви, платьѣ, кузнечной, плотнической и другой работѣ, зачѣмъ едва ли всегда отправляются въ Одессу, Херсонъ и Симферополь, то полное число ремесленниковъ къ 1847 году должно было составлять не менѣе 8,100 человѣкъ обоего пола. Но изъ этого числа едва-ли 800, и ужъ никакъ не болѣе 900, постоянно занимались одними ремеслами; остальные же при ремеслѣ вели и земледѣльческое хозяйство. Между первыми особенное вниманіе обращали на себя серебрянники, а послѣ нихъ—фонтанные и горшечные мастерства.

Благодаря стараніямъ начальства, во всѣхъ почти болгарскихъ колоніяхъ къ 1847 году были учреждены училища для мальчиковъ; женскій же полъ или вовсе не учился грамотѣ, или весьма мало; только въ одномъ Болградѣ, и то почти принудительно, была заведена небольшая женская школа. Вообще во всѣхъ 92-хъ колоніяхъ, въ 1846 году, считалось учебныхъ заведеній:

училище землемѣрское	1
мужскихъ школъ	88
женская школа	1
Всего	90

Въ нихъ:

учителей и наставниковъ	89
наставницъ	1
Итого	90

учащихся мужескаго пола	3,166
— женскаго —	20
Всего	3,186

Учили дѣтей вообще русской грамотѣ (то-есть чтенію и письму), закону божію и ариѳметикѣ. Что касается до землемѣрскаго училища, то оно

было учреждено, по волѣ министра государственныхъ имуществъ въ 1842 году, въ Болградѣ, съ цѣлью обученія колонистскихъ дѣтей практическому межеванію и архитектурѣ, преимущественно сельской. Въ немъ были одинъ учитель, землемѣръ и восемь учениковъ, которые дѣлали значительные успѣхи и употребляются для рисованія и черченія плановъ, обмежеванія земель и т. д. Кромѣ того, изъ учениковъ этого же училища иные опредѣлялись въ учителя по сельскимъ школамъ, а нѣкоторые писарями и въ другія должности по внутреннему управленію болгарскими колоніями.

Въ дополненіе къ настоящему обзору болгарскихъ водвореній за 1846 г., мы считаемъ необходимымъ присовокупить нѣсколько ближайшихъ свѣдѣній о двухъ главнѣйшихъ колоніяхъ: Болградѣ и Комратѣ. Въ Болградѣ концентрировалась мѣстная торгово-промышленная жизнь чистыхъ болгаръ, занявшихъ преимущественно округи Кагуло-Прутскій и Измаильскій; напротивъ, Комратъ является представителемъ болгаръ-кагаузовъ, преобладающихъ въ двухъ буджакскихъ округахъ.

Болградъ, состоя въ нашихъ предѣлахъ, принадлежалъ къ числу лучшихъ городовъ Бессарабской области, какъ по своимъ постройкамъ и садамъ, такъ еще болѣе по климату, торговлѣ, хозяйству, промышленности и сельскому богатству жителей. Въ немъ двѣ великолѣпныя церкви; одна изъ нихъ трехъ-престольная, каменная, во имя Преображенія; это былъ лучшій храмъ во всемъ Новороссійскомъ краѣ; онъ такъ великъ, что одесскій или кишиневскій соборы легко могутъ помѣститься внутри его. Этотъ храмъ замѣчателенъ еще тѣмъ, что воздвигнутъ «отъ жертвъ всего болгарскаго народа, въ Буджакъ переселившагося, на славу Божію и въ память безцѣнныхъ правъ и милостей, дарованныхъ колонистамъ Россійскими Монархами». Обѣтъ этотъ болгары дали еще въ 1820 г., имѣя уже до 20,000 руб. сер., собранныхъ на это сооруженіе изъ разныхъ мѣстныхъ источниковъ; но самой постройки они не рѣшались начать, опасаясь, по случаю тяжкихъ неурожаевъ, недостатка въ средствахъ на такое капитальное сооруженіе. Наконецъ, въ іюнѣ 1833 года, до 10,000 чел. колонистовъ-болгаръ собрались въ Болградѣ для основанія храма. Кагульскаго округа болгары и молдаване принялись за работу первые; въ теченіе 12 дней 500 чел. постоянно рыли фундаментъ, имъ помогали другіе; до 100 куб. саженей бутоваго камня, тоже пожертвованнаго, было положено туда же, и наконецъ 23 числа того же мѣсяца, въ присутствіи генерала Инзова, мѣсто для церкви и самая закладка были освящены. Постройка продолжалась пять лѣтъ, и 16-го октября 1838 г., церковь эта, въ присутствіи армянскаго архіепископа, впослѣдствіи патріарха Нерсеса, ген. Инзова, многихъ почетныхъ гостей изъ Кишинева, Измаила и Рени, депутатовъ отъ всего болгарскаго водворенія и массы жителей, была освящена архіепископомъ Кишиневскимъ и Хотинскимъ Дмитріемъ. Торжество, праздники, угощеніе и игры,—столь любимыя болгарами, продолжались, по обычаю, цѣлыхъ 4 дня. Въ алтарѣ новаго собора хранится и пергаментный актъ, выданный отъ министерства внутреннихъ дѣлъ 12 марта 1820 года, о личныхъ и земскихъ правахъ

задунайскихъ переселенцевъ. Другая церковь, на кладбищѣ, изящной архитектуры, вмѣщаетъ останки генерала И. Н. Инзова. Къ примѣчательностямъ Болграда слѣдуетъ отнести еще его памятники, фонтаны и сады. На одномъ изъ этихъ памятниковъ, близь кладбища, находятся слѣдующія надписи: а) вверху: «Государь Императоръ Всероссійскій Николай I, въ присутствіи посланниковъ иностранныхъ державъ, съ сего пункта изволилъ дѣлать смотръ Всероссійскимъ войскамъ, шедшимъ за рѣку Дунай 21 мая 1828 года»; б) внизу: «Сооруженъ иждивеніемъ Болградскаго колониста Ангела Николаева Сарабѣева, въ 1838 году». Въ одномъ общественномъ саду Болграда четыре фонтана, а въ самой колоніи ихъ тоже нѣсколько. Сады на нѣсколько верстъ стелются по берегу озера Ялпуха и по балкѣ Мынзѣ, и представляютъ среди окрестной «Гетской пустыни» самое отрадное зрѣлище. Винодѣліемъ и садоводствомъ занимаются почти всѣ хозяева; шелководствомъ весьма многіе: женщины мотаютъ и продаютъ шелкъ. Но Болградъ особенно важенъ по своимъ ремесламъ и торговлѣ; здѣсь имѣются отличныя горшечныя заведенія, искусные серебрянники, мѣдники, оружейники и пр. На горшечномъ заводѣ, близь почтовой станціи, выдѣлывается множество трубъ для фонтановъ. До отграниченія къ Молдавіи считалось въ колоніи до 18 купеческихъ капиталовъ; лавокъ весьма много, и кромѣ внутренней торговли, жители усердно занимались и заграничнымъ торгомъ. Базары, то есть еженедѣльные торги, были весьма значительны. Здѣсь, въ 1846 г., имѣлись, какъ сказано, училище для практическихъ мѣрщиковъ и землемѣровъ; почтовая станція и почтовое отдѣленіе. Домовъ въ Болградѣ было въ то время 943, въ томъ числѣ 395 каменныхъ и изъ нихъ многіе легкой восточной архитектуры, съ портиками и балконами; жителей: болгаръ—6,033, молдаванъ—765, грековъ—160, малороссіянъ—54 души; всего же 1,068 семействъ, состоявшихъ изъ 7,012 о. п. душъ. Колонія, по происхожденію своихъ жителей, дѣлилась на общины: *Ямбольскую*, *Славянскую* и другія, названныя такъ по городамъ, откуда обыватели первоначально переселились въ Россію. Земли колоніи принадлежало 22,521 десятина, большею частью по озеру и рѣчкѣ Ялпуху; она изобиловала между прочимъ строевымъ камнемъ.

Комратъ, прекрасная и многолюдная колонія, прежде второй, а по отграниченіи Болграда, уже главнѣйшій центръ цѣлаго водворенія. Расположенная на рѣчкѣ Ялпухѣ, въ центрѣ Верхне-Буджакскаго округа, колонія эта уже и въ 1846 году отличалась своею промышленною и торговою дѣятельностью, еженедѣльными базарами, садоводствомъ, винодѣліемъ, шелководствомъ и лѣсными насажденіями. Нынѣ въ ней до 6 тыс. жителей и болѣе 600 домовъ.

Вотъ, въ главныхъ чертахъ, тѣ результаты хозяйственно-бытового развитія, которые были достигнуты въ поселеніяхъ нашихъ задунайскихъ переселенцевъ къ 1847 году. Въ послѣдующее время патріархально-восточные порядки и обычаи населенія подверглись конечно значительнымъ видоизмѣненіямъ, хотя преимущественно только въ прилегающихъ къ Пруту и Дунаю колоніяхъ, въ которыхъ сосредоточились главнѣйшие

импульсы мѣстной торгово-промышленной жизни. Здѣсь же прежнія мазанки замѣнялись постепенно обширными, по плану и фасаду, постройками изъ дикаго камня, или кирпича; частные и общественные сады и плантаціи развились, расширялись болѣе и болѣе, образовавъ мѣстами сплошные плодовые сады, лѣсныя рощи и аллеи. Но успѣхи эти мало замѣтны въ сѣверо-восточной, чисто земледѣльческой части болгарскаго Буджака, о которой можно сказать не многимъ больше, чѣмъ было высказано въ 1846 году.

Впрочемъ, въ настоящее время и здѣсь, на центральной площади каждой колоніи красуются болѣе или менѣе обширная церковь, домы причта, школы и приказа; народное продовольствіе и обсѣмененіе полей вполнѣ обезпечены необходимыми общественными хлѣбными запасами и продовольственнымъ капиталомъ, (въ маѣ 1866 года — 68,004 руб.). Наконецъ соотвѣтственные размѣры приняли вообще частное и общественное благосостояніе населенія.

IV.

Въ 1818 г., по случаю усиленнаго и къ тому же неожиданнаго наплыва въ Бессарабію и Новороссію, сверхъ задунайскихъ, множества нѣмецкихъ переселенцевъ изъ Виртемберга, прирейнскихъ земель и царства Польскаго, были учреждены три *«опекунскія конторы»*—екатеринославская, одесская и бессарабская; послѣдняя помѣщалась въ Кишиневѣ. Высшимъ центромъ главнаго мѣстнаго управленія былъ *попечительный комитетъ*, въ Екатеринославѣ, съ генералъ-лейтенантомъ И. Н. Инзовомъ, въ званіи главнаго попечителя, во главѣ. По возложеніи на послѣдняго и должности полномочнаго намѣстника Бессарабіи, попечительный комитетъ былъ также переведенъ въ Кишиневъ, а отсюда, по оставленіи главнымъ попечителемъ намѣстничества и по упраздненіи опекунскихъ конторъ, комитетъ перешолъ въ 1831 г. въ Одессу, гдѣ и остается до сего времени.

Заботливое, лично-непосредственное объ успѣхахъ колонизаціи попеченіе со стороны генерала Инзова—увѣковѣчило добрую память объ немъ во всѣхъ колоніяхъ, но преимущественно въ болгарскихъ. Здѣсь во многихъ домахъ, на самомъ видномъ мѣстѣ парадной комнаты, красуется портретъ любимаго «отца и благодѣтеля Инзова». Это обстоятельство и существованіе въ Кишиневѣ двухъ, относительно весьма обширныхъ управленій, конторы и комитета, доказываютъ, что попечительство дѣйствовало въ Буджакѣ съ особенною настоятельностью. Къ этому призывала болѣе или менѣе и надобность.

Но это попечительство было проникнуто искреннею заботою о благѣ населенія и *потому* не тяготило его; напротивъ, оно вызывало самую искреннюю благодарность опекаемыхъ, вполнѣ сочувственнымъ образомъ выразившихъ эту благодарность послѣ смерти своего главнаго попечителя.

Разбитый параличемъ и страдая старческими недугами, генералъ Ин-

зовъ около 1842 года отправился въ Воронежъ искать утѣшенія у мощей Святителя Митрофана. Общество бессарабско-болгарскаго водворенія, не разсчитывая на долговѣчность своего «отца и благодѣтеля», простилось съ нимъ чрезъ своихъ старшинъ и вслѣдъ за тѣмъ приступило на болградскомъ кладбищѣ къ сооруженію во имя Св. Митрофана новаго храма, который былъ оконченъ и освященъ въ 1844 году. Предчуствіе не обмануло народъ: въ слѣдующемъ году генералъ Инзовъ отошелъ въ вѣчность, а его любимымъ болгаро-колонистамъ, по настоятельному ходатайству ихъ, было разрѣшено перевезти останки усопшаго изъ Одессы въ Болградъ и схоронить въ означенномъ храмѣ. На прекрасномъ памятникѣ изъ мрамора, воздвигнутомъ надъ прахомъ покойнаго, вырѣзана слѣдующая надпись:

«Здѣсь покоится прахъ раба Божія
ІОГАНА НИКИТИЧА ИНЗОВА
генерала-отъ-инфантеріи, главнаго попечителя
и предсѣдателя попечительнаго комитета
объ иностранныхъ поселенцахъ
южнаго края Россіи.
Родился 23 декабря 1777 года;
Скончался въ Одессѣ 27 Мая 1845 года».

«Онъ далъ поселенцамъ новую жизнь въ новомъ ихъ отечествѣ. Благодарные болгарскіе колонисты пожелали перенести въ нѣдра своего поселенія виновника ихъ благоденствія, для сохраненія имени его въ памяти народной. По Высочайшему соизволенію, усердіемъ и иждивеніемъ болгарскихъ колонистовъ, бренные останки генерала И. Н. Инзова перевезены изъ Одессы и преданы землѣ въ церкви во имя Святителя Митрофана, въ колоніи Болградѣ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1846 года».

Если-бы у насъ, на Руси, встрѣчалось побольше подобныхъ памятниковъ, то едва-ли бы «попечительство» сдѣлалось такимъ пугаломъ, какимъ оно является въ наше время, и русское общество сознало-бы, что зло обыкновенно не въ попечительныхъ учрежденіяхъ, и еще менѣе въ попечительныхъ законахъ, а въ личностяхъ самихъ попечителей, въ ихъ произволѣ и неуваженіи къ нуждамъ, чаянію и правамъ опекаемыхъ.

Но возвратимся къ нашему предмету. Въ отношеніи грамотности и общественной зрѣлости, бессарабскіе болгаро-колонисты, не смотря на свое хозяйственное благосостояніе, не на многое опередили единоплеменныхъ имъ поселенцевъ въ Херсонской губерніи. Выше мы видѣли, что въ 1826 г., при 33-хъ церквахъ на 60 колоній имѣлись всего только двѣ школы. Слѣдовательно, потребность въ образованіи была слаба, особенно въ сравненіи съ нѣмецкими колонистами, у которыхъ устройство школы предшествуетъ возведенію церкви. По закону, болгарскія колоніи, въ отношеніи общественнаго самоуправленія, имѣли съ нѣмецкими колонистами всегда одни и тѣ же права и устройство. Однако, теорія и практика едва ли когда и гдѣ либо совпадаютъ вполнѣ. Какъ

меннониты въ дѣлахъ общественнаго самоуправленія постоянно пользовались преимуществомъ предъ остальными нѣмецкими колонистами, точно въ такой же степени послѣдніе превосходили въ этомъ отношеніи болгаръ. Оно впрочемъ не только понятно, но и естественно. Заботливое и во многихъ случаяхъ весьма разумное вмѣшательство со стороны попечительства во внутреннее общественное самоуправленіе поселянъ вызывалось тѣмъ шире и настоятелянѣе, чѣмъ малограмотнѣе и неразвитѣе являлось населеніе, и чѣмъ неблагонадежнѣе, вслѣдствіе общей малограмотности, было выборное начальство его. Въ нѣмецкихъ колоніяхъ хлѣбные запасы, школы, сельское управленіе, церкви, страхованіе, ссудосберегательныя кассы и т. д. устроивались обыкновенно самими обществами, безъ понужденій. Во многихъ случаяхъ свѣдѣніе о подобныхъ предпріятіяхъ доходило и доходитъ до главнаго мѣстнаго начальства только въ то время, когда всѣ средства собраны, подготовительныя работы кончены и, для упроченія осуществившагося уже предпріятія, остается только испросить окончательную гарантію закона или администраціи. Напротивъ, у задунайскихъ переселенцевъ инициатива во всѣхъ подобныхъ дѣлахъ исходила почти всегда не отъ самихъ обществъ, а отъ попечительства. Такъ напр., въ 1826 г. существовали, какъ мы видѣли, въ бессарабско-болгарскихъ колоніяхъ только двѣ школы, 33 церкви, ни одного приказнаго дома и т. д.; но повсюду мѣста для этихъ учрежденій и построекъ были уже указаны по планамъ, а за тѣмъ попечительство не переставало, конечно, настаивать и на приведеніи проектовъ въ исполненіе, сообразуясь со средствами поселянъ. Но и при такихъ условіяхъ, населеніе закономъ было гарантировано отъ самоуправства попечительства тѣмъ, что дѣлаемыя ему послѣднимъ предложенія, или настоянія, на сколько они сопряжены были съ матеріальными пожертвованіями для обществъ, не могли быть приводимы въ исполненіе безъ особаго общественнаго приговора. Слѣдовательно, чтобъ заручиться этимъ приговоромъ—попечительству приходилось предварительно входить въ соглашенія съ поселянами и дѣйствовать на нихъ путемъ убѣжденія, а не власти. Такимъ образомъ, и малограмотные задунайскіе переселенцы постепенно начинали разумно понимать свои общественные интересы и права. Если же они и до сего времени нуждаются въ попечительствѣ, то развѣ за тѣмъ только, чтобы контролировать выборное начальство, для чего большинство населенія, вслѣдствіе той же малограмотности, а еще болѣе природной неподвижности, еще мало способно. Вотъ почему по упраздненіи въ 1830 г. опекунскихъ конторъ съ сосредоточіемъ управленія въ Одессѣ, въ попечительномъ комитетѣ, — для мѣстнаго правительственнаго надзора въ нѣмецкихъ колоніяхъ оказывались совершенно достаточными одни смотрители колоній, тогда какъ для бессарабско-болгарскаго водворенія—было учреждено особое «управленіе задунайскими переселенцами», нѣчто въ родѣ сокращенной конторы опекунства.

Не взирая ни на постоянно возраставшее матеріальное благосостояніе, ни на настоянія попечительства, ни наконецъ па Высочайшее указаніе, что «нравственное и духовное воспитаніе доджно идти на ряду съ веще-

ственнымъ благосостоянiемъ всякаго народа», школьное образованiе шло у задунайскихъ переселенцевъ туго, какъ въ началѣ водворенiя, такъ и въ послѣдующее время. Только къ 1840 г. школы были заведены во всѣхъ колонiяхъ. Но влiянiе и результаты этихъ школъ были крайне ничтожны. «Первое—писалъ въ 1863 г. одинъ болгаринъ-патрiотъ—что такъ рѣзко бросается въ глаза при взглядѣ на нашихъ болгаръ-колонистовъ—это изумительный недостатокъ между ними грамотныхъ. Это немалочисленное населенiе, которому, при его правахъ и матерiальныхъ средствахъ, не трудно было бы стать на степень гораздо лучшую и даже превзойти задунайскихъ своихъ собратовъ въ отношенiи образованiя, располагаетъ въ настоящее время очень ограниченнымъ числомъ людей, которыхъ можно назвать грамотными. По этому, всѣ должности учителей въ колонiальныхъ училищахъ и писарей въ мѣстныхъ управленiяхъ этого водворенiя, за небольшимъ исключенiемъ, замѣщаются лицами другихъ званiй, незнакомыми ни съ характеромъ, ни съ языкомъ болгаръ. Что же касается до другихъ выборныхъ должностей, то всѣ онѣ замѣщаются колонистами, у большинства которыхъ, вмѣсто подписи, служитъ печать. Невѣжество и неразвитость нашихъ русскихъ болгаръ обнаруживали свою силу, дѣлая иногда безуспѣшными даже самыя дѣятельныя усилiя мѣстнаго управленiя объ улучшенiи ихъ быта». Главными причинами такого малаго успѣха сельскихъ школъ всегда признавались безучастiе къ школьному образованiю самаго населенiя, но главнѣе всего, совершенный недостатокъ въ способныхъ учителяхъ, которые, зная хорошо нравы и языкъ болгаръ, съумѣли-бы возбудить въ нихъ охоту и потребность ученiя. Для устраненiя этого существеннаго неудобства, въ 1855 г. было предположено учредить высшее болгаро-колонисткое училище, изъ котораго выходили-бы между прочимъ и колонисты-наставники для сельскихъ школъ. Проекты училищныхъ положенiя и штата находились на разсмотрѣнiи высшаго правительства, а въ кол. Болградѣ, гдѣ предполагалось помѣстить училище, были уже построены необходимыя для него зданiя. Послѣдняя война съ Турцiею имѣла послѣдствiемъ между прочимъ и то, что вслѣдъ за окончанiемъ ея, въ Болградѣ открылась, вмѣсто училища, гимназiя, но только не у насъ, а въ Молдавiи, такъ что наши колонисты снова остались не при чемъ.

Новая пограничная черта, установленная парижскимъ мирнымъ трактатомъ 1856 года, отрѣзала къ Молдавiи безъ малаго половину нашихъ бессарабско-болгарскихъ колонiй, и при томъ лучшую часть ихъ, съ торгово-промышленнымъ и административнымъ центромъ всего водворенiя—колонiею Болградъ. Цѣлое водворенiе задунайскихъ переселенцевъ состояло къ 1856 г. изъ прежнихъ 83 колонiй, съ населенiемъ уже въ 44,143 муж. пола души 9-й ревизiи. Къ Молдавiи отошли 40 колонiй съ 22,365 душами, а именно въ полномъ составѣ: округи Кагульскiй и Прутскiй, а частями—Измаильскiй и Нижне-Буджакскiй, т. е. вся мѣстность, прилегающая къ Пруту и Дунаю, съ озерами Ялпухомъ, Кагурлуемъ, Кабуломъ, Катлабугомъ, Китаемъ, Дерветомъ и др., съ пристанями и главнѣйшими базарами.

Обстоятельство это, какъ и вообще послѣдствія войны, тяжело легли на оставшуюся на нашей сторонѣ часть болгарскаго водворенія. Хотя по числу населенія и въ территоріальномъ отношеніи—эти колоніи составляютъ, какъ сказано, половину прежняго цѣлаго водворенія, но, въ смыслѣ торгово-промышленномъ и интеллигентномъ, корпусъ и душа этого края отошли къ Молдавіи, у насъ же остались одни ампутированные члены, безъ жизненнаго центра. Уступка Болграда, съ его пристанью и водянымъ путемъ къ Дунаю, составляла, какъ извѣстно, предметъ довольно продолжительнаго спора нашихъ представителей съ представителями западныхъ державъ какъ на мѣстѣ, въ коммисіи, установлявшей новую границу, такъ и на парижской конференціи. Но требованія мира были сильнѣе всякихъ иныхъ соображеній и, скрѣпя сердце, мы согласились на эту уступку. «Въ хлѣбопашествѣ», писали въ 1865 году сами поселенцы, «по случаю увеличившагося народонаселенія, является у насъ недостатокъ, такъ какъ, вмѣсто 30-ти, приходится только до 25-ти десятинъ на каждое семейство. Скотоводство и овцеводство въ упадкѣ вслѣдствіе бывшихъ эпидемій и плохого урожая на травы. Торговая промышленность наша съ тѣхъ поръ, какъ часть нашихъ колоній отошла заграницу и сообщеніе прекращено, равнымъ образомъ пала. Колонисты лишены возможности сбывать свои хозяйственныя произведенія на прежнихъ, отграниченныхъ рынкахъ; особенно хлѣбъ, этотъ главный источникъ колонистскаго благосостоянія, мы, за неимѣніемъ у себя пристаней, вынуждены продавать за низкую цѣну коммисіонерамъ, пріѣзжающимъ сюда изъ Молдавіи. Съ другой стороны, весь строительный матеріалъ и прочія принадлежности хозяйства и домашняго обихода, которыми мы запасались на пристаняхъ и рынкахъ отграниченной части нашего водворенія,—теперь для насъ недоступны. Что же касается до духовной стороны нашихъ колонистовъ, то въ этомъ отношеніи они все еще находятся въ весьма неудовлетворительномъ состояніи, за исключеніемъ развѣ однихъ старшинъ и ихъ помощниковъ. Только въ недавнее время общественныя школы приняли болѣе серьозное направленіе и стали пріобрѣтать сочувствіе массы поселянъ, нынѣ болѣе прежняго, посылающихъ дѣтей въ школы». Ходатайство это оканчивается просьбою объ учрежденіи высшаго центральнаго училища въ одной изъ оставшихся на нашей сторонѣ колоній; объ открытіи тамъ же «банка» или ссудо-сберегательной кассы; о скорѣйшемъ устройствѣ, взамѣнъ Болграда, новаго торгово-промышленнаго центра и т. д.

На всѣ эти предметы колоніальное начальство и само уже обратило вниманіе. И если предположенія его еще не были осуществлены, то потому только, что приходилось почти заново организовать мѣстное управленіе; регулировать нарушенное землевладѣніе разныхъ обществъ; устроить значительное число греческихъ, сербскихъ и болгарскихъ *волонтеровъ*, а также военноплѣнныхъ и дезертировъ, которые, приписываясь къ бессарабско-болгарскому водворенію, по выраженію одного мѣстнаго дѣятеля, составляютъ «отраву водворенія». Наконецъ, пришлось усиленно заняться водвореніемъ въ Бессарабіи, но по преимуществу въ Тавричес-

кой губерніи, массы переселенцевъ, приходившихъ въ 1861—1863 годахъ изъ Турціи и отграниченной къ Молдавіи части Бессарабіи.

Новая граница съ Молдавіею оставила на нашей сторонѣ:

	колоній	по 9 й ревизіи сем.	по 9 й ревизіи м. п. душъ	надѣла и запасныхъ
Весь Верхне-Буджакскій округъ .	19	2,603	10,511	130,005 дес.
Бо́льшую часть Нижне-Буджакскаго	19	1,777	7,633	117,542 —
Меньшую часть Измаильскаго . .	5	746	3,634	54,779 —
Итого	43	5,126	21,778	302,528 дес.

Для водворенія, въ настоящемъ его составѣ, не было, казалось, надобности сохранять въ прежнемъ размѣрѣ «управленіе задунайскими переселенцами». Возникъ даже вопросъ: не удобнѣе ли вообще передать остатокъ болгарскаго водворенія въ вѣдѣніе мѣстной палаты государственныхъ имуществъ, въ завѣдываніи которой оставалось тоже не болѣе 28 тысячъ душъ крестьянъ?

Однако, мысль эта была оставлена, и вотъ почему. «Вѣсть о благосостояніи нашихъ бессарабско-болгарскихъ колоній—отзывалось, въ іюлѣ 1857 года, компетентное въ дѣлѣ лице — конечно дошла и до соплеменниковъ этихъ выходцевъ въ славянскихъ земляхъ, съ коими наши колонисты до сего времени поддерживаютъ родственныя отношенія и духовную связь. Она укоренила самое выгодное мнѣніе о положеніи Болгаръ въ Россіи и управленіи ими. Связь эту всѣми мѣрами нужно стараться укрѣпить, особенно теперь, когда, къ сожалѣнію, отошла отъ насъ къ Молдавіи половина столь полезнаго водворенія. Правительство обѣщало всѣмъ тѣмъ, которые пожелаютъ вновь перейти на нашу сторону, разныя льготы и пособія, деньгами и землею. До сихъ поръ перечислено въ оставшіяся у насъ колоніи лишь нѣсколько семействъ; но это потому только, что трудно вдругъ разстаться съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ родился, взросъ и обзавелся прочнымъ хозяйствомъ, и потому еще, что по мирному трактату дано на переходъ три года срока. Тѣмъ не менѣе, дѣйствія молдавскаго правительства, ни мало не соображающагося съ тѣми основаніями и съ тѣмъ порядкомъ управленія, которые существовали донынѣ для отошедшихъ болгарскихъ колонистовъ, довели послѣднихъ до того, что многіе въ значительномъ числѣ душъ, особенно изъ колонистовъ Болграда—самой вліятельной изъ всѣхъ, стали уже обращаться въ Россію съ вопросами о землѣ, которая можетъ быть имъ указана, и о средствахъ къ переселенію. Именно въ такой моментъ передавать оставшихся у насъ болгарскихъ колонистовъ изъ завѣдыванія колоніальнаго управленія, къ которому они привыкли и которымъ довольны, въ распоряженіе палаты государственныхъ имуществъ было бы не совсѣмъ ловко, не потому, что палата окажетъ имъ менѣе попеченія и заботъ, чѣмъ нынѣшнее управленіе, но потому, что самое населеніе взглянетъ на это съ невыгодной стороны и дастъ всему дѣлу невыгодное истолкованіе. Въ Россіи болгары нашли себѣ пріютъ и покровительство. Льготы и пре-

имущества, дарованныя имъ, и подчиненіе ихъ одному особому управленію, завѣдывающему всѣмъ привилегированнымъ сословіемъ сельскихъ обывателей на югѣ Россіи, внушили имъ полное довѣріе къ правительству и привязанность къ новому отечеству. Передача болгарскихъ колонистовъ палатѣ, которая имѣетъ въ своемъ распоряженіи казенныхъ крестьянъ, подлежащихъ воинскому постою и повинностямъ, отъ которыхъ колонисты освобождены, тотчасъ же породитъ въ послѣднихъ мысль, что хотя на первыхъ порахъ и сохраняютъ еще для нихъ прежній порядокъ, но что ведутъ ихъ къ тому, чтобы современемъ подчинить общему устройству, существующему для государственныхъ крестьянъ. Въ особенности не легко будетъ искоренить у нихъ мысль о рекрутствѣ, чего они всего болѣе боятся, тѣмъ болѣе, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ они уже были встревожены неосторожнымъ предположеніемъ генералъ-губернатора Федорова объ обращеніи бессарабскихъ болгаръ въ казачье войско. При такомъ особенномъ положеніи болгарскаго народа едва ли въ настоящее время удобно будетъ измѣнять въ чемъ бы то ни было порядокъ управленія, ибо всякое измѣненіе можетъ быть превратно истолковано и повести къ противодѣйствію общимъ видамъ правительства на этотъ народъ. Почти навѣрное можно предсказать, что самымъ ближайшимъ и очевиднымъ послѣдствіемъ будетъ то, что не только намъ не удастся привлечь на свою сторону отошедшихъ къ Молдавіи болгарскихъ колонистовъ, но даже станутъ мало-по-малу покидать насъ и тѣ, которые остались еще въ нашихъ предѣлахъ».

Вѣрность этихъ соображеній не замедлила подтвердиться вполнѣ, къ счастью не у насъ, а въ Молдавіи; и вотъ почему измѣненіе въ управленіи бессарабско-болгарскими колоніями ограничилось только тѣмъ, что, вмѣсто прежняго «управленія», было учреждено, въ 1858 г., въ меньшемъ объемѣ «попечительство».

Бессарабско-Болгарское водвореніе было распредѣлено на два округа: Верхне-Буджакскій, въ который вошли 149,314 дес. земли, 2,941 сем. и 12,051 муж. пола душа и Нижне-Буджакскій — съ 158,882 дес. 2,185 сем. 9,727 муж. пола душъ 9-й ревизіи. Но впослѣдствіи, оставшаяся у насъ часть Измаильскаго округа снова образовала третій округъ, подъ прежнимъ названіемъ.

Мѣстомъ пребыванія попечительства была назначена колонія Комратъ, «впредь до окончательнаго разъясненія вопроса: о направленіи новаго тракта и о мѣстѣ учрежденія главнаго въ краѣ почтоваго отдѣленія».

Въ числѣ 158,882 дес. Нижне-Буджакскаго округа заключаются земли, оставшіяся на нашей сторонѣ отъ колоній, отрѣзанныхъ къ Молдавіи; именно:

отъ Болграда и Табака	14,448	дес.	1,325	саж.
— Конгаза	4,085	—	1,409	—
— Фонтина-Дзинилора	2,971	—	1,079	—
Итого . . .	21,535	—	1,494	—

Изъ числа этой земли, оставшіяся отъ двухъ послѣднихъ колоній 7,057

дес., вмѣстѣ съ дробными при разныхъ колоніяхъ участками запасныхъ земель, въ количествѣ 21,710 дес., предназначены, какъ объяснимъ ниже, для вознагражденія пяти нашихъ колоній, изъ дачь которыхъ отрѣзано къ Молдавіи 8,295 дес., и вообще для регулированія землевладѣнія всего водворенія. Остальныя 14,448 дес. распредѣлены слѣдующимъ образомъ: а) 3,360 дес., между рѣчками Ялпухомъ и Сарлыкомъ, отданы въ надѣлъ 66 семьямъ болградскихъ и табакскихъ колонистовъ, которые, проживая здѣсь издавна хуторомъ, образовали нынѣ колонію *Караклію*; б) 6,847 дес., между рѣчками Сарлыкомъ и Катлабугомъ, отошли въ надѣлъ проживающимъ здѣсь, также съ давняго времени особыми хуторами, выходцамъ тѣхъ же колоній, въ числѣ 138 семействъ; они образовали колонію *Кальчеву*; и в) остатокъ — 4,241 дес. предназначенъ подъ устройство новой торгово-ремесленной колоніи «Болгаріи». Послѣдній участокъ, занимая крайній юго-западный уголъ Бессарабіи у Нижне-Троянова вала, представляетъ всѣ условія для «цвѣтущаго пограничнаго города», который со временемъ можетъ замѣнить нашему болгарскому водворенію отграниченный Болградъ.

Проектъ устройства колоніи Болгаріи представленъ на утвержденіе правительства. Сюда предполагалось перевести кубейскіе карантинъ и таможню, попечительство о бессарабско-болгарскихъ колоніяхъ, и вновь учреждаемое центральное училище, приготовительный классъ котораго временно открытъ уже въ колоніи Комратѣ.

Тѣмъ временемъ, къ кореннымъ нашимъ бессарабско-болгарскимъ колоніямъ, начиная съ 1856 г., приселено: а) греческихъ, сербскихъ и болгарскихъ волонтеровъ, военноплѣнныхъ и дезертировъ — 204 чел., и б) турецкихъ выходцевъ и переселенцевъ изъ отшедшихъ къ Молдавіи колоній — 40 чел. Для полнаго же уравненія въ надѣлѣ всего водворенія, безъ ломки коренныхъ межъ и въ видахъ вознагражденія обществъ, дачи коихъ обрѣзаны новой границею, въ началѣ 1867 г., было поручено мѣстному начальству: 1) доходы отъ отдачи въ оброчное содержаніе состоящихъ при бессарабско-болгарскомъ водвореніи земель: запасныхъ 21,710 дес., и свободныхъ 7,057 дес., за вычетомъ изъ доходовъ слѣдующаго въ казну оброка, отчислять, съ 1 Января 1867 г., въ особый капиталъ, подъ названіемъ: «общественный переселенческій капиталъ Бессарабско-Болгарскихъ колонистовъ»; 2) по изслѣдованіи мѣстныхъ условій означенныхъ земель и по предварительномъ о семъ соглашеніи съ повѣренными отъ всѣхъ обществъ бессарабско-болгарскаго водворенія, разбить тѣ земли, тамъ, гдѣ это окажется удобнымъ, на отдѣльные участки подъ устройство новыхъ колоній; въ отношеніи же остающихся за тѣмъ участковъ, негодныхъ для особыхъ поселеній, опредѣлить—къ какой именно изъ коренныхъ колоній таковые участки должны будутъ отойти по мѣрѣ приписки къ нимъ переселенцевъ; 3) опредѣлить: сколько душъ, какое изъ коренныхъ обществъ, вправѣ выпустить изъ своей среды, или во вновь образуемыя поселенія, или для приписки къ тѣмъ обществамъ, къ которымъ должны отходить запасныя земли; при чемъ, въ основаніе разсчета, принять 10-ти десятинный на душу надѣлъ, каковымъ должны

быть довольствуемы переселенцы; 4) поставивъ о положеніи дѣла въ извѣстность всѣ общества бессарабско-болгарскихъ колоній, пригласить тѣ, изъ которыхъ будетъ предстоять выселеніе, опредѣлить пособіе, какое каждое изъ нихъ обязывается выдать своимъ выселенцамъ; и 5) по соглашенію же съ повѣренными отъ обществъ, опредѣлить ближайшимъ образомъ: а) порядокъ и условія водворенія переселенцевъ на участкахъ, имѣющихъ образовать особыя колоніи; и б) размѣръ и условія выдачи переселенцамъ пособій изъ упомянутаго общественнаго капитала.

Взаимное отъ огня застрахованіе строеній, а также кассы: ссудная и сберегательная — попечительствомъ давно уже введены въ бессарабско-болгарскомъ водвореніи; но, дѣйствуя болѣе или менѣе на основаніи правилъ, примѣненныхъ къ страховому и кассовымъ положеніямъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ, эти учрежденія здѣсь, какъ и у крестьянъ, оказались менѣе удовлетворительными, нежели страхованіе и обороты кассъ нѣмецкихъ колонистскихъ округовъ. Съ 1868 года взаимное отъ огня застрахованіе и у болгаро колонистовъ преобразовано на основаніи общаго для южныхъ колоній положенія.

Съ утвержденіемъ общаго положенія для колонистскихъ волостныхъ банковъ предполагается также преобразовать и существующія въ бессарабско-болгарскомъ водвореніи кассы: ссудную и сберегательную, годичные обороты которыхъ, не смотря на около пятнадцати-лѣтнее существованіе, достигаютъ здѣсь едва 20,000 тысячъ рублей. Въ этотъ банкъ между прочимъ поступятъ капиталы:

	въ маѣ 1866 г.
а) оброчный съ мірскихъ статей.	170,808 р. 71½ —
б) богоугодный, составляющійся изъ сбора съ колонистовъ, отлучающихся по паспортамъ	24,226 — 35 —
% наросшихъ на оба капитала	3,046 — 89 —
в) капиталъ центральнаго училища	2,367 — 84 —
г) капиталъ за муку и крупу, отпущенныя въ минувшую войну арміи нашей изъ общественныхъ запасовъ, съ процентами . . .	27,630 — 59¼ —
д) капиталъ продовольственный	68,604 — 18 —
Всего	296,734 — 56¾ коп.

Краснорѣчиво свидѣтельствуя о средствахъ водворенія и заботливости попечительства, капиталы эти составляютъ принадлежность всего водворенія, независимо отъ собственно мірскихъ суммъ, принадлежащихъ, въ частности, отдѣльнымъ колонистскимъ обществамъ или колоніямъ.

V.

Внутренній семейный бытъ колониста-болгарина, какъ въ прежнее время, такъ въ большинствѣ случаевъ и теперь еще, представляется патріархальнымъ. Глава семейства—отецъ, иногда дѣдъ или даже прадѣдъ,

сохраняетъ свою власть надъ домочадцами во всю жизнь. Вообще семейные раздѣлы не въ обычаѣ и болгары ихъ недолюбливаютъ. Чистота супружеской жизни и дѣвичья скромность—святыня для нихъ, такъ что прелюбодѣйство здѣсь явленіе крайне рѣдкое и встрѣчается обыкновенно только у грековъ и представителей другихъ національностей.

Обыкновенное домостроительство болгаръ-колонистовъ по наружности во многомъ сходно съ хорошими малороссійскими хатами. «Внутреннее расположеніе, говоритъ г. Скальковскій, болѣе похоже на восточное, какое видимъ въ Крыму или Турціи; быть можетъ, сходно оно съ древне-болгарскимъ. Женщины имѣютъ всегда особую половину, куда посѣтитель не проникаетъ, и которая закрыта занавѣсомъ твердыхъ дверей. Иногда, въ знакъ особаго почета и уваженія, болгаринъ зоветъ, пріударивъ по перегородкѣ, жену и даже дочь для пріема гостя; но онѣ обыкновенно войдутъ, поклонятся и, сказавъ кратное привѣтствіе, немедленно удаляются. Изба, куда входитъ чужой человѣкъ, или «свѣтлица», по восточному обычаю, имѣетъ широкіе диваны, иногда сдѣланные изъ земли и всегда покрытые коврами, на которыхъ по нуждѣ можетъ спать до пятидесяти человѣкъ. Стѣны тоже украшены коврами, «ручниками», (работою и приданымъ дочерей-невѣстъ), часто тарелками, вокругъ которыхъ расположены пучки засушенныхъ цвѣтовъ. Само собою разумѣется, что въ «красномъ углу» изобиліе св. иконъ и предъ ними, какъ и у всѣхъ русскихъ, теплится одна или нѣсколько лампадъ». Въ торгово-промышленныхъ колоніяхъ и вообще въ «купеческихъ» домахъ встрѣчаются весьма нерѣдко комнаты, отдѣланныя и убранныя по-европейски, со стульями и столами; но явленіе это принадлежитъ къ разряду исключеній.

Отграниченіе половины бессарабско-болгарскихъ колоній къ Молдавіи и во многихъ отношеніяхъ грустныя послѣдствія этого событія, оказали однако благодѣтельное вліяніе на нравственное пробужденіе нашихъ колонистовъ. Особенно они обязаны въ этомъ отношеніи дѣйствіямъ молдавскаго правительства. Послѣднее, гарантировавъ сначала отшедшимъ отъ насъ колоніямъ прежнія права и преимущества, выжидало только истеченія трехъ-годичнаго срока, назначеннаго по парижскому трактату для свободнаго перехода въ Россію жителей отграниченнаго участка. По прошествіи этого срока, оно тотчасъ объявило данную гарантію недѣйствительною, назначило съ колонистовъ рекрутскій наборъ и, встрѣтивъ оппозицію, ввела въ колоніи войска. Изъ этого возникло происходившее на нашихъ глазахъ, въ 1861—1863 годахъ, переселеніе въ Таврическую губернію, массами, сперва жителей отшедшихъ колоній, готовившихся къ переходу въ наши предѣлы поголовно, а затѣмъ и изъ остальныхъ частей Молдавіи, Турціи, Малой Азіи, Австріи и т. д. Въ 1862 году, число искавшихъ и готовившихся къ переселенію въ Россію славянъ всевозможныхъ племенъ, грековъ и т. д., достигло такихъ громадныхъ размѣровъ, что правительство, стѣсненное въ это время постоянными на югѣ Россіи неурожаями хлѣбовъ и травъ, предвидѣло совершенную невозможность допустить подобное передвиженіе народовъ; оно прибѣгло къ са-

мымъ настоятельнымъ мѣрамъ для строгаго ограниченія числа переселенцевъ. Въ тоже время и молдавское правительство, лишившись до 30,000 обоего пола болгаро-колонистовъ, водворившихся въ бердянскомъ и мелитопольскомъ уѣздахъ, Таврической губерніи, и находясь въ очевидной опасности разомъ потерять всѣ принятыя отъ насъ колоніи, поспѣшило возвратить имъ прежнія права и преимущества. Благодаря этимъ общимъ усиліямъ правительствъ, а отчасти и партіи въ Болгаріи, находившей излишнее ослабленіе тамъ болгарскаго элемента не соотвѣтствующимъ народнымъ интересамъ, переселеніе къ намъ было приведено, съ 1863 года, къ болѣе нормальнымъ размѣрамъ. Теперь оно продолжается лишь отдѣльными семействами, которыя, по мѣрѣ ихъ прихода, водворяются въ Таврической же губерніи.

Большинство переселенческихъ партій изъ Молдавіи и даже изъ-за Дуная проходили, квартировали и отчасти располагались на зиму въ нашихъ пограничныхъ болгарскихъ колоніяхъ. Взаимный обмѣнъ мыслей, общія чувства національныхъ стремленій, разгаръ политическихъ страстей, сопровождавшій это движеніе, — все это не могло не повліять на нашихъ колонистовъ. Возмущенные недобросовѣстными и насильственными мѣрами Молдавскаго правительства, они всѣми силами пропагандировали въ пользу привлеченія обратно въ наши предѣлы своихъ отграниченныхъ единоплеменниковъ.

Умственное пробужденіе болгаро-колонистовъ не могло, конечно, не отразиться и на школьномъ дѣлѣ. Какъ были жалки результаты, достигнутые сельскими школами до 1865 г.—о томъ мы сказали выше. Школы во многихъ случаяхъ существовали только номинально. Такъ, еще въ 1857 году, 23 школы были временно закрыты за неимѣніемъ учителей, а въ 20-ти остальныхъ, съ 22 учителями, — было учащихся не болѣе 386 мальчиковъ и 15 дѣвочекъ.

Но съ этого времени замѣчается быстрый поворотъ къ лучшему, что подтверждается слѣдующими цифрами:

	Школъ	Учителей	Учащихся Мальчиковъ	Учащихся Дѣвочекъ
въ 1858 г. состояло въ сихъ колоніяхъ . . .	29	30	1155	72
— 1859 —	35	36	1298	89
— 1860 —	37	38	1428	90
— 1861 —	41	43	1843	90
— 1862 —	44	46	2239	94
— 1863 —	44	46	2296	97
— 1864 —	44	46	2455	100
— 1865 —	45	47 [1]	2400	101
— 1866 —	45	47 [2]	2300	116

Наличное къ 1867 г. населеніе 45 бессарабско-болгарскихъ колоній составляло до 60,000 душъ обоего пола; слѣдовательно, одинъ учащійся приходится на 24 души.

---

[1]) Въ томъ числѣ 4 вакансіи.
[2]) Въ томъ числѣ 10 вакансій, чѣмъ и объясняется уменьшеніе числа учащихся.

На содержаніе этихъ школъ въ 1861 г. было употреблено:

а) На ремонтъ, освѣщеніе и отопленіе школьныхъ домовъ.	1247 р.
б) На жалованье наставникамъ	3577 — 72 к.
Итого . .	4824 — 72 к.

т. е. на одну школу до 108 р., или на каждаго учащагося около 2 р.

Ходъ дѣла доказываетъ неопровержимо, что участіе населенія къ школамъ возрастало по мѣрѣ того, какъ снабжались онѣ болѣе способными учителями. Не далѣе 6—7 лѣтъ тому назадъ, когда школа колоніи Комрата стояла не выше сельскихъ школъ въ другихъ колоніяхъ, никто изъ колонистовъ особенно ею не интересовался. Но какъ только удалось снабдить это училище способными и сочувствующими дѣлу народнаго образованія наставниками изъ лицъ, знающихъ и болгарскій языкъ, оно разомъ привлекло до 20 колонисткихъ дѣтей со стороны, даже изъ отдаленныхъ колоній. Когда, въ 1864 г., отсюда были выпущены и назначены на учительскія должности 8 воспитанниковъ, наплывъ въ училище дѣтей изъ другихъ колоній еще значительно увеличился, и общества этихъ колоній, въ общемъ приговорѣ, заявляли даже готовность, въ облегченіе комратскаго общества, принять на себя содержаніе одного изъ учителей комратской школы. Тоже самое доказываютъ школы тварзицкая, дюльменская, кирюшенская, валипержская, кубейская и другія. И здѣсь, съ назначеніемъ новыхъ, болѣе способныхъ наставниковъ, число учащихся быстро возрастало, доходя нынѣ въ каждомъ до 100—150 мальчиковъ. При всемъ томъ недостатокъ вполнѣ способныхъ и достойныхъ наставниковъ чувствуется болѣе, чѣмъ когда либо. Значительное число открывшихся въ послѣдніе годы учительскихъ вакансій служитъ тому самымъ краснорѣчивымъ доказательствомъ; средства же комратскаго сельскаго училища были слишкомъ ограничены и далеки отъ условій сколько нибудь удовлетворительнаго педагогическаго заведенія.

Въ началѣ 1864 г., общества 45 бессарабско-болгарскихъ колоній, въ общемъ приговорѣ, указывая на настоятельную необходимость устранить стѣсняющій успѣхъ школьнаго дѣла недостатокъ въ учителяхъ, обратились къ мѣстному начальству съ ходатайствомъ объ учрежденіи у нихъ высшаго училища, въ размѣрахъ прогимназіи, съ обращеніемъ на это дѣло имѣющихся въ наличности общественныхъ капиталовъ водворенія. На случай недостатка этихъ средствъ, общества обязались пополнять ежегодный дефицитъ или изъ прибылей имѣющаго быть учрежденнымъ волостного банка, или, если-бы оказалось необходимымъ, изъ мірскихъ доходовъ и общественнаго сбора съ поселянъ.

Проекты положенія, штата и учебной программы такого училища, одобренные уполномоченными отъ обществъ, а также исчисленіе единовременныхъ издержекъ на возведеніе училищныхъ зданій и первоначальное снабженіе этого института всѣми принадлежностями и учебными пособіями, находятся нынѣ на разсмотрѣніи правительства, ожидая окончательнаго утвержденія. Но, принося въ настоящемъ случаѣ немаловажныя пожертвованія, общества имѣютъ въ виду болѣе широкую цѣль; именно: сдѣ-

лать наше бессарабско-болгарское водвореніе *дѣйствительнымъ центромъ* образованія для молдавскихъ и задунайскихъ единоплеменниковъ своихъ.

Объяснительная записка [1]), сопровождающая означенные проекты, говоритъ въ этомъ отношеніи слѣдующее: «Обстоятельства послѣдняго десятилѣтія въ особенности благопріятствовали пробужденію задунайскихъ болгаръ. Въ теченіи этого, повидимому столь короткаго времени, реакція въ Болгаріи сдѣлала столь громадные успѣхи, что, при поддержкѣ извнѣ, можно навѣрное предсказать болгарскому народу отрадную будущность. У болѣе развитыхъ болгаръ, въ настоящее время, на первомъ планѣ стоитъ мысль объ открытіи болгарскому юношеству всевозможныхъ средствъ и способовъ къ всестороннему образованію. Этимъ, столь благопріятнымъ и утѣшительнымъ стремленіемъ болгары никому болѣе такъ не обязаны, какъ только одной Россіи, снабжавшей угнетенное отечество ихъ, въ самое трудное время, лучшими дѣятелями на поприщѣ народнаго дѣла и всегда принимавшей судьбу этого народа близко къ сердцу. Россіи, по всей справедливости, принадлежитъ первое почетное мѣсто на страницахъ исторіи возрожденія болгаръ. При этомъ состояніи, въ какомъ мы видимъ теперь задунайскихъ болгаръ, и при возможности учрежденія и существованія въ самой Болгаріи одного-двухъ самостоятельныхъ систематическихъ учебныхъ заведеній, болгарскій народъ легко выработалъ бы себѣ самостоятельное гражданское положеніе. Но, къ сожалѣнію, въ Болгаріи, подвластной съ одной стороны правительству, непредставляющему еще и тѣни государственнаго устройства, а съ другой—враждебному болгарской народности фанаріотскому духовенству, не выработались еще тѣ благопріятныя условія, при которыхъ съ успѣхомъ могли бы существовать такія учебныя заведенія. До тѣхъ поръ, пока въ Болгаріи будетъ господствовать элементъ турецкій; пока во главѣ болгарскаго духовенства будутъ стоять ненавистные болгарамъ и преданные интересамъ турокъ зловѣщіе фанаріоты, до тѣхъ поръ, по убѣжденію болгаръ, существованіе такихъ учебныхъ заведеній въ отечествѣ ихъ будетъ сопряжено съ преслѣдованіями, а потому и весьма сомнительно, чтобы они могли выполнить свое назначеніе».

По словамъ записки, даже учрежденная въ Болградѣ, въ Молдавіи, «гимназія, при весьма значительныхъ матеріальныхъ средствахъ, до сихъ поръ все еще не можетъ усвоить себѣ метода систематическаго учебнаго заведенія». По этому, общества признаютъ необходимымъ обратиться «къ другимъ, болѣе благонадежнымъ средствамъ для удовлетворенія пробужденныхъ нравственныхъ нуждъ болгарскаго народа въ дѣлѣ образованія». Это, по ихъ мнѣнію, тѣмъ необходимѣе теперь, когда «неутомимые агенты западныхъ пропагандъ, пользуясь расположеніемъ болгарскаго юношества къ образованію, устраиваютъ въ Болгаріи разныя реформатскія и католическія школы, содѣйствуютъ помѣщенію молодыхъ болгаръ въ учебныя заведенія запада и угрожаютъ такимъ образомъ пустить въ Болгаріи глубокіе корни, отвлекая населеніе не только отъ Россіи, но и отъ лона православія».

---

[1]) Записка эта составлена еще въ 1863 г.

Въ виду всего этого, среднее и высшее образованіе задунайскихъ болгаръ, по мнѣнію обществъ, слѣдуетъ сосредоточить главнымъ образомъ въ Россіи. Но извѣстно, продолжаетъ записка, что «образованіе болгаръ въ нашихъ среднихъ и особенно духовныхъ учебныхъ заведеніяхъ не имѣло почти никакого успѣха, потому что одни изъ воспитанниковъ, не выдерживая сѣвернаго климата, подвергались губительнымъ болѣзнямъ, что заставляло ихъ уже полуживыми возвращаться на родину; другіе, по молодости и незрѣлости, привыкая къ иной средѣ, тяготились по возвращеніи жизнью на родинѣ и т. д. Слѣдовательно, чтобы дѣло это могло увѣнчаться полнымъ успѣхомъ и выполнить свое назначеніе, для образованія болгаръ должно быть избрано центромъ такое мѣсто, которое и по своему этнографическому характеру, и по климатическимъ условіямъ устраняетъ замѣченныя неудобства». Такимъ, по мнѣнію обществъ, мѣстомъ представляется Буджакъ, который и по климатическимъ условіямъ, и по мѣстному своему характеру, и наконецъ по близости къ Болгаріи, можетъ легко сдѣлаться средоточіемъ образованія всѣхъ болгаръ, русскихъ и задунайскихъ. «По нашему мнѣнію», заключаетъ записка, «учрежденіе въ указанной мѣстности высшаго для болгаръ училища должно бы содѣйствовать къ поддержанію и скрѣпленію духовной связи между юго-восточными славянами и Россіею, которой предназначено возстановить подавленный славянскій элементъ».

Вотъ политическая программа, которой, по мысли руководителей болгаро-колонистовъ, должно соотвѣтствовать «Бессарабско-Болгарское центральное училище», предположенное къ устройству въ будущей торгово-ремесленной колоніи Болгаріи. Но, да не подумаетъ читатель, что «будущее» училище въ «будущей» колоніи, если не фантазія, то, по меньшей мѣрѣ, дѣло не близкой дѣйствительности. Переселенцы, имѣющіе заселить новую колонію или положить ей прочное начало, уже наготовѣ, ожидая только утвержденія проекта, чтобы приступить къ возведенію построекъ. Тоже самое и съ училищемъ, и, въ виду готовыхъ средствъ, нѣтъ сомнѣнія, что по полученіи на мѣстѣ разрѣшенія, пройдетъ очень не много лѣтъ—и колонія и училище будутъ устроены.

Въ учебномъ отношеніи, согласно проекту, училище должно содѣйствовать распространенію общаго образованія и знанія русскаго языка между болгаро-колонистами, а равно приготовленію изъ ихъ среды учителей для сельскихъ школъ, писарей для приказовъ и вообще способныхъ лицъ для общественной службы въ колоніяхъ. Въ немъ полагаются: подготовительный и два высшихъ класса, послѣдніе каждый съ двухгодичнымъ курсомъ. Въ случаѣ надобности, открываются паралельные классы—подготовительный и первый. Зданія для училищъ предположено возвести съ жилыми помѣщеніями для инспектора, учителей и медика съ аптекою, на 200 вольноприходящихъ воспитанниковъ. Мѣсто подъ училище, съ возможно обширнымъ садомъ, отводится на площади, въ центрѣ колоніи; на сооруженіе зданій и первоначальное снабженіе училища всѣми принадлежностями, учебными пособіями и т. д. ассигнованъ общественный капиталъ въ 34,212 руб., который, еслибы потребовалось, можетъ быть усиленъ.

Завѣдываніе училищемъ поручается двумъ совѣтамъ—педагогическому и попечительному. Первый—составляютъ инспекторъ (онъ же предсѣдатель совѣта и начальникъ училища), законоучитель и штатные учители, а въ случаѣ надобности, приглашается и врачъ. Второй—состоитъ изъ почетнаго попечителя училищъ (онъ же предсѣдатель попечительнаго совѣта), изъ инспектора, какъ непремѣннаго члена, и четырехъ членовъ изъ колонистовъ, избираемыхъ обществами на четыре года и отправляющихъ свою службу безмездно. Власть совѣтовъ, права и обязанности инспектора и остальныхъ членовъ установляются примѣнительно къ порядкамъ, существующимъ въ нашихъ гимназіяхъ. Инспекторъ и преподаватели должны быть изъ лицъ, окончившихъ курсъ наукъ въ одномъ изъ нашихъ университетовъ. Сверхъ того, они обязаны имѣть свидѣтельства о выслушаніи ими педагогическаго курса. При равенствѣ правъ соискателей, предпочтеніе дается во всякомъ случаѣ тѣмъ изъ нихъ, которые знаютъ болгарскій языкъ. Только по совершенной невозможности пріискать такихъ лицъ, временно могутъ быть допускаемы на преподавательскія должности лица, окончившія курсъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и имѣющія, сверхъ того, свидѣтельство на званіе учителя уѣзднаго училища. Учебный курсъ: I *въ подготовительномъ* классѣ: чтеніе и письмо по-русски и болгарски; начатки христіанскаго ученія, молитвы и первые четыре дѣйствія ариѳметики надъ простыми и именованными числами; II *въ двухъ высшихъ* классахъ: 1) законъ Божій, 2) русскій и церковно-славянскій языки и словесность, болгарскій языкъ; 3) краткая исторія болгарскаго и другихъ славянскихъ племенъ въ біографическихъ раскасахъ; 4) ариѳметика, съ прикладною ея частью—коммерческой; практическая геометрія, съ приложеніемъ къ сельскимъ механикѣ, архитектурѣ и геодезіи; практическая съемка и черченіе архитектурныхъ и межевыхъ плановъ; 5) краткія всеобщія—географія и исторія; 6) исторія и географія Россіи по руководствамъ, употребительнымъ въ гимназіяхъ, съ обращеніемъ особеннаго вниманія на Новороссійскій край и Бессарабію; 7) естествовѣдѣніе, съ примѣненіемъ къ сельскому хозяйству вообще, и къ хозяйству Новороссійскаго края и Бессарабіи въ особенности; какъ-то: къ скотоводству, скотоврачеванію, овцеводству, хлѣбопашеству, шелководству, огородничеству, винодѣлію, лѣсоводству, лѣсоразведенію и т. д.; 8) общія понятія по государственному, гражданскому, уголовному и полицейскому праву Россіи; подробныя свѣдѣнія объ управленіи сельско-общественномъ и волостномъ, волостномъ судѣ, мировыхъ и земскихъ учрежденіяхъ; 9) педагогика; 10) чистописаніе, рисованіе и черченіе. Сверхъ того, по мѣрѣ возможности, предполагается ввести въ учебный курсъ гимнастику и пѣніе. Чтоже касается объема преподаванія, то предположено примѣняться къ курсу прогимназій.

При училищѣ полагаются: 1) гимнастическіе снаряды и 2) библіотека изъ книгъ для снабженія ими учащихся; изъ книгъ, могущихъ способствовать обогащенію учителей познаніями; изъ пособій по части естественныхъ наукъ; изъ достаточнаго количества географическихъ картъ и глобусовъ, чертежей, рисунковъ и моделей.

На инспектора возлагается главный надзоръ за сельскими школами всего бессарабско-болгарскаго водворенія, съ правомъ, по предварительнымъ соглашеніямъ съ почетнымъ попечителемъ училища, опредѣлять и увольнять наставниковъ этихъ школъ. Тѣ изъ воспитанниковъ центральнаго училища, которые, по окончаніи курса, изъявятъ желаніе посвятить себя обученію въ сельскихъ школахъ, предварительно поступленія въ должность сельскаго учителя, обязаны, въ продолженіе до двухъ лѣтъ, заниматься практическимъ преподаваніемъ въ приготовительномъ и первомъ классахъ центральнаго училища, по особому назначенію педагогическаго совѣта и подъ руководствомъ учителей училища.

По проекту училищнаго штата полагаются: инспекторъ съ жалованьемъ въ 1,050 р.; три учителя съ жалованьемъ, двумъ по 850 р. на каждаго, а третьему — въ 450 р. и врачъ съ содержаніемъ въ 475 р., въ томъ числѣ 100 р. на медикаменты. Врачъ можетъ принять на себя обязанности врача всего бессарабско-болгарскаго водворенія, по особому соглашенію съ обществами. Лица эти, сверхъ этого содержанія, имѣютъ квартиры въ зданіяхъ училища и пользуются всѣми служебными правами и преимуществами по учебному, а медикъ по медицинскому вѣдомствамъ.

Весь расходъ штатнаго содержанія училища исчисленъ въ 8,100 руб., а именно:

1) жалованье учителямъ и врачу	3,675 р.	8,100 р.
2) на 35-ть стипендій бессарабско-болгарскихъ обществъ	2,450 —	
3) на учебныя пособія и библіотеку	350 —	
4) — награды ученикамъ	57 —	
5) — наемъ прислуги	350 —	
6) ремонтъ, отопленіе и освѣщеніе училищныхъ зданій и мебели	860 —	
7) за преподаваніе закона божія и пѣнія . . .	340 —	

Остатки отъ ассигновокъ одной статьи могутъ быть употребляемы на пополненіе недостатковъ по другой, или же они обращаются въ спеціальный училищный капиталъ, на счетъ котораго производятся разныя улучшенія по учебной части, плата за уроки гимнастики и т. д.

Для обезпеченія училища, общества бессарабско-болгарскихъ колоній положили: въ видѣ неприкосновеннаго училищнаго фонда, изъ числа выше указанныхъ общественныхъ капиталовъ своихъ обратить въ мѣстный волостной банкъ всего 162,000 руб., 5% съ которыхъ сполна покрываютъ штатный расходъ заведенія.

Мы не будемъ разбирать, на сколько проектированное училище и обращенныя на него матеріальныя средства соотвѣтствуютъ цѣли — сдѣлать Буджакъ главнымъ центромъ образованія для всего болгарскаго народа. Не отказывая настоящимъ стремленіямъ въ нашемъ искреннемъ сочувствіи, мы, къ сожалѣнію, должны сознаться, что наиболѣе благопріятное для ихъ осуществленія время упущено: что̀ было весьма удобно до 1856 года, то нынѣ, съ отграниченіемъ къ Молдавіи лучшей части водворенія,

представляется дѣломъ весьма не легкимъ. Къ тому же мы положительно не можемъ мириться съ мыслью, чтобы новая граница съ Молдавіею должна была оставаться для насъ навсегда неизмѣнною; рано или поздно Россія возвратитъ себѣ потерянное. Мысль эта, и вообще неизвѣстность исхода приближающихся къ развязкѣ восточныхъ дѣлъ, невольно приводятъ къ вопросу: своевременно ли вообще спѣшить устройствомъ новой торгово-ремесленной колоніи Болгаріи и центральнаго училища въ ней?.. Но если не время теперь создавать въ Буджакѣ центръ образованія для всего болгарскаго народа, то это нисколько не отмѣняетъ настоятельности въ открытіи высшаго училища собственно для нашихъ болгароколонистовъ, хотя бы затѣмъ, чтобы въ дѣлѣ народнаго образованія они не отставали отъ молдавскихъ и задунайскихъ единоплеменниковъ своихъ. И этой цѣли училище, устроенное согласно изложенному проекту, можетъ удовлетворять вполнѣ.

VI.

Изъ всѣхъ нашихъ иностранныхъ поселенцевъ, населеніе болгарскихъ колоній подходитъ наиболѣе близко къ русскому крестьянству. Сверхъ единоплеменности, вѣры православной и *тождества взаимныхъ отношеній духовенства къ населенію*, здѣсь мы встрѣчаемъ туже безграмотность, тотъ же общинный порядокъ владѣнія землями надѣла и почти тѣже внутренніе по землѣ и имуществу распорядки, какіе существуютъ въ нашихъ велико-русскихъ селеніяхъ. Особенно замѣчательно послѣднее обстоятельство. Обычно-общинное хозяйство, и, въ связи съ нимъ, обычные семейно-имущественные распорядки удержались у нашихъ болгароколонистовъ на перекоръ даже положительному закону. Они, какъ и нѣмецкіе колонисты, приняли свои земли по надѣлу на семью. Основываясь на этомъ, попечительство постоянно принимало и показывало въ бессарабско-болгарскихъ колоніяхъ тѣже классы населенія, хозяевъ и безземельныхъ, какъ и въ нѣмецкихъ колоніяхъ. Мало того, съ 1857 года, когда возникъ вопросъ о регулированіи землевладѣнія въ означенномъ водвореніи, мѣстное начальство не переставало доказывать, что тамъ находится до 5,455 молодыхъ, безземельныхъ семействъ. Оно полагало, удовлетворивъ землею колоніи, потерявшія часть надѣла черезъ проведеніе новой границы, раздать остальныя запасныя угодья 482 безземельнымъ семьямъ по 50-ти десятинъ на каждое, а остальнымъ 4,973 семьямъ дозволить переселеніе въ Таврическую губернію. При такихъ условіяхъ, для удовлетворенія обществъ, которыхъ земли обрѣзаны граничной чертою, представлялось неизбѣжнымъ ломать коренныя межи шести другихъ колоніальныхъ дачъ. Когда составленный на этихъ основаніяхъ проектъ распредѣленія запасныхъ земель былъ отвергнутъ высшимъ начальствомъ, послѣднее все еще было въ полномъ невѣдѣніи того, что въ болгарскихъ колоніяхъ существуетъ не подворно-участковая, а общинная система. Слѣдовательно, тамъ безземельный классъ, въ такихъ огромныхъ размѣрахъ, явленіе положительно невозможное. Поэтому, отвергая проектъ,

высшее начальство имѣло лишь въ виду, что предположенная ломка коренныхъ межъ можетъ быть допущена не иначе, какъ съ согласія, если не всѣхъ, то большинства заинтересованныхъ въ дѣлѣ колонистскихъ обществъ. Кромѣ того, мѣстному попечительству и самимъ обществамъ были предложены вопросы: не представляется ли, во избѣжаніе ломки коренныхъ межъ, болѣе удобнымъ удовлетворить общества, взамѣнъ отшедшихъ отъ нихъ къ Молдавіи земель, посредствомъ предоставленія имъ права выдѣлить изъ своей среды часть населенія на запасные участки особыми колоніями, и не достаточно ли, при настоящихъ экономическихъ условяхъ водворенія, надѣлять безземельныя семейства, вмѣсто 50-ти дес., участками въ размѣрѣ 20—30 десятинъ?..

Понятно, что всѣ эти предположенія, исходя отъ поземельнаго строя, вовсе не существующаго въ бессарабско-болгарскомъ водвореніи, должны были произвести между населеніемъ порядочную сумятицу. Прежде всего общества самымъ рѣшительнымъ образомъ возстали противъ всякой ломки старинныхъ колоніальныхъ межъ; выселеніе же въ особыя колоніи они признали затруднительнымъ, такъ какъ переселенцы, покидая на нынѣшнихъ мѣстахъ жительства свои дома и хозяйственныя обзаведенія, могли бы вновь устроиться только при болѣе или менѣе значительномъ пособіи. Въ тоже время всѣ общества признавали необходимымъ надѣлить землею всѣ молодыя семьи. Но по вопросу: какъ достигнуть этого и какъ распредѣлить запасныя земли?.. возникло во многихъ обществахъ желаніе перейти отъ обычнаго хозяйства къ подворно-общинной системѣ нашихъ нѣмецкихъ колоній. Не вездѣ однако восторжествовала эта мысль; а если гдѣ состоялись въ этомъ смыслѣ мірскіе приговоры, то они главнымъ образомъ клонились къ тому, чтобы старшимъ представителямъ родоначальныхъ семействъ первоначальнаго водворенія были предоставлены въ подворно-наслѣственное пользованіе—каждому по 50 десятинъ. Но это значило обезземелить большинство младшихъ членовъ «задруги», для надѣла которыхъ или вовсе не оставалось-бы земли, или же ея было-бы слишкомъ недостаточно. Такъ въ пяти обществахъ предполагалось распредѣлить коренной надѣлъ и запасныя при нихъ земли на наслѣдственные участки уравнительно между старшими и *нѣкоторою частью* молодыхъ семействъ; въ другихъ—старшія семьи, пытаясь овладѣть по 50 д. на каждое, полагали надѣлить землею равнымъ образомъ только весьма незначительное число младшихъ родичей, и при томъ крайне неравномѣрно; третьи, наконецъ, пожелали разбить надѣлъ на участки по числу семействъ первоначальнаго водворенія, съ тѣмъ, чтобы, изъ наличнаго потомства, *каждый родъ* (задруга) принялъ въ общее пользованіе 50 дес. участокъ. Такимъ образомъ имѣли бы получить надѣлъ не болѣе 1,364 молодыхъ семействъ, противъ чего протестовали, конечно, какъ поселенцы, устранявшіеся вовсе отъ равномѣрнаго пользованія общественными угодьями, такъ и потомство тѣхъ родоначальныхъ семей, которыя значительнѣе другихъ увеличились въ своемъ личномъ составѣ. Прочія общества остались чуждыми такихъ стремленій, заявляя простое желаніе, чтобы каждому изъ нихъ была предоставлена въ дополнительный

надѣлъ та часть запасныхъ земель, какая по уравнительному разсчету причтется.

Мѣстное начальство увидѣло себя между двухъ крайностей. Съ одной стороны, держась подворно-участковой системы, оно оказалось въ совершенной невозможности надѣлить участками всѣ помянутыя семьи, по недостатку земли. Съ другой стороны, идя противъ господствующихъ общинныхъ порядковъ, оно, по необходимости, находило себя на сторонѣ стремленій такъ называемыхъ старшихъ семействъ (представителей задруги), домогавшихся захвата въ свои руки всѣхъ земель надѣла, въ силу родового права и колонизаціоннаго закона о единоличной наслѣдственности подворныхъ участковъ. Но мѣстному начальству казалось возможнымъ и даже необходимымъ разомъ обезземелить огромную массу населенія, которая, питаясь отъ обычнаго промысла, не могла бы, конечно, быть оставлена безъ призора и чрезвычайныхъ пособій; въ противномъ случаѣ, масса обезземеленныхъ грозила крайними затрудненіями. И вотъ, чтобы выдти изъ этой дилеммы, мѣстное начальство рѣшилось, по прежнему, совершенно игнорировать существующій фактъ. Новый, представленный въ 1866 г. министерству государственныхъ имуществъ проектъ распредѣленія земель въ бессарабско-болгарскомъ водвореніи, удерживая прежнее фиктивное дѣленіе населенія на хозяевъ, съ 50-ти десятиннымъ надѣломъ, и безземельныхъ, полагалъ утвердить приговоры обществъ о раздѣлѣ мірскихъ земель на подворные участки; остатокъ запасныхъ угодій отдать въ надѣлъ 2,414 такъ называемыхъ безземельныхъ семей по 12 дес. на каждое, а остальныя (болѣе 3,000 семействъ) водворить на казенныхъ земляхъ Таврической губерніи: или изъ платежа оброка, или же на правахъ обязательнаго выкупа, съ разсрочкою выкупныхъ платежей. Наконецъ, для приведенія проекта въ исполненіе, все же требовалась ломка межъ кореннаго владѣнія нѣсколькихъ колоній.

На сколько легко было предложить переселеніе въ Таврическую губ. 3,000 семействъ, на столько же, если не болѣе, оказывалось затруднительнымъ привести это предположеніе въ исполненіе, особенно въ виду того, что сами общества признавали невозможнымъ выслать безъ пособій часть населенія изъ мѣстъ кореннаго водворенія даже на запасные участки въ той же Бессарабіи. Мы положительно не знаемъ, какимъ бы образомъ, при настоящей постановкѣ дѣла, можно было выдти изъ крайнихъ затрудненій безъ новыхъ со стороны казны пожертвованій землею и деньгами, если-бъ тѣмъ временемъ не обнаружилось существованіе въ болгарскихъ колоніяхъ de facto не подворно-участковой, а обычно-общинной системы хозяйства. Но это открытіе освѣтило дѣло совершенно инымъ образомъ. Въ обычной общинѣ возможна стѣсненность по землѣ или даже положительный недостатокъ въ ней, но нѣтъ и быть не можетъ класса безземельныхъ. Слѣдовательно, въ дѣлѣ регулированія землевладѣнія бессарабско-болгарскаго водворенія, мѣстное начальство напрасно задавалось вопросомъ о надѣлѣ землею какихъ-то 5,455 семействъ, которыя или никогда еще не переставали пользоваться угодьями общественнаго землевладѣнія наравнѣ съ остальными своими сообще-

ственниками, или, занявшись исключительно ремесломъ, торговлею, промысломъ, нуждаются развѣ въ усадебной осѣдлости и выгонномъ правѣ, а не въ полевомъ надѣлѣ. Здѣсь напротивъ спрашивалось: а) можетъ ли быть предоставлено обществамъ право произвести нынѣ же раздѣлъ своихъ угодій па постоянные наслѣдственные участки въ тѣхъ условіяхъ, въ какихъ этого домогались нѣкоторыя общества; и б) стѣснено ли по землѣ вообще цѣлое водвореніе, и если стѣснено, то въ какой степени и какими средствами слѣдуетъ помочь?..

Со своей стороны, мы признаемъ не только желательнымъ, но и совершенно своевременнымъ приступить здѣсь въ ближайшемъ будущемъ къ раздѣлу обществами своихъ земельныхъ угодій общественнаго владѣнія на участки подворно-наслѣдственнаго пользованія. Но, во всякомъ случаѣ, этотъ переходъ къ лично-общинной системѣ колонистскаго хозяйства не долженъ сопровождаться лишеніемъ кого либо изъ занимающихся преимущественно земледѣліемъ общинниковъ равномѣрнаго участія въ дѣлежѣ угодій, а слѣдовательно, и средствъ къ обычному промыслу и пропитанію. Въ основаніе такого раздѣла не слѣдуетъ принимать исключительно одно *право родового старшинства*. Другое начало, требующее здѣсь примѣненія, — это *родъ занятія* поселенца. Такъ, для поселянъ-ремесленниковъ, промышленниковъ и торговцевъ, отставшихъ отъ земледѣлія, достаточно сохранить усадебную осѣдлость, огороды, сады, виноградники и право выпаса скота. Наконецъ, вмѣстѣ съ установленіемъ подворной системы, необходимо обществамъ усвоить и правила наслѣдованія, раздѣловъ и т. д., поддерживающихъ успѣхъ этой системы въ нѣмецкихъ колоніяхъ, а также заранѣе принять мѣры къ устройству будущихъ, вновь нараждающихся поколѣній. Эти мѣры, по нашему мнѣнію, должны-бы состоять главнымъ образомъ въ установленіи, по закону, особаго въ каждой волости, постояннаго сбора: *съ десятины полеваго надѣла, съ усадебной осѣдлости и съ рабочей души обоего пола*. Обращаясь въ мѣстныхъ волостныхъ банкахъ, суммы сбора составили-бы незамѣтнымъ образомъ колонизаціонный фондъ, на счетъ котораго можно-бы устроивать на сторонѣ избытокъ населенія. Все это удобоисполнимо, такъ какъ изъ общаго количества земли, предоставленнаго бессарабско-болгарскому водворенію, причитается въ общей сложности все еще по 11, 5 дес. на каждую муж. пола душу 10-й ревизіи, тогда какъ у остальныхъ колонистовъ средній надѣлъ достигаетъ въ той же Бессарабіи 9, 5 дес., а въ губерніяхъ Херсонской 8, 7, Таврической — 8, 0, Екатеринославской — 6, 5 дес. на душу; по отдѣльнымъ же обществамъ онъ составляетъ весьма часто менѣе 6-ти ,умаляясь въ иныхъ случаяхъ даже до 2-хъ и 1 дес. на душу. Къ тому же Буджакъ, по плодородію почвы и вообще по экономическимъ условіямъ, смѣло можетъ стать на ряду съ любою мѣстностью, занятою нашими иностранными поселеніями. Все это доказываетъ, что земельное довольство бессарабско-болгарскаго водворенія, какъ превосходящее надѣлъ всѣхъ прочихъ поселянъ, вполнѣ обезпечитъ на долгое время благосостояніе наличнаго населенія, но, конечно, только въ такомъ случаѣ, если, при помощи указаннаго нами внутрен-

няго раздѣленія угодій между отдѣльными хозяйствами или семьями, дана будетъ возможность какъ въ отдѣльности каждому хозяину, такъ вообще всему обществу хозяевъ, вводить улучшенные способы хозяйствованія по примѣру прочихъ нѣмецкихъ колонистовъ южной Россіи, а также поселенныхъ въ бердянскомъ и мелитопольскомъ уѣздахъ единоплеменниковъ ихъ, усвоившихъ туже систему хозяйства.

Такимъ образомъ главнѣйшія условія распредѣленія между поселенцами запасныхъ и свободныхъ земель заключаются въ томъ, чтобы тѣ колоніи, которыхъ земельныя дачи обрѣзаны новой граничной чертою, получили достаточное вознагражденіе, и чтобы остатокъ этихъ земель былъ распредѣленъ между обществами, въ видахъ уравненія ихъ по количеству надѣла. Ни тому, ни другому условію проектъ мѣстнаго начальства не соотвѣтствовалъ вполнѣ, такъ какъ онъ исходилъ, какъ сказано, отъ поземельнаго строя, на самомъ дѣлѣ не существующаго.

Въ виду сказаннаго, министерство государственныхъ имуществъ, предварительно допущенія въ бессарабско-болгарскомъ водвореніи колонистской мірской системы хозяйства, т. е. раздѣла общественныхъ земельныхъ угодій на подворные участки наслѣдственнаго пользованія, признало необходимымъ достигнуть возможнаго по мѣстнымъ условіямъ уравненія обществъ по надѣлу. Выше нами приведено уже распоряженіе, указавшее мѣстному начальству путь, по которому должна быть и будетъ достигнута эта цѣль. По нашему мнѣнію, ходъ и способъ окончательнаго разрѣшенія этого вопроса заслуживаютъ особеннаго вниманія. На немъ наглядно выражается различіе въ конечныхъ результатахъ двухъ системъ внутренняго распредѣленія угодій общиннаго землевладѣнія — участково-наслѣдственной и обычно-общинной; на немъ же мы, быть можетъ, увидимъ и примѣръ замѣны одной системы хозяйства другою. Но, надѣясь собрать еще не мало другихъ фактическихъ доказательствъ, указывающихъ на преимущества и недостатки обѣихъ комбинацій, мы отлагаемъ окончательные наши выводы до другого раза. Скажемъ только еще нѣсколько словъ о фискальныхъ условіяхъ и приходскомъ устройствѣ описанныхъ нами водвореній.

Старыя болгаро-греческія поселенія въ Херсонской губерніи и Крыму платятъ тѣ самые подушные оклады, какіе существуютъ для мѣстныхъ колонистовъ и государственныхъ крестьянъ. Напротивъ, бессарабско-болгарскіе поселенцы, до 1832 года, вносили въ казну одну первоначально установленную *поземельную* подать, въ размѣрѣ 70 левовъ *съ семейства* и по 20 паръ *съ десятины запасной земли*. Подать эта замѣняла всѣ общеподушные оклады крестьянъ и прочихъ колонистовъ Но, по мѣрѣ увеличенія населенія, возрасталъ и посемейный сборъ, хотя конечно не въ той степени, въ какой увеличивались тѣмъ временемъ общіе подушные оклады. Тѣмъ не менѣе обстоятельство это обратило на себя вниманіе главнаго попечителя, такъ какъ различія въ личномъ составѣ и въ матеріальныхъ способахъ отдѣльныхъ семействъ дѣлали означенный сборъ весьма неуравнительнымъ, а для менѣе состоятельныхъ поселянъ даже тягостнымъ. Для устраненія этихъ неудобствъ, по ходатайству генералъ-

лейтенанта Инзова, посемейный сборъ былъ переложенъ на землю [1]), такъ что съ 1832 г. бессарабскіе болгаро-колонисты, вмѣсто прежнихъ 70 левовъ съ *семьи*, стали платить поземельной подати по 77 коп. ас. или 22 коп. сер. *за удобную десятину* надѣла. Кромѣ того, на равнѣ съ остальными колонистами, они всегда платили общественный сборъ на содержаніе колонистскаго управленія, который, опредѣляясь по числу душъ, составляетъ нынѣ по 33 коп. съ души.

Только съ 1851 года [2]), бессарабско-болгарское водвореніе, на общемъ основаніи съ нѣмецкими колонистами и другими сельскими обывателями области, привлечено къ платежу денежныхъ повинностей, безъ уменьшенія оклада поземельной подати. Такимъ образомъ, и за послѣдовавшимъ въ 1862 г. увеличеніемъ податей, податной окладъ бессарабскихъ болгаро-колонистовъ съ 1863 г. состоитъ изъ слѣдующихъ сборовъ: 1) изъ поземельной подати по $24\frac{1}{2}$ коп. съ удобной десятины надѣла, и по $10\frac{9}{20}$ коп. съ удобной же десятины запасныхъ земель; 2) изъ повинностей: государственныхъ по 1 р. $10\frac{1}{2}$ коп. съ души, и губернскихъ по 1 коп. съ каждой удобной десятины состоящей въ окладѣ (надѣла и запасныхъ), и по $31\frac{1}{2}$ коп. съ души; и 3) изъ сбора на содержаніе колонистскаго управленія, какъ сказано, по 33 коп. съ души. Итого всѣхъ сборовъ по $25\frac{1}{2}$ коп. съ десятины надѣла, по $11\frac{9}{20}$ коп. съ десятины запасныхъ земель, и по 1 р. 75 коп. съ души.

Однако, не смотря на такое значительное увеличеніе окладныхъ сборовъ, болгаро-колонисты и до сего времени поставлены въ этомъ отношеніи въ сравнительно весьма выгодное положеніе. Колонисты-нѣмцы въ Бессарабіи, платящіе подати и повинности въ томъ же размѣрѣ и на томъ же основаніи, какъ мѣстные крестьяне, вносятъ подушныхъ по 3 р. 60 к. и оброчныхъ по 7 р. 5 к., всего по 10 р. 65 к. съ ревизской семьи, неисключая одиночекъ или, такъ называемыхъ здѣсь «бурлаковъ». Сборъ этотъ, по переложеніи его на землю надѣла, составляетъ безъ малаго по $38\frac{1}{2}$ коп. за десятину и возрастаетъ постоянно, съ одной стороны, чрезъ увеличеніе самыхъ нормъ обложенія податями подушной и оброчной, а съ другой, вслѣдствіе увеличенія числа ревизскихъ семействъ. Напротивъ, подесятинная подать, платимая бессарабскими болгаро-колонистами, какъ таже подать у меннонитовъ, можетъ быть увеличена исключительно только въ нормѣ обложенія—путемъ законодательнымъ, нарожденіе же населенія никакого вліянія тутъ не имѣетъ. Разница этихъ окладовъ такъ очевидна, что читатель изъ сказаннаго вполнѣ пойметъ великое благодѣяніе, выпавшее на долю бессарабскихъ болгаръ чрезъ переложеніе въ 1831 г. прежняго посемейнаго сбора—на землю. Но порядокъ этотъ, послѣ повсемѣстнаго примѣненія указа 24-го ноября 1866 года, сдѣлается всеобщимъ: существующій *подушный* оброкъ, будучи переложенъ на землю соотвѣтственно ея доход-

---

[1]) Полн. Собр. Зак. Т. VII, 9 апрѣля 1832 г. № 5281.
[2]) Полн. Собр. Зак. 1851 г. іюля 13 № 25,398 ст. 56 п. 13 прим.

ности, переименуется въ «государственную оброчную подать», которая останется неизмѣнною по крайнѣй мѣрѣ въ теченіи 20-ти лѣтъ.

Въ описанныхъ нами старыхъ болгаро-колонистскихъ водвореніяхъ къ 1867 г. состояло всего 77,363 обоего пола души православнаго исповѣданія. Онѣ образуютъ 53 прихода со столькими же церквами, въ томъ числѣ 38 каменныхъ. При нихъ священниковъ 64 и причетниковъ 161. Слѣдовательно, 1 приходъ и 1 церковь приходятся на 1459 и 1 священникъ на 1208 обоего пола душъ. Въ пользованіи причтовъ состоитъ до 6066 дес. церковной земли. Кромѣ того, они получаютъ отъ прихожанъ приличные дома для жительства и плату за исполненіе требъ. Нѣкоторые священники исполняютъ должности сельскихъ учителей за особую плату.

При такихъ условіяхъ сбродныя толпы невѣжественныхъ и безграмотныхъ задунайскихъ переселенцевъ, по словамъ очевидцевъ, «образовали прекрасныя, богатыя села, развели сады и плантаціи, построили болѣе или менѣе приличные храмы и упрочили свое благосостояніе во всѣхъ отношеніяхъ». Все это достигнуто при избыткѣ отличной земли, разумномъ фискѣ и строгомъ попечительствѣ. Но... все-таки жаль, что «нравственное и духовное воспитаніе народа» не шло здѣсь, какъ бы слѣдовало по Высочайшему указанію, «на ряду съ вещественнымъ благосостояніемъ», и жаль это—тѣмъ болѣе, что, при ожидаемыхъ преобразованіяхъ и измѣнившихся мѣстныхъ обстоятельствахъ, только въ этомъ условіи «заключается единственное средство, чтобы *добро было прочное*». Да, слишкомъ много въ этомъ отношеніи потеряно самаго драгоцѣннаго времени, и настоятельныя ходатайства населенія о скорѣйшемъ открытіи центральнаго училища звучатъ какъ бы справедливымъ укоромъ попечительству, несмотря на несомнѣнныя заслуги его въ дѣлѣ колонизаціи Буджака. Однако все же лучше начать поздно, чѣмъ никогда, и потому будемъ надѣяться, что существующія благія предположенія въ ближайшемъ будущемъ перейдутъ изъ области проектовъ въ сферу дѣйствительности.

VII.

Мы сказали, что съ 1861 года часть задунайскихъ переселенцевъ, оставивъ отграниченныя къ Молдавіи колоніи, нашла себѣ новую осѣдлость въ бердянскомъ и мелитопольскомъ уѣздахъ Таврической губерніи. Какъ сначала, такъ и теперь, эти водворенія состоятъ въ вѣдѣніи попечительнаго комитета, въ Одессѣ. По землѣ, имуществу и общественному самоуправленію они усвоили порядки меннонитовъ и колонистовъ южной Россіи. По отношенію же ко всѣмъ остальнымъ, одновременно водворявшимся въ Таврической губерніи переселенцамъ изъ-за границы и изъ внутреннихъ нашихъ губерній, выходцы изъ отграниченныхъ къ Молдавіи колоній, сверхъ общихъ срочныхъ льготъ, пособій и ссудъ, сохранили свои исключительныя права «задунайскихъ переселенцевъ». Такъ даны имъ: свобода на всегда отъ рекрутской и военнопостойной повинностей и земельный надѣлъ по 50 десятинъ на семейство, независимо отъ лич-

наго состава послѣдняго, что по среднему разсчету составилъ у нихъ душевой надѣлъ около 20 десятинъ, тогда какъ всѣ остальные поселенцы, смотря по качеству земель, получили не болѣе 9—15 десятинъ на душу, свободу отъ рекрутства съ наличными дѣтьми пожизненно, а отъ военно-постойной—на 6 лѣтъ. Эти преимущества тѣмъ значительнѣе, что болгаро-колонистами заняты лучшія изъ свободныхъ земель Таврической губерніи.

Въ настоящее время, новыя задунайскія и прочія заграничныя поселенія Таврической губерніи, по казеннымъ и земскимъ окладамъ, состоятъ на льготѣ, изъ которой будутъ выходить постепенно, начиная съ 1 іюля 1869 года; теперь они обложены только сборами: а) *общественнымъ*, по 33 коп. съ души, на содержаніе колоніальнаго управленія; и б) *мірскимъ*, по смѣтамъ и приговоромъ самихъ обществъ.

Подробныя свѣдѣнія о причинахъ и обстоятельствахъ, вызвавшихъ и сопровождавшихъ настоящую колонизацію, сообщались въ свое время въ журналѣ министерства госуд. имуществъ. Поэтому, мы вспомнимъ это дѣло только въ главнѣйшихъ чертахъ, и при томъ по отношенію собственно къ одной заграничной колонизаціи.

Главная масса заграничныхъ выходцевъ (до 27,000 душъ болгаро-колонистовъ изъ Молдавіи и турецкихъ болгаръ-кагаузовъ и виддинцевъ) прибыла на мѣсто, въ 1861 и 1862 г., изъ отграниченныхъ къ Молдавіи колоній, Виддинскаго пашалыка и Адріанопольскаго округа. Со стороны княжескаго и турецкаго правительствъ выселенія эти встрѣтили всевозможныя стѣсненія и затрудненія. Переселенцы открыто не смѣли ни продавать своихъ имуществъ, ни увозить съ собою цѣнныхъ вещей; съ нихъ требовался особый денежный выкупъ, сверхъ уплаты податей впередъ за три года и болѣе. Наконецъ не обошлось даже безъ серьозныхъ столкновеній: нѣсколько человѣкъ колонистовъ — переселенцевъ пали въ стычкахъ пограничной молдавской стражи съ порывавшимися въ Россію переселенческими партіями. Такія отношенія къ переселенію въ Россію нашихъ сосѣдей понятны; въ 1862 году, Молдавіи грозила опасность потерять поголовно все населеніе отграниченныхъ колоній, массу русскихъ крестьянъ и другихъ поселянъ; между Дунаемъ и Балканами, въ окрестностяхъ Константинополя, изъ Малой Азіи, Далмаціи и разныхъ мѣстъ Австріи — готовились къ переселенію громадныя партіи выходцевъ, такъ что потребовались и съ нашей стороны рѣшительныя мѣры, чтобы пріостановить такое широко разлившееся народное движеніе. Высочайшее повелѣніе 9 января 1863 года прекратило дальнѣйшее къ намъ переселеніе, массами, грековъ болгаръ, и иныхъ славянъ, съ тѣмъ однако, чтобы прибывающіе, отдѣльными семьями, выходцы изъ Турціи и Молдавіи были по прежнему водворяемы въ Таврической губерніи, или припискою къ тѣмъ селеніямъ ихъ единоплеменниковъ, при которыхъ остались излишнія земли, или особыми колоніями. Для удовлетворенія этой потребности, въ вѣдѣніи колоніальнаго начальства оставлены до 25,000 десятинъ свободной казенной земли, всего 15-ть участковъ, находящихся равнымъ образомъ въ бердянскомъ и мелитопольскомъ уѣздахъ.

Въ 1860–1861 г., подъ поселеніе были назначены *всѣ казенныя земли*

Таврической губерніи; изъ нихъ мѣста осѣдлости избирались переселенцами, по собственному усмотрѣнію. Къ несчастію, совершенные неурожаи 1862–1865 годовъ дѣлали тщетными всѣ начинанія всельниковъ и, подорвавъ вѣру въ пригодность для хозяйственной обработки занятыхъ угодій, не давали имъ осѣсться окончательно. Начались переходы съ мѣста на мѣсто; многія порывались перейти на Кавказъ, а значительнѣйшая часть виддинцевъ возвратилась даже обратно въ Турцію. Со стороны правительства потребовались самыя энергическія мѣры и огромныя денежныя жертвы для облегченія продовольствія, обсѣмененія полей и вообще успокоенія населенія. При всемъ томъ, въ началѣ 1866 года положеніе дѣлъ было самое безотрадное, если не безнадежное; почти всѣ переселенцы приготовились двинуться далѣе на Кубань; они со дня на день ожидали изъ Петербурга и Тифлиса разрѣшеніе на посланныя туда просьбы. Только рѣшительный отказъ въ этихъ просьбахъ и настоятельныя требованія начальства убѣдили населеніе еще разъ обработать и обсѣменить свои поля; но это дѣлалось безъ надежды на лучшій успѣхъ. Даже такія мѣры правительства, какъ назначеніе въ пользу окончательнаго устройства новыхъ колоній всѣхъ доходовъ (съ 1866 по 1870 годъ включительно) съ излишнихъ и запасныхъ земель при водвореніи, ассигновка до 51 тысячи рублей на постройку храмовъ и молитвенныхъ домовъ, проектированіе особаго высшаго училища (въ Преславѣ) и т. д. были встрѣчены поселенцами безъ особеннаго сочувствія. Есть примѣры, что общества формальными приговорами, не только отказывались отъ всякаго содѣйствія возведенію у нихъ храмовъ, но заявляли даже о своемъ положительномъ нежеланіи вообще имѣть храмъ, хоть-бы построенный не на ихъ счетъ. Тѣмъ не менѣе постройка 9-ти каменныхъ церквей была начата во столькихъ же различныхъ центральныхъ пунктахъ, а хорошіе урожаи 1866 и 1867 годовъ, безостановочный и выгодный сбытъ хлѣбовъ, закладка въ 1867 году новыхъ четырехъ церквей—все это привело къ самымъ утѣшительнымъ явленіямъ. Болгары-колонисты дѣятельно принялись за устройство своихъ жилищъ, носившихъ до этого характеръ временной стоянки; многіе стали возводить дома каменные изъ жженаго кирпича, крытые черепицею; постепенно появлялись мельницы, водоливныя приспособленія для огородовъ, плантацій и т. д., а въ концѣ 1867 года водвореніе представляло уже картину нѣкотораго довольства. Многіе хозяева, съ одного своего двора, продали въ Бердянскѣ собственнаго хлѣба, урожая 1866 года, на сумму *до 1000 и болѣе рублей каждый*, и тѣ самые люди, которые еще недавно отказывались отъ церкви, добровольно предложили къ услугамъ и личный свой трудъ по подвозу строительныхъ матеріаловъ, и денежныя средства, которыхъ къ 1868 году въ пользу церквей поступило съ поселенцевъ до 65,000 рублей. «Въ настоящее время, говоритъ д. ст. сов. Таборовскій [1]), нельзя узнать болгарскихъ колоній,

[1]) Записка о современномъ бытѣ новыхъ славянскихъ переселенцевъ Таврической губ. за 1866 и 1867 годы, представленная министру госуд. имуществъ дѣйств. ст. сов. Таборовскимъ, завѣдывающимъ постройкою въ означенномъ водвореніи церквей, молитвенныхъ домовъ и дома для высшаго центральнаго училища.

такъ онѣ измѣнились во всѣхъ отношеніяхъ въ послѣдніе 8 мѣсяцевъ. Количество каменныхъ домовъ прибываетъ безпрестанно; огородовъ заведено достаточное количество и эта часть находится, по обработкѣ, въ замѣчательно хорошемъ положеніи. Огородничество у болгаръ далеко превосходитъ огородничество колонистовъ, даже молочанскихъ меннонитовъ; хлѣбозапасные магазины воздвигнуты во всѣхъ колоніяхъ и наполнены хлѣбомъ, по положенію. Нынѣ приступается къ сооруженію болгарскаго центральнаго училища, мысль о переселеніи на Кавказъ умерла окончательно и болгаре *сознательно* благодарятъ Бога и государя за дарованныя имъ милости, отправляясь въ этомъ смыслѣ толпами на богомолье въ Іерусалимъ и Кіевъ. Даже женщины не опасаются теперь выказывать наружу свои золотыя запястья и другія украшенія, которыя до сего были далеко запрятаны. При замѣчательномъ сборѣ болгаръ (до 15 тысячъ душъ 15-го іюня 1867 года) на степи колоніи Вячеславовой, бердянскаго уѣзда, когда состоялось ихъ народное молебствіе по случаю чудеснаго спасенія, 25 мая, жизни государя, на присутствовавшихъ при этомъ торжествѣ болгаркахъ было навѣшено и вплетено въ головные уборы однихъ червонцевъ турецкихъ, австрійскихъ и другихъ приблизительно до 1,000,000 (?!) рублей, и на этой землѣ, гдѣ совершилось молебствіе, вслѣдъ за тѣмъ постановлено поставить каменную церковь, съ неугасимою лампадою предъ образомъ вв. бл. вел. кн. Александра Невскаго. Церковь эта будетъ окончена къ осени сего 1868 года». Оставляя вѣрность этой картины на полной отвѣтственности г. Таборовскаго, мы охотно готовы удовольствоваться 10% съ его милліона; достаточно для насъ и этого, чтобы вѣрить въ прочность хозяйственнаго быта новаго водворенія и съ увѣренностью взирать на его будущіе успѣхи.

«Болгары—заключаетъ г. Таборовскій свой отчетъ—преимущественно земледѣльцы, весьма трудолюбивы, разсчетливы и бережливы; а потому всѣ предметы своей одежды, домашней утвари и пищи, они производятъ у себя дома; они люди весьма религіозныя, *но съ нѣкоторыми суевѣріями, столь свойственныя населенію, стоящему низко по уровню цивилизаціи.* Семейная жизнь ихъ носитъ характеръ строго патріархальный и положительно нравственный; болгарскихъ женщинъ и дѣвушекъ зазорнаго поведенія нѣтъ совсѣмъ».

Съ своей стороны, дополнимъ эту картину статистическими цифрами о состояніи настоящаго водворенія къ началу 1868 года. Новыхъ болгарославянскихъ колоній образовалось въ уѣздахъ:

	Число колоній	Душъ муж.	Душъ жен.	Семействъ	надѣлъ		запасъ	
Бердянскомъ . .	41	10742	10104	3810	107370	удобн. дес.	17729	удобн. дес.
Мелитопольскомъ .	6	1315	1119	483	10898	—	4482	—
Перекопскомъ . .	4 [1])	420	395	191	7014	—	»	—
Итого	51	12477	11618	4484	198282	—	22211	—

[1]) Эти 4 колоніи основаны чехами, которымъ, по негодности занятыхъ земель, разрѣшено уже переселеніе въ сѣверные уѣзды, на участки по ихъ избранію.

Въ томъ числѣ заключается обоего пола: болгаръ (задунайскихъ переселенцевъ изъ отграниченныхъ колоній) 23,314, чеховъ 815, грековъ 17 и виддинцевъ 947. Состояло: опекъ 40, сиротъ 57; у нихъ капиталу 4770 руб. $62^2/_3$ коп.; церквей 8, въ томъ числѣ 7 каменныхъ, приходовъ 12, священниковъ 12, причетниковъ 18. Причты получаютъ опредѣленное жалованье отъ епархіальнаго начальства и въ пользованіе ихъ отведенъ при каждой колоніи земляной участокъ въ 60 десятинъ. Кромѣ того, нѣкоторые приходы даютъ своему причту отъ 1 до 2 мѣръ пшеницы съ каждаго двора. Духовное призрѣніе чеховъ-католиковъ поручено розентальскому католическому патеру, которому производится по 100 руб. въ годъ на счетъ казны.

Сельско-приходскихъ школъ имѣлось 26, въ нихъ наставниковъ 26 и учащихся 1384, въ томъ числѣ дѣвочекъ 23. У чеховъ нѣтъ школъ; но на дому обучались 70 мальчиковъ и 38 дѣвочекъ. На содержаніе школъ общества употребили въ 1867 году—2448 рублей. Общественныхъ зданій имѣется 95; въ нихъ помѣщаются 39 приказовъ, 8 училищъ, хлѣбныхъ запасовъ 49, священникъ 1 и писарь 1. Всего же общественныхъ и частныхъ зданій 4309; въ магазинахъ хранилось запаснаго хлѣба 12,736 четвертей, Фельдшеровъ-оспопрививателей состояло 8.

Въ 1867 году:	Посѣяно четвертей.	Уродилось четвертей.	Самъ.	въ частности:	самъ. озим.	самъ. яров.
хлѣба озимаго	9,830	39 081	4	въ Бердянскомъ уѣздѣ.	4	8
— яроваго	37,627	293.972	8	— Мелитопольск —	$4^3/_4$	7
кортофель	614	2,480	4	— Перекопскомъ —	2	$1^2/_3$

Поселенцы на каждую муж. пола душу имѣли скота: лошадей 1,0; воловъ 1,5; коровъ 0,6; овецъ 12,2 и свиней 0,65.... У нихъ состояло: ткачей 19, портныхъ 89, плотниковъ 32, кузнецовъ 20, сапожниковъ 36, столяровъ 6, колесниковъ 2, слесарей 6, горшечниковъ 1, мѣдниковъ 6, шорниковъ 2, бондарей 6 и кожухарей 4, всего 229 ремесленниковъ.

На сколько удачными представляется настоящая колонизація болгаръ, на столько же оказались неудовлетворительными поселенія велико-и малороссіянъ и небольшой партіи грековъ, вышедшихъ одновременно съ болгарами: первые изъ Молдавіи и Добруджи, остальные изъ окрестностей Константинополя. Мало—и великороссіяне [1]), состоящихъ изъ разнаго бѣглаго сбора,—строптивы, лѣнивы, склонны къ пьянству, воровству и разврату. Не малое число ихъ бо́льшую часть своего пребыванія въ Россіи высидѣло въ разныхъ острогахъ; иные осуждены за преступленія или бѣжали неизвѣстно куда. Греки не навыкши къ мѣстному хозяйству и склоняясь болѣе къ торгашеству и промысламъ, бросили свою осѣдлость въ Сакахъ, близь Ѳеодосіи, и разбрелись по городамъ, или возвратились даже на родину.

Какъ великъ итогъ издержекъ казны, потраченныхъ на колонизацію Таврической губерніи болгарами и русскими изъ внутренней Россіи,—

---

[1]) Этихъ переселенцевъ числится около 4,500 душъ муж. пола, поселенія которыхъ переданы уже въ вѣдѣніе общихъ губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій.

этого мы не знаемъ положительно, но, по извѣстнымъ намъ даннымъ, расходъ этотъ громаденъ; если считать и недочеты въ прежнихъ доходахъ съ земель, онъ покрывается только почтенною цифрою милліоновъ рублей. На одну иностранную колонизацію было отпущено изъ государственнаго казначейства 1.750,000 руб., а во сколько обошлась операція снабженія поселенцевъ продовольствіемъ, посѣвомъ, медицинскими пособіями и т. д. въ неурожайный періодъ 1861—1865 г.; сколько сошло со счетовъ оброчнаго дохода за земли и т. д?!. — Правда, выходъ въ Турцію татаръ и ногаевъ поставилъ край въ положеніе, требовавшее чрезвычайныхъ мѣропріятій; но при всемъ томъ только особенно вѣсскія, политическія соображенія могутъ оправдать именно *этотъ*, а *не иной* путь колонизаціи означенной мѣстности. Такихъ соображеній мы не знаемъ; но не можемъ не замѣтить, что колонизація Таврической губерніи могла-бы состояться покрайней мѣрѣ также успѣшно и быстро, безъ всякихъ со стороны казны пожертвованій. Стоило только предложить эти земли обществамъ нашихъ крестьянъ и колонистовъ для свободнаго заселенія ихъ избыткомъ домогающихся надѣла поселянъ. Собственно для колонистовъ не потребовалось-бы даже ни льготъ, ни пособій; напротивъ, общества безъ сомнѣнія обязались-бы платить казнѣ прежній, или даже увеличенный оброкъ, съ правомъ разсчета по мѣрѣ отдачи земель въ дѣйствительный надѣлъ и съ обязательствомъ вносить за послѣднія уже обыкновенную оброчную подать по оцѣнкѣ. Мы удверждаемъ это потому, что въ 1855—1859 г., какъ извѣстно, 45 кореннымъ колонистскимъ обществамъ Саратовской губерніи были переданы въ дополнительный надѣлъ 250 т. десятинъ земель безлѣсныхъ, почти безводныхъ и при томъ съ слабосильной почвою,—въ южной полосѣ новоузенскаго уѣзда Самарской губерніи, за оброчный платежъ сперва по 8 коп. съ десятины, а за тѣмъ по оцѣнкѣ. Теперь тамъ устроены уже 31 колонія; за уплатою казнѣ оброка и разными расходами по заселенію означенныхъ земель, изъ доходовъ съ незанятыхъ участковъ коренное водвореніе образовало себѣ общественный капиталъ болѣе 300 тыс. рублей, и все еще годичный доходъ съ свободной части отвода составляетъ до 30,000 руб. Напротивъ, до передачи этихъ угодій колонистскимъ обществамъ, казна ни за нихъ, ни за прочіе смежные участки, не выручала и 8 коп. за десятину, съ заселеніемъ же колонистскаго отвода быстро поднялась и доходность прочихъ владѣній казны и частныхъ собственниковъ.

«Дальнѣйшія переселенія изъ-за границы—отзывался въ маѣ 1866 г. предсѣдательствующій въ попечительномъ комитетѣ—едва-ли выгодны при тѣхъ издержкахъ, которыхъ они стоятъ казнѣ. При томъ почти безошибочно можно сказать, что эти полунагіе, полудикіе, а нерѣдко также безпокойные и малонравственные переселенцы, менѣе способны и менѣе полезны для колонизаціи, чѣмъ наши нѣмецкіе колонисты. За чѣмъ же, спрашивается, намъ раззоряться на убыточное переселеніе южныхъ славянъ, оставляя безъ земли *нашихъ* нѣмецкихъ и болгарскихъ колонистовъ?.. Для прочнаго устройства безземельныхъ колонистовъ не остается другого способа какъ *продажа* по оцѣнкѣ, съ *разсрочкою* выкупныхъ плате-

жей, казенныхъ оброчныхъ статей въ *общинную* собственность тѣмъ изъ сихъ колонистовъ, которые на этихъ условіяхъ пожелаютъ водвориться *цѣлыми колоніями*... Я глубоко убѣжденъ, что всѣ другія мѣры не приведутъ къ удовлетворительнымъ результатамъ и отразятся лишь нескончаемыми заботами правительства. Заселеніе колонистами казенно-оброчныхъ участковъ Таврической губерніи, и Крыма въ особенности, представляетъ для правительства благонадежную, политическую гарантію и, можетъ быть, единственное средство возстановить въ томъ запустѣломъ краѣ обводненіе, земледѣліе, садоводство и лѣсныя насажденія. Съ другой стороны, предположеніе это соотвѣтствуетъ прямымъ выгодамъ казны въ томъ отношеніи, что, по мѣрѣ заселенія пустующихъ пространствъ, возвысятся цѣнность и доходность остающихся незанятыми участковъ. Наконецъ, *безземельное сельское* населеніе отбываетъ государству *меньше* повинностей и производитъ *меньше* цѣнностей, чѣмъ *поселяне-землевладѣльцы*; земля, отданная въ оброкъ, производитъ менѣе и, истощаясь путемъ хищнической обработки, приноситъ на рынки меньше продуктовъ, а слѣдовательно, и государству меньше доходу или выгодъ, нежели земля заселенная. Логической выводъ изъ этого: рабочее земледѣльческое населеніе безъ земельной собственности есть экономическая ошибка, особенно въ многоземельномъ государствѣ».

«Изыскивая возможные способы къ устройству этого полезнаго земледѣльческаго класса людей—говоритъ новороссійскій и бессарабскій генералъ-губернаторъ, по поводу поступившихъ къ нему въ 1867 году просьбъ разныхъ колонистскихъ обществъ, и въ томъ числѣ крымскихъ,—и вмѣстѣ съ тѣмъ обращая вниманіе на настоятельную необходимость постепеннаго заселенія Крымскаго полуострова мѣрами правительства, такъ какъ *семилѣтній опытъ доказалъ, что на помѣщиковъ трудно въ этомъ отношеніи разсчитывать*, я пришелъ къ убѣжденію, что безъ всякаго обремененія для казны можно будетъ исподоволь заселять опустѣлыя мѣстности Крыма». Указавъ за тѣмъ на колонистскіе капиталы въ вѣдѣніи попечительнаго комитета и полагая отдѣлить изъ нихъ до 200 т. рублей собственно на колонизацію Крыма, генералъ-губернаторъ признаетъ возможнымъ, въ скоромъ времени, учредить тамъ до 100 небольшихъ колоній на слѣдующихъ основаніяхъ: 1) объявить всѣмъ безземельнымъ колонистамъ, а равно государственнымъ крестьянамъ и мѣщанамъ въ краѣ, что если образуется между ними партія въ 10-15 семействъ, желающихъ пріобрѣсти въ собственность на Крымскомъ полуостровѣ участокъ помѣщичьей земли, то правительство будетъ выдавать каждой такой партіи въ ссуду, на срокъ не менѣе 15 лѣтъ, изъ 4%, третью или половинную часть суммы, за которую будетъ куплена земля, подъ ея обезпеченіе, и съ тѣмъ, что въ первые три года на ссуду не будетъ насчитываемо никакихъ процентовъ; 2) чтобы привлечь поселенцевъ, можно-бы на первые три года по водвореніи освободить ихъ отъ всѣхъ повинностей; 3) непремѣннымъ условіемъ для водворяющихся въ Крыму колонистовъ поставить сравненіе ихъ правъ съ прочимъ сельскимъ сословіемъ имперіи, но съ тѣмъ, что рекрутская повинность можетъ быть отбываема ими, по желанію, и деньгами; 4)

при соблюденіи сего условія, предоставить безземельнымъ колонистамъ селиться на всѣхъ оброчныхъ и другихъ свободныхъ земляхъ въ Крыму, съ платою казнѣ: въ первые десять лѣтъ приносимаго нынѣ тѣми землями дохода, а послѣдующее за тѣмъ время по оцѣнкѣ, производимой чрезъ каждые 6 или 12 лѣтъ, сообразуясь съ доходностью сосѣднихъ земель. Генералъ-губернаторъ указываетъ, что въ настоящее время цѣнность частныхъ земель въ Крыму не превышаетъ 10 рублей за десятину, а большая часть изъ нихъ продается отъ 5 до 7 рублей; что такой упадокъ цѣнъ происходитъ сколько отъ незаселенности края, столько же и отъ мѣстнаго безденежья и назначенія въ публичную продажу большого числа имѣній за долги разнымъ кредитнымъ установленіямъ. По этому настоящая пора самая удобная для осуществленія предложенныхъ мѣръ. «Разбросивъ по Крымскому полуострову до 100 небольшихъ поселковъ, заключаетъ генералъ-губернаторъ, мы этимъ самымъ увеличимъ цѣнность земли и привлечемъ капиталы, ибо не подлежитъ сомнѣнію, что заселеніе упомянутой мѣстности трудолюбивыми и умѣющими вести свое хозяйство поселянами принесетъ государству болѣе, чѣмъ земля ненаселенная; опытность же колонистовъ въ этомъ дѣлѣ послужитъ прочнымъ основаніемъ развитію мѣстной промышленной дѣятельности».

Все это высказываетъ опытъ; правда, опытъ довольно недешево купленный, но именно потому и особенно цѣнный. Слѣдовательно, можно разсчитывать болѣе или менѣе навѣрное, что прежнія колонизаціонныя предпріятія изъ-за границы въ широкихъ размѣрахъ—едва-ли повторятся, покрайней мѣрѣ не въ бывалыхъ условіяхъ. И пора же, наконецъ, убѣдиться, что лишь-бы были земли и умѣнье приготовить, т. е. изслѣдовать и распредѣлять ихъ соотвѣтственно требованіямъ правильной земледѣльческой культуры, а люди для занятія ихъ найдутся сами собою, такъ тѣ же колонизируемыя земли дадутъ и средства на воспособленіе вновь водворяющимся пришельцамъ. Нагляднымъ тому примѣромъ можетъ служить, между прочимъ, заселеніе Буджака и данная полномочному намѣстнику Бессарабіи инструкція 1816 года. Не мѣшало-бы (какъ по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ кажется), нашимъ распорядителямъ свободныхъ земель на Кавказѣ и даже въ Восточной Сибири вникнуть по глубже въ указанія этой инструкціи, обративъ преимущественное вниманіе на слова: «Его Величеству угодно, чтобы *всѣ сіи волости ни въ раздачу*, *ни въ продажу не назначались доколѣ областной совѣтъ не представитъ статистической опымъ, вѣдомости*, съ точными и подробными планами; что однако *не должно было служить препятсвіемъ* «въ системѣ частныхъ», т. е. земледѣльческихъ поселеній». Значеніе этого указанія мы видимъ въ Крыму, гдѣ лучшія для поселенія мѣста находятся въ частныхъ рукахъ, а казнѣ остались одни почти негодные оборвыши (до 30 тысячъ дес.), нерѣдко безъ воды. Послѣдствіемъ теперь то, что казенныхъ земель никто подъ поселеніе не беретъ; да ихъ и мало, а помѣщикамъ по видимому, все еще претитъ духъ свободнаго пахаря - крестьянина. Или, быть можетъ, имъ особенно нравятся нынѣшнія пустынная ширь и нестѣсненное раздолье нашей Тавриды?.. А напрасно; рѣчь ведетси уже о

перекупкѣ у нихъ земель, о безденежьѣ и несостоятельности многихъ предъ кредиторами. Легко быть можетъ, что желая удержать за собою нераздѣльно *все*, иные, а то и многіе придутъ къ необходимости отступиться отъ своихъ владѣній совершенно, на всегда и безповоротно. И такое положеніе дѣла тѣмъ опаснѣе для частнаго землевладѣнія, что дѣйствительно почти единственнымъ средствомъ для оживленія края остается одна экспропріяція значительной части его въ пользу пахарей-хозяевъ.

Кстати вспомнимъ здѣсь еще объ Амурскомъ краѣ, о колонизаціи и *оживленіи* котораго нѣсколько лѣтъ тому назадъ высказывалось столько розовыхъ надеждъ и блестящихъ предположеній. Все это кончилось, конечно, или ничѣмъ, или довольно грустно... и общество наше, по своему обыкновенію, перестало даже вспоминать о существованіи этого края. Правительствомъ изданы и опубликованы извѣстныя правила, призывающія къ поселенію тамъ всѣхъ желающихъ изъ русскихъ и иностранцевъ; но какія именно послѣдствія имѣлъ этотъ призывъ, ничего неизвѣстно; и край какъ прежде, такъ и теперь, остается для русскаго, и особенно земледѣльческаго общества—terra incognita, въ полнѣйшемъ смыслѣ слова. За то едва-ли нейдетъ съ нѣкоторымъ успѣхомъ колонизація въ приморской области корейцевъ и китайцевъ, хотя тоже неизвѣстно—въ какомъ размѣрѣ и на какихъ основаніяхъ. Великая будущность амурскаго края и приморской области—несомнѣнна; но вопросъ: кто положитъ ей твердое начало, русскіе ли поселенцы, или иностранцы?.. Вопросъ этотъ важенъ уже въ томъ отношеніи, что первые всельники, какъ само собою разумѣется, должны занять лучшія, самыя выгодныя для поселенія мѣста и земли; иначе успѣшная колонизація не мыслима. Вотъ почему обратило на себя наше особенное вниманіе объявленіе удѣльнаго вѣдомства, помѣщаемое отъ слова до слова подъ текстомъ [1]). Дѣло, какъ ви-

---

[1]) Объявленіе. По Высочайшему Государя Императора повелѣнію, послѣдовавшему въ 3-й день іюля 1867 года, удѣльному вѣдомству отведены земли въ южной части приморской области восточной Сибири, расположенныя въ долинахъ 9-ти рѣкъ, въ здоровомъ, умѣренномъ климатѣ, и прилегающія къ Японскому морю, съ превосходною бухтою, названною «Находкой». Вся эта мѣстность представляетъ богатую растительность, значительный запасъ строительныхъ матеріаловъ, удобныя рѣчныя сообщенія и, при сосѣдствѣ всемірныхъ рынковъ, обѣщаетъ возможность успѣшнаго сбыта туземныхъ произведеній путемъ торговли съ Японіею, Китаемъ и Америкою.

Заботливость удѣльнаго вѣдомства по преимуществу обращена на скорѣйшую колонизацію упомянутыхъ земель, съ цѣлью извлеченія изъ плодоносной почвы, *почти* еще не тронутой, тѣхъ выгодъ, какія она можетъ дать въ виду благопріятныхъ климатическихъ условій.

Выполненіе этой задачи возложено Высочайшею волею на управляющаго удѣльными землями въ приморской области восточной Сибири, статскаго совѣтника Фуругельма, которому, относительно заселенія земель, преподаны правила, узаконенныя Высочайше утвержденнымъ 11 марта 1868 года мнѣніемъ Государственнаго Совѣта.

Сущность этихъ правилъ заключается въ слѣдующемъ:

1) На удѣльныхъ земляхъ приморской области восточной Сибири дозволяется селиться всѣмъ желающимъ, какъ русскимъ, такъ и иностранцамъ, по принятіи сими послѣдними русскаго подданства.

2) Переселеніе совершается желающими на свой счетъ, но, по усмотрѣнію удѣльнаго управленія, могутъ быть оказываемы переселенцамъ безвозвратныя пособія лѣсомъ и ссуды деньгами или предметами продовольствія, а также земледѣльческими орудіями и проч.

3) Желающимъ переселиться отводятся свободные участки до 50-ти десятинъ на одно семейство, въ потомственное пользованіе, на 24 года безплатно, а по истеченіи сего срока, — съ платою оброка не

дитъ читатель, идетъ о колонизаціи, русскими и иностранцами, земель, отведенныхъ удѣлу въ южной части приморской области и расположенныхъ въ долинахъ 9-ти рѣкъ, при Японскомъ морѣ. Удѣльное вѣдомство озабочено «скорѣйшимъ» заселеніемъ этихъ земель, съ цѣлью извлеченія изъ нихъ возможныхъ выгодъ. Но если разсчитываютъ въ этомъ случаѣ на переселенцевъ изъ европейской Россіи, то надежды эти едва-ли сбыточны, покрайней мѣрѣ—при неполнотѣ и неопредѣлительности объявленныхъ условій. У насъ есть основаніе думать, что удѣлъ не прочь-бы привлечь въ колонизируемую мѣстность колонистовъ южной Россіи. Предположеніе это могло-бы имѣть успѣхъ, если-бъ были предложены имъ участки возможно большихъ, опредѣленныхъ размѣровъ, *съ подробнымъ описаніемъ ихъ границъ и хозяйственныхъ условій.* Это необходимо потому, что на одиночныя переселенія никто не рискнетъ; да едва-ли у кого достанетъ и средствъ на это. Если же будутъ предложены болѣе или менѣе обширные участки и опредѣлятся ближайшимъ образомъ пособія и повинности, (особенно рекрутская деньгами), тогда, легко быть можетъ, дѣло это возьмутъ въ руки общества и обратятъ на него часть своихъ общественныхъ капиталовъ. Впрочемъ, удѣлъ нашолъ охотниковъ-переселенцевъ въ Финляндіи, гдѣ, для веденія этого дѣла, образовалась даже, какъ сообщали газеты, особая компанія. Наконецъ, не воспользуются-ли настоящимъ вызовомъ чехи въ Америкѣ и меннониты близъ Данцига?..

Но пора, въ заключеніе, возвратиться къ нашимъ «задунайскимъ переселенцамъ» Таврической губерніи. Новѣйшія заявленія населенія этого водворенія продолжаютъ свидѣтельствовать объ увеличенномъ довольствѣ его Такъ минувшею осенью всѣ новыя общества болгаро-колонистовъ, мірскими приговорами, единогласно постановили: учредить при гимназіи въ г. Николаевѣ, на вѣчныя времена, двѣ степендіи, каждую въ 300 рублей, съ тѣмъ, чтобы стипендіи эти, предназначаясь для мальчиковъ-болгаръ, именовались—одна «въ память чудеснаго спасенія Государя Императора 4-го апрѣля 1866 г.», другая—«Стремоуховскою», въ честь дѣйств. ст. сов. Стремоухова (нынѣ директора азіятскаго департамента), завѣдывавшаго дѣломъ переселенія въ 1861 — 1862 годахъ. Поэтому свѣтлый

свыше 50 коп. за каждую десятину. Кромѣ того дозволяется колонистамъ пріобрѣтать землю въ собственность, или же арендовать ее, по соглашенію съ управляющимъ удѣльными землями; и

4) Лица податнаго сословія, получившія поземельныя участки въ потомственное пользованіе, освобождаются въ теченіи 24-хъ лѣтъ отъ всѣхъ податей и повинностей

Управляющій удѣльными землями въ приморской области восточной Сибири статскій совѣтникъ Фуругельмъ, извѣщая о вышеизложенномъ, приглашаетъ желающихъ къ переселенію на означенныя земли, на основаніи объясненныхъ положеній, дальнѣйшія подробности коихъ каждый можетъ узнать въ департаментѣ удѣловъ, въ С.-Петербургѣ, на литейномъ проспектѣ, присовокупляя: 1) что переселенцы съ ихъ семействами и имуществомъ могутъ слѣдовать въ южную Сибирь чрезъ Москву, Нижній Новгородъ, Казань и Пермь на Иркутскъ; далѣе—чрезъ Забайкальскую область до г. Срѣтенска, лежащаго на рѣкѣ Амурѣ; за тѣмъ—по этой рѣкѣ на казенныхъ пароходахъ до села Хабаровки, лежащаго при впаденіи р. Усури въ Амуръ, потомъ, — вверхъ по р. Усури и, наконецъ, сухимъ путемъ къ мѣсту переселенія; 2) что путь этотъ съ начала весны, т. е. съ открытія навигаціи, самъ по себѣ не представляетъ существенныхъ затрудненій, но что онъ, удѣльный управляющій, готовъ употребить всѣ зависящія мѣры къ облегченію переселенцамъ слѣдованія на мѣсто.

фонъ картины, набросанной г. Таборовскимъ, дѣйствовалъ-бы на читателя вполнѣ отрадно, но только въ томъ случаѣ, если-бъ не встрѣчались такія глубокія тѣни, каковы: «суевѣріе и низкій уровень цивилизаціи». И дѣйствительно; отсутствіе у болгаро-колонистовъ грамотности и достаточнаго духовнаго призрѣнія — обратило уже на себя вниманіе какъ епархіальнаго, такъ и гражданскаго начальства. О предположенномъ открытіи въ кол. Преславѣ центральнаго училища — читателю извѣстно. Назначеніе училища—готовить наставниковъ для сельскихъ школъ, писарей и т. д. Съ другой стороны, пришедшіе съ болгарами изъ-за границы священники далеко не вполнѣ соотвѣтствуютъ своему призванію. По свидѣтельству бывшаго преосвященнаго таврическаго Алексія, «въ числѣ ихъ нѣтъ ни одного на столько образованнаго, чтобы быть достойнымъ пастыремъ и учителемъ народа, а вышли они всѣ изъ необразованной народной массы и въ нравственномъ отношеніи стоятъ не выше уровня своихъ прихожанъ». Епархіальное начальство неоднократно дѣлало болгарскимъ священникамъ внушенія о заведеніи въ ихъ приходахъ первоначальныхъ сельскихъ школъ; но, по словамъ преосвященнаго Алексія, эти внушенія оставались безъ желаемыхъ послѣдствій, также какъ и неоднократно принятыя мѣры къ вразумленію и исправленію самихъ священниковъ, замѣченныхъ въ «неназидательный для прихожанъ жизни». Малополезнымъ, въ этомъ отношеніи, оказывается и содѣйствіе епархіальному начальству мѣстныхъ благочинныхъ. Не зная болгарскихъ обычаевъ и языка, и посему не пользуясь полнымъ довѣріемъ ни прихожанъ, ни священниковъ, они не могутъ имѣть должнаго вліянія на нихъ.

Для измѣненія къ лучшему «неутѣшительнаго состоянія славянскаго духовенства и прискорбнаго положенія болгарскихъ приходовъ», преосвященный Алексій призналъ полезнымъ: 1) въ одной изъ центральныхъ болгарскихъ колоній учредить окружное благочиніе для всѣхъ болгарскихъ приходовъ бердянскаго и мелитопольскаго уѣздовъ, съ назначеніемъ въ должность благочиннаго священника изъ болгаръ, имѣющаго достаточное образованіе, вполнѣ знакомаго съ болгарскими обычаями и языкомъ, и могущаго поэтому благотворно влiять какъ на духовенство болгарское, такъ и на прихожанъ; 2) въ той же центральной колоніи— главное болгарское училище, и вообще сельско-приходскія школы цѣлаго благочинія поручить вѣдѣнію благочиннаго, въ званіи «смотрителя главнаго училища и инспектора сельскихъ школъ»; и 3) для содѣйствія благочинному, какъ по дѣламъ благочинія, такъ и по надзору за первоначальными школами, опредѣлить къ нему помощника изъ наиболѣе благонадежныхъ мѣстныхъ священниковъ. Для обѣихъ должностей преосвященный Алексій указываетъ вполнѣ соотвѣтствующихъ его требованіямъ лицъ, полагая необходимымъ назначить жалованья—благочинному 800, а его помощнику 600 рублей, *независимо* отъ содержанія, какое каждый изъ нихъ будетъ получать въ качествѣ приходскаго священника. Сколько намъ извѣстно, эти предположенія будутъ приняты во вниманіе при окончательномъ обсужденіи положенія и штата учреждаемаго въ колоніи Преславѣ высшаго болгарскаго училища. Но какъ это училище, по

программѣ преподаванія, должно будетъ состоять въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, то, по всей вѣроятности, главнымъ образомъ отъ того же министерства будетъ зависѣть и окончательное разрѣшеніе вопроса: на сколько желательно и возможно соединить, въ одномъ лицѣ, должности благочиннаго, смотрителя высшаго училища и инспектора начальныхъ школъ, каковыя послѣднія, по закону, должны бы быть подчинены вѣдѣнію мѣстныхъ училищныхъ совѣтовъ? Что же касается собственно матеріальныхъ средствъ, то въ нихъ едва-ли встрѣтится затрудненіе и намъ остается только желать, чтобы и настоящія, несомнѣнно благотворныя предположенія осуществились въ ближайшемъ будущемъ, въ той или иной комбинаціи.

Но «прочными и преуспѣвающими могутъ быть только то гражданское благоустройство и то матеріальное благосостояніе, которыя идутъ рука объ руку съ основательнымъ религіозно-нравственнымъ воспитаніемъ и руководятся болѣе или менѣе научными знаніями и образованіемъ», вотъ одинъ изъ тезисовъ нашихъ колонистовъ-сектаторовъ. И кто же не согласится съ ними въ этомъ отношеніи вполнѣ и не пожелаетъ отъ всей души, чтобы этотъ тезисъ находилъ повсюду, у всѣхъ нашихъ сельчанъ, самое широкое примѣненіе. Въ тоже время слѣдуетъ однако твердо помнить, что и для насъ также прошло время средневѣковаго традиціоннаго воспитанія и наступаетъ пора свѣжаго образованія народа; что въ этомъ дѣлѣ пора обскурантизма, пора дѣятелей въ родѣ Магницкаго, минула навсегда. Нравственное достояніе, которое дается наукой образованному классу, по праву можетъ, должно принадлежать и массѣ народа. Слѣдовательно, въ организаціи учебнаго дѣла нами должно руководить именно это начало, а не тѣ мнимо неприкосновенныя идеалы, отъ которыхъ мы такъ легко отказываемся сами и на которыхъ такъ удобно опираются лицемѣрныя тенденціи ретроградовъ. Коль скоро нами будетъ управлять убѣжденіе, что единственно этимъ только путемъ, только на основаніи результатовъ современнаго знанія, возможно полное, истинно-полезное развитіе народныхъ силъ, въ такомъ случаѣ главное сдѣлано, такъ какъ за тѣмъ уже не трудно найти ту форму, которая одинаково удовлетворяла-бы разумно понятымъ потребностямъ какъ религіозно-нравственнаго воспитанія, такъ и гражданственно-научнаго образованія.

Въ заключеніе не можемъ обойти молчаніемъ завѣтнаго желанія болгаро-славянскихъ колонистовъ Таврической губерніи—создать себѣ и въ новомъ мѣстѣ поселенія, на берегу Азовскаго моря, такой же торгово-промышленный центръ, какимъ былъ для нихъ Болградъ, въ Буджакѣ. Ходатайство объ устройствѣ такого центра, или, сказать вѣрнѣе, объ отводѣ свободнаго участка земли подъ устройство такой колоніи, общества заявляли правительству еще въ 1862 г. Послѣдующіе неурожаи и сопровождавшія ихъ затрудненія, колебля вѣру населенія въ прочность его осѣдлости, удерживали его въ тоже время и отъ дальнѣйшаго преслѣдованія мысли о торговоремесленной колоніи; само же правительство, вполнѣ одобривъ предпріятіе въ принципѣ, равнымъ образомъ выжидало болѣе благопріятныхъ мѣстныхъ условій. Наконецъ, въ августѣ 1867 года, ободренныя

урожаями, общества болгарскихъ колоній, на съѣздѣ ихъ депутатовъ и членовъ мѣстнаго окружнаго приказа, возобновили прежнее ходатайство настоятельнѣе прежняго. Полагая устроить колонію на 600 промышленныхъ семействъ, съ отводомъ на каждое по 4 десятины, депутаты просятъ вырѣзать необходимыя для этого 2400 дес. на берегу моря, изъ дачи колоніи Цареводаревки, вознаградивъ послѣднюю изъ сосѣднихъ участковъ.

По мнѣнію обществъ и ихъ депутатовъ, выраженному еще въ приговорѣ 1862 года, торговоремесленная колонія должна быть устроена на слѣдующихъ главныхъ основаніяхъ: 1) всѣ постройки должны быть образцовой архитектуры; къ поселенію допускаются какъ имѣющіе надѣлъ, такъ и безземельные колонисты, а равно, съ согласія общества, лица другихъ состояній, состоятельныя и опытныя въ хозяйствѣ, садоводствѣ, торговлѣ, ремеслахъ и дѣлахъ фабричныхъ и заводскихъ; и 2) въ колоніи учреждаются: а) волостной банкъ; б) десятидневная ярмарка — на выгонѣ, для продажи скота, а на центральной площади колоніи—товарная, въ первые три дня съ народными празднествами и играми, по обычаю болгаръ; начало ярмарки—20 августа, въ память посѣщенія, въ 1861 г., Государемъ Императоромъ Одессы; в) еженедѣльные базары — по понедѣльникамъ и пятницамъ; за тѣмъ здѣсь же возводятся: г) домъ для окружнаго приказа, д) зданія для высшихъ центральныхъ училищъ—мужскаго и женскаго, и наконецъ е) соборный храмъ, съ возможнымъ благолѣпіемъ.

Общества, предоставляя себѣ право впослѣдствіи развить подробнѣе эти главнѣйшія основанія, издержки на содержаніе училищъ принимаютъ на счетъ цѣлаго водворенія, предоставляя, сверхъ того, въ пользу прочихъ учрежденій колоніи, по 5 коп. съ каждой привозимой въ нее на продажу четверти хлѣбнаго зерна.

Въ теченіи 6 — 7 лѣтъ обстоятельства нѣсколько измѣнились. Тѣмъ временемъ, колонія Преславъ сдѣлалась мѣстомъ пребыванія окружнаго приказа и украсилась капитальною церковью и болѣе или менѣе приличными частными постройками; здѣсь же предположено устроить и центральное училище. Все это привело къ тому, что преславское общество неохотно уступитъ свое нынѣшнее первенство торгово-ремесленной колоніи; но, будучи земледѣльческимъ поселеніемъ и не имѣя въ своей дачѣ удобнаго мѣста для морской пристани, колонія эта не можетъ удовлетворять тѣмъ требованіямъ, которыми вызывается устройство особаго торговоремесленнаго центра для водворенія.

Въ надеждѣ подвинуть это дѣло, прибыли въ Петербургъ особые депутаты и намъ остается только пожелать имъ полнаго успѣха.

IX.

ДУХОВЕНСТВО И ШКОЛЫ.

«Нравственное и духовное воспитаніе должно идти на ряду съ вещественнымъ благосостояніемъ всякаго народа; въ семъ заключается единственное средство, чтобы добро было прочное». Вотъ, по словамъ извѣстной правительственной инструкціи 1816 г. [1]), правило, которымъ власть обязана руководствоваться, устроивая бытовыя условія подначальнаго населенія. Къ сожалѣнію, подобныя общія начала и законы, какъ бы раціональны они ни были, слишкомъ часто остаются мертвою буквою, извращаясь и погибая иногда окончательно въ массѣ противорѣчивыхъ частныхъ, дополнительныхъ постановленій и распоряженій, такъ что на практикѣ только самый пытливый анализъ, среди болѣе или менѣе разнообразныхъ плевелъ, едва-едва откроетъ тощія зерны, свято охраняющія здоровый зародышъ общаго начала. Инструкція, слова которой приведены нами выше, въ подробности излагаетъ цѣлую правительственную систему, которой держался императоръ Александръ I во вторую половину своего царствованія, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи Бессарабіи и колоній; она же, по нашему мнѣнію, во многихъ отношеніяхъ можетъ служить поясненіемъ тѣхъ гуманныхъ воззрѣній, которыя дали осуществиться у насъ на нѣкоторое время такому замѣчательному явленію, какимъ въ нашей бытовой исторіи представляется русское библейское общество. Появленіе инструкціи совпало съ тѣмъ временемъ, когда это общество, имѣя основною цѣлью проводить начала безусловной вѣротерпимости, просвѣщенія и гуманизма относительно низшихъ, невѣжественныхъ классовъ народа, охватывало всю Россію непрерывною сѣтью комитетовъ, отдѣловъ и сотрудниковъ; когда повсюду открывались у насъ школы взаимнаго обученія, а библейское общество и частныя лица высшихъ сферъ съ замѣчательнымъ увлеченіемъ издавали массу книгъ, брошюръ и назидательныхъ «трактатовъ» для народнаго чтенія; когда,

---

[1]) Приложеніе № 10.

наконецъ, начиная отъ высшихъ сановниковъ церкви и правительства до капитанъ-исправниковъ и благочинныхъ, съ ихъ подчиненными, однимъ словомъ, все и вся внезапно обнаруживало небывалую ревность къ слову Божію, и страстное стремленіе просвѣщать «сѣдящихъ въ сѣни смертней». И что же?—весь этотъ порывъ оказался лишь белстящимъ фальшфейеромъ: библейское общество, вопреки своимъ основнымъ началамъ, въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, пришло къ печальному концу также быстро, какъ и возродилось, оставивъ послѣ себя одинъ только смрадъ обскурантизма. Собственно въ русскихъ народныхъ массахъ оно прошло безслѣдно; но нельзя сказать того же о нашихъ нѣмецкихъ колоніяхъ. Здѣсь библейское общество находило населеніе болѣе или менѣе грамотное и вполнѣ подготовленное для его цѣлей. Особенно у меннонитовъ и протестантовъ потребность школьнаго обученія является прямымъ послѣдствіемъ конфессіонализма, и потребность эта привилась къ населенію въ такой степени, что всякое отдѣльное поселеніе его, все-равно, большое или малое, на землѣ собственной или арендной, считается прочнымъ, самобытнымъ не прежде, какъ въ центрѣ его появится школьный домъ, съ учителемъ (онъ же обыкновенно и кистеръ, а нерѣдко и сельскій писарь). За неимѣніемъ церкви, школьный домъ служитъ для общихъ молитвъ и обученія дѣтей, а учитель, въ качествѣ кистера, исполняетъ требы, управляетъ божественною службою и т. д. У колонистовъ-католиковъ постановка этого дѣла нѣсколько иная; у нихъ на первомъ планѣ—церковь, ея благолѣпіе и ксендзъ, а за тѣмъ уже и школа. Такимъ образомъ, меннонитское или протестанское поселеніе, водворяясь на новомъ мѣстѣ, первые прибытки свои обращаетъ на устройство школы, забота же о постройкѣ молитвеннаго дома или церкви отлагается до болѣе благопріятнаго времени, до накопленія нѣкотораго избытка матеріальныхъ средствъ.

Само собою понятно, что въ числѣ членовъ русскаго библейскаго общества не послѣднее мѣсто принадлежало протестанскимъ пасторамъ, а отчасти и католическимъ ксендзамъ нашихъ нѣмецкихъ колоній. Пасторы, послѣ паденія русскаго общества, и по сіе время остаются ревностными сотрудниками протестантскаго библейскаго общества, представляющагося какъ бы осколкомъ и продолжателемъ перваго. Такимъ образомъ, въ нашихъ нѣмецкихъ колоніяхъ, при ихъ матеріальномъ и гражданскомъ благоустройствѣ дѣлу народнаго образованія слѣдовало бы, кажется, стоять «на ряду съ вещественнымъ благосостояніемъ народа». А между тѣмъ, такое предположеніе, какъ увидимъ, не оправдывается дѣйствительностью; вліянія библейскаго общества, какъ прежняго русскаго, такъ и позднѣйшаго протестантскаго, и здѣсь не похвалятся особенно-благопріятными результатами. Положеніе школьнаго дѣла въ нашихъ колоніяхъ, большею частью очень печальное, служитъ нагляднымъ примѣромъ, что ни законъ, ни идущія ему навстрѣчу общественныя стремленія не достигаютъ цѣли, если посредствующія между законодательною властью и народомъ звенья не проникнуты мыслью законодателя и оказываются плохими проводниками для истинныхъ народныхъ нуждъ и потребностей. Разъяснить эту мысль подробнѣе—составляетъ задачу настоящаго изслѣдованія.

I.

Для изученія сущности вопросовъ о духовенствѣ, школѣ и русскомъ языкѣ вообще въ нашихъ колоніяхъ, достаточно ознакомиться съ исторіею и постановкою ихъ въ двухъ колонистскихъ водвореніяхъ, Саратовско-Самарскомъ и южной Россіи. Всѣ остальныя поселенія нашихъ колонистовъ и ничтожны по числу населенія, и далеко отстали отъ поволжскихъ и особенно южныхъ единоплеменниковъ своихъ, въ смыслѣ культуры и интелигенціи, хотя въ тоже время мало отличаются отъ нихъ по своимъ церковнымъ и школьнымъ порядкамъ.

Къ 1868 году, по вѣроисповѣданіямъ, состояло наличнаго населенія въ колоніяхъ, вѣдомства:

I. *Саратовской конторы иностранныхъ поселенцевъ.*	Душъ. Мужск.	Жен.	Приходовъ.	Священниковъ и духовныхъ старшинъ.	На одинъ приходъ душъ.	На одно духовное лицо.
Православныхъ [1]) . .	221	218	1	1	439	439
Католиковъ.	29,894	29,229	18	19	3,697	3,111
Протестантовъ. . . .	96,514	94,750	25	27	7,650	6,084
Меннонитовъ	293	298	1	5	591	118
Итого	126,922	124,495	45	52	—	—
II. *Попеч. комитета объ иностр. поселенцахъ южной Россіи.*						
Православныхъ . . .	42,403	40,722	53	68	1,587	1,257
Католиковъ.	20,725	19,352	14	18	2,862	2,226
Протестантовъ: Лют. и реформатовъ.	42,680	40,400	25	27	3,323	3,077
Протестантовъ: Піетистовъ . . .	941	936	1	1	1,877	1,877
Протестантовъ: Сектистовъ . . .	198	162	—	—	—	—
Протестантовъ: Сепаратистовъ . .	752	805	—	—	—	—
Меннонитовъ	20,342	19,400	15	105	2,649	378
Итого	128,041	121,777	108	151	—	—

Меннонитское братство, какъ читателю извѣстно, подчиняется правительственнымъ органамъ исключительно только въ своихъ гражданскихъ условіяхъ; дѣла же вѣры, церкви и школы вѣдаются самими обществами, приходскимъ и сельскимъ, чрезъ избираемыхъ ими изъ своей среды духовныхъ старшинъ и наставниковъ-проповѣдниковъ.

Характеристику первыхъ поселенцевъ, основавшихъ въ 1764—1770 годахъ поволжскія колоніи, мы находимъ въ длинной поэмѣ Платена [2]).

---

[1]) Большая часть этого населенія (Греки въ католической колоніи Емианнѣ, камышинскаго уѣзда, и приписано къ сосѣднему приходу села баннаго. Православная же церковь съ причтомъ имѣется только въ кол. Екатеринштатѣ (Баронскѣ) Николаевскаго уѣзда, поддерживаясь преимущественно временно пребывающими здѣсь купцами и промышленниками.

[2]) Приложеніе № 1.

Въ этой поэмѣ, записанной въ поволжьѣ со словъ старожиловъ, Платенъ повѣтствуетъ о томъ, какъ и съ какими надеждами онъ попалъ въ число переселенцевъ-колонистовъ; какъ въ составѣ переселенческой партіи онъ слѣдовалъ къ мѣсту назначенія: изъ Любека, моремъ, въ Петербургъ; отсюда, Невою и Волгою, до Саратова. «Городъ Любекъ — говоритъ нашъ піита—то мѣсто, гдѣ вербовали переселенцевъ, гдѣ старъ и младъ, великій и малый, безпрепятственно, могли сдѣлаться участниками гостепріимнаго призыва. Мои же обстоятельства дошли въ то время до крайности: не было у меня ни одежды, ни денегъ, ни имущества; стыдно было предъ людьми; я ходилъ босой, не-на-что было выпить даже шнапсу. Вотъ и взяло меня раздумье: не попытать ли счастья въ Россіи? Наконецъ, рѣшившись, являюсь къ коммисару и говорю ему: я офицеръ, хорошаго дворянскаго происхожденія и желаю служить императрицѣ». Безъ дальныхъ околичностей, Платенъ былъ принятъ въ число переселенцевъ, и съ того же дня сталъ получать по 8 шиллинговъ въ день кормовыхъ. Неудивительно, конечно, если въ Саратовъ прибывалъ самый разнообразный сбродъ, какъ свидѣтельствуетъ о томъ и Платенъ. Въ заключительныхъ словахъ его поэмы слышится все разнообразіе профессій, званій и понятій переселенцевъ. По прибытіи въ Саратовъ, «послѣдовалъ приказъ: долой съ корабля; вамъ укажутъ мѣста поселенія; всѣ вы теперь какъ бы крѣпостные. Вотъ ваше мѣсто; доставайте себѣ пропитаніе; работать вы должны bis in den Tod. Здѣсь нѣтъ ни профессіонизма, ни дворянства, ни служебнаго званія (Amtrecht), ни офицера; всѣ вы, безъ исключенія, должны быть крестьянами. O weh!»... Нашего піиту обратили въ учителя и, вспомнивъ при этомъ картину общаго и частнаго состоянія тогдашняго поволжья—неурожаи, нападенія киргизъ-кайсаковъ, пугачевскихъ шаекъ и т. д., мы легко объяснимъ себѣ всю искренность Платена, когда онъ, жалуясь на новый Kolonistenstand, выражаетъ свою тоску по прежней родинѣ.

Поселенцы, вышедшіе въ первую четверть текущаго столѣтія въ Новороссію и Бессарабію, въ большинствѣ состояли изъ коренныхъ земледѣльцевъ и «полезныхъ въ сельскомъ быту» ремесленниковъ. Немалое число ихъ, и особенно меннониты, имѣли болѣе или менѣе значительныя денежныя средства, или, по крайней мѣрѣ, нѣсколько рабочаго скота, фургоны и нужнѣйшій домашній скарбъ. Въ большинствѣ, они прибывали сухимъ путемъ, организованные еще за границею, по взаимному соглашенію, въ отдѣльныя товарищества, съ выборнымъ старшиною во главѣ. Самое поселеніе ихъ не сопровождалось такими бѣдствіями, какія испытывала на первыхъ порахъ колонизація поволжья. Къ тому же и правительство, руководимое опытомъ, научилось входить въ нужды переселенцевъ и, устроивая ихъ бытъ, слѣдовать одной, положительно установленной системѣ. Все это сказалось въ дальнѣйшемъ развитіи обоихъ колонистскихъ водвореній — поволжскаго и южной Россіи, наложило на каждое изъ нихъ свою характеристическую печать, вопреки тождеству основныхъ началъ по правамъ состоянія, общественному самоуправленію и землевладѣнію (но не по порядкамъ *пользованія* землями), и при-

вело къ органическому различію въ бытовыхъ условіяхъ тѣхъ и другихъ колоній.

Въ историческомъ отношеніи наши нѣмецкіе колонисты не представляютъ ничего особенно замѣчательнаго. Всѣ они принадлежатъ къ двумъ исповѣданіямъ — протестантскому и католическому; число же обратившихся изъ нихъ въ православіе — совершенно ничтожно. И хотя протестанты, какъ показываетъ статистика, распадаются на лютеранъ, реформатовъ, піэтистовъ, сектистовъ, но это дѣленіе имѣетъ основаніемъ не столько догматическую рознь, сколько несогласіе различныхъ религіозныхъ партій въ нѣкоторыхъ частныхъ вопросахъ ученія Спасителя, и особенно въ отношеніи іерархически-административнаго церковнаго устройства. Поэтому, въ статистикѣ поволжскихъ колоній, гдѣ въ прежнее время, кромѣ лютеранъ и реформатовъ, иныхъ протестантскихъ сектъ не было, и по сіе время не допускаются тѣ различія, которыя дѣлаются на югѣ Россіи. Сюда, особенно въ позднѣйшія водворенія, сектаторское разномысліе занесено переселенцами непосредственно изъ-за границы; главный контингентъ протестантовъ-сектаторовъ доставила намъ югозападная Германія, преимущественно Баварія и Виртембергъ. Къ тому же, въ южныхъ нашихъ колоніяхъ религіозная рознь, во многихъ случаяхъ, совпадаетъ съ національнымъ антагонизмомъ, что даетъ послѣдователямъ разныхъ толковъ извѣстную сплоченность, поддерживая ихъ особность. Въ степяхъ Новороссіи и Бессарабіи, къ общему сожительству сходились не одни нѣмцы, сами по себѣ вносившіе въ общественную жизнь колоній тоже самое разнообразіе семейно-гражданскихъ кодексовъ, обычныхъ понятій и племенной розни, которымъ такъ богата Германія. Значительный процентъ этихъ, такъ-называемыхъ «нѣмецкихъ» колонистовъ составляетъ потомство вовсе не нѣмцевъ. Такъ, напримѣръ, въ нѣмецкихъ колоніяхъ Бессарабіи, занявшихъ территорію въ $1,258^1/_2$ квадр. верстъ, водворено первоначальныхъ поселенцевъ до 2,100 семействъ. Въ то число вошли: до 370 семействъ изъ Виртемберга, Баваріи и французской Швейцаріи; до 80 сем. изъ нашихъ херсонскихъ колоній, а остальныя 1,646 сем. изъ бывшаго царства Польскаго, и преимущественно изъ Познанской области. Изъ этихъ 1,646 сем. едва одна треть состояла изъ «швабовъ» (виртембергцевъ, вышедшихъ до переселенія къ намъ въ Польшу); двѣ же трети были кашубы, т. е. славяне. Слѣдовательно, населеніе бессарабскихъ «нѣмецкихъ» колоній, по крайней мѣрѣ на половину, вовсе не нѣмецкое, а славянское. «Обѣ эти народности — отзывался колонистъ Іоганъ-Георгъ Курцъ еще въ 1857 году [1]), рѣзко отличаются одна отъ другой по языку и обычаямъ. Швабы вообще образованнѣе, развитѣе, мягче нравами, домовитѣе и зажиточнѣе кашубовъ; они говорятъ на швабскомъ или верхне-нѣмецкомъ нарѣчіи, тогда какъ у кашубовъ въ употребленіи idiомъ простонародный, нижне-германскій (Plattdeutsch) [2]). Это различіе сказывалось

---

[1]) Краткій статистико-историческій обзоръ нѣмецкихъ колоній въ Бессарабіи. Трудъ этотъ не напечатанъ, но въ нашихъ рукахъ подлинная рукопись.

[2]) Курцъ, конечно, не лингвистъ и едва ли знаетъ даже по-русски. Поэтому неудивительно, что кашубо-славянскую рѣчь онъ принимаетъ за Plattdeutsch.

особенно сильно въ началѣ поселенія. Обѣ народности долгое время оставались во враждебныхъ отношеніяхъ, такъ что общительности между ними было мало. Но сила обстоятельствъ привела ихъ къ постепенному сближенію; взаимная рознь сглаживается и кашубы все болѣе начинаютъ усвоивать себѣ образованіе и нравы швабовъ». Если и не въ такихъ обширныхъ размѣрахъ, но все же подобные примѣры онѣмеченія можно найти и въ другихъ колоніяхъ, въ составъ которыхъ вошли тѣ же кашубы, шведы, французы, итальянцы и т. д. Независимо отъ разноплеменности, устойчивость сектаторства объясняется еще недостаткомъ при началѣ поселенія въ пасторахъ и ксендзахъ, за неимѣніемъ которыхъ браки и иныя церковныя требы нерѣдко совершались простыми колонистами. Такимъ же образомъ отправлялась божественная служба, и населеніе, группируясь около людей, умѣвшихъ удовлетворять его духовной потребности, образовало болѣе или менѣе замкнутые религіозные кружки, въ которыхъ поддерживались старые и выработывались новые взгляды на вопросы церкви и вѣры. То, что дѣлалось сперва по необходимости, входило мало-помалу въ обычай, съ которымъ борьба прибывавшихъ новыхъ пасторовъ оказывалась безуспѣшною и, усложняясь все болѣе, приводила послѣдователей разныхъ толковъ только къ большему отчужденію отъ церкви. Ни постройка церквей, ни увеличеніе числа приходовъ, пасторовъ и ксендзовъ, не были въ состояніи отвратить частныя сходки въ обывательскихъ домахъ, гдѣ «кружки» занимались чтеніемъ и толкованіемъ св. писанія, молитвою, пѣніемъ псалмовъ и гимновъ. Въ началѣ сороковыхъ годовъ дѣло дошло до того, что протестантское духовенство стало настаивать на принятіи противъ сектаторовъ строгихъ полицейскихъ мѣръ. Объ этомъ настояніи, въ 1842 г., было доведено до высочайшаго свѣдѣнія; но, къ счастію, императоръ Николай I положилъ конецъ обскурантнымъ поползновеніямъ протестантизма. «Доколѣ — гласило повелѣніе императора — сектаторы безусловно исполняютъ всѣ гражданскія свои обязанности, оставить ихъ безъ всякаго преслѣдованія; лютеранскому же духовенству не мѣрами гражданскими, а нравственнымъ вліяніемъ своего ученія, слѣдуетъ удерживать паству свою въ любви и преданности своему исповѣданію».

Такимъ образомъ получили до извѣстной степени право гражданства секты піетистовъ и сепаратистовъ. О такъ называемыхъ сектистахъ — мы не говоримъ, такъ какъ число ихъ ничтожно, и они, живя разрозненно, среди массы протестантовъ-лютеранъ и реформатовъ, нигдѣ еще не успѣли сложиться въ болѣе или менѣе прочно организованное приходское общество.

Піетисты—это главные представители ультра-протестантскаго направленія. Не выдѣляясь изъ церкви, они, напротивъ, являются самыми ревностными ея сынами въ строго ортодоксальномъ смыслѣ. Піетистъ не пропуститъ ни одной церковной службы; но этого ему кажется недостаточнымъ, и потому онъ участвуетъ еще въ частныхъ молебствіяхъ на дому, устраиваемыхъ въ опредѣленные часы. Развитію и поддержкѣ этого направленія всячески содѣйствовала пропаганда, шедшая изъ Сарепты, библейское общество и сами пасторы, нерѣдко навѣщающіе частныя соб-

ранія піэтистовъ. Въ поволжскихъ колоніяхъ піэтисты извѣстны подъ наименованіемъ «молельщиковъ» (Betbrüder), на югѣ Россіи — «штундистовъ», и тамъ уже, гдѣ устроены ими особые приходы, они именуются піэтистами, т. е. благочестивыми. «Мало-по-малу—поясняетъ Курцъ, говоря о бессарабскихъ піэтистахъ — установилось мнѣніе, что исключительно они могутъ быть признаны за истинныхъ, правовѣрныхъ протестантовъ». Такое высокое о себѣ мнѣніе усвоили прежде всего сами піэтисты, которые, въ этомъ сознаніи, всячески стали стремиться подчинить своему исключительному вліянію всѣ церковныя и общественныя дѣла, школы, пасторовъ и шульмейстеровъ. Не всегда ихъ притязанія находили должную, по ихъ мнѣнію, поддержку, и въ такихъ случаяхъ лица, имъ противодѣйствовавшія, подвергались всевозможнымъ со стороны піэтистовъ стѣсненіямъ и преслѣдованіямъ, какъ «враги истиннаго христіанства». При такомъ направленіи, сектанты эти сбивались постепенно съ истиннаго пути, указываемаго любовью къ ближнему, вѣротерпимостью и гражданскимъ долгомъ; кромѣ того, они впали между собою въ разномысліе, возбудившее въ ихъ средѣ раздоры, фанатизмъ и взаимную ненависть. И хотя многіе изъ нихъ похваляются христіанскими добродѣтелями, но, на дѣлѣ, они нерѣдко производятъ только прискорбныя смуты въ общественной жизни колоній». Таково, по словамъ Курца, въ 1857 году было положеніе піэтистовъ бессарабскихъ колоній. «Къ нимъ—заключаетъ онъ—по всей справедливости примѣнимы слова евангелія: если же соль потеряетъ свою силу, то чѣмъ сдѣлаешь ее соленою?.. Она уже ни къ чему негодна, какъ развѣ выбросить ее вонъ на попраніе людямъ». Отзывъ этотъ мы оставляемъ, конечно, на отвѣтственности самаго автора, хотя, по нашимъ личнымъ наблюденіямъ, онъ не лишенъ справедливаго основанія. Правда, въ южныхъ колоніяхъ мы не бывали; но поволжскіе молельщики, заслуживая полнаго уваженія собственно какъ исправные хозяева, дѣйствительно готовы поддерживать всякую мѣру въ пользу церковнаго благочинія, какой бы насильственный и обскурантный характеръ она ни имѣла.

Образованіе секты *сепаратистовъ* приписываютъ главнѣйшимъ образомъ пропагандѣ католическаго декана Игнатія Линдля. Изъ изслѣдованія А. Н. Пыпина о русскомъ библейскомъ обществѣ [1]) видно, что Линдль, одинъ изъ главныхъ дѣятелей библейскаго общества въ южной Германіи и притомъ человѣкъ замѣчательный по образованію и проповѣдническому таланту, подвергался въ Баваріи преслѣдованіямъ со стороны ультра-католиковъ. Это подало поводъ къ призыву его, въ 1819 году, въ С.-Петербургъ. Но вскорѣ и здѣсь нашли нужнымъ удалить его на югъ Россіи. Кстати представился благовидный предлогъ. Будучи лично извѣстенъ императору Александру I, Линдль успѣлъ получить разрѣшеніе на поселеніе въ Бессарабіи преданной ему прежней паствы своей въ Баваріи, которая въ 1822 году и прибыла въ Россію, основавъ колонію Сарату. Сюда-то Линдль былъ назначенъ настоятелемъ, съ присвоеніемъ ему зва-

---

[1]) «Вѣстн. Евр.» 1868, сент., окт., нояб. и дек.

нія декана католическихъ церквей южной Россіи. По мысли и подъ руководствомъ его, саратскіе поселенцы устроились отдѣльными семьями и домами, но всѣ работы они производили сообща и только результаты общаго труда дѣлили между собою уравнительно. Цѣлью Линдля было—образовать особое религіозно-соціальное братство, едва ли не по примѣру евангелическаго. Въ этомъ смыслѣ, могучее слово его поучало поселянъ, а около каѳедры его усердно собирались католики и протестанты изъ ближнихъ и дальнихъ колоній. Но подобнаго рода пропаганда не входила въ разсчеты ни правительства, ни библейскаго общества, а тѣмъ менѣе католическаго духовенства. Уже въ декабрѣ 1823 года, Линдль долженъ былъ оставить Россію навсегда. Вслѣдъ затѣмъ прибылъ въ Сарату другой энтузіастъ, купецъ Вернеръ, со своими приверженцами, изъ Виртемберга. Съ этой личностью мы встрѣтимся еще впослѣдствіи; теперь же замѣтимъ только, что послѣдователи Линдля, оставивъ свои исключительные порядки, обратились къ протестантизму и соединились съ Вернеромъ и его партіею въ одно общество, усвоившее общую систему хозяйства юго-нѣмецкихъ колоній. Такой оборотъ саратское общество допустило не безъ вліянія на него начальства. Поэтому Линдль и его ученіе какъ здѣсь, такъ и въ другихъ колоніяхъ, сохранили не мало поклонниковъ, которые продолжали поддерживать прямыя сношенія съ своимъ учителемъ, изъ года въ годъ все болѣе расходясь съ ортодоксальнымъ лютеранствомъ. Наконецъ, около 1841 года, они выдѣлились окончательно въ особыя религіозныя общества, что и побудило мѣстное духовенство, какъ выше сказано, ходатайствовать о принятіи репрессивныхъ мѣръ. Съ этого времени послѣдователи Линдля именуются *сепаратистами*. Главнѣйшимъ поводомъ къ выдѣленію ихъ изъ прежнихъ приходовъ послужило раздѣленіе нѣкоторыхъ изъ нихъ на приходы меньшаго размѣра и значительное увеличеніе, вслѣдствіе того, приходскихъ повинностей и сборовъ.

Не отступая отъ догматовъ лютеранскаго исповѣданія, сепаратисты придерживаются лишь болѣе строгому ученію о покаяніи. Главнымъ поводомъ спора служитъ ихъ радикализмъ въ отношеніи іерархическаго устройства и церковнаго благочинія. Основываясь на наказѣ Спасителя: «Даромъ получили, даромъ и давайте» (Матѳ. 10, 6—8), сепаратисты утверждаютъ, что ни духовный пастырь, ни учитель (въ смыслѣ кистера), не вправѣ *требовать* себѣ особаго содержанія, а должны довольствоваться «посылаемыми имъ милостью Божіею доброхотными даяніями». По мнѣнію сектаторовъ, нынѣшніе пасторы и кистеры — наемники, служащіе изъ-за жалованья, а не по призванію: «они не истинные работники въ вертоградѣ Господнемъ». Высшую, богословскую ученость сепаратисты признаютъ излишнею, на томъ основаніи, что сами апостолы были «люди простые, неученые, но просвѣщенные духомъ святымъ». Будучи того убѣжденія, что для проповѣднической должности пригоденъ всякій вѣрующій, «просвѣщенный духомъ», лишь бы онъ сознавалъ въ себѣ призваніе и способность, сектаторы эти называютъ пасторовъ не иначе, какъ «духовными торгашами», а церковь—«мертвой кучею камней»; они

требуютъ возстановленія во всей строгости порядковъ древнеапостольской церкви и особенно возстаютъ противъ пріобщенія св. таинъ безъ разбора всякаго, даже явныхъ грѣшниковъ, не требуя отъ нихъ, какъ бы слѣдовало, «искренняго покаянія и исправленія». Одна только безупречная и вполнѣ благочестивая жизнь достойна истиннаго христіанина и составляетъ его священный долгъ и непремѣнную обязанность. «Но эти тенденціи, говоритъ Курцъ, привели сепаратистовъ къ совершенному выдѣленію изъ церкви и къ избранію ими собственныхъ духовныхъ старшинъ и наставниковъ, непосредственно изъ своей среды. Они имѣютъ послѣдователей во всѣхъ бессарабскихъ колоніяхъ; но особенно велико ихъ число въ колоніяхъ Бородинѣ и Лейпцигѣ. Дѣтей своихъ сектаторы крестятъ сами и сами же пріобщаются св. таинъ; не будучи однако признаны оффиціально въ смыслѣ самостоятельнаго религіознаго общества, они, по необходимости, конфирмуютъ своихъ молодыхъ людей и вѣнчаютъ новобрачущихся въ церкви, чрезъ пасторовъ, платя послѣднимъ и шульмейстерамъ содержаніе наравнѣ со всѣми остальными сообщественниками. Карлъ Эни, въ колоніи Бородинѣ, глава сепаратистовъ. Независимо отъ него, во всякой колоніи они избираютъ особаго наставника, который руководитъ ихъ молитвенныя собранія и исполняетъ обыкновенныя требы, кромѣ конфирмаціи и вѣнчанія. Вообще нельзя не признать, что сепаратисты, строго придерживающіеся своихъ правилъ, отличаются добродѣтельною, честною и трудолюбивою жизнью, а старшины и наставники ихъ—основательнымъ знаніемъ слова Божія, и что въ гражданскомъ отношеніи они несомнѣнно принадлежатъ къ числу самыхъ спокойныхъ и исполнительныхъ поселянъ».

Католики и протестанты (лютеране и реформаты), какъ извѣстно, имѣютъ своихъ патеровъ и пасторовъ, подчиненныхъ консисторіямъ своего исповѣданія. Вообще же, чрезъ общественный строй католическихъ и протестантскихъ колоній, также какъ въ православныхъ селеніяхъ, паралельно проходятъ два отдѣльныя вѣдомства — гражданское или свѣтское, и духовное или церковно-приходское. Каждое вѣдомство имѣетъ свою независимую компетенцію, съ болѣе или менѣе рѣзко очерченными границами. Гражданской лѣствицѣ: приказамъ (выборному начальству), смотрителямъ колоній, конторѣ или комитету, соотвѣтствуетъ духовная: пасторъ или патеръ, съ выборными церковными старостами; пробсты или деканы, и консисторія. Высшія административныя инстанціи колоній: по гражданскимъ дѣламъ—министерство государственныхъ имуществъ, а по церковнымъ—министерство внутреннихъ дѣлъ. Нѣчто среднее представляетъ вѣдомство дѣлъ объ имуществахъ протестантскихъ церквей. Оно состоитъ изъ приходскаго пастора, съ выборными отъ сельско-приходскаго общества церковными старостами, какъ *ближайшаго приходскаго попечительства* [1]); изъ конторы опекунства (въ Одессѣ—попечительнаго

[1]) По основной мысли церковныхъ установленій, пасторъ и церковные старосты, какъ представители приходской общины, избираемые самостоятельно отъ каждаго входящаго въ составъ прихода *сельскаго* общества, должны бы составлять *приходское попечительство* по хозяйственно-имущественнымъ

комитета), обще съ духовнымъ засѣдателемъ изъ мѣстныхъ пасторовъ, какъ *главнаго церковнаго попечительства*; наконецъ, изъ *генеральной консисторіи и министерства внутреннихъ дѣлъ.* Такимъ образомъ, въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, до 1838 года, было сосредоточено высшее управленіе колоніями какъ въ гражданскомъ, такъ и въ церковномъ отношеніяхъ. Но, съ учрежденіемъ министерства государственныхъ имуществъ, за министерствомъ внутреннихъ дѣлъ остались одни только дѣла церковнаго управленія.

Такое разобщеніе двухъ колоніальныхъ вѣдомствъ — гражданскаго и церковнаго—выразилось и въ дѣленіи колоній, съ одной стороны, на сельскія общества и округи (волости), а съ другой — на приходскія общества и пробства, или деканаты. Какъ дѣленіе колоній на округи не вездѣ соотвѣтствуетъ дѣленію на уѣзды, такъ еще менѣе совпадаетъ распредѣленіе окружное съ приходскимъ. Повсемѣстно въ колоніяхъ— округи, а во многихъ случаяхъ и отдѣльныя сельскія общества или колоніи, обнимаютъ населеніе различныхъ исповѣданій. Такъ, напримѣръ, населеніе одной колоніи Екатеринштадта, въ Самарской губерніи, принадлежитъ къ приходамъ: двумъ лютеранскимъ, одному католическому и одному же православному. Напротивъ, въ составъ прихода входятъ колоніи разныхъ округовъ въ цѣломъ составѣ, или только частями населенія, по вѣроисповѣданіямъ. Такимъ образомъ не вездѣ соблюдено установленное въ 1764 году общее правило: «округи занимать....., а въ разсужденіе различныхъ вѣръ, населяя каждой религіи людей въ особый округъ, отвратить всякую вражду и ненависть». Но такое уклоненіе явилось неизбѣжнымъ послѣдствіемъ разновременнаго прибытія изъ-за границы переселенческихъ партій; оно не имѣетъ мѣста въ однихъ только водвореніяхъ меннонитовъ и болгаро-славянъ, для поселенія которыхъ въ самомъ началѣ колонизаціи были отведены территоріи спеціально предназначенныя для каждой категоріи.

Въ колоніяхъ протестантовъ и католиковъ законодательная и административная нивелировка такъ сильна, что независимо отъ особенностей, непосредственно истекающихъ изъ религіознаго различія, своеобразіе бытовыхъ условій въ отдѣльныхъ группахъ этихъ колоній выражается единственно только въ частностяхъ, какъ напримѣръ, въ употребительныхъ разговорныхъ жаргонахъ, составляющихъ смѣсь литературнаго нѣмецкаго языка съ идіомами тѣхъ мѣстностей Германіи, изъ которыхъ вышли первые поселенцы. Напротивъ, всѣ главнѣйшіе факторы, направляющіе жизнь населенія въ ту или другую сторону и обусловливающіе конечные ея результаты, остаются здѣсь повсюду одни и тѣже, за исключеніемъ впрочемъ одного изъ важнѣйшихъ — внутреннихъ распорядковъ по землѣ и наслѣдованію. Поэтому, въ отношеніи предлежащихъ нашему изслѣ-

---

дѣламъ каждой церкви и цѣлаго прихода, состоящаго обыкновенно изъ нѣсколькихъ церквей—Mutter-и Filial-Kirchen. Но протестантское духовенство успѣло замѣнить попечительство — *попечителемъ,* въ лицѣ пастора, обратить выборныхъ старостъ изъ членовъ попечительства — въ покорныхъ слугъ попечителя, и такимъ образомъ отстранить всякое *дѣйствительное* участіе приходскаго общества въ дѣлахъ управленія церковными имуществами.

дованію вопросовъ, всю массу колонистовъ-протестантовъ и католиковъ мы смѣло можемъ принять за одну общую группу, несмотря даже на разбросанность этихъ колоній на дальнихъ разстояніяхъ.

Уже вслѣдствіе одного различія по церковному чиноначалію, нигдѣ въ колоніяхъ права общественнаго самоуправленія не могли имѣть такого широкаго примѣненія, какъ именно у меннонитовъ. Выборное начало, этотъ основной принципъ общественнаго самоуправленія, сохраняется въ пользу населенія еще и въ уставѣ протестантской церкви—лютеранской и реформатской (ч. I. Т. XI св. зак. изд. 1857 г.). Выше указано на выборы церковныхъ старостъ; но кромѣ того, въ протестантскихъ колоніяхъ, какъ увидимъ ниже, приходъ самъ избираетъ и своего пастора, и приходское же общество опредѣляетъ его содержаніе особою вызывною грамотою. Затѣмъ, право приходскаго общества на дальнѣйшее участіе въ дѣлахъ церкви выражается у лютеранъ и реформатовъ уже въ однихъ только матеріальныхъ пожертвованіяхъ.

Католическая церковь до нѣкоторой степени признаетъ выборное начало исключительно только въ коллегіи кардиналовъ и отчасти въ монашескихъ орденахъ. Всѣ остальные чины духовной іерархіи, кончая послѣднимъ церковнымъ служителемъ, составляютъ только орудія и пружины въ рукахъ ближайшаго, по іерархической лѣстницѣ, высшаго чина. Для голоса самой паствы здѣсь нѣтъ мѣста.

Если нравственный уровень приходскаго духовенства: католическаго, при его семинарскомъ воспитаніи и безбрачной жизни, и протестантскаго—при его университетскомъ образованіи и семейномъ бытѣ, вообще относится, всегда и вездѣ, какъ 2 : 3, то это подтверждается и на нашихъ колоніяхъ того и другого исповѣданія — положеніемъ въ нихъ школьнаго дѣла, нравственности и умственнаго развитія населенія, общественнаго благоустройства и частной состоятельности. Это различіе по исповѣданіямъ выражается даже въ наружной обстановкѣ колоній, въ постройкахъ, семейномъ быту и т. д. Бросаясь невольно въ глаза всякому, даже при одномъ лишь поверхностномъ обзорѣ колоній, оно замѣтно не только у нашихъ колонистовъ, но и за границею, однимъ словомъ повсюду, гдѣ рядомъ живутъ протестанты и католики, хотя бы при однихъ и тѣхъ же экономическихъ и гражданскихъ условіяхъ.

Въ свою очередь, подобныя же отношенія, какъ между католиками и протестантами, замѣчались также и между послѣдними и меннонитами, но уже къ невыгодѣ протестантовъ. Обстоятельство это выражается особенно наглядно въ дѣдѣ школьнаго образованія. Впрочемъ, при подобныхъ сопоставленіяхъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что колонисты, протестанты и католики, находились противъ меннонитовъ и по всей экономической обстановкѣ всегда въ менѣе льготныхъ условіяхъ.

Наша періодическая печать, основываясь на заявленіяхъ разныхъ государственныхъ людей Германіи, уже неоднократно указывала на стремленіе германской расы подвигаться на Востокъ, и на то, что въ этомъ «Drang nach Osten» нѣмцы видятъ какъ бы свою историческую миссію. Что это замѣчаніе совершенно вѣрно, и «Drang nach Osten» глубоко про-

никаетъ въ низшіе слои германскаго народа, и особенно въ батрачій, тому лучшимъ доказательствомъ служитъ наша же колонизація. Намъ лично не одинъ разъ приводилось слышать изъ устъ передовыхъ меннонитовъ совершенно серьезно высказанную мысль, что братство ихъ видитъ свое историческое назначеніе, свою миссію, въ колонизаціи Востока. Въ подтвержденіе того, они указываютъ на свою исторію, какъ предки ихъ, вышедши изъ Нидерландовъ, культивировали пустынныя и безплодныя низменности около Данцига; какъ, выполнивъ эту задачу, они двинулись въ наши новороссійскія, маловодныя и безлѣсныя степи; какъ въ настоящее время они передвигаются въ такія же степи Самарской губ. и Кавказа. «И—присовокупляютъ меннониты—наши піонеры были бы даже на Амурѣ, еслибъ правительство не встрѣтило затрудненія принять предложенныя нами условія» [1]). Толковать здѣсь серьозно о какомъ-то «историческомъ призваніи» было бы по меньшей мѣрѣ странно. Стремленіе германской расы на Востокъ находитъ, по нашему мнѣнію, свое полное объясненіе въ избыткѣ населенія Германіи, лишонномъ на родинѣ возможности основать себѣ собственный кровъ и очагъ. Какъ безземельный и обезземеленный поселянинъ нашихъ колоній, селъ и деревень, скучившихъ несоразмѣрное съ экономическими средствами общины населеніе, рвется за предѣлы своего общества, а именно въ ту сторону, гдѣ есть еще территоріальный просторъ и возможность къ пріобрѣтенію клочка земли, такъ и батраки Германіи, по тѣмъ же причинамъ, тянутъ на Востокъ, т. е. къ намъ въ Россію. Къ тому же, въ теченіе почти цѣлаго вѣка, мы сами поощряли нѣмецкую колонизацію чрезвычайными пособіями, льготами и преимуществами. А если государственные люди и вообще интеллигенція Германіи содѣйствуютъ всѣми мѣрами онѣмеченію смежныхъ съ нею славянскихъ земель, то въ этомъ руководятъ ими сколько желаніе распространить собственно территоріальное господство своей расы и обезпечить этимъ путемъ устройство избытка своего населенія, не отрывая его отъ главнаго ствола, столько же и чувство самосохраненія, такъ какъ въ Германіи и мыслитель-политикъ, и собственникъ-практикъ одинаково сознаютъ, что излишнее накопленіе батраковъ или пролетаріата несовмѣстно съ условіями дальнѣйшаго преуспѣянія существующаго на Западѣ политико-соціальнаго строя. Тоже самое чувство самосохраненія и тѣ же опасенія за прочность сложившагося хозяйственнаго быта вынуждаютъ и наши колонистскія общества на пожертвованія въ пользу устройства безземельныхъ. Затѣмъ, если изъ Германіи и выходили къ намъ не одни батраки и бездомники, то это почти исключительно можетъ относиться только къ меннонитамъ. Изъ числа

[1]) Въ 1862 г., по вызову бывшаго генералъ-губернатора Восточной Сибири, двое депутатовъ отъ молочанскихъ меннонитовъ были на Амурѣ. Избравъ близь г. Благовѣщенска, на р. Зеѣ, участокъ земли, они обязывались въ теченіе 10 лѣтъ переселить туда 1000 сем. своихъ однообщественниковъ. Для этого они просили: а) гарантировать переселенцамъ тѣ самыя права и преимущества, которыми они пользуются въ нынѣшнихъ мѣстахъ приписки; б) отвести по 120 дес. на семейство въ надѣлъ; в) дать льготу въ податяхъ на 10 лѣтъ, и г) выдать безпроцентную на 10 лѣтъ ссуду по 600 р. на переселенческую семью. Но бывшій министръ, графъ М. Н. Муравьевъ, призналъ неудобнымъ допускать по заселенію Амурскаго края какія либо изъятія изъ общихъ правилъ, и тѣмъ дѣло это кончилось.

послѣднихъ (иногда подъ вліяніемъ мистическаго пониманія своей исторической задачи, но еще болѣе вслѣдствіе постоянно усиливавшагося напора на нихъ чуждаго имъ религіознаго элемента, а также изъ опасенія подпасть подъ лично-обязательную военную службу) оставляли и оставляютъ Пруссію дѣйствительно не одни только неимущіе. Напротивъ, между меннонитами-переселенцами всегда имѣлось немалое число хозяевъ зажиточныхъ, и даже капитальныхъ. Въ то время какъ колонистовъ, протестантовъ и католиковъ, гнала изъ родины одна лишь матеріальная нужда и надежда обезпечить въ Россіи, прежде всего, свой семейно-экономическій бытъ, меннониты, не говоря уже о евангелическихъ братьяхъ, предварительно договаривались съ нашимъ правительствомъ, какъ люди, ясно сознававшіе за собою опору въ своемъ братствѣ, обезпечивавшемъ за ними всѣ насущныя средства жизни, помимо переселенія. Напротивъ, остальные переселенцы большею частью приходили безъ всякихъ предварительныхъ переговоровъ — на авось, довольствуясь заявленными въ газетахъ призывами и общими условіями колонизаціи. Они спѣшили воспользоваться тѣмъ, что̀ предлагалось; дома было и голодно и тѣсно, безъ надежды когда либо улучшить свое положеніе. И въ этомъ случаѣ, установленное въ 1804 г. правило, чтобы къ переселенію въ Россію были допускаемы только люди благонадежные, семейные и имѣющіе на семью до 300 гульденовъ, въ большинствѣ случаевъ оставалось мертвою буквою. Такъ, напримѣръ, въ 1817—18 г. разомъ прибыли изъ Виртемберга и другихъ мѣстъ Германіи болѣе 5,000 сем. Правда, всѣ они принадлежали къ разряду коренныхъ земледѣльцевъ, или полезныхъ въ сельскомъ быту ремесленниковъ; но ни свидѣтельствъ о благонадежности, ни требовавшагося имущественнаго обезпеченія у нихъ не было, такъ что правительство было поставлено ими въ крайнее затрудненіе и вынуждено на чрезвычайныя мѣропріятія. Соотвѣтственно имущественной бѣдности, этотъ разрядъ переселенцевъ не обладалъ ни тѣмъ нравственнымъ развитіемъ, ни тѣми знаніями, энергіею и взаимною связью, которыя отличали, а частью и теперь еще отличаютъ отъ нихъ меннонитское братство. Отсюда, конечно, вполнѣ понятна и меньшая щедрость и вообще меньшее довѣріе правительства къ этому разряду поселенцевъ.

II.

Доставленіе правильнаго духовнаго призрѣнія колонистамъ—протестантамъ и католикамъ, съ самаго начала ихъ поселенія въ Россіи, всегда составляло предметъ особенной заботливости правительства. Оно, въ теченіе льготныхъ лѣтъ, содержало колонистское духовенство даже на свой счетъ, платя изъ спеціальныхъ колонизаціонныхъ источниковъ: пастору по 600, а патеру по 500 руб. асс. жалованья въ годъ. Сверхъ того, въ колоніяхъ, за исключеніемъ однихъ поволжскихъ водвореній, къ каждому пасторату или приходу отведенъ въ пользу приходскаго священника особый земельный участокъ въ 60—120 десятинъ, который, на-

равнѣ съ землями православныхъ причтовъ, свободенъ отъ всякихъ сборовъ (ст. 155 прим. и 175 уст. о кол.).

Это, такъ-называемое, «казенное» содержаніе сохранено духовенству, по закону, и доселѣ; но, со времени истеченія льготныхъ лѣтъ, оно въ поволжьѣ производится уже на счетъ особаго общественнаго сбора (ст. 233—235 уст. о кол.) съ колонистовъ-работниковъ 16—60-ти лѣтняго возраста, уравнительною раскладкою на нихъ потребной суммы, по исповѣданіямъ. Здѣсь сборъ этотъ составлялъ въ 1867 году: у протестантовъ по 11-ти коп., у католиковъ по 18-ти коп. съ работника. Напротивъ, въ южныхъ колоніяхъ повинность эта давно уже вошла въ составъ «мірскихъ сборовъ», опредѣляемыхъ по приговорамъ обществъ и составлявшихъ, въ томъ же 1867 году, отъ 1 руб. 99 коп. до 6 руб. $83^2/_3$ к. на каждую ревизскую мужескаго пола душу.

Наконецъ, кромѣ доходовъ съ земельнаго участка, денежнаго жалованья и квартиры (пастората), съ отопленіемъ, духовенство всегда пользовалось еще болѣе или менѣе значительными «обычными даяніями» отъ своихъ прихожанъ, какъ-то: зерновымъ хлѣбомъ, сѣномъ, соломою и капустою, а также платою за требы и т. п. Въ эти частныя отношенія духовенства и прихожанъ правительство вступалось первоначально только въ случаѣ обоюдныхъ жалобъ и недоразумѣній; относительно собственно католическихъ и сектаторскихъ приходовъ—оно сохраняетъ это положеніе даже до настоящаго времеии.

Не смотря на такую благопріятную обстановку духовенства, при замѣщеніи иновѣрческихъ колонистскихъ приходовъ весьма нерѣдко встрѣчались значительныя затрудненія и ощутительныя неудобства. Понятно, что правительство вообще избѣгало призыва духовныхъ лицъ изъ-за границы; но не всегда была возможность обойтись безъ нихъ, вслѣдствіе совершеннаго недостатка подобныхъ лицъ въ Россіи. Въ такихъ случаяхъ требовалось принятіе призваннымъ иностранцомъ—проповѣдникомъ присяги на вѣрноподданство Россіи. Но призываемые пасторы не всегда соглашались на это условіе, а иногда бывало и то, что подобныя лица, принявъ приходъ и проживъ въ немъ нѣсколько лѣтъ, возвращались обратно на родину. Особенно случалось это съ людьми, пропагандировавшими, какъ Линдль, какіе-либо соціалистическіе идеалы.

Въ большинствѣ случаевъ, колонистскіе протестанскіе приходы замѣщались какъ прежде, такъ и теперь, лицами, приготовившимися къ проповѣдническому званію въ предѣлахъ имперіи. Такъ въ должность протестантскаго пастора поступаютъ обыкновенно воспитанники богословскаго факультета Дерптскаго университета; но не малое число приходовъ, особенно въ поволжьѣ, занято базельскими миссіонерами, которымъ былъ дозволенъ свободный доступъ въ колоніи кавказскаго намѣстничества, откуда они мало-по-малу, по призыву приходскихъ обществъ, переходили въ колоніи европейской Россіи.

Приходы католическіе заняты почти исключительно ксендзами польскаго происхожденія. Къ сожалѣнію, ксендзы эти слишкомъ часто относятся къ нуждамъ своей паствы на столько же сочувственно, на сколько сочув-

ствіе ихъ принадлежитъ Россіи. Къ тому же они обыкновенно не вполнѣ свободно владѣютъ нѣмецкимъ языкомъ, на которомъ приходится произносить проповѣди и поучать юношество. Поэтому, болѣе или менѣе неблаговидныя со стороны ксендзовъ столкновенія съ прихожанами составляютъ явленіе, слишкомъ часто повторяющееся въ колоніяхъ и по сіе время. Обстоятельство это не могло не обратить на себя вниманія правительства, и съ открытіемъ, въ 1857 году, Тираспольской римско-католической духовной семинаріи, въ Саратовѣ, приступлено къ приготовленію патеровъ изъ среды самихъ колонистовъ. Съ этою цѣлью воспитываются въ семинаріи, на счетъ общественныхъ суммъ, постоянно до 25-ти молодыхъ колонистовъ, и въ томъ числѣ изъ однѣхъ южныхъ колоній 13 человѣкъ, на которыхъ расходуются каждогодно до 1,000 р. Въ 1867 году былъ первый выпускъ этихъ воспитанниковъ, съ званіемъ патера; но намъ, къ сожалѣнію, неизвѣстенъ результатъ этого выпуска. Какъ настоятельно скорѣйшее устраненіе изъ колоній польско-ксендзовскаго элемента, въ этомъ читатель можетъ убѣдиться изъ слѣдующихъ фактовъ. Не станемъ говорить о прежнихъ временахъ, когда іезуиты успѣли такъ глубоко внѣдриться и въ поволжьѣ, и на югѣ Россіи, что слѣды ихъ были явственны еще долгое время послѣ изгнанія ордена изъ имперіи. Даже и ревизія, въ 1860 году, поволжскихъ колоній и ихъ управленія находила еще уважительные поводы вновь обратить особенное вниманіе высшаго начальства на личный составъ мѣстнаго католическаго духовенства, какъ на одну изъ причинъ, вредно вліяющихъ на нравственность колонистовъ. Такъ было обнаружено, что въ четырехъ римско-католическихъ приходахъ (всего 10 колоній съ 11,365 обоего пола душъ 10-й ревизіи) долгое время занимали должности настоятелей личности, далеко недостойныя своего призванія. По жалобамъ прихожанъ на разныя обиды и вымогательства со стороны этихъ настоятелей, на возбужденіе ими въ населеніи смутъ, раздоровъ и интригъ, на непристойные ихъ сану поступки въ церкви и частной жизни, и т. д., много лѣтъ производились въ мѣстныхъ приказахъ и конторѣ дѣла, которыя однако, подъ вліяніемъ происковъ со стороны патеровъ, вели лишь къ перемѣщенію неблагонадежнаго патера изъ одного прихода въ другой, впредь до возникновенія новыхъ жалобъ, тогда какъ колонисты и ихъ начальство настаивали на совершенномъ удаленіи этихъ лицъ изъ вѣдомства колоній. Только энергическія настоянія изъ Петербурга побудили, наконецъ, духовную власть исполнить требованія мѣстнаго начальства; но и въ этомъ случаѣ, если не ошибаемся, ксендзы, оказавшіеся положительно вредными въ поволжьѣ, были только перемѣщены въ приходы южныхъ колоній.

При этомъ нельзя не замѣтить, что въ колоніяхъ подобострастіе прихожанъ-католиковъ къ своему духовному пастырю почти также велико, какъ и въ другихъ мѣстахъ. И здѣсь жалоба на ксендза, считаясь едва-ли не смертнымъ грѣхомъ, можетъ возникнуть только въ самыхъ крайнихъ, вопіющихъ случаяхъ; большею же частью и колонисты терпѣливо сносятъ произволъ настоятеля и покорно исполняютъ всѣ, хотя бы и произвольныя его требованія. При такихъ условіяхъ понятно, что католиче-

ское духовенство не ищетъ и никогда еще не пыталось искать законодательнаго нормированія производимаго ему приходами содержанія: оно прекрасно обходится въ этомъ случаѣ и безъ закона, такъ что нѣтъ въ колоніяхъ ксендза, который въ 5—10 лѣтъ не составилъ бы себѣ порядочнаго капитала. О томъ, что произвольныя притязанія и вымогательства роняютъ духовный санъ, а на паству вліяютъ вредно и нравственно и экономически, — о подобныхъ вопросахъ заботится только рѣдкій изъ ксендзовъ. Общество, огуломъ подвергнутое церковному отлученію за свою неподатливость патеру, есть явленіе, весьма часто встрѣчающееся въ колоніяхъ, чему не разъ мы сами были свидѣтелемъ.

Иначе сложились эти отношенія въ протестантскихъ приходахъ. Протестантскій пасторъ, какъ сказано, можетъ занять проповѣдническую должность только по избранію приходскаго общества; слѣдовательно, призывъ пастора въ тотъ или другой приходъ и возможность для него улучшить свое матеріальное обезпеченіе состоятъ въ прямой зависимости отъ его личныхъ качествъ, и въ томъ числѣ отъ проповѣдническаго таланта, который цѣнится колонистами особенно высоко. Будучи разъ избранъ и опредѣленъ въ приходъ, пасторъ, вопреки собственному желанію, можетъ быть удаленъ изъ него только по формальному судебному приговору, или же по особому высочайшему повелѣнію. Такимъ образомъ, пасторъ легко можетъ удержаться въ занятомъ приходѣ на всю свою жизнь, не нуждаясь въ особомъ расположеніи и довѣріи къ нему прихожанъ; но, въ тоже время, неблагопріятная о немъ репутація устраняетъ всякую надежду на перезывъ его въ другой, лучшій приходъ. Впрочемъ, до 1821 года такое независимое, повидимому, положеніе пастора не было лишено извѣстнаго рода терній, такъ какъ приходское общество, пользуясь обычнымъ правомъ каждогодно вновь договариваться съ пасторомъ о количествѣ и качествѣ его содержанія, не рѣдко обращало это право въ репрессивную мѣру, при посредствѣ которой прихожанами достигались разныя уступки отъ пастора, а иногда даже и «добровольное» удаленіе его изъ прихода. Конечно, подобные результаты получались не безъ шума и скандала, въ особенности тамъ, гдѣ предметомъ спора бывалъ между прочимъ и вопросъ о замѣщеніи должности сельскаго учителя, вопросъ, и до настоящаго времени волнующій приходскія общества при всякомъ удобномъ случаѣ. Къ чести протестантскаго духовенства нужно сказать, что оно видѣло въ такихъ столкновеніяхъ ложность своего положенія и постаралось выдти изъ него. По ходатайству духовнаго начальства, въ 1821 году былъ изданъ законъ, установившій существующій по сіе время порядокъ составленія и утвержденія такъ-называемыхъ «вызывныхъ» или «пригласительныхъ грамотъ» (Vocation) протестантскаго духовенства. «Пріемля въ уваженіе—сказано въ этомъ актѣ [1])—что употребляющіяся въ евангелическихъ приходахъ пригласительныя грамоты на вызовъ пасторовъ, по существу своему, должны заключать въ себѣ такія условія, которыми на-

[1]) Полн. Собр. Зак. 1821 № 23,857. — Ст. 381 Уст. о кол. и 2 прим. къ ст. 292 Уст. еван. лют. церкви.

лагаются на прихожанъ разные сборы, для чего необходимо добровольное ихъ согласіе, и посему нельзя допустить, чтобы грамоты таковыя были приводимы въ исполненіе однимъ духовнымъ начальствомъ: ибо въ семъ случаѣ могли бы опредѣляемы быть съ колонистовъ поборы, несоотвѣтствующіе ихъ состоянію» и т. д. Въ предупрежденіе подобной возможности и для большаго обезпеченія пасторовъ было постановлено, чтобы при всякомъ новомъ замѣщеніи прихода, составленная въ консисторіи пригласительная грамота представлялась приходскому обществу чрезъ посредство его *гражданскаго начальства* и приводилась въ исполненіе безусловно только въ такомъ случаѣ, если «всѣ или большая часть прихожанъ на мірскомъ сходѣ на положеніе грамоты согласятся». Законъ этотъ, устранивъ прежній обычай обществъ каждогодно вновь договариваться со своимъ пасторомъ, придалъ вызывной грамотѣ значеніе личнаго договора, обязательность котораго для прихода прекращается только съ оставленіемъ пасторомъ должности.

Но за приходскимъ обществомъ все еще оставалось право, по произволу, назначать пастору содержаніе при всякомъ новомъ призывѣ. Отсюда возникли новыя затрудненія, которымъ былъ положенъ нормальный предѣлъ изданнымъ 28-го декабря 1832 года уставомъ ев.-лют. церкви въ Россіи.

«Если, сказано въ ст. 301 этого устава, проповѣдникъ принужденъ, по причинѣ старости, слабости и болѣзни, сложить съ себя должность, то преемникъ обязанъ предоставить на его содержаніе треть всѣхъ пасторскихъ доходовъ». На дѣлѣ, сколько знаемъ, не было случая, чтобы *эта треть* не выплачивалась самимъ приходомъ, *сверхъ обыкновеннаго* содержанія новаго пастора. «Доходы, сказано далѣе въ ст. 352, коими проповѣдники до 28-го декабря 1832 года пользовались на основаніи законовъ и мѣстныхъ обычаевъ, *не могутъ быть уменьшаемы по волѣ прихожанъ*. Имъ также *дозволяется принимать* за совершеніе священнодѣйствій бывшія дотолѣ въ обыкновеніи даянія, въ томъ самомъ количествѣ, какъ до 28-го декабря 1832 года было, *впредь до новыхъ общихъ о семъ распоряженій*». По статьѣ 357 «вдовѣ и оставшимся безъ призрѣнія дѣтямъ умершаго проповѣдника предоставляются на одинъ, такъ называемый, *траурный годъ*, считая со дня кончины проповѣдника, жилище его и всѣ пасторскіе доходы». Кромѣ того, «для вящшаго обезпеченія положенія пасторскихъ вдовъ и сиротъ», по каждому консисторіальному округу (московскому и с.-петербургскому) учреждена, независимо отъ мѣстныхъ вдовье-сиротскихъ кассъ, особая общая касса. Однако въ этой кассѣ духовенство поволжскихъ колоній не участвуетъ, учредивъ еще въ 1806 году свою спеціальную кассу, о которой ниже скажемъ подробнѣе. Наконецъ, на основаніи особаго Высочайшаго повелѣнія 1868 года, всѣ остатки отъ *казеннаго* жалованья поволжскаго духовенства, образующіеся по случаю вакантныхъ протестантскихъ и католическихъ приходовъ (ст. 233 уст. о кол.), обращаются въ особый капиталъ, изъ котораго производятся пасторамъ тѣхъ же колоній пособія на воспитаніе дѣтей. Капиталъ этотъ составляетъ въ настоящее вре-

мя до 17,000 руб., а размѣръ годичнаго пособія опредѣляется на одно дитя отъ 150 до 250 руб. въ теченіи до 5-ти и болѣе лѣтъ.

Но, по практическимъ послѣдствіямъ, самымъ важнымъ изъ приведенныхъ постановленій представляется ст. 352. По буквальному ея смыслу, здѣсь слѣдуетъ различать, съ одной стороны, доходы проповѣдника «на основаніи законовъ и мѣстныхъ обычаевъ», которые «не могутъ быть уменьшаемы по волѣ прихожанъ», а съ другой — «бывшія дотолѣ въ обыкновеніи даянія за совершеніе священнодѣйствій», которыя проповѣдникамъ только *дозволяется* принимать въ прежнемъ «количествѣ», и то лишь временно, «впредь до новыхъ общихъ о семъ распоряженій». Въ сущности, *по закону*, пасторъ получаетъ, какъ нами выше объяснено, земельный участокъ, денежное жалованье, квартиру съ отопленіемъ и подводы для разъѣздовъ по приходу; всѣ же остальныя «даянія» никогда еще закономъ не были установляемы; они опредѣлялись сперва обычаемъ, а съ 1821 года формальнымъ срочнымъ договоромъ, т. е. вызывною грамотою. Поэтому возникаетъ вопросъ: какіе же именно изъ *обычныхъ* доходовъ и даяній слѣдуетъ признать обязательными, и какіе необязательными для прихожанъ?.. Понимать настоящую статью въ томъ смыслѣ, что къ даяніямъ, которыя пастору *только дозволяется* принимать, относятся однѣ платы за требы, по нашему мнѣнію, никакимъ образомъ нельзя уже потому, что такса этихъ платъ, какъ прежде, такъ и теперь еще, весьма умѣренна и всегда сообразовывалась со средствами бѣднаго класса; слѣдовательно, эта статья пасторскаго дохода не такова, чтобы ради ея настояла надобность въ какихъ либо «новыхъ общихъ распоряженіяхъ». Ни въ полномъ сводѣ законовъ, ни въ доступныхъ для насъ архивахъ, намъ не удалось найти разрѣшенія настоящаго недоразумѣнія; но во всякомъ случаѣ, мы полагаемъ, что мысль законодателя была та, что содержаніе пастора, количественно или качественно *опредѣленное ему положительнымъ закономъ,* слѣдуетъ считать окончательно и навсегда отвержденнымъ; всѣ же остальныя статьи пасторскаго дохода, какъ зависящія отъ соглашенія съ приходскимъ обществомъ, предполагалось нормировать особымъ законодательнымъ распоряженіемъ. Въ правильности этого заключенія насъ убѣждаютъ, *во-первыхъ*, вышеприведенные мотивы закона 1821 года; *во-вторыхъ* — то обстоятельство, что обѣщанныхъ статьею 352 «новыхъ общихъ распоряженій» не послѣдовало и до сего времени, тогда какъ иниціатива въ этомъ случаѣ принадлежала духовному начальству, которое даже слишкомъ ревниво охраняетъ самый мелочной матеріальный интересъ приходскихъ проповѣдниковъ; и *въ-третьихъ*, толкованіе, данное разбираемой статьѣ, на практикѣ, со стороны духовенства и консисторій. По мнѣнію послѣднихъ, ст. 352 имѣетъ тотъ смыслъ, что *однажды назначенное приходомъ, по вызывной грамотѣ, пасторское содержаніе ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть уменьшено впослѣдствіи ни количественно, ни качественно, ни по порядкамъ раскладки и взиманія.* Строго придерживаясь этого толкованія и эксплуатируя въ этомъ смыслѣ страсть колонистскихъ приходскихъ обществъ къ призыву изъ прихода въ приходъ

лучшихъ проповѣдниковъ, содержаніе послѣднихъ доведено консисторіями до такихъ размѣровъ, что во многихъ приходахъ оно составляетъ теперь почти невыносимую тягость, если не въ количественномъ отношеніи, то качественно, по неуравнительности раскладки и взиманія.

Дѣло въ томъ, что въ поволжскихъ колоніяхъ главная часть пасторскаго содержанія всегда составлялась не изъ тѣхъ статей, которыя опредѣлены положительно закономъ, а хлѣбной повинностью зерномъ, размѣръ которой установляется въ вызывныхъ грамотахъ «пудовками съ верхомъ, или подъ гребло, *съ семейства*», безъ ограниченія самаго числа окладныхъ семей. Но извѣстно, что населеніе колоній въ 25—30 лѣтъ обыкновенно удвоивалось; къ тому же, по мѣрѣ развитія въ колоніяхъ ремеслъ, промысловъ и торговли, личный составъ семействъ дѣлался значительно меньше, такъ какъ ремесленно-промысловое населеніе, питающееся покупнымъ хлѣбомъ, склоннѣе земледѣльческаго къ семейнымъ раздѣламъ. Все это привело къ тому, что зерновая повинность, помимо воли приходскаго общества, росла безостановочно въ чрезвычайной прогрессіи; что повинность эта, взыскиваясь безразлично съ каждой семьи въ опредѣленномъ размѣрѣ зерномъ, ложилась на оставившихъ земледѣліе прихожанъ—двойною, тройною и болѣе значительною противъ многолюдныхъ земледѣльческихъ семействъ тягостью, особенно въ неурожайные годы, когда и хлѣбъ дорогъ, и всякаго рода заработки затруднены. Такимъ образомъ, пасторское содержаніе, выводя пастора на торговый рынокъ, въ качествѣ коммерсанта, и увеличиваясь, независимо отъ зерновой повинности, еще и въ другихъ статьяхъ, а также наддачами конкуррирующихъ приходовъ, не могло не сдѣлаться наконецъ обременительнымъ для прихожанъ. Сатира народная давно уже осудила это положеніе пастора въ обычной у колонистовъ поговоркѣ: «Ha!.. der Ruf des Herrn liegt bei dem Bauer im Ambar», т. е. «Ха! призывъ Господа (обыкновенная ссылка пасторовъ во время переговоровъ съ конкуррирующими приходами)—у крестьянина въ амбарѣ». Конечно, смыслъ этой поговорки ни въ какомъ случаѣ не можетъ свидѣтельствовать въ пользу безкорыстія приходскаго духовенства, которое на столько же ретиво взыскиваетъ и продаетъ свое зерно въ неурожайные годы, на сколько усердно придерживаетъ его во времена низкихъ цѣнъ. О суммѣ и прогрессивности пасторскаго содержанія, а равно о выгодахъ *своевременной* продажи пасторомъ своего зерна, читатель пусть судитъ по ниже приводимымъ фактическимъ даннымъ о содержаніи, которое производилось пасторамъ таловскимъ и лѣсно-карамышскимъ приходами, камышинскаго уѣзда, въ 1832, 1838 и 1858 годахъ. Онъ убѣдится, что пословица «курочка по зернышку клюетъ, и то сыта бываетъ» —не всегда справедлива.

Но прежде всего нужно замѣтить, что въ приводимый ниже счетъ пасторскаго содержанія не включены: а) пасторская хозяйственно-жилая усадьба, съ садомъ, или «пасторатъ», ремонтируемый на счетъ прихода; о пространности жилыхъ помѣщеній пастората можно судить по тому обстоятельству, что духовное начальство только послѣ многолѣтней и

упорной переписки согласилось замѣнить обычный терминъ въ вызывныхъ грамотахъ «топливо сухими дровами по мѣрѣ потребности» нормальнымъ для всѣхъ поволжскихъ приходовъ количествомъ: въ 35 саженъ однополѣнныхъ березовыхъ, или же въ 70 саженъ сухихъ лѣсныхъ дровъ изъ мѣстныхъ дачъ; б) огородъ до одной и болѣе десятинъ, или же капуста и разныя овощи натурою; в) плата, обыкновенно производимая пастору, взамѣнъ подводъ, по особымъ соглашеніямъ, либо деньгами, либо овсомъ, сѣномъ и соломою, въ такомъ размѣрѣ, что на конюшнѣ всякаго пастора на эти средства содержится не менѣе «тройки» отличныхъ лошадей, съ кучеромъ; и г) тѣ доходы, которые пасторъ получаетъ за требы свыше таксы и которые немаловажны уже потому, что только рѣдкій изъ сколько-нибудь зажиточныхъ колонистовъ ограничивается въ этомъ случаѣ платою по таксѣ.

Независимо отъ этихъ выгодъ и статей дохода, содержаніе пасторовъ названныхъ нами двухъ приходовъ составляло: *во-первыхъ*, по 171 руб. 60 коп. въ годъ жалованья, которое опредѣлено закономъ и уплачивается изъ особаго общественнаго сбора съ колонистовъ-работниковъ; *во-вторыхъ*, разнаго хлѣба зерномъ: а) по лѣсно-карамышскому приходу — въ 1832 году, по среднимъ цѣнамъ, на 449 руб. серебр.; въ 1838 на 747 руб.; въ 1858 на 1,035 руб.; б) по таловскому приходу—въ 1832 году на 336 руб.; въ 1838 на 452 руб.; въ 1858 на 697 руб.; и *въ-третьихъ*, плата за требы по вызывнымъ грамотамъ: а) по лѣсно-карамышскому приходу—въ 1832 году до 178 руб.; въ 1838 до 202 руб.; въ 1858 до 348 руб.; б) по таловскому приходу—въ 1832 году до 114 руб.; въ 1838 до 156 руб.; въ 1858 до 162 рублей. Слѣдовательно, въ этихъ приходахъ содержаніе пасторовъ, помимо прямого согласія обществъ, вслѣдствіе одного лишь прироста окладныхъ семей, увеличилось съ 1832 по 1858 годъ, въ первомъ приходѣ, съ 837 до 1,555 рублей, а во второмъ—съ 621 до 1,030 рублей.

Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ свѣдѣній о томъ, въ какой прогресссіи пріумножалось въ поволжскихъ колоніяхъ descземледѣльческое населеніе, питающееся заработкомъ, ремесломъ, промысломъ и торговлею; но намъ извѣстно, что теперь названныя два приходскія общества состоятъ:

	Изъ земледѣльцевъ.		На семью	Неземледѣльцевъ.		На семью
	Семей.	Душъ.	Душъ.	Семей.	Душъ.	Душъ.
Лѣсно-Карамышское . .	773	3,516	4,5	727	1,821	2,5
Таловское.	357	1,531	4,3	330	745	2,2

Отсюда легко вычислить: на сколько тяжеле падаетъ зерновая повинность на людей, отставшихъ отъ земледѣлія, противъ хлѣбопашественныхъ семействъ, безусловнымъ преобладаніемъ которыхъ на сходахъ, въ прежнее время, пользовалось духовенство для сохраненія этой повинности. Можно бы возразить, что внутренняя раскладка самимъ обществомъ зерновой повинности, если не вполнѣ, то весьма значительно, можетъ устранить ея неуравнительность; но это, очевидно, требовало бы урав-

нительной раскладки повинности не на семью, а на души. Слѣдовательно, мы получили бы новый подушный налогъ продуктами, который еще въ 1796 году, какъ крайне отяготительный для крестьянъ вообще, былъ отмѣненъ по всей имперіи [1]). Къ тому же, развитіе торговли, ремеслъ и промысловъ получило особенный толчокъ со времени введенія рѣчнаго пароходства, желѣзныхъ дорогъ и т. д.; ими обезпечился постоянный сбытъ продуктовъ, такъ что теперь и для земледѣльца выгоднѣе, взамѣнъ натуры, нести повинности деньгами. Поэтому, колонистскія общества давно уже устранили отъ себя, по возможности, всякаго рода натуральныя повинности; остались одни приходскіе «пуды и пудовки съ верхомъ» или «подъ гребло» хлѣбнаго зерна, «пуды или возы сѣна, соломы» и т. д., за которые упорно держится духовенство.

«Главная обязанность пастыря—замѣчаетъ ревизія поволжья въ 1860 г.— словомъ и дѣломъ развивать и укрѣплять въ народѣ добрыя, религіозно-нравственныя начала. Болѣе, нежели обезпеченное положеніе колоніальныхъ священниковъ совершенно отклонило ихъ отъ этой обязанности: остался наружный видъ, а въ сущности — стремленіе къ пріобрѣтенію сколь возможно болѣе вещественныхъ благъ. Конечно, нѣтъ правила безъ исключенія; но вообще это вполнѣ согласно съ положеніемъ вещей въ колоніяхъ. Въ тоже время важно еще то обстоятельство, что содержаніе священниковъ заключается преимущественно въ хлѣбѣ разнаго рода и другихъ продуктахъ, получаемыхъ ими натурою. Въ прежнее время, когда сбытъ продуктовъ не былъ обезпеченъ, какъ нынѣ, это условіе не могло имѣть столько вреднаго вліянія на экономическій бытъ колоній. Но теперь, съ развитіемъ торговыхъ сношеній края и обезпеченіемъ постоянно выгоднаго и безостановочнаго сбыта сельскихъ произведеній, производство пасторскаго содержанія продуктами дѣйствуетъ на населеніе раззорительно. Въ урожайные годы и бѣдный легко отдѣлитъ на это содержаніе причитающееся съ него количество хлѣба, ибо въ тоже время бываютъ у него въ рукахъ и денежныя средства и ему все равно, давать ли продуктами, или деньгами. Но при неурожаѣ, у человѣка недостаточнаго, нерѣдко даже средне-крестьянскаго состоянія, запасовъ хлѣба и прочаго не достаетъ большею частью на его собственныя потребности, такъ что приходскую повинность онъ вынужденъ выполнить покупными продуктами за двойныя, тройныя цѣны, т. е. онъ противу урожайнаго года обязанъ платить вдвое, втрое больше, тогда какъ прямой экономическій разсчетъ требуетъ на это время возможнаго ограниченія въ расходахъ. Поэтому, одинъ, много два неурожайныхъ года дѣйствуютъ на массу раззорительно, а священникамъ — даютъ капиталы». По собраннымъ тою же ревизіею свѣдѣніямъ, духовенство поволжскихъ колоній (въ 1860 году 14 католическихъ и 19 протестантскихъ приходовъ) получало въ то время одного озимаго и яроваго хлѣба зерномъ до 50 тысячъ пудовъ; а платы за требы по таксамъ колебались:

---

[1]) Полн. собр. зак. 1796 г. №№ 17,628 и 17,661.

За вѣнчаніе отъ	57	коп.	до	1	руб.	50	коп.
— крещеніе отъ	15	—	—	—	—	40	—
— конфирмацію	$28\frac{1}{2}$	—	—	1	—	—	—
— похороны	15	—	—	1	—	—	—
— отслуженіе католическ. обѣдни, съ молебномъ, отъ . .	25	—	—	—	—	50	—

Ревизія указывала на настоятельную необходимость отмѣнить всякое производство содержаній натуральными продуктами, съ замѣною ихъ денежнымъ окладомъ или жалованьемъ, по разрядамъ. Она предлагала, принявъ «среднія цѣны продуктовъ, хотя за 10 лѣтъ, въ основаніе перевода на деньги всѣхъ содержаній натурою, распредѣлить эту повинность денежнымъ сборомъ на число работниковъ».

Понятно, что всѣ эти выводы ревизіи основаны на фактахъ дѣйствительпой жизни. Населеніе колоній давно уже тяготилось унаслѣдованнымъ положеніемъ вещей; но, съ одной стороны, замѣченный уже нами перевѣсъ земледѣльческаго элемента, а съ другой — срочная обязательность существующихъ вызывныхъ грамотъ и вообще авторитетъ духовенства и консисторій, продолжающихъ даже и до сего времени безусловно отрицать право приходскаго общества на отмѣну натуральныхъ повинностей, существующихъ въ пользу приходскаго проповѣдника, — все это, въ совокупности, ставило новому порядку вещей почти непреодолимыя преграды. Однако, ненормальность пасторскаго содержанія дѣлалась изъ года въ годъ осязательнѣе. Предпринятое съ 1847, и особенно съ 1860 года въ значительныхъ размѣрахъ, выселеніе изъ коренныхъ поволжскихъ колоній избытка поселянъ на земли дополнительныхъ надѣловъ; образованіе, вслѣдствіе того, новыхъ приходовъ, требующее, сверхъ текущаго содержанія проповѣдника, весьма значительныя издержки на устройство новыхъ пасторатовъ, школьныхъ домовъ, церквей и т. д.; выдѣлъ переселенцамъ ихъ части изъ общественнаго и приходскаго имуществъ коренныхъ водвореній (мѣстами до 100 рублей и болѣе на ревизскую душу),—все это, вмѣстѣ съ вышеуказанными новыми бытовыми условіями, начало вызывать со стороны приходскихъ обществъ болѣе или менѣе энергическія попытки къ нормированію приходскихъ повинностей, на болѣе современныхъ и справедливыхъ основаніяхъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло шло о новой вызывной грамотѣ. А какъ въ этихъ случаяхъ недостатка не было, то мало-по-малу завязалась на этомъ полѣ формальная борьба между населеніемъ и гражданскимъ начальствомъ съ одной, приходскимъ духовенствомъ и консисторіями съ другой стороны. Особенпо упорна стала эта борьба по поводу домогательствъ вдовье-сиротской кассы поволжскаго протестантскаго духовенства.

По уставу этой кассы, къ доходамъ ея отнесены: 1) проценты на основной капиталъ кассы, достигшій въ 1863 году до 63 тысячъ руб.; 2) каждогодные взносы членовъ-пасторовъ, размѣръ которыхъ установляетъ самъ синодальный съѣздъ послѣднихъ; 3) добровольныя даянія, собираемыя во всѣхъ протестантскихъ колоніяхъ имперіи два раза въ году—на

Рождество и Вознесеніе Христово; 4) по 3% въ годъ съ капитала каждой протестантской церкви поволжскихъ колоній, и 5) пособія «человѣколюбивыхъ дателей» во всей имперіи. Нельзя сказать, чтобы касса, въ началѣ ея учрежденія въ 1806 году, дѣлала значительные успѣхи; сами пасторы не облагали себя значительными взносами, а основнаго капитала, въ тѣсномъ смыслѣ, не было (онъ образовался только впослѣдствіи); пожертвованій поступало мало, налогъ же на церковные капиталы, установленный безъ предварительнаго соглашенія съ колонистскими обществами, возбудилъ въ 1826 году такой сильный протестъ со стороны послѣднихъ, что духовенство, во избѣжаніе скандала, само поспѣшило отказаться отъ 3% сбора въ кассу съ церковныхъ капиталовъ, довольствуясь каждогоднымъ денежнымъ взносомъ съ каждаго общества. По состоявшемуся соглашенію, взносъ этотъ соразмѣренъ съ населенностію приходовъ. Онъ составлялъ въ общемъ итогѣ: въ 1853 г.— 187 руб. 17 коп., а въ 1863 г. — 219 р, 3 к., или около 0,31% съ валовой суммы церковныхъ капиталовъ (до 70 тысячъ руб.). Несмотря на такое существенное измѣненіе, на дѣлѣ, высочайше утвержденнаго въ 1806 году положенія кассы и на пересмотръ этого положенія въ 1854 году (ст. 236 уст. о кол.), оно, въ отношеніи 3-хъ процентнаго сбора съ церковнаго капитала, остается въ своей силѣ, такъ что администрація кассы имѣла бы нѣкоторое основаніе требовать этотъ платежъ, т. е. получить съ одной этой статьи, напр. въ 1863 году, вмѣсто 219 руб. до 2,100 руб. Но духовенство весьма хорошо сознаетъ, къ чему повело бы такое притязаніе съ его стороны, и благоразумно молчитъ, тѣмъ болѣе, что взамѣнъ настоящаго прямого налога, оно давно уже успѣло установить въ пользу кассы другой, косвенный налогъ, взимаемый съ населенія въ формѣ монопольной продажи въ поволжскихъ колоніяхъ, издаваемыхъ средствами вдовье-сиротской кассы сборника церковныхъ гимновъ, азбуки и лютерова катехизиса, употребленіе которыхъ духовенство же, какъ распорядитель церкви и школъ, сдѣлало обязательнымъ для колонистовъ-протестантовъ. Первое изданіе этихъ книгъ появилось въ 1815 году, съ разрѣшенія государственной юстицъ-коллегіи. Впослѣдствіи, въ самомъ началѣ 40-хъ годовъ, кассою было сдѣлано второе изданіе, съ употребленіемъ на него изъ средствъ кассы 2,000 руб. асс. (какъ сказано въ разрѣшеніи на изданіе, данномъ со стороны мин. внутр. дѣлъ). Распродажа этого изданія тянулась безъ малаго три десятилѣтія, и отъ одного лишь сборника гимновъ (по 1 р. 43 к. сер. за экземпляръ) касса получала доходу въ 1853—1863 годахъ, по собственному показанію консисторій, «среднимъ числомъ до 986 руб. 69 коп. въ годъ». Отсюда понятно, какимъ путемъ и на чей счетъ образовался указанный выше основной капиталъ кассы, одни проценты съ котораго давно уже, и даже съ излишкомъ, покрываютъ расходы ея на пособія вдовамъ и сиротамъ [1]). Въ виду такой обезпеченности, какъ средствъ

---

[1]) Въ 1863 году, вдовье-сиротская касса производила пособія: 13 пасторскимъ вдовамъ по 110 руб. 26 коп. на каждую, и 10 сиротамъ пасторскимъ по 24 руб. на лице, всего 1,679 р. 6 коп.

кассы, такъ и матеріальнаго быта духовенства вообще, при ревизіи 1860 года возникъ вопросъ о передачѣ права на изданіе сборника гимновъ и прочихъ книгъ приходскимъ школамъ, «крайне нуждающимся въ такомъ пособіи»; а преобразованіе нашей кредитной системы, понизившее процентъ на помѣщенные въ кредитныхъ установленіяхъ, безсрочными вкладами, церковные капиталы до 2%, обратило вновь особенное вниманіе обществъ на сборъ съ послѣднихъ въ пользу пасторской вдовье-сиротской кассы. Наконецъ, мѣстный книгопродавецъ вызвался поставлять сборникъ гимновъ на хорошей бумагѣ по 80 коп., а въ калинкоровомъ переплетѣ по 1 руб. за экземпляръ. Но тѣмъ временемъ синодальный съѣздъ пасторовъ рѣшилъ сдѣлать новое изданіе сборника, съ тѣмъ, чтобы одинъ отдѣлъ его, признанный вздорнымъ и безсмысленнымъ (gehalt- und geistlos) былъ замѣненъ новыми гимнами, избранными специальною изъ пасторовъ коммиссіею. Эта операція, будучи приведена въ исполненіе, вытѣснила бы изъ употребленія всѣ экземпляры сборника прежнихъ изданій, т. е. касса сразу сбыла бы до 30,000 новыхъ книгъ, на сумму до 42,500 руб. Объ этомъ послѣдствіи предложеннаго изданія нѣтъ, конечно, и помину въ протоколахъ синодальнаго собранія. Мы даже готовы вѣрить, что въ этомъ случаѣ руководили рѣшеніями пасторовъ не столько финансовыя цѣли, сколько тѣ истинно-пастырскіе мотивы, о которыхъ гласятъ протоколы; но при всемъ томъ, нельзя не замѣтить, что сюрпризъ готовился прихожанамъ за кулисами, такъ какъ синодальныя засѣданія не публичны, и въ нихъ нѣтъ представителей отъ прихожанъ, сами же пасторы не видѣли надобности разглашать о задуманной ими операціи. Но органъ протестантизма, петербургскій «Sontagsblatt», который въ синодальныхъ протоколахъ и представленіяхъ не видѣлъ вовсе финансовой стороны дѣла, далъ гласность заботѣ поволжскаго духовенства о благѣ прихожанъ, послѣдніе же (конечно, противъ всякаго ожиданія почтенной редакціи) поняли эту заботу единственно въ смыслѣ «безцеремоннаго посягательства на ихъ карманъ». Тутъ встрепенулось уже все въ колоніяхъ, вспомнилось все, и начался болѣе или менѣе всеобщій походъ противъ финансовыхъ минъ духовенства. Но не дремало и послѣднее: жалобы его чрезъ консисторіи, отправлялись въ Петербургъ даже по всякимъ мелочамъ. Въ итогѣ, жалобы гласили, что приходы не даютъ въ филіалахъ прежняго столоваго содержанія пасторамъ (оно ни вызывными грамотами, ни закономъ и не обусловлено); что приходы требуютъ, чтобъ остатки отъ годичной пропорціи дровъ пасторы не продавали, по прежнему, въ свою пользу, а зачитывали эти остатки въ счетъ нормальной дачи на новый годъ, на томъ основаніи, что «дрова даются на отопленіе пастората, а не на усиленіе пасторскаго содержанія» и т. д. и т. д. Но главнѣйшими пунктами борьбы сдѣлались, конечно, регаліи вдовье-сиротской кассы, новыя вызывныя грамоты и, какъ увидимъ впослѣдствіи, приходская школа.

Относительно новаго изданія церковнаго сборника, бывшій министръ внутреннихъ дѣлъ, признавъ «независимо отъ всякой привилегіи, вообще неудобнымъ предоставленіе подобныхъ изданій конкуренціи частныхъ

лицъ и обращеніе ихъ въ дѣло коммерческой спекуляціи», отклонилъ предположеніе мѣстнаго начальства колоній, полагавшаго пріостановить задуманное духовенствомъ новое изданіе, съ тѣмъ, чтобы «вопросъ о болѣе дешовомъ изданіи какъ сборника, такъ и вообще употребляемыхъ въ мѣстныхъ школахъ руководствъ, на счетъ свободныхъ мірскихъ суммъ, или посредствомъ сдѣлки съ издателемъ-книгопродавцемъ, былъ переданъ на совокупное обсужденіе уполномоченныхъ отъ протестантскихъ обществъ и депутатовъ отъ духовенства и Саратовской конторы». Консисторія, съ своей стороны, предложила «установить сборъ съ церковныхъ капиталовъ по $\frac{1}{2}$%, что составило-бы по 350 р. въ годъ и дало-бы возможность предложить администраціи кассы печатать книги, вмѣсто С.-Петербурга и Москвы, въ Саратовѣ (?), гдѣ это можетъ стоить дешевле (?), или же другими мѣрами понизить сколь возможно цѣну издаваемыхъ книгъ, наблюдая, чтобы итогъ прибыли не превышалъ 850 руб. въ годъ». Въ случаѣ же лишенія кассы привилегіи на изданіе книгъ, консисторія полагала взносъ въ пользу кассы съ церковныхъ капиталовъ установить не ниже 2% въ годъ. Въ разрѣшеніе этихъ вопросовъ, министерство внутреннихъ дѣлъ, въ іюлѣ 1866 года, предложило консисторіи наблюсти, чтобы цѣна книгамъ назначена была «самая умѣренная», и чтобы сборникъ печатался въ прежнемъ видѣ, съ присовокупленіемъ новыхъ пѣсенъ особымъ прибавленіемъ, безъ возвышенія однако цѣны книги. Что же касается уничтоженія, согласно настояніямъ обществъ, сбора съ ихъ церковныхъ капиталовъ, то вопросъ этотъ предположено *разсмотрѣть особо*. Нужно надѣяться, что это «особое разсмотрѣніе» не заставитъ ожидать себя также долго, какъ упомянутыя въ ст. 252 церк. уст. «новыя общія распоряженія», напрасно ожидаемыя и по сіе время, что преимущественно содѣйствовало столкновеніямъ духовенства съ прихожанами. [1])

Въ послѣднее десятилѣтіе, по поволжскимъ приходамъ не вступала въ силу почти ни одна вызывная грамота безъ того, чтобы утвержденію ея не предшествовала болѣе или менѣе сложная переписка между двумя вѣдомствами, гражданскимъ и духовнымъ, и безъ доведенія спора до высшихъ административныхъ инстанцій. Или консисторія не сходится съ приходскимъ обществомъ въ выборѣ пункта для пастората, (во вновь учреждаемыхъ приходамъ); или, по ея мнѣнію, кизякъ [2]), назначаемый пастору новыми степными приходами въ добавокъ къ нѣкоторому количеству дровъ, не можетъ быть употребляемъ имъ безъ вреда въ гигіеническомъ отношеніи; либо приходъ назначилъ слишкомъ мало сѣна, соломы, или слишкомъ низкія платы за требы, или же обратилъ зерновую повинность изъ посемейной, прогрессивно-возрастающей — въ валовую, отвержденную, съ цѣлаго прихода и т. д. Почти во всѣхъ подобныхъ столкновеніяхъ, право и справедливость оказывались, въ концѣ концовъ, не на

---

[1]) Къ удовольствію нашему, мы можемъ прибавить, что сборъ въ пользу вдовьей кассы съ церковныхъ капиталовъ вовсе прекращенъ съ будущаго 1870 года, а въ отношеніи удешевленія цѣнъ на книги, издаваемыя кассою, потребованы ближайшія свѣдѣнія и соображенія отъ ев. лют. консисторіи.

[2]) Наземный кирпичъ, составляющій главное топливо въ поволжьѣ, а въ степныхъ колоніяхъ Самарской губ., вмѣстѣ съ соломою, даже единственный горючій матеріалъ въ хозяйствѣ.

сторонѣ духовенства такъ, что жалобы его оставались обыкновенно безъ послѣдствій; но желая дать читателю наглядный примѣръ подобнаго рода дѣлъ, мы ознакомимъ его съ однимъ изъ такихъ, которое и теперь, когда мы пишемъ эти строки, еще не разрѣшено окончательно.

Съ 1-го сентября 1864 года, послѣ смерти пастора Д., извѣстный уже читателю лѣсно-карамышскій приходъ (13,274 наличныхъ обоего пола душъ) остается незамѣщеннымъ и, какъ викаріатъ, завѣдывается поочередно наѣзжающими пасторами остальныхъ колонистскихъ приходовъ Саратовской губ. Неоднократно произведенные выборы новаго проповѣдника оставались безъ послѣдствій, потому что ни одинъ изъ избранныхъ не рѣшался принять призывъ въ виду несогласія консисторіи на содержаніе, назначенное приходомъ новому пастору. Дѣло въ томъ, что вопреки мнѣнію консисторіи, лѣсно-карамышское общество признаетъ *обязательнымъ* для себя производство своему будущему пастору лишь того содержанія, которое оно давало до 28-го декабря 1832 года; что же касается послѣдующихъ къ сему содержанію надбавокъ, то общество полагаетъ себя вправѣ вводить эту часть въ новыя грамоты, по своему усмотрѣнію, въ сокращенномъ, измѣненномъ или усиленномъ размѣрѣ, соображаясь съ условіями даннаго времени. На этомъ основаніи, лѣсно-карамышское приходское общество, формальнымъ приговоромъ, постановило давать будущему проповѣднику: а) пасторатъ, и для отопленія его, 30 саж. дровъ, которыя приходъ каждогодно будетъ доставлять на пасторатскій дворъ; б) по 171 р. 60 коп. въ годъ изъ общественнаго сбора съ работниковъ; в) по 1,000 р. въ годъ, вмѣсто хлѣбнаго зерна; г) аксиденцій: за похороны и крещеніе по 15 коп., за бракосочетаніе, съ помолвкою, 60 к. и за конфирмацію по 30 коп. съ лица (что̀, по числу требъ въ 1858 году, составляетъ minimum 347 р. 85 к.); д) на все время нахожденія пастора въ приходѣ дается въ его пользованіе огородъ въ десятину; и наконецъ е) подводы для разъѣздовъ по филіальнымъ церквамъ — натурою, или же по особому съ пасторомъ соглашенію.—Консисторія, напротивъ, присвоивая себѣ безусловное право судить о достаточности или недостаточности пасторскаго содержанія и отрицая правильность толкованія приходомъ ст. 352 уст. ев. цер., настаиваетъ на понужденіи къ назначенію новому пастору того же самаго содержанія, которое получалъ пасторъ Д. съ 1858 года (см. выше). Въ такомъ положеніи дѣло это предлежитъ къ разрѣшенію высшимъ административнымъ инстанціямъ.

Не вдаваясь здѣсь въ разсужденіе о томъ, на чьей сторонѣ право и справедливость, мы однако невольно задумываемся надъ вопросомъ: неужели minimum 1519 р. 45 к. деньгами, отличная квартира, съ отопленіемъ и всякаго рода хозяйственными службами, подводы, прогрессивная доходность съ требъ, пособіе на воспитаніе дѣтей, обезпеченный пенсіонъ на случай старости и болѣзни, и обезпеченное же положеніе вдовъ съ ихъ дѣтьми, на случай смерти пастора,—неужели все это, въ совокупности, такое недостаточное содержаніе, что неназначеніе приходомъ бо̀льшаго оправдываетъ неуступчивость консисторіи и оставленіе приходскаго общества и школъ безъ должнаго призрѣнія, вотъ уже около 4 лѣтъ?... Неужели подобное

назначеніе можетъ давать поводъ къ принятію со стороны консисторіи косвенно-репрессивныхъ мѣръ, каково, напримѣръ, требованіе съ прихода, въ силу произвольнаго толкованія закона, уплаты во вдовье-сиротскую кассу пасторовъ содержанія пастора Д., впредь до замѣщенія вакансіи?.:. Или, по мнѣнію духовенства, подобныя столкновенія могутъ укрѣпить въ паствѣ должное къ нему уваженіе?...

Но, быть можетъ, значительныя матеріальныя пожертвованія колонистовъ въ пользу духовенства съ лихвою вознаграждаются попечительностью послѣдняго въ нравственномъ ихъ преуспѣяніи?...

Болѣе или менѣе удовлетворительный отвѣтъ на этотъ вопросъ могутъ дать, какъ кажется, не столько исправное со стороны духовенства произнесеніе проповѣдей, исполненіе требъ, и т. д., однимъ словомъ не формальная сторона пастырской дѣятельности, которая, по словамъ, ревизіи поволжья 1860 года, ограничивается «однимъ наружнымъ видомъ», т. е. обратилась въ простую обрядность, сколько отношенія пасторовъ къ нравственнымъ потребностямъ своей паствы въ болѣе широкомъ смыслѣ, въ смыслѣ человѣческаго и вообще гражданственнаго развитія.

Конечно, важнѣйшій органъ воздѣйствія на массы въ этомъ направленіи есть народное образованіе, школа, которая давно уже перешла въ полное безконтрольное распоряженіе колонистскаго, протестанскаго и католическаго, духовенства. Но прежде, чѣмъ обратиться къ состоянію въ колоніяхъ школьнаго дѣла, мы желали бы коснуться нѣсколькими словами еще одной, по нашему мнѣнію, весьма важной стороны народной жизни—именно: обычаевъ и народныхъ празднествъ колонистовъ и отношеній къ нимъ духовенства.

Въ обычаяхъ и народныхъ празднествахъ прежде всего является весьма важнымъ условіемъ то, что здѣсь рабочій людъ старается удовлетворить присущей человѣку потребности наслажденія. Наслаждаясь, онъ собираетъ новыя силы на новый трудъ. Но извѣстно, что простой, умственно мало развитый человѣкъ, для удовлетворенія указанной общечеловѣческой потребности своей природы, не довольствуется однимъ физическимъ покоемъ; ему, чтобы въ наслажденіи не обезсилѣть, кромѣ покоя, необходимъ еще временный физическій разгулъ; иначе онъ впадетъ въ недовольство, апатію нравственную и физическую. Смотря на обычныя въ простонародномъ быту празднества съ этой точки зрѣнія, никто конечно не станетъ требовать безусловнаго воспрещенія подобныхъ проявленій потому только, что форма, въ которой сказываются народныя увеселенія и наслажденія, не всегда соотвѣтствуетъ нашему личному вкусу, а въ иныхъ случаяхъ нарушаетъ въ «образованномъ» человѣкѣ даже чувство деликатности и благовоспитанности. Но «о вкусахъ не спорятъ» и всякій наслаждается по своему.

Однако эти общепризнанныя истины для поволжскихъ пасторовъ, повидимому, не существуютъ. Правда, иныя мнѣнія ихъ по этому предмету совершенно безразличны для насъ, и не мы взялись бы упоминать о томъ или другомъ взглядѣ ихъ на народныя празднества, еслибъ сами пасторы точно также, или хотя бы нѣсколько помягче, относились въ

этомъ случаѣ къ своей паствѣ. Жизнь нашего крестьянина, не исключая поволжскаго колониста,—извѣстна: весна, лѣто и часть осени проходятъ въ безустанной работѣ; ни днемъ, ни ночью онъ не знаетъ покоя въ эту «страдную» пору. Въ степныхъ мѣстностяхъ, къ которымъ и до сего времени слѣдуетъ причислять поволжское колонистское водвореніе, въ продолженіе будничныхъ дней цѣлой недѣли все населеніе, кромѣ стариковъ и малыхъ дѣтей, проводитъ въ полѣ, являясь оттуда домой вечеромъ, наканунѣ воскресенья или праздника. На другой день, побывавши у обѣдни, а холостая и незамужняя молодежъ, сверхъ того, еще въ послѣобѣденной катехизаціи [1]), все населеніе, по прежнему, обращается въ степь, къ новому недѣльному труду. Если въ эту «страду» и ищетъ кто удовольствій, то въ колоніяхъ это крайне рѣдкое явленіе и навѣрное какой-нибудь безнадежный забулдыга. Мы не говоримъ, конечно, о неугомонной молодежи; парни и дѣвушки, точно также, какъ и въ другихъ мѣстахъ, всячески стараются вознаградить себя за недѣльный трудъ играми, плясками и импровизованными пирушками на «посидѣлкахъ», продолжающихся иногда далеко за полночь подъ наступающій праздникъ. Для люда же остепенившагося, или что тоже—женатаго, время удовольствій и наслажденій наступаетъ не ранѣе осени. Послѣ уборки хлѣбовъ начинаются такъ-называемые «кермессы». (Kirchmesse—день освященія церкви, престольный праздникъ); съ ними обыкновенно совпадаютъ мѣстныя ярмарки. Празднества эти, съ самаго учрежденія колоній, расположены такъ, что только въ рѣдкихъ случаяхъ «кермессъ» въ одной колоніи совпадаетъ съ тѣмъ же днемъ въ другомъ обществѣ; они чередуются съ воскресенья на воскресенье. Вотъ здѣсь уже и старъ, и младъ, и мужчины и женщины, каждый въ обычаѣ своего возраста и по вкусу, стараются вознаградить себя за всѣ лишенія рабочей поры, переѣзжаютъ почти цѣлымъ обществомъ на сосѣдній кермессъ, навѣщаютъ родныхъ въ дальнихъ колоніяхъ, и, въ свою очередь, угощаютъ у себя толпы гостей—знакомыхъ, родныхъ и даже вовсе чужихъ. Въ прежнія времена, какъ въ Германіи, такъ и въ поволжьѣ, кермессы сопровождались широкимъ разгуломъ, который не всегда обходился безъ дракъ и нарушеній порядковъ благоустройства. Казалось бы достаточнымъ подчинить этотъ народный разгулъ нѣсколько болѣе бдительному полицейскому надзору, и именно въ этомъ смыслѣ долгое время относились къ дѣлу гражданское начальство и даже сами пасторы. Но мало-по-малу, особенно послѣ изданія въ 1832 году церковнаго устава, пасторы начали возставать противъ прежнихъ порядковъ празднованія «кермесса», требуя, чтобы обычные въ этотъ день «танцовальные» дома, съ музыкою и т. д., были закрыты, и всякое шумное проявленіе народнаго разгула, попойки и т. п. были строго воспрещены, какъ «оскорбляющія святость празднества, нарушающія благопристойность и порядокъ, потворствующія пьянству и разврату, и вообще растлѣвающія народную нравственность». Подъ ту же

[1]) Родъ экзаменовъ, въ видѣ вопросовъ и отвѣтовъ, съ приличными толкованіями по катехизису, евангелію и библіи.

категорію были подведены обычныя «посидѣлки» молодежи, катанье по улицамъ съ музыкою, пѣснями, стрѣльбою во время свадебъ. Настоянія пасторовъ не остались безъ послѣдствій: кермессы, какъ *народныя* празднества, стрѣльба при свадебныхъ поѣздахъ и т. п. были строжайше воспрещены. Однако въ подобныхъ случаяхъ на столько же легокъ запретъ, на сколько немыслима его ненарушимость. Сначала даже выборное начальство придавало мало значенія послѣдовавшему распоряженію: кермессы и свадьбы пировались по прежнему. Но не таковы пасторы, чтобы, заручившись соотвѣтствующимъ ихъ цѣли закономъ или циркулярнымъ предписаніемъ гражданской власти, позволить пренебречь ихъ волею; на сколько они способны вести свои дѣла, тому примѣры мы привели выше. Точно также и въ настоящемъ случаѣ они повели самую упорную борьбу противъ ненавистныхъ имъ обычаевъ; сами нерѣдко обращались въ грозныхъ представителей полиціи; мало-по-малу, путемъ оштрафованія сельскихъ начальниковъ «за поблажку ослушникамъ», они съумѣли внушить послѣднимъ ихъ обязанность, и теперь уже общія усилія пасторовъ и сельскихъ начальствъ загнали любителей кермесса и шумныхъ пировъ въ самыя отдаленныя захолустья. Прежняя публичность празднествъ и пировъ уступила мѣсто—скрытному пьянству, игрѣ въ орлянку и карты на деньги, и подобнымъ «тихимъ» удовольствіямъ. Пасторы достигли наконецъ своей цѣли: по улицамъ и въ домахъ водворилась тишина; чувства пасторовъ не оскорбляются явнымъ разгуломъ; сонъ ихъ не тревожится пѣснями гуляющей за-полночь молодежи.

Но почему же, по словамъ ревизіи 1860 года, «упадокъ нравственности въ поволжскихъ колонистахъ, по сравненію ихъ прошедшаго съ настоящимъ, дѣйствительно составляетъ фактъ, не подлежащій сомнѣнію и весьма разительный по обзору даже послѣдняго десятилѣтія»?.. Чѣмъ же объяснить, что изъ числа саратовско-самарскихъ колонистовъ приходилось уголовныхъ преступниковъ и исключенныхъ за пороки изъ колонистскаго званія, по приговорамъ суда и обществъ:

въ 1850 году 1 лице на 55,416 обоего пола душъ.
— 1855 — 1 — — 31,077 — — —
— 1859 — 1 — — 15,017 — — —

Невольно приходится вѣрить словамъ той же ревизіи, что «протестанское духовенство не содѣйствуетъ улучшенію нравственности колонистовъ, такъ какъ оно въ дѣятельности своей обнаруживаетъ болѣе стремленія къ личнымъ интересамъ, нежели къ общественному благу населенія, и старается лишь объ утвержденіи того почти безграничнаго вліянія на свою паству, которымъ оно до сего времени столь успѣшно пользовалось для матеріальнаго обезпеченія себя и своего потомства, и — само собою разумѣется—не въ пользу колонистовъ». И нельзя сказать, чтобы протестантскіе пасторы поволжья сознавали, наконецъ, ошибочность и вредъ принятаго ими направленія. Лучшимъ тому доказательствомъ можетъ служить приговоръ, проведенный въ 1861 году однимъ изъ наиболѣе раз-

витыхъ пасторовъ-университантовъ въ четырехъ обществахъ своего прихода и не вошедшій въ силу только вслѣдствіе вмѣшательства гражданской власти и высшихъ ея инстанцій. Этотъ приговоръ до того характеристиченъ, что мы приводимъ здѣсь главнѣйшія его положенія: 1) кто въ церкви, во время богослуженія, нарушитъ тишину и спокойствіе, или окажетъ церковнымъ старостамъ ослушаніе, тотъ подвергается денежному штрафу: въ первый разъ 10 коп., во второй 15 коп., а въ третій—50 коп.; 2) съ каждой лишившейся цѣломудрія невѣсты, если она при вѣнчаніи наряжена будетъ въ вѣнчальный вѣнецъ (Brautschmuk, Brautkranz), взыскивается 1 р. 43 коп.; доказательствомъ служитъ метрическая книга; 3) кто, во время вѣнчанія, вблизи церкви или школьнаго дома, нарушитъ тишину или спокойствіе, съ того штрафъ 30 коп.; 4) обрученные или оглашенные, овдовѣвшіе, или холостые и незамужніе, если они до вѣнца имѣютъ сожительство, подвергаются штрафу въ 30 коп.; 5) кто безъ уважительной причины даетъ у себя убѣжище женщинѣ, оставившей своего мужа, съ того штрафъ 1 руб. и онъ обязывается удалить эту женщину изъ своего дома немедленно; 6) кто въ воскресные и вообще праздничные дни заведетъ у себя въ домѣ музыку, съ того штрафъ 3 руб., а съ каждаго музыканта по 1 руб.; 7) кто дозволитъ себѣ въ домѣ карточную игру на деньги, съ того штрафъ 3 руб., а съ каждаго участника игры по 50 коп.; 8) кто въ воскресные или праздничные дни, до окончанія божественной литургіи, отправится на охоту, или на рыбную ловлю, съ того взыскивается 15 коп.; 9) кто въ тѣ же дни будетъ заниматься «будничною работою», какъ-то: возить воду, пахать, молоть на мельницѣ, или возить съ гумна во дворъ сѣно, солому и т. п., тотъ, «за исключеніемъ самыхъ необходимыхъ случаевъ», штрафуется на 50 коп.; 10) кто не согласится уплатить наложенный на него штрафъ, или будетъ замѣченъ въ одномъ и томъ же проступкѣ болѣе трехъ разъ, тотъ, «какъ злоумышленный нарушитель порядка», представляется сельскимъ приказомъ высшему начальству «для подверженія самому строгому наказанію»; и 11) штрафные платежи поступаютъ: съ проступковъ п. 1 и 4-го въ церковную кассу, остальные же въ пользу мірскихъ кассъ, по принадлежности.

Прочитавъ такой приговоръ, читатель, быть можетъ, оцѣнитъ тѣ чувства, которыя сказываются противъ утвержденія подобнаго акта, въ протестѣ вновь назначеннаго, въ исходѣ 1860 года, управляющаго саратовскою конторою.

«Владѣя значительными капиталами для оборотовъ — говоритъ онъ; распоряжаясь самовластно церковными школами; будучи церковными попечителями, они (т. е. пасторы), вслѣдствіе этихъ факторовъ и своего моральнаго вліянія, какъ священнослужители и проповѣдники, завладѣли авторитетомъ, по праву имъ не принадлежащимъ, и распространяютъ вліяніе свое, вопреки закону, на всѣ общественныя дѣла своего прихода, часто въ ущербъ добраго согласія, порядка, умственнаго развитія и самой нравственности населенія. Я долгомъ считаю обратить вниманіе на всю нелѣпость, въ юридическомъ смыслѣ, постановленныхъ приговоромъ

правилъ (выше приведенныхъ), и на бездушную ихъ жестокость, которая съ безпримѣрнымъ цинизмомъ подвела подъ таксу женскую скромность и добродѣтель, а съ тѣмъ вмѣстѣ, и добрую славу цѣлыхъ семействъ, безвинныхъ и безпричастныхъ къ караемымъ проступкамъ... Для взысканія подобныхъ штрафовъ потребуется варварскій контроль, и я отвергаю возможность приведенія въ дѣйствіе такихъ приговоровъ, какъ унизительныхъ для человѣческаго достоинства. Хотя московская евангелическая лютеранская консисторія не стѣснилась одобрить эти приговоры, но» и т. д.

Итакъ, протестантскіе пасторы дошли еще въ одномъ отношеніи до геркулесовыхъ столповъ. Но ратовать въ пользу «добронравственности паствы» полицейскими мѣрами вѣроятно удобнѣе, нежели дѣйствовать путемъ проповѣди и убѣжденія. Пасторы упустили изъ виду, что какъ бы безапелляціонно не поработить человѣка, нравственную его природу можно только загнать, уродовать; лишить же ее вовсе жизненныхъ проявленій—дѣло невозможное. Говоря это, мы имѣемъ въ виду — сектаторскія движенія среди колонистовъ. Правда, мы далеки отъ мысли взваливать вину за эти броженія исключительно на мѣстное духовенство; несомнѣнно въ этихъ случаяхъ, какъ и всегда, ненормальности экономическаго и гражданскаго быта играютъ весьма важную, если не главную роль. Но въ тоже время нельзя не замѣтить, что отношенія колонистскаго духовенства къ своей паствѣ, и въ экономическомъ, и въ нравственномъ смыслѣ, вовсе не таковы, чтобы оно вполнѣ съ доброю совѣстью могло умыть руки въ дѣлахъ сектаторства. И главнымъ доказательствомъ тому служитъ стремленіе сектаторовъ—освободиться изъ-подъ авторитета пасторскаго: эту главнѣйшую цѣль преслѣдуютъ какъ сектисты, сепаратисты и гюпферы — на югѣ Россіи, такъ и «новые братья и сестры» въ поволжскихъ колоніяхъ. Единственно *вполнѣ* любезная пасторамъ партія—это на югѣ «піетисты или штундисты», а въ поволжьѣ— «молельщики» (Betbrüder); но этотъ разрядъ поселянъ не многочисленъ и вообще, вслѣдствіе его ультрамонтанскаго направленія, мало любимъ огромнымъ большинствомъ населенія, нерѣдко дѣлаясь мишенью народной сатиры. Самыя наименованія «Betbrüder, Hüpfer» и т. д. имѣютъ преимущественно саркастическое значеніе, и сами братья ими обижаются.

Не подлежитъ сомнѣнію, что вѣротерпимость, de facto существующую въ колоніяхъ, тоже нельзя вмѣнить въ заслугу духовенству. Оно и въ этомъ отношеніи уступаетъ только категорически выраженной въ 1843 году высочайшей волѣ.

Впрочемъ, самымъ надежнымъ барометромъ для вѣрнаго опредѣленія степени радѣнія колонистскаго духовенства о насущныхъ интересахъ населенія представляется дѣло народнаго образованія. Посмотримъ же, что сдѣлало духовенство на этомъ широкомъ поприщѣ, состоящемъ въ «самовластномъ» распоряженіи его.

II.

«Нѣмецкая народная школа — говорится въ одномъ изъ новѣйшихъ изслѣдованій [1])—была результатомъ реформаціоннаго движенія, когда пробудившееся религіозное сознаніе массъ потребовало ближайшаго знакомства съ предметами вѣры, рѣшавшими тогда судьбу нѣмецкаго народа. Эта историческая особенность опредѣлила ея основной характеръ, которымъ она отличается еще и въ наше время. Эта школа, образовавшаяся изъ обязательныхъ катехизическихъ поученій пастора, или его помощника при церкви (кистера, кантора), оставалась съ тѣхъ поръ въ связи съ церковнымъ бытомъ общины: пасторъ до сихъ поръ остается ближайшимъ руководителемъ школы. Въ тоже время школа сохранила свою тѣсную связь съ общиной, сельской и городской; община даетъ средства для школы (въ принципѣ) безъ всякаго участія правительства, и чрезъ своихъ представителей имѣетъ вліяніе на ея внутренній порядокъ. Другимъ важнымъ качествомъ нѣмецкой школы, которое также приводится къ ея историческому происхожденію, есть всеобщая обязательность; дѣти извѣстнаго возраста, безъ всякихъ исключеній, обязываются посѣщать школу».

«Въ первые годы нынѣшняго столѣтія», продолжаетъ тотъ же авторъ, нѣмецкая школа все еще сохраняла черты, данныя ей реформаціоннымъ движеніемъ; она считалась средствомъ для сообщенія народу извѣстныхъ правилъ вѣры, въ извѣстномъ конфессіональномъ смыслѣ; она дѣлала изъ своихъ воспитанниковъ лютеранъ, католиковъ, реформатовъ, и, незаботясь о дальнѣйшихъ задачахъ, считала цѣль свою достигнутою. Вообще школа представлялась только какъ переходное звѣно между крещеніемъ и конфирмаціей, какъ будто какое то новое церковное таинство, которое, завершившись конфирмаціей, вводитъ дитя въ общину.» Въ этомъ смыслѣ, ученики обучались чтенію преимущественно по библіи и евангелію, отчасти письму, счету, библейской и ново-завѣтной исторіи, въ связи съ исторіею собственно конфессіональной; главное же занятіе учениковъ состояло въ ученіи наизусть катехизиса, молитвъ, церковныхъ гимновъ, текстовъ изъ библіи и евангелія, нравственныхъ изрѣченій, и т. п.

Мы указываемъ на эти мысли потому, что нѣмецкая народная школа въ томъ видѣ, какъ она охарактеризована здѣсь, перенесена нѣмецкими поселенцами и въ наши колоніи. Мало того; въ дальнѣйшихъ судьбахъ колонистской школы и въ современномъ ея положеніи обнаруживается болѣе или менѣе таже борьба двухъ принциповъ: ортодоксально-конфессіональнаго и воспитательно-образовательнаго, какая проходитъ чрезъ исторію народной школы въ Германіи. Если въ Германіи «евангелическая ортодоксальность, отдѣлившаяся нѣкогда отъ католицизма вслѣдствіе принципа о свободѣ изслѣдованія, стала стремиться чрезъ посред-

[1]) Вопросъ о народной школѣ въ Германіи. С.-Петербургъ 1863 г.

ство школы къ строгому утвержденію своихъ началъ и впала въ ту же догматическую неподвижность, которую прежде протестантизмъ осудилъ въ католичествѣ»; и если «въ ортодоксальной партіи явилось такое же ультрамонтанство, какъ и въ католичествѣ, съ такими же деспотическими привычками и наконецъ съ попытками такого же обскурантизма», то тѣ же самыя явленія обнаружились и со стороны нашего колонистскаго духовенства въ отношеніяхъ его къ школѣ и приходской общинѣ. Но здѣсь отношенія эти въ послѣднія 20—30 лѣтъ усложнялись еще постоянной заботой протестантскаго и католическаго духовенства о предупрежденіи всякихъ поводовъ, для проникновенія въ школьное дѣло ближайшаго правительственнаго вліянія и надзора, изъ опасенія руссификаціи. А попытками къ руссификаціи оно признало, повидимому, даже желаніе содѣйствовать обученію колонистовъ русскому языку. Пока колонисты жили изолировано; пока они были окружены почти со всѣхъ сторонъ малонаселенными, или даже почти безлюдными степями, и управлялись своимъ собственнымъ начальствомъ; пока хозяйственный бытъ ихъ еще не вполнѣ развился, а потребности ихъ удовлетворялись собственными средствами въ чертѣ колонистскаго общественнаго землевладѣнія, до тѣхъ поръ выше описанное состояніе школы, ея духъ и направленіе, считались самими поселенцами болѣе или менѣе удовлетворительными. За то время даже серьозныя попытки правительства — провести въ колоніи, при посредствѣ сельскихъ или приходскихъ школъ, знаніе русскаго языка, едва-ли могли разсчитывать на содѣйствіе со стороны самаго населенія. Но подобныхъ попытокъ и не дѣлалось; сельская школа долгое время была оставлена на произволъ самихъ обществъ, которыя каждогодно рядились о содержаніи и съ учителемъ также, какъ съ пасторомъ, пастухами, табунщиками и т. д. Къ томуже и прежде, какъ теперь, за исключеніемъ одной Сарепты, негдѣ было взять сколько нибудь порядочныхъ наставниковъ. И не смотря на все это, изъ школъ, какъ увидимъ ниже, выходило грамотныхъ колонистовъ больше, нежели въ послѣднія десятилѣтія.

Въ 1816 году, профессоръ казанскаго университета Эрдманъ, въ своемъ отчетѣ по ревизіи учебнаго округа, указалъ на «весьма худое состояніе саратовскихъ колонистскихъ школъ». Онъ представилъ начальству предположеніе «подчинить учителей вообще духовенству, такъ чтобы въ протестантскихъ колоніяхъ—pastor senior (пробстъ), а въ католическихъ—pater superior (деканъ), имѣли главнѣйшій надзоръ». Возникла переписка и были затребованы отзывы мѣстныхъ начальства и духовенства. Послѣднее въ то время положительно отклоняло отъ себя «эту новую для него обязанность», при чемъ указывало на затруднительность и малополезность предположенной мѣры. «Хотя приходскому священнику—писалъ пасторъ Губеръ, впослѣдствіи суперинтендентъ московской консисторіи и отецъ извѣстнаго нашего поэта—и можно принять на себя обязанность смотрѣть за училищами въ его приходѣ, но нельзя при томъ не уважить, что 74 протестантскія колоніи имѣютъ только 15 пасторовъ, коимъ, по обширности и многолюдству приходовъ, часто на ученіе и

собственныхъ дѣтей времени недостаетъ». «Присмотръ за шульмейстерами и преподаваніемъ — отзывался пасторъ Кольрейфъ, сынъ котораго впослѣдствіи былъ сосланъ въ Оренбургъ, если не ошибаемся, какъ государственный преступникъ—не только на пастора-Senior, но даже и на приходскаго священника по каждому приходу, по расположенію колоній, возложить нѣтъ возможности, ибо какія-бы правила установлены ни были, соблюденіе оныхъ, при частыхъ отлучкахъ пастора, останется всегда невозможнымъ». Тѣмъ не менѣе, указомъ 25-го октября 1819 года, «завѣдываніе сельскими школами и наблюденіе за учителями въ колоніяхъ» были возложены на приходское духовенство и консисторіи каждаго вѣроисповѣданія. За тѣмъ, уже съ тридцатыхъ годовъ, мало-по-малу среди населенія сталъ высказываться иной взглядъ на училищное дѣло, что привело духовенство къ систематическому противодѣйствію всякимъ, съ чьей-бы то ни было стороны, попыткамъ къ измѣненію въ чемъ-либо конфессіональной программы школъ. Впослѣдствіи мы увидимъ, что около того же времени со стороны правительства была сдѣлана первая попытка и къ открытію въ колоніяхъ русскихъ училищъ. Хотя указъ 25 октября 1819 года говоритъ только о «наблюденіи за учителями» и ничего не упоминаетъ о томъ: кѣмъ учители должны быть опредѣляемы и увольняемы, и хотя, въ то время, объ этомъ не существовало никакихъ законоположеній, но какъ сельскій учитель въ колоніяхъ есть обыкновенно и кистеръ или канторъ, и въ этомъ званіи, по церковному уставу 1832 года, онъ подчиняется приходскому священнику безусловно, то за симъ духовенству было весьма удобно совершенно оттереть сельское общество отъ прежняго участія въ дѣлѣ школы. И оно достигало этой цѣли съ тѣмъ большимъ рвеніемъ, чѣмъ недовольнѣе дѣлались колонисты состояніемъ у нихъ школьнаго образованія. Дѣло въ томъ, что съ этого времени колонисты, соотвѣтственно распространенію ими своихъ хозяйственныхъ и промышленно-торговыхъ связей за предѣлами колоній, стали заявлять требованія, клонившіяся къ значительному расширенію школьной программы. Подобныя заявленія, высказываясь сначала одиночно, не могли конечно разомъ измѣнить установившійся порядокъ вещей. Но ихъ было достаточно для недремлющаго духовенства, чтобы оградить школу отъ всякихъ, не исключительно конфессіональныхъ вліяній. Дѣйствовать, не маскируясь, оно не смѣло въ этомъ случаѣ; иначе ему пришлось бы стать въ явную оппозицію съ правительствомъ, начавшимъ наконецъ серьозно домогаться введенія въ школахъ преподаванія чтенія и письма по-русски. Не будь этого послѣдняго обстоятельства, нехитрыя въ началѣ требованія колонистовъ, быть можетъ хотя отчасти, нашли бы удовлетвореніе, такъ какъ въ сущности лучшая часть духовенства постоянно сама сознавала отсталость школы. Но голоса, сочувствовавшіе въ средѣ духовенства стремленіямъ населенія, замолкали предъ возраженіемъ, что если приступить къ расширенію программы, то нѣтъ, конечно, ни одного учебнаго предмета на столько необходимаго для колонистовъ, какъ именно знаніе русскаго языка; введеніе же въ школы преподаванія этого языка есть только первый шагъ

къ руссификаціи и т. д. И вотъ почему духовенство, не задумываясь, насущныя потребности колонистскаго населенія принесло въ жертву цѣлямъ ортодоксально-конфессіональнымъ. Вотъ почему—сельская школа, и въ нашихъ колоніяхъ, окончательно объявлена «переходнымъ звѣномъ между крещеніемъ и конфирмаціей», съ самымъ положительнымъ при томъ удостовѣреніемъ, что существующая школа, какъ учрежденіе исключительно приходское или церковное, иного назначенія не имѣетъ и иныхъ цѣлей преслѣдовать не должна; что нѣтъ ни надобности, ни даже безъ прямого стѣсненія религіозно-нравственнаго воспитанія населенія, возможности измѣнить въ чемъ либо дѣйствующую въ ней программу. Правительсто, повидимому, удовлетворялось тѣмъ значеніемъ, какое духовенству угодно было придать школѣ, но не мирились съ такимъ положеніемъ школьнаго дѣла сами колонисты. Впрочемъ, возникавшія отсюда многотомныя переписки еще и донынѣ не успѣли вывести колонистскую школу изъ тѣсной рамки конфессіонализма и дать ей развитіе, солидарное съ успѣхами и потребностями колонистскаго быта; а между тѣмъ дѣло касалось полумилліоннаго населенія, которое содержало къ 1868 г.:

	Наставниковъ и наставницъ.	Сельскихъ школъ.	Учащихся обоего пола.	Въ 1867 году на сумму расхода.
а) по вѣдомству Саратовской конторы	221	176	46,184	53,456 р. 44 к.
б) — — Попечительнаго комит.	314	304	30,873	50,007 р. 57 к.
Итого	535	480	77,057	103,464 р. 1 к.

Жизнь колоній, ихъ экономическія и нравственныя потребности развивались шире и шире, а школа, коснѣя въ неподвижности, все болѣе теряла живое сочувствіе обществъ, такъ какъ ея результаты выражаются въ одномъ лишь мыслительномъ отупѣніи воспитанниковъ, которое было бы еще гораздо разительнѣе, еслибъ не сама жизнь парализировала мертвящее вліяніе школьной дрессировки. Неудивительно, что общества дѣлаютъ постоянныя, хотя до сихъ поръ и тщетныя, усилія возвратить себѣ прежнее, утраченное на школу вліяніе. Напротивъ духовенство, неограничиваясь полнымъ самовластіемъ въ приходской школѣ, затрудняетъ нерѣдко даже возникновеніе въ колоніяхъ частныхъ школъ и частнаго обученія, пользуясь въ этихъ видахъ косвенно-репрессивною мѣрою, штрафомъ, установленнымъ по закону за непосѣщеніе колонистскими дѣтьми приходской школы (по 3 коп. за пропускъ). Все это привело къ тому, что теперь во многихъ нѣмецкихъ колоніяхъ существуетъ болѣе или менѣе открытый разладъ по вопросу о школѣ: духовенство упорно отстаиваетъ ортодоксально-конфессіональную программу школъ и связанное съ нею право свое на исключительное завѣдываніе школьнымъ дѣломъ; колонистскія общества, напротивъ, требуютъ расширенія программы школъ и непосредственнаго на нихъ вліянія. На всѣ настоянія объ улучшеніи приходскихъ школъ духовенство отвѣчаетъ: увеличивайте число училищныхъ домовъ и учителей, а программа вполнѣ удовлетворительна и никакого расширенія не требуетъ.

Но какова эта программа и каковы успѣхи преподаванія—это можно видѣть изъ слѣдующихъ фактовъ. Въ поволжскихъ колоніяхъ заведенъ порядокъ, что лице, домогающееся канторъ-учительской должности, обязано подвергнуться, предъ синодальнымъ собраніемъ пасторовъ, испытанію по программѣ: 1) читать понятно и съ выраженіемъ, по-нѣмецки; 2) подробно знать библейскую исторію и катехизисъ, и имѣть нѣкоторое искуство въ катехизаціи; 3) хоральное пѣніе и, если возможно, игра на органѣ; 4) чистописаніе и правописаніе, безъ грубыхъ ошибокъ, по-нѣмецки; и 5) четыре ариѳметическія правила до дробей [1]). Вотъ такіе-то убогіе преподаватели—грамотеи, вооруженные библіею, библейскою исторіею и печатываемыми вдовье-сиротскою кассою сборникомъ гимновъ, азбукою и катехизисомъ, какъ единственными учебными руководствами, въ теченіе восьми лѣтъ наставляютъ уму-разуму каждаго колонистскаго ребенка. Послѣ этого неудивительно, что изъ числа подвергавшихся въ 1862 г. испытанію 56,041 мужчины поволжскихъ колонистовъ отъ 15 до 60 лѣтняго возраста, изъ 100 челов. *читали* печатное 73%; разбирали печатное 11%; не умѣли вовсе читать 15%; *писали* свободно 6%; одно имя свое 52%; совершенно не писали 41%; *знали четыре дѣйствія ариѳметики* 5%; разбирали цифры 52%; не знали ни одной цифры 42%. Кромѣ того, тѣже процентные выводы, по возрастамъ, подтвердили вполнѣ, что число грамотныхъ колонистовъ падаетъ отъ поколѣнія къ поколѣнію. Такъ изъ 100 человѣкъ умѣли:

	Возрастъ 15—30 лѣтъ %.	Возрастъ 30—60 лѣтъ %.
Читать печатное	36,3	37,0
— писанное	4,7	6,4
Совершенно неграмотныхъ	7,9	7,7
Писать свободно	2,4	3,8
— одно имя свое	26,2	26,7
Не умѣли писать	20,7	20,4
Считать ариѳметически	2,6	2,8
— разбирали цифры	25,2	27,0
— не знали цифръ	21,4	21,0

Наглядную картину наружной обстановки школы въ колоніяхъ даетъ намъ управляющій саратовскою конторою, посѣтившій въ исходѣ зимы 1867—68 года школу колоніи Лѣснаго-Карамыша. «Училищный домъ—говоритъ онъ—весьма приличной наружности, значительныхъ размѣровъ и состоитъ изъ одной залы съ 18 окнами въ долевыхъ стѣнахъ. Я нашелъ въ ней сидящими 450 человѣкъ учащихся, въ томъ числѣ до 100 дѣвочекъ отъ 7—15 лѣтъ, и это было только половинное число, такъ называемый утренній классъ; другіе 450 человѣкъ приходятъ учиться послѣ обѣда. Сидѣли всѣ на весьма узкихъ, тонкихъ и длинныхъ доскахъ или

[1]) О католическихъ школахъ уже не для чего и распространяться: тамъ ксендзы не ставятъ сельскому учителю даже этихъ, болѣе чѣмъ скромныхъ требованій.

скамейкахъ, держа въ рукахъ книги на вѣсу, потому что столовъ при скамейкахъ не было, а близь каѳедры расположены были 3 или 4 стола, для обученія письму избранныхъ. У учителя былъ помощникъ, занимавшійся съ *азбучниками* (челов. до 100) въ полголоса и отдѣльно съ каждымъ, въ то самое время, какъ учитель выслушивалъ громкое чтеніе *завѣтниковъ* (Testamentschüler); отвѣты же по другимъ учебнымъ предметамъ давались постоянно оглушающимъ хоромъ. Въ сторонѣ, на окнѣ, я замѣтилъ свѣжую таловую палочку въ полдюйма толщины и длиною въ аршинъ. Дѣти сидѣли чрезвычайно тѣсно, въ верхнемъ платьѣ и въ мокрой отъ снѣга обуви; почти у всѣхъ лица были въ поту. Не смотря на солнечное утро, среди залы едва можно было читать, до того она наполнена была какимъ-то паромъ. Сопровождавшіе меня, не привыкшіе къ школьной атмосферѣ, люди скрылись чрезъ четверть часа. Слѣдовало уже ожидать, что при такой обстановкѣ о преподаваніи, въ смыслѣ умственнаго развитія, не могло быть и рѣчи; все ограничивалось строжайшимъ выполненіемъ школьнаго механизма, безъ чего, конечно, и нельзя было бы держать эту массу живыхъ тѣлъ въ неподвижномъ порядкѣ. Посѣтилъ я также и послѣобѣденный урокъ, въ которомъ участвовали другіе 450 человѣкъ учащихся. Когда я раздумывалъ, какія тѣлесныя и тѣмъ паче нравственныя усилія потребны учителю на одно тѡ, чтобы поддерживать только дисциплину въ четырестаглавой толпѣ существъ, на глаза вдругъ попала видѣнная мною поутру палочка; но она была вся обломана и оставалось отъ ней не много больше того, сколько можно въ рукѣ держать. Тутъ я догадался о дисциплинарномъ секретѣ и догадку мою подтвердилъ послѣ самъ учитель, разсказавшій, что средневѣковыя пали (удары палкой или линейкой по ладони) царствуютъ во всѣхъ колонистскихъ школахъ».

«На нагорной сторонѣ—объяснялъ тому же управляющему одинъ изъ учителей—пасторы большею частью запретили шульмейстерамъ свободное объясненіе данныхъ имъ въ руки учебныхъ книгъ. Хотя пасторы собственно и не подаютъ вида, что запрещаютъ, но если о томъ про кого узнаютъ, то назовутъ гордецомъ, глупцомъ и при первомъ случаѣ, хотя и подъ другимъ предлогомъ, дадутъ почувствовать, что шульмейстеръ не имѣетъ ни на шагъ отступать отъ буквы. «Что значитъ Богъ, грѣшникъ, покояніе, вѣра и т. п. все содержится въ этой книгѣ; пусть только дѣти выучатъ это наизусть и ваша обязанность будетъ совершенно исполнена; объясненіе же дозволяется только пастору». Вотъ, по указаніямъ пасторовъ, граница учительскаго преподаванія.

«Я—пояснялъ другой учитель своему товарищу — прочитываю ученикамъ каждый вопросъ 30—50 разъ и заставляю это дѣлать ученика; потомъ заставляю всѣхъ пропѣть тоже самое 50 или 100 разъ сряду; потомъ раздаю 5—10 ударовъ по рукамъ палкой тѣмъ, кто не перескажетъ наизусть».

«Понятно,—заключаетъ авторъ цитируемой нами записки — что такое обученіе есть несказанное мученіе и для учителя, и для учащихся, причемъ убиваются и охота, и силы, и время для занятія другими предме-

тами; а между тѣмъ это вездѣ такъ, и автору извѣстенъ только одинъ пасторъ, который высказалъ неудовольствіе на счетъ безконечнаго заучиванья наизусть и всего, что есть неудобнаго въ школахъ, и уже въ нѣкоторыхъ изъ нихъ предпринялъ измѣненія. Одна глава изъ малаго Лютерова катехизиса, извѣстное число библейскихъ текстовъ, часто превосходящее силы учениковъ, и одна церковная пѣснь 3—12 стиховъ—задаются ученику еженедѣльно для выучиванья наизусть. Никакихъ объясненій не предпосылается». Въ преподаваніи библейской исторіи употребляются иногда также забавные методы. Такъ одинъ учитель, считавшійся у своего начальства за дѣльнѣйшаго и лучшаго, желая удивить своимъ искусствомъ, разсказывалъ, что дѣти у него ежедневно выучиваютъ по нѣскольку библейскихъ расказовъ. Это дѣлается такъ: каждый ученикъ по порядку выучиваетъ двѣ строчки изъ библейской исторіи и какъ учениковъ у него очень много, то съ этимъ предметомъ онъ скоро покончитъ. Его спросили: неужели въ самомъ дѣлѣ мѣстный пасторъ—желаетъ, чтобы вся община, взятая вмѣстѣ, знала библейскую исторію, а не каждый членъ общины порознь?.. Шульмейстеръ отвѣтилъ: «право не знаю, только пасторъ велитъ всегда отвѣчать изъ исторіи хоромъ». Другому шульмейстеру сказалъ кто-то, увидѣвъ, что дѣти на каждый вопросъ даютъ отвѣтъ слово въ слово по книгѣ, но безъ всякаго размышленія и совершенно не впопадъ, что такой методъ не побуждаетъ дѣтей къ мышленію. «Этимъ-то методъ и хорошъ», наивно отвѣтилъ шульмейстеръ.

Въ колоніихъ южнаго края Россіи протестантское и католическое духовенство, противъ того же духовенства въ приволжскомъ водвореніи, пользуется менѣе тѣсною между собою связью, а также сравнительно меньшими матеріальными средствами, обнаруживая, соотвѣтственно тому, и меньшія притязанія на власть и вліяніе. Но это нисколько не измѣняетъ его отношеній къ школѣ, въ частности. Разница здѣсь только та, что приволжское духовенство, какъ систематически дисциплинированная и тѣсно сплоченная фаланга, направляемая и поддерживаемая синодальными собраніями и консисторіями, дѣйствуетъ сообща и неуклонно по одному и тому же направленію. Напротивъ, пасторы и патеры южныхъ колоній, будучи разбросаны на дальнихъ одинъ отъ другого разстояніяхъ, лишены этой солидарности, и къ тому же, съ самаго начала колонизаціи, имѣютъ предъ собою и иной общинный бытъ, не поддающійся, подобно поволжскимъ обществамъ, экономическому закрѣпощенію, и иную паству, вышедшую около полвѣка позднѣе приволжскаго поселенца изъ Германіи, когда тамъ и школьное дѣло, и сельское хозяйство сдѣлали уже значительные успѣхи. Самый способъ колонизаціи Новороссіи и Бессарабіи, по преимуществу колоніями небольшаго размѣра, оказался въ пользу школьнаго дѣла, такъ что здѣсь, не смотря на одинаково быстрый съ приволжскими колонистами приростъ населенія, въ общей сложности на одну школу приходится учащихся въ колоніяхъ: херсонскихъ — 135, бессарабскихъ—123, екатеринославскихъ—82 и таврическихъ—75. Въ послѣднихъ двухъ мѣстностяхъ, главную часть колонистскаго населенія

составляютъ меннониты; слѣдовательно, однѣ ихъ школы не страдаютъ переполненностью. Вообще школа южныхъ колоній можетъ еще, повидимому, обучать всѣхъ дѣтей обоего пола—хотя бы чтенію, письму и счету, тогда какъ въ поволжьѣ она не въ состояніи достигнуть даже этой, наименьшей мѣры элементарнаго образованія.

На самомъ дѣлѣ, состояніе школъ и въ южныхъ колоніяхъ далеко не соотвѣтствуетъ даже самой скромной, насущной потребности населенія. «Въ началѣ поселенія—говоритъ извѣстный Курцъ—школа была въ самомъ жалкомъ положеніи. Люди, едва умѣвшіе читать и писать, занимали должности учителя. Дѣтей мало кто посылалъ въ школу, такъ что многіе только съ трудомъ выучивались чтенію по печатному. Впослѣдствіи, начальство стало неуклонно настаивать на каждодневномъ посѣщеніи школъ всѣми дѣтьми обоего пола, начиная съ семилѣтняго возраста вплоть до конфирмаціи; мало-по-малу являлись и лучшіе учители, болѣе удобные школьные дома и необходимѣйшія учебныя пособія. Но вскорѣ начали обнаруживаться новыя неудобства, главнѣйшая причина которыхъ заключается въ томъ, что большинство школьныхъ помѣщеній, до невозможности переполняясь учащимися, вмѣщаютъ въ себѣ наконецъ едва половину ихъ. Пришлось почти повсемѣстно раздѣлить учащуюся молодежъ на двѣ школы — утреннюю и послѣобѣденную, что, для каждаго ученика, сократило учебное время съ 6-ти на три мѣсяца въ году. Тѣмъ не менѣе, во многихъ колоніяхъ и *половинное число* учениковъ превышаетъ педагогическіе способы *одного* учителя. Не мало есть и такихъ родителей, которые, по собственному невѣжеству, несознавая важности образованія, не радѣютъ о посылкѣ въ школу своихъ дѣтей». Такимъ образомъ причины общія и частныя приводятъ къ тому, что колонистская молодежъ, даже при усердіи и способностяхъ, лишена возможности получить порядочное элементарное образованіе; сами же учители, подавляемые безвыходностью положенія, ведутъ учебное дѣло—по выраженію Курца-«verdrossen und mürrisch». По его же увѣренію, мѣстная школьная дирекція (т. е. пасторъ) указала ввести въ программу преподаванія, кромѣ чтенія, письма, счета, катехизиса и библейской исторіи, еще географію всеобщую и особенно Палестины, а также церковную исторію [1]). Но вслѣдствіе указанныхъ уже причинъ, самымъ благопріятнымъ результатомъ и такого курса обученія приходится признать, если лучшіе воспитанники обучатся бѣгло читать печатное, нѣсколько письму, катихизису наизусть и самымъ насущнымъ понятіямъ о главнѣйшихъ догматахъ вѣры. Послѣствіемъ неудовлетворительности школьнаго образованія было то, что молодое поколѣніе, замѣнившее собою своихъ отцовъ, непосредственно вышедшихъ изъ-за границы, далеко отстало отъ нихъ по нравственному и научному развитію. «Изъ первоначальныхъ переселенцевъ — говоритъ Курцъ — остаются въ живыхъ только очень не многіе; но если изъ этихъ стариковъ кто явится предъ судомъ — въ приказъ, то почти

---

[1]) Эта программа есть, повидимому, идеалъ протестантскаго библейскаго общества, его альфа и омега въ дѣлѣ народнаго образованія.

каждый въ состоянiи предлагаемый ему для подписа актъ предварительно прочесть, а за тѣмъ уже и скрѣпить своеручно, тогда какъ болѣе молодые колонисты обыкновенно вынуждены довѣриться въ этомъ случаѣ писарю. Въ быту нашихъ стариковъ многое не можетъ быть одобрено; но причиною неурядицы бывало очень часто ихъ неустроенное хозяйственное положенiе; въ сущности старики наши были честнѣе, справедливѣе, развитѣе и образованнѣе насъ, ихъ настоящихъ потомковъ. Если же существующiя неустройства школьнаго дѣла не будутъ устранены, то послѣдующее поколѣнiе, по нравственности и умственному развитiю, падетъ еще ниже современниковъ, тѣмъ болѣе, что, согласно послѣдовавшему въ 1855 году распоряженiю евангелическо-лютеранской консисторiи, настоящихъ учителей слѣдуетъ признавать уже не учителями, а «кистерами». Въ данной послѣднимъ инструкцiи ставится имъ въ обязанность: «въ селенiяхъ, неимѣющихъ особыхъ школъ, рядомъ съ исполненiемъ кистерскихъ занятiй, обучать дѣтей чтенiю, катихизису и письму». Съ появленiемъ этой инструкцiи, прежнiе сельскiе учители, *исполнявшiе между прочимъ и кистерскiя обязанности*, сразу обратились въ кистеровъ, и занятiя по этой должности, *вмѣсто побочныхъ*, сдѣлались для нихъ главными, въ ущербъ народному образованiю и развитiю. «Такой оборотъ дѣла — замѣчаетъ Курцъ — повергъ лучшую часть населенiя въ грустное раздумье о преуспѣянiи будущихъ поколѣнiй, угрожая имъ крайнимъ невѣжествомъ и отупѣнiемъ. Одна только вѣра въ благость провидѣнiя, обращающаго и зло въ добро, и слова Спасителя: Я съ вами во всѣ дни до скончанiя вѣка, (Матѳ. 28, 20)—способны поддерживать въ насъ надежду на лучшую будущность».

Такiя же сѣтованiя, не менѣе искреннiя и дышащiя глубокою грустью, стали высказываться со стороны колонистовъ все чаще и настойчивѣе. Органами ихъ являлись, въ Одессѣ, извѣстный «Unterhaltungsblatt», а въ Саратовѣ — мѣстная «Deutsche Zeitung». Здѣсь, мало-по-малу возникла оживленная полемика между пасторами съ одной, и представителями населенiя съ другой стороны. Полемика эта кончилась тѣмъ, что пасторы оставили поле гласнаго состязанiя своимъ противникамъ и вооружились безусловнымъ молчанiемъ. Но почти во всякомъ отчетѣ колонистскаго выборнаго начальства продолжаетъ высказываться не всегда удачно маскируемое неудовольствiе населенiя противъ системы школьной дрессировки, упорно отстаиваемой распорядителемъ этого дѣла—приходскимъ духовенствомъ. При такихъ условiяхъ, дѣйствительное движенiе по пути улучшенiя въ дѣлѣ народнаго образованiя мы замѣчаемъ пока у однихъ только меннонитовъ. Программою своей сельской школы они поставили: чтенiе и письмо по-нѣмецки и по-русски; правила вѣры, библейскую и церковную исторiю; всеобщiя исторiю и географiю — кратко, наглядно въ расказахъ, съ объясненiями по глобусу и ландкартамъ; ариѳметики 1-ю часть и дроби; сущность положенiя объ общественномъ управленiи въ колонiяхъ; черченiе геометрическихъ фигуръ и простѣйшiе прiемы для измѣренiя плоскостей; расказы и экскурсiи, знакомящiе съ климатическими и культурными условiями края. Программу эту мы уже 10 лѣтъ тому назадъ

нашли введенною въ школы меннонитовъ новоузенскаго уѣзда, Самарской губерніи, вышедшихъ сюда изъ Пруссіи послѣ 1856 года. Но есть основаніе думать, что та же программа выражаетъ цѣль, къ которой видимо стремятся и Новороссійскіе меннониты; если же она осуществлена здѣсь не повсюду, то единственно только вслѣдствіе недостатка способныхъ учителей, которыхъ братство, повидимому, разсчитываетъ пріобрѣсти изъ двухъ частныхъ реальныхъ школъ въ колоніяхъ Орловѣ и Гнаденфельдѣ, на Молочнѣ.

Ту же цѣль ставятъ себѣ и протестанты, а отчасти и католики. Но здѣсь, какъ сказано, прогрессивное движеніе школьнаго дѣла разбивается до сихъ поръ объ ортодоксально-конфессіональное назначеніе, удерживаемое за школами духовенствомъ. Но какъ-бы то ни было, а вопросъ о преобразованіи приходской школы поставленъ рѣзко и опредѣленно какъ въ южныхъ, такъ еще настоятельнѣе и въ поволжскихъ колоніяхъ. Такъ или иначе, онъ долженъ быть разрѣшенъ; всякому колонисту ясно, что существующіе школьные порядки вполнѣ не состоятельны и неотложно требуютъ коренного преобразованія.

Поземельно-экономическій кризисъ, переживаемый колоніями южнаго края Россіи въ вопросѣ о безземельныхъ, многимъ содѣйствовалъ и уясненію училищнаго вопроса. Давно уже изъ среды колонистовъ стали раздаваться голоса о необходимости улучшенія хозяйственныхъ пріемовъ и способовъ. Долгое время шла рѣчь о превосходствѣ тѣхъ или другихъ пріема, способа, орудія или системы хозяйства; но мало-по-малу началъ устанавливаться и входить въ сознаніе болѣе широкій взглядъ. Было наконецъ признано, что всякіе толки объ улучшеніяхъ въ хозяйствѣ поселянъ будутъ лишь ничтожными пальятивами, или даже безплоднымъ лишь толченіемъ воды, до тѣхъ поръ, пока не поднимется общій уровень школьнаго образованія, какъ главнѣйшее средство для достиженія дѣйствительныхъ хозяйственныхъ успѣховъ. «Почему — спрашивалъ между прочимъ одинъ изъ проповѣдовавшихъ эту мысль голосовъ [1])—не подвигаемся мы, колонисты, впередъ въ нашемъ хозяйствѣ, или боимся даже обычное дѣлать иначе, лучше, вопреки примѣру людей разумныхъ?... Недостатокъ свѣдѣній и незнаніе самихъ себя, нашего призванія и нашихъ обязанностей—вотъ что̀ тому причиною. Человѣкъ обязанъ знать себя и свой промыселъ, чтобы быть господиномъ того и другого. Школы наши, я думаю большинство ихъ, должны давать болѣе средствъ первоначальнаго образованія. Наставники въ нихъ обязаны умѣть отгадывать способности своихъ учениковъ и заботиться, чтобы этотъ божій даръ не оставался втунѣ и не погибалъ, но, напротивъ, былъ поощряемъ и развиваемъ вполнѣ. У насъ есть школы, но онѣ должны несравненно болѣе соотвѣтствовать своему назначенію; между нашими учителями есть люди дѣльные, исполняющіе честно свои высокія обязанности, но число такихъ наставниковъ слишкомъ недостаточно».

---

[1]) «Landwirthschaftliche Predigt eines Kolonisten». Unterhaltungsblatt für deutsche Ansiedler im südlichen Russland. Odessa. 1865 №№ 2 и 4.

«Есть два высшихъ хозяйственныхъ уровня, съ поднятіемъ на которые наши урожаи должны бы удвоиться», продолжаетъ тотъ же голосъ.— «Для достиженія первой ступени—не достаетъ намъ машинъ и свѣдѣній; чтобы подняться на вторую,—намъ необходимо знать сельско-хозяйственную химію. И такъ, у насъ нѣтъ машинъ и аппаратовъ? Нѣтъ, въ нихъ-то недостатка мы не встрѣчаемъ; они имѣются въ избыткѣ; но намъ недостаетъ необходимыхъ свѣдѣній, чтобы должнымъ образомъ воспользоваться ими; однимъ словомъ намъ необходимо учиться».

Уже изъ этихъ словъ видно, какое высокое назначеніе колонисты даютъ своей сельской школѣ, и какъ въ дѣйствительности она далека отъ этой цѣли. «Чтобы поселянинъ-хозяинъ», говорится въ концѣ приведенной нами статьи, «обработывалъ свою землю правильно; чтобы ремесленникъ производилъ издѣлія солидныя; чтобы облеченный довѣріемъ общества колонистъ исполнялъ свою должность съ честью и на пользу своихъ сообщественниковъ, и чтобы вообще всякій успѣшно дѣйствовалъ въ своемъ призваніи, для того всѣми средствами должно заботиться о школѣ и школьномъ образованіи, такъ какъ школа обязана быть разсадникомъ просвѣщенія, безъ котораго во всѣхъ условіяхъ жизни успѣхъ немыслимъ ни въ сельскомъ хозяйствѣ, ни въ иныхъ сферахъ дѣятельности».

Тѣже самыя мысли и требованія высказывались и со стороны интеллигенціи поволжскихъ колоній. Послѣдствія, какъ увидимъ ниже, показали, что «сельско-хозяйственная проповѣдь колониста» и вторившіе ей голоса выражали не столько личное мнѣніе отдѣльныхъ поселенцевъ, сколько ясно сознанную большинствомъ населенія общественную потребность.

IV.

Выше мы указали на стремленіе правительства направить колонистовъ къ ознакомленію съ русскимъ языкомъ, а равно на безуспѣшность попытокъ—достигнуть этой цѣли при посредствѣ сельскихъ школъ. Такая неудача привела къ учрежденію центральныхъ русскихъ училищъ. Подчиняясь надзору и руководству административнаго попечительства, училища эти получили главнѣйшимъ назначеніемъ подготовленіе изъ среды колонистовъ учителей русскаго языка. При этомъ имѣлось въ виду, что воспитанники центральныхъ училищъ, по окончаніи ими курса, будутъ преподавать русскій языкъ въ той же сельской школѣ, не стѣсняя впрочемъ конфессіональной программы послѣдней. Исторія центральныхъ училищъ и ихъ результаты на столько характеристичны и поучительны, что читатель, конечно, не посѣтуетъ, если мы войдемъ въ подробности, объясняющія истинныя причины малаго знакомства массы колонистовъ съ русскимъ языкомъ. Мысль о необходимости этого языка для поселенцевъ также стара, какъ самыя колоніи; но прошлое столѣтіе и въ этомъ отношеніи предоставило колонистовъ самимъ себѣ. Изъ словъ всеподданнѣйшаго доклада сената, которымъ учреждалась въ 1765 году саратовская кон-

тора опекунства, на то лишь время, пока сіе иностранное населеніе *«во шедъ во всѣ россійскіе обычаи»* и т. д., видна какъ бы увѣренность правительства, что «россійскіе обычаи», и прежде всего конечно русскій языкъ, привьются къ поселенцамъ очень скоро и очень легко. На сколько наивна и ошибочна была эта надежда, въ томъ не трудно было бы убѣдиться тогда же; стоило только, вопервыхъ, вникнуть по серьознѣе въ практическій смыслъ выраженія «вошедъ во всѣ россійскіе обычаи»; вовторыхъ, сопоставить уровень нравственнаго развитія и хозяйственнаго быта нашихъ крестьянъ съ сельскимъ бытомъ Германіи, представителями котораго сознавала себя сбродная толпа нѣмецкихъ выходцевъ, поставленная притомъ и у насъ въ совершенно отличныя отъ нашего крѣпостника общественныя условія; наконецъ, втретьихъ, обратить вниманіе на компактность колонитскаго водворенія и малочисленность въ то время русскаго населенія, имѣвшагося по обѣ стороны Волги, въ нынѣшнихъ Самарской и Саратовской губерніяхъ, только въ видѣ скудно разбросанныхъ на дальнихъ разстояніяхъ поселеній и хуторовъ. Но, по словамъ одного изъ нашихъ ученыхъ, жизнь наша всегда шла своей дорогой, а голова — своей. Такъ было и здѣсь; лицамъ, почитавшимъ столь легкимъ дѣломъ для колонистовъ усвоеніе «россійскихъ обычаевъ», да притомъ еще и «всѣхъ», не приходило, конечно, на мысль справиться, что думаютъ объ этихъ обычаяхъ сами поселенцы. А послѣдніе, при всей негодности своей, вволю тѣшились въ это время виршами оборванца Платена, который, дошедши въ своей поэмѣ до зимовки переселенческой партіи въ селеніяхъ около г. Торжка, описываетъ бытъ и нравы русскихъ крестьянъ. Это описаніе отличается, правда, почти фотографическою вѣрностью; но едва ли такая картина могла подвинуть пришельцевъ «войти во всѣ россійскіе обычаи». Во всякомъ случаѣ задача эта, будучи дѣйствительно поставлена нашимъ поселенцамъ, привела бы ихъ въ крайнее смущеніе; но, по всей вѣроятности, не менѣе колонистовъ смутились бы и сами гг. сенаторы прошлаго вѣка, еслибъ отъ нихъ потребовали ближайшаго опредѣленія, въ какіе именно русскіе обычаи должны войти колонисты. На самомъ дѣлѣ до подобнаго обмѣна мыслей не дошло; фраза осталась фразою; формальная сторона дѣла была удовлетворена, а о сущности, вызвавшей и дѣлавшей фразу необходимою, никто не подумалъ. Только чрезъ 18 лѣтъ, при Павлѣ, когда колоніи оказались раззоренными и обнищалыми, а населеніе въ отчаяніи взывало о помощи и защитѣ, только теперь сдѣлался яснымъ глубокій смыслъ тѣхъ условій, которыхъ надѣялись обойти одной пустой фразою. Волей неволею приходилось выбирать одно изъ двухъ: или дать окончательно погибнуть колоніямъ, или же возвратиться къ прежнимъ порядкамъ ихъ управленія, т. е. возстановить для нихъ отдѣльныя управленія и т. д. Но даже и теперь еще никто не сознавалъ необходимости обученія колонистовъ русскому языку Одинъ лишь сенаторъ Габлицъ, при ревизіи имъ въ 1800—1802 гг. поволжскихъ колоній, принялъ мѣры къ обученію колонистовъ русскому языку. Онъ распорядился, «избравъ по каждому округу изъ сиротъ или большихъ семействъ по одному мальчику, помѣстить ихъ въ саратовское народное

училище на счетъ обществъ, а по окончаніи ими ученія, опредѣлить ихъ въ тѣ округи для исправленія писарскихъ должностей». Въ какой степени это распоряженіе было исполнено и какія оно имѣло послѣдствія, о томъ нѣтъ свѣдѣній; но вѣрно то, что этимъ, въ сущности совершенно ничтожнымъ пальятивомъ, все дѣло и ограничилось. Въ послѣдующіе годы о преподаваніи колонистамъ русскаго языка рѣчи вовсе не было, ни въ поволжьѣ, ни на югѣ Россіи.

Въ 1820 году, предсѣдатель саратовской (нынѣ московской) евангелическо-лютеранской консисторіи, суперинтендентъ Феслеръ, вновь поднялъ вопросъ о необходимости рѣшительныхъ мѣръ къ улучшенію сельской школы въ колоніяхъ вообще. Онъ требовалъ расширенія учительскихъ и училищныхъ помѣщеній и учрежденія *особой учительской семинаріи*, «дабы можно было имѣть способныхъ учителей для школъ». По его разсчету, на устройство семинаріи требовалось установленія особаго общественнаго сбора съ колонистовъ «по 54 коп. съ души». Но министерство внутреннихъ дѣлъ, завѣдывавшее въ то время колоніями, отозвалось на предположеніе Феслера, что «сборъ съ колонистовъ денегъ на семинарію, при отбываніи ими другихъ общественныхъ повинностей, будетъ для нихъ обременителенъ; что въ учрежденіи семинаріи особенной надобности не предвидится; что лучше бы пріискать двухъ или трехъ хорошихъ учителей, и, назначивъ имъ съ согласія колонистовъ достаточное жалованье, употребить ихъ для сформированія нужнаго числа сельскихъ учителей; что ученіе колонистовъ должно быть ограничено преподаваніемъ догматовъ вѣры, чтеніемъ, письмомъ и простою ариѳметикою; желающіе же изъ богатыхъ колонистовъ, по уваженію дарованій дѣтей своихъ, расширить кругъ ихъ познаній, могутъ отдавать оныхъ учиться въ народныя училища, гимназіи и университеты». Итакъ, не говоря уже о болѣе широкомъ народномъ образованіи, и теперь еще не созрѣла даже мысль о необходимости для массы колонистовъ русскаго языка. Объ этой настоятельной нуждѣ пришлось вновь вспомнить ни кому другому, какъ мѣстному пастору-нѣмцу.

Въ 1825 году, пасторъ лѣсно-карамышскаго прихода Конради обязывался «учредить въ колоніи Лѣсномъ-Карамышѣ, Саратовской губерніи, училище для обученія до 50—60 колонистскихъ дѣтей *россійскому языку*, дабы приспособить оныхъ къ должностямъ сельскихъ начальниковъ и земскихъ писарей». Основанія были указаны слѣдующія: «а) программа — законъ божій, священная исторія, русскій и нѣмецкій языки, ариѳметика, географія и церковное пѣніе; б) преподаваніе, подъ надзоромъ пастора, возлагается на двухъ учителей — одного для русскихъ предметовъ, съ жалованьемъ на первый случай по 800 руб., и другого для нѣмецкихъ предметовъ, съ жалованьемъ 500 р.; сверхъ того, колоніальному шульмейстеру за обученіе пѣнію полагается по 200 руб.; в) расходы на училище покрываются: платою за ученіе по 30 руб. въ годъ съ ученика, добровольною подпискою и пособіемъ изъ «штрафной суммы» саратовской конторы; г) имѣя главнѣйшимъ предметомъ обученіе воспитанниковъ россійскому языку, училище подчиняется не консисторіи, а глав-

ному судьѣ саратовской конторы опекунства; отъ него будетъ зависѣть увольненіе, опредѣленіе, и представленіе къ наградамъ учителей». Съ предположеніемъ этимъ вполнѣ согласилась и евангелическая консисторія; контора же опекунства неоднократно выражала свое особенно горячее сочувствіе. Представляя проектъ училища на утвержденіе въ министерство внутреннихъ дѣлъ, контора доказывала между прочимъ, что «русскій языкъ весьма нуженъ не только всѣмъ иностраннымъ поселенцамъ, входящимъ съ русскими въ сношеніе, но въ особенности онъ необходимъ сельскимъ и окружнымъ начальникамъ, а между тѣмъ оный нигдѣ въ колонистскихъ приходскихъ школахъ не преподается». Спустя нѣсколько лѣтъ, а именно 3 октября 1828 года, департаментъ государственнаго хозяйства далъ отвѣтъ. Выразивъ сомнѣніе, чтобы «предполагаемое училище имѣло желаемый успѣхъ, тѣмъ паче, что нѣтъ ничего твердаго ни въ источникахъ содержанія его, ни въ пріобрѣтеніи способныхъ учителей». Департаментъ поручалъ конторѣ—«войти съ духовнымъ начальствомъ колоній въ разсмотрѣніе, не можно-ли учредить въ колоніяхъ простыя хорошія сельскія школы, гдѣ бы, кромѣ закона, обучались колонистскія дѣти читать и писать хорошо и основательно по-нѣмецки и по-русски, и первымъ правиламъ ариѳметики; если же которые мальчики окажутъ охоту и способности къ вящшему обученію, таковымъ предоставить обучаться въ губернской гимназіи». Вслѣдствіе такого разрѣшенія, заговорила инымъ языкомъ и консисторія. Вопреки прежнему мнѣнію своему, она теперь уже находила, что «обученіе россійскому языку въ *церковныхъ* школахъ (*сельская* школа обратилась уже въ *церковную*) ввести нельзя по той причинѣ, во первыхъ, что нѣтъ способныхъ, знающихъ этотъ языкъ шульмейстеровъ; а вовторыхъ, что такое введеніе не только будетъ безполезно, но и во вредъ главному предмету—закону божію; отъ заведенія же двухъ особыхъ училищъ, одного въ колоніяхъ нагорной, а другого въ колоніяхъ луговой стороны (какъ полагала контора), также нельзя ожидать пользы, ибо колонисты, кои пожелаютъ выучить своихъ дѣтей по-русски, охотнѣе помѣстятъ оныхъ въ городскія народныя училища и гимназіи». Пасторъ Конради также отступился отъ своего предложенія, и такимъ образомъ новое въ министерство представленіе конторы, пытавшей спасти свой первоначальный проектъ, осталось тоже безъ желаемаго результата.

Съ этого времени рвеніе къ улучшенію школъ, слабѣя постепенно, исчезло наконецъ совершенно даже въ лучшихъ представителяхъ мѣстнаго духовенства. Мало того, возраставшая изъ года въ годъ потребность населенія въ лучшемъ обученіи привела его сперва къ частнымъ столкновеніямъ съ отдѣльными пасторами, а за тѣмъ и къ почти открытому разладу со всею духовною іерархіею.

Наконецъ, въ 1833 году, вопросъ о преподаваніи колонистамъ русскаго языка былъ поднятъ уже мѣстнымъ губернаторомъ, во всеподданнѣйшемъ отчетѣ его о состояніи Саратовской губерніи. Описывая цвѣтущее состояніе поволжскихъ колоній, онъ удостовѣрялъ, что «немногіе изъ колонистовъ, и то съ трудомъ, объясняются по-русски, а потому всѣ они почитаютъ

себя германцами, не знают нашихъ законовъ, полицейскія требованія и повинности исполняютъ медленно и примѣтно стараются избѣгать всякаго сообщенія съ русскими». По особому Высочайшему повелѣнію, эта статья отчета, чрезъ комитетъ министровъ, была передана въ министерство внутреннихъ дѣлъ, потребовавшее, конечно, отзыва и заключенія саратовской конторы. Послѣдняя, повидимому спѣша извлечь возможную пользу изъ благопріятнаго оборота, принятаго училищнымъ дѣломъ, предположила учредить пять отдѣльныхъ русскихъ школъ, по одной на каждые два округа колоній, всего на 306 учениковъ, съ тѣмъ, чтобы «курсъ ученія продолжался шесть лѣтъ, а по истеченіи сего срока, взамѣнъ сихъ училищъ, преподаваніе русскаго языка обязательно было введено въ каждой колоніи». Но такой рѣшительный пріемъ не входилъ въ виды правительства. Еще въ томъ же 1833 году, Высочайше утвержденнымъ положеніемъ комитета министровъ было повелѣно: «во избѣжаніе издержекъ, потребныхъ на заведеніе сихъ школъ (согласно проекту конторы), ограничить на первый разъ учрежденіе оныхъ въ саратовскихъ колоніяхъ *только двумя школами*, съ назначеніемъ для каждой *только по 25 учениковъ*, съ тѣмъ, чтобы заведеніе оныхъ въ прочихъ колоніяхъ, *если сіе окажется нужнымъ*, отложить до заплаты песеленцами казенныхъ долговъ». Такимъ образомъ возникли, наконецъ, первыя двѣ русскія школы для колонистовъ, получившія впослѣдствіи, на равнѣ съ подобными же заведеніями, учрежденными въ южныхъ колоніяхъ, названіе *центральныхъ училищъ*. Но изъ словъ закона 1833 года видно, что сознаніе въ безусловной необходимости болѣе широкихъ мѣръ въ пользу народнаго образванія у колонистовъ, или хотя-бы для ознакомленія ихъ съ русскимъ языкомъ, все еще не созрѣло. Допускалось, правда, увеличеніе числа училищъ, но не ранѣе какъ по уплатѣ колонистами казенныхъ долговъ, и въ томъ только случаѣ «если сіе окажется нужнымъ». Конечно, не требуется особенной прозорливости, чтобы впередъ быть убѣжденнымъ въ полной несостоятельности даже тѣхъ двухъ скромныхъ школъ, которыя пробились на Божій свѣтъ, благодаря непосредственному вмѣшательству Высочайшей власти.

И въ самомъ дѣлѣ; оба училица—*Екатеринштадтское*, въ Самарской, и *Лѣсно-Карамышское*, въ Саратовской губерніи, — вовсе не достигли своей главной цѣли. Начался рядъ перемѣщеній этихъ учрежденій изъ мѣста въ мѣсто, временнаго слитія и раздѣленія ихъ вновь, постепеннаго расширенія программы преподаванія, усиленія содержанія учителей и учебныхъ способовъ и т. д.; исписаны груды бумагъ; составлено, разсмотрѣно и отвергнуто или принято безконечное число мнѣній, предположеній и отзывовъ, а главнаго—приготовленія училищами хотя-бы обыкновенныхъ, но хорошихъ шульмейстеровъ, не говоря уже о русскихъ учителяхъ, все-таки не достигнуто. Правда, по соединеніи въ 1857 г. обоихъ училищъ въ одно—Екатеринштадтское, — оно получило довольно обширные размѣры и на него тратится каждогодно общественный сборъ по $6^1/_2$ коп. съ ревизкой души всѣхъ саратовско-самарскихъ колонистовъ. Тѣмъ не менѣе училище не удовлетворяетъ потребности населенія ни въ учителяхъ, ни даже въ общеобразовательномъ смыслѣ: рядомъ съ нимъ,

нѣсколько лѣтъ тому назадъ, начало слагаться частное таварищество изъ колонистовъ, занятое составленіемъ капитала на учрежденіе въ той же колоніи Екатеринштадтѣ реальной прогимназіи, и капиталъ товарищества достигъ уже довольно почтенной цифры. Съ другой стороны, колонисты Саратовской губерніи, обративъ въ неприкосновенный училищный фондъ часть своихъ общественныхъ капиталовъ, въ размѣрѣ, потребномъ на содержаніе особаго двукласснаго центральнаго училища съ классомъ приготовительнымъ, всего приблизительно на 150 вольноприходящихъ учениковъ, открыли училище это въ колоніи Лѣсномъ-Карамышѣ, гдѣ выстроенъ ими особый училищный домъ, съ квартирами для учителей и всѣми необходимыми удобствами по хозяйству.

Во всякомъ случаѣ, вновь открытое лѣсно-карамышское центральное училище едва-ли не превзойдетъ екатеринштадтское по обширности и по обращаемымъ на него обществами способамъ. Бюджетъ же екатеринштадтскаго училища слѣдующій.

Къ 1 января 1867 г. оно имѣло:

а) училищнаго запаснаго капитала . .	3,962 руб.	76 коп.
б) сбору съ 100,650 рев. душъ, à $6^1/_2$ к.	6,542 —	25 —
в) платы вольноприходящихъ	175 —	» —
г) аренды съ училищнаго огорода . . .	12 —	50 —
итого. . .	10,692 руб.	51 коп.

Въ теченіе 1867 года употреблено въ расходъ:

а) на содержаніе наставниковъ и служащихъ, сверхъ квартиръ съ отопленіемъ.	2,942 руб.	23 коп.
б) на 35 мальчиковъ-стипендіатовъ . .	2,095 —	95 —
в) — отопленіе и освѣщеніе училищныхъ зданій	342 —	» —
г) — ремонтъ зданій.	933 —	$9^1/_4$ —
д) — медика и медикаменты	120 —	» —
д) — учебныя пособія	685 —	9 —
ж) — награды учителямъ.	190 —	» —
з) — застрахованіе училищныхъ зданій .	155 —	17 —
итого. . . .	7,463 руб.	$53^1/_4$ коп.

Къ 1868 году, оставалось запаснаго капитала 3,228 руб. $97^1/_4$ коп. Не съ бо́льшимъ успѣхомъ шло учрежденіе центральныхъ русскихъ училищъ и въ колоніяхъ южнаго края Россіи, гдѣ постепенно возникли училища: *Саратское, Хортицкое, Гальбштадское и Пришибское.*

Въ 1823 году, прибылъ въ Бессарабію извѣстный уже читателю виртембергскій купецъ Христіянъ-Фридрихъ Вернеръ, и въ томъ же году умеръ, отказавъ по духовному завѣщанію все свое имѣніе—25,574 руб. 55 коп. саратскому обществу, съ тѣмъ, чтобы на этотъ капиталъ было учреждено учебное заведеніе для образованія изъ колонистовъ пасторовъ-

миссіонеровъ. Въ 1830 г., мѣстный пасторъ, соотвѣтственно волѣ завѣщателя, представилъ начальству проектъ миссіонерской семинаріи, который однако не осуществился, потому что ставилъ главною цѣлью заведенія—протестантскую миссію, не чуждую при томъ линдльской тенденціозности. Съ другой стороны, остался безъ послѣдствій и предложенный колоніальнымъ начальствомъ проектъ устройства центральнаго русскаго училища на счетъ процентовъ съ пожертвованнаго капитала, такъ какъ душеприкащикъ Вернера—саратскій старшина Фейгель—признавалъ проектъ несоотвѣтствующимъ волѣ завѣщателя. Между тѣмъ капиталъ, приращаясь процентами, увеличился къ 1836 г. до 39,570 р. Въ 1841 г. было разрѣшено—накопившіеся, сверхъ 28,571 р. 43 к., проценты употребить на постройку каменной церкви въ колоніи Саратѣ, отчисливъ предварительно 2000 р. въ особый неприкосновенный фондъ, на проценты съ котораго ремонтируется церковь, по мѣрѣ надобности. Наконецъ, въ 1842 г. вернерскій капиталъ снова увеличился до 36,000 руб., и тогда на счетъ его было приступлено къ учрежденію въ колоніи Саратѣ училища, съ цѣлью: «образовать изъ колонистскихъ мальчиковъ способныхъ учителей для сельскихъ школъ и писарей для приказовъ, а равно землемѣровъ и архитекторовъ, посредствомъ которыхъ распространить въ колоніяхъ русскій языкъ».

Кромѣ вернерскаго капитала, имѣлись еще 4500 р., пожертвованные, тоже по духовному завѣщанію, извѣстнымъ уже читателю дѣйствительнымъ статскимъ совѣтникомъ Контеніусомъ «на образованіе изъ колонистскихъ мальчиковъ учителей и пасторовъ». Эти 4500 р., вмѣстѣ съ 32,000 руб. вернерскаго пожертвованія, составили неприкосновенный фондъ саратскаго или вернерскаго училища; остальные же 4000 руб. были употреблены на постройку училищнаго зданія. Въ 1844 году послѣдовало открытіе училища на 30 мальчиковъ, въ томъ числѣ 10 вернерскихъ и 2 контеніускихъ воспитанниковъ—полныхъ пансіонеровъ.

Согласно волѣ завѣщателя Вернера, саратское училище состоитъ подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ особаго попечителя изъ саратскихъ колонистовъ, обще съ саратскимъ окружнымъ приказомъ, который каждую треть года долженъ доносить попечительному комитету, въ Одессѣ, о состояніи училища и отдавать каждогодно отчетъ тому же комитету (§ 3 Полож.). Пансіонеры училища содержатся на счетъ процентовъ съ училищнаго фонда; прочіе же воспитанники живутъ по частнымъ домамъ, пользуясь безплатно лишь ученіемъ. Въ училище принимаются только мальчики, предпочтительно сироты, обучавшіеся въ сельскихъ школахъ и отличившіеся хорошею нравственностью; изъ числа же пансіонерскихъ вакансій—семь должны всегда замѣщаться сиротами изъ другихъ колоній, т. е. не изъ Сараты. Пансіонерскія вакансіи, оставленныя въ пользу саратскаго общества, замѣщаются по избранію сего послѣдняго; назначеніе же пансіонеровъ изъ другихъ колоній предоставлено главному мѣстному начальству. Мальчики принимаются не моложе 16-ти лѣтъ.

Саратское училище состоитъ изъ одного класса, съ подраздѣленіемъ его на приготовительный и окончательный; учебный курсъ продолжается

четыре года. Въ приготовительномъ курсѣ, продолжающемся одинъ годъ, преподаются: символъ вѣры, заповѣди и главныя молитвы; чтеніе и письмо на нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ; четыре дѣйствія ариѳметики и рисованіе. Въ окончательномъ курсѣ: законъ Божій и священная исторія; россійская и нѣмецкая грамматика; риторика, съ переводами съ русскаго на нѣмецкій языкъ, и обратно; краткія всеобщія исторія и географія [1]); статистика Россіи и преимущественно Новороссійскаго края; ариѳметика, алгебра, лонгиметрія, планиметрія, стереометрія и выкладываніе на счетахъ; землемѣріе; краткое основаніе сельской архитектуры; составленіе плановъ и смѣтъ.

Закону Божію и нѣмецкому языку предназначалось обучать мѣстному пастору; преподаваніе же прочихъ предметовъ распредѣляется между двумя учителями, изъ коихъ одинъ долженъ знать землемѣріе и архитектуру. Учители обязаны знать и нѣмецкій языкъ «для объясненія съ воспитанниками до тѣхъ поръ, пока послѣдніе достаточно ознакомятся съ русскимъ языкомъ». Имъ, т. е. учителямъ, присвоены служебныя права и преимущества учителей уѣздныхъ училищъ, жалованье по 300 рублей въ годъ и квартира въ самомъ заведеніи; на обязанности ихъ лежитъ постоянный надзоръ за мальчиками. Пасторъ — законоучитель получаетъ по 150 рублей въ годъ.

По окончаніи каждаго года дѣлается учащимся испытаніе; отличнѣйшіе получаютъ похвальные листы и книги, а лучшій изъ воспитанниковъ, пользуясь «званіемъ старшаго», подъ руководствомъ наставниковъ, наблюдаетъ за поведеніемъ своихъ товарищей. Исправительныя мѣры бываютъ: внесеніе въ черную книгу, *тѣлесныя* наказанія и исключеніе изъ заведенія. Наконецъ, обучавшіеся на счетъ заведенія обязаны прослужить 10 лѣтъ въ учительской или писарской должности и пользоваться въ теченіе этого времени содержаніемъ отъ 100 до 150 р. въ годъ.

Но положеніе училища въ томъ видѣ, какъ оно только что изложено нами, встрѣтило рѣшительныя возраженія со стороны саратскаго оберъшульца Фейгеля. Онъ находилъ, что положеніе это несоотвѣтствуетъ волѣ завѣщателя. Поэтому, признавая себя обязаннымъ набюдать за точнымъ исполненіемъ воли «бывшаго друга своего и товарища», Фейгель, въ качествѣ попечителя училища и представителя саратскаго общества, представилъ проектъ новаго положенія, который имѣлъ «болѣе духовную, нежели свѣтскую цѣль». Вслѣдствіе того, были допущены въ Высочайше утвержденномъ положеніи слѣдующія измѣненія и дополненія: 1) по смерти Фейгеля, долженъ быть избранъ въ попечители училища другой саратскій колонистъ евангелическаго исповѣданія, извѣстный своею благонадежностью; 2) введено обученіе хоральному пѣнію и духовной музыкѣ; 3) допущено «полнѣйшее преподаваніе закона Божія»; 4) ученики принимаются не моложе 15-ти лѣтъ, т. е. по совершеніи конфирмаціи; 5) учителя должны быть непремѣнно евангелическо-лютеранскаго испо-

---

[1]) Исторія, географія и послѣдующіе за тѣмъ предметы предполагалось преподавать на русскомъ языкѣ.

вѣдѣнія и обязаны знать русскій языкъ; 6) мѣстный пасторъ, съ содержаніемъ по 75 руб. въ годъ, долженъ обучать лишь закону Божію, преподаваніе же нѣмецкаго языка возлагается на одного изъ учителей; 7) назначено въ день по 6 классныхъ часовъ; и 8) предоставлено училищному управленію пополнять недостатокъ въ опредѣленной по штату на одинъ предметъ суммѣ излишками отъ другихъ ассигновокъ на содержаніе училища.

Такимъ образомъ, съ формальной стороны, были, повидимому, устранены всѣ препятствія къ успѣшному существованію училища; по сущности же учрежденіе это не достигло главной цѣли. Вопреки ожиданіямъ, ни архитекторовъ, ни землемѣровъ, ни даже русскихъ учителей—училище не давало и не даетъ; по скудости учительскаго штатнаго содержанія, не было возможности привлечь на эту должность лицъ, сколько нибудь способныхъ выполнить учебную программу; долгое время преподаваніе лежало на одномъ только наставникѣ. Наконецъ, съ 1850 г., замѣщена и другая учительская вакансія; но и затѣмъ учебная программа никогда еще не выполнялась во всемъ объемѣ.

Еще менѣе соотвѣтствуютъ цѣли правительства и желаніямъ лучшей части населенія училища хортицкое, гальбштадтское и пришибское. Изъ нихъ первыя два были открыты почти одновременно съ саратскимъ — одно въ колоніи Хортицѣ, на счетъ общественныхъ суммъ хортицкаго миннонитскаго округа; другое—въ колоніи Гальбштадтѣ, на счетъ молочанскаго меннонитскаго окружнаго общества. Оба эти училища имѣютъ каждое по одному лишь учителю, обязанному преподавать, между прочимъ, и русскій языкъ. Сюда принимаются дѣти меннонитовъ обоего пола, обучаясь безъ всякихъ обязательствъ съ ихъ стороны. Заведенія эти состоятъ подъ вѣдѣніемъ мѣстныхъ окружныхъ приказовъ. Въ 1866 году, обучались въ хортицкомъ училищѣ 16 мальчиковъ и 12 дѣвочекъ, а въ гальбштадтскомъ—34 воспитанника, и въ томъ числѣ 2 дѣвочки.

Гальбшадтское училище не удовлетворяетъ молочанскихъ меннонитовъ; а потому они, съ 1864 г., открыли въ колоніяхъ Орловѣ и Гнаденфельдѣ «двѣ реальныя школы», содержимыя средствами двухъ частныхъ обществъ. Въ заведенія эти, немедленнно по ихъ открытіи, поступили 65 мальчиковъ и 34 дѣвочки, и, сколько намъ извѣстно, число это постоянно возрастаетъ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ ближайшихъ свѣдѣній о программѣ преподаванія въ орловскомъ и гнаденфельскомъ реальныхъ училищахъ, но самый терминъ «реальный» довольно близко опредѣляетъ ихъ характеръ, указывая на солидарность этихъ заведеній съ приведенною нами выше программою меннонитской сельской школы, которая, по мысли учредителей, должна опираться на реальныя училища.

Наконецъ, въ 1846 г., извѣстный богачъ [1]), молочанскій колонистъ

---

[1]) Фейнъ, а нынѣ зять и наслѣдникъ его Фальцъ-Фейнъ, владѣетъ до 150,000 дес. крѣпостной земли и около того же количества арендныхъ земель, на которыхъ пасутся сотенно-тысячныя стада мериносовъ владѣльца.

Фейнъ, собственнымъ иждивенiемъ, выстроилъ въ колонiи Пришибѣ, молочанскаго колонистскаго округа, особый училищный домъ. Въ этомъ домѣ, на основанiи Высочайше утвержденнаго 18 Iюня 1846 г. положенiя, открыто «Пришибское центральное училище». Назначенiе его «образовать учителей и писарей, свѣдущихъ въ русскомъ языкѣ». Училище состоитъ равнымъ образомъ въ завѣдываніи мѣстнаго окружнаго приказа, въ которомъ сосредоточиваются отчетность и счетоводство. На пастора, какъ духовнаго попечителя, возлагается обязанность слѣдить за нравственностью и преподаванiемъ; а попечителю, избираемому изъ благонадежнѣйшихъ пришибскихъ колонистовъ, ввѣренна хозяйственная часть. Посѣщать училище дозволяется всѣмъ мальчикамъ, кончившимъ курсъ въ приходскихъ школахъ; въ постоянные же пансiонеры принимаются только 6 сиротъ, содержимыхъ на общественный счетъ. Вообще въ училище поступаютъ дѣти лютеранъ и католиковъ, съ соблюденiемъ, по возможности, «пропорцiи» между обоими исповѣданiями. Выборъ пансiонеровъ производится сообща попечителями и окружнымъ приказомъ. Ученики, которые въ продолженiе первыхъ 6-ти мѣсяцевъ оказываются неспособными, или, въ теченiе курса, дурного, неисправимаго поведенiя, исключаются изъ училища. Ученики, содержавшiеся на общественный счетъ, по окончанiи курса, обязаны прослужить такое число лѣтъ, сколько проведено ими въ училищѣ, а тѣ изъ ихъ числа, которые не пожелаютъ подчиниться этому условiю, обязаны сполна внести сумму, употребленную на нихъ обществомъ.

Пришибское училище содержится на счетъ процентовъ съ общественнаго капитала молочанскаго колонистскаго округа въ 18 т. руб., обращеннаго въ неприкосновенный училищный фондъ.

Въ училищѣ преподаются: законъ божiй и священная исторiя; чистописанiе; грамматическое знанiе русскаго и нѣмецкаго языковъ, причемъ должно быть обращено особенное вниманiе на упражненiе въ переводахъ; ариѳметика; краткiя всеобщiя исторiя и географiя; краткая статистика Новороссiйскаго края; краткiй уставъ о колонiяхъ иностранцевъ въ Имперiи; хоральное пѣнiе и, если возможно, игра на органѣ и упражненiя въ садоводствѣ.

Законъ божiй и священную исторiю преподаютъ лютеранскiй и католическiй священники. Всѣмъ прочимъ предметамъ обучаетъ учитель, которому назначается помѣщенiе въ самомъ училищѣ и присвоены [1]) служебныя права и преимущества учителя уѣзднаго училища. Онъ обязанъ имѣть постоянный надзоръ за учениками, содержимыми на общественный счетъ, и долженъ основательно знать русскiй и нѣмецкiй языки, подчиняясь, по должности, мѣстному пастору, какъ духовному попечителю училища. Недоразумѣнiя, могущiя возникнуть между пасторомъ-попечителемъ и учителемъ, разрѣшаются колонiальнымъ начальствомъ.

Учителю вмѣняется въ обязанность обращаться съ учениками кротко и дѣйствовать на нихъ болѣе увѣщанiемъ. Тѣлесному наказанiю под-

---

[1]) Выс. утв. 29 ноября 1851 г. полож. комит. министровъ.

вергаются ученики только въ крайнихъ случаяхъ, съ разрѣшенія попечителя и окружнаго приказа.

Проценты съ училищнаго капитала, въ количествѣ 720 руб., распредѣляются ежегодно слѣдующимъ образомъ: мѣстному пастору, въ качествѣ попечителя и законоучителя—120 р.; католическому священнику 60 р.; учителю 200 р.; на содержаніе 6 пансіонеровъ 240 р.; и на учебныя пособія, отопленіе, освѣщеніе и ремонтъ училищнаго дома 100 р.

Въ пришибскомъ училищѣ впослѣдствіи допущены, кромѣ мальчиковъ, и дѣвочки. Такъ, въ 1866 г. состояло тамъ по 12 тѣхъ и другихъ [1]).

Условія открытія и существованія всѣхъ такихъ центральныхъ училищъ обрисовываютъ самымъ нагляднымъ образомъ тѣ отношенія, въ какія постоянно ставило себя попечительство, съ одной стороны, къ меннонитскому братству, а съ другой, къ остальнымъ колонистскимъ обществамъ и ихъ духовенству. Если въ отношеніи меннонитскихъ центральныхъ училищъ признавалось достаточнымъ обусловить открытіе училищъ—однимъ единственно обязательнымъ «преподаваніемъ русскаго языка», то, напротивъ, положенія саратскаго и пришибскаго училищъ доказываютъ стремленіе правительства регламентировать и хозяйственную, и учебную часть этихъ заведеній соотвѣтственно собственнымъ цѣлямъ, не вполнѣ совпадавшимъ съ видами учредителей. При очевидномъ, прямо вытекающемъ изъ сущности училищныхъ положеній желаніи—обратить названныя два заведенія въ питомники учителей, обязанныхъ преподаваніемъ въ сельскихъ школахъ русскаго языка, правительство не успѣло однако отрѣшиться отъ мысли о необходимости подчиненія подобныхъ заведеній главному надзору и руководству духовенства. Если въ положеніи саратскаго училища главный надзоръ по учебной части предоставленъ не пастору, а попечителю изъ колонистовъ и приказу, то это только благодаря положительной волѣ завѣщателя и его душеприкащика; но и здѣсь положеніе пыталось было обезпечить за пасторомъ болѣе широкое вліяніе на училище, хотя бы косвеннымъ путемъ, возложеніемъ на него, сверхъ закона Божія, еще и преподаванія нѣмецкаго языка. Мы видѣли однако, что даже въ настоящемъ случаѣ, когда цѣль заведенія была «болѣе духовно-конфессіональная, нежели свѣтская», колонистское общество, въ лицѣ своего оберъ-шульца и душеприкащика завѣщателя, само признало необходимымъ устранить излишнее вліяніе пастора, настоявъ на ограниченіи его обязанностей по училищу однимъ преподаваніемъ закона Божія.

И такъ правительство, заботливо устраняя отъ центральныхъ училищъ

---

[1]) У меннонитовъ, какъ мы видѣли, допущеніе въ центральныя и реальныя училища воспитанниковъ обоего пола является общимъ правиломъ. Фактъ этотъ доказываетъ, что и въ отношеніи образованія и воспитанія, братство признаетъ полное *равноправіе* мужчинъ и женщинъ. По нашему мнѣнію, такое воззрѣніе приводится къ равноправію половъ по имуществу. Но у протестантовъ и католиковъ — изъ центральныхъ училищъ — пришибское единственное въ этомъ родѣ учрежденіе, допустившее дѣвочекъ-воспитанницъ, даже вопреки положенію, которое не воспрещаетъ, правда, пріема дѣвочекъ, но очевидно только потому, что составителямъ положенія возможность такого требованія казалась чѣмъ-то совершенно немыслимымъ.

характеръ конфессіональный, стремилось тѣмъ не менѣе къ подчиненію, по возможности, учебной части и самаго направленія этихъ заведеній надзору и руководству пастора, т. е. главному представителю конфессіонализма. Это явное противорѣчіе. Съ другой стороны, кажется не менѣе противорѣчивымъ еще и то, что саратское общество, настаивая по волѣ завѣщателя на исключительно конфессіональномъ характерѣ училища, въ тоже время требовало отъ правительства ограниченія предоставленнаго имъ пастору вліянія на заведеніе. Отказываясь отъ ближайшаго разъясненія перваго противорѣчія, мы едва ли ошибаемся, утверждая, что во второмъ случаѣ противорѣчивыя стремленія общества имѣли источникомъ опасеніе тѣхъ же со стороны пастора «деспотическихъ замашекъ» и «попытокъ обскурантизма», которыми около того времени успѣла уже заявить себя въ дѣлѣ народной школы ортодоксальная партія въ Германіи, оказывавшая всегда не ничтожное вліяніе на духъ и направленіе протестантскаго духовенства въ Россіи.

Но какія бы здѣсь причины ни дѣйствовали, тотъ фактъ несомнѣненъ, что всѣ центральныя училища и до сего времени не ввели въ сельскія школы преподаванія русскаго языка. Слѣдовательно, съ точки зрѣнія правительства и насущныхъ интересовъ населенія, главная цѣль этихъ заведеній вовсе не достигнута, и, полагаемъ, собственно потому во первыхъ, что самая организація учебной части училищъ не соотвѣтствуетъ ихъ назначенію, а во-вторыхъ, что училища эти стоятъ особнякомъ, безъ прямой органической связи съ сельскими школами. Если и проникнетъ сюда учитель-воспитанникъ центральныхъ училищъ, то неиначе, какъ чрезъ посредство приходскаго священника, т. е. въ качествѣ кантора или кистера, а не народнаго учителя. Но, въ этомъ случаѣ, винить исключительно одно духовенство—было бы не вполнѣ справедливо, такъ какъ ни одно изъ центральныхъ училищъ не давало еще такихъ наставниковъ, которые, по окончаніи курса, стояли-бы многимъ выше обыкновенныхъ рутинеровъ, заправляющихъ школами въ колоніяхъ. Такъ, въ 1867 г., изъ 6 воспитанниковъ екатеринштадтскаго центральнаго училища, снабженныхъ аттестатами объ окончаніи ими полнаго курса ученія, только *двое* были признаны синодомъ достаточно подготовленными для канторъ-учительской должности, тогда какъ екатеринштадтское училище несомнѣнно лучшее изъ всѣхъ заведеній этого рода. За центральными училищами остается лишь та заслуга, что они снабдили колонистскіе приказы не малымъ числомъ отличныхъ писарей; другіе же изъ воспитанниковъ съ честью занимаютъ разныя выборныя должности по общественной службѣ.

Такъ шло дѣло до послѣдняго времени, когда широкое развитіе хозяйственной дѣятельности колонистовъ, ихъ возрастающая стѣсненность по землевладѣнію, включеніе поселенцевъ на общемъ основаніи въ составъ земства, и, наконецъ, предстоящее подчиненіе ихъ общимъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіямъ, общимъ суду и полиціи, привели и массу колонистовъ къ сознанію необходимости въ болѣе широкомъ и соотвѣтствующемъ ихъ быту школьномъ образованіи, и особенно изученія русскаго языка, безъ основательнаго знанія котораго, по осуществленіи

реформы во всѣхъ ея частяхъ, колонисты оказались бы на практикѣ болѣе безправными, нежели всѣ наши остальные сельскіе обыватели.

Въ виду такихъ условій, лѣтомъ 1868 г., въ Одессѣ состоялся съѣздъ полномочныхъ представителей всѣхъ колонистскихъ обществъ южнаго края Россіи. О съѣздѣ этомъ и выработанныхъ имъ правилахъ взаимнаго отъ огня застрахованія строеній и волостныхъ ссудо-сберегательныхъ кассъ—нами упомянуто уже выше. Новая и, по достигнутымъ результатамъ, важнѣйшая сторона дѣятельности съѣзда выразилась въ мѣрахъ, принятыхъ имъ въ пользу школьнаго дѣла.

Не имѣя права касаться непосредственно приходскихъ школъ, съѣздъ уполномоченныхъ обратилъ тѣмъ болѣе серьозное вниманіе на центральныя училища. Послѣднія онъ нашелъ совершенно неудовлетворительными, ни по обращеннымъ на нихъ средствамъ, ни въ отношеніи программы и вообще учебныхъ способовъ. Уполномоченные высказывали убѣжденіе, что, въ видахъ будущаго преуспѣянія колоній, центральныя училища должны, какъ и нынѣ, имѣть цѣлью: 1) распространеніе въ массѣ поселенцевъ знанія русскаго языка, «чтобы подрастающія поколѣнія вполнѣ освоились въ Россіи и, овладѣвъ отечественнымъ языкомъ, содѣйствовали всеобщему благоденствію родины; и 2) образованіе «вполнѣ достойныхъ и способныхъ наставниковъ для сельскихъ школъ, писарей и должностныхъ лицъ для общественной выборной службы, на пользу поселенцевъ и всего государства».

Прежде всего, съѣздъ сдѣлалъ распредѣленіе колоній на учебные округи, принявъ при этомъ во вниманіе территоріальныя условія и матеріальные способы населенія. Опредѣливъ соотвѣтственно сему число училищъ, мѣсто нахожденія и штатное положеніе каждаго изъ нихъ, уполномоченные ассигновали и необходимыя средства для осуществленія настоящихъ предположеній.

Такимъ образомъ, по предположеніямъ съѣзда, должны быть образованы слѣдующіе учебные колонистскіе округи:

1. *Сарамскій*, съ припискою къ нему 29-ти колоній округовъ: саратскаго, малоярославецкаго, клястицкаго и глюкстальскаго, и отдѣльной колоніи Гофнунгсталь, всего 16,325 муж. пола ревиз. душъ.

По штату Саратскаго или Вернерскаго училища (въ кол. Саратѣ, Бессарабской области, Аккерманскаго уѣзда) ежегодный расходъ на 30 стипендіатовъ, учебныя пособія и библіотеку, на наемъ прислуги, ремонтъ, отопленіе и освѣщеніе училищныхъ зданій и вознагражденіе завѣдывающаго хозяйственною частью исчисленъ въ 3,560 руб.

Сверхъ пастора-законоучителя, предполагается имѣть трехъ учителей, изъ коихъ старшій (онъ же начальникъ училища) и прислуга получаютъ квартиру въ училищномъ зданіи. Жалованье полагается законоучителю 125 р., врачу 100 р., старшему учителю 650 р., 2-му 500 и 3-му 450 р., итого 1825 р. Слѣдовательно, весь штатный расходъ составитъ въ годъ 5,385 руб.

Для обезпеченія существованія училища служатъ: во-первыхъ, проценты съ пожертвованныхъ Вернеромъ и Контеніусомъ капиталовъ (37,488 р.) и съ

вновь обращенныхъ съѣздомъ въ неприкосновенный училищный фондъ общественныхъ капиталовъ малоярославецкаго, клястицкаго и глюкстальскаго округовъ—52,663 руб., итого фонда 90,151 руб. Обращаясь въ волостныхъ банкахъ изъ 5 на 100, фондъ этотъ дастъ процентовъ въ годъ 4,507 руб. 55 коп. Недочетъ процентовъ пополняется ежегоднымъ отдѣленіемъ въ пользу училища 1,000 р. изъ доходовъ съ мірскихъ оброчныхъ статей колоніи Гофнунгсталь [1]).

2. *Хортицкій*, съ припискою къ нему 31 колоніи округовъ: хортицкаго, маріупольскихъ колонистскаго и меннонитскаго, шведскаго, и отдѣльныхъ колоній: Ямбурга, Іозефсталя, Рыбальска и Биллерсфельда, всего 7,276 муж. пола рев. душъ.

По штату Хортицкаго училища (въ кол. Хортицѣ, Екатеринославской губ. и уѣзда), ежегодный расходъ, и въ томъ числѣ на 20 стипендіатовъ, законоучителей меннонитскаго, протестантскаго и католическаго, а также на врача и двухъ учителей, опредѣленъ всего въ 3,870 рублей.

Расходъ этотъ покрывается: а) процентами съ 8,000 р. неприкосновеннаго фонда сего училища, внесеннаго въ 1864 г. въ одесскую контору банка на 10 лѣтъ изъ $4^1/_2$%, и съ 46,529 р. 38 к. общественныхъ капиталовъ, обращенныхъ равнымъ образомъ въ училищный фондъ; и б) сборомъ съ 7,276 душъ округа по $15^3/_4$ к. съ каждой. Проценты съ фонда, при обращеніи его въ волостныхъ банкахъ изъ 5 на 100, — составятъ 2,926 р. 45 к., а присоединивъ сюда 1,143 р. 55 к. сбора, получится всего на содержаніе училища 3,870 руб.

3. *Молочанскій меннонитскій*. Округъ этотъ составляютъ 62 колоніи округовъ молочанскаго меннонитскаго и бердянско-нѣмецкаго, всего 10,685 муж. пола рев. душъ.

Существующее уже здѣсь училище—Гальбштадтское (въ кол. Гальбштадтѣ Таврической губ. Бердянскаго уѣзда) предполагается расширить, по примѣру Хортицкаго; штатный расходъ на него, въ томъ числѣ на 15 стипендіатовъ, исчисленъ въ 3,755 рублей, которые покрываются: а), процентами съ училищнаго фонда 8,422 р. 80 к. (по 5 на 100= 421 р. 10 к.), и б) сборомъ съ 10,685 душъ (до $31^1/_4$ к. съ каждой) 3,333 р. 90 к.

4. *Молочанскій колонистскій*. Къ нему приписаны 32 колоніи округа того же названія, въ числѣ 7,209 муж. пола рев. душъ. На содержаніе Молочанскаго или Пришибскаго училища (въ кол. Пришибѣ или Молочнѣ), при 6-ти стипендіатахъ, двухъ законоучителяхъ, протестантскомъ и католическомъ, и двухъ учителяхъ, ассигновано всего 2,957 р. 20 к., покрываемые изъ процентовъ съ общественнаго капитала округа (129,996 руб.).

5. *Болгаро-нѣмецкій*. Къ этому округу приписаны всего 11 коло-

---

[1]) 32,000 р. Вернерскаго капитала заключаются въ 4% непрерывно доходныхъ билетахъ, а капиталъ Контеніусскій обращенъ въ 1863 г. въ одесскую контору банка на 10 лѣтъ изъ $4^1/_2$%. Недочетъ въ процентахъ, впредь до обращенія капиталовъ въ волостные банки будетъ, покрываемъ либо дополненіемъ штатной суммы сборомъ съ 16,325 душъ округа, либо сбереженіями отъ штатныхъ ассигновокъ.

ній въ Крыму, а именно 8 кол. округовъ нейзацкаго и цирихстальскаго, и отдѣльныя колоніи: Балточокракъ, Кишлавъ и Старый Крымъ, всего 3,192 муж. пола рев. душъ. Училище «Нейзацкое» открывается въ кол. Нейзацѣ, симферопольскаго уѣзда.

6. *Маріупольскій-колонистскій*, состоящій изъ 27 колоній округа того же названія, всего 5,697 муж. пола рев. душъ. Училище «Грунауское» будетъ открыто въ кол. Грунау, Екатеринославской губ. Александровскаго уѣзда.

7. *Либентальскій*, образуемый 11-ю колоніями либентальскаго округа и отдѣльною колоніею Шаба, всего 6,122 рев. муж. пола душъ. Мѣстомъ открытія училища назначена кол. Гросъ-либенталь, Одесскаго уѣзда.

8. *Кучурганскій*, состоящій изъ 6-ти колоній округа того же названія, всего 3,792 рев. муж. пола душъ. Училище откроется въ кол. Зельцѣ, Херсонскаго уѣзда.

9. *Березанскій*, состоящій изъ 13 колоній округа того же наименованія и отдѣльныхъ колоній: стараго и новаго Данцигъ, всего 7,275 рев. муж. пола душъ. Училище будетъ помѣщено въ кол. Ландау, Одесскаго уѣзда.

Въ этихъ послѣднихъ пяти училищахъ стипендіатовъ не полагается; штатный же на каждое расходъ исчисленъ въ 2,000 р. въ годъ, а именно: на учебныя пособія и библіотеку 200 р.; на награды ученикамъ 50 р.; на наемъ прислуги 150 р.; на наемъ, отопленіе и освѣщеніе училищнаго помѣщенія 570 р., двумъ учителямъ—старшему, сверхъ квартиры, 530 р., а младшему 500 руб.

Штатные расходы этихъ 5-ти училищъ будутъ покрываться: *Нейзацкаго*—процентами съ 3,523 р. 86¾ к. училищнаго фонда—176 р. 15 к.; ежегоднымъ пособіемъ изъ процентовъ съ капитала виннаго откупа—по 1,500 р , и сборомъ съ 3,192 душъ по 10¼ к. — 323 р. 85 к.; *Грунаускаго*, — процентами съ 25,387 р. 57 к. училищнаго фонда — 1,269 р. 35 к.; ежегоднымъ пособіемъ изъ процентовъ съ капитала виннаго откупа—500 р. и сборомъ съ 5,697 душъ, по 4 к. съ каждой,— 230 р. 65 к.; *Либентальскаго*,—процентами съ 30,425 р. 91 к. училищнаго фонда—1,521 р. 25 к. и сборомъ съ 6,122 душъ—478 р. 75 к; *Кучурганскаго*,—процентами съ 30,942 р. 68 к. училищнаго фонда — 1,547 р. 10 к. и сборомъ съ 3,792 душъ—452 р. 90 к.; *Березанскаго*—процентами съ 42,254 р. 80 к. училищнаго фонда.

Всѣмъ учителямъ центральныхъ училищъ испрашиваются по службѣ и на пенсію права учителей уѣздныхъ училищъ вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

Факты эти краснорѣчивѣе всякихъ словъ и дѣлаютъ совершенно излишними дальнѣйшія разсужденія о томъ, какую огромную пользу можно извлечь изъ обращенныхъ на училищное дѣло колоній суммъ, нисколько не стѣсняя собственныхъ интересовъ колонистовъ и приводя ихъ только къ одному знаменателю съ потребностями остальныхъ земскихъ сословій. Намъ остается завѣрить читателя, что всѣ пожертвованія коло-

нистовъ въ пользу училищнаго дѣла составляютъ выраженіе свободной, ни чѣмъ не стѣсненной воли обществъ, сознавшихъ истинныя свои нужды и потребности. Въ тоже время факты эти свидѣтельствуютъ объ искреннемъ желаніи колонистовъ примкнуть къ общему строю государственной жизни, доказывая ясно и неопровержимо всю несостоятельность голосовъ, увѣряющихъ, будто бы колонистское населеніе, въ принципѣ, чуждается сближенія съ остальными согражданами.

Наконецъ, замѣчательно еще то, что и одесскій съѣздъ колонистскихъ уполномоченныхъ совершенно устраняетъ мѣстное духовенство отъ завѣдыванія преобразовываемыми и вновь учреждаемыми центральными училищами, предоставляя ему лишь преподавательскія обязанности по закону Божію. И надо полагать, что на этотъ разъ правительство не только не впадетъ въ прежнюю ошибку, но, въ согласіи съ положеніями—крестьянскимъ 19 февраля 1861 г. и земскимъ 1 января 1864 г., приметъ мѣры, чтобы на будущее время и сельскія школы колонистовъ были переданы въ вѣдѣніе самихъ обществъ, на счетъ которыхъ онѣ содержатся. Такимъ образомъ, школы эти придутъ въ полную солидарность и въ непосредственно тѣсную связь съ центральными училищами. Безъ этого— послѣднія снова были бы парализованы и во всякомъ случаѣ не принесли бы ожидаемыхъ отъ нихъ результатовъ, въ той мѣрѣ, какъ этого настоятельно требуютъ и пользы самихъ колонистовъ, и насущные государственные интересы. И едва ли мы ошибаемся, утверждая, что колонисты ни въ какомъ случаѣ не рѣшились бы на такія огромныя жертвы, еслибъ не были вполнѣ увѣрены, что центральныя училища не будутъ подчинены болѣе или менѣе исключительному вліянію ихъ мѣстнаго духовенства.

Плоды лучшаго училищнаго образованія нужно ожидать не въ близкомъ будущемъ, а между тѣмъ настоящее доказываетъ, что многое въ колоніяхъ могло-бъ быть и было бы иначе, еслибъ мѣры въ пользу училищнаго дѣла давно уже были приняты въ такихъ широкихъ размѣрахъ, какъ это предположено съѣздомъ колонистскихъ повѣренныхъ. Одно незнаніе колонистомъ русскаго языка лишаетъ его, внѣ предѣловъ колоній, привычной самостоятельности, самодѣятельности и вообще сознательности въ дѣйствіяхъ и отношеніяхъ къ окружающему обществу; оно-то всегда и отклоняло многихъ отъ оставленія колоній. Это чувство недовѣрія поселенцевъ ко внѣ-колоніальной жизни поддерживалось не малочисленными примѣрами того, что болѣе рѣшительные и предпріимчивые изъ ихъ среды, водворяясь въ городахъ или селеніяхъ, расплачивались нерѣдко дорогою цѣною за свое незнаніе языка и вообще общедѣйствующихъ порядковъ, обычаевъ и т. д. Намъ лично извѣстенъ не одинъ случай, что такіе колонисты на мало знакомомъ имъ русскомъ языкѣ заключали договоры, содержаніе которыхъ имѣло вовсе не тотъ смыслъ, въ какомъ они обязывались и договаривались. Послѣдствіемъ бывали нескончаемыя тяжбы, приводившія колонистовъ къ потерѣ значительныхъ капиталовъ, нравственнымъ страданіямъ и разстройству. Если поговорка «лучше утопиться, чѣмъ судиться» сложилась у нашего народа, которо-

му нельзя было обойти означенной дилеммы, то неудивительно, конечно, если колонистъ, испытавъ на практикѣ глубокій смыслъ приведеннаго афоризма, возвращался въ свою колонію крайне предубѣжденнымъ противъ внѣ-колоніальнаго строя и примѣромъ своимъ еще болѣе подкрѣплялъ понятную недовѣрчивость своихъ однообщественниковъ ко всему, что̀ выходитъ за предѣлы ихъ личнаго разумѣнія и опытнаго знанія. И много-ли найдется людей грамотныхъ, ясно понимающихъ юридическій смыслъ всякаго акта, и въ тоже время готовыхъ смѣло подписывать контракты, обязательства и договоры на языкѣ китайскомъ. или вообще имъ лично незнакомомъ? Несомнѣнно, что чѣмъ человѣкъ развитѣе и грамотнѣе, тѣмъ болѣе онъ встрѣтитъ сомнѣній «приложить руку» къ бумагѣ, содержаніе которой ему непонятно и лично имъ провѣрено быть не можетъ. Таково положеніе большинства колонистовъ внѣ мѣстъ ихъ постоянной осѣдлости.

Но давленіе экономическихъ потребностей неотразимо; волей неволею поселенцамъ приходится пускаться за предѣлы колоній, а отсюда—уже само собою — является сознаніе необходимости обучаться русскому языку. И послѣднее время, независимо отъ приведенныхъ нами выше указаній, особенно богато частными случаями, доказывающими неопровержимо, что это сознаніе колонистовъ ростетъ въ нихъ видимо. Такъ, въ католической колоніи Зульцъ, Херсонской губерніи, общество рѣшительно настаиваетъ (повидимому, вопреки требованію патера), чтобы къ должности сельскаго учителя было допущено избранное имъ, по большинству голосовъ, лицо, обязавшееся преподавать дѣтямъ и русскій языкъ. Мѣстное колонистское начальство, со своей стороны, признало законность требованія общества; но тѣмъ не менѣе послѣднее, встрѣтивъ затрудненіе (вѣроятно—какъ уже замѣчено—со стороны приходскаго патера), обратилось о содѣйствіи въ этомъ дѣлѣ къ высшему начальству.— Вотъ еще одинъ такой же утѣшительный примѣръ. Новоузенское уѣздное земство, со дня открытія своего, усердно занялось дѣломъ народнаго образованія. Въ 1866 году, были открыты въ уѣздѣ нѣсколько земскихъ училищъ, и въ томъ числѣ два—въ колоніяхъ Тонкошуровкѣ и Экгеймѣ. Дѣла этихъ училищъ, какъ свидѣтельствуетъ отчетъ управы, оказали успѣхи свыше всякаго ожиданія; даже для колонистовъ оказалось необходимымъ назначить пріемный экзаменъ, такъ какъ число дѣтей-кандидатовъ далеко превышало вмѣстимость училищныхъ зданій По принятымъ правиламъ, воспитанники земскихъ училищъ не были обязываемы къ посѣщенію классовъ—въ пору полевыхъ работъ; и тѣмъ не менѣе—только обыкновенное каникулярное время прервало учебный курсъ, и дѣти, не исключая колонистскихъ, оказали — по увѣренію управы — изумительные успѣхи. Къ сожалѣнію, съ 1867 года, въ новоузенскомъ земствѣ произошло попятное движеніе, послѣдствіемъ котораго было закрытіе, съ текущаго года, большинства вновь созданныхъ училищъ, и въ томъ числѣ экгеймскаго. Но короткаго существованія училища было, повидимому, достаточно для убѣжденія экгеймскихъ колонистовъ въ его пользѣ: болѣе состоятельные хозяева изъ нихъ, чрезъ посредство мѣст-

наго колоніальнаго начальства, вызвались поддерживать прежнее земское училище на свой счетъ, если имъ будетъ оказано изъ общественныхъ суммъ ежегодное пособіе до 400 — 500 рублей, въ чемъ едва ли встрѣтится препятствія.

V.

Мы сказали, что производившіяся объ улучшеніи сельской школы въ колоніяхъ многолѣтнія переписки и до сихъ поръ еще не успѣли ни вывести ее изъ тѣсной рамки конфессіонализма, ни дать ей развитія, соотвѣтствующаго успѣхамъ и потребностямъ современнаго быта населенія. Теперь, ознакомившись съ положеніемъ учебной части колонистовъ въ цѣломъ, читатель конечно самъ уже догадывается объ истинныхъ причинахъ такого неуспѣха. Прежде всего нельзя не замѣтитъ, что колонисты, дорожа сколько конфессіональными интересами, столько же и своими успѣхами въ экономическомъ и гражданственномъ быту, не довольствуются ни сельскою школою, вслѣдствіе ея конфессіональной исключительности, ни центральными русскими училищами, до сего времени, въ смыслѣ спеціальныхъ учительскихъ семинарій, неудовлетворявшими ни конфессіональнымъ, ни гражданственнымъ требованіямъ. Поэтому, сущность стремленій колонистовъ приводится къ коренному преобразованію и тѣхъ и другихъ учрежденій. Но, при разрозненности учебнаго дѣла и отсутствіи въ немъ общаго педагогическаго плана, положительно нѣтъ возможности ни удовлетворить справедливыя ожиданія колонистскаго населенія, ни устранить замѣченные въ учебномъ дѣлѣ колоній коренные недостатки, ни наконецъ достигнуть цѣли, общей и правительству и населенію,—ознакомить съ русскимъ языкомъ колонистовъ въ массѣ.

Въ этомъ сознаніи, ревизія въ 1860 году поволжья, обращаясь къ мѣрамъ улучшенія сельскихъ школъ, сочла нужнымъ обратить прежде всего вниманіе на необходимость устраненія духовенства отъ *исключительнаго* завѣдыванія училищнымъ дѣломъ. Она предлагала: 1) прежде всего постановить, чтобы школьный учитель и кистеръ, или канторъ, были *отдѣльныя* лица, и чтобы послѣдній, т. е. кистеръ, подъ руководствомъ и наблюденіемъ приходскаго священника, преподавалъ въ школѣ законъ вѣры и церковное пѣніе въ опредѣленные для сего часы, оставаясь при томъ въ непосредственной и прямой зависимости отъ приходскаго священника, на основаніи церковнаго устава; 2) устранивъ во всемъ остальномъ исключительное, неограниченное вліяніе духовенства на школы и ихъ учителей, постановить для нихъ программы и правила административной зависимости примѣнительно къ началамъ, на коихъ существовали сельскія школы вѣдомствъ удѣльнаго и государственныхъ имуществъ; 3) оставить при должностяхъ нынѣшнихъ школьныхъ учителей, дозволяя имъ, по желанію духовенства и собственной волѣ, или исправлять по прежнему обязанности кистера, до того времени, пока найдутся особыя лица для послѣдней должности, или же вовсе перейти на должность кисте-

ра [1]); 4) производимое нынѣ шульмейстеру-кистеру, въ одномъ лицѣ, содержаніе, въ протестантскихъ колоніяхъ, признать нормальнымъ и сохранить для *учительской* должности неизмѣннымъ на будущее время, а въ католическихъ колоніяхъ назначить это содержаніе, по относительному разсчету населенности колоній, наравнѣ съ содержаніемъ протестантскихъ шульмейстеровъ, сдѣлавъ его производство обязательнымъ для обществъ; и наконецъ 5) духовенству предоставить войти въ соглашеніе съ обществами относительно содержанія *особыхъ кистеровъ*. «Школы—заключала ревизія—преобразованныя на этихъ главныхъ основаніяхъ, могутъ обѣщать болѣе успѣха и удовлетворять требованіямъ настоящаго положенія дѣлъ въ колоніяхъ. Съ постепеннымъ образованіемъ новаго поколѣнія учителей, посредствомъ Екатеринштадскаго русскаго училища (въ то время только-что вновь преобразованнаго на болѣе широкихъ основаніяхъ), и кромѣ того, для католиковъ, приготовленіемъ ихъ въ Римско-Католической семинаріи, въ Саратовѣ, молодые люди эти могутъ быть размѣщаемы по колоніямъ, и такимъ образомъ достигнется цѣль правительства, и въ тоже время удовлетворятся потребности и желанія лучшей части колонистскаго населенія».

Съ матеріальной стороны предполагалось улучшить положеніе школьнаго дѣла—посредствомъ передачи школамъ привилегіи пасторской вдовье-сиротской кассы поволжья на изданіе и распродажу сборника церковныхъ гимновъ и учебныхъ руководствъ. Судьба этого предположенія намъ уже извѣстна. Объ остальныхъ предположеніяхъ также завязалась оживленная переписка между обоими вѣдомствами колоній—гражданскимъ и духовнымъ. Наконецъ, масса фактическихъ доказательствъ, и въ томъ числѣ извѣстный читателю результатъ почти всенароднаго экзамена въ поволжьѣ, наглядно и неопровержимо подтвердили настоятельную необходимость — изъять колонистскія сельскія школы изъ исключительнаго завѣдыванія духовенства. Тѣмъ временемъ коренныя реформы въ крестьянскомъ быту и общегосударственныхъ учрежденіяхъ, въ свою очередь, подступали ближе и ближе къ вѣдомству колоній, безостановочно громоздя вопросъ на вопросъ о повозможномъ согласованіи колонистскихъ порядковъ съ новымъ общимъ порядкомъ вещей: предстала неотложная необходимость полнаго пересмотра всѣхъ постановленій о колоніяхъ. Съ другой стороны, послѣднія полны жизни, давно уже льющей черезъ край поставленной ей рамки; а жизнь, требуя дѣла, не переписки, вліяетъ непосредственно на ближайшіе къ ней органы власти. Отсюда постоянно возникаютъ новыя указанія и предположенія; взгляды на дѣло становятся глубже и шире, а съ тѣмъ вмѣстѣ болѣе и болѣе укрѣпляется вѣроятность, что окончательное устройство народнаго обученія въ колоніяхъ завершится на современныхъ и раціональныхъ основаніяхъ. И пора. Нужно же наконецъ убѣдиться, что обученія колонистовъ русскому языку нельзя добиваться тѣ-

---

[1]) Слѣдовательно, здѣсь требуется какъ разъ обратное тому распоряженію С.-Петербургскаго консисторіальнаго начальства, которымъ, съ 1855 года, *неизвѣстно по какому праву*, всѣ «сельскіе учители» южныхъ колоній разжалованы въ «кистеры».

ми узкими пріемами, какіе имѣли мѣсто до настоящаго времени, и что неуспѣхъ въ этомъ отношеніи слѣдуетъ отнести отнюдь не «къ отчужденію колонистовъ отъ всего русскаго», а напротивъ, къ собственной нашей неумѣлости направить къ желаемой цѣли даже такія громадныя средства, какія *всегда* имѣлись наготовѣ въ колоніяхъ. Но едва-ли *мы* въ правѣ ставить неумѣлость эту въ укоръ нашимъ отцамъ и дѣдамъ. Чтобы воздержаться отъ такого укора, стоитъ только вспомнить наши же, не такъ давно происходившіе споры по вопросу: слѣдуетъ, или не слѣдуетъ, начальное народное образованіе поручить приходскому духовенству? На этотъ вопросъ опытный колонистъ отвѣтилъ бы слѣдующимъ образомъ: «если православное духовенство болѣе нашего имѣетъ свободнаго времени отъ прямыхъ своихъ обязанностей; если оно также хорошо обезпечено въ матеріальномъ отношеніи, какъ наши пасторы и ксендзы; и если, наконецъ, не уступая послѣднимъ въ образованіи, оно не лишено при этомъ хотя нѣкоторой педагогической подготовки, то, пожалуй, еще можно-бы попытаться, но только въ томъ случаѣ, если *нѣтъ иного выхода*. Я дѣлаю эту оговорку потому, что подобный же опытъ у насъ, въ колоніяхъ, принесъ самые горькіе плоды». Вообще, вполнѣ признавая всю важность религіознаго элемента въ народномъ воспитаніи, мы однако не можемъ допустить, чтобы правительство, въ явный ущербъ гражданскаго развитія иновѣрческаго населенія, обязано было поддерживать, законодательнымъ путемъ, такія установленія, которыя въ области школы направлены къ исключительно конфессіональнымъ цѣлямъ. По крайней мѣрѣ въ нашихъ иновѣрческихъ колоніяхъ, требованіе—сдѣлать начальное народное образованіе исключительною привилегіею духовенства, кажется намъ только отрицаніемъ въ благовидной формѣ необходимости умственнаго развитія массъ. Далѣе стоитъ еще прислушаться къ разноголосицѣ о грамотности въ нашихъ земскихъ собраніяхъ, и вспомнить, какъ не имѣя ни школъ, ни учителей, ни достаточно денежныхъ средствъ, здѣсь самымъ серьознымъ образомъ обсуживается нерѣдко вопросъ: не должно ли посѣщеніе школъ быть обязательнымъ для *всѣхъ* крестьянскихъ дѣтей?... и это въ то самое время, когда по вѣдомству колоній, всегда имѣвшихъ, *каждая*, и школьный домъ, и учителя, и противъ крестьянъ несравненно болѣе матеріальныхъ средствъ, многолѣтній опытъ поставилъ тотъ же вопросъ, но въ обратномъ смыслѣ. Здѣсь уже, на основаніи *опытныхъ данныхъ*, спрашивается: слѣдуетъ ли *вовсе отмѣнить*, или только *видоизмѣнить*, существующее для всѣхъ колонистскихъ дѣтей извѣстнаго возраста *обязательное* посѣщеніе сельской школы?...

Казалось бы, нечего прибавлять къ убѣдительному разсужденію по этому вопросу барона Н. Корфа [1]), почерпнувшаго значительную долю своихъ фактическихъ аргументовъ изъ опыта южныхъ колоній. Но здѣсь, какъ читателю извѣстно, сельская школа пользуется еще весьма существенными преимуществами предъ школами поволжскихъ колонистовъ, бытовыя условія которыхъ вообще ближе подходятъ къ нашимъ крестьян-

[1]) «Вѣстникъ Европы» 1868 г., т. III, стр. 353—373.

скимъ порядкамъ. Настоящій вопросъ имѣетъ слишкомъ важное практическое значеніе, чтобы допустить возможность безусловнаго и однообразнаго разрѣшенія его для всего сельскаго состоянія, не исключая самихъ колонистовъ. Во всякомъ случаѣ, *безусловное уничтоженіе* въ колоніяхъ общеобязательности школьнаго обученія, было бы *шагомъ назадъ, а не впередъ*. Вотъ что говоритъ поэтому предмету вновь поступившій, съ 1867 года, въ должность управляющаго саратовскою конторою С. Н. Шафрановъ, котораго описаніе «Лѣсно-карамышской» школы мы привели выше:

«По истинѣ разительно несоотвѣтствіе между *результатами* школьнаго обученія въ колоніяхъ и *усиліями населенія*, употребленными на то обученіе; усилія же весьма значительны. Родители, по закону, принуждены посылать дѣтей своихъ обоего пола въ школу, въ продолженіе 8-ми зимъ, подъ опасеніемъ оштрафованія 3-мя коп. сер. за каждый урокъ, т. е. за утренній особо и особо за послѣобѣденный, гдѣ введены таковые, значитъ по 6 коп. въ день; освобождаются отъ штрафа только больные. Но сколько есть бѣдныхъ родителей, которые не могутъ посылать дѣтей въ школу по неимѣнію для нихъ обуви и теплаго платья?- Если они не въ состояніи удовлетворить этимъ первѣйшимъ потребностямъ, то естественно они не въ состояніи заплатить и штрафа, а потому ихъ отдаютъ въ невольную работу на уплату штрафа за непосылку дѣтей въ школу, иначе сказать, за неимѣніе средствъ обувать и одѣвать своихъ дѣтей; значитъ, наказываютъ собственно за бѣдность и наказываютъ тѣмъ, что отнимаютъ послѣдній источникъ пропитанія — свободу труда [1]). Отъ того не одинъ оберфорштегеръ (старшина) признавался мнѣ, что взысканіе школьныхъ штрафовъ есть самая сердцераздирающая ихъ обязанность, и что они часто предпочитаютъ подвергнуться всей жестокости гнѣва пасторовъ, весьма ревниво оберегающихъ школьныя свои права, нежели завѣдомо лишать бѣдняка возможности добывать семейству кусокъ хлѣба. Вотъ какъ велики усилія колонистовъ къ обученію дѣтей: *между ними нѣтъ ни одного неучившагося*. Откуда же взялись между ними *безграмотные*?.. Почему же между ними *пятнадцать* человѣкъ *изъ ста* не умѣютъ ни писать, ни читать? Стало быть, это разучившіеся грамотѣ,—весьма яркій признакъ крайней неудовлетворительности обученія и недостаточной примѣнимости его къ быту населенія. Столь же неутѣшительно и то, что изъ 85 (на сто) считающихся грамотными, *только 11 человѣкъ* могутъ разбирать писанное; изъ числа этихъ *только шестеро* могутъ сами писать, и *лишь пятеро* знаютъ четыре ариѳметическія дѣйствія. Слѣдовательно, *изъ ста* обучающихся въ церковныхъ школахъ *только пятеро научаются читать, писать и считать*, т. е. въ 8-ми лѣтній курсъ только 20% достигаютъ этой наименьшей мѣры элементарнаго образованія».

[1]) По правиламъ, приложеннымъ къ ст. 387 уст. о кол., ч. 2, т. XII св. зак., лица, подлежащія пени и не могущія внести ее, «наказываются сельскимъ начальствомъ, вмѣсто денежной пени, употребленіемъ ихъ въ общественную работу, и именно: за каждое отсутствіе ученика изъ школы по половинѣ дня», т. е. полдня работы бѣдняка оцѣненъ въ три коп.

Какъ на главнѣйшую причину столь плачевнаго явленія указываютъ на *переполненность* училищъ. «Но, отвѣчаетъ г. Шафрановъ, вѣдь она именно и происходитъ вслѣдствіе вынужденныхъ усилій населенія къ обученію дѣтей, *всѣхъ дѣтей и именно въ школѣ.* Слѣдствіе можно не иначе устранить, какъ устраненіемъ производящей его причины, а потому предлагаемыя нѣкоторыми разныя косвенныя мѣры или непримѣнимы, или недостаточны; напримѣръ, обученіе дѣтей 7 — 11 лѣтъ только лѣтомъ, а дѣтей 11—15 только зимою. Это легло бы на бѣдныхъ самымъ тяжкимъ бременемъ. Совѣтуютъ еще дробить большія училища на нѣсколько меньшихъ; и это можетъ быть примѣнено только въ ограниченныхъ размѣрахъ, ибо если изъ училища въ 500 — 1,200 человѣкъ образовать 5 — 12 отдѣльныхъ школъ, или положимъ даже, не раздѣляя училища, открыть въ немъ 5 — 12 классовъ, съ такимъ же числомъ учителей (100 учениковъ — это уже наибольшее допустительное число на одного учителя), то какое общество вынесетъ такое бремя?»

Поэтому С. Н. Шафрановъ, для отвращенія переполненности колонистскихъ школъ, видитъ единственный и, по нашему мнѣнію, лучшій исходъ въ томъ порядкѣ, который издавна уже существуетъ въ Прибалтійскомъ краѣ у латышей и эстовъ. Тамъ дѣти до 10-ти лѣтъ должны научиться читать у себя въ семействахъ отъ матерей, старшихъ сестеръ и проч.; затѣмъ строго слѣдятъ пасторы, ежегодно собирая всѣхъ такихъ дѣтей на испытаніе. Въ сельскія школы поступаютъ тамъ лишь дѣти, достигшія 10-ти лѣтъ и уже умѣющія читать. Примѣненная къ колоніямъ, мѣра эта, *неубавивъ числа вообще, сразу уполовинила бы число учащихся въ школахъ*, дала бы учителю, имѣющему дѣло съ болѣе взрослыми учениками, возможность лучше обезпечить дѣйствіе обученія, а матерямъ семейства и вообще женщинамъ — случай, примѣнять къ чему либо свое школьное обученіе; теперь же грамотность ихъ, по всей вѣроятности, испаряется еще въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ у мужчинъ, между которыми, какъ мы видѣли, на сто человѣкъ насчитывается 15-ть обезграмотившихся. Мы желали бы спросить мѣстныхъ пасторовъ: почему съ ихъ стороны еще никогда не была предложена эта столь простая и вполнѣ практическая мѣра?.. Не они ли всегда оправдывали неуспѣхи школъ ихъ переполненностью, очень хорошо зная, что, кромѣ указаннаго, иного исхода здѣсь нѣтъ и быть не можетъ?.. Незнаніемъ же прибалтійскихъ школьныхъ порядковъ пасторы отговариваться не могутъ уже потому, что около половины ихъ воспитывалось въ Дерптѣ, а нѣкоторые даже сами остзейскіе уроженцы; слѣдовательно, школьные порядки латышей и эстовъ имъ давно и вполнѣ извѣстны. Или пасторы боятся обременительнаго для нихъ труда въ наблюденіи за успѣхами домашняго обученія?.. Но въ такомъ случаѣ все же было бы благовиднѣе прямо заявить объ этомъ, нежели молчать и предоставить школу явной погибели въ то время, когда и населеніе, и правительство уже десятки лѣтъ требуютъ выхода изъ этого положенія.

«Переполненность школъ, продолжаетъ С. Н. Шафрановъ, сама-по-

себѣ вовсе не есть зло; напротивъ того, введенная (не говорю, какимъ средствомъ) въ жизненный обычай необходимость обучать дѣтей—есть важное пріобрѣтеніе, которымъ надобно очень дорожить. Это ужъ много, если есть кого учить,—лишь бы было кому учить». И вотъ на чемъ мы расходимся съ барономъ Н. Корфомъ, который—принципъ обязательнаго обученія отвергаетъ, повидимому, *безусловно*. Впрочемъ, если это заключеніе было высказано только по примѣненію къ *настоящему* положенію дѣла грамотности у крестьянъ, то возражать не станемъ; мы, какъ сказано, протестуемъ лишь противъ *безусловности* вывода, въ смыслѣ руководящаго начала *на всегда*.

Въ отношеніи мѣръ, предложенныхъ ревизіею 1860 года и «вытекающихъ (*по новому въ этомъ родѣ свидѣтельству* С. Н. Шафранова) изъ самой сущности мѣстныхъ обстоятельствъ», нельзя не замѣтить, что примѣненіе къ этимъ школамъ программы преподаванія крестьянскихъ начальныхъ училищъ невозможно уже потому, что у колонистовъ, сверхъ общеобразовательной цѣли, постоянно нужно имѣть въ виду и государственную потребность сближенія инородческихъ элементовъ съ русскимъ; что поэтому, какъ равно и по обширности учебнаго дѣла въ колоніяхъ, оно требуетъ одной общей системы. Возложеніе кистерской и шульмейстерской должностей на *двухъ разныхъ* лицъ облегчитъ *нынѣшній кистеръ-шульмейстерскій трудъ* по крайней мѣрѣ на половину, а это, по справедливымъ словамъ г. Шафранова, «почти тоже, какъ если-бы самое число учениковъ, по сокращеніи его вдвое чрезъ введеніе домашняго обученія чтенію, вновь уполовинилось». Вообще же, приведеніемъ въ исполненіе предложенныхъ ревизіею 1860 года мѣръ, сами собою, вполнѣ правомѣрно, разрѣшились-бы узы, препятствующія въ колоніяхъ движенію учебнаго дѣла. Мѣры эти дали-бы возможность двинуться впередъ, тогда какъ теперь колонистскія школы представляютъ совершенно изолированную отъ всего окружающаго, крѣпко замкнутую въ себѣ область, съ своею никогда необновляемою притокомъ свѣжаго воздуха атмосферою; область, въ которую рѣдко доходятъ и даже не допускаются слухи объ успѣхахъ человѣческаго разумѣнія вообще, а тѣмъ менѣе о движеніи педагогической науки. Правда, до явнаго отрицанія коперниковой системы, подобно пастору Кнаку и другимъ протестантскимъ ультрамонтанамъ Пруссіи, у насъ въ колоніяхъ еще не дошли, хотя, повидимому, только потому, что колонистская школа вполнѣ игнорируетъ всякія космическія системы, предоставляя досужему воображенію самихъ колонистовъ рѣшать вопросы: на китахъ, или иначе, держится земля; тыква, или иное что, наше солнце и т. д.

Но откуда взять для колоній другихъ учителей?... «Лица, отвѣчаетъ С. Н. Шафрановъ—выступающія изъ гимназій, изъ духовныхъ семинарій, изъ уѣздныхъ училищъ, для колонистскихъ школъ не пригодны, по незнанію, или недостаточному знанію, нѣмецкаго языка. Остается одинъ источникъ—*колонистская учительская школа* (семинарія). Учрежденіе такой семинаріи есть необходимость, давно чувствуемая и высказываемая вотъ уже 50 лѣтъ къ ряду: въ 1820, 1838, 1839 и 1841 годахъ».

Точно также С. Н. Шафрановъ вполнѣ подтверждаетъ невозможность приготовленія нужныхъ учителей въ существующихъ центральныхъ училищахъ, такъ какъ эти училища, уже по положенію своему въ самыхъ колоніяхъ, а не въ городѣ среди русской общественной и умственной жизни, при иныхъ болѣе доступныхъ учебныхъ средствахъ, были, есть и всегда будутъ ни чѣмъ другимъ, какъ только народными училищами высшаго разряда.

«Какъ скоро, заключаетъ С. Н. Шафрановъ, основана будетъ *въ Саратовѣ* необходимая учительская семинарія, которая будетъ выпускать учителей, не только основательно, и притомъ теоретически и практически подготовленныхъ, но и навыкшихъ, сверхъ того, къ живому употребленію русскаго языка, то учителей таковыхъ конечно не будутъ обѣгать, и они не только поднимутъ уровень образованія въ колонистскихъ школахъ, но будутъ и дѣйствительными распространителями русскаго языка между колонистами, изъ которыхъ зажиточные и вообще промышленные люди добровольно и весьма охотно будутъ посылать къ нимъ своихъ дѣтей на лѣтній курсъ для выучки, за особую плату, русскому языку, подобно тому, какъ дѣти латышей и эстовъ, въ прибалтійскомъ краѣ, научаются у своихъ шульмейстеровъ, въ лѣтнихъ курсахъ, языку нѣмецкому. Нѣтъ даже надобности усвоять предполагаемой учительской семинаріи монополію на замѣщеніе шульмейстерскихъ должностей въ колоніяхъ; достаточно узаконить, что вновь опредѣляемыя въ шульмейстеры лица должны сдавать въ учительской семинаріи экзаменъ изъ русскаго языка и другихъ преподаваемыхъ въ ней предметахъ, въ размѣрахъ, требуемыхъ отъ выпускаемыхъ ею воспитанниковъ; основаніе же къ тому есть самое уважительное: для разныхъ общеадминистративныхъ надобностей необходимо, чтобы во всякой колоніи хоть одно лицо достаточно знало русскій языкъ, а такую обязанность всего естественнѣе возложить на шульмейстера».

Для осуществленія систематическаго плана народнаго образованія въ колоніяхъ, съ финансовой стороны не представляется никакихъ препятствій ни въ поволжьѣ, ни на югѣ Россіи. Нѣтъ надобности даже умалять средства, обращенныя на центральныя русскія училища, которыя принесутъ несравненно болѣе пользы въ качествѣ высшихъ народныхъ училищъ, и какъ посредствующія звѣнья между сельскою школою съ одной, и учительскою семинаріею съ другой стороны. И кромѣ нынѣшнихъ центрально-училищныхъ фондовъ, имѣются у колонистовъ капиталы общественные, одни проценты съ которыхъ могли-бы удовлетворять потребности, нисколько не стѣсняя спеціальнаго назначенія самыхъ капиталовъ. Таковы: въ южныхъ колоніяхъ—капиталъ виннаго откупа (до 230 тыс. руб.) и другіе, а въ поволжьѣ капиталъ переселенческій (по отдѣленіи изъ него фонда лѣсно-карамышскаго центральнаго училища—все еще болѣе 200 тысячъ рублей, при весьма значительныхъ новыхъ поступленіяхъ съ оброчныхъ земель), и капиталъ остаточный отъ жалованья духовенства, объ обращеніи котораго на учебное дѣло уже производится переписка. При томъ, съ упраздненіемъ саратовской конторы и

попечительнаго комитета, въ Саратовѣ и Одессѣ освободятся обширныя дома колоніальныхъ вѣдомствъ, которые легко могли-бы быть приспособлены къ помѣщенію въ нихъ учительскихъ семинарій; а послѣ повсемѣстнаго открытія въ колоніяхъ волостныхъ банковъ, эти банки, конечно, не откажутся поддерживать учебное дѣло ежегоднымъ отчисленіемъ въ его пользу части своихъ выгодъ, которыя будутъ весьма не маловажны при несомнѣнной обширности будущихъ оборотовъ банковъ. Но для учительской семинаріи въ Саратовѣ едва ли потребуется особыхъ капиталовъ, и вотъ почему. Общественный сборъ съ поволжскихъ колонистовъ (по $6^1/_2$ коп. съ рев. души), обращаемый теперь на содержаніе центральнаго училища въ Екатеринштадтѣ, Самарской губ., не можетъ сохранить свое настоящее назначеніе съ открытіемъ саратовскими колонистами такого же училища, на свои средства, помимо сбора. Противъ этого положительно возстали-бы саратовскія общества, что̀ видно уже изъ многочисленныхъ съ ихъ стороны заявленій, какъ равно и изъ того обстоятельства, что въ приготовительномъ и первомъ классахъ Екатеринштадтскаго училища, немедленно по открытіи этихъ классовъ въ Лѣсномъ-Карамышѣ, не осталось ни одного изъ воспитанниковъ саратовскихъ колоній, кромѣ уроженцевъ одного, незначительнаго ягоднополянскаго округа, Саратовскаго уѣзда, пожелавшаго остаться приписаннымъ, по прежнему, къ Екатеринштадту. Но сборъ на училище существуетъ давно, нисколько не обременяя населенія; слѣдовательно, нѣтъ и основанія лишить учебное дѣло этого весьма важнаго рессурса; необходимо только дать ему такое употребленіе, которое представилось-бы одинаково полезнымъ и справедливымъ для всѣхъ плательщиковъ. Способомъ къ улаженію этого вопроса къ всеобщему удовольствію является обращеніе сбора въ пользу учительской семинаріи, въ Саратовѣ, гдѣ лежитъ естественный центръ всѣхъ бытовыхъ интересовъ цѣлаго поволжскаго колонистскаго водворенія. Что̀ же касается Екатеринштадтскаго центральнаго училища, то оно не погибнетъ, если обширныя зданія его будутъ обращены подъ предположенную къ учрежденію реальную прогимназію, на что̀ соглашеніе съ саратовскими колонистскими обществами дѣло весьма возможное.

Но, подведемъ итогъ. О томъ, что иновѣрческое духовенство въ колоніяхъ, закабаливъ своему исключительному вліянію умственное развитіе населенія, всячески стремится присоединить сюда еще и кабалу экономическую, и о томъ, какими мѣрами слѣдуетъ указать здѣсь духовенству его законныя границы, обо всемъ этомъ распространяться не станемъ. Дѣло это само-по-себѣ такъ ясно, что ближайшія объясненія, по нашему мнѣнію, совершенно излишни. Иное дѣло — школы. По нашему мнѣнію, организація учебнаго дѣла въ колоніяхъ, способная одинаково удовлетворять какъ насущнымъ интересамъ самаго населенія, такъ и ожиданіямъ русскаго общества, должна соотвѣтствовать тремъ непремѣннымъ условіямъ: *во-первыхъ*, она должна стать въ уровень съ культурою колоній; *во-вторыхъ*—ей невозможно относиться отрицательно къ конфессіонализму; и *въ-третьихъ*, конечнымъ результатомъ обученія въ школѣ должно быть

постепенное, дѣйствительное ознакомленіе *массы* колонистовъ съ русскимъ языкомъ, какъ единственнымъ средствомъ для *вполнѣ правомѣрнаго* вступленія ихъ въ политико-соціальный строй русскаго общества. Отсюда само-собою является необходимость въ цѣльной, строго обдуманной и послѣдовательно исполняемой педагогической системѣ, на столько же отличной отъ общаго дѣла грамотности у крестьянъ, на сколько различны отъ послѣднихъ бытовыя условія колонистовъ. Система эта должна связать воедино: *сельскую школу*, имѣющуюся уже въ каждой колоніи, *центральное училище*, существующее или вновь открываемое на одну, или сообща на нѣсколько колонистскихъ волостей; *учительскія семинаріи* (съ низшей, при каждой, практическою школою), въ Саратовѣ и Одессѣ. Для установленія и сохраненія взаимной связи и вообще цѣлости системы потребуется, конечно, подчиненіе колонистскихъ учебныхъ заведеній — *одному* вѣдомству, что неосуществимо при господствующемъ до сего времени взглядѣ на сельскую школу въ колоніяхъ, какъ на школу начальную. На основаніи положенія 14-го іюля 1864 года, начальныя народныя школы имѣютъ предметомъ обученіе чтенію, письму и счету; онѣ подчиняются вѣдѣнію губернскихъ и уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ, тогда какъ центральныя училища и учительскія семинаріи принадлежатъ уже компетенціи министерства народнаго просвѣщенія. Но выше мы видѣли, что колонисты не удовлетворяются своею сельскою школою, въ смыслѣ и размѣрахъ начальной; они, по меньшей мѣрѣ, требуютъ преподаванія въ ней: закона вѣры въ объемѣ, необходимомъ для совершенія конфирмаціи; чтенія и письма по-нѣмецки и по-русски; первой части ариѳметики, выкладки на счетахъ, краткихъ географіи и исторіи; естествовѣденія по отношенію къ мѣстному хозяйству и культурѣ, и наконецъ сущности общественнаго самоуправленія—сельскаго, волостного, земскаго и судебно-мирового. Понятно, что для правильно подготовленнаго сельскаго учителя не представится особеннаго затрудненія вести преподаваніе нѣкоторыхъ изъ этихъ предметовъ на русскомъ языкѣ, въ особенности тѣхъ, къ которымъ долженъ примѣняться способъ нагляднаго обученія и расказа. Такимъ образомъ, вопросъ о подчиненіи учебной части въ колоніяхъ всецѣло одному вѣдомству — разрѣшается самъ собою: сельская школа, на равнѣ съ центральными училищами и семинаріями, отойдетъ въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія—на правахъ *частныхъ училищъ*, согласно уставу 1828 года и дополнительныхъ правилъ 19-го февраля 1868 года.

За тѣмъ весь вопросъ приводится уже къ тому, чтобы сельскую школу—по ея внутренней организаціи — поставить въ условія, необходимыя для осуществленія указанной нами учебной программы, и сообразовать съ этой программою курсы преподаванія въ центральныхъ училищахъ и учительской семинаріи. Въ этихъ видахъ, предстояло бы прежде всего постановить слѣдующія правила: а) въ сельскую школу поступаютъ дѣти обоего пола не моложе 10-ти лѣтъ отъ рожденія, умѣющія читать и, по возможности, писать, чему они должны научаться на дому, подъ надзоромъ своихъ родныхъ и приходскаго священника; б) тамъ, гдѣ число

учащихся на одну школу и на одного учителя достигаетъ 150 и болѣе человѣкъ, необходимо раздѣлить школу на двѣ: — одну для мальчиковъ, другую для дѣвочекъ, такъ чтобы число учащихся, по крайней возможности, не превышало 100 на одного учителя или наставницу; (конечно, мѣра эта можетъ быть постановлена не безусловно, а только какъ нормальная цѣль, къ которой слѣдуетъ стремиться *по возможности*); в) посѣщеніе, приблизительно съ 1-го октября по 1-е апрѣля, сельской школы всѣми дѣтьми обоего пола, начиная съ 10-ти лѣтняго возраста, обязательно: для поступающихъ въ центральныя училища до 13—14-ти лѣтняго возраста, а для остальныхъ — до совершенія конфирмаціи; г) для повѣрки успѣховъ домашняго обученія—приходскій пасторъ, или патеръ, ежегодно собираетъ дѣтей отъ 7 до 10-то лѣтъ и дѣлаетъ имъ испытаніе, а родителямъ или воспитателямъ и опекунамъ, не радѣющимъ о грамотности своихъ дѣтей и питомцевъ, внушаетъ о нерадѣніи ихъ, предупреждая, что неподготовка дѣтей къ поступленію въ сельскую школу повлечетъ за собою взысканіе по опредѣленію мѣстнаго волостного суда; д) должности сельскаго учителя и кистера могутъ быть соединяемы въ одномъ лицѣ *только въ видѣ исключенія*, и неиначе какъ по взаимному соглашенію приходскаго священника, общества и самаго учителя; но и въ такихъ случаяхъ сельскій учитель подчиняется приходскому священнику единственно только по должности кистера, на основаніи церковнаго устава; е) преподаваніе въ сельской школѣ закона вѣры и церковнаго пѣнія возлагается на *кистера*, подъ надзоромъ и руководствомъ мѣстнаго священника, преподаваніе же прочихъ предметовъ—на *сельскаго учителя*, подъ наблюденіемъ училищнаго начальства, т. е. старшаго учителя мѣстнаго центральнаго училища, начальника педагогическаго совѣта семинаріи и губернской училищной дирекціи; ж) сельскіе учители опредѣляются изъ лицъ, имѣющихъ аттестаты объ окончаніи ими курса наукъ въ учительской семинаріи (или о выдержаніи соотвѣтственнаго сему экзамена); на первое же время, впредь до образованія таковыхъ учителей, остаются въ должностяхъ нынѣшніе шульмейстеры *на правахъ сельскихъ учителей*, а могущія открыться ваканціи замѣщаются лицами, подготовившимися къ этой должности въ прежнемъ порядкѣ; з) опредѣленіе и увольненіе сельскихъ учителей, со дня открытія мѣстной учительской семинаріи, предоставляется педагогическому при ней совѣту, обязанному въ этомъ случаѣ, по крайней возможности, сообразоваться съ желаніями мѣстнаго приходскаго священника и общества, средствами котораго содержится школа; и) производимое нынѣшнимъ шульмейстерамъ, въ качествѣ учителя и кистера, содержаніе (за исключеніемъ однихъ *платъ за требы*, аксиденцій) установляется по каждой протестантской колоніи какъ minimum учительскаго содержанія, съ тѣмъ однако, что за обществомъ сохраняется право, по соглашенію съ семинарскимъ начальствомъ, переложить на деньги ту часть сего содержанія, которая мѣстами отбывается продуктами; въ католическихъ же колоніяхъ содержаніе учителя опредѣляется соразмѣрно съ тѣмъ, которое производится протестантами, по относительному разсчету числа душъ или ра-

ботниковъ; і) для обезпеченія сельскихъ учителей на случай старости, болѣзней и т. п., а также ихъ вдовъ и сиротъ, могутъ быть учреждаемы особыя учительскія эмеритальныя кассы.

Реорганизованныя на этихъ главныхъ основаніяхъ сельскія школы въ колоніяхъ легко примкнутъ къ центральнымъ училищамъ и учительскимъ семинаріямъ, если эти учрежденія получатъ устройство, обусловливаемое потребностью и педагогическою наукою. Намъ кажется, что для семинарій въ Саратовѣ и Одессѣ образцомъ могла-бы служить дерптская учительская семинарія, съ тѣмъ однако, чтобы предполагаемыя нами заведенія ставили себѣ задачею приготовлять своихъ воспитанниковъ для исправленія не только учительской должности, но, въ случаѣ надобности, и кистерскихъ обязанностей.

Завѣдованіе хозяйственною частью школъ, училищъ и семинарій слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, сосредоточить при каждомъ отдѣльномъ учрежденіи въ особомъ попечительствѣ, въ составъ котораго должны войти элементы учительскій, духовный и представительный отъ подлежащихъ обществъ. Педагогическіе же совѣты, состоя при каждомъ же центральномъ училищѣ и каждой семинаріи изъ учителей и членовъ отъ духовенства, обязывались-бы только выслушивать и принимать къ соображенію заявленія обществъ и вообще населенія касательно учебной части.

Входить въ болѣе подробное развитіе нашихъ предположеній здѣсь не у мѣста; къ тому же педагогика — не наша спеціальность. Повторимъ только еще разъ, что организація въ возможно широкихъ размѣрахъ учебной части колоній не встрѣтитъ никакихъ затрудненій со стороны матеріальныхъ способовъ; напротивъ, при разумномъ распредѣленіи тѣхъ средствъ, которыя уже обращены на учебное дѣло колонистовъ, едва ли потребуется новыхъ пожертвованій, хотя, въ случаѣ надобности, и за ними дѣло не станетъ.

Конечно, если смотрѣть на учебное дѣло колоній съ точки зрѣнія иныхъ патріотовъ, для которыхъ «сближеніе или слитіе» съ русскимъ населеніемъ иноплеменныхъ народностей Имперіи равносильно требованію, чтобы иновѣрцы сразу отрѣшались отъ своихъ обычаевъ, вѣры и культуры, то всякая забота о будущемъ преуспѣяніи колоній вообще, и объ училищномъ ихъ дѣлѣ въ особенности — оказалась-бы совершенно излишнею и, пожалуй, даже вредною. Но мы того мнѣнія, что Россіи нужны граждане, побольше истинно полезныхъ, преданныхъ гражданъ во всѣхъ сферахъ ея государственнаго строя; а въ этомъ смыслѣ, гражданственность и конфессіонализмъ — двѣ вещи совершенно розныя. Вообще отождествленіе двухъ понятій: «русскій» и «православный», ведетъ и, по нашему мнѣнію, не можетъ не вести лишь къ абсурду въ теоріи и на практикѣ. Тѣмъ не менѣе, при современномъ настроеніи нашего общества, легко могутъ найтись голоса, и при томъ голоса такъ называемыхъ патріотовъ pure sange, которыхъ покоробитъ хотя-бы отъ факта онѣмеченія въ нашихъ колоніяхъ кашубовъ, и которые, во имя тогоже quasi-патріотизма, готовы отрицать необходимость болѣе широкихъ мѣръ въ пользу народнаго образованія у колонистовъ, не смотря на то, что

послѣдніе обходятся въ этомъ случаѣ исключительно своими собственными средствами, требуя лишь одной правительственной организаціи учебнаго дѣла. Присутствіе въ нашемъ обществѣ такихъ голосовъ пусть служитъ намъ оправданіемъ предъ читателями за слѣдующее прибавленіе, совершенно излишнее для людей, чуждыхъ слѣпой исключительности, правильно сознающихъ истинные интересы Россіи и русскаго народа. Но...... много-ли у насъ такихъ личностей и великъ-ли ихъ процентъ на 70 милліоновъ?..

VI.

Окидывая мысленнымъ взоромъ Русь отъ Балтики, Карпатовъ и Пропонтиды до береговъ Тихаго океана, русскій народъ сознaлъ свою государственную мощь; но, въ то же время, онъ сталъ сознаватъ и необходимость, поусерднѣе прежняго, заняться своимъ бытовымъ устройствомъ и, до поры до времени, отодвинуть на второй планъ всѣ международные разсчеты по установленію крайнихъ рубежей Имперіи на юго-западѣ и юго-востокѣ. Такому благому рѣшенію не мало содѣйствовало, конечно, превосходство надъ нами западно-европейской культуры, наклоняющей международные вѣсы не всегда въ нашу пользу. Въ то время какъ рынки Запада переполнены конкурирующими капиталами и интеллигентными силами,—постоянный недочетъ въ этомъ отношеніи есть хроническій недугъ Россіи. Но главная причина этого недуга—грандіозность исторической задачи русскаго народа, и она-то, по всей справедливости, должна-бы, кажется, для всякаго изъ насъ служить вполнѣ убѣдительнымъ доказательствомъ, на сколько намъ, въ предѣлахъ своихъ владѣній, слѣдуетъ дорожить всякаго рода честнымъ трудомъ, экономическими и интеллигентными успѣхами, и какъ бережно должно-бы намъ умѣть пользоваться ими для общихъ цѣлей, не задерживая, а напротивъ, всячески содѣйствуя ихъ безостановочному дальнѣйшему преуспѣянію. Не можетъ же не быть яснымъ для каждаго русскаго, что только благодаря запасу культурныхъ силъ, выпавшая на нашу долю историческая задача окажется намъ по плечу, а мы сами ея достойными. Такъ напримѣръ, махнуть рукой на Босфоръ и Дарданеллы намъ невозможно; безъ нихъ, или безъ преобладающаго на нихъ русскаго вліянія, не могутъ жить полною жизнью и дышать свободно ни югъ европейской Россіи, ни Кавказъ, ни громадная территорія Средней Азіи. Далѣе предстоитъ намъ, совмѣстно съ внутренней организаціею главнаго ядра Имперіи, колонизировать и культивировать, кромѣ Кавказа и Средней Азіи, еще Сибирь и Амурско-Приморскій край. Надъ такой задачею задумаешься невольно, и невольно же спросишь себя: достаточно-ли въ этомъ случаѣ нашихъ наличныхъ силъ и средствъ; а если достаточно, то научились-ли мы толково употреблять ихъ въ дѣло?.. Неслишкомъ-ли широко мы раскинулись территоріально?... Прежде всего мы видимъ, что главныя наши военныя и административныя силы все еще оттягиваются на западные рубежи Имперіи; только крохи достаются на долю Азіи. Къ счастью, здѣсь

и требуются по преимуществу однѣ лишь культурныя силы, и прежде всего, здоровое земледѣльческое населеніе. Слѣдовательно, здѣсь открывается самое широкое поприще для нашего крестьянства, которому, напротивъ, на западѣ дѣла или вовсе не находится, или слишкомъ мало, чтобы приходилось принимать его въ разсчетъ. Въ виду такой постановки нашей задачи, намъ остается еще вспомнить, что Римъ обстроился не въ одинъ день. Слѣдовательно, нѣтъ причины отчаяваться въ успѣхѣ нашихъ усилій, но необходимо приложить всѣ заботы, чтобы избытокъ культурныхъ силъ, обращаемый нами на востокъ, выдѣлялся изъ ядра Имперіи безъ прямого ущерба для успѣшной внутренней организаціи его, а на новыхъ мѣстахъ не погибалъ вслѣдствіе нашей неумѣлости вести колонизаціонное дѣло русскими людьми и малаго знакомства съ колонизируемыми мѣстностями [1]).

Великія реформы нынѣшняго царствованія; вызванная, или вѣрнѣе, вызываемая ими самодѣятельность общества; сдержанность нашей дипломатіи въ вопросахъ внѣшней политики, — все это можетъ намъ служить порукою, что со стороны правительства вполнѣ сознаны и уяснены какъ историческая задача Россіи, такъ и способы къ ея успѣшному разрѣшенію. И понятно само собою, если въ иныхъ случаяхъ, такъ называемыя «крайнія руссофильскія» тенденціи, вслѣдствіе узкости и односторонности ихъ, не всегда совпадаютъ со взглядами правительства. Мы касаемся этого факта не совсѣмъ охотно; но дѣло въ томъ, что рядомъ съ диссонансомъ споровъ о дѣлахъ губерній привислинскихъ, западныхъ и прибалтійскихъ, а также по разнымъ другимъ общественнымъ вопросамъ, слишкомъ часто приходится и выслушивать и читать самыя странныя отзывы относительно нашихъ иностранныхъ колоній, какъ существующаго факта, и о колонизаціи вообще, какъ о задачѣ настоящаго и будущаго.

---

[1]) Незнаніе нами собственнаго быта, поистинѣ замѣчательно. Даже въ наиболѣе уважаемыхъ органахъ нашей періодической печати встрѣчаются иногда непростительные промахи. Такъ, одна изъ нашихъ газетъ доказывая прошлымъ лѣтомъ, въ передовой своей статьѣ, необходимость допустить выселеніе крестьянъ изъ сѣверныхъ губерній—на югъ, приводитъ Крымъ, какъ мѣстность, способную устроить бытъ тѣхъ бѣдняковъ, о судьбѣ которыхъ шла рѣчь. Но почтенная редакція упустила при этомъ совершенно изъ вида тотъ, извѣстный ей фактъ, что на колонизацію Крыма были направлены въ 1860—1864 г. огромныя усилія правительства, и что тамъ, за счотъ казны, перебывали и кормились нѣсколько лѣтъ кряду—греки, русскіе крестьяне, болгары, латыши, эсты и чехи; но постепенно всѣ эти поселенцы перешли или въ сѣверные уѣзды Тавричес. губ., или на Кавказъ, или же обратно домой. Это объясняется тѣмъ, что казенныхъ земель имѣется въ Крыму не болѣе 30 тысячъ дес., да и тѣ состоятъ изъ негодныхъ или малоспособныхъ для хлѣбопашества небольшихъ клочковъ, разбросанныхъ по всему полуострову. Наконецъ правительство, путемъ довольно дорогого опыта, убѣдилось, что для хозяйственной обработки этихъ угодій необходимы—полное знаніе мѣстныхъ культурныхъ условій, капиталъ и не рутинные, а вполнѣ осмысленные пріемы. Все это оно находитъ у однихъ только колонистовъ южной Россіи. Если-бы предложить имъ эти земли на слѣдующихъ условіяхъ: на каждое семейство отводится до 100 дес. съ платою, въ теченіе первыхъ 10-ти лѣтъ, нынѣшняго за тѣ земли оброка, и съ правомъ выкупа, по устройствѣ въ теченіе этихъ же 10-ти лѣтъ на отведенныхъ участкахъ правильнаго хозяйства, по капитализаціи платимаго оброка (или оцѣночнаго дохода, если онъ выше) изъ 5%, то, быть можетъ, колонизація Крыма могла имѣть успѣхъ, Что же касается владѣльческихъ земель, то, во многихъ случаяхъ, онѣ хороши; но сами владѣльцы не выражали еще готовности принять на нихъ поселянъ, хотя въ указанный выше періодъ правительство отъ себя предлагало одни и тѣ же пособія и льготы поселяющимся какъ на казенныхъ, такъ и на владѣльческихъ земляхъ. Спрашивается: зачѣмъ же почтенная редакція посылаетъ крестьянъ изъ огня да въ полымя?

Не вдаваясь въ подробности, замѣтимъ только, что въ интересахъ правительства и русскаго общества желательно, чтобы послѣднее, ознакомившись съ собою, съ своими средствами, потребностями и цѣлями, пріучилось къ разумной самодѣятельности, такъ какъ прежде всего отъ него зависятъ всѣ успѣхи нашей культуры, которыми, въ свою очередь, условлена наша политическая сила. Къ чему должна быть направляема наша общественная самодѣятельность—извѣстно; но полагая, что всячески необходимо дѣйствовать не стихійно, а осмысленно, и будучи того убѣжденія, что опыты нашей иностранной колонизаціи могутъ бросить свѣтъ на одну изъ главнѣйшихъ современныхъ задачь, на дѣло устроенія крестьянъ, мы рѣшились подѣлиться съ читающею публикою нашими свѣдѣніями объ этой колонизаціи, и въ томъ числѣ съ состояніемъ здѣсь школьныхъ и церковныхъ дѣлъ.

Богатство и благоустройство большинства нашихъ нѣмецкихъ колоній — вновь повторяемъ это — фактъ общеизвѣстный, но въ то же время фактъ, вызывающій самые странные и противорѣчивые отзывы. «Иностранная колонизація—проповѣдуетъ одинъ — въ разныхъ костюмахъ и званіяхъ, на 100% зла едва ли принесла намъ 10% добра». Другой [1]) вторитъ такъ: «Есть у насъ разные колонисты, *которые насъ впрочемъ ничему не научили* (?), но исправно обработываютъ ту землю, которая имъ отведена; а если они *не отбываютъ за то никакихъ повинностей* (?), такъ въ этомъ уже не ихъ вина». Эти писатели, а ихъ можно бы набрать еще не мало, очевидно слышали звонъ, но не знаютъ, да и не потрудились даже узнать, гдѣ онъ. Люди, лично и болѣе или менѣе близко знакомые съ колоніями, говорятъ объ нихъ иное. Такъ баронъ Н. Корфъ [2]), указывая на неудовлетворительное состояніе школъ въ колоніяхъ и приводя ихъ въ доказательство неудобствъ обязательнаго обученія всѣхъ дѣтей поселянъ, говоритъ между прочимъ, что на увеличеніе учебныхъ способовъ въ требуемомъ при этомъ условіи размѣрѣ, «не станетъ средствъ у населенія (колоній), которое *вовсе не такъ мало платитъ податей, какъ обыкновенно думаютъ*». Другой писатель [3]), одинъ изъ героевъ севастопольской войны, прошедшій въ эту трудную пору съ войсками чрезъ колоніи двухъ или трехъ губерній, представляетъ намъ колонистовъ въ самомъ лестномъ для нихъ видѣ. «Въ колоніяхъ и окрестъ ихъ, сообщаетъ онъ между прочимъ, царство довольства и благосостоянія, которое впрочемъ колонисту *не даромъ* достается. Колонисты любятъ новое отечество свое, какъ любимъ его мы, его исконныя дѣти, и готовы для него, подобно намъ, жертвовать всѣмъ добромъ своимъ. Мысль эту колонисты доказали и въ настоящую компанію. Одно только подробное исчисленіе жертвъ, принесенныхъ колонистами южной Россіи, особенно меннонитами, было бы краснорѣчивою страницею въ исторіи этихъ колоній, служило бы живымъ свидѣтельствомъ ихъ любви къ Россіи, ихъ

---

[1]) «Вѣстникъ Европы», т. III, 1868 г., стр. 758.
[2]) Тамъ же стр. 358.
[3]) «Походныя записки въ войну 1853—1856 г.», П. Алабина. Ч. II, 20.

сочувствія нашему великому дѣлу. Я изъ опыта знаю» и т. д. Правда, «истинный другъ познается въ нуждѣ»; но говорятъ также «не всякому слуху вѣрь», а потому читателю такихъ противорѣчивыхъ отзывовъ, лично незнакомому съ колоніями, долженъ представиться вопросъ: кто же наконецъ изъ приведенныхъ писателей правъ, и кто ошибается? Что же такое наши колонисты—язва, или выгода для Россіи, чужеядные паразиты, или полезные граждане?.. И вопросъ этотъ становится тѣмъ неотвязчивѣе, что подобные же разнорѣчивые взгляды высказываются на каждомъ шагу, какъ неподлежащія сомнѣнію истины, не только въ литературѣ и обыденной жизни, но весьма нерѣдко и въ оффиціальной средѣ. Если же и здѣсь, и тамъ только изрѣдка раздается голосъ, благопріятный для колонистовъ, и если такіе голоса принадлежатъ обыкновенно людямъ, близко знакомымъ съ бытомъ колоній, то это не всегда избавляетъ ихъ отъ обвиненія въ пристрастіи и узкой исключительности. А между тѣмъ явленіе это доказываетъ только, на сколько огромное большинство нашего общества далеко отъ близкаго знакомства съ внутреннимъ бытомъ, съ исторіею русскаго народа, и какъ вообще мы падки на сужденія съ плеча, безъ фактическихъ, критически провѣренныхъ основаній. «Но—говоритъ К. Д. Кавелинъ [1])—мы сильны инстинктами, неясными стремленіями, непосредственнымъ чувствомъ и слабы разумѣніемъ; наша мысль не умѣетъ какъ-то совладать съ фактами и осилить нашу умственную разладицу. Источникъ этой умственной немощи глубоко скрытъ въ вѣковой привычкѣ смотрѣть на себя чужими глазами, сквозь чужія очки. Толстый слой предразсудковъ, въ которыхъ мы не отдаемъ себѣ отчета, присутствія котораго даже не подозрѣваемъ, мѣшаетъ намъ понимать себя правильнымъ образомъ. Думать и учиться мы стали поздно, гораздо позднѣе другихъ народовъ. Это дало намъ возможность пользоваться безъ большихъ усилій тѣмъ, до чего другіе народы дошли тяжкимъ трудомъ и горькимъ опытомъ. Но за то мы не привыкли думать и, принимая чужія мысли за свои, не выходимъ изъ духовнаго малолѣтства. Оттого нашъ собственный опытъ остается не продуманнымъ и жизнь наша есть стихійная, неосмысленная. Наши взгляды, убѣжденія выведены нами не изъ насъ самихъ и не изъ нашей исторіи, а приняты цѣликомъ отъ другихъ народовъ. Оттого мы и не умѣемъ связать прошедшаго съ настоящимъ, и все, что ни говоримъ, ни думаемъ, такъ безплодно, въ такомъ вопіющемъ разладѣ съ совершающимися фактами и съ ходомъ нашей исторіи. Правда, практическая наша жизнь и дѣятельность тоже часто, и даже очень часто руководились посторонними элементами вслѣдствіе нашего умственнаго рабства; но въ этой сферѣ чуждыя примѣси скоро давали себя чувствовать такъ сильно, что приходилось волей неволей отъ нихъ отказываться и слушаться одного здраваго смысла и народныхъ инстинктовъ. Но въ области мысли и пониманія мы испоконъ вѣка были покорными слугами другихъ и наша жизнь шла своей дорогой, а голова своей». Какъ ни жестокъ

---

[1]) «Вѣстникъ Европы» 1866 г., т. 2., стр. 330—331.

этотъ приговоръ, но онъ, къ сожалѣнію, слишкомъ справедливъ. Въ этомъ-то разладѣ жизни съ головой, въ неумѣніи связать настоящее съ прошедшимъ и въ нежеланіи провѣрить и продумать нашъ собственный опытъ, лежитъ, по нашему мнѣнію, важнѣйшая причина нашей неумѣлости тамъ, гдѣ требуются уже не одни слова, а мелочно-кропотливая работа, выносливое терпѣніе и практическая сообразительность, однимъ словомъ самое дѣло, надъ которымъ мы слишкомъ нерѣдко теряемся, путаемся и кончаемъ мыльными пузырями, видя, что дѣло ускользаетъ изъ рукъ и идетъ своей дорогой, вовсе не туда, куда клонила его наша голова.

Настоящіе, конечно, очень грустные выводы подтверждаются и господствующими у насъ взглядами на наши иностранныя колоніи. Причины, вызвавшія колонизацію въ Имперіи иностранцевъ въ широкихъ размѣрахъ, извѣстны читателю. Понятно, что эта колонизація могла имѣть только двѣ цѣли: политическую и культурную. Первая состояла въ томъ, чтобы колонизируемые украинные пустыри неразрывно связать съ ядромъ Имперіи, обративъ ихъ во владѣнія выгодныя, прочныя, граждански-благоустроенныя. Вторая стремилась къ созданію наглядныхъ примѣровъ иныхъ, лучшихъ сельскаго быта и хозяйственныхъ порядковъ. Обѣ эти цѣли гдѣ больше, гдѣ менѣе—въ колоніяхъ достигнуты; отвергать справедливость этого факта могутъ одни только невѣдѣніе и предубѣжденіе. Видѣть вредъ для Россіи въ томъ, что колонисты трудомъ своимъ оплодотворили значительную часть тѣхъ огромныхъ пустырей, которыхъ культура *во всемъ объемѣ* еще и по настоящее время составляетъ задачу будущаго,—доказывать это значитъ утверждать явную несообразность. По меньшей мѣрѣ, такою же несообразностью слѣдуетъ признать обвиненіе, что колонисты «ничему насъ не научили». Безпристрастно вникая въ сущность нашихъ коренныхъ реформъ, начиная съ 19-го февраля 1861 г., всякій можетъ и долженъ убѣдиться, что только въ послѣднее время въ основаніе быта нашихъ крестьянъ, этихъ предполагаемыхъ колонистскихъ учениковъ, стали укладываться начала, которымъ колонисты главнѣйше обязаны своимъ благосостояніемъ; что до 1861 года, общественные и хозяйственные порядки русскихъ крестьянъ, обусловленные финансовымъ и личнымъ закрѣпощеніемъ, de jure и de facto, могли быть только тѣмъ, чѣмъ были, и что иными они, при данныхъ условіяхъ, быть не могли даже въ томъ случаѣ, если-бы въ крѣпостную рамку, вмѣсто нашихъ Ивановъ и Пантелѣевъ, были втиснуты образцовые до этого фермеры Запада. Слѣдовательно, ничему не научились мы у колонистовъ уже потому, что при полномъ сознаніи превосходства и несомнѣнной полезности ихъ порядковъ, мысль объ усвоеніи этихъ порядковъ нашими крестьянами могла явиться только у людей, не понимавшихъ ни всеобъемлющаго зла крѣпостничества, ни опутаннаго имъ быта крестьянъ. Снявши же съ поселянъ, лично и по землѣ, крѣпостныя узы, попробуйте облегчить ихъ въ фискальномъ отношеніи, содѣйствовать упроченію ихъ общественнаго самоуправленія, общинно-поземельныхъ условій и семейно-наслѣдственныхъ порядковъ, не насилуя и не ломая жизни, а требуя лишь неуклоннаго усвоенія тѣхъ же основныхъ положеній, какія дѣйствуютъ у колонистовъ,

сдѣлайте такую попытку, и вамъ не долго пришлось-бы ждать тѣхъ послѣдствій, въ отсутствіи которыхъ до сего времени мы напрасно винимъ колонистовъ: крестьяне незамедлили-бы сдѣлаться не слѣпыми, конечно, подражателями колонистовъ (слѣпое подражаніе не мыслимо въ русскомъ человѣкѣ-практикѣ), а самыми внимательными сосѣдями ихъ, готовыми перенять все практически-пригодное и опытно-полезное. Но вправѣ-ли мы ожидать отъ крестьянина подобной переимчивости даже теперь, когда сами руководители его еще не вполнѣ уяснили себѣ то, что у колонистовъ, путемъ многолѣтняго опыта, уже давнымъ давно или окончательно отвергнуто, или же положительно признано и усвоено?... Едва-ли; по видимому, мы пока не успѣли додуматься даже до вполнѣ яснаго сознанія, что благоустроенная сельская община, и въ составѣ ея—поселянскій дворъ, такія же, но только несравненно болѣе сложныя экономическія ассоціаціи, какими мы признаемъ всякія иныя ремесленныя, промышленныя и торговыя товарищества, общества и компаніи; и что какъ послѣднія, такъ и первыя, одинаково подчиняются непреложнымъ экономическимъ и нравственнымъ законамъ, нарушеніе которыхъ неминуемо ведетъ къ разстройству поселянскихъ двора-хозяйства и общины. Если же это сознаніе и существуетъ, то нѣтъ у насъ продуманной и опытнымъ путемъ провѣренной системы, которой, по болѣе или менѣе общему сознанію, слѣдуетъ руководствоваться въ устройствѣ внутренняго быта нашего сельскаго состоянія. И отсутствіе такой системы, отражаясь на законодательствѣ, администраціи и судѣ, вноситъ въ жизнь шаткость и неурядицу, подрывающія благотворное дѣйствіе даже такихъ началъ, которыхъ раціональность не подлежитъ никакому сомнѣнію. Говоря это, мы далеки отъ мысли ставить наше колонистское общество идеаломъ совершенства; напротивъ, и здѣсь опытъ, подтверждая раціональность основныхъ положеній, съ тѣмъ вмѣстѣ настоятельно требуетъ ихъ дальнѣйшаго развитія *законодательнымъ путемъ*, такъ какъ *обычай*, самъ-по-себѣ, не можетъ удовлетворять требованіямъ развивающейся гражданственности, ищущей основаній твердыхъ, незыблемыхъ. Но важно то, что по закону основныя положенія колонистскаго быта одни и тѣже, и что дальнѣйшее развитіе этихъ основныхъ началъ практиковалось, *путемъ обычнымъ*, при широкомъ самоуправленіи и различныхъ мѣстныхъ бытовыхъ условіяхъ. Поэтому колонисты, въ частныхъ своихъ порядкахъ, пришли и къ поучительному разнообразію, а въ общемъ итогѣ—къ различнымъ выводамъ. И въ этомъ именно обстоятельствѣ заключается, по нашему убѣжденію, ручательство, что подробный анализъ исторической судьбы въ колоніяхъ тѣхъ самыхъ основныхъ положеній, которыя примѣняются нынѣ къ нашему сельскому состоянію вообще, но только въ иныхъ формулахъ и комбинаціяхъ, можетъ повести къ установленію общей нормальной системы сельскаго устроенія, болѣе или менѣе непогрѣшимой и вполнѣ пригодной для нашего крестьянства, тѣмъ болѣе, что колонистскіе порядки, по сущности своей, *чисто русскіе*. Самое поверхностное знакомство съ внутреннимъ бытомъ колоній доказываетъ, что ихъ сельско-общественному строю нѣтъ другого примѣра въ цѣломъ мірѣ, а сопоставленіе колоній съ изслѣдованіями о древней Руси приводитъ къ

убѣжденію, что самыя богатыя и наиболѣе благоустроенныя изъ колонистскихъ обществъ тѣ, въ отношеніи которыхъ правительство и само населеніе, по землѣ и фиску, придерживались основныхъ началъ тягло-повытной системы нашей общины или волости XV и XVI столѣтій [1]. Такимъ образомъ, прототипъ свободной русской земледѣльческой ассоціаціи, окончательно изуродованный крѣпостничествомъ путемъ насилій и злоупотребленій, прототипъ, начала котораго только придавлены, но никогда еще не вымирали на Руси, нашелъ свое убѣжище въ колоніяхъ, и здѣсь, на свободѣ и при попечительномъ содѣйствіи правительства, далъ свои плоды. И не странно-ли, что до сего времени подобный фактъ вызываетъ въ нашемъ обществѣ гораздо болѣе слѣпой вражды, нежели сочувственнаго желанія—ознакомиться съ нимъ ближе во всѣхъ его подробностяхъ и частныхъ проявленіяхъ?.. Не говоря уже о болгарскихъ колоніяхъ, населеніе нашихъ нѣмецкихъ колонистскихъ обществъ сложилось, какъ мы видѣли, во многихъ случаяхъ изъ элементовъ чрезвычайно разнородныхъ по обычнымъ понятіямъ и національности. И если этотъ винигретъ, уступая общинно-поземельной системѣ колоній, могъ сплотиться въ такіе, полные жизненности общественные организмы, какими являются наши колоніи; если организмы эти, отрѣшаясь мало по малу отъ привнесенныхъ со стороны различныхъ бытовыхъ понятій въ пользу иного, болѣе или менѣе чуждаго для первоначальныхъ поселенцевъ общественнаго строя, успѣли вполнѣ освоиться съ новыми порядками и упрочить свое матеріальное благосостояніе; и если, наконецъ, результаты эти достигнуты, какъ выше замѣчено, примѣненіемъ къ колоніямъ тягло-вытевой системы общиннаго землевладѣнія нашего до-крѣпостного періода, то намъ представляется другая сторона иностранной колонизаціи, настоятельно вызывающая русское общество на серьозное вниманіе и изученіе. Здѣсь же, знакомясь ближе съ исторіею и бытомъ колоній, мы легко можемъ уяснить себѣ ошибки прежняго времени, которыхъ слѣдуетъ остерегаться въ дѣлѣ колонизаціи вообще, и узнать тѣ начала, средства и пріемы, которыми обезпечивается несомнѣнный успѣхъ въ устройствѣ быта земледѣльческаго населенія. А въ такихъ именно указаніяхъ, обнимающихъ всѣ подробности организма, именуемаго сельскимъ обществомъ,—мы особенно нуждаемся. И это понятно. Въ современномъ, граждански-нормальномъ порядкѣ шла у насъ одна только колонизація иностранцевъ, но и она—не въ прошломъ, а только въ текущемъ столѣтіи. Что же касается колонизаціи собственно русскихъ людей, то ходъ этого дѣла и донынѣ представляется обыкновенно лишь грустною пародіею на колонизацію. Возьмемъ хоть Амурскій край, гдѣ есть мѣста, отъ которыхъ на тысячу верстъ во всѣ стороны нѣтъ ни кола, ни двора. Казалось-бы, незачѣмъ здѣсь скупиться отводомъ земель подъ поселеніе по свободному выбору самихъ переселенцевъ. Но пусть попробуетъ зайти туда партія крестьянъ. *Во-первыхъ*, ей не дадутъ за-

---

[1]) Нѣчто весьма близкое къ лично-общинному землевладѣнію нашихъ колонистовъ нѣмцевъ мы находимъ въ албанскомъ *фисѣ* или *фаресѣ*, и въ *задругѣ* и *кучѣ* сербовъ и болгаръ, которые перенесли свои порядки отчасти и въ наши болгарскія колоніи.

нять лучшихъ угодій, а посадятъ на земли менѣе цѣнныя, имѣя въ виду образовать изъ первыхъ «цѣнную оброчную статью» [1]. *Во-вторыхъ*, ей нарѣжутъ, въ обрѣзъ по числу *наличныхъ* душъ или семействъ, такую земельную дачу, что *первые* же приросты населенія приведутъ общество къ необходимости снимать изъ оброка сосѣдніе участки, тогда какъ для первыхъ двухъ-трехъ поколѣній возможный просторъ по землѣ есть одно изъ важнѣйшихъ условій успѣха всякой колонизаціи, и особенно колонизаціи такихъ пустырей, каковъ Амурскій край. *Въ-третьихъ*, о снятіи назначенныхъ для колонизаціи мѣстностей предварительно на планъ; о разбитіи ихъ, по мѣстнымъ *хозяйственнымъ* условіямъ, хотя-бы приблизительно, на участки, имѣющіе образовать округъ или волость, а затѣмъ этихъ участковъ на дачи владѣнія отдѣльныхъ сельскихъ обществъ и лицъ; о заготовленіи на мѣстѣ кое-какихъ запасовъ для ожидаемыхъ переселенцевъ и т. д.,—обо всемъ этомъ колонизація русскихъ людей вѣдала слишкомъ мало.

Въ этомъ отношеніи замѣчательно, напр., появившееся около половины іюля 1868 года въ нашихъ газетахъ объявленіе начальника Ставропольской губерніи, гдѣ, какъ извѣстно, послѣ выхода въ Турцію татарскаго населенія, а затѣмъ, по замиреніи Кавказа, и горскихъ племенъ, образовались громадныя территоріи пустующихъ земель. «Количество просьбъ, поданныхъ о перечисленіи изъ другихъ губерній въ Ставропольскую,—сказано въ объявленіи—такъ значительно, что не представляется возможности удовлетворять всѣ поданныя просьбы, а тѣмъ менѣе принимать вновь прошенія на перечисленіе безъ пріемныхъ приговоровъ тѣхъ обществъ (?), къ коимъ переселенцы желаютъ причислиться. Ставропольскій губернаторъ объявляетъ объ этомъ во всеобщее свѣдѣніе, во *избѣжаніе напраснаго раззоренія, коему подвергаются многіе переселенцы*, распродавая свои имущества на родинѣ и отправляясь въ Ставропольскую губернію въ надеждѣ на причисленіе безъ пріемныхъ приговоровъ». Думаемъ, что ставропольскому начальству едва ли приблизительно извѣстно: въ какихъ границахъ—соотвѣтственно мѣстнымъ хозяйственнымъ условіямъ—состоящія въ его вѣдѣніи земельныя угодія должны быть распредѣлены на отдѣльныя владѣнія, и какое именно число переселенцевъ, безъ важныхъ затрудненій, можетъ быть призвано на каждый дробный участокъ. А между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что колонизація Ставропольской губерніи могла бы идти успѣшнѣе и случаевъ «напраснаго раззоренія» крестьянъ не было-бъ вовсе, если-бы мѣстное началь-

---

[1]) Мы говоримъ это на томъ основаніи, что въ Европейской Россіи и теперь еще *выборъ* крестьянами-переселенцами земель тянется иногда цѣлые годы, безъ желаемаго результата, и *единственно потому только*, что выборъ крестьянъ, какъ само собою понятно, падаетъ *на лучшія земли*, въ отводѣ которыхъ имъ отказываютъ «*по уваженію высокой цѣнности просимыхъ участковъ*». Но было-бы, кажется, крайне неразумно начинать колонизацію съ худшихъ земель, переходя по занятіи ихъ—къ среднимъ, а затѣмъ уже и къ лучшимъ угодіямъ. Здравый смыслъ, а также и правильный экономическій разсчетъ указываютъ на обратную систему. Къ тому же мы признаемъ за непреложную истину, что *для государства*, и *самая цѣнная* оброчная поземельная статья сдѣлается *еще цѣннѣе* въ рукахъ осѣвшихъ на ней земледѣльцевъ-пахарей, хотя-бы послѣдніе платили за нее собственно *оброчной подати* гораздо меньше прежняго *аренднаго оброка*.

ство могло заявить *положительно*, что въ его распоряженіи остаются свободными для раздачи подъ поселеніе такіе-то именно участки, съ подробнымъ описаніемъ хозяйственныхъ условій и пространства каждаго изъ нихъ, и съ обозначеніемъ точнаго числа душъ или семействъ, могущихъ быть водворенными на участкѣ и при какихъ условіяхъ. Но при существующемъ порядкѣ, объявленія, подобныя вышеприведенному, не остановятъ *самовольныхъ* переселеній и не предупредятъ частныхъ случаевъ «напраснаго раззоренія», тѣмъ болѣе, что русскій человѣкъ, путемъ горькаго опыта и гонимый нуждою, привыкъ вѣрить въ успѣхъ не правительственныхъ, а самовольныхъ переселеній. Послѣднія, при всей рискованности ихъ, въ глазахъ крестьянина имѣютъ уже ту выгоду, что волей-неволей *вынуждаютъ* у администраціи болѣе вниманія и поворотливости въ дѣлѣ обсужденія народныхъ нуждъ. Тѣже недостатки мы встрѣтили и въ объявленіи управляющаго удѣльными землями въ Приморской области Восточной Сибири, приглашающаго къ поселенію тамъ русскихъ и иностранцевъ.

Съ другой стороны, нашихъ quasi-патріотовъ пугаетъ иногда вопросъ о политической благонадежности иностранныхъ поселенцевъ. Инымъ, при особенно болѣзненномъ воображеніи, мерещатся въ колоніяхъ признаки враждебности, а чего добраго—даже призраки сепаратизма, измѣны. Какъ ни нелѣпы подобнаго рода опасенія, но обойти ихъ молчаніемъ кажется намъ не совсѣмъ удобнымъ. Конечно, было-бы совершенно достаточно привести себѣ въ сознаніе тотъ исторически-несомнѣнный фактъ, что вездѣ и повсюду самымъ консервативнымъ элементомъ въ государствѣ является благоустроенное земледѣльческое сословіе, страдающее нерѣдко даже избыткомъ привязанности къ преемственнымъ порядкамъ и рутинѣ. Чѣмъ богаче и обезпеченнѣе политико-соціальный бытъ земледѣльца, тѣмъ болѣе онъ привязанъ къ землѣ, тѣмъ болѣе онъ заинтересованъ въ поддержаніи власти и порядковъ, обусловливающихъ свободное и спокойное пользованіе плодами собственнаго труда. Весь сепаратизмъ пахаря-крестьянина приводится лишь къ устраненію имъ изъ своей среды всего того, что нарушаетъ порядокъ, спокойствіе и свободу труда, имѣющіе въ земледѣльческомъ быту такую цѣну, какъ нигдѣ. Наши колонисты не составляютъ исключенія изъ этого общаго правила. Нашедши въ Россіи, по меньшей мѣрѣ, все то, за чѣмъ каждогодно десятки, сотни тысячъ ихъ прежнихъ соочичей отправляются на рискъ чрезъ океаны, наше колонистское населеніе явилось-бы нравственнымъ уродомъ, если-бъ не чувствовало искренней привязанности къ своему новому отечеству. Справедливость этого заключенія подтверждаетъ, какъ выше указано, и г. Алабинъ. Какъ очевидецъ, онъ расказываетъ, что въ восточную войну, во время форсированнаго передвиженія нашихъ войскъ съ Дуная въ Крымъ, колонисты «ни разу не дозволяли постояльцамъ своимъ варить казенную кашу, а сами ихъ кормили, да еще и на дорогу снабжали кускомъ мягкаго хлѣба или лепешки». Далѣе — по его же словамъ, вполнѣ подтверждаемымъ и оффиціальными свѣдѣніями, «съ пространства верстъ на 500 въ окружности, колонисты явились въ

числѣ болѣе 5,000 человѣкъ на своихъ прекрасныхъ фургонахъ и, добровольно предложивъ свои услуги, прокатили въ самое короткое время трехсотверстное разстояніе весь 4-й корпусъ: артиллерійскую прислугу, стрѣлковъ и саперовъ, при чемъ кромѣ ласки съ ихъ стороны, кромѣ добраго слова, кромѣ братскаго привѣта, никто отъ нихъ ничего не слыхалъ». Впослѣдствіи, колонисты же на нѣсколькихъ стахъ подводахъ привезли въ армію на Черной рѣчкѣ «множество всякой всячины добровольнаго приношенія солдатамъ: горы кортофеля, луку, фасоли, ячменя, овса». Наконецъ молочанскіе и крымскіе меннониты и колонисты, взявъ изъ Симферополя и съ поля Альминскаго боя, на полное свое попеченіе, болѣе 5,000 раненныхъ и больныхъ, увезли ихъ въ свои колоніи, дали отличное помѣщеніе и т. д., требуя только медиковъ и лекарствъ. Впрочемъ колонисты южной Россіи, какъ увѣрялъ насъ не одинъ изъ участниковъ севастопольской драмы, приносили нашей арміи во всю крымскую компанію едва-ли не важнѣйшую пользу—громадностью производимыхъ ими продовольственныхъ запасовъ и въ качествѣ возщиковъ, успѣшнѣе которыхъ никто не боролся противъ бездорожья, неоднократно грозившаго нашей арміи бѣдствіями голода, недостаткомъ боевыхъ снарядовъ, оружія и запасовъ. Но въ то критическое время и въ отдаленныхъ отъ театра войны колоніяхъ, (напр. на нашихъ глазахъ, въ поволжьѣ) усердно стекались огромныя пожертвованія деньгами, сухаремъ и корпіемъ. Вообще же оффиціальныя дѣла вполнѣ подтверждаютъ, что колонисты всегда и во всякое время сочувственно откликаются во всѣхъ случаяхъ, когда общественныя потребности и бѣдствія взываютъ о помощи. Такъ, въ зиму 1862—63 года, два молочанскихъ волостныхъ общества, меннонитское и колонистское, добровольно и безвозмездно пріютили у себя до 6,000 душъ Виддинскихъ болгаръ, пришедшихъ, по милости турецкихъ властей, въ Таврическую губернію позднею осенью голодными и полунагими. Колонисты отвели имъ квартиры, съ полнымъ содержаніемъ, употребивъ на это дѣло изъ своихъ общественныхъ суммъ и мірскихъ сборовъ до 92,000 рублей. Услуга эта имѣла тѣмъ болѣе цѣны, что бывшіе въ тѣ годы неурожаи хлѣбовъ, истощивъ на югѣ Россіи всѣ мѣстные запасы, ставили правительство въ почти безвыходное положеніе въ отношеніи массы переселенцевъ, русскихъ и заграничныхъ, только что прибывшихъ къ мѣстамъ водворенія. Наконецъ, на послѣдній призывъ о помощи голодающимъ, одни поволжскіе колонисты пожертвовали болѣе 25 тыс. рублей, объясняя при этомъ, что они сдѣлали-бы болѣе, еслибъ трехлѣтній неурожай 1864—1866 гг. не разстроилъ ихъ собственнаго благосостоянія.

И подобныхъ фактовъ мы могли-бы привести еще цѣлый рядъ; но полагаемъ и сказаннаго достаточнымъ, чтобы побудить нашихъ quasi-патріотовъ быть осторожнѣе въ своихъ сужденіяхъ о политической благонадежности людей, для которыхъ, какъ доказываетъ опытъ, высылка за границу, на родину предковъ, давно уже сдѣлалась однимъ изъ тягчайшихъ наказаній не въ смыслѣ уголовнаго кодекса, а на дѣлѣ. Обстоятельство это вполнѣ объясняется, по нашему мнѣнію, тѣмъ, что успѣхъ нашей

иностранной колонизацiи есть только результатъ осмысленнаго приложенiя къ жизни и свободнаго гражданственнаго развитiя истинно русскихъ началъ сельско-земледѣльческаго устроенiя, а съ тѣмъ вмѣстѣ и доказательство въ пользу несомнѣнной рацiональности и общечеловѣческаго значенiя этихъ началъ, одинаково легко и успѣшно усвоенныхъ нѣмцами, французами, шведами, кашубами и другими славянскими и неславянскими нацiональностями. Но, вмѣстѣ съ усвоенiемъ русскихъ общественныхъ порядковъ, выходцы эти стали въ такое же противорѣчiе съ своими прежними соотчичами, какъ и коренное русское общество: нашему колонисту общиннику нѣтъ мѣста на Западѣ уже вслѣдствiе привившихся къ нему, вошедшихъ въ плоть и кровь его, русскихъ соцiальныхъ воззрѣнiй. Поэтому остается только желать, чтобы не только въ Россiи вообще, но и въ нашихъ колонiяхъ, повсюду осуществилась наконецъ и вошла въ жизнь высокая мысль вѣнценосца, еще полвѣка тому назадъ указывавшаго, что нравственное и духовное воспитанiе народа должно идти на ряду съ его вещественнымъ благосостоянiемъ, такъ какъ въ этомъ условiи заключается «единственное условiе, чтобы добро было прочное».

ПРИЛОЖЕНІЕ I.

«Reise-Beschreibung der Kolonisten, wie auch Lebensart der Russen» von einem Officier Plahten. (1764—1770).

1.

Was ist das für ein Schmerz,
Dass ich muss Deutschland meiden
Und nun, als Kolonist,
Viel' Plag' und Kummer leiden;
Betrübniss, viel Verdruss,
Zu Wasser und zu Land;
Drum bin ich ärgerlich
In diesem neuen Stand.

2.

Stadt Lübeck war der Ort,
Wo man thät engagiren;
Da konnte, wer da wollt'
Jung, Alt, ja Gross und Klein,
Zu diesem Gastgebot
Bald eingeladen seyn.
Drum thät ich alle Tag'
Mir mit Gedanken quälen.

3.

Mundirung, Geld und Gut
Thät mir nun gänzlich fehlen;
Kurz, meine ganze Sach'
War herzlich schlecht bestellt;
Ich konnt' es ohne Klag'
Vor Leuten nicht verhehlen:
Ich musste barfuss gehen,
Kein Schnapps war nicht zu wählen.

4.

Drauf resolvirt ich mich
Auch mit dahin zu gehen;
Ob ich mein Glück nicht könnt'
In Russland blühen sehen.
Ging also eiligst hin
Zum Werbungs-Commisär,
Sagt, dass ich ein Officier,
Auch gut von Adel wär.

5.

Bat mir zur Gnade aus,
Der Kaiserin zu dienen,
Deshalb wär ich allda
Nach Russland jetzt erschienen,
Um diese Reis' zu thun
Mit in das neue Land.
Ich kam auch alsogleich
In den Colonistenstand.

6.

Acht Schilling alle Tag'
Bekam ich zu verzehren,
Konnt' geh'n wohin ich wollt,
Hat' mich an Nichts zu kehren.

So lebt' ich vierzehn Tag'
Ganz ruhig im Quartier.
Allein da ging's zu Schiff —
Ein sehr betrübt' Blamier.

7.

Da ward ein jeder Mann
Mit Proviant versehen,
Um so nach Petersburg
In's Schiff hinein zu gehen.
Allein conträrer Wind
Macht' uns die Reise schwer;
Das Proviant ging auf,
Die Taschen wurden leer.

8.

Sechs Wochen mussten wir
Die Wasserfahrt ausstehen,
Angst, Elend, Hungersnoth
Täglich vor Augen sehen;
Also, dass wir zuletzt
Salz, Wasser, Schimmel-Brodt,
Zum Lebensunterhalt,
Erhielten kaum zur Noth.

9.

Bis diese Glücksstund' kam
Oranienbaum zu sehen,
Da thät ein Jeder nun
Mit Freud' vom Schiffe gehen.
Quartierten vierzehn Tag'
Uns in die Häuser ein;
Von da nach Petersburg
Ja all' zum Schiff hinein.

10.

Bei dieser Hauptstadt nun
Thät'n wir drei Wochen bleiben
Und auf dem Wasser uns—
Im Schiff die Zeit vertreiben.
Darzu bekamen wir
Zehn Kreuzer in die Hand,
Weil uns drei Groschen Tag's
An Abzug war bekannt.

11.

Dies kam mir spanisch vor,
Weil's theuer war zu leben;
Mein Geldsack war betrübt
Und keiner wollt' was geben.
Da dacht ich bei mir selbst:
Dies ist ein schlechter Spas;
Das Geldchen ist verzehrt
Und hast noch keinen Fras.

12.

Wo dieses lange währt,
Wie wird es mir noch gehen?
Viel Kranke thät ich auch
Auf allen Seiten sehen!
Doch hielt ich ruhig aus
Und bat auch inniglich,
Um nur gesund zu seyn,—
Das Andre findet sich.

13.

Drum Leser finde dich,
So wie ich mich thät finden;
Vielleicht hab'n wir's verdient
So weit mit unsern Sünden.
Hab' Hoffnung und Geduld
Und sey mit dich vergnügt,
Wirf alle Sorge weg
Die dir am Herzen liegt.

14.

Drum werden wir gesund
Nach Saratow hinkommen,
Dieweil wir schon den Weg
Nach Schlüsselburg genommen.—
Ach Himmel, hilf uns bald,
Von dieser Wasserqual!
Wir fuhren auch gar bald,
Gar hoch und tiefe Thal.

15.

Allein noch wenig Trost:
Wir mussten weiter reisen,

Bis dass wir bei der Stadt
Passirten durch die Schleussen.
Da kam'n wir endlich hin
Zur Stadt hiess Nowgorod;—
Hier spielte abermal
Mein Geldsack ein Bankrott.

16.

Nun hört ich: dreissig Werst
Wird man zu Schiff noch gehen;
Dann wird man uns zu Land
Bald auf die Wagen sehen,
Da werd'n wir alle Nacht
Stets kommen ins Quartier.
Nun, dacht ich bei mir selbst
Dies Reisen freuet mir.

17.

Allein, potz sapperment!
Ich hab' es wahrgenommen;
Ich bin bei Tage nicht
Zu einem Sitz gekommen,
Da hiess es: «laufe nur
Und geh' beim Wagen her!»
Dies waren harte Wort'
Und fiel'n mir herzlich schwer.

18.

Und wenn den ganzen Tag
Wir dann recht müd' gegangen
Und hatten zum Quartier
Ein sehnliches Verlangen,
Dieweil mein matter Leib,
Vor Kält' und Hungersnoth,
Ja gerne ruhen wollt',
Sich sättigen mit Brod.

19.

Wir mussten vierzehn Tag'
Beim Wagen patrolliren
Und Weiber mit Bagage
Zu Lande transportiren.
Hier wurden viele krank
Und viele blieben todt;
Die Kindelein voraus,
Die litten grosse Noth.

20.

Da kamen wir zur Stadt,
Wo wieder Schiffe lagen;
Hier wollten wir uns nun
Vor Kälte schon beklagen.
Allein, was war zu thun,
Man musst' zur Bark' hinein,
Dieweil noch kein' Quartier
Für uns bestimmet seyn.

21.

Da rief ein Jeder nun:
Wie thut man uns fixiren!
Doch halt, das Wasser wird
In ein'gen Nächten frieren.
Und wie denn auch geschah—
Zu Torschok, hiess der Ort,
Drum schreibe ich anjetzt
Hier meine letzte Wort.

22.

Doch halt, es fällt mir ein
Schon wieder Was zu schreiben.
Wir kamen allesammt
Mit einer Bittschrift ein:
Dass wir doch in Quartier
Im Winter möchten seyn.

23.

Da dieses nun hiess: ja,
Man soll uns einquartiren,—
Dieweil ein Jeder glaubt',
Er werde bald erfrieren,—
Transportirte man uns gleich
Ja in die Dörfer ein,
Wo wir auch dazumal
Gleich einquartieret seyn.

24.

Da ich nun diese Zeit
Sehr Vieles ausgestanden,

Dennoch nicht böse ward
Mit Schelten, Fluch und Banden;
Obschon mein neu Quartier
Sehr traurig thät aussehen—
Doch musst ich mit Geduld
Dies alles überstehen.

25.

Dieweil ich mich erfreut—
Die Russen anzuschauen.
Sah mit Verwunderung
Wie sie ihr Land bebauen.
Das wird nicht recht gepflügt,
Nicht ordentlich besät
Und, wenn die Früchte reif,
Von Herzen schlecht gemäht.

26.

Da ruht auf manchem Land
Ja wirklich reicher Segen.
Weil hier an dem Verstand
Der Bauer sehr verlegen:
Dann nehmen sie ein Pferd
Mit ein klein Wägelein
Und legen's auf ein Hauf;
Das muss die Scheuer seyn.

27.

Der Regen, Wind und Schnee,—
Der muss nun Ordnung halten;
Hanns Russmann sitzt im Haus,
Thut weiter nichts verwalten,
Bis dass die grösste Noth
Und ihn der Hunger treibt.
Nun spricht er; «Matschka komm;
Hol', was noch übrig bleibt.»

28.

Dann nimmt er dickes Holz—
Fängt grausam an zu schlagen;
Ja, wenn ich es ansah,
Ich thue bald verzagen,
Dass so ein Unverstand
Und reicher Segen war:
Vor Faulheit stinckt der Russ',
Das ist ja hell und klar.

29.

Sonst, Russlands Gegenden—
So ich bisher gesehen—
An Holz und Wies und Feld
Kann alle Zeit bestehen;
Nur, dass es von Natur
Dem Winter ist bekannt:
Wer wenig auf dem Leib—
Dem friert auch Fuss und Hand.

30.

Nun hab' ich in der Kürz
Des Landes vorgenommen.
Jetzt will ich auf die Tracht
Und Lebensarten kommen,
Dieweil ich Winterszeit
Hab' Alles angesehen.
Es ist recht in der That
Und wirklich so geschehen.

31.

Als ich das erste Mal
In mein Quartier getreten,
Da hört' ich ja den Russ'
Stark seufzen, stöhn'n und beten,
Und waren Jung und Alt
Von Herzen sehr betrübt,
Weil man den Kolonist
Ihm in's Quartiere giebt.

32.

Und Batschka sein Gestalt
War böse anzuschauen;
Sein haariges Gesicht,
Dem thät ich gar nicht trauen.
Er ging fast völlig nakt,—
Im blossen Hemd' allein,
Und Matschka musst' mit ihm
Stets auf dem Ofen seyn.

33.

Ich guckt' ins Ofenloch,—
Weil oben alle lagen;

Sie wollten mich bald all'
Mit Faust und Finger schlagen.
Doch mit dem grossen Bart, [1])
Der kam vorher hinein,
Wo Batschka, Matschka auch
Bald nachgefolget seyn.

34.

Doch weil es Morgen war
Und ich vom Schlafe kam,
Sah ich den Russenmann,
Wie auch die Baba an.
Ich dachte bei mir selbst:
«Was soll denn das bedeuten —
Die geh'n ja bloss im Hemd
Und das vor allen Leuten!»

35.

Doch hatten Gross und Klein
Die Spindel in der Hand
Und nach der Ofenplatte
Sich Alle zugewandt.
Ich hatte nun die Stub'
Vor mir allein zu sehen:
Nur Hühner, Schwein' und Schaaf'—
Davor konnt' ich kaum gehen.

36.

Die führten sich dabei
Auch ziemlich schmutzig auf.
Da dacht ich bei mir selbst:
Hier gehst du auch wohl drauf.
Allein, was war zu thun
Bei diesen kalten Tagen,
Da man die warme Stub'
Sehr gerne thut vertragen.

37.

Drum ging ich ab und an
Mit Matschka, Batschka, Weib,
Und sah die Tafel an
Zu meinem Zeitvertreib.
Die Aelteste im Haus—
Die thät mir allzeit kochen;
Doch sah ich wenig Fleisch,
Desfalls auch wenig Knochen.

38.

Allein Kapusta, Quast,
Hirse und Haide-Grütz—
Das macht sie sich die Woch'
Und alle Tag' zu Nutz.
Und wenn sie dann gekuscht,
Die Jungen mit den Alten,
Dass keiner bei dem Tisch
Was weiter zu verwalten,

39.

Da ging es mit Gewalt
Wohl auf den Ofen zu.
Da lagen sie zwei Stund'
Und hielten gute Ruh'.
Alsdann erwachten sie.—
Bald Einer nach dem Andern;
So thät Hans-Batschka auch
Wohl nach dem Hofe wandern:

40.

Haut' ein'ge Stücke Holz,
Gab seinem Pferde Stroh—
Und war mit seinem Bart
In seinem Herzen froh.
Ja' wenn ich darauf komm,
Wie schlecht das Vieh gehalten:
Zwei alte dürre Pferd'—
Die müssen Das verwalten,

41.

Was man in Deutschland kaum
Mit zween Pferde kann;
Und mit der grössten Fuhr'
Spannt Batschka eins nur an.
Kein Hafer oder Korn
Sieht man dem Vieh hier geben;
Doch aber gutes Heu—
Dabei muss Alles leben.

---

[1]) Вѣроятно—десятскій или сотскій.

42.

Milch ist im Ueberfluss,
Doch Käs' und Butter nicht,
Weil es der Bauer hier
Nicht weiss wie's zugericht.
Nun ist es wahr gesagt
Von dem gemeinen Leben,
Als von dem Bauernstand—
Wovon die Red' thut geben:

43.

So arbeitet er nicht viel,
Er lebt auch herzlich schlecht;
Er führt auch keinen Staat—
Der Herr geht wie der Knecht.
Kein Silber, Seidenzeug;
Nur lauter Leinwan-sachen;
Das lässt er sich im Haus
Von seiner Matschka machen.

44.

Kein' Stiefel, keine Strümpf';
Ja, auch sogar die Schuh'—
Da nimmt er aus dem Wald
Von Bäumen Bast dazu.
Doch hat er einen Pelz,
Den trägt er Winterszeiten;
Und das nicht alle Tag'—
Nur wenns was soll bedeuten.

45.

Sonst sind sie von Natur
Hier schon so hart gewöhnt;
Sie hab'n den Anzug nicht,
Dass es der Mühe lohnt.
Und mir war so zu Muth
In diesen kalten Tagen—
Ich scheu' mich fast davor
In meiner Schrift zu klagen.

46.

Mir fror mein Herz im Leib,
Mein Geldsack fror mir ein;
Dessfals musst' Matschka stets
Mit mir beim Ofen seyn.
Nun die Mobilien im Haus—
Ich muss sie auch beschreiben.
Des Morgens konn't vorerst
Ich nicht im Zimmer bleiben—

47.

Vor Rauch und dickem Dampf,
Weil hier kein Schornstein war,
Bis dass mein Mittagsbrod
Im Ofen fertig war.
Gorschok und Badeika—
Wie wir die Töpf' thun nennen—
Lernt man im Ueberfluss
In ihrer Wirthschaft kennen.

48.

Kein Kessel, Kupferzeug,
Kein Eisen, Zinn, noch Blei;
Nur eine Küchenpfann'—
Die ist noch wohl dabei.
Sonst all' ihr Hausgeräth'—
Als Schüssel, Löffel, Teller—
Dies Alles ist von Holz
Und kostet nicht zwei Heller.

49.

Die Fenster sind von Glas,
Doch nur zwei Scheibelein,
Dass kaum die liebe Sonn'
Kann geben ihren Schein.
Kein Bette lieben sie:
Die Bank und auch der Ofen—
Da muss die Matschka nun
Den Batschka innig loben,

50.

Dass er in diesem Stück
Hier thut was sich gebührt,
Dass er so manches Kind
Hier oben ....
Auch ist hier der Gebrauch
Sich wöchentlich zu baden:
Dies ist recht russ'sche Lust
Einander einzuladen.

51.

Was Batschka nun im Haus
Die Woch' versäumet hat,
Zahlt er der Matschka aus
Ganz nakt im Wasserbad.
Auch fällt mir dabei ein,
Ich sah vor ein'gen Tagen,
Halt ein, ich mag es nicht
Vor allen Leuten sagen.

52.

Ich sass an meinem Tisch —
Schrieb diesen Lebenslauf,—
Lag Matschka auf der Banck
Und Batschka ....
Was hier nun ist gescheh'n
Das kann ich zwar nicht wissen,
Nur dass ich wirklich sah
Den Batschk' die Matschka küssen.

53.

Was bei dem Küssen ist
Nun weiter noch geschehen,
Das hab' und mocht' und wollt'
Und konnt' ich auch nicht sehen.
Wo komm ich aber hin,
Was brauch' ich mehr zu schreiben;
Ich will bei meinem Marsch
Und Reisbeschreibung bleiben.

54.

Wir liegen noch allhier
Ganz ruhig im Quartier.
Ich glaub wir gehn nunmehr
Jetzt balde weg von hier.
Nun, da es auch so hiess:
Wir sollen weiter reisen,
Man wird uns morgen schon
Auf eine Barke weisen;

55.

Drum danck' ein Jeder jetzt
Für noch gesund zu seyn.
Ein Jeder geh' mit Freud
Zu seinem Schiff hinein,
Damit wir dermaleinst
Auch mögen dahin kommen—
Zum angewies'nen Ort,
Den wir uns vorgenommen.

56.

Mir deucht, es brauset schon
Der alte Wolgastrom:
Hier lag auch eine Stadt—
Die hiessen sie Castrom'.
Spannt nun die Segel auf
Und lasst die Wellen toben!..
Und hilft das Glück uns hin,
So wollen wir es loben.

57.

Anjetzt schon sieben Städt'
Mit Glück vorbei passirt;
So es uns auch gar bald
Nach Saratow hinführt.
Der Schiffer sieht ja auch
Kosakenstadt schon liegen,
Und wenn die Augen mir
Nicht mit Gewalt betrügen,

58.

So seh ich schon die Stadt
Mit Namen Saratow;
Und in zwei gute Stund'—
So sind wir alle dort.
Mein Freund, wie mir zu Muth!—
Wie ich war angekommen
Kurage, Herz und Muth,
Dies war mir All's benommen.

59.

Ich dachte bei mir selbst:
Ist das der schöne Ort?..
Der hat nicht mal ein Thor,
Viel wen'ger eine Pfort.»
Lang quälen ist der Tod—
Wir haben uns ergeben;
Mag kosten Haut und Haar,
Herein ins wilde Leben!,.

60.

Seht Kinder, sehet doch—
Kosakenstadt ist da!..
Und uns're See des Seins
Die liegt in Saratow.
«Herunter von dem Schiff!
Man wird euch Oerter zeigen,
Wo Korn und Maisfeld,
Auch Aepfel, Pflaumen, Feigen,

61.

Vor wild auf Feldern wächst.
Denckt nur an's Paradeis»!
Ich glaub' kaum Gerste-grütz,
Viel weniger noch Reis.
Doch tröst't euch mit Geduld
Und lasst die Hoffnung grünen;
Seht frei und fröhlich aus,
Macht auch nicht böse Mienen.

62.

Obschon das Herze weint,
So lächelt doch der Mund.
«Ihr krieget Land und Sand
In einer viertel Stund'.
Ihr Bauern, tretet aus.
Man ruft euch Kolonisten!
Hier gilt kein Bürger nicht
Und auch kein' Proffesionisten;

63.

Kein Adel-Charackter,
Kein Amtrecht, kein Off'cier!
Ihr müsst nun Bauern seyn;—
Da ist kein Rath dafür.»
O weh; was sagt mein Herz?..
Was quälen mir Gedanken!
Wie viele sah ich krank,—
Ja, gar auch Sterbens-Kranke.

64.

Ich dachte hin und her:
«Soll ich ein Bauer sein?..
«Da schlage Pulver, Blei
Und alle Flämm hinein»!..
Nun wurden wir vertheilt,
Als wie in Noahs Kasten;
Wer nichts zu fressen hat—
Bereite sich zum Fasten.

65.

Doch wer nur fleissig ist
Und keine Faulheit übt—
So lebt der Vater noch,
Der uns zur Nahrung giebt.
Nun lebet alle wohl,
Ihr Kolonisten-Brüder!..
Das Freuden-Lied ist aus,
Jetzt mach' ich Trauer-Lieder.

66.

Man hat aus mir, Off'cieren,
Ein'n Präceptor gemacht.
Bleibt jetzt all' gesund;
Ich sage gute Nacht;
Nun hiess es «weg vom Schiff;
Man wird euch Oerter zeigen.
Jetzt seyd ihr Mann für Mann
So gut wie Leibeigen.—

67.

Da habt ihr euren Fleck,
Nun schafft euch euer Brod;
Arbeiten müsset ihr
So lang bis in den Tod.»
Und wenn ihr g'nug geschafft,
So ist es dann vollendet.
Dann heisst es: grosse Noth,
Viel Arbeit—wenig Brod.—

Finis.

ПРИЛОЖЕНІЕ II.

Вѣдомость о колоніяхъ иностранныхъ поселенцевъ, основанныхъ на земляхъ по надѣлу отъ казны и состоящихъ въ вѣдѣніи Министерства Государственныхъ Имуществъ.

№№ по порядку.	Наименованіе: а) вѣдомства; б) губерній и уѣздовъ; в) округовъ; и г) колоній. Незаселенные земельные участки.	Когда основаны.	Земельный надѣлъ.		Число муж. пола душъ по 10 ревизіи.				Причитается надѣла на душу.
			Количество всего надѣла удобн.	Размѣръ нормальнаго надѣла удобн.	Надѣленныхъ землею.		Безземельныхъ.		
		Годъ	Десят.	Десят.	Душъ.	Сем. двор.	Душъ	Сем.	
	А. ВѢДОМСТВО САРАТОВСКОЙ КОНТОРЫ ИНОСТРАННЫХЪ ПОСЕЛЕНЦЕВЪ.								
	I. САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.								
	Царицынскаго уѣзда.								
1	Сарепта [1])	17$\frac{65}{66}$	По планамъ генеральн. межеванія: 4443	—	231	—	—	—	—
	Саратовскаго уѣзда.								
	1) Ягоднополянскій округъ.								
2	Ягодная поляна	1767	7959	По 15 д. на душу 8 ревизіи.	1998	$\frac{507}{441}$	—	—	3,8
3	Побочная.	1772	2840		892	$\frac{478}{492}$	—	—	2,7
4	Новая Скатовка (Ней-Штрабъ). (Переселенцы изъ к. Статовки, Тард. окр. Самарской губ.)	1802	1584		498	$\frac{95}{110}$	—	—	2,8
	Итого въ Ягоднополянскомъ округѣ и Саратовскаго уѣзда.		12383		3338	$\frac{780}{743}$	—	—	3,2
	Камышинскаго уѣзда.								
	2) Илавлинскій округъ.								
5	Розенбергъ.	Съ 1850 по 1853 г.	По планамъ хозяйств. съемки: 4711	По 14$\frac{1}{2}$ д. на душу 9 ревизіи.	368	$\frac{126}{100}$	—	—	12,8
6	Унтердорфъ		3136		245	$\frac{75}{52}$	—	—	12,8
7	Маріенфельдъ		4339		339	$\frac{105}{55}$	—	—	12,8
8	Іозефсталь.		4493		351	$\frac{103}{80}$	—	—	12,8
9	Эрленбахъ.		3955		309	$\frac{82}{58}$	—	—	12,8

№№ по порядку.	Наименованіе: а) вѣдомства; б) губерній и уѣздовъ; в) округовъ; и г) колоній. Незаселенные земельные участки.	Когда основаны.	Земельный надѣлъ. Количество всего надѣла удобн	Земельный надѣлъ. Размѣръ нормальнаго надѣла удобн.	Число муж. пола душъ по 10 ревизіи. Надѣленныхъ землею.		Безземельныхъ.		Причитается надѣла на душу.
		Годъ	Десят.	Десят.	Душъ.	Сем. двор.	Душъ	Сем.	
			По планамъ хозяйств. съемки:						
10	Обердорфъ	Съ 1850 по 1853 г.	4365	По 14½ д. на душу 9 ревизіи.	341	$\frac{90}{82}$	—	—	12,8
11	Ней-Норка		3597		281	$\frac{91}{79}$	—	—	12,8
12	Александерталь		2458		192	$\frac{33}{32}$	—	—	12,8
	Итого въ Илавлинскомъ округѣ		31057		2426	$\frac{705}{538}$	—	—	12,8
	Примѣчаніе. Земли Илавлинскаго округа показаны по хозяйственной съемкѣ.								
	3) Сосновскій округъ.		По планамъ генеральн. межеванія:						
13	Сосновка (Шиллингъ)	Съ 1764 по 1766 годъ.	2891	По 15-ти дес. на душу 8 ревизіи.	880	$\frac{274}{191}$	—	—	2,8
14	Таловка (Бейдекъ)		2857		1414	$\frac{285}{243}$	—	—	1,6
15	Голый Карамышъ (Бальцеръ, Панцырь)		3621		1960	$\frac{361}{420}$	—	—	2,8
16	Севастьяновка (Антонъ, Антоновскій)		2588		799	$\frac{164}{420}$	—	—	1,5
17	Ключи (Мооръ)		5660		1012	$\frac{231}{215}$	—	—	4,6
18	Устьзолиха (Мессеръ)		2296		1109	$\frac{203}{203}$	—	—	1,8
19	Поповка (Бренингъ, Пфафенъ-Хуторъ)		1616		1049	$\frac{201}{297}$	—	—	1,3
20	Гололобовка (Денгофъ)		3790		1810	$\frac{380}{393}$	—	—	1,8
21	Лѣсной Карамышъ (Гримъ)		9691		2140	$\frac{409}{466}$	—	—	3,6
22	Карамышевка (Бауэръ)		4620		855	$\frac{211}{115}$	—	—	4,2
23	Макаровка (Меркель)		2340		425	$\frac{98}{116}$	—	—	4,5
24	Починная (Крацкій)		2240		473	$\frac{117}{111}$	—	—	3,8
25	Каменный оврагъ (Деготъ)		602		101	$\frac{28}{28}$	—	—	4,5
26	Ней-Денговъ	1863	4416		374	$\frac{87}{110}$	—	—	10,1
27	Лизандердорфъ (Ней-Мейеръ)	1863	3885		485	$\frac{132}{222}$	—	—	7,1
28	Ней-Бальцеръ	1863	1744		168	$\frac{50}{82}$	—	—	9,7
	Итого въ Сосновскомъ округѣ		54857		15054	$\frac{3234}{3355}$	—	—	3,0

№№ по порядку.	Наименованіе: а) вѣдомства; б) губерній и уѣздовъ; в) округовъ; и г) колоній. Незаселенные земельные участки.	Когда основаны.	Земельный надѣлъ.		Число муж. пола душъ по 10 ревизіи.				Причитается надѣла на душу.
			Количество всего надѣла удобн.	Размѣръ нормальнаго надѣла удобн.	Падѣленныхъ землею.		Безземельныхъ		
		Годъ	Десят.	Десят.	Душъ.	Сем. двор.	Душъ	Сем.	
	4) Каменскій округъ.		По планамъ генеральн. межеванія.						
29	Каменка	Съ 1764 по 1767 годъ.	4790	По 15-ти дес. на душу 8-й ревизіи.	1116	269/306	—	—	3,5
30	Россоши (Французскій)		1910		570	158/157	—	—	2,9
31	Грязноватка (Шухъ, Шуховскій)		2281		462	124/158	—	—	4,0
32	Копенка (Фольмеръ)		1783		560	144/128	—	—	2,6
33	Елшанка (Гусарскій)		1280		535	152/129	—	—	2,1
34	Гнилушка (Фейферъ)		4742		1117	216/235	—	—	3,5
35	Пановка (Гильтманъ)		1948		468	109/137	—	—	3,5
36	Караульный Буеракъ (Келеръ)		5945		1169	344/308	—	—	4,5
37	Илавла (Лейхтлингъ)		1658		437	115/134	—	—	3,5
38	Усть-Грязнуха (Гебель)		3370		778	209/182	—	—	3,8
39	Семеновка		4100		1156	302/350	—	—	3,1
	Итого въ Каменскомъ округѣ		33807		8368	2139/2224	—	—	3,4
	5) Усть-Кулалинскій округъ.								
40	Усть-Кулалинка (Галка)	Съ 1764 по 1766 годъ.	3143	По 15-ти дес. на душу 8-й ревизіи.	639	120/110	—	—	4,7
41	Верхняя Кулалинка (Гольштейнъ)		2386		550	133/119	—	—	3,6
42	Верхняя Добринка (Дрейшпицъ)		3820		804	163/132	—	—	3,0
43	Нижняя Добринка (Добринка)		4255		785	193/164	—	—	4,0
44	Буйдаковъ-Буеракъ (Швабъ, Швабскій)		2422		376	86/75	—	—	5,1
45	Крестовой Буеракъ (Миллеръ)		2699		462	110/92	—	—	4,6
46	Верхняя Грязнуха (Крафтъ)		3698		1112	220/188	—	—	2,8
47	Водяной Буеракъ (Штефанъ)		2445		503	134/122	—	—	3,9
48	Щербаковка		3654		748	133/135	—	—	4,2
	Итого въ Усть-Кулалинскомъ округѣ.		27522		5979	1292/1137	—	—	3,8

№№ по порядку.	Наименованіе: а) вѣдомства; б) губерній и уѣздовъ; в) округовъ; и г) колоній. Незаселенные земельные участки.	Когда основаны.	Земельный надѣлъ.		Число муж. пола душъ по 10 ревизіи.				Причитается надѣла на душу.
			Количество всего надѣла удобн.	Размѣръ нормальнаго надѣла удобн.	Надѣленныхъ землею.		Безземельныхъ.		
		Годъ	Десят.	Десят.	Душъ.	Сем. двор.	Душъ	Сем.	
	6) Норскій округъ.		По планамъ генеральн. межеванія.						
49	Норка	Съ 1764 по 1766 годъ.	11518	По 15 д. на душу 8 рев.	2777	626/568	—	—	3,4
50	Сплавнуха (Гукъ)		6408		1995	400/348	—	—	2,9
51	Линево-озеро (Гуссенбахъ, Линевъ)		11790		1558	360/363	—	—	6,5
52	Олешна (Титель)		5220		1443	300/307	—	—	3,2
53	Вершинка (Кауцъ)		2480		554	131/136	—		4,1
54	Верховье (Зевальдъ)		2400		403	85/91	—	—	5,0
55	Памятная (Ротгаммель)		2900		409	94/96	—	—	5,9
	Итого въ Норскомъ округѣ по Камышинскому уѣзду		42716		9141	1996/1906	—	—	4,0
	Всего по Камышинскому уѣзду		173555		40847	9366/9160	—	—	3,5
	Аткарскаго уѣзда.								
56	Медвѣдицкой Крестовой Буеракъ (Франкъ)	Съ 1764—1766 г.	11473	По 15 д. на душу 8 ревизіи.	2127	470/451	—	—	4,2
57	Гречиная Лука (Вальтеръ)		7963		1217	292/232	—	—	5,4
58	Писковатка (Кольбъ)		4362		887	205/203	—	—	4,2
	Итого Аткарскаго уѣзда		23798		4231	967/886	—	—	4,5
	Итого въ Норскомъ округѣ		66514		13372	2963/2792	—	—	4,1
	Всего по Саратовской губерніи		210313		48416	11113/10789	—	—	3,6
	А считая и Сарепту		214756		48677	—	—	—	—
	II. САМАРСКОЙ ГУБЕРНІИ.								
	Николаевскаго уѣзда.								
	7) Панинскій округъ.								
59	Шафгаузенъ	Въ 1764 и 1766 г.	4657	По 15 д. на душу 8 ревизіи.	631	179/192	—	—	5,3
60	Гларусъ (Биберштейнъ)		4487		490	137/148	—	—	7,8
61	Баратаевка (Беттингеръ)		5720		630	186/192	—	—	6,9

№№ по порядку	Наименованіе: а) вѣдомства; б) губерній и уѣздовъ; в) округовъ; и г) колоній. Незаселенные земельные участки.	Когда основаны.	Земельный надѣлъ.		Число муж. пола душъ по 10 ревизіи.				Причитается надѣла на душу
			Количество всего надѣла удобн.	Размѣръ нормальнаго надѣла удобн.	Надѣленныхъ землею.		Безземельныхъ.		
		Годъ	Десят.	Десят.	Душъ.	Сем. двор.	Душъ	Сем.	
			По планамъ генеральн. межеванія.						
62	Базель (Крацъ)	Въ 1764 и 1766 годахъ.	5038	По 15-ти д. на душу 8 ревизіи.	718	180/180	—	—	5,3
63	Цюрихъ (Экгартъ)		5305		712	178/188	—	—	6,3
64	Золотурнъ (Витманъ)		4853		706	180/180	—	—	6,1
65	Панинская (Шенхенъ)		4201		556	154/154	—	—	6,5
66	Цугъ (Гатунгъ)		4422		610	171/171	—	—	5,9
67	Люцернъ (Ремлеръ)		5217		736	154/159	—	—	5,6
68	Унтервальденъ (Мейнгартъ)		3751		552	131/133	—	—	5,2
69	Сусаннентэль (Винкельманъ)		1828		267	64/70	—	—	5,1
70	Баскаковка (Киндъ)		2867		421	87/100	—	—	5,4
71	Резановка (Небъ)		4225		520	132/145	—	—	6,2
72	Брокгаузенъ (Гуммель)		2394		295	75/82	—	—	6,5
73	Гокербергъ (Боонъ)		1992		294	65/65	—	—	5,2
	Итого въ Панинскомъ округѣ		60957		8138	2073/2169	—	—	6,0
	8) Екатеринштадтскій округъ.								
74	Екатеринштадтъ (Баронскъ)	Съ 1765 по 1767 годъ.	14358	По 15-ти д. на душу 8 ревизіи.	2185	590/676	—	—	5,2
75	Обермонжу		5941		756	205/203	—	—	6,6
76	Орловская		7640		1101	280/292	—	—	5,9
77	Боаро		6191		920	205/214	—	—	5,1
78	Эрнестинендорфъ (Беккерсдорфъ)		2266		313	71/73	—	—	5,7
79	Филипсфельдъ		2225		354	67/72	—	—	5,4
80	Кано		3624		444	113/118	—	—	6,3
81	Паульская		5131		796	177/171	—	—	5,7
82	Борегардъ		3552		485	103/104	—	—	7,0
	Итого въ Екатеринштадтск. округѣ.		50928		7364	1811/1923	—	—	5,7
	Итого по Николаевскому уѣзду		111884		15502	3884/4092	—	—	5,8

№№ по порядку.	Наименованіе: а) вѣдомства; б) губерній и уѣздовъ; в) округовъ; и г) колоній. Незаселенные земельные участки.	Когда основаны.	Земельный надѣлъ.		Число муж. пола душъ по 10 ревизіи.				Причитается надѣла на душу.
			Количество всего надѣла удобн.	Размѣръ нормальнаго надѣла удобн.	Надѣленныхъ землею.		Безземельныхъ.		
		Годъ	Десят.	Десят.	Душъ.	Сем. двор.	Душъ	Сем.	
	Новоузенскаго уѣзда.								
	9) Красноярскій округъ.		По планамъ генеральн. межеванія.						
83	Красный-яръ	Съ 1764 по 1766 годъ.	9417	По 15-ти дес. на душу 8 ревизіи.	1314	$\frac{317}{253}$	—	—	5,7
84	Подстепная (Розенгеймъ)		4538		665	$\frac{165}{166}$	—	—	5,5
85	Устькараманъ (Эндерсъ)		2647		407	$\frac{102}{108}$	—	—	4,9
86	Теляуза (Фищеръ)		3624		589	$\frac{122}{109}$	—	—	5,4
87	Нидермонжу		5466		729	$\frac{197}{186}$	—	—	5,9
88	Звонаревкутъ (Шталь, Стальскій)		3688		674	$\frac{143}{143}$	—	—	5,0
89	Луговая-Грязнуха (Шульцъ)		2668		538	$\frac{84}{77}$	—	—	5,5
90	Старица (Рейнвальдъ)		5918		924	$\frac{233}{190}$	—	—	5,2
91	Звонаревка (Шведенъ, Шведскій)		3242		394	$\frac{125}{112}$	—	—	4,6
	Итого по Красноярскому округу		41208		6234	$\frac{1488}{1344}$	—	—	,54
	10) Тонкошуровскій округъ.								
92	Отроговка (Люй)	Съ 1764 по 1766 годъ.	5857	По 15-ти д. на душу 8 рев.	930	$\frac{230}{242}$	—	—	5,3
93	Тонкошуровка (Дубовой, Маріенталь)		9407		1421	$\frac{365}{371}$	—	—	5,3
94	Суслы (Герцогъ)		3433		520	$\frac{122}{121}$	—	—	5,3
95	Крутояровка (Графъ)		2944		507	$\frac{95}{104}$	—	—	4,6
96	Раскаты (Роледеръ)		3316		473	$\frac{104}{107}$	—	—	5,5
97	Липовка (Шеферъ)		3454		584	$\frac{135}{127}$	—	—	4,9
98	Липовъ-Кутъ (Урбахъ)		3412		522	$\frac{110}{107}$	—	—	5,3
99	Осиновка (Рейнгартъ)		3135		424	$\frac{103}{86}$	—	—	6,2
	Итого по Тонкошуровскому округу		34958		5381	$\frac{1264}{1265}$	—	—	5,3

№№ по порядку.	Наименованіе: а) вѣдомства; б) губерній и уѣздовъ; в) округовъ; и г) колоній. Незаселенные земельные участки.	Когда основаны	Земельный надѣлъ.		Число муж. пола душъ по 10 ревизіи.				Причитается надѣла на душу.
			Количество всего надѣла удобн.	Размѣръ нормальнаго надѣла удобн.	Надѣленныхъ землею.		Беззеиельныхъ.		
		Годъ	Десят.	Десят.	Душъ.	Сем. двор	Душъ	Сем.	
	11) Тарлыцкій округъ.		По планамъ генеральн. межеванія.						
100	Казицкая (Брабендеръ)	Съ 1764 по 1767 годъ.	7110	По 15-ти д. на душу 8 ревизіи.	740	198/207	—	—	8,0
101	Березовка (Теллеръ)		6015		660	171/163	—	—	7,8
102	Зауморье (Бангертъ)		3465		461	110/98	—	—	6,4
103	Степная (Шталь)		6120		775	192/195	—	—	6,4
104	Вольская (Куккусъ)		6105		746	182/172	—	—	6,8
105	Яблоновка (Лаубе)		4455		523	130/131	—	—	6,3
106	Поповкина (Іостъ)		4020		529	119/117	—	—	6,5
107	Тарлыкъ (Лаубъ)		5130		904	158/152	—	—	6,2
108	Тарлыковка (Динкель)		4365		526	140/135	—	—	6,5
109	Скатовка (Альтъ-Штраубъ)		4395		596	147/151	—	—	5,6
110	Привальная (Варенбургъ)		13095		1685	425/424	—	—	6,0
111	Краснополье (Прейсъ)		8385		1055	242/235	—	—	6,7
112	Кочетная (Гельцелъ)		5220		676	184/180	—	—	6,8
113	Ровная (Зельманъ)		7920		1003	274/281	—	—	6,0
114	Кустарево-Краснорыновка (новый колонокъ)	1788	4380		607	151/159	—	—	6,0
	Итого въ Тарлыцкомъ округѣ		90090		11486	2823/2800	—	—	6,5
	12) Еруdланскій округъ.		По планамъ хозяйст съемки. Надѣлъ съ излишними:	По 15 на душу 9 ревиз.					
115	Ягодная	Съ 1855 по 1867 г.	7929,8	3540	334	92/122	—	—	21,3
116	Шенталь		8806,6	6405	504	162/158	—	—	14,8
117	Шенфельдъ		4897,2	3255	281	85/133	—	—	14,9
118	Шендорфъ		5129,8	3195	260	65/97	—	—	16,1
119	Гофенталь		4508,2	2880	213	78/137	—	—	18,3

№№ по порядку.	Наименованіе: а) вѣдомства; б) губерній и уѣздовъ; в) округовъ; и г) колоній. Незаселенные земельные участки.	Когда основаны.	Земельный надѣлъ.		Число муж. пола душъ по 10 ревизіи.				Причитается надѣла на душу.
			Количество всего надѣла удоби.	Размѣръ нормальнаго надѣла удоби	Надѣленныхъ землею.		Безземельныхъ.		
		Годъ	Десят.	Десят.	Душъ.	Сем. двор.	Душъ	Сем.	
			По планамъ хозяйств. съемки: Надѣлъ съ излишними:	Надѣлъ по 15 на душу 9 ревизіи.					
120	Катариненталь	Съ 1855 по 1867 годъ.	5490,6	3360	243	$\frac{64}{116}$	—	—	21,4
121	Константиновка		4632,9	1890	159	$\frac{56}{85}$	—	—	26,2
122	Лангенфельдъ		4467,9	2685	235	$\frac{74}{109}$	—	—	16,9
123	Розенфельдъ		3710,5	3165	284	$\frac{88}{155}$	—	—	11,9
124	Экгеймъ		5684,5	5235	406	$\frac{108}{191}$	—	—	11,3
125	Ней-Бауэръ		3884,5	2475	209	$\frac{73}{131}$	—	—	15,7
126	Фриденфельдъ		5705,5	3510	277	$\frac{87}{139}$	—	—	17,4
127	Эренфельдъ		4580,7	3315	268	$\frac{78}{108}$	—	—	14,4
128	Бейдекъ		4152,9	2280	168	$\frac{54}{66}$	—	—	24,6
129	Гуссенбахъ		9204,2	4815	449	$\frac{133}{238}$	—	—	19,3
130	Брунненталь		9045,9	7425	621	$\frac{189}{204}$	—	—	11,8
131	Гнаденфельдъ		5215,5	3300	267	$\frac{88}{168}$	—	—	15,7
132	Маріенбергъ		9503,2	8415	711	$\frac{247}{220}$	—	—	11,2
133	Штрекеръ-Ау		7824,9	3540	314	$\frac{98}{147}$	—	—	20,5
	18-ть участковъ, назначенныхъ для переселенцевъ изъ Саратовскихъ колоній		50563,2	—	—	—	—	—	—
	Итого въ Ерусланскомъ округѣ		164938,5	74685	6203	$\frac{1889}{2694}$	—	—	—
	13) Малышинскій округъ. (Меннониты).			По 65 д. на семейство					
134	Гансъ-Ау	Съ 1855 по 1862 г.	1609,5	1625	59	$\frac{24}{25}$	8	$\frac{3}{3}$	23,0
135	Кеппенталь		1776,2	1755	56	$\frac{25}{39}$	—	—	24,3
136	Линденъ-Ау		1729	1755	59	$\frac{25}{44}$	—	—	29,0
137	Фрезенгеймъ		1505,6	1495	52	$\frac{23}{25}$	—	—	28,9
138	Гогендорфъ		1619,8	1625	43	$\frac{26}{31}$	—	—	37,7

№№ по порядку.	Наименованіе: а) вѣдомства; б) губерній и уѣздовъ; в) округовъ; и г) колоній. Незаселенные земельные участки.	Когда основаны.	Земельный надѣлъ. Количество всего надѣла удобн.	Земельный надѣлъ. Размѣръ нормальнаго надѣла удобн.	Число муж. пола душъ по 10 ревизіи. Надѣленныхъ землею.		Безземельныхъ.		Причитается надѣла на душу.
		Годъ	Десят.	Десят.	Душъ	Сем. двор.	Душъ	Сем.	
			По планамъ хозяйст. съемки: Надѣлъ съ [redacted]	Надѣлъ по 65 на семью.					
139	Лизандерге (нужно еще приселить 23 семьи)	1864	1745,4	1755	10	3/3	—	—	145,4
	4 участка, предназначенныя подъ населеніе колоній 7, 8, 9 — каждой въ 26 хоз., и 10-й въ 30 хоз. . .	—	7315,3	—	—	—	—	—	—
	Итого въ Малышинскомъ округѣ. . .		17301,3	10010,0	279	126/167	8	3/3	—
	14) Торгунскій округъ.			По 15 на душу 9 ревизіи.					
140	Визенмиллеръ.	1860	10909,0	7425	662	167/286	—	—	13,6
141	Фриденбергъ.	1860	4927,5	3105	268	76/119	—	—	14,8
142	Гнадентау	1860	4958,5	2925	246	64/109	—	—	18,4
143	Ней-Кано	1860	6267,5	1575	127	38/61	—	—	41,2
144	Блюменфельдъ.	1861	7356,3	1800	176	46/73	—	—	33,8
145	Моргентау.	1860	7375,8	3885	310	89/169	—	—	25,1
146	Штрасбургъ.	1860	9515,2	2955	247	73/95	—	—	30,0
147	Франкрейхъ	1861	3223,7	720	58	19/26	—	—	43,0
148	Альтъ-Веймаръ	1861	5265,1	1320	111	41/70	—	—	41,5
149	Ней-Веймаръ	1861	9094,9	3870	307	85/32	—	—	25,9
150	Ней-Галка.	1860	6730,2	4185	303	80/136	—	—	19,1
	3 участка, назначенные подъ поселеніе переселенцевъ изъ Саратовскихъ колоній.	—	10171,9	—	—	—	—	—	—
	Итого въ Торгунскомъ округѣ . . .		85795,6	33765	2815	778/1276	—	—	—
	15) Нидеркараманскій округъ.								
151	Розенталь.	1848	8309,9	4470	353	113/142	—	—	18,6
152	Ней-Обермонжу	1859	3390,7	2985	210	68/102	—	—	12,8
153	Лиліенфельдъ	1848	5404,3	3645	327	98/108	—	—	15,2

№№ по порядку.	Наименованіе: а) вѣдомства; б) губерній и уѣздовъ; в) округовъ; и г) колоній. Незаселенные земельные участки.	Когда основаны.	Земельный надѣлъ.		Число муж. пола душъ по 10 ревизіи.				Причитается надѣла на душу.
			Количество всего надѣла удобн.	Размѣръ нормальнаго надѣла удобн.	Надѣленныхъ землею.		Безземельныхъ.		
		Годъ	Десят.	Десят.	Душъ.	Сем. двор.	Душъ	Сем.	
			Надѣлъ съ излишними:	По 15 на душу 9 ревиз.					
154	Ней-Боаро	1848	3439,6	3045	245	71/98	—	—	12,7
155	Фрезенталь	1849	2363,3	2865	238	64/59	—	—	8,0
156	Ней-Урбахъ	1860	2231,2	1650	136	42/66	—	—	13,4
157	Либенталь	1859	7549,7	6240	501	150/177	—	—	10,3
158	Ней-Маріенталь	1864	3090,6	2895	255	87/122	—	—	9,8
159	Александерге	1860	5822,1	3450	326	86/125	—	—	17,1
160	Гнадендорфъ	1859	4609,4	3570	307	89/124	—	—	12,4
161	Вейценфельдъ	1849	3276,9	2880	245	67/94	—	—	10,4
162	Розенфельдъ	1859	4540,0	3480	303	99/78	—	—	11,6
163	Ней-Тарлыкъ	1860	4702,9	3135	253	75/107	—	—	17,0
	Итого въ Нидеркараманскомъ округѣ		58730,6	44310	3699	1106/1502	—	—	—
	16) Оберкараманскій округъ.								
164	Зихельбергъ	1849	3488,6	2460	172	61/83	—	—	15,8
165	Визенгеймъ	1861	2669,9	2130	188	80/126	—	—	12,2
166	Розендамъ	1849	2980,5	2670	213	79/104	—	—	10,2
167	Гнаденфлюръ	1850	3300,3	3045	228	68/105	—	—	13,1
168	Мангеймъ	1860	4143,2	3210	250	82/116	—	—	13,7
169	Маріенбургъ	1860	3528,2	3765	300	107/143	—	—	10,5
170	Лизандровка	1861	3912,1	2355	175	54/79	—	—	20,2
	Итого въ Оберкараманскомъ округѣ.		24022,8	19635	1526	531/756	—	—	—
	Итого по Новоузенскому уѣзду		517044,8	—	37623	10005/11804	8	—	11,4
	Итого по Самарской губерніи		628928,8	—	53125	13889/12296	8	3/3	9,7
	А всего по вѣдомству Саратовской Конторы		839241,8	—	101541	25002/23085	8	3/3	6,9
	Вообще съ Сарептою		843684,8	—	107772	—	—	—	—

№№ по порядку.	Наименованіе: а) вѣдомства; б) губерній и уѣздовъ; в) округовъ; и г) колоній. Незаселенные земельные участки.	Когда основаны.	Земельный надѣлъ.		Число муж. пола душъ по 10 ревизіи.				Причитается надѣла на душу.
			Количество всего надѣла удобн.	Размѣръ нормального надѣла удобн.	Надѣленныхъ землею.		Безземельныхъ.		
		Годы	Десят.	Десят.	Душъ.	Сем. двор.	Душъ	Сем.	
	Б. ВѢДОМСТВО ОБЩИХЪ МѢСТЪ И УЧРЕЖДЕНІЙ, НА ОСНОВАНІИ ВЫС. УТВ. 17 ДЕКАБРЯ 1866 Г. ЖУРНАЛА ГЛАВН. КОМИТ. ОБЪ УСТР. СЕЛ. СОСТ.								
	Самарскаго уѣзда.								
	1) Константиновскій округъ.								
171	Кайзергнаде	—	—	—	—	—	—	—	—
172	Штрасбургъ	—	—	—	—	—	—	—	—
173	Гоффенталь	—	—	—	—	—	—	—	—
174	Константиновъ	—	—	—	—	—	—	—	—
175	Петергофъ	—	—	—	—	—	—	—	—
176	Романовъ	—	—	—	—	—	—	—	—
177	Николаевъ	—	—	—	—	—	—	—	—
178	Бергталь	—	—	—	—	—	—	—	—
179	Рейнишфельдъ	—	—	—	—	—	—	—	—
180	Розенталь	—	—	—	—	—	—	—	—
181	Малый Константиновъ	—	—	—	—	—	—	—	—
182	Новая (до нынѣ безъ наименованія)	—	—	—	—	—	—	—	—
	Итого въ Константиновскомъ округѣ.	въ 1863—65	до 20000	по 38 на сем.	до 1000	480	—	—	—
	2) Меннонитскій округъ.								
183	Александерталь	1858	1720	на сем. 65 д.	38	25/25	—	—	42,7
184	Нейгофнунгъ	1862	1828	—	45	25/25	—	—	36,0
185	Маріенталь	1863	1748	—	25	25/23	—	—	65,0
186	Гротсфельдъ	1863	826	—	14	12/8	—	—	55,7
187	Муравьевка	1863	1109	14 с. по 65 / 4 с. по 32	27	18/13	—	—	38,4

№№ по порядку.	Наименованіе: а) вѣдомства; б) губерній и уѣздовъ; в) округовъ; и г) колоній. Незаселенные земельные участки.	Когда основаны.	Земельный надѣлъ.		Число муж. пола душъ по 10 ревизіи.				Причитается надѣла на душу.
			Количество всего надѣла удобн.	Размѣръ нормальнаго надѣла удобн.	Надѣленныхъ землею.		Безземельныхъ.		
		Годъ	Десят.	Десят.	Душъ.	Сем. двор.	Душъ	Сем.	
188	Орловъ	1866	224	32	11	7/2	—	—	20,3
189	Маріенау	1866	289	1 с. по 65 / 7 с. по 32	10	8/2	—	—	28,9
	Итого въ Меннонитскомъ округѣ		7727	102 по 65 / 18 по 32	170	120/109	—	—	42,4
	А всего въ Самарской губ.		656655	—	54295	14489/12885	8	3/3	—
	III. ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНІИ.								
	Острогожскаго уѣзда.								
190	Рибенсдорфъ	1766	3420,4	по 65 на сем.	771	150/264	—	—	3,9 земли и 1281 кв. с. лѣса.
	IV. ЧЕРНИГОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.								
	Борзенскаго уѣзда.								
	3) Бѣловѣжскій округъ.								
191	Кальчиновка	1766	—	—	—	—	—	—	—
192	Рундевизе	1766	—	—	—	—	—	—	—
193	Бѣлыя Вѣжи	1766	—	—	—	—	—	—	—
194	Городокъ	1766	—	—	—	—	—	—	—
195	Великій Вердеръ	1766	—	—	—	—	—	—	—
196	Малый Вердеръ	1766	—	—	—	—	—	—	—
	Итого въ Бѣлов. округѣ и Черниговской губерніи		3667	30	1133	205/205	—	—	4,4
	V. ПОЛТАВСКОЙ ГУБЕРНІИ.								
	Роменскаго уѣзда.								
197	Хрещатикъ	1792	778 / 2000 саж.	по 25 на сем.	290	44/63	28	6/6	2,5

№№ по порядку	Наименованіе: а) вѣдомства; б) губерній и уѣздовъ; в) округовъ; и г) колоній. Незаселенные земельные участки.	Когда основаны.	Земельный надѣлъ.		Число муж. пола душъ по 10 ревизіи.				Причитается надѣла на душу.
			Количество всего надѣла удобн.	Размѣръ нормальнаго надѣла удобн.	Надѣленныхъ землею.		Безземельныхъ.		
		Годъ	Десят.	Десят.	Душъ.	Сем. двор.	Душъ	Сем.	
	VI. ЛИФЛЯНДСКОЙ ГУБЕРНІИ.								
	Венденскаго уѣзда.								
198	Гиршенгофъ	1766	5350,7	по 30 на сем.	1551	146 (Изъ нихъ 109 хозяевъ и 37 ремесленныхъ, съ надѣломъ 627,1 десят.)	39	—	3,4
199	Гельфрейсгофъ								
	VII. С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ ГУБ.								
	С.-Петербургскаго уѣзда.								
200	Средняя Рогатка	1766	750	—	316	52	—	—	2,5
201	Ново-Саратовская.	1766	1735	—	748	60	—	—	2,3
	Петергофскаго уѣзда.								
202	Стрѣлинская.	1810	448	по 35 на сем.	214	28	102	—	1,4
203	Кронштадтская . (Приморское сельское общество.)	1810	120,2	—	53	7	—	—	2,1
204	Ораніенбаумская (Приморское сельское общество.)	1810	72,5	—	20	3	—	—	3,6
205	Петергофская . . (Приморское сельское общество.)	1810	59,7	—	21	2	—	—	2,8
206	Знаменская . . . (Приморское сельское общество.)	1810	81,5	—	12	4	—	—	6,7
					106	16	—	—	
207	Кипеньская	1812	352	—	67	11	—	—	5,2
	Ямбургскаго уѣзда.								
208	Луцкая. . . . . . (Ямбургское сельское общество.)	1765	650	—	76	16	55	—	4,9
209	Порховская . . . (Ямбургское сельское общество.)	1765	463,2	—	71	12	55	1	3,6
210	Франкфуртская . (Ямбургское сельское общество.)	1765	326,5	—	26	5	18	—	7,4
			1439,7	—	173	33	128	1	

№№ по порядку.	Наименованіе: а) вѣдомства; б) губерній и уѣздовъ; в) округовъ; и г) колоній. Незаселенные земельные участки.	Когда основаны.	Земельный надѣлъ.		Число муж. пола душъ по 10 ревизіи.				Причитается надѣла на душу.
			Количество всего надѣла удобн.	Размѣръ нормальнаго надѣла удобн.	Надѣленныхъ землею.		Безземельныхъ.		
		Годъ	Десят.	Десят.	Душъ.	Сем. двор.	Душъ	Сем.	
	Царскосельскаго уѣзда.								
211	Ижорская	1766	847	по 30 на сем.	316	52	—	—	2,6
	Итого по Петербургской губерніи.		5905,6	—	1940	252	230	1	3,0
	VIII. НОВГОРОДСКОЙ ГУБЕРНІИ И УѢЗДА.								
212	Александровская.	1836	1417	8 д. на душу.	203	$\frac{30}{30}$	—	—	6,9
213	Николаевская.	$18\frac{35}{36}$	2663	—	403	$\frac{61}{61}$	—	—	6,6
214	Горѣлая.	1822	70	—	14	$\frac{4}{4}$	—	—	5,0
	Итого по Новгородской губ.		4150	—	620	$\frac{95}{95}$	—	—	6,6
	В. ВѢДОМСТВО ПОПЕЧИТЕЛЬНАГО КОМИТЕТА ОБЪ ИНОСТР. ПОСЕЛЕНЦ. ЮЖ. КРАЯ РОССІИ.								
	IX. БЕССАРАБСКОЙ ОБЛАСТИ.								
	Аккерманскаго уѣзда.								
	1) Саратскій округъ. (Нѣмцы).								
215	Сарата (Старая Сарата).	1822	6060	по 60 на сем.	302	101	137	65	13,8
216	Гнаденталь (Новая Сарата)	1830	4800	—	214	80	133	67	13,8
217	Лихтенталь (третья степь)	1834	4800	—	260	80	58	31	15,0
	Итого въ Саратскомъ округѣ		15660	—	776	261	328	163	14,1
	Отдѣльная колонія.								
	(Выходцы изъ Швейцаріи).								
218	Шаба	1829	3926	по 60 на сем.	142	65	15	12	25,0

№№ по порядку.	Наименованіе: а) вѣдомства; б) губерній и уѣздовъ; в) округовъ; и г) колоній. Незаселенные земельные участки.	Когда основаны.	Земельный надѣлъ. Количество всего надѣла удобн.	Размѣръ нормальнаго надѣла удобн.	Число муж. пола душъ по 10 ревизіи. Надѣленныхъ землею.		Безземельныхъ.		Причитается надѣла на душу.
		Годъ	Десят.	Десят.	Душъ.	Сем. двор.	Душъ	Сем.	
	2) Измаильскій округъ. (Болгары).								
219	Тараклія	1813	9752	по 50 на сем	1244	504	—	—	7,8
220	Татаръ-Копчикъ	1812	7681	—	827	315	—	—	9,1
221	Новотрояны	1829	6580	—	589	253	—	—	10,7
222	Чійтія	1813	7800	—	776	308	—	—	7,8
223	Кубей	1809	8280	—	818	338	—	—	9,7
224	Кальчева	1862	6877	—	352	125	—	—	19,5
225	Кайраклія	1862	3370	—	201	79	—	—	16,7
	Участокъ, назначенный подъ устройство торгово-ремесленной колоніи «Болгарія», отставшійся отъ отграниченныхъ колоній Болграда и Табака	—	4006	—	—	—	—	—	—
	Итого въ Измаильскомъ округѣ		54346	—	4807	1922	—	—	11,3
	3) Нижневуджакскій округъ. (Болгары).								
226	Иванова	1812	5940	по 50	359	157	—	—	11,8
227	Дмитріева	1821	6661	—	624	250	—	—	9,9
228	Дюльменъ	1830	4260	—	451	193	—	—	8,7
229	Девлетъ-Агачь	1830	6420	—	618	219	—	—	8,4
230	Пандаклія	1830	6380	—	616	265	—	—	9,9
231	Гассанъ-Батыръ	1830	6000	—	549	231	—	—	9,1
232	Задунаевка	1822	6120	—	378	152	—	—	10,6
233	Саталыкъ-Хаджи	1821	5100	—	377	162	—	—	12,0
234	Главаны	1830	6180	—	417	170	—	—	13,3
235	Кодкитай	1822	5880	—	462	175	—	—	9,7
236	Голица	1830	4720	—	399	172	—	—	11,9

№№ по порядку.	Наименованіе: а) вѣдомства; б) губерній и уѣздовъ; в) округовъ; и г) колоній. Незаселенные земельные участки.	Когда основан.	Земельный надѣлъ.		Число муж. пола душъ по 10 ревизіи.				Причитается надѣла на душу.
			Количество всего надѣла удобн	Размѣръ нормальнаго надѣла удобн.	Надѣленныхъ землею.		Безземельныхъ.		
		Годъ	Десят.	Десят.	Душъ.	Сем. двор.	Душъ	Сем.	
237	Чумлекіой	1830	4914	по 50 на сем.	584	213	—	—	7,9
238	Купораны	1830	4714	—	382	148	—	—	10,1
239	Дельжелере	1830	7437	—	587	232	—	—	10,4
240	Бургуджи	1830	7466	—	512	211	—	—	9,2
241	Капчикъ	1830	5627	—	404	172	—	—	13,2
242	Селіогло	1830	5850	—	524	235	—	—	10,7
243	Исерлія	1830	5160	—	514	213	—	—	9,0
244	Кулевчи	1830	8230	—	526	195	—	—	11,4
	Оставшійся участокъ отъ отгр. къ Молдавіи кол. Фонтинадзинилора.		2958	—					
	Итого въ Нижнеб. округѣ		116020	—	9283	3766	—	—	12,4
	Итого въ Аккерманскомъ уѣздѣ — нѣмцевъ.		19586	—	918	326	343	175	15,5
	Итого въ Аккерманскомъ уѣздѣ — болгаръ.		170366	—	14090	5688	—	—	12,0
	Итого		189952	—	15008	6014	343	175	12,3
	Бендерскаго уѣзда.								
	4) Верхнебуджакскій округъ. (Болгары).								
245	Камратъ	1829	17472	—	2319	1014	—	—	7,5
246	Кирсовъ	1830	5826	—	972	395	—	—	6,0
247	Бешалма	1814	4392	—	595	242	—	—	7,4
248	Баурчи	1812	6420	—	618	256	—	—	10,3
249	Казаяклія	1812	8657	—	765	299	—	—	10,8
250	Кирьютне	1830	4850	—	556	239	—	—	8,5
251	Гайдаръ	1820	4440	—	340	141	—	—	11,0
252	Чадыръ-Лунга	1819	7680	—	726	301	—	—	10,5

№№ по порядку.	Наименованіе: а) вѣдомства; б) губерній и уѣздовъ; в) округовъ; и г) колоній. Незаселенные земельные участки.	Когда основаны.	Земельный надѣлъ. Количество всего надѣла удобн.	Земельный надѣлъ. Размѣръ нормальнаго надѣла удобн	Число муж. пола душъ по 10 ревизіи. Надѣленныхъ землею.		Безземельныхъ.		Причитается надѣла на душу.
		Годъ	Десят.	Десят.	Душъ.	Сем. двор.	Душъ	Сем.	
253	Валеперджи.	1830	7590	по 50 на сем.	655	281	—	—	11,5
254	Твардица	1830	7208	—	759	317	—	—	9,5
255	Киріетъ-Лунга	1830	5100	—	358	157	—	—	13,2
256	Бешгіозъ.	1811	4800	—	402	167	—	—	22,4
257	Джолтай	1811	3060	—	273	108	—	—	10,6
258	Томай	1811	7290	—	627	250	—	—	10,1
259	Ферапонтьевка	1830	3360	—	291	129	—	—	11,2
260	Авдарма.	1830	5700	—	361	159	—	—	11,9
261	Башкалія	1830	4050	—	268	99	—	—	11,3
262	Чокмайданъ	1830	6720	—	436	182	—	—	11,2
263	Дезгинже	1812	9120	—	770	300	—	—	10,3
	Участокъ, оставшійся отъ отранич. къ Молдавіи колоніи Конгазъ. . .		3935						
	Итого въ Верхнебуджакскомъ округѣ.		127670	—	12091	5036	—	—	10,5
	5) Малоярославецкій округъ. (Нѣмцы).								
264	Малоярославецъ 1, (Киргизъ-Битембергъ)	1815	4069,0	по 60 на сем.	266	67	292	136	7,2
265	Малоярославецъ 2 (Бармталь). . . .	1823	4069,0	—	210	67	283	121	8,2
266	Кульмъ (Мадаръ).	1815	6358,9	—	343	106	395	184	8,6
267	Тарутино (Акчокракъ).	1814	7980,8	—	395	133	476	215	9,1
268	Красное.	1815	6736,6	—	352	112	285	163	10,5
269	Кацбахъ (Аліага)	1821	3889,7	—	200	64	207	77	9,5
270	Фершампенуазъ 1, (Старый Шампоносъ).	1816	3826,3	—	198	63	205	94	9,4
271	Фершампенуазъ 2, (Новый Шампоносъ).	1823	3826,3	—	189	63	201	95	9,8

№№ по порядку.	Наименованіе: а) вѣдомства; б) губерній и уѣздовъ; в) округовъ; и г) колоній. Незаселенные земельные участки.	Когда основаны.	Земельный надѣлъ.		Число муж. пола душъ по 10 ревизіи.				Причитается надѣла на душу.
			Количество всего надѣла удоби	Размѣръ нормальнаго надѣла удоби.	Надѣленныхъ землею.		Безземельныхъ.		
		Годъ	Десят.	Десят.	Душъ.	Сем. двор.	Душъ	Сем.	
272	Теплицъ	1818	5866,1	по 60 на сем.	308	101	261	139	10,3
273	Денневицъ (Гамбургъ)	1834	3840,0	—	190	64	148	64	11,3
274	Плоцкъ (Драгуля)	1839	2340	—	123	39	71	40	12,0
	Итого въ Малоярославецкомъ округѣ.		52802,9	—	2774	879	2825	1325	9,4
	6) Клястицкій округъ. (Нѣмцы).								
275	Клястицъ (Чага)	1815	8030,8	—	367	134	299	130	12,0
276	Лейпцигъ (Гуро-Сникосъ)	1815	7434,5	—	385	124	289	165	11,0
277	Березина (Кагальникъ, Ротунда)	1816	8097,0	—	453	135	232	135	11,7
278	Бородино (Сакъ)	1814	6698,0	—	469	111	314	188	8,5
279	Парижъ (№ 10)	1816	7202,5	—	368	120	309	145	10,6
280	Альтъ Арцизъ (№ 14 Гуро-Щещи)	1816	4865,9	—	281	81	204	106	10,0
281	Ней Арцизъ (Чалциръ)	1824	2432,9	—	144	40	99	51	10,0
282	Бріенъ (№ 14 Петерсвуншъ)	1816	4984,6	—	251	83	303	122	8,9
283	Фриденсталь (№ 13)	1833	5255,4	—	289	87	211	87	10,5
284	Гофнунгсталь (№ 9 Карадай)	1842	5069,9	—	293	84	107	51	12,6
	Итого въ Клястицкомъ округѣ		60172	—	3300	999	2369	1180	10,6
	Итого въ Бендерскомъ уѣздѣ: болгаръ		127670	—	12091	5036	—	—	10,5
	Итого въ Бендерскомъ уѣздѣ: нѣмцевъ		112975	—	6074	1878	5294	2505	9,9
	Итого		240645	—	18165	6914	5294	2505	10,2
	Итого въ Бессарабской области		430597	—	33173	12928	5637	2680	11,0
	Въ томъ числѣ: колоній болгаръ		298036	—	26181	10724	—	—	11,3
	Въ томъ числѣ: — нѣмцевъ		132561	—	6992	2204	5637	2680	10,5

№№ по порядку.	Наименованіе: а) вѣдомства; б) губерній и уѣздовъ; в) округовъ; и г) колоній. Незаселенные земельные участки.	Когда основаны.	Земельный надѣлъ. Количество всего надѣла удобн.	Земельный надѣлъ. Размѣръ нормальнаго надѣла удобн.	Число муж. пола душъ по 10 ревизіи. Надѣленныхъ землею.		Безземельныхъ.		Причитается надѣла на душу
		Годъ	Десят.	Десят.	Душъ.	Сем. двор.	Душъ	Сем.	
	X. ХЕРСОНСКОЙ ГУБЕРНІИ.								
	Одесскаго уѣзда.								
	7) Либентальскій округъ. (Нѣмцы).								
285	Гросъ Либенталь (больш. Акаржа) . .	1804	8828,2	по 60 на сем.	611	148	714	236	6,6
286	Клейнъ Либенталь (малая Акаржа) .	1804	4025,4	—	390	67	340	124	5,5
287	Александергильфъ (Александрія) . .	1804	3043,5	—	211	50	274	58	6,2
288	Нейбургъ	1805	2945,4	—	210	49	250	60	6,4
289	Маріенталь	1803	2945,4	—	192	49	127	39	9,2
290	Іозефсталь	1804	3458,1	—	280	57	77	68	9,7
291	Петерсталь	1805	2994,5	—	279	50	165	75	6,7
292	Фрейденталь	1806	3829,0	—	416	63	267	96	5,6
293	Францфельдъ (Гараголь)	1805	2110,9	—	341	35	41	30	5,5
294	Люстдорфъ	1804	1109,5	—	135	18	125	43	4,2
295	Гильдендорфъ	1829	5243,2	—	442	87	75	26	10,1
	Участокъ запасный		980						
	Итого въ Либентальскомъ округѣ . .		41513,7	—	3507	673	2455	855	6,8
	8) Кучурганскій округъ. (Нѣмцы).								
296	Зельцъ	1808	5935,9	—	535	98	213	35	7,9
297	Штрасбургъ	1808	3561,5	—	419	59	121	24	6,6
298	Кандель	1808	5965,9	—	614	99	198	30	7,4
299	Баденъ	1808	3561,5	—	352	59	170	32	6,8
300	Мангеймъ (Барабой)	1809	3561,5	—	437	59	132	25	6,2
301	Эльзасъ (Щербанка)	1809	3561,5	—	446	59	144	21	6,0
	Участокъ окружной земли		500	подъ окружной овчарней Либентальскаго и Кучурганскаго округовъ.					
	Итого въ Кучурганскомъ округѣ . .		26674	—	2803	433	978	167	6,9

№№ по порядку.	Наименованіе: а) вѣдомства; б) губерній и уѣздовъ; в) округовъ; и г) колоній. Незаселенные земельные участки.	Когда основаны.	Земельный надѣлъ.		Число муж. пола душъ по 10 ревизіи.				Причитается надѣла на душу.
			Количество всего надѣла удобн.	Размѣръ нормальнаго надѣла удобн.	Надѣленныхъ землею.		Безземельныхъ.		
		Годъ	Десят.	Десят.	Душъ.	Сем. двор.	Душъ	Сем.	
	9) Буялыкскій округъ. (Болгары и греки).								
302	Большой Буялыкъ (Кошкова)	1802	17707,8	по 53 на сем.	1304	328	—	—	13,5
303	Малый Буялыкъ (Аджеликъ)	1801	9570	—	770	180	15	5	12,2
304	Кубанка	1804	7590	—	785	128	—	—	9,6
	Итого въ Буялыкскомъ округѣ . . .		34867,8	—	2859	636	15	5	12,1
	10) Березанскій округъ. (Нѣмцы).								
305	Ландау	1809	8866	по 60 на сем.	691	147	362	16	8,4
306	Шпейеръ (Шпарова).	1809	7875	—	629	131	146	3	10,1
307	Катариненталь (Катеринка)	1817	5558	—	352	92	51	7	13,7
308	Карлсруэ (Калистрова)	1809	5365	—	487	89	87	13	9,3
309	Зульцъ (Шульцова)	1809	4404	—	243	73	170	14	10,6
310	Рорбахъ	1809	8302	—	497	138	304	56	10,3
311	Вормсъ	1809	4881	—	592	81	206	39	6,1
312	Іоганнесталь	1817	4143	—	310	69	12	10	12,8
313	Ватерло	1833	2654	—	220	44	37	8	10,3
314	Нейфрейденталь (Мариновы хутора).	1828	2655	—	191	44	57	15	10,7
315	Гелененталь (Цетинка, Черногорка).	1838	1704	—	126	27	—	—	13,5
	Въ Одесскомъ уѣздѣ, Березанскаго округа.		57710	—	4338	935	1432	181	9,8
	Участокъ окружной земли		1300						
	Итого въ Одесскомъ уѣздѣ { болгаръ .		34867,8	—	2859	636	15	5	12,1
	Итого въ Одесскомъ уѣздѣ { нѣмцевъ.		126873	—	10648	2041	4865	1203	8,1
	Итого. . . .		161740,8	—	13507	2677	4880	1208	8,7

№№ по порядку.	Наименованіе: а) вѣдомства; б) губерній и уѣздовъ; в) округовъ; и г) колоній. Незаселенные земельные участки.	Когда основаны.	Земельный надѣлъ. Количество всего надѣла удобн.	Земельный надѣлъ. Размѣръ нормальнаго надѣла удобн.	Число муж. пола душъ по 10 ревизія. Падѣленныхъ [redacted]		Безземельныхъ		Причитается надѣла на душу.
		Годъ	Десят.	Десят.	Душъ.	Сем. двор.	Душъ	Сем.	
	Ананьевскаго уѣзда.								
	того же Березанскаго округа.								
316	Раштатъ.	1809	5382	по 60 на сем.	451	89	214	44	8,1
317	Мюнхенъ	1809	2954	—	277	49	78	25	8,3
	Итого въ Ананьевскомъ уѣздѣ		8336	—	728	138	292	69	8,2
	Итого въ Березанскомъ округѣ . . .		66049	—	5066	1073	1724	250	9,7
	Тираспольскаго уѣзда.								
	11) Глюкстальскій округъ. (Нѣмцы).								
318	Глюкстадь (Глинная).	1805	7034	—	557	122	396	60	7,4
319	Нейдорфъ (Карманова)	1809	5810	—	462	100	404	31	6,6
320	Бергдорфъ (Колосова)	1809	3925	—	356	68	335	42	5,6
321	Кассель (Комаровка).	1809	6983	—	426	116	460	30	7,8
	Участокъ окружной земли		500						
	Итого въ Глюкстальскомъ округѣ .		24254	—	1801	406	1595	427	7,1
	Отдѣльныя колоніи.								
322	Катаржина (Болгары).	1806	13255	по 53 на сем.	1316	163	77	19	9,5
323	Парканы (Болгары)	1804	7418	—	593	89	—	—	12,5
324	Гофнунгсталь (Цибрикова, нѣмцы)..	1817	4306	по 60 на сем.	320	69	242	22	7,6
	Итого въ Тираспольскомъ уѣздѣ. . . . . болгаръ.		20673	—	1909	252	77	19	10,4
	Итого въ Тираспольскомъ уѣздѣ. . . . . нѣмцевъ		28560	—	2121	475	1837	449	7,2
	Итого. . . .		49233	—	4030	727	1914	468	8,1

№№ по порядку.	Наименованіе: а) вѣдомства; б) губерній и уѣздовъ; в) округовъ; и г) колоній. Незаселенные земельные участки.	Когда основаны.	Земельный надѣлъ.		Число муж. пола душъ по 10 ревизіи.				Причитается надѣла на душу.
			Количество всего надѣла удобн.	Размѣръ нормальнаго надѣла удобн.	Надѣленныхъ землею.		Безземельныхъ.		
		Годъ	Десят.	Десят.	Душъ.	Сем. двор.	Душъ	Сем.	
	Херсонскаго уѣзда.								
	12) Шведскій округъ. (Шведы).								
325	Альтъ-Шведендорфъ (Старо-Шведская)	1782	2409	на сем. 60	139	40	24	5	14,7
326	Клостердорфъ (Костирка)	1804	2100	—	176	35	29	10	10,2
327	Мюльгаузендорфъ	1804	2100	—	149	35	16	3	12,7
328	Шлангендорфъ (Гадючая)	1804	2100	—	121	35	13	3	15,6
	Участокъ окружной земли	—	300	—	—	—	—	—	—
	Итого въ Шведскомъ округѣ		9009	—	585	145	82	21	13,5
	Отдѣльныя колоніи.								
329	Ней-Данцигъ (Нѣмцы)	1843	3745	—	246	62	6	1	14,0
330	Терновка (Болгары)	1802	9917	по 53 на сем.	730	187	91	23	12,0
	Итого въ Херсонскомъ уѣздѣ		22671	—	1561	394	179	45	13,0
	Въ томъ числѣ Болгаръ		9917	—	730	187	91	23	12,0
	Въ томъ числѣ Нѣмцевъ		12754	—	831	207	88	22	13,8
	Елизаветградскаго уѣзда. (Бывшій Бобринецкій).								
	Отдѣльная колонія.								
331	Альтъ-Данцигъ (Шведы и Нѣмцы)	1787	1605	по 60	174	26	59	15	6,9
	Итого въ Херсонской г. колоній. Болгаръ		65457,8	—	5498	1075	183	47	11,5
	Итого въ Херсонской г. колоній. Нѣмцевъ и Шведовъ		178128	—	17361	3523	7156	1763	7,2
	А всего		243585,8	—	22859	4598	7339	1810	8,0

№№ по порядку.	Наименованіе: а) вѣдомства; б) губерній и уѣздовъ, в) округовъ; и г) колоній. Незаселенные земельные участки.	Когда основаны.	Земельный надѣлъ.		Число муж. пола душъ по 10 ревизіи.				Причитается надѣла на душу.
			Количество всего надѣла удобн.	Размѣръ нормальнаго надѣла удобн.	Надѣленныхъ землею.		Безземельныхъ.		
		Годъ	Десят.	Десят.	Душъ	Сем. двор.	Душъ	Сем.	
	XI. ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОЙ ГУБ.								
	Новомосковскаго уѣзда.								
	Отдѣльныя колоніи.								
332	Іозефсталь (Долгая, Нѣмцы)	1789	1783	на сем. 32½	254	54	241	35	3,6
333	Рыбальскъ (Нѣмцы)	1789	1156	—	136	35	93	8	5,0
334	Кронсгартенъ (Нѣмцы, причислена къ Хортицкому округу)	1797	1037	60	47	16	20	5	15,3
	Итого въ Новомосковскомъ уѣздѣ .		4576	—	437	105	351	48	5,7
	Екатеринославскаго уѣзда.								
	Отдѣльная колонія								
335	Ямбургъ (Нѣмцы)	1789	1930	15 на душу.	128	32	329	40	4,2
	13) Хортицкій округъ. (Меннониты).								
336	Хортицъ	1790	2535	на сем. 65	161	39	225	42	6,5
337	Розенталь (Канцерка)	1790	2275	—	172	35	143	29	7,3
338	Розенгартъ (Попова)	1824	1755	—	95	27	35	7	13,5
339	Бурвальде (Бабурка)	1803	1755	—	138	27	113	25	6,9
340	Блюменгартъ (Капустянка)	1824	910	—	70	14	28	4	9,2
341	Нидеръ Хортицъ	1803	1885	—	194	29	170	39	5,1
342	Островъ Хортицъ	1790	1205	—	97	18	97	17	6,2
343	Эйнлаге (Кичкасъ)	1790	2340	—	161	36	196	55	6,5
344	Кронсвейде	1790	2210	—	146	34	249	63	5,6
345	Нейенбургъ (Мелашовка)	1790	1170	—	82	18	89	21	5,9
346	Нейгорстъ (Терновата)	1824	845	—	78	13	28	8	7,9
347	Нейендорфъ (Широкая)	1790	2925	—	190	45	306	60	5,9
348	Шенгорстъ	1790	2275	—	180	35	230	49	5,5

№№ по порядку.	Наименованіе: а) вѣдомства; б) губерній и уѣздовъ; в) округовъ; и г) колоній. Незаселенные земельные участки.	Когда основаны	Земельный надѣлъ.		Число муж. пола душъ по 10 ревизіи.				Причитается надѣла на душу.
			Количество всего надѣла удобн.	Размѣръ нормальнаго надѣла удобн.	Надѣленныхъ землею.		Безземельныхъ.		
		Годъ	Десят.	Десят.	Душъ.	Сем. двор.	Душъ	Сем.	
349	Кронсталь.	1809	1235	65 на сем.	76	19	127	22	6,0
350	Нейостервикъ.	1812	1885	—	173	29	173	41	5,4
351	Шенебергъ (Смоляная)	1816	1170	—	146	18	56	14	5,8
	Участокъ окружной земли	—	2908	—	—	—	—	—	—
	Итого въ Екатериносл. уѣздѣ. . . .		33213	—	2287	468	2594	516	6,8
	Въ томъ числѣ меннонитовъ		30246	—	2112	420	2245	491	6,9
	Александровскаго уѣзда.								
352	Шёнвизе (Меннониты).	1795	1401	—	90	21	62	13	9,[illegible]
	Итого въ Хортицкомъ округѣ. . . .		32684	—	2249	457	2327	509	7,1
	14) Маріупольскій Меннонитскій округъ. (Нѣмцы).								
353	Бергталь (Бодня).	1836	2080	—	113	32	115	9	9,1
354	Шенфельдъ	1837	1625	—	100	25	66	7	9,8
355	Шенталь.	1838	2015	—	94	31	120	8	9,4
356	Гейбуденъ.	1841	1820	—	103	28	48	6	12,0
357	Фридрихсталь	1852	1952	—	50	19	—	—	39,0
	Итого въ Маріуп. Мен. округѣ . . .		9492	—	460	135	349	30	11,7
	15) Маріупольскій колонистскій округъ. (Нѣмцы).								
358	Киршвальдъ		1560	на сем. 60	79	26	40	12	6,8
359	Тигенговъ		1740	—	87	29	125	3	8,2
360	Розенгартъ		1680	—	93	28	131	1	7,5
361	Шенбаумъ	1823	1680	—	105	28	82	3	9,0
362	Кронсдорфъ		1680	—	86	28	160	1	7,0
363	Розенбергъ		1560	—	91	26	170	6	6,0
364	Грунау		1620	—	97	27	156	15	6,4

№№ по порядку.	Наименованіе: а) вѣдомства; б) губерній и уѣздовъ; в) округовъ; и г) колоній. Незаселенные земельные участки.	Когда основаны.	Земельный надѣлъ.		Число муж. пола душъ по 10 ревизіи.				Причитается надѣла на душу.
			Количество всего надѣла удобн.	Размѣръ нормальнаго надѣла удобн.	Надѣленныхъ землею.		Беззземельныхъ.		
		Годъ	Десят.	Десят.	Душъ.	Сем. двор.	Душъ	Сем.	
365	Викерау	1823	1560	по 60 на сем.	98	26	120	10	7,1
366	Рейхенбергъ	1823	1680	—	108	28	88	7	8,5
367	Кампенау	1823	1740	—	98	29	136	6	7,4
368	Миррау	1823	1440	—	111	24	91	16	7,1
369	Кейзердорфъ	1823	1560	—	111	26	61	2	9,0
370	Гетландъ	1823	1680	—	126	28	75	7	8,3
371	Нейгофъ	1823	1320	—	48	22	60	1	12,2
372	Эйхвальдъ	1823	1680	—	78	28	142	4	7,6
373	Тигенортъ	1823	1680	—	100	28	136	1	7,1
374	Тиргартъ	1823	1200	—	139	19	—	—	8,6
375	Людвигсталь	1828	2100	—	99	35	114	3	9,8
376	Елизабетдорфъ	1825	2100	—	126	35	86	6	9,9
377	Бѣлыя Вежи	1831	1620	—	87	27	224	6	5,2
378	Кальчиновка	1831	1560	—	73	26	144	3	7,2
379	Руднервизе	1831	1620	—	132	27	90	7	7,3
380	Клейнвердеръ	1831	1110	—	87	18	159	10	4,5
381	Великій Вердеръ	1831	1980	—	125	33	174	4	6,6
382	Маріенфельдъ	1843	1500	—	99	25	—	—	15,1
383	Дармштадтъ	1843	1860	—	96	31	41	3	13,5
384	Ней Ямбургъ	1848	2280	—	132	38	—	—	16,8
	Два участка окружной земли	—	3499	—	—	—	—	—	—
	Итого въ Маріуп. кол. округѣ		46299	—	2711	745	2916	137	8,2
	Итого въ Александровскомъ уѣздѣ		57192	—	3261	901	3327	180	8,6
	Въ томъ числѣ меннонитовъ		10893	—	550	156	411	43	11,3
	А всего въ Екатерин. губерніи		94981	—	5985	1474	6272	744	7,7
	Въ томъ числѣ Нѣмцевъ		53842	—	3323	898	3616	210	7,7
	Въ томъ числѣ Меннонитовъ		41139	—	2662	576	2656	534	7,7

№№ по порядку.	Наименованіе: а) вѣдомства; б) губерній и уѣздовъ; в) округовъ; и г) колоній. Незаселенные земельные участки.	Когда основаны.	Земельный надѣлъ. Количество всего надѣла удобн.	Земельный надѣлъ. Размѣръ нормальнаго надѣла удобн.	Число муж. пола душъ по 10 ревизіи. Надѣленныхъ землею.		Число муж. пола душъ по 10 ревизіи. Безземельныхъ.		Причитается надѣла на душу.
		Годъ	Десят.	Десят.	Душъ.	Сем. двор.	Душъ	Сем.	
	XII. ТАВРИЧЕСКОЙ ГУБЕРНІИ.								
	Бердянскаго уѣзда.								
	16) Бердянскій нѣмецкій округъ.								
385	Нейгофнунгъ.	1822	3141	на сем. 60	300	50	95	11	7,9
386	Розенфельдъ.	1822	1586	—	121	26	21	7	11,2
387	Нейгофнунгсталь	1822	1526	—	130	25	39	7	9,0
388	Ней-Штутгартъ.	1831	1341	—	133	22	18	3	8,8
	Участокъ окружной земли	—	1000	—	—	—	—	—	—
	Итого въ Бердянскомъ округѣ . . .		8596	—	684	123	173	28	10,0
	17) Бердянскій Болгарскій округъ. (Болгары изъ отграниченныхъ къ Молдавіи колоній).								
389	Преславъ (Шеклы 2-й)	1861	8000	50	398	162	—	—	20,1
390	Діяновка (Аслакши)	1862	3650	—	208	73	—	—	17,5
391	Цареводаревка (Уильконъ, Сосыктогунъ)	1862	5400	—	336	109	—	—	16,1
392	Строгоновка (Кичкине-Сосыктогунъ).	1862	2800	—	152	57	—	—	18,4
393	Царицына (Джантранъ, Видд. Болгары)	1863	2628	12 на душу.	219	95	—	—	12,0
394	Гамовка (Джантранъ)	1862	1950	по 50 на сем.	111	40	—	—	17,5
395	Георгіевка (Туюшке).	1862	3600	—	166	72	—	—	21,6
396	Девненская (Тазъ).	1862	4000	—	213	82	—	—	18,7
397	Дунаевка (Тюмень).	1862	4350	—	233	87	—	—	18,6
398	Гирсовка (Тульга)	1861	5350	—	213	107	—	—	25,1
399	Нельговка (Тульга).	1861	2950	—	130	59	—	—	22,6
400	Надежная (Карaруга)	1861	3650	—	227	74	—	—	16,0
401	Райнова (Алшинъ-Бодай)	1861	4000	—	204	76	—	—	19,6
402	Инзовка (Орманчи и Ахилъ-Хаджи).	1861	7650	—	376	154	—	—	20,3

№№ по порядку.	Наименованіе: а) вѣдомства; б) губерній и уѣздовъ; в) округовъ; и г) колоній. Незаселенные земельные участки.	Когда основаны	Земельный надѣлъ.		Число муж. пола душъ по 10 ревизіи.				Причитается надѣла на душу.
			Количество всего надѣла удобн.	Размѣръ нормальнаго надѣла удобн.	Надѣленныхъ землею.		Безземельныхъ.		
		Годъ	Десят.	Десят.	Душъ.	Сем. двор.	Душъ	Сем.	
403	Степановка (Сарларъ)	1862	4000	по 50 на сем.	200	78	—	—	20,0
404	Богдановка (Асанъ-Хаджа)	1862	3400	—	194	68	—	—	17,5
405	Федоровка (Кизильдинъ-Оглу). . . .	1862	3650	—	167	73	—	—	21,8
406	Еленовка (Буркутъ 2)	1861	4563	—	187	93	—	—	24,4
407	Варваровка (Акерменъ)	1861	4009	—	216	80	—	—	18,3
408	Марьина (Кичкине-Бескеклы)	1861	4400	—	247	88	—	—	18,2
409	Анновка (Аргаклы 2)	1862	4300	—	201	86	—	—	21,3
410	Манойловка (Аргаклы 1)	1862	4750	—	241	95	—	—	19,7
411	Николаевка 1-я (Каплыгаръ)	1862	5250	—	241	105	—	—	21,7
412	Петровская (Машкиръ)	1862	4750	—	232	96	—	—	20,4
413	Зеленая (Новый Онъ-Эки и Планъ-Абдулгапаръ)	1862	4800	—	249	97	—	—	19,6
414	Михайловка (Кагачь 2)	1862	3700	—	217	74	—	—	16,1
415	Радуловка (Кагачь 1)	1862	3400	—	166	68	—	—	20,4
416	Вячеславова (Ягонда-Теклы) . .	1862	5600	--	311	116	—	—	18,0
417	Романовка (Тогалы)	1862	5300	—	268	106	—	—	19,7
418	Елизаветовка (Каракурсакъ) . .	1862	2800	—	140	50	—	—	20,0
419	Гюневка (Кахпасъ)	1862	3800	—	187	76	—	—	20,3
420	Бановка (Сарайлы-Аргинъ)	1862	3950	—	225	84	—	—	17,6
421	Лозановка (Конурбашъ)	1862	1944	—	215	96	—	—	9,0
422	Троянъ (Бодракъ)	1862	4900	—	269	98	—	—	18,2
423	Николаевка 2 (бывшая Ивановка. Котуръ-Оглу)	1861	4350	—	227	86	—	—	19,1
424	Андревка (Канжегалы)	1862	6900	—	375	139	—	—	18,4
425	Палаузовка (Коясы-Оглу)	1862	3950	—	199	79	—	—	19,3
426	Софіевка (Айтангалы)	1862	4527	—	233	94	—	—	19,4
427	Владиміровка (Алшинъ)	1862	2048	—	232	98	—	—	8,7

№№ по порядку	Наименованіе: а) вѣдомства; б) губерній и уѣздовъ; в) округовъ; и г) колоній. Незаселенные земельные участки.	Когда основаны	Земельный надѣлъ. Количество всего надѣла удобн.	Земельный надѣлъ. Размѣръ нормальнаго надѣла удобн.	Число муж. пола душъ по 10 ревизіи. Надѣленныхъ землею.		Число муж. пола душъ по 10 ревизіи. Безземельныхъ.		Причитается надѣла на душу.
		Годъ	Десят	Десят.	Душъ.	Сем. двор.	Душъ	Сем.	
428	Димитріевка (Бодай)	1862	2169	по 50 на сем.	242	110	—	—	8,9
429	Марьянская (Шавкай)	1863	1836	—	205	82	—	—	8,9
430	Константиновка (Большой Тобалъ)	1862	792	—	92	39	—	—	8,6
	Итого въ Бердянскомъ Болгарскомъ округѣ		169109	—	9464	3706	—	—	17,8
	Оставлено запасныхъ подъ водвореніе прибывающихъ изъ-за границы Славянъ до		25000	—	—	—	—	—	—
	18) Молочанскій меннонитскій округъ. (Меннониты).								
431	Гальбштадтъ (№ 1)	1804	1365	по 65 на сем	175	21	133	24	7,0
432	Гальбштадтъ ремесленный		800	—					
433	Мунтау (№ 2)		1365	—	164	21	109	14	5,0
434	Шенау (№ 3)		1365	—	153	21	64	12	6,3
435	Фишау (№ 4)		1430	—	132	22	58	11	7,5
436	Линденау (№ 5)		1365	—	140	21	64	12	6,6
437	Лихтенау (№ 6)		1365	—	116	21	74	12	7,1
438	Блюмштейнъ (№ 7)		1365	—	127	21	85	15	6,4
439	Мюнстербергъ (№ 8)		1430	—	138	22	23	10	8,8
440	Альтонау (№ 9)		1430	—	148	22	57	20	7,0
441	Тигенгагенъ	1805	1365	—	127	21	43	11	8,0
442	Тиге	1805	1300	—	123	20	48	13	7,6
443	Орловъ	1804	1365	—	129	21	61	23	7,1
444	Блюменортъ	1805	1300	—	124	20	48	16	7,5
445	Розенортъ	1805	1300	—	121	20	48	8	7,7
446	Тигервейде	1822	1560	—	126	24	47	11	9,0
447	Рюкенау	1811	1300	—	127	20	51	13	7,2

№№ по порядку.	Наименованіе: а) вѣдомства; б) губерній и уѣздовъ; в) округовъ; и г) колоній. Незаселенные земельные участки.	Когда основаны.	Земельный надѣлъ.		Число муж. пола душъ по 10 ревизіи.				Причитается надѣла на душу.
			Количество всего надѣла удобн.	Размѣръ нормальнаго надѣла удобн.	Надѣленныхъ землею.		Безземельныхъ.		
		Годъ	Десят.	Десят.	Душъ.	Сем. двор.	Душъ	Сем.	
448	Клефельтъ	1854	2600	по 65 на сем.	125	40	4	1	20,1
449	Лихтфельтъ	1819	1300	—	135	20	52	14	7,0
450	Нейкирхъ	1820	1300	—	124	20	20	4	9,0
451	Прангенау	1824	1300	—	128	20	61	15	6,9
452	Елизабетталь	1823	1622	—	110	25	42	12	10,6
453	Александерталь (Касимъ-Шулганъ-Чукракъ)	1820	1365	—	114	21	44	10	8,6
454	Шардау		1300	—	141	20	71	17	6,1
455	Порденау		1300	—	119	20	22	5	9,2
456	Маріенталь		1300	—	124	20	67	15	6,8
457	Руднервейде	1820	2145	—	190	33	100	25	7,3
458	Францталь		1560	—	129	24	45	9	8,9
459	Пастра		1170	—	99	18	33	9	8,8
460	Гросвейде (Саспкулакъ)		1560	—	133	24	49	8	8,5
461	Шпаррау	1828	2600	—	216	40	133	34	7,4
462	Контеніусфельдъ	1831	1950	—	133	30	47	11	10,8
463	Гнаденфельдъ	1835	2660	—	201	40	81	26	9,4
464	Паулсгеймъ	1852	1690	—	85	26	—	—	19,9
465	Николайдорфъ	1851	1430	—	65	22	—	—	22,0
466	Маргенау	1819	1560	—	168	24	96	24	5,9
467	Фюрстенвердеръ	1821	1950	—	215	30	25	4	8,1
468	Александерволь	1821	1950	—	159	30	26	7	10,5
469	Гнаденгеймъ	1821	1560	—	127	24	24	7	10,3
470	Фридендорфъ	1824	1950	—	137	30	67	16	9,5
471	Ландскроне (красный нумеръ)	1839	2600	—	193	49	7	3	13,0
472	Гиршау	1848	1950	—	137	30	—	—	14,3
473	Вальдгеймъ (Польша)	1836	2840	—	205	43	296	59	5,6

№№ по порядку.	Наименованіе: а) вѣдомства; б) губерній и уѣздовъ; в) округовъ; и г) колоній. Незаселенные земельные участки.	Когда основаны.	Земельный надѣлъ.		Число муж. пола душъ по 10 ревизіи.				Причитается надѣла на душу.
			Количество всего надѣла удобн.	Размѣръ нормальнаго надѣла удобн.	Надѣленныхъ землею.		Безземельныхъ.		
		Годъ	Десят.	Десят.	Душъ.	Сем. двор.	Душъ	Сем.	
474	Вернерсдорфъ	1824	1950	по 65 на сем.	149	30	11	2	12,1
475	Либенау	1823	1300	—	122	20	62	12	7,0
476	Шензе	1805	1300	—	123	20	85	23	6,2
477	Фюрстенау	1806	1365	—	125	21	55	14	7,5
478	Ладекопъ	1805	1300	—	125	20	50	15	7,4
479	Петерсгагенъ (Сладкая Балка)	1805	1300	—	111	20	59	14	7,7
480	Александеркроне	1857	2600	—	117	40	—	—	22,2
481	Фриденсру	1857	1950	—	80	30	—	—	24,3
482	Штейнфельдъ	1857	1950	—	62	30	—	—	30,9
483	Маріаволь	1857	1376	—	50	21	—	—	27,5
484	Гамбергъ	1862	1671	—	44	26	—	—	37,9
485	Клиппенфельдъ	1862	1797	—	60	27	—	—	29,9
486	Гнаденталь	1863	1969	—	59	30	—	—	33,3
	Фольварки: Штейнбахъ		—	8 дес. 28 саж.	—	—	—	—	—
	— Фельзенталь		152 дес. 744 саж.	25 дес. 627 с.	—	—	—	—	—
	Участокъ окружной земли		15314/1220	7897	—	—	—	—	—
	Итого въ Бердянскомъ уѣздѣ		277187	—	16902	5062	2920	669	13,9
	И запасныхъ при болгарск. колоніяхъ.		25000	—	—	—	—	—	—
	Въ томъ числѣ нѣмцевъ		108078	—	7438	1356	2920	669	10,4
	Мелитопольскаго уѣзда.								
487	Гуттерталь (Бородатый нумеръ)	1843	3315	—	255	50	—	—	13,0
488	Іоганнесру	1852	1104	—	57	17	15	4	13,9
	Итого въ Молочанскомъ Меннонитскомъ округѣ		103901	—	7066	1290	2762	645	10,5

№№ по порядку.	Наименованіе: а) вѣдомства; б) губерній и уѣздовъ; в) округовъ; и г) колоній. Незаселенные земельные участки.	Когда основаны.	Земельный надѣлъ.		Число муж. пола душъ по 10 ревизіи.				Причитается надѣла на душу.
			Количество всего надѣла удобн.	Размѣръ нормальнаго надѣла удобн.	Надѣленныхъ землею.		Безземельныхъ.		
		Годъ	Десят.	Десят.	Душъ	Сем. двор.	Душъ	Сем.	
	19) Молочанскій колонистскій округъ. (Нѣмцы).								
489	Молочна (Пришибъ)	1804	2700	по 60 на сем.	124	45	432	70	4,8
490	Гоффенталь		1200	—	85	20	93	4	6,7
491	Альтъ-Нассау	1805	2400	—	164	40	162	7	7,3
492	Вейнау		2160	—	241	36	—		9,0
493	Дурлахъ	1810	720	—	42	12	43	9	8,5
494	Карлсруэ	1815	2160	—	194	36	126	19	6,7
495	Кронсфельдъ	1825	1860	—	98	31	121	4	8,5
496	Рейхенфельдъ	1810	2460	—	177	41	135	10	7,9
497	Костгеймъ		2100	—	103	35	86	8	11,1
498	Лейтерсгаузенъ	1810	2880	—	149	48	128	4	10,4
499	Вассерау	1804	1560	—	96	26	84	8	8,6
500	Ней-Нассау	1814	1680	—	98	28	89	5	9,0
501	Гохштедтъ	1809	2340	—	156	39	113	9	8,7
502	Фридрихсфельдъ	1810	3780	—	260	63	214	28	7,9
503	Грюнталь		600	—	46	10	60	5	5,6
504	Розенталь	1814	1860	—	110	31	161	8	6,8
505	Ней-Монталь	1816	1860	—	87	28	85	5	9,7
506	Гейдельбергъ	1810	5520	—	326	92	214	14	10,2
507	Блюменталь	1822	3360	—	162	56	190	8	9,5
508	Тифенбрюнъ	1820	1800	—	94	39	121	5	8,3
509	Вальддорфъ	1809	1620	—	82	27	70	4	10,6
510	Альтъ-Монталь	1805	1860	—	82	31	102	6	10,1
511	Дармштадтъ	1838	3000	—	189	50	119	5	9,7
512	Кайзерталь	1838	3000	—	254	47	—	—	11,8

№№ по порядку.	Наименованіе: а) вѣдомства; б) губерній и уѣздовъ; в) округовъ; и г) колоній. Незаселенные земельные участки.	Когда основаны.	Земельный надѣлъ.		Число муж. пола душъ по 10 ревизіи.				Причитается надѣла на душу.
			Количество всего надѣла удобн.	Размѣръ нормальнаго надѣла удобн.	Надѣленныхъ землею.		Беззмельныхъ.		
		Годъ	Десят.	Десят.	Душъ.	Сем. двор.	Душъ	Сем.	
513	Эйгенфельдъ	1846	2400	по 60 на сем.	154	40	50	3	11,2
514	Гохгеймъ	1847	2310	—	193	38	—	—	11,4
515	Александергеймъ	1860	1980	—	147	33	—	—	13,4
516	Александерфельдъ	1860	2920	—	176	48	—	—	16,0
517	Маріафельдъ	1860	2440	—	142	40	—	—	17,1
518	Николайфельдъ	1864	2040	—	107	35	—	—	18,1
519	Марьягеймъ	1864	1803	—	69	31	—	—	26,1
520	Андребургъ	1864	1800	—	74	30	—	—	24,3
	Овчарный участокъ и подъ лѣсными плантаціями		6396						
	Итого въ Молочанскомъ колонистскомъ округѣ		79170	—	4481	1197	2998	248	10,5
	Колоніи Славянъ изъ Турціи.								
521	Покровка (104 участокъ Велико-и Малороссіянъ)	1861	4896	по 9 на душу.	543	217	—	—	9,0
522	Второконстантиновка (38 участокъ Велико-и Малороссіянъ)	1861	585	—	67	36	—	—	8,7
523	Дмитровка (Азберда) (Болгары-колонисты изъ отграниченныхъ къ Молдавіи колоній)	1862	2350	по 50 на сем.	93	46	—	—	25,2
524	Александровка (28 участокъ) (Болгары-колонисты изъ отграниченныхъ къ Молдавіи колоній)	1861	2050	—	84	41	—	—	24,4
525	Волканешты (29 участокъ) (Болгары-колонисты изъ отграниченныхъ къ Молдавіи колоній)	1861	6100	—	276	122	—	—	22,1
526	Болградъ (Кампенгаузенскій участокъ) (Болгары-колонисты изъ отграниченныхъ къ Молдавіи колоній)	1861	5590	—	279	111	—	—	20,0
527	Терновка (Караджа, Видд. Болгары)	1862	3146	12 на душу.	215	97	—	—	14,5
	Итого въ 7 славянскихъ колоніяхъ		24717	—	1557	670	—	—	15,8
	Итого въ Мелитопольскомъ уѣздѣ		108306	—	9150	1934	3113	252	8,8
	Въ томъ числѣ нѣмцевъ		83589	—	7593	1264	3113	252	7,3

№№ по порядку.	Наименованіе: а) вѣдомства; б) губерній и уѣздовъ; в) округовъ; и г) колоній. Незаселенные земельные участки.	Когда основаны.	Земельный надѣлъ. Количество всего надѣла удобн.	Земельный надѣлъ. Размѣръ нормальнаго надѣла удобн.	Число муж. пола душъ по 10 ревизіи. Надѣленныхъ землею.		Безземельныхъ.		Причитается надѣла на душу.
		Годъ	Десят.	Десят.	Душъ.	Сем. двор.	Душъ	Сем.	
	Днѣпровскаго уѣзда.								
	Колоніи Велико-и Малороссіянъ изъ Турціи.								
528	Вознесенка (105 участокъ)	1862	2370	По Выс. пов. 14 фев. 1866 по 15 на д.	158	75	—	—	15,0
529	Первоконстантиновка (Малый Чокракъ)	1861	6570	—	434	193	—	—	15,0
530	Строгонова (Джайпа и Каикапканъ)	1861	7950	—	521	235	—	—	15.0
531	Ивановка (Терень, Болгары)	1861	7020	—	478	199	—	—	15,0
532	Второалександровка (Адаманскій соляной участокъ)	1862	5790	—	386	205	—	—	15,0
533	Алексѣевка (Адамань)	1861	1965	—	112	47	—	—	15,0
534	Николаевка (участки Падійскій и Второприморскій).	1861	3225	—	215	76	—	—	15,0
	Изъ упраздненной колоніи Владиміровки остается неразселенныхъ. .		2460	—	112	54	—	—	—
	Итого въ Днѣпровскомъ уѣздѣ . .		37350	—	2468	1084	—	—	15,0
	Перекопскаго уѣзда.								
	Колоніи Чеховъ изъ Богеміи.								
535	Таборъ (Кирей)	1863	1467	—	90	39	—	—	16,3
536	Богемка	1863	2318	—	128	52	—	—	18,1
537	Цареквичь (Курманъ Кемельчи) . . .	1863	878	—	44	19	—	—	19,8
538	Александровка 3-я (Кемельчи)	1864	3397	—	144	65	—	—	23,5
	Итого въ Перекопскомъ уѣздѣ . . .		8060	—	406	175	—	—	19,8
	Симферопольскаго уѣзда.								
	20) Нейзацкій округъ. (Нѣмцы).								
539	Нейзацъ (Чукурча)	1805	922	по 60 на сем.	187	15	125	24	2,9

№№ по порядку.	Наименованіе: а) вѣдомства; б) губерній и уѣздовъ; в) округовъ; и г) колоній. Незаселенные земельные участки.	Когда основаны.	Земельный надѣлъ.		Число муж. пола душъ по 10 ревизіи.				Причитается надѣла на душу.
			Количество всего надѣла удобн.	Размѣръ нормальнаго надѣла удобн.	Надѣленныхъ землею.		Безземельныхъ.		
		Годъ	Десят.	Десят.	Душъ.	Сем. двор.	Душъ	Сем.	
540	Фриденталь (Кантекузъ)	1805	682	по 60 на сем.	141	11	123	18	2,5
541	Розенталь (Чабаниба-Бурунча). . . .	1805	1381	—	208	23	91	33	4,6
542	Кроненталь (Булганакъ)	1811	3185	—	210	52	95	5	5,9
	Итого въ Нейзацкомъ округѣ		6143	—	746	101	443	80	5,2
	Отдѣльная колонія.								
543	Балточокракъ (Болгары)	1806	723	по 53 на сем.	57	10	—	—	13,6
	Итого въ Симферопольскомъ уѣздѣ.		6866	—	803	111	443	80	5,5
	Ѳеодосійскаго уѣзда.								
	21) Цюрихстальскій округъ. (Нѣмцы).								
544	Цюрихсталь		1912	по 60 на сем.	280	31	106	51	4,9
545	Гейльбрюнъ		1046	—	125	17	111	21	4,4
546	Судакъ.	1805	300	—	13	5	65	11	6,7
	Запасной земли . . .		225						
547	Герценбергъ.		100	—	3	1	17	9	5,0
	Итого въ Цюрихстальскомъ округѣ .		3583	—	421	54	299	92	4,9
	Отдѣльныя колоніи.								
548	Кишлавъ (Болгары)	1803	1503	по 53 на сем.	250	28	598	68	1,7
549	Старый Крымъ (Болгары)	1802	1000	—	133	18	251	34	2,6
	Итого въ Ѳеодосійскомъ уѣздѣ. . .		6086	—	804	100	1148	194	3,1
	А всего по Таврической губерніи. .		443855	—	30533	8467	7624	1195	11,3
	Въ томъ числѣ:								
	57 колоній Меннонитовъ. . .		103901	—	7066	1290	2762	645	10,5
	44 » другихъ Нѣмцевъ.		97492	—	5932	1475	3912	448	9,9
	64 » Болгаро-славянъ.		242462	—	14335	5692	849	102	15,9

ПРИМѢЧАНІЯ КЪ ПРИЛОЖЕНІЮ II.

[1]) *Всего отведено колоніи Сарептѣ* . . . . 15821 дес.

Въ томъ числѣ удобныхъ 4443 дес., за которыя общество уплачиваетъ казнѣ по $7^1/_4$ к. сер. или 25 к. асс. за дес. (ст. 252 уст. о кол.).

Вообще же числится:

Подъ колоніею и садами	58 дес.
Пахатныхъ	824 —
Сѣнокосныхъ	184 —
Лѣсу	874 —
Подъ рѣками и оврагами	1329 —
— дорогами	448 —
— болотами и песками	748 —
— солончаками	9785 —
Вовсе неудобныхъ	1571 —

[2]) *Во владѣніи колонистовъ* вѣдомства саратовской конторы и. п. состоитъ удобныхъ земель надѣла въ уѣздахъ:

	По генеральн. и спеціальн. планамъ.	По планамъ хозяйственной съемки.
I. *По Саратовской губерніи.*	Десятинъ	удобныхъ.
1) Саратовскомъ	12667	13377
2) Камышинскомъ	173555	306693
3) Аткарскомъ	20859	22358
4) Вольскомъ	1530	1518
Итого	208611	343946
II. *По Самарской губерніи.*		
1) Николаевскомъ	91431	140016
2) Новоузенскомъ	518246	620455
Итого	609677	760471
А всего по 2-мъ губ.	818288	1104417

Въ колоніяхъ Саратовской губ. (кромѣ Сарепты) по 8-й ревизіи (до начала переселенія) состояло 31836 муж. пола душъ, которымъ, согласно Высоч. утв. 12 марта 1840 г. положенію комитета гг. министровъ, надлежало отвести въ дополненіе надѣла до 15 дес. на душу, всего 477540 уд. дес. Въ счетъ сего надѣла, саратовскимъ колонистамъ, согласно планамъ генеральнаго и спеціальныхъ межеваній, отведено въ 1855 и 1859 гг. 453575 дес. т. е. имъ еще не додано 23965 удобныхъ дес.

Эти отводы сдѣланы въ новоузенскомъ уѣздѣ Самарской губ. (округи Еруcланскій и Торгунскій), куда происходитъ переселеніе изъ коренныхъ саратовскихъ колоній и гдѣ переселенцы, согласно приговорамъ коренныхъ обществъ, надѣляются по 15-ти дес. на душу 9-й ревизіи по планамъ хозяйственной съемки. Всего на 252793,3 удобн. дес. сихъ отводовъ предположено водворить 16853 души 9-й ревизіи выселенцевъ изъ 46 коренныхъ саратовскихъ колоній.

По 9-й ревизіи, въ сихъ послѣднихъ, обще съ уже выпущенными переселенцами, считалось 48395 душъ. Исключая отсюда 16853 души, получившихъ или имѣющихъ получить надѣлъ въ новоузенскомъ уѣздѣ, и 1598 душъ, на которыя, какъ выше объяснено, не додано 23965 дес. остается 29944 души 9-й ревизіи, имѣющія довольствоваться полученнымъ въ Саратовской губ. надѣломъ, въ количествѣ по хозяйственной съемкѣ 345354 удобн. дес., т. е. по 11, 5 дес., или, если не считать недоданныхъ 23965 дес., до 11, 0 дес. на душу 9-й ревизіи.

Колонія Ней-Тарлыкъ (оберъ-караманскаго округа № 163) основана колонистами к. Тарлыка (№ 107) въ числѣ 225 душъ 10-й ревизіи, съ надѣломъ по 11, 6 дес., всего 2610 дес. Къ ней присоединено изъ надѣла саратовскихъ колонистовъ 2093 удобн. дес., на 139 душъ 9-й ревизіи сихъ колонистовъ, приселяемыхъ къ кол. Ней-Тарлыку (предлож. Министр. Г. И. 24 іюля 1864 г. № 5340).

Коренныя *колоніи Самарской губ. производятъ выселеніе:* панинскія (15) *въ оберъ-караманскій округъ;* Екатеринштадтскія, Красноярскія и Тонкошуровскія (26) *въ нидеръ-караманскій округъ.* По тарлыцкому округу выселеніе ограничилось, до времени, устройствомъ кол. Ней-Тарлыкъ (№ 163).

По окончаніи разселенія на основаніяхъ, принятыхъ для саратовскихъ колоній, причтется надѣла на душу 9-й рев. въ коренныхъ колоніяхъ: Панинскихъ—по 13, 8, Екатеринштадтскихъ—12, 4, Тонкошуровскихъ—13, 4, и Красноярскихъ 12, 9, удобн. дес.

Вообще колоніи Самарской губ. (не включая сюда меннонитскихъ новоузенскаго, и всѣхъ колоній самарскаго уѣзда) надѣлены еще въ 1841 году полною 15-ти десятинною на число душъ 8-ой ревизіи пропорціею, на основаніи того же Высоч. утв. 12 марта 1840 г., положенія комитета министровъ.

Къ переселенію изъ коренныхъ колоній на дополнительные надѣлы допускаются только такіе хозяева, которые имѣютъ необходимыя для веденія хозяйства орудія, рабочія силы и скотъ. Увольняясь изъ обществъ по мірскимъ приговорамъ, они получаютъ деньгами, въ выдѣлъ изъ кореннаго водворенія, причитающіяся имъ по числу душъ части изъ общественныхъ капиталовъ, строеній, хлѣбныхъ запасовъ и вообще всего общественнаго приходскаго и окружнаго, кромѣ земли, имущества. Прежде, въ началѣ переселенія, выдѣлъ этотъ составлялъ около 26 руб. на переселенческую душу; но при дальнѣйшемъ ходѣ переселенія общества нашлись вынужденными постепенно возвышать размѣръ выдѣла, такъ что къ 1867 г. онъ дошелъ уже до 100 р. и даже болѣе на душу. Независимо отъ сего, коренныя общества оказываютъ своимъ выселенцамъ вспомоществованіе натурою: подводами, хлѣбомъ и т. д., и льготою до 3-хъ лѣтъ отъ платежа податей и повинностей, отбываніе которыхъ принимаютъ коренныя общества на свой счетъ.

На земли дополнительнаго надѣла въ Новоузенскомъ уѣздѣ оставалось выселить муж. пола душъ 9-й ревизіи изъ округовъ:

а) Саратовской губерніи.

	Къ 1866 г.	
1) Ягоднополянскаго	1518	душъ.
2) Сосновскаго	4396	—
3) Каменскаго	1256	—
4) Устькулалинскаго	1390	—
5) Норскаго	3300	—
Итого изъ 46 коренн. колоній.	11860	—

б) Самарской губерніи.

	Къ 1866 г.	
6) Панинскаго	545	душъ.
7) Екатеринштадтскаго	467	—
8) Красноярскаго	371	—
9) Тонкошуровскаго	161	—
10) Тарлыцкаго	—	—
Итого изъ 56 коренн. колоній.	1544	—

При новыхъ колоніяхъ Новоузенскаго уѣзда, къ 1866 г., состояло въ пользованіи обществъ, впредь до приселенія новыхъ выходцевъ, изъ оброка въ казну по оцѣнкѣ:

	Излишнихъ удобныхъ.	На число душъ 9 рев.
При 19 кол. Еруслансkaго округа	39655,6	2644
— 11 — Торгунскаго —	41858,7	2791
— 7 — Оберъ-караманскаго окр.	4623,6	308
— 13 — Нидеръ-караманскаго —	14942,0	996
Итого	101081,2	6739
Въ 21 незас. участкахъ	60735,1	—
При 6-ти кол. Малышинскаго округа	1866,2	Для выходцевъ изъ Пруссіи.
Въ 4 незас. участкахъ	7315,3	
Итого	9181,5	

Съ послѣднихъ 9181, 5 дес., весь оброкъ поступаетъ въ казну, уменьшаясь по мѣрѣ отвода сихъ земель въ надѣлъ; а съ 60,735 дес., казна получаетъ оброкъ по оцѣнкѣ, излишекъ же доходовъ, согласно приговорамъ 46-ти коренныхъ обществъ Саратовской губ., поступаетъ въ общественный «переселенческій» капиталъ сего водворенія.

ПРИЛОЖЕНІЕ III.

Таблица о движеніи народонаселенія въ колоніи Сарептѣ за первыя 100 лѣтъ ея существованія.

	Прибыло изъ-за границы.	Убыло отъѣздомъ за границу.	Прибывшихъ противъ отъѣхавшихъ.		Родилось.	Умерло.	Родилось противъ умершихъ.		Итого.		Наличное-населеніе въ послѣдній годъ 10-ти-лѣтія.
			Болѣе.	Менѣе.			Болѣе.	Менѣе.	Прибыло.	Убыло.	
	Обоего пола душъ.										
Въ 1765—1774 годахъ	190	6	184	—	32	26	6	—	190	—	190
— 1775—1784 —	257	10	247	—	58	61	—	3	244	—	334
— 1785—1794 —	179	50	129	—	96	91	5	—	134	—	468
— 1795—1802 —	85	39	46	—	92	99	—	7	39	—	507
Итого въ 38 лѣтъ.	711	105	606	—	278	277	1	—	607	—	—
— 1803—1812 годахъ	150	124	26	—	128	126	2	—	28	—	535
— 1813—1822 —	111	141	—	30	118	165	—	47	—	77	458
Итого въ 20 лѣтъ. . . .	261	265	—	4	246	291	—	45	—	49	—
— 1823—1833 годахъ	30	84	—	54	107	116	—	9	—	63	395
— 1834—1843 —	58	56	2	—	125	138	—	13	—	11	384
— 1844—1854 —	72	72	—	—	156	103	53	—	53	—	437
— 1855—1864 —	123	95	28	—	142	113	29	—	57	—	494
Итого въ 42 года	283	307	—	24	530	470	60	—	36	—	—
А всего въ 100 лѣтъ	1255	677	578	—	1054	1038	16	—	—	—	—

ПРИЛОЖ

Вѣдомость о числѣ семействъ и душъ мужескаго и женскаго пола по и Самарской губерній.

№№	Наименованіе губерніи, уѣзда, округа и колоній.	По 5-й ревизіи, состоявшейся 1788 года. Число семействъ.	Число душъ. Мужеск.	Женск.	По 6-й ревизіи, состоявшейся 1798 года. Число семействъ.	Число душъ. Мужеск.	Женск.
	САРАТОВСКОЙ ГУБЕРНІИ.						
	Саратовскаго уѣзда.						
	Ягодно-Полянскаго округа.						
1	Ягодная-Поляна	89	290	302	61	782	755
2	Новая Скатовка	—	—	—	37	140	139
3	Побочная	38	119	98	31	330	296
	Итого	127	409	400	129	1252	1185
	Ашкарскаго уѣзда.						
	Норскаго округа.						
1	Медвѣдицкій Крестовой Буеракъ	109	367	337	138	443	418
2	Гречиная-Лука	94	347	275	120	413	349
3	Писковатка	39	133	107	52	187	170
	Итого	242	847	719	310	1043	937
	Камышинскаго уѣзда.						
	Норскаго округа.						
4	Норка	206	690	668	225	845	815
5	Сплавнуха	78	282	288	87	325	318
6	Линево-Озеро	109	359	342	140	471	436
7	Вершинка	28	98	82	36	119	104
8	Олешна	69	227	218	78	241	261

ЕНІЕ IV.

5, 6, 7, 8, 9 и 10 ревизіямъ иностранныхъ поселенцевъ Саратовской (Составлена въ 1859 г.).

По 7-й ревизіи, состоявшейся 1816 года.			По 8-й ревизіи, состоявшейся 1834 года.			По 9-й ревизіи, состоявшейся 1850 года.			По 10-й ревизіи, состоявшейся 1857 года.		
Число семействъ.	Число душъ.		Число семействъ.	Число душъ.		Число семействъ.	Число душъ.		Число семействъ.	Число душъ.	
	Мужеск.	Женск.		Мужеск.	Женск.		Мужеск.	Женск.		Мужеск.	Женск.
158	803	793	286	1499	1423	400	2291	2214	412	2710	2588
36	144	140	51	290	248	80	487	460	82	633	576
69	348	310	130	714	695	204	1209	1175	215	1527	1403
263	1295	1243	467	2503	2366	684	3987	3849	710	4870	4567
191	768	647	305	1344	1208	314	1905	1870	412	2343	2277
143	603	570	246	1011	978	241	1494	1405	291	1694	1565
60	276	291	109	502	448	124	769	762	183	943	942
394	1647	1508	660	2857	2634	679	4168	4037	886	4980	4784
300	1274	1235	445	2095	2018	465	3081	2870	628	3251	3049
126	592	617	210	1078	1042	228	1752	1739	372	2110	2131
180	694	703	276	1170	1135	289	1551	1511	358	1757	1821
53	185	207	86	343	329	87	491	516	127	647	669
91	471	468	191	892	847	194	1310	1251	230	1616	1551

№№	Наименованіе губерніи, уѣзда, округа и колоній.	По 5-й ревизіи, состоявшейся 1788 года.			По 6-й ревизіи, состоявшейся 1798 года.		
		Число семействъ.	Число душъ.		Число семействъ.	Число душъ.	
			Мужеск.	Женск.		Мужеск.	Женск.
9	Памятная	29	87	92	35	117	98
10	Верховье	38	126	103	36	120	115
	Итого	557	1869	1793	637	2238	2147
	Итого по Норскому округу	799	2716	2512	947	3281	3084
	Сосновскаго округа.						
1	Сосновка	91	271	261	94	312	314
2	Таловка	74	254	265	92	311	270
3	Севастьяновка	57	180	187	54	177	179
4	Голый Карамышъ	99	331	351	101	369	357
5	Ключи	62	218	202	70	271	259
6	Усть-Золиха	84	287	294	86	327	292
7	Поповка	78	257	225	73	310	264
8	Гололобовка	102	359	352	107	460	410
9	Лѣсной-Карамышъ	162	493	469	167	566	559
10	Карамышевка	55	167	164	65	205	180
11	Каменный Оврагъ	8	27	21	13	42	36
12	Макаровка	26	88	78	30	117	96
13	Починная	22	74	66	39	112	98
	Итого	920	3006	2935	991	3579	3294
	Каменскій округъ.						
1	Каменка	97	268	267	99	301	314
2	Россоши	26	81	62	47	139	115
3	Усть-Грязнуха	67	182	175	74	224	209
4	Елшанка	29	78	59	33	94	101

По 7-й ревизіи, состоявшейся 1816 года.			По 8-й ревизіи, состоявшейся 1834 года.			По 9-й ревизіи, состоявшейся 1850 года.			По 10-й ревизіи, состоявшейся 1857 года.		
Число семействъ.	Число душъ.		Число семействъ.	Число душъ.		Число семействъ.	Число душъ.		Число семействъ.	Число душъ.	
	Мужеск.	Женск.		Мужеск.	Женск.		Мужеск.	Женск.		Мужеск.	Женск.
39	181	167	74	302	255	75	417	360	89	529	459
42	174	165	77	298	298	78	430	441	94	530	499
831	3571	3559	1359	6179	5924	1416	9032	8688	1898	10477	10185
1225	5218	5067	219	9036	8558	2095	13200	12725	2784	15457	14969
118	436	415	180	676	619	174	965	874	200	1034	932
126	485	457	196	825	749	201	1298	1173	288	1583	1529
80	307	304	103	488	500	109	740	776	146	823	862
145	620	575	239	1158	1100	263	1868	1773	373	2223	2249
92	446	420	165	741	772	178	1064	1117	221	1271	1256
112	513	447	193	941	887	190	1340	1364	259	1663	1664
111	422	428	154	730	668	161	1060	982	174	1111	1080
139	728	708	291	1285	1223	250	1996	1850	471	2290	2175
209	872	829	331	1655	1475	350	2323	2129	360	2366	2131
85	354	342	147	636	636	153	933	941	208	1095	1101
10	34	36	25	87	79	28	118	110	26	123	125
41	184	177	83	327	279	92	527	483	110	626	573
53	181	158	79	341	322	82	535	477	119	637	577
1321	5582	5296	2186	9790	9309	2331	14767	14049	2875	16845	16254
170	448	449	222	717	689	258	1104	1115	321	1234	1222
79	235	201	114	405	371	136	641	607	146	728	707
97	294	312	130	486	486	163	721	702	173	800	812
64	141	120	100	314	321	98	552	499	110	598	577

№№	Наименованіе губерніи, уѣзда, округа и колоній.	По 5-й ревизіи, состоявшейся 1788 года.			По 6-й ревизіи, состоявшейся 1798 года.		
		Число семействъ.	Число душъ.		Число семействъ.	Число душъ.	
			Мужеск.	Женск.		Мужеск.	Женск.
5	Копенка	45	140	133	65	205	180
6	Грязноватка	31	102	95	31	112	111
7	Гнилушка	89	270	237	94	297	294
8	Караульный-Буеракъ	84	259	252	92	303	313
9	Пановка	39	181	113	41	143	135
10	Илавла	45	133	126	46	154	146
11	Семеновка	50	145	163	64	205	202
	Итого	602	1839	1682	686	2177	2120
	Усть-Кулалинскій округъ.						
1	Усть-Кулалинка	49	146	139	65	191	189
2	Верхняя Добринка	42	112	110	44	137	125
3	Верхняя Кулалинка	43	145	138	50	168	186
4	Нижняя Добринка	73	195	197	83	276	276
5	Буйдаковъ-Буеракъ	43	132	128	45	159	151
6	Верхняя-Грязнуха	58	180	182	68	223	209
7	Крестовой-Буеракъ	36	101	105	39	124	136
8	Водяной Буеракъ	36	129	113	38	153	141
9	Щербаковко	50	179	169	61	208	195
	Итого	430	1319	1821	493	1639	1598
	Илавлинскаго округа.						
1	Розенбергъ	—	—	—	—	—	—
2	Унтердорфъ	—	—	—	—	—	—
3	Маріенфельдъ	—	—	—	—	—	—
4	Іозефсталь	—	—	—	—	—	—
5	Эрленбахъ	—	—	—	—	—	—

По 7-й ревизіи, состоявшейся 1816 года.			По 8-й ревизіи, состоявшейся 1834 года.			По 9-й ревизіи, состоявшейся 1850 года.			По 10-й ревизіи, состоявшейся 1857 года.		
Число семействъ.	Число душъ.		Число семействъ.	Число душъ.		Число семействъ.	Число душъ.		Число семействъ.	Число душъ.	
	Мужеск.	Женск.		Мужеск.	Женск.		Мужеск.	Женск.		Мужеск.	Женск.
69	215	206	103	378	374	116	586	536	126	587	553
44	176	171	72	304	290	84	447	447	115	519	491
123	427	398	193	799	719	229	1134	1116	230	1179	1143
134	455	446	193	793	790	269	1095	1087	256	1204	1192
64	180	168	78	273	291	87	428	401	84	473	457
63	213	185	93	342	335	105	485	478	112	468	472
110	389	376	171	756	688	217	1251	1147	239	1515	1411
1017	3173	3032	1469	5567	5354	1762	8444	8135	1912	9305	9067
94	332	337	178	640	658	218	970	875	176	1037	967
66	221	228	104	441	436	132	695	674	163	825	830
70	245	226	101	488	440	141	690	657	127	715	689
119	431	425	158	844	843	202	1307	1294	290	1393	1386
75	237	269	98	439	393	142	672	605	139	697	651
103	334	336	142	663	673	202	1018	1018	215	1280	1234
51	205	208	84	366	347	126	584	569	105	698	714
63	285	225	101	484	439	158	735	761	176	841	872
78	353	315	101	672	659	205	1032	1033	162	1295	1191
719	2613	2569	1067	5037	4888	1526	7703	7486	1553	8524	7553
—	—	—	—	—	—	—	—	—	98	393	403
—	—	—	—	—	—	—	—	—	67	247	204
—	—	—	—	—	—	—	—	—	77	333	301
—	—	—	—	—	—	—	—	—	101	303	241
—	—	—	—	—	—	—	—	—	68	311	284

№№	Наименованіе губерніи, уѣзда, округа и колоній.	По 5-й ревизіи, состоявшейся 1788 года.			По 6-й ревизіи, состоявшейся 1798 года.		
		Число семействъ.	Число душъ.		Число семействъ.	Число душъ.	
			Мужеск.	Женск.		Мужеск.	Женск.
6	Обердорфъ	—	—	—	—	—	—
7	Новая Норка	—	—	—	—	—	—
8	Александерсталь	—	—	—	—	—	—
	Итого	—	—	—	—	—	—
	Итого по Саратовской губерніи	2878	9289	9350	3246	11912	11281
	САМАРСКОЙ ГУБЕРНІИ.						
	Николаевскаго уѣзда.						
	Панинскаго округа.						
1	Панинская	49	128	112	46	137	119
2	Шафгаузенъ	44	109	108	80	137	140
3	Гларусъ	40	112	109	44	156	154
4	Баратаевка	42	117	93	46	141	143
5	Базель	46	133	118	47	150	145
6	Цюрихъ	49	125	131	53	172	154
7	Золотурнъ	51	142	145	57	178	162
8	Цугъ	37	99	97	40	125	119
9	Люцернъ	42	113	104	44	133	142
10	Сусанненталь	18	50	36	19	52	60
11	Унтервальденъ	33	98	96	37	126	108
12	Рязановка	37	94	105	39	113	127
13	Баскаковка	24	80	57	48	85	81
14	Брокгаузенъ	23	56	51	35	78	64
15	Гокербергъ	19	55	50	19	54	53
	Итого	505	1383	1300	658	1700	1652

…й ревизіи состоявшейся 1816 года.			По 8-й ревизіи состоявшейся 1834 года			По 9-й ревизіи, состоявшейся 1850 года.			По 10-й ревизіи, состоявшейся 1857 года,		
[illegible]	Число душъ.		Число семействъ.	Число душъ.		Число семействъ.	Число душъ.		Число семействъ.	Число душъ.	
	Мужеск.	Женск.		Мужеск.	Женск.		Мужеск.	Женск.		Мужеск.	Женск.
—	—	—	—	—	—	—	—	—	73	272	252
—	—	—	—	—	—	—	—	—	87	279	259
—	—	—	—	—	—	—	—	—	30	126	69
—	—	—	—	—	—	—	—	—	601	2264	2013
4545	17881	17207	7208	31933	30475	8298	48101	46244	10435	57451	55394
76	222	196	110	378	408	135	556	518	146	627	591
74	254	231	124	446	439	156	594	597	170	683	688
85	239	241	109	408	405	146	523	494	132	535	530
93	286	274	136	496	510	193	625	641	195	730	716
67	253	259	109	464	441	631	159	647	156	760	749
84	275	275	132	480	486	176	646	675	181	793	796
91	264	257	122	492	450	153	717	699	168	852	783
66	215	200	106	406	377	150	675	682	195	714	706
65	267	217	104	466	464	154	768	747	170	875	812
28	93	95	39	172	164	52	256	239	64	314	318
62	202	184	84	383	395	129	553	564	129	634	648
52	196	164	89	376	370	122	532	534	129	622	627
41	152	138	63	261	241	91	428	387	89	497	467
34	121	122	47	216	215	64	289	278	69	334	311
33	116	115	48	203	204	66	315	318	75	355	370
875	2933	2772	1312	5269	5161	2283	7080	7512	2059	9498	9833

№№	Наименованіе губерніи, уѣзда, округа и колоній.	По 5-й ревизіи, состоявшейся 1788 года. Число семействъ.	Число душъ. Мужск.	Женск.	По 6-й ревизіи, состоявшейся 1798 года. Число семействъ.	Число душъ. Мужеск.	Женск.
	Новоузенскаго уѣзда.						
16	Визенгеймъ	—	—	—	—	—	—
17	Розендамъ	—	—	—	—	—	—
18	Зихельбергъ	—	—	—	—	—	—
	Итого	—	—	—	—	—	—
	Всего	505	1383	1300	658	1700	1652
	Николаевскаго уѣзда.						
	Екатериништатскаго округа.						
1	Екатериништатъ	141	326	310	142	355	365
2	Борегардъ	37	92	76	45	126	115
3	Кано	31	97	66	37	115	114
4	Паульская	51	145	152	70	177	197
5	Филипсфельдъ	18	56	54	19	63	55
6	Боаро	49	147	123	56	186	165
7	Орловская	72	188	156	74	219	196
8	Обермонжу	72	177	193	76	211	218
9	Эрнестинендорфъ	15	43	52	32	52	55
	Итого	486	1271	1182	551	1504	1480
	Новоузенскаго уѣзда.						
	Екатериништатскаго округа.						
10	Новое-Боаро	—	—	—	—	—	—
11	Лиліенфельдъ	—	—	—	—	—	—
12	Розенталь	—	—	—	—	—	—
	Итого	—	—	—	—	—	—
	Всего	486	1271	1182	551	1504	1480

По 7-й ревизіи, состоявшейся 1816 года.			По 8-й ревизіи, состоявшейся 1834 года.			По 9-й ревизіи, состоявшейся 1850 года.			По 10-й ревизіи, состоявшейся 1857 года.		
Число семействъ.	Число душъ.		Число семействъ.	Число душъ.		Число семействъ.	Число душъ.		Число семействъ.	Число душъ.	
	Мужеск.	Женск.		Мужеск.	Женск.		Мужеск.	Женск.		Мужеск.	Женск.
—	—	—	—	—	—	22	55	50	40	102	93
—	—	—	—	—	—	13	41	36	30	83	91
—	—	—	—	—	—	33	115	112	42	153	154
—	—	—	—	—	—	68	211	198	112	338	338
875	2933	2772	1312	5269	5161	2351	7291	7710	2171	9836	9171
230	743	698	382	1286	1182	491	1862	1807	423	2185	2169
49	183	182	77	313	297	106	432	437	114	485	484
45	187	196	78	340	322	108	404	422	102	480	496
89	266	280	134	483	473	165	668	652	186	796	799
31	115	111	55	210	201	82	309	313	70	354	344
82	308	312	129	642	563	185	860	812	174	1085	1033
104	398	393	175	674	628	238	892	877	211	1101	1116
91	308	312	138	546	522	174	808	800	197	921	976
33	117	112	51	207	184	66	291	286	65	356	374
754	2625	2596	1219	4701	4372	1615	6526	6406	1680	7763	7791
—	—	—	—	—	—	40	140	143	39	161	147
—	—	—	—	—	—	33	125	114	46	170	147
—	—	—	—	—	—	29	91	88	48	173	195
—	—	—	—	—	—	102	356	345	133	504	489
754	2625	2596	1219	4701	4372	1717	6882	6751	1813	8267	8280

№№	Наименованіе губерніи, уѣзда, округа и колоній.	По 5-й ревизіи, состоявшейся 1788 года.			По 6-й ревизіи, состоявшейся 1798 года.		
		Число семействъ.	Число душъ.		Число семействъ.	Число душъ.	
			Мужеск.	Женск.		Мужеск.	Женск.
	Красноярскаго округа.						
1	Красный-Яръ	105	277	260	114	354	330
2	Подстепная	54	138	116	59	164	165
3	Старица	54	154	152	58	206	184
4	Усть-Караманъ	30	81	81	35	101	85
5	Теляуза	40	106	107	43	108	112
6	Звонаревъ-Кутъ	44	95	108	42	124	132
7	Луговая-Грязнуха	19	50	41	27	78	64
8	Нидермонжу	55	149	146	63	182	180
9	Звонаревка	24	54	56	25	75	81
	Итого	425	1104	1063	466	1393	1333
	Тонкошуровскаго округа.						
1	Тонкошуровка	82	186	199	82	257	270
2	Отроговка	47	119	108	51	159	148
3	Суслы	28	75	67	30	109	87
4	Крутояровка	42	104	92	47	129	124
5	Раскаты	31	99	84	36	103	116
6	Липовка	32	94	80	37	117	99
7	Липовъ-Кутъ	20	51	55	30	99	99
8	Осиновка	20	62	54	27	91	71
9	Фриденталь	—	—	—	—	—	—
10	Вейценфельдъ	—	—	—	—	—	—
11	Александердорфъ	—	—	—	—	—	—
12	Фрезенталь	—	—	—	—	—	—
	Итого	302	790	739	340	1064	1014

По 7-й ревизіи, состоявшейся 1816 года.			По 8-й ревизіи, состоявшейся 1834 года.			По 9-й ревизіи, состоявшейся 1850 года.			По 10-й ревизіи, состоявшейся 1857 года.		
Число семействъ.	Число душъ.		Число семействъ.	Число душъ.		Число семействъ.	Число душъ.		Число семействъ.	Число душъ.	
	Мужеск.	Женск.		Мужеск.	Женск.		Мужеск.	Женск.		Мужеск.	Женск.
127	534	502	199	878	914	294	1244	1308	310	1500	1504
70	246	242	102	427	443	142	625	638	143	749	756
76	307	307	122	556	548	182	865	805	198	1081	1005
46	130	145	57	249	234	87	386	337	98	478	440
55	164	190	76	341	315	109	501	492	118	635	671
53	183	177	80	346	357	113	501	535	120	678	663
28	128	117	52	252	249	72	369	362	76	474	502
83	297	300	125	506	501	184	688	717	157	827	921
47	154	150	62	306	283	105	509	502	111	632	611
587	2143	2130	875	3861	3844	1288	5688	5696	1331	7054	7073
152	498	426	242	886	891	336	1496	1461	397	1768	1732
94	275	258	142	551	505	178	876	838	198	1000	981
47	178	186	95	323	319	120	506	460	131	625	608
63	181	182	93	277	286	100	428	389	115	543	483
42	176	140	86	312	274	106	472	468	112	572	562
53	180	163	74	325	326	119	481	462	110	620	581
45	174	166	73	321	304	107	492	479	142	628	602
31	154	137	67	295	283	91	326	315	80	427	369
—	—	—	—	—	—	23	84	83	25	95	93
—	—	—	—	—	—	49	191	171	50	245	232
—	—	—	—	—	—	19	72	75	20	101	103
—	—	—	—	—	—	40	190	185	42	232	211
527	1816	1658	872	3290	3188	1288	5614	5386	1394	6856	6557

№№	Наименованіе губерніи, уѣзда, округа и колоній.	По 5-й ревизіи, состоявшейся 1788 года. Число семействъ.	Число душъ. Мужск.	Женск.	По 6-й ревизіи, состоявшейся 1798 года. Число семействъ.	Число душъ. Мужеск.	Женск.
	Тарлыцкаго округа.						
1	Казицкая	68	149	148	78	198	196
2	Березовка	38	83	107	46	115	134
3	Зауморье	28	83	66	31	111	95
4	Степная	52	112	123	58	151	169
5	Яблановка	40	86	79	43	140	104
6	Вольская	42	132	96	50	161	154
7	Тарлыкъ	52	138	133	65	186	183
8	Тарлыковка	42	89	98	51	128	141
9	Поповкина	38	77	77	54	126	138
10	Скатовка	45	111	113	53	149	157
11	Привальная	101	261	260	122	344	328
12	Краснополье	76	185	174	89	242	217
13	Кочетная	37	98	72	43	121	113
14	Ровная	46	103	105	59	154	156
15	Кустарева-Краснорыновка	54	63	70	53	123	127
	Итого	759	1770	1721	895	2449	2412
	Итого по Самарской губерніи	2477	6318	6005	2910	8109	7891

Къ 1868 году числится *наличнаго* населенія въ губерніяхъ

По 7-й ревизіи, состоявшейся 1816 года.			По 8-й ревизіи, состоявшейся 1834 года.			По 9-й ревизіи, состоявшейся 1850 года.			По 10-й ревизіи, состоявшейся 1857 года.		
Число семействъ.	Число душъ.		Число семействъ.	Число душъ.		Число семействъ.	Число душъ.		Число семействъ.	Число душъ.	
	Мужеск.	Женск.		Мужеск.	Женск.		Мужеск.	Женск.		Мужеск.	Женск.
95	269	261	147	477	412	162	616	584	156	740	708
64	226	204	109	401	355	113	531	526	127	660	651
38	128	111	59	231	213	81	358	348	91	461	422
73	233	247	119	407	391	171	611	584	129	775	739
51	256	284	69	297	303	103	456	471	105	523	536
74	164	179	110	407	419	147	610	592	134	746	721
73	278	255	109	458	469	180	751	785	158	904	867
54	170	163	74	290	295	119	458	442	113	526	517
32	164	179	72	269	279	93	459	478	103	528	554
53	153	161	88	293	301	99	486	466	111	596	575
143	492	464	220	867	899	269	1411	1425	320	1685	1692
98	347	289	154	558	547	176	902	885	200	1055	1003
54	212	188	83	346	356	141	594	575	135	675	636
86	286	254	142	527	491	197	835	815	217	1003	1000
54	177	191	77	293	305	125	522	488	107	607	559
1042	3555	3430	1638	6121	6036	2176	9600	9464	2203	11484	11180
3785	13072	12586	5916	23242	22601	8820	35075	35007	3779	43497	42261

	сем.	муж.	жен. душъ.
Саратовской.	11,356	60,124	59,158
Самарской	14,308	66,705	65,158
Итого . .	25,664	126,829	124,316

ПРИЛОЖЕНІЕ V.

Два донесенія министру внутреннихъ дѣлъ отъ главнаго судьи новороссійской опекунской конторы, статскаго совѣтника Контеніуса.

I. О учиненномъ разсмотрѣніи нынѣшняго состоянія Бѣловѣжской колоніи и о предположеніи, какъ раздѣлить имѣющееся подъ оною количество земли.

(8-го мая 1806 г. № 43).

Въ прошедшемъ 1805 году, управляющій экспедиціею государственнаго хозяйства, господинъ тайный совѣтникъ и кавалеръ Габлицъ, по случаю присланныхъ къ нему отъ господина малороссійскаго генералъ-губернатора князя Куракина, поданныхъ отъ Бѣловѣжскихъ колонистовъ о разныхъ ихъ нуждахъ прозьбъ, предписалъ мнѣ отправиться въ Бѣловѣжскую колонію и учинить между поселянами ея распорядокъ и наблюденіе въ ихъ трудолюбіи и хозяйствѣ.

Для приведенія во исполненіе сего предписанія, отправился я въ помянутую колонію, гдѣ встрѣтилъ затрудненіе согласить и склонить хозяевъ къ правильному и соотвѣтственному обстоятельствамъ, тамъ открывшимся, раздѣленію доданныхъ имъ отъ казны 1,216 дес. 2,176 кв. саж., къ владѣемымъ ими прежде 3,664 дес. 1,495 кв. саж., всего 4,881 дес. 1,271 кв. саж. земли.

Причины затрудненія, при семъ раздѣленіи встрѣтившагося, происходятъ отъ того, что при начальномъ водвореніи сихъ колонистовъ, земля была имъ отведена равными участками на каждаго хозяина; а какъ число душъ въ семействахъ отъ случаевъ смерти, отъ вновь рожденныхъ и отъ бракосочетанія дѣтей безпрестанно перемѣняется; сверхъ того, ко вреду сей колоніи, вошло тамъ въ обычай, что взрослые сыновья, женившись, по полученіи отъ родителей части владѣемой ими земли, отдѣлились отъ нихъ и составили особенныя хозяйства, отъ чего хозяйства старыхъ безсильныхъ отцовъ, безъ помощи взрослыхъ сыновей оставшихся, пришли въ упадокъ, равно и не малая часть отдѣлившихся отъ надзора и наставленія родителей молодыхъ хозяевъ, занимавшіеся болѣе шалостями нежели трудолюбіемъ, худо управляли новыми своими хозяйствами—то вышли отъ прописаннаго назначенія земли по числу душъ въ семействахъ и отъ раздѣленія отцовской земли между дѣтьми такія слѣдствія, что хозяева сей колоніи владѣютъ нынѣ участками толь разной величины, что молодые хозяева владѣютъ только отъ одной, 2, 3, 4 до 10; старые же отъ 12, 15, 20, 25 до 30 и 35 десятинами, какъ изъ приложенной вѣдомости видно: такимъ образомъ иныя большія семейства имѣютъ меньше, а малыя больше земли нежели надлежало бы.

По многимъ внушеніямъ и увѣщеваніямъ убѣдилъ я большую часть колонистовъ о надобности уравнить участки старыхъ первоначальныхъ хозяевъ, и удѣлить также молодымъ столько земли, чтобы они безбѣдно могли себя пропитать; въ слѣдствіе чего старшины нижеписанныхъ 5-ти деревень, а именно:

	Семействъ.		Пола душъ.		
	стар.	молод.	муж.	женск.	обоего.
Калчиновки, въ которой	19	1	77	77	154
Рундевизе —	27	6	115	113	228
Малаго вердера —	16	5	62	54	116
Большаго вердера —	37	12	148	146	294
Бѣловѣжскаго городка	25	6	119	105	224
Итого. . . .	124	33	521	495	1,016
	157				

подали мнѣ прошеніе, отъ 131 хозяина подписанное, въ которомъ они просятъ о назначеніи каждому старому семейству по 25 десятинъ, что составляетъ на 124 старыя семейства 3,100 дес., и на 33 молодыхъ хозяевъ, по 10 дес., 330 дес.; всего 3,430 дес.

За тѣмъ, кромѣ земли на Смѣлянской (Хрещатинской) степи отведенной, остается въ Бѣловѣжской колоніи для двухъ пасторатовъ, по 60 десятинъ, 120 дес. Да на удѣленіе городскимъ ремесленникамъ-колонистамъ 510 дес., что составляетъ въ Бѣловѣжской округѣ 4,060 десят.

Касательно назначенія земли для городскихъ ремесленниковъ имѣю честь донести вашему сіятельству, что я считаю за удобное, по моему мнѣнію, не допустить ихъ до того, чтобы они могли отстать отъ своихъ ремеслъ, занятіемъ коихъ прилежные мастера могутъ всегда пріобрѣсть себѣ пропитаніе и быть также полезными для хозяевъ, хлѣбопашествомъ занимающихся: на сей конецъ полагаю я, что 10 десятинъ достаточно будетъ на семейство ремесленниковъ, уважая при томъ, что 10 десятинъ, по добротѣ тамошняго грунта, замѣняютъ 20 и болѣе десятинъ здѣшнихъ (Новороссійскихъ) земель: при большомъ количествѣ оной предвидится, что они со всѣмъ бросятъ свои ремесла. Жалобы ихъ о невозможности найти пропитанія производствомъ оныхъ, по большей части не основательны.

	Семействъ.		Пола душъ.		
	стар.	молод.	муж.	жен.	обоего.
Въ городкѣ Бѣловѣжскомъ считается нынѣ ремесленниковъ.	23	14	99	86	185
	37				

За предположенною на удовлетвореніе 157 семействъ Бѣловѣжскихъ земледѣльцевъ пропорціею 3,430 десятинами земли оставалось, какъ выше сказано, 510 десятинъ.

Назначая каждому семейству городскихъ ремесленниковъ по 10 десятинъ, потребно на 37 таковыхъ семействъ 370 десятинъ, за вычетомъ коихъ остается 140 дес.

Сіи 140 десятинъ могли бы быть отданы желающимъ въ наемъ по цѣнамъ, тамъ обычнымъ, по $1^1/_2$ или 2 рубли для заведенія общественной суммы, коей по нынѣ въ сей колоніи не изъ чего составить; а безъ таковой разныя нужныя распоряженія не могутъ быть въ дѣйствіе приведены, ниже церкви, пастораты, магазины и прочія общественныя строенія въ надлежащемъ цѣлостномъ состояніи быть содержаны.

Въ вышеписанныхъ пяти Бѣловѣжскихъ селеніяхъ считается нынѣ 1,016 обоего пола душъ, да въ городкѣ 185 обоего п. душъ. Сверхъ того, изъ Бѣловѣжъ на смѣлянскую степь переселено 205 об. п. д., что составляетъ 1,406 обоего пола душъ.

А какъ назадъ тому 30 лѣтъ находились въ сей колоніи только 742 обоего пола души и по нынѣ число ихъ почти удвоилось; то заключить можно, что чрезъ столько же времени они до 3,000 душъ размножиться могутъ, въ каковомъ случаѣ и когда у нихъ не станетъ довольно земли для занятія въ одномъ только хлѣбопашествѣ, сіи колонисты принуждены будутъ отдать своихъ сыновей на обученіе ремеслъ или промысловъ; и на сей конецъ считаю я за нужное не давать городскимъ ремесленникамъ болѣе десяти десятинъ земли, дабы тѣмъ принудить ихъ къ продолженію своихъ ремеслъ и къ принятію учениковъ на обученіе изъ колонистскихъ семействъ, имѣющихъ много сыновей.

По нынѣ пользуются городскія 37 семействъ ремесленниковъ только 230 десят. земли.

Полагая по 10 десятинъ на каждое семейство нужно имъ добавить 140 десят., что составляетъ 370 десятинъ.

Изъ Бѣловѣжской колоніи переселено на Смѣлянскую степь, разстояніемъ отъ первой въ 70 верстахъ, семействъ 36, въ коихъ душъ: муж. 116, жен. 89, обоего пола 205. Имъ отведено земли лучшей доброты 821 дес. 1,056 кв. саж.; вычитая на 3-й пасторатъ 60 дес., остается для нихъ 761 дес. 1,056 кв. саж.

Раздѣляя сіи 761 десятину на 36 семействъ, приходится на каждое по 21 десятинѣ съ долею. Въ семъ новомъ селеніи раздѣлили хозяева прописанное количество земли не на 36 равные участки, но по числу душъ въ семействѣ, отъ чего со временемъ воспослѣдуетъ подобная неудобность, какъ въ Бѣловѣжской колоніи; потому считая за нужное, чтобы и въ сей новой колоніи участки земли были уравнены, съ тѣмъ, чтобы хозяевамъ не позволено было ихъ раздѣлить, ниже продать какую либо часть, какъ въ Бѣловѣжской колоніи случилось; сыновья же принуждены бы были, когда они не находятъ случая женидьбою переходить въ другія семейства, оставаться при родителяхъ и составить съ ними одно хозяйство; чѣмъ больше рабочихъ рукъ въ семействѣ, тѣмъ достаточнѣе оно; у которыхъ же отцовъ болѣе взрослыхъ сыновей, чѣмъ потребно для занятія ихъ хлѣбопашествомъ, тѣ должны нѣкоторыхъ сыновей назначить къ обученію ремеслъ.

Въ разсужденіи прошенія, отъ Бѣловѣжскихъ колонистовъ мнѣ поданнаго, о назначеніи старымъ хозяевамъ по 25, молодымъ по 10 десятинъ земли, далъ я имъ замѣтить, что малосемейные нынѣ молодые хозяева чрезъ 20 лѣтъ могутъ имѣть много взрослыхъ дѣтей и тогда 10 десятинъ не будетъ достаточно на ихъ пропитаніе; потому спрашивалъ я старыхъ хозяевъ, не признаютъ ли они за справедливое, чтобы все количество 3,430 десятинъ, старымъ и молодымъ хозяевамъ, къ раздѣлу предположенное, безъ различія старыхъ и молодыхъ хозяевъ раздѣлено было на 157 равные участки по 22 десятины; но они ни какъ не согласились на сіе мое предложеніе, доказывая, что имъ, первоначальнымъ хозяевамъ, силою манифеста 763 года обѣщано достаточное количество земли; молодые же хозяева, когда они получатъ по 10 десятинъ, должны почитать сіе за особенную милость, которой никакого права не имѣли ожидать.

Касательно трудолюбія и хозяйства Бѣловѣжскихъ колонистовъ, замѣтилъ я, что всѣ земли, имъ принадлежащія, хорошо распаханы и разными хлѣбами засѣены: сія колонія отличается нѣсколько производствомъ нарочитаго количества картофелей, коими она снабжаетъ смежные округи. Сверхъ того они разводятъ на продажу лошадей хорошей породы. Тутовыя деревья у нихъ хорошо произрастаютъ и выдер-

живаютъ зимою тамошній климатъ; двухъ, трехъ, отчасти и четырехъ и пятилѣтнихъ шелковичныхъ деревьевъ считается тамъ болѣе 5,000, а съ однолѣтними до 12,000. Нѣкоторые хозяева начали въ прошломъ году знакомиться съ шелководствомъ и прислали сюда нѣсколько тысячь коконовъ своего производства, изъ коихъ здѣсь смотано полу-фунта изряднаго шелку. Въ бытности моей тамъ, назначилъ я при каждомъ селеніи удобное мѣсто для плантаціи сихъ деревьевъ и уповаю хорошаго успѣха въ семъ предпріятіи. Фруктовые сады вездѣ по сей колоніи весьма запущены, а на мѣсто высохшихъ и вымерзшихъ деревьевъ никакія другія не посажены. Съ неудовольствіемъ видѣлъ я также, что всѣ дороги, ведущія отъ одного селенія до другаго, бывъ обсажены еще по повелѣнію покойнаго Фельдмаршала графа Румянцова-Задунайскаго, по обѣимъ сторонамъ вербами, по большей части вырублены. По требованію за такіе худые и вредные поступки отвѣта отъ старшинъ колоніи извинялись они, что хозяева худаго поведенія, не уважая сельскаго начальства, безъ страха отваживаются нарушать его приказанія, надѣясь на то, что повѣтовой судъ не имѣетъ никакой власти надъ ними и что опекунская контора далеко отъ нихъ.

Для приведенія сей колоніи къ лучшему устройству, ослушныхъ же развратныхъ людей къ повиновенію и обузданію, нахожусь принужденнымъ покорно просить, не благоугодно ли будетъ вашему сіятельству отнестись къ господину Малороссійскому гражданскому губернатору, съ тѣмъ, чтобы онъ благоволилъ предписать земскимъ начальствамъ тѣхъ повѣтовъ, гдѣ колоніи поселены, чтобы по отношеніямъ опекунской конторы земскіе исправники отправлялись въ тѣ селенія, гдѣ колонисты окажутся ослушными и необузданными, и по изслѣдованіи преступленія велѣли бы наказывать виновныхъ при мірскомъ собраніи, ибо иначе не предвидится прекращенія тамъ по нынѣ учиненныхъ безчинствъ.

Хотя я оставилъ въ сей колоніи строгой приказъ, въ которомъ предписалъ старшинамъ: какимъ образомъ они, сходно данной имъ инструкціи, должны завести лучшее устройство въ подчиненныхъ имъ селеніяхъ; но сомнѣваюсь, чтобы онъ заочно съ точностію былъ исполненъ.

Непреклонность многихъ изъ числа Бѣловѣжскихъ колонистовъ на то, что общеполезно,—жадность нѣкоторыхъ имѣть больше земли, чѣмъ удѣлить имъ можно, и ропотъ тѣхъ, коихъ прозьбы и желанія находилъ я несправедливыми, принуждаютъ меня представить вышепрописанныя обстоятельства и объясненія на разсмотрѣніе и разрѣшеніе вашего сіятельства.

Въ селѣ Радичевѣ нашелъ я, что переселенное тамъ Меннонитское братство хорошо себя обстроило каменными и деревянными связями: послѣдніе ставили только на время и намѣреваютъ на мѣсто ихъ ежегодно прибавлять каменное строеніе: сія колонія отличается какъ нравственностью, такъ и трудолюбіемъ и искуствомъ отъ другихъ и заслуживаетъ похвалу.

II. О приведеніи въ лучшее устройство Бѣловѣжской колоніи, и о раздѣленіи колонистамъ земли.

(8-го октября 1808 г.).

Іюля 30-го 1806 г. предписано мнѣ отъ экспедиціи государственнаго хозяйства на представленіе мое отъ 8-го мая того года, касательно раздѣленія земли между бѣловѣжскими колонистами войти во всѣ подробности сихъ обстоятельствъ, и сообразивъ всѣ свѣдѣнія на мѣстѣ объ оной колоніи, мною открытыя, представить оныя министерству вмѣстѣ съ мнѣніемъ моимъ о лучшемъ устройствѣ сей колоніи, неотступая вовсе отъ утвержденнаго объ оной, по прежнему моему заключенію, положенія.

Во исполненіе сего предписанія имѣю честь, на предписанные мнѣ нижеслѣдующіе пункты, донести вашему сіятельству изъясненныя противъ каждаго свѣдѣнія:

1) Какими именно ремеслами находящіеся между тѣми колонистами, въ такъ называемомъ селеніи городкѣ, ремесленники занимаются?

Ремесленниковъ состоитъ въ городкѣ: ткачей 8, сапожниковъ 3, портныхъ 5, слесарь 1, столяръ 1, переплетчикъ 1, плотникъ 1, шапошникъ 1 и садовниковъ 2 и, кромѣ ихъ, 14 земледѣльцевъ, отставшихъ отъ своихъ ремеслъ и занимающихся хлѣбопашествомъ.

2) Гдѣ и какъ сбываютъ свои издѣлія?

Издѣлія сбываютъ они въ колонистскихъ и окружныхъ селеніяхъ и у сосѣднихъ помѣщиковъ.

3) На какую примѣрно сумму?

Того и примѣрно дойтить не можно, потому что они не ведутъ о томъ счета, а еслибы и имѣли оный, то справедливо не покажутъ, а умалятъ количество оныхъ для того, чтобы доказать невозможность пропитаться отъ производства ремеслъ, и тѣмъ достичь до удовлетворенія ихъ желанія быть уравненными землею съ другими колонистами.

4) Всѣ ли они безъ исключенія ремесленники, или есть между ими хлѣбопашцы?

Изъ 37-ми хозяевъ, въ городкѣ живущихъ, занимаются при хлѣбопашествѣ 23 ремеслами, а 14, отъ своего ремесла отставшіе нынѣ, только хлѣбопашество производятъ.

5) Можно ли надѣяться, что при умноженіи сихъ ремеслъ найдутся дальнѣйшіе способы къ употребленію оныхъ, такъ какъ по состоянію тамошняго края сомнительно, чтобы усовершенствованныя издѣлія, какого бы рода ни были, могли удобно на мѣстѣ расходиться?

Относительно збыванія такого рода издѣлій, каковы дѣлаютъ упомянутые ремесленники, полагаю я, что они всегда могли бы найти средства продать ихъ кромѣ бѣловѣжскихъ, и сосѣднимъ поселянамъ, также въ неотдаленныхъ городахъ, особливо въ Нѣжинѣ, только въ 60-ти верстахъ отъ нихъ разстоящемъ.

5) Какія именно семейства разумѣются подъ именемъ старыхъ, и чѣмъ онѣ отъ молодыхъ различаются?

Старые хозяева, разумѣется, тѣ, кои вышли изъ заграницы или дѣти ихъ, получившія отцовскія хозяйства, а молодые тѣ, которые отдѣлились отъ родителей и внуки уже первыхъ.

7) На какомъ основаніи сіе различіе между ими дѣлается?

Сіе явствуетъ изъ предыдущаго объясненія.

8) Не справедливѣе и съ пользою всей колоніи не сходнѣе бы было, если бы каждое хозяйство не раздѣляемо было болѣе, какъ на два семейства?

Я считаю за необходимо нужно, чтобы земля, каждому хозяину отъ казны доставшаяся, впредь какъ въ сей, такъ и во всѣхъ прочихъ колоніяхъ, не болѣе какъ на два семейства раздѣляема была, для того, чтобы раздѣленіемъ оной между многихъ дѣтей, а сими опять современемъ между ихъ наслѣдниками на раздробленные участки, сіи мелкія удѣленія земли не становились недостаточными для пропитанія семейства; за утвержденіемъ же такого правила воспослѣдовала бы необходимость, чтобы тѣ дѣти, которыя не согласятся остаться при своихъ родителяхъ и заработывать хлѣбъ на ихъ землѣ, искали себѣ пропитаніе промысломъ, или переселились въ Новороссійскій край.

9) Если необходимо должно будетъ принять мѣру въ разсужденіи раздѣленія земель, мною представленную, то какимъ образомъ взносъ денегъ, высочайше конфирмованнымъ въ 21-й день августа 1800 года докладомъ съ тѣхъ колонистовъ положенный, производимъ быть долженъ?

Примѣняясь къ силѣ сего высочайше конфирмованнаго доклада, по коему всякому семейству положено земли по 30-ти десятинъ съ платежемъ въ годъ по 20-ти рублей поземельной подати, довелось бы городскимъ поселянамъ и молодымъ хозяевамъ отъ 10-ти десятинъ, составляющихъ третью часть изъ 30-ти, платить за оныя изъ положенныхъ 20-ти рублей третью долю, то-есть 6 рублей 67 копеекъ въ годъ.

За симъ считаю за нужное упоминать о причинахъ, побудившихъ меня 8-го мая 1806 года представить министерству проектъ о уравнительномъ раздѣленіи владѣемой бѣловѣжскими колонистами земли по 25 десятинъ каждому старому семейству, коихъ было тогда 124 семейства, и по 10-ти десятинъ каждому молодому, коихъ было 33; по 10-ти десятинъ такъ же каждому ремесленнику въ городкѣ, коихъ было 37; всего 194 семейства.

Я говорю здѣсь о томъ числѣ, которое я нашелъ два года назадъ въ оной колоніи, считая вѣроятнымъ, что понынѣ могла уже случиться нѣкоторая перемѣна въ ономъ счетѣ.

Когда я, въ 1799 году, первый разъ былъ командированъ къ симъ колонистамъ для описанія ихъ состоянія и замѣчанія, какимъ способомъ оное поправить можно; то, по учиненному мною разсмотрѣнію ихъ положенія и по отобраніи отъ нихъ объ ономъ всѣхъ нужныхъ мнѣ свѣдѣній, объявили они мнѣ, что имъ только нужно въ добавокъ столько земли, сколько первоначально имъ обѣщано было, то есть: по 30-ти десятинъ на семейство, считая въ ономъ по четыре мужескаго пола души.

Сіе ихъ желаніе побудило меня объяснить имъ, что первоприбывшимъ въ Россію на поселеніе семействамъ, ихъ предкамъ, сполна по 30-ти десятинъ было отведено, и что нынѣшній недостатокъ въ землѣ у нихъ не происходитъ отъ неполнаго отвода обѣщаннаго имъ количества; но отъ нынѣшняго умноженія семействъ идутъ вдвое противъ прежняго, чѣмъ будучи убѣждены, признались они, что не считаютъ себя вправѣ требовать себѣ добавку земли, но находятся принужденными представить начальству необходимую ихъ нужду въ оной и будутъ считать за милость и за счастіе, если просьба ихъ удостоится благосклоннаго вниманія.

Здѣсь я долженъ замѣтить, что въ тогдашнемъ времени сіи колонисты были гораздо умѣреннѣе въ своихъ желаніяхъ, какъ теперь, потому что недавно, предъ моимъ прибытіемъ къ нимъ, молодыя семейства числомъ 51, послали прошеніе къ престолу о пожалованіи имъ земли, которое съ отказомъ и надраніемъ имъ возвращено.

По освѣдомленіи, въ чемъ состоитъ нужда сей колоніи и по представленіи мною просьбы ея куда слѣдовало, начальство исходатайствовало имъ добавку столько земли, сколько, по ихъ объявленію, имъ нужно было для поправленія своего состоянія. Симъ удовлетвореніемъ, казалось, должны бы они быть довольны; но выходило иначе. Марта 10-го сего года прислали они снова прошеніе въ контору опекунства, въ которомъ пишутъ о крайнѣйшемъ недостаткѣ къ спахиванію земли и просили опять объ отводѣ имъ еще нѣкоторой части Хрещатинской степи, лежащей въ Полтавской губерніи, въ Роменскомъ повѣтѣ, близъ мѣстечка Смѣлаго, куда уже 36 семействъ изъ бѣловѣжской колоніи въ прошломъ 1803 году переселены.

Когда же у хозяевъ сей бѣловѣжской колоніи дошло до раздѣленія доданной имъ 1,216 десятинъ въ 1801 году земли, то въ теченіи 5-ти лѣтъ не могли еще согласиться, какую часть кому изъ оной удѣлить; ибо тѣ хозяева, которые имѣютъ уже болѣе 25-ти и до 30-ти десятинъ, требовали, чтобы и имъ по немалымъ частямъ было добавлено отъ доданной земли, въ каковомъ случаѣ оставалось бы недовольно оной на удѣленіе тѣмъ, которые имѣютъ только отъ 1-й до 5-ти до 10-ти десятинъ: первые не хотятъ внимать, что добавка земли исходатайствована для сей колоніи предпочтительно для того, чтобы дать способъ молодымъ семействамъ къ пріобрѣтенію пропитанія.

Находя въ предпрошломъ 1806 году жителей сей колоніи въ несогласіи и въ неудовольствіи по сему предмету, припоминалъ я имъ ихъ слова, сказанныя мнѣ 799 года: «что они почтутъ себя счастливыми, если имъ будетъ исходатайствовано столько земли, чтобы купно съ первоначально имъ отведенною доставалось бы нынѣ каждому семейству, или на четыре мужескаго пола души, по 30-ти десятинъ». Притомъ далъ я имъ знать, что будучи уже удовольствованы пожеланнымъ количествомъ земли, они не должны льститься какой либо вторичной добавки оной. Но прекративъ всѣ споры и отлагая всякое пристрастіе, должны они помышлять и согласиться скорѣе, какимъ уравнительнымъ образомъ можно приступить къ раздѣленію доданной земли, на какой конецъ тѣ хозяева, которые имѣютъ самые большіе участки, должны отстать отъ требованія добавки, коей лишились бы молодые хозяева такой доли, которая для ихъ пропитанія необходимо нужна. Между прочимъ спрашивалъ я ихъ, не щитали ли бы они за общеполезнѣе, еслибы все количество владѣемыхъ ими 4,060 десятинъ, за исключеніемъ 120-ти для двухъ пасторовъ, остальныя 3,940 десятинъ раздѣлены были между всѣми старыми и молодыми, со включеніемъ и городскихъ ремесленниковъ, всего на 194 хозяевъ по равнымъ частямъ безъ малаго изъ 20-ти десятинъ состоящихъ, съ требованіемъ, чтобы они, помысливъ о семъ, послѣ трехъдневнаго моего отбытія въ радичевскую колонію, дали мнѣ рѣшительный отвѣтъ на такое, или на какое другое раздѣленіе доданной земли, они будутъ согласны.

По возвращеніи моемъ, подали они мнѣ отъ 131 хозяина подписанное прошеніе, въ которомъ представили, что нужда общая и каждаго можетъ быть отвращена тѣмъ, если каждому старому семейству по 25 и молодому по 10-ти десятинъ будетъ отведено. По долговременномъ и безуспѣшномъ толкованіи съ ними о семъ предметѣ и по объясненіи имъ моего мнѣнія, что молодыя хозяева будутъ обижены такимъ удѣленіемъ, отвѣчали они мнѣ, что первоначальные старые хозяева и ихъ наслѣдники считаютъ себя вправѣ пользоваться болѣе землею, нежели молодые, которые отдѣлились отъ своихъ семействъ, и полагая, что хозяйства оставались бы нераздѣленными, то воспослѣдовало-бъ, что два или три старыя и молодыя семейства должны бы пропитаться на 30-ти десятинахъ, къ одному хозяйству принадлежащихъ, въ какомъ послѣднемъ случаѣ доставалось бы такъ же не болѣе 10-ти десятинъ въ пользу одного семейства.

Когда я за симъ уже не былъ въ состояніи склонить ихъ на иное уравнительное раздѣленіе земли, то оставалось мнѣ только сообразно большинству голосовъ представить ихъ желаніе на разсмотрѣніе начальства.

Назначеніемъ же городскимъ ремесленникамъ не болѣе 10-ти десятинъ на семейство, я считалъ, что такимъ удѣленіемъ могутъ быть понуждены къ продолженію ремесла не только занимающіеся оными, но такъ же и тѣ, которые отъ нихъ отстали, и хотя онымъ сіи послѣдніе два разбора недовольны; однакожъ сообразно количеству доданной земли и первоначальнаго увѣренія старшинъ и первостатѣйныхъ хозяевъ сей колоніи, что оно довлѣетъ на общую нужду, не открылъ я другаго способа къ удовлетворенію желанія большинства голосовъ.

Теперь я обращаюсь къ тѣмъ пунктамъ учиненнаго мнѣ іюля 30-го 1806 года предписанія, въ коихъ сказано:

1) Что назначеніе городскимъ ремесленникамъ по 10-ти десятинъ на семейство противно высочайше конфирмованному въ 21 день августа 1800 года докладу, гдѣ именно сихъ ремесленниковъ повелѣно сравнить съ земледѣльцами и надѣлить землею наравнѣ съ прочими колонистами.

2) Чтобы и все вообще раздѣленіе земли между старыми и молодыми семействами привести въ прочной порядокъ на предбудущее время; и

3) Представить съ свѣдѣніями о сей колоніи, мнѣ извѣстными, и мнѣніе мое о лучшемъ устройствѣ оной, не отступая вовсе отъ утвержденнаго объ оной, по прежнему моему заключенію, положенія.

Во исполненіе перваго и втораго вышепрописанныхъ пунктовъ и для успокоенія всѣхъ трехъ разборовъ жителей сей колоніи на предбудущее время, полагаю я надежнѣйшимъ средствомъ уравнить всѣхъ хозяевъ какъ бѣловѣжской колоніи, такъ и переселенныхъ на хрещатинскую степь, безъ различія старыхъ, молодыхъ и ремесленниковъ, равнымъ количествомъ земли, согласно высочайше конфирмованному объ нихъ 1800 года августа 21 дня докладу, по 30-ти десятинъ на семейство [1].

На сей конецъ нужно учинить слѣдующее исчисленіе:

Все количество земли обѣихъ сихъ колоній, съ доданными имъ 1,216 десятинами, состоитъ нынѣ въ 4,881 десятинахъ, за исключеніемъ же бѣловѣжской колоніи 120, да на хрещатинской степѣ 60, всего 180 для двухъ пасторовъ [2], остается хозяевамъ на раздѣлъ 4,701 десятина.

Раздѣляя оное число на участки, изъ 30-ти десятинъ состоящіе, выходитъ таковыхъ въ бѣловѣжской колоніи 131, съ остаткомъ 10 десятинъ, да на хрещатинской степѣ 25, съ остаткомъ 11 десятинъ, всего 156 участковъ по 30-ти десятинъ.

А какъ въ бѣловѣжской колоніи считается нынѣ старыхъ, молодыхъ и ремесленныхъ семействъ 194, да на хрещатинской степѣ 36, а въ обѣихъ 230 семействъ, въ 736 мужескаго пола душъ состоящія, то сообразно вышеупомянутому исчисленію, слѣдовало бы оставить на мѣстахъ нынѣшняго жительства 156 хозяевъ и переселить въ колоніи новороссійскаго края, гдѣ имѣются излишняя земля, 74 семейства изъ молодыхъ хозяевъ и водворить католиковъ изъ онаго числа въ шведской, а лютеранъ въ молочанской колоніи.

За таковымъ выселеніемъ причиталось бы на остающіеся на мѣстѣ 156 хозяевъ по 30 десятинъ каждому, а полагая въ нихъ по соразмѣрному исчисленію 499 мужескаго пола душъ, на каждую по 9-ти десятинъ съ долями.

Касательно же нужныхъ распоряженій по сему предмету, то, въ случаѣ несогласія между хозяевами, можно предоставить жребію, кому должно оставаться на мѣстѣ, и кого достанется выселить.

Въ разсужденіи издержекъ, на сіе переселеніе нужныхъ, полагаю я мнѣніемъ, что остающіеся на мѣстѣ въ замѣну земли, отъ переселяемыхъ имъ достающейся, должны будутъ симъ послѣднимъ пособить въ переходѣ на новое поселеніе, а отъ казны сдѣлать имъ пособіе къ водворенію, сколько необходимая надобность потребуетъ, на какой конецъ нужно будетъ отобрать отъ каждаго переселяющагося по совѣсти точное объявленіе своего достатка и по мѣрѣ онаго добавить имъ соразмѣрную ссуду. Переселеніе же ихъ можно произвесть не вдругъ, но въ теченіи нѣсколько лѣтъ, смотря на возможность, сколько хозяевъ въ состояніи будетъ каждаго года собраться на новое поселеніе; до переселенія же предоставить каждому пользоваться тѣми

---

[1]) Здѣсь нужно замѣтить, что въ прошломъ 1799 году находилъ я въ бѣловѣжской колоніи 639 мужескаго пола душъ, раздѣленныхъ на 221 старыхъ, молодыхъ и ремесленныхъ семействъ; а какъ изъ онаго числа 51 молодыя семейства, просившія о пожалованіи имъ земли, получили отказъ съ надраніемъ ихъ прошенія, то вслѣдствіе онаго не призналъ я ихъ за особенныя семейства; но примѣняясь къ тогдашнимъ обстоятельствамъ, и согласно съ мнѣніемъ старыхъ хозяевъ, приводилъ я числившіяся тогда въ сей колоніи 639 мужескаго пола души въ 160 семействъ, считая оныхъ по 4 на каждое, и на такое число семействъ добавлено имъ столько земли, что на каждое, или на 4 мужескаго пола души, приходится по 30-ти десятинъ: но вмѣсто 160-ти, считается нынѣ тамъ 230 семействъ, и отъ такого раздѣленія хозяйствъ происходитъ ихъ жалоба на тѣсноту земли.

[2]) На два пастората назначено по 90 десятинъ на каждой, въ пособіе неимущимъ пасторамъ, изъ коихъ лютеранскій имѣетъ 180, а католическій только 60 рублей въ годъ жалованья.

участками земли, которые они нынѣ имѣютъ, на тотъ конецъ, чтобы остающіеся на мѣстѣ, желая воспользоваться оными, побуждались находить скорѣе способы къ ихъ переселенію и въ томъ имъ помогать.

За таковымъ выселеніемъ нужно бы установить, чтобы, согласно съ замѣчаніемъ экспедиціи государственнаго хозяйства, никакое колонистское хозяйство не могло раздѣляемо быть больше, какъ на два семейства, для отвращенія впредь раздробленія оныхъ на такія мелкія доли, что они наконецъ становятся недостаточными на пропитаніе семейства; причемъ и подтвердить постановленіе правительства, чтобы никто изъ колонистовъ не отваживался изъ опредѣленнаго каждому участка земли продать какую либо часть оной, такъ какъ сей безпорядокъ прежде между ими былъ производимъ, когда они, безъ начальственнаго надзора, предались всякимъ своевольствамъ.

Касательно же послѣдняго мнѣ предписаннаго пункта, какъ завести лучшее устройство въ сихъ двухъ колоніяхъ, имѣю честь донести, что на сей конецъ нужно одному изъ членовъ конторы ежегодно отправиться туда для изслѣдованія, во сколько наблюдаются установленія въ инструкціи, о внутреннемъ управленіи въ колоніяхъ предписанныя, и во сколько конторскія приказанія исполняются. А буде занятія по водворенію новыхъ колоній сего не позволятъ, то возлагать такову обязанность на одного изъ смотрителей, подвѣдомыхъ конторѣ. Когда же затѣмъ еще откроется надобность довести сихъ посслянъ къ должному послушанію или производить между ими какое либо слѣдствіе, то считаю за нужное, чтобы, по отношеніямъ опекунской конторы, былъ командированъ къ нимъ земскій чиновникъ тѣхъ повѣтовъ, гдѣ они поселены, для разбирательства могущихъ произойти ослушности и безчинствъ и для наказанія, по мирскому приговору, виновныхъ по мѣрѣ преступленія, такъ какъ я о семъ докладовалъ въ моемъ донесеніи отъ 8-го мая 1806 года, съ покорнѣйшею просьбою объ отношеніи со стороны министерства по сему предмету къ начальствамъ тѣхъ губерній, гдѣ сіи колоніи поселены.

Кромѣ сего считаю долгомъ представить вашему сіятельству и о состояніи церквей въ сей колоніи. Построенная около 30-ти лѣтъ предъ симъ въ селеніи Бѣловѣжѣ фахверковая лютеранская церковь нынѣ уже разрушается, отъ чего нужно построить новую, на что однако малое число прихожанъ оной, по умѣренному достатку однихъ и по бѣдности другихъ, не въ состояніи собрать нужную сумму, и просятъ объ отпускѣ имъ оной отъ казны, такъ какъ сіе имъ первоначально было обѣщано. Но за неисполненіемъ онаго (какъ они объявляютъ), искали и нашли они тогда средства просить доброхотныя подаянія, собраніемъ коихъ построили лютеранскую и католическую церкви, изъ коихъ первая приходитъ къ паденію, а другая, пришедъ такъ же въ ветхость, требуетъ частой починки, коей небольшое число ея прихожанъ изъ своего достатка исправить не могутъ. Сіе обстоятельство принуждаетъ меня упоминать о надобности, чтобы впредь всегда для поселенія новыхъ иностранныхъ колоній назначаемы были участки сколь можно въ большей обширности и не менѣе 12,000 десятинъ содержащихъ, дабы на оныхъ по крайней мѣрѣ 200 семействъ единовѣрцевъ можно было поселить.

На случай, если бы ваше сіятельство, соотвѣтственно вышеизъясненному проекту, за благо признали разрѣшить переселеніе 74-хъ семействъ изъ упомянутыхъ двухъ колоній въ новороссійскій край, то оставалось бы затѣмъ въ бѣловѣжской колоніи только 131, да на хрещатинской степи 25 семействъ, которыя кромѣ платежа казенныхъ податей по 20 рублей отъ 30-ти десятинъ и земскихъ повинностей, обязаны еще содержать двухъ пасторовъ, нѣсколькихъ шульмейстеровъ, писаря и окружной приказъ жалованьемъ и два пастората, двѣ церкви, школы, магазинъ, сборную избу и пожарные инструменты въ цѣлостномъ состояніи; но какъ 156 хозяевъ не

въ силахъ собрать складкою нужную сумму на всѣ вышепрописанные предметы, то церкви и другія строенія остаются часто безъ починки и отъ того приходятъ они прежде времени къ паденію.

Для отвращенія сего впредь, считаю я за нужное завести въ бѣловѣжской колоніи общественную сумму, но на составленіе оной не предвижу я инаго средства, какъ предоставить винную продажу въ пользу общества, съ тѣмъ, чтобы откупная за то сумма ежегодно обращаема была для составленія общественной, и за употребленіемъ изъ оной сколько необходимо потребно будетъ на починку церквей и другихъ общественныхъ строеній, остальную часть каждаго года отдавать на ростъ въ приказъ общественнаго призрѣнія на дальнѣйшія общеполезныя заведенія и на составленіе при каждой церкви особенной церковной суммы.

Хотя хозяева лютеранскаго исповѣданія сей колоніи неоднократно просили меня и опекунскую контору о представленіи ихъ нужды въ постройкѣ новой церкви къ вышнему начальству, съ испрошеніемъ имъ на оную потребной суммы отъ казны, въ томъ уваженіи болѣе, что они сею милостію еще не были облагодѣтельствованы: однако, не давъ имъ никакой надежды къ достиженію сего желанія, увѣщевалъ я ихъ, чтобы они какъ прежде, такъ и нынѣ, старались собрать отъ доброхотнаго подаянія нужную имъ сумму, въ чемъ они мало обнадеживаютъ себя успѣхомъ, потому что теперь нѣтъ въ томъ краѣ столько господъ и другаго званія людей ихъ единовѣрцевъ, сколько прежде тамъ было, отъ коихъ бы могли ожидать благотворительнаго пособія къ сооруженію молитвеннаго дома.

Изложивъ въ семъ донесеніи всѣ свѣдѣнія объ оной колоніи, мнѣ извѣстныя, съ мнѣніемъ, какъ можно привести ея въ лучшее устройство, имѣю честь представить оныя на благоразсмотрѣніе вашего сіятельства.

58. Статья о средствахъ къ поправленію состоянія бѣловѣжскихъ колонистовъ.

(Изъ журнала 5 февраля 1809 года).

Представленіе сіе хотя почитается основательнымъ, но оно при произведеніи въ дѣйство можетъ встрѣтить неудобства. Могутъ попасть въ число, къ переселенію назначаемое, такія семейства, кои владѣютъ теперь достаточнымъ количествомъ земли, обработываютъ оную хорошо и имѣютъ надежныя заведенія, между тѣмъ какъ останутся на мѣстѣ дурные хозяева, лѣнивые и развратные. При томъ же, переселеніе сіе едва ли произведетъ ожидаемую пользу и послужитъ только въ тягость казны. Вслѣдствіе чего экспедиція полагаетъ войти въ разсмотрѣніе, не можно ли обойтись безъ переселенія. Средство къ тому можетъ быть то, чтобъ тѣ семейства, которыя вышли изъ старыхъ, присоединить опять къ онымъ; тѣхъ же, кои окажутся къ хозяйству неспособными, обратить въ работники безъ опредѣленія имъ земли; къ чему поводъ подаетъ описанное въ 57-й статьѣ сего журнала происшествіе. А какъ для изслѣдованія онаго полагается отправить особеннаго чиновника, то и поручить главному судьѣ дать ему и на сей случай обстоятельное наставленіе и послѣ представить о томъ вашему сіятельству съ своимъ заключеніемъ. Заключеніе экспедиціи 5 февраля 1809 года г. министромъ внутреннихъ дѣлъ утверждено.

(Арх. мин. госуд. имущ., дѣло 12-го сентября 1804 г. № 180—215).

Вѣдомость, показывающая сколько и по скольку каждое семейство имѣютъ десятинъ земли Бѣловѣжскіе колонисты 1806 года, апрѣля 10-го дня.

Въ деревняхъ: семействъ.	Невраздѣлѣ.	Неимѣющіе.	По $^1/_2$	По 1	По $1^1/_2$	По 2	По $2^1/_2$	По 3	По $3^1/_2$	По 4	По $4^1/_2$	По 5	По $5^1/_2$	По 6	По 7	По $7^1/_2$	По 8	По $8^1/_2$	По 9	По 10	По $10^1/_2$	По 11	По $11^1/_2$	По 12	По 13	По 14	По $15^1/_2$	По 16	По $16^1/_2$	По 17	По $17^1/_2$	По $18^1/_2$	По 19	По $19^1/_2$	По 20	По 21	По $21^1/_2$	По 22	По $22^1/_2$	По $23^1/_2$	По 24	По $24^1/_2$	По 25	По 26	По 29	По 35
Маломъ верде-рѣ	1	3	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	15	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Великомъ вер-дерѣ	1	1	—	2	1	—	1	—	—	2	1	1	—	—	—	—	—	1	—	2	—	—	1	—	—	—	1	1	—	—	1	1	28	—	4	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Рундевизѣ. . .	—	5	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	1	1	—	—	—	—	11	8	2	—	1	1	1	1	—	—
Бѣловѣжѣ. . .	—	3	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1	—	3	3	1	—	1	—	—	1	1	—	1	1	—	1	2	2	5	—	1	1	2	—	—	—	1
Городкѣ. . . .	—	1	1	—	1	1	—	3	1	2	—	1	2	—	11	3	3	2	1	—	1	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Калчиновкѣ. .	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—	—	—	—	1	—	—	—	10	6	—	—	—	1	—
Итого . .	2	13	1	3	2	1	1	3	1	5	1	2	2	—	13	3	3	3	1	3	1	4	4	2	1	1	2	1	1	1	3	3	29	15	5	3	13	13	2	11	8	3	1	1	1	1

Въ городкѣ состоитъ не 36, но 37 семействъ по тому, что изъ двухъ сиротъ составляетъ одно семейство кои осиротѣли послѣ смерти Петра Германа, и въ графахъ по раздѣлу одинъ имѣетъ 2, а другой $3^1/_2$ десятинъ земли.

ПРИЛОЖЕНІЕ VI.

На подлинномъ рукою министра государственныхъ имуществъ написано:

«Утверждаю 14 Января 1865 г.».

Правила выдачи ссудъ колонистамъ южной Россіи изъ «капитала виннаго откупа».

§ 1. Состоящій въ вѣдѣніи попечительнаго комитета объ иностранныхъ поселенцахъ южнаго края Россіи «капиталъ виннаго откупа» назначается для выдачи изъ него колонистамъ южной Россіи, за исключеніемъ бессарабскихъ болгаръ (задунайскихъ переселенцевъ) и меннонитовъ, ссудъ, въ видахъ содѣйствія имъ къ пріобрѣтенію и упроченію за собою земель въ новороссійскомъ краѣ и бессарабской области.

Примѣчаніе. Меннонитамъ и болгарамъ (задунайскимъ переселенцамъ) права на полученіе ссуды изъ такъ называемаго «капитала виннаго откупа» не предоставляется потому, что при существованіи прежней системы питейныхъ откуповъ, они не участвовали въ составленіи виннаго капитала, подобно прочимъ колонистамъ.

§ 2. Выдача ссудъ производится попечительнымъ комитетомъ на слѣдующихъ, ниже изложенныхъ правилахъ.

§ 3. Правомъ на полученіе ссуды могутъ пользоваться означенные въ § 1 колонисты вѣдомства попечительнаго комитета какъ въ составѣ цѣлыхъ обществъ, такъ и по соединеніи въ товарищества, или же и отдѣльными семействами, если товарищества и отдѣльные заемщики представятъ удостовѣреніе мѣстныхъ своихъ начальствъ въ хорошемъ поведеніи, трудолюбіи и благонадежности: а) пріобрѣтающіе покупкою землю, когда имѣютъ достаточныя средства на уплату не менѣе одной половины покупной суммы за пріобрѣтаемую въ собственность землю, при чемъ изъ нихъ пользуются преимуществомъ тѣ, кои не имѣютъ вовсе земли, и б) пріобрѣвшіе уже землю въ собственность у частныхъ лицъ, но не уплатившіе всей покупной цѣны, или обремененные долгами и платежемъ высокихъ процентовъ и неустоекъ, въ особенности же въ томъ случаѣ, когда уже заложена собственная ихъ земля, которой они, вслѣдствіе недостатка денежныхъ средствъ, могутъ лишиться.

§ 4. Опредѣленіе количества выдаваемой ссуды какъ въ пособіе на покупку земель, такъ и на уплату долговъ частнымъ лицамъ по покупкѣ въ собственность земли, зависитъ отъ усмотрѣнія попечительнаго комитета, но во всякомъ случаѣ размѣръ выдаваемыхъ ссудъ не долженъ превышать половины покупной за землю цѣны, если цѣна эта не выше той нормы, которая опредѣлена для земель новорос-

сійскаго края Высочайше утвержденнымъ 19 февраля 1861 г. положеніемъ о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости.

§ 5. Выдача ссудъ производится подъ залогъ пріобрѣтаемой, или уже пріобрѣтенной въ собственность, земли, которая для этого должна быть свободна отъ споровъ или исковъ и отъ запрещенія, въ чемъ заемщики представляютъ комитету удостовѣреніе мѣстной гражданской палаты, и не иначе какъ подъ круговою порукою всего товарищества, или общества, въ непремѣнной уплатѣ въ опредѣленные сроки причитающихся частей позаимствованнаго капитала и процентовъ, на основаніи особыхъ условій, имѣющихъ быть заключенными при каждой выдачи ссуды.

§ 6. На земли, принимаемыя въ залогъ, налагается попечительнымъ комитетомъ установленнымъ порядкомъ запрещеніе. Расходы по этому предмету относятся на счетъ заемщиковъ; запрещеніе не снимается до тѣхъ поръ, пока весь долгъ по займу не будетъ совершенно погашенъ.

§ 7. На выданныя въ ссуду суммы уплачивается ежегодно 6%.

Примѣчаніе. Изъ этихъ 6% отчисляется четверть процента на расходы по заготовленію счетныхъ книгъ, на покупку канцелярскихъ матеріаловъ и на вознагражденіе лицъ, которыя будутъ вести переписку, счеты и вообще отчетность по настоящей операціи.

§ 8. Ссуды выдаются на сроки отъ одного года до двѣнацати лѣтъ, и только въ особыхъ уважительныхъ случаяхъ, въ видѣ исключенія, до 25 лѣтъ, смотря по мѣстнымъ и другимъ обстоятельствамъ, и по соображеніи состоятельности просящихъ ссуду.

§ 9. Полученная товариществами или обществами въ займы сумма почитается въ долгу не на отдѣльныхъ лицахъ, а на цѣломъ обществѣ или товариществѣ.

§ 10. Заемщики обязаны вносить причитающіеся платежи съ процентами за всякій текущій годъ въ періодъ времени отъ 1 іюля до 1 ноября.

§ 11. Заемщики имѣютъ право въ продолженіе срока займа вносить и болѣе назначенныхъ въ условіяхъ срочныхъ платежей и даже весь остающійся на нихъ долгъ Въ случаѣ таковыхъ уплатъ взысканіе процентовъ дѣлается по день взноса денегъ.

§ 12. При взносѣ отъ заемщиковъ платежей выдается имъ немедлено въ полученіи денегъ, за надлежащею подписью, печатная квитанція, съ особой на ней отмѣткой: сколько и когда причитается имъ внести платежа въ слѣдующій срокъ.

§ 13. Не внесенные до 1 ноября заемщиками платежи считаются на нихъ съ сего числа въ недоимкѣ, и попечительный комитетъ, предварительно продажи самой земли, принимаетъ побудительныя мѣры взысканія недоимки на основаніи круговой поруки, со взысканіемъ при томъ пени съ неуплоченной суммы въ теченіи 6 мѣсяцевъ по ½% за каждый мѣсяцъ, считая неполный мѣсяцъ, за полный; о чемъ посылаетъ повѣстки неисправнымъ въ платежѣ заемщикамъ.

§ 14. Въ случаѣ неуплаты недоимки съ штрафомъ въ продолженіе полугода со дня просрочки (съ 1-го ноября по 1-е мая), принадлежащая заемщикамъ земля назначается въ продажу съ публичнаго торга. Для сего въ теченіи того же полугодія попечительный комитетъ дѣлаетъ распоряженіе о производствѣ описи и оцѣнки земли на общемъ основаніи. Если же долгъ не будетъ уплоченъ и за истеченіемъ сего полугодія, то на продажу земли назначаются торги, и объ этомъ дѣлаются надлежащія публикаціи.

§ 15. Продажа съ публичнаго торга просроченныхъ земель производится въ попечительномъ комитетѣ.

§ 16. Внесеніе заемщиками просроченной суммы, съ пенею и всѣми расходами, до 11 часовъ пополуночи въ день торга, освобождаетъ землю отъ продажи, и вслѣдствіе этого дѣлается новая публикація объ отмѣнѣ торговъ.

§ 17. Торгъ начинается съ оцѣночной суммы заложеннаго имѣнія. Относительно порядка производства торговъ, утвержденія оныхъ и дальнѣйшихъ по сему предмету распоряженій комитетъ руководствуется общими указаніями, въ X т. св. зак. изложенными.

§ 18. Изъ суммы, вырученной отъ продажи земли, пополняется прежде всего долгъ попечительному комитету со всѣми причитающимися ему процентами; остальныя затѣмъ деньги выдаются заемщикамъ, буде въ виду комитета не будетъ законныхъ къ тому препятствій.

§ 19. Непредвидѣнные несчастные случаи, какъ то: пожаръ, градобитіе, наводненіе, падежъ скота, истребленіе саранчею хлѣба, совершенный неурожай хлѣба и травъ, и другія бѣдствія и вообще несчастныя случаи, даютъ право заемщикамъ просить попечительный комитетъ о льготѣ. Заемщики, желающіе воспользоваться въ такихъ случаяхъ льготою, должны обратиться съ письменною о томъ просьбою въ попечительный комитетъ, который въ справедливости показанія о постигшемъ бѣдствіи удостовѣряется, смотря по обстоятальствамъ и удобствамъ, или чрезъ особую коммисію изъ смотрителя колоній, или кого либо изъ окружныхъ старшинъ, и нѣсколькихъ благонадежныхъ и не состоящихъ заемщиками колонистовъ, или чрезъ полицейскія управленія. Льготы могутъ состоять: въ освобожденіи отъ пени, въ отмѣнѣ продажи земли, буде торги были уже назначены, и въ разсрочкѣ неуплоченной части долга, смотря по большей или меньшей несостоятельности должниковъ, срокомъ не далѣе двухъ лѣтъ.

Примѣчаніе. Исчисленныя выше несчастія въ такомъ только случаѣ даютъ право на льготу, если оными произведены особенно большой вредъ и опустошенія въ благосостояніи заемщиковъ, имѣвшія послѣдствіемъ дѣйствительную ихъ временную несостоятельность къ платежу на срокъ.

§ 20. Изъ сего же капитала выдаются колоніямъ, на казенныхъ земляхъ водвореннымъ, также подъ круговое поручительство обществъ и за 6% въ годъ, ссуды на сооруженіе и перестройку церквей, молитвенныхъ и училищныхъ домовъ и пасторатовъ. Самая выдача таковыхъ ссудъ, размѣръ оныхъ, не свыше однако одной трети смѣтной на каждую постройку ассигновки, и сроки займа, опредѣляются по ближайшему усмотрѣнію попечительнаго комитета и съ разрѣшенія министерства государственныхъ имуществъ.

§ 21. Для веденія счетовъ по операціямъ капитала виннаго откупа, установляются двѣ шнуровыя книги: *одна, общая книга,* заключаетъ въ себѣ общій приходъ и расходъ капитала по всѣмъ займамъ вообще; *другая, частная книга,* съ алфавитомъ въ концѣ, содержитъ въ себѣ текущіе счеты по каждому займу отдѣльно, особыми статьями. *При* этой *частной книгѣ ведется* еще особая *вспомогательная книга,* съ изложеніемъ, также отдѣльно по каждому займу, полнаго разсчета: сколько, въ какой срокъ надлежитъ заемщикамъ вносить платежей капитала и процентовъ.

§ 22. Попечительный комитетъ, ежегодно при общемъ отчетѣ по управленію колоніями, представляетъ министерству государственныхъ имуществъ отчетъ объ оборотѣ капитала виннаго откупа, и въ тоже время публикуетъ этотъ отчетъ въ издаваемой комитетомъ колонистской газетѣ.

§ 23. Отчетъ долженъ заключать въ себѣ слѣдующія свѣдѣнія:

а) О количествѣ капитала виннаго откупа и ссудъ, оставшихся въ долгу на заемщикахъ къ началу отчетнаго періода.

б) О суммѣ выданныхъ въ теченіи отчетнаго года новыхъ ссудъ.

в) О суммахъ, поступившихъ въ возвратъ отъ заемщиковъ въ теченіи отчетнаго года: 1) посредствомъ ежегодныхъ обязательныхъ взносовъ; 2) посредствомъ возврата частей капитала сверхъ обязательнаго погашенія и 3) посредствомъ взысканія долга, продажею заложенной земли, при неисправности должниковъ.

г) О суммѣ долговъ, остающихся непогашенными къ слѣдующему году, и количествѣ наличнаго капитала виннаго откупа.

д) О суммѣ процентовъ, поступившихъ въ отчетномъ году отъ заемщиковъ.

е) О количествѣ недоимки капитала, процентовъ и пеней за невзносъ платеже въ срокъ, оставшихся отъ предъидущаго періода, вновь накопившихся въ течені отчетнаго года, очищенныхъ въ отчетномъ году, и за тѣмъ состоящихъ къ будущем періоду.

ж) О всѣхъ допущенныхъ попечительнымъ комитетомъ, на основаніи сихъ правилъ льготахъ и отсрочкахъ во взносѣ платежей.

Правила эти переданы попечительному комитету объ иностранныхъ поселенцах при предложеніи отъ 16 января 1865 г. за № 636. Съ тѣмъ вмѣстѣ вмѣнен комитету въ обязанность, сдѣлать эти правила извѣстными колонистамъ чрезъ опубликованіе ихъ въ издаваемой комитетомъ газетѣ, «Unterhaltungsblatt für die ausländischen Ansiedler Süd-Russlands» а за тѣмъ, независимо отъ установленной правилами отчетности министерству по оборотамъ виннаго капитала, ежегодно публиковать въ той же газетѣ подробный отчетъ о состояніи и оборотахъ капитала.

По отчету попечительнаго комитета, капитала виннаго откупа состояло къ 1 января 1868 года:

На лицо деньгами	4,004	р.	14¼	к.
Въ свидѣтельствѣ и книжкѣ одесской конторы государств. банка	75,769	—	»	—
Въ ссудѣ	142,224	—	34	—
Всего	222,057	—	48¼	—

ПРИЛОЖЕНІЕ VII

Статистическое обозрѣніе колоній подвѣдомыхъ попечительному комитету объ иностранныхъ поселенцахъ южнаго края Россіи, за 1841 годъ.

СОСТОЯНІЕ КОЛОНИСТОВЪ

Народонаселеніе:

Наименованіе губерній и округовъ	Количество удобной земли у поселенцевъ (десятинъ)	Число колоній	По ревизіи: семействъ	Душъ: мужескихъ	Душъ: женскихъ	Итого	Семействъ: получившихъ въ надѣлъ земли	Семействъ: безземельныхъ	Иностранцевъ разнаго рода	Наличныхъ душъ: мужчинъ	Наличныхъ душъ: женщинъ	Итого	Дѣтей и проч.
Таврической губерніи.													
Молочанскій меннонитскій	72,777	44	1,337	5,272	4,963	10,235	1,033	1,330	366	6,185	5,936	12,121	70
Молочанскій колонистскій	63,445	23	1,010	3,849	3,533	388	610	205	28[illegible]	4,55[illegible]	4,232	8,763	75
Бердянскій колонистскій	8,596	4	38	190	475	965	23	10	63	619	683	302	69
Крымскій колонистскій (нѣм. и бол.)	2,728	[illegible]	463	781	1,568	3,349	483	37	43	2,079	1,890	3,969	26
Екатеринославской губерніи.													
Хортицкій меннонитскій	32,789	[illegible]	610	2,419	2,443	4,860	455	363	50	2,992	3,036	6,029	73
Іосифстальскій	6,379	4	202	765	774	1,539	150	72	62	681	583	1,764	42
Маріупольскій (Поселенцы)	49,116	28	681	3,09[illegible]	2,84[illegible]	5,933	780	102	289	3,795	3,572	7,367	64
Херсонской губерніи.													
Шведскій (Колонисты)	10,6[illegible]	5	308	631	599	1,233	222	15	66	8[illegible]3	818	1,694	
Либентальскій	39,376	2	190	3,520	3,495	7,015	763	510	257	4,[illegible]	4,33[illegible]	8,[illegible]	51
Кучурганскій	26,647	6	146	2,060	2,066	4,048	34	68	72	2,430	2,214	4,[illegible]04	60
Березанскій	66,933	12	970	3,936	3,727	7,663	1,215	417	55	4,368	4,290	8,658	55
Глюкстальскій	28,560	5	538	2,[illegible]70	2,[illegible]	[illegible]385	171	161	169	2,701	2,552	5,258	60
Поркашевскій (Поселенцы-греки)	20,910	4	278	1,110	1,072	2,182	278		—	1,308	1,241	2,549	76
Терновскій	7,127		161	508	501	1,009	171			519	508	325	41
Б[illegible]скій	36,296	3	587	2,069	1,897	3,966	582	7	63	2,278	2,156	4,434	60
Черниговской губерніи.													
Радичевскій колонистскій	771	2	51	153	163	316	50	19	68	191	217	411	15
Бессарабской Области.													
Малоярославецкій (Колонисты)	50,400	10	960	3,026	2,781	5,807	957		106	3,463	3,305	6,768	62
Клястицкій	57,303	10	1,127	2,955	2,42[illegible]	5,382			41	3,554	3,364	6,918	51
Сарата	15,650	3	247	632	609	1,241	225	15	14	658	663	1,321	69
Шабо, Швейцары	3,996	1	32	76	72	148	40	—		82	68	150	98
Измаильскій (Болгары)	112,713	16	2,681	8,968	8,155	17,123	1,679		1,714	10,036	9,1[illegible]	19,15[illegible]	42
Верхне-Буджакскій	24,308	20	2,755	8,073	7,213	15,286	2,755		755	9,606	8,399	18,005	15
Нижне-Буджакскій	111,710	28	2,262	6,725	5,844	12,569	2,279	—	1,436	7,40[illegible]	6,436	13,840	48
Кагуло-Прутскій	96,922	19	2,431	6,609	6,2[illegible]	12,878	2,436		1,151	7,069	6,390	13,469	39
Итого	1,053,478	286	2[illegible]777	[illegible]059	65,[illegible]	36,340	20,180	3,908	8,467	82,167	76,[illegible]6	58,326	50

Скотоводство, Овцеводство, Садоводство и лѣсоводство въ плантацiяхъ и садахъ колоній, Шелководство, Пчеловодство, Винодѣліе:

Наименованіе губерній и округовъ	Лошадей	Рогатаго скота	Улучшенныхъ овецъ	Простыхъ	Итого овецъ	Фруктовыхъ деревьевъ	Тутовыхъ	Лѣсныхъ	Итого деревьевъ	Выработаннаго шелку (фунты, золотн.)	Ульевъ пчелъ	Виноградныхъ кустовъ	Выработаннаго вина ведеръ
Молочанскій меннонитскій	8,688	10,431	104,875		104,875	105,394	80,700	116,267	302,341	2 10	262		
Молочанскій колонистскій	5,931	6,186	93,077		93,617	182,422	39,01[illegible]	152,649	374,[illegible]3		443		1,986
Бердянскій колонистскій	867	1,229	8,405	76	8,391	22,880	3,224	17,016	43,120	—	51	1,637	—
Крымскій колонистскій	1,473	5,596	6,368	20,722	27,082	59,208	3,758	10,004	43,000	2 20	625	680,630	15,559
Хортицкій меннонитскій	3,760	5,215	65,095		65,095	40,330	21,724	41,342	106,906	1 21	302	150	—
Іосифстальскій	6[illegible]5	1,029	7,612		7,612	4,722	7,002	1,546	[illegible]70	1	41		
Маріупольскій	4,551	5,802	36,931		36,931	71,576	803	1,699	84,108		80	423	
Шведскій	555	2,130	2,138	1,105	3,243	4,003	750	2,02[illegible]	6,774		206	550	—
Либентальскій	4,023	8,199	4,528	1,875	6,403	11[illegible],[illegible]37	18,341	8[illegible],029	216,507		279	3,379,558	72,394
Кучурганскій	3,019	4,563	432		4,432	35,337	3,714	12,082	51,133	—	21	261,560	11,977
Березанскій	7,088	9,899	36,546		36,846	76,20[illegible]	148	17,029	93,381		381	133,606	255
Глюкстальскій	3,172	7,267	10,400	[illegible]	11,[illegible]02	96,172	1,631	2,231	107,039	—	772	1,194,288	46,007
Поркашевскій	1,390	4,039		12,45[illegible]	2,453	44,239	13,705	12,039	70,003	6 1	449	201,610	13,070
Терновскій	840	2,715		7,490	7,490	4,854	3,162	1,124	9,140	3½		7,000	385
Б[illegible]скій	1,880	8,363	—	23,832	23,832	33,215	369	9,163	42,747	—	890	888,620	2,155
Радичевскій колонистскій	191	137		[illegible]	137	925	1,017	56	2,000	—		—	
Малоярославецкій	3,310	11,205	966	20,000	20,966	79,229	144	10,635	90,008		2	445,320	18,694
Клястицкій	3,268	9,899	426	18,054	18,480	30,066	150	5,602	35,818		61	480,673	4,623
Сарата	892	2,264	2,456		2,456	23,421	96	867	24,38[illegible]		—	297,880	3,366
Шабо, Швейцары	120	500	500	350	850	12,500	200	930	13,630		26	200,000	10,000
Измаильскій	10,702	25,403	167,383	[illegible]	184,098	173,020	125,763	165,760	464,543	3 20	60	968,681	59,624
Верхне-Буджакскій	8,125	27,[illegible]2	105,446	38,214	143,660	287,600	16,071	73,449	377,126	2 7	974	471,603	7,500
Нижне-Буджакскій	7,125	21,099	93,162	7,009	100,[illegible]	302,784	12,773	61,583	277,50[illegible]		2	1,029,124	10,025
Кагуло-Прутскій	5,743	19,069	34,30[illegible]	24,154	58,816	134,232	22,038	54,473	2,0[illegible]743	2	296	1,[illegible]6,281	78,252
Итого	87,374	199,496	786,191	97,060	863,85[illegible]	1,642,112	390,441	882,086	3,084,640	10 24	6,012	11,759,011	374,269

Мельницы, строенія, училища, хлѣбные магазины:

Наименованіе губерній и округовъ	Прядильныхъ	Мельницъ водяныхъ, вѣтряныхъ и конныхъ	Крупчатыхъ	Табачныхъ	Жилыхъ домовъ	Церквей и молитвенныхъ домовъ	Школъ	Дѣтей учащихся: мужескихъ	Женскихъ	Всего	Хлѣбныхъ запасныхъ магазиновъ	Наличнаго хлѣба въ магазинахъ (четверти): озимаго	Яроваго
Молочанскій меннонитскій	28	41	11	151	1,013	8	44	1,402	1,327	2,729	40	4,551	726
Молочанскій колонистскій	4 3	27		158	967	5	21	810	769	6[illegible]5	23	2,869	725
Бердянскій колонистскій	1	10		24	152	4	4	43	136	28[illegible]	1	33[illegible]	273
Крымскій колонистскій		6	—	184	550	10	7	302	260	562		399	4
Хортицкій меннонитскій		52	5	37	847	5	1[illegible]	409	496	905	17	4,026	197
Іосифстальскій		18	2	17	197	3	3	165	158	323	4	672	59
Маріупольскій	2	33	5	50	840	[illegible]	93	797	653	1,450	2[illegible]	813	228
Шведскій		15		30	198	5	4	93	95	68	5	31[illegible]	177
Либентальскій	7	58		3	936	9	12	888	844	1,7[illegible]	9	305	264
Кучурганскій		39	1	3	621	6	6	36	315	706		382	13[illegible]
Березанскій		75	2		11[illegible]	8	9	953	910	1,863	9	295	428
Глюкстальскій		35		30	688	3	5	679	581	1,260	5	418	342
Поркашевскій		38	2	201	238	2					2	6[illegible]1	480
Терновскій		24		173	173	1	1	23		23	4	15	189
Б[illegible]скій		55	3	430	595	3	2	92		92	3	353	202
Радичевскій колонистскій		4		22	16	1	2	17	17	34	1	171	
Малоярославецкій		67	6	401	887	10	10	847	839	1,686		66	483
Клястицкій		73	2	361	964	6	10	953	839	1,792	8	82	273
Сарата		16	2	18	201	2	2	136	138	274		16	42
Шабо, Швейцары		3	—		10	1	1	22	6	38			6
Измаильскій		365		1,144	2,692	16		263	28	291	16	2,600	1,573
Верхне-Буджакскій		297		1,122	2,755	18	1	136		136	20	1,036	955
Нижне-Буджакскій		169		811	2,660	18		252		252	23	780	1,525
Кагуло-Прутскій		28[illegible]		1,028	2,[illegible]	8	3	123		93	19	1,[illegible]6	5,631
Итого		813	45	6,455	23,599	159	180	10,140	8,453	18,593	244	22,350	29,[illegible]77

Общественные капиталы и доходы (рубли серебромъ):

Наименованіе губерній и округовъ	Изъ общественнаго народнаго продовольствія	Для благоустройства заведеній	Отъ откупщиковъ	Отъ оброчныхъ статей	Доходы поселенцевъ за 1841 г.: отъ продажи хлѣба	Отъ продажи скота, шерсти и кожъ	Отъ продажи разныхъ продуктовъ	Итого	Податей и разныхъ повинностей за 1841 годъ	Затѣмъ чистаго въ 1841 году получено
Молочанскій меннонитскій		747			82,292	50,555	12,880	162,130	5,313	158,123
Молочанскій колонистскій		1,84[illegible]	9,450	1,01[illegible]	81,75[illegible]	54,[illegible]48	8,204	144,[illegible]3	6,671	27,[illegible]3
Бердянскій колонистскій	—	31	23[illegible]	26	1,668	3,344	52	8,346	1,20[illegible]	146
Крымскій колонистскій		350		303	23[illegible]	2,755	1,893	11,87[illegible]	6,007	6,970
Хортицкій меннонитскій	—	47	9,816		[illegible]33	56,205	734	972	[illegible]	[illegible]35
Іосифстальскій		[illegible]	153	27,683	990	3,841	473	6,[illegible]	24	2,650
Маріупольскій		70	[illegible]	9,152	21,85[illegible]	2[illegible],622	6,[illegible]	56,7[illegible]	9,4[illegible]	2,338
Шведскій		28	116	582	650	[illegible],950	6,152	9,753	2,699	[illegible]035
Либентальскій	1,637	645		[illegible]		16,[illegible]	23,[illegible]	3[illegible]	19,529	5,173
Кучурганскій	514	103 (20905)		[illegible]	14,387	3,[illegible]	6,03	19,29[illegible]	1,68	[illegible]
Березанскій		410	1,339	2,000	33,135	16,559	9,012	68,06	5,0[illegible]	46,0[illegible]
Глюкстальскій	0	97	244	937	5,083	8,0[illegible]	3,472	829	11,396	5,432
Поркашевскій	32	409	3 2	3,576	[illegible]	926	3,9[illegible]	[illegible]8	1,9[illegible]	5,5[illegible]
Терновскій	623	62	257	1,155	2,360	2,830	6,108	491	2,0	9,653
Б[illegible]скій		390	37	230	9,555	2,020	969	4,85[illegible]	8,84[illegible]	5,[illegible]09
Радичевскій колонистскій				30	2,315	6,035	64	1,731	10	4,83[illegible]
Малоярославецкій	3,61	106		6,325	13,536	30,589	512	59,235	[illegible]	44,0[illegible]
Клястицкій						46,932	4,945	1,904	1,036	6,8[illegible]
Сарата		61		4,349		1,09	313	2,9[illegible]	949	495
Шабо, Швейцары		44		920	1,000	90	500	550	[illegible]	396
Измаильскій	36851	4,040		18,638	32,850	53,127	[illegible]495	167,182	[illegible]	40,0[illegible]
Верхне-Буджакскій					3,[illegible]	62,4[illegible]6	193	31,28	[illegible]	62,0[illegible]
Нижне-Буджакскій					7,315	38,618	6,9[illegible]1	8[illegible]	3[illegible]	336
Кагуло-Прутскій					1,287	13,185	26,808	[illegible]286	22,32	22,148
Итого	40,633	13,952	69,544	106,550	408,537	534,998	129,370	[illegible]	3,5[illegible] 279	30,394

Преступленія и Проступки:

Наименованіе губерній и округовъ	Время, за которое жители по преступленіямъ и проступкамъ собраны	Преступленія (противъ правительства, нарушеніе правъ личности, нарушеніе правъ на имущество)	Итого	Проступки (нарушеніе правилъ о благоустройствѣ въ колоніяхъ, нарушеніе устава благочинія, неисполненіе обязательствъ)	Итого
Молочанскій меннонитскій	за XX лѣтъ	6 … 10 4 … 9	68	6 4 5 3	1 32
Молочанскій колонистскій		6 1 1 25 1	52	14 2 2 19	1 12
Бердянскій колонистскій	за XV лѣтъ	6 3 3 3	15	3 4 4 2	26
Крымскій колонистскій	X лѣтъ	1 2 8 7	23	5 3 6 3 1 3	50
Хортицкій меннонитскій	за X лѣтъ	2 1 2 5	17	7	31
Іосифстальскій		9 6 2	17	22 11 24 10 5 3 5 12	93
Маріупольскій	за XX лѣтъ	25 1 9 19 12 2 8 6	116	3 58 68 12 3 72	273
Шведскій		3 3	8	3 16 6	31
Либентальскій		36 3 3	66	12	43
Кучурганскій		1 3 6 28 10	1 63	56 2 0 28	82
Березанскій		27 54 19 4	149	1 35 5 3 3 2	95
Глюкстальскій		5 2 86 29 3	42 332	93 8 38 8	12
Поркашевскій		3 3	[illegible]	2	10
Терновскій	за X лѣтъ	3	3	1	3
Б[illegible]скій		16 3 5	2[illegible]	1 9	25
Радичевскій колонистскій	39 лѣтъ		2		2
Малоярославецкій		21 13	[illegible]	5 0 31 3	50
Клястицкій		9 6 2 2 13 2[illegible]	62	1 3 1 20 6 3 3	3 102
Сарата				—	5
Шабо, Швейцары				2	3
Измаильскій		69 22 2 2 30	349	63 148 6 1	69 226 629
Верхне-Буджакскій		14 30 4 1 48	3	8 28 1 628	5,770
Нижне-Буджакскій		6 2 3 2	26	52 6 328	365
Кагуло-Прутскій		1 62 1 2 8 16 23 2		86 12	40 158

Кромѣ показанныхъ въ таблицѣ земель, нѣкоторые колонисты пріобрѣли въ частную собственность земли, именно: Таврической губерніи Молочанскаго меннонитскаго округа Іоганъ Корнисъ 5,864 дес. Мартенсъ 33,691 дес., Вяцевъ 3,318 дес., Виштъ 3,000 дес. Шредеръ 3,000 дес., Петерсъ 3,000 дес., братья Классены 1,300 дес. Шмитъ 362 дес. Молочанскаго колонистскаго округа: Фейкъ 3,675 дес. Деперъ 3,000 дес. Гуновичъ 2,700 дес. Шмитъ 1,600 дес. Крымскаго округа Бешеръ 340 дес. Зеченъ 353 дес. Мелцеръ 3 3 дес. Фаутъ въ Судакской долинѣ виноградный садъ. Хортицкаго округа меннонитъ Классенъ 500 дес. Херсонской губерніи, Либентальскаго округа Бретнеръ 1,512 дес. Березанскаго округа Кернертъ 1,000 дес. Бульшскаго округа Камберъ 333 дес. Ячковъ 1,000 дес., Степанъ Пестеровъ 150 дес., Нестеръ Пестеровъ 50 дес., Дяко Петровъ 150 дес. Нестеръ Скарковъ 150 дес. Дмитрій Желечки 5 8 дес. Іванъ Желечки 333 дес., Скарло Д[illegible] 333 дес. Мулневъ 1,000 дес. Аргиръ Карьязовъ 833 дес., Петро Маджаръ 63 дес. Гуль Ангелъ 500 дес. Дмитрій Иванъ 348 дес., Атанасовъ 348 дес. Ралевъ 30[illegible] дес. Илко Ралевъ 301 дес. Бессарабской области Верхне-Буджакскаго округа: Іорданъ Кобчо 1,500 дес. Иванъ Трубчо 2,000 дес., вообще земли 77,933 десятины.

Имѣютъ въ Одессѣ собственные дома: вормскій колонистъ Шпрингеръ въ 20 т. руб. асс. кроне-либентальскіе колонисты Зеккенбахеръ въ 22 тыс. руб. асс. Зайтейзенъ въ [illegible]0 т. руб., Кехеле въ 16 т. руб., Маукъ въ 8 т. руб. Бартъ въ 6 т. руб. клейнъ-либентальскій, Браатъ въ 6 т. р. Фелингеръ въ 3 т. руб. люстдорфскій Книпъ въ 2 т. руб. ворбахскій Кнейблеръ въ 2 т. нейбургскій Спицель въ 10 т. руб., Франкъ въ [illegible] т. руб. петерстальскій, Шмитъ въ 15 т. руб. кандельскій, Андріусъ въ 5 т. руб. маріентальскій, Бахмеръ въ 8 т. руб. раштатскій, Фрицель въ 12 т. руб. всего 16-ть домовъ.

(*) Сверхъ показанныхъ въ этихъ четырехъ статьяхъ капиталовъ принадлежитъ еще колоніямъ, кромѣ задунайскихъ переселенцевъ и меннонитовъ, капиталъ вашаго отпуска 134,242 руб. сер.

ПРИЛОЖЕНІЕ VIII.

Правила опеки и наслѣдованія меннонитскаго братства въ Россіи.

(Положеніе Молочанскаго округа).

I. Общія положенія.

§ 1. Собственное имущество Меннонита бываетъ: недвижимое и движимое. § 2. Недвижимымъ имуществомъ признаются: а) состоящія на хозяйственныхъ участкахъ жилыя и хозяйственныя строенія; самый 65-дес. участокъ казеннаго надѣла хотя и не можетъ, по закону, войти въ оцѣнку, какъ частная собственность, въ полной его стоимости, но, тѣмъ не менѣе, новый владѣлецъ хозяйства обязанъ вознаградить наслѣдниковъ за пріобрѣтаемое имъ право пользованія участкомъ, за лѣсныя и другія насажденія на немъ, за участіе, въ качествѣ участковаго владѣльца, въ имуществахъ и угодьяхъ общественнаго пользованія и т. п. Соотвѣтственная всѣмъ этимъ выгодамъ сумма включается въ оцѣнку недвижимаго имущества; б) благопріобрѣтенные земельные участки, т. е. земли, пріобрѣтенныя внѣ казеннаго надѣла, путемъ покупки, наслѣдованія или даренія, въ полную наслѣдственную собственность. Таковыя имущества включаются въ общую наслѣдственную массу, но съ обязательствомъ уплатить слѣдующія по закону, въ казну, пошлины [1]). § 3. Движимымъ имуществомъ почитается: наличный капиталъ, долговыя требованія, скотъ, хозяйственныя и земледѣльческія орудія и всякаго рода домашняя утварь, а также ремесленныя и промысловыя орудія и т. п.

II. О правѣ наслѣдованія по лицамъ и степенямъ родства.

§ 4. Въ дѣлѣ наслѣдованія должно отличать линіи: нисходящую, восходящую и боковыя. *По нисходящей линіи*—законнорожденныя дѣти составляютъ первую степень родства; внуки—вторую; правнуки—третью и т. д. *По восходящей линіи*—первую степень составляютъ родители, вторую—дѣды-бабки (Grosseltern), третью—прадѣды-прабабки (Urgrosseltern). *Въ боковыхъ линіяхъ* — первую степень образуютъ братья и сестры; вторую—родные племянники и племянницы, а также родные братья и сестры родителей (родные дяди и тетки) съ ихъ дѣтьми; третью—внуки родныхъ братьевъ и сестеръ, внуки родныхъ дядей и тетокъ, родные братья и сестры дѣдовъ съ ихъ дѣтьми и внуками. § 5. Раздѣлъ наслѣдственнаго имущества совершается слѣдующимъ образомъ: 1) Если по смерти кого-либо, кромѣ наслѣдниковъ первой степени по нисходящей линіи, остаются и родственники въ

---

[1]) Т. е. съ обязательствомъ совершить законнымъ порядкомъ актъ о переходѣ этого имущества по наслѣдству, согласно меннонитскимъ правиламъ.

восходящей и боковыхъ линіяхъ, то наслѣдуютъ во всякомъ случаѣ *одни родные дѣти и внуки*; именно: а) если остаются одни родныя дѣти, то оставленное родителями, отцомъ или матерью, дѣлится между ними по равнымъ частямъ; единственное дитя есть, какъ само собою разумѣется, и единственный наслѣдникъ; б) если, при родныхъ дѣтяхъ, остаются по прямой нисходящей линіи и родные внуки (т. е. дѣти ранѣе умершихъ сына или дочери), то эти послѣдніе сообща получаютъ такую же часть, какая причитается на каждое родное дитя, и часть эта дѣлится между ними уравнительно. Если нѣтъ дѣтей, а одни только внуки, то они получаютъ все наслѣдство по равнымъ частямъ, дѣтямъ же умершаго внука (правнукамъ) выдѣляется сообща такая же часть. 2) По смерти родныхъ братьевъ или сестеръ, не оставившихъ наслѣдниковъ по нисходящей линіи, имущество ихъ, даже при живыхъ родителяхъ, наслѣдуютъ оставшіеся въ живыхъ братья и сестры, или ихъ дѣти. Если нѣтъ ни родныхъ братьевъ и сестеръ, ни дѣтей ихъ, то въ наслѣдство вступаютъ оставшіеся въ живыхъ родители умершаго. 3) Если, послѣ смерти кого-либо, остаются въ живыхъ одни родители и двоюродные братья съ сестрами, которые наслѣдовали имущество *изъ одного и того же рода* съ умершимъ, то половинная часть имущества послѣдняго обращается въ пользу родителей его, а другая половина передается всѣмъ двоюроднымъ братьямъ и сестрамъ сообща, для уравнительнаго между собою раздѣла. 4) Имущество умершаго, оставившаго ближайшими кровными родственниками однихъ родныхъ племянниковъ и племянницъ, или ихъ дѣтей, а также двоюродныхъ братьевъ и сестеръ, или дѣтей ихъ, наслѣдуютъ первые, т. е. племянники съ племянницами, или ихъ дѣти, по линіямъ и степенямъ родства, уравнительно. Если по смерти кого-либо остаются ближайшими родственниками дѣды (дѣдъ и бабушка) и двоюродные братья и сестры, а также дядья и тетки, то наслѣдуютъ въ одной половинѣ имущества дѣды, а въ другой—двоюродные братья и сестры; послѣдніе дѣлятъ между собою наслѣдство, по линіямъ и степенямъ родства, уравнительно; если же нѣтъ двоюродныхъ братьевъ и сестеръ, то часть ихъ поступаетъ къ дядьямъ и теткамъ на томъ же основаніи. 6) Если среди живыхъ родственниковъ не имѣется дядей и тетокъ, но остаются прадѣды и двоюродные братья съ сестрами, то послѣдніе признаются единственными наслѣдниками. 7) Если нѣтъ двоюродныхъ братьевъ или сестеръ, но есть прадѣды и дядья съ тетками, то имущество дѣлится между первыми (прадѣдомъ и прабабушкой) и послѣдними (дядьями и тетками) на двѣ равныя части. 8) Если при двоюродныхъ братьяхъ и сестрахъ, или дѣтяхъ отъ нихъ, остаются родные дядья и тетки, или ихъ дѣти, то единственными наслѣдниками признаются двоюродные братья и сестры, или ихъ дѣти, по линіямъ и степенямъ родства уравнительно. 9) Если же нѣтъ въ живыхъ ни обоего пола дѣдовъ и прадѣдовъ, ни двоюродныхъ братьевъ и сестеръ, то наслѣдуютъ родные дядья и тетки, или дѣти ихъ, по линіямъ и степенямъ родства. 10) Въ болѣе отдаленныхъ степеняхъ родства, если остались одни дядья и тетки родителей умершаго, а также дѣти родныхъ племянниковъ и племянницъ, то тѣ и другіе признаются за *два отдѣльныхъ рода*, изъ коихъ каждый получаетъ половину наслѣдственнаго имущества. 11) Родные племянники и племянницы устраняютъ отъ наслѣдства двоюродныхъ дядей и тетокъ. 12) Если остаются одни двоюродные дядья и тетки родителей умершаго, а также дѣти родныхъ племянниковъ и племянницъ, то единственными наслѣдниками признаются послѣднія. 13) Дядья и тетки племянниковъ и племянницъ умершаго, при дѣтяхъ отъ послѣднихъ, наслѣдуютъ одну половину, а дѣти племянниковъ и племянницъ—другую половину имущества; и тѣ, и другія, *каждый родъ особо*, дѣлятся между собою уравнительно, по линіямъ и степенямъ родства. 14) Дядья и тетки двоюродныхъ племянниковъ и племянницъ (Halbvetterоheime, Halbnichteоheime) наслѣдуютъ на правѣ равенства съ дѣтьми двоюродныхъ племянниковъ и

племянницъ. 15) Въ степеняхъ и линіяхъ еще болѣе отдаленныхъ, наслѣдственное имущество дѣлится между оставшимися въ живыхъ родственниками поголовно и уравнительно.

III. О выборѣ сиротскихъ старшинъ и опекуновъ; ихъ обязанности.

§ 6. Молочанскій меннонитскій округъ, по управленію опекунскими дѣлами, раздѣляется нынѣ между семью сиротскими старшинами, имѣющими каждый свою опредѣленную дистанцію. Сообща они составляютъ одно сиротское управленіе; общества каждой дистанціи избираютъ своего сиротскаго старшину изъ среды наиболѣе благонадежныхъ хозяевъ, большинствомъ голосовъ, на четыре года. Избранныя обществами лица, по повѣркѣ правильности выборовъ со стороны окружнаго приказа, утверждаются имъ въ должности. Сиротскіе старшины, въ общемъ засѣданіи, избираютъ изъ своей среды, на четыре же года, предсѣдателя, который обязывается сообщать окружному приказу балансовые счеты о состояніи и оборотахъ сиротскихъ имуществъ и капиталовъ. Сиротскіе старшины присутствуютъ, каждый въ своей дистанціи, при раздѣлахъ имущества, въ коемъ участвуютъ сироты; руководятъ сими раздѣлами, ведутъ при этомъ ясные и точные письменные протоколы, разрѣшаютъ возникающія недоразумѣнія на точномъ основаніи сего положенія и заботятся вообще объ устраненіи всякихъ пристрастія и несправедливости въ дѣлежѣ имущества, предупреждая всякую возможность къ недоразумѣніямъ и въ будущемъ. Счеты и книги свои сиротскіе старшины повѣряютъ и контролируютъ другъ у друга сами, въ общемъ засѣданіи, подъ наблюденіемъ и руководствомъ предсѣдателя. Послѣдній о результатахъ такой повѣрки отчитывается ежегодно окружному приказу. Равнымъ образомъ сиротскіе старшины обязаны бдительнымъ наблюденіемъ за дѣйствіями опекуновъ, дабы ввѣренные симъ послѣднимъ капиталы и имущества сиротъ не растрачивались, а были помѣщены и поддерживаемы обезпеченно и выгодно для сиротъ; за несоблюденіе правилъ сего положенія вообще, или въ частности, а также за невѣрное или ошибочное веденіе счетовъ, сиротскіе старшины отвѣтствуютъ лично и по имуществу. § 7. Въ случаѣ смерти супруга, наслѣдники коего всѣ, или частью, несовершеннолѣтніе, оставшійся въ живыхъ супругъ-вдовецъ или вдова (Schicht-или Erbgeber), и мѣстные сельскіе начальники избираютъ двухъ кандидатовъ въ опекуны, изъ коихъ по крайней мѣрѣ одинъ долженъ имѣть постоянное пребываніе въ томъ же селеніи, гдѣ состоитъ опекаемое имущество, или въ ближайшемъ съ нимъ сосѣдствѣ. Кандидаты эти представляются сельскимъ управленіемъ въ сиротское, которое, подвергнувъ ихъ испытанію и признавъ способными и благонадежными, утверждаетъ ихъ въ званіи опекуновъ окончательно. При этомъ опекуны обязываются подпискою о неукоснительномъ исполненіи въ отношеніи сиротъ и ихъ имущества своихъ обязанностей, замѣняя имъ отца и мать. Никто не въ правѣ уклоняться отъ званія опекуна; изъятіе допускается только въ томъ случаѣ, когда избранное лицо завѣдываетъ уже тремя отдѣльными опеками. Опекуны вполнѣ отвѣтственны за цѣлость ввѣренныхъ ихъ управленію сиротскихъ капиталовъ. Если, по ихъ винѣ, потратится часть сихъ капиталовъ, то они обязаны пополнить оные изъ собственныхъ средствъ. Равнымъ образомъ, на обязанность опекуновъ возлагается неослабное наблюденіе за обезпеченностью сиротскихъ капиталовъ, оставляемыхъ безпроцентно въ рукахъ Schicht—или Erbgeber'овъ. Посему, предварительно раздѣла наслѣдственнаго имущества, окружный приказъ вызываетъ чрезъ публикацію всѣхъ кредиторовъ и дебиторовъ Schicht—или Erbgeber'а, дабы состояніе имущества послѣдняго выяснилось вполнѣ. § 8. По смерти обоихъ родителей, либо отца или матери несовершеннолѣтнихъ дѣтей, сельскій приказъ обязанъ: въ первомъ случаѣ—тотчасъ, а во второмъ—въ теченіе восьми сутокъ, произвести подробную опись

всему оставшемуся имуществу, и опись эту, за надлежащимъ подписомъ, при особомъ донесеніи, съ изложеніемъ обстоятельствъ дѣла, представить чрезъ одного изъ сельскихъ начальниковъ лично—въ сироткое управленіе, а тѣмъ временемъ, впредь до раздѣла, имѣть неослабное наблюденіе за цѣлостью наслѣдственнаго имущества, сохраняя подлежащее изъ онаго подъ печатью. Тотъ же порядокъ соблюдается и въ случаѣ смерти несемейныхъ лицъ, если есть несовершеннолѣтніе наслѣдники. § 9. Опекуны обязаны лично навѣщать опекаемыхъ ими сиротъ, во всякомъ случаѣ не менѣе одного раза въ годъ; они убѣждаются при этомъ о положеніи и поведеніи сиротъ, и каждогодно, не позже 15 января, представляютъ, по данной формѣ, письменныя свѣдѣнія сиротскому старшинѣ о состояніи опекаемыхъ. § 10. Каждая вдова обязана, до начала раздѣла, избрать себѣ благонадежнаго попечителя (Kurator), утверждаемаго въ этомъ званіи сиротскимъ управленіемъ, по представленію сельскаго приказа. Тоже самое наблюдается и въ отношеніи лицъ хотя совершеннолѣтнихъ, но еще не вступившихъ въ законный бракъ. *Всякаго рода сдѣлки съ подобными лицами, состоявшіяся безъ согласія попечителя, признаются недѣйствительными.* § 11. Если кто-либо изъ наслѣдниковъ отсутствуетъ или пребываетъ за границею, то интересы такихъ лицъ заступаетъ одинъ изъ родственниковъ, или иное, избранное сельскимъ приказомъ, благонадежное лице. Въ обоихъ случаяхъ лица эти, будучи уполномочены утвержденіемъ сиротскаго управленія, заступаютъ мѣсто отсутствующихъ, обязываясь отчетомъ предъ послѣдними въ своихъ дѣйствіяхъ. § 12. *Коль скоро предположено приступить къ раздѣлу*, Schichtgeber объявляетъ о томъ сельскому старостѣ, а послѣдній сообщаетъ сиротскому старшинѣ, который оповѣщаетъ всѣхъ заинтересованныхъ въ наслѣдствѣ лицъ, приглашая ихъ, на срокъ, собраться въ домѣ Schichtgeber'a. Здѣсь сельское управленіе, подъ руководствомъ сиротскаго старшины и при бытности наслѣдниковъ, ихъ опекуновъ и попечителей, производитъ всему имуществу—движимому и недвижимому—оцѣнку по закону и совѣсти. § 13. Вдовецъ, въ теченіи 6-ти мѣсяцевъ со дня смерти жены, а молодая вдова—по истеченіи первыхъ 4-хъ мѣсяцевъ вдовства, равно какъ всѣ вообще вдовцы и вдовы, обязаны во всякомъ случаѣ до новаго брачнаго сговора (Verlobung) предложить, согласно § 12 сего положенія, раздѣлъ наслѣдственнаго имущества. При этомъ, *за вычетомъ всѣхъ казенныхъ и частныхъ долговъ, изъ остающагося свободнымъ имущества предоставляется*: одна половина въ пользу Schichtgeber'a, а другая—въ собственность наслѣдниковъ. Капиталы несовершеннолѣтнихъ должны быть выплачиваемы наличностью, не далѣе одного года со дня смерти владѣльца (Erblasser), въ чемъ съ Schichtgeber'a берется письменное, точно изложенное обязательство, удостовѣренное подписомъ всѣхъ присутствовавшихъ при раздѣлѣ. Одна копія съ обязательства вручается Schichtgeber'у, другая—опекунамъ, а подлинное обязательство сохраняется при сиротскомъ управленіи. § 14. Если вдовецъ или вдова, рѣшившись на вступленіе въ новый бракъ, потомъ отмѣнятъ свое намѣреніе, то и въ этомъ случаѣ они обязаны, на точномъ основаніи § 12, выдѣлить половину имущества наслѣдникамъ умершаго супруга, такъ какъ въ теченіе времени имущество овдовѣвшаго подвержено перемѣнамъ. Изъ сего правила изъемлются только случаи, когда супруги, не имѣя наслѣдниковъ по нисходящей линіи, еще при жизни своей, путемъ завѣщанія или договора, постановили, чтобы по смерти одного изъ нихъ, другой владѣлъ пожизненно и нераздѣльно ихъ общимъ имуществомъ. Раздѣлъ такого имущества, согласно сему положенію, допускается только по смерти послѣдняго супруга—вдовца или вдовы. § 15. *Если въ числѣ наслѣдниковъ состоитъ слабоумный, убогій, калѣка* и т. д., то сиротскій старшина, сельское управленіе, опекуны и попечители обязаны положительно обсудить: какимъ способомъ слѣдуетъ обезпечить судьбу несчастнаго. Въ случаѣ совершенной и пожиз-

ненной неспособности послѣдняго къ личному заработку, ему, преимущественно предъ остальными сонаслѣдниками, присуждается *третья часть всего родительскаго имущества, а въ раздѣлѣ остальнаго онъ участвуетъ на общемъ основаніи.* Уклоненіе отъ сего правила можетъ быть допущено только въ такихъ случаяхъ, когда имущество столь значительно, что существованіе несчастнаго обезпечивается вполнѣ и меньшею долею наслѣдства. Если же будетъ признано, что такое лицо способно къ нѣкоторому пріобрѣтенію личнымъ трудомъ, то надлежитъ обсудить и постановить, сколько должно отчислить въ пользу его изъ общей массы наслѣдственнаго имущества, сверхъ узаконенной части. Въ тоже время должно быть установлено, гдѣ и какимъ порядкомъ обезпечивается содержаніе такого лица, *дабы оно не могло сдѣлаться тягостью для общества.* Если въ раздѣлѣ участвуютъ, въ качествѣ наслѣдниковъ, двоюродные братья и сестры, то въ раздѣльномъ актѣ слѣдуетъ объяснить въ точности: сколько отчислено на несчастнаго наслѣдника сверхъ законной его части; такъ какъ, съ одной стороны, на содержаніе убогаго должно прежде всего обращать его *законную часть* по общему раздѣлу, *отчисленное же сверхъ этой части* — только за недостаткомъ оной, а съ другой, въ случаѣ смерти несчастнаго до израсходованія всей суммы наслѣдства, двоюродные братья и сестры его имѣютъ на часть, сверхъ законной отчисленную, равное право съ его родными братьями и сестрами. § 16. *Если послѣ смерти обоихъ супруговъ остаются круглыя сироты*, то сельскій приказъ обязанъ немедленно довести о семъ до свѣдѣнія сиротскаго управленія, дабы, при посредствѣ его, имѣющія находиться при раздѣлѣ лица были собраны безъ потери времени, для обсужденія, какимъ образомъ съ наибольшей выгодою для сиротъ слѣдуетъ распорядиться ихъ наслѣдственнымъ имуществомъ. Но во всякомъ случаѣ, безъ предварительнаго разрѣшенія сиротскаго управленія, не могутъ совершаться ни вызовъ къ торгамъ или даже самые торги на продажу таковаго имущества, ни продажа онаго по вольной цѣнѣ. § 17. Ввѣренные опекунамъ наличные сиротскіе капиталы, они обязаны помѣщать на процентное приращеніе, въ пользу сиротъ, подъ надежное поручительство и законныя обязательства; сами же воспользоваться сими капиталами, или частью оныхъ, хотя бы на правахъ заемщика, они не въ правѣ, и дѣлать это имъ строго воспрещается, такъ какъ подобное съ ихъ стороны обязательство было бы несовмѣстно съ ихъ опекунскими обязанностями. Сиротскіе старшины, для обезпеченія сиротскихъ капиталовъ, ведутъ имъ подробный счетъ, по даннымъ для этой цѣли книгамъ. По книгамъ должно быть видно: гдѣ, когда и на какихъ именно условіяхъ помѣщены капиталы каждой опеки; кто, когда и сколько именно уплатилъ и сколько за кѣмъ, на какихъ условіяхъ, остается въ долгу. § 18. Для правильнаго веденія сихъ счетовъ, опекуны, по требованію сиротскихъ старшинъ, обязаны сообщать имъ самыя точныя свѣдѣнія о состоящихъ въ вѣдѣніи ихъ капиталахъ, давать подробный отчетъ о положеніи каждаго капитала и о происшедшихъ въ теченіи года перемѣнахъ по онымъ. Отчеты эти повѣряются и приводятся въ порядокъ сиротскимъ управленіемъ; изъ нихъ составляется балансовый учетъ, который поступаетъ на ревизію окружнаго приказа. § 19. Общія засѣданія сиротскаго управленія составляются два раза въ годъ, по полугодіямъ, для взаимнаго учета и повѣрки счетовъ старшинъ и состоянія капиталовъ.

ПРИ

Форма ипотечной книги сельскаго общества к

№№ по ревизіи.	1) Наименованіе общественныхъ зданій. 2) Имена и фамиліи владѣльцевъ. 3) Происходящія въ личностяхъ владѣльческихъ перемѣны и на основаніи какихъ актовъ.	Количество владѣемой земли. По надѣлу отъ казны. Подъ усадьбою, огородами, садами и т. д.		Полевой и выгонной.		На правѣ полной частной собственности.		Когда производи… опись и страх… оцѣнка имуществ…		
		Дес.	Саж.	Дес.	Саж.	Дес.	Саж.	Годъ.	Мѣсяцъ	Ч
1	*Петръ Рау* владѣетъ хозяйствомъ, съ казеннымъ земельнымъ надѣломъ, на основаніи приговора общества отъ 18 ноября 1840 г. (или по наслѣдству отъ отца, NN, или по раздѣльному акту отъ такого-то числа, мѣсяца и года и т. д.) Съ 1863 г., по смерти Петра Рау, хозяйство осталось въ общемъ владѣніи его наслѣдниковъ, а именно: *вдовы Барбары Рау* (здѣсь выставляется всегда представитель семьи), *съ сыновьями:* Іоганъ-Петеромъ и Людвигомъ, и дочерью Елизабетою-Маріею. Согласно раздѣльному акту, явленному и утвержденному 1 іюля 1864 г. волостнымъ правленіемъ, хозяиномъ: *Іоганъ-Петеръ Рау.*	1	1500	58	900	400 Херсонской губерніи Тираспольскаго уѣзда, подъ наименованіемъ «Фельзенталь», по крѣпостному акту, совершенному тогда-то въ такомъ судебномъ или нотаріальномъ мѣстѣ.	—	18 шестьдесятъ седьмаго.	января	д
	Въ 1865 г. вновь пріобрѣлъ. и т. д.	—	—	—	—	100 тамъ-то по такому-то акту.	380			

Тысяча восемьсотъ шестьдесятъ седьмаго года, января двадцатаго дня, по жалобѣ ховаго имущества и *оцѣнка десятаго сего мѣсяца утверждена* (или вмѣсто курсив нахъ сдѣланы, красными чернилами, надлежащія измѣненія какъ частныя, такъ и въ об

Волостные пожарные старосты NN, NN. Помощникъ волостнаго старшины

Примѣчаніе. Всѣ по повѣркѣ измѣненія дѣлаются такъ: тексты и цифры слегка такими же чернилами; во всякомъ случаѣ уничтожаемые тексты и цифры должны остав

ЖЕНІЕ IX.

ніи Грунау NN волости, NN уѣзда, NN губерніи.

Опись застрахованнаго имущества, оцѣнка его въ той суммѣ, въ какой оно можетъ быть принято на страхъ, и сумма, въ какую оно застраховано.			Сколько и на какой срокъ состоитъ на хозяйствѣ долгу по займу изъ волостной ссудосберегательной кассы? Отмѣтки о сдѣланныхъ по этимъ займамъ уплатахъ?	Состоитъ ли владѣлецъ хозяйства поручителемъ за кого либо по займу изъ ссудосберегательной кассы? За кого именно, въ какой суммѣ и на какой срокъ? Какія послѣдовали уплаты на погашеніе поручительнаго долга?
	Страховая цѣна.	По сколько застраховано.		
	Рубли.			
I. Деревянный жилой домъ пяти саж. длины, и четыре саж. ширины, крытъ черепицею; на каменномъ фундаментѣ и т. д. *страховая цѣна:* пятьсотъ руб.	500	—		
На страхъ въ той же цѣнѣ (либо въ двѣсти-пятьдесятъ руб. и т. д.).	—	500		
II. Лѣтняя кухня изъ кирпича, крытая желѣзомъ, трехъ саж. ширины и пяти длины (и т. д.).				
Оцѣнка двѣсти рублей.	200	—		
На страхъ въ сто рублей.	—	100		
и т. д.				
Всего по страховой оцѣнкѣ на столько-то (прописью), а на страхъ въ суммѣ такой-то (прописью).				
Выборные цѣновщики: NN пожарной староста NN				
Сельскій староста NN				

ниста Рау и распоряженію NN волостного правленія, произведена повѣрка въ оцѣнкѣ страсловъ: и по переоцѣнкѣ найдено: а) . . . . б) . . . . и в) . . . . обо всѣхъ этихъ перемѣитогѣ).

черкиваются цвѣтными (не черными) чернилами и замѣняются надписью по переоцѣнкѣ вполнѣ и удоборазбираемыми.

ПРИЛОЖЕНІЕ X.

На подлинномъ написано собственною Его Императорскаго Величества рукою тако:

Быть посему. Въ царскомъ селѣ 21 мая 1816 г.

Записка, приложенная къ Высочайшему рескрипту Его Императорскаго Величества, и служащая полномочному намѣстнику руководствомъ къ образованію правленія Бессарабской области.

Бессарабская область, лежащая между Чернымъ моремъ, Днѣстромъ, Буковиною, Прутомъ и Дунаемъ, присоединена къ Россійской имперіи, въ слѣдствіе договора, заключеннаго въ Бухарестѣ 16 мая 1812 года. При самомъ пріобрѣтеніи сей провинціи, Его Императорское Величество призналъ за благо даровать новымъ своимъ подданнымъ разныя преимущества и льготы; о чемъ объявлено имъ было отъ главнокомандующаго дунайскою арміею. Обѣщанія, данныя имъ Высочайшимъ именемъ Государя Императора [1]) основывались на правилахъ благоустроенной свободы: ибо предметомъ ихъ было предоставить жителямъ всѣ права и обыкновенія, кои входятъ въ составъ народнаго ихъ существованія; дабы постепенно изгладились въ сей странѣ слѣды войны опустошительной и она возлюбила бы новое свое состояніе.

Сія система, въ полной мѣрѣ соотвѣтствуя той, какую Государю Императору угодно было принять въ отношеніи къ прочимъ вновь пріобрѣтеннымъ землямъ въ царствованіе Его Императорскаго Величества, основана на правилѣ совершенной справедливости. Ибо дѣйствительно можно ли надѣяться, чтобы счастіе какого бы то ни было народа устроилось чрезъ принужденіе, чтобы онъ перемѣнилъ свойство свое? а подчинить его образу правленія, совсѣмъ для него чуждому, не значитъ ли тоже самое?

Къ симъ побудительнымъ причинамъ присовокупляются столь же сильныя политическія уваженія, и именно: чтобъ смежныя Турецкой имперіи области сугубо удостовѣрились въ миролюбивыхъ расположеніяхъ Его Императорскаго Величества, видя, что правленіе Бессарабіи утверждается на основаніяхъ твердыхъ и во всемъ соотвѣтственныхъ нравамъ ея обитателей.

Таковы были правила, по коимъ составилось временное образованіе сей области при самомъ ея присоединеніи. Еслижъ послѣдствія не оправдали общихъ мѣръ, кои

---

[1]) Изданныя въ сіе время прокламаціи отъ гражданскаго губернатора сей области на россійскомъ и молдавскомъ языкахъ, хранятся въ тамошнихъ архивахъ.

тогда были приняты, то сіе должно отнести къ случайнымъ только причинамъ, ясно изложеннымъ въ Высочайшемъ рескриптѣ Его Императорскаго Величества, не за долго предъ симъ состоявшимся на имя митрополита сей области [1]).

По недостатку въ способныхъ чиновникахъ къ занятію разныхъ должностей, при семъ новомъ образованіи, было употреблено много людей, оставшихся безъ мѣстъ по упраздненіи, по случаю войны, господарскаго владѣнія въ молдавскомъ и валахскомъ княжествахъ, и пріобыкшихъ къ формамъ, не рѣдко произвольнымъ, и къ злоупотребленіямъ, неразлучнымъ съ таковымъ порядкомъ вещей.—Вниманіе правительства было занято важнѣйшими произшествіями, а потому и нельзя было обратить онаго надлежащимъ образомъ на состояніе Бессарабіи. Отъ сего послѣдовали и въ мирное время тѣже самыя неудобства, кои существовали въ продолженіе войны. Неудачный выборъ чиновниковъ, набранныхъ по необходимости тогдашняго времени съ великою поспѣшностію, причинилъ неизбѣжныя распри между иностранцами и природными жителями; злоупотребленія возрастали ежедневно; неудовольствіе въ народѣ обнаруживалось болѣе и болѣе чрезъ многочисленные побѣги за границу, и зло усилилось до такой степени, что нужно стало немедленное исправленіе.

Главное намѣреніе Его Императорскаго Величества при назначеніи *полномочнаго намѣстника*, долженствующаго отправиться на мѣсто съ обширною властію, состояло въ томъ, чтобъ остановить распространяющіяся злоупотребленія, успокоить новыхъ своихъ подданныхъ и образованіе сей земли на будущія времена учредить на основаніяхъ прочныхъ и съ благоустроенною свободою соотвѣтственныхъ.

Въ слѣдствіе сего первый предметъ, предлежащій попеченію полномочнаго намѣстника, долженъ состоять въ томъ, чтобы возстановить правленіе на тѣхъ же совершенно простыхъ основаніяхъ, на коихъ оное съ самаго начала учреждалось. Для обозрѣніяжъ оныхъ въ полномъ видѣ, нужно токмо обратиться къ наставленіямъ, даннымъ гражданскому губернатору сей области [2]), и къ кореннымъ постановленіямъ, на основаніи коихъ учреждены были департаменты распорядительный и судный.

Послѣ сего перваго распоряженія, полномочному намѣстнику не трудно будетъ окружить себя такими людьми изъ тамошнихъ природныхъ жителей, кои могли-бы доставить ему всѣ потребныя свѣденія:

1) О томъ, какое нужно дать окончательное образованіе сей области, приспособивъ оное къ ея правамъ и узаконеніямъ, а также и къ преимуществамъ разнаго состоянія жителей.

2) О разныхъ первоначальныхъ распоряженіяхъ, къ коимъ нужно приступить, дабы нечувствительно усовершить образъ правленія и улучшить жребій сей области, постепеннымъ заведеніемъ тѣхъ учрежденій, кои потребны для ея благосостоянія.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Образованіе.

Приступая къ сему спасительному дѣлу, должно напередъ избрать найспособнѣйшія къ тому орудія и устранить тѣ, кои могли бы въ ономъ причинить какое нибудь помѣшательство.

На сей конецъ отъ Его Императорскаго Величества предоставляется полномочному намѣстнику особенная власть удалить какъ отъ высшихъ, такъ и отъ подначаль-

[1]) Высочайшій рескриптъ преосвященному митрополиту Гавріилу.
[2]) Къ инструкціи, данной г. Стурдзе отъ адмирала Чичагова [illegible]

ныхъ должностей, тѣхъ чиновниковъ, кои окажутся виновными въ какихъ либо злоупотребленіяхъ, или въ иныхъ предосудительныхъ поступкахъ, а на мѣста ихъ пріискать и назначить изъ природныхъ жителей, коихъ онъ признаетъ къ тому способными. Относительно же мѣстъ, кои остались бы праздными за недостаткомъ въ способныхъ людяхъ, полномочный намѣстникъ представляетъ Его Императорскому Величеству списокъ потребнымъ чиновникамъ, и для занятія оныхъ таковые чиновники, по его представленію, будутъ избраны и отправлены туда изъ С.-Петербурга.

Когда такимъ образомъ система правленія будетъ единожды устроена и всѣ потребныя должностные люди будутъ назначены, то, для приведенія оной въ исполненіе, полномочному намѣстнику въ дальнѣйшихъ его распоряженіяхъ содѣйствовать будутъ всѣ чины распорядительнаго и суднаго департаментовъ, кои въ совокупности составятъ верховный совѣтъ области.

Ограничивъ число таковыхъ чиновниковъ соразмѣрностію дѣлъ, не допуская ни малѣйшаго излишества, которое теченію оныхъ можетъ быть токмо вредно, полномочной намѣстникъ раздѣлитъ совѣтъ на двѣ части или департамента, согласно съ раздѣленіемъ, показаннымъ во временномъ учрежденіи. Къ первому отдѣленію принадлежать будутъ всѣ дѣла по части распорядительной; какъ то: опредѣленіе налоговъ, образъ взиманія доходовъ, приходъ и расходъ, торговля, статистическія свѣдѣнія, учрежденія о переселенцахъ, всѣ мѣры до полиціи, врачебной управы и всякаго рода исправленія относящіяся. Предсѣдателемъ сего отдѣленія или департамента быть вице-губернатору. Вторый департаментъ, къ коему принадлежитъ гражданское и уголовное судопроизводство, будеть равномѣрно состоять подъ управленіемъ особаго начальника въ званіи предсѣдателя.

На сіе мѣсто Его Императорскому Величеству благоугодно было назначить дѣйствительнаго статскаго совѣтника Катакази, съ тѣмъ, чтобы онъ вступилъ въ отправленіе своей должности неукоснительно по начертаніи плана окончательнаго образованія. Онъ можетъ отправленъ быть и ранѣе, если полномочный намѣстникъ признаетъ за нужное.

Полномочный намѣстникъ не прежде приступитъ къ начертанію проекта окончательнаго образованія, какъ по предварительномъ совѣщаніи съ совѣтомъ обоихъ департаментовъ и по отобраніи отъ него мнѣній. Послѣ чего проектъ сей долженъ быть представленъ на Высочайшее усмотрѣніе и утвержденіе Его Императорскаго Величества.

Въ составъ сего плана должны войти слѣдующія четыре, совершенно разныя постановленія.

Въ первомъ заключится раздѣленіе на классы жителей всей области; опредѣляются права и обязанности дворянства въ его различныхъ подраздѣленіяхъ; права и обязанности мѣщанства, народа и чужестранцевъ. Помѣщикъ-дворянинъ будетъ пользоваться въ отношеніи къ верховной власти такимижъ правами и преимуществами, какія принадлежатъ россійскому дворянству.

Вслѣдствіе сего непреложнаго правила, и для споспѣшествованія, поколику возможно, справедливому распредѣленію общественныхъ обязанностей, потребно навсегда уничтожить право имѣть *скутельниковъ* или служителей, изъемлемыхъ отъ всякихъ повинностей, каковымъ правомъ пользуются нынѣ дворяне сей земли [1].

---

[1]) При возшествіи на княжество молдавское перваго греческаго князя Фанарскаго, бояре сей страны единодушно положили даровать вольность народу, который до того времени былъ крѣпостнымъ. А потому было постановлено, чтобы въ вознагражденіе выгодъ, коими помѣщики пожертвовали, предоставить имъ право имѣть скутельниковъ, или служителей, изъятыхъ отъ всякихъ податей и общественныхъ повинностей. Вслѣдствіе чего, каждый бояринъ, по достоинству своего званія, имѣетъ въ своемъ

Впрочемъ отношенія, изкони существующія между помѣщиками и поселянами, останутся неприкосновенными.

Среднія сословія, составляющія мѣщанство, сохранятъ безъ всякой перемѣны прежнія свои права и преимущества.

Условія, по коимъ можно поступить въ дворянское или мѣщанское сословія, должны быть обезпечены въ семъ же первомъ постановленіи.

Иностранцы, проживающіе въ Бессарабіи, или пріѣзжащіе туда на жительство, должны причислиться къ сословіямъ, соотвѣтствующимъ ихъ породѣ, состоянію или ремеслу, на основаніи извѣстныхъ непремѣнныхъ постановленій.

Иностранные поселенцы будутъ принимаемы по тѣмъ правиламъ, кои наблюдаются во всей Россіи. Если они поселятся на земляхъ частныхъ людей, то будутъ пользоваться гражданскою и личною свободою подъ защитою правительства. Еслижъ пожелаютъ водвориться на казенныхъ земляхъ, то имъ доставлены будутъ нужные къ тому способы и отведется участокъ земли, пространствомъ своимъ соотвѣтственный принятымъ въ тѣхъ мѣстахъ для сельскаго хозяйства правиламъ, т. е. для скотоводства достаточный.

Издержки, употребленныя областною казною на водвореніе, переселенцы будутъ уплачивать въ опердѣленные сроки, кои назначить такъ, чтобъ они не были для нихъ отяготительны.

Второе постановленіе составляетъ часть общаго образованія, опредѣляетъ мѣста въ департаментахъ распорядительномъ и судномъ, а также правила для выборовъ и перемѣщенія, въ случаѣ смерти или отрѣшенія; установляетъ правила для назначенія исправниковъ или окружныхъ начальниковъ, кои непремѣнно должны быть изъ природныхъ жителей, съ наблюденіемъ однако же, чтобы исправника опредѣлять не иначе, какъ въ такой округъ, гдѣ онъ не имѣетъ собственности, дабы чрезъ то избѣгнуть всякаго пристрастія въ распредѣленіи общественныхъ повинностей.

Третіе постановленіе опредѣляетъ, чтобы и судъ и расправа производились, какъ и прежде, по земскимъ законамъ, основаннымъ на обычаяхъ. Для разсмотрѣнія письменнаго Валахскаго уложенія и для извлеченія изъ онаго такихъ законовъ, кои окажутся приличными нынѣшнему состоянію сей области и коими бы можно было замѣнить недостатки и несовершенства кореннаго сей земли уложенія, учредится особая комиссія изъ трехъ членовъ—дворянъ и помѣщиковъ. Труды сей комиссіи будутъ представлены на разсмотрѣніе совѣта обоихъ департаментовъ, который о пользѣ оныхъ учинитъ свое заключеніе. Уголовное уложеніе будетъ тоже, что и въ Россіи, впредь до повелѣнія.

Четвертое постановленіе начертываетъ образованіе внутренней и пограничной полиціи. Предписываетъ всѣмъ областнымъ властямъ, не изключая и верховнаго начальника или губернатора, принимать всякія жалобы, домогательства и просьбы жителей на молдавскомъ языкѣ, не требуя отнюдь перевода оныхъ на россійскій языкъ.

распоряженіи большее или меньшее число скутельниковъ, кои исключаются изъ подушнаго оклада и освобождаются по сему званію отъ всякихъ повинностей: Сія часть земледѣльцевъ употребляется токмо на домашнюю и сельскую прислугу помѣщика, за каковую обязанность они съ избыткомъ вознаграждаются тѣмъ, что не платятъ никакихъ податей, тяжесть коихъ очевидно падаетъ на остальную часть народа: почему нужнымъ бы казалось уничтожить сіе обыкновеніе, несовмѣстное съ справедливою налоговъ раскладкою.

Нужно однакоже замѣтить и то, что сіе обыкновеніе основано на неоспоримомъ и тѣмъ болѣе священномъ правѣ, что оно получило начало свое отъ добровольнаго подвига оказанной народу благотворительности. И потому надлежало бы сообразить со вниманіемъ на мѣстѣ, какое бы можно было, съ совершеннымъ уничтоженіемъ сего права, сдѣлать за то вознагражденіе. Оно моглобы состоять въ прибавкѣ около трехъ рабочихъ дней къ тѣмъ двѣнадцати днямъ, въ кои поселяне обязаны въ продолженіе года работать для своего помѣщика, по существующимъ издавна узаконеніямъ.

Посредствомъ сей справедливой мѣры облегчатся способы къ отысканію за обиды удовлетворенія, и нужныя издержки при хожденіи по дѣламъ уменьшатся значительно. Не излишне было бы даже постановить сіе непремѣннымъ правиломъ и о томъ обнародовать немедленно по прибытіи туда полномочнаго намѣстника, дабы желанія и просьбы жителей могли доходить до него вскорѣ, не подвергаясь перетолкамъ и жадности какихъ либо наемныхъ переводчиковъ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Первоначальныя мѣры управленія. Раскладка непосредственной подати.

Во время присоединенія Бессарабской области къ Россіи, жители освобождены были на три года отъ непосредственной подати, взимаемой въ селеніи по количеству скота [1]). Срокъ сей окончился въ послѣднемъ октябрѣ мѣсяцѣ. Съ сего времени мѣстныя начальства занимаются описью имуществъ для составленія новой раскладки податей. Но поелику сія распорядительная мѣра заключаетъ въ себѣ особенную важность, и сопряжена съ большими злоупотребленіями и неудобствами, то Его Императорское Величество повелѣть изволилъ остановить всякое дальнѣйшее по сему предмету дѣйствіе, до отправленія полномочнаго намѣстника, которому препоручены будутъ вообще всѣ таковыя распоряженія. — Не приступая къ сему столь трудному подвигу, каковъ есть опредѣленіе правильнаго налога, нужно напередъ обнародовать, что оный на сей годъ отлагается до 1-го января 1817 года [2]). Симъ временемъ успокоится народъ, готовый покинуть свои жилища, а полномочный намѣстникъ между тѣмъ успѣетъ собрать всѣ свѣденія, могущія доставить ему средства, къ точному опредѣленію и раскладкѣ податей.

Въ теченіи сего времени полномочный намѣстникъ приметъ въ здравое разсужденіе всѣ причины, могущія и впредь побудить къ продолженію оной льготы, а равно и тѣ, по коимъ учрежденіе сего налога можетъ состояться съ пользою.

Въ случаѣ, если доводы къ установленію подати будутъ признаны непрекословными, то Его Императорскому Величеству угодно, чтобы при раскладкѣ оной были приняты въ соображеніе обыкновенія Молдавіи, по уваженію, что оныя совершенно соотвѣтствуютъ системѣ сельскаго хозяйства Бессарабской области и съ существомъ избытковъ ея жителей. На сіе-то рѣшительное дѣло, къ благосостоянію области клонящееся, должно быть особенно устремлено бдительное и безпристрастное вниманіе, для избѣжанія, чтобы личныя выгоды, вражда или лицепріятіе, не имѣли ни малѣйшаго дѣйствія на распредѣленіе непосредственной подати. Раскладка оной должна быть разчислена по сравнительному обозрѣнію налоговъ, существовавшихъ во время прежняго правленія, по мѣстному благостостоянію каждаго округа и по точнѣйшему исчисленію количества денегъ, въ области обращающихся.

Уничтоженіе скутельниковъ, или свободныхъ отъ податей служителей, какъ то выше упомянуто, не мало будетъ споспѣшествовать къ облегченію тягости налога, въ слѣдствіе всеобщаго и существенно-справедливаго разпространенія онаго на все народонаселеніе.

Казенныя волости.

Бессарабія, собственно такъ называемая, или *Буджакъ*, почти вся принадлежитъ казнѣ. Сіи равнины, большою частію еще необитаемыя, изобильны тучными пастби-

---

[1]) Раскладка податей по числу скота производится самими жителями; а правительство назначаетъ только по предъидущимъ оцѣнкамъ.

[2]) Есть-ли съ октября мѣсяца нѣкоторыя суммы уже собраны, то должно ихъ возвратить.

щами, куда торгующіе скотомъ промышленники изъ окрестныхъ мѣстъ выгоняютъ лѣтомъ стада свои. Не задолго предъ симъ водворились тутъ нѣсколько малочисленныхъ болгарскихъ селеній, пользующихся разными выгодами и преимуществами. Вся прочая земля состоитъ на откупу, у тамошнихъ подрядчиковъ, которые платятъ казнѣ ежегодно нѣкоторую сумму, со взносомъ и за винный откупъ. Сіи двѣ статьи могутъ со временемъ учиниться несравненно прибыточнѣе. Но какъ сіе обширное пространство въ статистическомъ видѣ доселѣ еще неизвѣстно и не размежевано, то Его Императорскому Величеству угодно, чтобы всѣ сіи волости ни въ раздачу, ни въ продажу не назначалися, доколѣ распорядительный департаментъ областнаго совѣта не представитъ статистической онымъ вѣдомости, съ точными и подробными планами.

До совершеннаго окончанія сей необходимой работы, никакая уступка или отдача по симъ волостямъ въ пользу частныхъ людей не можетъ быть допущена. Между тѣмъ, по требованію полномочнаго намѣстника, отправлены будутъ туда чиновники по части горныхъ дѣлъ и землемѣрія, для достовѣрнаго освидѣтельствованія всѣхъ угодій земли, ея произведеній и особенныхъ обстоятельствъ.

Поселенія.

Таковое запрещеніе на казенныя имущества не полагаетъ однако же никакого препятствія въ системѣ частныхъ поселеній. Такъ какъ однимъ изъ главнѣйшихъ предметовъ попечительнаго правительства должно быть привлеченіе чужеземныхъ переселенцевъ, то въ особенности поручается водворять ихъ на земляхъ казенныхъ и доставлять имъ всякія выгоды, могущія и во многихъ другихъ семействахъ поселять охоту примѣру ихъ послѣдовать.

1) На сей конецъ опредѣлена будетъ особая сумма для употребленія единственно на издержки, нужныя для поселенія чужеземныхъ выходцевъ.

2) Для составленія сей суммы, которая сначала будетъ не весьма значительна, имѣетъ быть назначенъ ежегодной доходъ съ одной изъ существующихъ нынѣ побочныхъ податей, какъ-то: подати съ барановъ, пчелъ или виноградниковъ. Одинъ изъ сихъ источниковъ дохода будетъ исключительно опредѣленъ на водвореніе иностранныхъ переселенцевъ.

3) Собираемыя съ вышесказанныхъ податей суммы будутъ храниться въ особой казнѣ, ввѣренной управленію трехъ членовъ областнаго совѣта, и не могутъ подлежать никакому иному употребленію.

Относительно выбора новыхъ мѣстъ для поселенія новыхъ переселенцевъ, должно имѣть въ виду:

1) Близость воды, которая въ сихъ странахъ рѣдка.

2) Систему сельской экономіи, которая, имѣя главнымъ основаніемъ скотоводство, требуетъ большаго пространства земли, нежели тамъ, гдѣ хлѣбопашество есть господствующій промыселъ.

Надлежитъ сообразоваться съ общими постановленіями Россійской имперіи для предоставленія бессарабскимъ колоніямъ равныхъ выгодъ и преимуществъ.

О привозимыхъ и отпускаемыхъ товарахъ.

Рогатый скотъ и мелкій, равно какъ и лошади, составляютъ главный источникъ достоянія бессарабскихъ жителей. Избытокъ отъ распложенія скота столь великъ, что привлекаетъ въ сію землю многихъ чужеземныхъ купцовъ, которые покупаютъ

великое множество быковъ, овецъ и даже лошадей, и слѣдовательно оставляютъ въ области большія суммы въ наличности.

И такъ свободный выпускъ всякаго рода скота и лошадей есть корень благосостоянія сей области, единственное средство къ оживотворенію народа и къ разлитію довольства во всѣхъ состояніяхъ; единое условіе, безъ котораго тщетны будутъ всѣ надежды и усилія, воспрепятствовать конечному его упадку и уврачевать раны, ему уже нанесенныя.

Въ слѣдствіе сего Его Императорское Величество предписываетъ своему полномочному намѣстнику обнародовать на мѣстѣ свободный выпускъ крупнаго и мелкаго скота. Съ каждой штуки, выходящей за границу, будетъ взимаема пошлина, сообразная съ мѣстными обстоятельствами. Таковая мѣра соединяетъ двѣ ощутительныя выгоды: во первыхъ служитъ сильнымъ ободреніемъ скотоводства, умножая прибытки частныхъ людей чрезъ полезное соревнованіе, а во вторыхъ прекращаетъ лихоимство, посредствомъ котораго казна лишалася законныхъ пошлинъ, не могши впрочемъ положить конецъ тайному выпуску скота за границу.

Причиною уничтоженія сей торговой отрасли, которая одна можетъ подкрѣпить основу жизни и благоденствія Бессарабіи, была чрезмѣрная предосторожность и бдительность во время, когда въ сосѣдственныхъ земляхъ и даже по обѣимъ сторонамъ Днѣстра свирѣпствовала моровая язва. Но какъ дальнѣйшее продолженіе сей запретительной системы должно неминуемо навлечь раззореніе и безлюдство въ сей области, то Его Императорскому Величеству угодно, чтобы отнынѣ свободный выпускъ скота былъ почитаемъ непреложнымъ правиломъ, которое можетъ быть подвержено какимъ либо перемѣнамъ или ограниченіямъ въ случаѣ токмо открытой войны.

Что же касается до выпуска лошадей за границу, въ чемъ состоитъ выгода содержателей конскихъ заводовъ въ Бессарабіи: то воля Его Императорскаго Величества есть, чтобы полномочный Его намѣстникъ, по прибытіи своемъ туда, разсмотрѣлъ сей важный предметъ съ самымъ тщательнымъ вниманіемъ, стараясь, поколику можно, споспѣшествовать благосостоянію и пользамъ жителей посредствомъ выгоднаго сбыту излишества ихъ, не теряя однакоже изъ виду потребностей арміи, и не вовсе отступая отъ запретительныхъ узаконеній, существующихъ во всѣхъ прочихъ частяхъ имперіи.

По здравомъ соображеніи выгодъ принятой общей системы относительно выпуска лошадей, полномочный намѣстникъ приметъ также во уваженіе неудобство уничтожить всякое соревнованіе въ семъ родѣ промышленности и не иначе представитъ Его Императорскому Величеству свое заключеніе по сему предмету, какъ основавъ оное на полномъ свѣденіи въ семъ двоякомъ отношеніи.

Выпускъ хлѣба. Привозъ разныхъ товаровъ. Мѣста для складки товаровъ.

Выпускъ хлѣба есть важная и для области довольно прибыточная статья. Сія вѣтвь торговли заслуживаетъ поощренія, но должна быть и ограничена по соображеніямъ съ обстоятельствами времени и сношеній нашихъ съ сосѣдними землями. Въ теченіи перваго года по присоединеніи Бессарабіи, торгъ сей большею частію производился на пристани въ мѣстечкѣ *Рени* или *Томаровѣ*, имѣющемъ весьма выгодное положеніе на берегу Дуная.

Сіе мѣсто, отъ самой природы назначенное на то, чтобы въ короткое время сдѣлаться весьма важнымъ мѣстомъ для торговли, получило смертельный ударъ отъ переведенія карантина въ Измаилъ. Таковая перемѣна была тѣмъ вреднѣе для торговли Бессарабіи, что сей послѣдній городъ, кромѣ того, что положеніе онаго несравненно

меньше имѣетъ выгодъ противу *Рени*, представляетъ еще неудобство всѣхъ укрѣпленныхъ городовъ, неспособныхъ чрезъ то самое для торговли, которой сущность есть свобода. Напротивъ того Рени соединяетъ множество неоспоримыхъ выгодъ:

1) Потому, что находится при самомъ стеченіи Прута съ Дунаемъ, по близости отъ Галаца, главнаго мѣста складки на противоположномъ берегу.

2) Потому, что оно есть прямое и необходимое мѣсто для выпуска товаровъ изъ той части Бессарабіи, которая одна только заселена и имѣетъ избытки, то-есть, изъ Молдавіи по сю-сторону Прута. Измаилъ же, напротивъ того, имѣетъ сообщеніе съ пустопорожнею частію сей области и требуетъ дальняго объѣзда,—что для торговли весьма невыгодно.

3) Потому, что здѣсь болѣе удобности для карантиннаго заведенія на длинной полосѣ земли, далеко въ Дунай простирающейся, на которой надлежало бы помѣстить карантинныя строеніи, дабы, въ случаѣ чумы, тѣмъ удобнѣе было отдѣлить оное.

На основаніи сего обозрѣнія, полномочный намѣстникъ обратитъ на сей предметъ особое вниманіе и употребитъ стараніе, дабы возстановить торговлю въ порту Рени, оказывая сему упавшему заведенію всякое пособіе и доставляя способы для привлеченія туда изъ сосѣднихъ земель купечества.

Равнымъ образомъ не должно упускать изъ виду и Акермана въ торговомъ отношеніи: окрестности сего города изобилуютъ грунтомъ, весьма удобнымъ для разведенія винограда; а потому надлежитъ оное поощрять и способствовать къ его усовершенствованію. Для сего предмета въ послѣдствіи времени можно бы даже призвать изъ Венгріи и съ береговъ Рейна людей искусныхъ въ винодѣліи.

О сношеніяхъ Бессарабіи съ смежными губерніями Россійской Имперіи.

Такъ какъ Бессарабской области предназначаются нѣкоторыя преимущества и она будетъ управляться на особыхъ правахъ, то необходимо нужно обратить нѣкоторое вниманіе на свойство тѣхъ сношеній, кои должны учредиться между ею и смежными губерніями.

Поелику народъ въ Бессарабіи не подверженъ крѣпостному праву, а пользуется полною и совершенною личною свободою, то Его Императорскому Величеству угодно, чтобы сіе положеніе не было подвержено ни малѣйшей перемѣнѣ отъ какой либо смѣси жителей. На сей конецъ надлежитъ имѣть въ виду то обстоятельство, когда кто либо изъ помѣщиковъ на лѣвомъ берегу Днѣстра, пріобрѣтя недвижимое имѣніе въ Бессарабіи, вознамѣрился бы переселить туда крестьянъ своихъ. Въ семъ предположеніи должно объявить имъ, что, по силѣ законовъ и обыкновеній сей области, живущіе въ ней поселяне ихъ будутъ пользоваться тѣми же самыми гражданскими и личными правами, какія предоставлены кореннымъ обывателямъ. Безъ чего въ мѣстной системѣ возникнетъ пагубное разстройство и между народомъ возродятся зависть, опасеніе и всякіе раздоры.

Чтожъ касается до тѣхъ людей изъ россійскихъ уроженцевъ, кои перешли въ Бессарабію прежде или послѣ ея присоединенія, укрываясь отъ своихъ помѣщиковъ, то Его Императорскому Величеству угодно, чтобы, въ случаѣ преслѣдованія или требованія объ нихъ со стороны прежнихъ ихъ владѣльцевъ, положено было въ разсужденіи ихъ слѣдующее различіе:

Всѣ тѣ, кои перешли въ Бессарабію до подписанія бухарестскаго договора, будутъ считаться не подлежащими возвращенію. Бѣжавшіежъ послѣ заключенія означеннаго договора, въ случаѣ законнаго востребованія, будутъ возвращаемы на ихъ прежнія жилища, исключая тѣхъ, кои, поженившись на коренныхъ уроженкахъ та-

мошнихъ, упражняются въ какомъ либо ремеслѣ, и отъ брака съ тѣми женами прижили дѣтей.

Относительно же до всѣхъ тѣхъ, кои перебѣжали бы или перебѣгнутъ послѣ вышеозначеннаго времени изъ прочихъ мѣстъ Россіи, то они также будутъ возвращены на прежнія жилища ихъ, за исключеніемъ тѣхъ, кои, равномѣрно обженившись на уроженкахъ тамошнихъ, имѣютъ отъ нихъ дѣтей.

Опричь сихъ двухъ существенныхъ пунктовъ, сношенія между обоими берегами Днѣстра должны быть столь же свободны и единообразны, какъ между двумя частями, составляющими одно цѣлое. Торговля будетъ производиться безъ всякаго помѣшательства и обмѣнъ первообразныхъ и мануфактурныхъ произведеній, какъ-то: полотенъ и холста, хлѣбнаго вина, лошадей и другихъ статей, получитъ должное поощреніе.

Внѣшнія сношенія, и въ особенности съ княжествомъ молдавскимъ.

Отъ присоединенія части Молдавіи къ Россійской Имперіи, для составленія съ собственно такъ называемою Бессарабіею одной области, произошло, что помѣстья нѣкоторыхъ фамилій, имѣющихъ мѣстности по обѣимъ сторонамъ рѣки Прута, раздѣлились бухарестскимъ договоромъ; назначенъ полуторагодичный срокъ на то, чтобы таковые помѣщики имѣли время выбрать себѣ мѣстопребыванія и сбыть ту часть своего имущества, которая находится въ одномъ изъ двухъ владѣній. Тогда многіе помѣщики, принадлежащіе къ сему разряду, обратились къ главнокомандующему дунайскою арміею съ представленіемъ о невозможности распродать или инымъ образомъ сбыть имѣнія свои въ столь короткое время, не потерпѣвъ важнаго отъ того ущерба, и просили отъ милосердія Его Императорскаго Величества позволеніе владѣть своими недвижимыми имѣніями въ Бессарабіи и по истеченіи срока, трактатомъ постановленнаго. Г. полномочный намѣстникъ, по возможности, будетъ ограждать неприкосновенность имуществъ означенныхъ помѣщиковъ и наблюдать, чтобы ихъ не тревожили алчные спекуляторы, которымъ желательно ихъ вынудить къ тому, чтобы они уступили сіи земли за безцѣнокъ.

Съ другой стороны, полномочный намѣстникъ стараться будетъ учредить какъ можно проще сосѣдственныя сношенія свои съ господаремъ молдавскимъ. Главный поводъ къ распространенію сихъ сношеній происходитъ отъ великаго множества бѣглыхъ изъ Бессарабіи, кои покидаютъ жилища свои, и коихъ стараются отыскивать посредствомъ требованій, кои столь же бываютъ недѣйствительны, какъ и неприличны. А потому полномочный намѣстникъ долженъ употребить наирачительнѣйшее попеченіе о томъ, чтобы злоупотребленія и насилія поколику можно истребились. Извѣстно, что во всѣхъ мѣстахъ, поселянинъ такъ привязанъ къ землѣ, имъ потомъ своимъ орошаемой, что безъ самыхъ важныхъ причинъ онъ никогда не рѣшится покинуть оную. Умножающіеся же побѣги изъ Бессарабіи, ежедневно опустошая ее, становятся столь опасными для будущаго ея благосостоянія, что Государь Императоръ, извѣстясь о семъ печальномъ признакѣ, извлекъ изъ того безошибочное заключеніе о мѣрѣ тѣхъ притѣсненій всякаго рода, коимъ подвержены сіи новые его подданные. Искореняя сіи злоупотребленія сильными мѣрами и наказывая мздоимцевъ съ безпощадною строгостію, полномочный намѣстникъ прекратитъ чрезъ то самое всѣ распри между властями бессарабскою и молдавскою.

Прекращенія нѣкоторыхъ частныхъ злоупотребленій.

Коменданты крѣпостей Измаила, Киліи, Хотина, Бендера и Акермана, производятъ въ оныхъ мѣстахъ судъ и расправу по свойству и важности ихъ званія. Но

какъ предмѣстія сихъ крѣпостей, по всѣмъ правамъ, подчинены гражданскимъ властямъ и полицеймейстерамъ, зависящимъ отъ областнаго правленія, то нерѣдко случаются разныя состязанія, кои обыкновенно кончаются тѣмъ, что воинскіе начальники самовластно преступаютъ границы своихъ принадлежностей. Отъ сего произошли разные безпорядки, кои не должны быть терпимы. А потому нужно, чтобъ полномочный намѣстникъ исправилъ сіи безпорядки и поставилъ обѣ власти въ предѣлы, по уставамъ имъ предписаннымъ. Предмѣстія крѣпостей впредь зависѣть будутъ отъ гражданскаго начальства, выключая случаевъ войны, бунта, пожара, или моровой заразы, кои требуютъ воинскаго пособія. Симъ правиломъ надлежитъ руководствоваться при разбирательствѣ всякихъ несогласій въ подобныхъ случаяхъ.

Система почтъ сопряжена со многими неудобствами, для народа обременительными и требующими исправленія.

Наконецъ, по городамъ существуетъ особое злоупотребленіе, посягающее на свободу и промышленность и обнаруживающее въ полномъ видѣ всю наглость власти, самовольно управляющей. Дворяне или купцы, живущіе въ какомъ либо городѣ, обращаются къ полиціи всякой разъ, когда для какой нибудь домашней подѣлки случается надобность имѣть нѣсколько работниковъ, и полиція, вмѣсто того, чтобы вовсе уничтожить сіе вредное обыкновеніе, вкравшееся съ давнихъ лѣтъ при прежнемъ правленіи, забираетъ по таковымъ просьбамъ нужное число рабочихъ людей и принуждаетъ ихъ работать въ пользу другихъ, подъ предлогомъ общественной повинности. Симъ тиранскимъ способомъ не одинъ уже частный домъ выстроился, не стоивъ хозяину никакихъ иныхъ издержекъ, кромѣ матеріаловъ. Полномочному намѣстнику поручается истребить сіе постыдное и для народа столь тяжкое злоупотребленіе, отрѣшая отъ должности всякаго чиновника, который уличился бы въ какомъ либо по такому дѣлу соучастіи, наложивъ на него, сверхъ того, значительное денежное взысканіе.

Разныя усовершенія.

Въ Бессарабіи нѣтъ еще никакого общеполезнаго обзаведенія. Главный городъ области, за исключеніемъ не многихъ токмо зданій, есть не иное что, какъ громада хижинъ. Нѣтъ тамъ пристойнаго помѣщенія для судилищъ, нѣтъ ни больницы, ни тюрьмы. Постройка таковыхъ зданій требуетъ знатныхъ суммъ. Средства къ тому есть, но нужно отыскать ихъ и обработать безъ отягощенія жителей. Приложенная къ сей инструкціи бумага подъ лит. содержитъ нѣкоторыя разсужденія о способѣ къ изобрѣтенію новыхъ средствъ, съ избѣжаніемъ тягостныхъ налоговъ. Разсужденія сіи предоставляются уваженію полномочнаго намѣстника. Для построенія гошпиталя, приличнѣе отвести мѣсто внѣ города, для отвращенія, поколику можно, опасности отъ заразительныхъ болѣзней. Тюрьму же должно расположить такимъ образомъ, чтобы люди, содержащіеся за долги, не были смѣшаны съ преступниками.

Полномочный намѣстникъ войдетъ въ сношеніе съ главнымъ духовенствомъ въ разсужденіи заведенія въ главныхъ мѣстахъ училищъ, для преподаванія первоначальныхъ наукъ. Нравственное и духовное воспитаніе должно идти на ряду съ вещественнымъ благосостояніемъ всякаго народа; въ семъ заключается единственное средство, чтобы добро было прочное.

Молдавскій народъ былъ нѣкогда одушевленъ духомъ воинственнымъ. Сія склонность къ ратному дѣлу ослабла въ немъ за два токмо предъ симъ столѣтія. Множество было причинъ, по коимъ нравственныя его силы истощились и что онъ

впалъ въ то состоянiе зависимости, въ коемъ находится. Нельзя надѣяться, чтобы можно было пробудить вдругъ склонности, давно погасшiя. Всѣ сiи причины, къ уваженiю коихъ ведутъ благоразумiе и осмотрительность, при очевидномъ недостаткѣ въ населенiи, побудили Государя Императора объявить бессарабскимъ жителямъ освобожденiе отъ всякой рекрутской повинности на неопредѣленное время, и Его Величество не отмѣняетъ сего намѣренiя и нынѣ.

По недостатку въ семъ способѣ, несовмѣстномъ съ состоянiемъ области, можно было бы нечувствительно пробудить дѣятельный духъ въ жителяхъ, ввѣривъ имъ должность пограничной стражи по линiи Прута и Буковины. Необходимость пробѣгать линiю на лошади и въ вооруженiи, и смѣнять однимъ другихъ, не можетъ не имѣть успѣха въ постепенномъ прiученiи ихъ къ воинскому состоянiю; о чемъ полномочный намѣстникъ не оставитъ употребить свое попеченiе, съ нужною однакожъ осторожностiю, чтобы не встревожить жителей слишкомъ правильною формою.

Всѣ сiи показанiя вообще объемлютъ главную часть предметовъ, относящихся до нынѣшняго состоянiя Бессарабiи и до той системы управленiя, которую Его Императорскому Величеству благоугодно ввести для улучшенiя ея жребiя. Полномочный намѣстникъ, по прибытiи своемъ на мѣсто, можетъ самъ удостовѣриться въ сообразности сихъ свѣдѣнiй съ подлиннымъ вещей состоянiемъ. Въ продолженiи же, что онъ можетъ встрѣтить затрудненiя въ исполненiи по всѣмъ статьямъ изложеннаго здѣсь предначертанiя, ему предоставляется право представлять о таковыхъ неудобствахъ непосредственно Его Императорскому Величеству.

ПРИЛОЖЕНІЕ XI.

Наставленіе для коммисій сельскаго хозяйства въ саратовскихъ нѣмецкихъ колоніяхъ [1]).

1. Для успѣшнѣйшаго улучшенія сельскаго хозяйства въ саратовскихъ нѣмецкихъ колоніяхъ учреждается въ каждомъ округѣ особое общество, подъ именемъ коммисіи сельскаго хозяйства (Landwirthschaftlicher Verein).

2. Распоряженіемъ этимъ окружныя и сельскія начальства не освобождаются отъ исполненія обязанностей, которыя, въ видахъ споспѣшествованія сельскому хозяйству, возложены на нихъ постановленіями о колоніяхъ иностранныхъ въ Имперіи (глава вторая), ибо общества имѣютъ главнѣйшею цѣлію облегчить головамъ и шульцамъ исполненіе этихъ обязанностей, указаніемъ ближайшихъ мѣръ къ достиженію желаемаго улучшенія и введеніемъ правильнѣйшаго и болѣе единообразнаго въ этомъ отношеніи надзора.

3. Каждая коммисія должна состоять по крайней мѣрѣ изъ трехъ членовъ, дозволивъ впрочемъ назначать въ сіе званіе и большее число лицъ, по мѣстнымъ соображеніямъ.

4. Сельскіе сходы обществъ, образующихъ округъ, избираютъ изъ колонистовъ своего округа, въ двойномъ числѣ, кандидатовъ на званіе членовъ, и списки кандидатамъ представляютъ, чрезъ окружные приказы, въ саратовскую контору иностранныхъ поселенцевъ, которая назначаетъ изъ нихъ членовъ.

5. Въ кандидаты могутъ быть избираемы только хозяева, оказавшіе наибольшую опытность въ сельскомъ хозяйствѣ и отличающіеся домоустройствомъ и успѣхами въ садоводствѣ и лѣсоводствѣ, ибо члены, по самой цѣли учрежденія общества, прежде всего должны служить примѣромъ и образцами для другихъ. Лица сомнительной нравственности, замѣченныя въ порокахъ или оштрафованныя, хотя бы въ хозяйственномъ отношеніи и удовлетворяли требованіямъ, не могутъ быть избираемы въ кандидаты.

6. Лица, занимавшія уже должности оберъ-форштегеровъ и форштегеровъ и снискавшія себѣ общественною службою уваженіе колонистовъ, если притомъ будутъ соединять въ себѣ условія въ предшествующемъ § изъясненныя, должны быть предпочтительно избираемы въ кандидаты.

7. Въ колоніяхъ, по мѣстному своему положенію не входящихъ въ составъ одного

---

[1]) Утверждены министромъ госуд. имущ. 21 сентября 1850 года.

изъ округовъ и потому управляемыхъ отдѣльными сельскими приказами, не учреждается общества сельскаго хозяйства, которое, при крайне ограниченномъ населеніи, не могло бы имѣть ни удовлетворительнаго образованія, ни достаточнаго круга дѣйствія; но въ подобныхъ колоніяхъ тѣмъ строже наблюдается, чтобы къ выборамъ въ должности допускаемы были только отличнѣйшіе хозяева, способные пещись объ улучшеніи сельскаго хозяйства.

8. Члены коммисіи избираются на неопредѣленное время. Они могутъ просить объ увольненіи только по пробытіи въ этомъ званіи не менѣе девяти лѣтъ, или по причинамъ, заслуживающимъ особаго уваженія, какъ-то: за неизлечимою болѣзнію, или старостію. Начальству же предоставляется отрѣшать ихъ во всякое время, коль скоро уличены будутъ въ неисполненіи своихъ обязанностей, или вообще въ такихъ дѣйствіяхъ, которыя предосудительны для чести и недостойны почетнаго званія члена коммисіи сельскаго хозяйства.

9. Въ случаѣ временной отлучки одного изъ членовъ, обязанности его исполняются, по назначенію начальства, однимъ изъ кандидатовъ; на мѣсто же вовсе выбывшаго, сельскіе сходы вновь избираютъ двухъ кандидатовъ, о которыхъ представляютъ на утвержденіе начальства.

10. Между членами недопускается подчиненности; они сносятся между собою на правѣ равенства и сами, для общихъ совѣщаній, назначаютъ изъ среды себя непремѣннаго предсѣдателя и о выборѣ послѣдняго доносятъ начальству.

11. Предоставляется членамъ коммисій самимъ распредѣлять между собою занятія по надзору за сельскимъ хозяйствомъ у колонистовъ, по отраслямъ ли сельскаго хозяйства, или по колоніямъ, какъ по мѣстнымъ соображеніямъ окажется удобнѣе. Такимъ образомъ каждый изъ членовъ обращаетъ попечительность свою только на часть или колонію, ему ввѣренную; но весною и осенью каждаго года дѣлаются членами общія обозрѣнія, долженствующія служить къ правильнѣйшему, отъ имени общества сельскаго хозяйства, составленію, какъ отчета о дѣйствіяхъ и успѣхахъ за минувшее время, такъ и предположеній насчетъ работъ и мѣръ, вновь признаваемыхъ необходимыми.

12. Членамъ коммисій не предоставляется исполнительной власти: они дѣйствуютъ на колонистовъ примѣромъ, наставленіями и увѣщаніями, но если признаютъ нужнымъ употребить настояніе, то относятся въ сельскіе и окружные приказы, которые всякое справедливое и къ пользѣ колоній клонящееся требованіе ихъ должны исполнять немедленно, подъ опасеніемъ въ противномъ случаѣ строгаго взысканія. Такимъ же образомъ при производствѣ, по распоряженію коммисіи сельскаго хозяйства, работъ, члены ея не дѣлаютъ наряда рабочихъ, но о высылкѣ и числѣ оныхъ относятся въ сельскіе и окружные приказы.

13. Коммисія сельскаго хозяйства не принимаетъ участія въ дѣлахъ управленія и не состоитъ въ зависимости окружнаго приказа, но, исполняя чрезъ него распоряженія свои, она обязана дѣйствовать съ нимъ за одно. Въ этихъ видахъ, коммисія для совѣщаній собирается въ окружномъ приказѣ, приглашая на оныя и членовъ послѣдняго, и всѣ представленія свои высшему начальству, если только послѣдуетъ разногласіе, дѣлаетъ обще съ окружнымъ приказомъ. Представленія эти подписываютъ напередъ члены окружнаго приказа, а потомъ члены коммисіи сельскаго хозяйства.

14. Окружный приказъ, участвуя въ совѣщаніяхъ коммисіи сельскаго хозяйства, которому обязанъ содѣйствовать всѣми зависящими мѣрами, не можетъ властію своею опровергнуть постановленія коммисіи, но признавъ требованіе или распоряженіе послѣдней неумѣстнымъ, безполезнымъ, или для колонистовъ стѣснительнымъ, не подписываетъ журнала и возраженія свои представляетъ высшему начальству, до раз-

рѣшенія котораго и самое постановленіе коммисіи не приводится въ исполненіе. Возраженія эти, въ отношеніи напрасныхъ со стороны окружнаго приказа затрудненій, должны заключать въ себѣ ясныя доказательства, что требованія или распоряженія коммисіи сельскаго хозяйства не принесутъ ожидаемой пользы, или будутъ стѣснительны для колонистовъ.

15. Равнымъ образомъ, если бы и окружный приказъ призналъ, по обязанности своей, нужнымъ ввести какое либо хозяйственное улучшеніе въ подвѣдомственныхъ ему колоніяхъ, или въ общественныхъ заведеніяхъ, учрежденныхъ въ видахъ споспѣшествованія сельскому хозяйству, каковы: плантаціи, общественные сады, овчарни, общественныя запашки и проч., то предварительно совѣщается съ коммисіею сельскаго хозяйства.

16. Коммисіи сельскаго хозяйства и каждому изъ членовъ ея въ частности не запрещается въ случаяхъ, нетерпящихъ отлагательства, или такихъ, гдѣ со стороны мѣстнаго начальства не будетъ имъ оказано должнаго содѣйствія, обращаться прямо къ высшему начальству.

17. Члены коммисіи даютъ сельскимъ приказамъ колоній, ввѣренныхъ ихъ наблюденію, предписанія, которыя исполняются приказами какъ бы полученныя отъ окружнаго приказа, но не имѣютъ сами права налагать штрафовъ и взысканій, а равно не могутъ требовать отпуска денегъ. Сельскіе писаря тѣхъ колоній обязаны изготовлять для нихъ вѣдомости и другія бумаги.

18. Для совокупнаго обсужденія предметовъ, относящихся къ сельскому хозяйству, коммисія собирается въ окружномъ приказѣ. Непремѣнныхъ собраній полагается три: одно весною, другое осенью, а послѣднее въ концѣ года. Время этихъ собраній назначается предсѣдателемъ: первыя два происходятъ всегда послѣ обозрѣнія коммисіею колоній, дабы, сообразно оказавшемуся при этомъ обозрѣніи, сдѣлать распоряженія о необходимыхъ работахъ или указать мѣры къ устраненію найденныхъ недостатковъ, а послѣднее имѣетъ цѣлію составленіе отчета о дѣйствіяхъ коммисіи и предположеній ея на наступающій годъ, а равно назначеніе премій отличившимся по части сельскаго хозяйства, о которыхъ представляется высшему начальству.

19. Независимо отъ того, члены собираются каждый разъ, когда получатъ о томъ повѣстку отъ предсѣдателя. Поэтому, если одинъ изъ членовъ, по встрѣтившимся обстоятельствамъ, признаетъ нужнымъ имѣть совокупное разсужденіе, то относится о томъ къ предсѣдателю, сообщая ему и предметъ этого собранія.

20. Журналы собраній и другія бумаги отъ общества изготовляются окружнымъ писаремъ. Коммисія можетъ имѣть свою печать, которая употребляется однако же только для бумагъ, исходящихъ отъ имени всей коммисіи, а не въ частности отъ членовъ. Печать эта хранится у предсѣдателя.

21. Члены коммисіи не пользуются содержаніемъ, но, наравнѣ съ окружными и сельскими старостами, освобождаются отъ натуральныхъ повинностей и рядовыхъ нарядовъ, а сверхъ того общества должны содѣйствовать членамъ коммисіи для переѣздовъ по обязанностямъ своего званія.

22, Члены коммисіи, доколѣ остаются въ этомъ званіи и пробывшіе въ ономъ не менѣе девяти лѣтъ, безъ собственнаго согласія, не могутъ быть избираемы ни въ какія другія общественныя должности. Званіе членовъ коммисіи сельскаго хозяйства признается столь же почетнымъ, какъ и званіе членовъ окружнаго приказа.

23. За успѣшное исполненіе обязанностей своихъ въ теченіе девяти лѣтъ, а за особенное отличіе и прежде этого срока, члены коммисіи сельскаго хозяйства награждаются медалями.

24. Члены коммисіи подвергаются штрафамъ и взысканіямъ только по приговорамъ высшаго колоніальнаго начальства.

25. Главнѣйшая обязанность членовъ коммисіи сельскаго хозяйства—служить по этой части образцами для другихъ; на этомъ только условіи основано присвоиваемое имъ настоящимъ положеніемъ право: наставлять и вразумлять другихъ. Члены коммисіи должны примѣромъ своимъ убѣждать колонистовъ въ томъ, что требуемое ими столько же полезно, сколько удобоисполнимо; убѣжденіе это есть безъ сомнѣнія дѣйств[illegible]шее.

26. Сельское [illegible]ство въ колоніяхъ объемлетъ слѣдующіе предметы: земледѣліе, скотоводство, садоводство съ огородничествомъ, лѣсоводство и шелководство. Полезно коммисіи сельскаго хозяйства изъискивать и поощрять новыя вѣтви промыш[illegible]сти, [illegible]же знакомить колонистовъ съ лучшими способами домостроительства [illegible]

2[illegible] отношеніи земледѣ[illegible]сія сельскаго хозяйства обязана изъискивать спос[illegible] къ возв[illegible]ности земли, не только улучшеніемъ хлѣбопаше[illegible] но и [illegible]йшимъ и правильнѣйшимъ употребленіемъ оной.

[illegible] Коммисія [illegible]сти въ колоніяхъ своего округа образъ хозяйства, на[illegible] прил[illegible] которы[illegible]обный по мѣстнымъ обстоятельствамъ, и для того по[illegible] опыто[illegible] маломъ видѣ могутъ быть производимы на общественн[illegible] пол[illegible]яжается[illegible] выгоднѣйшіе сѣвообороты, мѣру и способъ удобре[illegible] пользу[illegible]держанія паровыхъ полей, правильнѣйшее распредѣле[illegible] п[illegible]нецъ, время и лучшіе способы посѣвовъ и уборки хлѣбовъ, [illegible]ыхъ ра[illegible] травъ и проч.

[illegible]а забо[illegible] также объ улучшеніи земледѣльческихъ орудій, о выпискѣ сѣ[illegible]вѣстн[illegible] еще или улучшенныхъ родовъ хлѣба и травъ, объ устройствѣ [illegible], и проведеніи рвовъ тамъ, где необходимо предупредить или про[illegible]водъ, о заведеніи искуственныхъ луговъ, и предположенія свои по [illegible] предметамъ, поколику содѣйствіе высшаго начальства признано будетъ нуж[illegible] указаннымъ выше порядкомъ представляетъ на разсмотрѣніе послѣдняго.

[illegible] Члены коммисіи настаиваютъ, чтобы принадлежащая каждой колоніи дача была, [illegible] мѣстному своему положенію и принятой въ колоніи системѣ полеводства, [illegible] на приличное число полей, а сіи на хозяйскіе участки; чтобы полевыя работы были своевременно и съ надлежащимъ тщаніемъ исправляемы; чтобы употребляемыя на посѣвъ сѣмена были хорошаго качества, и въ особенности, чтобы приготовляемыя подъ посѣвъ поля были, чрезъ глубокое паханіе и тщательное бороненіе, достаточно разрыхляемы и послѣ всхода хлѣбовъ очищаемы отъ заглушающихъ оныя сорныхъ травъ. Члены коммисіи должны стараться собственнымъ примѣромъ убѣдить колонистовъ въ томъ, что не значительность посѣвовъ, а тщательность обхожденія съ полями обогащаютъ земледѣльцевъ. Въ разныя эпохи года и сколь возможно чаще, члены коммисіи обозрѣваютъ колонистскія поля и о хозяевахъ, нерадивыхъ въ обработкѣ оныхъ, сообщаютъ сельскимъ приказамъ.

31. Какъ извлекаемыя отъ скотоводства выгоды зависятъ не столько отъ числа, сколько отъ качества скота, то попечительность общества сельскаго хозяйства преимущественно должна быть обращена на улучшеніе скота, тѣмъ болѣе, что въ численномъ отношеніи скотоводство въ колоніяхъ достигло уже значительнаго развитія.

32. Для достиженія этой цѣли, члены коммисіи: а) свидѣтельствуютъ отъ времени до времени общественныхъ приплодныхъ жеребцовъ и быковъ, и наблюдаютъ, чтобы они соотвѣтствовали своему назначенію и настаиваютъ о перемѣнѣ негодныхъ; б) наблюдаютъ за приличнымъ содержаніемъ скота и для того стараются распространить

между колонистами полезныя свѣдѣнія о воспитаніи скота и пріохачивать ихъ къ травосѣянію.

33. Члены коммисіи обозрѣваютъ также не менѣе двухъ разъ въ году общественныя овчарни тамъ, гдѣ таковыя учреждены, и о состояніи оныхъ доносятъ высшему начальству въ годовыхъ отчетахъ; они должны завѣдывать раздачею общественныхъ барановъ для случекъ и обратнымъ принятіемъ ихъ (по освидѣтельствованіи) въ здоровомъ состояніи; присутствуютъ при браковкѣ овецъ, входятъ съ предположеніями о полезныхъ измѣненіяхъ и нововведеніяхъ по части общественныхъ овчаренъ.

34. Коммисіи сельскаго хозяйства наблюдаютъ за постояннымъ, по мѣрѣ возможности, разведеніемъ садовъ на назначенныхъ для этой цѣли около домовъ мѣстахъ, объясняя колонистамъ пользу этой про[illegible] и облегча[illegible] имъ средства къ успѣшному занятію оною.

35. Какъ садоводство требуетъ нѣкотор[illegible], то члены коммисіи сельскаго хозяйства собственнымъ примѣромъ, а [illegible] явленія и вразумленій, указываютъ колонистамъ: 1) какъ приготов[illegible] чтобы сдѣлать ее наиболѣе способною къ произрастанію деревъ; 2) как[illegible] говыя деревья, по мѣстоположенію и почвѣ, могутъ быть разводимы съ [illegible] успѣхомъ; 3) какимъ образомъ производить посадку деревъ и вообщ[illegible] ними, чтобы оградить ихъ отъ вреднаго дѣйствія холода, засухи и [illegible] подчинить благотворному вліянію солнца и воздуха, такъ какъ отъ э[illegible] зависитъ ростъ и плодовитость деревъ, и 4) какъ улучшать доброту деревъ посре[illegible]вомъ привив[illegible]

36. Коммисія сельскаго хозяйства побуждаетъ также колон[illegible] къ завед[illegible] для себя питомниковъ и разсадниковъ, которые не только постав[illegible]хъ въ [illegible]ность безденежно распространять сады и замѣнять убыль дер[illegible] засых[illegible] вымерзанія, но для многихъ будутъ даже служить источникомъ дох[illegible]

37. Къ обязанности коммисіи относится также заботиться о снабженіи [illegible] сѣменами, деревцами и черенками и о распространеніи между колонистами полезныхъ свѣдѣній о средствахъ къ предохраненію деревьевъ отъ болѣзней, къ сохраненію плодовъ отъ порчи и проч.

38. На огородничество и разведеніе полезныхъ мануфактурныхъ и торговыхъ растеній равномѣрно должно быть обращено вниманіе коммисіи сельскаго хозяйства.

39. При обозрѣніи колоній члены коммисіи осматриваютъ хозяйскіе сады и наблюдаютъ за успѣхами оныхъ, настаивая также, чтобы сады эти были достаточно ограждены отъ скота. Они ведутъ ежегодную вѣдомость о числѣ посаженныхъ и наличныхъ деревъ, которую прилагаютъ къ ежегодному отчету.

40. Имѣющія быть учрежденными въ колоніяхъ лѣсныя плантаціи, по ½ десятины на хозяина, состоятъ подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ коммисій сельскаго хозяйства, которыя дѣйствуютъ въ границахъ, какія предоставлены шульцамъ по возложенной на нихъ обязанности поощрять колонистовъ по другимъ отраслямъ сельскаго хозяйства.

41. Коммисія наблюдаетъ, чтобы колонисты работами въ плантаціяхъ отнюдь не были отвлекаемы отъ другихъ важнѣйшихъ занятій по хозяйству, и потому избираютъ для того весною и осенью такое время, которое можетъ почесться свободнымъ.

42. Насажденіе въ плантаціяхъ должно производиться постепенно, безъ стѣсненія колонистовъ; ежегодно назначается подъ посадку деревьевъ такое пространство, которое каждый хозяинъ можетъ безъ большаго усилія и съ пожертвованіемъ только самаго небольшаго числа рабочихъ дней обработать и засадить.

43. Къ обязанности коммисіи относится: 1) выборъ приличнаго мѣста подъ плантацію тамъ, гдѣ этого еще не сдѣлано; 2) указаніе надежнѣйшаго способа обработки земли подъ плантацію и орудій, могущихъ служить для этой цѣли; 3) устройство разсадника для снабженія лѣсной плантаціи деревцами и принятіе мѣръ къ надлежащему сбереженію молодыхъ всходовъ деревъ; 4) сборъ и выписка лѣсныхъ сѣмянъ и 5) наблюденіе за исправнымъ содержаніемъ лѣсной плантаціи и приличнымъ огражденіемъ оной отъ скота.

44. Въ мѣстахъ, гдѣ на колоніальной землѣ есть природные лѣса, общество сельскаго хозяйства принимаетъ дѣйствительнѣйшія мѣры къ охраненію и распространенію оныхъ и для того наблюдаетъ, чтобы лѣса эти были очищаемы, окапываемы и вообще ограждаемы отъ порубки и поврежденія, а равно, чтобы, при отпускѣ колонистамъ хвороста и деревъ на необходимыя домашнія подѣлки, не было причиняемо лѣсу истощенія.

45. Какъ опытомъ дознано, что шелководство вообще составляетъ возможную и выгодную вѣтвь промышленности, то коммисія сельскаго хозяйства заботится о распространеніи оной между колонистами, и на сей конецъ запасается шелковичными сѣменами и червячковыми [illegible] для раздачи какъ тѣхъ, такъ и другихъ, благонадежнымъ хозяевамъ, [illegible]съ снабжаетъ и приличными по сему предмету наставленіями.

46. Коммисія распор[illegible] также, чтобы каждый хозяинъ, на принадлежащемъ ему въ общественной плантаціи участкѣ, разводилъ нѣкоторое число тутовыхъ деревъ, и чтобы живыя изгороды между усадебными мѣстами и вокругъ внутреннихъ кварталовъ состояли изъ тутовыхъ кустарниковъ.

47. Къ обязанности коммисіи сельскаго хозяйства относится также пещись объ устройствѣ въ колоніяхъ, наиболѣе успѣвающихъ въ шелковичномъ производствѣ, шелкомоталенъ и прядильныхъ машинъ.

48. Дабы члены коммисіи сельскаго хозяйства могли, согласно назначенію своему, наставлять прочихъ колонистовъ, а равно снабжать ихъ сѣменами и растеніями, дѣлать разнаго рода опыты и вводить улучшенныя орудія, необходимо: во-первыхъ, открыть имъ возможность къ пріобрѣтенію полныхъ свѣдѣній по всѣмъ отраслямъ сельскаго хозяйства, и во-вторыхъ, не стѣснять ихъ въ денежныхъ способахъ.

49. Для достиженія первой изъ этихъ цѣлей коммисія снабжается отъ начальства своего и чрезъ инспекцію сельскаго хозяйства южныхъ губерній потребными руководствами и наставленіями, и сверхъ того, заводитъ библіотеки изъ удобопонятныхъ для поселянъ книгъ о сельскомъ хозяйствѣ, которыя хранятся при окружномъ приказѣ, съ предоставленіемъ членамъ коммисіи сельскаго хозяйства не только лично пользоваться книгами, но и давать оныя для прочтенія благонадежнымъ хозяевамъ подъ росписки и съ отвѣтственностью за неисправность возвращенія. Издержки на пріобрѣтеніе книгъ относятся на счетъ остатка отъ мірскаго сбора, а выборъ книгъ производится главнѣйше по указанію инспектора сельскаго хозяйства южнаго края Россіи, съ которымъ колоніальное начальство совѣщается по этому предмету. Количество суммы, которая можетъ быть ежегодно употребляема на этотъ предметъ, не опредѣляется, ибо зависитъ отъ способовъ округа.

50. Равнымъ образомъ предоставляется коммисіямъ сельскаго хозяйства о всякомъ встрѣчаемомъ ими недоразумѣніи входить съ представленіемъ, или прямо къ инспектору сельскаго хозяйства южнаго края Россіи, или къ начальству своему, которое или отъ себя, или по предварительномъ съ инспекціею сельскаго хозяйства сношеніи, не преминетъ разрѣшить эти недоумѣнія. Само собою разумѣется, что наставленія, которыя коммисіи будутъ дѣлать колонистамъ, должны быть основаны не на догадкахъ, а на фактахъ, разрѣшенныхъ какъ выше объяснено, или дознан-

ныхъ многими опытами, и что самые опыты должны быть производимы въ малыхъ видахъ, дабы не вовлечь хозяевъ въ убытки или потерю времени.

51. Что касается до порядка пріобрѣтенія коммисіями машинъ, орудій, сѣмянъ и растеній, то по сему предмету коммисіи входятъ въ контору или съ особыми представленіями, или излагаютъ надобности свои въ составляемыхъ ими на каждый годъ предположеніяхъ. Контора, сообразивъ пользу и удобоисполнимость такого требованія, ассигнуетъ необходимыя деньги изъ остатковъ сельскаго сбора, по ближайшему своему усмотрѣнію.

52. Предъ окончаніемъ каждаго года коммисіи составляютъ краткій отчетъ о дѣйствіяхъ своихъ и о состояніи ввѣренныхъ имъ частей, а равно предположеніе о работахъ, опытахъ и улучшеніяхъ, которые имѣютъ быть предприняты въ наступающемъ году, и представляютъ оный, не позже 1-го января, въ саратовскую контору иностранныхъ поселенцевъ, которая копію съ этихъ отчетовъ препровождаетъ въ инспекцію сельскаго хозяйства.

53. Къ отчету должны быть прилагаемы вѣдомости о количествѣ посаженныхъ въ теченіе года фруктовыхъ, лѣсныхъ и тутовыхъ деревъ, съ показаніемъ наличнаго ихъ числа.

54. Къ исполненію предположеній своихъ, если онѣ требуютъ общихъ распоряженій, общество приступаетъ не прежде, какъ по полученіи разрѣшенія.

55. Вмѣстѣ съ годовымъ отчетомъ, коммисіи представляютъ о колонистахъ, наиболѣе отличавшихся въ одной изъ отраслей сельскаго хозяйства, которые, по ближайшему усмотрѣнію начальства, награждаются похвальными листами и денежными преміями.

56. Право на такое отличіе колонисты пріобрѣтаютъ за извлеченіе, посредствомъ тщательнѣйшей обработки полей и приличнѣйшаго удобренія оныхъ, превосходнѣйшаго по качеству и количеству урожая, за успѣшное травосѣяніе, за сдѣланіе полезнаго опыта или изобрѣтеніе полеваго орудія, облегчающаго трудъ или сберегающаго время, за воспитаніе лучшаго скота, за успѣшнѣйшее насажденіе садовъ при домахъ отличнѣйшими родами фруктовыхъ деревъ, или другими цѣнными мануфактурными или торговыми растеніями, и кварталовъ въ лѣсныхъ плантаціяхъ, и за наибольшее, свыше 10 фунтовъ, производство хорошаго вымотаннаго шелку.

57. При назначеніи денежныхъ премій принимаются во вниманіе средства отличившихся, дабы поощреніе не досталось богатѣйшимъ, въ немъ не нуждающимся.

58. Коммисіямъ предоставляется выдавать преміи отъ 10 до 30 руб. сер. изъ остатковъ мірскаго сбора, но не болѣе, какъ двумъ колонистамъ ежегодно въ одномъ обществѣ, и о удостоенныхъ награды доносить начальству.

Объясненіе къ картѣ южныхъ колоній.

По картѣ.			По прилож. II подъ №№
I.	Округъ	Бердянско-Болгарскій	17
II.	—	Бердянско-Нѣмецкій	16
III.	—	Молочанско-Меннонитскій	18
IV.	—	Молочанско-Колонистскій	19
V.	—	Хортицкій	13
VI.	—	Маріупольско-Меннонитскій	14
VII.	—	Маріупольско-Колонистскій	15
VIII.	Поселенія и свободныя участки евреевъ-земледѣльцевъ Екатеринославскаго попечительства		—
IX.	Округъ	Либентальскій	7
X.	—	Кучурганскій	8
XI.	—	Буялыкскій	9
XII.	—	Березанскій	10
XIII.	—	Глюкстальскій	11
XIV.	—	Шведскій	12
XV.	Поселенія и свободные участки евреевъ-земледѣльцевъ Херсонскаго попечительства		—
XVI.	Округъ	Саратскій	1
XVII.	—	Измаильскій	2
XVIII.	—	Нижнебуджакскій	3
XIX.	—	Верхнебуджакскій	4
XX.	—	Малоярославецкій	5
XXI.	—	Клястицкій	6

Объясненіе къ картѣ поволжскихъ колоній.

Саратовской губерніи.

По картѣ.			По прилож. II подъ №№
I.	Округъ	Ягоднополянскій	1
II.	—	Норскій	6
III.	—	Сосновскій	3
IV.	—	Каменскій	4
V.	—	Устькулалинскій	5
VI.	—	Илавлинскій	2

Самарской губерніи.

I.	—	Панинскій	7
II.	—	Верхне-Караманскій	16
III.	—	Екатеринштадтскій	8
IV.	—	Нижне-Караманскій	15
V.	—	Красноярскій	9
VI.	—	Тонкошуровскій	10
VII.	—	Тарлыцкій	11
VIII.	—	Еруссланскій	12
IX.	—	Торгунскій	14
X.	—	Малышинскій	13

КАРТА
владѣнія иностранныхъ поселенцевъ
въ Самарской и Саратовской
губерніяхъ.
Составлена въ 1860мъ году.
САРАТОВСКАЯ ГУБЕРНІЯ
САРАТОВЪ
Саратовскій уѣздъ
Земли Слободы Покровской съ деревнями владѣнія Государств. крестьянъ
Земли Государственныхъ крестьянъ
Волга
КАМЫШИНЪ
АСТРАХАНСКАЯ ГУБЕРНІЯ

КАРТА

КОЛОНІЙ ПОДВѢДОМСТВЕННЫХЪ ПОПЕЧИТЕЛЬНОМУ КОМИТЕТУ

ОБЪ

ИНОСТРАННЫХЪ ПОСЕЛЕНЦАХЪ ЮЖНАГО КРАЯ РОССІИ

Цѣна 3 р. 50 к. сер.